Традиционная культура Ульяновского Присурья

Этнодиалектный словарь.

Том 2

Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья

Этнодиалектный словарь

Москва «ИНДРИК» 2012

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. И.Н. УЛЬЯНОВА

ТОМ ВТОРОЙ

М-Я

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

ГУБЕРНАТОРА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
С.И. МОРОЗОВА

ПРАВИТЕЛЬСТВА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

МИНИСТЕРСТВА
ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

УДК 39
О 95

Авторская работа выполнена
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 08-01-00497а)

*Ответственные редакторы
доктор исторических наук И.А. Морозов,
доктор филологических наук М.П. Чередникова*

Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Том 2 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова и др. — М.: «Индрик», 2012. — 656 с., ил.

ISBN 978-5-91674-211-4

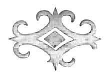
В Этнодиалектном словаре Ульяновского Присурья представлены традиционные формы культуры в их взаимосвязи с экономическими и социально-культурными процессами XX — начала XXI в. Описание различных культурных форм: календарных и семейных праздников и обрядов, бытовых и праздничных форм поведения, наиболее важных персон и персонажей местного фольклора, а также употребительных типов фольклорных текстов — сделано в форме словаря и основано на материалах полевых исследований авторов.

Корпус Словаря предваряется вводными очерками, посвященными анализу генезиса культурных форм, представленных в корпусе Словаря, для чего привлекаются сравнительные материалы из других регионов Центральной России, Русского Севера и Поволжья, а также архивные источники XIX в. Выводы авторов вводных очерков подкрепляются анализом локальных особенностей культуры и их взаимосвязи с историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями.

Издание предназначено для специалистов по этнографии и фольклору, а также широкого круга лиц, интересующихся этой проблематикой.

ISBN 978-5-91674-211-4

СОДЕРЖАНИЕ



СЛОВАРЬ

СЛОВАРЬ

М

МАГАРЫЧ — см. Новоселье, Покупать корову

МАСЛЕНИЦА

Масленица (*ма́слена неделя*) — празднично-обрядовый комплекс, приуроченный к неделе, предшествующей Великому посту (см. *Пост*). В народном календаре он разделяет зиму и весну. Как и все праздники, имеющие переходный характер (см. еще *Вёсну провожать*, *Святки*, *Свадьба*), масленица включает в себя разнообразные символические ритуалы, которые направлены на достижение благополучия каждой семьи и всей крестьянской общины.

Масленица была одним из самых популярных и любимых праздников, хотя иногда его и называли «проклятым». Такой взгляд сформировался под влиянием церкви, осуждавшей характерный для этой недели разгул. «Ну, эт*а* Паска у нас была, Ражаство, Пакров, маслиница и Хрищенья. Все праздники такии были святыи. Маслин*и*ца толька праклят*а́*я была, там пьянка-гулянка всю ниделю. Вот и всё» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 8].

На территории Ульяновского Присурья в пределах недели масленица праздновалась по-разному. В некоторых селах в начале XX в. (20–30-е гг.) масленичные гулянья (см. *Гулянья*) проходили с понедельника до воскресенья. «Маслиницу празднавали целую ниделю» [БГГ, с. Сара; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. В других случаях масленичная неделя по насыщенности праздничными ритуалами разделялась на две половины. «Ниделю ана была, а два дня иё гуляют, блины пикли всю ниделю, а иё в пятницу начынают. Бывала, у нас на базар ездили в Корживку, в пятницу начынают, с базара приедут — субботу и васкресенье гуляли» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

Вторая половина недели называлась *коренно́й масленицей*. «С панидельника идёт маслена ниделя. На маслинцу ходят, гуляют. Каренная маслинца начынацца в ч*ы*тверьг» [АЛМ, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «Маслин*и*цу гуляли ч*ы*тыри дня, с утра да ночи» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. Дни коренной масленицы в зависимости от обрядовых действий, определявших поведение участников, имели свои

названия: четверг — *разгуля́й* (с. Котяково), *загуля́й* (с. Кадышево); пятница — *загу́ливать масленицу*; суббота — *золовкины посиделки* (с. Чамзинка, Пятино); воскресенье — *зака́тально воскресенье* (с. М. Кандарать), *проводы* или *прощально воскресенье, прощёный день.*

Праздничная неделя начиналась со *встречи масленицы*. Обычно под этим подразумевали разжигание костров. В зависимости от местной традиции, первый костер зажигали или в предшествующее воскресенье (*мясное заговенье*), считая его началом масленицы, или в другие дни на этой неделе. «Вот маслиницу кагда праважают, эта жгут. И встричают, и праважают — жгут. На гарах, на гарах толька, разви можна в силé. <...> Иё начинают жечь-та, да, за ниделю да маслиницы са́май. За ниделю, в васкрисенья. А патом уж на саму маслиницу» [СМО, с. Коржевка; МИА Ф2001-26Ульян., № 49]. «И встричали, и праважали. [Встречали] пер*и*д маслин*и*цай. Жгли всё, чаво пападёцца ташшат. Кагда придёт маслин*и*ца, накануни. Вот щас начынат, знашь чаво? Вот ч*ы*тверьг — “разгуляй”, эта на базар ездиют. Здесь всё базар — в Кадышиви был базар, в Паги́билки [=с. Красносурск] там рыбный базар. Вот в пятницу эта жгут. В субботу, васкрисенья — эта уж маслин*и*ца. А тут катаюцца на л*а*шадях. Нарядют л*а*шадей лентами. [В воскресенье] да, праважают» [ТФД, ТНГ, с. Котяково; СИС Ф2004-31Ульян., № 128]. Костры и катание на лошадях характерны также и для проводов масленицы (см. *Провожать масленицу*). «Кастры всю масл*и*ну ниделю у нас жгли р*и*битишки на улице, всю масл*и*ну ниделю жгли. Эта встричали маслин*и*цу. А тут в паследний день жгли — эта пр*а*важали» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-07Ульян., № 8].

Устраивали один костер в центре села или несколько костров — на каждой улице. «[Костры] в маслин*и*цу тол*ь*ка. Маслин*и*цу встричали, пр*а*важали. Кастёр жгли — начал*а* маслин*и*цы. А в канце маслин*и*цы тоже жгли кастёр — пр*а*важали маслиницу. И на л*а*шадях катались. [Костров] многа! Кастры жгли: тут кастёр гарит, на другой улицы кастёр гарит» [МВА, д. Лебедёвка; СИС Ф2009-31Ульян., № 30]. Подростки, разжигавшие костер, бегали вокруг, кричали, просили масленицу принести блинов. «И кастры жгут м*а*ладёжь. Ну да, м*а*ладёжь, дивчонки, мальчишки. Салому у радитил*и*в в*а*равали. Салому жгли, а щас баллоны жгут. Натаскают, сриди дароги, да, кастёр развядут. “Маслин*и*ца, маслин*и*ца, дай блинок!” Вот эта г*а*варили» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 37].

В с. Чумакино масленица начиналась с объезда села ряженым, который возил в санях чучело, которое называли *масленицей*. «Эта уж маслин*и*цу делали уж ни мы, ни дети, а атцы-матири. Нарижали абмалотак, сноп, нарижали мужиком, сажали на дровни — и на лош*а*ди возют. Пр*а*вязут всем Чумакиным круго́м, па абоим вот улиц*а*м, и, значыт, абйисняют: “Маслин*и*ца началась!” Да, встричают. Встричают и пр*а*важают. У нас эти, Кирины были. У нас тут [когда] маслин*и*ца, Динис Кирин — он чудил вид*ь* всё. Кагда начына*и*цца — начына*и*цца в пятницу утрам. А эта ищ тямно, тямно ищ на маслин*и*цу, эта в пятницу-т*у* эт*а* он ездил. Наридил иё [=чучело] вчара, и уж

он едит, абйисня*и*т: “Маслин*и*ца!”» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 85–86].

В некоторых селах «встречей масленицы» назывался обход домов детьми с просьбой об угощении. Подобные обходы проводились на протяжении года неоднократно (см. *Коляду петь*, *Жаворонков кликать*, *Пасха*, *Рождество славить*, *Средокрестье*). «Встричали маслиницу. Кагда встричали, ну, как наряжались? Надявали, ну, чаво наденишь? Тагда и не была ничаво. Аденишь там куфайка там какая, или чаво. Вот. Ну, где [=иногда] хадили па улицам вечарам, в суме́рьки. Падростки-ти были, нибальшии ищо, лет двянаццать-та бы́ла. Все вмести хадили. “Маслин*и*ца, маслин*и*ца, дай кусочик масл*и*ца!” Ну, падавали на маслин*и*цу-ту. Кто чаво можит. Нам ча*в*о тагда падавали? Эта сичас канфетки и пряники, всяво. А тагда чаво? Разви лата́нку [=лепешку из картофеля] какую. Блинов-та не́ была, лата́нки» [ЗЕЯ, с. Сара; СИС Ф2006-34Ульян., № 78–80].

Начало праздничной недели отмечалось приготовлением обрядовой еды, в первую очередь блинов, а также *орешков*, *мали́нок* или *жамко́в* — сдобного печенья в виде небольших шариков, которое выпекали в большом количестве растительного масла. «Как встричали? Стряпали то*ль*ка, больши нет нича*в*о. Пираги, да ча*в*о ишшо-т? Блины. Блины всяки были. Кто каки сумет, у ка*в*о ча*в*о была. Хто — гричи́шны, кто пшонны. Наталкут пшана-та вот в ступи да. Ржани́чны, а пшаницы не была. Эт я давнышны, давнышны расказываю, давнышны» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «Кагда эта при́дет маслен*и*ца — эта “мали́нки”, на маслин*и*цу их пекли, из пресныва [теста]. Так круглиньки, как шарики, а пас*и*рёдки ямачки. В масла макнут, делают ямачку — вот “малинки”. В паследний день ели, бывала, рыбу даядали. <...> На масл*и*нскай нидели с самава первава дня, бывала, блины пикли с утра, к завтраку. Бывала, видь вот эдаку стапу́ нам мамка накладёт, и масла, паливай ложкай и ешь. Масла бы́ла, рыба была́, вот рыбу [ели]. Блины кажный день пикли на дражжах. Бывала, видь и пшано — абдавали вадой гарячай. Патом яво раскинут на стол, исталкут — вот пшонны блины. Ани больна хароши, такии белыи были, рассыпчатыи. Из пшаничнай [муки пекли], раньши не была белай, вот пшанична» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 17–19]. «Пикли эти “арешки”. “Арехи” вот пекли вот. Сдобны, ане рассыпаюцца. В карман клали и грызли, ели, засушат» [КПТ, с. Кадышево; СИС Ф2000-17Ульян., № 16]. «При́нята бы́ла, вот, значит, вся маслена — блины пякли, аладьи пякут, все пираги пякут. А в среду — у нас Слабада тут вот, село была, там базарчик был. Рыбы купят, привезут рыбы все — маслен*и*ца» [ЛЛФ, Сара; ММГ ФА УлГПУ ф. 17, оп. 4, 2000].

Первый блин, испеченный на масленичной неделе, предназначался для поминовения родителей. «Свечку зажгут и первый блин паложут. Вот так. Эт видь маслин*и*ца. Ну, вот тут блины пякут и радитилий-та паминают» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ ф. 4, оп. 4, 2002].

С первого дня масленицы начиналось катание на лошадях, которое выполняло прежде всего представительские функции, давало возможность хозяевам похвастаться конями и экипажами. «Па улицам катались, ездили. Были такеи санки круглы, вот запрягают, харошие есть лошади, были рысаки у некаторых людей, багатых. Вот. У каторых христьянская лошадь, а эта на рысаках, бывала, выижжали тожи, на рысаках катались. Вот эти улицы вот: Каралёвка-та ана очэнь была ровная, харошая, бывала, па ней вот выижжали. Рысаков у нас была тут тожи штук пять, наверна, вот я как помню, хароших, быстрых такех рысаков, жирибцов» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 10]. «На лашадях ездили, были па единаличнаму. Я вот харашо всё помню, катались на санях. Да маслиницы ни катаюцца, да маслиницы толька катаемся на салазках, на санках. А в маслиницу на лашадях. Ездили ва всё Тияпино с гарманя́ми, наряжины. Шёлкавы фаты [=платки] абвяжут девки-ти. Пасодют на сани, ездиют ва все каньцы на лашадях — “катают маслиницу”. Вот у нас у тяти была лошадь хароша такая, резва была лошадь. Вот иё взнуздают, ана идёт — пляшит инда идёт!» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 114].

Масленичные катания на лошадях объединяли всех членов крестьянской общины от детей до стариков. С утра обычно катали детей. «Я каталась на ло́шаде-те. Девчонкай была, атец запряжёт лошадь. И брат у нас был, вот он нас паката́т с утра-та, а уж вечерам девак катат» [КМН, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ]. «Катались. Рибятишки сабяруцца. Нарядют их в шёлковы шали, маниньких-та. Плетюхи, плетёнки [=корзины] эдаки — сажают и павязут. На лышадей пагремушки наденут и павязут в диревню катать» [КАВ, с. Ширшовка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Катание детей часто приобретало шуточный характер. Взрослый, катавший детвору по селу, имитировал выкрики торговцев глиняной посудой. Зрители с готовностью подхватывали эту игру. «Сажали, палны́ сани насажают. Кагда дитей катали, кричали: “Гаршков визём! Гаршков визём!” Шутили всё. <...> Дети-ти сидят и зява́ют [=кричат]. А кто визёт йих, кричит: “Гаршков визём! Гаршков визём! Купити гаршки! Каму гаршков! Каму гаршков!” И хто визёт, и хто стаит: “Батюшки! Гаршков вязут, гаршков вязут!” Эта шутили вот эта так» [МВМ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 99]. В с. Палатово взрослые отправляли детей к «чудному старику», который катал их, чтобы те просили продлить масленицу. «Старик был чудно́й на каньце, зачем-та яво “маслиницай” звали. Идити прасити: “Прибавь маслиницы, эта, маслиницы ишшо прибавь!” Вот к няму и пайдут кричать: “Дядь! Прибавь маслиницы! Прибавь маслиницы! Дядь! Дай ишшо динёчик! Ишшо динёк маслиницы!”» [ЛНА, БАА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 40, 130].

В четверг — первый день *коренной масленицы* — начиналось катание молодежи, служившее своеобразной выставкой потенциальных невест и женихов. «Вот на саму на масленицу катались толька падруги. Нынчи на нашей лошади, завтри на тваей лошади, там на этай лошади. Вот. Нам за-

прягали атцы лаш*и*дей, и мы катались па очириди. Мальчишки правили па очириди. Я вот каталась, дваюрадный брат наш был» [МВМ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 99].

К молодежному катанию на лошадях готовились заранее. Парни договаривались, кто из них приведет свою лошадь. Если у хозяина было несколько лошадей, он разрешал сыну запрячь их. По договору запрягали тройку лошадей. Проезжая по улице, парни останавливались и приглашали понравившихся девушек покататься. «Мы ищ*о* манинькии были. [Девушки] в адном караводи, чай, стаяли, у нас всё вот тут вот на углу стаял народ-ат. Ани [=парни] астановют, скажут: “Садитись, дивчонки”. Вот па улицы [катались]. С писня́ми девкити, на санях. Лашадей-та! У всех лошади-ти были, пално лашадей-та была, в кажнам дваре, все па-единаличнаму жили. Запяртá улица была [=запружена санями], обе улицы. И в Канаплянку ездили» [ПЕС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 37].

Перетягивание каната на масленицу в с. Потьма. 2005 г. Фото И.А. Морозова

С этого же дня начиналось и катание молодоженов, которому придавалось важное значение. Это была акция, представлявшая новую семью сельскому обществу. «А на маслин*и*цу уж тут маладыи уж ане, пажанаты маладыи. Маладыи катались. Вот каторы в мясаед выходят замуж, вот ане катались. Уж на маслиницу-та ане уж, знаш*и*т, живут. Вот, зна*и*шь, запрягаит, катаицца. Нарядют дугу, с калак*а*лом. Вот, эта была, катались на лаш*а*дях. Па улицы, да, па улицы. Па улицам катались, ездили. Были таке*и* санки “круглы”. Вот запрягают — харошие есть лошади. Были рысаки у некат*ы*рых людей, багатых» [ЖИМ, ЖМС, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 39].

Главной цели катания — продемонстрировать богатство и высокий статус катающихся — соответствовали тип и убранство экипажей. Специально для праздничного выезда предназначались *кошевы́е* или *круглые* сани. «А лошади-та, у нас у тяти три лошади, по три лошади была, больна уж хароши. Да. Сани-ти кошавы́е. Ане, значыт, такеи круглы, у них пирядок абделанный, и тут, крашины, и там сиденья. И там садяцца вот скол*ь*ка чылавек уж, чылавек там пять-шесть, больши ни усядуцца там на них. И вот прям абделаны сани, на них уж ничаво ни работают, тол*ь*ка вот выездныя сани» [ИАС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 96].

Сани и дуги украшали так же, как во время свадьбы. «Сани, вот на аглобли лентав навяжут: и розавых-ти шолк*а*вых, и красных-ти, и, можит,

такех — ни то, што шолк*а*вых, какех нарежут. И дугу-ту! И на о́брать тут к этаму, всё — визьде, визьде, визьде!» [ССП, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 27–28]. «Какой-нибудь красивый кавёр пастелют в сани. Вон какую-нибудь шаль — дугу-ту, дугу-ту. Дугу-ту маненька абярнут, дугу-ту лошиди. Нарижали лашадей. <...> Чай, шолковую шаль привяжут или утиральник на дугу» [МВМ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 96].

В с. Кадышево до второй половины XX в. сохранялся обычай во время масленичных катаний привязывать к дуге куклу, как это делалось во время

Празднование масленицы в с. Потьма. 2005 г. Фото И.А. Морозова

свадьбы (см. *Свадьба*). «Вот или куклу на дугу паставют нарядют, или вот тол*ь*ка палатенци накрутют, вот лошадь наряжина едит. [Куклу] пакупную, чай всё, щас всяких есть» [ЯТА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 84].

В 20-е — конце 30-х гг. XX в. во многих селах сохранялся обычай *ездить* на масленицу *поездом* или *обозом*, то есть выстраивая сани вереницей. Ехали по улицам, объезжая все село. Добравшись до конца одной улицы, поворачивали и выезжали на другую. «Ездили на маслян*и*цу ва всё сяло. Бывала, как называли, — “по*е*зд”. Набяруцца лашадей пятнаццать-десить. А шассейкав-та не была видь, дароги были такии, снежны. На лашадях катались. Ой, боже мой! Азаравали. Девки, рабяты...» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. В с. Б. Кандарать сохранилась память о том, что в довоенное время на масленице «поезд» начинал объезд деревни с востока. «Вот паедут адной улиц*ый* вот так вот, другой, и... Ну, щас ни панимают, атколь нады ехать, куды ехать. Атколь паедут, куды приедут. А раньше [порядок] был катацца аттудава, с васхода, вроди, солнышка. Как-та всё эдак ездили. Больши этай наший улицый [=Верхняя Почтовая] ездили...» [КАВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 40–41].

Во время масленичных катаний ездоки устраивали соревнования. «Ка-

тались, хто напир*и*ганки́ сум*е*ет, да. Туды праедут, в центр вот, аттоль заварачываюцца — и па наший [улице]. И там мост есть, въежжали, каму жилатильна, и на Гурьянавку. Вярнуцца, и апять туды <…> вярнуцца в ту улицу. И той улицей, и апять в нашу. И апять. Вот эдак-ту валяют. Да тех пор — в мыли лашадей-ти инда сделают!» [ИАС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 97]. «И абганяюцца, страх инда глидеть: друг за дружку заденут и зашибут друг дружку. И напириганки ганяют, па всяки» [КАВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 40–41].

Конечно, наперегонки могли ездить только те, у кого была хорошая лошадь. «Нас дядя катал. У нас рысак был, и у Осиповых был рысак — вот в силе́ тол*ь*ка была два рысака всяво-на́всява. И вот он в абго́нышки. Вот он нас с этай падругай п*а*садил. Мы с ней с аднаво года, и мы с ней дружили, на адной пастели [в келье] спали. Я думала, он нас р*а*забьёт! Вот видь как зява́т [=кричит], штобы абаганять-та, видь ани в абгон катались» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 96]. «Напириганки́: хто пиригонит? Вазьмёт лошадь-та, сум*е*ет пиригнать? “Я, — г*ава*рит, — пириганю, — г*ава*рит, — эт*а* тиха едит лошадь. Я што за ней еду? Я паеду паши́бчи”. Гонки устраивали, и пир*и*ганялись. Всё была…» [ТМИ, с. Белый Ключ; СИС Ф2000-15Ульян., № 18].

Проигравший во время скачек приглашал соперника на угощение. «На маслин*и*цу ездили. На санях ездили — “круглыи” санки такии назывались. Рысачок харошинькай. И вот абгонит кто каво, сар*и*внавались. Сар*и*внавались, там вот, скажим, па силу́: кто раньши праедит эту улицу. Выижжают вмести, и вот с аднаво канца — во втарой канец. Кто каво абгонит, чей рысак абгонит? Скажит: “Давай, вот мы с вами пасаривнуимся! Да?” Па́рами дагавариваюцца. У миня лош*а*дь луччи, у вас лош*а*дь, можит быть, хужи. Зависило эта и ат *е*здака, вот. <...> И тот бирёт к сибе угашшать, каторый ни абагнал. Каторый ни абагнал (а этыт яво пиригнал), он яво бирёт к сибе угашшать» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-03Ульян., № 86].

Особенно лихие парни старались опрокинуть санки соперников. «Сталкнут или сваля́т нарошна [сани], вот и шутки были. Вазьмут сталкнут нарошна. И навстречу [лошади], и ни навстречу — как нады, так и играли. Да. Встанут, пайдут апять. Саначки паставят на места, паедут» [ПЕС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 36].

Во время катаний особенно много шуток устраивали над молодоженами. Зрители забрасывали их снежками, возница на резком повороте вываливал в снег. «Бывала, если, примерна, можит быть, эдак вот пагонют, повернёт круто, вывалюцца маладыи. Играют, шутют, эт*а* шутки всё эт*а* были. Аб этам эт*а* и гаварить нечива. Висельня была» [ЖИМ, ЖМС, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 39]. Порой останавливали сани, на которых ехали молодожены, опрокидывали их в снег и даже могли набить снегу в штаны. «Маладых на масленицу валяли. <…> Гонят лошадь, и мужики все под узцы паймают лошадь, жениха вытаскивают из саней. А чё? П*а*валяют вот нагами

маненька. А каторый, если п*а*гардится, ему дадут шмяти́чку [=шлепков]. Закон был такой» [КМН, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «Эта ни толька маладых ли, каких ли! Щас едишь, щас ага: "Тпру!" Там адин выходит, лошадь — раз, кувырк эти сани! Ну и накупают, и абсыпют снегам, и в штаны наложут снегу. Зачем? Штоб дамой скарей, там начинаит таить» [БНИ, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 40].

Обычным развлечением парней и молодых мужчин было остановить лошадь, на которой ехали молодые, и заставить их целоваться. «Маладых ловют — кланяцца в ноги. Да, кланяцца. А мал*а*ды рабяты ловют цыл*а*вацца. Пыма́ют: слазит, кланицца мужику в ноги. Руки назад, пакл*а*нилси, пацыл*а*вал, сел, и паехал апять. Всё абъездиют — и Канаплянку, и Праламиху — визде абъездиют. И визде их ловят» [ТАЕ, Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Катались на лаш*а*дях [молодые]. Эта *в*стричают йих, хто свалит, хто чаво. Слезут, в ноги кланяцца заставют: "Кланяйся, жана!" — "Ты спирьва! Ты жине пакланись!" Ну, а он гаварит: "Ой, нет, нет! Я ни в коим случаи не буду кланицца!" Ну, жана растягивацца: ана брякницца [мужу в ноги], пацалуит, ну и паехали апять катацца» [ГМС, с. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 6].

В с. Чамзинка при чествовании молодого жена распластывалась перед ним на снегу, демонстрируя тем самым свое полное подчинение. Это называлось «целоваться ласточкой». «Мы идём вмести дарогай. <...> Встричали всех, па улицы кто идут, кланяцца заставляли. Мал*а*дых на Пращенный день цылавацца заставляли "ластачк*ай*". "Ластачк*ай*, ластачк*ай* цылуйси!" Вот, дапустим, ана лягит, а руки назад сдела*а*т. Ну, на брюха лягит, вот растяницца, на живот, а руки-та назад вот сдела*а*т — "ластачк*ай*" называцца. Я [=молодой] стаю. А патом встанит, пацалуит яво. Эта называцца "ластачк*ай* цылавали"» [ШАМ, ШАЯ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 47].

Так же поступали, когда молодые гуляли по селу или направлялись в гости. Драматические ситуации возникали, если девушка вышла замуж за нелюбимого или вдовца. «Мал*а*дых заставляли ц*а*лавацца. Вот ани идут к сваим, атколь ана взята́. Ана идёт с мужиком. Ну, *в*от рабята встричают: "Цалуйтись!" Адна — ана вышла девка, а он вдавец да храмой. Ана нос вот эдак закрыват, а он лезит цылавать. Раз маладыи, чаво? Лезит. Нос разбили, кровь у ней идёт! Ей ни хателась, а он цалуит, а ей ни хателась. Ана девка, а он вдавец. Не любила, а пришлось» [БАА, ААИ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 42].

Некоторые шутки были импровизированными. Например, заметив лошадь без хозяев, шутники выпрягали ее, заводили с другой стороны забора и вновь запрягали. А вернувшиеся молодожены должны были разбираться, почему не двигаются сани. «Эта да, кто чаво придумаит. Вплоть да таво, взяли (ани атлучились там, маладыи), ани взяли аглобли-те прасунули вот сюда [через забор]. Лошадь завели, лошадь-та запрягли там, а сани-ти здесь. Ну, ани падвыпили, с пьяных-ти глаз, пажалуй, ни уви*дили*: "Но-о!" Там кто чаво придумаит» [БНИ, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 40].

Масленичные катания на лошадях были ярким зрелищем, на которое собирались жители всей деревни. Катающиеся молодые люди пели песни, зрители всех возрастов с удовольствием их подхватывали. «Вот окаль дворьив каторы глядят, да. Песни пают, с гармоньей каторы. И прям на санях-ти в гармоньи играют. Песни всякии закатывают. Вот так вот» [ССП, СОИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 27]. «На маслин*и*цу запрягают, у каво лошади. На дугу-ти, на аглобли-ти лентав навяжут, насадют уж палны сани. И закатывают на санях-ти хто какеи песни! Все были на ул*и*цы, сматрели, как катаюцца. И стары смотрют, тол*ь*ка пасмеиваюцца. Кагда холадн*а*, вот эдак вот, бывала, скажут: “Ну, да сапе́ль замерзнити”. А йим машут платочкими-ти вот эдак вот, платочками-ти, на санях-ти. Ну, была, чай, до́рага паглидеть» [ИАС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 101].

Сжигание чучела на масленицу в с. Потьма. 2005 г. Фото И.А. Морозова

Особенное внимание привлекали сани, наряженные шутовским образом. «Раньши наряжались, дажи лашадей в штаны наряжали, шапку надявали! С кал*а*калами па сялу-та ездили. Раньши многа была лашадей-та. Эта вот я помню. Настаящая лошадь, наденут штаны на ниё, дугу уря́дят разными лентами, кал*а*кала павесют, шапку наденут на лошадь, ага. Шары всякии. Эта вот раньши Дуванов был, там на Макруше. И сами наряжались, па-цыгански, па-всяки наряжались» [САМ, с. Потьма; СИС Ф2006-22Ульян., № 60]. Ездоки в таких экипажах обычно пели смешные частушки или разыгрывали комические сценки. «[Катались] па сялу и вот так, парами. И кто кибитку сабьёт, да балаган — с причуд*а*ми. Нарядюцца. Ну, азаравали маладёжь. Наряжины, маски вот, пляшут, пиригудки всякии. Вроди как кибитка — закроит полагам. Патом сделают: едут сани — выступают, пают песни, стихи. Вот так чудили, висилились. Да вайны, да. <…> Песильницы или какии-нибудь чудаки находчив*ы*и пиригудки [пели]. Вот ани сабяруцца: “Давай вот эту сачиним, сделам для смеху”. Нарядюцца, маски делают, штобы чилавека ни узнать. Из бумаги или вот какии диривянныи сделают, ачки наденут — штобы ни узнавали. И вот чудили» [КМС, пос. Пустынный; СИС Ф2000-04Ульян., № 47–48]. В с. Барышская Слобода на санях возили ступу, в которой толкли лён, намекая тем самым на завершение праздничного безделья и будущее занятие женщин. «А вот ещё на масленицу, в Прощёный день запрягают лошадь, стелют на

дровни доски, на повозку ставят ступу и толкут. Завтре — говенье, прясть будут, лён толчи будут, мочки мыкать. Стоит вот женшшина наряжина и толкёт» [КМН, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Иногда шутки в завуалированной форме содержали идею очищения от грехов. Например, в с. Котяково один мужчина в течение года собирал сведения о проступках односельчан, а на масленицу, когда его везли на санках по селу, перечислял все грехи, совершенные жителями того или другого дома. «Яво [=мужика] пасо́дют, пасо́дют на сани и вот визут. И вот он пра всех рассказываит, кто што сделал. Што вот в гаду́ люди-та вот там чё вот наделали, кто там с кем падрался. <...> Вот такой-та такова-та числа вот чё сделал: ил*и* там жину избил, или падрался с кем. Ну, вот за целый год, значит, всё эта. Всё пиричислит пра каждава чилавека. А народу за ним идут многа! Каторыи визут яво. И вот он рассказыват, все смиюцца» [ВАМ, с. Котяково; СИС Ф2004-02Ульян., № 39].

В с. Русские Горенки этим занимался «барин Салатов» (см. *Шутить*). «Запрягали лош*а*дь, калымагу. Закроют эту калымагу дирюгой што ли, он там сидит. И вот падъйижат, ага, там к какому-нибудь мушшини: “Вот ты в бани мылся с жаной, ты иё парил, запарил!..” Ну, и начнёт. Пака што да маслиницы он услышит какую-нибудь новысть: или с мужим разругалась жана, или ишшо чаво там вон муж сделал, азаравал ли. И вот он на маслин*и*цу всё выспрашивал [=высказывал]. Ага. Ну, прилепит, скажит, што вот: “К чужой хадил, вроди, г*а*варили”. Или там ишшо чаво. Или украл вот чаво-нибудь у саседа, или где в калхози чаво украл. Вот апять как судил вроди он» [БАЕ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 67].

Оглашение провинностей было весьма действенным средством контроля за соблюдением моральных норм и правил поведения. «Вот возят яво там вот раньши на маслиницу. Ахрана с нём, вирьхом ездиют. А он калымагу паложит, на калымагу ишшо калымагу и пир*и*вярнут, а он сидит в калымаги. Вот он всех и критикуит ездит. Вот хто чаво делал: хто бабу в бани мыл, хто чаво — всё. Яму, хто увидит, яму скажут, он запишит. За весь год записыват, хто где! Мужиков бальшинство [осмеивал], бабам ане угаждали. Ну, што стирал, можит быть, ей — эта пазор шшитался раньши для мужика!..» [СНА, с. Русские Горенки; СИС Ф2004 -03Ульян., № 33].

Специальной масленичной забавой было устройство ледяной карусели, на которой катались не только дети и подростки, но и взрослые. «У нас на маслин*и*цу то*ль*ка была, карусель делали. Кол марозили, делали карусель. Калясо надявали на кол, а патом жердь привязывали и салазки. И вот эта калясо крутили, вот и катались на этим калисе. Всех [катали]. Вот сабирёмся, кто захочит, садились. Каторый вон атлятал, ни знаю куды! Патеха была, смех!..» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 25]. «Вбивали кол, снегам, заливали вадой, он замярзал. Жердь привязывали длинн*ую*. На прастори. И вот на санках — все падряд [катались]! И взрослы*и* катались, все катались! И маладёжь, и взрослы*и* — все. Для смеху. Нескалька

чилавек эту жердь возют — ну, там калясо надета, а на санках сидят адин или двоя. Ой, шуму! Кто упа́дит, кто ни упадит. Смеху-ту бы́ла! Придёшь, бывала, всё мокра! Вот на маслин*и*цу. Маслинска*я* ниделя. Мясам загавляюцца, вот начинают катацца. Всю ниделю катаюцца до Прашчонава дня» [ММС, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 11].

На масленичной неделе проводились обязательные кулачные бои (см. *Кулачки*). В некоторых местах еще сохранилось представление об их магическом воздействии на будущий урожай. «У нас драли́сь. У миня хазяин здорава дрался́. Скарей убира*и*сси и бижишь скарей на драку глидеть, как драцца будут. Толька пар идёт, бьют друг дружку! “Если, — гаварят, — на маслиницу ни падирёсся, уражая ни будит!” Вот так была» [КМВ, ААФ, с. Шеевщино; СИС Ф2000-13Ульян., № 79].

Кроме того, устраивались и шуточные потасовки, в которых принимали участие все — от мала до велика. «Да эта *а*заравать азаравали! Там и ваявали — вон палкими, снегам [кидались]. Канец на канец. Там Арга́ш — улиц*ив* пално была! Там Цинтральна, там Кардон, а здесь Канец. Вот *и* ваявали. Снегам или так, палкими кидались. Заборы ламали! Вон [сейчас] всё штакетник, [а раньше] пруточкими гарадили, не была этава. <...> Малыши — вот как, скажим, шесть-семь лет, и взрослыи. Ане вот тут — тяпло! — снегам ваявали, кидались вот этим, снегам. Свалит, то пад рубашку, то лицо натрёт — кто как сильней! Кто чево! Вот так азаравали. Снижками кидали» [КМС, пос. Пустынный; СИС Ф2000-04Ульян., № 49].

Но главные события масленичного обрядового комплекса были связаны с молодоженами. В больших селах на мясоед приходилось много свадеб. Завершением свадебной обрядности был обычай приглашать на масленицу молодых в гости к многочисленной родне. В Ульяновском Присурье этот обычай назывался *молодых ма́словать* (см.).

В некоторых селах (с. Чамзинка, Пятино) суббота на масленичной неделе называлась *золовкины посиделки*. В этот день молодым было принято гостить у сестры мужа. «В пятницу — па маей радне, а в субботу — к заловки. Эт уж “заловкины пасиделки”» [ТАЕ, с. Чамзинка; ММГ ФАУлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Начиная с пятницы три дня подряд жители села наблюдали, как нарядные молодожены обходят дома близких и дальних родственников. Во время таких обходов молодых подвергали шуточным испытаниям. Например, к ним подбирались со спины и запрыгивали на плечи, заставляя катать себя. «Вот в Прашшальный день на маладых катались. Вот как ане пайдут прашшацца, на маладую да на жиниха вирьхом сядут. Ну, сзади. Мальчишка ли, дивчонка ли садяцца и едут: “Визи!” Парни, девки — маладёжь. Магли и жанаты, какая разница? Шутили, да» [ССП, СОИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 29].

Парни и молодые женатые мужчины старались, поймав и повалив молодых на землю, закидать их снегом. Обычай назывался *молодых солить* (см.). «А уж маладых-та снегом закидают, снегам-та заваливали! Всё время

только и глидят: “Маладыи идут! Маладых салить нада!” Заваливали снегам — свалят и валяют. Шуткав многа была, очинь многа!» [МАФ, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2000].

В 20–30-е гг. XX в. подобные розыгрыши могли устраивать и замужние женщины. Они подшучивали над девушками и парнями, которые дружили, но в мясоед не сыграли свадьбу. «А то прапустит мясаед, ни выйдит девка замуж. Ни женицца, зна*а*м, што ана с нём дружила, дружут, и, бывала, йих па снегу валя*я*м. И шутницы бабы-ти есть. Вот мы сидим [у избы] эта и начнём. Вроди шутак. Ну, и́дут ане, *а* я знаю, што ане, мол, дружут. Йих и накувыркают. “Ни прапускайти мясаед, жиницца нада!” Там што-та пригаваривали» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-37 Ульян., № 78].

Но особенно доставалось еще не просватанным девушкам-невестам. В разных селах (с. Б. Кандарать, М. Кандарать, Сара) было принято *солить девок* (см. *Молодых солить*). «Ну, там бегали каторыи пастарши нас уже. В мой вот эта возраст, я уже эта ни помню там. Гаварят: “Давайти салить!” — заваляют снегам там и всё. Штоб да следущива лета [=года] девки ни портились. Ну, эта апять всё па-харошиму! Всё эта, как гаварицца, для смеха, вроди так. Встанит ана, ани же иё и атряхнут, и всё» [ДКВ, КЗА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 24; СИС Ф2006-25Ульян., № 87].

Наибольшее количество ритуальных и игровых действий приходилось на последний день масленицы (см. еще *Провожать масленицу*). Его названия отражают характер этих действий: *зака́тально воскресенье* (с. М. Кандарать), *проводы* или *прощально воскресенье, прощёный день* (с. Потьма, Б. Кандарать, Сара, Княжуха). В с. М. Кандарать «“зака́тально воскрисенье” он называцца. Вроди, вот тут всё кончацца. В четверьг начина*и*цца, а это уж в воскресенье закатывали, заканчывали» [ИЕС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 66]. В этот день заканчивалось катание на лошадях, происходили последние кулачки и гощения.

В последний день масленицы — *Прощёное воскресенье* — соседи и родственники приходили друг к другу просить прощения за вольные и невольные обиды, тем самым нравственно очищаясь перед Великим постом. «В Пращчоны день эта к Великаму гавенью пращшаюцца. Идёшь пращшацца. Вот мы адны, старшии [=без детей] пайдём и к маим радитилям, и к няму. Падайдёшь: “Мама, прасти миня Христа ради!” — “Гасподь, дочинька, прастит!” И к атцу падайду. На каленки упаду. Вот как делали» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 110]. «Хадили пращацца, кто перид кем винават. При́дут: “Прастити миня, Христа ради!” — “И ты нас прасти”. Эта в васкрисенья, на паследний день маслин*и*цы. Вечирам уж хадили пращались. С кем ты вот сирдитый был, чаво ли, как ли. Ни абязатильна па радне, нет» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 101]. «А патом, када “Пращёнай день” был, в васкрисенья я хадила к мат*е*ри и радным и прасила у них пращшенья: “Прастити миня, — мол, — там чаго — с кем сагришила, каво абидила, чего ли…” Ну, и всё» [АЛМ, Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17,

оп. 4, 2000]. «Вот ходили, прошшались. Вот: “Прости меня, мама, Христа ради!” Наругались, наплясались — и вот это прошшались» [ШНА, с. Полянки; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Обычаем предписывалось, чтобы младшие просили прощения у старших. «Эта у нас делают на маслиницу — “пращшаюцца”. Ежели вот у миня есть старики сродники. Пускай я и пажилая *и*ли какая, я иду к ним, к радни́м. У миня лична радных, как тибе сказать, меньше, а у мужа — многа. А радитили больна были хароши, я к ним всё хадила. Приду: “Дядя Вань, прастити миня Христа ради!” — я в ноги кланяюсь, пацалую йих» [ЛСФ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 89]. «Вот на маслиницу-ту, паследня*я* васкрисенья, эта называ*и*цца “прашчёна васкрисенья”. Бывалыча, папа (я самая малинькая была): “Айдати к дедушке прашшацца!” Вот павидёт нас к дедушке. Вот приходим, значит, в ноги кланя*и*мся, на каленки: “Папанька, прасти миня Христа ради!” И все. А патом дедушка уж умир, атец старший был, вот уж все прихадили к нам, снохи вот и с дитями. Все папе кланялись в ноги, пращшались. И мы как спать лажимся: “Ну, давайти пращшацца!” Вот. “Прасти миня Христа ради! Мама, прасти!” Я самая малинькая была — всем сёстрам, у всех я прасила» [МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-31Ульян., № 163].

Посещение молодоженами старших родственников сопровождалось устройством застолья. «На маслиницу с маладыми прашчались. Бывала, если у каво в этим гаду пажинились, эта сабираюцца вся радня и маладых бярут каждый раз сибе. Вот нынчи у вас в трёх дварах пабудит, на втарой день маслиницы тожи там в трёх дварах, штобы уж вот пабыть абязатильна маладым у радных. Эта называлась “прашшёна маслиница”. С маладыми прашчались, гуляли. Ищо, бывала, *а*стануцца, загуляюцца. Маслиница, ана с пятницы начиналась. А за маладыми, бывала, радитили (например, *если* дочь атдали, то этыт хазяин, атец, идёт к сватья́м, если ана там живёт с симьёй). Идут за маладыми накануни, в читверьг ишшо, накануни пятницы. И загуливают. Сабирают всю радню, и всех. Сабирают всю радню, в пятницу начинают гулять, в васкрисенья — эт паследний день маслиницы, “пращчоный день”. Гуляют всю ночь, а в панидельник... И вот, бывалыч*и*, я гаварю, эт паследний день, васкрисенья, эта уж вот бы́ла “пращчоный” день — там все пращаюцца, цалуюцца» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Просили прощения не только у живых, но и у всех покойных. *Маслинские родители* входили в число обязательных поминальных дней (см. *Поминки*). «На маслин*и*цу, а как жи, хадили на кладбишша. К вечару на кладбишша или с утра, кагда хочишь! Весь день можна. Щас никто ни ходит. <...> Там, ну, всё придёшь то*ль*ка: “Прастити миня, Христа ради!” — *и* пайдут. Вот, папрашшались. Вот [домой] при́дут, там пагаварят, чайку папьют» [МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-31Ульян., № 164].

М.П. Чередникова

МАТАНИТЬСЯ

В молодежном кругу как будничная, так и праздничная коммуникация носила преимущественно характер заигрывания, флирта, ухаживания, что соответствовало ее основной цели: поиску брачного партнера. Отличительной чертой такого общения являлось использование игровых приемов, которые составляли органичную часть календарных и семейных праздников и широко практиковались в повседневном быту (см. *Играть в кельях, Подшкунивать, Шутить, Запой, Ярку искать*).

Наиболее распространенным названием молодежной любовной игры было *мата́ниться*. «Гуляли, вот в этих кельях, знашит, гуляли. Эта как па-стариннаму назывались “мата́ницца”, “мата́нька”. Вот, каторы в кельях начавали рабяты с каторыми дивчатыми, вот» [ЖИМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 30]. Реже взаимоотношения молодых людей определяли словом *играют*. «Играли. Да, ани парачкай играли» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 37]. «Гаварили “играют”. “Эта вот с кем игра*а*т”. Или ана игра*а*т или он с кем игра*а*т. Ни гаварили, што там плахими славами. У нас толька гаварили “играют”. “Вот эта девушка играет с этим парнем”» [ОМЯ, с. Коржевка; СИС Ф2002-12Ульян., № 47]. «Ну, гаварили эта: “Ой, он с ней давно игра*а*т!” Вот эдак вота. Или: “Ну, ана ищо нидавно с нём игра*а*т!”» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 84]. Иногда так описывают интимные отношения. «Может быть, где-то скрыто о них говорили, но открыто как говорить? Ну, ведь это всё эти какие-то догадки или чево-та. Открыто как говорить? Тут уже “играли” — интимные отношения, да» [ЕВН, с. Б. Кувай; СИС Ф2009-03Ульян., № 11].

В настоящее время слова *матаниться* и *играть* употребляют только люди старшего поколения, а все остальные для обозначения ухаживания используют слова *дружат, гуляют, ходят*.

Общение молодежи разного пола особенно интенсивно происходило в кельях (см. *Сидеть в кельях, Ночевать в келье, По кельям ходить, Кузьминки*) и во время будничных и праздничных гуляний и обходов (см. *Гулянья, Качели, Коляду петь, Наряженными ходить, Таусень, Масленица, Провожать масленицу*). Причем в келье легче и быстрее завязывались отношения, так как она представляла собой относительно закрытое пространство, которое молодежь старалась оградить от посторонних наблюдателей. Кроме того, вся организация жизни на сиделках была нацелена на установление предбрачных контактов и расширение круга потенциальных брачных партнеров. В первую очередь это относится к обычаю посещать другие кельи (см. *По кельям ходить*) и ко многим развлечениям, практиковавшимся на них (см. *Играть в кельях, Барыня и кавалер, Кругом играть*).

Ухаживание за девушкой, которое приводило к складыванию парочки, совершалось согласно определенным правилам. Обычно вначале парень только приглядывался к девушкам, посещая разные сиделки. Остановив

на ком-нибудь свой выбор, он через ее подругу или своего товарища «давал предлог» своей избраннице, то есть просил ее согласия на более близкое знакомство. Девушка могла или согласиться, или ответить отказом. «Тебе ли скажит он: “Я бы вот падружил, скажим, хыть с Райкай”. Ана придлагаа*а*т: “Тибе вот этыт гаварит: ни будишь дружить?” Дума*а*шь, так скажишь: “Ну, пусть падайдёт, паглижу”» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-23Ульян., № 86]. «А каторый аставля*а*т, эта, придлажение чириз таварища даёт. Или сам начнёт давать придлажение. Вот я пандравилась парню, он дал чириз таварища придлог, патом ка мне падашол. Я атказала парню, он ка мне падходит» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 67]. Правда, при этом существовала опасность, что посредник воспользуется ситуацией и сам станет ухаживать за девушкой. «Абязатильна [через друга]. Абязатильна! Эта есть. Вот: “Пойдёт она со мной или нет?” <...> А он можит и нагадить. Ну, сам пойдёт. Сам-то не осмелицца [знакомиться], а вроди от товарища пришёл, а потом разговорился, разговорился и сам [с ней] ушол» [БЮМ, с. М. Кувай; СИС Ф2009-01Ульян., № 17].

В других случаях парень сам подходил к понравившейся девушке и усаживался к ней за прялку. «Ну, дружились. А как дружились? Вот мать мая рассказ*ы*вала. Кагда вот ана за первава-та мужа-та вышла. Пришли, гаварят, к нам в первый раз [в келью]. Увидала яво — у ней Ягорам звали яво, первавата. Больна уж хароший, гаварит, был. Абглидел, гаварит, вот так вот всех и садицца, гаварит, ка мне, на даньцо́ садицца за миня. Эт*а* первый день, пришол, гаварит, ничаво: за даньцо сел, пасидел и всё. Вот если катора девка панравицца, за даньцо́ садяцца. Сядут к ним и вот начынают шутить всё с ними, разгаваривать, если панравилась. Другой вечыр пришол, апять за даньцо́ сел. А третий день пришол и гаварит: “Мне с табой надо пагаварить. Айда вы*й*дим в сени, пагаварим мы с табой”. Ну, вышли в сени, пагаварили. Он гаварит: “Ты мне очынь панравилась, айда за миня замуж. Завтри, — гаварит, — придут тибя сватать...”» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 19].

Реже инициаторами знакомства выступали девушки, в этом случае они оставляли парня ночевать. Совместная ночевка была главным признаком сложившейся парочки (см. *Ночевать в келье*). При этом между девушками, претендовавшими на внимание одного и того же парня, нередко возникало соперничество. «Пандравицца, он, можи*т*, ни сагласицца, другова пригласишь. <...> Мне ндравицца, и падружки ндравицца. И ана пайдёт аставлять [ночевать], падружку пашлёт. Я яво аставила, и ана аставила. И сами-ти мы [обсуждаем]: “Я вот каво аставила!” — “И я аставила!..”» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 67].

В случае взаимного согласия парень становился *женихом (кавалером, мата́ней, ухажёром)* девушки, а она — его *мата́ней, невестой, ухажёркой.*

Иногда молодые люди скрепляли свой союз клятвой верности. Обычно так поступали, когда парню приходилось уезжать куда-либо на длительное время. Причем отношение к соблюдению обещания было очень серьезным:

все невзгоды, происшедшие в жизни, приписывались нарушению клятвы. «Вон клятву, гаварят, дают. Ну, кагда вот ходит девка с парним и вот, например, ево берут в армию или так вот што: “Мыл, я никаво ни... тибя ни изминю”. — “И я ни изминю. Буду тибя ждать”. Если в армию идёт. “Буду тибя ждать, ни за каво замуж ни пайду”. А он: “Никаво я ни вазьму”. Ну, вот клянуцца. [Ходят] да вот на крясты — дарогу: сюда дарога, сюда. И вот ани тут встанут, сядут ли, и гаварят, да. Адна эта рассказывала мне, што эта клялись ане с адным. И вот, видишь как, па клятви-ти чаво савиршацца. Вот он взял другуу, иё ни взял, и он ажинился на другой. Паехал на параходи и рана пагиб. Вот клятва-та какая. Там какии-та падрались на параходи, и вот ане сбросили какех-та там дивчонак, и он пашол их спасать, и ани ево на параход больши ни пустили и он утанул смалада. <...> И ана вышла замуж, и вот кака у ней жизня савиршилась. И вот ана вышла замуж за другова и сама начала хадить с другим. <...> И вот был муж — удавился, вот вишь ана с другим связалась, он удавился у ней. <...> И дети, и муж, и свякровь, и ана памярла. Вот как. Вот ни нада клястись-та панапрасну или нада бы всё эта делать, савиршать, што паклились друг с дружкай» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 34].

Подростки из с. Б. Кандарать. 1954 г.
Личный архив Л.П. Рогожиной

Хотя, конечно, встречалось и легкомысленное отношение к данному обещанию. «Дают вот клятву. Вот проста, сидишь вот где-нибудь на сиденки, вот там и гавариш. Вроди таво, што: “Я ни буду ни с кем встричацца, буду дажидать. Тибе даю клятву. Я, — гаварит, — там, ни изминю”. — “Ну, давай, дажидайся”. А прихажу, приижжаю [она с другим], гаварю: “Пачаму так палучилась?” — “Эта я в шутки”. В шутки, гаварит!» [ААН, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 8].

Обычным времяпрепровождением парней в келье было сидение за прялкой у своей подруги. Парень вынимал гребень из донца, садился на него и опять вставлял гребень в «голову» донца, оказываясь на нем верхом. Девушка при этом могла продолжать работу. «А вот в кельи сидели, вот придём [=прядем] сидим, а каторый жиних есть, он приходит, гребинь вынима*а*т, садицца на галавёшку верьхом, гребинь втыка*а*т, ана придёт

[=прядет], а он рядам с ней вечир сидит» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 96]. После того как девушка останавливала на ком-нибудь свой выбор, посторонних парней за донце пускать уже было нельзя: «Нет, ни сажали, дочка! Ревнасть!» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 33]. Если же у парня на этой сиделке не было подруги, он садился на пол или на лавку. Такие парни иногда позволяли себе по отношению к девушкам различные грубые выходки. «Какой паринь-т*а*, [а то] вы́швыркнит: "Ну-ка! Я сяду!" — дивчонку выкинит. Всё сме́лы такии. Всякии видь эта. [Она] вазьмёт [прялку] в руки да и уйдёт вон. Паложит иё [подальше], а то изламают к чорту» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 42].

Иногда парни приглашали сесть девушку на колени, хотя в целом это было не принято. «Дивчонки у парнив сидели. Вот негди сесть, ну, он сам, паринь, придложит: "Садись ка мне на каленки". А не то што взашла́ б я да к любо́му бы с ходу села. Или каторый, можит, приглядыва*и*цца да пригласит: "Сядь!" Присела и всё» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-30Ульян., № 6].

При выборе «матани» девушка или парень прежде всего ориентировались на личные симпатии. «Дочка, эта кто каво палюбит! Как эта так? Азарни́к! Для ниё ни *а*зарник, для миня азарник. Вот так» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 38]. «Да чёрт-ти зна*а*т, каво палюбишь. Можи*т*, бе́шинова какова да панравицца» [ВЕВ, с. Аркаево; СИС Ф2009-12Ульян., № 13]. Хотя мнение окружающих о том или ином члене молодежного сообщества тоже имело значение (см. *Сидеть в кельях*).

Чтобы понравиться парням, девушки использовали косметику. Красивыми считались девушки с румяными щеками, поэтому было широко распространено употребление разного рода заменителей румян. «Чай, тёрлись все и мазались все. Ак это уж не сейчас только красюцца. Там не было ведь этово [=косметики]. То какии шпале́ры были, можит быть, с красными рисунками, тёрлись. Не́чево было. Шпалеры — вот это обои, обои. Или рисунок какой красный. Чово, румянились! Эдак, чай, видней, вроди. А то *и*що, это:

Красота моя в оптеке
Рубыль сорок баночка,

Я девчонка не красива,
Милому не парочка.

Это румяна были, баночка кро́лешна [=крошечная] была это, румянились. А губы не красили. Только шшоки румянили» [КАН, с. Б. Кувай; СИС Ф2009-06Ульян., № 15–16].

Некрасивыми считались девушки с рыжим цветом волос. «Эта был*а* вроди как, ну, вроде, рыж*ую* палюбил — пазор какой-та» [ВЕВ, с. Аркаево; СИС Ф2009-12Ульян., № 12]. «Ани никрасивы были. Все рыжи. И их ни сватали. Ну, ани *ни* на лицо никрасивы, то*ль*ка башка рыжа и всё. Вот такии [толстые] по́ две касы. Ани уж за плахова, а всё-т*а*ки все замуж. <...> У них чатыри вышли замуж-от. Вот эта Фрося, Надежка, Нотка, Дашка. А две не вышли, так и астались. Зача́врили. Зачаврили — заржавели вот, ни взяли их никто, и астались» [БАА, ААИ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 13–14].

Для парней и девушек существовал разный набор социально одобряемых качеств. Если у девушек не приветствовалось смелое поведение, то в парне оно было, наоборот, желательным. Дерзкий парень с подчеркнуто эротичным поведением (*ве́рченый*) нравился девушкам больше. Это даже вызывало упрек старших женщин. «“Вам эдаких нада парней, каторый муды́ паказыва*и*т! А што вы? А этыт смирный парinь, што он плахой што ли?” — эта вот так вот како*е*-та была вот такое суждение. Кои павзраслеи [говорили], да: “Што он? Вроди, он таво што, дурак што ли? Вам эдаких нада, каторыи муды показывают?” [Смирные парни] ане не хуже, но ве́рчины*и* вот, верчены*и* — такеи [нравились]. А каторы [были] не верчены*и*, каторы харошы*и*, скромны*и* мальчики, как дивчонки» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-30Ульян., № 2]. «Чай, это всё люты́х больше. Как это... “На боку дыру верти́т”, — так это уж он больно люто́й, смелый» [КАН, с. Б. Кувай; СИС Ф2009-06Ульян., № 19]. Слишком робких и нерешительных парней девушки критиковали и насмехались над ними. «Мы мальчыкав этих: “Ну яво! Он ни салёнай, ни варёнай”. <...> “Ну, тихоня сидит! Нира́звитай!” А то: “Глупай!” А он, мож*ит*, стиснитильный, такой стипе́ннай, вот» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 70].

С другой стороны, «верченых», непостоянных парней, которые ухаживали за многими девушками, проявляя интерес то к одной, то к другой, нередко и осуждали. «Ну, дураков-та ни нада нам, *а*зарников. <...> *И* каторые, как эта? Вирти́цца. Вот чаво. Он пирибьёт всех, а всё-т*а*ки дабьёцца сва*е*во. Ну, кагда и ни дабьёцца» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 69]. «Ну, вот уважали, каторы*и* и пляшут, и танцуют, и пают, и ни распутныи, ни распутныи такии. А каторый вот то и дело вирти́цца да к сибе приглаша*и*т — всё!» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-23Ульян., № 18].

Слишком дерзкие и бесцеремонные парни, склонные к девиантным и деструктивным формам поведения, — *озорники* или, в современном понимании, хулиганы, — также не пользовались уважением и успехом у девушек. «Какеи парни в чести́-ти были? Каторыи сами сибя вили́ скромна, харашо, — вот эти вот были в честе́. А азарники не были в пачоти. Дрались, и девак били, и ругались — всё! Вот ане такея каму панравяцца? Ни нравились! А нравились вот харошии такея, как ни скажишь. Самастаятильныя нравились. Каторый сам сибя видёт харашо, вот те и нравились» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 19]. «Да ну, если “люто́й”, он, канешна, плахой мальчышка, нахальный. Он стримицца к чаму? Да. Если он самастаятильный, он этава ни пазволит. А щас все нахальные!..» [ВЕВ, с. Аркаево; СИС Ф2009-12Ульян., № 14].

В неписаный кодекс молодецкого поведения входила демонстрация удали и превосходства над девушками, что выражалось в постоянном подчеркивании своих достоинств и умалении достоинств девушек. Часто это происходило во время пения частушек. «Всяка, да, [парни] выла́мывались. Ну, кагда вот на вечорки выходишь вечирам-та, вот и... Эта ани жи играли

вся́ка на гармонях и плисали, пригаваривали. Ну, вот эдак вот выламывались, песни пели. Многа знала этих песнив тожи. “Мы, — как-та, — па улицы прайдём, и апять варотимся, у дивчонак начавать папросимся”. Ну, всяки пели. <...> Как-та ани [пели]: дивчонкам три капейки цену дают. А дивчонки пригаваривают: “Как задумают жиницца, трёхкапеичных бирут”. Вот такии вот. Друг пирид дружкай» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-04Ульян., № 42]. Одновременно шуточное задирание, дразнение было способом привлечь к себе внимание, выражением благосклонности. Конфликтные типы коммуникации (см. еще *Подшкунивать*, *Дразнить*) в молодежном кругу нередко были таковыми только внешне, на самом деле являясь особой формой ухаживания.

Безусловно, желанным кавалером был гармонист (см. еще *Припевать*). «У миня больна был паринь харошай — гарманист, певец. И пели мы с нём — больна уж харашо пели. Он играл, мы припявали, падгаваривали, всё. <...> Вот у миня кавалер был гарманист, очень [хороший] гарманист! Все завидывали! Самый первый паринь был на силé. Завидывали, очынь завидывали» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 19].

Несмотря на отсутствие большого имущественного расслоения в селе, материальное положение молодых людей также играло определенную, нередко значительную роль при складывании парочки. Дружить предпочитали с ровней. «Ну вот, та, каторая из багатай симьи, вроди, ана славицца, што ана из багатай симьи. “Багатая!” — гаварили, да. И ана имеит всё-таки гордасть пер*и*д сабой. А катора пабиднее, ане уж ни гардяцца. Пускай ана и красивая, и харошая, но гордасти такой нет. “Ана ж*и* из багатай симьи, да из пачотнай симьи. Ну, атец-мать были багачы!” Ана и видёт уже сибя гарда́, вроди. Ну, што гарди́цца: “Я с багатай симьи, и мне плахова жиниха ни нады!” А никаму ни нужна. И такии абычна астаюцца. Ну, знаешь, эта какой паринь можит падатти. Правда? Если он из такой жи симьи, што вроди маненька [побогаче], он можит падатти. А бедный, он и ни падайдёт, и ни будит падхадить. Пускай он хароший и умный, она уж ни пайдёт: “Ну [=презрительно], пайду я с таким!” Ей [надо] багатыва» [ВЕВ, с. Аркаево; СИС Ф2009-12Ульян., № 18–20].

На выбор кавалера оказывало влияние и вхождение его в ту или иную территориальную группу. Отношение девушек к «своим» (то есть со своей улицы, соседским) и «чужим» (с других улиц) парням заметно различалось. С первыми они вели себя непринужденно и без излишних условностей, отношения со вторыми определялись довольно строгим этикетом. Со «своими» парнями девушки особенно не церемонились, при желании их могли и не пустить в келью, провоцируя на агрессивное ухаживание. «Пускали парней [в келью]. Абизатильна, а биз них как жи? Биз них нильзя. Если мы (вот, пример, пять-семь нас девак) задума*и*м парней пустить в падвал, *то* пустим. Ни нравяцца ани нам, примерна, здешнии рабяты — нет! У нас вот Кандарать [рядом], аттуда хадили с гармонью парни, этих пустим. А наши-

ти злились. Ане пума́ют кошку, тискают, ана зява́*и*т [=кричит], а мы хазяйки гаварим: “Пусти кошку-ту, абзява́лась!” — “Ну иё к чёрту! Ни пустим”. Да. Патом да той пары даймём иё [=хозяйку], ну всё-таки станим иё [=кошку] пускать! Атво́рим дверь-та, а там ввакя́т рябятёшки! А мы ржать! Ани над нами: “Мы, — г*ава*рят — вас всех абмалотим!” Пинком пинну́т — и лампа палитела. Ну, паталок у них там низкый в падвали-ти был. Ане нас и тискать! Мы тожи, как сабаки, скали́ли. Ну, ани тискают в тимнате, чаво?» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 72].

Когда в келью приходили свои ребята, девушки не прерывали работу, при чужих же убирали донца в чулан, чтобы гости могли свободно рассесться по лавкам (см. еще *По кельям ходить*). «Ну, при́дут кагда [свои парни], сваих вот мала рабят хадили, ани при́дут, сядут на данцо́. Я пряду, он на данце́ сидит. Ну, сваé. Смиёмся, всё. А чужие рабята придут, мы уходим. Данцо и гребинь убира*а*м. Тут же гребинь убира*а*м, уходим в чулан, *а* рабята садяцца, как приходят. Вот. Пака ане сидят, мы всё убирали» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 69].

«Свои» ребята не рассматривались как достойные кавалеры, но с ними можно было упражняться в поцелуях, готовясь к более ответственным встречам. «Рабяты свае при́дут, играишь, шутишь и цалуисси. Всё учысся цылавацца. Всё была эта! Но то*ль*ка са сваеми рабятами, свае улишны — все свае. Вроди, мы ни бирём внимания. Шутили, смиялись, играли и учылися цылавацца, и всё. “Давайти эта, — хто придложит, — давайти паучымси цылавацца!” “Я ни умею”, — там. “И я ни умею”. Вот. Хто гаварит: “Я маненька умею”. Вот начынают. А с чужой улицы — мы уж с ними ни игра*и*м» [МЕЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 4].

Правда, местные парни иногда чувствовали себя ущемленными и старались проучить девушек. «Патушат агонь-та, а тагда лампы были, не была свету в кельи. Патушат лампу да вот и всяка делали. Азарники, вот такеи азарники. Парни, канешна. Патушат свет-та да и давай. И мазали, и падушки вон разрязали. *А*заравали, тожи атбо́йны были. Ско*ль*ка раз эта перья пускали из падушки-ти. Иё разрежишь да и ей лупи*шь*, эта бьёшь, да, [а пух] литит. <...> Наши дивчонки [предпочитали парней] с Зареч*ки*, с Верху — вот дружили [с ними]. Вот асобинна заречны*и* тут хадили. А сваех брыка́ли [=браковали]. А вот как разок-два на*а*заруим, так, значит, [с другими уже не гуляют]. Праганяли [чужаков, чтобы] вот с нами гуляли» [СФН, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 82–83].

Общение в келье между молодыми людьми было подчинено этикету, правила которого были различны для того или иного села, времени и конкретной ситуации. Например, в с. Сара в 1930-е гг. девушка избегала говорить со своим «женихом», хотя могла разговаривать с его другом. Считалось необходимым даже выйти в чулан на то время, пока кавалер сидит в келье. Правда, при желании парень мог полюбоваться на свою подругу, предложив ей сплясать или спеть песню. «С этай ишчо ни калякают, с кой ходют. А, пример,

вот [парень] с маей падругай хадил, он сядит круг миня, са мной калякаат. А с этими [=с кавалерами] ни калякали. Стиснялись, да. Сядишь с каторым [парнем], сядишь, с нём калякаашь. Каторый начуит с падругай, с нём разгавариваашь. Ане уж, эта кой [=чей] жиних придёт, ана уходит в чулан. Там в чулани стаит. Он [=жених] как придёт, я в чулан. Я ни смела: так вот в келью пришли жинихи, с ними сесть калякать? Нет, нет, ни адна! С такеми рабятами [=не кавалерами] калякали. Ну, мы все уйдём, в чулани стаим, ане сидят. Мы уйдём, ане сидят, рабята. Рабята сидят. Вот их, при́дут с улицы каторы, чилавек шесть-семь рабят-ти, ну, все сядут, каторы вон знают миня: “Талинька, иди! Давай спой или спляши!” Вот. Ну, я выйду, плишу́, паю. Ане пасидят, уходют» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 69, 72].

Молодежь из с. Кадышево. 1950-е годы. Личный архив семьи Власовых

Хотя в послевоенные годы таких ограничений уже не было и атмосфера в келье была довольно непринужденная, все же показаться на улице с парнем-«ухажером» девушки стеснялись. Такое поведение не одобрялось общественным мнением, соседи нередко сообщали родителям девушки о ее «дружбе» с парнем. «У нас ведь, как щас ни ходят! Пависнит и висит. А у нас вот... Ей [=матери] адин раз сказали: “У вас, — гаварят, — Шурка-та с Салдатикым ходит”. У нево [=кавалера] отца звали “Ленин”, а он радился́, ево прозвали “Салдат”. Так и да смерти — “Салдат”. Ана гаварит: “Где-е?” — ани с Таей были *и*ли с кем ли. “У Насти, — гаварит, — Мотинькы*вой* на крыльце”. А нам слышна. Мы тихонька — и на Кабло́вку, на другую улицу-ту пришли. Пад церькву лазили, прятались как! Вот скажут, а мы палезим, залезим и там сидим. Уйдут. Боже избавь! Што ты, если с парнем, знаешь, [увидят]! <...> И радитили [не разрешали], и сами ни смели. Вот, например, мы хадили. Если с парнем я была ночью, а на работе пришлось вместе вот — там гумно-та было, малатили там. Да ни дай Бог он эта падайдёт на работе да встретитись! Нет, этава нет! В кельи — там можна. В кельи — там вмести были, сидели, хадили и всё. Всё свабодна, да. А если днём встретицца — караул! Ни знаю как. Зачем эта? Я ни знаю. Вот с коим парним я дружила, у нас брат — и хадили, и дружили вмести — и то он к нам ни захадил. Адин раз, ни знаю чаво-та, он [=брат] яво крикнул: “Ну, айда, захади! Ты ч*е*во там *в*стал и стаишь”. — “Я ни пайду!” И так он ни зашол. А я посли гаварю: “Ты што ни зашол в избу-ту?” — “Ты што? Ни дай бог миня тёт*я* Саня увидит! — у нас маму тожи Шурай звали. — Ни дай Бог тёт*я* Саня увидит!” Ни смели, стиснялись. Эдак бы́ла. Эта сичас как будта так и нада, а тагда нет, этава не была» [БАИ, САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-13Ульян., № 81–82].

Чтобы остаться со своей «матаней» наедине, парню приходилось пускаться на некоторые уловки, вызывая подругу определенными жестами, незаметными другим. «А мы! Да ты што! В то время-т*а* была, вот так пазавут [=поманят пальцем]. Кто заметит, паразиты, да мамыньки! Пакраснее*е*шь. Мы сидим вот так вот. Адин эта сидит вот: "Выдти, — мол, — нада уж идти". Ага. Или мигнёт, или вот так вот [=поманит пальцем], штобы низаметна другим. И то и́нда в краску бросит! <...> У нас как эта. Я видела вот: ни дивчонки, а паринь. Вот так сидит, сидит, вот так [проведет кончиком языка по губам]. Ага. А то вот так вот [проведет рукой по лицу и укажет на дверь]. Туды, мол. И мигнёт. И пашол сам: мол, выйдишь. Вот такое бы́ла. Эта уже хитрыи! Эта уж вот такии-та были посли армии каторыи. А мы ищ*о* маладыи. Эх, и хитрили!» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-23Ульян., № 25]. Этот жест — слегка высунутым языком провести по губам — употреблялся довольно широко, и не только у молодежи. «Эт*а* в гастях мы были, ну, гуляли мы на свадьбе. Посли свадьбы пашли к ним в гости. Посли свадьбы у нас все бярут в гости, и мы к ним пашли в гости, к маладым. И вот он ей язык-та паказыват, паринь. Гарманист он был, в гармонь играл. Ну, и паказал ей язык-та, нимножка. И они с нём ушли. Да, а патом апять пришол [вместе с ней]. Ну, патом он иё замуж взял эту девушку» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 1]. «Эта я вот видала, Курачкин Анатолий язык высунит и всё: "Пайдём!" — ну, и Нину сваю увидёт. Вот штобы жана пашла с нём ат кампании» [САМ, с. Потьма; СИС Ф2006-22Ульян., № 78]. Хотя в некоторых местах (с. Б. Кандарать) этот жест считался неприличным. Он означал, что парень предлагал «вроди таво, што, как вроди спать айда или што-та. Девушке, ровна, за пазор эта была у нас. Эта за пазор щитали мы. А я и ни пайду с нём!» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 69].

Хотя часто это действие имело негативную оценку и употреблялось, чтобы поддразнить или обидеть кого-либо, все зависело от ситуации, в которой применялся этот жест, и от того, насколько был высунут язык: слегка или целиком (см. *Дразнить*). В с. Первомайское этим же жестом парень нередко приветствовал девушку. «Да, эта абычна так парень девку встречат. Ну, вроди, как приветствие» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-03Ульян., № 89].

Если девушка не оставалась ночевать в келье и у нее был кавалер, то он обязательно провожал ее домой. «Канешна, из сиденки да дому праважали! Наш возраст [не ночевали] в сиденке. Из сиденки с жинихом да дому дайдёшь. Пайдёт праважать, он сразу абнима*а*т! В абнимку за плечи, да, и пашли рядышкам. А уж кагда дамой-та: "Да свиданья!" Ну, пастаишь и: "Да свиданья!" — ручку [пожмешь] и пабижишь дамой. Тут уж любя́ девычка с мальчикым, любя пращаюцца» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-30Ульян., № 4–5].

Отказ девушки принимать ухаживания того или иного парня нередко весьма болезненно воспринимался последним. Выказанное ею пренебрежение роняло престиж парня в глазах молодежного сообщества. Поэтому, чтобы

не допустить снижения своего статуса, парни прибегали к разным способам, вплоть до угрозы физической расправы. «Раз ни нады [его], начнёт приставать. И начнёт, [если с ним] ни астаёсся, бить: “Ни хади в сиденку, а то изабью!” — “Ну, как жи, — мол, — изабьёшь!” А мы все сгаваримся ды и йих ни пустим. Хазяйки скажу: “Никаво ни пускай! Никаво ни пускай!” И хазяйка: “Нет, нет, нынчы ни разришу я. Ани у миня, — скажет, — кружава вяжут! Никакех!” Нарошна, абманит» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 71].

Самыми распространенными способами давления на девушку были битье лампы или окна в келье и поджигание кудели. «А если, примерна, парню ахота с девушкай знакомицца, а ей ни нады яво, то он (а видь лампы были!) щас падходит, пузырь стаскива*а*т, стякло с лампы: грох! “Вот хто купит!” — называ*а*т девку. Эта он чириз ниё раскалол. Или сидит придёт [=прядёт] ана, он сзади падайдёт — раз! — сзади-ти, да зажгёт мочку-ту, катору придёшь. Он ей эта наказанья даёт» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 83].

У постоянной парочки существовали определенные ограничения на свободу общения с остальными участниками сиделок. Девушке нельзя было проявлять интерес к другим парням и пускать за прялку посторонних. Впрочем, они и сами от этого воздерживались, если только не собирались ее «отбить» у ухажера. Новым партнером можно было обзаводиться, только если парочка окончательно распадалась. «Ну, если он бросил: “Ни хачу, — хоть, — с табой хадить!” — “Ни хади, я с другим па*йду*!”» [ЛВН, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 62]. Хотя если инициатором ухода оказывалась девушка, то это нередко вызывало отпор со стороны парня. «Если вот я дружила с аднем, а другой предлаг*а*ет. С каторым дружишь, тот гаварит: “Ты, *с*матри, ни аставайся ни с кем! Ни аставайся больши ни с кем, то*ль*ка са мной!” Вот эдак была эта у нас. Ну, гразили каторый раз, гразили! Мы баялись, ни выхадили. Вот казловскый Васька Чекушов. Пайдёшь с другим, он: “Я вот те*бе*!” — пыдгразит. Ну, *а* патом так и ладна, так и ни сделают ничаво» [АСА, д. Акуловка; СИС Ф2009-02Ульян., № 11].

Нарушение общепринятых правил поведения приводило к конфликтам, в результате которых обычно больше страдали девушки. Один из способов наказания девушки заключался в том, чтобы оборвать у нее с шали кисти. «У нас адна (дваюрадная сястра ма*я*му мужику), ана была красива очинь, харо́ша, за ней рабят многа гна́лись. Вот. Ана то с адним, то с другим, то с адним, то с другим. И вот — адеть, абуть-та нечива бы́ла — вот ана гаварит: “Дай-ка мне шаль-ту, я тваю шаль абвяжу”. А раньши с кистями шали-ти вязали. Вот ана абвязала эту маю шаль. Ну и вот, пашли [гулять]. А адин паринь, каторый впирёд-та к ней хадил, падслидил, што ане пашли, и иё ужа́лил там где-та, и все эти кисти маи атлители! Пришла биз кистей. Избил иё. Втарой друг. [И парня этого], вроди, никто не осуждал» [КЗА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-25Ульян., № 82]. «Кисти резали у шали. Я уж знаю. Вот, пришол уже ка*г*да из армии, ну, *и* дружил с адной. Я был на Волгастрои,

писал ей письма, ана ни атвичала. Приехал аттудава, *а* ана с другим! Ковырнул — не так! Я — с нём, он ка мне. Я: “Уйди!” Ана пашла, я иё уцепил за шаль, все кисти атарвал ей, всё, к матери. И я ни пашол, и он ни пашол. Всё. И весь этыт разгавор. Ну, посли-ти он ни пашол, да, а я апять стал хадить с ней» [НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 14].

В качестве наказания за измену парень мог разрезать в келье подушку, принадлежавшую провинившейся девушке, и выпустить пух. «Эта проста вот придут в келью, вот и аза*руют*. Ане знают, што ругать ни будут за келью-ту. Разре́зал падушку-ту и эт пух-та весь — вы́шил [=вышел] ка двару — яво раски́дал. Нивеста была у няво, ни зна*ю* уж [кто], *и* ана с другем, я уж и ни помню [как звали] — эт самый “бес”. Мы вышли — весь пух у двара. “Ге-енк*а*! Чаво ты наде*лал*?” — “Дела ни ваша!” А жалав*ы*цца никуды ни пашли» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 117].

Часто вспоминают, что раньше «изменщице» мазали ворота смолой или дегтем, а также бросали на конек дома яичную скорлупу с налитым туда дегтем. «Ну, мазали варота эта*й*, кто сама сибя плоха видёт. “Где, — гаварят, — варота мазаны, там б… паказаны”» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 77]. «Да, эта девак всем абливали. Варота абливали дёгтим. Раз там такая девушка. Можи*т*, на́ смех. А у адной вот, ну, ана мне ни падруга, ани пастарши были, у них паласну́ли пряма в канёк в избу. Иишная кажура: в неё дёгать наливали и канёк йим о́блили. Эта, вроди как, тут паказать: ты нихарошая девушка! А эта вот набалтали [=оклеветали] тагда. И Любашка была харошая, и Лида была харошая» [МВМ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 93]. «Как будта бы мазали за то, што ана яво изменила, парня. Он мазал варота смалой, эт паринь. Патом, как будта, вот выпьит йийцо́, в йийцо наливал дёхтю, и вот в этат в канёк, в избу брасал яво. Астава*лы*сь пятно тама — эт*а* он как пазор. Вот, эта бы́ла. Ну, в нашим возрасти этава не была. Эта па рас*с*казам старых-старых ба*б*ушкав-праба*б*ушкав. Эта праба*б*ушки гаварили вот» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 15].

Нередко били лампы или окна, причем парень объявлял, из-за кого он так поступает. «И пузыри калоли, вот кагда ривнавали. Ана, девка, вот, можит, с адним...» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 102]. «Вот он у миня уижжал — он, мой-от. *А* я с саседам хадила. Он, знашь, приехал — мой, а я запирла́*сь*. Он миня дажидался, *а* я убягла с дивчонками, ни асталась с ним. Ну, и он падашол, дагнал дивчонак. Пришли в другую келью, он там придъявил: “Девки, все праважать!” Все вышли, он падашол ка мне: “Пашли, морду набьют”. Я гаварю: “За тибя — мне?” Я с ним [прежде] хадила. *А* он [=сосед] акошка раскалол, наказал миня. Я гаварю: “Ты што, чорт манинькый? Ты што, к чаму раскалол?” — “Вот эдак”. — “Ну, вот, — я гаварю, — иди эдак”. И всё» [МЕЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 15–17].

В конкретных ситуациях возникали и неожиданные способы наказания изменников. «Эт приехал жиних-та иё, а девирь пришол — ана с нём лижит. А хазяйка на пиче спала у нас. А он [=жених] патушил мигушку-та

(ана гарела на эта, вот тут на лавачки), патушил, пашол в чулан, там стаял вот такой чугун бальшой двухвидёрный вады, он как этат чугун взял, как бухнит, где ани лижат! Прям на них на этих! У-ух! Все вскачили, караул, караул! Пастели вешают на эти на брусья, всё тикёт. Ана, ба*б*ушка, вскачила эта, на́чала ругацца: “Вот вам нассать (у нас эдак ругаюцца), ах вы, в рот вам нассать, такии-сякии!” А мой-та вот мужик, он яму брат был этаму, вот кой воду-та вылил, ани два брата были. Он гаварит: “Клавдя, ни ругайся! Эта любовь всё делат. Эта ревнасть”. Всякии были интиресныи чудиса» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 1].

Иногда девушку могли даже побить, особенно если она принимала ухаживания сразу двух парней. «Ну, вот чево-нибудь дивчонка нагаварит на парня ни то, можит избить. Он изабьёт. Да, эта была. Или вот пайдёшь. Вот нынчи идёшь с этим, а завтра пайдёшь с другем, то могут избить» [ПТС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 45]. Мемораты о таких происшествиях встречаются нередко. «Вот была на маей памити в кельи. Девушка была у нас, вот Арлова Ольга, из симьи учитилей, и вот ана, значит, с аднем дружила, и к ней, значит, другой. А тот ни пришол, ана с этим. Значит, если этыт ни пришол, ана апять с тем, другим. Ни с другем, а с тем — вот с двоимя. И вот, значит, адин пришол, а мы уж лигли спать, ана лягла. И вот тот идёт с баянам, с аккордионам, идёт игра*и*т. Ну чо? Отпирли. Встали. Ага. Ана в чулан зашла, вот такой чулан, эта называ*и*цца у нас “чулан” [=кухня.] Ага. А вот здесь вот был падтопак, а тут как-та прамижутки, здесь была зерькало, вот такая жи вот изба. Ага. Я, значит, встала к зеркалу, ана там стаит, я вот эдак вот [=качает головой] ей: “Эх, Ольга, Ольга, чево ты наделала!” Ана как выпрыгнула аттуда и дверь аткрыла и этыт — с баянам-та паринь — он жи больна был ловкай, как спартсмен, пабёг за ней. И ни дагнал. Ана на утра приходит ка мне дамой, умира*а*т со смиху: “Ух, како*е* тибе спасиба!” Я гаварю: “На чем?” — “Как ты миня спасла. Кабы *ни* ты, ты видь мне сказала: биги”. — Я гаварю: “Нет, я тибе ни эта сказала, я гаварю: “Эх, Ольга, Ольга, чаво ты наделала, как тибе ни стыдна!” Ага. Ну што ж? Пасмиялась и всё. Он иё атлупил бы и здорава бы он иё. Ани бы оба иё атлупили» [МАИ, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 46].

Применение физического насилия по отношению к девушке могло быть обусловлено и изменением общих ментальных установок. Об этом дает хорошее представление диалог матери (1916 г.р.) и дочери (1938 г.р.). «МВМ: “Нет, этава у нас не была”. Дочь: “Запраста. Какой не была, калатили толька ну!” МВМ: “Нет, ни адну падругу. Нас и многа была, ни адну падругу ни били нихто. Абмануть вот абманывали. Абмануть абманут”. Дочь: “Была, миня самаё набил вот адин мальчишка, вот я никак ни хатела дружить, он миня [побил]. Я гаварю: “Да разви я патом с табой пайду? Ты миня атлупишь”. — “Ищо хужи буду...”» [МВМ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 90].

Применить силу парень также мог, если девушка допускала с ним физическую близость. Тогда он приобретал на нее практически те же права, которые по традиции имел муж по отношению к жене. «Ну, если ана уж с

нём живёт как с мужём, магёт он иё [побить]. Есть за што, набил бы. А если я пальцым ни трогана, ни кавырина, да я как смагу, я абдяру! Да он миня, если чистая дивчонка, он иё и ни тронит. Он и ни привяжицца» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 30]. «Дивчонку, на*в*ерна, ни били. Можит, там женщину, муж, можит, имел права. Паринь, чай, ни имел права бить дивчонку. Вроди не была такова, ни слыхал» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-02Ульян., № 16].

Взаимоотношения парней регулировались своими правилами. Не одобрялось ухаживание за девушкой, у которой уже есть кавалер. «Ну, всё-т*а*ки если уж девушка встричацца с кем, так другой как-та вроди уж ни лезит» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-02Ульян., № 16]. «Ну, ана с адным ходит, так и ходит с адным, а другой-та уж ни падходит» [ЛВН, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 62]. Однако если все же интерес парней сосредотачивался на одной девушке, соперничество между ними часто заканчивалось дракой. «[Драки были] да всё из девак. Та*г*да вот я хадила с адным (вот он щас прапал, я за няво ни вышла), а у няво есть брат дваюрадны*й*. А брат хочыт са мной хадить, а он ходит с девушкай тожи, с маей падругай. “Я те*б*е хадить ни дам всё равно”. Гаварит: “Папробуй!” Ну, и палучылась драка. Выпили там нимножка, пить пили, выпили нимножка — и драка» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2004-02Ульян., № 8].

Среди парней выделялись потенциальные драчуны, которые были готовы вступить в конфликт из-за мелочи. «Ну, чаво? Тожи [он] сидит смирна, а кто заденит, выкажит ножик. А яму калякают: “Ни кажи́! У нас тожи есть чем ти*б*я атбаро́ть. А мы вот паленам вазьмём ти*б*я па нажу-ту хлопним”. Азарник, ну, яму аббива́ли уши-ти. Тожи видь, сабяруцца, аббить уши! Нада дать яму, штобы он ни выказывал тут. Па-многу видь [было] рибят, эта щас видь адин. Вот такея дела были» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 37].

Драка часто начиналась с оскорбления соперника словами или действием (например, с плевка), затем следовала потасовка. Если драчунов не удавалось быстро утихомирить, их выталкивали на улицу, где столкновение приобретало более серьезный характер. «Драли́сь, дочка. Ой! Если выпьют каторы. Ну, пьяный — смелый такой. Начына*и*т яво калякать, а он те*б*е — и мижду сибя. А! Хлоп! Топ! Прям тут вот [в келье] патычут, патычут. Ну, разнимут йих и всё. Ну, каторы выхадили, каторы смиляки́-ти и си́льны-ти. Ну, тожи разнимали, артель. Нажами-ти ни бились, как щас, кулаками и всё. Щас пагли́-ка, чаво тварят. А то слюнями закидают. Ну, плюнит в няво: “Иди, гад!” или “Парасёнак ты!” Друг дружку вот так называли. А то! Плюнут. “А, ты мне плюнул!” — и начынат» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 36].

В тех случаях, когда противоборство парней было направлено на защиту «своих» девушек от притязаний чужаков, оно носило характер межгруппового столкновения (см. *По кельям ходить*).

Если ухаживание завершалось добрачной связью и рождением ребенка, то девушка могла рассчитывать на брак с этим парнем. Но так происходило

далеко не всегда. Существовало даже мнение, что такая девушка не будет хорошей женой. «Вот адна была у нас падруга, мы спали — у нас был падвал, мы спали в падвали. Адна падруга спала у нас в падвали, Настасея иё звали. У ней был жиних Никалай. И вот он иё абманул. <...> И ани с ней вышли с падвала, ну, и он там иё абманул. Абдурил, видна. <...> Он взял другую. Он иё нé взял, Нас*ть*ку, взял другую. Раньши если паринь девушку абманит, он иё ни за што ни вазьмёт. Раз, мол, ана паддалась мне, значит ана и с другим пайдёт. Ана уж щиталась, эта девушка, прапащая. <...> [Потом парни] толька для этава падхадили, штобы пириспать с ней, замуж нихто ни вазьмёт такую» [МВМ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 91–92]. «У нас девак-та пално была, вот келья-та была тута, вот саседката ана тожи, вот щас жива адна-та, Вярушка Асинёва, ана в этай кельи. Все да адной паро́дили, вот ана то*ль*ка да вот саседка ни радила, ищо Надька Зюмина — вот три йих ни родили. Все дивчонки паро́дили. Ну, ане выхадили патом за этих же, да, с каторыми. Нет, а вот Минчакова ана ни выхадила, иё ни взял. Ана радила и у ней рибёнак што-та скора умир» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 21].

Правда, если парень оговорил девушку, то иногда смелая, решительная девушка могла его прилюдно наказать за клевету. «Ана никуда, нихто ни даказывал, ни правиряли, ничаво. Так, мож*ит*, чириз сваё бисчестье-ти, можит быть, и паплачыт. Никуда — ни на суд ни падавали, нет. Мож*ит*, в друго*я* сяло выйдит, а мож*ит*, и таварищ вазьмёт, ни пасмотрит на эта. <...> [А что] яму? Сирди́цца-та мальчыкам-ти ни приходицца, им дарога аткрыта! Эт*а* девушка плачыт да астаёцца. Ну, каторый, если он скажит да ниправду-ту и встретит, яму ана при всех рожу набьёт — каторая лютáя-та. А каторая, да, тихая. А каторая зна*а*шь как!» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 79–80].

Отношения молодых людей развивались достаточно долго и включали в себя различные церемонии ухаживания. Одним из способов проявления симпатии было взаимное одаривание, которое обычно происходило по праздникам. Девушки, как правило, дарили своим кавалерам яйца или орехи, а парни покупали для них на ярмарке конфеты или пряники. «Вот двянаццатова (в пятницу, наверна) будит Петров день, эта ярманка у нас называ*и*цца. Рабяты пакупают канфет, адиляют девак канфетами. А первава актября или наября, я уж забыла какоя, Кузьма называ*и*цца. Арехи. Вот арехи радяцца в лясу, вот запасают. Эт*а* уж на ярманке на Пятров день рабята угащают канфетами, а эта на Кузьму девки рабят угащают арехами. <...> У нас две ярманки. Была в Пятров день и асенняя ищо ярманка быва*а*т двацдать первава, этава, июля вот наверна. Забыла. Эта Раждение Присвятой Багародицы. Вот. Присвятая Багародица радилась двацдать первава июля. Втарая ярманка бываит. Тут парни даря́т. На Пятров день — эта вясной, а па осини-ти тожи эта угошчают канфетами» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-19Ульян., № 101–102].

Одной из форм ухаживания было пение частушек, как комплиментарных, так и корильных (см. *Дразнить, Припевать*). «В кельях пели и никагда ни эта, ничаво ни делали, ни абижались. В келье вы*й*дишь петь “падгорну”-ту вот, и “симёнавну”, и “падгорну”, па всяки йих скажишь. “Ты дурак, а я ни знала”. Пашутим, пашутим и апять ладна. <...> Ани [=парни] с нами и “падгорну” пели, и всё. Вот тожи спаёшь: “Ты дурак, а я ни знала”, а он паёт: “Ты дура, я ни знал, извини, мая дарагая”. Ну вот так и шутим, бывала.

Палюбила я яво
За чорный чуб цыганскай,
Изминила я яму
За выход хулиганскай.

Мне залётка изминил,
Я стаю и думаю:
— Лучше ты б, залётачка,
Из нагана пулию.

Палюбила я яво
Он мальчышка ничево,
Ну, канешна, ни навечна,
На два вечыра всяво.

У маво-та у милова
Нет наряду никакова,
Адна шапычка пухова
Посли дедушки глухова.

У маво-та у милова
Полный двор скатинушки:
Есть и куры, и пятух,
И каза — ничыстый дух.

На базаре я была,
Маво милку прадают,
За няво чатыри фунта
Рыжаной муки дают.
Нихарошай.

Ты дурак, а я ни знала,
Извини, мой дарагой,
Па ашибочки гуляла
Я два вечыра с табой.

Патом начнём шутить,начнём играть в игры всякии…» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 53, 55].

И.С. Слепцова

МЕДВЕДЬ — см. Наряженными ходить

МИЛОСТЫНЮ ПОДАВАТЬ — см. Душу провожать, Пост, Пасха

МОЛИТВЕННЫЙ СТОЛ — см. Поминки

МОЛИТЬ О ДОЖДЕ

Обычай *молить о дожде*, объединяющий комплекс обрядовых и магических практик, направленных на прекращение и предотвращение засухи, мог быть как окказиональным, так и профилактическим, приуроченным к важным календарным праздникам весенне-летнего цикла. Для вызывания дождя использовались как православно-

христианские (молитвы, молебны с обходом полей или святых родников), так дохристианские практики. Среди обрядовых действий, направленных на прекращение засухи, наиболее распространены поливание могил самоубийц и утопленников, молебны на святых родниках и обливание (см. *Духов день*, *Иван Купальный*, *На святой родник ходить*). Все эти действия в Ульяновском Присурье было принято называть *молебствовать* (*молиться, просить, замолить*) *о дожде*.

Дождь традиционно воспринимался как Божья благодать, а отсутствие дождя — как наказание за прегрешения. «Вот там [в соседней деревне], мол, два раза дождик с градам, ну шёл праливной, у нас видь — ни аднаво даждя. <…> Мы грешники. А там церкву начали [строить] — вот, пажал*уй*ста, [пошел дождь]» [БТИ, с. Чумакино; КАМ Ф2002-34].

В народе существует множество примет, предвещающих дождь или, наоборот, свидетельствующих о том, что дождя не будет. «Пакойника увидишь — к даждю. И абязатильно будит» дождь [АИН, г. Инза; СИС Ф2000-03Ульян., № 36]. «Пиривизли чериз речку пакойникав — таперь дажжа ни жди» [СПЕ, с. Первомайское; СИС 2001-14Ульян., № 105].

Крестные ходы, как правило, имели окказиональную природу, но иногда они оказывались календарно закреплены. На территории Ульяновского Присурья о дожде молились на Николу Летнего, на Троицу, на Казанскую, на девятую или десятую пятницу после Пасхи, на Петров день, на престольный праздник (если он относился к летнему циклу). Иногда день чудесного избавления от угрожавшей селению засухи становился заветным праздником. На него впоследствии каждый год молились о дожде.

До 50–60-х гг. XX в. молиться о дожде ходили всем селением. «Когда дождя нет (это в праздник какой-то) или просто, независимо. <…> Народу много собирались, даже ходили далеко туда у нас — у нас за лесом еще есть родник. Всё село пойдем. С детьми. <…> С иконами идут. И Казанску Божью Матерь берут и Никалай Чудотворец брали» [КНИ, с. Чумакино; ЛАП Ф2002-41].

Существовали определенные правила для тех, кто шел крестным ходом молить о дожде. «Итти на малебну нада всё — памыцца, штоб чиста, нада саблюдать пост. <…> Каторы малады хадили. А бальшинство — читалки, каторы читали» [СНИ, д. Александровка; СИС Ф2004-10Ульян., № 30].

Организаторами крестных ходов нередко выступали верующие односельчане, ведущие образ жизни, подчиненный церковным правилам и канонам, *монашки* (см.). «И вот мы, бывалычи. Вот тут у нас адин старичок был — он ни поп, а проста верывал. И вот нас сабирёт всех. Эта уж я вот за Ваню толька вышла, первый год жила. <…> И вот мы хадили малебствавать. Всё — у каво какая икона есть — бири, иди. И все-все идём, идём. И вот да Грямучева радника, в Горинках, там — вот куды ушли. <…> И вот паследний этыт у нас радник — вот уж мы там пели, ба! прям страх! И вот туча сабралась. Прям вал шёл! Ни на кем [сухого]! А мы так идём, идём. На нас льёт, льёт, льёт, а мы с иконами идём, идём, идём. Папы́ стихи пают.

И вот кагда просют: “Госпади, пашли ты нам, Госпади, дожжичку, напаи ты, Госпади, зимлю-ту жаждущую. Ни нас пажалей, а дитей”. Зимля-та ана видь умират — пить-та хочит» [МАГ, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 1]. На родниках «служут монашки. Вот три иконы, три иконы: Божью Мать, Николай Угодник и Спасителя брали» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10]. В некоторых селах службу совершали *болящие* (см.). Например, в с. Сара процессия молящихся останавливалась у дома болящей Наташеньки, которая и совершала молебствие о дожде.

Иногда молебствовать шли по обету. «Мы служили раньши ходили. Раньши с старыми я ходила вот. <…> Вот родники-ти были. Вон шуватовската гора — там родник. Да идёшь вон лесом, на Дихтярку-то — вон родник. А от Дихтярки идёшь на вон за борок, там родник. <…> Служили. Один раз — никагда ни забуду. Вот Тоня Ляснова, у ней двайники [=двойняшки] были. <…> Она с маниньким от таво-то Васходнава ключа и до Дихтярки. И с Дихтярки вон лесам и вон туда. И нисёт на обоих руках [грудных детей]. У ней просят: “Тонь, дай, я понясу маненька”. С иконой. <…> Она была бедненька. Дваих родила. И вот у Бога прасила» [САМ, БАИ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 23].

Иногда молиться на родники шли дети (самостоятельно, без родителей). «Вот у миня дочка, ана с триццать давятава года — Лида, ана была дивчонкой маленькай, ну, гадо́в десять. Вот эдака дожжа жа не была, я вот на горахти, горы-ти вот у нас Доли́нки есть. И вот ани сабирались, все падружки, и хадили малились “Божиньки, дожжичку дай Бог”. Ну, эта наше наставленья. Да. И на роднички хадили» [СВД, СМЯ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-20].

Существовал обычай *поднимать иконы* из церкви. Молящиеся «иконы вынасили, брали из церкви. Паднимали иконы. Вдоль сяла [шли]» [СВД, СМЯ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-20]. «Малебств*ов*али, иконы падымали из церкви, кагда даждя нет. Все иконы» [МАМ, с. Пятино; МИА Ф2001-18Ульян., № 31].

Крестным ходом шли с наиболее почитаемыми иконами (церковными, явленными, иконами Божьей Матери, Спасителя и Николая Чудотворца). «Явился Никалай Угодник в калоцце на Никольскай гаре [пос. Сурское]. Сделали иканастас и насили долга икону, кагда дожжя долга не была» [ЧВА, с. Княжуха; ЧВГ ФА УлГПУ, 1989]. «Когда дождя нет (это в праздник какой-то), народу много собирались. С иконами идут. И Казанску Божью Матерь берут и Николай Чудотворец брали» [КНИ, Чумакино; ЛАП Ф2002-41]. «Молебин служили. <…> С иконами служили. Никалай Угодник всё брали визде» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Молебствующие пели «Богородицу» и особые *молитвы для дождя*. Люди «даждя прасили: “Дай дождь зимле жаждущей, Спасе! Спаси ат бед, Присвятая Багародица, Дева”» [САМ, БАИ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 23]. «И вот дождя не была. Хадили малились, прасили даждя к этим самым, к часовни ходили. Малились всё время, сийчас — нет. Чи-

тали малитвы для даждя: “Дай Бог зимле жаждущий, Спасе! Дай Бог зимле жаждущий, Спасе”, — земля-та тожи папить хочит. <…> Эта была, как буря паднялась, тагда вот только шли ат этава [от святого родника]. <…> Вот сразу буря паднялась такая! Паламала столька диревьяв. У, страх был! Пашёл дожж» [ЕАН, с. Потьма; ЛАП Ф2005-68].

Место проведения обряда варьировалось. О дожде молились на всех родниках в округе, в том числе и на тех, которые не считались святыми. «Ну, а как жи! Молебствуют. Раньши как, вот дождя нет, собирались, раньши видь ходили всё сёло, вот собирашь иконы, каждый ниси, и *и*з церкви брали, таких, ну, диривянна она икона-то. И вот сходили в Тимъянску [на святой родник]. Вот видишь с иконами ходили. Несли и всё. Принесёшь, поставишь, послужишь — домой. То пойдёт дожжик, а когда и ни пойдёт. Ну, видь ходили на все колодиси с иконами. Сама главна, Божья Матерь» [ЕМФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16]. «А даждя не была — хадили малебствывать. Эти жи иконы былы — полна церква. Предсядатиль давал иконы. И мы ходили по всем родникам. И в лесу. Вот как начали с горы — весь лес пращли. И Шуватувскуу речку, и луга, и на Суру — визде с иконами ходили. И там служба была» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 107].

В селах, где была явленная икона, молиться шли на святой родник. В с. Чумакино есть «Попов враг. Туды ходили — ни знай, на какой день — ни знай, на Петров день. Вот когда дожжик ни идет долго — молицца ходили. Ключик, там ни знай, какая-т*о* икона явилась. Какая-т*о* Божья Матерь. <…> Ну, можа, хто пустил можа, как она обр*азо*валась [речка, вытекающая из оврага, называется Явлейка]. <…> Сруб сделали и стали ходить служить. <…> Пастухи, вот хто напали. Они жомковски [=из с. Жемковка] были. Отец и два сына пасли́. И когда они эт*о*, пришли к этому ключику-ту — коров пригнали. Стали воды брать и смотрют — иконка. Г*о*в*о*рит: “Тять, иконка какая-т*о* там”. Божья Матерь — ну, вот так вот веничек [=венец]. И они её вынули и сдали её в церкву. Там вода как святая. Там служили, в этим овраге» [ВМП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15].

Существовал обычай поливать друг друга водой на роднике. «Раньши хадили к нам в Малиновку-ту к часовни все сёла: и Питины, и Тияпина, и Касаур [=Аксаур], и Налитава, и Палатывски — все идут с иконами. Молюцца Богу, просют дажжя. У радника прям паливают [друг на друга] воду. И глидишь — дажжичок пайдёт. Ни на*ю*, этаму быть, или памагат» [ПМТ, с. Валгуссы; СИС Ф2001-21Ульян., № 24].

Молились о дожде на полях. «Малебствали. <…> Кагда дожжа нет. Все на́ паля хадили, на радники хадили. Визде абайдёшь день эт. Малитвы пели — вот певчи хадили. Иконы падымали, хадили па радникам. <…> Вадой акрапляли, с кисткой — всех. Больные умывались. Вот прайдёшь с малебена — пайдёт дожж» [МАМ, с. Пятино; МИА Ф2001-18Ульян., № 31]. Служили на лугах. «Ну да, штобы дожжик пашел. Чай, малицца хадили, малебствывать. У нас вот на луга хадили далёка. Сабирались, бывала. Поп сабирёцца.

Пайдут. “Айда-ти, — гаварит, — нончи далёко малебствавать пайдем”. <…> На радниках, хадили вот далёка у нас в лясу тут. Аттуда уйдёшь — кагда дожжичек пайдет. Мокры идём. А кагда — так пыль такая. <…> И дитей-ти всех малиньких-та вазьмут. “Пайдёмти, пайдёмти малебствавать. Можи*т* быть, дожжичек пирипадёт”» [ТМИ, пос. Сурское; СИС Ф2000-16Ульян., № 93].

В с. Проломиха молились на кладбище. «На радники вот раньше хадили — Богу малились. На кладбище вот сколька раз хадили. Тоже вадички с сабой вазьмут. Там в вёдрах. Ну, кустиков наломают, всех пабрызгают» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 10–11].

Святой родник у Никольской горы в с. Промзино. Начало XX в. Архив СКМ

В с. Коноплянка и Чамзинка о дожде молились на могиле убогого Павлуши. «Раньши-ть, эт ищ миня не была. Вот там, в Чамзинки, в самам конце был какой-та глупинький, Павил. Бывала, говорят, сушь ужасная, сушь, сушь. И вот напал эта, чырвяк такой касматый — и с листьями диревья абгладал. Ну, раньши-ти народу была многа. Вот ани, гаварят, хадили служили: “Айдати на Павлушину память!” И вот ани пашли туда на Павлушину память. Атслужили. Да дому, гаварит, ни дашли — пашёл такой ливинь-ливинь! Смыл весь чэрвь. И па новай начала листва расти» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64].

Чтобы вызвать дождь, обходили с иконами вокруг села, стараясь обойти все знаковые места в округе. «В симидесятам гаду дажжа долга не была, тож хадили малицца. <…> Прахадили па гаре. На Симишну. Ни толька на Симишну, а прахадили вакруг сяла. Иконы вынасили, брали из церкви. Паднимали иконы. Вдоль сяла, вот там сяло ищо» [СВД, СМЯ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-20]. «Ходили по святым колодцам. Чтоб был дождик. И на́ поли ходили, если где роднички есть. С иконами. По сёлу ходили. И визде малились» [ХРА, ХЕИ, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 94].

В с. Потьма было принято брать с собой (*поднимать*) кресты с кладбища. «Крясты брали — паднимали с кладбищав. И вот брали яво, этат крест, каторай паслабжи, мож быть, упал он. Брали на ключ и малились Богу. Вот такая притча была. <…> И вот патом яво апять на эта места атнасили. И пайдёт дожжичик» [СВД, СМЯ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-20].

После совершенного обряда начинался долгожданный дождь. «Вот если дождя долга нету, вот ходют молюцца с иконами. Просют дождя. Савпадала,

канечна. Пайдёт дождь, пайдёт» [КСИ, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-14]. «На радники хадили. Вот идёшь аттудава и сразу — дожжик» [ТАА, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. «Раньши с иконами хадили. Вазьмут иконы — и к радникам. Туды на низ у нас хадили — радники, на вирьху тут радник — хадили. Вот к радникам хадили служили. Ну, всё ж шёл дождик» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 11]. «Идут с иконками на радники, Богу молюцца, служут. И глидишь — сабирёцца, сабирёцца и тучка и дожжик. <...> А он [дождь] идёт и идёт. Тут начали смияцца: "Вот идити, — гаварят, — таперь атмаливайти"» [КЕН, с. Первомайское; СИС 2001-04Ульян., № 114].

Несмотря на это, в народе, особенно среди мужчин, существует «антилегенда», отражающая неверие в это чудо. «Пряма скажу, вот священники были в населённам пункти, и у всех священникав были баромитры — стаяли. Вот он указывает за день, за два: к даждю. Вот он [=священник] вызывает малящихся женщин, стариков: "Айдати малицца вакруг сила с иконами!" Эта я видел: хадили малились. А дийствительна этава ничиго ни праисхадила» [КАА, д. Неплёвка; ГНИ, ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 2, 1981].

Помимо молебствий о дожде для предотвращения засухи существовал обычай обливать друг друга водой: *делать ва́лену-купа́лену, делать Иван Купальный, делать купальны дни, купать(ся), обливать(ся), плескать* — совершавшийся в период засухи или в определенные календарные праздники (см. *Духов день, Иван Купальный, Петров день*). «Вадой абливали, кагда даждя прасили. Рабята, все. Даждя долга нет — абливаюцца. Вроди как дожжик пайдёт» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2004-02Ульян., № 4]. «Вот вясной, вот в маи, в июни вот, вот в этих месяцах. Вот пайдут, там скажут: "Нынчи Иван Купальнай!" <...> Вот кагда дажжа нет и вот гаварили: "Давайти Иван Купальный сделам — дожжик пайдёт!"» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 41]. «Когда дожжя нету. Весной ли, летом. Когда дожжя нету. Эта нада ва́лену-купа́лену сделать. <...> В вядро набирут вады. Кто пайдёт — бух! — и абальют. Другой идёт — ищё абальют. Эта в любой день» [ЧМИ, БПЕ, с. Палатово; СИС Ф2000-05Ульян., № 59]. «Вота купальны дни делали. У коо у двора есть вада. Хоть ты какой хошь нарядный иди, хоть ты какой хошь начальник иди — все равно абальют. Проста сабирались люди — *а*заровали — всех купали, штоб дожжик пашёл» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 10–11].

Основными действующими лицами при обливании была молодежь и дети, которых «купали» родители. «Малада ж я была. Дети у миня малиньки были. Я с ними бегаю вакруг дома — все бочки выльим — ибильёмся. Парадывашь их. Ани смиюцца. Радуюцца» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-01Ульян., № 102]. Составом участников объясняется игровой характер совершавшихся действий, которые часто напоминали озорство: например, обливали не водой, а помоями (см. *Подшкунивать*). «Я вот в дивчонках была, басиком бегали. Хто идёт — всех абливали. В и́збу забягут. Начнут пляскать. Вот дожжя нету. В любой день. Вот крича-

ли: “Дожжик, дожжик! Дай даржя!”» [ЧАП(1914), с. Коржевка; СИС Ф2001-29Ульян., № 6]. «Вот красна́ [=ткацкий стан], видь раньши ткали. Акошки закрываш все на зашшёлку, а то падайдут раскроют и всё: и красна́, и тибя всю абальют! Мы адин раз хадили, у нас жешшина жила ана с рабитишкими. Залезла на по́длавку [=чердак]. И мы иё там захрули́ли [=поймали]. Захрули́ли и там иё аблили. И вада скрозь прашла прям эта, пряма в комнату прашла скрозь. Ну, на ниё, наверна, ведра три вылили, ана вся и прашла тама. Ана крычала: “Пагадити, пагадити! Пагадити, я слезу!” А тут чаво слезть! Адна чупы́х! Другая чупы́х! Третья чупы́х! Искупали и ушли. <…> Ну, “чупыхну́ли вадой”, эта у нас “чупухну́ла” — вылила, да, пляснула» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 41]. «Вот кагда дождя нет, пайдут купа́цца [=обливаться]. Вот идёшь — какой хошь нарядный иди, какой хошь начальник: “Иван Купальный”! — и паливают. Ткёшь — ни ткёшь. В акошка пляснут тибе. Вот и всё» [САМ, БАИ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 22].

В с. Тияпино встречали возвращающихся с базара с покупками и обливали их водой. «Ну, кагда дажжа нет. В любой день. <…> У нас раньши на базар ездили в Березники. Вот аттоли едут, с базара-ти. Вот с вёдрами стаят — купают их. Штоб Господь дожжя давал» [МАН, с. Тияпино; МИА Ф2001-19Ульян., № 16].

Существовал обычай обливать молодоженов, в том числе едущих к венчанию. «“Иван Купалин” звали. *В*от. Если дожжа нету долга: “Давайти Иван Купалин делать!” И вот с ведрами. Вады чэ́рьпают, то в калодце, то там в речке. И хто-нихто едит или идёт — и на всех плешшут. Например, начальник какой — и всё равно. Адин раз, помню, паехали у нас виньчацца малады*е*. И у адной была вада — и ана плеснула. И тожа нихарашо была: драцца на неё! В церкву едут венчацца — зачэм мокраму? Ни в де́ла ба» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 99]. «Этак вот летам-та, кагда нет дажжя, хадили абливались. Если муж с жаной малодиньки лижат, а што-нибудь ни заперта. “Уй, айдати к ним зайдём, щас абальём!” — и вот варьвёсся вот эдак в избу. “Апять варвались! Маладых-та у нас облили”. Лежали как на пастели, и их вот облили. “Да как вам ни стыдна, пастель всю облили! — да. — Вот видь какии азарницы!” Ну, ни прирякались как вот сичас, иди-ка. <…> Дожжя-та нет. “Айдати, — гаварит, — вот этих абальём, варьвёмся — гаварит, — к ним. — Те, — гаварит, — ни будут ругать”. Ну, и вазьмём то вядро, у каво полвядра. Ну, всё равно пастель-та абальёшь» [ТМИ, пос. Сурское; СИС Ф2000-16Ульян., № 93].

Считалось также, что засуха прекратится, если сбросить в реку молодую женщину. «Эта кагда вот раньши нет даждя — “малили даждя”. Эта бегали с вёдрами. Кто встричацца — абальют. Дагонют — абальют. Штоб дождик шёл. Кого хошь — кто папа́дицца. И брасали женщин [в реку]. Каку-нибудь адну-две. Малодиньких. Брасали, брасали, кагда нету даждя!» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян., № 13].

Распространенной практикой было поливание могил, поскольку, согласно поверьям, засуху могли «напустить» утопленники или удавленники. «Атливали удавлиннику. Сорык ведир атлить. Да. Тагда дожжик будит. Я в страительнай [бригаде] всю жизнь работала, мы строили каровник, а у нас рядам вот эдак вот кладбище-ти, вон как этыт дом. И вот удавился на Пьянам бугре дядя Андрей Прахунов. Ну, всё лета нет дажжа. Мы Яшки гаварим, он нам воду вазил бочкай: “Яшка, паставь нам бочку вон па ту сторану кладбища”. И мы как пришли, бочка там — и сорак ведир яму на крест вылили! Всю бочку. Да. И на третий день дожжик пашёл» [БРН, ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 128]. «Вот раньше [на могиле] ямачку выроют — и нальют туда. Вот кто уто́пицца, удавицца, вот им лили воду. Скока там льёшь, немнога. Штоб дожжик был» [МАМ, с. Пятино; МИА Ф2001-18Ульян., № 33]. «Эта была. Тожи хадили наливали, штобы дождик был. Ну, вот, кто утопицца. Батюшки! Таскали. Адин раз там вот у нас — через Суру ехали, и у ней утанула две дочири. <…> И вот на эту могилку воду лили же. Да, на этих девачек» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 109].

Святой родник у Никольской горы. 2007 г.
Фото М.Г. Матлина

В случае отсутствия могил самоубийц воду лили в могилу любого покойника, скончавшегося во время засухи, до того как в нее опустят гроб. «Вот у нас умёрла адна женщина, мая падруга. Кагда нет дажжов. И мы вылили туда вёдро́ вады. В магилу, прям в магилу. А патом иё палажили туда. И ты знашь? Ли́винь-дожжик шол!» [ГЕП, с. Валгуссы; МИА Ф2001-15Ульян., № 60]. «Кагда выроют магилу, вот в эта магилу льют вады, штоб дожжик пашол. <…> Паставют гроб. Сбывалась. Прихадили — сбывалась» [ЧАК, с. Валгуссы; МИА Ф2001-16Ульян., № 22]. «Хто памрёт, в магилу наливали. Гроб спустют и прям в магилу лили, в угалок. Пахароны кагда, кагда каронют, в эта время» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 115].

Считалось, что на могилу самоубийцы, чтобы пошел дождь, нужно вылить сорок ведер воды. «Эта каторый удавился. Жара. И ему ходют, льют в магилу. Сорак вёдир нада принисти и в иво магилу вылить. <…> Эта Машке Зимской наливали. Прям в голаву ей лили» [ШМВ, ШЗВ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 46]. В остальных случаях действие больше носило символический характер. «Да ну, льют маненька там, с полвидёрка в угал. Эдак делали» [ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 116]. «Эт и сичас, кто

вот умрёт, прям в магилу наливáют. Вядро иль сколька выльют. Вот выльют воду, а патом ево спускают. Да вот ни очинь давно [умир] — ну, сорак дней уж была яму — наливали яму. Ну, всё равно вот выливали — а нет дождя. Или грешный он — ни даёт. Или больна Богу годен — ни даёт дождя. Бог иё знаит, как панять?» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 10].

Иногда в период засухи разрывали старые могилы, чтобы налить туда воды. «Эта была у нас. Дуня с какова года-та и Катя Крыланова? Ана с дваццать пятава или с двацать шастова — вот ани были малодинькии. Дажжа долга не была, а помир у нас паринь маладой. Вот уж, наверна, как помир зимой, а ани палоли там у кладбища — эти дивчонки. И вздумали — дажжа нет, всё лета ждут — ане вздумали яво разрыть и налили туда вады. И дажи гроб аткрыли, и палачкой (он кудрявый был) палачкай кудри папробывали. Ну, а да матири кагда дашло, мать празнала, в суд йих, тагда судили. Наверна вот, как сказать, в сорак, наверна, сидьмом [году], вот так. Вишь, многа [воды вылили] ани, гаварят» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 115–116]. «Дождя не было. В могилу воды наливали. Вот парня скаранили, вчирась. Разрыли магилу маладые девки. Апять зарыли. Вот тут хозява ругались: "Зачем разрыли?" <…> Дожжик штоб пашёл» [ПНК, ПЕГ, с. Первомайское; СИС 2001-05Ульян., № 106].

В некоторых селах, чтобы пошел дождь, в могилу ставили или зарывали бутылку с водой. «Вот кагда засуха, пакойника каронют, с нём туды кладут бутылку. В гроб клали воду. А так, штоб в магилу, ни лили» [МФФ, с. Потьма; СИС Ф2005-06Ульян., № 18]. «Эта любой умрёт, кагда дож*ж*а долга нет, упакойнику в гроб ставют бутылку вады. Штобы дожжичик был» [ГНС, с. Потьма; СИС Ф2005-08Ульян., № 14]. «Вады, наверна, ставют. Паллитру вады в магилу. Вот толька, наверная, утоплинникам» [ШЕП, с. Кадышево; СИС Ф2002-14Ульян., № 125].

В некоторых селах бутылку с водой оставляли после погребения у креста. «У нас щас давно уж не была пакарóн-та, этих, пакойникав-ти давно не была. А то вот я, как пайдём каранить, я абязатильна наливаю. Вот толька ни затыкаю [пробкой]. Я иё нясу-та заткнуту, а кагда туды ставлю, окала хряста, [открываю]. Толька манéнька травы заткнула, штобы ана туды ни сарилась, зимля. Вот штобы дожжик пашол» [МАГ, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 2]. «Вот щас будут каранить и паставют паллитру с вадой — к дожжю. Ну, маненька закапают, чуток, окала кряста. Дажжя-та нету. Всё гаварят, штобы дожжик пашёл» [ЧАП(1914), с. Коржевка; МИА Ф2001-29Ульян., № 4; СНА, с. Коржевка; МИА Ф2001-29Ульян., № 39].

Пойдет или не пойдет дождь, во многом зависело от того, каким был человек, у могилы которого совершались эти действия. Согласно одному мнению, Бог посылал дождь, потому что умерший был безгрешным человеком. Согласно другому — покойный был сам способен потребовать дождя. «Вот кагда эта Гришку Кисарава каранили, я налила [воды в бутылку], и вот паставила к хрясту тут. Вот щас так хрёст, ну и, как ему паложина, ставют.

Мане́нька завалят зимличкай, штобы ни падала. А патом начинают закапывать. Ага, ну пакаранили и пашли. Ох, толька пришли мы тагда с пакаро́н-ти, он [=дождь] и взялся, он и взялся! И многим ставила я, не была дажжа, а эта! А мы смиёмся: “Ну, Гришка, он даступнай! Он, бывала, о-ой! Он тре́быват, он какой был, о-о! Он, пади, да самава Бога дашёл!” — “Бизгрешнай был, вот чаво он” [замечает соседка]. — “Патребывал, вот прям верна всё дожжика”. Да. И дожжик пашёл» [МАГ, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 2].

В с. Пятино при сильной засухе утопленников и колдунов топили в болоте (*толкали в трясину*). «Дажжа нету. Вытаскивали из магилы вот этих утоплинникав, удавлинникав. И в трясину их вазили. И вот туды их талкали. Этих утопленникав» [МАМ, с. Пятино; МИА Ф2001-18Ульян., № 34]. «Вот даждя нет и нет. Нет и нет. Нет и нет. Засу́ха. Вот этих людей [=колдунов] вырывали раньши. Их из магил вырывали и в трясину увазили. И вниз башкой талкали. Этих калдунов талкали в трясину» [МАМ, с. Пятино; МИА Ф2001-18Ульян., № 69].

Некоторые магические действия с целью вызвать дождь выполнялись детьми. Кроме коротких приговоров, обращенных к дождю (см. *«Дождик, дождик, пуще»*), повсеместно был распространен обычай при засухе убивать лягушку. «Лягушку убивали. <…> Я вот знаю, что лягушку нада убить, штоб дождь был» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-04Ульян., № 93]. «Разгавор был: “Лягушку, — гаварят, — убьёшь, дождик пайдёт”» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 108]. Убитую лягушку нужно было положить животом вверх. «Эту лягушку, <…> ло́жишь иё живатом наверх — будит дождик» [ЗАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2004-02Ульян., № 37]. «Убить иё и вверх брюхам палажить» [СНИ, д. Александровка; СИС Ф2004-10Ульян., № 34]. «Мы лягушку убьём и кверху брюхам её, штоб дождик был. И будет дождик» [ХРА, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 93].

А.П. Липатова

МОЛОДЫХ ВСТРЕЧАТЬ

В соответствии с региональной традицией молодых после венчания встречали у дома жениха его родители и крестные родители, родные, соседи. Родители благословляли молодых иконой и хлебом. Их обсыпали хмелем, овсом, деньгами. «Приежжали мы, свикровь встречает: хлеб, соль. Ана држит, значит, хмель, смешанную с авсом. Радители жениха благаславляют, выходют с иконай. Ани, значит, благаславляют, радители, крестимся, цалуем радителей, и сваха [берёт] хмель и авёс абсыпает маладых. Ну, где денежки брасали, а у нас была принята так — хмельная штоб жизнь была, висёлая» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ММГ Ф2000-22]. «Иконай христят, а кавригу так хрёсная доржит» [ЧТИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-16Ульян., № 74].

Во время обсыпания присутствующие произносили небольшие приговорки-пожелания. «У входа в жениховый дом гости кидали в молодых овсом, кричали:

Сколько в поле кочек,
Столько вам дочек.

Сколько в поле пеньков,
Столько вам сынков»

[ДЕА с. Ащерино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

«Молодых посыпают хмелем, желая: “Сколько хмелинок, столько вам и детинок”» [МАП, с. Неплёвка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

В некоторых селах молодые откусывали от каравая, которым их встречали родители. При этом существовало поверье — «кто впирёд съест, таму и будет падчиняцца» [ЛТИ, с. Валгуссы; ММГ Ф2001-7].

В с. Барышская Слобода у дома собирались гости со стороны жениха. Около ворот и вдоль дороги, по которой шли молодые, жгли обмолотки. Первым в дом входил дружка, затем молодые. «Перед входом их в дом разбивали о дверь глиняный горшок, украшенный веточками, конфетками» [ГПП, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

В с. Пятино молодая должна была показать, как она будет называть свекра и свекровь. «Приводят маладых, у крыльца там с аццом встричают с кавригай с сольюи дружка спрашиват: “Как будишь называть?” Ну, там гаваришь, тагда тятя был, мама» [КАТ, с. Пятино; ЧМП Ф2001-33].

В с. Проломиха свекровь, встречая молодых, стелила под ноги вышитые полотенца. Давала им вырезанный клинышком хлеб, круто соленный. «Клинышки вырезают и у жениха, и у невесты и меняют их, говорят: “И сладко принимай, и горько”» [ТЕС, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Первомайское молодым у дома под ноги стелили «маленькие ковёрки» [ЧТИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-16Ульян., № 74].

В с. Ащерино, «когда невеста входила в дом, родители мужа говорили ей: “Вот тебе карамыс, / Ходи за водой не ленись”» [ДЕА, с. Ащерино, ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Кадышево, «кагда к жэниху привядут, штобы кукла у ней была. Ана заходит и атдаёт иё» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 56].

После благословения молодых заводили в дом. При этом также соблюдали определенные правила. В с. М. Шуватово молодые входили в дом, одновременно переступая через порог. В с. Валгуссы, когда молодых заводили в дом, они не должны были никого пропускать «промеж себя, иначе кто-то третий, лишний вклинится в их жизнь, и одновременно переступить через порог» [ЦМА, с. Валгуссы; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Коржевка, Аксаур молодых «кругом стала абвили, всё, и нас увили в эту, в и́збу» [ТИН, с. Аксаур; ММГ Ф2001-12].

В доме жениха уже собрались его родные и накрыт небольшой стол. Жениха с невестой сажали «в пирёд, пад иконами» [ШПФ, с. Полянки; СЕВ Ф2000-19]. Однако во многих селах за этим столом молодых угощали по-

особому. «Гости садятся за стол, молодых тоже сажают за стол. На столе стоит угощение, но ложки молодых повёрнуты черенками от себя. <...> Дружка кормит молодых тем хлебом, который привозят от невесты [вырезанный кусочек в доме невесты]» [ЦМА, с. Валгуссы; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Неплёвка обязательным блюдом была яичница.

В с. Чамзинка дружка, как и в доме невесты, вырезал треугольник и заворачивал в уголок того платка, в котором уже был треугольник, вырезанный из каравая в доме невесты [ФЕИ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Первомайское молодых в доме кормят посоленной середкой из хлеба, которым их встречали и благословляли перед домом. «Этот хлеб вырезывают сирёдычки, насалят крута-крута — невынасима есть, и заставляют жэниха с нивестай есть» [ЧТИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-16Ульян., № 74].

Свадебный поезд в с. Астрадамовка. 1958 г. Личный архив

В некоторых селах именно за этим столом происходило открывание лица молодой. В с. Валгуссы «пакрывала» открывали с невесты, когда садились за стол. В с. Налитово лицо невесты открывал дружка.

Также обязательным обрядово-магическим действием была передача молодым ребенка. В с. Проломиха ребенка сначала брал жених, целовал его, потом отдавал невесте. «Та поцалует и совсем отдаёт. Дают ему гостинец» [КММ, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Валгуссы на колени молодой сажали ребенка двух-трех лет, чтоб у молодой семьи были дети.

Однако чаще угощение происходило в другом доме, куда вскоре и уводили молодых. «Вот щас привели маладых, за стол пасадили, щас друга квартира есть, а то дом напротив есть, то маладых уводят туда, в таю комнату, как угастят, как приедут из церкви. Там сваха, подсвашья, дружка, палдружка, падневестницы — ани уходят в другу избу» [ЗТА, с. Тияпино; ММГ Ф2001-36]. В с. Аксаур в этом доме молодых сажали на вывернутую наизнанку шубу, «чтобы дети были, чтобы мирно жили» [ТЕВ, с. Аксаур; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Сара, Налитово молодых кормили в чулане. «Минутки две посидят, и молодых уводили в чулан. Там их угощали пирогами, студнем, горошинным киселём» [ДАА, с. Налитово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

В другом доме или чулане и происходило важнейшее ритуально-символическое действие над молодой — ей меняли прическу: плели две косы и укладывали поверх головы — «по-бабьи». В с. Валгуссы это делали

сваха и подсвашья. Особый порядок заплетения двух кос существовал в с. Б. Шуватово. Там «крёсная невесты заплетает невесте левую косу, а женихова крёсная — правую» [СМА, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Аксаур также надевали на голову молодой *волосник*. «Молодых уводили в избёнку. В избёнке невесте заплетали две косы и надевали волосник. Этот делали женщины провожатые» [КЕМ, с. Аксаур; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Проломиха надевали кичку и повойник. «Потом их уводят в шабры [=к соседям]. Их ведут свахи. Там две косы заплетут и покладут поверх головы. Одевают кичку и повойник делают» [КММ, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Только в с. Неплёвка отмечали, что это делали за столом в доме жениха сразу после приезда молодых. «Молодых сажают за стол. За столом сидят только свахи и самые близкие родственники. На столе обязательным блюдом была яичница. После яичницы свахи расплетали невесте косу на две косы» [МАП, с. Неплёвка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

В с. Коржевка жених не присутствовал при этом обрядовом действии и дожидался своей молодой жены на крыльце. «Дружка уводит их в соседнюю избу. Невесту заводят в чулан. Обяжут под рубец. Она одежду переснимет. Сваха выводит её к мужу (он у двора на скамеечке сидит). “Узнаёшь свою-то?” — “Узнаю”, — скажет» [ГАД, с. Коржевка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

М.Г. Матлин

МОЛОДЫХ МАСЛОВАТЬ

Молодых масловать — обычай на *коренную масленицу* (см. *Масленица*) приглашать в гости молодых, поженившихся в зимний мясоед. «В мисаед толька жинились и прасватывались. Шшас видь и пастом, када хотят, тада и женяцца. А тагда был мисаед, свадьбы делали. На маслину ниделю звали маладых, вот ат свикрови ухадили. Я х*ы*ть вот ухадила. Прихадили звать сюда миня, и увадили миня к матири с атцом. С жинихом. На маслину ниделю в чытьвериг эта звали, в чытьверьг. <...> Ана начыналась с панидельника (маслина ниделя), а в чытьверьг маладых звали. Вот нас туды атвили. Пятница, суббота — там живём. А в васкр*и*сенья — абратна к жиниху в дом» [ААМ, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. В пятницу на застолье с молодыми в доме матери невесты собиралась ее родня. Приходившие в гости родственники звали молодых к себе. «Тагда на масл*и*нцу у нас только гуляли. Вот я вышла замуж, да, например, в январе, а там — масл*и*нца. Она накануне поста. Нас вадили: “Маладые идут!” Моя мать зовет нас туды ночэвать. Я и муж иду ночэвать. А патом тут сродники, тут адин завёт, другой завёт. Гуляли, в каждый дом хадили, гуляли, масловали» [ЗМП, с. Засарье; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

В субботу молодожены шли в гости к родным жениха. В с. Чамзинка и Пятино этот день назывался «золовкины посиделки», так как на застолье молодых приглашала сестра мужа. «Вот вышла ана, у ней заловка, сястра иё мужика. Вот ани ходют друг к дружки. Пираги испякут, сядут и идят. Бражку выпьют. Вот эта “заловкины пасиделки”» [БАП, с. Пятино; ММГ ФАУлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

С четверга до воскресенья молодожены постепенно обходили дома всех близких и дальних родственников, принимавших участие в их свадьбе. «Начынали с радителей, да, а потом вот или сястра там, брат, к ним ходишь, вот так абайдёшь. У као как. У као радни-ти многа, многа ить радни, и вот ходишь, ходишь…» [СМС, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «У нас маслин*и*ца начинаицца с читвирга. Вот, значит, в пятницу, в пятницу у нас, если в другоя сяло, значит, едут, наверна, в пятницу, и сватья, и жиних с нивестай. А в субботу приижжяют ане, сватья. Уже абмен идёт. Вот. Ну, и гуляют» [ЯАИ, д. Александровка; СИС Ф2004-09Ульян., № 34]. «А на масленицу маладых звали, маладые гуляли, по родне ходили. Гулял ты на свадьбе — значит, приглашашь» [КЛС, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

К застолью в доме тещи и тестя готовились заранее. «Вот на масленицу маладых уж всех звали. Атец в среду ездит в Слободу за рыбой, привязут рыбы вечиром, значит, пажарят маладым, а атец невесты идет за свахой с маладыми — к себе» [ЛЛФ, Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. Накормить зятя — было делом чести хозяйки. Об угощении зятя тещей рассказывали анекдоты: «Тёща пикёт и пикёт блины-та, а зять больна ел харашо. И всю квашню съел у ней. Ана гаварит: “Ну, чорт вазьми, што пякла, што нет”. — “А я, — гаварит, — што ел, што нет”» [СНА, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 29].

В Прощеное воскресенье (см. *Масленица*) гощения молодоженов заканчивались. В этот день застолью предшествовал обычай просить друг у друга прощения за обиды и ссоры, случившиеся в минувшем году: «А там третий день — прощёный день. Кто не успел, кому была некогда,締 кака-то причина, водили в воскресенье, а потом — к радителям шли своим, прощёно это воскресенье, с радителями прошшают — и всё, по домам» [ЛЛФ, с. Сара; ММГ ФАУлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

М.П. Чередникова

МОЛОДЫХ СОЛИТЬ

М*олодых солить* — обычай на масленичной неделе «закапывать» молодых в снег. Этот обычай был шуточной формой получения молодожженами нового статуса и их перехода в новую социовозрастную группу.

Когда молодожены шли навестить родителей молодой, женатые мужчины поджидали их на дороге, толкали в сугроб и старались завалить снегом.

«Вот мы с нём пажинились, на маслин*и*цу пришли к маме. Вот идут, вот как сталбы мужики малады*и*! Цоп яво! — патащили. В снег завалили. Тут же миня — цоп! — на няво кладут. Завалили нас снегам. Вот такеи шутки вот да, были. Ну, как вроди на масленицу “саля́т”, штоб ни пратухли, ни пракисли. Нас вот парай, парай вытаскывали. Ну, ни то*ль*ка нас, были ишшо случ*а́и*. Да, и других. Или шутки проста, маладыи мужики, как сказать, пашутить. Эдаки*и* же вот мущины, вот, ну, на гадок пастарши можит быть, вот такеи. Жанаты, жанаты уж. Какая радня дальняя, или па саседски, или напротив вот. Эт*а* маслин*и*ца, видь маслин*и*ца — праздник, и вот сгаварились и пришли. Цоп яво! — и павили. Цоп миня — и в снег, и заваляли с галовкай. Ну, встали, атряхнулись и пашли. А смеху-та, а смеху-та ско*ль*ка! Чуда!» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 96]. «И с маладыми, а уж маладых-та снегом закидают, снегам-та заваливали. Всё время то*ль*ка и глидят — маладыи идут. Заваливали снегам — свалят и валяют. Шуткав многа была, очинь многа. И смеху, и шуткав, все шутили» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Молодые могли быть легко одеты, но это не избавляло их от шуточного испытания. «Я как щас помню, Шура Иванькина — иё в снег, а ана раздета, в лапуши́стам платьи, разувкай кувыркацца. Мама скоре на стол стала припасать, я п*а*глидела там с крыльца: “Вон к нам маладыи идут в пириулки, скорее на стол припасам”» [МАФ, с. Сара; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «И смеху, и шуткав, все шутили. Вот нас туда [=к родителям] атвили в чытьверьг, в пятницу сабирались там рабяты маладыи, с лапатами прихадили, яму вырывали у двара эт в снегу. И вот у миня муж вышил в адной майки — бряк в эту яму, яво закапали снегам. Апять яво раскрыли, вылез он — и дамой» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Если молодожены были в гостях, их могли вытащить из избы. «Чай, нас лична с дедушкай-та вот заваливали. Вот первая маслин*и*ца. Пришли к маме, а у нас в саседях мужик больна уж баявой был — Павил Кокин, яво так и звали “Мытарь”, ага. Цоп яво [=мужа], другой цоп миня и павили. Кладут в снег и заваливают кучей. Кучу во-о навался́т, а мы там лижим. А для чаво, я и ни знаю» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 56].

Подобные шутки устраивались и над девушками. Обычай *девок солить* был шутливым наказанием за то, что девушки не вышли замуж в мясоед перед масленицей (см.). Их «солили», чтобы они сохранились до нового брачного периода. «Из сиденки парни вытаскывали девок. Паследний день маслиницы, “пращоный день”. Дивчонки сидят, ну и цоп! — и в снег иё. Ну, патом атрихнёцца, ана апять взайдёт, — другую. А то две сразу заваля́т. <...> Эта “салить”, штоб девки ни пратухли» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 97]. «Вот ка*г*да маслиница, из снегу вырыют яму, наложут дащечкав ли прутикав каких, и идут, и идут, и идут, и в эту яму — ух! — заваливаюцца. “Штобы, — гаварят, эта, — ни пратухла в лета, а то астанисся в

лета так, старай девай". Ну, снегам иё закапают, вроди, штобы ни пратухла в лета-та. Асталась в девках, замуж никто ни взял, значит, пратухнит, тибя нада в снег завалить. Ну, игра. <...> Штоб на пост асталась этай, как сказать... Вот, прасалили иё, ана уж ни пратухнит. Вот так. Ой, *а*заравали, *а*заравали над дивчонкими, *а*заравали, ужас! Пумают, пример, миня двоя и вядут, вядут. Ух! — в эту яму. И начинают заваливать снегам. Да, да, да. И вылизишь аттуда вся в снягу. "Вот таперь, — гаварят, — ни пратухнишь". Да. <...> Раз замуж нихто ни взял, аставайся, ни пратухай» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 22–23]. «На маслиницу "салили" вроди, "саля́т". На маслин*и*цу, на Прашчёный день свалют и закидают снегам, "салили". Эта вот штобы ана ни пратухла да Паски-ти. Вот чаво. Нас всё валяли, дивчонкав» [МВП, ЛОГ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-03Ульян., № 39].

Причем если было известно, что девушка утратила девственность до свадьбы, то ее не «солили». «Эта вот в паследний день маслиницы, вот в Пращона васкрисенье, девушкав валяли в снягу, эта вроди "салили" йих, штобы ни пратухли да другой маслиницы, если замуж ни вышла. Толька дивчонак. В то время дажи с ней [=с "потерянной" девушкой] и ни занимались ничо*о*, и ни разгаваривали. Так эта насмешными словами-ти ки́дали ей и всё. Шалава. Раз ты шалава, б…, ты ухади. Нет, нет, [не закапывали], и ни касались к ней. Ни касались к ней, касались к харошим» [БИП, с. М. Барышок; СИС Ф2006-27Ульян., № 22–23].

М.П. Чередникова

МОНАХ

Старинная посиделочная игра (см. *Играть в кельях*) с популярной некогда символикой монастыря в Ульяновском Присурье практически исчезла из игрового репертуара уже в 1930-е гг., хотя судя по географии ее распространения она была известна довольно широко. Как и в большинстве молодежных игр, ее смысл заключался в выборе пары и завершающем поцелуе.

«С осени собирались в келье. <...> С палочкой подходил парень и стучал:

— Кто там?

— Монах.

— Что нужно?

— Монашку»

[АЕЕ, с. Палатово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 1979].

«На Кузьминках "в соседа" играли. Парень бадожком стукает:

— Стук, стук.

— Кто тут?

— Сам монах.

— Зачем пришел?

— За монашкой.

— За какой?

И парень берет ту, какая ему понравилась, поцелует ее, садится с нею. Входит другой» [ДПС, с. Аристовка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 1980].

Близкий вариант игры был записан в с. Проломиха, но в отличие от предыдущего, здесь происходила постоянная смена партнеров. «Садяцца кто где сядит. Адин с палачкай — бьёт ею аб брус. У каво-та просит пацылавать. И гаварит: “Палачка-выручалачка”. Ана падходит, берёт ево за руку праву, чериз голаву, ево пацылуит, бирёт палачку и также вызывает парня. Паринь делает тожи самае» [КММ, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 1979].

В с. Новосурск зафиксирован более поздний вариант игры, в котором уже отсутствует символика монастыря: игровые персонажи не имеют характерных названий «монах», «монашка», а игра называется по основному игровому действию. «“Застуканой” какой-та играли, вот кагда свабодна. Ну, вот аб брус стучат какой-нибудь палкай и там каво вызываешь, каму кто нравицца. Ну и гаварит: “Каво, мол, вызываешь?” Он на имя назавёт. Патом и девки стучали. Каво, кто ей нравицца, ана тожи вызыват. [Парень] выхадил, да. Минялись, [сначала парень стучит], а патом девка, да. Можит и цылавались, уж ни помню. Всё была» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 3].

И.С. Слепцова

МОНАШКИ

Монашками в Ульяновском Присурье называют людей, занимающих в социуме деревни особое положение. Как правило, это вышедшие на пенсию женщины нерепродуктивного возраста. Монашки вели закрытый образ жизни, подчиненный церковным правилам и канонам, и являлись носителями церковного знания на селе. Нередко в селах, где нет церкви, монашки выполняли функцию священника: они играли важную роль в обрядах жизненного цикла и календарных обрядах.

Монашек в Ульяновском Присурье называли по-разному: *монашками, старыми девами, нянькам*и. Няньками в рассматриваемом регионе называли и болящих (см.). В свою очередь, и монашек могли при определенных обстоятельствах назвать *болящими*. Называют монашек и *святыми, старцами* (см. *Отец Максим*). Народные названия монашек делятся на группы, в зависимости от того, какой признак подчеркивается. Часто как основной признак монашества осмысляется девство (*старые девы*). Другой признак монашества — аскетический образ жизни (*монашки*) (см. *Отшельник*). В таких обозначениях, как *поповна (поповша), матушка,* подчеркивается приобщенность монашек к церковному знанию, культу. Наиболее распространенное в Ульяновском Присурье обозначение монашек — *няньки (нянюшки*). Четкого представления, почему монашек принято называть няньками, нет. Няньками называли *кредйтных монашек*, то есть тех, кто «замуж не выходил» («старых дев»). Монашек, побывавших замужем (вдов), называли *тётками.*

Относились в народе к монашкам по-разному: позитивно, нейтрально и негативно. Нередко монашки осмысляются как святые. В таком случае их образ сближается с образом других персонажей: болящих (см. *Болящие*), местночтимых святых (см. *Отец Максим, Отшельник*). «Здесь была у нас свята — старушка. И вот ана жила здесь — у ней землянка была в лясу» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 37]. «Иё сястра хадила разумши к этаму — ну, на Крищенья, са святой вадой — на Иардань. Пролубь прарубали, прачыщали и там чытали. <...> И вот ана хадила разумши. Ана ни мёрзла, видна. Ани святы были» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 37]. Не случайно именно у монашек обновляются иконы (см. *Обновление икон*).

В восприятии других, монашки — простые, пусть и благочестивые, люди (такие же, как мы). «Никаво ани ни личили, этим ани ни абладали. Ани проста были начитанныи люди. <...> Ани абыкнавенныи люди» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Монашки могли оцениваться и негативно: местные жители полагали, что от них исходит опасность для всего сельского сообщества. В таком случае образ монашки сближается с образом ворожеи (см. *Ворожея, Колдун*). «Вот тут недалёка. Пра ниё гаварят, испортила. Па-всяки делала. Манашка кака-та. Ана замуж ни выхадила. Па пакойникам чытала. Вре́дна была. Страх, кака-та вредна! Старичок тут добрый-добрый жил. <...> И вот он мне гаварит: "Я нончы, Кать, сон какой грезил". "Какой?" — я гаварю. А у нас там вот за сялом — завут Лысы горы. Ани лысыи — на них ничиво нет. "Вот иду мимо Лысых-ти гор — ани, грит, еще страшней, чэм сичас. Дахажу: два радника. Я в адин-ти, грит, заглянул — какой радник, грит, харошай! В другой заглянул: какова дярьма — и ужи, и змей. Вот мне и гаварят: "Вот ты и ужахайся: эта радник твой — он был уж больна харошай, а это [со змеями] — манаший"» [АЕП, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян.].

Монашки воспринимаются как примета прошлого. Информанты подчеркивают, что «сийчас таких нет» [МЗЕ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. «Манашки? Жили у нас на гаре две. Ну, как верущи бабушки. Раньши видь, щас нет — щас таких нет» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. «Раньши многа монашкав была. А щас — не-ет. Щас нет такех людей-та» [ТАГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-64].

Ульяновское Присурье — зона, граничащая с Республикой Мордовия. Мордва нередко оценивается как народ истинно верующий: «ани ведь верущи такии — не то, что мы вот» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10]. Нередко в русских селах монашками становились мордовки. «У нас вот жили мардовки. Бабушка Паша. Эта манашки-та» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. «Ана толька Богу малилась. <...> Две жили. Их три. Патом ищё из-за Суры пришла к ним адна. Тожа ана Богу малилась. Хадила па старанам везде, как странница. И ана к ним присаидинилась. Ана из Мардовии была. И ана тожа с ними стала Богу малицца» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10].

Монашки вели аскетический образ жизни в соответствии с церковными правилами. «Богу малились. Ани ни саабщались никто так вот ни на матирна, штоб ни ругались — толька штоб всё пра святоя и гаварили. <...> Тётя Маша и тётя Катя мы звали их. Жили вместе, атдельна ата всех. Ани жили как старцы, ани замуж ни выхадили. Адна, всё время ана Богу толька малилась. <...> Ани савсем ат людей, ни абщались ани. Тол*ь*ка знали Богу малились и всё» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10]. «Была у нас тётя Настя Быльчикова. Вот ана была риприссираванная. Вот тут ана жила как манашка. Вот эта Писанья — ана всю Библию знала и читала. Душой асталась вирна сваиму» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Селились монашки или на пограничье освоенного локуса деревни, или за его пределами. В с. Кадышево монашки жили в небольшой избенке «на задах» села. «Ана на задах, так у ней была избёнычка нибальшая. Так ана на задах и жила. У нас эти манашки бальшинство жили на задах. Избёнка, вот тут вот на Верхней старане. Адна жила нянька Сирова на задах. Эта нянька Каротина жила на задах. Вот на задах жила нянька Алёшина, Машинька. Тоже на задах. Малинькии избушки. Вот как ба́нёшки» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 72]. В с. Коржевка «избенка» монашек располагалась на горе, являющейся естественным пограничьем селения. «Прихадили, никуда ни казались. Вот старши нас. На гаре жили две манашки. Атдельна ани жили» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10]. «У нас была вот здесь манашка, жила на гаре-та» [ТАА, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

В с. Кадышево монашка жила в землянке в лесу. «Здесь была у нас свята — старушка. И вот ана жила здесь — у ней землянка была в лясу. И вот ана стара стала. Ей ни пенсии, ничэво нет. И вот ана у маей снохе жила — здесь, в Кадышеве. Кто чао принисут, к ней придут чао спрасить, как кто вернёцца, прапала ли — и принесут. И все к ней ходили. И вот ана этим кармилась» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 37].

«Зарабатывали» монашки тем, что служили «по покойникам», да и односельчане им помогали деньгами. «Тем ани жили: чытали, хадили чытали. На паминки хадили. На паминках паидят, там на паминках дадут, пачытают там, скока там маненичка дадут, и всё. Вот этим и жили. Ну да, и ей насили. Так-та [с пустыми руками] жи ни пайдёшь, там скока-нибудь капеик дадут. Тада ведь капейки были» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 72].

Односельчане хорошо относились к монашкам. В с. Коржевка монашке построили дом. «Адной-та, вот этай мардовки, сделали так ат сваей души люди [дом], рядам приделали ей» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10]. «Ну, проста их очинь уважали. Ани были благародным*и* очинь таки, интиллигентныи, васпитанныи, дабражилатильныи такии. <...> Им памагали многии. Их все любили» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Обладая высоким авторитетом у окружающих, они могли поругать нерадивых односельчан. «Была ана стара дева, паповна. Бывала, придёшь, а эта адна-та — тётя Маша (няня Маша мы её звали, высокая была): “Эх вы,

бизбожники, эх вы, биссови*ст*ны! Вы видь малицца и то ни ум*е*ети дабромти! Ты вот эта вот зна*е*шь? Ты вот эта вот зна*е*шь?" — "Да, няня Маш, атколь я знаю, ни знаю я ничао!" <…> Ругали: "Малицца дабром и то ни умеити!" [МЗЕ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Свое знание, выделяющее их из ряда обычных людей, монашки приобретают по-разному. По одной версии (профанной), монашки — простые «бабушки», знающие «как это все по-церковному» [ТАГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-64], «они просто были начитанные люди. Они знали вот это вот всё — молитвы все, в общем, всё это вот Священный Писание. А замуж не выходили. <…> Они обыкновенные люди. И ничао они не были никакие не святые» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. Знание монашки получали, обучая друг друга.

По другой версии, монашки, будучи изначально избранными, обладали необычным даром. «Ана радилась такая. Ну, в общим, плахая. Плоха глаза видили. И па бабушкам ездила ана [мать], и па бальницам ездила — ничао ей ни сделыли. Ана с раждения такая. Ну и к адной бабушки с ней паехали. Ей было семь лет этай Машиньки-та. "Как, гаварит, я с ней буду жить-та? И как ана будит жить?" Ана ей гаварит, матери-ти: "В общим, тибя будит ищё кармить". — "Как ана, гаварит, будит миня кармить? Кагда ана ни видит?" Аказалась, ана права. У ней такая была память. Вот была ана ниграматна. И вот в Евангелие сколька писана, а у ниё всё была в галаве. Ана ни читала. Вот ей прочитают. И у ней всё в галаве была. А патом — эта да вайны уж эта всё. Ну, кагда ищё церкви ни закрывали, ана памощник папу была. Ну, как ана дьячок была. И ана всё читала. А кагда эта раскулачыли, папа-та пасадили, иё папом пастанавили. Ана ищё в церкви служила» [ШМС, с. Коржевка; АЕС, БЛА Ф2002-9].

Если избранность болящих в народном сознании во многом определялась их недугом (см. *Болящие*), то особость монашек (их непохожесть на других) — девством. Девство по своей природе (а следовательно, и по статусу) может быть разным: вынужденным и осознанным. Различаются (по статусу) девство и вдовство.

Монашками становились вдовы, которых было много в послевоенное время. «Раньши читали у нас — ана старуха была, ну, в общим, вдава — муж на фронти пагиб у ней» [КАЕ, с. Чамзинка; КАМ Ф2002]. «Лиза Фиафанава, Таня Сычова — их многа была. Посли вайны ани вдовы астаюцца. Ани вдовы были. <…> Ани авдавели — у них на вайне мужья-ти пагибли — вот ани уж тут и малились. Ани друг дружку хадили» [ШЕП, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 116].

Но особо почитались *кредитные монашки* (*няньки*) — старые девы. Девство воспринимается в народе как знак избранности. «Ани жили как старцы. Ани замуж ни выхадили. Адна, все время ана Богу толька малилась. <…> Ну, уж ана-ти никагда ана ни скаромна ни ела. Ана никагда ничао. Замуж ни выхадила. Ана толька Богу малилась» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10].

Причины, подтолкнувшие будущих монашек встать на этот путь, были разные. Некоторые не выходили замуж просто потому, что «замуж ни взяли

их нихто, ани в манашки пашли» [ЩМЛ, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 41] (вынужденное девство). Других, наоборот, сватали, но они «не пошли», так как выбрали другую дорогу — служение Богу (осознанное девство). «Мать с аццом гаварят: “Вы чао?” Ани гаварят: “Манашкай астанусь”. Ни захатели, сами ни хатели. <…> Все ани были честь по чести очынь хароши женщыны» [ЩМЛ, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 41]. «Это правда была манашка Каротина Варя, нянька Варя. Иё атдавали замуж — мать с атцом-та — ана ни пашла. Красива была, высока, здарóва» [ЛМП, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 117].

Кого-то к решению подтолкнуло какое-то событие (как правило, негативное: несчастная любовь, насилие со стороны мужчины). Монашка Коротина Варя из с. Кадышево «красивая такая была. Высока. Пошла ночью из Вальдиватского». Шла через лес. В лесу ей встретился «мужик», который попытался совершить над ней насилие. Девушку чудом спас проходивший мимо охотник. После этого случая «с ней сделалось плохо» — «из неё ушёл какой-то бес» [НЕН, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян., № 34]. По другой версии, няня Варя в молодости полюбила парня, но он не посватался к ней. «И такая ана была красива, высока, хароша! Нянька Каротина, фамилия Каротина. И ана любила аднаво мушшину, в Сурским был прадавцом. И каждо васкрисенья, кажду субботу хадила туды на няво глядеть! “Вот, — гаварит, — пагляжу на няво и приду дамой успакоюсь. Толька што пагляжу”. <…> И была, знашь, кака*я* хароша! Сколька тол*ь*ка её сватали. Пално сватали! Её очень многа сватали. А каво любила, её ни [сватал]. Ни сватал ли, ни отдали ли? “Я, — г*а*варит, — любила толька аднаво. Я только аднаво любила. Больше я никого ни любила”. И асталась» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 72].

На путь безбрачия могли благословить родители. «Манашки — стары девы, ни выхадили замуж. Замуж ни выхадили савсем. Малились Богу, читали, па мёртвых читали. Вот ана па мёртвых. У нас многа их была манашик. <…> Ну, ни выхадили. Ни знай, пачаму. Или ни атдавали, или ни брали, ни знаю как. Вот, например, Настиньку — вот эту нянька Редькина — иё ни атдали ни за каво. Мать благаславила их быть всё время этими, нежанатыми. Сын был нижанатый, дочари низамужнии. <…> Ана [=мать] была замужем и ей ни панравилась, видна, замуж*ем*. А детей так и благаславила. Прасила, г*а*варит, Богу: “Господи, г*а*варит, штобы у миня дети были: дочари были низамужнии, а сын был нежанатый”. Так и была всё. А её дети-ти паслушали. Им так пришлось. <…> Ну, ане такие были вот. Адна-та была... Он [=сын] был тожи какой-та вроди манинька [не в себе]. Да. А дочь была Нюранька, ана вот: пост великий, гавенье семь нидель, ана брала семь прасвирак и ухадила туды вот на Часовинскую гору, там часовня была. И вот ана там весь Великый пост там на этих сими прасвирах. Адну прасвирку только ела. Ну, можит ишшо чаво брала. <…> Вот там в часовни. И спала там. <…> Две дочари и сын. Вот адна-та всё читала — Настинька Редькина, нянька, так и звали “нянька Редькина”» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 72].

Наибольшим уважением пользовались кредитные монашки, няньки, особенно если их девство было не вынужденным («никто не взял»), а осознанным. Такие няньки могли попасть и в разряд местночтимых святых (см. *Болящие*); вдовы же нередко воспринимались просто как благочестивые «бабушки».

При всем многообразии типов монашек функции, которые исполняют они в социуме, единообразны (даже монашка, портившая людей, отпевала покойников). Функции, отведенные монашкам в социальном устройстве деревни, они распадаются на три группы (во многом зависящие от того, какой компонент образа — религиозный, магический или мистический — преобладает в сознании рассказчика): «церковные», «магические», «мистические».

В селах, где не было церкви, монашки выполняли функцию священника. «Ну, кагда ещё церкви ни закрывали, ана памощник папу была. Ну как ана дьячок была. И ана всё читала. А когда эта раскулачыли, попа-та пасадили, иё папом пастанавили. Ана ищё в церкви служила» [ШМС, с. Коржевка; АЕС, БЛА Ф2002-9].

К Пасхе они обряжали иконы (см. *Икона*). «А патом там ищё адна жила. Вот иё все Варенькай звали. Варавара. <…> Ну, тожа ана то*ль*ка иконы абряжала. Этим то*ль*ка занималась — сваё дела» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10]. У монашек односельчане учились обряжать иконы.

Монашки принимали активное участие в календарных обрядах. На Пасху монашки «читали, читали Богу. В церкви, монашки при церкви были. Читали на Пасху» [НЕН, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян., № 35]. На Крещение монашки освещали Иордань (если не было священника). «Батюшки сва*и*во не была — церкви не была. Тагда манашки хадили малицца на Иардань. Лиза Феафанава, Таня Сычёва — их многа была. Посли вайны ани вдовы астаюцца. Ани вдовы были» [ШЕП, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 114].

Монашки служили молебен во время засухи (см. *Молить о дожде*). «Ну, так вот и ходют, как дождя нет, как дождя нет, бывало, собираются. <…> Как и в церкви служат жи. И свечи, и поп, если есть поп, так поп. Если нет — так старухи. Раньше читали у нас — она старуха была, ну, в общим, вдава — муж на фронте погиб у ней» [КАЕ, с. Чамзинка; ГОГ, КАМ Ф2002-2].

Монашки принимали активное участие в обрядах жизненного цикла — особенно в крестильной (см. *Родины и кстины*) и в похоронно-поминальной обрядности (см. *Поминки, Похороны*). «Была ана стара дева, паповна. Они здесь сначала жили, а патом ушли на гору жить с адной, тожа манашка была. Вот они хадили служили. <…> Вот щас кто умрёт, ани идут петь. Атпявали, да. И дитей кристить насили. Кристили дитей. Я вот сваих у них абоих дачирей кристила. <…> Ани ни лечили. Ани толька вот служили» [МЗЕ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. «Прихадили, никуда ни казались. На гаре жили две манашки, вот старши нас. Атдельна ани жили. Ани толька хадили вот ну па паминкам, Богу малились» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10]. «Многие хадили. И они служили. Их приглашали на похараны. <…> Дитей хадили к

ним кристить. Церкви-та не была. <…> Никаво ани ни личили. Этим ани ни абладали» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. «Ана хадила тожа на похараны. Ана читала. Ана там пела. Ана никагда ни брала денег: “Зинушка, милинькая, денюшки за эта ни берут. Я для души сваей делаю”» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. «Работали — и жали, бывалыча, и в калхози ани хадили памагали. Но вот, например, умрут — упакойник — ани идут читают — ани всё время работали — работяги были. <…> Ани вот хадили читали — пакойник умрёт — ани читают. <…> Этим [=лечить] — нет, ани ни занимались!» [ЩМЛ, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 41].

Информанты, для которых важна «церковная» составляющая образа, подчеркивают, что монашки «только служили, а лечить — никого не лечили». Рассказчики, для которых не менее важна „магическая“ составляющая, наоборот, подчеркивают, что монашки подобно ворожеям (см.), болящим (см.) лечили людей. Монашки умывали святой водой, «лечили молитвами». «Ани личили, вот забалею я. И са всех сёл прихадили к ним. К Каротиной хадили, к Сугробавой хадили, ка всем манашкам. Вот ани читали. Ани малитвы знают — читают. <…> Ани вот личили чем-та или толька малитвами — вот малитвами личили, малитвами» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 37].

В пос. Сурское есть Никольская гора (см.), являющаяся сакральным центром Присурья. Монашки ходили на Никольскую гору. «У ней вот была иконачка [которой она лечила] такая. Ани вот к Николе всё хадили тожа пишком» [ВСМ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. Паломники на горе собирают камушки с ликами святых, так как они обладают лечебной силой. Монашки использовали камушки с Никольской горы для лечения. «У миня сын. <…> Он никак ни спит, кричыт-кричыт, арёт-арёт, бывала. И на стенку лезит, вон, где кавёр. Кричит: “Волки, волки миня!” А он сабаки тагда напугался. <…> Туды [к монашкам] вадила иво. Ана вот, что этот камушик-та, нашли на гаре-та, ана вот этим всё по спине яму и по грудки, и всё эта. И палегши стала» [ВСМ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Монашки лечили детей. «Хадили, хадили личицца многии, дажи из-за Суры ездили, из-за Суры ездили. Ани эта спасали. Я, например, сама хадила. Вот у миня был мальчишка, я к ним хадила. Ани умывали дитей. Панашиму называцца “сглазу”. <…> Вот, например, мальчишка хароший, там, дивчонычка. Рибёнак хароший, красивый. Ты паглядишь, мож быть ты ничао ни знашь, а мать падумала: “Ой, как бы что-та у мя”. Он ни спит всю ночь, если сглазит чэлавек рибёнка. Эта крычыт и крычыт, и плачыт. Прям да боли заходит, да бальницы. Он всю ночь ни спит, пака ни умоит. <…> Ана дитей этих вот васкришала. Вот эта мардовка-та — к ней хадили умывать. Ана умывала, сцили́ла [=исцеляла] малиньких дитей. Взрослых — нет. Ани, вроди, эти младенцы, ани ни грешны. Ани их толька васкришали. Там чао-та, нальют нам вадички. Мы и купаим. <…> Люди их почитали как святых. Ани сроду пастились, ани завсягда людей [принимали]. Никагда ни с кем ни ругались» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10]. «Малитвы читаит,

маниньких варóжат. Ат крика, ат сглазу. Ани малитвами, малитвами. Я к манашкам хадила нá гору вот тада. Арёт и арёт — на стену лезит — вот ночью лезит на стену. Павила иво — он ни идёт никак туда, ни идёт, ни идёт. Ну, аттоль привидёшь, вот и всё. <…> Вот ана прачитат Багародицу, чаво ли там, Очче ли» [ШНФ, с. Коржевка; СЕВ Ф2002-36].

Монашки заговаривали зубы. «Ани толька вот служили. <…> Из Мардовии пришла Фяклá. <…> Ну, как ана личила? Ну, если чао-нибудь забалит — загаварит там. Зубы забалят. Ана уходит куда-та, там чао-та нагавариват» [МЗЕ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. «Вот, например, Маша Скаротина была. К ней пайдёшь — вот зубы загаваривать — вот зубы забалят — я хадила вот к этай» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 37].

Монашки знали, как лечить кожные заболевания. «Кагда я сюда приехала, у миня вот нага вот, каленка, прям вот эдака была. Я в бальнице лижу: месяц лижу, втарой. И ника*к* мне памога нет, никак. А туты были две мардовки, стары, и мне всё: “Батюшки! У тибя рак, у тибя рак! Из бальницы ты ухади, к бабушкам иди. Аборачивай, красна сукно прикладывай”. Вот рожа, ана эта красна делацца. Ну, ушла из бальницы. Пашли [со свекровью] к этай вот, на гаре-та, ба*б*ушки у нас две жили. Я села на табуретку, а ана мне стала вот эдак, ана [ногу] гладит и гладит. Как раз на заре, солнышка закат*ы*ваца. “Ну вот, ты, — говорит, — приходи утрам ищё”. [Нужно ходить утром и вечером]. Губами-ти шлёпат да шепчит. Ну, вот. Ушла ана в чулан, и там чао-та. “Ты прихади завтре”. <…> Три раза я хадила. Ну и что? Мая нога прашла. Я вышла апять на работу. Ани знают каку малитву!» [НАА, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10]. «Это правда была монашка Каросина Варя, нянька Варя. Ана вот личыла — загаваривала. Ана и миня вот личыла. У миня был “камчýк” [=фурункул] — ну вот с простуды вышил вот эдыкый вот, как чырий. А патом прарвался. Страх! Ана памагала. <…> Ани пра сибя видь [шепчет]. Пальцами водит [безымянным обводит]» [ЛМП, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 118].

Монашки снимали порчу. «Дваццать читыре года таму назад я жинился. Ну чо-та, можа люди разные бывают. У нас была вот здесь манашка жила на гаре-та. <…> В общим, плоха са мной сделалась. И вот миня матушка свая павила к ней, к этай матушки. Я с тех пор и начал верить и в Бога-та. Ни в Бога, я ни в чаво ни верил. <…> Ана вот как памалилась, умыла миня чем-та, ну, наверна, святой вадой. И всё са мной [стало лучше]. Я вот да сих пор ищё живу» [ТАА, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Монашки помогали скотине. Если колдун заберет у коровы молоко (см. *Колдун*), они «атгаваривают — манашки атгаваривают» [НЕН, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян., № 35]. (см. *Покупать корову*) «А патом я уезжала, карову аставила людям даить. Приизжаю — карова миня ни падпускаит, связывать ни даёт. Прастенак аж вышибла тагда. Ну, вот я пашла апять к ним, нá гору. Уж адна асталась — Фякола. Ана мардовка была. У ней уж духу разгаваривать не была. Ана гаварит: “Дочинька, а ты хоть малитвы каки-нибудь знаишь? Вот и читай, ходи круг иё, читай и вот вадичкай — на тибе”. Литру

вады налила мне святой. Ну, я иё раз-два абхадила, умыла. Читаю малитву. Круг иё хажу. Ну, палегши стала» [ВСМ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Образ монашек двойственен. По одной версии, монашки, будучи «божественными старушками», лечили святой водой и молитвами. По другой, монашки, подобно *ворожеям* (см.), лечили заговорами. Как правило, подчеркивается, что заговорами лечили монашки-мордовки, а русские либо не лечили вообще, либо лечили силой молитвы. «Нет, личить ни личили. Ани толька вот служили. <…> Из Мардовии пришла Фякла, ана личила. <…> Ну как ана личила? Ну, если чао-нибудь забалит — загаварит там. Зубы забалят. Ана уходит куда-та, там чао-та нагавариват. Выходит — всё!» [МЗЕ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Мистический компонент образа монашек связан с тем, что монашки способны подобно болящим (см.), юродивым (см. *Отец Максим*) угадывать. Данный компонент представлен в редуцированном варианте. «Здесь была у нас свята — старушка. И вот ана жила здесь — у ней зимлянка была в лясу. И вот ана стара стала. <…> И вот ана у маей снахе жила — здесь в Кадышиве. К ней хадили. Ана всё скажит, как чаво будит — впирёд скажит, чаво будит. И вот ана у ней [у снохи] нахадилась и гаварит: "Ну, ладна, гаварит, в маей избушки кто-та были". У ней живёт здесь в Кадышиви, а избушка, можа, в пирилески. Зимлянки у них были, и там были иконы — ани и жили, малились. И ана гаварит: "Как в моей избушки назаравали". Там нагадили, все иконки разбили все визде. Ана гаварит: "Ну ладно, Бог их увидит, Бог их найдёт". Ана ничиво ни гаварила зряшнава. И вот вайна — пашёл на фронт — и тут жи убили — ана и знат, кто. <…> Ну, хадили если чао узнать — придсказать: чао прапала, или чао-та или забалели» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 37].

К монашкам шли за советом, за благословением. «Вот у нас папа, когда пошёл на войну. У нас вот жили мордовки. Бабушка Паша. Когда па́пу на войну провожать, он пошёл к ней. Она ему говорит, сходила и сказала: "Владюшка, милый, ничио с тобой не случится — ты придёшь домой". Так и получилось» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Образ монашек в традиции далеко не однозначен. Не обладая четкими характеристиками, образ монашек может сближаться, с одной стороны, с образом святых (см. *Отец Максим, Отшельник*) и болящих (см. *Болящие*) (мистический компонент почитания) и, с другой стороны, с образом ворожеи (см. *Ворожея, Колдун*) (магический компонент почитания).

А.П. Липатова

МОРДОВКА — см. Наряженными ходить, Ярку искать

Н

НА ЗУБОК

Обрядовая церемония, связанная с поздравлением роженицы и «смотринами» новорожденного, в Ульяновском Присурье называлась *на зубо́к, на зубо́к нести* (с. Валгуссы, Пятино, Тияпино), *с зубка́ми, с зубко́м приходить, с зубко́м ходить* (с. Кадышево, Б. Кандарать, Чумакино, Сара, Лава, Первомайское), *зубо́к, зубо́к нести, зубо́к приносить* (с. Б. Кандарать, Проломиха, Чумакино, Шуватово, Сара, Чеботаевка). Это один из целой череды послеродинных обрядов, включавших в себя различные очистительные и охранительные магические практики (см. *Родины и кстины*), призванных предохранить роженицу и младенца от «нечистой силы» и ввести их в круг родственников и односельчан.

В разных селах эта церемония немного отличалась не только названием, но и другими деталями. Обычно ее проводили через некоторое время после родов (от трех дней до двух недель), в зависимости от самочувствия роженицы и младенца. Более старой является традиция чествовать роженицу только женщинам, которые при помощи взаимного угощения вновь символически возвращали ее в свой круг после периода изоляции перед родами и после них. «Женшшины, то*ль*ка бабы. При́дут паглидеть-та: мальчышка иль дивчонка. Чай пили сидели. Бывала, вина не была. Чаю папьют, пирагов нарежишь. <...> Ане падайдут к зыбки, глидят: “Расти с богам!”» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 103]. «Адни женшшины как-та вот прихадили. И чужии приходют, если дружна мы с саседими жили, и саседи. И бабка у нас встречь [=напротив] была, ана абизатильна, как я ражаю (*а* я траих радила!), ана абизатильна принисёт “зубок”. Прихадили, угашшали, самавар паставят. Вот угашшали, чай ставили тут жи» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2009-29Ульян., № 58]. «Ну, прихадили. Там придут сваи сродники, женшшины. Сриди нидели ради́шь, там два васкрисенья, или какой там праздник, пякут пирог, “зубка́ми” завут. Ну, бальшой, на листу, ва весь лист. Там с чэм, с какой начынкай. <...> Радила. “Ну, кагда?” — “В васкрисенья пайдём с зубка́ми-ти”. Да уж, разгаваривают [=договариваются], значит, в эта васкрисенья там, там праздник какой: “Пайдём, зубки панисём!” С “зубком” к ражаницы приходят. Сваи радныя. У миня две сястры, мама ишчо была живая, там яво самаво-та [=мужа] сродники. За стол, угашшать. Раз “зубки́”, там и бутылка. Эта уж абычай такой был» [КЕА, с. Первомайское;

СИС Ф2001-05Ульян., № 149-150]. «“Зубок” — пирог спякут, нясут. Мне тагда хрёсна, тётка Кабанова, мама-та — все принисли. Заловки. А как жи, принасили “зубок”. Радныя» [САМ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 59].

В других случаях главными участниками были близкие родственники, реже — кумовья, близкие друзья, соседи. «“Зубок” свае принасили, свае! [Родня] и мужа, и жаны. А чужии, са стараны — нет. На другой, на третий день — праз*д*ник. Кагда *и* папожжи» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 103]. «Радицца, *и* там дней чериз десить вот, примерна, как ражаница из бальницы придёт, к ней там тётки ли, сёстры идут, принясут “зубок”. Чаёк ставим. Чаво? Ну, чай, и мушшина идёт, если ана замужня, у ней муж есть, и он с ней вмести идёт, как жи. Ну, “зубок” принясут, толька пирог. Самавар паставит, чайку папьют, пасидят и боли всё» [ФАИ, ГАИ, с. Коржевка; МИА Ф2001-27Ульян. № 46]. «Вот с “зубками” придут, там сколька. Карянны́и [=близкие], канешна, радныи тут приходят. Ну, их угащают. Канешна, тут и винцо будит, и всё тут будит, как нада быть» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 119]. «Вот у нас абычай: если вот мы пазавём вот там, например, брата са снахой, там другова брата, ани што-та принясут. Пирог пекут, называицца “зубок”. Или там пряничкав — ни больна все ахотники пираги пикчи» [ВНК, ВАК, с. Пятино; МИА Ф2001-20Ульян., № 82]. «Хадили с “зубком”, и с нами мужья хадили. Маладыи мы были. Если у миня вот плимянница радит, или у плимянницы там доч или внука, я иду. Я с мужим хадила. Иду вот к плимянницы, и хадили с Васяй — маладыи-та были» [ААМ, с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 84]. «Приходит мать [из больницы], сходюцца радныя. Пираги испикём, панисём “зубок”: “У нас радился́, нада нисти зубок”. Кто пирог ни спикёт, кто купит в магазини чево-нибудь: пиченьица килаграм, скока ли. Принясут пиченьица, канфет. А раньши нет, раньши то*ль*ка пиражок!» [ЛЕЯ, с. Коржевка; МИА Ф2001-28Ульян., № 32]. Этот вариант «зубков», видимо, является пережиточной формой «кстин», традиция которых в обследованных селах была уже практически утрачена. «С “зубком” — эта кагда делают кристины, тагда нясут пераги. Тагда идут с “зубком”. Перог нясут, там чаво» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 14].

Все гости в качестве подарка приносили с собой специальный пирог, название которого определялось смыслом церемонии, проводившейся, «чтобы у младенца поскорее прорезались зубки». «Ну, пасле́, кагда прихадили “с зубками”, — пираги пикли, “зубок”. Радныи там: можит, тётка, мож*ит*, сястра, ли кто ли. Вот полстала целыва эт*ыт* пирог. Бальшой, бальшой, “зубок” назывался. Вот спякут целу плиту и нясут там, кто с чем испякут. “С зубками” абзатильна хадили. Девушки ни хадили, взрослыи женщины. Уж мущины-ти ни хадили, всё как-та адны женщины были, сидели. Канешна, паставют чай, как чаво абсуждали-та. Тагда радили па-страшнаму, видь ни как щас дваих, аднаво. Па десить, па двинаццать чилавек ражали» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 67-68]. «А патом уж адни женщины —

пайдёшь, панисёшь. Бывала, пирог пикли. Кто сладкий, кто как, кто с чем. “Зубок” — и круглый, и на противне. Больши круглый. И каторый урисуишь: “С нараждённым!” — узнашь, как завут, и напишишь. Дениг не была, пираги были. А сичас идёшь, пакупашь падарак — вон торт или чаво, пряники, канфетки нисёшь. Каторы пичо́м. Ане сабирают стол, приглашают там ишчо. Ни тол*ь*ка я адна принясу, можит, “зубков” пять. И садимся и пируим — за младенца» [ААМ, с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 84].

«Зубком» обычно назывался большой закрытый пирог круглой или прямоугольной формы с начинкой. «“Зубок” называ*и*цца. Испякут круглый пирог с мясам. Луку насыпют на корку, патом мяса, ну, там кашки мане́нька. Кусочкими нарежут» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 119]. «Ка*г*да радит, навищают и хадили с “зубком”. Вот. Там прайдёт ниделя ай две, пякут пирог на плите. Закрытый пирог — и нижня*я* корка, и верхня*я* корка. С какой начынкай та*г*да? С каший. Можит, хто с яйцыми. Хто с чем» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 6]. «“Зубки” и сичас делают, как радицца. Пирог пекут, называицца “зубок”. Ну, радня — свякровь и мать. Ну, а хто пикёт? Хто ищо, чай. Хто с чэм, с чэм вздумашь. Хто с капустай, хто кашу с грибами сделают, или хто с картошкай. Картошку, лук пирижарют. У каво противинь бальшой, и бальшой сделают. <…> Эта хто как. Хто разглаживаит [тесто] на плите и сабираит в кучку бака. А хто скалкай раскатыва*ю*т, натягива*ю*т сверху. Хто как» [ВНК, ВАК, с. Пятино; МИА Ф2001-20Ульян., № 82]. «Их можна была испичи, “зубок”-ат — пирог с картошкай *и*ли там с маркошакай там *и*ли с чем ли, с капустай ли, са свёклай ли. Вот эта называицца “зубок”» [ФАИ, ГАИ, с. Коржевка; МИА Ф2001-27Ульян. № 46]. «[“Зубок”] насили, ага. Долгий — вот так, “курник” у нас завут. “Курники” — долгии, закрытыи» [ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 1]. «Пирог испикём — эта “зубок”. А пираги-та с чиви́цай пикли, ни то што с какем мясам! Или там кто с картошкай, кто с калинай. Да с свёклай бальшинство пикли. Сладка свёкла у нас была. Иё, бывала, напарют, знашь, как идят!» [ЛЕЯ, с. Коржевка; МИА Ф2001-28Ульян., № 32].

В некоторых селах участники церемонии торжественно несли «зубок» по улице, положив его на полотенце. «С “зубками” хадили раньши. И нясут: палатенца висит, так диржат этыт “зубок”. Абизатильна с палатенцам. Штук пять-шесть идут люди-ти. А патом с писня́ми идут, с пляскай. Пример, к маей матири-ти идут. Гаварят: “Ба! Вон к Дуни Панковай идут с “зубками”!”» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 119]. «Пакрывают вот палатенцам бальшим, палатенцам каким вышитым или там с тюлью. Накрывают и па всяму сялу нясут. Па всяму сялу идут с этими, с “зубком”» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 6].

Поскольку приходило одновременно несколько гостей, то пирогов обычно приносили много. «Ну, и мать принисёт, и там сястра или там сваха какая если. То*ль*ка радныи. Ты живёшь, например, у них, а у них есть радныи ищо, радныи сва́е. И мужа, и ат миня [родня]. Мать-та мая атдельна живет»

[БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 6]. «“Зубок” насили всегда. Ну, ниделька прайдёт, и эта вот нисут. Никто никаво ни завёт, а идут нисут. Идут с пирагами. Ну, круглай [пирог] — так эта, абычна. Бальшинство сладкий нисут, с павидлай. Раньши толька так: “зубок” нисут — и всё. Ну и вот сидят, чаим угащают там» [МНА, с. Проломиха; СИС Ф2002-02Ульян., № 57].

Существовало поверье, что «зубок» мог быть завороженным, и с ним могли наслать порчу на роженицу. «С “зубком” хадили. <...> Все радныя нясут видь, чужии ни нясут, а толька радныя. Вот, гаварят, варажбу с этими “зубками” принасили. Плоха, плоха с ражаницай была, да» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 77]. Поэтому вручение пирога сопровождалось различными благопожеланиями. При этом участниками церемонии обыгрывались как название пирога, так и его начинка. Например, его делали сладким, чтобы у младенца «была сладкой жизнь». «“Зубок” — пирог пикли. Закрытый. Прям на плите, на противне. Кто с чэм испичот, с разным. Штоб [ребенок] сладкый был и матири, и атцу» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 103].

Иногда с пирогом приносили небольшие подарки для ребенка и роженицы, что тоже является результатом контаминации с обрядом крестин, во время которого принято одаривать ребенка. «И нисли “зубок”. Абизатильна. Кагда радит уже. И я ражала, и мне принасили “зубок”. Пираги пикли. И так кто чаво купют малинькаму. Принасили там пилёначку, мыла там мыть рибёначка. И пирог вот ва всю эту [тарелку] принисут. Кто какой спичот. Закрытый. Ну, кто как можит, ни абизатильна [сладкий]. Кто как мог» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2009-29Ульян., № 57-58].

Церемония включала общение гостей с младенцем, сопровождавшееся здравицами и благопожеланиями. «Падайдёшь к нему: “Расти”, — пригавариваешь, — будь щасливый, паслушливай, здаровинькай! Щастья тибе!” Вот стаишь окала яво и так вазьмёшь ево, за ножки падымишь: “Штоб твая ножка хадила! Ну-ка, баязливый? Будишь лётчик или чаво? Куда ты палитишь?” И закричит: “Ну-ка, какой у тибя галасочик? Песильник будишь!” Вот так, шуткими вот эдак вот. Ну, я паднимаю вот: “Какой хароший! Какой ты милинькай да радной ты мне. Вот, — гаварю, — будь паслушливым, будь умным!” Ну вот. Патом вазьмёшь за ручки, так распахнёшь: “Ни будь вялым, атбой ат сибя атдавай!” Ну вот как, штобы над табой ни смиялись, ничаво: “Будь такой, развитие давай!” Ну, эта так мы пригаваривали. Вот так шуткими. С нём вот так вот пастаишь, садисся, и вот патом угашча*ам*» [ААМ, с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 84]. «Паказывали [младенца], паказывали. Пажаласта, развёртывай, как хошь можна глидеть. Ани сами смотрят: “Щас паглидим, паглидим, там как. Вот мы зубок, другой… — с двуми́ “зубками”, там, можит, три “зубка” принясут. — Вот сколька у няво зубов-та будет! Па́лный рот!” Вот эта всё эти были, причуды-ти. А щас ничаво нет» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 67-68]. «Да нет, чаво яво паказывать, какой тут рабёнык? Краснинькай. Ну, канешна, жалали: “Будь здаровый, бальшой расти!” Эта в первую очиридь» [ГТГ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 1].

Обязательные во время «смотрин» пожелания младенцу мотивировались еще и боязнью сглаза. «Можит, с глазу умярли, как ли, бывала, гаварят: “Сглазили у миня, умер! Сглазили, сглазили, толька што сглазили! — там мать гаварит. — Вот паглидела вот эта женшина и яво сглазила”. Вот приду я как к саседки: “Ну-ка, я паглижу, паглижу”, — там паглидишь и могут сглазить. Бывала глазили, эта в самам дели была. А щас уж никако*е* гла́зинье ни бирёт» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 67-69].

Здравицы продолжались и во время застолья. При этом также обыгрывалась семантика принесенного пирога. «Ну, мы пируим: “И, давай, ты такой жи будь! Даживёшь, и будь уважитильнай”. Гаварили: “Я принясла тибе [пирог] сладкай, такая и жизнь у т*и*б*я* сладкая будит. Ни с горьким, ни с кислым, а вот сладкий я тибе зубок принясла. И штобы зубики расли, и штобы жизнь сладка была!”» [ААМ, с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 1-2].

Церемония и состав угощения мало отличались от праздничного семейного застолья (см.). «Сначала радныи пришли, ага, самавар паставили: “Давайти, вот у нас радился!” И мать паздравляют. “Дай, Госпади, здаровья, манинькаму расти, а тибе паправицца”. Ну, тут уж все, тут всё па рюмачки выпьют. Да как жа? Тут, если пришли, тут уж, если есть у каво, паставит бутылачку, выпьют. Ну, с пирагами. Ну, раньши так: агурцы да капусту, грибы» [ЛЕЯ, с. Коржевка; МИА Ф2001-28Ульян., № 32].

В с. Чеботаевка среди обязательных блюд, выставлявшихся хозяйкой для гостей, фигурировала каша. «Абизатильна, я вот знаю, кашу варили. Варили, да. Пшонну*ю*, пшонну*ю* у нас. Малочную, харошую варили. Кагда “зубок” принасили и угашшали вот. А как жи, абизатильна угашшали! Ну, тагда бальшинство в печках всё делали. И вот угашшали, чай ставили тут жи» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2009-29Ульян., № 57].

В прошлом роженица не участвовала в застолье и даже не присаживалась вместе со всеми, так как считалась еще «нечистой». «Этай ни паложина была да сорак дней. Вот с гастями. Ана щиталась как ищо грязнай чилавек. Есть кто-та другой, где угащают-та, а за сталом нет, ни падхадила [к столу]. Ну, а *в* маё-та время уж тут прихадили, и сама ставила самавар, и угащала, и всё. Тут уж ни щитали. А та*г*да вот так» [МНА, с. Проломиха; СИС Ф2002-02Ульян., № 57–58].

Иногда посещения родных происходили не в один день и были индивидуальными, гости приходили поодиночке. «Ну, можит, дваюрадна сястра, можит траюрадна сястра — сваи. Адна, адна придёт, паспросит: “Как здаровье, как што?” И угастит. И там у них этат стакан, у них и вино — ни вино, самагонка была» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 13]. «Раньши “зубки” насили. Сваи, сродства — пирог принисёт. Кто кагда, ни все в адин день. [Подруги] некатырыи прихадили, некатырыи нет. Замужнии бальшинство. Пирог принисёт — эта как “зубок”. На всю плиту пирог — кто какой сум*е*ет. Вот эта абычай была. А ни какии ни кстины, ни иминины ни делали. Какеи сталы? Нет, ни сабирали раньши-ти, ни устаивали. Не́ на чиво была» [ЗЕМ, с. Шуватово; СИС Ф2001-21Ульян., № 37].

Застолье устраивали не всегда. Если женщина рожала в бане, «зубок» приносили ей туда. «Принясут и “зубок” в баню, принясут и самагонки в баню. Ни у каждай, канешна, можит, за людей я ни гаварю. Я гаварю за сваю симью. В нашу баню хадили радить. Ну, ни кажда, ну у нас больши мама так. У нас мама всё в бани. Мама ражала дитей крупных, ана балела долга, и ей тапили три дня баню. “Зубок” *и*що в баню принясут. Да, там ни то*ль*ка “зубок”, вино — самагонка. Самагоначки там ско*ль*ка принясут и перог нарезанный в тарелки принясут. А пака *и*шо ей топют баню многа, три бани топют. Три дни, читыри дни — каждый день. Ана аправицца, приходит дамой, ана уж чистинька, очышчына, и уж приятна симьи» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 7, 14]. «И в баню таскали яду́. И дажи сродники, пажалуй, в баню и “зубок” принясут. Ну, а как жи, эта была! Пираги пикли. Ну, еж*е*ли уж хто там близкий радной, може, там *эта*ки девачка — платьице купит ишшо, или мальчык — може рубашичку. А то так пирог, пирог с начынкай. Эта сичас как-та день, а тагда — на любой день, пики и ниси» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УЛГПУ, ф. 4, оп. 12, 2001].

Мужчины, как правило, не участвовали в застолье, к столу приглашали только домочадцев. «Толька женщины, биз мущин. Нет, у нас ни ходят мущины. А тут садяцца за стол, атец [ставит бутылку], мать этыт “зубок” разряза*а*т — сваё напичот. И вот угащаит» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 119]. «Хто то*ль*ка вот радныи, каму придёцца, в доме есть, да. Вся семья садяцца, и ани. Чай паставют, можит, там вина бутылку паставют» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 6].

Возвращение из гостей превращалось в праздничное действо с пением и пляской. «А патом с пляскай идут эти [гости]. Палатенцам машут па дароги! Пляшут, ой! Идут с ним, ты што! Матают ва всю. Мамыньки! Идут, ва! Кричат: “Вот как нас Па*ви*л Евдакимыч угастил! Вот Бано́к, Банок!” — идут. Ну, эта ни выгаварива*и*шь, язык-та он пьянай, ни кричат: “Панок, Панок!” А кричат: “Банок напаил нас!”» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 119].

Красочная и радостная церемония «ношения зубков» надолго запоминалась ее участникам и становилась темой различных бытовых рассказов. «Ну, он как, выяз*д*ных лашадей кармил, и какой он был чудак! Боже мой! А у нас была привычка вот, эта *у*ж вот пасле*дн*я время, он уж старый был, а всё равно чудить эта он любил до смерти. И вот, мы жили в тем каньце, а он вот в саседях жил. А у нас вот здесь вот сродница. Бывала, если радит сродница, — у нас называли “зубок нисти”, “на зубок”. Испикёшь пирог. Видь эта в сродстви чилавек питьдисят баб и все принясут пираги! Сичас видь кто чаво можит, а та*г*да все “зубок” пякли. Ну, нанясут два сундука пирагов, ну куды йих деть? Адин раз идём, сабрались мы там все, радни чилавек шесть-семь, идём все с пирагами. Он аткрыл акошка: “Захадити, захадити с пирагами! Захадити!” А у нас была чудна́я же тётка, пакойница, ана гаварит: “Мы аттоль, дядя Лёша, зайдём!” — “Захадити”. Мы ушли. Там

угастились, самагоначки выпили, аттоль идём: “Айдати к дядь Лёшкинаму ка двару!” Падашли к дядя Лёшкинаму двару: “Дядя Лёша! Мы пришли”. — “Мне тапéр вас ни нады! Што с пирагами-та ни зашли?”» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 12, 2001].

И.А. Морозов

НА ПОКЛОН

Дарение молодым на свадебном пире (см. *Горной стол*) в Ульяновском Присурье называлось *на поклон.* «Невеста возвращается, и молодые начинали кланяться гостям. Кланялись каждому гостю. Гости после поклона молодых клали им подарок — называлось “на поклон”» [ЦМА, с. Валгуссы; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. Но были и другие варианты названия этого обряда. Так, в с. Валгуссы его называли *кланяться.* «Мы называм эта “клáницца” — вот дают эта подарки, у нас называют кланицца» [ПЕС, с. Валгуссы; ММГ Ф2001-5]. В с. Ждамирово — *кланéнья.* «На первый день, у нас называецца “кланинья”, дарят куколку, пустушку» [БНВ, БАВ, с. Ждамирово; СИС Ф2000-12Ульян., № 71]. Данное празднично-обрядовое действие имело определенную регламентацию и сопровождалось небольшими речевыми, часто ритмизованными и рифмованными текстами.

В с. Тияпино сначала дарили родные молодого еще до прихода родных молодой. «Как их привязут, тут уж сродники жэниховы, ани сходяцца и садяцца за стол, начинают кланяцца, а патом туда тоже пасылают зватых, там тоже сабираюцца все у нивести. Вот жэниховы тут аткланились и туда пысылают зватых» [АВ, с. Тияпино; ММГ Ф2001-35]. И только после прихода гостей со стороны молодой они включались в этот процесс. «Идут нивестины родственники, тоже также садяцца за стол, а жэниховы в старане. Кто убирацца идёт, кто как, кто любапытны смотрят: сколька таво, как? Теперь ани нивестины кланюцца» [АВ, с. Тияпино; ММГ Ф2001-35].

В других селах дарение происходило только после прихода гостей со стороны молодой. «Выбирали двух у жениха и с нивестинай, и вот стаят, сперва жениховай стараны клали. Говорили: “Памочь нады маладым. На шильце, на мыльце, на нова пастраеннице, на ярку, на казла, штоб да дому давезла”. <...> Сперва па рюмочке паднесут, выпьют, а тут уж начинают кланицца. <...> Мы называм эта “кланицца” — вот дают эта подарки, у нас называют кланицца. Там сперва мать, атец, хрёсный с хрёснай, сёстры, братья, тётки, дядья, дваюрадны паследни — всё. На блюди, перекрывам мы, пакрывам. Патом начинам с нивестинай руки, начинают апять, ани кладут. С жениховай руки. С нивестинай руки патом выходят в чуланчик, ва двор, начинам щитать — сколька с нивестинай руки, сколька с жениховай руки. Патом всходим, эти, что там накладины всё бирём жениху атдаём: “С вашей руки сэстас [=столько], с нивестинай руки — сэстас”» [ПЕС, с.

Валгуссы; ММГ Ф2001-5]. «Здесь стаят с тарелкай. Вызывают жениха с нивестай, наливают по рюмки этим, каво… и вот клали деньги. Это вот сичас, а тагда ложат кто 10 капеек, кто 20 капеек. <…> Стаят с тарелкай и говорят: “Ну-ка, скока вы пададите там? Вы багата живёте, мы бирём всё с вас! Мы бирём деньгами, мы бирём лашадями и каровами”. Дагавариваюцца стаят. <…> “Давайте, кладите, кладите, не скупитесь!” Тут смеху многа. “На шильце, на мыльце, на банна пастраеньице, на ахоту да на казла, чтоб всю жизнь ана вязла”» [ГЕИ, с. Валгуссы; ММГ Ф2001-6]. «Раньши сабирали паклон. С падносам хадили, кто чаво даёт, вот тут шутили. Кагда гарнойта идёт, па рюмочки выпьют и будут сабирать паклон. “Падайте нам, страдающим, бедняющим людям”. Эта шутим, шутим» [МВМ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 58].

В д. Кольцовка дары собирала коренная женихова сваха, в с. Зимницы это делала крестная жениха, в с. Первомайское дары собирали две женщины, одна со стороны жениха, другая со стороны невесты.

При получении подарков молодые должны были кланяться всем независимо от размера даров. «Дружка ведёт молодых к гостям. Молодые кланяются гостям. Каждая пара [муж и жена из гостей] кланялась в ответ молодым и давала гостинец» [ФМА, с. Аргаш; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. Дары эти порою, особенно в довоенное и послевоенное время, были мизерными. «А падарки каки давали? Печатку мыла, на фартук метр матерьяла, платок какой — раньше ничаво не была, ничаво ни клали. Вот мы клали три фартука, печатку мыла, чулки» [ЗТА, с. Тияпино; ММГ 2001-36]. Могли подарить и домашний скот для обзаведения молодыми своим хозяйством. «Мне падарили ярку» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 26].

Во многих селах, вручив подарок и выпив стопку вина, дарящие произносили свадебный приговор «горько», заставляя молодых целоваться. «А вот падарки, например, ну, у нас скромны, какие, госпади, падарки там, эта в день свадьбы. Так назывались дары. Кто как мог, кто деньгами, кто как. А дары — эта маладым. Начинают с атца с матери. Подали ани там на паднос. Вот, значыт, так: маладые встают, пригубляют атец с матерью, выпили там сначала, кладут — “Горька!” Пацелавались. Идут следущи, сваи, близкие родственники сначала. Все атдаряцца. Кто что надарили — эта толька прикасновенность маладых» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-06Ульян., № 58-60].

Но данное действие могло быть и не приурочено к акту дарения. «Мы впереде за сталом. Вот: “Горька! Горька!” И начинают цаловацца. “Ну вот таперь сладка!” Дружка даёт им брагу: “Горька! Горька! Ой, никак нильзя пить! Ой, батюшки, горька!” Ну и начинашь цаловацца. Пацалуишься. “Ищо вот в этам баку горька!” Мамыньки! Апять. Замучают толька этим цалованием» [СПА, ЗЗА, с. Валгуссы; СИС Ф2001-21Ульян., № 112]. В с. Вальдиватское «с первым стаканам горька кричали. Поцалуюцца — выпьют» [ЛАИ, с. Вальдиватское; СИС Ф2005-17Ульян., № 3].

В традициях народной смеховой культуры происходило дарение в с. Шеевщино. «Сваха собирает подарки, мордовкой нарядится: “Подайте на шильце, на мыльце, на банное построеньице. Помогите, подайте, кто чаво может”. Или:

Ноженьки подходют,
А рученьки просют.
У нас люди мла́ды,
Им много нады.
Кто чем может.
Тот тем и поможет.

Тут и подают. Их (молодых), бывалоча, каждому заставляли кланяться. Молодые садятся за стол» [ЛПН, с. Шеевщино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Сваха наряжается мордовкой, подарки собирает: “У нас баня сгорела. Пожалуйста, помогите на построительство нашим молодым”. Молодые кланяются каждому, на коленки вставали. Гребенку, чулки, мыло дарили» [ГАН, с. Шеевщино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Вручая собранные дары невесте, сваха или другая женщина, собиравшая их, могла также произносить небольшие ритмизованные и рифмованные тексты. «Которая собирала подарки, спрашивает молодую: “Чаво тебе: шильца или мыльца, золотца или молодца?” Она говорит: “Мне и золотца, и молодца”. Смеются, передают ей подарки. Когда сваха отдаёт подарки, говорит:

У меня три бумажки,
Чтоб не ходил к чужой Дуняшке.
Подарю меди,
Чтоб не были несчастны дети.
Подарю серебро,
Желаю вам в жизни счастье, добро»

[ЛПН, с. Шеевщино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Дары могли быть и шуточными. «Сродники кагда угащают, ну, дары даря́т. Маленький куклёначик завернут, штобы нивести с жэниху, штобы ани развёртывали, для смеху, так вот для шуткав» [ЧЕХ, РАИ, РРФ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 10]. В с. Первомайское молодым могли подарить куколку, завернув ее в несколько газет. «Чай завярнут, завярнут в газету, развертывают — пустышку да каку-нибудь маненьку кукалку. В газету завярнут, сделают пакет-та бальшой, развярнут, а там эдак вот. Кукалка пакупная, галыш» [ПЕН, с. Первомайское; МИА Ф2001-13Ульян., № 19]. Так же делали и в с. Валгуссы. «А ищё вот дают им такие газеты, накрутя́т, накрутя́т и таму и другому. Аднаму куклёнка паставят, а другому соску, пустышку. И вот кто скарее эта развернёт. Да знашь скока накрутят, скока нитак-та, все руки разорвут — рвут эти нитки скарее штобы» [ММН, с. Валгуссы; МИА Ф2001-16Ульян., № 8].

В качестве шуточного дарения в избу могли заводить домашнюю скотину, взятую на дворе у молодого. «Карову приведёт на паклон в избу, хазяйску, у каво гулям, не то што там сваю. Прям в избу ведёт на паклон, шутили» [САМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-05Ульян., № 37].

В д. Кольцовка поклоны проходили раздельно в доме жениха и невесты. В доме жениха поклоны дарили родственники невесты, а в доме невесты, на-

оборот, родственники жениха. «Поклоны были у жэниха и у нивести, патому шта гости, у жэниха нивестины гости, а у нивести — жэниховы гости. Вот два поклона было» [БНА, ДВН, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD3].

В с. Б. Шуватово во время дарения молодых били горшки, а по завершении выносили курник и берёзку. «В первый день на горны́ берёзку выносят или ёлку из чулана. Берёзку ставят на стол в вырезанную серединку тыкву. Выносили берёзку молодые бабы. Затем выносят курник. Здесь запевают “Как по морю”» [СМА, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

М.Г. Матлин

НА ВОДУ НАГОВАРИВАТЬ — см. Болящие, Монашки, Отец Максим

НА СВЯТОЙ РОДНИК ХОДИТЬ

Святые родники, то есть источники, наделяемые в народном сознании особой сакрально-магической силой, широко распространены на территории Ульяновского Присурья. В местной традиции они обычно связаны с высоко почитаемым православным святым Николаем Мирликийским (см. *Николай Угодник*), которому посвящен и самый крупный в данной местности сакральный центр — Никольская гора (см. *Никольская гора, Переселение икон*), св. Параскевой, с Божьей Матерью. В народе святые источники называют по-разному: *колодец / колодесь* (с. Сара, Вальдиватское, Сухой Карсун), *ключ* (с. Потьма), *родник / родничок* (с. Сухой Карсун), *ручеек* (с. Сухой Карсун).

Святые источники отличаются от родников, не наделенных сакральным статусом, тем, что за ними нередко закрепляется особое название. Названия святых родников разнообразны, но типы номинации традиционны. Святыни называются по иконе (по имени святого), явившейся на роднике (Никольский родник); по празднику, на который явилась икона («Тихвинска», «Девятая Пятница», «Казанска»), по населенному пункту, на территории которого расположен источник («Кандаратский», «Комаровский»); по месту, где располагается родник («В огородах», «Под Молебной (горой)», «В Березовом (овраге)», «Попов враг», «Абал» (гора), «Тимьянска» (гора), «Бутырки»); по свойствам, непосредственно ему присущим («Серебренный», «Святой», «Молебный»/«Молельна», «Гримячий», «Студенец»); по имени человека, сыгравшего важную роль в истории родника («Сабуров колодец» в с. Княжуха: по имени того, кто его вырыл, «Павлушина память»: по имени «глупенького» из с. Чамзинка, «Катенькин родник»: по имени болящей, лечившей водой из этого родника (с. Тияпино), «Нямой родник» (с. Чумакино): «там женщина была нямая» [КНИ, с. Чумакино; ФЛВ, ЛАП Ф2002-41]).

Особенность религиозного фонда Ульяновского Присурья — отсутствие представлений, связанных с «плохими» родниками («нечистыми», «грозовыми» родниками, с мертвой водой). Исключением является *Сабуров колодец* (см.), расположенный в с. Княжуха.

При святых родниках есть люди, отвечающие за порядок на источнике. Сейчас институт хранителей на территории Ульяновского Присурья отсутствует. Такие названия, как «Павлушина память», «Немой родник», позволяют предположить, что ранее он существовал. Ухаживают за родниками, как правило, одинокие женщины, ведущие закрытый образ жизни, подчиненный церковным правилам и канонам. «У нас женщина была. Ана адна жила. И вот ана всё время хадила за этими радничками ухаживала» [ННЯ, с. Чамзинка; АЕС Ф2002-33]. Про эту женщину рассказывают, что она «хадила служила, тетя Надя. Идём из часовинки: ана маленька впирёд зайдёт. Принисёт вады-та свитой-та. Идёшь, падходишь, ана встричат всех. Прутьив бирёзавых наламат. И святой-та вадой кристи́т. <…> Вот благаславляла, всем здаровья жалала: “Во имя Отца и Сына и Святого духа”» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-63].

Расположение родников различно по отношению к тому, какое место они занимают в системе «свое (освоенное) / чужое (неосвоенное)» пространство. Святые родники располагаются на территории чужого (в лесу), в пограничной области (в поле, в огородах), на своем, освоенном пространстве (на территории села). Локализация родника (его место в системе «своего / чужого») влияет на его сакральный статус, и следовательно, на реализацию тех или иных ритуалов в обрядовом комплексе, с ним связанном.

Многие почитаемые родники располагаются в локусах, чем-то отмеченных (исторически, мифологически) (см. *Никольская гора*). Например, святой родник Девятая пятница в с. Коноплянка располагается на месте бывшего города Краснотальска. «Вот я слыхала, давным-давно, вот эта раньши, был там вот Краснатальск. Это он атсюда — шесть кило́метрав, и там эта сяло. И вот в этам силе (радник-та видима, бальшой наверна был), и вот хадила туда паласкать, эта, мардовка — хадила туда паласкать бильё». Мордовке и явилась икона [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64]. По преданию, Краснотальск (по-другому Тальск) вместе со своими жителями провалился под землю. В действительности Тальский Острог, построенный на Карсунской засечной черте, был заброшен в 1693 г. после большого пожара (см. *Формирование и этнокультурное развитие*). «Ишше правалилси Тальский горад. Вот этат вал идёт тута, до самаго да Ульянавскава. Он у нас праходит. Гаварят, был Тальский горад. Раньши, гаварит, были старики, [рассказывали:] правалилась, была, церкавь сама в Тальским — горад Тальск называли. Был горад, и вот ездили стары люди на Пасху служить туда, лажились на́ землю, где этат вал. И вот там вроди церкавь, кал*а*кал*ы́* званят. Значит, церкавь асталась на хаду. Вот этат вал и сийчас идёт, и он идёт прям да самава Ульянавскава» [ННЯ, с. Чамзинка; АЕС Ф2002-33].

Такая «предыстория» есть не у всех святых источников. Чаще святым становится ничем не примечательный родник, который получает сакральный статус вследствие чудесного события. Для территории Ульяновского Присурья характерно однообразие представлений, объясняющих то, каким образом источник приобрел святость.

Ведущая версия такова: родник становится святым, потому что на нем явилась икона. Другие способы появления сакрального объекта (явления иконы на дереве, на камне, появление святого объекта вследствие удара молнии, выбивание святыни копытом коня, посохом святого, вырывание святыни и др.) представлены в меньшей степени или вообще не реализовались на исследуемой территории. Связь культа святых родников и культа явленных икон очень сильна распространена. «Да, най, икона кака-нибуть там [на роднике в Николаевке] ыбъявилась. Вот и щытацца [святым]» [СВН, Б. Шуватово; ЛАП Ф2003]. «Например, у нас вот, Святая Мучиница явилась. А дальша-та вот, там в Пагарелыви-ти, там вот, наверна, Ивирская Божья Мать. <…> Вот ани [иконы] атмичают там, где кто, где каки мястата» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64].

Представления о явленных иконах реализуются в форме рассказов об уходящей (см. *Переселение икон*) и недающейся иконе. Тексты, в основе которых лежит тема «икона не дает себя поймать», могут быть образованы при помощи следующих оппозиций: «нечистый / чистый», «русский / иноверец» и, наоборот, «иноверец / русский», «нерусский / русский», «светский человек / приобщенный к церковному знанию (священник)», «мужчина / женщина» и др. Одни характеристики («плохой», «чужой») не позволяют прикоснуться к сакральному предмету, другие («хороший», «свой») помогают обрести его.

Икона не дается взрослому, но является ребенку. «Эта нас-ти не было. Эта давным-давно эта история. Вот плават иконка. <…> И женщина лавила-лавила. А вот выплыват из сруба иконка, вот такая — Праскавея Мучиница — ни даёцца. Старушка тут тоже в Бога веруща харашо: “Дочинька, падайди-ка сюда”. Позвала, так вот этака девачка. “Ни падайдёт ли к тваим младенским ручинькам Праскавея Мучиница?” Ана падашла. Вот эдак спустилась, ручинькай. И ана выплыват, прям, к ней на руки. Иконка-та» [МЕП, с. Проломиха; ЛАП Ф2002-63]. В основе текста оппозиция «ребенок / взрослый». Иногда значимой оказывается оппозиция «маркированный персонаж (женщина по имени Прасковья) / немаркированный персонаж». «Вал праходит — это была вроди татарска граница, жили татары. И вот была вайна, и их разграмили. И да этава была сяло. Праскавея Мучиница святая, ана была за Иисуса Христа. А радитили — татарка ана была — радитили ей таво ни давали. Ну, вот иё и мучили — казнили. И да самай смерти ана шла за Госпада Бога, Иисуса Христа. Ну и вот, когда ана памярла, иё ни измучили всю, и пашли кто-та в этат родничок — плават иконка. Станут даставать — ана убигёт, станут даста-

вать — убигёт. И патом ана [икона] прагаварила: “Пусть придёт вот такая женщина, названья ей Праскавея”. Ну, эта хто знат? сило-та бальшоя. “Нидавна радила”. Пашли в церкву и гаварят: “Вот, так и так”. — “Правильна, вот Прасковья нидавно радила”. Ну, вот ей сказали, и ана пашла, и ана ей в руки далась. Палатенца расстилила и иё панисла в храм. <...> Вот, а иё звали Прасковья. Иё и назвали эту икону — Праскавея Мучиница» [ТВМ, с. Чамзинка; КАМ Ф2002-16].

Иногда икона, наоборот, хочет явиться человеку, но человек (в силу своего несовершенства) не замечает ее сакральной природы, и следовательно, пропускает само событие (оппозиция «простой / сакральный»). В с. Коноплянка почитается явленная икона св. Параскевы. Ее лик выполнен из камня. Он был обретен во время полоскания белья на роднике. «Вот я слышала, давным-давно вот эта. И вот хадила туда паласкать эта мардовка, хадила туда паласкать бильё. Вот паласка́т, и вот ей накат*ы*вацца камишик — вот в бильё. Ана гаварит, раз иво ацтранила — он апять. Ана, гаварит, апять иво ацтранила. Ну, и патом он закатывацца. <...> Взяла иво. Мож быть, мож там лик какой был — ни паглядела ничиво, и палажила в карман. Пришла дамой — иво палажила в сундук. И вот уж я ни знаю, ни знай, ей ва сне что ли, так гаварят: “Зачем ты миня держишь в сундуке-та? Миня в сундуке-та ни нада диржать — миня нада паказывать”. И вот ана, видна, к папу пашла. Он гаварит: “Ну, приниси мне иво”. Он абнаружил этат лик» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64].

Иногда родник сакрализуется вследствие появления самого святого, а не его иконы. Рассказывают, что святой (святая) является, чтобы защитить селение от опасности (см. *Никольская гора*). «С татарами-ти ваявали. А там у нас граница — вал — он да Ульянавскава даходит этат вал. Да. С вилами ваявать-та наши пашли с татарами. Татары-ти на нас, на русских. А русски на татар. Ну, *в*от. И Прасковея Мучиница как-эт ударила, как бомбу. Ани татары-ти назад. И убежали. Эта всё правильна была. Ну, наши-ти всё равно пабидили, русски-ти Вани». На месте чудесного появления святой забил родник [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-5].

В с. Коноплянка существует обычай оставлять обетные полотенца в часовне на роднике. Однажды на роднике явилась святая Параскева, но она была неодета. Параскева попросила принести ей «холстик», чтобы прикрыть наготу. Святая попросила «Явилась Божья Мать — Праскавея Мучиница. Эта ана явилась прям в этим радничке. Явилась. И ана была нагишом». У женщины «муж утанул, у адной-та, в пруду. И ана таскавала аб нём. И вот пашли ани в часовинку са старай — с адной-та старушкай-та. И ани стали малица Богу, прасить тирпенья. И ана [св. Параскева] им акликиват: “Тирпити, гаварит, асталась ты авдовушка”. Ну, ана и правильна — тирпела. “Что ж, гаварит, ты к нам ни выходишь?” — “А я голая. Принисити мне адежду — холстик”. Ани нигде ни видют, а ана разгавариват. Ани на втарой день пашли — эт холстик панисли. На стол палажили. А на третий день

апять пашли. Этат холстик забрали. Вот эта сама Праскавея Мучиница. Ана им явилась. А их ана ни дапустила сама на сибя паглядеть. И стали на радник хадить» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-5].

Святые сами указывают, где искать святой родник. «Там есть Катиринавка. И вот там была явленна-та. Икона Катирины. И вот, ана [святая Катерина] явилась пастуху. Пастух авец пас — хадил са сваей вадичкай. Тама засуха — радничков не была, речка там даликавата, где он пас. Патом у ниво вадичка кончилась. Он сидит и абедат — кусочик сухой с лучком с сolькай. И вот падходит к няму дивица — нагá, что тоlька травкай прикрыта вот эдак. Вот эта к ниму пакланилась. И знай гаварит: “С добрай пищай вас. <...> Вот тоlька гляжу, што ты сухой кусочик больна ешь”. — “Да у миня, грит, была вадичка, да ана кончилась, а сичас тут видь близка-та нет уж радничков и речка-та даляко мне идти. Уйдёшь, авечки все разайдуцца, я патом ни сабиру их”. — “А как эт нет, а вот ты идитка пад бугарочик — какой там радничок: вот кака вадичка-та вку-усна, харо-оша!” — “Я паел, грит, вот уж если захачу, тагда, грит, спущусь пад бугарок”. И вдруг — туды ыбярнулся, уж тут, грит, не была». На родничке под бугорком явилась икона. «Батюшка пирикстил радник-эт, накланился сам и иё, эт иконку, паднял. Принисли иё в церкву. И есь эта икона — Катирина» [СМА, Вальдиватское; ЛАП Ф2002-19].

Святой родник в с. Кадышево. 2005 г.
Фото И.С. Кызласовой

Примета информационного фонда Ульяновского Присурья — преобладание представлений о перекодировке статуса объекта (был простой — стал святой родник) над представлениями, связанными с появлением нового сакрального локуса. Исключение составляют рассказы о вырывании родника (см. *Сабуров колодец*). Рассказывают, что источник под Молебной горой в с. Княжуха вырыла испорченная. «Эта тожи па рассказам тёти Насти Сидоринай, ана рассказывала. Этат радник маладая девушка вырыла собствинными руками. То есть ачистила и всё. Нахадили на ниё какии-та нипанятныи приступы. И ана убигала. И руками рыла. Но эта даставерный факт. Эта уже ни придания. <...> Звали ее Агафья какая-та была. И патом кагда Казанскую Божью Матирь, икону, в то время тагда шествие была, например, из Сурска в Алатырь, — дарога шла мима нашива сила, и вот эту девушку пад иконы падвили. Ана очинь ни хатела итти, аднако жи иё силком мушшины правили каким-та образам. Иё очинь долга рвало. А, аднака,

ана патом выздаравила» [ТАА(3), с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12]. По другой версии, родник был вырыт на месте явления иконы человеком, работающим на поле под Молебной горой. «Под Малебнай гарой являлась Божья мать, иконка. <…> Вот шёл там адин старый чилавек. У ниво была поле там за Малебнай-та. И он спатыкнулся, гаварит, и упал на этим мести. Упал, гаварит, и ему паказалась вроди как вада, в ваде — икона. Вот он пришёл там, старикам рассказал. Ани гаварят: “Давайти вырым здесь радник — на этим месте”. И вот ани и вырыли на этам месте радник. Ана, икона-та, исчезнит — ана ни будит. Ана паявицца в ваде, а сама исчезнит. <…> Эта была когда уж? Да нас. Эта, наверна, старики-ти рассказывали. Старичок вот какой был? Лукичев Валя» [АЕП, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12].

Обливание на святом роднике. 2011 г.
Фото М.Г. Матлина

В 50–60-е гг. XX в. многие родники разорили (см. *Наказание за грех*). Рассказывают, что появлялись знамения, предупреждающие наступление трудных времен для святого места. «Там радник. И там иконы очинь были. И вот адна икона вроди бы там плакала. Ну, а пачиму ана плакала? Тут чырез нескалька время разарили эта всё, всё разбили, всё разарили. Всё-всё! Тагда каммунисты-т*а*» [ВСМ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Святая Параскева явилась и предсказала разорение часовни в с. Коноплянка. «Кагда грамили там эта всё, разбивали — ни давали, мама тагда сон увидила. Идёт пириулкам навстречу ей Праскавея Мучиница. Мама памалилась на ниё и гаварит: “Ты куда идёшь?” Ана гаварит: “Да вот, скитаюсь. Там видь у нас всё эта разарили, всё парубили — все иконы”. Вот и ана гаварит: “Ну, ни долга ждать вазмездия!” Мама праснулась утрам. А мы знали, кто эта вот делат. И у них посли этава вот знака утанул брат» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Родник, в котором умылся человек, разрушавший часовню, испортился. «Плахой стал. <…> Он был директарам школы. Он был вот каммунист. И вот он как будта (я сама ни знаю, но ат людей слышала), как будта он в этам раднике пришёл и умывалси: ламал кагда, чай, грузили — вспател. Ну, туды он мож ни спускалси, ну умывалси. Ну, с нёво всё эта апять тякло в радник видь. Он испортил яво [родник]. Ат няво уж пахнит. Запах ат этай вады, запах. Ана стаит — ат ниё запах» [САП, с. Коноплянка; ЛАП Ф2002-64]. Родник пытались очищать, но безрезультатно.

Святые родники зарывали, но они чудесным образом пробивались вновь. «И вот она тамо [икона Тихвинской Божьей Матери в Кошелевке] от речки нидалёко явилась. Колодец тамо. Там щас крест, по-моему, стоит. Он и всё время там стоял, но он надломился, — яво там как во время, как вам сказать, чтоб не обижать советское-то время, там этот крест, яво сломали. Колодец этот зарывали. Зароют-зароют, а он опять пробьет, опять вновь тикёт. Много раз яво так зарывали. И разгоняли в это время нас. Не давали там это служить» [СМА, с. Вальдиватское; ЛАП Ф2005-20].

Народ ходил служить на святое место и после того, как оно было разорено. «А сажгли что [часовню на роднике Девятая пятница]? Хадили-хадили-хадили. Тут хадили всё. <...> Всё равно на святоя места хадили. И за вадой хадили. А за вадой хадили и с Сасновки, и с Инзы, и с Труслейки, и с Юлова. Хадили все» [САП, с. Коноплянка; ЛАП Ф2002-64].

Во многих селах Ульяновского Присурья местные жители своими силами восстанавливали святые источники. «Вот каммунисты были. Ну, паламали у нас эту часовинку. Иконы все паки́дали. Эту часовинку, привизли иё в школу, и ана там стаяла, никаму ана была ни нужна. Все гаварят: “Ни этими руками ана была ставлина, ни нада иё ламать, к ней близка падхадить, к этай часовинки”. И так аставили. И вот ришился адин: “Ну вот, давайти, старухи, сделам. В часовинку вроди как народ сходицца, са всех идёт сел, са всех гарадов”. Приижжают. Дажи на тачках убогих вазили. Идёт на тачке — ана аброк даёт, что идёт к явлиннай — убогую визёт. “Давайти, — гаварит, — сделам”. Слажилися: кто тисинку, кто шифиру купили. Слажилися все. Вот так и сделали» [ННЯ, с. Чамзинка; АЕС Ф2002-33].

Святые родники — примечательные точки сакральной организации деревенской округи. Их посещение является сложным обрядовым комплексом, состоящим из действий, направленных на налаживание контакта со сферой сакрального (обетные практики); обрядов, устанавливающих (подтверждающих) границу между мирами своим и сакральным; очистительных обрядов, апотропейных обрядов. Представленность компонентов обряда во многом зависит от статуса места: может быть максимально развернутой, может редуцироваться до сбора «святой» воды (см. *Народно-религиозные представления*).

Посещение родников бывает коллективным (в обряде принимает участие вся сельская община) и личным; оно может быть «профилактическим» и совершаться в праздник (в день явления иконы, Троица, девятая неделя после Пасхи) и «кризисным» (молебствие о дожде во время засухи) (см. *Молить о дожде*).

Время посещения родника может быть разным. На святые источники ходят в день явления иконы. «У нас на Дивяту ходют, на ключ. И на Дисяту. На дисятай нидели апять в пятницу» [МЕП, с. Проломиха; ЛАП Ф2002-63]. Существует обычай ходить на источники на любой церковный праздник. «И на Миколу хадили — в летняя время, Дивята пят-

ница, каму некагда — на Дасяту. Давята-дасята пятница. Вот Казанска Божья Мать, вчара видь была. Тожа хадили. И на Троицу ходят, и любой [праздник]» [ЛЕИ, с. Чамзинка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-5]. Активное посещение святых источников осуществляется в летний период. Поскольку во многих селах Ульяновского Присурья церкви были разрушены (см. *Наказание за грех*) и святой родник становился едва ли не единственным сакральным локусом деревенской округи: на нем совершали водосвятный молебен на Крещение (см.), его посещали на Рождество. «Раньши-ти и зимой туда хадили. И зимой. Сабяруцца, гаварит, все. Раньши каждый праз*д*ник хадили. Щас нет. Щас хадить-то некаму. <...> Ну, на Ражаство там, на Хришшэния. Тут многа праз*д*никав-та ведь. И па васкрисеньям» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64]. Посещают родник по обету. «Как хто вздумат — хто ыбрикаицца — тоже идут туды и плакать и малицца» [ЛЕИ, с. Чамзинка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-5]. Иногда время посещения может быть подсказано во сне. «Вот здесь у нас Тимьянска. То в лису, в овраги. Крутая гора-то! А раньши-ти, начальники-то, пирплётут дорогу — не давали там служить. А всё-т*а*ки кой как. Вот здесь, на Жолковку, на гору-т пойдёшь, направо “Выкидной” ёво зовут колодись. Вот там, когда дожжя нет, кому во сне присницца, вроди иво почистить нады. Ну, вот люди-то есть всяки. Вот сходют, яво почистиют» [ЕМФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16]. В селах, где не было священника, религиозный обряд совершали монашки (см.), болящие (см.).

До конца 50-х гг. XX в. на родник ходили всем селением. «Служба, ой! Народу сколько! Убогих вазили на тарантайках. Все сёлы схадились [на родник в с. Коноплянке]» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-5]. «Раньши многа хадили. Щас уж нет. И в сваим силе не все. А раньши-ти впирёд за день узнают. <...> Раньши-ти и зимой туда хадили. Сабяруцца, гаварит, все. Щас нет. Щас хадить-та некому, все уж стары, всех ни пазавёшь. А раньше-т вместе хадили. Тётка рассказывала: “Как праз*д*ник, старики, гаварит, старухи в лапти, гаварит, абуюцца — и пашли”» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64].

На моления шли издалека. Существовал обычай выставлять на улицу еду, чтобы странники могли утолить голод. «Вот нынче народ бросил ходить. У нас мало щас к Праскавеи Мучинице, мала хадили. Раньши-та у нас хадили люду сколька! Эта ведь идёт — вся наша улица запрёцца — народ идёт! <...> Вынасили квасу флягу, луку нарвёшь зелёнава, кавригу хлеба испикёшь мёрнава. И вот дашь нá гару странникам паесть, штоб странники садились и паели на нашей гаре. Вроди бы устали — в часовню хадили. Им далёка ищё идти, вот их угащают тута» [ННЯ, с. Чамзинка; АЕС Ф2002-33].

Основная часть обряда (служба) совершалась ночью, поэтому шли, как правило, с ночевкой. «Раньши-ти с вечеру — начавали, на Девяту пятницу — начавали тама [в лесу у святого источника в с. Коноплянка]. Служба всю ночь» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-52]. «Бярут иконы. Сначала все

на́ начь хадили — ни как сийчас. На́ начь хадили. С вечиру идут, са свичами. А там камары. Вот агонь разложут кругам, и вакруг агня-та вот сядут» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64]. «Люди служили па всей ночи. Всю ночь служба идёт. <…> Каторы сидят — каторы служут. Вот маи ищё бегали рыбятишки. "Скарей, баню затапи, мы пайдём старушкам агни жечь". Ани гастинчик им дадут: то пряник, то канфетку. Вот ани и бегут, им кастров разажгут. Абедают. Ночью все абедают. <…> А патом стали иконы стаскывать, у каво какая есть, туды стали стаскывать» [ННЯ, с. Чамзинка; АЕС Ф2002-33].

На святое место идут крестным ходом. Идущие молиться берут с собой иконы. В с. Коноплянка явленная икона святой Параскевы хранится не в церкви, а в обычном доме. «А маладой человек-ат. Яво всё что-та Бог наказывал всем. И он ришил. Жине гаварит: "Давай, вазьмём, Праскавею Мучиницу вазьмём к сибе". А ана у няво вот прям ат паталка до́ палу стаяла. Идём на ключ, заходим к ней кляницца. Пакла́нимси, мушшины скажут: "Ну, жэншшины, забирайте иё". И идём [в лес на родник служить]» [МЕП, с. Проломиха; ЛАП Ф2002-63].

Явленную икону украшают полотенцами (*утиральниками*). «На Тимьянску. Вот тут у нас лес, у нас кругом видь лиса. Ходим мы туды на Вазьнисенья. Раньши ходили, молоды когда были, па цырковным-ти этим [с иконами из церкви]. У нас церкву сломали, а стары-ти люди ни давали иконы-ти, накрали. Вот мы их бирём, утиральник на них вешам, и носили. А киломитрав три, наэрна. В лису» [ИАП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

Икону несут на руках в часовню две женщины. «Нёсут на палках. Вот у нас чатыри Спаситиля. И носют их тут. На Тимьянску носют. Там тожа явилась, но не на дериви. Там гора, круг лесу, щас крестик тама. Девятава числа ходют служут. И много народу ходит. Подмыривают [под иконы]. Тихвинска Божья Матерь, иконка-та попалась в руки. Водичка хороша» [ТГП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27]. Во время крестного хода пары меняются. Ставить иконы на землю запрещено.

Существуют правила поведения перед святой иконой. «Ее видь не ставют, а всё время сминяюцца. Абязатильна на руках держат. К ней абязатильна падатти, три раза пиркристицца и три раза поцылавать, вот в ноги, вот в ноги иё пацылавать. Три раза. И пад ниё падмыривать нады» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64].

Сам ход нередко воспринимается как реализация идеи: «нужно потрудиться, чем сложнее путь — тем лучше» (см. *Никольская гора*). В с. М. Кандарать есть святой родник. «Там явился. Ну, только что я ни скажу, кому явился. Мы всё время туда ходили с иконами. <…> Там нибольшой колодиц. И мы туда кажнную Миколу ходили. Иконачку возьмём. И служат. И водички принисёшь, и помолишься. Вода — святая. Мы тут потрудимси — иконку пронисём — ни на машини. Видь труд нужин, нужин труд» [ТРГ, пос. Сурское; ЛАП Ф2005-2].

Участники крестного хода *подныривают (подмыривают, подлезают)* под иконы. «Это Тихвинска явилась, в Погорелови-ти. Это где-то за Погореловам, в сторану Сосновки туда ехать нады — вот там родничок. Там в этим родничке тожа явилась икона. Этъ была девятава числа, наэрно, праздник был, Тихвинска. Езьдиют, ходют. Ну, в этом году, грят, мало, народу мало было. <...> И вот там иконы дажа есть. У какой-нибудь, наверна, вдаве эта икона стоит. Вот кажный праздник, вот Тихвинска, эту икону туда таскают. Она диривянна, большая, тяжёла. Вот иё нисут вдвоём. Надо на руках нисти. А туда нисти кило́митра три, говорят. Под ниё подлизают. К ниё вот ни прикладвающца, там к хрёсту, к какой икони прикладвуцца, а к ней нет. Надо под ниё [подлезать]. <...> В любоя время: хоть тамо, пока стоят служут, хоть где» [ДЕП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

Святой колодец «В огородах» в д. Кольцовка. 2007 г. Фото И.С. Павлова

Под иконы подныривают, чтобы исцелиться от болезни. Для тех, у кого болит поясница, икону опускают пониже. «Забрали и пашли. Молюцца и припадают. Доржим мы иё, все даржали парай: с этава краю и с этава краю. Ну, и подмыр*и*вают пад ниё. Видна, Бог так вилел иё падаржать. До́ржим, и хоть народу многа, и всем ахота иё падаржать, и пад ниё падмыривам. У ково паясница балит, мы, значит, икону панижи. И ана павыше маленька. И вот атдыхали. <...> Мы иё абратна нисём к хазяйки в целасти» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-52].

Под иконами старались провести болящих и бесноватых. «Был дом большой. И там жила столетня старуха. И вот зашли, у них икону эту взяли, все тут собрались, и понисли иё туда в лес [обряд совершался в 1951 году]. Иё нисут, а тут, значит, больных выносют. Выходют-выходют. И вот, видела я, вили женщину. Она была, ну вот как говорят, как сума*с*шедша, ну, бесами что ли [одержима]. Это я видила своими глазами. И вот иё, значит, подводют. А она никак ни идёт, иё видут вот под руки. А мы все — нам глядеть жи нады. А нам мамы говорят: “А вы закройти рот-то, крестите рот-то, крестите”. Рот крестить, чтоб не зашёл ничистый туда. И вот мы, значит, я это нагляделась. Потом иё ищё там провили, ну, вобщим, иё там уж толкали. Иё старались, штоб она вот коснулась, и иё вот как

положили. И она лижит, эта женщина, и иё там иконой, ну, наверно, кристили. Но она никак не давалась. Но все-таки успокоилась потом» [БТИ, с. Чумакино; КАМ Ф2002-34].

Сами бесноватые не могут подойти к иконе. «Как вот их начнут падвадить-та, ани ни могут падатти. Кто-нибудь вот, ей памагат, кто сваи, или вот вабще. Падайдут, иё как-нибудь иё пригнут, а кто держат икону — как-ни*бу*дь чириз ниё пиритащáт. Подвинуцца сюда ближи. Ана никак ни можит пиритти чириз ниё. Кричат, ругацца. Па-всяки ругацца, кричит она: "Куда вы миня видёти, ни пайду я, ни буду я!"» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64]. «Быват испорчины, кричат. Вот так ругат всех. Ана уж ни хочыт памалицца иль пацылавать икону. Ни в какую. Он [сопровождающий] гаварит: "Вот иё бы сагнуть". Вот так уж сами иё кой-как уж сагнули. Каторы даржали, над ней икону-ти пранисли. Ана патом аташла, пасадили иё» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64]. «Вот привизли адин год (ну уж давно, гадов пять, наверна, прашло), привазли баляшшую. И вот вядут иё, а ана прям выпрыгват-выпрыгват. Видна уж, Гасподь иё ни дапускат да этай. Мушшина падашёл и гаварит: "Давайти ей, прачитайте всё жи малитву". Всяки молитвы прачитали. И он иё взял под руку, и другой мушшина падашёл. Он: "Павыши сделайти Праскавею Мучиницу". А ана бальша — вот са стол бальшиной. Ну и бабы-ти ни *а*силяют. Мушшины, два мушшина взяли подняли иё и пранисли. И ана: "Ха-ха-ха-ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха-ха". И стали ее успакаивать. Падашёл юловский поп — иё пир*е*кристил иё, иё малитву прачитал "Живыи помащи". Паехала харóша» [МЕП, с. Проломиха; ЛАП Ф2002-63].

Святой колодец в с. Ждамирово. 2007 г.
Фото П.С. Куприянова

На святом месте участники крестного хода встают в круг. «Это уж давно-давно была, када народу-ти многа была. <...> Там изба-та нибальша была, а икон-та пално была. Их, вот, всех выставляли. Круг сделали бальшущай. Иконы-ти вот так на руках, иконы-ти мы держали. Иконы нам дают, и мы вот так стаим. И каждый держим, сменяюцца. Бальшой круг — икон-ти многа. А патом, кто там был старшим-та, апять их на места, апять их ставит, иконы запираит» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64]. Каждый старается подержать икону. Это действие наполняется огромным символическим смыслом для верующих. «Там очиридь какая! Ее штоб падиржать-ты. Пално народу-т хадила» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64].

По дороге верующие собирают цветы, которыми украшают иконы в часовне на роднике. «Кагда к икони вот идёшь, кагда идёшь в часовинку, ламашь каких-нибудь цвятов, вот даро́гай. В иконы ставили, на иконы-ти ставили» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64].

На святое место несут еду. Как правило, день поклонения иконе (девятая неделя после Пасхи) приходится на Петровский пост (*Петровки*), поэтому берут с собой «все постна» (см. *Пост*). Несли «хле́ба, есть канфеты — бири канфеты. Это ни грех. И пясок ни грех, сахар. Вот. И с вадичкай запивать. Луку бири. И лук идят» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-52]. «Если пост, мы все нисли только постна: яйца нильзя, рыбу нильзя, хлеб на ваде испичёнай. Мёд носют. Он жи из травы. И сахар можна. И хлеб пичёный можна, толька штоб хлеб был там ни на малаке, а на прастой ваде. Пясочку, маслица» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-63]. Верующие наливают воду в бутылки (из родника в часовне) и ставят ее на стол в часовне; туда же выкладывают принесенную из дома еду (пряники, конфеты, печенье, пироги, вареную картошку, зеленый лук и т.п.), оставляют деньги.

Во время службы батюшка освящает еду и воду. Верующие молятся, поют стихи, зажигают свечи (ставят их к иконам, на родник, расположенный в часовне). У часовни разжигается костер. После совершения службы совершается совместная трапеза. Часть принесенной еды съедают, часть оставляют у икон. Существуют разные версии, для чего это делается. Некоторые полагают, что «ыставляют птичкам» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-52], другие — что это милостыня для странников. «Ну кладут. Всё-всё кладут. А патом каму-та атдают, или сами идят. Ну, можит быть, батюшка взял, кто миластыньку падаёт. Раньши издалика-ти хадили. Падавали» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-63].

До недавних времен сохранилась традиция оставлять на святом месте обетные полотенца. «Кто абрикаицца тама — паложит палатенце, кто платков павесит. Ну, хазяйка ана их абратна пастират — туды. Раздавали [нищим]» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-52]. «Болет что-нибудь, значит, я ыбрикусь — платенце павешу. Аставляицца. Ну, с икон-ти сымали. Стирала у нас тут адна женщина. <…> Палатенцы, платки павешиваим. Многа. Ну, там на иконы вешиют, кладут. Очинь харашо. Ну, щас я гляжу, платенца ни аднаво нет тама. Нихто ни вешал» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-52]. У икон оставляют также свечи, деньги; деньги бросают и в родник. Раньше денег не оставляли. «Приходят, так, кусочик паложат. А дениг видь раньши не была. Какии? Капейки были. Не было ни у каво. Ну, кусочик пиражка, кто чао паложит, свечку паставют» [ННЯ, с. Чамзинка; АЕС Ф2002-33].

На роднике верующие купаются. «Ну, чао? Ну, водички оттудава принисёшь. Говорят, она такая святая. И калеки есть, всяки. Они вот дажи купаюцца в этой воде» [ДЕП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16]. Человек, искупавшийся в святом роднике, надеется на исцеление от недуга. «Купаюцца. Если бальной чилавек, в плавачках астаёцца (а вада-та лидяна, радникова), искупаицца, Богу

памолицца, и святой вадички набирают и уходит. Спицальна бальной чилавек хадил тока для этава» [МЕП, с. Проломиха; ЛАП Ф2002-63].

Вода в святом роднике обладает необычными свойствами: она холодная, но искупавшись в ней, никогда не заболеешь. «Купаюцца. Ручиёк-та — вот присядишь, и купа*йся.* Эта вада-та на тибя наливат с галовки — сразу всё. Спирьва уж халодна, кагда ты вылизишь — ты гаряча сделасся. Вот сразу тёпла. И папила вадички» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-52]. «Там купаюцца — прям там вот. Пад этат ключ встают купаюцца. Все купаюцца. Сначала как будта вада халодна кажица, халодна-халодна! А патом как начинашь в ней — пабрызгысси-пабрызгысси — начинаит нагриваться. Тела-та гарит и гарит, и разгарицца. И прям как будта не чувствушь, что халодна. И ни вылиз бы из этай вады!» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64]. «Всё время купаюцца. И ни простынешь, и не заболеешь. До службы купаюцца, и после службы купаюцца. И я нескалька раз купалась. Сначала как-та станишь — как-та вот скупнись халоднай-та вадой сразу-та! Там маненичка сначала как пабрызгасся. <...> А патом встанишь — вода-та тикёт на тебя. Тела-та начинаит разгарацца. Тела начинаит красна делацца. <...> Купаюцца многа. Щас я ни знаю. В те разá эх, и много купалась! У-ух! Один встает тут. Адин тока выходит, другой — гатовит. Многа купались!» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64]. Кто не решается купаться, просто умывается святой водой. Существует определенный порядок того, в какой последовательности нужно совершать омовения: сначала моют руки, потом уши, глаза, лицо, льют родниковую воду за пазуху.

Вода помогает от «любой болезни», от «притки» (сглаза). «Тикёт вада из радничка, в очиридь встаним — и ноги-ти памоим вот так, пригóршинкыми так вот — с галавы вот всё вот сами сибя купам сибя, купам прям в чистай новай адёжи, и всё вот так. Вот раза по три пригóршинки-ти и вот так вот купамси, вот так вот. Памагаит ат любой балезни! А бальшинство, вот кагда если в при́тку пападашь. Вроди ты и разум тиряшь, делышся глупым, и па тибе ходит дрожь, азноб, ты, вроди, сазнанья тиряшь. Притка с табой — тем больша аблегшит» [ВСМ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Святая вода из родника помогает избавиться от детских болезней. Заболел ребенок. Врачи не смогли ему помочь. Родителям посоветовали везти девочку на святой родник. «Гаварят: “Ты съездий в часовинку, вазьми эту девчонку”. И ани пришли с ней, и вот ана иё умывала и дамой брала вады. Вот ана иль три, иль читыри раза привадила. Всё прашло» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64]. «Вот тут нидалико был Малебный радник. Па приданию, там жил стариц. И он выкапал этат радник. К ниму хадили люди личицца. Он из этава радника брал вадичку — нагаваривал, сбрызгивал там ат радимца ат детскава, ат младенскава» [ТАА, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. На святом месте лечили испуг. «Вот Валынова тётя Катя сваю Лизу вадила, ну как ана напугана вроди бы была. Пад иконы иё всё падталкивала. Памагло» [ВСМ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Испорченных стараются искупать в воде святого родника. Но они не могут подойти к святому источнику. «Вот там привадили вот. Как начнут там яво падвадить к ваде-ти, купать-та, начнёт зявать-зявать [=кричать]. А патом паманеньку начынат утихать-утихать. Всяки бальны люди [приходили]» [КНИ, с. Чумакино; ЛАП Ф2002-41].

Святой родник у Никольской горы в день святого Николая. Пос. Сурское. 2008 г. Фото М.Г. Матлина

Вода из святых источников стоит долго и не портится. «В Погорелови <…> Она тожа, Тихвинска, тожа помогат эта вода-то. Бёрут. И год стоит — ни портицца. Ну, если она добрыми руками, добром, зачем она испортицца?» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23].

Принесенная из святого родника вода используется в быту, в магических и хозяйственных обрядах. Ей *опрыскивают* в доме — «от нечистого». Вода из источника, расположенного в с. Новопогорелово, «как слёза, прям вот настояща слёза — свежа бо́льна». «Ей тожа личились. Она тожа помогат. <…> Ды, чео хошь. Можно и в доме опрыснуть» [ИАП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16]. Вода из источника в с. Коноплянка «видь стаит, вада-та, сколька? Ана видь год стаит — ни портицца. Какая вада год прастаит? <…> И скатину делам, и этат апрыскивам, и дом кагда, видь всяки люди-ти. Гаварят всё, кагда притти из часовинки-ти, и эта, в дому пабрызгать. Всё равно ана памагат!» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64].

Вода из святых источников целебна. При недомогании ее пьют, ею умываются. «Езьдют. Водичка святая считаицца. Служат тама. Тожа батюшки приижжают. Тиханска. <…> Когда больно-больно плохо, или голова вот у миня заболит, или что-нибудь. Я вот стараюсь попить этой водички. По-

том вот этот, потихоньку, чтоб никуда она не упала, возьму в руку, к голове приложу. Сюда, так везде. В доме попрыскаю. Я всех своех, всю семью опрыскаю, скотинушку всиё. Стараюсь, штоб Господь помог всем» [ШАИ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

Целебной силой обладает трава, собранная на святом месте. Ее заваривают как чай и пьют. «Брали-брали, вдоль часовинки травки нарывам. Любую срывай там окаль часовинки. Всяких: и цвиточки ли, любую — тибе какой нады. Вот и заваривай, и пей. Вдруг у тибя жалудак балит — папьёшь. Тама и дамой бирём, и дома пьём» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-52]. Траву прикладывают к больному месту. «Тожа, кто в чай завариват, кто к нагам прикладыват — ат ламóты» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-64]. Дают скотине, чтобы та не болела. «Траву и скатини дают. Ну, штоб вот тожа здаровье, и штоб исцилили Гасподь ат всех лихих людей» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-63]. Кроме того, траву оставляют в хлеву как оберег. «Вот как идём, мы прутикав вот бирёзовых наламам, их там святой вадой акупнём, придёшь вот где карова спит, где карова находицца, вазьмёшь — кой-где наткнёшь. Это, гаварит, спасаит ат лихих людей» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-63].

Существует обычай прикладываться к деревьям, растущим на святом месте. «Вот эт самый дубок стаит. Вот прикладвацца. Он ни дубок. Эта, кару-та сабирают, наэрна, мардва, мардва эта» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16]. На святом месте срезают ветки деревьев, которые впоследствии используют как батог. «Вот палачки сризают. С палачкой ходят целый год» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-63].

В с. Коноплянка, возвращаясь с родника, молящиеся заходят на кладбище навестить своих родных. Существует обычай поливать водой, принесенной со святого родника, кресты на могилах, класть на перекладины крестов печенье и конфеты. День празднования явленной иконы становится днем поминовения усопших.

Чудеса на святых источниках происходят и по сей день. За счет передачи рассказов об исцелениях, о новых чудесах, случающихся на святом месте, происходит утверждение и поддержание функционирования культа святого источника. «Вот я маленька пашла. Мне год ли, как ли, я стала хадить. И ноги у миня атнялись. И я читыри года ни хадила. Си́динь была. И вот тада вот эта вот — явлинна Божья Матирь там сказали, в этим. И вот туды миня сястря старша павяли. Ела, гаварит, чудо! Но рахитик была, как рахитик была: живот, гаварит, вот эдак, эдак сама, ела бы толька ты ела, на двор то и дела ходишь. Ну вот пашли туды, в Хвастиху. И вот там тожа кака-та икона нарадилась в ключе-та. Ну, вот пашли на ключ. Там памалились, там поп. Ну как, грит, пришли аттудава, с малебна-та. Паели. И ты, как тибе дали мы липёшку разламили, и ты, грит, и ни паела. Гаварим, вроди, мол, паешь, и ты маташь галавой — ни хочишь. И пришла с этий липёшкай дамой. Дашла там, пашли аттудава, и ты с рук-та слазишь, слазишь. А мама-та гаварит тяти-

ти: “Атец, наэрна, можит быть ана на двор захатела”. И в диву впали — и на двор ни раз ни схадила и ни что. Ну, чао будим делать-та? Ну, миня спустили, спустили — сястра-та нясла, и вот так паставила миня, вот эдак, между ног, штоб ни упала. И ты, грит, стаяла, стаяла, а тятя-та вот эдак стаит и гаварит: “Ну дочь, иди, грит ка мне, шагни”. И ты, грит, на ниво взглянула, вроди как улыбнулась и пашла, и пашла. Вот уж мы слёзы тут про́лили — плакали. А, Госпади! Да ниужели правда есть такая чуда. Да читырёх гадов ни хадила. И пашла. И встала вот» [КЕА, с. Потьма; ЛАП Ф2005-10].

На святом месте все воспринимается как чудо, даже обычное восприятие человеком обратной дороги как более короткой. «Вот мы на лашаде́ ехали. А у миня внучка спрашиват: “Баба, скори што ли?” Я грю: “Да, дочка, скора даедим. *А* аттуда мы быстро даедим”. — “Чиво ты, баба, гаваришь, правда што ль?” Я гаварю: “Канешна, правда”. Ну, и правильна. Туда мы ехали-ехали, и лошадь у нас встала. <…> Папили, абридились, свечка у меня сгарела. Я гаварю: “Глядити, щас мы, мол, на краю [=на месте] будим”. Эта мая внучка: “Как, баб, на краю?” Я гаварю: “Щас паглядити. Щас мы будим на краю”. Ну и правильна — быстра даехали. И дивимся сами. И ана Праскаве*я* Мучиница нам прям край даёт сразу» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-5].

На святых родниках верующие находят святые лики — на камушках, в воде родника. Некоторые видят чудесный образ в кроне деревьев, на небе во время совершения службы. В роднике Девятая пятница в с. Коноплянка «многи находили иконы» [ННЯ, с. Чамзинка; АЕС Ф2002-33]. «Вот тётя Надя. Ана адна всё время хадила в часовинку. Ана гаварила нам: “Вот, — гаварит, — в этам радничке какой, грит, вот камишик оттуда ни вазьмёшь, вот приглядись, на нём, гаварит, лик”. А мы ничиво ни видим. А мож быть мы [недостойны]. Ана уж как малилась, мож ей лики и являлись» [САП, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2002-63]. «Там тожа эта явилась, являлась [икона]. Но ни всем — ни для всех, ни для всех. Значит, приходят с душой-та — ни для всех» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП, ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003].

Рассказы о современных чудесах, совершающихся на святом месте, подтверждают его необычный статус и способствуют поддержанию интереса к нему.

А.П. Липатова

НАКАЗАНИЕ ЗА ГРЕХ

Понятие *грех, греховное* противопоставляется понятию дозволенное (добродетельное). Круг дозволенного в традиционной культуре определен системой правил, запретов, предписаний. Выход за границы этой системы и является грехом (см. *Пост*). Нарушение запрета (грех) всегда влечет за собой *наказание.* Система предписаний реализуется в поверьях.

Верующий человек должен вести жизнь, подчиненную церковным правилам и канонам. Любое отклонение от предписаний воспринимается верующими как грех. Во время поста, например, нельзя веселиться, есть скоромное, пить вино. Нарушившего запрет ждет наказание (см. *Пост*). Господь накажет, если верующий отправится в дорогу не помолившись. «Вот старша [дочь], она из избы всех выгонит, садицца молитву чытат. Прочытат, чтоб ей хорошо было. Вот позапрошлый год ехали и ехали по асфальту, и вот калу́жинка [=выбоина]. “Мам, а я не успела прочитать молитву”. Эт у них что случилась: как в эту они ухнулись, в яму, она, видно, глубока. И калясо-то и ытырвался и покатился. А ночь. И они ночью сидели два часа тута. “Конечно, доченька, ты без этива не ходишь. А Бог тебя вот наказал. Ты поторопилась. Тише едешь — дальше будешь видь. Ты прочитала, у тя бы не случилось”. А раз ты читашь — ты читай, не забывай. И все дела отложи, а прочитай» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

Иногда верующие сами накладывают на себя обязательства (*обет*, *завет*, *оброк*), невыполнение которых (грех) влечет за собой наказание (см. *Никольская гора*). «Я абет абищалась в адно места хадить каждый год и вазить миластинку, вот что бы тюремщикам атвисти что-та, а ни разу ни ездила. Вот. А абет этат дала. И вот у миня типерь всё время мысли: я ни выпалнила свой абет. Канешна, мне за эта пращенья никакова ни будит. Если ты дала абет, будь любезна иво исполнить. А я нет, ни исполнила. Вот можит за эта миня Гасподь и наказыват. Лучши ни абищать ничао» [ТВВ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-12].

Поведение человека на святом месте строго регламентировано (см. *На святой родник ходить*). Любые отклонения от установленных норм воспринимаются как грех и влекут за собой наказание. На святое место, например, принято добираться пешком. На Никольской горе «чудо скока народу была! Ну, все сяс приезжают на машинах, а ранше это было грех. Нады было идти пишком, все ходили пишком. На машинах ни ездили. Вот именно. Трудицца, вроди. Трудицца» [ШАИ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27].

Обращение с сакральным предметом подчинено ряду правил (см. *Икона*). Потерянный кем-то нательный крестик поднимать нельзя. Но и оставлять на дороге Спасителя тоже недопустимо. Это грех. «Говорят, не возьмёшь — хужи — грех!» [УАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15]. Крестик нужно «пустить» по «полой воде, он места найдёт, крест-эт. Да. В речку. Он знат, куды ёму выйти. Кому попасть, кому ни попасть. Куды ж его больши. Кидать нельзя — грех. И брать нельзя» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23].

Особые ограничения налагаются на человека в сакральное время. Работать на религиозный праздник — грех. Нарушившего запрет ждет наказание. «Одна, вот был праз*д*ник, писано в книжки, вдова была. Собираюцца все в церковь. Идут деревней. Тут все в церковь: “Айда, — соседки говорят, — айда в церковь-ту, нынчи праздник — Микола, празднуют”. — “Нет, мне некогда, мне праз*д*новать некогда. Я живу бедно, знашь, нады поработать. Ну, как

жи, день поработашь, скока заработашь? Нет!" Ещё идут. Опять она: "Нет, — опять, — мне некогда, я бедна живу". И хочишь? Явилси Миколай Угодник с двуми аньгилами. Приходют, она на дворе: "А почёму ты, женщина, ни идёшь в церковь? Нынчи какой праздник!" — "Я бы рада пошла, да я живу бедно, надо мне поработать маненько, поработать". — "Не-ет, женщина. Надо сходить. Такой праздник. А ты *о*тложи всё и иди". Она опять говорит: "Нет, я не могу". И ушла. Он говорит: "Бирите по брёвнышку, разбирите её дом". Вот по брёвнышку растащили, разложили. На, вот тебе, вот тебе роботу зароботала. Соседи-ти видют. Она начала плакать: "Жить мне негде, каке-то пришли вот и разобрали у меня"» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

Существовал запрет работать на Ильин день (см). «Ильин день — грознай. На Ильин день — ни делай ничао. Памилуй Бог — что сделацца. На Ильин день у нас никто ничао ни делаит. Эта день грознай» [БАМ, с. Сара; СИС Ф2006-34Ульян., № 9]. «Вот камбаину гнал. <…> Вот в Ильин день убила. Прям, на поли» [ЗАИ, с. Тияпино; СИС Ф2001-21Ульян., № 57]. «Однажды мётали сена на Ильин день. А он говорит: "Не надо, мужики, мётать. Завтре будет день". Они не послушались. Стали мётать. И вот облачко появилось. Ударил. И прям в стог в их. И сгорело сено» [ИАП, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-34Ульян., №17-18]. «Вот робочи*и* собираюцца куда-то на Ильин день ехать. <…> А он им говорит: "Мужики, не ездите. Праздник-то нынче какой. Не ездите". Поехали. И автобус разбился. Сами-то ни убились, а автобус разломали. Да два месяца потом и ни ездили в лес. А Саша-то им и говорит: "Что? Поняли?" Почитам. Он очень грознай» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 111-113].

Запрещено работать на Казанскую (см.). «Сирдита Казанска. Вот на ние, гаварят, ничиво ни делать» [ЗАИ, с. Тияпино; СИС Ф2001-21Ульян., № 58]. Тех, кто не выполнит запрет, ждет наказание. «На Казанску нильзя была работать. Или ат гразы сгарит стог, или там яво какой бурью разнисёт. Казанска у нас бывает двадцать первава. Вот двацсать втарова у нас в лугах всю симью убила. Убирали свой синакос. И их убила» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 52–53].

Не работают верующие и на Духов день (см.). «На Духов день я не роботую. До земли дотрог*ы*ваться не нады. Говорят, что аньгел ходит или святой дух по земле. Ходит он. Не надо его дорогу копать» [ЛЕН, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-46Ульян., № 63].

Если человек осознал свою ошибку и раскаялся, за наказанием следует исцеление (если наказание было в форме болезни). «А вот Казанска Божья Мать. Тут вот у нас поле называется Казанка [=родник под Молебной горой в с. Княжуха]. И вот тама, значит, тожа какой-та радничок есть и там вот женщина. Ана ни знала этих дилов, что нынче праз*д*ник Казанскай Божьий Матири. Ана чао-та делала на праздник-та. И у ней забалели руки. Видь бывала: верили всиму. И забалела. И ана пашла. И вот этат калодиц выкапала сваими руками. И вот и вада там была хароша. И с ней всё прашло» [ГАС, с. Княжуха; ЛАП Ф2007-2].

Любое несчастье, случившееся в жизни, верующие расценивают как следствие нарушения (вольного или невольного) какого-либо запрета. В одних случаях невыполнение правила не выводит человека из системы: человек раскаивается, заведенный порядок вещей торжествует. В других — грех разрушает саму систему. Примером греха последнего тип является богохульство — самый страшный, «непрощеный» грех. Богохульство — грех, совершаемый не по незнанию (забывчивости, неосмотрительности и т.п., как в первом случае), а всегда осознанно: богохульник ставит под сомнение саму систему божественного мироустройства.

Богохульства, как правило, связываются в сознании носителей традиционной культуры с эпохой «коммунистов и комсомольцев» (конец 50-х — 60-е гг. XX в.). Народная память хранит воспоминания о гонениях на церковь, о бесчинствах, совершаемых в советское время, о временах, когда «многа-многа сажали за рилигию» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2003-35]. «Увидят в классе [в школе] у каво крестик. Срывали. Да ты што? Ганяли. Разганяли. Но их патом всех наказал» [КНА, с. Княжуха; ЛАП Ф2007-3].

В то время разрушали церкви — делали из них склады, клубы; над иконами «ругались» — делали «погрёба закрывали икоными с церкви-ти, двери делыли из них» [ВМП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15Ульян., № 17–18], «кое-кто и сжигали их, и чаво толька с ними ни делали» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-20]. «В церкви кидали иконы. Ой, наказывал Бог. Угнали на вайну и убили. Наказывал» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10].

Коммунисты разрушали не только церкви (официальные сакральные локусы), но и «разоряли» святые родники (неофициальные сакральные локусы). Чтобы помешать идущим молиться, власти выставляли кордоны. Но несмотря на это, народ продолжал ходить на святые родники (см. *Никольская гора, Народно-религиозные представления и практики*).

Чтобы спасти церковные иконы, верующие их прятали. «Кто куда их расташшили. Па дамам расташшили» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-20]. Иконы старались сохранить разными (порой нетривиальными) способами. «У нас две иконы. Их окола церкви-ти сжигали. Ну, отец: “Вы зачем жгёте, дайти, я лучши стол сделаю”. Вроде это уж свято место — стол. Он эт из двух иконок сделыл на стол крышку. Сделыл сам стол. Крышку сделыл. И вот мы как обедать, мать яво закрывала, ну стринной скатёркой закрывала, как поубедут, она скатёрку утымат, и он начинат блистеть, этот стол. А потом у нас приехали — увизли. Куда увезли? Не знай, куды увезли» [ВМП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15Ульян., № 17-18].

В советское время над иконами ругались. Если раньше такое поведение было характерно только для бесноватых («Дралась, прям на икону дралась») (см. *На святой родник ходить*), то в советское время во многих как будто бес вселился.

Некоторые, игнорируя сакральную сущность иконы (см. *Икона*), использовали ее как обычный профанный предмет: икона стала простой

деревянной доской. «Там вот часовинка стаяла. Там всё. Все иконы были. Кагда всё ламали, он был директарам школы. И он взял иконы сибе. На мастерску. Вот он бальной. Хварат. [Это ему] как наказанья» [САП, с. Коноплянка; ЛАП Ф2002-64].

Другие хоть и осознавали необычную природу иконы, вели себя с ней неподобающе. «Эта я дажа пра сваво мужа скажу. Вот у миня муж, он выпивал, ну все-таки он был *а*зарник, *а*зарничок был. И вот. Видь все поли́чкита атарвал. У людей у всех пали́чки [=божницы] ес*ть*. Эта паличку — туда вот даска прибита, икону ставили. А я вота павесила. И всё на эту, на поличку, клал папиросы, сигареты. Да? А была [икона] мая благаславенья. Мать миня вот этай — сама миня — вот эта сама благаславение. У ней, в этай икони, был винок вот виньчальный. Матирин, васкавой. И вот, видимо, он ночью встал — ну палез за сигаретами. И искал — ни нашёл папиросы-ти. Взял эта, выкинул икону-та на улицу, на двор. Я утрам-ти вышла. А у миня были утки. Стёкло-та раскалолась. Я вот толька тибе рассказываю, больши никаму. Стёкло-та вылитила, а икона — винок-та — всё утки растаскали. Миня чуть ли ни пар*а*лизивали. Да? И что? Он видь сгарел — рука у няво сгарела. У няво тут вот всё сухажилия сгарела. По́лгыда лижал в Ульянавски, в бальници, в ажогавам атдилении. Дивятнадцать лет был биз [руки] — вот так у няво» [ВАП, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Паломница пролезает под иконой возле Никольской горы. Начало XX в. СКМ

Святость и нечистота — вещи противоположные. Некоторые, покушаясь на сакральную сущность иконы, осознанно смешивали эти два понятия, тем самым оскверняли святой предмет. Из икон делали не только мастерские, сараи и т.п., но и туалеты. «Наказывал Бог очинь многих. Вот адин, я уж ни буду называть фамилию, из икон сделал туалет. Адин у них с ума сашёл, сын; патом вскори адин утанул, дочь умирла очынь рана» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-20]. «Азаравал над иконами. Там такая икона была, я помню харашо. Давай глаза выкалывать. Там вот стаит как Божья Мать — бальшая икона. Он взял доску с гваздём — давай этим гваздём — всю иё искалатил. Насрал — давай гавнами мазать. Ну что? Щас вон, наверноя, года два уж лежит без языка. Гаварит, толька адно слова — матам» [МАГ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-27]. Между действиями богохульника и

его наказанием наблюдается некоторая синонимия: нанесший увечье иконе сам становится калекой, похабник наказан «похабным» способом.

Как правило, богохульник наказывается болезнью, смертью. «А чё она [Божья Матерь] добро-то видала? У нас вот одна выходила замуж. Ой! Какой у ней негодный был. Икону вот так вот полоснул к порогу. И один глазок, левый вроди, с царапинкой. Ну, в общем, гла́за у ней не была. Так она рази не будет плакать-то? Скажит: “Ты меня за что? За что?” Причём они виноваты-ти. <...> Умер он» [ИАП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16]. «Даже, вот сичас, кагда вот ламали, церкавь ламали, кто чао аттуда брал. Адин взял — иво живова нет. Нильзя!» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-20].

Молящаяся у креста на Никольской горе. 2010 г. Фото М.Г. Матлина

Часто наказание за богохульство — смерть (болезнь) близких, родных (как правило, детей). «Наказывал Бог очинь многих. Вот адин, я уж ни буду называть фамилию, из икон сделал туалет. Адин у них с ума сашёл сын; патом вскори адин утанул, дочь умирла очынь рана» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-20].

Чаще всего богохульником оказывается мужчина. Исключение составляют рассказы о девушке, решившей танцевать с иконой, активно рассказываемые на территории Ульяновского Присурья. За совершенный грех девушка наказана. «Адна танцавала с иконай, вроди, и с ней плоха сделалась. Эта где-та — не у нас, а где-та» [ВСМ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Наказание осмысляется по-разному. По одной версии, Бог наказал ее моментальной смертью. «Накажит. У ней не была жиниха. У всех пара была, а у ней не была-та пары. Ана взяла вот икону: “Ну, а мы будим с Николай Угодникам”. И тут жа ана, гаварят, умирла. Тут жа, с иконай»[ТАГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-64]. По другой версии, девушка, танцевавшая с иконой, остолбенела. «Давно эта дела была. В Куйбышиви. Но я сама ни знаю. Но толька я слыхала ат людей. Видать я ни видала. Николай-т Чудотворец-ат, па-моиму. Девка-та сцыпила [икону]. Паринь у ней ни пришёл, а ана делала сибе день ражденья. Ана эт икону-т*а* сципила — давай с ней кружицца. Ну и што? Ана и сделалась — асталбинела. К полу-ту, как стаяла, так, гаварит, и эта. Наскока правда? Ну, гаварили *в*сё-тки. Вот адна чамжинска [из с. Чам-

зинка] женщина — у ней сястра там будта. Ана сама как, вроди, видала. Я разгаварьвала с ней, с пакойнай, с этай тётий Маший-та. Ана рассказывала. Иё Нюркай звали. Да. Ана как с ней и станцывала, гаварит, музыка-т играла. Ну, и кружилась. Как ыстолбинела на палавицы — так и есть. И Бог иё ни дапустил. Стали рубить палавицу — кровь аказалась. Стали дальше рубить — кровь же. Вот как» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП, ТКЕ Ф2003-52]. «Вот где-та где-та девка взяла танцавать икону. В Ульянавским. Жиних бросил. Жиних иё бросил, а все пришли на танцы — на гулянки — яво нет. Ана Иисуса Христа сняла икону. Вот так взяла и давай с ней танцавать. И осталась на месте. Заклёкла прям проста. Адирвинела сама. Так и стояла. И уколы, и врачей скока, и пол вырубали — и ничао ни сделают, и всё стаит. Ни знай вот правда или нет» [КСИ, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4]. «Слыхала. Видать не видала. Это была я в Челябински в частях. И вот пашли мы с сястрой на — ну как клуб какой-та што ли у них там эта. Айда, грит, пасмотрим, канцерт у нас там будет. Мы пашли этат канцерт сматреть. И вота адна женщина. К ней ни адин мужик, вроди, гаварит, ни приставал — ни чао, ни чао. И вот ана взялась танцивать. Мол, никто ни бирёт иё танцавать, ни с кем ей танцавать. Ана принясла в другой раз, при мне это дело было. Прям при мне. Мы пашли этат канцерт глядедть. И вот ана принясла вот эдаку маниньку иконку. И вот с этай иконкай танцавала. Пратанцавала нескалька время и асталбинела. Прям все видили. Я эта видила. Прям, ну стаит, вот ни шивыряцца — мёртвай чилавек — прям как столб стаит. И всё. И тут все разбиглись. Туды-сюды. И милиция приехала тамы, там ищё каво-та вызвали — ни могут взять иё. Ни могут иё взять. Вот как столб. Вот иё Гасподь, этат, наказал» [ДМН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5].

Если во многих нарративах внимание рассказчика сосредоточено на рассказе о богохульстве (а рассказ о наказании сводится лишь к констатации факта: «всех наказал», «умерли все», «он подох»), то в основе повествований о стоянии девушки из Куйбышева, наоборот, лежит подробный рассказ о наказании за грех.

«Ругались» не только над иконами. В советское время были разрушены церкви практически во всех селах Ульяновского Присурья. Местные жители старались всячески помешать тем, кто ломал святыни.

Особенно порицаются не те, кто исполнял приказ, а те, кто, пользуясь служебным положением, посылал на грех: «председатель», «директор», «депутат» (см. *Никольская гора*). «Наказал. Вот придсидатиль работал, был, Волгин. Он, этот придсидатель, когда ломали эту церковь, кал*а*калы́ сымали, он залез. А народу-та многа. В тридцать восьмом году ломали. И вот с маво жа года — с двадцать пятого года, этот Борис, тракторист, был. Иво заставили тянуть крест. Иму новай трактор пригнали. <…> И вот придсидатиль-то ему говорит: “Вот, если хто согласен, любой, хто согласен колоко́л сташшить?” Он говорит: “Я буду, если трактор дадити”. Ему [колоколу] уши там уже подпилили, положили бревна. Самый большой колокол был. Звонили

— в Карсуне, в Промзине было слышно эт колокол! И вот, когда подпилили, на эти бревна-то яво (когда подпиливают — опасно — упадет!), в окно проложили два бревна, ну и привязали трос. Ну, он потянул яво, этот колокол, и он больше метра в землю ушел. Звук был: "У-у-у-у" — гудел. Наэрно, часа три гуд шёл. Это потом его распилили и увезли. Яво когда стаск*ы*вали, он, этот придсидатиль, отошел в сторону-ту. Ко*г*да яво стаскывали, бревно-то пер*е*вернулось. Яво [председателя] под это мéста и поддело бревном-ти. Бревно-то его тут и прижало. И он подох. Сразу подох! А моя мать, и тут ищё две женщины были, они стояли и говорят: "Как иво Бог?" Тут-то яво живого сташшили, а дома-то он подох. А моя-то мать и говорит: "Слава те, Господи, Николай Угодник, *в*сё-тка поверил! Скоронить иво нады? Да его, говорит, ни нады на наше кладбище, а его вон в Карабаивку ытвизите — в яму!" Вот три женщины, они ж солью бросили ему в глаза-ти. Яво когда оттуда сташшили, они (мешочик был вот здесь вот на груди, под сарафаном, эт раньши-ти носили сарафаны-ти). Она вынула оттуда мешочек, посыпала, да как его в глаза: "Можи у тя и зенки-ти полопыют!" И забрали! Вот год ходили: вот утром уходили в Карсун, распишуцца, и штоб в двенадцать часов дня притти домой — в сельсовете расписацца. Вот принудиловка: зачем этаки слова сказали. Вот каку принудиловку несли. И ей больши всех — она года полтора ходила — за то что она сказала и вот солью ему в глаза-ти бросила» [ВМП, ВОИ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004, № 14–16].

Негодование односельчан направлено не на тракториста, который стаскивал колокол, а на председателя, пославшего его на это дело. «Он у нас на силе придсидатилим был. Он указанья дал. Вот мы все иво и кляли» [ЛЕН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

Исполнитель тоже нередко предстает в неприглядном виде. Например, тракторист, ломавший церковь, — человек недостойный: на совершение греха его толкнула корысть. Другими движет гордыня. «Наказал нашиво зятя. Мы жили в Чувашии, и вдруг к нам пришло письмо. Его звали Ваний. Иван Питрович. Снял он кол*а*кала с церквы. Эт я примерна учылась во втором классе. Вот какая ища была. Ну, вот прислали [письмо]. Вроди когда сризали крясты, сняли последний колокал, он вроди слез, вышил оттуда с церкви, а народ, вся сяло собрался: и стар и мал, — всё, грит, сяло была. Ну, нас ни была, мы ни видали, только нам в письме потом написали. И он вроде слез оттуда и так страшна сказал: "Вот глядите на меня, я теперь царь и бог!" Вот. И тут жи он захворал. Признали пиньдицит. И врач-та какой был. Раньши-ти каке врачи-та были — так себе, он яво галубиравай солью напоил, пока да Карсуна визли, у няво все кишки пириело, и он умер. На другой жи день, когда эта всё сделал. Вот как Бог наказал зятя нашиво. Сразу. Вот так вот. "Я, грит, типерь вот хто. Молитись, грит, на миня"» [ШАИ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27].

Народная ненависть к святотатцу настолько велика, что люди сами берут на себя роль карателей. «Мы все, я мож хоть в девчонках была, всё кри-

чали. Больна как уж крест-то у нас, очень больна большой был колокол. Ёво трахтырам сымали, как зимля-то, ой! Ну, вот эта, ни знай чириз ниделю, ну ни скажу я сколько, он захворал, вроди у нёво аппендицит. И вот тут у нас врач был, ни знай, врач эт сделал, ну сельскай врач, так старичишка был, ну он ночью-ту к нёму. Говорит: “В жовоте болит, в жовоте болит!” Ну и чаво? Ну, это врач говорит, какой-та ни знай, соли, не знай голубирова кака соль, ну ни знай, соды ли какой дали ему, пока да Карсýна-то визти-то. Ну, привизли туды до Карсуна-то, ни знай, делыли операцию, ни знай, нет, у нёво, вроди, все кишки изъедины. Ну, наверно вот уж ни Бог, а значит, вот наказал этот, соли-ти дали иму там, а у няво аппиньдицыт был. Ни знай. Ну, вот мы все говорили, что, мол, Бог наказал яво за колокóл» [ЛЕН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

Председателя Бог покарал сразу, но наказание может также осуществиться и спустя несколько лет. «Нипращёный грех будит. Гасподь-та са времиним и накажит» [НАА, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10].

Наказание может быть разным. Иногда любое стечение обстоятельств воспринимается как наказание. «Церкву-то ламали, у меня атец тада наступил на доску с гваздём. И вот пранзил [ногу]. Знашь, как балела долга. Ой! Вот тада и эта, калакóл-та упал тада, ой! Как все жалели! Все прям жалели! Эта калакол разбили. Это всё-эт были вот эти — камсамольцы. Камсамольцы шуравали всё» [ДМН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5].

У святотатцев, как правило, нет детей. Их род проклят, он не продолжится. «Она трактористкой была. Вроди вот всё посылали мушшинов. И всё: “Не будем, мол, мы это — опасно, мол”. А тут сказали: “Ну-ка, Наташа, давай!” Да! Баба-гром! Ну, гнуло, была, ее. Совсем была она [плоха]: у ней сказали тогда рак, ну и детей у ниё не было» [ВМП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф5 2004, 15]. «Вот который стаскывал колокóл-то — он тожа помир. Он ни жинился и всё. А потом жинился на трактористки. И она ни родила. И ей во сне приснилось: “Жить ты будешь, но дитей у тя ни будит. А потом, грит, иво парализует, он и помрет”. И так и пролизовало его. Он помер. Это за кол*ы*колы́-ти. Знач, что-то ес*ть*» [ЧАП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15Ульян., № 81].

Человек, покусившийся на святыню, обречен на страшные болезни, на мучительную смерть. «А вот тут церковь стояла, мы иё пилили. Мы иё брёвна-т*и* пилили. Всё стаскывали, калакала-ти стащили. Директор был. <…> В вот директор ни больно долго пóжил и захворал, и умир. Рак пристал, и всё. А один присидатилим был. Молодой. Ох, чао он тут делал! Чао он делал! Отец [его] захворал, пиньдицытом — умир. Чай с мес*яц* ни прошло, и он умир. Всё говорили: “Ну, Бог наказал. Бог наказал”. Ни слушили видь. Тогда какое: ни молись, ни кристись, никуды» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16]. Часто святотатец наказывается слепотой. «Вон и Борис стаскывал [колокол с церкви] — он вскори ослеп. Совсем ослеп. Век я ни забуду» [ЧАП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15Ульян., № 82].

Святотатец лишается всего, чего добился в жизни. «Вот в Погорелово на Тихвински, грит, один прям плясал на иконах-ти. Ну, ёго Бог наказал. А этого я человека-то знаю. Бог наказал. Наказал под старость. Ходит лохматай, как этот, грязный, а работал вроди на этим — чин был. Вмести работали» [ЕМФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004, № 47].

Над семьей человека, совершившего грех, весит злой рок. Родные святотатца начинают болеть. «Но у нас яво [родник в с. Коноплянка] испахабили. Руками грязными. Вада очинь стала такая мутна, очинь-очинь мутна идёт. Чилавек нихароший иё пачистил. И радничок у нас, и пажалуйста, и пагадился. Все иконы хулюганы сажгли. Эту часовинку пир*и*визли, срубы эти. Кто жжег, все падохли: аднаво убили, втарой падох. Сразу, как часовинку сажгли, и падох жа. И вот эту часовинку — струб — пиривизли святую [часовню] в школу пиривизли. Сделали мастирскую, [потом] эту часовинку взяли на харо́минки. У няво ноги бальныя, и жана бальная. Патому что ана [часовенка] святая — не нада говнять в говнях. Иконы все пажгли» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП Ф2002-5]. «Вот приехали кал*а*калы сымать с Масквы. Вот тожи сожгли. У одного-та сродственники их. У аднаво два сына — абои дураки, абои дураки сыновья» [СЛП, СТС, с. Пятино; ЛАП Ф2003-28].

Смерть человека, покусившегося на святыню, настолько нелепа и неожиданна, что всем становится понятно: она и есть наказание за совершенный грех (см. *Отец Максим*). «Там часовня была. В часовне кругом иконы были, и всё сажгли. Сажгли два малацца — моей дваюраднай сястры муж и патом вот Никалай он Гаврилыч Андриянов, он-та. Святых сажог он. И что ты думашь? И ани пагибли. Вот как Господь человека карат за это! Сколько прошло гадов, и Бог яво всех наказал! Он придсидатилим был. Ну, и куда-то паехыли — в паля́. Женшшина села в кабинку-т*а*. А он при*д*сядатилим. Гаварит: “Ну-ка вылизь атсюдава, я сяду!” В кабину-ту. Ни дажжа не была — нича*во*. И вот очутилась баклу́жина [=яма с водой]. И он из кабинки вылитил в эту баклужину — и задихнулси. Да видь вады-ти не была! Так баклужина была, видь там си́калка — тольки вот памочишь. И он задихнулси! Гасподь иво наказал. Бог всё сделал! Вот женщина и гаварит: “Госпади! Видна Бог есть. Миня вот Гасподь выгнал аттоля, а яво вот пасадил”. И задушил яво за гряхи-ти. Да! Ой, чириз два*д*цать лет!» [МЕП, с. Проломиха; ЛАП Ф2002-53]. «А крясты они такии были дарагии больна. Были дарагия. Все крясты посымали. У нас адин пасымал. Пашёл в лес — ногу прищимил. Ему вот до сих пор атрезали. А сын папал в аварию — придсидатиль он был. Четыре хряста снял. В аварию папал. И сын и он — оба никудышных» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 28]

Человек, совершивший грех, сам накладывает на себя руки. «Вот крясты у нас эта ни очинь давно сняли. И вот приижжал*и* с Ульянавскава кран. На нём падняли этих дваих. Залазили каторы. И вот кран-то, гаварит, ни даехал да Ульянавска — разбился. А эти абои удавились, вишь, каторы даставали. Тоже Бог наказал. Адин палез — удавился на ципи, на цепь. Мать-та плачит:

“Зачем, сынок?” — “Мам, я кагда-никагда всё равно удавлюсь”. И удавился. При матири. Адин — вот так вот на кравати. Вот так вот. Бог не дапустил да эта дела. Така церкавь была!» [СЛП, СТС, с. Пятино; ЛАП Ф2003-28].

Если человек одумается и раскается, наказание может быть отменено. «Там родник. Далёка. Там был*а* два креста около это радника-то. Явилась Тиханска тамо. И вот когда разоряли это всё-то, и одна женщина была дипутатом-ти, и кресты убрала. Да в положении была. С ней плохо было. И вот щас опять поставила кресты-ти. Опять пост*авили*. И вроде как все нормально у ней там было» [ЕМФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16]. «Тожа говорят, я сама ни была, ни знаю, што явилась. Там поставили крестик. А жэнщина одна зачем-та убрала этыт крестик. И у ней сразу како-та ницастья получилось. Да. И она на места одново поставила два. Щас, грят, два стоят, правда, грит, два. И можа с ней лучше стало? Не знай. Я вот только слышу от людей. А сама ни была ни разу, туда за водичкой. Ну, тожа также монашки, которы служут, и вот оне это. Я ни была сама — ни знаю. Вот тожа бирут оттуда водички. Приносют» [УАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16]. «Адна. Вот на кладбищах паставили лик — Божинька, как статуэтачка. И адна у нас пазавид*а*вала этим ликам, и взяла яво. Принясла дамой. Ну, её стали мучать по ночам. Стали иё кто-та биспакоить. И атнясла ана, атнясла ана на места. Палажила на места, где стаяла эта икона. И всё. Всё с ней стала харашо» [МЗЕ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

А.П. Липатова

НАРЯЖЕННЫМИ ХОДИТЬ

Н*аряженными ходить* — обычай изменять облик при участии в праздничных акциях: во время святок (см. *Коляду петь*, *Святки*, *Таусень*), масленицы (см. *Масленица*, *Провожать масленицу*), на троицкой неделе (см. *Вёсну провожать*, *Семик*, *Шута хоронить*), во второй день свадьбы (см. *Второй день*, *Ярку искать*). Перевоплощение было характерно и для некоторых бытовых ситуаций (см. *В покойника играть*, *Кузьминки*, *Озорство*, *Пугать*, *Подшкунивать*).

Ряженых называли *наряженными, святка́ми, свято́шниками, русалками*. «На святки ряжины ходют. Такой был пригавор. Да. “Вот святки, — гаварят, — щас идут”. Время-т*а* такая-та, вроди, святки идут, вон, вишь, ва время святкав наряжины идут. Ряжины идут» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-23]. «Ну вот нарижались. Наряжусь свя́ткай, свято́шник» [ВЕП, с. Б. Шуватово, ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «Я любила хадить свя́ткай, нарижацца» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 21]. «“Святками”-та называли: “Вот свя́тки, — гаварят, — наряжины идут!”» [РВМ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ 2003-56]. В с. Новосурск ряженье «барыней» и «кавалером» (см.) называлось *играть святки*. «На Новый год “играли святки”. Нарядимся, вот сечас две

нарядяцца: рабячью адёжу надявали, а две нарижамся как раньше звали "барыня" с "кавалерам"» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 63].

Святками называли также неопрятных, неряшливых людей, поскольку ряженые часто использовали старую, рваную одежду — *шóбалы* [=лохмотья]. В современном употреблении выражение *святкой ходить* может относиться к необычному наряду, отличающемуся от характерного для данной локальной традиции. «Всё гаварили: "Вон чучыла нарядили". Вот у нас щас приехала адна с Ульянывскава (Ольга иё завут, приехала купила три дома и нигде ни живёт) — вот ходит абвязкай, за ушки [=концы платка назад], у ниё валаса белы, длинны, ана йих падымит кверьху и шляпу. Я ей гаварю: "Люсь, ты сюды приехала жить и живи па-нашиму". А иё все щас завут "святка". Ана ходит, как святка. Вот: "Ты, как святка, ходишь"» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 21-24].

Поведение ряженых отличалось необычностью, гротеском и определялось словами *чудили*, *причужáли*, *вычужáли*, *чумáкали*. «Как наряжались? Хто как сумеэт, так и нарядицца. Шубу вывaратют, шапку вывaратют. Кто "пастух", кнут вазьмёт. На страсть пахожи! У миня вот саседка была, чудила» [БАФ, БСФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 96]. «Нарядюцца, бывалача, вот и ходим за ней, глидим, как ана вычужаит, смиёмся» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 43]. «Ну, рабятёшки наряжались: шубу выварачивали, щас шубав-та нет. Ну, наденут или ачки — всё там. Ачков-та не была. Щас там можна пачумáкать-та — ну как, панаридицца, пашутить» [БЗГ, д. Ростиславка; СИС Ф2004-32Ульян., № 21].

В большинстве случаев обычай *святками ходить* был приурочен ко времени святок — от Рождества до Крещения. «А вот посли Ражаства, [до] Хрищенья, вот в эта время "святками" нарижались. Абязатильна эта в святки нарижацца, абязатильна» [ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 21]. В с. Тияпино наряжались только с Нового года до Крещения. «Вот ат Ражаства да Новава года, эта "святкав" нет. Никаких "святкав" нет. А вот с Новава года да Хрищенья — эта тут "святки". <...> Ну, "святкам" чилавек нарижацца» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 95]. В с. Кадышево наряженными ходили только в рождественскую ночь и на старый Новый год: «Вот Ражаство-та, Ражаство-та — тут святки вот и ходют. Вечырам асобинна. Придут. И пирид старым Новым годам. Ну, эта да, вот тут Ражаство и Новый год. Ни каждый вечир наряжались, нет, нет, нет, инагда только, да» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 42].

В некоторых селах типы ряженья различались по времени суток. В с. Чумакино девушки в красивой одежде ходили днем. «А девки, а днём-ти нарядяцца харашо, там па-гарадски вроди. Тагда ведь не была адёжи-ти гарадской так. Как-нибудь у каво-нибудь дабьюцца. Ну, и хадили вот па кельям, плясали да песни пели. Абязатильна эта в святки нарижацца, абязатильна. А "чучилами" нарижались вечирам эта» [ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 22]. «Нарижались. Наряд-та вот… Старушки ходили — сарафа-

ны широки. Ну, у старушкав маладыи вазьмут адежду, и вот нарижались. И вот хадили» [БТП, с. Чумакино; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Ну, наденут, каторы уж больна разнарядюцца красива. В старинну какую-нибудь адёжу. Бывала, видь то кру́тки [=короткая одежда поверх сарафана] какея были, то какея-т пальтинки были, вот. Кру́тки-ти, какия-нибудь пышны, юбки широки — вот. Шляпу, да» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 43]. «Нарядюцца вот юбку широкую аденут и шубняк бабушкин» [ДКВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 34].

Вечером наряжались *в шоболы* [=в лохмотья] и вывернутую наизнанку одежду. «Все шобалы наденишь на сибя-та и пойдёшь. То шубу вон баранью вывирнишь наденишь, шапку махнату какую-нибудь, рвану-драну» [КПТ, с. Кадышево; СИС Ф2000-16Ульян., № 34]. «Ну, чаво? Фуфайки, шапки вон. Да, нарижались. Лицо-т залой намажишь» [СФН, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 88]. «Эта, зна*а*шь, кагда у нас нарижались? Зимой, на святки нарижались. Лица или намазаны, или махры какии наденут, шубы вывернут, тагда видь шубы были авечьи, шубы вывернут» [ЯАИ, д. Александровка; СИС Ф2004-09Ульян., № 47]. «Нарижались, кто как. Балахоны каки-нибудь старинны наденут или вешают полотенце через плечо. Вот так вот нарижались, кто смешнее» [ЛТА, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ, 2001].

Наряженные в лохмотья иногда не имели определенного наименования. Но в некоторых селах (Б. Шуватово, Сара, Валгуссы) такие ряженые приделывали на спине горб, брали в руку палку и становились *стариком* или *старухой*. «Нарижались в любой день, все святки. Вечерым толька, ни днём. Кто чаво: и тулупы выв*а*ратим, горб сделашь, падпаяшисся, палку вазьмёшь — “старик” гарбатай. И девушки, и рабята, каторы шутники-та» [МАФ, с. Сара, ММГ Ф2000-36]. «Нарижались. Кто как. Ну, вот на Новый-т год хадили днём, “святки”-т нарижались. Кто нарядный нарядицца, да, хто в махры нарядицца. Так вот хадили» [ВЕП, с. Б. Шуватово, ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «Вечирам нарижались. Хто наденит старушичу юбку, кофту, кто брюки наденит, кто рубашку какую наденут мужскую. Ну, вот так» [ВОА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ ф. 4, оп. 4, 2001]. «Ну, наденит этыт, падпаяшицца, лапти абуит как*и*и-нибудь. И “старухай” разнарядют. Какой-нибудь зипун наденит на ниё. Лицо марлей закрыто» [МПИ, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 30]. «Старик» и «старуха» изменяли голос и, вступая в шуточный диалог со зрителями, вызывали всеобщий смех. «Да, нарижались. Вот тожи, ну эта лицо-та ни завязывали. Пажалуй, мущина и “женщинай” нарядицца, а женщина “мущинай” нарядицца, ну их разбирёшь, кто эта. Ну, и хахакали. Горб на спину делали, всё делали. Придут ну и спрашивают, как живёти, ни памочь ли вам? Чудно было. Падайдёт: “А как тваё здаровье?” [=хриплым сдавленным голосом]. Вот эдак хрипам. Ну, ана скажит или он: “Да пака ничаво, ни жалуюсь, ничаво”» [ЕЕП, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 80].

Повсюду в селах Ульяновского Присурья было распространено ряженье с использованием одежды противоположного пола (травести). При

этом девушки и парни не только надевали соответствующий наряд, но и в походке, жестах и в пляске имитировали поведение, подчеркивающее достоверность того или иного персонажа. «Я вот сабиралась [=наряжалась] “святкай”. Я всё время сабиралась “святкай”. Я парнем: брюки надену, рубашку, кастюмчык. Я плясала па-рабячьи. Вот. И я сабиралась всё время. И миня никто ни узнавал. На крылец хадили, взайдёшь в келью на крыльцо, каторых узнают, а каторых нет. В кельи. А мы па всем кельим, сабирёмся штук пять, па всем кельям. Кто “барыняй”, кто “цыганкай” нарядицца, а я вот всё время “парнем” нарижалась» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 21–24]. «Мужик наденит юбку длинну, палушалик абвяжит вот так и идет па-бабьи... Все и смиются» [БАФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 97]. «Ну, старинны юбки наденут, вот. Или женщина в мужика привращалась, наденит палушубык — вывирнит шерстью наружу, шапку наденит, брюки яво наденит —“мужиком”, “стариком” тут. Накрасит сажай. Бораду привяжит. Щас видь приклеит, а тагда вот чаво, кудели привяжит и всё. Типерь видь вон как модна: Дед Мароз, а тагда кудели, а тут вот сажий намажут. Усы, брови чорны. В печку пальцым вот засунишь, раз. Нахваташь всяво» [ГТГ, ГПП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-21Ульян., № 61-63]. «Ну тож, глидишь, эта баба наридилась “парнем”, а девка — “девкай”, идут па улицы. А сзади идут какии-нибуть ищё наряжены другии. А ищё, чай, выв*а*рытют шубу, каку-ту куфайку выв*а*рытют, на башку-ту фуражку наденут, тут на эт, на лицо — накладут марлю» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «В святки у нас наряжаюцца, ходют па улицы вот, наряжены в махры. Худои наденут или грязнай, как я хажу щас вот грязна. Ну, наряжались бабы-ти. Наденут шапку тама, рубашку, штаны. Ну, идёт, ана идёт “мужиком”, я иду “бабай” <...> как старинны были юбки длинны, с мышками, вот эт сарафанья широ-оки, бывала, были эта. То клин эдакый, то клин, пожалуй, другой какой исклешонай, эт мода была. Наденут и идут, космату шапку наденут» [ТАЕ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «Нарижусь “святкай” да па сялу пайду, шапку выв*а*рачу, фуфайку на сибя над*е*нишь, тапор, пилу: “Каму пилу наризать?” Пришла к дочири радной, сваха-та гаварит: “Тамар, Тамар, какой-та мужик идёт, запри, ни пускай”, — а эта мать идёт! Карову скарей загнали ва двор, и Тамара запирла, я стаю всё: “Пилы наризать!” А Тамарка вышла и гаварит: “Ба, мама, да эта ты!”» [ТАЕ, с. Чамзинка; СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

Повсеместно в числе святочных ряженых и на свадьбах была «цыганка». «Цыганкой» наряжались и в будничной ситуации, чтобы развеселить знакомых людей. Для наряда цыганки нужна была яркая шаль (ее могла заменить праздничная скатерть), широкая длинная юбка. Девушка в этой роли распускала волосы, красила сажей брови, ярко красила губы. Это изменение внешности иногда было столь удачным, что односельчане не всегда узнавали, кто скрывается за святочной маской. Необходимая деталь наряда «цыганки» — карты. «Цыганке» необходимо было не только

создать внешний образ, но и обладать способностью яркого импровизированного общения. При этом ряженые пытались воспроизвести цыганский акцент. Обычно «цыганкой» наряжались девушки, бойкие по характеру, веселые и остроумные. «Цыганка» обходила кельи и дома и предлагала погадать. Рассказать о прошлом и будущем людей, чьи судьбы были хорошо известны, было нетрудно. Однако при этом всегда находились люди, с

Свадебное ряженье в с. Потьма. 1990 г. Личный архив

удивлением слушавшие «всю правду» о своей жизни. «Или “цыганка” гада*а*т: “Вот, у вас должна свадьба (если кто с кем дружит), вот Коленька, вот у вас Коленька, давай, давай”. Там вроде гадание какое. Это всё “цыганка” и дальше» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 67]. «Ну, “цыганкай”, как абычна вот цыганки нарижаюцца. Этакую сделат юбку и платок нарядный. Прям цыганка. Суму павесит на се*бя*. И карты в руки и айда пашёл» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 112]. «Нарижались. А “цыганка” тут вот губы намажит и шаль, таку шаль найдёт, вот так завир*нёцца*. Эта уж абязатильна. Ну, и гадала, гадала. Руку вазьмёт, начнёт балтать. Эт уж сабирались такии, хто шутит. Шутить умеит, балтать» [БАФ, БСФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 97]. «О-ой, эт вот Настя-та, ана, бывала, нарядицца, “цыганкай” нарядицца, у ней косы-т чёрны, вот распустила адин раз, сидели мы, адну на пеньсию праважали, родня нам. За сталом сидели, два-три стала, и ана у нас ушла, ушла куды-та, и наридилась и идёт. Ба-тюшки, цыганка идёт, и никто не заметил, што эт ана. Ма, вот наридилась “цыганкай” и пришла всё сило» [СМС, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «У миня сястра, пакойница, “цыганкай” нарижалась, карты взяла. Эта, па саседству мальчишки

были: “Айдати в клуб!” — “Ну, там на*а*заруют, там растрепают”. — “Ни бойси, никаму мы тибя в абиду ни дадим!” Придёт, начина*а*т на картах гадать всем, балтать чаво-нибудь. Па сваей улицы па старушкам пайдёт чаво-нибудь нагада*а*т вот йим. “Вот у вас вот так сына завут, у тибя вот так завут”. Патом утрам ани между сабой гаварят: “Какая-та, — гаварят, — цыганка была, ну, — гаварят, — вот всё, всю правду рассказала. Как завут и как у вас дитей завут. Всё, — гаварит, — рассказала!” Они и ни узнали. Вот» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 81]. «А “цыганка” гадала. К любой дивчонки падайдёт: “Давай”, или к парню: “Давай я тибе пагадаю”. Ну, заставишь миня па-настаящиму гадать? И ана так жи гадала. [МПИ, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 29]. «Ну, уж как Тая-т*а* не была никаво! Начнёт кряду, чаво тут? Вот судьба кака*я* твая будит. Давай вот — ну, чай, девки-ти — пра жинихов, ну. Чаво ана гадать будит? Хто развидёный (ну видь, бывалыча, и расхадились тожа) вот. Бы*ва*ла: “А тут ча*во* эта ана мне сказала? Ана знат што ли эт*а* всё? Эт всё правда сказала”. Ну, ана, канешна, знат! Вот и смех, и шутки. И гаварит па цыгански, цыганскый голыс: “А да-авай-ти я пагадаю, давай пагадаю!” [говорит нараспев, подчеркивая аканье]. Пахоже, вроди. Ана так шутила. Шутница была, царства ей нибесна...» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 112]. «Вот Валька-та ана всё “цыганкай” больши нарижалась. Оне видь гадают ходют гадают: “Давай, пазалати руку”. Па-цыгански, как цыганка каляка*и*т, вот как цыганки гаварят: “Давай пагадаю, тибя ажида*и*т ниприятнасть ли, радасть ли там”. Чаво-нибудь набалтают, чай. Цыганки тожи видь балтают, пади, ай правду скажут? Ну, а как жи? “Пазалати руку-ту. Спирьва пазалати руку, патом я тибе пагадаю, расскажу тибе всю правду”. Чаво-нибудь давали» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 52]. «Вот щас как гаварят цыганки, так и ана эдак такая баявая женщина. “Дай я те*бе* ручку, я те*бе* пазалачу иё. Давай, давай”. Скажит: “Чай, знай, т*иб*е мужик пападёцца харошай, ты ни тужи, ты биз мужа живёшь, ты биздетна. Будут у вас детки, мужика примишь”. Умрёшь со смиху. Шутница была, шутница. Язык изменит. Ищо, пажалуй, кои ни шутник, привяжицца к ней, как шутник, ана тибя заставит гаварить. Интиресна, бывала» [ЕЕП, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 83-84].

В с. Барышская Слобода типичной деталью наряда «цыганки» была кукла, которую заворачивали в одеяло и носили как грудного ребенка. Для него «цыганка» и «зарабатывала» гаданием. «Да, вот наряжацца “цыганкай”, бирёт куклу, приходит в дом, асобинно если знакомай там парень есть, и гада*а*т, вот: “Падайте вот, у нас рибёначик есть, он галоднай”. Ну, как рабёнка в хорошу удьялку завирнут [ШЗЕ, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «Ну, вот, куклу вазьмут, маленьково вроде в удеяло завернут, яму надо есть. Кто конфеты, кто пирога дадут» [БМФ, с. Барышкая Слобода; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. В этом же селе наряжались парой — «цыган» и «цыганка». «“Цыганам”-ти наряжались: и

“цыганкай”, и “цыганам”, и всё, ты што! И придут, там с гармошкай хадили или с балалайкай, давай. Ну, каторый хазяин добрый такой: “Ну-ка, вы спляши-ти, я вот чаво вам дам!” И спляшут, и па-цыгански, если кто умеет. А она гадать начнёт, катора язык есть изболтанный, ана начнёт, ой! “Давай, дедушка, давай, бабушка, я те*б*е истинну*ю* правду скажу”, — вот так начнёт, ой! Вот то умиреть, то долга проживёшь, то чаво, так и была, как жи. “Ой, да какая у *тебя* бяда-та будит, какая, ой!” Или с сынам што сделацца, или с дочкай што сделацца — вот такая бяда. Нада чо-та балтать. Балтают и всё, какии ани, к чорту, цыганы? Пахожи на цыганку и всё» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 67].

Ульяновское Присурье — полиэтническая зона. Здесь рядом расположены русские, татарские и мордовские села. Жители соседних сел работали в одних колхозах и совхозах, постоянно общались, вместе проводили досуг, отмечали общие советские праздники. Это общение определило появление в святочном ряженье таких персонажей, как «татарин» и «татарка», «мордовка». В с. Новосурск при подготовке к святочному обходу дворов молодые люди специально ходили в соседние татарские села Стрельниково и Дракино за татарской одеждой. Для наряда «татарина» использовалось традиционное ряженье в шобалы. Единственным атрибутом, отличающим этот персонаж, могла быть войлочная татарская шляпа. А для наряда «татарки» обязательной деталью были традиционные элементы повседневной национальной одежды татарской женщины. «Мы хадили в Стрельники, там татары живут, у них шляпы были. Вот принисём аттоль шляпы, станим йих нарижать, и патом эта придут эти, адёжу там с татарки, есл*и* “татарки”, то с татарки адёжу бирём, да. Накрасят йих, нарумянят» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 26-33]. «Наденут татарска. Раньши ведь татары-ти как хадили? В платья́х-ти. “Татарка” наденит, идём к татарам, бирём платья. А уж “парним”-ти, ну, наденит шо́балы так, махриста. “Татарка” абязатильна татарска платья нады. Белы штаны наденит, платья вот эдак вот вздёрнит эта татарска» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 72].

Входя в келью, «татарин» и «татарка» плясали вместе с другими ряжеными, но иногда девушка или молодая женщина, изображавшая татарку, имитировала татарское пение, подражая тому, что слышала от жителей соседних сел. «И вот эта пляшут и пают па-татарски. Да, и я сама пела [поет, имитируя татарский напев].

А, сибилитылярам,
А, сибилитылярам,
Калхозник балмасамбарам,

Сибилитылярам,
Казычок.
Калхозник балмасамбарам ёк.

Вот и пели эдак. <...> Ну, мы — татары пают, вот и приснаравливаисся к ним, пели ани. Ну, ни все, хто умеет балтать, хто ни умеет» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 72].

Смысл такой песни часто был непонятен поющим и слушающим, поскольку текст представлял собой заумь, состоящую из воспринятых на слух звуков чужого языка с вкраплениями русских слов. Однако в некоторых случаях информанты обращают внимание на то, что так называемые татарские или мордовские частушки содержали ненормативную лексику татарского или мордовского языка. «Сходят в эту вон, в Стрельники [=татарское село] за адёжай-ти, платья принясут. Ана ес*ли* "татарчонак" или "татарка", а "татарчонак"— абзатильна надо матиршшинна. Да. И па-татарски, и памардовски спаём. Па-мардовски паёшь, ана па йихаму матам. Па-татарски паю, па йихаму тожи матам.

Удиго́ри, удисмех,
А то па́скить буду всех,
Сичас буду всех паски́ть,
Тон ярмак улик максыть.

Это па-мардовски. Знати, что это? Ана матам па йихаму. А па-татарски:

У татарина привычка,
Сам идёт, трясёцца шлычка,
А дивяноста пять татарчат
Над бандой сидят парчат.

Эта на святки, на святки пелась» [ГАМ, ЕЕД, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 39–47]. «У нас толька адна пела тут, гаварят, татарски частушки. Я сама ни знаю, ну, гаварят. Елена иё звали.

Шалтай-балтай шикиряк,
Татарча якши буряк.

Вот ана, бывала, ана нарижалась всё время "татаркай", гаварят. Ана вот здешняя навасурская.

Шалтай-балтай якиряк,
Татарча якши буряк.

Ну, буряк эта па-татарски матам. <...> Нарижалась "татаринам", "татаркай". Ну ана, наверна, ищо знала па-татарски эти песни-ти» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 26–33].

Иногда вместе с *татарами* наряжали «коня» (см.). Молодые люди специально ходили на скотомогильник и находили там лошадиный череп. Его обертывали тряпками и сажали на *вя́нки* [=двурогие вилы]. Двое парней держали голову «коня», а двое других стояли сзади. Их накрывали пологом, оставляя прорезь для головы. «А вот сходют там на эти, на мазарки, ну вот, где кале*ю*т лошади. И вот эта голаву-ту, черип-ат, масол-та этат, ну вот вазьмут. Лашадину*ю* голаву вазьмут, палага эд*а*ки и вот четвира там стаят. Нарядют яво, он сдела*е*цца как лошадь. Ани как? Ани вот встанут двоя, а третий как на вя́нках эту доржит — как вроди лошадина галава кверьху-ту. Ани иё завиртят и вот как лашадина галава. Ну, и взайдут в избу-ту, ага, всходит в избу: "С канём едут! С канём едут!" И вот он начина*а*т. Эта, лошадина галава, ну, там ана на вя́нках, ну ведь эта мужик, ана ни сама, мужик-та падыма*а*т эдак вота, в паталок, а двоя-та сзади доржут, эдак стаят. Ну, как мол, стаят, ведь аднаму-та нильзя, а эта как лошадь стаит. И вот начнут

в паталок махать этай галавой-та. Да» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 67]. «Эта мая мать жи рассказывала. Нарижали "каня", привядут настаящива "каня", привядут яво. "Нынчи, — гаварят, — каня привядут!" Вот лашадину голаву, ани иё абделают, как будта бы настаящий конь. Полагам накроюцца, а там пад полагам милюзги, рибятишкав, пално! Прям настаящий конь. А адин, там галава была, этай галавой, значит, эта... управл*я*ет, да» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 28].

Ряженый «татарином» разыгрывал с «конем» сценки. В одних случаях приходил «холостить коня» или «купить его». В других — просто требовал для «коня» овса. Ряженых с «конем» ждали, специально к их приходу готовили *орешки* — печенье в форме шариков из сдобного теста (см. еще *Масленица*). «Бывала, пикли мы арехав йим, вот из теста вот эдак накрутишь арехав. "Нада, — гаварят, — каню нынчи арехав напикчи". Ну, напикём. Привядут "каня", вот самый этат "татарин" таргуит "каня". Глидит зубы у няво, всё... Ну, для смеху, для смеху. "О-о! Ну он у тибя старый, у няво зубов нету!" Там начнут таргавацца. Вот» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 26–33]. «Нарядюцца то "татаркай", "татаринам" и вот: "Давай каня лягчать!" Нарядяцца "татаринам", девка жа. И вот: "Давай каня лягчать!" Пад полаг лезит, иё ни пускают. Вот. Интиресна была. "Татарин" кричит: "Давай каню авса!" И вот пикли такии "арехи" и йим давали. У нах там лукошка, и ани в лукошка ссыпают. "Давай каню авса!" Вот в адной сиденки пабудут, в кельи, идут в другую. "С канём паехали" в другую! А мы уж слидим: скора "с канём" приедут. Нарядюцца то "татаркай", "татаринам"...» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 67].

Группы ряженых могли отличаться по возрастному составу. Парни и девушки, ходившие в одну келью, наряжались преимущественно в старинную красивую одежду, городскую одежду, изображая «кавалера» и «барыню», «цыганку», реже — в шобалы и в вывернутый тулуп. «Да, кто в чем хочит, кто шубу выворотит, а хто — харашу. Ну, я вот помню, я сама пашла. Надену сваё падвенечно платье, шарф вместо шали и вот эдак сабралась. Наряжена-т*а* пришла я туды, а ане, знашь, кто в чем: кто в шубе, кто выв*ы*ратил, кто чаво: "Вот и харашо, нова у нас хоть пляшет, а мы все в чёрном". А Полюшка, падруга мая, ана и гаварит: "А вы, чай, не все бы в шубы нарижались"» [ПЛА, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ 2003].

Вторая возрастная группа — взрослые (пожилые) мужики и женщины — наряжались «пужáлой» [=чучелом], «чертом», «стариком», «лошадью», «медведем». «А вечерам-ти то "чёртам" нарядьцца, "пужалой" придут, каки-та рага сделают. Сноп, ды вот башкой-т и трисёт, эта "пужала"-т» [ВЕП, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. В с. Проломиха ряженые в страшных масках назывались «букáнами». Их лица и грудь были закрыты куделью. Они разыгрывали сценки, изображая в келье завидных женихов. «Как-та страшны́ми "буканами" нарижались, маски на лицо-та наденут из кудели. Бор*а*ды такия из канапли-ти. Адни глаза астанут, яво

и ни разбирёшь, эта чей, какой. Ат глаз всё, всё закрыто, толька глаза ни завязывали. Кудель-та прям да пояса, эта барада да сех пор. Ну и хаха́кали. Гаварили: "Щас вот страшны́е придут". Все и смиюцца. Ну, ани ничаво ни делают над нами, а толька шутют. Падайдут, кои женщины сидели в этим, в кельи-ти, девки, там: "Пайдёшь за миня замуж?" [=хриплым сдавленным голосом] — к ней. — "Да ты больна страшный, ни пайду!" — "Во-о, у миня вот эта есть, вот эта вот есть!" [=хриплым сдавленным голосом]. Ну, и угавариват: Он апять хрипам: "У миня кошичка дома, овцы, свиньи, мясо будим есть!" — "Ну, пайду!" Вот и смиюцца все-т. Интиресна была. Ну, яво кагда узнашь, кагда и ни узнашь. Если в другим конце живёт, где я яво знаю, какой он? Шутник жа. Да и голас минял» [ЕЕП, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 79].

Новогоднее ряженье в с. Кадышево. 1960-е гг. Личный архив А.П. Сычевой

«И "чёртам" нарижались. Приделаит бараний хвост, наденут на сибя всё узенька, чёрна всё, чёрны штаны узиньки, чёрну каку-нибуть кофтычку, маску на лицо наденут чёрну всю, и рага приделают» [РВМ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Адин раз я ни знаю, где казлину эту шкуру нашла ана [=Тая]. Ага, шкуру. И эти рага-та вот приделыла йих тут, пришила к чаму уж я вот ни помню, эта к чаму. И надела горб и — "чорт", да. <...> Ну вот и лезит и хто тут, какой чорт узнат! У ней лицо-та ни найдёшь где» [КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 106].

Во второй половине XX в. были популярны маски домашних животных: коровы, курицы, козы. «Рага сделат, рага! Девка адна всё "каровай" нарижалась. На святки, да, на святки» [РТТ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 102]. «На святки эт всигда нарижались, вот па-всяки, кто "казой" нарядицца. Тожи, вот эти, авечьи шкуры на сибя, козии, и рага, да рага настаящии как-та приладют» [РВМ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Девушки, склонные к игровому перевоплощению, пародировали местных дурачков. В таком случае ряженые представляли персонаж, хорошо известный в округе, имитируя его походку, жесты, особенности невнятной речи. «Груня у нас хадила Сасновска, вот ноги у ней вот эдак вот были [=навыворот]. Больна уж баялась, даяркай иё паставют. "Надо даяркай тибя!" — "Нету, нет, ни хочу, я ни хочу, ни хочу", — плакать начнёт, плачыт. Ну, вот и ана [=Поля Нарышкина] вроди как Груня притварицца. Вот иё и вазили то

на каляски, то на салазках. Всё вот, бывалача, эта ане пайдут, нарядюцца. Я на крыльце адин раз стаю, Валька-та эта вот Круглыва идёт: “Анюта, дай пяток ииц”. Дала. Я гаварю: “Нати, давайти шилыгайти [=идите] дальши”. Вот тожи ана [=Валя Круглова] с Полей Нарышкинай, — вот начнут. — “Ты миня ни любишь, я тибя люблю, ты миня ни любишь”. Вот смиюцца, шутют жа, да» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 49–50]. «У нас вот была Еня вот Елисеева. Ана всё нарижалась “Максимам”. Здесь хадил Максим-дурачок, вот ана ём была. Плясала па яво, нарядицца как он. Да. Вот в сумку сваю набирёт мёрзлых гавён лашадиных. “Это у миня орехи тут” — он пригнушивал гаварил. “Максим, сплиши !” Пайдёт плясать.

Оп, шмара моя,
Шмара бледная.

Как-та песню ана пела. Вот эта ана пела, бывала. Тожи ана была, у ниё муж был на фронти, ана была маладая, штобы иё ни мяли, вот ана, бывала, нарижалась. Да. Он всё “бирёзу ставил сучком”, Максим этыт самый, дурачок. Ну, а как вот? Апракиницца на голаву, а штаны-ти скинит, вот эта у няво “сучок” был. Бывала, всё: “Максим, сделай ты бирёзу! Паставь бирёзу! Паставь бирёзу!” Ну, и ана апракиницца. “У тибя “сучка” што-та нету!” — скажут ей. Ну, смех. Да, паказывала жи. Ана толька эта вот на голаву апракиница там и сразу встанит. И всё, да» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 34–35].

Иногда ряженый, представляющий «дурачка», входил в группу, сопровождающую «барыню» и «кавалера» (см.). В с. Новосурск «дурачок» во время пляски «барыни» и «кавалера» выскакивал в центр избы и отбивал «барыню» у «кавалера».

Парни и девушки, составлявшие одну группу ряженых, чаще ходили по молодежным посиделкам В каждой группе были музыканты-гармонисты и балалаечники. В келью входили под музыку и начинали плясать (см. *По кельям ходить*). «Наряжены хадили па кельям, па сиденкам па этим. Ну, вот там начынают играть, придёшь с гармошкай или балалайкай — были балалайки в моде. Идёт артель с балалайками. Ани начынают играть, начынают плясать. Пляшим, спаём и уходим» [МАФ, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 17, 2000].

Ряженые закрывали лица марлей или тюлью, раскрашивали лица сажей, чтобы их не узнали. «Все, кто нарижамси, все идём закрыты. Марля, штобы дыхания-та маненька, как гаварицца… Тагда толька интиресна была, видь кагда ни узнают. “Эх, — гаварят, — так и ни узнали!”» [КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 113]. «Лицо, лицо чтоб закрыто было платками или тюлью какой, занавеской» [ПРИ, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп.17, 2000]. «Ну, маски-т раньши ить таких-т куплиных не была, раньши ить выризали из бумажкав всё. Па-всяки, кто каку придумат, и из саломы, и из травы, из сена, иза всяво, и из перьяв — па-всяки. Ну, из перьяв тожи вот нарижались. Нарижались “питухами”: сделают вот и хвост

питушиный, и на голаву, всю из перьев разукрасют, и крылья питушины привяжут, па-всяки» [РВМ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «Нарядюцца, маску каку-нибудь сделают. Ну, маски, эта щас вот можна маску-та из чулка сделать, а тагда какую-нибудь как клиянка [=клеёнка] вот такая. Вырижут нос, глаза, раскрасют краскими. Краски видь были — адёжу красили. И вот, хадили. <...> На голаву надявали какой-нибудь старинный — раньши были салдатскии шлёмы — вот шлём был такой. Наденишь этот шлём, на лицо чаво-нибудь вот так накрасишь, ничаво ни видать. Никак ни узнать. Па голасу толька узнавали» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-23]. «Шубу вон вываратит или там какой-нибудь (раньши зипуны были) зипун наденит, шапку лахмату. Морду намажит или сажий или чем — вот узнай яво там» [КМВ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 87]. «Лицо сажай намажут, хто хател сибя испортить» [КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 101].

На улицах села и в кельях, куда приходили ряженые, их ждали зрители разного возраста — от детей до стариков. Соседи предупреждали друг друга о приближении компании ряженых: «“Вон снаряженными идут, айдати выбягайти!” — и пашли. Па сялу пашли па всяму» [КМВ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 87]. «Па дароги идут — все у двара стаим мы, кагда гармонья-та идёт, играют. Все ка двару выходют — “Где-та играют!” — паглидеть» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 53]. Дети вслед за ряжеными перебегали из одной кельи в другую. «Нарижались, хадили. Прям артелью с гармоняй, с карзинкими, а мы, малиньки, за ними бегали» [ПКИ, с. Араповка; ЧМП ФА УлГПУ 2000]. Однако некоторые информанты признаются, что боялись ряженых и старались во время святок реже выходить из дома. «Я как-та их, эта, скажу, баюсь их, святков-та, я и глидеть их ни хадила. Да пагляди жи на их: харя в сажи. На них глидеть-та страшна [ВЕП, с. Б. Шуватово, ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

На улице ряженые разыгрывали комические сценки. «На этат, на старый Новый год у нас, ой! Нашли сани каки*е*-то, дугу. Адной надели хамут, ана сильна*я* была! Этат хамут весь наридили всякими лентами. И вот ана эт*ыт* хамут и эт*а* дуга — вот так держит, и эти сани. И тут с вирёвками нескалька — вот так вязут. Гарманист сидит на этим, на санях, игра*а*т, а каторы идут сзади, пляшут, то*ль*ко юбки раздуваюцца. И вот па сялу. А если где втарыи, аглобли вот так паставят кверху и все на эти дровни. С гары раскатишься» [ГАП, с. Белый Ключ; СИС Ф2007-02Ульян., № 79]. «Я на святках говорю аднаму: “Ну, ты вот молодец, наверно, нарядисся”. Я знаю его, он больно чудной. Я в обед вышла вот так вот и гляжу. Крикнула домой: “Ну, едут!” А мост у нас большой был, от моста выехали сюда. Мы по эту сторону моста, они, значит, на салазках, поставили три жерди, и вот, значит, поставили туды зобню и в зобню наклали, ну, там, ну, можа сена, можа, соломы какой, чово. И там сидит чилавек, едит и кричит:

Цыганка, цыганка! Я весь измарался!	Цыганка, цыганка, Я весь измарался!

А за ним народу-ту, пели-то, пели-то! Я вышла — меня больна смех бирёт. У нас крылец вот эдакой. Кричу рибятишкам: “А вы, мол, чо?” Он кричит: “Я весь измарался”. Он, чай, испачкал и харю-то чем-нибудь. Лицо у него и синим, и красным, па-всяки. И вот едет, и вот все за ним бягут рибятишки, девки» [ПЛА, с. Барышская Слобода, ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Представление продолжалось в келье. «А схадились глидеть-та в келью-ту. Сидеть-та негди была! И печь набита. У нас-та вот пакойна-та мама была, ана пускала жи, сидели девки, ну ни наша ровня, а там [постарше]. Да. Вот, бывалыча, и на пиче, и визьде — караул! Сидеть-та негди. Видь ни адна “святка”-та ввалит в избу-ту! А пять да шесть» [КВН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 107].

Зрители по голосу пытались узнать, кто скрывается под маской. Если это удавалось, ряженые открывали лицо. «Кто узнаёт, раскрывают, мы ни даёмся раскрывацца-та, штоб ни узнавали, вот. Миня никагда никто ни узнавал. Каторых девак узнают: “У-у! Эта вот чья!” Ана уж аткроицца, а я ни аткрывалась, миня ни узнавали. Я любила хадить “святкай”, нарижацца» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 22]. «Я любила наряжацца. Захожу, начинаю плясать… Вот чириз двор у нас паринь был. И вот я зашла, — на этай старане избёнка была, тут келья была. Вот я пришла, начала больна плясать, а яму ахота была узнать, кто пляшит. У миня лицо-та закрыта. Он вот хочит-хочит аткрыть, а я ни даю. Он миня ка-ак швыркнул, а я спиной аб печку. Аткрываюсь я, гаварю: “Дурак!” Он мне гаварит: “Прасти, мне ахота была узнать, кто пляшит, ни угадаю”. Я гаварю: “Ну, ни угадал, спрасил, мож кто тебе бы сказал, што я пляшу”» [КВН, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ ф. 4, оп. 4, 2002].

Главную роль в компании ряженых играли люди, склонные к веселью, перевоплощению и игре. Некоторые из них в течение одного вечера несколько раз меняли маски, обходя кельи на разных улицах села. «Бывала, святки-ти — пять раз на вичару я вот сабярусь. Многа нас тут была. Да все любитили какии-та. Ой, мамыньки! В этим дабре [=наряде] сходим: “Давайти разбирацца, давайти па-другому”. Ишшо пайдём. А кельив-та была па сялу! А, матушки! Ни *а*байдёшь в вечыр-та [КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 101].

Молодые люди, принимавшие участие в ритуалах, требовавших обрядово-игрового перевоплощения, наряжались и после брака, сохраняя верность традиции. Таких людей уважали, помнили их имена, рассказывали об их масках и костюмах, их остроумные шутки передавали из поколения в поколение. «Каторые, если ани любитили раньши были, да щас у них и дети там взрослыи, йим всё равно ахота. Вот как дядя Паня Дабычин. Вон

какой был здаровый, “стариком”-та наряжался всегда» [ОМФ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 47]. «Вот у нас тута и саседка мая нарижалась, всё вот хадили шутили (вот щас старуха-та ана живая) в Канаплянки-ти. Поля Нарышкина была, пакойна, Нюрка Арлихина — больна уж шутницы. Нарядюцца, бывалача, вот и ходим за ней, глидим, смиёмся, как ана вычужá*ит*. То на каляску сядит, павязут, то хто на салазках придума*ит*. Вот летам на салазках, зимой на каляски. Мне кажицца, эта самыи умныи люди, кто чудил. Чай, ну-ка все глидят на них, чудят ане, смиюцца, висилят. И пают, и пляшут, и скажут чаво-нибудь интиресна» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 51]. «У нас вот Тая была. Больна уж была интиресна, шутница. Вот и, бывала, то*ль*ка иё и ждут: “Ну, нынчы Тая, чай, нарядицца! Нынчы Тая придёт, нынчы Тая придёт!” Царства ей нибесна! Батюшки! Три раз*а* на вечыр. “Тайка, чаво?“ — “Давайти апять, давайти адявацца в другу*ю*!” Ну, ведь все в шобалы. А у нас была гармонь на пóдлавки [=чердаке] худая. В ниё залы насы́пали мы, и эту гармонь взяли. Вот куды приходим, ана садицца сирéдь полу, иё начнёт [растягивать] — а эта [=зола] из ниё. Хазяйка: “Литуны! Да вы чаво эта тут принисли! Вы чаво дела*и*ти!” Из мяхов-та валит зала-т*а*. Ана сядит, начнёт вроди иё разводить так — как эдак-та развидёт, а из ниё зала! Вот видь как была! Из ниё и пылит! “Батюшки! Да вы чаво дела*и*ти! Вы чаво принисли!”» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 114]. «А Настя-то нарядицца “мужиком”, “стариком”, шапку наденит, куфайку там, пыдпаяшицца, натыкат там тапор, пилу вазьмёт стару: “Я пилы нарязаю, ришотачки пыдшаваю”. Ну, ана интиресна женшшина, интиресна, прям чуда! Ана и песни бывала пра всё Шуватава спаёт» [СМС, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]

Иногда ряженые собирали ватагу детей и с ними вместе обходили дома. Такая практика до сих пор сохранилась в с. Б. Кандарать. Женщина, ряженная «солдатом», идет по селу со своими тремя детьми. Когда они входят в дом, хозяева сразу угощают малышей. В с. Шеевщино вспоминают молодого человека, который устраивал целое представление, усаживая вокруг себя детей. «А ищё тут был атамáнный, азарник — Леня Гарюнов. Тот выварачыват тулуп. Накрыва*а*т и идёт. И вот, бывала, приходит, садицца среди полу, рабят сажа*а*т окала си*б*я: “Давайти садитись, я щас буду песню петь!” А у нас мамапакойница: “Лё-ёньк, брось, Христа ради!” — “Нет! Шёл мидведь па броду, нашёл калоду, бултых в воду! Высушилси, вымочылси, встал, апять пашол па броду, апять папал в калоду”. Вот и весь вечыр. “Лё-ёньк, как видь надаел! Иди куды-нибудь”. — “Никуды ни пайду, буду здесь сидеть”. И вот, бывалыча, и ане [=ребятишки] сидят все окала яво. Все присмиреют и слушают» [КАН, КВН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 107].

Аналогичные обходы помнят в с. Араповка. «Нарижались очень красива. Гатовились. Вот адна, я помню, сиденка была, а адна нарижалась: “цыплята” у ней, ана сама — “клушка”, такой сшила кастюм пёстрый, да, там эти каки-то пёрышки беленьки, как ана — “клушечка”, и эти, девчонки

манинькi с ней зашли, знашь. Ана с этим, с карзинкай — зёрнышки сыпют. Ани — тук-тук, руками захлопали, об пол-та, клюют. Интиресна» [ЛЛФ, Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

В некоторых селах (Б. Кандарать, Кадышево, д. Александровка и др.) ряженые обходили не только кельи, но и дома. В таких обходах участвовали как молодые люди, так и взрослые мужчины и женщины. Иногда ряженые заранее договаривались с хозяевами о своем приходе, так как не все хозяева охотно открывали двери перед *святошниками*. «Папросюцца, хто пустит, а хто и ни пустит. Ну, зайдут, чем-нибудь угастят йих, вот. И ане там песни пают ли чево ли и уйдут, дальши пайдут» [КАВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 21].

Участники святочного ряженья в с. Б. Кандарать. 2006 г. Фото И.А. Морозова

Одетые в лохмотья ряженые изображали «нищих» и просили милостыню. «Пайдём па улицы, а нет-нет, где папрастеи-та [хозяева], и зайдёшь эдак. Вот. Ну, пасмиёмся да, все пасмиюцца, да и пашли. А видь, бывала, просим миластиньку: “Падай чево-нибудь!” А хто чево? Падавать-та нечива была. Картошину аблупют да завёрнут в бумажичку, вот падавали» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 80–81]. «Угащали, как жи, угащают, ну, каторы хазяива-ти, а каторы ни хочыт: “Вытти, ну вас к чорту таки-сяки!” Выталкают. Все-ти мы люди, все разны. А каторы любит шутки, всё, привечают» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 25].

Вошедшие в дом ряженые пели коляду (см. *Коляду петь*) или частушки. Пение сопровождалось пляской (см. *Плясать*). Хозяева угощали гостей, благодарили их, и ряженые уходили к следующему дому. «Частушки пели, да. Папляшут и пайдут. Им, ну “маладцы” скажут. “Спасиба”-та ни гаварили, эта слова-та ни знали мы, што есть такое слова “спасиба”. Там были слова: “Спасёт Госпади, пришли наведали нас, стариков”» [ДКВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 34]. «Спляшут, ну, им што дадут. Да тагда не была ничаво, дадут, у каво чаво ес*ть* — хлеба, хто лепёшку какую» [ПКИ, с. Араповка; ЧМП ФА УлГПУ ф. 17, оп. 4, 2000]. «Захадили в избу, спляшут. Каторы*и* сто грамм дадут, каторы*и* кусок какой, чаво ли. Можит, чаим угастят каторы*и*, да, всяка» [ЯАИ, д. Александровка; СИС Ф2004-09Ульян., № 51]. Причем пляска ряженых, особенно тех, кто наряжался в тряпье, отличалась шутовским характером. «Ряжены, ане па дамам, да. Прям дамой придут, спляшут. Па всяки плясали, ане нарядюцца, а как жи. И песни пают бизабразны, всякии, — всё што на разум, как пасмияцца бы то*ль*ка. Па-всяки плясали, па-всяки. Прискакывали и вприсядку плясали. И ноги задирали, да.

Вот адна падруга мая, ой, плясала как! Вприсядку-ту больна уж плясала. Бывалачы: "Разайдись, народ, миня пляска бирёт!" — Поля Нарышкина, ана была маладец. Шутница была, да к ней как-та приставала, чаво-нибудь скажит с вы́варатам. Вот смиёмся над ней. Па стаканчыку йим, па рюмачки дадут, если у каво была, видёцца, да. Квас делали, квасам напаят. Хто чем угастят» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 45].

Если хозяева были скупыми и не открывали двери дома, ряженые сыпали на крыльцо уголь и плясали на нем. Щедрым хозяевам желали счастья. В последние годы ряженые в таких случаях в избе и на крыльце сыплют рис и конфеты как символ благополучной жизни. «Вот если подойдут, ищо даже и не пустют, не пустют — углей насыпют на крыльцо, натопчут, нате вот вам! Получайте. И с гармошкай припляшут и всё. Было такое. Ага. А если добрые люди: "Пожалуйста, проходите, проходите!" А щас вот... Тогда не помню, нам сыпать-то нечево было. А щас вот и рис кидают, штобы щасье было, вот щас рисом посыпают, и конфеточки кидают, и денежки кидают, штоб щастье было. "Мы желаем щастья вам!" Это сечас вот. А тогда чево! Картошину дадут, то капустину дадут, вот мы когда наряжались. Ну, а потом уж маненька получше стали жить, и липёшичку подадут там. <...> На Рожаство всё равно пекли пироги, и плюшки, и витушки, как говорицца, вот» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 67–69, 71]. «А ишшо ходили с озорством. Вот углей насыпют на пол-то, торя́цца [=топчутся] в комнате, пляшут, наряжины-та. Насыпют и намнут углей-то. На вред. Уйдут, а пол-то некрашеный, не атмоишь ничем. У нас было. Угостили плохо, может быть, или што» [СЕИ, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-02Ульян., № 85]. «"Старуха" как-нибуть са всякими махнатами, вот с сажай-ти. У нас адна всягда *а*зарницей наряжалась, ана с кузавом, а вот "парень" с чем, я ни помню. Если то*ль*ка ни приветют, вот ане и на пол насыплют углей, да пляшут, пают» [ШЗЕ, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Девушки-подруги группами обходили дома, где жили неженатые парни. «И ходили с гармошкой по домам, у кого женихи есть, — к мальчишкам. Пляшем, пляшем, а потом говорят, мать скажет: "Откройте, откройте [лицо], дивчонки. Мы хоть посмотрим, вы кто, чьи". Ну, мы которы откроем» [ПРИ, с. Барышская Слобода; ФА УлГПУ ММГ ф. 4, оп. 17, 2000]. «Па дварам хадили, песни пели, величали. Вот, например, ты вот с девушкай, знают, шта ты с ней ходишь, ну вот, праздравляли, виличали, таусинь пели» [БТП, с. Чумакино; ЧМП ФА УлГПУ, ф.4, оп. 4, 2001]. Иногда ряженые разыгрывали сценки, называя имя молодого человека или девушки, живущих в доме. «"Святкими" нарижалися. И девки, и парни. С гармошкими. Приходили, значыт, вот например, сюда пришли вот например, тут жених, парень. Ага. Куклу завёртывали: "А-я, а-яй, тётинька, давай-ка накорми-ка, сыночык у насКолинька (вот если здесь Колинька), поесть хочыт, давай-ка". И всё такоя. Ну, дают всё эта самое. В сумку складывают, всё такоя.

И дальше идут. Где девка, если придут, опять: “А-а, о-ё-ё-ё-ёй, Ирина не плачь, Ирина, давайти Ирине поести, поесть надо, поесть чаво дадут, дадут поесть тебе, дадут”. Куклу наряжают Иринку. Дальше опять, у каво парень. Вот ходили в святки. Собирали, кто чево подаст. Потом, значыт, как говорицца, в сиденку придут, вытаск*ы*вают и начынают есть это, чай пить» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 67–69].

Вечером, когда на улице становилось темно, ряженые парни и взрослые мужики пугали прохожих (см. *Пугать*). Особенно боялись их дети и подростки. Такая встреча со святками запоминалась на всю жизнь. «Ты идёшь — он тие́ атлупит, адиночку. Он абирнёцца, ты иво ни узнашь. Чупа́ны были, шубы были, из авец шили, бывала. И рукава, всё. У няо и харя-та завязана, и он в этай, в шубе, выв*а*рач*и*на такая. На глаза-т*а* навесют марли, а башку-т наденут каку шапку — вот эдаку, космату. Эт сичас ни наряжаюцца, а раньши рибятишек пугали. Напугаисся, знашь как! Да двара ни дабигёшь, вот как напугаисся! Начнут тряпать, а те гадов десять или пятнаццать — рази он сладит с мушшинай? И бабы ищ кои были, пугали, да» [ТАЕ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4 оп. 4, 2003].

В с. Новосурск, Чамзинка, Б. Шуватово, Сара таких ряженых называли «медведями». Наряд «медведя» был прост: вывороченный наизнанку тулуп и башлык, закрывающий лицо, чтобы встречные не могли узнать. На плечи «медведю» вешали цепь и бо́нду — колокол, который обычно крепился на шее коровы на пастбище. Один из ряженых держал конец цепи, изображая хозяина «медведя». «“Мидведь”… Да, ну, нарядьцца вот, выв*ы*ратют тулуп и цепь на ня*во*, вот и водют па избе-ти. И вот ходит, а тут — ой, ой, маниньки-та баяцца, на лавки залазили, вот так… Водит яво на цепи мужик, нарядицца жэ, “святка”, да, да. Там куфайку выв*а*ратит, ай чао. Тож нарядицца, наряжинай же, и вот водит, эт цепь, цепь-т*а* шумит, гримит, ну, “мидведь” идёт» [СМС, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «А патом тут “мидведи” были. Выварачивали там шубняки касматыи — вот эта вроди таво эт*а* “мидведь”. Такой башлык надявали. И вот бо́нда звинит, калакольчик. И вот эта придут “мидведи”-ти, ани там топают, лишь: “У-у-у!” Там: “Ни падхади!” Ну, ани ни азаравали в памищении-те, ани вот эта — на ул*и*цы. Ну, падайдут там к каму-нибудь, этай пазвинят так, ну а так ничаво нет. А вот выйдишь если, тибя цопнут!» [КТП, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 97].

В с. Б. Шуватово «медведями» наряжались женатые мужики, в с. Сара — молодые люди. По улице «медведь» шел вместе с другими ряжеными, но в келью входил на четвереньках. Во время общей пляски «медведь» топал ногами и рычал, иногда хрюкал, как свинья, вызывая всеобщий смех. «“Мидведем” у нас нарижались. Да. Шубу выварачивали, рабяты, ане хадили пало́зили [=ползали]. Сама я видела. Эт*а* ни наш возраст, а пастарши. Они в келью приходили. Прям в келью. И пляшут, “мидведи”-ти, пляшут на четверка́х [=на четвереньках]. А выходит он, встаёт. А всходит в келью на четверка́х. Нарядицца, папляшит вот, апять выходит, в другую келью, ва

всех улицах были по две кельи. С ним всходют рабяты, таваришчы. Цепь гримит, да он хрю́чит, как-та па-свининаму, как свинья. Для смеху. Как же, он взайдёт в келью, пляшит и хрючит. Вот и смиюцца все» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-34Ульян., № 59]. «Выв*а*ратют шубу кверху шерстью, наденут башлык эд*а*кый вот, штобы ни видать, тол*ь*ка чуть глаза, закроюцца эдак. Вот. Ну и идут. Взайдут в келью, он тут топа*а*т, рычит. Эти пляшут, вот "татары", примерна, и "медведи" с ними. Девка игра*а*т в гармонью, ана уж всю ночь игра*а*т в гармонью. Ну вот, и пляшут все наряжины» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 69].

В с. Шеевщино «медведем» наряжалась женщина, которая во время святок неоднократно меняла игровые роли. «Всем нарижалась вот эта вот, пра как*ую* расказывала, Тая-т*а*. Цепь адин раз принясла варго́ву [=звенящую]. И наридили иё вот этим "мидведем". Две шубы вываратили: на руки шубу рукава надели, тут застягнули, и на ноги шубу. А тут [по поясу] связали. И вот иё на этый ципе — а цепь-та длинна, ана гримит. Видёт иё наряжиный жи чылавек, хто там с ней: "Мидведя видут!" Ана *ищо* там, *ищо где*-та [далеко] идёт, а уж дверь-та атворют. "Дверь-та затваряйти, дверь-та!" А уж нас-та апять [ругают]: "Литуны! Вы чё растварили! Всё щас выхаладити!" Ана *ищо* там *где*-та, ни знай, лезит на четверка́х. Втащат иё, ана уж тут присказыват всё, и ривёт, и... Так даро́гай-та идёт нагами, а ка*г*да идёт уж сюда — на четверка́х... Ой, интиресна, Госпади! А тут уж, бывала, аткроицца, такая была, пакойна, шутница. Нивынасима» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 104].

Но если в келье или в избе «медведи» вели себя безобидно, то на улице их озорство было опасно для встречных. Одиноких прохожих ватага ряженых сбивала с ног и заваливала снегом. «Как йих увидишь, этих "мидведий"-та, ой! — вот все бягут. Ани чаво сделают? Ани ничаво ни сделают, ани проста свалют тибя, наваляют тибя в снигу, всё, ну и караул кричишь. Я вот йих, например, баялась. Ага. Проста баялась идти пасматреть вот там как пляшут, пают. Пажалуй, ну в то время я была гадов там ни знаю, ну, на дивчину уж пахожа, гадов шаснацццать, вот так гадов была. Вот я замучила сва*и*во брата: "Свади миня на святки". Ага. А мама ругала: "Ни вади! Драка палучицца! Иё схватют". Ага. Асобинна вот малодиньких. Да я вроди харошинька была. Он гаварит: "Нихто иё ни тронит, нихто ни падайдёт". Ну, и пашли мы. Тут вот дом стаял, ну, там святки вот были. Ну-ка, адин падашёл, другой, подашли к няму, к брату, ну, гаварят: "Мы иё ни будим тряпать, разриши вот толька мы иё маленька в снижке паваляим!" Он йим галавой мата*и*т: "Ни дам! Нильзя, ухадити!" Ну, ани ухадили. Патаму шта ани маладыи были, а он пастарши йих многа, ани яво баялися, маладёжь-та. Он ни драчун, ничаво, ну, строгий такой был. Он гаварит: "Нильзя, найдёти ищо каво". Ну вот. А каторыи драки были. Адну навалял сам муж! Ана гаварит: "Свади и свади на святки!" А он иё и павёл. Сам жи наридился, иё навалял. Ана караул кричала. Прибягла да-

мой, свякровь-та: “Што ты, што ты?” — “Он ни знаю куды ушол там Ваня или Вася ли, а миня наваляли!” А он патом пришёл да сказал: “Я тибя навалял”. Ой, пално! Кто хочит, тот и нарижался. Пално! Вот выйдишь, бывала, зимы-ти какии были! Батюшки! Пално нарижались! Интиресна так была» [КТП, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 82–83]. «“Мидведи” — мужики пажилыи-ти нарижались. Да зна*и*шь, как натискают, если пападёсся? В-пад падол накидают снегу-та, намнут. Да́ бальна! Да хадили биз штанов, дочка. Визде, визде адин снег. Если то*ль*ка снегам ане каво-та ни навалили, ани ни “мидведи”. Раз уж он —“мидведь”, то он должин всю иё абсыпать. Хоть йим паринь пападёт, и парня эдак же абсыпят. В штаны набьют туды снегу» [ЕЕД с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 39]. Девушки старались не выходить в это время на улицу в одиночку. Подруги заранее собирались в одном доме, чтобы вместе идти в келью или в клуб. «Пирид Хришшеньем, вот эти были святки, ну вот нарижались. Наряд*я*цца, наден*у*т, бывала — видь адежда-т какая была? Шубы старинны были, зипуны были. И вот нарядьцца и ходют. Пайдут там девки, ну, в клуб пайдут, ды вот ани [=ряженые «медведями»] встрича*ю*т каво, да за ним-та пабягут — пужали. Ну, па двои-ти ни хадили — артелькай. Ну, тут уж ни баялись их. Ани больна-та эта, ни ахальничали, прост*а* так напужаит вота, ани узнают их» [БТП, с. Чумакино; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «В святки нарядюцца, паганяют нас. Шубу вываратют да ищо как нарядюцца, всяка. Шубу выв*а*ратют или там чаво ищо вот, морды закроют чем-нибудь. Миня разок захватили. Я дамой пабижала (у Танюшки у Дуниной думала нончы святки будут), миня на масту прям тут, в Новой-та улицы, над нами мост-та был. Миня тут — дядя Ягор Келин, моей тётки мужик нарядилси. И вот с адным там с Симёнам Лушонкавым наридились да миня эта тут патискали. Я крычала, мама вышла. Ну чаво? В снег завалили» [САМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-05Ульян., № 35]. «А “мидведи”—эти ни прапускали, девак валяли в снягу. Всех визде и снегу наталкают, и визде. Тряпали, тряпали. Вот идёт, на улицы идут, па кельям-та ходют “глядеть святки”-те, многа йих играли раньши, вот. Ани ловют йих и тискают. Да ще в снягу валяют и всё. Шубняки выварачивали, башлыки надявали, с бо́ндами хадили. Вот таки бонды жилезны, там гайку привязывали, стучит, ух! — “мидведи”! Как дожжик бабы [врассыпную]! Па всем дварам прятались. Весила была и интиресна» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 10–11].

Но особенно доставалось от медведей независимым девушкам, которые позволяли себе посмеяться над парнями. «Эт, как па выбару. “Медведи” выбирали девак. Ну, хто зна*а*т, как насмешная если дивчонка. Эти “мидведи” ани, бывала, эта лавили. Вот ани йих лавили. Бывала, снегу визде насуют. Вот так вот да» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 16].

Парень, ухаживания которого девушка не приняла, нарядившись «медведем», вымещал свою обиду. «Наряженных глядеть — у-уй! Всё сяло хадили. Всё сяло. Вот и хватали всех “медведи”-ти. Каторых прям

из кельи вытаскывали. Вытащат и валяют. А если “медведя” кто не любит, вот тут уж он даёт жару, налупит, пажалуй, толька так, што ни встанишь. Снегу — п*о*д падол, визде набивали, визде, и в пазуху, и визде насуют» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 18]. «Хто на каво сирдитый, он таво дёрга*а*т, штобы патискать, в снягу павалять. Везде насуёт снег. Да. На улицу, чай, из кельи вытащит» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 69]. «Катору многа валяют, да, можит какой паринь дружить ни хочит, или ана ни хочит с нём, он иё любит, ана, пажалуй, ни хочит. Вот и иё наваля*и*т этыт жи самый жиних. В отместку. Да, да. Ана ни зна*а*т, кто иё там валя*и*т» [КТП, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 82–83].

В с. Полянки, Б. Шуватово, Чамзинка озорников в вывороченной наизнанку одежде называли также «стариками». «Эта наряжаюцца — тулуп выв*ы*ратют и вот маску наденут, ну, *в*от “святкай” он нарядицца — “старик”. “Стариками” — рабяты, рабяты, тольк*а* шта рабяты, таки маладцы здаровы. И вот пайдёт он в келью-т*а*, кто пападёцца малиньки — пугну́т, за нами с кнутом-т — мы убижим. Эт вот “старики” называцца, они вот “стариками” нарядьцца и вот с плётками бегают за мальчишками за малинькими. Эта уже вечирам, святки все, ани закрыты все в масках. Кнутами гразяцца, да, гразяцца. Да, “старики”, ани лупют кнутами, их напугасся, а-яй, ани атпорют так ну!» [СМС, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

Иногда озорство было обращено на самих ряженых. «На святки наряживались видь, наряжины хадили. Я помню, мы хадили к аднаму, спрасились. Идем, а ани, видна, са*а*заравали над нами, взяли в синях палавицу выламали. Выламали, а мы идём, нас многа, адна туды в подпал, другая, батюшки! Ани вот са*а*заравали над нами, взяли и палавицу выставили, а мы пришли, мы и упали туды все в подпал. Ой, азаравали. Ну нет, мы тагда ничево, все живы астались» [ДАИ, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 87].

Если ряженый шел один и пытался испугать встретившихся ему женщин, они сами давали отпор шутнику. В таком случае, чтобы отбиться, он должен был назвать свое имя. «Я уж вот даяркай работала. Мы тада ить хадили рана, тада хадили пыл-третьива на работу-ту, рана вставали. Вот пайдём на работу — вот, кто азарники атбойны-ти, наряжены, ани вот даждуцца: то белай простынью абярнуцца — встретют нас на дароги-ти. Ну, если, канешна, адна где идёшь, эт боизна, а если идёшь штуки три-читыри, свалишь, ды каташь *яво*, пака он ни скрычит, хто» [РВМ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4 оп. 4, 2003].

В предвоенные годы в некоторых селах сохранялся обычай на святках наряжаться «покойником». В с. Проломиха «покойником» наряжался молодой человек. Другие участники обрядового действа носили «покойника» по кельям (см. *В покойника играть*). В каждой келье «покойника» отпе-

вали. Один из мужчин, склонный к шуткам и озорству, брал на себя роль «священника». После обхода келий «покойника» поднимали на гору и спускали вниз. Гроб переворачивался, «покойник» вскакивал и бежал по дороге. «Эт да вайны. Я был падрос*т*кам. Адин нарядился, гроб — и пакрыли рагожкай. Раньши рагожки ткали. Смиюцца и всё. Ну да, сделали, как гроб. В каждую келью насили “покойника”, пакуда ни надаест йим. Ну как? Вон там мужики сабяруцца, начнут эта вроди как атпявать яво. Адин был он такой, вот прибаутки знал многа. Он вроди как за “папа́” вот. Смяху́ тут! А тут шутки шутют. Вон на бугор яво занисли и пустили под гару. Вот. Ну и смиюцца. А он ехал-ехал, да и пер*е*вярнулся и вскачил и бигёт. Мужики-ти кричат: “Миртвец, куды он бигёт, куды?” Ну и смиюцца, ржут» [КАФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-05Ульян., № 19].

В с. Чумакино для шуточных похорон, которые устраивали в келье, «покойника» иногда делали в виде соломенной куклы, но чаще его изображала смелая, озорная девушка. Она ложилась на лавку, присутствующие в келье пытались ее рассмешить, но она сохраняла серьезный вид. Одна из девушек, принимавших участие в игре, наряжалась «попом», веник или лапоть в ее руках символизировал кадило. Под пародийную молитву «покойника» хоронили. «“Каранили” мы и “винчали”. Каг*а*да куклу клали, а каг*а*да проста так чылавек лягит вот на скамейку, и вот “каранили” яво. Атпявали. Да, куклу из саломы делали. Ну мала, мы эта, мала, куклу-ти… Вот проста, такая у нас была свяяахотлива*я* дивчонка, и ана, как ей скажишь, ана: “Давайти, я лягу!” Вот и лягит и всё. И вот лижит и надсмишают иё и всё, и ана никагда ни засмиёцца, лижит как будта ей... Атпявали. Вот всё: “У папа́ была каза серая” — эта пели. Да. Я вот, как “поп”. Адияла на сибя вот накину, вот булавкай застягну, а в руки смётак или лапать. И вот хажу, кадю́. Эт*а* мая работа была. Я всё гаварю, миня за эта Гасподь наказыва*а*т. Как, бишь, иё начынают-та?

У папа была каза серая,
И павадилась к падмарю́
на проса хадить,
А падма́рь-ат иё падкараулил убил
И павесил иё над паповыми варотами.
А поп-ат выходит Богу молицца,
— Слава тибе, казляти на распятия,
Куда тибя черти запя́тили?
У нас благачынный был сирдитай,
Давайте на няво асердимся,
Ни пайдём ни к абедни, ни к заутрини,
Штобы он нам паставил бочку зелена вина,
И павесил кавши́-ти медныя,
А мы падайдём да выпьим
И пайдём мы ат папа-та пьяныя
И запаём мы:
Паласа ты наша, палосынька,
Ни пахына, ни барновына,
Зарасла ты наша палосынька
Ельничкам да бирезничкам,
Да ишо горьким асинничкам.
Тут и шла, прашла каза Симионавна...»

[ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 27–28].

Исполняемые при отпевании припевки могли быть и очень нескромными, аналогичными частушкам второго дня свадьбы (см. *Второй день*).

«Каранили тожа в кельи, зимой, вечарам. Каво? Куклу, “упакойник”. Кагда в святки, а кагда и так пряма вздумают. Вот сидят-сидят, праздник, делать нечива, сабяруцца: “Айдати каранить”. Вот и... Ой, атпявали, за эта мне уж Гасподь, наверна, миня за эта кара́т. [Пели] “У папа каза серая” и так-та я многа йих эта [знала]. Я каранила, я “папом” была. Вот мне за эта, я гаварю, мне за эта Гасподь и пасылаит [болезни]. Я чытала, а ани стаяли пели. Я какую прибаутку прачытаю, а ани пают то “Усмишительна”, то “Удивитильна”. Вот. Я спаю и скажу “Усмишительна”, вот ани пают: “Усмишительна, усмишительна, усмишительна!” Вот. Эта йих припев. Вот эта я всё кагда “каранила”, вот я их эти всё пела:

На Инзинскым вакзали
Манду поиздам прижали.

И там ишо какии-нибудь:

У нашива свата
Галава касмата,
Он галовкай патрисёт,
Нам па рюмки паднисёт.

И вот эту пела, ну и вот какая папа́дицца, чаво на разум придёт» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-5Самар., № 35-36].

Участие в святочных представлениях ряженых считалось грехом. Искупить его можно было, искупавшись в крещенской проруби или умывшись освященной водой (см. *Крещение*). «Но говорят, это больно грех наряжацца на святки. Посли святкыв на Крещенье надо купацца, а у нас здесь речки нету. <...> Средняя сестра она наряжалась, Маня-то Кузина, она “барыней”, это называют ни “нивестай”, а “барыней”. Эта парнем который — “молодец”, а эта “барыня”. Дедушка иё, покойный, ругал. Принесли тогда с колодца воды, он маме говорит: “Иди, иё умой. Изо рта избрызгай всею. Грех. Зачем ты наряжалась?” Вроди вот, как сказать, уж тут они не Богу служат, а бесу. И песни всякии поют, вот, грех. Эта я многа, я вот по тиливизару видела, кто наряжался в святки (это видно визде есть эти святки), купались прям в речке. Она один единый раз наряжалась, я нет, я уж...» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 86].

Хотя существовал и другой взгляд на ряженье. «Ат Раждяства да Кришченья — эта самыи святки. [Наряжались] в любой день. В святки ни гришно, нет, уж так ни гришно. А уж на Кришченья искупаисся — всё тагда уж. Все грехи смывай» [ММС, ШПС, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 9]. «Ну, эта ни грех [наряжаться], нет. Эта паложина вроди, святки, вроди там. А так ни грех. Развликали сами сибя. И маладёж*и* чево делать? Вроди маненька пависилицца, забыцца и всё. Штоб ни скучна была, ани сами сибя висилили. Ну а как жи? Если кагда чилавек-та видь висилицца, он аба всё забываицца. Ну. А видь кагда чилавек уже так более замкнут, то эта тожи видь ни очинь-та. Нада, штобы чилавек маненичка [веселился], ну канешна. Ну, тагда время была такое, всё тагда была харашо» [ДКВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 33].

М.П. Чередникова

НЕВЕСТУ ПРОДАВАТЬ

Невесту продавать — обряд, который проводился в доме невесты после приезда свадебного поезда. Он представлял собою символическое введение жениха в семью невесты и передачу ему права на нее. Обряд включал в себя комплекс действий, имитировавших куплю-продажу ворот, двери, места за столом, невесты или ее косы, постели, приданого и проч. Так как в этом обряде активными были обе стороны, то функционально равнозначными были названия *невесту продавать* и *невесту выкупать, косу продавать* и *косу выкупать* и т.п. «Дружка один входит в дом, там у девушек выкупает постель, потом невесту, а потом у маленькой девочки покупает косу» [МАП, с. Неплёвка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

В связи с тем что важным обрядовым актом было выпивание стакана или стопки алкоголя (воды) в знак согласия уступить место или невесту, в некоторых селах этот обряд по аналогии с *запоем* (см.) получил название *пропивать невесту.* «Сажают, у каво мальчишка есть или дивчонка, наливают ей вады в стаканчик и деньги ей туда кладут в этат стаканчик, кто пропиват нивесту-ту» [ГВИ, с. Барышская Слобода; ММГ Ф2000-12]. «Невеста сидит за столом, а с ней три девки и парень. Пропивать её будут. <...> А потом, как выпьют, то они выходят из-за стола — пропили невесту» [КПА, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Всех участников данного обряда можно разделить на две группы: участники свадьбы, не выполнявшие специальной обрядовой функции, и те, кому отводилась в данном обряде отдельная роль. Но при этом такая функция не определяла действия данного свадебного чина на протяжении всего обряда, а реализовывалась лишь в определенной ситуации.

Наиболее активными в этом обряде были: со стороны жениха — дружка и полдружка, сваха, крестная, поезжане в целом; со стороны невесты — крестная, подружка (иногда ее называли коренная подружка), ребенок, чаще всего младший брат невесты, сваха, подружки и родственники-мужчины. Причем представители двух сторон в данном обряде составляли пару, связанную выполнением взаимонаправленных функций: продавать-покупать. «Крёстная жениха у крёстной невесты выкупала невесту пирогом, дружка выкупал вином и деньгами» [ФМА, с. Аргаш; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. «Дружка нивесту выкупат, а палдружка пастелю выкупат» [ЛПА, с. Палатово; ММГ Ф2001-2]. «Нивестина радня прадавала [ворота] — падружки, близки сродники, а жэнихова радня пакупали» [ГЕИ, с. Валгуссы; СЕВ Ф2001-6].

Выкупы начинались с ворот. «Когда поезд подъезжает к дому невесты, то родственники невесты закрывают ворота. За ворота давали выкуп — бутылку самогона. После того как ворота выкуплены, дружка заводит всех лошадей во двор» [МАП, с. Неплёвка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. Выкуп ворот представлял собой своеобразное речевое, а порою и физическое состязание. «Подъедут ко двору, их не пущают. “Отоприте!” — “Не отопрём!

Давайте выкупайте. Давайте денег столько-то". — "Мы вам поллитру дадим". — "Мы не миримся. Давайте литр"» [ЛПН, с. Шеевщино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Закрывам вороты. Красота́ раньши была — конфетки там, пиченьи, там чово ли, вот, в узолке завязаны, эту красоту́ нам отдавали, девкам, за вороты» [БНА, ДВН, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD3].

В некоторых селах выкуп ворот не начинал данную систему действий, а, наоборот, завершал ее: свадебный поезд, отъезжавший к венцу, не выпускали со двора, не открывали ворота до тех пор, пока не получат выкупа. «Когда невесту поведут из дома, за ворота деньги просют» [ФАС, с. Араповка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

В с. Коржевка приезд свадебного поезда девушки встречали песней. «Едут с калакольчикам. И в эта время в доми пают "Топнули кони".

Топнули, топнули кони немицками,
Топнули кони немицками,
Звякнули, ды звя- звякнули,
Звякнули кони падковами,
Звякнули кони падковами.

Эта кагда нивеста сидит за столом» [ЯЕФ, с. Коржевка; МИА Ф2001-27Ульян., № 31].

Позднее повсеместно стали выкупать и двери. «Кагда приедут ат жениха выкупать-та, запирались, дверь-та запрут, не пускают» [ЧТИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-16Ульян., № 34].

Хотя в разных населенных пунктах невеста во время приезда свадебного поезда могла находиться как за столом, так и в чулане, действия в доме, как правило, начинались с выкупов места. За столом рядом с невестой или в ее отсутствие сидели дети (брат или сестра), девушки, крестная, мать и отец невесты и др. «Сажают, у каво мальчишка есть или дивчонка, наливают ей вады в стаканчик и деньги ей туда кладут в этат стаканчик, кто пропиват нивесту-ту» [ГВИ, с. Барышская Слобода; ММГ Ф2000-12]. «Около невесты сидят два мальчонка» [СМА, с. Б. Шуватово; БСА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1979]. «Невеста сидит за столом, а с ней три девки и парень» [КПА, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. С ними и начинали «торг» поезжане, выкупая место рядом с невестой для жениха. «Когда приезжает поезд жениха, дружка первым входит в дом и начинает выкупать место рядом с невестой. Девушкам он даёт деньги, а отцу наливает стакан вина» [БАФ, с. Палатово; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. «Хрёсный и хрёсна, соответственно — справа и слева, берут жениха и заводят его в избу. А впереди дружка с полдружкой идут. Заходют. Встают середь избы. Станут они выкупать место у брата и девок, большинство у брата. Столько ему положат, сколько ему надо. Он поцалует сестру и вылезет. И девки тоже продадут. Садится жених около невесты. Хрёсный жениха садится рядом» [ФЕИ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Выкупает место и крестная жениха у крестной невесты или у матери невесты. «Хрёсна жениха тоже выкупат место у хрёсной невесты, подавая

ей через стол курник. Хрёсна поцалует невесту и вылазит. Хрёсна жениха садится, берёт полотенце и молодым накрывает руки» [ФЕИ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. «Невестина мать уступала место жениховой свахе, та спрашивала: "Наша ли невеста?" И открывала уваль» [ДЕА, с. Ащерино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

С выкупа места начинался обряд и в том случае, если невеста не сидела за столом, а находилась в чулане. «Это вот сейчас, кагда дружка зайдёт в избу, кагда невесту увядут в чулан сабирать, дети садяцца кругом стала — и штобы платить им деньги. И вот дружка падходит и гаварит: "Вылазийти из-за стала! Вам тут не места! Вылазийти, нечава вам тут делать". — "Прежде расплатись!" — там каторай пабольше. И вот им дают денег — мелачь разменяют — ани все вылазиют» [ЗТА, с. Тияпино; ММГ Ф2001-36]. Вместо денег дружка часто стучал кнутом по столу, грозил детям, требуя, чтобы они уступили место. «Кагда зайдут, дети маленькие усаживаюцца, просят денег. Заместа денег он их кнутом папугат» [ССЕ, с. Пятино; ММГ Ф2001-46].

В некоторых селах, после того как дружка выкупит место у детей, за стол садятся девки, и дальше «торг» за место идет уже с ними. «Вперёд дают мелочь, а патом рублём или трёшкай пакроют. "Ну, всё, всё, хватит". Ну парнишка бирёт, выпьит стаканчик. Ну цалуит нивесту, ну, всё, девки садяцца за стол. <...> Девки за каждый угол по десятки, ну кто пятёрки, кто сколька паложат» [ЛЛФ, с. Сара; ММГ Ф2000-24].

Выкуп, в зависимости от того кто его проводил, осуществлялся деньгами, вином или пирогом. «Крёстная жениха у крёстной невесты выкупала невесту пирогом, дружка выкупал вином и деньгами» [ФМА, с. Аргаш; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. «Когда приезжает поезд жениха, дружка первым входит в дом и начинает выкупать место рядом с невестой. Девушкам он даёт деньги, а отцу наливает стакан вина» [БАФ, с. Палатово; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Сам процесс выкупа на данной территории происходил чаще всего так: дружка клал деньги в стакан с алкоголем или с водой, если продавал ребенок, и если продающий не успевал закрыть стакан ладонью после того, как в него бросили монету, то торг завершался. «Первыми всходят жених и дружка (с правой стороны) и полдружка (с левой стороны). Они останавливаются у стола. Дружка выкупает у брата невесты место для жениха. Дружка старается бросить мелкие монетки в стопку с самогоном. Если брат не успевает прикрыть стопку ладонью, торг завершается» [ГЛМ, с. Аксаур; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. Однако возможен был и другой вариант — продающий, после того как в стакан опускали монетку, пробовал воду, и если денег было мало, он говорил, что вода не сладкая. Если же он считал, что денег достаточно, то выпивал воду. «Сидит маленький мальчик с водой в стаканчике. Ему в этот стаканчик кладут деньги. Он протведает эту водичку и говорит: "Не сладко!" Ему туда ещё денежки кладут.

Потом выпьет эту водичку, поцелует невесту и выходит» [ТАС, с. Коржевка; ССА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

В с. Аргаш важную роль в процессе продажи / выкупа места за столом рядом с невестой играли речевые формулы. «Дружка кладёт на стол 5 копеек, а девушки кричат: “Хорошо колесо, да на одном не уедешь!” Дружка еще дает 5 копеек. Девушки отвечают: “На двух колесах поедешь, только шею сломаешь!” Дружка подает третий пятак, а девушки в ответ: “На трёх колесах поедешь, только людей насмешишь!” Дружка даёт четвёртый пятачок, и девушки освобождают место рядом с невестой» [ФМА, с. Аргаш; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

В позднем варианте традиции выкуп места мог сопровождаться речевой формулой, применявшейся при выкупе косы. «Дружка выкупал место около невесты у младшей сестрёнки или брата. Сестрёнка говорила:

У моей сестрички
По рублю косички,
За каждый волосок
Подайте пятачок.

Ей платили, она вставала, сажали жениха» [ДЕА, с. Ащерино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Возможен был и более общий вариант, когда выкупали место за столом у всех невестиных родных для всех родных жениха. «Кагда паложут деньги, нивестина радня вылазит, садицца жэнихова радня» [ГЕИ, с. Валгуссы; СЕВ Ф2001-6]. И до самого отъезда к венцу в этом селе сторона жениха сидела, а сторона невесты стояла возле стола.

Если невеста находилась в чулане, то после выкупа места ее выводили оттуда и сажали за стол. «Дружка выкупал ворота, крылец, сундук, невесту. За невесту давали 10 руб. Невеста в это время находилась в чулане. Жениха сажали за стол. Дети выводят невесту из чулана и сажают рядом с женихом» [ДАА, д. Налитово; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Тияпино невесту из чулана выводил дружка.

В некоторых селах это действие развертывалось в небольшое смеховое представление. «Когда поезд приезжает в дом невесты, саму невесту прятали в чулан. Дружка, полдружка, сваха заходят в дом. Подружка выводит девушку из чулана, невесту наряжали в старуху, выводили её и спрашивали: “Это ваша невеста?” Все смеялись, потом невесту одевали в подвенечное платье и снова сажали. Гости садятся за стол» [БЕА, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

В с. Барышская Слобода «подменная невеста» не выводилась, а сидела за столом. Обман обнаруживался, и поезжане начинали искать настоящую невесту. «Вот мы иё, например, яму прасватали, за ниё я села, надела на сибя занавеску и села, и вот этат жених выкупал нивесту-ту. <…> “Это не моя нивеста, а вот мая-то не такая!” Я гаварю “Батюшки! А я за что сидела тут модилась?” Ну мне питёрку дали, пять рублей я палучила ат них. А патом ани уж иё нашли» [ТЛД, с. Барышская Слобода; ММГ Ф2000-6].

Но наряду со смеховым разыгрыванием выход невесты к столу из чулана мог сопровождаться причитаниями. Более того, они могли происходить в одном и том же доме друг за другом. «Жених за столом сидит [после выкупа места], а невеста в чулане. Да ещё какую-нибудь старуху выведут. Потом невеста идёт, плачет:

Пропуститет меня, люди добрые,
Шабры [=соседи] приближённые к дубову столу.
Открой-ка мне, мила подруженька, шелкову фату.
Погляди-ка, подруженька, на моё личико белое,
Как оно изменилося.
Русая коса моя истрепалося,
Лента алая, куда она девалося?
Загуляется моя краса девичья во темных лесах,
А найдёт мою красу девичью друг Иванушка.

Стоят, не садятся. Положит дружка в стакан денежки» [БЕФ, БНФ, БОП, с. Ольховка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Далее следовал выкуп невесты. Если невеста была за столом, то он следовал сразу после выкупа места. Способы выкупа были те же, которые указаны выше: деньги клали на стол и углы стола или в стакан, стопку с водой или алкоголем. «Дружка с полдружкой выкупают. Девки говорят: “Четыре угла — четыре рубля, посередке — трёшница”. Рядются, рядются. Положут по рублю на углы и трёшницу посередке. Девки встают, с невестой прощаются, цалуют. Сажают маленькую девчонку или мальчишку продавать невесту. В стакан воды нальют. Ему туда кладут деньги. Он кричит: “Горько! Горько!” Ему накидают. Он выпьет, говорит: “Сладко!” Тогда уж невесту отдают» [ЛПН, с. Шеевщино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Так же как при выходе из чулана, невеста в некоторых селах перед выкупом исполняла причитания. «Когда невесту выкупают, она вопит.

Дорогой братец Мишенька,
Возьми-ка в белы рученьки
Топор востёр,
Пойди-ка во лесок,
Сруби белую берёзоньку,
Загороди путь-дороженьку,
Не пусти дорогих гостей,
Дорогих гостей разудаленьких.
....
Не бери-ка в белы рученьки
Золоту чару,
Да не пей-ка зелено вино.
Зелено вино пропойчиво,
А золота чара обманчива»

[ТЕИ, с. Валгуссы; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

«Перед выкупом невеста вопит.
Не сидеть бы мне вперели на лавочке,
А сидеть бы мне в кутку при потёмочках,
Чесать русу косыньку,
Вплетать алу ленточку»

[ТАС, с. Коржевка; ССА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

В с. Палатово невеста исполняла причитание во время самого выкупа. «Когда приезжает поезд жениха, дружка первым входит в дом и начинает выкупать место рядом с невестой. Девушкам он даёт деньги, а отцу наливает стакан вина. Невеста причитает.

Не бери-ка, милый тятенька,
Не бери-ка, вину чарочку,
Винна чарочка проманчива,
Зеляно вино пропойчиво.

Жених садится рядом с невестой»
[БАФ, с. Палатово; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Как отмечалось выше, в купле-продаже участвовали крестные с обеих сторон. «Женихова хрёсна несёт пирог (курник с картошкой) хрёсне невесты. Поцалуются, невестина хрёсна вылезает из-за стола, а эта садится за стол» [ТЕС, с. Проломиха; ГНИ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Как правило, одновременно с выкупом места самой невесты выкупали и постель. Делал это полдружка. «Дружка нивесту выкупат, а палдружка пастелю выкупат» [ЛПА, с. Палатово; ММГ Ф2001-2]. Продавали ее, соответственно, девушки-подружки невесты. «Потом девушки продают постель — крик-зёв пойдёт, уши затыкай» [ДАА, с. Колюпановка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. Но осуществлять это действие могли и другие участники свадьбы. «Постель выкупает крёстный жениха у крёстной матери невесты. Приданое и постель грузят на специальную лошадь, и крёстная мать невесты и крёстный отец жениха сопровождают постель в дом невесты» [ШНГ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Валгуссы дружка стремился обмануть девушек — не платить за постель, а украсть ее. Девушки, соответственно, должны были помешать ему сделать это. В с. Первомайском сначала полдружка выкупал у девушек постель, отъезжал с ней, а уж потом в ворота впускали дружку с женихом и остальными поезжанами.

Однако возможны были и такие варианты, когда постель продавали не в доме невесты, а в доме жениха, куда ее перевозили девушки или женщины из рода невесты. «Увязут маладых винчацца, девки павязут пастель. Выкупают пастель» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-21Ульян., № 87]. «Приданое везли бабы — свахи. А к жэниху приедут, там опять выкуп бирут. Там просят лесницу — вина. Просят вот эти свахи, которы привизут постелю. У жэниховых родителяв [просили]. Тут опять по стаканчику, которы выпьют, которы нет, а обычай это. Спервой посмеюцца — лесницу принисут настоящу, поставят к машини-те. Они не слазиют все равно — не эдак поставили. Но потом уж поднясут им маненько и лесницу убирают» [БНА, ДВН, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD3]. В с. Налитово, Проломиха дружка выкупал также и сундук, т.е. приданое невесты.

В с. Шеевщино выкупать должны были не место, а углы в избе. «Четыре угла у невесты в избе выкупали. Вокруг невесты сидят подружки, у них и выкупали» [ЯЛН, с. Шеевщино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Выкупы часто сочетались с действием с хлебом или хлебами. Один каравай или кусок (горбушку) от каравая жениха дружка привозил с собой, а каравай невесты ставился на стол. Действия над ними в разных населенных пунктах различались. В с. Коржевка дружка привозил с собой кусок от каравая жениха и ножик. «Нивесту выкупают дружка, палдружка, сваха. Палдружка вырезат, значыт, сирёдку из хлеба. Такой вот пирог кладут на тарелку, хлеб — он пирог называцца. <…> Палдружка садицца, у няво ножик, палдружка садицца, у няво в кармани кусок хлеба жа атрезанный, он у няво завернутай носовым платком чистым. Вот, значыт, он приходит, этат кусок выряжит, толстай у нивести-ти, бальшой, штоб в карман ни палез. А им — манинькай, тоненькай. И он уходит пастель выкупать» [ММИ, с. Коржевка; СИС Ф2001-27Ульян., № 54]. В с. Первомайское уголок из каравая жениха и каравая невесты вырезали одновременно в доме невесты. «Режут каравай. Ещё нивести вот так угалок вырежут, жениху угалок вот вырежут. Эта уж абвенчают» [ММА, с. Первомайское; СИС Ф2001-12Ульян., № 37]. Далее осуществлялся обмен кусками. «Эта кагда уж увадить нивесту — выкупают и вот с хлебам-та. Жениховай утдают, у нивести бярут» [ММА, с. Первомайское; СИС Ф2001-12Ульян., № 37]. В этом же селе потом отрезанными кусками кормили молодых. «Ани перимениваюцца. Вот дружка принесёт к нивесте булку, вырязают небальшой вот эдак вот кусочек, хоть в центре, хоть с краюшку, хоть где хочешь, солью салят, круто-круто и маладых кормят. Жениху дают аткусить и нивести дают аткусить, штобы напопалам, ани съедят» [ПЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-13Ульян., № 22]. В д. Кольцовка свахи троекратно обменивались караваями и «мешали соль». «Они солью миняюцца, свахи. Оне со своей едут солью, от жэниха-та, а у нивесты своя соль и коровай. И вот оне миняюцца, она из этой положит сюды, а из этой положит сюды, вот три раза, и короваями миняюцца три раза тожи» [МРИ, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD4].

В с. Полянка существовал редкий для данной территории обычай: «Когда приезжал жених, невесту заставляли прясть шерсть, чтоб богаты были» [КАН, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

М.Г. Матлин

НЕКРУТОВ ПРОВОЖАТЬ

Обряд проводов новобранцев (*некрутóв*) в Присурье еще в середине XX в. сохранял ряд черт старинных «переходных» обрядов. Это было обусловлено особым статусом рекрута, во многом напоминавшим статус жениха (см. *Свадьба*), в некоторых эпизодах — покойника.

Сроки призыва в некоторых случаях соотносились с традиционным календарем, в частности с молодежными собраниями во время Кузьминок (см.). «Да! Эты раньши их провожали, Кузьму-Демьяна праводют, и которы

уж брать, их уж правожали всех вместе, которы были назначены…» [МАН, д. Кольцовка; МИА Ф2000-26Ульян., № 58]. Такая приуроченность отразилась и в рекрутских частушках:

«Вы гуляйт*и*, никрутá,
Да Кузьмы-Демьяна,
А назавтре вас забреют
Поутрý не рана! —

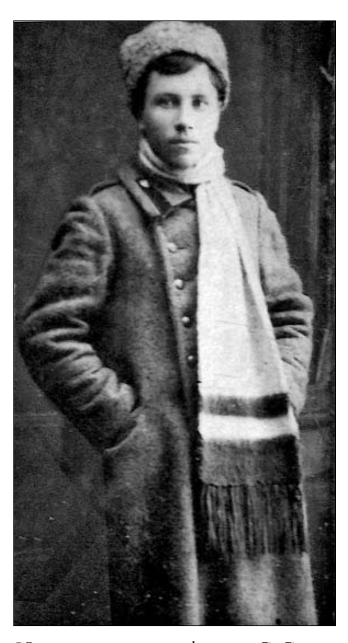
и́дут пы сялу ды поют песни-ти, да, никрутá…» [МАН, д. Кольцовка; МИА Ф2000-26Ульян., № 59].

Период после освидетельствования или получения повестки проходил в «гулянках». «В армию вот как вот. Вот я говорю, как раз я дом*а* ни жил до армии, можно сказать. Приехал — до дваццать второво года — миня в армию забрал*и*. Пришли гулять. А гулять, знач*ы*т, тут у нас — здесь ул*и*ца вот — был*а* двенаццать чылавек с двенаццатава года. Многа. Вот, знач*ы*т, эту неделю гуляют: вот к тебе нынч*и*, к тебе — ко мне. Там пы-порядку — угашшивались. Эту неделю гуляют. Ну, кто в армию. Вот. К тебе идут, ко мне идут — вот пы-порядку. И у нас был дурачок очын — бальшо-ой! Он всех в армию провожал. То есть как в армию, то и с ними гулять тоже. И вот эты*т* *в*от дурачок-т*ы* — мы в одину-то уж, вмести! Даж*е с* гармошкай. Всё эта в партия цела видь. И вот, примерно, говоришь, нынче ко мне в четверьг, завтра [к тебе] — к двоим в день. И день как раз проходит: у двоих побудет, день и проходишь. Вот, всё отгуливаем. И, знач*ы*т, отведут — и в армию провожают. Во-от. “Прово*ды*”, да-а. “Проводы в армию”. Вот это вот» [ЧСИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-25Ульян., № 20]. «Дают им эт на месиц, на два: “Вот к таким числам вас забирём”. А ездили куда? В Карсун. Вот. Инзы не была... Ну, навабранец, салдат, салдат. Вот, скажим, с Палатава, с Гарадищи, Труслейка, Забалуйка (ну, Забалуйка ана уж тут), а то Аргаш уже. Вот скока: Труслейка, Палатова, Гарадищи, дажи Налитыва. И вот эта, дают йим на два месица гулять» [КМС, пос. Пустынный; СИС Ф2000-04Ульян., № 43].

В компанию гуляющих могли входить не только призывники, но и их друзья-ровесники (*срост*, *погодки*). «Да. Ну, ани партиями, ни сразу все, йих вон, если в Аргаше, чилавек да питьдисят набиралась. Ну, ани ж партиями: как сросту, как плимя...» [КМС, пос. Пустынный; СИС Ф2000-04Ульян., № 43]. «Как павестку палучили, паследнюю камиссию [прошли], в ваенкамати сказали: вот до такова числа забирём всех. И аттуда приижя*е*шь и начина*е*шь. Сиводни у миня, завтра у таварища у другова. Вот друг па дружки — таварищи, гадки́. Ну, или сваи там сродники вазьмут. Ни то што там...» [НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 34].

Важным элементом рекрутских «гулянок» был сбор по домам яиц для устройства коллективной трапезы. «Хадили па сялу, сабирали яйца. А их прададут и гуляют на эта. Да. Яйцав набирёшь и каму-та там прадашь, на эти деньги вина купишь и гуляли вмести. Вот на воли хоть можна. [По домам] ни сабирались вота — нас была многа, нас чилавек триццать была с аднаво года-та. <...> Ну, ни каждый день ведь эта. Тагда ведь дениг-та не

была» [ДЕП, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 71, 72]. «Пы домам собирали — некруты, некрута-ти. Идут с гармошкай, знач*ы*т, идут ул*и*цай — не как к окошку, а ул*и*цай, а им уж несут пару яиц. Ага. И у нас был дурачок — он всех в армию провожал. И этыт дурачок несёт, знач*ы*т, ведро. <...> Поют, как же, неужто! Ну, чай, любые песни, такие присказки же. Идут с гармо*нь*ей. Всё пели!.. И цело ведро, и набираем, и, знач*ы*т, вечэр — паедай! вот. Глазунью. Да. И вот приходим — у нас тут четвёртый дом оттуда, от краю-то, их нет в живых уж. Вот она проста-ая была женщина — а он всё врем*я у* неё муж начальникам, он и дома-т мало бы*в*ал. “Тёть Дун*я*, как?” — “Всё, всё, всё! Сыночки, щас всё будит!” Глядим уж — и-и закипела везьде всё! Всё *а*на нажарит, наварит. Помидоры пыспевают — а белы, желт*ы*-ти помидоры, ане и слаще! — чашку помидор наложит. Это *в*от осинью в армию уж так провожают. Вот. Эт всё была *в*от — спасибо ей, царство ей небесно, Господи Боже мой! Такая была хорошая, приветлив*ая*. Не была сын*а*-та, а нас, чужих встречала. Во-от. И ток*а* што одне робят*а*. Одне робяты...» [ЧСИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-25Ульян., № 20]. «Хадили никрута! И яйцыв давали, ни жалка, вядро набярут! Ну, ни хлеба, ничаво — яйца брали. Эта я вот, чес*т*на, сам знаю, гаварю вам. Яйца брали, ну, *а* хлеб там, куски — этава нет, нет. А вот


Юноша в военной форме. С. Сухой Карсун. Нач. XX в. Личный архив

яйца брали. А патом приходют, жарют-парют эти яйцы в даму у радитилив у маих, скажим, или у яво, к каму пашли. Там самагон (там водки видь ни пили, тагда была не на што) — вот чаво. Вот самагон этыт вот делали...» [КМВ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 93–94]. «Вот ани, эти вот, брали йих в армию, хадили па сёлам сабирали яиц. Вот. Ну как? Ну, нарошн*а*-т прасили, значыт, ане некрута, нада падавать. Кто в эти, в карзинки, кто в вядро. Больш*и* в карзинки. Их многа, *в*идь ни адин Ван*я* наш был. Их скок*а* тада брали! Их многа. Маладёж*и*-ти пално тада была, да-а! В избу, в дом захадили. Мо*ж*от, чё и гаварили. “Никрута идут, никрута!” — там народ-та. Так. И вот на*д*а чё*о*-т йим давать. <...> А уж вот куда ани их дели, ни знаю. Ни знаю. Чай, на*в*ерн*а*, на вечир стряпали. Сварят. <...> Как-та их угащали. Мы тольк*а* за ним*и* бегали» [БАГ, д. Жемковка; МИА Ф2005-01Ульян., № 24].

Реже помимо яиц собирали другие продукты. «Ани вон яйцы сабирают, а тада ищо мяса: и свиньи были, и куры (курей па сотни, па полсотни держали), и гусей, и уткыв. <...> Ну, *и* сабирали па общиству. Кто мяса варёнава,

кто сырова. Кто яйц, кто пираги, вот, липёшки напякут, присняки́ или ватрушки — всё сабирали. Да. И самагонку гнали сами, где самагон давали. <...> Как некрут падайдёт: “Падайти, как я в армию, защитник Родины, пайду служить. Мне вот атсрочку дали два месица пагулять, и вазьмут”. А тада па пять лет служили. А да нас па пятнаццать лет служили в армии. И вот ани гуляли» [КМС, пос. Пустынный; СИС Ф2000-04Ульян., № 43]. Иногда кур и яйца крали.

Однако в тех же населенных пунктах встречаются и более «цивилизованные» формы обычая, когда хозяева сами выносят рекрутам продукты. «Раньшэ и никрута-ти ходили сoбирали. Вот, к примеру, допризывники (народу-ту было многа на силе видь), ходили по улицам: “Допризывники идут, допризывники!” Выносят им хто дениг, хто яиц, хто чаво...» [МАН, д. Кольцовка; МИА Ф2000-26Ульян., № 58]. Хозяев, вынесших угощение, восторженно приветствовали и чествовали, подбрасывая на руках.

Гулянье продолжалось до самого призыва, иногда в течение одной-двух недель. «У-у! Гуляли, вы знаити, целую ниделю гуляли. Как жи, ане все вмести, да. Я вот дажи в Астрадамавки жила и вот помню, кагда тут у Сирёгиных чириз речку там (мы жили сюда, а ане там). Вот у них всё сабирались» [БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-14Ульян., № 65].

Во время «гулянки» ели яичницу, приготовленную из собранных яиц, а также другие собранные продукты. Поведение рекрутов часто было раскованным, а нередко вызывающим и дерзким. «Некрутов тоже вот так вот праважают, значит. Тоже без сто грамм-та не была. И идут, и пают, и пляшут. <...> Ну и бывают случаи, кагда па-харошиму. А, пажалуй, када и да драки дайдёт. Угу. Кагда уж пирипьют...» [ММВ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-13Ульян., № 12]. «Вот и гуляли. Где на площиди или где вакруг магазина. Вот магазины там были всё жи: сплашныи сараи и накрывали эти, ну он вот три стены срублины, как атделами. Ну, ани как вот трёхстенки, а здесь дверь накрывали, а падымут вот — прилавки, таргавали. И вот ани где эта аткроют, где вакруг церкви на лужайке, вакруг церкви бальшинство, в аграду зайдут. Ну, аттуда выганяли, тут знашь, пьянки па-всячискаму. Ну и, всё ж такова не была, в Бога ни ругались, никак, но толька пьянка тожа, напьюцца лишнива, дрались. Вот так и гуляли. <...> Срост, знако́м — и вот так сабяруцца. Тут сидят, тут сидят, где в дамах сидят, а зимой-та в дамах, а летам, вот я гаварю, на лужайки. Балалайки самадельныи были. <...> Атгуляют два месица, и вот всё эта на харчах: яйцы, мяса варёна пададут. Вот всё ани йидят...» [КМС, пос. Пустынный; СИС Ф2000-04Ульян., № 43].

В большинстве случаев одежда рекрутов была повседневной. Но рекруты могли ходить «нарядны такие».

Обход с целью сбора яиц и гулянье по селу сопровождались пением (точнее, «выкрикиванием») специальных «рекрутских» частушек, которые перемежались наигрышами на гармошке. «Ну, песни-ти пели какие им надумаюцца:

Никрута вы никрута́,
Бритыи галовушки…

— и́дут пы сялу ды поют песни-ти, да, никрута́…» [МАН, д. Кольцовка; МИА Ф2000-26Ульян., № 59].

Никрутики, никрута,
Вам дорожка ни туда.
Вам дорожка три аршина
Пока ехала машина.
Сурская дорожка
Вся слезами улита,
По ней ходят,
По ней плачут
Кирзяцки никрута.

[КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-16Ульян., № 20].

«Ну, эта напьёсси, вот <...> — два-три чилавека — *и* вот паёшь:

Падхажу я близка к дому,
Дом нивесяло стаит,
Сабрата мая катомычка
На лавачки лижит.
Никрутики-никрута,
Вам дарожка ни сюда,
Вам дарожка в тёмный лес,
Вам дарожка в тёмный лес,
Пряма к немцам на зарез»

[НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 36].

Никрутики-никрута,
Вам дарожка ни сюда,
Вам дарожка ва приём,
Зилёна крыша, бальшой дом

[БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-14Ульян., № 65].

Многие частушки были адресованы родителям, в первую очередь матери рекрута, и обеспечивали непосредственный эмоциональный контакт с ними.

Иногда пели и другие частушки и песни, которые обычно исполнялись на молодежных гуляньях (см. *Припевать*). Причем в действо включались деревенские весельчаки, любители попеть и поплясать. «Вот я любитель петь, ты понима*е*шь? Пад гармонью тем более. И вот кода в армию *ви*шь праважали, приехали — вот на Кавказ у нас повезли. И враз заиграли *в* гармонь — а раз уж любитель-та, душа-то ноет. А соседа нашево увоз*ить*. Я говорю: “Васьк*а*, схожу — душа болит! Одну песню хоть, ды спою”. И, знач*ы*т, все окружили сразу. Окружили — ну, запели. И также любители, знач*ы*т, поют, пляшут — “проводы” делают. Вот» [ЧСИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-25Ульян., № 20].

Обычно «гулянки» устраивались в домах самих рекрутов. «Вот провожали старше меня которых. Ну, проста выделяли дом, и кто ево выделял, папойку устраивали. <...> Ну, кто? Мож*и*т, у каждава радители. Оне, выходит, давали деньги. Но оне уж не *а*днаво ево берут, а челавек пять, сем, восем, дес*и*ть инагда бывает. Да. Некрута» [ФНИ, пос. Сурское; МИА Ф2000-21Ульян., № 22]. «Ка*г*да в армию бярут, праважают, и мы придём: “Некрута гуляют, айдати! Ани вот где, вот в таким-та даму”. Рабята-ти как гуляли,

некруты? Кагда вот в армию бярут, вот видь у них канпанья. И девак приглашают, и всё. Например, вот двацщать васьмой год бярут, тот-та, тот-та, тот-та. Ани па дамам ходют, где никрута. Где парень этат, праважать яво. Ка всем сходят. Ну, и каждый сваю дивчонку приглашаит. И мы с ними пайдём. Вот кагда ани угащают, тут вот и девак угащают. Ну, ни за сталом сидим — проста пляшут, пают. Вот так. Гармони, девки пляшут, пают там всяки песни, частушки, штобы висилить йих. *А* ани сидят. Сажают, *а* мы ни идём, эта вроди таво. <...> Никрута за сталом, пьют вино, а мы пляшим, паём. Нам гармонь играит. Если *и* ни хатишь, вот как йих абидишь? Адни ж ани будут, а им девак надо, висилицца. Йих завтра праважать. Завтра, и с ниделю гуляют» [ЯТА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 80].

Мужчины в военной форме. С. Промзино. Нач. XX в. Личный архив А.С. Гордеева

В некоторых деревнях рекрутов «брали по гостям» их родственники, то есть «гулянье» принимало форму перегащивания. «Гуляют! Гуляют ни адин день, целу ниделю гуляют. Ка всем радним. Ага, сёдни у миня, завтра к тибе, послизавтра к Верки, а патом к Нинки. Вот. А патом к Саньки. Вот. Всех приглашают (эта щас, а ра*ньшэ*...)» [БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-14Ульян., № 67]. «Как праважали? Щас ни гуляют никрута, какой-та вечир там сабрали и… Завтри яму явицца в ваенкамат, нонча делают вечир. Вот там вся ета маладёжь, хихиньки да хаханьки, да маханьки, у-уй! А раньши па дварам хадили. Прежни никрута-ти ниделю ходют гуляют да законнава при́зыва, как в ваенкамат явицца. Вот эта ани хадили гуляли. Вот чилавека три-чатыри рекрутав есть, вот ани нонча у маих радитилев са мной вмести, завтри к другому другу маёму, коих нас вмести мабилизуют, к ним идём. Вот так и дальши вот хадили. И как то*ль*ка в ваенкамат явицца — раз, всё атгуляли и пашол!..» [КМВ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 93-94].

Помимо «гулянки» в последний день перед отправкой устраивали «прощальный вечер» в доме каждого из рекрутов. На него приглашали родственников, близких друзей и подруг новобранца. «Ну, например, вот севодни у миня вечир, завтра у миня атправка, я приглашаю там *на* вечир дивчат. [Ни] нескальких, адну. Там сёстры ищо пригласят падруг сваих, если есть

сёстры. А нет, так нет. Вот. [Ну и] “вся радня набижала”» [НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 39]. «Устраивали две вечеринки — “проводы”. Да, “проводы”. Проста в доми. Да. Тут и радитили. Вот. <...> Специальн*а* сабирались мать с атцом у етава салдата, знач*ы*т, и он сабираит таваришчей, падруг сабираит, сваю нивесту. Да» [ММВ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-13Ульян., № 12, 13]. «Я вот тут помню, Ваню када в армию праважали. Вот Русски*е* Горинки, там у ниво нивеста была. Ани вот прихадили аттуд*а* йиво праважать в армию — мно-ога девак. Ниveста. И гармошка. Вот с гармошкай Ваню праважали. Ну *и* йих угащали в нашей избе. Вино был*а*. Закуска. Ани *в*идь к парням праважать сваих женихов пришли. Да. А патом вышли на ул*и*цу. Там — плясать, танцевать, петь! Эт летам-т*ы*, канешна...» [БАГ, д. Жемковка; МИА Ф2002-28Ульян., № 19, 25].

Угощение на «последнем вечере» было обычным для семейного торжества (см. *Застолье*). «Чай, я траих праважала в армию тожа. Пир дома делали. Да. Сабирали всю радню и делали. Вот. Я сама праважала, делала. Всяво настряпашь, бывала. И *а*гурцов падашь, и капуст*ы* падашь, и пирагов, и всё. И дажи и супам кармили. Да. Правaжать, ага. И раньши эдак была. Паишь вином, ды и всё. Вот. Ну, нынчы всех кличут падряд. [А раньше звали] тол*ь*ка радню. Ну, и таваришши. Девки. Вот эдак. А гармонии-ти! Плясали, пели. Да, да...» [ЗВС, с. Араповка; МИА Ф2000-24Ульян., № 55]. Праздничный характер застолья подчеркивался «жарениной» из кур.

За столом исполнялись песни, тематически связанные с проводами. «Тут разныи [песни пели], кто чаво задума*а*т: “Ой, куда ты, паринёк, ой куда ты, ни хадил бы ты, Ванёк, ва салдаты”, <...> “Каляска по двару катилась”. Я иё дабром-та ни знал и щас ни знаю. Ну, вроди:

Каляска по двару катилась,
Калёсы об зимлю стучат,
А стараста кричит в акошка:
Гатовьти сына сваява.

А эти, сродства, атвичают:
Кристьянский сын давно гатовый,
Симья вся замиртва лижит.

— тут ана и складна и нискладна, чорт иё знаит...» [НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 39]. «Ой, ды всяки, всяки пели. Ну, ни матны... [“Последний нонешний денёчек”] пе-ели, как не пели!» [ГМС, ЗАИ, д. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 1]. «Запают, я помню, там песню какую никрута-ти, мать плачит, все плачут. Да, да. Все плачут, дажи и этыт [=рекрут] сам плачит — так пают» [ЯТА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 80].

Если присутствовало много молодежи, затевались обычные для местных молодежных собраний игры (см. *Играть в кельях*). «Ну как, с нивестами [рекруты и парни], с нивестами, у всех нивесты. А раньши ить ни клубы были, а хадили мы (мы глидели ищ*о*, маленьки*и* были) кельи были, назывались “сиденки”, в дамах-та. <...> Там и в карты играют, ва все игры ведь играли. Сичас ведь ни играют, а раньши всё. Дажи “в прятышки”: закроют, завяжут глаза. Бальшии, и то играли всё...» [БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-14Ульян., № 60].

Отъезд рекрута из дома предварялся благословением родителей. «Меня вот мать богославляла: садисся, она икону берёт и богославляла» [ЧСИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-25Ульян., № 22]. «Как ни б*ы*славляли? Канешна, б*ы*славляли. В доми. В доми. [Если нет родителей], чай сродники хто-нибудь: хрёсна ли находицца, ана вас абаславит. Вот» [ГМС, ЗАИ, д. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 1]. «Правaжали йих здорава раньши, и гаварить нечива. Я вот чуть-чуть помню. Пращались, всё, плакали. С иконай, [благословляли] проста на палу. <...> Икона в палатенчики, мущина — ну, мужскую икону далжны вынести. [С собой] давали “Живыи помащи”, крест абизатильна, што ты! Всё, всё...» [БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-14Ульян., № 66]. Листочек с текстом молитвы давали не только рекруту, его брали с собой все члены семьи, надолго отлучавшиеся от дома. «Я “Спасенне” носил, молитву. У м*е*ня и щас оне. Ага. Эт я всю жизнь свою, всё время ездил — и всё время оне *у* меня в этим [внешнем] кармашки, *в*от чё. Эт “Спасенне” шшитацц*а*...» [ЧСИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-25Ульян., № 23].

В большинстве локальных традиций существовала специальная церемония прощания рекрута с родным домом и хозяйством. «Ну и всё эта, шапк*у* скидал с сибя. Шапк*у* снимал. Ну, *и* в дом вара́чивалси, вара́чивалси. <...> Ну как? Ушол ат народу, п*ы*кланилси народу. Пашол там пирикстилси, паплакал. Ну и вышел апять, вышел к народу, утёрси — и всё. <...> Да, шапк*у* скинул, пашол дамой, пирикстилси на все углы и вышел» [ГМС, ЗАИ, д. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 1]. В с. Вальдиватское рекрута могли выводить под руки его девушка с подругой. «Када правaжают ток*а* *и*щё ат дому. Вот он, видишь, выходит, и он сам собой этоо, не совладает, то, значит, вроде как под руки выводят. Вроде всё прям харашо, што он выходит как, вроди, с нивестай и вот там с падружкай, вроди. Там пад мышку вазьмут в этим все мести. И так вот выводят. А каторыи так пайдут» [ММВ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-13Ульян., № 12].

В некоторых селах существовал обычай «выпячивания» рекрута из дома спиной, который, как и обычай тащить за собой скатерть на свадьбе (см.), совершался, чтобы новобранец вернулся домой. «Я вот видал, што некот*о*рых задам пятили на улицу. Я никак, я вышил и пашол. Вот кагда вот *есть* глава хазяйства — ну, атец, мать, — *ани* вот задам яво туды» [ДЕП, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 73]. «Ну, как вывадили? Ну, мать там или ба*б*ушка пирикристя́т и пятят задам. Хоть из варот, хоть чириз калитку, здесь вот чириз дверь — всё равно задам. Молча. Толька бярут за эти места вот [=за локти] и выводют задам. Паложина, гаварят, так...» [НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 38].

Другим действием, направленным на благополучное возвращение парня из армии, было сохранение его остриженных волос. «В армию идут, там атстрынут йих, и иво валосики эх и долга лижали! Щас уж вот ни знаю где. Забирали йих, падстрыгали. Ана [=мать] наказыват: “Мне воласы принисити дамой”. Ни най, уж вот штобы вярнулись дамой живы? Правда, вайна была, живыи абои» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 20].

Обязательным элементом церемонии «проводов» был плач родственников и близких новобранца, напоминавший оплакивание мертвеца, который часто поддерживался и остальными присутствующими, включая самого рекрута. «На другой день приходют к каким часам, штобы ёво эта, значыт, правадить. Апять сабираюцца, играют, всё пают пад гармошку. Патом такие весёлые идут, пляшут, вроди

Никрута гуляют гоже,
Ковалёв Тимошка тоже.

— вот такие вот, такие. Патом:

Никрута ты никрута,
Ты видь едишь ни туда.

— вот. А уж када вот, значит, на машину сажают этава самава салдата — вот уж тут без слёз никак» [ММВ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-13Ульян., № 12, 13]. «Вот. Всё, время идти, нада ехать в ваенкамат к часам! Апять пы стаканчику выпьют. Ему [в дорогу] павлитру: “Желам тибе пы-харошему, и штоб служба была пы-харошиму. И варатицца назад дамой”. Вот эта скажут. Праважают, плачут...» [ЗВС, с. Араповка; МИА Ф2000-24Ульян., № 55].

На прощание некрутам дарили «хто платочик, хто чаво-нибудь там — денежкав давали. Девушки, девушки. Вышивальщикав-ти у нас не была. Как *и*щ эт-т... Этава нет уж, не была! А вот денежки — эта правда, давали. На пращенье. [Не только родственники], и чужие-ти» [ГМС, ЗАИ, д. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 1]. «Дарили платочки у нас вот в Потьмити. Кисеты и платочк*и*. Абычна девушка: ана разашьёт, вышьет платоч*ы*к и подарит. Чашше кисет. А платоч*ы*к абязательна, эт *уж* всем» [ПМП, ПЮМ, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян., № 29].

Помимо одаривания, символизировавшего установление взаимных обязательств между молодыми людьми, было принято давать клятву верности (см. еще *Матаниться*). «У нас адне землю ели, я видела. Клятву, клятву давали друг дружку ждать. Эт, дома, дома! С избы вышли — и у двара. Ну, тольк*а* ни сашлись, ана прасваталась. <...> Эт*ы* вот там вот у нас в Галашубихи. А мы видь маленьки были. И мы вот тут падсматрели. Да. А ана ни даждалась ёо. Прасваталась...» [ПМП, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян., № 30].

Церемония проводов завершалась выпроваживанием рекрута за околицу села. «А там уж на призывной пункт в Карсун ездили. [Провожали] за сяло, пажалуй. Пажалуй, падальши. Миня вот мать провожала прям да Карсуна. А уж старыи — здесь с нём прастяцца» [ДЕП, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 71, 74]. «Некрутов провожают до кох? Бывала, до коньца Ждам*е*рова. Садяцца в лошадях — и уж поехали! А то вся артель провожат со Ждамерова. До коньца Ждам*е*рова. Тут асфальт сичас, а то и была дорога-то, где *в*от больница. Тут была дорога-то. Вот, знач*ы*т, почти до больницы провожали — эт молодёжь-то, всё сёло. Эт провожают каждово — хоть одново провожают, хоть двоих, хоть троих. А вот нас двёнацц*а*ть ч*е*ловек провожали. Да. Прост*а* *г*де кончацца Ждамерова. И всё. Там уж садисси — а раньше-т на лошадях. Вот скок*а* нас — всех сраз*у* провожают. Три лошади была — по

ч*ы*тыри челавека нас сразу п*ы*садили...» [ЧСИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-25Ульян., № 22]. «Раньш*и* *в*идь летам праважали. Вот в Потьми-ти была да Му́р*зихи* [провожали] — Му́рзихай-та звали гор*у*-ту. Вот где щас Иванавка-та улиц*а*-та. Вот этай улицей сюда. Да Мурзишинскай гары. Прям*а* с гармонией. Вот Гаршешна-т дарога, ана *в*идь чириз Пасёлки шла. И вот да гары. Там тоже вот такая гара, ни дахадя два киломитра да Пасё*лка*. Вот абизательна уж эта все идут да этай да гары тада. А уж туда, в Карсун, — толька близики*и*, радны*и*. А эт, призывник, песню паёт уж:

Правади-ка, мать радная
Да Мурзишинскай гары,
Ты будишь махать платочкам,
Я фуражкай с галавы.

— у нас уж в силе-та вот ет песня. Я умела петь-та никрутскии песни. <...> Эт уж сам дапризывник эту песню абизатильна припаёт. Матирям уж пают ани» [ПМП, ПЮМ, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян., № 25, 26].

Обычно в каждом селе или группе населенных пунктов существовал природный объект — холм, река, мост, дерево или роща, — у которого происходило последнее прощание с рекрутами. «Пайдём праважать. Пе́шам, бывала, пешам, лашадка какая-нибудь визёт йихи эти, сумачки-ти. Вот пайдём — хто как. Хто: "Вон айдати да этава..." Хто: "Айдати падальши, да клянка́!" "Клянок"-та во-он он где у нас лес-та. Лес. Ну, проста "клянок" называли — "на клянок". Лес он, нет, не кляновый, всякий там. Вот: "Айдати падальши праводим рабят". А там пайдут уж ани адне. Ну, с матирями, с радитилями. А девушки — варачивайся!..» [ЯТА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 81]. «Вот эсли в эт*у* сторону, в сторону па ульянавскай дароги, то да паследнива маста. Тут стара дарога была, тут, наверна, восим мастов была. Азёра нибальшии, значит, но дарога праходит. Эсле в Алатар, то у нас он называлса Загорный мост. Вот да тех пор праважали. Радные, знакомые, сродники, девки, парни, каторым *и*шшо ни придстаит. Вот так» [ФНИ, пос. Сурское; МИА Ф2000-21Ульян., № 22]. «Да Чамзинки праважают. Раньши-та, на эту, на гару суда *в*сходить на Карсун, на Карсун — эта "сапливый столб" всё гаварили. Да. Патаму шт*а* пращались, плакали, саплям*и*-ти шмыгали. Вот так. Во*т* так...» [ГМС, д. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 1]. «За Бахметавку праважали. И пастаронии, и сродники. За Бахметавку — там щас дарога идёт, пачти пасирёдки паварачива*а*т. А в канце Бахметавки ана паварачива*а*т тожи на бальша́к. Там бугор, ни дахадя Стрельников, там три киломитра. Ну, наверна, киломитра палтара ни дахадили, паварачивались назад, а никрута паехали дальши, да района, да Карсуна» [НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 37].

Церемония прощания могла завершаться так же, как и все крупные семейные праздники, включавшие в себя угощение и застолье. «Ну, эт радня, близка радня: мать, атец там, братья — вина-т*а* бярут с сабой. Вина и закуски. [И угощают] всех, кто есть. Да, "прашчальна рюмочка", паследня уж. Как гаварицца, уж прашчальну*ю*, паследню рюмочку выпивали» [БАГ, ПМП, ПЮМ, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян., № 27].

В последние десятилетия церемония прощания с призывниками постепенно трансформировалась в соответствии с современными условиями. «И всё. Эт как вот йих пыкаления. Вот эт када была. Эта в шистидисятые годы прошлав*а* века. Да. А тут *уж* вот, Анна, г*ава*рю, как тваих-та рибитишкыв праважали ат двара. Уж стаяла машина. А тут на машинах. Прям здесь сажают — и да Карсуна едут на машини. Ну, тожи детки, нивесты. Эт само сабой, как жи!» [БАГ, ПЮМ, ПМП, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян., № 28]. «Вот тольк*а* што с бальшой дороги. Если *уж* на машини, значит, на машини. И специальна такии вот, какии нанимают там такси или, например, чисавой автобус ходит. И вот эт вот на ним. Астальныи стаят все...» [ММВ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-13Ульян., № 12].

Мужчина в военной форме. С. Промзино. Нач. XX в. Личный архив А.С. Гордеева

К комплексу рекрутской обрядности относятся и гадательные практики с предвещением судьбы новобранца. «Вот у нас брат был. Он у нас адин, а мы чатыри дивчонки. Он самый перьвый. Вот мамка пайдёт к старушки-ти: “Ни знай, што ли придёт у миня Ваня, ни знай, нет?” Вот аткроит Явангил*ие*, прачитаит, там што писана: “Придёт, придёт! Жив будит, жив!” Ну, пришол он, пришол, жив был. Яво ранили хатя. Вот уж умир тол*ь*ка пасля уж вайны...» [ЯТА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 82].

Церемония проводов рекрутов была и продолжает оставаться в наше время важной составной частью семейной и общественной жизни. С ней связаны сильные личные переживания и яркие воспоминания, порой сопровождающие человека всю жизнь. «Я гаварю ей, матери: “Мам, ане ни верют, што я помню [как провожали отца] на вайну. А я вот стала йим рассказывать. Мы сидел*и* с табой на бара́не. В лаптях. Мне три года была. Ево праважают, плачут. А пычаму мы ни хадили праважать?” Ана га*вар*ит: “Дочк*а*, у миня нага, — г*а*варит, — балела”. Вот. Да. А я помню...» [ЗВС, с. Араповка; МИА Ф2000-24Ульян., № 55].

И.А. Морозов

НЕЧИСТЫЙ ВОДИТ — см. Гадания, Колдун, Летун, Оборотень

НИКОЛАЙ УГОДНИК

Николай Чудотворец (*Николай Угодник, святой Николай, Никола, Микола*) занимает особое место в народных верованиях Ульяновского Присурья. «Он был святой, исцылял, ходил. Исцылял. Как Иисус Христос. Ходил и исцылял. Он может дорожку, если заблудишься, указать, или чо. Мож на крик кто выдит» [ШНН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15]. «Ну, только как чуть-чуть [что-то случиться, сразу]: "Господи, Николай Угодник, помоги"» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23].

Ульяновское Присурье — полиэтнический регион. Николай Чудотворец особо почитается среди чувашей, мордвы (см. *Народно-религиозные представления и практики*). Возможно, этим объясняется огромная популярность святого Николая на исследуемой территории.

Икона Николая Чудотворца есть практически в каждом доме. Она играет важную роль в обрядах жизненного цикла, в календарных, окказиональных, хозяйственных обрядах, так как является самой распространенной «мужской» иконой. Ею благословляют молодых («у аццa благаславение — Никалай Угодник. Багародица — у матири» [УЗН, с. Сурское; СИС Ф2000-14Ульян., № 86]), ее несут перед похоронной процессией, ее кладут в гроб умершему (см. *Икона, Похороны*).

В Ульяновском Присурье особо почиталась явленная икона *Николы Промзинского* (см. *Никольская гора, Народно-религиозные представления и практики*). «Николай Чудотворец изображен здесь в иконографическом типе, известном на Руси под названием «Никола Можайский» — с мечом в одной руке и храмом в другой. В Симбирске и Симбирской губернии данный иконографический тип назвали "Никола Промзинский"» (см. *Народно-религиозные представления*.., Цодикович 1991, с. 93). Копии с «Николая Чудотворца, что в с. Промзино» до сих пор хранятся во многих домах Ульяновского Присурья. Считалось, что крестный ход с этой иконой — действенное средство во время засухи (см. *Молить о дожде*). «Явился Никалай Угодник в калоцце на Никольскай гаре. Сделали иканастас и насили икону. Кагда даждя долга не была, за ним хадили, к ниму все прикладывались. Была у нас две церкви. В нашу церкавь иво внисли, а в ту староннюю никак ни пашёл. По́сли этава был дожжик. Сильный ливинь. Патом иво унисли. И прапал он [икона]» [ЧВА, с. Княжуха; ЧВГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 2, 1989]. «Раньши, кагда дажжа нету, биздождие, сабирались хадили с этай иконай [с Николаем Промзинским] на каждый ключик. <…> Туда хадили. Там канун читали» [ТВВ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-5] (см. *Никольская гора*).

Иконой Николая благословляют скотину перед первым выгоном на пастбище (см. *Покупать корову*). Ее первой вносят в новый дом (см. *Икона, Новоселье*).

В тех селах Ульяновского Присурья, где Николин день (*Никола, Микола*) является престольным праздником, было принято *перегащиваться,*

навещать родных и близких (см. *Николин день*). Много на исследуемой территории почитаемых Никольских родников (см. *Переселение икон, Никольская гора*), на них на Николу Вешнего устраивались паломничества. В пос. Сурское расположена Никольская гора — сакральный центр общерусского масштаба. Сюда поклониться святому Николаю идут из Ульяновской, Самарской, Пензенской, Нижегородской и других областей, из Мордовии, из Чувашии, из Украины, из Сибири (см. *Никольская гора, Народно-религиозные представления и практики*).

Святой Николай занимает особое место в народных представлениях, иногда на образ святого Николая накладывается образ Иисуса Христа. По мнению некоторых, важные события жизни Николая Мирликийского происходили на территории Ульяновского Присурья. Рассказывают, что святой Николай жил на Никольской горе в пос. Сурское, сюда перенесены его мощи, здесь его распинали. «Николай Угодник ни там, ни ту́та ивилси, иво пирнисли туды. Мощи-ти. <…> Где уж? Я ни выгварю. Забыла, где он ивился. Ну, иво пир*и*нисли. И вота мощи пиринисли туды. И сичас там и гора, и всё стала святоя, святоя щас. <…> Ну, ни ходили. Как пер*е*несли уж это мощи святыя. Вот щас служат. Ой, много народу, много!» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23]. Гора считается святой, потому что «там Николай Угодника распяливали. Да. Падняли на хрест. <…> Эт уж я сама, дочка, ни помню. Мне семьсят лет хотя, но ни помню» [КНС, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-5].

Рассказывают, что святой Николай был родом из крестьян. Путь святого уже с детства был предопределен. «Он родился́ как в крисьянстви, родился́. Читала ведь ты это? Он родился́ в крисьянстви. У них был только чта этот один сын — Николай Угодник. Жили оне вроди ниплохо. Вот. И он как родился, на девушкав не заглядывал. Он боялся дажи на них посмотреть. Вот так писано. Потом растёт и растёт. И была у ниво [дядя] этим, патриарх называцца, в другим городи, ну нидалёка, они раньши каки, чай, города-ти были — ни как сичас. Ну, оне эта, родитили вроде, м*о*л: “Мы ёго отдадим Богу служить, раз он такой”. А этот вот дядя ёго ходил: “Вы дайти мне Миколай Угодника, я ёво возьму к сибе, пусть он у миня служит”. Вот. Они вроди ни против. И он ни против. Но он тут ходил только молился, а он [=дядя] иво ни брал *и*ща. И вот родитили у нёво умирли, у них остался много золота. Остался много золота. И вот он и к дяди-ти ходил, ездил в церковь, а в церковь ёму хотелось. Дядя ёво принимат, он ни захотел в своём силе жить, что ёво бы ни благодарили. Вот дядя уехыл — ни знай, куда он ездил, ни знай в этот, в Игипт, ни знай, кажицца туды, и ёво оставил испытать, как он будит служить. Он прослужил, как нады. Ну, дядя заболел. Заболел. Но он все-т*а*ки служил. А всё-т*а*ки жил он опять тут» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

Николай Чудотворец — святой особый. Его путь не уединенное служение Господу, а реальная помощь простому человеку. «А яму [=Николаю Угоднику], вот ёму Господь сказал — он хотел уйти в пустыню — а Господь

ёму сказал: “Ты ни пойдёшь в пустыню, ты б*у*дишь угодный Богу. Да. И ты будишь людям помогать. Ты ни пойдёшь. Тебя, нужен ты для народа”. Да. Ну вот, и он, значит, эта, ни пошёл. И вот стал тут он в церковь ходить и визде» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

Святой Николай помогал простым людям, ничего не требуя взамен. «И вот у *а*днаво старичка был*а* три дочки. Жили раньши, они больны богаты, а тут обанкротился, стали жить беднó. Ну, чоо делать, ему негди ничоо взять. И он говорит им, сам сибе: “Нада пустить мне их, пусть зоробатывают. Замуж я их ни выдам. У мня нé на шта”. Вот так. Они были больно красивы. Да. Николай Угодник уж всё, как он святой стал, он сразу почуствал. Ладна. Вот он навёзал узёлочик золота и пошёл к ним. Открыл окошко, пошел, как те сказать, рано — тёмно ща, ну, к свету уже, открыл окошичко и кинул в окошко этого золота. Они встали: “Батюшки, золото!” Эт отец: “Ну, тёперь я дочь одну просватаю”. Просватал одну дочь. Да. “Ну, топерь, где ж мне ищо-то брать”. Патом он опять навязал узалочек, прошло несколько и опять кинул этот узалочык и пошёл в церковь. Да. Ладна. Ёму [отцу] сумнитильно: “Хто-эт носит, какая благодарность мне. Постой, я подкараулю,” — старичок этот. “Кто-эт мне носит?” Да. И другу просватал. Вот он третий раз. Опять навязал узалочик золота и кинул, распахнул окошко — кинул. А он ни спал, сидел смотрел. И он подалcя́ Миколай Угодник. Он за нём. Идёт за нём и догнал ёво: “Ой, Миколай Угодник, эт вы мне таку помощь сделали”. Он к нёму в ноги и цолует, и молицца. Он г*о*врит: “Не нады, не молись, то*ль*ка никому не говори об этим, не говори никому”. Ну, ладно. И вот он и ушел. И третю просватал» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

Образ Николая Чудотворца характеризуется в народе далеко неоднозначно. С одной стороны, это грозный святой, который может и наказать за несоблюдение верующим предписаний (см. *Наказание за грех*). С другой стороны, это простой «старичок» («странник», «дяденька»), который появляется в критический момент и чудесным образом спасает человека. Описывают Николая Чудотворца следующим образом. «И ка мне дядинька падходит. С сядой барадой, низинькай. Суконай пиджак, два ряда пугавицы. Шапка на нём такая плохинька. Как раньши хадили старики» [ОМФ, с. Новосурск; МИА, ММГ Ф2002-22Ульян., № 69]. «И миня встричат, дагонят миня старичок. Ну, ростам, я щас и ни помню, с миня, па-моиму, чуть павыши можит быть, дагнал миня. Идёт са мной разгавариват. Бародка у наво. Ну, проста, как старичок. Я сматрю на ниво — у нас таких в Потьми не была» [ТВВ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-5]. «И гр*и*т, появляется, гр*и*т, откуда ст*а*ричёк. Идёт, грит, с сумачкай и с палычкай. Ну, многа ходило этих пожилых людей, нищих, всяких» [ЛНВ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15].

Черты «старичка» не индивидуализированы. «Его не узнашь-то: сединький старичок и всё. Вот отколи он вышил, в эту жу часть зайдёт леса, и ищезнит» [ИАП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2002-16]. Особо акцентируется возраст — «старичок», «седенький старичишка». «Подходит, грит, ко мне нибольшой

старичок, с бородкой» [ААФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-9]. Старичок похож на странника («с палочкой», «с сумочкой»). Других (особых) примет у старичка нет: роста среднего, одет как все. При этом подчеркивается, что он не свой (чужой). «Я сматрю на ниво — у нас таких в Потьми не была» [ТВВ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-5]. Несмотря на то что явных примет необычной природы в облике старичка нет, человек всегда узнает в нем Николая Чудотворца. «Микалай Угодник, я думаю. Думаю, он» [КАА, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 72].

Старичок появляется в критической ситуации. Время и место встречи со старичком всегда маргинальные (время — ночь, место — лес, река, болото). Человек оказывается в неурочное время в области чужого, попадает в беду: он не может выйти из леса (заблудился, сломалось колесо у телеги), перейти через реку, тонет в болоте. В критический момент появляется святой Николай и выручает попавшего в беду.

Икона Николая Угодника на святом роднике в с. Белый Ключ. 2009 г. Фото И.С. Павлова

Святого Николая часто встречают в Сурском лесу, недалеко от Никольской горы (см.). Однажды он помог заблудившемуся путнику. «К маей баушке хадил все один стариц. К Миколи. И всёгда к ней захадил. Вот. А одна время прашёл туда. Прашёл в Прамзино. А аттоль иво нет и нет. Три дня прашло — он паявляцца. Он кагда шёл аттоли и заплутался в лису. И три дня пó лису брадил. Три дня и три ночи. Вот говорит: “Лазию, куда ни палезу — трищёбник, асинник голай. Куда ни палезу — хода нет”. Весь абарвался, замучился. И паследнюю ночь гаварю: “Госпади, видна ты мне павилел памиреть в лёсу”. Вот гаварит, гляжу — аганёк милькаит. Я, гаварит, палез-палез на этат аганёк. Вылазию, грит, палянка. Я гаварит, вышил на палянку. Сматрю, избёначка стаит. Я, грит, падхажу, гляжу в акошичка: молицца, старик Богу молицца. Я, гаварит, долга глядел. Гаварю: “Дедушка, ни пустишь миня начёвать?” Он гаварит: “Захади, я всех пускаю”. Я, гаварит, зашёл. Он гаварит: “Паесть, най хочишь?” Я гаварю: “Не толька ни хачу — каравай щас хлеба съел бы и ни наелся”. Он гаварит: “Садись, я тибя пакармлю”. Он ушёл в чулан. Такая избёнка: печка, чулан. Ушёл в чулан. Нисёт, грит, мне на тарелачки прасвирку, на чатыри части разрезана, и в ковшики тёплай вадички. Я, мол, думаю, да тут чао есть-та. Он

гаварит: “Ешь, не думай. Вы все узнаити за семь лет, что голад будит”. Я, грит, съел две части, да ни хачу. “Что, грит, ни ешь?” — “Я, дедушка, наелся”. — “Иди атдыхать лажись. Я те, грит, пастилю, у миня толька, ни как у вас, пастели нету”. Он мне застилил травы. <…> Я, грит, лёг. И закрылся сваи шабалом-ти — пинджачком-ти. И долга, грит, глядел на нёё — он всё молицца и молицца Богу. И заснул. А праснулся вот. Тут у нас за Сурой вон там пчелник был на гаре. А я лижу на дароги, солнышка высако-о взашло! Грит, лижу на дароги, партянки маи пада мной пастилёны, я, грит, абизумел. Ба! Пришёл к баушки, гаварит: “Ну, Иванавна, наверно, умру. И канец маей жизни”. Ушёл, и уж больши ни прихадил» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 21]. Событие встречи со святым Николаем происходит на грани сна и яви.

Встреча со святым становится поворотным событием в жизни человека. «Я щяс расскажу эту побасёнку. Не побасёнка, а правда. Мой отец, покойник, поехал — видь гончарными издельими занимались — поехал с горшками на Промзино. И вот он один поехал. И вот в наш лес заехыли, вот туды, в дуброву-ту. И посриди дубровы всёгда была какой-то бака́лдина [=выбоина]. Очинь тогда, машины эти вот возили. В*ы*сковольтну линию проводили. Шли большии машины и все измяли дороги тогда. И вот у нёво колёсо скинулся, и он никак. Он поглёдел на все стор*о*ны, поплакал, покорячился. Ну, никак ни эта. “Господи, говорит, Николай Чудотворец, помоги ты”. И ни с одной стороны нет помочь. И грит, появляется, грит, откуда ст*а*ричёк. Идёт, грит, с сумачкай и с палычкай. Ну, многа ходило этих пожилых людей, нищих, всяких. “Чоо, милый, ты здесь?” — “Вот гляди: сё, грит, ехал, калёсо слитела, чикушка слитела — ничоо ни сделыю, грит. И тягу вырубил. Ну, нельзя мне”, — чао пожилой, больной, посли фронта. Говорит: “Давай я те помогу”. Да. Поднял, нодел колёсо. Он [=отец] покуда-то надевал чикушку и коровуту выправлят, поглядел: “Ба, а де старичок эт?” Он, эт, на *в*се стор*о*ны, и так и сяк глядит. “Дедушка, дедушка, где ты? Дедушка, де?” Дедушки нет. Эт вот уж правда, а не какая-нибудь побасёнка! Эт вот он приехал и грит: “Мать и дивчёнки, верьти Богу. Вот такоя дела. Эта чуда со мной — чудо, ча*в*о получил*о*сь”. Вот. <…> “Эт, говорят, тибе (тётя Маршуня вот, Титова). Васярка, это ты святой, ты Богу угодин. Как жи ты ни угодин? Три войны прошёл: голод, холод”» [ЛНВ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15].

Человек просит о помощи святого Николая. Человек не узнает в простом старичке святого и высказывает сомнения, что тот сможет ему помочь. Но происходит чудо: маленький старец делает то, что не под силу молодому человеку. Человек хочет отблагодарить старичка, но тот исчезает так же неожиданно, как и появился. «Эт*о* вот у нас, с дедушкай, у мужа-т*а* отец рассказвал. Поехыли с горшками, и вот у нас ес*ть* Дубровска гора, она вот прям стоймя стоит. Ну, никак лошадь ни бирёт. Ни-и-как. А он: “Господи, Николай Чудатворец, помоги!” И с лесу выходит старичок сидой. Подходит вот (у меня мороз по кожи): “Ну-ка что, паренёк, ни шогат что ль лошадочка?” — “Нет, дедушка, никак что-то ни слушацца. Или я много больно уж

наклал. Не знай чао". — "А ну-ка, там сынок или кто ты, кобылка, помоги париньку выехать-то". Вот прутик, г*о*в*о*рит, нибольшой у ниво — хлопнул, и лошадка вылизла. И опять на нибиса [исчез дедушка]. Его ни узнашь-то: სединький старичок и всё. Вот отколи он вышил, в эту жу часть зайдёт леса, и исчезнит. Исчезнит» [ИАП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2002-16].

Иногда святой Николай помогает, не персонализируясь в облике старичка. При этом человек уверен, что чудесная помощь исходит именно от святого Николая. «У нас у матири [было]. У нас слипая, савсем аслепла. Ана адна жила. А мы сё гаварим: "Мам, как жи ты?" Придём, у ней пол вымытый, в избе у ней чистата така была. И вот ана гаварит: "Мне Никалай Чудатвориц, миня спасат. Он мне всё делал. Прихадил, прихадил. Вот он прихадил, гаварит, ко мне и стаит: "Не бойся, я те памогу". Ана абоими глазами ни видала. Ана *в*идь и мыла пол, и милá. Мы придём, у неё такая чистата. И стирала на себя всё. Ана уж гаварит: "А мне Никалай Угодник всё памагал. Мне Никалай Угодник пришёл, всё памог". Чудяса, да, вот, чудяса» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10].

Святой старичок встречается не только в лесу, но и в других маргинальных и потенциально опасных для человека локусах: у реки, на болоте, на дороге. Святой Николай помогает перейти через реку. «Вот сват мой, он гаварит, разлилась вада там талка где-та. И я, гаварит: "Господи, как жи я прайду?" А манинький старичок, гаварит, как вроди, гаварит, ýдит. Эта самый вот Никилай Чудитвориц. И он, гаварит, падходит. "Иди, гаварит, прайдёшь". Вот видишь, он и чуду сатварят, он и спасат. Вишь, чуду сатварил. Нам чуднó на эта. Мне ж чуднó!» [ТАГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-16].

Николай Чудотворец спасает тонущую в болоте женщину. «Иё самой у нас являлся [святой Николай]. Она тонула в болоти. Она тонула страшно. Ты жи сама видала иво! Он иё вытащил за волосы на бериг. Вон на глинышках на серых там. [Они там] коноплю мочили. Ну, вот она когда наступила, а там по-видиму яр был, она туда и утонула. Раз, грит, *в*сё-тки вымырнула — сразу опять. Там никто, наэрна, не видит иё. Ищё раз. А потом вот иё эт самый Миколай Угодник за волосы взял и на бериг вынис. Там уж она была без [чувств, без памяти]. Она ни помнит ничао» [АМФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-9].

Много опасностей подстерегает человека в пути. Справиться с бедой помогает человеку Николай Чудотворец. Например, он будит заснувшую женщину, тем самым спасает ее от неминуемой смерти. «Эт*о* я ёво видала. У нас жа горшки здесь делыли, вот её муж возил горшки в Тольятти. А мы едим. А резинки вот так тут были соидинёны — видимо, тут дуло. И у меня отмёрзла пятка совсем. А я заснула, эдак вот как у стёкла-то сидела. Он мне и говорит: "Роба, очнись. Ты пятку *о*тморозила леву". Насилу оттёрли. Я иво вижу. Вот этот самый старичок. Г*о*ворит: "Роба, очнись, ты отморозила леву пятку". Вот видишь, я иво видала. Я иво вижу вот этово самово старичка. Вот эт*о* самый Николай Угодник» [ААФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-9].

Святой предстает как простой странник, поэтому человек иногда не узнает в его образе Николая Чудотворца. Встреча нередко происходит на грани сна и яви. «Маму скаранила. И я ушла сена сагрибать. Ушла рана. <...> Аттуда еду. Я правда, полна насагрёбала — многа. И каронют адну женщину. Вот я на кладбище сматрю. Ни знай, я уснула. А мы толька маму скаранили. Можа нидели две прашло. И ка мне дядинька падходит, с сядой барадой, низинькай. Суконнай пиджак, два ряда пугавицы. Шапка на нём такая плохинька. Как раньши хадили старики. [Толкает за плечо]. И улыбацца. Я рази схватила эти салазки и сюда паехала. Я ни сказала дома бабушки. Ладна. На втарой день [бабушке рассказали]: "Дочка, ты што жи мне-т*а* ни сказала. У миня была в децтве эдак-та. Толька я была, мужа-та скаранила: малиньки два рабёнка — мой атец и дядя. Я, гаварит, лягла, убралась и лягла. На пиче. Ляжу. А он ка мне и падашёл такой жи старичок, так жи как и к тибе". А ана яво все-тки спрасила: "А как мне жить, у меня малиньки дети?" — "Живи, гаварит, для дитей". А вот кто был? Я сама ни знаю. Бабушка пришла, пашла к батюшки. А он и гаварит: "Это, грит, Никалай Угодник"» [ОМФ, с. Новосурск; МИА, ММГ Ф2002-22Ульян., № 69]. Знающие люди (священник, *монашки* — см.) подсказывают, что явившийся старичок — Николай Угодник.

Камень с ликом святого Николая, найденный на Никольской горе. 2009 г. Фото М.Г. Матлина

Святой открывает человеку особую, недоступную простым людям информацию. «Я не знаю, как эта пиридать. У миня был случай такой. Я купила домик на Макрушах, там жила. Оттудава иду на остановку утрам в зимняя время, рана, автобус к нам ходил в сидьмом часу. И миня встричаит, догоняит миня старичок. Ну, ростам, я щас и ни помню, с миня, памоиму, чуть павыши можит быть, дагнал миня. Бародка у няво. Ну, проста как старичок. Я сматрю на ниво — у нас таких в Потьми не была. И он миня спрашивает: "А скока астановак у вас тут? Да астановки. Вы, грит, ни к астановки идёти? Мне нада на астановку. Да, к автобусу". И вот он шёлшёл. Разгавариваит са мной, разгавариваит. И гаварит: "У вас в силе девять калдунов". А я говорю: "Да вы что? Я, гаварю, ни аднаво ни знаю". Он мне гаварит: "На каждам пирикрёстки". И вот кончился праулак, вот мы шли. Аглянулась — яво нет. Куда он или можит ва двор куда? Он исчез. Я больши иво ни видила. Как явление. Эта посли да миня дашло — эта Никалай Угодник» [ТВВ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-5].

Николай Чудотворец является во сне. При этом человек не до конца уверен, спит он или бодрствует. «Вот я видала этат сон. Ну, чай сон что

ли?» [КАА, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 72]. «Я уж адной гаварила, манашке. Ана гаварит: “Эта уж ни сон был, а виденье”» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 20].

Во сне святой Николай предстает простым старичком. «И вот падашёл ка мне старичок низьминнава роста» [КАА, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 72]. Но иногда во сне Николай Чудотворец является в церковном одеянии. «“Батюшки, а ведь пахожа на Никалай Угодника”. Он в такой вот шапки [как у церковнослужителя]» [ЕАН, с. Потьма; СИС Ф2005-21Ульян., № 124]. В руках у него, как у священника, церковный атрибут. «И кадилай вот так машит, кадилай машит» [ТАГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-64].

Паломники ищут лики святого Николая на листьях и стволах деревьев. С. Промзино. 1920-е гг. Архив СКМ

Такой сон встраивается в парадигму снов, в которых фигурируют священники, священные предметы (крест, икона, церковь) и которые снятся к терпению, поскольку предвещают несчастье (см. *Икона*). Явление святого Николая во сне может быть связано со смертью. «Я вот видала ва сне ни знай Никалай Угодника, ни знай Иисус Христа. А как я яво видала. Вот вроди, мая заловка, ана умярла. И вот Никалай Чудатвореца вроди стаит вот так. И кадилай вот так машит, кадилай машит. Я гаварю: ни знай этат сон миня приснился — кадила-та машит — ни знай вот заловки память была» [ТАГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-64]. Действия святого во сне похожи на действия священника, отпевающего покойного.

Явление святого Николая во сне может предвещать смерть человека. «Тут вот чириз два двора у нас мужщына был, он хварал. Вот у ниво был вроди рак пищявода. Вот он утрам, гаварит, встал. Жане-та гаварит: “Ну, мать, я скора умру”. — “Да ты што, Вань?” — “Нынчи пришёл ка мне старичок. Вот в этот день, вот такоя число. Дваццать сидьмова наября умрёшь. Толька ни па-новаму, а па-стараму”. И правильна. Умир в эта время. Вот этат старичок. Эта или Никалай Угодник, или сам Гасподь — кто-та. Вот. Он иму паведал. Точна. И точна умир» [КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-13Ульян, № 54].

Иногда святой является после смерти близкого человека, чтобы объяснить смысл произошедшего. После похорон дочери матери снится сон. «И вот мне представился. Я вроди и уснуть ни уснула. И мне вот впириди. А там стаяла толька тумбачка вот низинька. Вот за этай тумбачкай партрет

бальшой. Вот как Ленин был — такем патретам. Я гаварю: “Батюшки, а видь пахожа на Никалай Угодника”. Он в такой вот шапки. И вот он как будто мне гаварит: “Вот я, грит, пришёл к тибе. Хватит, ты, грит, ни плач. Тя Господь как вот все на испытание взял. Господь взял аднаво, да, откажишься ты, мол, ат миня или ни откажишься. А ты, видишь, как-та ни атказалась”. Он мне гаварит: “Мались, мались. И служи всем сидящим — вышним”» [ЕАН, с. Потьма; СИС Ф2005-21Ульян., № 124].

Святой Николай, явившийся во сне, оказывает реальную помощь человеку, попавшему в беду. «Вот я видала этат сон. Ну, чай сон что ли? Вот мы жили с братам. Ани атдилились. И вот снаха на миня напала — я у ней, мол, касынку унясла. И вот падашёл ка мне старичок низьминнава роста. И гаварит: “Ничао у ней ни прапала”. Постукал па сундуку. “У ней, гаварит, всё тута”. Я гаварю: “Ани вот ат миня ушли. Как, мол, я буду адна жить-та?” Он меня пирикристил, пацилавал миня и сказал: “Есть, грит, у тибя будет. А их, грит, ни жалей”. Ни вилит он их жалеть-та. <…> Микалай Угодник, я думаю. Думаю, он. Блаславил он миня. “Есть, грит, у тибя будит”. Ну, всида у миня есть» [КАА, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 72].

Николай Чудотворец удерживает человека от совершения греха — вольного или невольного. «Я [нательный крест] ни насила. Ну вот. И приснился мне какой-та старик. Падашёл ка мне и гаварит: “Ты кщёная?” Я гаварю: “Да”. — “А пачаму, гаварит, крёст ни носишь”. Эта точна! Ни балтавня ни чао. Ну, вот я пашла к адной старушки. Гаварю: “Вот такой мне сон, мол, приснилси”. — “Эта тибе, гаварит, нады крёст насить”. — “Да у миня и нет”. — “Даю тебе — на”. Это вот точно мне приснилась самой. А ни знаю, какой старик, чао?» [ТАС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 20].

А.П. Липатова

НИКОЛИН ДЕНЬ

День святого Николая (Николая Чудотворца, Николая Угодника), *Николин день* (*Никола*, *Микола*) занимал особое место в народном календаре. Николаю Чудотворцу отведено важное место в верованиях Ульяновского Присурья. «Ну, только как чуть-чуть: “Господи, Николай Угодник, помоги”. Поминашь. Или его ведь вот Микола Летня, Зимня служишь. “Святитель Очче Никола, моли Богу о нас”. Опять святого поминашь. И всех святых-ти поминашь, когда молебин служишь, всех святых-ти, скока их, и всех помя́нишь. И все они за нас молюцца» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23] (см. *Николай Угодник*).

Праздновали две Миколы: Зимнюю и Летнюю (Вешняя, Осенняя) (см. *Никольская гора*). «Николы жи две: Летняя и Зимняя. Вот у них — Зимняя. Визде разны» [МЗИ(1933), с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. Летний Микола отмечался «па-новаму дваццать втарова мая, а по-старому — девятого мая» [СМФ, пос.

Сурское; СИС Ф2000-14Ульян., № 4], Зимний — девятнадцатого декабря. «На Миколу. Двац*ать* второво мая. Ну, она есть вот и Зимня — девятнаццатава дикабря» [УАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27]. Так же как и в любой другой праздник на Миколу не работали (см. *Наказание за грех*). «Хто как. Посидишь атдахнёшь. Ничаво ни делашь» [НАА, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10].

Священники на Миколу Зимнего совершали службу в домах односельчан. «Вот пирид Миколай, зимой, [поп] хадил па всяму сялу. Мяколу служил. Хадил с иконай. Видь рагожки ткали. А каторы ткут рагожки — на рагожи прям вот служит. Хадил с хрёстом. Никалай Чудатвориц на кристе был. В руках даржал. Богу малился. И мы все малились. А вясной ни хадил» [БАФ, БСФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 85].

В с. Первомайское на Николу Зимнего колядовали (см. *Коляду петь*). «Эта на Миколу, на Миколу на Зимниво. Па дамам хадили и девачки и мальчики. Кагда нет дениг. Падавали. На Миколу-ту стряпали кишки. "Кишки да липёшки, парасячьи ножки". Парасячьи ноги дадут. Их две [Миколы], пастом бываит. Ана и летам вот была. [А коляду пели] зимой — на Николу» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-02Ульян., № 36].

В в некоторых селах (Чумакино, Сара, Лава, Ждамирово, Стемасс) Микола Зимний — престольный праздник (престол). Существовал обычай перегащиваться на престол (см. *Гулянья*, *Застолье*). На престольный праздник нередко съезжалась родня из соседних селений. Например, в с. Валгуссы на престол приходили «знакомы. Прихадили радня, саседи: Гарадища, Аксаур. Схадили на пристольны праз*д*ники. У нас пристольный праз*д*ник был — Пётр и Ивана. Три дня гуляли, висилились. Три дня пагуляишь. И всё» [КНС, с. Валгуссы; СИС Ф2001-23Ульян., № 65]. «В Стёмаси у атца родствинники. Пристол у них был — Микола. Бывала, ездили к ним в гости. Бывало, гуляли да плясали. Эта сичас-та стали скупыи» [КОМ, с. Ждамирово; СИС Ф2000-12Ульян., № 44].

На Миколу начиналась *гульба*. До войны Миколу отмечали широко. Гуляли по три дня. «На первый день Миколы начинает гульба. И три дня. Брагу варили. Радные видь — сабирёмся вот: зятья, братья́. Ну и пабиседывам. Тут пасидим, тут пасидим, тут пасидим» [БАФ, БСФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 87]. «Микола Зимний. Да вайны атмичали. Родствинники там схадились. А сийчас иво нет» [ЗММ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., №77-78]. «Нынче сабирёшься [у одного]. А там — у этава. В два дома сходишь. В три, артелью-ту. И вот угащали» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 92].

Угощение в этот день несколько отличалось от обычного праздничного. Поскольку праздник приходился на Рождественский пост (см. *Пост*), то мясные блюда обычно не готовили, хотя в послевоенный период эти ограничения соблюдались не всегда. «Тогда видь на Миколу постныи дни-ти. Рыба всякая. Да икры-ти. Чай что есть: мяса — так мяса. <…> Гуляли хорошо. Плясали да пели. Эта сийчас уж все сжались совсем. Тогда гнали

сами самогонку. И пили уж до лижачива. [Готовили пироги] чай у коо кака начинка есть. Если мясца есть — с мясам там каки сделают, с ливирам или с чем ли. Мяса нет — так рыбы завались была. С рыбай пикли. Ана, Микола-та, постна. А были церквя́ — эта считали за грех» [КОМ, с. Ждамирово; СИС Ф2000-12Ульян., № 44]. «Пираги, рыба была. Накупют рыбы. Курники с начинкай. У каво какая: кто какая — кто са свежай, кто с квашанай [капустой], с калинай, яблаки. Самагонку. К Миколи брага была» [БАФ, БСФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 88]. Варили на Миколу овсяной кисель. «И на паминки яво варили. И вот на Миколу Асенню-ту. Вот осинь быват Микола. Вот кисили варили. Гарохавый кисель варили, чичивичный, гричишный. Постный день. Да, празднавали» [БАЕ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 76].

На Николу Вешнего ходили на святые родники. В советскую эпоху традиция праздновать престол была насильственно прекращена (см. *Наказание за грех*), обычай же посещать Никольские родники сохранился и по сей день.

В пос. Сурское (бывш. с. Промзино Алатырского у. Симбирской губ.) есть Никольская гора, являющаяся святыней общерусского масштаба. Рассказывают, что в давние времена на горе появился святой Николай и остановил врагов, угрожавших селению (см. *Никольская гора*, *Народно-религиозные представления и практики*). Среди жителей Ульяновского Присурья существует обычай на Николу Летнего устраивать паломничество в пос. Сурское — ездить к Миколе. В с. Ждамирово престол «Микола Зимняя была. Вёсення — это уж само сабой. Вёсной Микола быват. Эта вот на́ гару ходют в лес [на Никольскую гору]. В Сурскай. Там Миколу служут. Визде священники. Гара там — никак ни вылизишь. Пишком ездили. Ани идут все с палачками — мардовки-ти — в лапатках» [КОМ, с. Ждаимрово; СИС Ф2000-12Ульян., № 45]. «Мы Богу служили висной. И к Миколи хадили. Абычай был. В Прамзино хадили к Миколи пишком. Ана далёко. Вот абязатильна пишком. Тама на раднике служили. Какой-та аброк давали. Вот, кто прибалет, скажит: "Палучше бы мне была, пайду-ка я к икони"» [БАФ, БСФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 86]. «А к Николи ж мы каждай год ездим. Ну, там народу многа съежжаюцца. Служут. И вадичьки-ти бирёшь. Видь ана личебна, всё калякают» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23].

Явленная икона святого Николая хранилась в церкви пос. Сурское. На Миколу ее приносили на гору в часовню, где и совершалась праздничная служба. «Ой, столько было народу! По-новаму — дваццать втарова мая, а пастараму — девятава мая. Канец уж был. Сидьмова мая Угодника туда унасили. И там он две ночи был. И там все эти две ночи служба. А народу — тьма тьмущая! А патом эту икону унасили в церкву. А в тридцатом иё разарили. Пажар был, ана сгарела. Не давали тушить-та: "Нам ана ни нужна". Икона бальшая была. На ней многа золата была. Шесть чилавек нисли на пличах и уставали, то и дела сминялись» [СМФ, пос. Сурское; СИС Ф2000-14Ульян., № 4]. В 30-е гг. XX в. явленная икона Николы Промзинского была утеряна.

Некоторые приходят на Никольскую гору и на Миколу Зимнего. Но это уже не носит массового характера. «Как праз*д*ник придёт Никола, да. Она двацц*ы*ть второва июня. Двацц*ыть* второва. Микола *и*ща быват Зимня. Ну, туды [на Никольскую гору] эт уж не ходют. А вот тол*ь*ка что Летня когда» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27].

Во многих селах Ульяновского Присурья (М. Кандарать, Кадышево) есть свои Никольские родники (см. *Переселение икон*). На Никольский родник в с. М. Кандарать «мы всё время хадили с иконами. Там нибальшой калодиц. И мы туда каждую Миколу хадили. Иконачку вазьмём. И вадички принисёшь, и памолишься. Мы тут патрудимся — иконку пранисём — видь труд нужин, нужин труд — ни на машини» [ТРГ, с. Б. Кандарать; ЛАП Ф2006-3]. На местный источник идут на Миколу те, кому тяжело идти на Никольскую гору. «Мы вот, старухи, ни дайдём в Сурска — ходим тут молимся — на Николу. Вадичку бирём. Памолимся там и бирём» [КРС, с. Б. Кандарать; ЛАП Ф2006-2]. «Каторыи туда ни в састаянии — в Сурска-та — вот туда ходят» [КЗА, с. Б. Кандарать; ЛАП Ф2006-2]. И наоборот, те, кто исправно посещал Никольскую гору, не ходят на «свой» Никольский колодец. «Я ни разу ни была. Ну, я же туда [в пос. Сурское] ездию! Каждый год мы езьдим» [МАФ, с. Б. Кандарать; ЛАП Ф2006-2].

На Николу Вешнего совершали некоторые сельскохозяйственные обряды. Существовал обычай кропить скотину на Николин день. «А патом к Микалай Угоднику ходишь, тоже приносишь воды-ти. <…> Ну, приянсут и вот иё [корову] спрыснут. Вазьмут в рот и вот иё спрыскиват» [БЕА, с. Кадышево; МИА, СИС Ф2003-09Ульян., № 27]. Скотину кропили святой водой, принесенной с Никольской горы, веником, сделанным из троицкой березки (см. *Троица*). «Крапили. Кагда вот эта с Николинскай гары принясут, пакрапят. Из троицких, вон листяв таких, бирёзавым, бирёзавым веничкам. Вот на Троицу» [ЧАС, с. Кадышево; СИС Ф2003-11Ульян., № 6].

А.П. Липатова

НИКОЛЬСКАЯ ГОРА

Никольская гора — гора, расположенная в пос. Сурское (бывшее Промзино-городище Алатырского у. Симбирской губ.) параллельно левому берегу реки Сура. Реже ее называют *Николина гора, Николинска гора*, в XIX — начале XX в. — *Белая гора*. Никольская гора в комплексе с часовней, со святыми родниками и купальнями почитается в народе как святое место.

Никольская гора имеет давнюю историю и является сакральным центром Ульяновского Присурья (см. *Народно-религиозные представления, Николай Чудотворец*). Сюда на Николу Зимнего (19 декабря) и особенно на Николу Вешнего (22 мая) стекается огромное количество народа (см. *Николин день*).

В пос. Сурское на Никольскую гору за исцелением едут из Ульяновской, Самарской, Пензенской, Нижегородской и других областей, из Мордовии, Чувашии, Украины, Сибири. «Ходят все, ну как вот есть по Засурью все эти. Издалёка щас эт ездиют, все верывают: из Куйбышива, из этыво там, ещё дальши, из Казани — визде. Ибрёкаюцца сходить на гору и едут. Как праз*д*ник придёт. Никола, да, да, да. Она двадцать второго [мая]. Микола *и*ща быват Зимня. Ну, туды эт уж не ходют» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27]. «Здесь раньши вот на Миколу, к Миколи за ниделю — больши — шли: с Украины. Аткуда толька ни шли. Вот Прамзино. Вот разгаварились вот в армии: “Вот где-то у вас вот Прамзино”. — “Да, я говорю, да я около ниво был, да на этой на горе был”. —“Эх! А наши ходили туда. Целый месяц шли”. Пишком. Абет дают, как гаварицца, и вот пишком. Я служил ни на Украине — сначала в Польши. А разгавор был в Биларусии, и украински были, масквичи были» [КАП, КЕВ, с. Сара; ЛАП Ф2006-13].

Никольская гора — локус особый, играющий важную роль в жизни человека. «Три раза мне снился. Прям явно иду [по горе] — я так и пашла. Я видь раньши эту гору ни знала. Пряма паднимаюсь. Вот приснилась, именна паднимаюсь-паднимаюсь-паднимаюсь. Такая благадать приснилась. И мне адна знаха́рка сказала: “Нимедлинна сюда ижжай, всё брасай”. И я плюнула на всё и сюда приехала. Всё кинула» [ВОБ, с. Сара; ЛАП Ф2006-17].

Гора считается святой, потому что на ней произошло чудесное событие, значимое для всего Сурского края. На Промзино-городище нападали «враги»: «татары», «ханы» [ААФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-9]; «нет, ни татары, а каки-та вот… Раньши были с валасами, на канях — как их называют — ни то турки, какии-та были; вот они хотели Русь уничтожить или увести — не знай чао-то было» [ААМ(1926), с. Сара; ЛАП Ф2006-4]; «какие-то войны» [ЕЛС, с. Тияпино; СЕВ Ф2003]; «шли войска — чуваши ли, татары ли, мордва» [ДЕП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27]. Спектр такого варьирования указывает не на расхождение, а на общую смысловую зону — враги, захватчики, иноверцы, «нехристи», неправославные. Местные жители в силу своей малочисленности не могут с ними справиться; в критический момент является святой Николай (иногда с Георгием Победоносцем) и останавливает вражеское войско. Это наиболее распространенная версия чудесного события.

Способ, при помощи которого Николай защитил Промзино от захватчиков, осмысляется в народе по-разному. Враги ушли, испугавшись чудесного (неожиданного, устрашающего) появления святого. «Раньши были татары. Воёвали, нападали. Казански вроди, с Казани. И вот шли войска-та. Эт*а* мне рассказ*ы*вали. Вот шли оне. На Русь. И они вот дошли до горы до этой, и значит, вот этот Миколай Угодник явился, тут на этой горе. На белом коне и с мечом. Оне как увидали и в попятку, и назад. Напугались и ушли. Больши — всё» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27]. «Эта ищё да нас. Там явился Никалай Чудатвориц. Эта кагда уж татары ваивали. <…> И вот кагда,

значит, ани чириз Суру стали пирихадить, и в это время вот явился Никалай Чудатвориц. Ани как увидали это, Николай Чудотворец начал малитву тварить, ани так и убижали все абратна. Все убижали. И всё. Патом там ищё какии — ну эта там Иаанн Кристититиль, Пётр, Павил — все иво прислужники, Никалая Чудатворца, все иво апосталы с ним были. Ани вмести с Никалаим Чудатворцим ваивали» [ППА, пос. Сурское; ЛАП Ф2007-1]. Татары утонули в болоте. «Раньши, у нас видь кагда татары наступали. И ани дашли вот да Суры. А за Сурой там были балота. И всё такоя. И вот. В эта время все прасили: “Никалай Угодник, выручи нас! Очче Миластивый, Никалай Угодник”. И он асвитил всё. И татары испугались. И часть утанули в балотах, в Суре. А часть уже начали — уже атступили. Вот паэтаму гара и считаицца» [ВАИ, пос. Сурское; ЛАП Ф2007-3].

Николай Чудотворец ослепил вражеское войско. «Ну, вот вы пачитали там на плите-та. Там вот всё написана: что, чо и как. Я ат родителей сваих [слышала] — я прамзинская чиста. Вот. На этай, значит, гаре — вот этат Никалай Угодничик. Эта ища кагда татарская ига шло па всем этим — па Паволжью. Вот. И эта татарская ига, войска, привёл страхавáя! И, как гаварицца, всё бы мы, силенья бы пагибло, и всё б ани бы захватили. И вот ани кагда двигались, вот эта вот арда татарска, ани двигались по берегу Суры. И вот они дашли да берега-та, да этай гаре. А народ прасили-умаляли. Ане знали, что, мол, можит пагибнуть — всё мы будим у них, пад их гнёт пападём — и ане прасили, наши все прасили: “Госпади! Госпади, ну ты, пажалуста уж, сахрани нас, сбириги, памилуй!” Вот и вдруг, значит, неба, гаварит, раскрываицца, вот, грит, азарилась каким-та этим вот. И сразу спускаицца вот как бы конь огнинный — на кане, грит, этат Никалай Угодник. Вот он, грит, спустился. Вот, а эти, грит, просют: “Пажалуста, защити!” Вот. И он аслипляит этих татарско ига — ани ни видют. Вот. Аслипляит их. Они, грит, натыкаюцца друг на дружку. Друг дружку стали убивать. И патом, значит, взмалились: “Ты, вроди, нибесный этат, дай нам зрения — и мы уйдём с мирам, мы ни троним ничао — мы уйдём с мирам”. И он вот их, как гаварицца, азарил. И ани все ушли. Вот. А с ним, грит, был Гиоргий Пабиданосиц [рядом с Никольской горой в лесу родник в комплексе с часовенкой Георгия Победоносц]. <…> Мама и все вот как гаварят, что спустился Гиоргий Пабиданосиц. Вот. А Никалай Угодник их, как гаварицца, аслипил — вот и всё. Вот такии вот приданья хадили» [ЛНС, пос. Сурское; ЛАП Ф2007-2].

Явившийся Николай не озарил, а, наоборот, погрузил все во тьму («затмение сделал»), чем преградил путь неприятелям. «Лигенда такая есть, я считаю лигенда. Что вот кагда была нашествия татар — вы из истории это знаете — ани здесь прахадили. И вот когда ани гразили Прамзину, и паявился Никалай Угодник, Святитиль Никалай Чудатвориц. Он стаял на Никольскай гаре и паднял руку: “Пусть все, мол (лицо к Суре было), пусть по эту сторану будит всё чирно”. Вот и татары ни пашли. Патому что там чернó-темнó сделалась и татары пабаялись итти» [КВФ, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-2].

По другой версии, святой Николай явился врагам во сне и приказал покинуть Промзино. За неисполнение святой Николай ослепил захватчиков. «У свикрови была вот книжичка нибальшая. Ей кто-та дал иё пачитать. Это ни иё личная была. Вот я тожи читала. Вот как он ивился. Вот ани пришли на ту сторану Суры, ани встали. А там такой лес — дебри. Ани стаяли. И наши-ти стаят смотрят, и татары-ти стаят. Наши-ти баяцца этих. И вот он эта — ему ва сне приснилась аднаму. Здесь вот. Штоб он пириправился, к ним, адин, наш-та, стражник. А там, грит, ва сне приснился. Он, грит, его предупредил: "Если ни пакинишь эта места — аслиплю". И вот он ни паслушал иво, гаварит: "Чао эт, грит, приснилась — ни знай, чао: стариц, грит, в белых ризах, в белам адиянии. Аж блеск, грит, ат ниво шёл". Он иму на втарую ночь приснился. Ани троя сутак там стаяли, па приданию. И вот кагда, значит, он ему ва втарую ночь приснился, паднялась буря, вот, и больна уж вот эти — бурилом вот был, так деревья ламала. <...> А он уж рассказал: вот чао приснилась. Ани, значит, в паники. Ани заблудились все — ни вышли, грит, ани. А тут балота, все азёра. Аслипил их вот эта — молнии свиркали больна уж. Граза, молнии. И их, грит, аслипила всех. А здесь вот нет — мол, ани атступили. А там вот написана была: граза, больна уж разразилась граза, ани, грит, все, затирялись в этих балотах, в этих азёрах и в этих дебрях» [ПНП, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-5].

По другой версии, явился не святой, а его икона, лик. «В калодце, в раднике, икона паявилась. Типерь туда люди малицца ходят» [ШЕП, д. Ащерино; ТГВ ФА УлГПУ, ф4, оп. 2, 1981]. «Потому что вот Николай Угодник (эт стары там, старше меня люди, вот оне сказывали), что в лесу там родник, и появился Николай Угодник. И вот иё назвали Никольска гора. Иконка появилась. Иконка появилась и вот там родник, и вот они назвали Никольска гора» [УАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27].

Рассказывают, что раньше на самой горе был родник, который образовался после появления иконы святого Николая. «Стары люди рассказывали, что кагда наши, русскии, ваявали с татарами, гара наша, катору мы сийчас Никольскай называим, уже так и стаяла у леса, а на самой гаре часовинка была. И вот, вроди бы, падашли татары к самой гаре. И в эта самае время явился в часовинке лик Николы Чудатворца. И стары люди гаварят, будта астанавил Никола татар у самой этай гары — ни пашли ани дальши. А на том мести, где он — в часовинки — начал бить ручиёк, и сделали там калодиц. Назвали иво святым. А гара-та стала называцца Никольскай» [ФПП, пос. Сурское; КЕА ФА УлГПУ, ф17, оп. 2, 1991]. Явившаяся икона давалась не каждому (см. *Икона, На святой родник ходить*).

По другим представлениям, икона явилась на дереве (на березе, дубе, осине). «Вот там есть дуб. Вот на этам дубу эта икона паявилась. Пачему ана святая? Там паявился Никалай Чудатвориц. Лик Никалая Чудатворца. А на этам мести вот абнаружили, вот сделали этат радник. Там из-под гары шла вада, ну, как ручиёк. Вот на этам мести сделали эта всё» [ТВВ, с. Поть-

ма; ЛАП Ф2005-5]. «Николай Угодник явился. Да. Там на бирёзе явился Николай Угодник, на дериви. И вот около дерива выбиват родничок. А щас, видно, там сделали часовню» [ППВ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-5]. «Там вот дальши идёшь, там вот эта, осина, и в осине этот, лик, Николай Угодника прям в дериви. Она уж исклёвана, птицы клюют. Она уж сухая. Вот упала — ни упала?» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23].

Икона в традиционной культуре синонимична святому, изображенному на ней. Существует версия, что врагов отпугнула не икона и даже не святой Николай. Врагов испугала некая сила («существо», «чудовище»), не имеющая антропоморфного воплощения. «Эта с исстари виков. Эта са времени ищё

Паломники на Никольской горе. 2010 г. Фото М.Г. Матлина

татарска-русскай вайны, кагда ваивали здесь, прадвигались в сторану Симбирска, ни в лесах, а за лисами. Мне прихадилась читать эта, а ни патаму, что я эта знаю. Вот и значит, астанавились где-та в районе Ключей или где-та. И вот, в общим, где-та с этай самай гары паявилась там, в общим, сущиство. И бросилась, прям, ни бросилась пряма, а палитела эта чудовище. Вот эта вот сила Никалая Спаситиля» [МАМ, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-7].

Рассказывают, что татар остановило неожиданное появление церкви (храма). «Эта ни Никалай. Эта мож быть кагда были эти, татары-та, татара-манголы. А у нас же там была как цырквушка. Церкавь была как сирибриста. И им паказалась, что как будта там чао-та стаит что-та такоя. И ани ни пашли к нам чириз Суру-та. Это вон в истории. Эта церкавь асвитила — как будта напугала. Нет, эта ни Никалай, там церкавь была. Ана блистела. И ани сюда ни пашли. Татара-мангольска ига была» [МАГ, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-5]. Несмотря на то что из рассказа «исчезает» святой Николай, остается мотив чудесного света (блеска, сияния, свечения), ослепившего татар.

Существует версия, что татар остановил белый конь. «Да, и эта есть такоя придание. Вот как раз вот татары шли. Вот ани да Суры, значь, дашли, и как раз началась граза. Ни знай, падделали — тагда видь тоже хитры мужики-ти были. Граза! На белай лошади! И вот ани, значит, как увидали: "Ла-ла-ла-ла", — и вирнулись дамой. Вот, па преданию, там гаварят, там бела лошадь там паявилась» [КАП, с. Сара; ЛАП Ф2006-13].

Говорят также, что враги испугались чудом вышедшей горы. «Я толька чта слышала, то и скажу. Вот кагда-та здесь татарска ига нападало на эта, сюда вота. Ну и вот. И кагда уже татарская иго напали и ани с той стараны ехали. И вот когда ани падъехали сюда, хатели пириплывать, и вот Никольска гара как вроди вышла (у миня вот прям мурашки). И асвитила им все глаза — зарива такоя. И ани все аслепли. И павирнули и уехали. <...> И икона тут паявилась Никалай Угодника. Вот. Патом, значит, нижи там в лису Божью Матирь нашли икону вот. И вот, значит, эта у нас как святая места. <...> В раднике там икону нашли Гиоргия. И как раз вот на этим мести и источник» [РВД, с. Барышская Слобода; ЛАП Ф2008-4].

Среди жителей пос. Сурское существует представление о быстром росте горы, о росте горы из камня. «Ана вырасла эта гара — вырасла из камня. Из этава камня абразавалась такая гара. <...> Камни жи растут. Вот ана какая вырасла» [ППА, пос. Сурское; ЛАП Ф2007-1]. Поверья различаются степенью чудесного, вмешавшегося в процесс появления горы. Иногда о «росте горы» рассказывается как о естественном постепенном процессе. «Вот видь Никалай-та Угодник, он паявился, татар-та этих атагнал. Всё. Вирнулись ани. Вырасла бальшая гара. Расла и расла пастипенна. И вырасла гара. Но икона сама ушла. Щас там, где икона выхадила, паставили часовню» [АЕП, с. Княжуха; ЛАП Ф2007-28]. По другой версии, гора выросла мгновенно. «Никольская гара, ана жи — ну, от людей слышу, ана вазрадилась как, что ли, в адну ночь, как вот вам сказать» [НЕС, с. Княжуха; ЛАП Ф2007-28]. Существуют поверья, что на процесс роста горы повлиял сам святой Николай. «Как обычно говорили это. За ночь Николай Угодник эту гору таскал. Землю. <...> Да. Как вроде вот так говорили. Натаскивал [шапкой] один гору. И там гору-ту вы не видели? Раньше вот говорили такие-то эти старинные люди. Николай Угодник таскал за ночь эту гору. Большая была гора» (*Народно-религиозные представления..*, Фадеева 2002, с. 131, с. Хмелевка).

Существует версия, что жители Промзино вышли крестным ходом с иконой святого Николая и отслужили молебен, только после этого враги ушли. «Ему малились. Да. Кагда татары шли сюда. Ани захватили и этат Сурск и Ульянавск — туда па этаму направлению. Ему малились. *С* иво иконай выхадили и все абхадили. И он астанавил, татар астановил. Ани пашли па-другому пути» [КВМ, пос. Сурское; ЛАП ДА 22.05.2007].

Некоторые полагают, что врагов остановил не святой Николай, а подвижник, бесстрашно сражавшийся с захватчиками. «Вот ищё сущиствуит пра пустынника. Вот я читала, что кагда он здесь скит вырыл, к ниму

пришли и другии и стали здесь жить. Патом апять жи татара-манголы напали, толька там другой вариант: бились, тоже сражение, толька ани сами бились. В результати он пагиб, и иво захаранили в этай гаре якабы. А патом абрили́ икону, патому чта он был правидник, такой образ жизни вёл, и патаму чта он якабы ахранял наш пасёлак. Но татары всё равно присутствуют» [МГВ, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-2].

По другим представлениям, факт сакрализации горы не связан с чудесным избавлением от врагов. Но несмотря на это, событие, повлекшее сакрализацию горы, как правило, всегда воспринимается как чудо.

На горе явился не Николай, а священник (лицо, тоже связанное со сферой божественного). «Ну, тама ябланя — дерива. Эта как рассказывают — вот наша мама, бабушка рассказывали. Была дерива. Ана высокая-высокая была эта гара. А патом с церкви, с Казани, приехал батюшка туда. Ну как? Ни батюшка, а Владыка. И вот он туда зашёл на́ гару и весь сделался залатой, Владыка-та. И он стал кричать. К ниму — там внизу жили люди, и дама (да сих пор ани есть) — падбижали к ниму два мужчины. И он спустился и исчез этат батюшка, Владыка. Куда исчез? Как он спустился с гары? Вот эти два мужчины астались. И вот такая там на этам дериви — такая абразавалась икона "Матушка Владычица", а сбоку "Никалай Угодник"» [КВК, пос. Сурское; ЛАП Ф2007-1]. Мотив чудесного свечения присутствует и в этом тексте.

Часто рассказывают, что на горе явился святой Николай, но в непривычном облике. «Там явился Николай Угодник. <...> Вот рибятишки как раз были на Никольскай гаре. И вот такой вот паутина — вот этат вот шар спускался. А их там была рибятишичкав троя. Спустился. И там паявился Никалай Угодник — старичок с барадкай. Паэтаму ана и называицца Никольская гара. Шар, и в нём Никалай Угодник был — спустился́. Вот, он гаварит, прибижали: "Мама, мама, чао мы видили! Мама, Никалай Угодник как спустился́!" Паэтаму ана и называлась» [ВАА, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-5]

Там, где проходил Николай Угодник, образовались роднички. «Он явился. Он по всей гаре хадил. Там, видишь, сколька радников прабита. Он хадил. И иво в то время дажи кто-та видал» [КВД, д. Ащерино; ЛАП Ф2007-26]. «Я слышала ат бабушик — па приданию. Вот якабы Никалай Угодник спустился́ на эту Никольскую гору. А вот эти три калодца святых, где воду бирут. В первам источники была исследавана вада, ана сиребряная, имеит такой привкус сиребряная, то исть в этам калоцце он якабы на кане падъехал, и конь у ниво выпил — напился этай вады из этава калоцца. Затем втарой калодиц, там кагда-та дажи был пианерский лагирь очинь хароший. Ва втаром калодце сам Никалай — вот там купальня щас — Никалай Угодник искупался в этай ваде, в калодце. <...> В третьим калодце он напился́ сам. Никалай Угодник напился́ вады. Вот насколька эта правда. Как сказка. И вот теперь эта стала святым местам» [КВП, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-6].

Никольская гора достаточно высокая и имеет необычную форму — «у ней вирхушка как срезана» [КНИ, с. Чумакино; ФЛВ, ЛАП Ф2002-41]. В народе распространено мнение, что гора раньше была выше, но в советское время (во времена борьбы с религиозным) ее пытались срыть. Но, по свидетельствам краеведов XIX в., гора имела такую необычную форму еще до революции (см. *Народно-религиозные представления*).

Необычная форма Никольской горы породила появление целого корпуса рассказов о том, как тракторист срывал гору (см. *Наказание за грех*). По одной версии, тракторист, дерзнувший «распахать» святую гору, разбился насмерть. «Иё вот дажи трактором, вот нынишний год мы ездили, женщина одна рассказ*ы*вала. Говорит, иё вот стали, вроди, срыть, убрать эту. Ну, тогда видь заприщино всё было — украдкой ездили на эту гору-ту. Ну, вот они это, послали мужчин на трактари, он там два раза, сколько ли, проехал — расшибся насмирть. Ну, святоя места-то» [УАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27]. Рассказывают, что тракториста задавили. По другой версии, он захлебнулся в воде. «И там начали эту часовню ломать. И людей таких дождались: "Мы её растащим, мы её расковырям". Её стали на все стороны — трактора пригнали. Один был больно уж такой матершшинник, и больна уж ловкай был: "Я её раздёру, я всю гору разломаю". И ничао у ниво ни получилась. И вот он с этай горы-ти упал с трахтором. И насмирть иво убило. В воду он утонул и захлёбнулся. И больши ни стал. Тут другого посылают. Он говорит: "Нет, я пожить хочу", — ни пошёл. Третьиво посылали — и третий ни пошёл. Ни най, чатвёртый, иль какой — были дураки. Ну, пригнал трактор и опять давай иё ковырять, давай. Ну, стал ковырять, да зря. И опять кубарём — кубарём с трахтором, с горы. Что? Господь видит, что напрасно он иё ломат. Уж после этово больши ни стали иё» [ААФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-9].

По другой версии, тракториста от верной гибели спасло чудо. «Ана была толька выши — гара. Но ва время савецкава пириода эту гору трактарам сризали. И есть такоя придание. Якабы кагда сризали эту гору, трактарист вмести с этим трактарам пакатился пад гору, но он успел выпрыгнуть и астался якабы живой» [КВП, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-6]. Трактор зацепился за одиноко растущее на горе дерево («кустик»). «Стали срывать. И вот писали в газети: трактарист вот на трактари срезал эту. И у ниво трактар стал кувыркацца. И вот астанавился за дерива. Он ушёл в лес и ниделю иво ни магли найти. И так он умир — никаму ничиво ни сказал, что вот эта он увидил» [КГИ, с. Сара; ЛАП Ф2006-2].

Трактористу запретил срывать гору появившейся Николай Чудотворец. «Да. Хатели иё распахать. Заехал трактар. Падашёл, грит, там старичок и гаварит: "Уижжайти, там из-пад гары-та радничок тичёт. Калодиц", — гаварит, — вы вись Сурск затопите". Эта Никалай Угодник вот явился иму. <…> Иво заставляли пахать-та. Он верх спахал. Ана видь выши была. И трактар у ниво пашёл, была, [вниз] — иво спасло дерива, этава мужика. И он, грит, выбижал из этава трактара. И биз аглядки убижал» [ЛТН, ВЛН, с. Засарье; ЛАП Ф2006-18].

Чудом спасшийся тракторист сошел с ума. «С детства мне толька эта рассказывали, как мужик с ума сашёл, каторый гору пытался срыть» [САА, пос. Сурское; ЛАП Ф2007-1]. По другой версии, он начал заикаться, онемел. «Он заика был. Я ни знаю, он заикалси. Савсем ни гаварил. А вот как, чо? А вот трактар, грит, стал и стаит у кусточку [который не дал трактору сорваться в пропасть]. Да и он заика» [ЛЛВ, с. Вальдиватское; ЛАП Ф2005-20].

На рубеже 50–60-х гг. XX в. «разорили это все». В 1959 г. паломничество на Никольскую гору было официально запрещено (см. *Народно-религиозные представления*). Но несмотря на это, народ все равно шел на святое место. «А тут спирьва радник. Тут знашь, иво патом закрыли, праделали трубу. Адин раз вот я пашла — пашли мы вот с саседкай. Дашли туды в лес-та. Идут ждамерски. Атоль чилавек десять, наэрна, двинаццать ли. “Бабы, вирнитись, там ни дают [воду брать]”. Спервой-та хадили. А тут стали заприщать. “Вирнитись”. — “Нет, гаварю, я пайду. Пускай, как хочут”. <...> Тут лагирь сделали пианерский. “Чёрный воран” стаит. И патрули. Гляжу, ка мне идёт адин патруль. Я трехлитрову банку налить вадички святой. Вот идёт: “Ты зачем сюды пришла?” Я гаварю: “Пить захатела и вот пришла”. — “Мы ни разришам сюды”. Я гаварю: “Я чай ни хулиганить пришла. Щас папью, вадички налью и уйду”. Этай тётки-ти взяла. Эдак пью — он миня фатаграфират. “Ты чо миня фатаграфираваш? Нет бы с мидалями. Ты бы раньши сказал. Я франтавичка [я бы медали надела]”. — “Ладна балясничать. Наливай скарей да ухади”. Ну, я папила. Налила и пашла. И он мне ничо» [КМВ, ААФ, с. Шеевщино; СИС Ф2000-13 № 87].

Паломники шли тайно, окольными тропинками. «А вот адна женщина гаварит: “Вот, мол, как нас ганяют — ни дают нам малицца”. Туда в лес ведь хадили малицца и ночью, и я прошлый год вот ходила ночью туда молицца. А он говорит, он во сне как Николай Угодник ей говорит: “А я вам дал вот еще радник [Никольский родник в с. Кадышево] — здесь и малитись. Ни нады туда хадить-та”» [ГМИ, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-7].

Посещение Никольской горы сопровождается пограничными обрядами, обетными практиками, направленными на налаживание контакта со сферой сакрального, очистительными и апотропейными обрядами (см. *На святой родник ходить).* Обряды совершались в течение нескольких дней в разных местах сакрального локуса: на самой горе и в лесу у ее подножия, на святых родниках и в купальнях.

Служба начиналась за несколько дней до Николы Вешнего. Раньше важную роль в обряде играла явленная икона Николы Промзинского (см. *Николай Угодник*), которую выносили из церкви и несли крестным ходом на гору в часовню (см. *На святой родник ходить*). На горе совершалась служба. Николу Промзинского несли на руках (см. *Николин день*). Рассказывают, что явленная икона была очень тяжелой. «Вот он мне [дед информанта — настоятель храма в пос. Сурское] всё рассказывал: там что-та белый всадник и так далее, и так далее. Па-моиму, ани все так одинакава рассказывают.

А вот икона сама ана на камни была. Ана такая тяжёлая была, что двинадцать чилавек нисли. Кто гаварит, что эта на дериви выризана была на чёрнам. И сиребряный аклад. Икона ивилась. Там навирху калодиц был — на гаре. Иво засы́пали патом» [ВАН, с. Б. Кандарать; ЛАП Ф2006-5].

Когда во время крестного хода икону брали «нехорошие» люди, она останавливалась. «На́ гару икону — Никалая Чудатворца насили на руках. Миняюцца. А то ни пайдёт! Ни пайдёт! Нисут иё. Встала — больши ни пайдёт. Паставют иё на дарогу — и падайдёт другая пара. Вазьмут — ни идёт. Нисут на́ гару. Миста быват нихароши — астанавливацца, или вот бирут люди [плохие]» [ФАП, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5].

В 30-е гг. XX в. икона была утеряна. До сих пор существует множество слухов о местонахождении Николы Промзинского. Одни полагают, что икону перевезли в Ульяновск. «Икона была, в калодци, в Сурскам паявилась. Типерь иё в Ульянавск увизли» [ТПИ, с. Княжуха; ТГВ, БНЕ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 2, 1981]. Другие видели ее в Куйбышевском музее. «Раньши там Николай Угодник был ввирху. Такая иконка. Идти приложицца к нёму, он литой был. И дождь иму ничао. Литой, ни каминный. К нёму приложицца. Но то*ль*ко теснота была. Больно тесно. И вот куда иво дели, где он щас? Где? В музее? Най, разбили, най, в музей увезли. А щас всё деревянна» [ТГП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-47]. Отсутствие явленной иконы породило массу рассказов о том, что Николай Угодник не захотел жить в с. Промзино и переселился в другое место (см. *Переселение икон*).

На Николу Вешнего к Промзино-Сурскому стекались и стекаются паломники со всех сторон. Люди собирались целыми улицами, всем селом. Идущих молиться называли *суватéйками* «раз идут Богу малицца» [МПИ, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 42]. Состав участников обряда может быть различным: по статусу (паломник / местный житель), по этнической принадлежности (русские, мордва, чуваши), по целям посещения («религиозный туризм» / обет и т.п.), по роли, которую исполняет персонаж в обряде («читалки», «пророк», «юродивый», «болящий» и т.п.).

Существовало поверье, что к Николе надо идти обязательно пешком, поскольку «Бог труды любит». Ходили с ночевкой. «А прежже всё гаварили этат: Бог труды любит. Что трудисся — то и получишь» [КНИ, с. Чумакино; ФЛВ, ЛАП Ф2002-41]. «К Николе собираюцца со всех улиц. Много-много — ну, со всех сторон. К Миколи идти — идти пешком. Сорок километров. <...> Бог труды любит. Шли с ночевкой. Особенно мордовки — они в лесу там ночью служат, поют. Я была там» [ШАГ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2002-10]. Паломники шли на Никольскую гору не по одному дню. «Здесь раньши вот на Миколу к Миколи за ниделю-больши шли с Украины. <...> Целый месяц шли. Пишком. Абет дают, как гаварицца, и вот пишком» [КАП, КЕВ, с. Сара; ЛАП Ф2006-13]. Народная память хранит воспоминания о случаях необычного рвения получить божественную благодать. «Адин мужик был, но он маненька эта был ни в сибе. И вот он бегал туда в Прамзино за адин

день пишком [расстояние в 50 км]. За адин день варачивался. [Бегал] малицца» [КСИ, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4].

В селах ставили на улице квас, хлеб, чтобы покормить странников. «Эта я помню. Чириз нас шли. К нянюшки [=няне Наташе. — см. *Болящие*] абязательна захадили. Мы манииньки были, бегали сматрели. Ата всюду шли. Мама наша всигда кармила их. Ну там квас, липёшки каки-та. Ана веруща у нас была» [ПТС, с. Сара; ЛАП Ф2006-3].

Николай Угодник облегчает дорогу верующим, посылая помощников или прекращая боль. «Однажды вот женщина, вот мне рассказывал один. Идет, грит, женщина, приехала к Никольской горе сюда, к источникам, ну, посетить все это и гору и там. “Иду, грит, па улице и никава, грит, ни встречу, нет никава на улице — как вымирли”. Ана падашла, куда дальши-та идти-та — она не знает, где источник-та пад гарой-та. И вдруг, гаварит, выходит женщина с красивым карамыслам и ведра, говорит, новые, харошие. Маладая всё-тки, гаварит, женщина. Я, грит, абрад*ы*валась, и падхажу к ней и гаварю: “Скажити, куда мне идти-ти дальши к источнику. Вот я пришла — край тута”. А там ведь нада ищё пириламить чириз эта самая, пустоя места, крайние дама — ни знаишь, правильна, куда. “Идёмти, я туда тожи иду. За вадой-та”. Ана пришла за вадой-та и спрашиваит: “А у вас здесь, мол, где-та ищё, мол, источники есть святые?” Ана, грит, вот толька развила эта женщина рукой и гаварит: “А здесь всё святоя”. Пад гарой-та. Пака, грит, я набрала вады-та — ни аказалась никакой женщины. Панятна, какая виденья людям далось!» [ГМИ, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-7]. «Вот знаешь, чао я те скажу, исциления-та. Мы адин раз пашли вот с этова парядка женщина и мая свякровь. Мы взяли пятилитровыя бидоны для вады. А у миня как толька балели плечá — вот эти места. Пачирпнули там вады. Мама гаварит-та, свякровь-та: “Бири ниси”. Я пра сибя думаю: “Ни данясу я яво, как у миня толька ноит”. Ища малодинька — ни скажишь, что балит. Думаю: “Ну, ни данясу. Ну, Никалай Угодник!” Я как взяла — у миня дажи искарки из глаз. Думаю: “Ни данясу.” А ведь ни скажишь свякрови. Пра сибя эт*а* думаю, а видь врать приходицца. Памилуй Бог, да сих пор вот больши ни балят. Пиристали балеть» [ПМП, с. Потьма; ЛАП Ф2005-21].

Обычай прикладываться к памятной плите на горе. 2011 г. Фото М.Г. Матлина.

Странники шли с иконами. «Хадили мы каждый год. <…> С иконами хадили. Иконы нисли на руках. Никалай Угодника. У нас вот до́ма хранилась у мами. Кагда па две [иконы]. Народу многа-та. С Никалай Угодникам в путь идёшь. А там ставили. Манашки с нами хадили, наши потьмински. Раньше в лису малились. Ставили свечички там, малились» [ЗМД(1929), с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 70]. Тяжелые иконы чудесным образом оказываются легкими и снимают усталость странников. «Я хадила ищё дивочкай, дивчонкай — низамужний, а сёстра у миня — памладше — ана вышла впирёд миня. <…> Кагда мы хадили в эту — в Сурск, к Миколи-батюшки. Там был ручиёк, там калодиц. Ну, он и сийчас есть. У миня все, и снохи, все верют, все ездиют за этой вадичкай. И я ездила. Ну, что в девчонках ездили, с плимянницый. А идти пишком, а сорак кило́митрав. А мы чо — как дягилёчки [=тростинки]. Так я устала, плакала. И плимянница плакала. Адна женщина падашла к нам и гаварит: "Вы что плачити?" — "Мы устали, тётя". Нисли каностас [иконостас] Божья Матирь. Ана знаешь, какая была. Вот такой вот вышины, вот такой ширины [примерно 3×4 м]. Нисли иё па очереди. Ана падашла: "Дайти вот этим девачкам — панисут". А мы устали! Ты слушай дальше! Я тебе истинну правду — вот мне с места ни слезть! На старости лет. Мы взяли — канастас иво называют — Божья Мать. И панисли. Наша усталасть куда-та ушла. И мы прям улыбамся. Ана падашла и гаварит: "Ну как? Усталасть прапала?" — "Прапала". — "Давайти другим". И мы са спакойнай душой дашли» [КВА, с. Языково; ЛАП Ф2007-2].

Встречающие старались приложиться к иконам. «Сон. У нас вот абратна мама [рассказывала]. Мы сгарели. На первый день Паски. И вот ана вот эдак гаварит — я выхажу, а бывала хадили к Микалай Угоднику у нас вот в районе — Никалай Угодник калодиц — на колодцы. Сабирались с иконами са всех — из Чувашии — визде. И шли с иконами. И гляжу, гаварит, уж ани идут аттолива с иконай. Я к ним эдак падхажу и гаварю: "Батюшки, мне бы приложицца к икони". А ани мне и гаварят: "Вон в тем доми приложишься". Ну и что? Дийствительна — сгарели и пашли в этат дом. С саседам жить. Вот, гаварит, этат сон мне и сбылся. Вот какии сны-та» [КЕВ, с. Сара; ЛАП Ф2006-13].

На горе было много нищих, убогих, привозили сюда разных болящих. Паломники подавали им милостыню. «И все везде артелями народ-народ, и все служут-служут, пают. Визде служут тама. Убогих приводют туда. И вот ани пают. Им все падают этим. Ну, визде служут, читают. Там эта батюшка ходит: вадичкай брызгаит с какой-та с мазилки» [ВОИ(1927), с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15, № 8]. «Да мы и придём на два — на три часа. Придёшь туда устанишь, сидишь на горе. Подойдёшь к ключику помолишься. Всё. Гора крутая. Идёшь, идёшь, идёшь, три кило́метра эта дарога тяницца, и по обе стороны сидят убоги. Кто кусочик, кто пряничик даст, много ково на таратайках привозили. "Мам, дай ему пряничек, мам, дай ему пряничек". Щас меньше стало» [ПАА, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-18].

На гору приносили нежеланных детей, подкидышей. «Вот случай из маей радасловнай расскажу. Па линии мамы я всех знаю, кто у миня в Биларусии. Но па линии папы у миня, прастите, бизрóдства, бизплименнасть. Патаму чта у маей бабушки, были бабушка и дедушка. У них не было дитей. Ани малили-малили Госпада. Пришли как-та на Николину гору, и там сидит девачка. Улыбаицца. Мож быть, очинь многа дитей принасили на Никольскую гору, аставляли там. И взяли иё к сибе, васпитали. Вот мая бабушка — ана практичиски дочка девачки, найдиннай на Никольскай гаре. Кто её радитили?» [ШОВ, с. Барышская Слобода; ЛАП Ф2006-37].

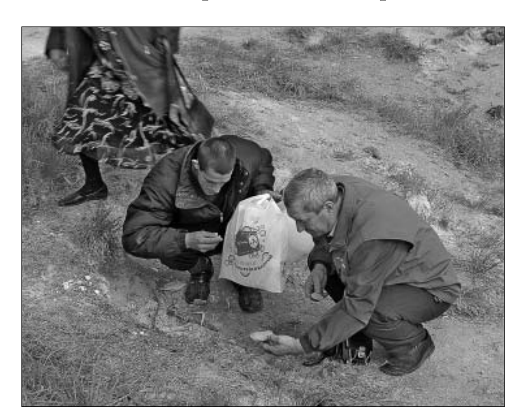
На Никольскую гору шли по обету (*оброку*). «Пишком *в*сё шли. Ну, штоб, это, труды свои Богу рассказать. Я в сорок шастом году с госпиталя пришёл. И вот миня мать туды водила. Обрякалась: если жив придёт, я обязательно иво свожу» [ВМП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15а, 48–49]. «Многим памагал. Уж вот, гадов, наэрна, десять прашло этаму делу. Пашли мы. Идём, значит. Идёт мужчина, женщина, и троя дитей. “Чао, гаварю, памалицца прихадили?” — “Нет, тётинька, ни малицца прихадили. А мы аброк свой садерживам. Я вот был три года сляпым”. Мужчина-та. А женщина заплакала. “Ну и как жи?” — “Как? Пришёл вот сюды. На калены — плакал-плакал-плакал пирид иконай Никалай Угодника. Атсели, грит, иду, жана-та, грит, миня видёт. Я, грит, ей гаварю: “У миня вроди свитлеют глаза”. Ана заплакала: “Да куда ты, какой тибе свет?” — “Нет-нет-нет. Всё равна у миня свитлеет в глазах”. И прасвитлилась. Типерь вот и деткав приучаю сюды. И сами ходим ижигодна» [ЗМД(1929), с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 72].

С теми, кто выполнял обещания, случались чудеса исцеления. «И ищё. Вот забалела — три раза ана у миня балела тифам, мать. Забалела и будит, грит, палегши — пайду к Микалай Угоднику. И аслепла. Чуть-чуть видила. Ну, ладна. К Микалай Угоднику ни идём и ни идём, ни идём и ни идём. Я, грит, заснула, и мне сразу же [снится]. Сходит старичок сединькай, нибальшой и гаварит: “Дочинька, абищала мне рубашичку-та сшить-та, а *в*сё ни шьёшь!” — “Сашью, деданька, сашью”. Кричу: “Мам, мам, да я и савсем ни спала. Гляди-кась мне что приснилась!” — “Что?” [Рассказала.] Вот встаём утрам, чуть свет будит: “Мы пайдём-ка с табой. Я тибя павиду на калодизь. Ты абищала схадить? Абищала!” Пришли, грит, на калодизь. Умылась я этай вадой и накупалась, напилась, взяла и забыла каторый глаз слипея был — всё, всё прашло. И вот мне эдак падсказал, и мы пашли. Как чуда. Сатворилась как чуда!» [КЕВ, с. Сара; ЛАП Ф2006-13]. Обет необходимо выполнять, в противном случае «он можит в рог сагнуть, аброк-эт, да» [ЕАН, с. Потьма; ЛАП Ф2005-67] (см. *Наказание за грех*).

На гору привозили больных, испорченных, убогих (см. *Болящие*) — всех, кто нуждался в чудесной помощи святого Николая. «И болящих, и биз ног — вот с фронту. Идёшь, и ни успиваш подавать миластинку» [ИАП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2002-16]. «Очинь многа я заметила, как их, их ни

назавёшь — ну, нипалнаценныи как люди, вот чем-та убоги, да. И вот их. Вот кагда там была служба, мы стаяли. Вот мать — вот дивочка одна там кричала, ну, ана убогая — нинармальная, штоб капилька вады на ниё папала. Все руки выставлют, штоб дастала-та, далитела капилька-та» [СВН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5].

Приводили на гору и порченных. Беснующиеся на святом месте дерутся, кричат, ругаются. «Хто как. Вот я сама ни видала. А вот раньши, видно, вот которы, бесы в которых сидят, оне, грит, больна кричат, прям, грит, упираюцца, ни идут ни к кресту, ни к часовинки. Потом им полегши становицца» [ДЕП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27]. «Разны, всяки. И кричат убоги, всяки. Кричат, ну которы кричит, он порченый, чо он орёт, Бог ёво знат, нихто ни знат. Всяких привозют. Я вот два года была. Ну, молоденька ща: ой, как начнёт она кричать-то, нихто с неё ни сладит: “Ух-уууууууу”, — вот чё делат, кричит. Вот так вота» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27]. Они сами не хотят подойти к иконе, их подводят силой. «Вот порчину одну вили. Ну, проста как это как ломала иё. Диржали иё. Там как есть гора, и сплошь, и сплошь, прям, люди вот всё сплочёны» [УАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27].



Паломники ищут на Никольской горе камни с ликом святого. 2009 г.
Фото М.Г. Матлина.

Порченных заставляют «поднырнуть» под иконы, но бесноватые вырываются. «Тамо попы собираюцца. Стоят с иконами. При мне подвили т*а*гда одного парня. Вот яво вёдут чириз иконы-то, в сирёдку. И никак ни идёт сам. Его тащут, а он ни идёт. Никак прям вот, тащут-тащут. Ну, всё-т*а*ки подтащили. Попы-ти читают. Взад-вперёд его провели. Бог много помогат» [ППВ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-5]. «Приводили. Вот нынче ни видала. А леташный год женщина на носилках. Она вижжит-вижжит! Куды они иё тут носили? Мы стояли служили, мимо нас пронисли на носилках, эта женщину молодую. Их ставют под икону, и в церкви. И вот ведут их эдаких, а они никак ни идут, ну в них “враг”. Видут двои мужчины. Всё-т*а*ки дотащили. И взад-то иё держут. Ой, вижжала, вижжала» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23].

Священники отчитывают беснующихся, изгоняют из них беса. «Ой! А тогда мы ходили. Я хорошо помню. Мож мне лет девять-десять было. И нам говорят: “Скоре закрывайти рот, скорее закрываети рты”. Зачем? Мы с ней так зажались. Стоим. “Молчити!” Мы уткнулись им в подолы. А хвать —

там вот чо! Визжит-визжит женщина. Криком кричит. Это, оказываецца, её батюшка там отчитывал. И её тащили подойти к какой-то там икони. А она ни шла. Потому что в ней сидел бес. Вот они из ниё изгоняли. Потом сказали: "Вот кто постицца, *по* каким-то ни знай, по понидельникам. И подойдити возьмити иё за безымянный палиц". Кто подошел. И она утихла. Подвили к иконе-ти» [ЛНВ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15б, 61]. «Мы там начивали [в лесу у Никольской горы]. Мы ни спали — мы малились Богу. А там ручиёк вот. Все брали кружички — паливались. А к утру приехали с Казани папы́. Служба была. А вот каторы вот плахи́-ти, вот, кои испорчины-ти, падвазили их на тилежки. А к адной стали падхадить-та, вот икону эту. Ну, бешана ана. Поп был с Казани. Он нам тогда абъяснил: "Граждани, затыкайти роты, уши". В уха залезит и в рот залезит. Он стал читать-та. А там бес-та яво спрашиват: "А куды мне выходить?" Он гаварит: "Вон, в балота иди — в балота иди!" [Испорченная] удирала, дралась, дралась. Прям на икону дралась» [ТАГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-16].

Начиная с 90-х гг. XX в. паломничество на Никольскою гору вновь приобретает официальную поддержку. На Николу Вешнего приезжают представители церковной и светской власти Ульяновской обл., повсюду расставлены посты милиции. Помимо народных обрядов (ночная служба в лесу, купание в купальнях, обряды, совершаемые у родников, на горе) в часовне на горе совершается церковная служба. «Ну, больше я долга не ходила, не ездила на эт гору. Уж вот стала пожилая, я поехала. Вот ж стали вдоль лесу. Там тоже ключ, там иконы. Священники приезжают из Сурского, со всех стран приезжают, из этих, с ближних сёл, с Ульяновска приезжают. Вот. Сперьва отслужут в церкви. Рано быват в церкви этот день — в шесть часов начинаицца обедня — отслужат иё и идут на эту гору. Там ничо ни была. Вот нидавно построили там как маниньк‍а церковь каминна. А то ничао там не была — а на этой горе служили всё равно. А под низом, внизу, там ключ — щас там черпыют воду. Ну вот, почерпнут вот — к горе́. Тут стоит дубик. Хто прикладвыцца к дубу, ленточки привязывают» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27].

Человек, страдающий от какого-то недуга, должен обязательно влезть на гору. «Вот это гора, там с одной стороны, она такая отвесная. И люди, вот больны люди, вот наэрно для исциления, вот карабкаюцца в эту гору. Огромна гора — с десятиэтажный дом» [ИАП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2002-16]. «Даже вот кого на тачках визут, ково вот так вот, особенно дети. С клюшичками. И вот так вот взбираюцца в гору. Гора-то вот такая вот — отвесная. А потом глядишь вот, всё — биз клюшки. Вот Крайнову я видила, Нина Михайловна Ягудина тожи также влазила. Ну, и Бог дал — она ходит» [СВН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5]. «Адин раз лазили. Ну, тада мы. Чао-та у миня балела здесь вота — ни знай как лишай был — баялась я. Ну памилуй Бог, прашло. Вот на́ гару эту, гаварят, паложина влезть» [САВ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-21]. Существует поверье, что «вот если споткнулся — грех на тебе какой-то есть» [ЕМФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-21].

Не каждый может влезть на гору: это удается только достойным. «Ани туда, вот ни каждый чилавек сумет [влезть]. Вот здесь, например, где стаит крест и образ иво. И спускаюцца вот там. Атвесистая — прямая стина. Вот кто туда спу́стицца — спу́стицца. Спусти́цца там тожа трудна. А вот аттуда выкарабкивацца он памагаит. Ваистину памагаит. Значит, ты дастойна. Ни все могут-та» [ЦВП, г. Инза; ЛАП Ф2007-1].

Те, кто лезет на гору, стараются усложнить себе задачу. «Кто жалат — полязат на гору-та. Адин мужик такой спорчинный — он лазил. Ему надивали мишок. В мишок — жилезки всяки. Всё. И вот он на са́му-са́му гору лазил» [ФАП, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5]. «Туда дальше были святые калоццы — там пално народу. Странники. Адин мушшина был. Но маненька он нинармальный. И вон набрал — адел эту сумку — набрал. И в гору-ту вылазил. Эта вроди таво, что Бог труды любит. И вот трудился» [СМФ, пос. Сурское; СИС Ф2000-14Ульян., № 5].

Собирают камушки, кладут их в подол и с этим грузом пытаются влезть в гору. «Пают тута. В гору вылазим. Камней накладём в падол-та — трудимси пирид Богам. Эта как бы влазим в гору. Внизу-та накладём камней. Лезим с камнями. Высыпим их» [КМВ, ААФ, с. Шеевщино; СИС Ф2000-13Ульян., № 84]. «Эт вот старики. Раньши ходили, эт вот щас на машинах еззиют, на автобусах, а раньши ходили издалёку, там с Инзы, из-за Инзы, ходили пишком. Так надо было. Потрудицца. И вот в эту гору лазиют, тожа, грят, трудяцца. Раньше, грит, вота там большинство мордва, эти мордва были запоны [=фартуки], вот в эти запоны накладут камишков, там набирут всяких. И вот там камишки, когда приглядишься к нёму, как вроде бы или лик какой-нибудь иконы на этим камишки или еще чао тама, крестик вот, чао-то на этим камешке, кто-то там изображённый. И ищут. Вот этих камешков наберут. Штобы с этими камишками в эту гору вылизти. Потрудицца нады. Этими камишками лечацца. Ну, тожа там, крестят этим камишкам, водют» [ДЕП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27].

На Никольской горе отрывают камушки. Существует поверье, что на камушках можно увидеть лик святого. «Он камушек. И на нем как вроде как Николай Чудотвориц. Это вроди как похож. Круглинько — как лицо вроди, как бородка вот так вот» [ЛЕН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15, № 106-108]. «Ищим этат камишки такии. Никалай Угодника вроди лик. Как пахожий, где пятнышки-ти. Яво бирём. У миня где-та ищё лижит адин. Абычай эдак. Каждый нисёт этат камишик» [КМВ, ААФ, с. Шеевщино; СИС Ф2000-13Ульян., № 85].

Камушки с ликами даются не каждому. «И ни каждому даёцца этот камушик. Вот у миня дочь одна говорит: "Мама, я ни вижу". А я на каждом. Вот внучка у меня: "Я, баб, даже трёх вижу". И вот она шла, все шли, а она камушик нашла, ну как иконка» [ААФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-9]. «Верущим, только верущим даёцца. <…> Молишься там, ни как мы вот — ни любой найдёт» [ТАА, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12].

Камушки с ликами «как иконка считаюцца» [ШАИ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-26]. Поэтому их принято хранить дома на божнице. «Ещ камушки мы привозили. Роют вот эту гору, ищут камушки. Тут все капаюцца — ищут или лик святого мож быть на этой икони, или какой-та крестик. К икони палажила» [СВН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5].

Камушками лечатся. «Они с этой жи горы. От болезни лечат. Эти камишки они успокаивают боль» [ТГП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-47]. Они помогают от разных болезней. Например, с их помощью можно вылечить болезни глаз. «Ну, вот у меня болят глаза, я так обвожу. Вот так приложу ли. И опять обвожу» [ЕМФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-21]. Помогают камушки с Никольской горы при головных болях, при бессоннице. «Я стал ходить, гора только была тропочка. А типерь эту гору срыли и выстроили ну часовинку, штоб и попам служить была можно. Служут, всё. Вот мордва копают, копают, вот на Миколу ходют, копают, выбирают [камушки с ликами]. И вот, ну ведь я верущий, что болит, иль не усну, раз, положу [камушек на больное место, или под подушку]» [ТГП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-47]. Камушками лечат детей. «Камешки ищут. Камешки приносют домой-то в бирёжки. Вот их приносют домой, на божницу кладут. Хто ворожит. Вот маненькой захворат, вроде, обвёдут ём головку, всёвого, вроди полегши будит. Вот так вот, за этим камёшки бёрут. Вот» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27].

Камушки помогают при сглазе. «И на кажным там камушки, вот если приглядисся, образуицца лик, вот как божествинный это вроди лик. Ну, когда вот сглазу, начнёшь позявать, вроди всё ломит — ну, вроди, кто сглазил. Ну, маненько камишком обвидёшь. Там прочиташь Богородицу — вроди, маненько какой-то облягчение. Вот камишки берут. У м*и*ня есть. Вот смотрити. Вот мне кажицца, вроди как будто тут лицо, Бог ё знат — ни знаю» [ЛНВ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15, № 64-65]. «Надо бы взадти на эту гору. Она, грит, очень крутая, высока. Вот. Камешки всяки оттуда приносют, вроди как возьмёшь камешик-то, похож, вроде, как нарисовано, на этим камешки. Лечют старушки, каторы много молитвы знают вот. Вот сглазют скотину, и человека сглазют, оне, вроди, этой иконой, этими камешками помогают» [ШАИ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-26]. Камушками, найденными на Никольской горе, лечили монашки (см.).

Существует несколько способов лечения камушками с Никольской горы. Камушком обводят больное место. «Вот, например, заболела голова или там чао, мы камишком обводим. Иконы у нас стоят, под иконами, тамо у нас оне лижат» [ППВ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-5]. «Вот что заболит, бирёшь этот камишик и обводишь» [ИАП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2002-16]. Лечатся святой водой с камушков. «Разок мне приходилась, я сама заболела и пошла к одной старушке. Эт давно-давно, чай лет тридцать тому назад. И она их положила на стол и стала молицца. И, прям, сама стала падать. Говорит: “Тебя не только сглазили, тебя проста поразили. Я те не могу помочь. Ты иди

к кому-нибудь, у кого или камешков побольше или кто побольше молитвов знат". Сама аж упала. Вот был такой случай со мной. Ну, вот эта, я пошла к другой женщине. Она мне помогла. Наговорила водички на эти камешки. И умыла меня. В рот так взяла и спрыснула меня. Мне стало легше. Она камушки это в водичку, эт камешки у ней в мешочке. Специально сшила она. И вот. Помогат Николай Угодник. Он очень помогат. Очень-очень. Вот к ему все и ходят туда и молюцца» [ШАИ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-26].

Многие верят, для того чтобы исцелиться от болезни (как правило, зубов), камушки нужно грызть (жевать). «Их ни роют — их сабирают. Асобинна маниньким приносют. Вон маниньки грызут, у нас вот маниньки, внучонка-то манинька. Ну чао-то им ни хватат маниньким» [ЕАН, с. Потьма; ЛАП Ф2005-67]. «Камешки Шура нынче привозила, мне давала камешек. Я ща от него кусала. Он был мякенькай. Кусала да ела. Но не весь доела — он жёсткый уж стал. А когда она привязла, она мне дала, я яво *в*сё жавала. Болезню бы Господи, можа мне получше будет» [КВИ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-10].

Камушек с Никольской горы обладает обережной силой. Поэтому некоторые носят их постоянно с собой (как оберег). «Вот я вазьму этат камушек: "Госпади, свя́тай [правой рукой обводит голову], атрадий ты мне, Госпади". Вот я возьму яво, он у миня в кармани. Всигда нашу с сабой в кармани» [ПАП, с. Потьма; ЛАП Ф2005-5].

Камушки кладут в машину, чтобы они оберегали от аварии. «А щас туда поедишь, вот рой, и этот камишик. И на кажным камишки — лик. На кажным камишки лик! Хоть манинькый, эдыкый. Вот всё роют, роют. Их с собой брать. Я внуку ытдала. На машини видь ездит. Камишик, а на камишки лик — Божья Матерь, Николай Угодник» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23]. «Камушки выбирают, где мож найдёшь или лик какой — Николай Угодник вроди есь. Брала вот я камишки, так проста камишки — вроди вот в машину кагда, штоб какой-та аварии ни случилась. В машину, гаварят, можна палажить» [БВИ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-5].

Целебной силой обладает вода из святых источников Никольской горы. Больные купаются в святых колодцах. Для купания на Никольской горе оборудованы купальни. «Там умоюцца этой водой. Там есть какой-то бассейн. От болезни ноги моют» [АМФ, ААФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-9]. Купаться в святых источниках могут не все. Например, запрещено купаться женщине, недавно родившей ребенка, но еще не взявшей молитву из церкви (см. *Родины и кстины*).

На святых источниках образуются огромные очереди за «исцельной» водой. Вода стоит долго и не портится. «Вот у миня в бутылки три года она стоит. Она ни мути́цца. Све́жа» [ВМП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15а, 48-49]. «Вот всё капильку капну в стакан, вот сколь гадов стаит на стале как бутыль, и вада ни портицца. Вон у нас калонка, вадички мне принясут, я эту капильку капну, и в бутылки стаит вода, Госпади, и ни портицца» [ПАП, с. Потьма; ЛАП Ф2005-5]. Ее употребляют для лечения различных

заболеваний и избавления от сглаза. Небольшое количество святой воды может изменить качество воды обычной, поэтому ее добавляют для замешивания теста, при мытье в бане и т.д.

Целебным считается любой предмет, приобретенный на территории сакрального локуса. В часовнях у родников ставят свечи. Существует обычай собирать воск от свечей. «Эта где свечки нагарят, бирёшь воску. Я принасила тагда. Кумушик наскаблила. Зуб кагда балит — на зуб паложишь. Вроди замалкат. Или так ли он замалкнит? Вот эта причина эдака. [Около родников] там гарят — где пают» [КМВ, с. Шеевщино; СИС Ф2000-13Ульян., № 86].

Паломница переписывает молитвы на Никольской горе. Начало XX в. Архив СКМ

На Никольской горе собирают траву. Обладает особой целебной силой «полынок», «богородская травка» (чабрец), «любая, просто как синцо нарвёшь там — заваривай и пей» [ЛЕИ, с. Коноплянка; ЛАП Ф2003-52]. Мордва «собирает травку, мы-то ни знаем, а мордва, где это ключик, какая-то такая травка: на ней вот листочки как крестики» [ВМП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15, № 48-49].

Траву с Никольской горы используют по-разному: отвар пьют как чай, в отваре парят ноги, траву дают скотине, траву оставляют в доме в качестве оберега. «Траву с гары сабирают чай заваривать. Он тоже Никалай Угодник. И в чай иво заваривают. Ноги у каво балят — папарить. И пить — хужи ни будит. Эта палынок. Ну, он ат всяво — вместа чаю. Травку приносют, в избу брасают, скатини дают, штоб скатинка ни балела» [ЕАН, Потьма; ЛАП Ф2005-67]. «И травку бирут и заваривают. Пью богороцку, богороцку траву берут тамо» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23]. Этой травой набивают подушку покойнику. «Бёру, бёрут. Вот идут, тут чириз лес, идут вот срывают, и приносют домой. Хто говорит, хто вот много нарывают, высушут, кто умират, вроде в подушичку ложут это. А Бог иё знат» [УАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27].

Хранят травку с Никольской горы, так же как и камушки, у икон на божнице. «Ну вот, кора тожа, тожа при этот, топют иё и пьют тожа. От каких-то болезней, ни знай. Как в чай заваривают и пьют. В лесу траву собирают, и дома к божнички визде кладут» [ШНН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15].

Помимо травки на Никольской горе собирают кору с деревьев. «Вот эт самый дубок стоит. Вот прикладвацца. Эта, кору-то собирают наэрно мордва, мордва это» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27]. Считается, что кора

тоже помогает при разных заболеваниях. Чтобы не болели зубы, эту кору жуют. «Отрывали кора, да! Вот когда зубы балят, ат зубов. Пагрызи вот этак — ничао, видь врида ни будит. Никалай Угодник — виликий Чудатвориц» [ЕАН, Потьма; ЛАП Ф2005-67]. «Там дубочик был. Щас уж яво нет, весь изрезали на зубы вот. На зуб — для здоровья: вот у ково болят зубы» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23]. «Эти мардовки ско́блют и скоблют дирива́та. Я, грит, правда падашла и гаварю: "Вы эта для чао, грит, эта?" — "Ата всех балезний памагат". И вот у миня у старшива сына забалели зубы. И ана, мама-та, иму эту-та карыта и палажила. И у ниво паджили. И бывала, как толька забалят зубы, он кричит: "Ма-ама, давай черин", — он малинькай ищё был, ну ни выгаварит, што шкарлупу. Паложит, и угаманяцца у няво» [ПМП, с. Потьма; ЛАП Ф2005-21].

Повязывание платков и лент на дерево на Никольской горе. 2010 г. Фото М.Г. Матлина

Кору заваривают как чай при желудочных заболеваниях. «Там шкуру-ту эту — кожу с дуба. Все дуба облупили тама. И вот когда понос — иё вот, эту водичку, пьют. Вроде утихат. Заваривают как чай» [ВМП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15, 48-49].

На вершине горы растут два дерева. Существует обычай привязывать тряпочки к ветвям и корням этих деревьев. В народе распространено несколько версий, почему именно к этим деревьям привязывают платочки. Существует поверье, что к одному из этих деревьев Николай Чудотворец привязывал своего коня. «А ищё я брашюрку такую читала. Там гляжу — привязаны лентачки. И всё. Это там вот — к дубу он привязывал каня сваво. Эта я вот так читала. Эта вот Никалай Угодник. Кто-та — ат галавной боли привязывают» [МАС, пос. Сурское; ЛАП Ф2007-2]. По другой версии, это дерево единственное, которое уцелело, когда срывали гору. «И вот, грят, когда эту гору срывали, то эта вот адно деривце уцилела. Так ано и растёт» [СВН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5]. Именно оно спасло от верной гибели тракториста, дерзнувшего срыть гору. В память об этом чуде вешают тряпочки. «Да. Это на горе. А что за тряпочки, это уж я ни [знаю]. Кажный что-то. Когда тракторист срывал гору, и как-то ошибся, и с этой горы. Сам жив остался, а трактор ни разбился. Овраг и дерёвко было, ну с вёдро толщиной. И трактор остановил. И трактор остался целый, и тракторист жив. И эти вот тряпочки на это дериво вешают» [ТГП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-47].

Многие негативно относятся к данному обычаю. Рассказывают, что это нововведение, поскольку раньше тряпочки к ветвям деревьев не привязывали. «Это вот толька сийчас начали. К чаму — ни знай. Я давно ни была, а в этат год была. Я аж удивилась. Госпади, кругом визде одни эти лентачки висят. Для чиво, зачем? Адин-два кто-та придумаит, и пашло, и пашло» [ПТС, с. Сара; ЛАП Ф2006-3]. «Никагда не была этава. Што удумали — тряпки. Я вот кажду осинь атризаю их. Зачем навешали? Дирива там все высахли ат них» [КНА, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-4].

Другие, наоборот, полагают, что обычай привязывать тряпочки — очень древний. «На ветачки привязаны лентачки. Ну, такой, па-видим*ому*, обычай старинный. Там все диревья абвязаны тряпачками» [КНЛ, с. Сара; ЛАП Ф2006-2]. В таком случае тряпочки негативной реакции не вызывают. «Проста ат души, ат сваей души. Вот, как ты ни скажишь, можа какая бальная или чо. Вот, бывала, мы всё гаварим, какой-та атно́с. Эта ни атнос, а проста так, ат души жалай ты падать тибе. Палатенца или што ли, чао вешали» [ППО, с. Потьма; ЛАП Ф2005-5].

По-разному объясняют и то, для чего вешают тряпочки на ветви деревьев. Некоторые полагают, что тряпочки — это своего рода милостыня. «Эта привязывают как миластыню — благадать божью делают» [ТВВ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-5]. Потом эти тряпочки «какии-нибудь дельны люди сабирают. Богу верывают каторы» [ДЕА, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5].

Другие считают, что тряпочки — это знак уважения к святому и свидетельство того, что человек был на горе. «Для вроди Иисус Христа, для Никалай Угодника. Знак дают, што я была и для тибя вот привязала тряпачку тибе» [ЕАН, с. Потьма; ЛАП Ф2005-67].

Считается, что за каждую привязанную тряпочку Бог списывает грехи. «Вот это Юрай-та яво завут, сына-та, у яво жина Маша. Ана мне гаварит: "Лёль, у тя нет платка насавова?" Я гаварю: "Есть". — "Дай-ка нам яво". Я дала. Ана яво изарвала на ленты. Там на дериве пално висит эдаких тряпак. Да. А я гаварю: "А зачем?" — "Эт*о*, гаварят, гряхи Гасподь списыват, кагда приходишь туда". Правда ли, ниправда ли? Я ничао ни знаю — вот эта ана мне сказала» [ПАА, с. Потьма; ЛАП Ф2005-10].

Тряпочки вешают те, у кого в роду есть самоубийца (удавленник). «Да тут ни привязвали. Но первый раз нынче я на Миколу-ту вижу, куст, а вот навешали-навешали полно́. Ну, вот как будто удавлинники, у коо удавлинник, об них видь ни молюцца. Гляжу, всяки: полотеньца, и тряпки, и всяки. Да. Душа болит. Как-нибудь нады их. Все деревцо от них засохло» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23]. «Эт там дубочик. Ну, там привязаны и галстуки, и платочки, и платки, которы повязвам мы, очень много. Хто каку-то как ленту привязвает. Да. Я тут спрашвала: "Зачем это, к чаму, или кто удавился, чоо ли?" К этому дериву. Даже коришки вынуты, и вот у коришков всё прям под одно, под одно, под одно, и всё привязвают, привязвают. Мне нихто ни сказали. Ни знаю. Или Николай Угоднику, или хто

удавился. И мне нихто ничо ни сказали. И платки, и галстуки, и тряпочки, можа у коо проста как лента, можа хто шил чао, ыстаёцца этот лоскуточек. И эта всё привязвают» [УАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27].

Тряпочки вешают, чтобы избавиться от болезни. «Эт от какой-то от болезни. Мне сказали, что, например, болет у меня или дочь или сын, иль я сама ли, я привязываю вот этой болезни. Штоб мне Бог помог. Ведь он помогат. Мы просим, а он помогат. Там ведь моря тряпок-ти! Они на коленках стоят, вот, просют. Мне этот год, я многих спраш*и*вала, сказали, что от болезни. Там, наверно грех от удавлинников привязывать. Вот это диривцо толкал трактор, и вот эта диривцо, вот они гору-то срывали. Вот он, грит, толкал — толкал, этот-то, тракторист-то. Ни столкнул, а сам свалился туда, она крута очень гора. Вот уковыркался на тот свет» [ААФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-9].

Прежде чем повесить, на тряпочку наговаривают желание. «Привязвают. Вот как прям в гору вылизишь, на самом на краю горы стоит вяз сухой. И вот он весь обвешан этими ленточками. Ну, чао-то загадвают. Вот чото там была, поговоришь, како-нибудь жалания загадашь и эту ленточку привяжишь. Всё. Там уж и привязывать некуды. Ну, столько народу» [ДЕП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27]. «Да ну вот, как вот загадваишь жаланья вроди, боль кака уйдёт, чао ли. Вот приложуцца, вроде полегши будит. Хто если, как те сказать, хто уж от сердца больно уж просют Бога, с усердиим, можа помогат! Вот» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27].

На Никольской горе постоянно совершаются чудеса: лики святых являются на дереве, в воде, на небе, на камушках. «Видили иконку, видили. Каторы дастойны — ани видют иво. Снаха у миня вот видила. Там дериво ни далёка ат радника. Ана вот так аташла. И гаварит: "Присматрись. Там видь лик". Листочки вот как-та так» [КНА, пос. Сурское; ЛАП Ф2008-4]. «Утрам рано как этот народ пашёл Богу малицца, и мы пашли. Увидали мы липу. На липи Никола-батюшка нарисованный. Он ни нарисованный! И эта женщина падашла. Мы с Валий глядели-глядели. Ана видит — я нет. Я гаварю: "Батюшки, я что? Я, наверна, проклята!" Ана гаварит: "Нет-нет-нет. Увидишь". Увидала. Никола-батюшка. Прям как икона. Адна женщина падашла — тоже увидала. И гаварит: "А эта нарисавали нарошна". Вся такая — разадета! "Это нарочншна написана". Я гаварю: "Нарошна?" А я все-т*а*ки семь лет-та [школы] кончила! "Паглядим!" Я лентачку красну взяла. Я эту липу завязала — завтра пайдем паглядим — да? — посли абеда пайдём паглядим. Посли абеда пашли. Эта лентачка висит наша — а Николы больши нет. Я гаварю: "Вот и нарисована! Вот он явился". А в этат в калодце сматрели — тожи явлинна Никола-батюшка являлся» [КВА, с. Языково; ЛАП Ф2007-2].

Увидеть чудесный лик способен не каждый. «Являлся. Но ни все видили. Вот мы адин раз окало липы. Бальшая липа, толста. Высока. Вот адна манашичка гаварит: "Ну, вот вы. Вот, глядити, вот. Никалай Угодник стаит ва всём — в ризи, с иконкай". Нет, ни видим. Прям на дериви. Паглядели —

ни видим. Ну, мы глупы были. Каторы видили» [ЗМД(1929), с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 71]. «На том вот колоцце — на крайним была. Я черьпала вадичку. А там вадичка блистит. Батюшки, что эта? Свиркаит — как лик. Вот Божья Матирь. Здесь как Никалай Чудатвориц. Я женщини, тут со мной была, сказала. Ана глядела-глядела — ничиво ни увидила. Вот ни знай, что эта была?» [ЛЕН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15].

А.П. Липатова

НОВОСЕЛЬЕ

Новоселье — семейное торжество, связанное со вселением в новый дом и освоением его пространства хозяевами. Новоселье завершало целый цикл обычаев и обрядов, сопровождавших процесс закладки и строительства дома. Вплоть до 1960-х гг. существовала практика устройства помочей при строительстве дома. «Тагда избы строили и двары строили с пом*а*чью. Да, мущины памагали. И угащение, а как же! Весь день кармили, как же! Весь день угащали. Ай так будут работать?» [МЕН, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 86].

По завершении строительства было принято «замачивать» новостройку. «Дом новый пастроили: “Давайти яво щас замочим!” — плотники. Сели, па перваму стакану пьют и гаварят: “Дай Бог бы на мести сгнил!” Вот такая пагаворка у нас была у плотников вот здесь вот, в Чумакине» [БВИ, ГАВ, с. Чумакино; СИС Ф2002-05Ульян., № 101].

В построенный дом вселялись не сразу. Для этого были реальные причины — здание должно было выдержать осадку, перепады температуры и влажности. Но этому могли приписывать и различные мистические и мифологические обоснования. Например, в с. Тияпино считалось необходимым для «освящения» дома пригласить в него ряженых-«святок» (см. *Святки*), поэтому построенный летом дом мог пустовать до Нового года. Кроме того, традицией регламентировались дни недели, в которые можно было переходить в новый дом. Понедельник, среда и пятница считались «плохими», и к тому же это «постные» дни, когда переселение считалось крайне нежелательным. «Ну, вроди бы, хателась в такии дни, вторник, читверг, там суббота. Пириижжали мы с утра» [КТП, с. Новосурск; СИС Ф2002-13Ульян., № 63]. Местная мордва называла понедельник «днём удавленников», поэтому в новый дом в этот день перебираться было нельзя [КЕВ, КНС, с. Налитово; СИС Ф2001-23Ульян., № 120].

При переходе семьи в новый дом соблюдалась определенная очередность. Сначала в дом вносили иконы (см.) и совершали предохранительные и очистительные действия. «Кошку спирьва пустишь, пирядо́м. Патом аку́ривают, ладонам акуришь. Ну и, наверна, хлеб, соль, икону: Никалай Угодника, атец Сирафим — да эта какой есть» [ТРМ, с. Первомайское;

СИС Ф2001-05Ульян., № 31]. «Иконы кагда вот прихадили в новый дом, каждый сваё. Вот я кагда замуж выхадила, миня благаславляли иконай, я иё туда брала, сваю икону, кагда в новый дом пирихадили. И каждый пакупал там новую икону, принасили, в первую очиридь засиляли в пиредний угал иконы. Да. Благаславляли. И нову пакупали, и давали. Вот из симьи уходишь, тожи благаславляли тибя, ты уходишь из симьи. А я вот кагда миня атдилили тута, ну, у миня была свая икона, я пашла за ней, мне свёкар гаварит: “Щас мы тибя ни будим благаславлять, а вот в бани в субботу намо*и*мся, и прихади. Тагда уж мы тибя благаславим”. И апять ани миня с маей иконай. А уж кагда умирли, мне уж аттоль дали, из ихава дома ищо иконы» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 164].

Ворота в с. Лава. 2009 г. Фото И.С. Павлова

Среди предметов, вносимых в новый дом первыми, фигурируют дежа («квашня») и хлебная лопата, кочерга. «Квашню раньши-ти, квашню тащили, лапату — вот хлеб сажают, кошку. Иконку *а*безательна. Вот и всё» [ГЕВ, с. Палатово; МИА Ф2001-24Ульян., № 101]. «Накануни, на начь, штоб здесь кошка начавала и качерьга. Миня тожа эта научыли. Кошку, качерьгу прям палажили здесь, закрыли и ушли. Перид этим, што завтра мы буди пириижжать. Ну, вроди, штоб бяды какой не была, пускай сначала кошка, и уж качерьга» [КТП, с. Новосурск; СИС Ф2002-13Ульян., № 62]. Обычно несли с собой и свежеиспеченный хлеб. «Кв*á*шню впирёд паставют, прежи, чем пиритти. Квашню паставют, [хлеб] испякут, вот тагда с хлебым идут. Памолюцца, ага: “Айдати с Богам!” Пашли. Кошку пустют в дом, тагда сами заходют» [ЛЕЯ, ПЗН, с. Коржевка; МИА Ф2001-28Ульян., № 50]. «И вот миня научили: “Вазьми спирва, — гаварит, — хлеб, соль и кошку. Спирьва зайди кошку пусти, патом захади с хлеб-солью в избу”. И я эдык делала, миня научили. Наверна, палагацца эдак» [ХПС, с. Чамзинка; МИА Ф2002-26Ульян., № 33]. «Нисли хлеб, соль — всё. Кагда захадили, да. “С полнай чашай” захадили. И хлеб, и соль — сам*а* главна для чилавека. <...> Зайдёшь в новый дом, все: и квашню, и там скалку, и мишалку, и там разны начёвки, ведры — всё, всё, всё пир*и*вазили. Эта патом все вещи» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 164].

В некоторых селах существовало поверье, что прежние хозяева должны оставить в доме стол и икону (см. *Икона*). «Ну, вот мы пирихадили сюды, я толька запомнила: ана нам иконку аставила. Гаварит: “Таня, я вам

иконку аставляю". Я: "Ну, спасиба". — "Эта из дому, — мол, — паложина аставить иконку и стол". А стол был тожа. Стол аставили и вот икону аставили» [ЧТП, с. Сосновка; СИС Ф2004-04Ульян., № 49]. «Без стала дом ни прадают. Стол штоб был. Вилят стол штоб был в избе» [БМГ, с. Жемковка; КПС Ф2004-45Ульян., № 15–18].

Наиболее распространенным обычаем было приглашение в новый дом домашнего духа — «домового» (см). «Ну, дамави́тишки-шу́тушки, чай, всё-*та*ки вилися в дамах-ти. Вот хто пириходит в новый дом, то пайдут в баню, яво пазавут: "Шу́тушка-дамави́тушка, я ухажу вот в новый дом, айда са мной!" Пригаваривали и всё» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Вот мы сами вот этыт дом строили, я была ищё дивчушкай. Кагда дом у нас сламали, мы жили вон там, в кладово́й. Вот дом стали ламать, мать пакойна гаварит: "Дедушка дамавой, айда с нами дамой! Дом-та у нас убярут, айда с нами жить". А кагда пастроились, тожи из кладавой яво мать: "Дедушка дамавой, айда в новый дом жить с нами!" Ну, видать мы яво ни видали, а вот приглашать приглашали» [КМД, с. Пятино; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001; ГМС, с. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 50]. «Ну, атколь пириходишь: "Дедушка, айда с нами. Пириходим на нова места житильства, ни брасай нас, айда с нами жить!"» [ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 32]. «А яво ни нясут, он сам придёт. Проста скажут: "Дедушка-дамаве́душка, айда с нами! Куды мы пашли и ты айда", — и всё» [ГЕВ, с. Палатово: МИА Ф2001-24Ульян., № 100]. Существовало также мнение, что домовой и сам переберется в новый дом, если хорошо относится к хозяевам. «Сам придёт, если любит. Так калякали: "Дамави́душка любит, он сам придёт"» [САН, с. Кадышево; МИА Ф2002-31Ульян., № 62].

В некоторых селах сохранился обычай везти домового на новое место в лапте или нести его туда в корзинке. «Если вот из дома уходишь в другой дом, как-та вот привязывали лапать и звали яво: "Дедушка-дамавой, пайдём са мной на нова места!" Уижжали, а сздади привязывали этыт лапать с аборай, и он на нём он сидел, этыт самый дамавой. Ну *и*, прихадили, приглашали: "Захади, дедушка, на нова места. Давай пасиляйся, где тибе угодна"» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 162; МРА, МНВ, с. Беловодье; КПС Ф2004-41Ульян., № 112]. «Мы вот купили, например, этыт дом, а жили в другом. А *у* миня систра вот насупратив, ана гаварит: "Ага. Нады за дамавым съездить". — "А как за нём ехать-та?" Ана гаварит: "Ну, вот раньши были лапти". Гаварю: "А у нас вот видь уже нету". Ана гаварит: "Ну, чай, и в людях есть. Ну, я найду лапти-ти". Ну, старинькый нашла где-та у сибя. У них был дедушка, лапти кагда-та плёл. Наш папа ни плёл лапти. Паехыла, вирёвачку привязала: "Чаво, мол, там Ольга гаварила?" — "Чаво гаварила? Дедушка-дамавой, выхади, пашли на нова житильства! Паехыли!" Ну вот, ана и паехыла. Ну вот, гаварит, пахадила я там па избе, визде по двару пахадила, гаварю: "Садись! Сел што ли, дедушка-дамавой?" Ну и приехала пряма в избу. Вот ана мне рассказыват»

[КТП, с. Новосурск; СИС Ф2002-13Ульян., № 61]. «Мы ево ни видим, он нивидимый. А вот вздумашь ты строицца на другом мести, пойдёшь с зобнёй за нём и ево посадишь: “Дедушка-доброхотушка, айда к нам жить!” Это плетёнка кругла вот такая. Это корзина маленькая, а эта большая. Вот когда дом построил, вперёд мы ни всходили, а кота пускали. А потом уж мы всходим. Штобы вроде какех-та случáев не было. Это всё по-старинному. Вот, а это всё точно было» [ЛАВ, с. Ждамирово; КПС Ф2007-12Ульян., № 145–146].

Дом в с. Б. Кувай. 2008 г. Фото И.С. Павлова

В с. Первомайское домового могли заманивать в новый дом свежеиспеченным хлебом, который затем закапывали на скотном дворе, чтобы домовой «любил скотинку». «Я дом пакупала. Тут дедушка-дамави́тенькай иё, из этава дома-та, а там мой. И вот мне сказали стары люди: “Кагда будишь в дом пирихадить, то с хлебам яво види: “Дедушка-дамавитинькай, дедушка-дамавитинькай, я пашла из этыва дома, айда и ты са мной!” Да трёх раз. И я яво из таво дома привяла сюды. А видать я ево ни видáла, яво нихто ни видит. “Дедушка-дамавитенька” только завут. Сюды пирихадила, яво манила: “Айда, дедушка-дамавитенькай”, — с хлебцым я яво манила. Ат буханки атрежу, прям в руках вот так нясу: “Дедушка-дамавитинькый, айда, айда!” А патом он на дваре дедушка-дамавитинькый, и в избу зайдёт, ево нихто ни видит. Магу на дваре спрятыть этыт кусочык с дедушкай-дамавитиньким. Зарóю на дваре, он будит знать, где зарытый мой хлеб, с каторым я взяла ево. Он нужин и для скати́ни, и для миня. Кагда придёшь в дом в этыт: “Дедушка-дамавитинькый, люби всю маю скатинку люби, и ана тибя будит любить!” — эта знакомить начнёшь. А у миня рань-

ши карова была. Эдак вот в варата, в дверку зайду и гаварю: “Дедушка-дамавитинькый, люби маю скатинку! Он будит любить, и ты яво люби!” — вот так [скажу] карови. Я пазнакомлю, он иё будит любить, скатинку-та на дваре. Он иё абижать ни будит» [ЧПА, с. Первомайское; МИА Ф2001-13Ульян., № 84].

Если дом был куплен, а не построен заново, просили снисходительного отношения к новым жильцам у «хозяина» нового жилища. «Если ани уходют из старава дому, как ани яво забирут? В каждам даму *в*ить дамавой есть. Ага. Вот как приходят первый раз в дом, гаварят: “Дедушка-дамавой, приходят к тибе жители, пусти их! Ани жить хочут в этим доми-ти”» [ЛЕЯ, ПЗН, с. Коржевка; МИА Ф2001-28Ульян., № 49]. В других случаях старого и нового домовых знакомили и просили их «принять» друг друга. «Эта вот кагда пакупаишь дом (а, бывала видь, строились). Бирёшь кошку, хлеб и соль, вадички и дедушку-дамаво*ва* завёшь: “Дедушка-дамавой, айда са мной на нова житильства!” — и идёшь в новый дом. Кагда приходишь, и другова, эта *к* катора*му* всходишь: “Дедушка-дамавой, принимай! Мы идём в новый дом. Мы пришли к тибе на нова житильства. И нашива дедушку прими”, — яво просишь, и сваво штобы принять дедушку дамавова. Дедушка примит если, *то,* вроди, и шшастье будит, или там в скатини, или там чаво. Как примета была раньши: вроди, он если ни примит, или ни папросишь яво, дедушку-дамавова, тибе будит чуди́цца» [РЕН, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 4–6].

Тип связки бревен. С. Б. Кувай. Фото М.Г. Матлина

Домовой, которого хозяева оставили в старом доме, тоскует о них и постоянно напоминает о себе различными звуками. «Сваво если аставишь в старам даму, яво ни пазавёшь на нова житильства, он будит вроди как-та, как кошка, — то как-та вапи́ть, то стана́ть. Эта яво уж ни пазвали. А если уж кагда пазавёшь, вроди, он в дом идёт с миластью с табой, с радастью. И он даёт благадарнасть к тибе в жизни» [РЕН, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 4, 7]. «Вот мы пакупали там, в Чамзинки, дом, и адна старушка была. Я ей прадала дом. *А* ана купила дом и ни пазвала яво дамой. Ей то*ль*ка *бы* пазвать: “Айда, дедушка, дамой!” Пазвать бы, а ана ни пазвала. Можит, забыла, можит с целью. А я сваво-та аттоля взяла. Миня научили: “Пазави, — мол, — яво, дедушка дамавова”. И вот как сам [=муж] уйдёт на работу, вот и начинаат вапить в углу, и начинаат — гол*а*сам! Ну, прям во́пит и

во́пит. Я пайду чериз дарогу — тётя Маша, пакойна. “Тёт*я* Маша, вот айда, паслушай! Как уйдёт вот, прям во́пит, вопит. Я што-та баюсь”. Ана гаварит: “Иди к Поле, схади к ней. Ана, можит, и забыла, ни пазвала яво с сабой. А ты сваво-та взяла”. Ну и я пашла: “Тётя Поля, вот такоя дела”. — “Ой, дочынька, прасти! Я и забыла”. Ну, прихадила, пазвала: “Айда, дедушка, айда дамой! Прасти, я тибя ни пазвала, забыла”. Вот и всё. И с этих пор ни стали у миня вапить» [ХПС, с. Чамзинка; МИА Ф2002-26Ульян., № 31, 32].

Иногда с домовым отождествлялась запускавшаяся в дом кошка. «Ну, раньши-ти звали: “Дедушка-дамавой, пайдём с нами дамой!” И брали кошку, штобы кошка начавала эту ноч. Принасили вечарам кошку, кошка начуит адна. Эта вроди как “дамавой” — кошка. Как быдта дамавой. Брали *а*бязательна ква́шню: приносишь, ставишь, утрам в этим даму штобы пичи́» [СМО, с. Коржевка; МИА Ф2001-30Ульян., № 5]. «Вот сюда мы пи*ри*хадили, в этыт дом савсем уж жить. Мама у нас дверь вот аткрывала, свекровь. Ана кошку пустила первай, патом вот аткрыла дверь (мы ище ни захадили сами все-та) и гаварит: “Дамавой, дамавой, захади в наш новый дом! Живи, ни таскуй, ни скучай!” — вот иё слава́. Свекровь вот так сказала» [БАГ, с. Жемковка, ПМП, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян., № 50–52].

В других случаях кошка считалась своеобразной заместительной жертвой: она должна была умереть, если в доме что-либо было неладно. «Кошку берут и пускают в новый дом. Первой всходишь, кошку *о*безательно нужно пустить, она и умирает первыя. Вот из-за етава толька што делают. А то хозяин умрёт. Вроди, говорят, в новым домы нады. Вот кошку пустют, или есть [пускают] скотину» [ЗЕН, с. Сосновка; МИА Ф2002-34Ульян., № 67]. «Кошку, абязатильна кошку. Перву ночь начавала кошка. Ну, ана, как будта бы, набрала на сибя всё, што тут будит, в новам доми, вроди, на сибя брала всю бяду» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 163].

Выжившая в новом доме кошка считалась верной гарантией того, что его хозяевам ничего не грозит. «Вот уход*ю*т из старава дома в новай и спирьва пуст*ю*т кошку. Вот у нас тут вот дом-та, живут харашо. Взяли бухан*ы*чку хлеба, вадичк*и* там, взяли кошку. Ну и привили́ иё в эту, в изб*у*-ту. Привили. [Хлеб] пылажил*и* на стол, а сами ушли. Ушли — вот ана у них две ночы начавала там. Ну, и ничыво, щас х*ы*рашо. Да» [ГМС, с. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 51]. В с. Беловодье считали, что смерть кошки предвещает смерть хозяйки. «Кошку пускаим. Если па душе ана, примит иё дамавой дедушка. А ни па душе — там иё убьёт дедушка-дамавой. Акалела — значит, кто-та умрёт в этам доми. Сама [=хозяйка] умрёт. Хазяин — кот видь, кошка — хазяйка» [МРА, МНВ, с. Беловодье; КПС Ф2004-41Ульян., № 113–115].

В день вселения в новый дом обычно устраивали торжественный ужин только для домочадцев. «Ставют теста, квашню, и: “Батюшка-дамавик, пайдём с нами в новый дом!” Эту квашню нясут в новый дом, теста [ставят]

на кухни. И пякут в новам доми хлеб *на* ужин. Бутыл*а*чку вазьмут, чайку паставют, ишчо чаво паставют на стол-ат» [МАМ, с. Пятино; МИА Ф2001-18Ульян., № 71–73].

Завершающим этапом новоселья являлось праздничное застолье (см.) с «гулянкой». Если в прежнее время на этот семейный праздник приглашали священника для освящения дома, то в более поздний период приглашали «читалок» (см.), которые и выполняли этот ритуал. «Настряпают, вина — и делают “наваселья”. Скры́чут [народ]. Ну у нас старушки всё хадили: паслужут, на дваре всё акурют, са свечками. Ани уйдут, начинают гулять. Хто што сумеет. Чай — хто из маркошки, хто из свёклы, всё, с ягадами» [ХПС, с. Чамзинка; МИА Ф2002-26Ульян., № 34]. Новоселье могло устраиваться и через продолжительный промежуток времени, когда семейство уже достаточно обживется в доме. «Долга ани ни делали навасельята. Долга. А *на* навасельи — гуляют! Сыбирают стол, приглашают радных, знакомых ну и гуляют. Всё, што есть, — всяво накладут, всяво пално, пална́ сталы накладут. Ну и дарят хто чаво сможит. То диньгами, то вином, то хто чаво» [ГМС, с. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 50, 51].

В 1950–1970-е гг. появилась традиция дарить мебель, посуду, обновки для новоселов, которые обычно покупали вскладчину. «Мы посли войны строились. Устраивали [гулянку], когда периходили. Гостей собираишь, эдак жи стол сыбираишь. Хто чево падарки даёт. Племянники стулья принисли. Оне, муж с женой, идут — по стулу несут, вот чатыри стула принесли. А каки подарки-ти? Подарки так ма́неньки. Где хто платье несёт, хто рубашку несёт, ежели муж живой. Вот так. У нас просто даря́т. Ну, хто жалает купить чово-та, сложуцца, купят и принясут. Купют вот эдак посуду какую. Деньги дают по-нимножку там, по-скоку» [ЗЕН, с. Сосновка; МИА Ф2002-34Ульян., № 68]. «Навасельья делают и щас. Каторыи багатыи есть, иму приносют, хто што магёт. Хто диньгами. Щас все диньгами, наверна» [ХПС, с. Чамзинка; МИА Ф2002-26Ульян., № 34].

И.А. Морозов

НОВЫЙ ГОД

Праздник, обозначающий начало нового календарного года, приуроченный к первому воскресенью после Рождества и в новейшей традиции обозначаемый как старый Новый год. В традиционном праздничном календаре этот праздник маркировал середину периода святок (см.) и был связан с комплексом традиционных верований, характерных для переломных дат календаря, и с важными для традиционного мировоззрения ритуально-магическими и прогностическими практиками (см. *Гадания*), направленными на поддержание плодородия и здоровья членов семейства и домашнего скота, обеспечение успеха

всех начинаний и дел в наступающем году. «Приметы вот как*и* были у нас. Вот перид Новым годам, тринаццытыва чысла, всё — пол вымыют, пауживыли, замятают ат парога пад стол. Какой хлеб урадицца. Какеи зёрнышки будут. И были зёрнышки. Вот мы замята*ам*, веник кладём туды, всё, и лажимся спать. Утрам встаём, глидим: какеи зёрнышки. Взрослы [смотрели]. Ага: “Там зёрнышки!” Проса ли, рожь ли, чывица ли. “Ага, вот какой хлеб нынчи урадицца”. Эта вот была» [МЕЯ, с. Кадышево; МИА Ф2002-29Ульян., № 36].

Новогоднее застолье в с. Б. Кандарать. 2006 г. Фото И.А. Морозова

Название праздника могло определяться приуроченными к его кануну или утру акциями. Например, в с. Барышская Слобода закрепилось название по приуроченному к навечерию и утру Нового года поздравительному обходу (см. *Коляду петь*, *Таусень*). Здесь вечер накануне Нового года называли *Коляда*. «Вот тринадцатого Коляда, четырнадцатого по старому — Новый год» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000]. Это название было известно также в с. М. Барышок. «И тауси пели, и Каляду пели: “Коля, Коля, Коляда, пасконная барада. / Ехали баяри па Новаму гораду...” [Пели] утрам. Есть праздник Каляда. Эта начынаюцца святки. Да. Святки. Раждество, Крещенье — вот в эта время святки и́дут. Да. <...> Взрослыи [девушки] хадили, да сямнаццати лет, калидавали. Нарижались, там шобалы надявали» [САИ, БАИ; с. М. Барышок; СИС Ф2009-13Ульян., № 74].

Основные акции, приуроченные к навечерию Нового года, связаны с семейной трапезой и обходами колядовщиков, которые нередко сопровождались ряженьем (см. *Наряженными ходить*). Наиболее характерным новогодним поздравительным текстом наряду с «колядками» и «таусенями» в Ульяновском Присурье было «посевание». «Ну, эта на Новый год вечирам, вечирам. Как сказать? Часов в пять, в шесть. Днём ни ходят. В избу зайдут:

Сей, сей, прасявай,
С Новым годам праздравляй,
Уради нам Господи
Канапель да поскани,
А льну-та ищо больши!

Льну у нас сеили в калхози. Эт вечирам, тямно. Все, все, каму ни лень. Да. Чаво-нибудь насбираам. Да радасть-та какая! Хто зёрнышкав даст тыквинных, хто падсолнушных, хто липёшичку. Если багатый чилавек — сахарку там или канфетычку где дадут. Вот и радавымся идём дамой. Да: “Вот чаво дали!” — липёшички-та вот такея вот [=с чашку], пресны напякут. Вот так вот» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 91].

«Идём с палками, каридорам идём, стукам, лапти [стучат]:

Сей, сей, пасявай,
С Новым годам праздравляим,
Дева-Марева по палю хадила,
У Бога прасила
Ржички, пшинички,
Ярывова хлебца,
Кто падаст пирага —
Залатыи варата,
Кто падаст липёшки —
Залатыи акошки,
Кто падаст ватрушки —
Залатыи гарнушки.

И вот припявали, интиресна была. Эт на Новый год хадили мы сеньки сабирали, пираги. Эта ни на новай, а стариннай Новый год. Вот спаём, нам дают "сеньки". Йих называли "усенькими", пираги-ти. "Айдати нынчи усеньки сабирать!" Кто с картошкай, кто с маркошкай пирог, проста пирог испичёнай» [ПМТ, с. Валгуссы; СИС Ф2001-10Ульян., № 59].

Завершающей праздник Нового года акцией было сжигание обмолоченных снопов (*обмолотков*), соломы или старых вещей. «Эта сжигают салому на Новый год, вроди: "Старый сажгли, Новый год встретили". Салому вот завяжут на палки-ти, идут па дароги-ти. Да, снапы, бывала, были. Вот снопта зажгут, завяжут и па улицы прайдут. А то пышку зажгут из саломы, если где-та падальши так ат дома. Бывала, салому, *а* то сена утащат. *А* то вон на гаре щас эти всё выдут, балоны зажгут. Ну, чай, дети эта жгут, а ни бальшии. Бальшии што ли? Дети и малодиньки*и* рибятишки! Ни знай чаво тут зява́ют [=кричат], играют, пышки жгут, кидают. Эта вот старай Новый год сжигают, а Новый встричают» [ЯТА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 85]. «Вот на Новый год [жгли]. Накануни Новава года жгли салому на улицы. <...> Смиркацца, и вот накануни Новава года среди улицы. И на другой вечарам тожи — праважали. Два раза жгли. Праважали Старый год. Эта встричали Новый год, зажгут, радавались, а эта уж праважали Старый. Рибятишки и дичонки» [КНИ, КИД, д. Алейкино; СИС Ф2008-02Ульян., № 126].

Иногда из соломы изготавливали специальные факелы, с которыми дети и подростки бегали по улицам. «Вот перид Новым годам зажгут вот эти вот факила-т*а*. Или в авраги или... Вот эту вот салому-та. Перид Новым годам. Вот встричали этыт Новый год» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 35]. «Вот на Новый год какии-та чучила, вот факилы делали, вот с факилам хадили па селу. Сын, ой, придёт — ат нево ризинай, саломай, дымам пахнет! Придёт, батюшки! Скарей всё с нево снимаишь. Ризинай-та ат нево пахнет, жгли ризину. А ему была десить лет» [ТНИ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 23].

В с. М. Барышок эта акция напоминала проводы масленицы (см. *Провожать масленицу*). Собирали по баням кадушки для воды, набивали их соломой и жгли по улицам. «Эта сичас [в бане] вот катлы да всё. А бывала, чугуном грели, там эта кадушка стаит, в ниё воду сливают, штобы в бани-ти мыцца, нагривают, сливают. Новый год — сичас все бани прашли, все кадушки сабрали, в кадушки саломы наклали, сажгли. Всё делали. Среди

улицы тут гарит, как факил, там гарит — эти кадушки-ти. На Новый год. Старый год жгли. И за эта ни наказывали. <...> Старый год сжигали, Новый год встричали. Вот, эта была вот у нас. А на маслиницу нет...» [БАИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-13Ульян., № 36, 40].

Встречаются упоминания об изготовлении на этот праздник и сжигании чучел, хотя эта традиция представляется нам более поздней. «Пирид Новым годам “Старый год” сжигали. Эт*а* всё чучалы делали, вот жжигали. Нарижали сноп, сноп ржаной. Яво нарижали пряма на ул*и*цы, дома чаво-нибудь наденут: шапку каку или шобыл какой-нибудь, катор*а* ни нужно́ уж. Эт*а* пирид Новым годам. “Старый год” сжигали, эта всё абычаи были. Вот чучало эта вот или абмалотак вот жгли, зна*чи*т, спиц*и*альна. Стару салому, примерна, сжигали иё пирид Новым годам, назывался “Старый год”. Вроди как навоз сжига*и*м старый. Всё эта была, всё шутка. Где-та, зна*чи*т, на*о*даль жжигали “Старый год”. Ну, маладёжь: и маленькие ребятишки, и, можит, [лет] четырнацц*а*ть — пятнацц*ы*ть. Всякеи — чилипи́га. Все — и бальшии, и маленькие, все бегали» [ЖИМ, АПА с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 41; КПС Ф2004-11Ульян., № 69].

С практикой сжигания старого года связаны различные подшучивания. «Рибятишки, и дичонки. Хадили вмести. Талкали [в огонь]. Тут хто эдакий, баицца, маненька талкнут ближи к этаму, к агню» [КНИ, КИД, д. Алейкино; СИС Ф2008-02Ульян., № 126]. «Новый год встричали, праважали старый. Вот я помню, канешна, мы падростки были, вот жгли салому. И едут на лошади, канешна, эта вичарок уж, едут на лошади, плитёнка [=плетеные сани] была. Ане в тулупах, видна холадна была. Сидят в тулупах двоя. И мы гарящий этыт сноп к ним в эту карзинку-ту [=сани]! Ани ни вылизут, ни встанут, там гарит всё. Лошидь-та напугалась. Нада бы нас нахлопать, нада, нада. Ну нет, нас ничо, нас ни тронули» [КМА, КСП, д. Алейкино; СИС Ф2008-02Ульян., № 35].

М.П. Чередникова

НОЧЕВАТЬ В КЕЛЬЕ

Характерной чертой посиделок (см. *Сидеть в кельях*) в Присурье была совместная ночевка девушек, это отразилось даже на терминологическом уровне: *заночёвывать* означало начало собраний на сиделках. «Осинью Иван Поснай, Иван Поснай осинью, и начинают заначовывать в кельях. Как картошку вырыют, и начинают в кельях начавать» [БПЕ, с. Палатово; СИС Ф2000-05Ульян., № 57]. Практической необходимости (например, далеко и страшно возвращаться ночью) в этом не было, так как дома участниц сиделок находились, как правило, по соседству. Возможно, этот обычай сложился под влиянием поверья, что в полночь по земле ходят бесы. «...В десять часов домой. До одинаццати нет, до оди-

наццати грех [быть на улице]. Потому што в одинаццать часов какеи-то бесу́тки чево... В одинаццать часов грех ходить. В одинаццать часов бес, мол, по земле ходит. Да двянаццать часов. Грех. Штоб ни с бесом идти, а до одинаццати часов придти домой» [ЛЕН, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-46Ульян., № 31].

Ночевке на сиделках могла помешать только обязанность выполнять какую-либо работу дома. «Начавали то*ль*ка што редкый раз в субботу на васкрисенья. А так ни начавали. Нам некагда была начавать, мы ткали рагожки» [ПЕС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 5]. В 1950-е гг. устройство келий и ночевка в них постепенно прекратились, уступив место другим формам организации досуга (клуб, вечеринки по праздникам).

Довольно часто между началом собраний в кельях и ночевкой в них проходил небольшой срок. «Засиживали мы на Здвиженье, ка*г*да в агародах всё убирём, свабодна, мы уж засижива*ам*. Сабирёмся, пайдём спросим там: “Тётя Паша, ты нас ни пустишь в келью?” Ана гаварит: “Пушчу, пушчу”. Ана жила адна, вдава. “Кагда?” — “На Здвиженье мы ни знай, будим што ли начавать тут в кельи, а уж на Пакров мы уж придём са всей пастелью”. Пастель сваю бирём, падушки, адияла и матрас, пригатовим эта в келью всё. Вот. “Ну придём уж на Пакров, мы все придём”. А на Здвиженье пасидим вичарок и дамой уходим. А тут уж [=на Покров] начавали. Эта уж тут Микола, эта уж тут карянная наша сиденья. У каво жинихи и жинихи с нами начуют тожи» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 64].

Ночевка на сиделках была признаком взрослости девушки. Подростки, даже если они и приходили посидеть со старшими, редко оставались на ночь. Исключение составляли особенно бойкие и смелые девочки, которые могли вести себя на равных со старшими. «Я с даваццать сидьмова, ана с триццатава года сястра — тожи с нами, Маруська-та наша. Ну, Маруся ни начавала. А вот Валька-та вот Каргина-та — ана с триццать чатвёртава года, и то начавала. С нами хадила, вот вмести. Ей, чай, пятнаццать-шаснаццать ана уж с парнемваждалась. Ана йих рашшупывала. Ана и петь, и сплясать...» [СФН, СЕВ(1927), с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 74].

Девушки приносили свои постели, состоявшие из матраса, подушки и одеяла. «В кельи сидишь и начавали тут. Нидалёка жили, а абычай этакый уж был. Пастель у нас тама. Бывала, были палати на паталке-та, падушки все накладём рядами и пастилки все в кучу на печку кладём всё. Пастели у нас хароши*и* были. [Матрасы] из ватки стягали. Да, стягали и нав*а*лачки надявали. Вот. Адияла были стёганы. Как жи? У миня был*а* аднаспальна, из разных ласкутов собрата, у миня стёгана, нибальшоя. И у всех, у каво такия, адналушны [=одноцветные] припасали, адналушны сатинетавы. Да. У миня вон был из разных ласкутов, я из ласкутов сабрала верьх-ат, выстигала» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 67]. В качестве одеяла могли использовать «ватолу» — грубое полотнище, сотканное из толсто скрученной кудели. «Начавали в “избёнках”. Сами ткали, вот такая была пастель,

плахая. Ватолы ткали. Ищ какие кудели, вот так вот саскёшь вот куделю и ткали» [ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 57].

Обычно подруги сговаривались спать парой, тогда одна приносила матрас, другая одеяло. «Как станишь хадить, сразу начавать. Идут с пастелью. У миня пастель: па*д*стилка да падушка, а у тибя адияла да падушка. Вот маю па*д*стилку пастелим, тваей адиялай аденимся» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 75]. «Мы спали эдак: вот, примерна, адной видь нады всё тащить, у адной, там, пастель, у другой адияла. Две спали мы» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 92].

В зависимости от числа участниц, величины комнаты и наличия в ней мебели спали на полу или размещались на полатях, кроватях, сундуках. Могли устроить помост, положив доски на встроенные лавки и скамейки. «Начавали тама, там начавали. Пастель сваю брали. Матрас какой-нибудь сделают, мачалы наб*ьют*, с мачалы, с саломы, падушку. Та*г*да ад*и*ялав не была, дирюгу ткали. Дирюгыв наткут. И на палу все вмести пастелим ва всю избу и тут я, тут другая, тут третья — вот так и спали» [ЛВН, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 57]. «У адных эт была, у них девки, ну, у них изба была бальшая, в кельи-т*а* начавали — по две. <...> На пиче две спали, на палатях две спали, на этим, кравать-та звали "конник". В избах конники были, широки. [А в кельях] тама скамейки. Дасок намостют — вот и кравать» [БАА, ААИ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 12]. «Все кряду эта стелим, падма́шшивам ско́мьи: ставим скомьи и дасок накладывам. Стелим и кряду лажимся все. Пример, шесть сидим в кельи, все шесть кряду лягим. Лавки в кельи-ти, ишо скомьи паставим, и на скомьи-ти и на лавки доски накладём и вот спали кряду. Ну, пастель принисём» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Чтобы соблюсти справедливость в распределении мест для спанья, устраивали жеребьевку, аналогичную игровой (см. *Кониться*). «Адинацать прялак [было в келье]. Знай, жербий трисли, канились: каму где спать дастаницца, по палу видь спали. И мне дасталась самай крайнай. Вот как спать лажицца, щас (касыри видь та*г*да были), касырь, эта скаблить каторым, вот выскаблим и по палу расстила*е*м. Где тибе дастаницца, эта уж тваё места. Знай, канились на палке, каму *г*де дастаницца. Канешна, вот каторай дастаницца впириде-та, тут видь лучше, каторай пасирёдки, а каторай партии дастаницца у самава парога. Хто хлопнит [дверью], видь холад идёт на тибя. Ой!» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 75-76].

В Присурье был широко распространен обычай оставлять ночевать на сиделках парней (их называли *начавальщиками* — с. Сара). Совместная ночевка парня и девушки являлась одним из признаков сложившейся пары (см. *Матаниться, Сидеть в кельях*). Осенью, как правило, оставались на ночь только те парни, «у каторава ниveста есть, а у каторава нету, он дамой уйдёт» [БПЕ, с. Палатово; СИС Ф2000-05Ульян., № 57]. Со временем девушки постепенно обзаводились кавалерами, тогда на сиделках ночевало больше

парней. «С Иван*а* Поснава кельи. У каво многа девак, у таво избёнка есть асоба — и начуют. Эт вот ежели паринь падружицца, он адин тока начуит. Ай все [парни] начуют тут? Нет. Куды? Там где ложить-та? Там нада пасте*лий* многа» [БАА, ААИ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 11]. «Вот ва всех кельях яво аставляли начавать-та. Он ни с кем ни хадил, мой муж, ну яво карили адной в другой кельи. Я яму скажу: “Ты што ни идёшь к Насти начавать?” — “Мне иё ни нады. Зачем мне? Я, — гаварит, — то*ль*ка скажу: У миня адна есть и боли мне ни нады”. Вот» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 72].

Приглашать ночевать могли как девушки, так и парни. Обычно это устраивалось через посредника: близкую (*коренную*) подругу девушки или друга парня. «Каму кто нравицца паринь, аставишь яво. Эта выйдишь: “Прихади вот к какой начавать”. Придёт начавать. Аставляли мы сами. А мне мой-та сам придлажение давал, сам. Выйдит вот, падруга у миня карянная, вызвал иё: “Я приду с Талинькай начавать”. Вот. Я долга ни начавала. Наверна, зиму то*ль*ка адну и начавал он са мной» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 67]. В случае если пара распадалась, девушка выбирала себе нового ухажера. «Уж каторый бросит если жиних, ходит начавать да бросит, ана паждёт-паждёт, ей даёт другой придлаженья паринь. Спросит там миня: “Талинька, а Таня-та с кем ходит?” — “Ана хадила, но он што-та бросил”. — “Ну, вот я приду к ней начавать”. Вот другой придёт. А ана мне сама скажит: “Вот аставь мне вот этава”. Я ево аставлю, другова, ей» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 72].

Парни обычно приходили поздно, побывав на нескольких других сидел-ках, когда девушки уже заканчивали работать и собирались спать (см. *По кельям ходить*). «[Парни] па кельям хадили. Визде хадили. Толька кто каторы уж с кем в этай кельи начуит, он уж приходит патом. Всё прайдёт, патом приходит сюды, как мы спать лажимси, жинихи приходют эти» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 5]. «Ну, в кельи-ти уж он знаат, если я тут начую, он знаат, он приходит, биза всякава аставлянья он хадил. В келью сами, кто начуит, ане па кельям паходют, часов в адиннадцать, в двянаццатом идут в келью начавать» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 72].

Молодежь укладывалась парами все вместе. «У каждава была свая пастель, падушка, всё, лажисся с парним как эта, он рядам, я рядам, укрыва*и*мся и вот спим. Пашепчимся там, пацалуимся и спишь да утра. А спали так вот, ни то, што. В адежди. Плахова ни у каво не была» [ПТС, МАИ, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 40]. «Спать лажацца на палу все, кто куфайку, кто пинжак, хресть-нахресть. Ай, то*ль*ка на пастели где? — Нас чылавек шесть или семь, вот. А рабят*а* скажут: “И я начавать, и я начавать”. И он, чорт, ляжит в адёжи прям. Вот такеи дела были» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 44].

Парень оказывался между двух девушек, поворачиваясь к своей невесте лицом, а к подруге — спиной. «Вот если мы [с подругой] спим, он к нам в сирёдку. Две нас: у нас у адной пастель, у другой адьяла, падушка уж у

каждай. Вот. Мы уж эта лажимся, а он к нам в сирёдку лажицца. С каторай девушкай уж он, он к ней, мол...» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-13Ульян., № 11]. «Вот мы спим с Маней вота, у Мани жиних, ана спала к стине, он окала иё, так, а я окала [ее] жиниха и окала сваво жиниха — прамежду двух парнев» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 28].

Если была возможность, парочки устраивались по отдельности на кроватях, лавках, сундуках. «Гадов па шаснаццать уж девки начавали ане. Кто где. Кто на пичь залезит, вот, каму скамейка какая дастаницца. Кто где как. <...> Вот мне самаму уж пришлось начавать. Мы с ней на сундучок бы вот такой вот нибальшой [длиной примерно 1,3м], вот на этим сундучке вертелись вот всю ночь. Вот. А скамейка окала акошка стаяла. А другая пара на этай на скамейки вот, ана вот эдак вот узинька вот, вот на этай на скамейки вот виртяцца да самава пачти утра. Как святать станит, дамой-та пайдут» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-02Ульян., № 12].

Перед тем как лечь спать иногда собирали ужин, который часто состоял только из хлеба и воды. Складчину, как правило, не устраивали, каждая ела то, что принесла. «Хлебца вазьмёшь кусочык и, значыт, паешь с вадичкай. Каждая свой кусочык» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-02Ульян., № 90]. «Пайдёшь вот кали с начовкай-та, вазьмёшь там пирага или мяса кусочык. Кажная сваё [ели]. Мы вот две-три в чулани пакушам, патом ищо пайдут» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 16]. Но могли и разделить ужин с подругой. «Вот вазьмём мы хлебца па кусочку, па кусочку хлеба, пасалим, с вадой паедим. Тада не была ничево. Вот так. У этай хлеба нет: “Давай ешь, садися”. Вот так» [ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 63].

Если у девушки был кавалер, который приходил к ней ночевать, то кусок хлеба приходилось делить с ним. При этом у девушек на двоих оставался один кусок хлеба (второй они отдавали хозяйке), поэтому порой кусок хлеба приходилось делить на четыре части. «Две спали мы. Сидим да двянаццать часов, дальши. Из даму хлеба бярёшь ламоть. Там, хлеб, агурцы — у каво чаво есть бирём. Ана [=подруга] кусок принисёт и я, примерна, кусок. Ана [=хозяйка] рядит: кусок хлеба адин. Адин кусок атдаём хазяйки. Если паринь вот он ходит, примерна, встричаицца са мной, садимся и он к тибе падходит, мы уж этыт кусок на три части ламаам. И яму даём. <...> Видь ни с каждай девкай паринь. Ани [=подруги] всё-таки папалам разломят кусок-та едят. А с каторай паринь-ат, яво уж на три части, чаво тута? Дамой приходишь утрам-ти, есть до смирти хочишь. Тольька в избу вхажу, раздяваюсь: “Ой, капуста, агурцы!” Биз хлеба, биза всяво, скарей тольька бы наглатацца, да на пичь влезть» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 93].

Молодежь обычно проводила на сиделках всю ночь, расходясь только с рассветом, правда, иногда стараясь разойтись незаметно, не привлекая к себе внимания. «Абычай был начавать с рабятами. И раньши были, да нас были. Каждая пастелим, ну чаво пастелим? Махарки какии-нибудь. Я са

Девушки из с. Астрадамовка. 1930-е гг. Фото Р. Покщаева

сваим жинихом, падружка са сваим жинихом — кряду. Ну, эта, да утра, ну как да утра? Всё-*т*аки штобы ни видать была идти-та, *в*станим и пабижим дамой все на разны стораны. Вот, эта всё была» [ПЕС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 8]. «И жинихи с нами лягут, пажалуй. На пал. Ва всё настелют. Эт*а* скол*ь*ка? Чылавек чытырнаццать в кельи-та сидели, вот семь пар. Ва всю избу. Прям ва всю избу вот настелют. [Парни] где эта сирёдка лажацца, к нивести лягут. Две девачки, и быть можит, два жиниха. В тиснате. В тиснате — ни в абиди. Вечерам идут в келью с прялкай, прядут, пир*и*начуют, а утрам рассвята*а*т, прялку на пличо и айда дамой. Начуют и дамой уйдут» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 75]. Иногда парни не оставались на всю ночь. «Ну там, можит, с час-два там, можит, пабудит, да и всё. И ухадили, да утра ни аставались. А девачки всю ночь начавали» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-03Ульян., № 91].

Совместная ночевка всегда сопровождалась весельем, розыгрышами, взаимными подшучиваниями, которые не давали молодежи уснуть до утра (см. *Подшкунивать*, *Играть в кельях*, *Сидеть в кельях*). «“Со́йма” [парней] называли. “Ой, ведьминска*я* сойма! Вот эта ведьма, вот эта хулиганы, вот пришли эта вот какеи”. Ну, и сидишь вечар-та, дамой придёшь как пьян*ая*, ни спамши. Кто спал, кто ни спал, идёшь утрам с начовки. Хазяйкаруга*и*т, руга*и*т, а пажалуй... Эта хочыт спать, а другая хахочыт, да самава свету хаха́танья. Што ни гавари, больши смеху» [САН, с. Кадышево; СИС

Ф2003-05Ульян., № 45]. «У миня брат был. А он такой, ну, юмарист. А он *и*щ*о* ни парень был и ни мальчишка. А у нас раньши в старых избах были клеть и падклеть, ну вот там девки начавали. Вот он и гаварит [старшему брату]: "Мишк, а Мишк, ты вот чо, как девки лежат, как с ними чаво калякать?" — "Да вот то-та, то-та". — "Мишк, дай я с Марькой-та лягу". — "Лажись". То есть так. "Ты пастучись". Вот он пришол, пастучался. "Мишк, эта ты?" А каждая нивеста пускала сваиво жиниха, ана ждёт яво, а он па другим [кельям] ходит. <...> А каторый он жиних посли, можит, придёт. Ну, вот он, значит, так. Он в эта время пастучался, а тожи мароз, ни видать. Он раз, ну вот он: "То-та, то-та, то-та". Патом [она узнала]: "Ах ты, галава! Ах ты! Вон!" А ана яму весь сикрет рассказала, нивеста-та» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-03Ульян., № 94].

Отказ девушек оставить парней на ночевку, как правило, вызывал с их стороны ответные действия, которые должны были устрашить девушек и в дальнейшем принудить к послушанию. Обычно при этом били стекла и лампы. «И акошки били. Ну, чорт йих знат, пастаянна били акошки-ти. Вот, скажим, мой ухажор разабьёт акошка, мне вставлять. Ну, чаво-нибудь дасадишь, начавать ни аставишь, ай чаво, акошка разабьёт. Из кельи прям» [ЦПН, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 34]. «Рибятишки *а*заравали. Карасин ищ*о* видь насили. Рибятишки лампы били. Хто каво начавать ни аставит, лампу разабьют. Нада слаживацца, лампу пакупать. Вот так вот» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-02Ульян., № 85].

Вообще, способы мести были довольно разнообразны и зависели от конкретных условий. «Адне нас не пускают и не пускают [на сиделки]. "Ни пускайти, ни пускайти!" А у нас там был адин этот, ну, ахотник. Он волка где-та там паймал, шкуру-ту снял, а эту, тушу-ту волчину, выкинул на улицу, валя*и*цца. А адне поехали на базар вот сюда в Сурск. "Тушка валяцца! Тушка валяцца!" Думают баранина, [может] кто патирял, тожи на салазках вон визли. Я ни знаю, как уж он [=волк] попал вот апять тут на край, тут нидалёка пасиденка-та была. Мы взяли этава валка́ (а он марожиный), и яво к двери-ти йим паставили. И ушли. А двери-ти на сибя аткрываюцца! Вот у них там, кто первый выхадил [напугался]!» [ГАП, с. Белый Ключ; СИС Ф2007-02Ульян., № 59].

И.С. Слепцова

О

ОБЁРТУШКИ

Одна из посиделочных игр, в которых смена пар происходила по жребию. В Присурье она бытовала не только в келье, но и в клубе, в основном в предвоенные и послевоенные годы. Хотя игра была довольно популярна, ее название плохо сохранилось в памяти информаторов.

Сама игра была очень проста. На середину комнаты ставили два стула, табуретки или скамью, на которые садились спина к спине парень и девушка. После определенного сигнала водящего они поворачивали головы. Если оказывались лицом к лицу, то целовались и уходили, а на их место садилась другая пара. Если же оказывалось, что они смотрят в разные стороны, то девушка уходила, а на ее место садилась другая и игра повторялась. «А ищо я тоже вот щас скажу. Вот, значыт, тут садисся, тут садисся [=на стульях, спиной друг к другу] Ага. “Раз, два, три!” Если оба обратяцца сюды, то, значыт, поцеловацца. А если один сюды, другой туды, значыт, то ничево» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 39; ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-02Ульян., № 20]. «“Голубем” играли. Ну вот, как-та садились и вот этак вот. Кто как вот обирнёцца-та вот эта вот. Если в одну, значит, вот [целуются]. А если толька этот сюды, а этот туды, значит, нет» [ИЕС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 45].

В с. Чамзинка в игре принимали участие сразу все присутствовавшие на сиделках. Посреди комнаты ставили рядом две скамейки, на которые спина к спине садились парами парни и девушки. Водящий по очереди подходил к каждой паре и командовал: «Поворачивайтесь!» Если они поворачивались лицом друг к другу, то целовались и оставались на своих местах. Если же оборачивались в разные стороны, то менялись местами с другими игроками из таких же пар. «Вот, наверна, “абёртушки”. “Абёртушки” вот. Сделают две лавачки и садяцца вот так. Ани и в избе, и на ул*и*цы, и на ул*и*цы вот ставют две лавачки. Две лавки ставили вмести, ани вот так вот садились. Девка садилась вот так, а там ищо лавка стаит, паринь садицца туда лицом. Многа садяцца, многа, сколька есть маладёжи, столька и садяцца. Раньши маладёжи видь пално была. Вот все садились в ряд. Все садились в ряд и он вот идёт. Адин важатый был, падходит вот, дикту*и*т: “Паварачивайтись!” К каждаму, к каждай паре. И ани вот паварачиваюцца. Если в адну сторану павярнуцца оба, то цалуюцца девка с парним. Если в разныи стораны павярнуцца, то,

значит, ани так и сидят. Он падходит к следущим. Вадящий падходит к следующей паре. Если они павярнулись в разныи стораны, то, значит, ани вот пирисаживаюцца. Адин уходит, а патом вот следующая пара, каторая павярнуцца в разныи стораны, ани, значит, пирисаживаюцца. Эта к этыму садицца, а эта к этыму. Парни пирисаживаюцца, тот на эта места садицца, а этыт на эта места садицца» [РВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 4].

В некоторых вариантах игры, перед тем как повернуться, парень и девушка обменивались репликами. «Ну вот скамейку паставют и вот нас сядит: этыт на этыт, и... Яво спрашивают: “Куды едишь?” — “На базар”. — “Чаво купишь?” Вот там: “Канфет ли пряникав ли”. А патом ани пав*а*ратились, там скажут чаво пав*а*ратились и всё. Эта всё играли» [ЦМП, с. Чамзинка; СИС Ф2002-09Ульян., № 105].

И.С. Слепцова

ОБЕТ — см. Никольская гора, На святой родник ходить, Наказание за грех

ОБНОВЛЕНИЕ ИКОН

Обновление иконы есть чудесная трансформация облика старой иконы, приобретение ею качеств иконы новой. Данное явление в традиционной культуре наделяется глубоким символическим смыслом. В Ульяновском Присурье существует множество обозначений данного явления: *икона поновилась*, *обновилась*, *возновилась*, *осветилась*. «Абнавлялись. Ани являлись ночью. Да. Вот в таком жи види. Блистающиблистающи! У миня систра работала, учыцильницый ана работала, за Карсуном, в Ховрини. Вот там абнавлялись. Я хадила, мне жи интиресна. Вот у них многа абнавлялись. Блестят, блестят, прям блестят! Госпади, чудяса какии были!» [КЯП, д. Ольховка; ТГВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 12, 1981].

Чаще всего *поновляется* икона Божьей Матери. Показательны рассказы об осветлении Неопалимой Купины — иконы, более других связанной с символикой огня и чудесного света. «В Ховрини (я видь с горшками ездил везде) мы ночивали. Ну, там молодой, вот так тоже сапоги шил. В чулани шил, тут окошки закрыл. Сижу, у няво там лампа горит. Я тут сижу на диванчике и говорю: “Вань, у тя чё эт, свечка, что ль, на божницы?” — “Нет”. — “А чё жи?” — “Глидити”. И вот вышел. И вот мы сидим, икона снизу, с ног начала вот по сих пор-то [по грудь] — светлей и светлей, как свечка, светлей. И мы часа два посидели. И он бросил шить сапоги. И вот мы пока сидели, у ней вот так вот сделалось жёлта. А уж когда мы проснулись, тут нам хотелось понаблюдать, как эта будит. Когда проснулись, она уж как живая сидит. Какая-та Божья Матирь. Нипалима Купина, кажицца. И она, прям, вот сделалась свéтла-свéтла! Как свечка горит! Прям, видать в тимноте!» [ВОИ(1928), с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15].

Не все оценивают обновление как чудо. Встречаются скептически настроенные рассказчики, подвергающие сомнению чудесную природу события. «Это в войну было. В войну было. Най, обновлялись, ни най, себе только вот внушали» [ДЕП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16]. «Всё бегали: абнавилась, мол. Не знаю, правда, ни знай, ниправда. У нас таво не была» [ЧВА, с. Княжуха; ЧВГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1989]. «Эта была, был такой случай. Вот в старай комнате стаяли. Утрам встанут, а на них свечки пазалочины. Винцы на них. А кто эта делал — апять ни знай. А вапрос стаял так: как ана магла панавиццата? Муж ни верил, а жина верила. И жина ришила даказать: ана памима мужа аддала икону — иё пазалатили. Ана паставила: "Глянь-ка, икона абнавилась!"» [КАА, с. Пятино; СЕВ Ф2003-15].

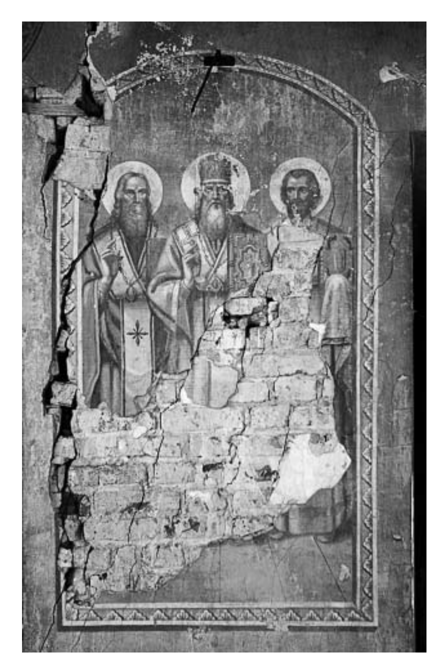
Икона в красном углу в с. Б. Кувай. 2009 г. Фото И.С. Павлова

Существует в народе свое — «естественнонаучное» — объяснение чудесной природы обновления икон. «Я ищ девкой была. Какой-то праздник. Все идут, народ: "У Шалявых-то икона обновилась, икона обновилась!" Ну, правды, пришли — смотрим: светлы каки иконы. Народ стоит, молюцца. Ну и мы помолились. Я говорю: "Мам, они светлы и были — ни верим. Мам, они у них таки были". А тут соседи говорят: "Нет. У них, грит, ни светлы были. А щас вот они светлы". Говорят, когда эти иконы делали — помазáли чэм-то. И оне чэриз, дажи ни тока чэриз дваццать-триццать, чэриз сто лет поновляюцца» [ВОИ(1927), с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-15].

Иногда природа чуда человеку непонятна. «Калякали вот тогда. Кто иё знат. Вот у нас дома глядим тогда. Ба, у нас, мол, поглянь, каки стали свежи. Да. Светлея. Тогда многии калякали, обновлялись. Как? Не знай чао. К чаму?» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16]. «У нас тожа вота икона абнавлялась. Все бегали глядели-та. Стаяла икона в этам — на поли́чки. И вот глядим: ана была кака-та чёрна. И вот делацца — абнавляцца. Вот на глазах у нас всё эта делалась. Я и то видала. И вот кто эта делал — ни знам» [КВН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4].

Большинство все же уверены, что чудо «сотворят» Господь. «У мня у самой поновилась. Ну почаму? Ну, вот каки чуды-ти получаюцца! Чуды-ти получаюцца. Хто вот иё обновлят? Сами ни знам. Господь! Господь!» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23].

Иногда чудо совершается постепенно на глазах человека. Это усиливает эмоциональное напряжение от увиденного. «Я ищё была малинькай дивчонкай, и абнавлялись иконы ж, вот старыи иконачки. Вот у всех. Иконачка, прям, свежая, как новинькая, прям, сделалась. Я харашо паглядела на астальныи в этат день-та. На другой день прихажу — палавина иконачки абнавлина, а палавина ищё нет. Вот эта больши всех миня заинтирисавала. И да сих пор эта у миня в галаве не укладывацца, как магло всё сделацца?» [ШЕП, с. Ащерино; ТГВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 1989].



Фреска в разрушенной церкви. С. Пятино. 2001 г. Фото И.С. Павлова

Чудо обновления икон осмысляется и наделяется функциональностью. Осветление икон — знак неблагоприятного периода в истории страны. Информанты, родившиеся в 20–30-х гг. XX в., рассказывают, что массовое осветление икон наблюдалось в период Великой Отечественной войны. «Вот гаварили, кагда-та раньши гаварили, что асвяти*лась*, ысвитились иконы. Вот в Инзи. Эта ж в войну. Там у адной ысвитилась икона. Ну, я ни видала сваими глазами» [ВАП, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. «Да, калякали вот тогда. Вот у нас дома глёдим тогда: “Ба! У нас, мол, поглянь, каки стали свéжи”. Да. Светлея. Тогда многи*и* калякали, обновлялись. У всех в одно время: ни най, в войну, ни най, посли войны. Нет. Прям посли войны. Посли войны» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16]. «Чё-то я делыла во дворе. Из бани пришла я. Иду. А у нас вот жар горит прям. Я мами говорю: “Мам, у нас иконы, это, ни *о*бновились?” Вот они у нас *о*бновлялись. Посли войны. Вот прям жаром горят, жаром горят!» [ИАП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-17].

Обновление икон воспринимается как показатель тягот («страха» и ужаса) военного времени. «Да, эта в войну было. В войну было. Наэрно, тогда какой *страх был,* наэрно, отражэние было. На всю Россею» [ДЕП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2003]. «Вот одно время иконы обновлялись. Эта посли войны вскори тута как-то. Иконы стоят. А вдруг она и засияла. Засияли весь пирёд. И они остающца такими жи. Вот именно посли войны. Люди сколько там пострадали. Сколько крови нивинной там пролита. Сколько осталось таких-то сирот. Страдали. Вот эта всё и есть» [АМФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-32].

Обновление икон — отклик Бога на просьбу о помощи. «Гаварили, что панавлялись. Как жар, грит, гарели. Это вот всё вот в вайну-та вот. Пачаму? Голад был, все прасили яво, штоб чем памог. У нас мама, рай [=разве], ни прасила? Паложит нас галодных десять чилавек. Рай, ана ни малилась?» [СЗА, с. Вальдиватское; ЛАП Ф2002-25]. «Вот адин год толька случалась. Вот в ваенна время. Ну ж тада така вайна была! Вот ани и [обновлялись]. А Бог-та всё-таки малил за всех. Все у Бога-та прасили!» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10]. Чудо обновления икон воспринимается как доказательство божественной поддержки. «Калякали вот тогда. Кто иё знат. Вот у нас дома глёдим тогда: "Ба, у нас, мол, поглянь, каки стали свежи!" Ни знай, Бог нас маненько к вери пригонят. У всех в одно время. Прям посли войны» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

Обновление икон может быть знаком определенных (как правило, негативных) событий, значимых для одной семьи. «Пожар у нас был. Пахватали всё что можна и иконы в сундуки пасавали. А жэнщина стала вытаскивать — иконы абнавились» [ШЕП, с. Ащерино; ЧВГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1989].

Иногда осветление икон имеет календарную приуроченность. «Я слышала, на Пасху иконы све́тяцца всё» [САП, с. Коноплянка; ЛАП Ф2002-64]. «У м*и*ня свикровь была. Вот пирид Пасхай, ана мне гаварит: "Дашинька, у нас икона, вроди, панавилась, кака-та стала светла-хароша". Госпади, Бог так саздаёт. Ну Бог есть: вера разна, но Бог адин» [ФАП, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-23]. «У нас иконы ни абнавлялись — ни слышала. А вот в Комаровки абнавлялись. На Девятую пятницу посли Пасхи. Многа народу была. И поп асвищал иё» [ТПИ, с. Княжуха; ТГВ, БНЕ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1981].

И в первом (осветление икон как знак трагедии, несчастья), и во втором случае (осветление икон как атрибут светлого праздника Пасхи) чудо призвано характеризовать определенный временной отрезок.

Чудо случается не у каждого, не каждый способен заметить чудо. Следовательно, чудо характеризует не только время, но и человека. Иконы обновляются у тех, кто ведет благочестивый образ жизни. «У нас у самих вота. Чё-то я делыла во дворе. Из бани пришла я. Иду. А у нас вот жар горит прям. Вот они у нас обновлялись. Я так думаю, у ко*в*о в семье мир, у тех, наэрна, и иконы обновлялись» [ИАП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-17]. Чудо воспринимается как поощрение человека за достойное поведение.

Рассказывают, что иконы осветлялись у *монашек* (см.). «Вот эта асвитлялись. У каво? У манашкав на гаре. Вота: две манашки, у них асвитилась. Ани Богу, ани Богу нужны» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-10]. «У нас здесь вот, на этим мести была, жэнщины жили здесь. Манашки ани. Ну, замуж ани ни выхадили. Давно уж сразу ана прасвитилась у них впириди. Божья Матирь — Казанска Божья Матирь. Вот ани дагадались, что такоя у нас. Чой-та у нас в углу как свэтло. Вот у них тада [икона обновилась]. Бегали глядели. Посли вайны. Бегали глядели» [МЗЕ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. Чудо становится подтверждением особого статуса монашек.

Иногда чудо воспринимается как награда за страдания, ниспосланные Богом. «В наший диревни жила адна жэнщина. У ниё была бальшая симья. Но так случилась, что посли синакоса ани все уселись в грузавик и паехали дамой, а эта машина налитела на пинёк и пиривирнулась. Посли этай страшнай аварии муж и четвира дитей пагибли. А ана чудам уцилела. Посли этава жэнщина очэнь часта начала малица. Аднажды утрам ана проснулась и увидила, что иё комната была вся асвищина иконами. Ана взяла адну икону и атнясла в церкву. Да сих пор люди молюцца на эту икону, а ана как новая» [ФПП, пос. Сурское; КЕА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1991].

Обновляясь, икона показывает человеку, что он поступает правильно по отношению к ней. «У меня у самой плакала икона. Я иё сама абидила. Ана у миня стаяла в пиреднем углу, а я иё взяла и на кухню выставила. И ана у миня вот заплакала. А патом вот кагда я маме сказала. Я гаварю: “Мама, икона плачит”. Ана гаварит: “Дочынька, зачем ты иё в кухню — ана на тибя абидилась”. Я иё апять паставила на сваё места, но ана у миня как абнавилась — ана стала светлая!» [ТВМ, с. Чамзинка; КАМ Ф2002-15]. «У мня у самой поновилась. У нас спирьва-то эти разоряли. И вот выгнали нас с квартиры-ти, и она в анбари лежала. И вот я из анбара её принёсла. И она была чёрна-чёрна. Чёрна. Вся чёрна. Ищ вон угол-то остался. Вот. И она вот зажгёшь этот огонь, свет-ат, и она вся, как яньтарна. А ища ездила, мне операцию сделали, я ни видала, а у мня племянница приехала, говорит: “Крёсна, у тя как икона-та стала, ты чоо падде*лы*вала?” Я вот говорю: “Ничао”. — “Эт она у тебя поновилась”. Вот болею, болею — она у меня была чёрна-чёрна, вся чёрна. А щас вон стала какая! Ну, вот каки чуды-ти палучаются! Чуды-ти палучаются» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-23].

А.П. Липатова

ОБОРОТЕНЬ

О*боротнями* в Ульяновском Присурье называют людей, умеющих изменять свой облик (ипостась). Данная способность нередко осознается в ряду других необычных умений и знаний, которыми обычно наделяются ведьма или колдун (см.). Это обусловливает нередкое отождествление указанных персонажей и соответствующую номинацию. «Вот этих людей [=умеющих оборачиваться] называли “калдуны”» [ПАН, с. Араповка; СЕВ Ф2007-18]. «Одна колдунья была — вот по ночам всё то козой, то свиньёй бегыла за молодёжью, делылась» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-13]. «Да вот, наверна, эта самыи колдуны, каторы оборачиваюцца» [КРГ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-7]. «Ну, гаварят, там ведьма кака-та бегыит или там свинья, мыл, какаи-та бегыит. Чилавек — а вроди в свинью привратицца. Или калдун какой-та бéгыт, — каму-та чаво-та видицца» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян.].

Часто номинации данных персонажей даются через отглагольные наименования процесса оборачивания (при этом само название «оборотень» может не использоваться рассказчиками: указывается некто, умеющий *обращаться*, а также его конкретный облик). «У нас вот адна была женщина, умярла тожи… А магазин у нас вот был на праулки, яво щас нет. И придсидатиль калхоза (яво тожи нет — все по́мирли)… И ана ибратилась сабачонкай чёрнинькай. Бегат и бегат, грит, бегат — па *о*кошкам бегат. Он иё паймал, паймал — атрезал ей уши. Ана долга хварала, очинь долга… И пиристала [оборачиваться]. Снаху тада ана испортила — нихароша была баба. Вот бегыла, вот ани делыюцца как-та кошкими, сабакими, делыюцца как-та — вот калдуют» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян.].

В Ульяновском Присурье встречаются следующие номинации процесса оборачивания: *сделыицца (делыцца, делылась), стано́вицца, обирнёцца (оборачиваюцца, абращалась, ибратилась), пиривёртывацца, кувы́ркуюцца (пирикувы́ркивылись), пирика́тицца, прыгали и пириварачивались, наряжался (нарижались), пирипрыгивала (пирипрыгнуть).*

Основные ипостаси оборотней — различные животные и предметы. Наиболее часто упоминается облик домашней скотины — свиньи, коровы (теленка, быка), овцы, козы, барана или лошади (жеребенка). «Ну, вот у ней [=односельчанки] мать-та была колдунья. Вот сделыицца тилёнкам или ищё чиво, или свиньёй сделыицца» [АМК, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-5]. «Люди видали: вроди таво [одна] абарачивалась в свинью» [ЗАА, с. Потьма; СЕВ Ф2005-47]. «Лошидью абарачивались. Адин раз на стрелку ездили два раза, грит, за снапами. Ни лошидь, а чилавек абарочинный, вот видали» [СЕВ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-3]. «Ани идут шесть старушкав — все сродницы, <…> и вот атколь взялси барашик — и в ноги пырят. Ани, старушки, бягом побяжали — он за ними» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян.].

Также рассказывается об оборотнях, превращающихся в таких животных, как кошка, собака, реже — волк. «В виду́ кошки или чем-та она [=односельчанка] делылась» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-30]; «Да, можит: можит и в кошку, можит и в сабаку. У нас вот адна была женщина, умярла тожи. <…> И ана ибратилась этый… сабачонкай чёрнинькай» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян.]. «Оборотни-то наряжались — волком или собакой, а потом человеком делался. У нас в селе мужчина ходил — волком наряжался» [СИС, с. Ждамирово; ММГ ФА УлГПУ, ф.17, оп.2, 1981].

Иногда называются предметные ипостаси — например, колесо, бревно, самовар. «Вот мы, бывала, грит, идём — катицца колисо, да и всё, катицца, грит, колисо. Ну, в зимнии время катицца колисо, — откуда? На тилеге ни ездют» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-30]. «Мы, грит, сидим, а вот Мёртвый-та праулак у нас вот здесь. Сидим, грит, вот окыла ниво (ани вот тут в улици жили) — рибятишки, дивчонки сидим, говрит, глянула: "Эта што в Мёртвым праулки — самавар! Самавар — и ножки, и всё, и ат ниво — пых! пых! — прям огонь!» [УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян.].

«Рассказывыли: и свиньёй оборачивацца, и тилёнкам, и лошидью — любым — и бривном, и самаварым» [ВНГ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-31].

В некоторых случаях важнее оказывается сообщение о самой способности оборачиваться, чем уточнение ипостаси. «Чем захочишь, тем и абирнёцца. <…> И вот на каво он там задумаит — ну, там на парасёнка, или на о́вцу, или на ко́зу, ну, на чё задумат — и тем становицца» [ВНГ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-31]. Однако в описаниях непосредственного столкновения с оборотнями их облик всегда конкретен.

Одним из важных признаков, благодаря которому, например, во встреченных собаке, свинье или жеребце распознается оборотень, является странное поведение животного. «Да, нидалико жила с нами. Наридилась сабакой, каляски вон малинькии, дитей вазили, диривянниньким калясычки были, ана наридилась, а эта баклушина была загорожина, запружина, ана круг этай и бегыт, и бегыт с калёскай-та. <…> Как запряжёна эта в каляску и носицца круг, ага, наридилась сабакай и хлыщит. Ана нариди́цца, — ана ни чилавекам, а нариди́цца или там каровой, или там сабакай, или чем» [КПТ, БРА, КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-16Ульян.].

Для того чтобы заподозрить в животном оборотня, иногда достаточно элементарных отклонений в обычном поведении. «Сабакый нарижались люди, свиньёй, — па-всяки. Раз пришла с работы — у миня на дворе лижат две свиньи. Выкыпыли, главна, ямы и лижат — адна эдак, другая эдак [показывает рукой на разные стороны]. Аткуда взились свиньи? Я взяла харошу шилушину да давай их гнать са двора-та. Угнала, а нада мной смиялись патом: "Загнала [бы], грит, да зарезыла!" Я грю: "Ну, да! Валхуны́ [=колдуны] каки-та, а я буду резыть!" Вот. Были» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14].

Обернувшийся может преследовать свою случайную жертву, пытаясь не пропустить далее, укусить, «запырять», навредить, что также служит его опознавательным знаком. «Идёт чилавек, падходит: думашь, эта чилавек, а эта свинья… И ни даст тибе ходу, ходу никакова ни даст. И да тех тибя будит мучить — да самыва двара» [МАМ, с. Тияпино; МИА Ф2001-18Ульян.]. «А то одна коровой оборачивылась. Эта моя мать россказывала: мы, грит, шли один раз с улицы — бяжит и бяжит за нами корова, бяжит и... Мы, грит, на крылец — и она за нами на крылец, да» [ПМЯ, с. Никитино; СЕВ Ф2009-12]. «Вот сделыицца тилёнкам или ищё чиво, или свиньёй сделыицца. <…> Вот бегат за тобой и корму ни просит и ничиво» [АМК, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-5].

Помимо странного поведения обернувшийся распознается по необычному внешнему виду и другим характерным атрибутам: цвету шерсти, большому росту, искрам из-под копыт и др. «В овраги-та у нас колодиц, вот дохожу я до этыва колодца — стоит собака, вот такая вышиной [показывает от пола рукой], бе́ла, бе́ла-бе́ла, как снег. Как эту пасть разинула, пасть-та уж больна страшна. <…> И вот нивидимай [=невиданной] высоты, прям вот такая собака» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-13]. «Вот идём мы аттуда, вот да аднаво дома даш-

ли, где эта щас Тамара Качиткова живёт — в их праулык. И из праулка выходит лошидь сéра в яблоках. А из-пыд капыт прям эти — литят искры. Мы напугались — в абратну пабягли» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14].

В отдельных рассказах поведение оборотня близко к действиям других мифологических персонажей — например, преследующий оборотень, как и приходящий мертвец (см. *Летун*) или русалка (см.), может спрашивать свою жертву, едва спасшуюся от погони: «Что, догадался?» «Шли мы гадать, и бежит за нами свинья. Дошла до крыльца и говорит: "Догадались?"» [ЕПА, с. Елховка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 2, 1981]. «Сабачонка — бижит и бижит. Ани атпугывают, ана никак. Прям да дому дашла, да дому дашла, и вот он, тада Ваня-та рассказывал, как щас помню — в избу вбижала! [Она] гаварит: "Што, напугался?"» [БАГ, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян.].

В качестве основной цели «перевертывания» наиболее часто называется желание оборотившегося «людей пугать», «навридить». Характерно, что оборотнем могли пугать детей (см. *Пугать*). «[Оборачиваются] людей пугать, може, какого досадчика кусать, пугать» [САВ, с. Ждамирово; ММГ ФА УлГПУ, ф.17, оп.2, 1981]. «У нас в селе мужчина ходил. Волком наряжался. Испугать хотел» [СИС, с. Ждамирово; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 2, 1981].

Иногда это стремление данного персонажа специально мотивируется: оборотень преследует своих обидчиков, чтобы отомстить; обратившаяся родственница (например, мать или тетка) хочет помешать влюбленным встречаться и т.п. «Наряжались лошадью. Была покойная Матрена: нападет на человека, изломает, на кого зла» [ПТИ, д. Кольцовка; ММГ ФА УлГПУ, ф.17, оп.2, 1981]. «И тем становицца [=обернется], и бегыит за рибятишками, за дивчонками — пугаит» [ВНГ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-31]. «Но делыли. Зачем? Она жи бижит — как чилавеку навридить. Вот ведь она для чиво бижит. Вот так» [ЕЛА, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-14]. «У нас вот, я гаварю, мать-та арапывска, а у ней был брат старший, Аляксандрым звали яво, в гражданску [войну] пагиб. Он хадил к адной в Араповки — Дунькай звали, грит, девку, мать всё рассказывала. А ей этый ни нравилысь — тётки: "Брось хадить к Дуньки! Брось, Санька, хадить к Дуньки!" Он грит: "Как ей ни нравицца!" Ана, видна, этим делым-та занималась, хатела иво напугать. Свиньёй ибратилась, а он ни растирялся: сел на ниё вирьхом, и уха атрезыл ей, в платочик завярнул... А наутра-та пашёл к ней, к тётки-ти: ага, ана лижит на пичé, завязанна, пиривязанна: "Тётка, эта ни твоё уха-та? Я, — грит, — резал свиное, а принёс дамой чиловечьи!" Ана: "Дурак! Я проста папугать тибя хатела!"» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14].

Естественной и наиболее распространенной реакцией со стороны человека на такую встречу является испуг, стремление убежать, скрыться от преследующего. «Ну, éдим с улицы там всё дамой уж на виласипедах, и вот тут у школы выбёгат свинья са стороны. Ну, мы вроди напугались и — шибче» [ААА, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-5]. «А у миня была их троя [=сестёр], да. И вот ана бижит из клуба: "Скарей аткрывай мне!" Крылец вот атсюда,

а за ней свинья бижит, прям вот эдак бижит и бижит свинья. Топ-топ на этим, — я аткрыла, ана забигла ка мне, и всё... А ана [=свинья] встала и пашла. Ну, у нас нидалёчка была тут така старуха, ана — обырытинь» [УАП, с. Потьма; СЕВ Ф2005-47].

Если жертва находится далеко от дома, то нередко преследуемый остается ночевать у родных и знакомых (поскольку встреча с оборотнем почти всегда происходит в темное время суток). «И я, значит, мы с ней сидим на крылечки (вот на этай старане мы жили, на другой — ани), сидим на крылечки, всё. Уже поздна, ночью свинья. Мы с ней скарей в этат — ва двор, в дом. Я грю: “Люба, я ни пайду дамой начивать, ни пайду!” <...> Наутра дамой прихажу, папа гаварит: “Ну, всю ночь свинья хадила у двара! Всю ночь хадила вакруг дома!” Вышил — паглидел: свиньи сваи спят» [УЛА, с. Белый Ключ; СЕВ Ф2009-14].

Другой реакцией на встречу с оборотнем является применение определенных защитных средств: например, читать молитву, бежать не оглядываясь, использовать определенные магические приемы. После этого оборотень обычно исчезает. «Вот здесь ищё какии калдуны-та: ани то свиньёй обаротюцца, то каровой, то чем. Я адин раз иду (эта бы́ла, наверна, ну, часов в адиннадцать [ночи]), и мне карова навстречу: рага бальшие, вымя вот эдака [огромное]. А я вот эдак: “Ма!” Я взяла... я к кой-та калие [=колее], и ана мне эдак. Я на другую — и ана за мной! Я стала и начала читать “Живыи помыщи”, и ана прапала» [ВЕМ, ВРМ, с. Засарье; ЦАЮ Ф2000-9]. «[Встретила собаку-оборотня] А мне кто падсказал, тогда ищё ни в этай [деревне], а раньши я от ково-та слыхала, што от страсти нада бижать ни оглядываись, и я мима ниё прабижала, прабижала, аттуда в гору, прабижала, бижала-бижала, в гору выбижала, оглянулысь: бижит ли за мной или нет? <...> Ищезла кудай-та» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-13]. «Эта у нас папа... Где-та вот здесь вот пилили. Ну, и в адной диревни кончили — пашли в другую. И вот, грит, аткуда ни вазьмись — свинья. Бижит и бижит, бижит и бижит. Мы, грит, иё абарачивам-абарачивам — ана ни в какую. А ведь у нас папа — он набыжный, малитвы ведь всякии знат. “Ну, грит, если ты правдышня свинья, то ты так и пабижишь. А если ты тут чем... то я тибя пакружу тут”. Ну, вот. Он два раза, значит, пирикристился, памолился, всё. Ана и ни туды — и ей и назад-та ни идти и впирёд-та ни идти. <...> Ана [=оборотень] гаврит: “Ударь! Памались и ударь третий раз нао́тмышь! И варачусь дамой”. Эта вот папа сам рассказывал. Раньши всяких причудав» [ГМН, с. Аркаево; ППС Ф2008-2].

Противодействовать оборотню можно не только испуганным бегством, но и ответным нападением. Мужчины или «лютáя» молодежь ловили и избивали оборотившегося, стараясь нанести ему увечье (отрезать ухо, выколоть глаз, отрезать пальцы, выстрелить из ружья и т.п.). Эти действия совершались с целью проучить оборотившегося (чтобы перестал «этим делам занимацца»), а также для того, чтобы затем определить, кто именно

«пириварачивацца». «Да, да, у нас эта бы́ла, бы́ла. Раньши ходили портныи по сёлам шить, и вот они, значит, шли в Ждамирова-та — за ними привязалси поросёнак. Ага. Бижит и бижит, они иво пугают и всё — он бижит и и бижит. Один, значит, догадалси, в чём эта дела-та, взял ножницы — ёму ухо отхряпнул, и он, значит, убижал. А потом, значит: “Ну, кто, кто?” — и разузнал ведь кто-та: отрастил длинны воласы, ухо закрыл, штобы иво ни узнали, узнали, што вот эта он, да» [БЗИ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-12]. «У нас вот тут пыд гарой был дом — жила старуха. Вот у ней была систра Ирина — всё гаварят, вот тада пириабарачивались, <...> делылась там лошидью. Вот ей глаз праткнули, вот ана кагда бягла быком-та, и вот ей пикай и папали в глаз, вот ана тада была кривая-та, Арина кривая, да-да-да. Вот ана, грит, вот этим занималась» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-13Ульян.]. «Эта были: у меня пашла систра на улицу, а вот здесь дом бальшой стаял, он у нас с калидорам, вот и за ними пабягла свинья. Ани на этат крылец пабягли, залезли, а ана, грит, хрючи́т. Ну, ани сидели-сидели: “Айда!” — тут сиденка была рядам, сидели в сиденки рабята, девки. Пабигли туда — ана за ними, ани вылитили, адин гаварит: “Эх, у миня ружьё где-та! Ружьё, щас, грит, застрелим!” Ана тихонька-тихонька и убягла» [ЖЛЯ, с. Араповка; СЕВ Ф2007-18].

Ситуация опознания оборотня в некоторых текстах описывается как своего рода детективно-драматическое действо, специально направленное на разоблачение «преступника»: через некоторое время после нанесения увечья «подозреваемого» навещают, чтобы окончательно убедиться в правоте своих предположений. После такой встречи оборотень обычно «бросает ходить». «Ну, как тёща, дяди маво раднова тёща была Кезьминска, — храмая... Иво батюшка жинил на ней, ни то, што ана... а за какиита грихи. У ней была дочь. И вот эта самая тётинька — ана калдавала, привращалась в сабаку. Ана жила в Кезьмини, а дочь тут. И вот, грит, ни раз придём, грит, утрам карову даить — малака нет. И дядя Вася пыдкарулил... <...> Он, грит, пыдкараулил — тяп ей [=собаке-оборотню] два пальца тапаром! И всё — ана ищезла. А, грит, поглядел: пальцы-та чилавечьи, а ни сабачьи! Он, грит, гаварит сваей жине: “Айда-ка, праве́дам мать-ту: ни хварат ли? Што-та эта...” Приехали, грит, — ана на пичи лижит. “Ты што, мамынька, лижишь?” — как ведь бывала. “Да вот, Василий, — пальцы атрубила!” А он, грит, ей вынимат: “Эта вот ни твае?”» [ГМН, с. Аркаево; ППС Ф2008-2]. «Мать моя — сама очевидец. У ней портной жил на дому. Вечером они сидели, значит, сидели с лампами. <...> Под окном ходит свинья и хрючит. Он подошел к окну. Кто, мол, тут? А она хрючит в окошко. Ему говорили, что наряжался кто-то. А он взял портными ножницами и ухо-то обрезал ей. А утром-то пошел — ранние сходки были — заявил в Совет и стали всех созывать. Ну, вот когда созвали: “Скажите, кто, сознайтесь, у кого уха нет!” Никто не сознался. Тогда стали из помещения по-одному выпускать и проверять. У одной старухи уха-то и нет.

Жандармы ее плетью попороли, побили. Она клятву дала, что больше не будет» [ШЕТ, с. Ольховка; ММГ ФА УлГПУ, ф.17, оп.2, 1981].

Помимо описания встречи с оборотнем в рассказах и поверьях об этих мифологических персонажах нередко (но не всегда) детализируется способ оборачивания. Чаще всего упоминается двенадцать (один, шесть, девять, семнадцать, двадцать, двадцать шесть) ножей, через которые необходимо «перепрыгнуть», чтобы принять желаемый облик. В отдельных случаях этот процесс максимально детализируется: для «перевертывания» в двенадцать часов ночи уходили в баню или «дальши с глаз, штобы ни видили никто» [БАГ, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян.], втыкали в пол или землю ножи «лезвиим вверх», читали заговор и несколько раз «пирикувы́ркивылись» (иногда — через спину). «Да, гаварят, нужна вот иметь, ни знай, адин, ни знай, девить ли нажей. И вот эти нажи в астриё ставят и чириз них… ани какой-та загавор гаварят и — кувы́ркуюцца… Да, и привращаюцца вот в эту в свинью или ва што-та. Такии вот вещи» [АВИ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-14]. «Как-та ана умела чириз двинадцать нажей — пирикувыркнёцца, пирика́тицца свиньей, да. Калдывала чёрнай магией» [УЛА, с. Белый Ключ; СЕВ Ф2009-14]. «Вот двянадцать раз чириз нажи пирикувыркну́цца чем ты — на чаво ворожишь. <…> Делыцца он и ходит ночь-та, и ходит» [МАМ, с. Тияпино; МИА Ф2001-18Ульян.]. «Пириварачиваюцца чириз двинадцать, грит, нажей. Да, лезвиим так вверх, наверна…» [БАГ, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян.]. «В бани в двёнадцать часов — чириз десить там чириз двадцать [ножей] там прыгнут — сделаюцца свиньёй или лошидью» [САП, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-10].

Изредка также рассказывается о необходимости пройти «о́гнинну рику́» или «агня́нный рот» лягушки, для того чтобы научиться оборачиваться. Данные представления подтверждают близость персонажей «колдун» и «оборотень» в традиционной культуре. «Эта ж как-та чириз ножи прыгают, там нада о́гнинну рику́ им проходить. Ну, эта книжки чёрны, чёрны книжки читают. А эта им наводне́нии [=видение] в глазах. Вот у нас адин был горбатинькый Костя. Мы в сильпо [=магазин сельского потребительского общества] грузчиками роботали, тода строились. А он и говорил: "Я читаю эту книжку, чёрну книжку, всё её… нада прыгать", — не най сёмнадцать ножей, не най, сколь, — как в высоту ли, я ни скажу, так ли класть, как он — мы иво ни допытывылись. Грит: "Всё я прошёл, — там много этих вон — по книжки всё, — но, грит, о́гнинну рику́ я ни прошёл", — штоб вот обырытним-та быть. Он нам россказывал, да» [ЕЛА, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-14]. «Свиньёй, лошидью [оборачиваются], — по-всякаму, грит. И свиньёй хрюкыла во всё и хадила, — хрюкыла-хрюкыла. <…> Ани, гаврят, вот раств… как, гаврят, вот лягушка — растварят вот такой агня́нный рот, и вот чириз этат рот, грит, ани пралазют, када учуцца кылдавать. Вот я слыхала. <…> Кувы́ркуюцца, грит, лазиют — то пад стол, то пад краватью, то так вот» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-14Ульян].

С представлениями о способе «переворачивания» связано описание еще одного типа взаимодействия оборотня и человека (помимо бегства и нападения): случайный наблюдатель может увидеть или каким-то образом помешать процессу оборачивания — например, украсть ножи, обнаружить одежду перевернувшегося. Эти действия также могут быть направлены на то, чтобы прекратить «хождение» оборотня или узнать, кто «нарижаицца». «Эта мама россказывала: тожи у одново жина пропадат и пропадат, — да што ты, куда: как двянадцать часов ночи, так и убягат, убягат из дому. Яму стали говорить: "У тибя жина наряжацца свиньёй". <...> Он один раз вот так вот взял да послидил за ней, послидил, куда она пошла. Пошла в баню. Раскладыват двинадцать ножей, чириз них, чириз эти ножи пирикувыркивацца три раза, — и свинья, выбигат и — свинья. Да, он увидил эта и взял ножи-та спрятал, эти ножи взял да спрятал. Она, слышь, три дня домой-та ни приходила: побегат-побегат, прибижит — ножей-та нету, побегат-побегат — ножей-та нету. Он взял и положил одиннадцать ножей, а двинадцатый ни положил. Она пирикувыркнулась, а ушей-та нет, уши-ти — свинячьи остались. И ходит в платке. Он иё спрашиват: "Ты што, Мань, ходишь в платке?" — "Да так просто што-та, ни знаю, хожу в платке и всё". — "Ну-ка сними платок-та!" — она ни снимат. "Сними, сказал, платок тибе!" Она яво начала просить: "Иди положи ножик-та, положи иди ножик-та". Он пошёл положил ножик-та, она три раз пирькувыркнулась — и уж всё нармальна стала. А эти ножи закинул» [ГАА, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-2].

Отметим, что, несмотря на актуальность рассмотренных выше представлений, в настоящее время, рассказывая об этих мифологических персонажах, информанты соотносят описываемые события в основном с прошлым (иногда — отдаленным). Распространенным объяснением того, почему сейчас мало говорят о встречах с оборотнями, является утрата «веры» (в широком смысле этого слова) и, как следствие, — падение нравов: люди сами стали похожи на оборотней и нечистую силу. Сентенции о прошлых временах и сегодняшнем падении нравов часто оформляются с помощью сходных речевых оборотов и обычно выполняют функцию финальных формул рассказа о конкретном случае столкновения с «перевернувшимся». «При мне, я ни знаю… Вот абарачивались — эта раньши рассказывали» [ЗАА, с. Потьма; СЕВ Ф2005-47]. «Раньши и люди ни знай какии были, а ныни никто ни пиривирнёцца, никто ни напугаит никаво. Сам чёрта напугашь!.. Щас чёрту-та рага паабламаит маладёжь!» [ПНВ, ПА, с. Вальдиватское; СЕВ Ф2005-4]. «Были эти [=оборотни]. Но щас ни знай: щас сами — как враги. Щас, наверна, ничаво нет» [УАП, с. Потьма; СЕВ Ф2005-47]. «И уши атризали, да. Раньши… щас маладёжь ведь ани ни верят, щас этава нет, а раньши парассказывали — вот жила я среди этих ба́бык — у-у-ух, Божи мой! Сколька всяких чудес» [УЛА, с. Белый Ключ; СЕВ Ф2009-14].

Е.В. Сафронов

ОЗОРСТВО

О*зорство* — игровая форма поведения, близкая по смыслу к подшучиваниям и розыгрышам (см. *Дразнить, Подшкунивать, Шутить*). Озорством считались выходящие за рамки шуток действия с глумлением и нанесением материального ущерба. Их разновидностью являлись календарно-обрядовые формы бесчинства (см. *Духов день, Кузьминки, По кельям ходить, Святки*), которые нередко завершались порчей имущества, а иногда и личным насилием.

Наиболее безобидные формы озорства связаны с общением в группах детей, подростков и молодежи (см. *Гулянья, Сидеть в кельях, Играть в кельях, Троица*). Например, при общении в смешанных компаниях нередко «рипьи кидали — и в голаву, и ни знай как. Ну как жи? Вон набярут йих — рипьёв пално видь! — набярут, сложат и кидали. В воласы закатывали. Да и дивчонки, канешна! И бальшии, и малинькии. Зна*а*шь какея? Ани хлешчи были рабитишек! <...> Вот эти ребятишки-те [=мальчики] идут. А ане, дивчонки, набярут в лапухи пыли. Как ане идут — раз! — пылью-та в них. Да. Азаравали. Эта тут Паня*е*ва, ана рулила. Маруськай звать. Эх, ана и азарница была! В лапух-та набярут пыли-та, кинут в людей-та, ой! <...> А то “ве́треницами” — хлысты вон срубют да па дароги-ти [тянут]. *А* на дароги пыль. Тагда видь асфальту-та не была, а вот была пыль. Вот видь кака*я* пыль-та была! И вот “в ветреницу” — сучок хароший сламают, как “па́шит”. И пыль. Да» [СФН, СЕВ, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 78–81].

Такие типы озорства очень характерны для взаимоотношений девушек и парней (см. *Матаниться, Сидеть в кельях*). «Ну, азаравали, как азаравали? В клуб [ходили] па сялу, вот там мост бальшой, на мост. Щас мост уж ни такой, а мост был с пирилами. Ой, пели песни, ой, караул! И гармони-ти, и пели, и всё. И в гармонь, и у каво гитара, у каво балалайка, у каво мандалина. И вот здесь вот в дирявушки-ти грязь, а там, гаварят, суха. Вот вазьмёшь белыи тапачки с сабой (раньши были тапачки — вот места́ эти вот так завязаны), а туды идёшь в ступня́х. В ступнях прайдёшь да моста-та, в дупло сунишь йих, а тут нарядишься, наденишь насочки, тапачки — и пашол! Ну, а адин паринь (он щас умир) увидал, [где] мы кладём ступни: раз прапустил нас, два прапустил, а третий раз пола*я* вада была, он нашол эти наши асмётки и па ваде пустил. А нам [идти] пришлось в чем? “Нет! — я гаварю. — В тапачках нет, я лучши басиком дамой!”» [НЕИ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 55].

Во время гуляний и сидения в кельях парни вымещали возникавшие во время конфликтов из-за девушек обиды в различных формах озорства, граничивших с бесчинством. «Рабята ни *а*заравали над нами. Ане вот стякло били. Бывала, лампы видь гарели са стёклами. Кой вот пьяный придёт дибашир, лампы, стёкла вот били. И мы яво тут жи выганим, этаво пьянава. А стёкла запасны мы держим — как же, пьяны-ти ходят! Асобинна вот *на* маслиницу гуляют, всё выпимши. Мы уж стёкла запасны держим. Вот.

Придёт на другой день: “Пакупай стякло — раскалол!” Атдаст дениг сколь. Пять да десить капеик были стёклы-ти. Атдаст» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 73]. В с. Б. Кандарать парни мазали дегтем лавки, на которых компании молодежи во время летних гуляний (см.) сидели у дворов. «Дёгтим мазали сиденья. Вот где сидим на лавки, вазьмут и намажут. Азарство была. Летам-та у дворьив сидели. Вот вазьмут и намажут. Всё — прилипла!» [КЗА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-25Ульян., № 83].

В с. Проломиха вспомнили о случае, когда чужие парни повредили половицы в доме, где проходила келья, чтобы девушки, выходя из избы, провалились в подпол. «У адных келья-та была, а другии-та выламали в синях-та пол. “И ани как лители в подпал-та, лители, — гаварит — дивчонки-ти!” А я адну гарбатиньку*ю* помню. Вот ана гарбатинка*я* была, замуж ни выхадила. Эта, гаварят, иё тоже вот на святки напугали вот в келье. Упала и напугалась, напугалась, да. Эта в келье, гаварят, с ней случилась. Так ана и асталась гарбатинька*я*. Я толька эта уж слыхала. Ну я эту помню старушку гарбатиньку*ю*» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 84].

Парни использовали озорство, чтобы опорочить не угодившую им девушку. Девушки, в свою очередь, могли платить им той же монетой. «Вароты мазали дёгтим нивестам вот, дивчонкам. Да. И дивчонки-ти некаторыи, штобы парню [отомстить]. Да. Мала та*во*, напишут там чаво. Да. Ну эта, канешна, пазорна, да. Уж как, вроди: “Вот какая ты!” Да» [СФН, СЕВ, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 87].

В каждом селе были люди, славившиеся своей склонностью к различным шуткам, розыгрышам и озорству. «У нас здесь вот на Макрушке бальшинство то*ль*ка вот Паня с Марусей азаравали. Вот. Ани абои эдакии *а*зарники. И вот Паня-та сани на крышу завазил! Мужик уж, а дитей не была. Эта сорак с лишним лет яму, чай, была. На крышу сани-ти! Низинькый был дом-та, а сени вот ищо нижи. Ну, там снегу нанясло. А та*г*да сняга — прям наравне с сараими. Он раз — и на крышу завёз сани сваей Марусе. Утрам, да. И вот трубу-ту заткнул, и сани ей. Дыму полная изба! Эта *а*заравали прям. Да, да. Он и у миня тожи сани кинул в речку, да. Эта *у*ж вот он жанатый был. Я-та там — фирма за сялом была — ну, и он всё на лошади ездил дамой. И у двара сани-ти были, а он раз йих — в речку атвёз и прям с маста ваткнул аглоблями в воду. Ну, я ка*г*да вышил — [саней] нет, а сляды-та жи есть. Ну, думаю, увизти нихто ни увизёт! Вон — хвать, раз, иду, а ани аглоблями-ти тарчат! Вот такой азарник! Всё время азаравал» [СФН, СЕВ, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 87]. «Эта вот ни очинь давно была. Эта вот щас калхоз вот пару́шин [=разорён], года три наверна. И стрелинска адна женщина, татарка, работала даяркай у нас здеся. Здесь у нас были стреленскии. Вот Бахметьивка и наш*а* Сяло — всё была савместна, адин калхоз. И вот ана нарижала чучилу-ту. Вечирам всё паставит “мужичка” — наденит ватныи штаны на няво, сапаги бальшии ке́рзавыи, вот. И к крыльцу к двери паставит. Двери атворишь, он бряк на тибя! Вот как чилавек — чилавек стаит. И руки,

и всё у няво, всё сделаа*а*т. Зна*а*шь как испуга*и*сся! Ну, щас уж тут некаму балавать-та» [НЕИ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 53].

Молодежное озорство нередко имело характер глумления и включало в себя элементы эротики. «Вот дивчонки, сидим мы на посиденках. Малодинька тагда была — симнадцать лет мне была. А избёнка была малинька прям.

Молодежь из с. Астрадамовка. 1930-е гг. Фото Р. Покщаева

Да. И вот, значыт, сидим, а кто-та штаны скинул и топат. Ну, ноч, дела-та вечырам. А я чо? Падхажу, гляжу в акошка-т*а*. Малодинькая была, гаварю: “Ма! Вот эта, — мол, — морда!” А эта женшшина-та, каторая у нас была хазяйкай, ана гаварит: “Да, жопа-та бальшая!” А я гаварю: “Язык-та какой высунул малиньк*ий*! Эта што такое?” Ана гаварит: “Да, жопа-т*а* бальшая...” Ана, видна, панимала, а я, малодинькая, ни панимаю. Я думаю: “Чо эта такое?” А он, значыт, жопу и яйцы тут, и всё! Ну *а*заравали, *а*заравали. Ты што! Эта в сиденках вот *а*заравали» [ЕАЯ, с. Княжуха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2000].

Среди распространенных форм озорства подростков и молодежи — разбрасывание поленниц, перегораживание улиц и выходов из дома, порча транспортных средств, а также различные манипуляции с ними (загораживание, затаскивание на крышу или в иные труднодоступные места). «Вот то дров накладут пално на крылец, то тилегу среди улицы выставют. Утрам пагонют стада, а там вся дарога загарожина. Эта летам, летам, в любоя время. Каму ахота *а*заравать — *а*заруй! Я ни *а*заравала, у нас дедушка строга*й*, он ни разришал. Где чаво на*а*заруют, или кто где раздирёцца, ой, бигём. “Вы што?” — “Там вот хто дирёцца, вот хто дирёцца!” — “Всё, ни гу-гу! Пусть услышат ни от вас!”» [ГНФ, с.

Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 80]. «Озорство было. Вот уже повзрослее были — в восьмом классе, в девятом. Вот, например, колодец, а рядом таратайка какая-нибудь лежит. Вот нас человек восемь соберется — она тяжелая, эта таратайка. Мы ее возьмём и на этот колодец ее и повесим. Мама приходит: “Батюшки!” А нас две сестры, один брат и еще сколько по улице, и с других улиц. “Фед*я*, иди-ка пасматри, чаво тут эта вот? Я ни знаю…” Он: “Чаво там ты?” — “Да пасматри, бабы сабрались возли калодца. Там ни зна*ю*, чаво? Вон таратайка наша, наша таратайка висит на калодце, и никак никто ни снимит!” Или, например, лежат напиленные кому-то доски, крышу покрыть. А мы возьмём эти доски да тротуаров наложим — как вот эти вот тротуары. Или начнём дрова раскатывать. Всё равно кому, просто вот пошутить, поозоровать. Просто, как бы сказать, было молодо-зелено. Кто заметит, нас гоняет прутом. Мы убегаем» [КЕФ, д. Жемковка; СИС Ф2007-03Ульян., № 42, без транскрипции, кроме специально выделенных рассказчиком речевых оборотов]. «Были какеи-та вот низаметны што ли? Чаво-нибудь начудят, увязут, унясут — и всё. Вот адин раз вот здесь вот тилега стаяла (хто-та чаво-та привазил), и эти вот братва увизли иё вон под гару, эту тилегу. Вот, эта, значит, уж эта бальшии, уж ни то што ане маненьки*и* — азарство. В любоя время эта уж тут. И драва раскотют, и хоть бы што йим. Вот из клуба идут, раскотют, глидишь: вон где! Вот эту лавачку нескалька раз унасили. Ба, где? Вон там валя*и*цца. Принясут» [БРН, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 39].

Такие формы озорства нередко имели календарную приуроченность. Наиболее распространенная привязка в Ульяновском Присурье — святки (см.), когда эти действия традиционно приписывались «нечистой силе» и «колдунам» (см.), роль которых выполняли участники обходов ряженых (см. *Наряженными ходить*). «*А*заравать-та, па-всякаму *а*заравали. Хто как сумеэт, так и забавляюцца. Увазили то сани, то салазки. То на крылец дров навалят, пажалуй, ни знай как — чурбанов. Ну, эт была, была» [БАФ, БСФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 102]. «На Новый год? Дровни утащат, на клуб затаскывали. Вот и чудили. У ково дрова, у ково чево — все дрова по дороге. Дровни, чево ли стоит, вот — на столб поставют. Чурбак поставют, он стоит, халат наденут. И идёшь, напугасся: “Хто-та стоит!” Чудили, сечас ничево нету...» [КПТ, с. Кадышево, КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-16Ульян., № 37].

Как разновидность озорства можно рассматривать и некоторые формы поведения в рамках календарных праздников и обрядов. В Ульяновском Присурье так иногда трактуется обрядовое разжигание огня на Новый год (см.), связанное с угрозой пожара. «Делали вот снапы, навяжут салому, свяжут, зажгут, бегают па дароги. Ну, вроди, как эта: “Гарит, гарит! — бягут, кричат, — гарит, пажар!” Вот. Да. Ну и выбигут там, пасмиюцца и всё. Да. Эт кагда святки бывают, а то больши на Новый год. Вязали вот *са* снапами: снапами на палки наденут и бягут. Смиёмсся и мы жи все тут бега*а*м, дивчонки-ти. Да» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-18Ульян., № 37].

Обычно такие акции являлись формой мести обидчикам или тем, кто делал молодежи замечания, ругал за ненадлежащее поведение. «Да,

азарство-та была. Адин раз вот, смиялись. Эта в Засарье, ни у нас. Сват он ишчо мой, Михаил Иваныч был (ну, яво щас уж нету!). Ну, был он нудный такой вот, вроди. Да. И вот ане [=парни]: "На вот тибе!" — вот *как* сделали. Стаял струб на баню, и трактар у двара стаял "Биларусь". Ане баню разабрали, на этим мести этат трактар паст*а*навили и апять сабрали на этим мести же. Ну, ане [=хозяева] встали: трактара нет! И, значит, булгу́ [=скандал] падня́ли, булгу́: "Трактара нету!" Нескалька времени искали, а патом — он стаит в бани в этай! Нада вот разабрать всю баню и сабрать апять! Вот смиялись» [БРН, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 39].

Встречаются также разновидности озорства, граничащие с хулиганством или разбоем. В с. Котяково, например, вспомнили случай, как один из парней обрезал у татарки косы с украшениями из монет. «Вот ане, две татарки, шли. А у нас тут адин был такой, ну, хулиган был, азарник. Он ножницы взял, падбёг и атхватил ей вот эти, с манетами-ти, и убёг. Ане кричать: "Ай, вай, вай, вай, вай, вай!" И туды. Через несколько время верховым приехали туды. Вот. А он раз — через Суру уплыл. Вот уж я ни знаю, нашли яво, ни нашли. А если нашли б, убили. Ане сразу убили, да» [ТФД, с. Котяково; СИС Ф2004-31Ульян., № 66].

Некоторые формы озорства практиковались по отношению к тем, кто, по убеждению участников этой акции, не представлял для них реальной угрозы. В первую очередь это относилось к младшим по возрасту и статусу, а также к местным «дурачкам» и старикам. Среди таких разновидностей озорства часто упоминаются различные «беспокоящие» действия: шум, стук в окна и двери, заглядывание в окна. «В акошки стучали, азаравали рабятёшки. Лукавицу привяжут на нитку, сами-те атайдут далёка и вот тре́нькают иё, ана в акошка стучыт. Адин раз, вот саседка у миня была здесь. Я выбигла, стучат эдак — выбигла. Ай, йих увидишь? Ане убигли уж давно. Да вот тут вот брявно лижала, я грохнулась. Ана надсне́лась [=надорвалась] нада мной со смиху. "Вот, — я гаварю, — пыма́ли варов!" <…> И двери запирали, была, всё была! Вот на цепь наложут и стукают — ба́лавают, азаруют. Над старыми всё шутили, смиялись, как жи! Стары чылавек, я ни влада́ю, ругаюсь, я нервничаю, а йим смех! Ане, как лошади, девки-ти, чай. Как гаварят: "Девка в паре́, как мидведь на дваре". Да, да, да. Ана всё пир*и*лама́*и*т!» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 1-2]. «В тыкву картошинку павесют, вирёвку привяжут к акошку-ту, каму вздумают. Дёргают, ана стучыт в акошка-та. <...> Ну, видь, вроди, спят: "Ба! Хто эта?" В акошка паглидят, паглидят — вроди, никаво нет. Ани апять — видят там, атайдёт ат акошка — ани апять стукают. Рибятишки, чаво? Нада йим. Павесют на стенку к акну-ту. Вроди, в тыкви ни видна. Прям так вешают иё» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 124].

Такой тип озорства часто назывался *баловаться, баловство*. «Если у каво мужик, привяжим камишик какой-нибудь, сами где-нибудь в крапиву ляжим с ниточкай. Стук, стук — па зви́ну-т*а* [=стеклу]. Он выйдит — нет никаво! Апять: стук, стук — па звину-т*а*. Туда далико пратяним. Ана стук*и*т па звину-та. А мы в крапиви лижим. Вот балавались как» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-27Ульян., № 69].

Некоторые формы озорства очень близки к розыгрышам, подшучиванию и запугиванию (см. *Пугать*). «И вот с “улицы”, бывала, идёшь, а здесь паставят ко́злы — вроди, как волки стаят! Идёшь, ночь светла*а*: “Ой, девки, — волки!” Вот тут на праулки паставят вота. Падайдёшь — козлы! Рабятёшки с нами: “Ну, вот тибе!” Эх, *а*заравали ни толька так!» [НЕИ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 54]. «Вот сделали куклу в полный чилавечиский рост, пашли азаравать. И вот кто баицца, тех ведь абычна и пугают. Зашли там к аднаму, он лесником работал, уж очинь всех баялся! Пастучали в акно, паставили иё на крылец в полный рост — ана стаит, абыкнавенный как чилавек. Он вышил, дверцу аткрыл, ана ему в абьятья и упала. Ну, он сначала-та напугался, а патом дагадался, сел, рассмиялся» [ЛЗИ, с. Палатово; СИС Ф2000-07Ульян., № 1]. «И зимой, и летам наряжали. Адну женщину, как-та, бывала, в Бахметьивки, да палусмерти [напугали]. Да. Ани паставят яво, а сами в акошка пахлопают, эта: “Вставай-ка, иди-ка сюда”. Ана выйдит, станит атварять, он брякницца. А они — были да нет. Была эта была!» [НЕИ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 53].

Правда, многие рассказчики склонны отрицать свою причастность к озорству и обычно приписывают его другим людям. «Вот к варотам чаво вздумают, приставют. Да. Вроди варота-ти аткро*и*шь, а там эта. Ну, видь эта ане всё-таки выбирали *в*идь каво? Где мужиков нет. Вот. Живёт женшчына адна, мол, напуга*и*цца выйдит или чаво. А видь у каво мужики, то ни будут приставлять, приделывать. Всё делали, всё делали. <…> У нас, вроди, азарства такова не была. Пасмиёсся, всё. Ну, чудить так чудили — эта всё, бегали. А этава не была, штобы с азарством» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 126].

И.А. Морозов

ОКОШКИ МЕРИТЬ — см. Свадьба

ОРЕЛ

Пасхальная неделя (см. *Пасха*) характеризовалась началом многих развлечений и игр (см. *В яйца катать*, *Качели*, *Клёк*, *Козны*, *Лапта*, *Рюхи*, *Челнок*, *Чиж*). Среди наиболее популярных была азартная игра, повсеместно известная под названием *в орла*, *в орлянку*. Реже встречается наименование *в решку* (с. Новосурск, д. Ростислаевка) — по стороне монеты, или *в мётку* (с. Чумакино, Валгуссы) — по игровому действию (*метать* — подбрасывать монету).

В активном бытовании эта игра сохранялась, пожалуй, дольше всех традиционных игр. В последние годы ее можно было даже наблюдать в некоторых селах. Так, в с. Кадышево «“в арла” и щас вон играют, вон там в каньце, в Канаплянки. Как Паска приходит, так дажи вон некатарыи из Карсуна прииждяют, ахотники играть. Играют. Хто выйгра*и*т, хто праиграт. Артель

стаит» [АВВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян., № 21]. Правда, в большинстве сел в нее перестали играть в 70–80-е гг. прошлого века, а в местах, более подверженных влиянию городской культуры, еще раньше. «Эта привычка уж са старых вримён идёт. До триццатава года эта уж точна мужики играли» [ФНИ, пос. Сурское; МИА Ф2000-21Ульян., № 11].

Основным периодом, когда практиковалась эта игра, была пасхальная неделя. «Вот асобинна на Паску, начынают на Паску, играют. Вот эта “арёл”, да, мятать. Эта уж вроди принято тут на Паску были, а так-та мала, ни играли. <...> Ну, на Паску да на Радавницу. Или, можит быть, на Паску перьвый и втарой день, вот так вот» [ЖИМ, ВГП, ШВС, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 20; СИС Ф2003-02Ульян., № 25]. «На Пасху абычна бальшинство мужики “в арла”. В деньги “в арла”. Где-та выбирают места и вот “в арла”» [ЕИП, с. Б. Шуватово; СИС Ф2000-05Ульян., № 36].

Иногда продолжали играть и далее, до Троицы или троицкого заговенья. «[В орла] и в другея дни играли, но бальшинство на Паску. Ну, и на праздники на катор*и* играли “в арла” вот в кругу. Ну, любитили па всяк*и* были» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 6]. «“В арла“ играли, каравод сабирёцца вот и играют. На Паску, на Троицу, а если заядлыи играки, ани, пажалуй, и в васкрисенья играют» [ВПВ, с. Валгуссы; МИА Ф2001-15Ульян., № 20].

В послевоенные годы в некоторых селах уже не соблюдали календарную приуроченность и играли в течение всего лета «па васкрисеньям, па выхадным. В васкрисенья сабралися и играим. Как высахнит, суха станит на улицы. Хоть да зимы, лишь бы тяпло и суха была, грязи не была» [БВИ, ГАВ, с. Чумакино; СИС Ф2002-05Ульян., № 77]. «А мужики, как толька праздник, лета, праздник, все ка двару и в деньги, “в арла”. Ну, как свабодна [время]. “Давайти в арла!” Ана па сязонна, вясна приходит, абычна па вясне» [ММС, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 23].

Так же как и другие весенние развлечения, имеющие обрядовый характер, игра «в орла» обычно прекращалась после Троицы. «Вясна канча*и*цца, и игры канчаюцца» [ЦМП, с. Чамзинка; СИС Ф2002-09Ульян., № 100]. «[Играли] да, с Паски. Ну, Паска сколь ана? Шесть нидель, вот схадились. А кагда уж тут вот в паследнии-та, канец, ни схадились» [ЗЕЯ, с. Сара; СИС Ф2006-34Ульян., № 86].

Очень редко «в орла» играли и во время другого календарного периода. «На Ражаство сабирались талпáми, в деньги играли. Сходюцца талпáми, вот, скажим, у нашива двара, ил*и* там у её вон двара. Эт талпами схадились в деньги играли. А на Паску яйцы катали» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 95].

Существовали четкие гендерные предписания, касающиеся этой игры. Согласно традиционным представлениям, «в орла» могли играть только мужчины. «Раньши видь как? Бабы катают, а мужики “в арлянку”» [СЛИ, СКИ, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 33]. «“В арла” больши играли мущины, а женщины “катали яйцы”» [ДЕФ, с. Городищи; СИС Ф2000-03Ульян., № 57]. «[Старики] деньги мятали. Бабы нет» [ТПС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-

10Ульян., № 54]. «Ну, в деньги-ти, канешна, адне мужики играли. Женщины што-та у нас здесь не была принята. Я здесь ни видал, штоб вступались ани [=женщины] в игру, ни видил. И старики играли, любитили каторы, старики играли. [Парни] играли, играли. И такея вот, лет шаснаццать с мужиками-ти играли, айда пашол!» [ХВА, ХАП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-02Ульян., № 27]. «[Играли] толька мущины в возрасти, лет сорак так. Самастаятильны*и*, штобы уж он знал, што, да. [Парни] нет, нет» [ЖЕС, САП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 107]. «Ни парни, с барадами уж, старики играли! [Женщины] нету, нет, никагда. Так у нас многа маладёжи была, тако*е* была у нас тут виселья! В ваенны годы, посли вайны. Гада-та тижолы, ну уж стон стаит!» [КЕА, КАФ, д. Алейкино; СИС Ф2008-03Ульян., № 20].

В послевоенное время в связи со значительным уменьшением мужского населения и ослаблением традиционных норм поведения иногда стали принимать участие в игре и женщины. «Вмести тол*ь*ка вот играли в деньги, в яйца, "в арёл". Ани [=женщины и мужчины] тут все в адным савместнам сайдуцца в адном кругу и все играют. Вот адин каравод, вон там адин каравод. Тот весь расходицца каравод: "Айдати вон в тот, там пабольши". [Девушки] мятали, мятали. <...> [Женщины] меньше, меньше, ана вроди как стиснялась, мужики [в основном]. Нет, меньше, меньше. [Девушки редко], ага, ани вот знали тол*ь*ка вот эта меч [катать], да» [ЦМП, с. Чамзинка; СИС Ф2002-09Ульян., № 97].

Как правило, женщины составляли отдельный от мужчин круг и ставили вместо денег яйца. «И женщины мятали, и мущины. Тут играли ни толька што мущины, и дивчон*ки*, и девачки, и женщины. Тоже "в арла"-та играли. Девушки играли "в арла"-та, как жа, и женщины играли малодинькии, а мужики асобя ани. Мужики асобя. Не-ет! Мужики ани с нами не ватажились, с бабами, у них асобе харавод. Нету-нету-нету-нету! Ани в этим дели даже ни-ни-ни! У них другая пастановка, да и другая "арлянка". То в карты играют, то ищо што-нибудь, где-нибудь у дваров сидят. Нет, нет, нет, мужики нету» [ЕТП, МПИ, с. Проломиха; СИС Ф2002-01Ульян., № 14; СИС Ф2002-04Ульян., № 51]. «И в деньги играли. Щас народу-ту нет, а раньши многа народу была, вот сабирёцца бальшой круг, и вот щас кладёшь там иичка, начинашь мятать. Там паложут иичка — мятали там пятак или гривна — этыт "арёл" лягит, значит я вы*и*грала, я эта иичка бяру. Кладёт другая. Если у миня "решка", то ана бирёт, значыт, я пра*и*грала. Мы [=женщины] играли, играли, играли, ну ваабше, и девачки играли, и бабы *и*грали. Мужики ани в деньги, мы в яички» [ТПС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 43-44].

В единичных случаях женщины играли в деньги наравне с мужчинами. Очевидно, это происходило тогда, когда женщина по тем или иным причинам становилась главой семьи. «Вот, бывала, мечут кверьху, на пол ставют. Ну, бывала, какии деньги там — капейки. Эсли решка, то пра*и*грала я, арёл — то эта маё. Пална бывала! Глядишь, тут талпа у двара, там талпа. Ну, у нас адна была женщина, заядла, ана играла в деньги — Таньк*а* Грошива. Умирала, любитиль была играть в деньги. [Другие женщины] нету, нету,

нету, кроми мужиков. Бывала, выходит к сва*и*му двару, заводит, и — гатова дела — талпа народу. А вить интиресна вот! Бывала, идёт ка двару: "Пайдёмти, у Тани Грошивой в деньги играют, пайдёмти!" Интиресна! Хто выигра*а*т, хто праигра*а*т. Все вмести [играли]. Заядла ана была. Играла ана здорыва. И выигрывала! <...> Ни выпивала, ни што, а вот што далось эт*а* ей вот? Была замужем. И дети, двоя детей. Была замужем, а у ней мужа реприсировали и угнали, и всё, и с канцами... Дочь-та хароша, а сын маненька был, как гаварят, прасти́нка... <...> Её ни абманишь! Нет, нет. Фиг иё абманишь! Иё ни абманит никто...» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 95-97].

В некоторых местах в игру не принимали также мальчиков-подростков. «А падростки ни играли, то*ль*ка взрослыи мущины. Нет, ани то*ль*ка глидели тута» [МАИ, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 20]. Правда, их участие в игре ограничивалось не столько представлениями о том, что азартная игра недопустима для детей, а отсутствием денег. Иногда имеющие деньги подростки могли наравне со взрослыми и даже пожилыми мужчинами вставать в круг. Порой они становились застрельщиками в игре, так же как, например, в кулачных боях и драках (см. *Кулачки*). «[Дети 12-13 лет] да ани што ни играли? Играли. Ну как те*б*е сказать? Если уж он, у няво диниг-та ско*ль*ка? Раз — и пра*и*гра*и*т. А тожи метлиши́цца, он ставит, яво тожи выганять нильзя, и он игра*и*т! А начынацца ведь больши с маниньких! Маниньки спирьва, патом падходят пабольши, а патом мужуки падходят — и пашла [игра] сирьёзна*я*, да. Мелачы, а патом крупны деньги, вот так вот» [ШВС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян., № 68]. «Ну, эта рабитишки эдак играли, малодинькии рабитишки. Ну, можит быть двянацать, пятнаццать эта, вот паменьши, можи*т*, адиннацать. Ну, ни адиннацать, а вот двянаццать-тринаццать. Ну, чай, мать даст йим пятак, можи*т*, бывала, всё-т*а*ки. Ани вот были видь дарагея, эта видь сичас деньги-ти...» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-31Ульян., № 31]. «О-о! "В арла" играли! Я сам играл, любитель. Щас уж вот нет. А я любитель "в арла" играть. <...> [Подростки] ну, пачаму ни играли? Играли. И пажилыи играли. Все вмести. Вот у нас тут сабирёмси, сабирёмси: "Ну, давайти!" Ищо падходют тут. "Давайти, давайти! И я в ваш круг тут". — "Ну, давай!" Хто праигра*а*т, уходит. У каво есть деньги нимнога, он приходит, давай тож*е*» [СНИ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 62].

В некоторых местах, например в с. Барышская Слобода, в послевоенные годы эта игра ушла из игрового репертуара взрослых и практиковалась только детьми. «У нас в деньги-ти играли как-та. Какая-та луночка, и вот упадёт, как-то в луночку их швыряли. Я вот и не знаю, я-то не играла. Эта ребятишки [=мальчики] играли, да, ну и девчонки, каторыи побоевее-то играют. [Деньги] ну, где-нибудь возьмут, добудут. Чай, деньги были — капейки. Капейка, трёшка да пятёрка. Взрослых не было, больше всё дети играли. В деньги не играли взрослыи» [СЕИ, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-02Ульян., № 74].

Обычно играли в тех же местах, где устраивались и другие весенние развлечения: на площади у церкви, на лужайке около дома и др. (см. *В яйца*

катать, *Качели*, *Кулачки*). «В те годы народу! Видь в деньги играли на Пасху мужики, а бабы яйцы катают окола церьквы. Вот тут церьква была, там щас у нас крест стоит» [АНВ, с. Шеевщино; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 17, 2000]. «[Играли] в деньги — “арлянка”. А перид вайной рибят-та была многа, мушшин-та многа. Вот играют в той улицы, а слышна здесь: “Арёл! Решка!” Эта вот на Паску. Вот ниделя ана была у нас, ниделя. Вот Паска началось, в распаряжении, знашт, маладёжи пир*и*давалась церкавь» [ЕМА, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 127]. «[Около церкви] ни играли ника*г*да там. <...> Вот где шшас хрё*ст* стаит, там места была, там всё-*та*ки места была хароша. Там схадились и в деньги играли, и начынали кулачный бой тут начынали вот, тут называлась Гара. Ана вабше Гарой иё называют. <...> Долга*я* Гара» [ЖИМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 23].

Для игры необходима была тяжелая монета (*мётка*), лучше всего «медный питак старинный, он массивный. Где сама цифра, стоимость манеты, эта “решка”, а где ге́рбывая часть — эта “арёл”» [ЕИП, с. Б. Шуватово; СИС Ф2000-05Ульян., № 36]. «Мётка — ну, такая, из такой же манеты, то*ль*ка уж ана и пасвитлёна, и всё. Раньши иё видь, мётку, паложишь, нагами иё патрёшь тут аб землю, штоб*ы* ана свитилась — “арёл”. Бальшинство вот эти вот ани были двацца̀ть читвёртава года выпуска, медны*и*. Вот или две, или три капейки. Пять капеик тижолы» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 10]. Очень редко для реверса было другое название: *плата* («Вот так вот мятали: “арёл” ли, “плата” ли. Ежли “плата”, то ты пра*и*грал» — ЛСФ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 79) или *арешка* (с. Коржевка).

Если такой монеты не было, использовали любую другую. Главное, чтобы игрок привык к ней. «Каждый, как гаварицца, каждый сваю. Хто какую. Хто какую аблюбуит. Раньши, видь как гаварицца, старыи рубли были, хто палтинникам, хто двацца̀ть капейки, а хто гривинникам — па всяч*и*ски. А хто, были граши раньши, старинный грош, грашом кидат, всё равно “арёл” — “решка”. И всё» [ШВС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян., № 67]. «Он, если каторый игрок, у няво всягда была в кармани мётка. Он иё никагда ни праигрывал. Все деньги праигра*а*т, а мётку аставит» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 10].

В этой игре очередность не имела большого значения, она никак не влияла на возможность выигрыша, поэтому особых способов жеребьевки в ней не было, а игру обычно начинал ее организатор, более активный человек, «каторый вот или пазаядливей, или чаво ли». Иногда подбрасывали монету, и тот, у кого она падала орлом вверх, начинал игру. «Манету брасали и вот: если у ка*в*о упала — двоя вота между сабой — каму “арешка”, а каму “арёл”. “Арёл” — значыт, мечыт, “решка” — нет. И вот метнут, знашт, дастался этаму “арёл”, астальныи начинают падставлять. Падходит и начынаит играть» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-03Ульян., № 94].

Главным условием для участия в игре было наличие хотя бы минимальной суммы денег. «У каво дениг не была, тот и ни вставал» [ФНИ, пос. Сурское;

МИА Ф2000-21Ульян., № 11]. «Эта “в арла” называцца. Взрослыи, мужики играли. Любой, и старик, есть диньжонки, вот, будит играть. [Парни] да где кагда играют. Там народу! Куча была. Пално была малодёжи и мужики-ти всё жи были. И вот интирисуюцца, ну дениг-та не была, смотрют, да» [КАИ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-28Ульян., № 49]. «Скажем, пашол я если играть, взял палсотни или там сотню, праиграл, назад ухажу, выиграл, значыт, маё шшастье» [ВГП, с. Кадышево; СИС Ф2003-02Ульян., № 25].

Когда не было денег, ставили яйца, довольно часто так играли на Пасху. «Аднавримённа, знашт, вот ка*г*да в деньги играли и аднавримённа, нет што-та [денег], йиички эт*а* так жи: пад “арёл” или пад “решку”. Была, эт*а* на Паску, в аснавном, эт*а* были» [ЕМА, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 128]. «Яички катали и в яички играли, метали. Круг станавился, становюцца в круг вота, там чилавек, можит, десить или больши, и, значит, ставют, кто ставит [перед собой] вот яички, а [другой] мечит» [МПИ, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 51].

Самый простой способ игры состоял в следующем. Один из игроков подбрасывал (*метал*, *вертел*, *крутил*) монету, а когда она падала на землю, второй должен был не глядя отгадать, какой стороной она упала кверху. Аверс (*орел*) всегда означал выигрыш, реверс (*решка*) — проигрыш. Подкидывали монету особым способом: ее клали на ноготь большого пальца, который упирался в указательный, а потом резким толчком большого пальца посылали вверх. При этом монета начинала быстро вращаться (*вертеться*) вокруг своей оси, поэтому было невозможно предугадать, какой стороной она упадет. «Эт*а* играли. Митнёшь: “арёл”, “решка” — атгадывай. Ну, три-читыри чилавека встанут. Вот давай. Ну, кто первый? Я, например, мятаю с напарникам, вот атгадывай. Я или нагой [на монету] встал, он гаварит: “Решка”. Аткрыл, паглядел — “арёл”. Значит, он праиграл. Я начинаю мятать. Вот. А он праиграл, десить капеик, или пять, или две капейки должин платить. На деньги играли» [НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 24].

В других, более сложных и распространенных разновидностях игры, игрок подбрасывал монету и в зависимости от выпавшей вверх стороны считался выигравшим или проигравшим. В с. Чумакино бытовал довольно простой вариант игры. Игроки, встав в круг, разбивались по парам, один из ее участников считался главным (его стороной был орел), он метал. Если выпадал орел, то этот игрок выигрывал и должен был получить деньги со своего товарища, если же решка, то он отдавал деньги партнеру. «“В арлянку”, в деньги [играли]. “Арё-ёл! — Решка!” И между прочим, праигрывали и выигрывали здорава! Вот. Круг — там, знаити, наэрна, пиисят, сто чилавек круг, панимаити, вот круг вот, знашт. Аднавримённа, знашт, некатарыи, эт самае, мы дагаварива*и*мся [вдвоем]. Мы уже собствинна дагаварива*и*мся рядым с таварищим вота. Астальныи тожи на таких условиях. Тожи: Ванька с Гринькай, ани тожи также. [Одни] придерживаюцца, эт сама*я*, “решки”, а эти, эт сама*я*, “арла”. Вот как бы две партии: “арешники”, знашт, и “арлы” —

вот так вот. И так все. Круг бальшой! Вот. Главные-та там играки, эт*ат* каторый мечит, раз он мечит, знашт, яво “арёл”. Он должин ки*нуть* — “арёл”, знашт он бирёт. А навирху набарот эта “решка”. Ага, всё, праиграл. Эт*а* бирёт [деньги] этат, каторый не метал, знашт. Мы, например, знашт, ага, ставим па десить рублей, вот. Щас десить рублей ставим, если у миня будит “арёл”, я деньги эти забираю. “Решка” — знашт, я тибе плачу эти десить рублей» [ЕМА, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 128–129].

Гораздо больше были распространены игры, в которых, в отличие от предыдущего варианта, метал только один человек. Перед игрой все желающие, образовав круг, при помощи жребия или по договоренности устанавливали, кто из них будет первым метать монету. В центр этого круга — на *кон* — все игроки выставляли поровну условленное количество денег. В этом же кругу метали монету. В случае выигрыша метавший игрок забирал все деньги с кона, а при проигрыше — выставлял такое же их количество. Если у игрока выпадал орел, то все вновь сбрасывались и он продолжал метать, если же решка, игра переходила к следующему игроку, стоявшему в кругу. «“В орла” играли, а как жи! На деньги. Ну там сабирацца народу пално. Вот сложишь [деньги вместе] “в кон”, правильно вот. Ага. “Па скол*ь*ка ставим?” Там, ну, в то время по десить, по двацсать ли копеик, так вот я скажу. Вот если “орёл”, значыт, ты вы*и*грал, если с другой стороны, “решка” называицца, то плати. Што сложились тута, по скол*ь*ка там, по десять, по двацсать ли копеик, если ты пра*и*грал, будь добрый, плати, стол*ь*ка жи. Пра*и*грал, другой [начинает]» [КНС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-23Ульян., № 71].

Беседа со старожилом. С. Ждамирово. 2007 г. Фото И.С. Павлова

Если игрок не был уверен, что он сможет расплатиться в случае проигрыша, то он мог сказать, что играет только на часть денег, стоящих на кону. «Эта уж, как гаварицца, слаживались, па скольку дагаваряцца сбрасывающца, где вот ане круг сделают, вот в сиридину кладут, ну вот там, где круг, где люди стаят (там какой круг, кто ево ачерчивал), проста люди стаят, эта стала быть круг. Кто на сколька играит: кто метит на гривинник, кто на пятак, а кто, можит, и на всю кучу. Если уж у нево решка — ставь всю кучу ищо. Если на три капейки [играл], он ищо ставит три капейки, сваи три капейки. Он мечит, если праиграл, то три капейки в эту кучу. [А выиграл], три капейки он атгрибаит. Если он выиграл, мятаит да тех пор, пака решка ни будит у нево. Абычна, если уж азартна, он выиграл три капейки, он кидаит пятак, патом

гривинник и так дальше. Как праиграл, больше ему приходится ставить. Если азартныи, ани играют. Вот так» [ФНИ, пос. Сурское; МИА Ф2000-21Ульян., № 11]. «Вот, примерна, ставют нескалька чылавек, кидают па сколь, там, примерна, па дваццать капеик. Сбросились, и вот адин, знашт, мечыт: “за все” или там сколь*ь*ка. Толь*ь*ка, знашт, примерна, дваццать или триццать капе*и*к или “за все”. Вот, мечыт, если “арёл”, знашт он все забираит, “решка” — знашт, он плотит с э́столь, сколь*ь*ка там лижит. Вот так вот». В случае везения игрок мог выиграть все деньги с кона, но при повторяющихся неудачах мог полностью проиграться (*просори́ться*). «А патом, да, а патом ишшо снова он набираит, знашт. Если забрал каторый, он апять [мечет], знашт, апять ски́дыва*ю*цца, тожи, да тех пор, пака он, знашт, все ни выигра*и*т, он всех абыгра*и*т. Или патом начнёт “сари́ть” — “прасари́цца” весь. Каторый праигра*и*т, знашт, атпадыва*и*т. Да тех пор играют, пака всех адин ни абыгра*и*т. Вот, та*г*да расходяцца. Вот така*я* музыка была» [ЖИМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 20].

Игра «в орла» в с. Кадышево. 2004 г.
Фото М.Г. Матлина

В некоторых вариантах игроки не складывали деньги вместе поровну, а выставляли в круг каждый перед собой те суммы, которыми были готовы рискнуть. Тогда метавший должен был определиться, будет ли он играть только на свои деньги или на всю сумму, либо указать тех игроков, на деньги которых он будет играть. Если у игрока выпадал орел, то он получал деньги в зависимости от того, как он играл, а если же решка, то он должен был отдать каждому игроку ту сумму, которую тот поставил. «Эта “в арла”-та играть? Ну, начинать как? Каторый вот или пазаядливей, или чаво ли, ставит круг, вот, называли мы иё “мёткай”, если у каво есть такая “мётка”: “Ну давай, ставьти! Ставьти! Кто? Давай!” Вот ставишь сколь, я ставлю там, кладу там дваццать капеик, он ставит тут дваццать капеик, вот этат ставит дваццать капеик. Каждый окала сибя на́ пал, на землю, кто сколь*ь*ка ставит. Виртя́т па очириди. Там дастаёцца очиридь мне, я вирчу. Или гаварю: “За все”, или толь*ь*ка ращитываю на сваи деньги: “Я вот за эти”. Вир*т*нёшь — “арёл” — бяру, “решка” — атдаю яму. А каторый [раз] разыгра*и*сся ка*г*да, деньги есть, виртишь: “Ну, я на все пайду!” Я пашол на все. “Решка” — всем плотишь, у каво сколь есть тут, ага, у няво дваццать, у вас триццать, у этай питьдисят — вот всем атдаю. Тибе триццать. Он плотит, *а* виртит уж вон рядым кто. И па кругу пашло, пашло па кругу. Если толь*ь*ка [у него] мала дениг, а наставили многа, он апридиля*а*т: “Я вот за эти кручу, а за эти нет”. Штобы в долг не палезть. “Арёл” — он втарой раз мечит. Вот. И третий мечит, и сколька “арлов” уложит» [ХВА, КАИ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-

02Ульян., № 28-29; СИС Ф2006-28Ульян., № 49]. «Ты сколька кладёшь? Пятак паложишь, десить капеик паложишь, ну там сколька сабираицца многа. Да, у миня вот столька, у тибя столька, у нево... Пример вот: “За чьё идёшь? За все?” — “За все”. “Арёл” — маё. Ага. “За сколька идёшь?” — “Вот я толька за эти иду. За палавину”. [Показывает] “Вот за эти, за эти я иду”. Толька вазьмёшь там палавину. За все-та, тут чорт знаит, можит, чево будит. Ну, “решка” всё. “Решка” — праиграл, [ставлю] сколька там была. У каво сколька [было] — я должин атдать, я праиграл» [СЛИ, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 33].

Часто игрок очерчивал пальцем те кучки денег, на которые он собирался играть. «Ну вот: десить чилавек или питнаццать чилавек играим, у нас круг. Ну *у*ж там паставят, я эсли паставлю дваццать капеик, он вон паставит сорык капеик, да, сорык капеик или пид*и*сят — там кто сколько можит, столько и ставит. И вот катораму митать нады, он вот так ч**е**рчит, вот так очерти́т вот: “На эту я играю”. И вот мечит. “Арёл” упал, он забираит эти деньги, ставит ишшо. Там [=на кону] стаят деньги. Можит, он другую [кучку] вот — я паставлю апять — он можит са мной играть, он с любым, хто есть там в кругу. Каторый [должен] метать, он с любыми играл. Пальцем аче́рчит, да: “Я вот эту вазьму кучу, эту кучу или вот эту кучу вазьму”, — вот он ачиртúт, и вот он с этими играит. Вот пасмотрит, если у нево есть, в ращоти в этим, штобы и играть, и аплатить — вот есть ращот. Вот он тут играит на эти деньги. А астальныи ни играют с нём. <...> Вот [метать] перваму — каму дастаницца, а патом шли па очириди, па кругу шли» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-03Ульян., № 92].

Если какие-либо игроки надеялись на удачу своего товарища, которому приходила очередь метать, то они могли рискнуть и присоединиться к нему. Тогда они объявляли, что играют вместе с ним, и тоже отмечали некоторые кучки монет. При этом в случае его выигрыша они также считались выигравшими и получали ту сумму денег, на которую ставили. В случае же его проигрыша они должны были отдать свои деньги товарищам. «Играли, играли “в арла”. Круг вот сделают и вот каждый ставит, все в кругу, в кругу вот ставит, все, каждый. Каждый сваю кучку [денег] зна*и*т. Скажем, я ставлю пять рублей. Вот я начынаю иё вер*теть*. Скажим, я верчу. Все паставили. Скол*ь*ка мне взять? Скол*ь*ка я асилю уплатить, если решка ляжит? “Я вот за эти!” [=обводит пальцем]. Да, абвяду. А хто-та бирёт пад мой “арёл”. Там другой гаварит: “А я эти диржу!” А третий — эти. Весь кон. Па жаланию. Ни захатят, [он] так пусть стаит. А хто захочыт, пажалста. Ане [сами] не виртя́т, ане надеюцца на мой “арёл”. Если “арёл” лёг, ане тожи забирают. “Арёл” — все бирём. “Решка” лягла, ане плотют и я плачу. Я рашшитываюсь, што я бью, а ане рашшитываюцца. Я атвертел — “решка”, всё, рашшитался, другой начына*и*т виртеть. И все па кругу идём. А если я асилю все, я всё круг**о**м, я уж никаму ни даю, я всё круг**о**м [забираю]. “Арёл” лёг, я все забираю. Ставют апять, апять крутишь, вот такая ерунда. И щас играют!» [ШВС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян., № 66–67].

Иногда сам игрок, который метал, объявлял, что играет не только за свои деньги, но также и за деньги, например, соседа. За проигрыш он отвечал перед ним своими деньгами. Но в случае удачи оба эти игрока выигрывали, они получали деньги с тех игроков, против кого играли. «В кругу, если многа рабят, то в кругу. Вот на круг ставит, па сколь*ь*ку дагаваряцца: или па десить капеик, или там па пять капеик, можит, па капейки. Хто сколь*ь*ка паставит, хто на сколь*ь*ка мечыт. Адин мечыт. Ищ*о*, пажалуй, вот он мечыт, он и маи ищо скажит: “Я и за тваи, я ищо вот эту кучу”. Он, можит, паставил десить капеик, и я десить капеик, так. Вот ка*г*да он митнёт — у няво решка. Он што сваи-ти праиграл, и што маи-ти мятнул праиграл. <...> А мая очыридь, я магу [или] толь*ь*ка за сибя или ищо за каво-та. У миня решка, ну и чаво? Я уж праиграл. Чужу*ю*-та бы я ни виртел, толь*ь*ка сваи, я бы десить платил, а я плачу уж дваццать капеик. Ежли арёл, всё маё, тагда дваццать я вы*и*грал. Я выиграл с этава [=против кого метал, но не у того, на чьи деньги метал дополнительно]. [Если орел], ищо буду мятать, пака ни лигла “решка”. <...> Али я мятнул, у миня “решка”, всё, я праиграл, я плачу. Я заплачу, а мая вон эта деньга лижит, што па десить капеик круг-та у нас, та лижит. Вот. А у миня есть ищо, кои [=который] мятнул, я яму вынимаю — на. И апять дажидаюсь очыриди» [БВИ, ГАВ, с. Чумакино; СИС Ф2002-05Ульян., № 77].

Конечно, как и во всякой азартной игре, находились желающие получить выигрыш нечестным путем. Например, по договоренности с другом метавший игрок мог подкинуть монету так, чтобы она упала (как бы нечаянно) за пределами круга. Тогда его товарищ первым подбегал к ней и объявлял, что она легла орлом. «Ну, были падгаварёны, падгаварёны были вот каторы. Он мятал и митнёт из круга. Вот. Там раз — лягла и эти падгаварёны*и* он*и* сразу бижат: “Арёл!” — и цапá*и*т. Всё. А там фактичиски “решка” была. Ну и, канешна, эта тут всё, там другой можит быть падглидел. Скандал! За эта же ни больна хвалили, скандалили. Магли и бить» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 9].

Иногда особо азартные и алчные игроки изготавливали двухорловую метку: стачивали две монеты со стороны решки и спаивали их. «Стачивали, стачивали, делали двухарловы*и*. И эта стачивали и спаивали. Ну, эт*а* всё эта была спаивать эта мастира, ане спаивали. Ну, йих правиряли же эти мётки-ти» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 9].

Для игры с такой меткой обычно объединялись два человека, один из которых метал, а второй хватал монету, чтобы ее не сумели посмотреть другие. Если же обман раскрывался, то виновника ждало порой жестокое наказание. «Знашт эта, сточут и, эта самая, два “арла”, эта самая, всё. И вот мечут. У нево уже был памошник. Как — раз! За круг, он уж яво бирёт: “Арёл!” Ага. Ну, глядит “арёл, всё. Ну, быстра разаблачали, быстра. Ну, за эта дела наказывали, вплоть таво, што дадут вот этай вот [=кулаком]» [ЕМА, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 131]. «А, эта, некаторыи хитрили инагда. Тожи их стачывали, делали двухарловыи. Вот, ну за эта дела крепка, бывала, если за-

метют, едрит тваю мать, знаишь, могут убить. Или ввалят, што ни ачухаться, год целый будишь чахнуть. Вот за эта крепка была. Игра — эта всё была законна» [ЖИМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 21].

Другим способом заставить метку падать преимущественно одной стороной кверху было придание ей неровности. Для этого ее старались сделать немного выпуклой со стороны орла. Ударившись этой стороной об землю, она обычно подпрыгивала и переворачивалась орлом вверх. «Некаторы*и* выбивали сирёдку, ну, малатком. Иё паставют на каку*ю*-нибудь ям*а*чку, ну, как вот на шайбу, и вот па сирёдки калотют. Ана туда прагиба*и*цца, другая — выгиба*и*цца. И вот с адной-та стараны ана вот так скажим [выпуклая], а с другой-та ана ува́листа [=вогнута]. Вот ана с этай стараны-ти ударит ём и ана пиривёртывацца. Он [мётка] с круга-та, с пучы́ны-те [=выпуклой части] и перевёртыва*и*цца, лажицца на эту. Эт*а* ни разришали эта. Спирьва праверют вот. А если увидют, ты мятнул ём, да хати́шь скрыть, тибе деньги ни атдадут, а *ищо* с тибя вазьмут, плати» [ВГП, с. Кадышево; СИС Ф2003-02Ульян., № 25].

Эти обманные приемы вызвали и способы противодействия им: если игрок выигрывал несколько раз подряд, его метку проверяли или заставляли бросать другой монетой. «Нам [=подросткам] эта нидаступна была эта игра. Ну, ани кругым стаят (тут круг видь сабираицца, деньги кладут). Вот в самый круг вот, эта вот метают и манета в круг. И вот, если у миня всё время будит [орел], раз выиграл, втарой раз выиграл, праверют манету. А то: “Стой! Ну-ка давай маей манетай мичи!” А то бываит так, што вот визёт чилавеку» [ЕИП, с. Б. Шуватово; СИС Ф2000-05Ульян., № 36].

Для обеспечения успеха в игре могли применять и некоторые магические приемы — например, целовать метку или стараться метнуть монету повыше, для чего даже подпрыгивали. «Ага. Зна*а*шь как, губы-ти грязны — “мётку” цалуют. Ну, ани цалуют, [чтобы] “арёл” выпал — ани иички вазьмут. А если “решка”, то праиграла. <...> Ну, шуткав была-та всяких. Я, гаварит, припрыгну да мятну, [чтобы] павыши» [ЦМП, с. Чамзинка; СИС Ф2002-09Ульян., № 98]. Также считалось, что удачу можно обеспечить, если в первый день Пасхи поймать черного таракана и брать его с собой на игру. «Ка*г*да манету кидали, и ты вот знаш, на Паску на первый день чёрнава таракана лавили и в каробычку клали в спичичну — эта счастье вроди. Эта для выигрыша. Для выигрывания, штобы выиграть. Ну, я эта вот ни знаю, как? Выигрывали па няму па таракану-ту или нет. Эта я то*ль*ка вот слышала. “Ну! — гаварят. — Он чёрнава таракана пумал, выигрыват и выигрыват всё время!” Он яво в карман, спрячит каробычку. Ну, я ни знаю, был толк ли, нет ли» [МАС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-30Ульян., № 87].

Дети, а иногда и взрослые, когда не было денег, играли в орла, с черепками от разбитой посуды. В качестве метки использовали или монету, или такой же черепок, та его сторона, на которой был рисунок, считалась орлом. «Наколют вот расколатых блюдчик, чайны*и* блюдички, вот на эти вот ми-

няют. Битыи кусочки, да. Тожи играли “в арла”. Вот эдаки [=маленькие] ищо были. [Орел —] цвяточки там, чаво ли. Тут кучка у тваех ног, рядам кучкав многа, вот ставят, метают, да. [Метали] я ни зна*ю*, деньги, можит, манеты...» [КЕА, КАФ, д. Алейкино; СИС Ф2008-03Ульян., № 39–41]. «Вот находят пасуду каку*ю*-нибудь биту*ю*, и “хрусталики” называцца. Вот “в хрусталики”-та люди играли, посли выкинит эта, ну всё жи како*е*-та времяправидения была. Не на што была играть. Ну вот разабьют пасуду, йих набивают этими вот [кусочками] и доржут в руке. “Давай, я вярну”. — “Скол*ь*ка ставишь?” — “Вот, вот”. Как “в арёл”. Вот такая вот если “мётка”, далжна быть с этим с цвяточкам, такой хрусталик. Всё равно люди развликаюцца» [КАИ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-28Ульян., № 51].

Девочки для расчетов использовали бусинки, которые выполняли в игре роль денег. «В деньгу метали. Кверху деньги кидать. Кладём: ты бу́серку кладёшь и я кладу. Ты будишь мятать. Значит, “арёл” станит — ты вы*и*грала у миня бусерку-ту, а ежли “плата” станит — я вы*и*грала. [Бусинки] всяки*и*, всяки*и* бусерки, всяки*и*. Кирпи́шны, пра*давали*, всякии: и чёрныти, и галубыи-ти, и бел*ы*-ти, и розавы-ти — ну, всяки*и* бусерки, всяки*и* были» [БАА, ААИ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 67].

Подростки, для которых главным препятствием для участия в игре было отсутствие денег, изобретали способы для их добывания. Кто-нибудь намазывал кончик небольшой палочки смолой и осторожно касался им монеты, лежащей у ног игрока, в тот момент, когда все игроки напряженно следили за меткой и не смотрели в круг. Монета прилипала к смоле, и подросток быстро убирал палочку. «Эти [=игроки] увличоны, вот рибитишки, знашт, палачку, а на палачку, знашт, смо́лу, вот эта самая прилепят и патом, эт знашт, а эти стопачки — деньги-та, и вот прамёж [ног], эти увлекуцца, он иё [шлепнет] вот так. Ана прилипнит, прилепит деньги — знашт, всё. Ну, за эта, как папа́дицца, как дадут, дадут! И никаких дениг ни нада» [ЕМА, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 130]. «А мы вот пацанами-та были, пайдёшь вот с тилеги смо́лу сабирёшь. Вот деривянныи оси на тилеги, да? Вот пайдёшь, саско́блишь с этай с деривяннай аси, с тилеги. И вот канечик смалой намажишь пал*ы*чки. Ну, все эта вверх [когда смотрят] — раз! тут на пятачок или на две капейки. И тожи к ним присма*т*риваисси играть. Да. Ну вот все-т*а* ка*г*да вверх смотрют, па*д*айдёшь вот — раз! И эту гривинник там, или капейка, там сколька, вазьмёшь и тожи будишь играть» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-03Ульян., № 93].

Наградой за выигрыш в азартных играх с монетами в пасхально-троицкий период первоначально служили яйца. Но в описываемый период играли «на деньги, на де-еньги! На бальшии деньги! А эт*а* бальшии деньги пра*и*грывали» [ЛСФ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 79].

Мотивацией к игре была надежда на выигрыш и устройство связанной с этим пирушки. Но не меньшее значение имел азарт, который сопровождал эту игру, и желание испытать судьбу. «Игра, тожи азарт. Ну, а как жи!

[Мужикам] ну, ахота маненька выиграть да выпить, если выигра*а*т. [И проиграть] можна, абязатильна. Чаво ж? Ну, риск, для чаво рискуют, эта где хошь, любая игра так. Любая игра так. Пан или прапал» [КАИ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-28Ульян., № 49].

Отношение к полученному выигрышу у женщин и мужчин было диаметрально противоположным. Если женщины, как правило, несли выкатанные ими яйца домой (см. *В яйца катать*), то мужчины расценивали свой выигрыш только как личное достояние и использовали его для своего удовольствия. «В дом! В дом разви панясут? Прапьют. Щас маненька ста*ли* деньги бабы начали брать-та, а то мужики, да. Там што-нибудь купить, ну вот, там: “Дай, мол, чево-та купить”. Ну вот он там даст ни даст — паклониси. [Если выиграет], у няво уж вроди сваё, ни наши» [ЖЕС, САП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 105-106].

Во многих селах до сих пор бытуют мемораты об игроках, проигрывавших не только деньги, но даже домашний скот и другое имущество. Эти устрашающие истории рассказываются обычно в дидактических целях и для сравнения нравов и обычаев прошлой и современной жизни. «Атцы симейств, ну чё ани — “в арлянку”. В деньги. Каров праигрывали, лашадей праигрывали! Дажи такии старики были, ну щас гаварим, вот вино пьют, ани ни знают [как раньше пили]. Лошади были у каждава хазяина, вот у нас в Корживки базар был, вот на базар паедит там старик, лошадей прапивали, аттуда то*ль*ка с кнутом шёл дамой. И праигрывались так. И здесь у нас тут троя заядлых была играков, карову праигра*а*т за ночь-ту, да, иё ночью-ту увядут, а он встанит-та утрам и гаварит, там: “Дарья!” — “Што?” — “У нас нищастье”. — “Чаво?” — “Карову увили”. А он продал, иё уж увили. Эта всё была, правда. Ну, эта ни все такии были, да» [ШАМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 39-40]. «Бы́ла вот такеи ж*е* вот случаи вот “в арла”-та. Мущина вот он, Павил Фёд*а*ры*ви*ч Макаров, павёл тёлку в Сурский на базар. Вот. Ну, продал иё эту тёлку (эта уж вот на маей памити, я помню эта всё) и там эдак же вот увидал, играют “в арла”. Вот. Падашол и праиграл всю тёлку. Вот пришол дамой ни с чем. Вот жине гаварит: “Манька, на тёлку решка лигла”. Всё, праиграл. И всё, и ничаво» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 7]. «У нас дедушка сыну сва*и*му давал быка, пра*и*грался он. Ага. Он: “Бири быка, праигрывай”. Па-настаящему. Вот он [=сын деда] у нас потом, у няво сын тут был, он за няво ни ругался. Он, чай, вспомнил, как яму атец-та давал быка на круг-та. И сваех сыновей он нака*г*да ничем не упрякал. “Давайти, ваюйти!” И быка праигрывай» [ВПМ, с. Сара, ММГ Ф2000-03Ульян., № 83].

Проигрыш, особенно большой, мог болезненно сказаться на благосостоянии всей семьи и даже сломать судьбу как самому игроку, так и его близким. Но осознание возможности такого развития событий тем не менее не останавливало азартных игроков. «Што есть праигрывал, там пайдёт ищо чево-нибудь заложит, прадаст. Апять начнёт играть. Праигрывали. У нас вот ани были такеи-та играки-ти, каторыи любили, эта вот был Яков Лёвин. Эта я ево-

та вабще помню, но то*ль*ка я ни помню [как он играл], эта была да калхозав, вот. Он праиграл лошадь “в арла” (са всем, с упряжкай)! И этыт чилавек, каторый выйграл, запрёг и угнал лошадь. Симьи́ща [=семья] была ужасная у няво. И астался ни с чем и пашол варавать. Папал в тюрьму и аставил жану с кучей с детьми. Да. Нютка-та [=дочь] ана ушла в Чувашию, вот, за Астрадамывку ушла сбирать вроди. Ну, и нашла там, какой-та падабрал иё мужичишка ли, паринь ли. Прижила рабёнка там. Из Чувашии ана яво принясла. <...> Ну, тут всё-т*а*ки ане посли-ти выправились, ане работать начали. Сын был, сын начил тут уж работать...» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-02Ульян., № 29].

Учитывая возможность большого проигрыша, отношение женщин к игре было отрицательным. Однако они не только не смели показать своего неудовольствия и попытаться увести мужа из компании («Он пабьёт! Ну, как жи! “Дарья пришла миня учить. Я хазяин!”» — ШАМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 40), но не вмешивались в игру, даже когда проигрыш грозил разрушить благополучие семьи. «Сказывают ачивидцы, сказывают. Ана [=жена Лёвина] лижала с рабитишками на пиче всю игру, всю игру эта тётя Поля лижала ни пиче (ана была вот нам-та тётка). Слова ни сказала! Вот. И с пе́чи ни слезла. Мужикам была в то время папирёк гаварить нильзя. Ну, наверна, ни всем. Есть каторы*и* гаварили видь, и папирёк-та гаварили. А ана ни сказала. <...> Я вот всё паминаю, вон ка*г*да чаво-нибудь выпьишь, вон ба*б*ушка [кивает на жену] руга*и*цца начнёт или чаво-нибудь, я всё гаварю: “Яша Лёвин лошадь пра*и*грал, Полинька слова ни сказала”. Даром, што рибятишкав с эстиль бы́ла. Слова ни сказала. В то время как-та ане, женщины-та, мужиков-та пабаивались. Щас видь вы глаза выдирити» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 14].

И.С. Слепцова

ОРЕШКИ — см. Конь, Масленица, Наряженными ходить

ОСНОВУ СНОВАТЬ

Хоровод *Основу сновать,* в котором имитировался процесс тканья, несомненно, в прошлом имел магический характер. Его цель состояла в воздействии на человеческую жизнь и мир в целом. Вместе с хороводной игрой «плетень» (см.) он составлял единый обрядовый комплекс, исполнявшийся весной и имевший продуцирующий характер. «Эта вот враз на Радавницу, на втарой день Паски, вот начинают вот хадить: “Заплятайся плитень”. Вроди вот как пряжу эту прикалачивают. <...> Ну вот. А патом начнут всё разыгрывать. <...> “Асновушку снавать”. Патом тут прыга*ю*т все: “Я асновушку сную да пиримотики кладу!” <...> Игра очинь дажи харошая. Играли, бывала, вот. А щас чаво? Щас нет ничаво» [ЦМП, с. Чамзинка; СИС Ф2002-09Ульян., № 90–92, 96].

Лучше всего воспоминания об этом хороводе сохранились в с. Чумакино, где его разыгрывали на Троицкое заговенье во время проводов весны (см. *Вёсну провожать*). «Как вёсну праважали? На Заг*а*вынья, на Заг*а*вынья. Вот, бывала, вот с Верху идут люди, а патом с Низу люди, вот где-нибудь тут сайдуцца и пайдут на Низ. Вот дайдут, тут улица за магазинам — туда, “Аснову снавать” начынают» [ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 9].

Хороводу предшествовал сбор женщин и девушек — участнику игры, которые сходились с песнями с разных улиц села на определенное место, поляну в конце села, располагавшуюся на небольшом возвышении. «Прайдут улицай. Песни пают. Такии песни были для этава, ну, для праздника. Песни были эдакии и вот прайдут и станут там и ско*ль*ка праходит, ни больна долга, аттоль с Верьху идут, вот где-нибудь тут сайдуцца и пайдут на Низ и абайдут кругом и всё. <...> Пели песню такую “Ни вилят Вани на улицу хадить”. <...> “Чирнабровинькава любить, / Он ни умеет голаву часать, / Над кудрями холь диржать”.

Ни вилят Дуни на улицу хадить,
Ни вилят Дуни Ванюшиньку любить,
Ваня, Ваня, раскудрява галава,
Он ни умеет голаву часать,
Над кудрями холь диржать.

Эта вот вёсну праважали песню пели» [ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 10].

После того как участницы сходились, начинался собственно сам хоровод. На поляне сажали троих (или шестерых, если садились по двое) девочек, так чтобы они образовывали треугольник, а остальные участницы, взявшись за руки, начинали обходить их, изображая снование основы. «“Аснову снавать”— вот насодют, траих пасодют, и вот кружáт и пают песни. Вота тут пасодют, патом там пасодют, патом там пасодют — вот ходют, ни кругам ходют, а мима йих, да. <...> Йих абходят как раньши у нас эта краснá ткали, эта вот халсты-те. Там тагды видь снавали аснову-ту. А эта вот абходит йих, как сталбы ани, сажали йих там, рабитишкав пасодют: он там сидит и тут вот сидит и там сидит. И вот так вота ходют молча, ничаво ни пели, ничаво» [ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 9].

По другим воспоминаниям, хождение сопровождалось пением протяжных песен. «Вот, значыт, щас начынают с Низу и туды довирьху да самава да каньца. Там была паляна хароша в то время. И вот там пажилыи-та вот начынают вот “аснову снавать”. У ней запев: “Аснову сную, пригавариваю, / Той ли той, той младá ли ты мая”. Вот эта песня была, эта “Аснову асновывали”. И на Заг*а*вынья, и на Троицу. <...> Там пасодют как калышкú этих манинькых дитей насажают как раньше засновывали эти краснá. Вот так. Вот пасадют калышков: сюда калышок, туда, туда, и вот так — многа сажали. Ну, дисятка, чай, ни будит, ну окала этава. А так йих насажают и вот [ходили] как эта каг*д*а аснову снуёшь. Аснову видь снуют вот абычна у нас таки есть *с*тены, снуют, а есть у каво вот на стянах вот эдак вот наделают. Так и тут калышкú так сажали, дитей пасадют. Ну эта вот там [взрослые]

за руки хадили вота хараводам. Хараводам хадили. Ну, чай, “аснову снавали”. Как аснову снуют, эдак рукой-та водют, так и харавод эдак вот за руки вазьмёцца и харавод эдак ходит: “Я вичор малада на таргах ли была / Той ли той, той млада ли ты ли мая”. А на таргах чё-т была, я уж и ни помню, чаво купила там» [ГЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 119–122].

Часто участницы хоровода, перед тем как «сновать основу», заплетались в цепь (см. *Плетень*). «В васкрисенья вота вёсну праважать-та, в васкрисенья иё праважают вота. Сабирались все старухи и маладыи и шли улицай, пели песни. Аттоль, с Верьху, сюда. А вот над Ключовкай “Аснову снавали”. Здесь, знай, пляшут. <…> Как “Аснову снавали”? Вот зацыпались, все, мно-о-ога народу зацепицца, пално видь народу-та была, полчумакина, праважали видь вёсну многа народу. Сажали “калышки́” вот: на три **у**гла пасóдят три чылавека. Ну каво? Любую девушку. Ну и вот так падмыривали. Эта называли “Аснову снавали”. Ну, прям вот стаят народу-та вота, а пад ниё вот падмырнёшь, пад руки падмыривали, и дале пайдёт. Ну, проста хадили вот. Кругóм вот так зацыпались и хадили. А патом вот так падмыривают пад руку. Сперьвата пад перьвую, а патом пайдёт и пайдёт, видь круг-ат какой бальшой. <…> Эта вот называли “Аснову снавали”. Пели, да, пели. Ну, тут уж всякии пели» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 67–68].

Хоровод «Основа» в исполнении ансамбля «Волга». 2005 г. Личный архив Н. Львовой

«Ну вот стаят вота, эти вот зацыпаюцца, а эти падмыривают, атсель выходют, апять другия. Вот так вота, я помню всё эта харашо. Адни [=одна цепь] стаят, другия падмыривают и выходют. Тут вот мырнут, там выходют. А то и́дут паследнии тожи так вот падмыривают. Па адной, па адной идут. Где им, значит, падмыривать, им делают вот вар*оты* широки-ту. Вот туда падмырнут, а аттоль другия падмыривают, в ту сторану. <...> Аттоль идут. И́дут, падмыривают, и вот ани так друг дружку, паследний тожи к ним прицыпаицца, и вот скол*ь*ка уж чилавек, я вот ни знаю, падмырнут вот тама. Патом брасают, начынают песни петь. Наполнют эту цепь и всё, начынают песни петь. Да, в круг. И вот пают песни, гоже пели песни!» [БТП, ФЗИ, с. Чумакино; СИС Ф2000-10Ульян., № 22].

После окончания хоровода начинались пляски. «Ну, а каторыи были плясуньи-ти, тут и гармошки, тут и всё, и пляшут, и припявают, всяки видь были. <…> Патом дамой расходюцца посли этава, посли “Асновы” дамой уж» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 69].

И.С. Слепцова

ОТЕЦ МАКСИМ

Отец *Максим* (жил в с. Тияпино приблизительно с середины XIX в. до середины 20-х гг. XX в.) почитается в среднем течении реки Суры (север Инзенского р-на) и на юге Респ. Мордовии как святой.

В народе отца Максима называют по-разному. Для некоторых он «Бог, истинный Бог». «А вот за Сурой глупай был, Гришай яво звали. И вот он уж больна а нём плакал [после смерти старца]: "Атец Максим, ацца у нас нет. Он у нас был за Бога", — больна, грит, он а нём плакал» [СЛА, с. Тияпино; ММГ, СЕВ; ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]; после того как в результате особых действий Максимушки слепые прозревают, они произносят следующие слова: «Вот тяперь мы верим, што ты Бог, што ты нас изличыл» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14]. В номинациях отца Максима так или иначе подчеркивается его необычная природа. Его называют *божественным* («Вот он эта бажествиннай он был» [ТЕМ, с. Тияпино; ММГ, СЕВ; ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]), *моленный / молящий* («Максимушка, вот, он жил. Малёнай такой был» [КЕГ, с. Тияпино; ММГ, СЕВ; ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]; «Малёнай был. Богу малился» [КУМ, с. Пятино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]; «Малящий што ли он, какой ли был» [ВЕП, Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-14]), *прозорливый / прозорливец* («У нас был атец Максим, он празарливиц. Он сильнай был» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14]; «Он празарливый был старик» [МАА, с. Пятино; ММГ, СЕВ; ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]), *старец* («И так остался он, ни жинилси. Так и жил он как стариц. Атец Максим стариц был» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]; «Атец Максим был стариц. Он очынь, очынь к Госпаду Богу близкай был» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14]; «Атец Максим был. Его всё время пачытают, потому што стариц атец Максим был» [БАП, с. Пятино; ММГ, СЕВ; ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]), *богомол* («Эта тожа багамол был» [КИЯ, с. Тияпино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]), *святой* («Здесь ищё у нас был святой Максимушка жил. Максимушка какой-та святой» [КЕГ, с. Тияпино; ММГ, СЕВ; ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]).

Необычность Максимушки проявилась уже в юном возрасте. Рассказывают о ранней избранности почитаемого старца. «Адно у няво была толька Госпаду Богу, толька Госпаду Богу. Никаму он ни каво так, а вот Госпад Богу у няво всё была. Всё жаланья толька Госпаду Богу. Да. Прям, на руках ищё был. Видишь, а в нём дары-ти какии были! Как яму с малых лет Господь дал тока Богу молицца, тока Богу молицца!» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14].

На протяжении всей жизни Максимушка вел себя не так, как другие. Он не женился. «И так астался он, ни жинилси. Так и жил он как старец. Атец Максим стариц был» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. «Он ни жинатый был, ни жинилси» [ШМГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. Старец совершал подвиг крайней аскезы, самоуничижения. «Он жил в гаре́ спирьва, в пищёри» [СНИ, с. Тияпино; ММГ, СЕВ; ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2,

2000]. «Яму́ из Мардовии избёнку привизли, у няво ничао не была, толька эту избёнку привизли и всё; куска хлебы [не было] — иму всё нисли» [КЕГ, с. Тияпино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. «Што у няво, вот дадут яму́, он абратна раздаёт. Что у няо есть, придёт хто, он накормит. Он ни был как вот другии-ти, склад*ы*вают кусок: "Палажу, пусть лижит да другова раза". А он — нет. Он: "Завтра будит ищё. Будит день, будит и пища", — он всё вот так гаварил, вот так, да. "Будит день, будит и пища. Биречы ни нады, а то испортицца". И всё вот так вот принимал, принимал он людей, да» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. «Атец Максим был, в гарах жил. Пищёра была в гарах. И вот на нём были цепи. Ну, вот жилезны цепи. И он в бани мылси и никада их ни скидал» [ВЕП, Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-14]. Ходил Максимушка по снегу босиком. «Атец Максим. Он зимой хадил басиком. Я вот иво харашо помню. Пить хадил. Вот речка тикёт — Аришкай иё называют. Вот он в поли хадил басяком. За этай. За вадичкай» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 30]. «Вот весь день он галодный, басиком. Сабаки атдаст яду́, а сам вись день ходит биз яды́. Ну, вот он такой был» [СЛП, с. Пятино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000].

Старец Максим «всегда в путях был. Он на месте не сидел» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14]. Максимушка ходил по соседним селам и пророчествовал (см. *Никольская гора*). У некоторых односельчан Максим приобрел статус дурочка. «А вот тияпински, ани вот всё над ним насмихались. Вроди, мол, глупый, глупый. А он вот ни глупый — он всё адгадывал» [СЛА, с. Тияпино; ММГ, СЕВ; ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000].

Отец Максим обладал уникальным даром. Он «исцилял, каторы захварают больна сильна. Да. Ниминуча дела — к ниму итти. Вот пазнают, как он исцилил-та — и жалания к няму, и всё к няму» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14]. «Эт у аднаво старика (он в Бога верующий был). С ним сделылась, как бизумный. Он пришёл к аццу Максиму. Он, грит, бирёт, значыт, кружичку. А у няо, значыт, радник тут был. И пачирпнул. И гаварит: "Вот иди — умойси". И всё прашло с ним» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14]. Максимушка помогал и домашней скотине. «Ой, как он исцилял. И скатину, как кто папросит» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14]. К Максиму за помощью обращались многие. «И к нёму ездили люди очинь-очинь из далёка. У нёво была зимлячачка. А патом иму купили дамок» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян, № 30].

Корпус текстов об исцелениях невелик по сравнению с меморатами о предсказаниях старца. Максимушка «был очинь верущый и гаварил всё вот эта правду. Что вот гаварил, всё вот сбылось» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14]. «Что сичас на вольным свети видёцца, он эта рассказывал, всё рассказывал — вся жизня па яво славам» [КАА, с. Пятино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. Отец Максим «видь всё знал. Как вот узнать? Из сваво разума, например, как эта выдумашь?» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000].

Прозорливец мог видеть настоящее. «А здесь вот женщины жали. Ну, он идёт атколи-та, идёт. Гаварит: “Да, идти нады мне, мне б дайтти, а то щас, гаварит, такой сильный дожжик пайдёт!” Ну, тока аташёл, мы все гаварим: “Чао дурак арёт? Какой дожжик — такой вёдра. Нигде никакой тучки нету?” Да дому, наэрно, тока ни аташёл, атколи ни вазьмись, как даст гром! Как дожжик пашёл! Вот узнавал эта он чаво» [СТС, с. Пятино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. «Адин раз, грит, мы едим на синакос. А он, мол, и гаварит: “Кандрашинька, вирнитись, щас дожжик пайдёт”. А была, грит, ясна. Толька да лугов даехали, аткуда ни вазьмись туча — пашёл, грит, ливинь» [СЛА, с. Тияпино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000].

Отец Максим угадывал, зачем к нему идут люди, и нередко своими действиями предвосхищал самые неожиданные просьбу. «Эт*а* в январе-месяцы. Зимы-ти были каки халодны! А чумакинска старуха патребвала: “Иди, Надя (пасылат снаху), к атцу Максиму за красными ягыдыми”. В январе-месяцы. Ах! Ани с ума сходют: “Каки сийчас ягыды? Снег-ат, идёшь, — хрустит”. Вот идут, ани меж сабой гаварят: “Как нам сийчас зайти к ниму? Снег-ат сматри какой. Идём, в варижках руки зябнут”. Падходим к ниму. Видим, уж взял лукошичка. А снаха-та ждёт. Долга нет. Атварят дверь-ту. Он, гаварит, на снигу-т — вот вся грядка — красны ягады. Рвёт на каленычках. А? Рвёт на каленычках. Да! И вот, значит, он дагадалси — всех накармили!» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14].

Максимушка знал, что говорили про него односельчане. «Узнавал как-та всё. Ты сичас вот са мной разгаваривашь. Сичас придёт и скажет: “Вот, значыт, ты талкуишь с ним — ни паложина”. Вот он точна угадат, как мы с табой разгаваривам» [БАС, с. Пятино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. «Он знал. Вот щас пагаварим пра ниво чао-та, и он те всё расскажит: “Абсуждали вы миня, так и так”». Вот он свитым духам эта всё знал» [СНЕ, с. Пятино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000].

Старец из Тияпино предвидел то, что будет совершаться в будущем. Он угадывал судьбу односельчан. «Вот он к ним [=к родителям информанта] ходил, ни к каму [так не ходил]. Мы люди плахия, ни́щи. А кагда умирал, гаварит: “У вас будит есть — ни праесть”. Так и была. “И к вам будут люди хадить”. Так, правильна. И знакомы у них были хароши» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14]. «Вот радители яво стали строицца. И он им гаварит: “Вы бе́з талку строити. Всё равно вам ни придёцца”. Ани сгарели» [СЛП, с. Пятино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000].

Предсказывал старец рождение детей. «Ани дружна жили. Вот двинаццать гадов у них не была дитей. И вот он, а дитё им нада была, и он пашёл. Он гаварит: “Будут, будут дети!” И вот дваих ро́дили ани» [ТЕМ, с. Тияпино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000].

Способы, которыми старец предсказывал судьбу, были необычными. «Нас радитили заставили жоницца. А он им и гаварит: “Пагадити — пагляжу”. Падашёл там, памыл руки. Падашёл к двоюрднаму брату и гаварит:

“Аткрой-ка штаны-ти”. Он аткрыл. Он яму и гаварит: “Женишься, жена-та ни будит дитей-та грудьми кармить. Ха-ха-ха”. — “Что, атец Максим?” — “Дитя патирял”. Он с адной играл — иё ни взяли. А эту взяли — ни однаво дитя грудями ни кармила. А к ма*и*му-та падашёл, тожа руки памыл, утёрся, падашёл: “Аткройся”. Он аткрыл. Он паглядел: “А ты женишься на хлыстуши. <…> Ни будишь жить-та”. И правильна — хлыстала с другими» [КАА, с. Пятино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. «Вот не могу я вам ибъяснить, неудобна. Встретит мужчину. Скажет: “Вот, иль пакажи мне, иль дай я патрогаю”. Вот, для чао он эта гаварил? Вот, спраси яво”» [СЛП, с. Пятино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000].

Старец мог предсказать и смерть человека. «Заходит и гаварит: “Вот, Марья, скора абуишь лапатки” — тада в лаптях каранили. Да» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14]. Увидел Отец Максим и свою кончину. «Зашёл: “Вот я буду умирать, вам голубь будит в три акна стукать. Дагад*ы*-выйти. Идити ка мне”. Да. Значыт, смерть уж яво вызываит» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14].

Видел отец Максим, как в будущем изменится родное село. «Мне мама пакойна рассказывала. Вот, гаварит, он всё знал. “Вот, Анютачка, здесь вот будит базар”. Здесь, правильна, базар — магазин» [КЕГ, с. Тияпино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000].

Предвидел прозорливец и дальнейшую судьбу человечества. Максим «притчами говорил, как притчами» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. Старец видел, что «жизнь вот щас вот переменицца, всё будит па-другому» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. Неохотно верили односельчане предсказаниям божественного старца. Распространена была такая реакция: «Чиво арёт дурачок? Чао дурак мелит?» [СЛП, с. Пятино; ММГ, СЕВ; ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. Но «вот всё, что прицказывал он, и всё эта палучылась и сичас» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ; ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000].

Отец Максим говорил, что «кровь пиримишацца. Вся жизня сичас па яво славам. Какой народ будит — как жа: церкви закрыли? — закрыли, а типерь аткрыли» [КАА, с. Пятино; ММГ, СЕВ; ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. «И народ, гаварит, будит друг на дружку, друг пра дружку. Вот, правильна, сичас народ очынь злыя» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-14]. «Вот как он прицказывал: вот будит время, будит народ собирать, мол, на палях колосьи. И была эта время. Голад-та» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000].

Говорил он о том, что «будут дивицы — бисстыжии лицы, будут галышом хадить рабяты. Ходют видь вон ани» [КАА, с. Пятино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. «Даживут дивицы, будут бисстыжи лицы. Будут женщины драцца из мужских кальсонав. Вот так он гаварил. И всё эта правда» [КАА, с. Пятино; ММГ, СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. «Будут, гаварит, дивицы — бисстыжи лица. Эта всё правильна» [СНА, с. Пятино; ММГ, СЕВ Ф2002-14].

Предсказал старец в начале XX в. и появление самолетов, машин, радио, телевидения. Увидел отец Максим, что в скором времени «будут по вольнаму свету мухи жилезны лятать, дама разбивать. Всё он рассказывал. Ну, вот самалёты-ти. <…> Будит, мол, такó время, будут галки лятать» [КАА, с. Пятино; ММГ, СЕВ Ф2002-45]. «Вот он хадил, гаварит: “Вот паглядити, жилезны птицы будут лятать”. — “Чяо говорит?” Вот правда — и самалёты лятат, а тада ни лятали. Вот эта всё он прицсказывал» [СЛП, с. Пятино; ММГ, ЛАП Ф2003-28]; «Гаварит: “Всё сяло апутают, тинятьí будит”. Всё на самом деле, вот, получацца» [СЛП, с. Пятино; ММГ, ЛАП Ф2003-28]. «Всё говорил, всё прицсказывал. А щас провалка кругом, а тада ж провалкав не была. Вот он всё и гаварил, знал, чао будит» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-18]. Тияпинский старец говорил, «что паутинай жилезнай землю апутают, что кони будут жилезны» [ТАА, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-27]. Вот расшифровка последней притчи: «Будит, мол, свет гареть — тада ж видь света не была. Будут ездить паизда, будут ездить машины, автобусы будут ездить» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ Ф2002-28]. «Вот он был празорливый. Вот он всё эта рассказывал: я ни доживу, а вы даживёти. Вся улица будит как в тинёти. Всю улицу тинётам аденут. Ни знай, атколь будут слыхать, ни знай, атколь будут песни петь — а вы будите слушать. Эта всё правда. Всё правда» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 30].

Есть среди пророчеств Максима и просто «апокалиптические» сюжеты. «И вот он видь всё гаварил, бывала. “На кустах, — гаварит, — будут расти пираги, цвяты всё будут на народи. Даживёте, — гаварит, — вады ни будит. Пайдёти, — гаварит, — вы думаити, эта вада светицца, а эта золата, вам яво ни нады, вы пайдёте воду искать”. А мы всё, бывал: “Мам, вот мы наидимси — на кустах-ти пираги!” А эта вот посли вайны таскали липавы листки, пикли пираги-ти — вот на кустах пираги!» [СНА, с. Пятино; ММГ, СЕВ Ф2002-14]. «Гаварил он, что малады будут гибнуть, а стары будут жить. Вроди, мол, войны ни будит, а народ, гаварит, будит умирать, будит гибнуть. А видь и правда — всё палучацца!» [СЛП, с. Пятино; ММГ, ЛАП Ф2003-28].

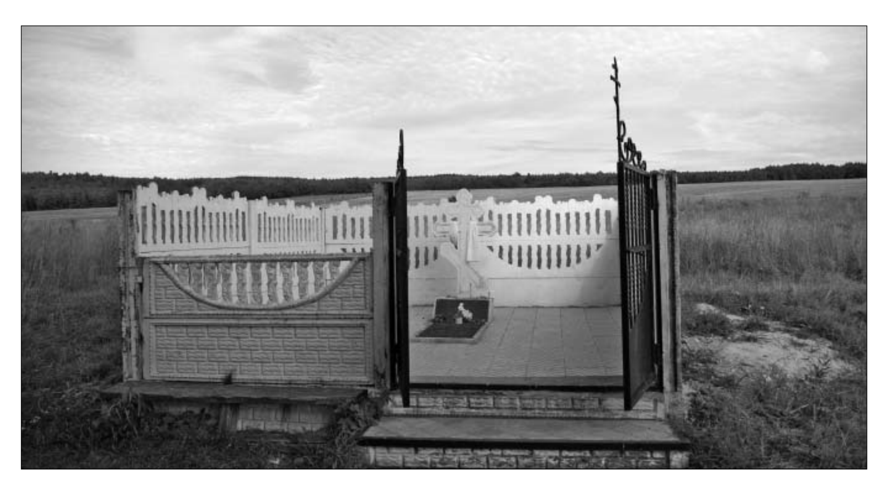
Старец Максим обладал особым знанием, которое «из сваво-та разума, например, как эта выдумашь?» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ Ф2002-28]. «Вот он свитым духам эта всё знал» [СНЕ, с. Пятино; ММГ, СЕВ; ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 2, 2000]. Знание Максима, его пророческий дар имеет чудесную божественную природу.

Совершал старец и другие чудеса. «Он сабрался в Карсун. И вот яму, значыт, испытанья Гасподь паслал. Яво нá паля [=на улицу] и на табурет пасадили. И халоднай вадой абливают. А? А мароз-та какой! Ани сё адно. А патом и всё — ослепли. Татарин гаварит: “А! Просити прашэнья у ацца Максима”. Ани апять ни верют. А патом, значыт, глядят — глаза-ти засёкнуты. И ани, начит, начали: “Атец Максим, прасти нас”. Он вынимат три пузырька из курдя. “Вишь, мы плоха видим”. Он втарым. А третим памазыл — сразу все [глаза] открылись. Вот ани упали в это время яму на кален-

ки — прасили прашэнья. “Вот типерь мы верим, что ты Бог, что ты нас излечил. Мы тибя, видишь, как ыбливали, нас прасти!” Вишь, каки чудяса-ти тварил!» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-46].

Однажды «пасадили Максима в тюрьму. Ну и вот, начыли над нём, вроди бы чао-та пазаравать: раскалили скавруду и хатели на эту сковраду на гарячу, яво паставить басиком, нагами. Он и гаварит: “Вот ты, грит, шас вот паставишь миня вота, у тибя жина в палажении — ана у тя ни разрадицца”. Другому — ищё там чао-та. В общим, четвира их была окла ниво. И он им всем рассказал». Испугавшись пророчества, Максима выпустили из тюрьмы [СЛП, с. Пятино; ММГ, ЛАП Ф2003-28]. «Он, кагда яво атпустили, у таво жина тожа, ну радила, всё нармальна. Ну и эта, ани иму эта, за начь сруб паставили. И он стал жить в этим даму» [СТС, с. Пятино; ММГ, СЕВ Ф2003-28].

Отец Максим был похоронен не на территории кладбища (с. Пятино), а около разрушенной церкви, то есть там, где традиционно хоронят служителей



Могила отца Максима в с. Пятино. 2011 г. Фото М.Г. Матлина

церкви. «Вот видишь. Яво окала церкви скаранили» [СЛП, с. Пятино; ММГ, ЛАП Ф2003-28]. «Давно уж он умир. Яво возли церкви пахаранили в Пятини. У самой церкви ана, яво магилка» [КЕМ, с. Тияпино; ММГ, СЕВ Ф2002].

Через три года после смерти старца было решено «устроить ему склёп». Могилу Максимушки разрыли. Односельчане, наблюдавшие за этим, оказались свидетелями чуда. Земля из могилы старца светилась подобно звездам. На устах старца, лежащего в гробу, запечатлелась улыбка. Тело, пролежавшее в земле больше трех лет, не подверглось процессу тления и источало чудесный аромат. «А паханили. Разрывали яво. Склёп ёму сделали. Вот было народу, была священникав! Мы там были. Вот аткрыли. Аттоли кидают — земля светицца! Вот как звезды пó нибу. Вот как звезды пó нибу. Вырыли иво — аткрыли: вот он лижит, с улыбачкай лижит, стариц! Атец

Максим. Восимь папов была священникав. Была служба. Раздавалась — маманьки! Вот и шли в очиридь толька этай зимлички брать — толька этай зимлички брать. Думали, что он васкреснит. Три года он лижал. Три года он лижал в земле. А патом ани пришли. Разрыли яво и сделали ёму склёп. Прям вот как домик. И иво туда паставили. В грабу. А шли к ниму пращацца — ма! Священникав сколька, люду сколька! Вот он лижит — три года пролежал — как сичас толька, как сичас. Вот как сичас помир. Вот дух ат ниво — ва всею дух ат ниво ладанам. На всию!» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян, № 32].

Святой при жизни указывал на особый статус локусов, с ним связанных. «Атец Максим, он гаварил: "К маиму дубу хто падайдёт — исцилён будит"» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП 2002-46]. «А он, будучи когда при сваей уже смерти, прасил Бога и гаварил людям (и эта знают многии), что кто будит малицца, зимличку брать с маей магилы, таму будит памагать» [МАВ, с. Чамзинка; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-12].

Могила отца Максима в с. Пятино. 2011 г. Фото М.Г. Матлина

Сегодня почитается пространство, связанное с домом святого. «А вот эти старушки пажилы-ти ани. Уж атец Максим умир кагда, ани приизжали, прихадили, в общим, пишком. Вот старушки сабируцца, три-читыре-пять старушик, придут здесь паабедают, на этам мести, на ацца Максимавам мести, где он жил. Атдахнут, набирут зямлички вот. И патом к вечиру пайдут, кагда будит прахладно, дамой. Ани вот навистили. Прихадили ани эти мардовки, ани пажилыи, ани прихадили к живому к няму. Ани к живому к няму прихадили: "Мы знам яво"» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ Ф2002-28].

Привлекает паломников и дубок, растущий около дома святого, и колодец со святой водой. «Приезжали. И до сих пор приезжают. Вот садятся к этому дубу. Эту водичку. Тут колодец был. И тут эту вадичку у этого дуба сё пили» [СПС, с. Тияпино; СЕВ Ф2003-28]. «Вот там деревца было. К этому деревцу эти вот, мордва приходила, брали землички, и лекше делалось» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ Ф2002-28]. «Под этим дубочком, они вот придут мордовки, отдыхали. Где он жил, брали землички. Болезня какая — посыпют. Скотина, как там это, болеет. Люди болеют. Помогало. Придут, в дому, например,

вот щыпоточку маненьку берут. Цветочек стоит иль чао. Посыпют маненечко, чтоб незаметно, где было. Иль на дворе: там скотина болеет иль чао там эдык» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ Ф2002-28].

Наиболее почитаема сегодня могила святого. На могилу отца Максима «ходили служили вот старухи-ти» [ФАП, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-37]. За могилой старца ухаживают. К нему «ездют, навещают яво. Три раза могилу обрабатвали. Работу делыли. Хрясты смянили, ограды скоко раз обделвали. Ходют. Ходют» [КАА, с. Пятино; ММГ, СЕВ Ф2002-45]. «Давно уж он умер. Яво возле церкви похоронили в Пятини. И могилка, вот ездиют все странники. Всё оградку поставили, хто яво знал, И всё покрасили, видно. У самой церкви она, яво могилка. Щас на могилку еззиют. Ну от, городьба изломаться там, кто-нибудь починит» [КЕМ, с. Тияпино; ММГ, СЕВ Ф2002-25].

Когда жители с. Тияпино идут на кладбище навестить своих родных, они обязательно заходят на могилу старца. «А хоронили его — ма-а-а! Вот как идем на кладбище, вот обязательно: "Давайте зайдем к отцу Максиму"» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 31].

На могилу идут за советом. «У них заболел бык и, значит, он заболел и пропал. И они, значыт, пошли к отцу Максиму [=на его могилу]. И вот они плакыли всю дорогу, просили, чтоб он, значит, этот бык-то, нашёлся. Они набрали земли, значит, и идут. И не доходя, значыт, своего села, они нашли этого быка и узнали потом в скором будущым, кто его, значыт, вывел. Чудотворений действительно от Максима много» [МАВ, с. Чамзинка; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2003-13].

Многие приходят на могилу старца («к Максимушке») за помощью. «Вот щас на яво могилку многи ходим. И вот помагат он. Эт многи ходют к нему» [СЛП, с. Пятино; ММГ, ЛАП Ф2003-28]. Народ верит в целительную силу земли с могилы отца Максима. Земля с могилы помогает от разных болезней, но чаще всего рассказывают о помощи при лечении зубов и глаз. «Зубы балят — можна. Стакашик налить крышенскай вадички. День настаит, гланёшь [=отглотнёшь] и сразу почустваш [облегчение]» [БАП, с. Пятино; ММГ, СЕВ Ф2002-23]. «И вот там атец Максим в агради пахаронин — в церкви-ти, и смотрим — батюшки! — мужшина, женшина падходют, сумачки кладут, и, значыт, землю разрывают-та и насыпают. Вот если глаза балят, если толька зубы ломят. Вот щыпотачку сыпишь, там атстаицца эта водичка свежинькая, глаза мачы, зубы палащы. Вот этай зимлёй» [ЦЕЯ, с. Пятино; ММГ Ф2002-23]. Помогает «земличка» Максима избавиться от головной боли. «Вот зимлички вазьмём. Зимлички бирут. Галавы у каво балят. Ат галавы-ти — кто в платочык завяжит, кто ищё как завяжит. Зимлички принисём дамой. Ездиют к ниму, и священники, к иво магили» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 31].

Святая «земличка» лечит и «душевные» болезни: изгоняет плохих духов, снимает порчу. «А то будишь чириз сибя кидать [землю]. <…> Так нада, изганяюцца все духи плахии» [КЕГ, с. Тияпино; ММГ, СЕВ Ф2002-45]. «Землёй

посыпаюцца. На голуву пасыпала. Платок клала и пасыпала. Хварала. Нада мной сделыли. Как я страдала!» [КАА, с. Пятино; ММГ, СЕВ Ф2002-45].

Земля с могилы святого помогает очистить дом от «вторжения» нечистой силы. «Там магилка окала церкви. Атдельно схаронита. Все заходют. На кладбища идут и заходют, набярут зимлички. В доми, например, чаво ниблагапалучна, то посыпают, и всё была харашо» [ЖЕП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ Ф2002-28]. «Вот была, значит, адно тяжёлая время, кагда и меня [рассказчик — сельский священник] прасили асвищать дом, в каторам, значыт, пастаянна такии вот, как сказать, чёртики-шалунишки были. Ани хазяйку забрасывали лукам да синяков. Вот ана, то есь, нивидимая рука бирёт лук и брасаит или бирёт спички и зажигаит, брасаит на стену. Мучэнья была многа. У миня была зимличка [с могилы отца Максима]. И патом я вись дом абсыпал святой зимлёй. И паследний раз он ей, значит, пасадил этим лукам пряма в нос шишку, и на этам закончылась. Дийствитильна, Максимава зимля! Я абсы́пал буквальна ей весь дом» [МАВ, с. Чамзинка; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2003-13].

В максимовой земле «есть дийствитильная сила». Ее используют «при асвищении эту землю, или кагда вот нет уражайнасти» [МАВ, с. Чамзинка; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2003-13].

Вещи, оставленные на могиле старца, заряжаются особой чудодейственной энергией. «Вот щас на яво магилку многи ходим. Я лижала многа в бальници — и легше нет и нет. И вот мама мне гаварит: “Айда, Лида, айда к аццу Максиму”. Ана миня и пасыпат зимличкай, и пасыпат меня, и вадичкай этай. И с тех пор эта, умирать буду, а в бальницу ни пайду. Вазьмёшь вады — начырпнёшь. На иво магилку паставишь — ана зарядицца» [СЛП, с. Пятино; ММГ, ЛАП Ф2003-28].

Помимо рассказов об исцелениях распространены повествования о наказании за осквернение «максимова места» (см. *Наказание за грех*). «Дубок у няво [отца Максима] стаял больна хароший, и вот к этаму дубку хто приклоницца, исцилён будит. А яво две старухи, Богу ни верущи они как-та были, и спилили на драва сибе. И ана, эта Прасковья, умирла ни хварамши. А другата из акна упала — всё ж ана умирла. Вот так-та» [МАП, с. Тияпино; ММГ, СЕВ, ЛАП Ф2002-46]. Наказание настигло и тех, кто попытался осквернить могилу отца Максима. «Яму налажили иду́ на эту, на магилу. Ну, а эти дивчонки сазаравали — всё, всё там пир*и*мятнули, всё унисли. И их в этат жи день задавили абоих» [КСИ, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-14].

Однажды могила святого чудесным образом обновилась. «Кто делал — никто ни знат. Утрам, рядам-ти живут, глядят: “Батюшки, магила абгарожина, вся выкрашина, и всё. Памятник стаит!”» [КСИ, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-14].

Появление рассказов о нетленных мощах, о чудесном обновлении могилы, о наказании за ее осквернение свидетельствует о том, что с течением времени в образе отца Максима начинают преобладать легендарные черты.

А.П. Липатова

ОТПЕВАТЬ — см. Поминки, Похороны, Читалки

ОТШЕЛЬНИК

О*тшельником* в Ульяновском Присурье называют человека, по своей воле отказавшегося от общения с людьми, с внешним миром. В народном сознании отшельник относится к рангу особых персонажей, приобщенных к сфере сакрального (см. *Монашки, Болящие, Отец Максим*). В Ульяновском Присурье отшельников называют по-разному: *отшельник, монах-отшельник, монах, специальный монах, пустынник (пустынница)*.

Отшельник, как и *монашки* (см.), занимает обособленное место в социальном устройстве деревни. Но если у монашек существуют строго закрепленные социальные функции (петь по покойнику, крестить детей), то отшельник практически исключен из жизни селения: связь с миром он не поддерживает, живет за границами локуса деревни, определенных функций в социальной структуре не выполняет. Отшельниками, как правило, становились мужчины.

Отшельники, в отличие от монашек, не объединялись в группы, а жили поодиночке. «Он жил адин. Полвека жил адин» [КСИ, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4]. Отшельники жили за пределами селения («в лесу», «в горе») в землянках («в пещёрах»). «Вот пад этай гарой он жил. Он жил там — в зимлянки. Он там вырыл зимлянку сибе. Ну, вот он задумал эти дели манашничать. И ушёл туда. Женицца он ни жинился. И вот эта там жил в этай — пещёру вырыл. Гаварят, иму кто-та памагал эту рыть-та, эт пищёру. Из Мардовии — вот аттуда какой-та приходил к няму, чириз Суру-та. И вот с нём там жил» [КСИ, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4]. Иногда, наоборот, подчеркивается, что пещёру отшельник вырыл сам. «Вырыл пищёру сибе. И рыл ночью, штоб никто ни видал» [МАГ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-27]. «Эта у нас был манах. Он специальный. Миший яво звали. Он манах. И вот он там ушёл в горы. И вот он там пищёру рыл» [ЛАП, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4].

Односельчане знали о существовании отшельника. Но старались с ним не сталкиваться. «Тут в Коржевки. Там нибальшой рынак. И я ездил малинький. Вот там гара. И в гаре хто-та жил. В гаре, внутри. И нихто ни спускался — баялись. И один, грт, чылавек апустился на вирёвках. Набрал храбрости — пашёл. Гарит, гаварит, свича, лампадка, и два старичка. Правда — ни правда ли?» [ТГП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27].

Отшельник вел аскетический образ жизни. «Он манах. И вот он там ушёл в горы. И вот он там пишёру рыл. Ни жинился — ничао» [ЛАП, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4]. Ходил отшельник и зимой, и летом босой. «Гаварят, басо́й он хадил зимой. В зиму хадил бо́сый. [КВН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4]. Ходил в цепях. «Бабушка мне рассказывала. Манах был в самой глуши.

Манах-атшельник. На голам тели, гаварят, цепи таскал. Вот какой-та был, Лёня Мамлив. А на голам тели — цепи. Яму насили [еду]. Ну, а тут началось ривалюция. Савецска власть стала азаравать над нём. И он, гаварят, уехал в Сибирь» [МАГ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-27]. Цепи отшельник никогда не снимал. «Он, гаварят, к нам в баню хадил мыцца, кагда ищё дедушка был — давно, давным-давно в баню хадил мыцца. Мая мать гаварила: "Как эта? В бани видь жарка, а он в ципях весь". И ципя́ ни скидал. И мылся в бани. Эта в гарах тама у ниво пищёра-та была» [ВЕП, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-9]. «Он какой-та. Хадил в ципях. Ни сымал ни зиму, ни лета. Ани дажи, гаварят, как врасли» [КВН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4].

Односельчане полагают, что человек выбрал путь монашества, потому что «верущий был». «У ниво пищёра эта была. И он там жил. Патаму что он как эта в Бога верущий больна эт был. Он ни жанатый был» [ХАИ, ХНО, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-15]. Отшельник ушел от мира, потому что «аброк Богу дал верывать в Богу» [КВН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4]. «Вроди как паабищал, што буду я таким вот. Вроди быть штыб эта святым вот яму быть» [КСИ, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4]. «Бабушка мне рассказывала. Манах был в самай глуши. Манах-атшельник. Вырыл пищёру сибе. Эта он каялся — пакаяния какоя-та дал» [МАГ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-27].

Рассказывают, что к этому шагу его подтолкнули трагические события. «Он жил адин. Полвека жил адин. У няво жина-та умирла малодинькай, и он паклялся, что я, мол, жиницца больши ни буду. И ушёл в луга жить» [КСИ, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4]. Другие полагают, что отшельник просто от кого-то прятался. «Пищёра у нас. Там вот в гарах, там ана эта пищёра. Вот тагда разгавор был эта, вроди, прятался что ли, зачем туды. Мы уж вот ни знам, атколи он паявился. Пищёру сделал. Там многа комнат у няво. В гаре вырыл. И всё как комнаты сделал. Да ни адну — много там!» [ДМН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5].

С односельчанами отшельник практически не общался. К отшельнику относились как к человеку особому — приобщенному к миру священного. По статусу отшельник занимает срединное место между монашками (см. *Монашки*) и местночтимыми святыми (см. *Отец Максим*).

Отшельники поддерживали связь только с монашками. В с. Коржевка рассказывают о пустыннице Марии, которая никому не показывалась, кроме монашек, с которыми она общалась посредством записок. «Жили на гаре. Тётя Маша. Мы иё нянькай звали. На гаре ищё жила мать Мария. Мая сястра видала. И вот гаварит: "Я выхажу, гаварит, ни знай за вадичкай пашла тилятам. И выходит, гаварит, вот эта сама мать Мария. Вот распушшины воласы. Я, гаварит, на ниё гляжу, — гаварит. Ана накупалась. Апять так жи зачисалась и пашла. Я, гаварит, долга на ниё глядела. Пришла, гаварит, вот этай жэнщини — няньки-ти рассказвала эта всё-та". Ана гаварит: "А мы знам. Тут ана, пищёрка есть. Мы знам. Ана, гаварит, к нам ходит, мы иё ни видим. Ана вот запишичку напишит. Там и пастукыцца. Напишит запишичку: то

ла́паткав нады, то каму ищё чаво нады. Вот. Мы, гаварит, жалели. Мы, гаварит, знам, что ана тут живёт. Знам, гаварит, знам. Никаму ни паказылась". Пустынница Мария. А патом адна женшшина хадила иё, бывала, искать. Вот. Ну, нихто ни нашли. На гаре. Там ана в гору палезла, и нихто ни нашли. В пищёрки жила» [ТАГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-64].

Монашки ходили служить к отшельникам. «Бабушка мне рассказывала. Манах был в самай глуши. Манах-атшельник. И к ниму, гаварят, хадили манашки. Ну, к примеру, такии веруюшии люди. Он принимал там, и свечки гарели. А на голам тели — цепи» [МАГ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-27]. «Хадили к ниму вота. Хадили служили. Нет, ни личил. Тока этим, как их, Евангили чытал. Я к ниму хадила. Хазяин у миня умир. Так, пажалой старик» [ФАП, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5]

В советское время, когда закрыли церкви, верующие благочестивые односельчане ходили служить к отшельникам. «Мать мая вот хадила к ниму эта туда. Да ну молицца, молицца хадила. Раньши ить, как была-та? Малицца к няму хадили, *в*сё там это. Как святова яво, вроди [почитали]» [КСИ, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-4]. При необходимости к нему ходили тайно. «Или кто балел вот, с чем-та к ниму хадили, люди хадили тайна» [СВН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5].

Сейчас место, где жил отшельник, — достопримечательность на селе. «Щас туда ни пралезишь. Лаз там. Зализли туда. Там, наверна, метра палтара. Сколька вот? И комната вырата там. Щас забыла даж, как иво завут. Михаил. Ну, святой был. Атшельник он был, в общим. Там, гаварят, вот ана эта пищера, там многа этих — трубав, как хадов, да. Там паджигали, агонь зажигали, что-та там зажигали внутри. Раньши многа лазили. Я ни адин раз лазила — два раза. Я иво видала, этава манаха. Бальшой крест всигда у ниво был, на ципи́, тут висел, на груди. Хадил он басяком и зимой и летам. А уж кагда, грит, ривалюция началась, вот эта всё, куда-та прапал» [СВН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-5].

А.П. Липатова

П

ПАСХА

Праздник Светлого Христова Воскресения, *Пасха* — важнейший годовой праздник народного календаря, вобравший и синтезировавший как дохристианские, так и христианские обряды, магические практики и верования. Отсюда многообразие пасхальных обрядов и сложный характер их семантики, в которой отразились представления о единстве миров сакрального и профанного, живых и мертвых. В пасхальной обрядности, в которую включались все члены сельской общины, также происходило укрепление, а порою и восстановление социального и семейно-родового единства.

В народной традиции Пасха не ограничивалась только Светлым Воскресеньем. Вся Пасхальная неделя (Светлая седмица) — это Пасха. «Паска семь дён, всю ниделю Паска» [МАМ, с. Тияпино; МИА Ф2001-18Ульян., № 51].

Таким образом, рассматривая Пасху в народном календаре, необходимо иметь в виду не только Светлое воскресенье, а пасхальную традицию в целом. Под пасхальной традицией в данном случае понимается сложное структурное и семантическое образование, ядром которого является собственно православная Пасха и непосредственно связанные с ней обряды и обрядовые действия, как установленные и осуществляемые церковью, так и внецерковные ритуалы, бытовые обычаи и традиции. Хронологически это период от Вербного воскресенья до Фомина воскресенья (Антипасхи), то есть предпасхальная (Страстная) и послепасхальная (Светлая) недели.

По-своему определил народ и своеобразное положение Пасхи в календаре, — например, в с. Котяково ее прозвали *переметной сумкой*. «Видишь, ана видь Пасха, не как Михайлов день или Ражество — в адно число. Старик у нас всё ругал иё: “Пасха перемётная сумка!” А мы: “Што за перемётная сумка?” — “Вот я вам расскажу, што за перемётная сумка — ана жэ ни быват в адно число. Вот пачиму я иё и назвал — перемётная сумка”» [ЧТП, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 62].

Значимость Пасхи определяла запрет выполнять какие-либо сельскохозяйственные, бытовые и прочие дела. «Паска идёт ведь всю ниделю. Раньши, видь если Паска, то никто ничево ни работал. Доделам в субботу или в пятницу, полы намоим, в бани намоимся и всю ниделю мы ни работали» [СКИ, с. Карсун; СИС Ф2004-07Ульян., № 29].

Круг обязательных действий предпасхальной недели составляли: уборка и украшение избы, изготовление специальной обрядовой пищи, сжигание старых вещей (см. еще *Пост*). Все это имело не только бытовое, праздничное значение, но и являлось частью магических действий, нацеленных на утверждение и воплощение пасхальной семантики.

Обязательной и повсеместной была уборка изб и их украшение. «А вот щас [если] Великий Пост, к Паски моют избы. Если вот я не слажу адна вымыть, я накричу народу. Скрябли скабёнкай, скабёнки были, страгали паталки, стены, всё, все все доски, палати, все лавки, всё вытаскивашь на волю, моешь, вымышь все, прасохнут, затаскаишь посли. Их угастишь, ани уйдут, посли затаскашь кравати» [БПА, д. Ростислаевка; СИС Ф2004-32Ульян., № 102]. При украшении изб порою использовались самые простые предметы. «Накрасишь мачало, ну, широки*и* вот такии есть, палоски, да. Накрасишь разнай краскай и надела*а*шь вот цвятов, вот на стенки павесишь вот. К Паске эта украшение была. На окна вот, на бажницы вырязали выризки из этих, из газет. Эта тожи была украшения. То*ль*ка што к Паски» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-02Ульян., № 21].

Для угощения тех, кто приходил на помочи, приготавливали специальное блюдо — *кулагу*. Ею парни часто, шутя, мазали девушек, занимавшихся уборкой дома. «Кулагу-та вот ани, бывала, атдадут муку, ну, насыпит там чаво-та, пясочку как чаво, и паставют в печь. Ана там парицца. Угашшали, угашшали. Пайдёшь куда избы мыть [перед Пасхой], вся пиримажисся. А ежели паринь падайдёт, то весь уйдёт в кулаги. [Мазали], да. *А*заравали. Прежди были всё шутки, шутки, нынчи пьянка адна. Ни даешь ежели, придёт паринь, вазьмёт карчагу да тибя измажит, а ты яво. Вот и пайдёт» [САМ, БАИ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 21].

Важнейшим и любимым делом женщин в процессе подготовки к Пасхе было приготовление кулича, творожной пасхи, варка или каление и крашение яиц, изготовление различной выпечки. Так как в Великий Пост молоко и молочные продукты не употреблялись в пищу, то во всех семьях, где держали коров, накапливалось большое количество кислого молока, творога, которые шли на изготовление специального пасхального творога, который так и назывался — *пасха*. «Ну, на Паску перьвый день у нас никагда ни пикли пираги вот штобы были на дражжах. Пикли пресныи. Абизатильна на Паску вот пачаму-та, ни знаю, ватрушки, сыры делали там, вот мама делала. Ну и всяка вот эта всё. Абизатильна пираги вот ватрушки пресныи были. А уж на те, ана целую ниделю идёт, можна там и на дражжах пикли. А вот пачаму, я вот ни знаю. У нас мама делала [сыр], была у нас диривянная такая эта. На низу на этай был крестик прям. И вот ка*г*да ана эта туда всё заложит, пресс паложит, а он всё эта стикёт, всё уложицца, и кагда вытащит ана, вот так развирнёт, вывалит ана на че*в*о, палучаицца крестик навирьху. [Сыр:] масла клала, иички клала, вот в твораг эта всё, сахар. Вот всё ана мишала эта дела, как вот делам эта ватрушку или чаво ли такое.

Вот патом в эту слаживала и пад пресс. И ана всё эта жидкасть ухадили, и кусочками резали и ели» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-04Ульян., № 63-64]. Приготовленную массу клали в специальную пирамидальную форму, на внутренних боках которой были вырезаны крестики. «Сыр делали. Эта вот, значит, твораг в ступке или в чем там размешают, размешают яво. Патом, значыт, туда кладут сметанки, изюму, маслица сливачнава, сахару, штобы сладка была. Яйца абязательна. А яйца толька белки и пад пресс. И такая формачка спец*и*альная есть и там па бакам крестики» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 58].

Тесто для кулича некоторые женщины ставили именно в четверг, хотя при этом о каком-либо значении этой даты в пасхальной обрядности они уже не знали. Делали куличи из кислого теста, обливали сахаром, обсыпали крашеным пшеном, им же иногда выкладывали символ праздника — буквы ХВ, крестик. Изготовление кулича, как и вообще выпекание хлеба у пожилых женщин сопровождается традиционной словесной формулой «Господи Исусе Христе, сыне Божий, помилуй меня». Такое отношение к хлебу, тем более к пасхальному куличу, основано на традиционном понимании хлеба как Божьего дара. «Вроде все же квашня, хлеб тута. Божья... Божий хлеб. Когда беру квашню: "Господи, благослави". Потихоньку, про себя просто» [ПМП, с. Потьма; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 4, 2005]. Некоторые хозяйки украшали кулич восковыми или бумажными цветами. «Куличи пикли на Паску. Украшали. Сахар взбивали, мазали. Он ни слазил. Кто в чем пичет. В церкавь насили на перьвый день к батюшки святить. [Сверху крестик] делали, делали. И яиц клали. А на куличе и цвяты всякие, и всё. Какие цвиты-те? Бирягли цвяты-та которы ат Паски да Паски. Стаят, стаят цвяты васкавые. Втыкали [в кулич], втыкали. [Когда резали] их выняют, складывают, до другова года диржали» [САЕ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-31Ульян., № 61].

Готовили, как правило, не один кулич, а несколько. В некоторых селах делали один большой и маленькие куличи (диаметром около 10 см и высотой 15 см), которые иногда подавали в качестве милостыни. «Кто сколька испекёт. То*ль*ка небальшие. Пикёшь, штоб милыстыньку падать, манинький. Писочик сыпишь, смятанки, яйцы — размешашь всё, разбалташь и памажешь. [Большую] одну пикли. Хадили с малебным раньши, вот этат пирог ставили на стол. На Паску. Паска семь дён, всю иделю Паска. Вот этат пирог ни трявожили, как малебин прайдёт тут» [МАМ, с. Тияпино; МИА Ф2001-18Ульян., № 51].

Редкая для данного региона традиция — делать куличи с начинкой из гречки — зафиксирована в с. Тияпино. «Куличи делали, вот, значит, тетя Настя, она делала куличи с начинкай. Начинка была у них завсегда гречка. Круглай, высокий. Пикли бальшинство в крышках, а крышки были спец*иа*льна для пирагов [=куличей]» [МАП, с. Тияпино; МИА Ф2001-19Ульян., № 70].

Однако куличи, в отличие от пасхи, во многих селах — традиция поздняя. «Яйца красили, пираги пикли. Видь раньши гавели, тварагу накопют,

малака кислава наделают. [Куличи] раньши нет, эта сейчас вот делают куличи» [БАЕ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 75]. Действительно, творог, яйца — продукты, которые были почти в каждой крестьянской семье, тогда как мука в это время года была продуктом дефицитным. Вспоминая довоенное время, одна из жительниц д. Ростиславеека, отмечала, что для себя часто пекли хлеб из гнилой картошки и только для батюшки, которому обязательно нужно было подавать во время пасхального обхода дворов ковригу хлеба, доставали немного хорошей муки. «[Батюшка] хадил с малебнам, а мы ждали. Вот и гаварим, папы сроду живут. Ани сроду буржуи. Бывала сами-та с гнилой картошки буханачку испекёшь вниз-ат, а яму такую кавригу спечёшь наверх паложишь. <...> Переймёшь мучки, а он идёт на лошади, на телеги, паматат — цоп кавригу и пашёл» [БПА, д. Ростиславка; СИС Ф2004-32Ульян., № 168].

Зато много варили или пекли яиц, любовно и изобретательно потом окрашивая их. Основные цвета — красный, желтый, зеленый, коричневый. Использовали природные растительные красители — шелуху яиц, березовые листья, крапиву, кору дуба, а после войны стали применять и специальную пищевую краску. «Всяки, и зилёны красим, и жёлты красим — у каво чаво есть. И на Паску эдак красим — у каво какая есть краска. Раньши красили крапивай, лушными перьями. [Крапивой —] зилёны. А лушными перьями они жёлты, хароши. Канешна, лушны перья лучче» [ЧЕХ, РАИ, РРФ с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 43]. «[Красят] накануни Паски, в красельну субботу. И краскими красили, и лушными перьями, и дубовай карой, и веникав бирёзавых — всякай, хто как накрасит. Вот лушны-те, если густо — каричнивы, а если жидинька палажишь, то ани жёлты. Рисавали [на них] Христос васкреси» [ГНС с. Потьма; МИА Ф2005-07Ульян., № 66]. Иногда вареные яйца еще дополнительно калили в печке. «Вот когда накрасишь их, на сковороду и в печку. Они там калятся. И очень вкусны. Я сделаю, десяточек положу в печку калиться. Оне такие, ну, вкусны, хороши. Варишь их, сваришь, оне все равно белок и желток какой-то не такой, а в печке они как печёны» [ППО, с. Потьма; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 4, 2005].

Приготовляли эту пасхальную пищу, как правило, в Великую субботу. «В субботу [красили]. Куличи пикли в субботу» [МФФ с. Потьма; СИС Ф2005-07Ульян., № 16]. В с. Потьма ее так и называли — *красильная*. «В субботу. В субботу красильну. Да, красильна суббота» [ППО, с. Потьма; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 4, 2005].

Устойчиво сохраняется представление о том, что освященные яйца не портятся в течение года, и у некоторых жителей села они лежат на божнице до следующей Пасхи. «У меня вот два яйца лежали. Пасхальны. Стала убирать, они у меня упали. Не высохли совсем-то вот. Летось [=в прошлом году] вот красила. И вот я их в печке закалила, и они прям закалены хороши были. Лежали вот до этого [новой Пасхи]. И вот стала иконы убирать, шмыгнула и вот» [ППО, с. Потьма; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 4, 2005].

В с. Русские Горенки одна из жительниц, у которой не было кур, взяв за основу традиционные пряничные типы, для детей готовила особое печенье — для мальчиков коней, для девочек — барыню, разрисовывая их. «Вот у нас тут адна, кур-та у ней не была, ана для мальчишкав нарисует коней из теста сделат, а для дивчонак — барыню. Придут христосывацца, а яиц-та нет, вот ана и наделает каней да барынев. К ней и хадили валом. И разрисует прям эдак жа. Краски купит вот этай наряднай всякай. Ана уж кажну Паску нарисует» [ССП, СОИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 19].

В с. Чумакино, завершая крашение яиц, шелуху лука сжигали в печи, объясняя необходимость такого действия тем, что ими красили яйца на Пасху. «Лушные перья тоже жжигают. Ими на Паску красют яйца и вот паэтаму их тоже жжигают в печки» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 113].

«Христосование» после пасхальной всенощной службы в с. Потьма. 2005 г. Фото И.А. Морозова

В эту субботу в некоторых селах существовала так называемая *потайная милостыня*. «Тайную миластыню у нас ложили накануни Паски. Там подложат яички и ищо чё-нибудь, разгавлялись штобы. Там пирагов испякут или чаво ли и вот тайну миластыню падложут. Например, у нас мама, вот ана падавала. Ана нам скажет: “Идите, вот, нисите там бабки какой-нибудь или чаво”. Вот абязательна накануни Паски [ночью], в Страстную субботу» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-04Ульян., № 67-68]. «У нас на Паску на акошки всё [кладут]. Па улице идёшь, у каво рабятишки — падаёшь падряд. Пастукают в акошку и на акошки паложут, если окошки ни аткрываюцца. И дальши пайдёшь. Патайная миластынька. Идёшь патаясь, нихто штобы, рана встанишь, не видали тибя» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 50].

Для детей на Пасху старались приготовить не только печенье, яйца, но и приобрести какую-нибудь обновку. «Вот т*а*гда были праздники. Паску как ждали! Мы нибальшии были, нам сашьют... Вот я помню, посли вайны мне из марлички сшили платье, и то я ждала ево надеть, как ни зна*ю* чево. Эта праздник был. К Паске сшили из марлички платье» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-03Ульян., № 126].

Семантика обновления, победы над смертью просматривается и в таком традиционном предпасхальном действии, как сжигание старых вещей возле сакрального центра села — церкви. «Вот накануни Паски у нас кастёр жгли окала церквы. Эта вот я помню. Вот ходят рабяты сабирают у каво... Мужики всё: “Нада, — г*авa*рят, — прибрать”. У каво саха, у каво барана, у каво чаво. Всё сабирали. У каво пападицца, всё: у каво соху, у каво барону вазьму — и

всё сажигали. Эта вот на Паску. Враз как накануни, ночю, да. Мужики, парни вот хадили сабирали и кастёр жгли. <...> Бальшой жгли, многа, всю ноч жгли. И вот у каво чаво лижит: и драва ташшат, и всё — всё на кастёр, всё. <...> Да, в честь Христа, да» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 3, 5].

Посещение церкви, присутствие на всенощном бдении в советское время было практически исключено для подавляющего большинства сельских жителей. Тем не менее оно проходило почти в каждом селе, но в разных домах, и проводили его под руководством пожилых женщин, которых на данной территории называли «читалками» (см.). На эти службы собиралось довольно много жителей села. «Старухи служили. *В*от авраг эт там, на этим авраги до-олго служили, у этий тётки. Прихадили все. Да, многа была народу, и две избы, две избы — все полны были. Вечирам, как эта, убяруцца, дажидайцца, када двянац часов прабьёт — начина*ю*т… И народ вот ждал…» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. Обязательным во многих селах был обычай стрелять из ружья в двенадцать часов ночи. «Всю ночь служили так без церкви. Идёшь аттоли да двара, паёшь: “Христос воскресе, Христос воскресе ат смерти, смертию смерть паправ…” Кричишь па улице “Христос воскресе!” и тебе отвечают: “Воистину воскресе!” Патом начнут стрилять» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 49].

Подготовка к службе «плащаницы» в с. Потьма. 2005 г. Фото И.А. Морозова

В дом, где проходила служба, в церковь, если она была или вновь открылась в селе, приносили для освящения куличи и яйца, часть из которых предназначалась для священнослужителя. «Ну, с дисятак [яичек] всё насилии. Туда асобо клали, кто сколька, кто сколь может. Там атдельна карзинка пад сталом, и вот туды придёшь складываш, а эти особо кладёшь на стол тут прямо, освичали каторы» [ГНС, с. Потьма; МИА Ф2005-07Ульян., № 74].

В с. Тияпино куличи, пожертвованные церкви, лежали до субботы, в которую батюшка разрезал их и раздавал прихожанам. «И в церькивь принасили все эти куличи. Ани тама лижали в алтаре целу ниделю, а кагда суббота падайдёт, значит, батюшка атслужит, эти куличи режут жи́рниками, и все падходят, руки пратянут, и он кладёт кулич, палавиначку-ту, а их многа ани пикли. Такие специ*а*льные люди были, каторы может спеччи» [МАП, с. Тияпино; МИА Ф2001-19Ульян., № 71].

В течение всей пасхальной недели открывался беспрепятственный доступ на церковную колокольню, где каждый желающий мог звонить в колокола. Особенно популярно это было у молодежи. «Вот Паска началось,

в распаряжении, знашт, маладёжи пир*и*давалась церкавь. Вот, знашт, хто умел званить, хто ни умел званить, залазили на калакольню и валяли бринчали. С утра и да вечира. У каво харашо палучалось, у другова нет, но нихто, знашт, тут ни вазражал. Ну, проста как виселья, видима так. Виселья была. И патом эта тожи ловкасть какой-та нада, музыкальнасть. Ес*ть* начинают, эта самая, ну, бринчать, ана, какая-та, ну, нискладна, а у некатарых палуча*и*цца музыкальнасть. Он, знашт эта бальшой калак*о*л, средний калак*о*л, патом малиньки кал*а*калочки. Как у нас “палошный”, “вспалошный” назывался, ка*г*да, эт самая, пажар, то в няво званили. И там йих многа этих самых, этих кал*а*калов» [ЕМА, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 133]. «На Паску хадили в церькву на калакольню, там званили день и ночь. Как там налазисся на калакольню, ноги-ти ламили. <...> Там качают, умели каторы, прям как пад музыку пляши! Хадили все мы, вся маладёжь туды хадили *на* крыльцы. Никто ни азаравал, никто никаво ни спих*и*вал, туды па крыльцам лазили. [Звонили] для интиресу, штобы праз*д*ник. Ай, музыку, как музыку харошую званили. Хоть танцуй пад ниё. Каторы умели видь. Всю ниделю, ат Паски да субботы» [ОМЯ, с. Коржевка; СИС Ф2002-12Ульян., № 44].

Подготовка к разговлению после пасхальной всенощной службы в с. Потьма. 2005 г. Фото И.А. Морозова

В с. Первомайское так передавали различие в звучании колоколов во время Великого поста и на Пасху. «Звонили. У нас многа была калакалов. Кали постом званят: “Редька-квас, редька-квас”, а если на Паску: “Телятина-гавядина, телятина-гавядина”» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 46].

Перед рассветом почти все жители сел ходили смотреть, как солнце играет в Пасхальное утро. Описывая свои наблюдения, они пытались передать не только увиденное, но и выразить свое восхищение и радость от этого чуда. «А как жа! И щас вон часта играит, дочка, ни знаю то*ль*ка к чаму. Ну, всякими лучами, всяки*и* краски, вот, даже вот в радуге-дуге нет, всяки*и*, всякаво цвета. Он вот пири*л*ивацца, пири*л*ивацца, начнёт прыгать, прыгать, патом апять всякай цвет ат няво пайдёт. Я глижу и щас за нём наблюдаю. И вечирам инагда игра*а*т. Бог яво зна*а*т, к чаму эта он игра*а*т? Мы видь ни панима*а*м» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 93–97]. «Эта на перьвый день Паски. Была. Всякими л*у́*чими, л*у́*чи галубая, л*у́*чи зилёная. Вот эдак прям мечицца л*у́*чими, иной даже взглянуть нильзя» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 42].

На Пасху же иногда совершалось и другое чудо — осветлялись, поновлялись иконы (см. *Обновление икон*). «Я сама глидела, как ана играт. Па-

том иконы асвичались. Тоже сама видала. Вот эдак вот сижу, глижу: икона свитлей, свитлей делацца и сделацца икона в асияньи. И на Паску солнце играт, эта я тоже сама сваими глазами видала. Вниз, вверьх, прям вот так играт» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 110].

По завершении службы те, кто отстоял ее до конца, возвращались домой, и начиналось разговление. Разговлялись и молочными продуктами, и мясными, и конечно, пасхой, куличом, яйцами. «Из церкви рана придут на Паску. Гавели, кадушку накапливали малака. Вот и ели. [Поросят зажаривали] целиком, прям маленьки парасятки. А патом разрежут — каму скольска. Яйцами» [КАП, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 61]. «[Разговлялись] ну как, очень просто. Яички, кисла малако. Ватрушки пикли с тварагом аткрытаи, пираги пикли. Вот такая скаварада [20 см]. Сделашь так, тварагу. Сметанки паложишь, маслица паложишь, яичка разабьёшь и сверху яичка разабьёшь, памажишь. Пираги, пышки, плюшки. [Пироги] на Паску с кашей с малошнай, с яйцами, с лукам зилёным. С мясам делали. Там курник делали. На скавараде, рассучишь, накладёшь напирёд каши, патом накладёшь мяса, а патом закро*и*шь яво, защипашь. Тут делашь дырачку, адну пасирёдки» [ГНС, с. Потьма; МИА Ф2005-07Ульян., № 73].

Тем жителям села, у которых не было коровы, родственники или соседи раздавали молочные продукты. «Весь Великий пост, с маслиницы, не ели, капили малако, капили творог, а вот в читверьг, у каво нет малака, разносишь по балакирю всем. У каво каровы ни даят, у каво савсем нет — разнасили. Кадушки малака кислава на все пажинки, што жнёшь, хватат малака» [БПА, д. Ростислаевка; СИС Ф2004-32Ульян., № 165].

Если служба проходила не в церкви, а в доме, то разговляться начинали сразу после ее завершения там же. Ритуальная пища используется и при коллективном разговлении по завершении всенощного бдения. Но при этом ни обоснования отбора блюд, ни регламентации последовательности их подачи не зафиксировано. Для тех, кто приносит еду для разговления, выбор мог быть мотивирован исключительно бытовыми и личными причинами. «А на службу я уж иду, я кулич несу, ковригу хлеба, ведро кислого молока. Наделаю, дедушка провожат меня, несем яво туды. Это можешь и не носить, я просто нясу родителев своих помянуть. Это пока вот есть корова. Ну и вообще как-то никто никогда. Вот я уж сколь годов одна это всё, никто. А я просто принясу, после службы все садятся за стол и разговляются этим кислым молоком. Вроде думаю, може родителям... Мне всё уж больно и свою мать жалко, и свекровь жалко. Прожили они жизню в великих трудах и в великой нужде. Вот я свою мать один раз видала [во сне], говорю: “Как ты, мамка, здесь живёшь?” Она мне говорит: “Получше, как там жила”. Жалко мне их, потому что остались молодые, ничаво они хорошева в жизни не видали, да еще и не помянешь, мол, их. А это уж вроде поядят все, пока тут за столом и то все поминают, слышишь. Может, Господь донесет чаво...» [ПМП, с. Потьма; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 4, 2005].

Тогда же рано утром начинались традиционные пасхальные обходы дворов. Если в селе была церковь, то их совершал батюшка с причтом, служа молебен в каждом дому и получая за это часть приготовленных пасхальных блюд. Часто при этом они несли икону, что в некоторых селах называлось «образа ходят по деревне». «[Образа] хадили, хадили, эта я харашо помню. Как щас гляжу, была бальшая икона, и вот две женщины в кажный дом хадили. И пад ниё падлаживали палатенца и женщины две вот иё насилии и захадили в кажный дом. Эт, наверна, за ниделю всю диревню не абходишь. Идёт сам поп, как приносят иё вот паставят на пирёдку, и поп начинат всё петь, малитву какую-та пел. И эти люди ани тоже стаяли, малились. И што есть в избе, все вставали, малились» [ЧТП, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 56]. «У каво сколь есть, хто встричат, хто ни встричат — па всем дамам. Ну ани Божью Мать насили, патом ищо на этим, на палачке там насили, патом ставили, патом начинали служить. Дети-боганосы. Вот были лавки, ставили на лавки всё. А эта [хоругви] у двара в углу стаят, да, бальшая» [ЦМП, с. Чамзинка; СИС Ф2002-09Ульян., № 78–79]. В с. Потьма такой обход с пением кондака «Христос Воскресе!» назывался *славить* [ГЕФ, с. Потьма; МИА Ф2005-02Ульян., № 47].

Другим важнейшим обходом в пасхальное утро был обход, совершаемый детьми. Его часто называли *христосываться*. Как и причт, детей одаривали главным образом крашеными яйцами, но при этом уже с ними не целовались. «У нас яйцы сабирают и сичас, да сей пары. Щас там вот, например, я яйцы накрасила, приходют ане, три ли, чытыри ли сразу чылавека, и по пять приходют: “Христос васкрес!” Ты гаваришь: “Ваистинный Христос васкрес!” И даёшь йим яйцы, ане уходют. Там другая артель приходит, ты другем даёшь, тожи ане гаварят эдак: “Христос васкрес!” — “Ваистинный Христос васкрес!” Тожи даёшь яйцы. Да сех пор ходят у нас. Взрослыи ни ходют за яйцыми, а ходют дети сабирают яйцы. Ну, какеи дети? Гадов па десить, дажи, можит, па двянаццать, ходют и меньши, там маниньких по три года ходют, и маненькии ходют, самы маненькии, вот такеи маненькии. Па всем ходют. <...> В симье вот пабольши, например, вот у миня доч хадила Валя, ана пабольши, ана с сабой вот Надю брала, ана маненька и ана идёт с ней, ана с ней идёт, пайдёт яйцы сабирать с ней» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 55].

Эта традиция сегодня начинает захватывать и детей другой национальности и вероисповедания. Правда, при этом, например, дети-татары, конечно, не произносят традиционного приветствия «Христос воскресе!», но и им тоже русские женщины подают яйца. «Ходют, ходют, к каму ни папала. Ка мне вот нынчи прихадили на Паску. Яичик накрасила, яичик дала: нате вот. Заходют, ну вот эти, адин-та вот (вот на Пасёлки, ани татары) он ни гаварит: “Христос васкрес!” А русски-те гаварят: “Христос васкрес!” [Дети-татары] ходют. Ну, у них тожи есть Паска, у них свая Паска, толька што ани

ни эта, Христу-та ни верют, а Паска у них тожи есть. И иички ани красиют. В эта же время. В эта же время красют иички. “Здрасьти”, — и всё. “С праздникам!” И всё. А русские скажут: “Христос васкрес”» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 103].

В с. Чумакино детей, приходивших христосоваться, сажали на шубу (см. еще *Рождество*). «На Паску сажают. Как придёт за яйцом, сперва яво посодишь, если куры не вядутся, то на падушку, а если овцы ни вядутся — на шубу» [БАИ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 16].

Размещение пасхальных яиц под иконами в с. Потьма. 2005 г. Фото И.А. Морозова

Только в с. Потьма и Астрадамовка вспомнили, что на Пасху обходили дворы и пастухи, которым также подавали яйца, лепешки. «На Пасху сабирали, на Троицу сабирали, с кузавком хадили. Ды ток*а* яйца он сабирал, липёшки ни сабирал...» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

Устойчивым, повсеместно распространенным является поминовение усопших, совершаемое в такой традиционной форме, как посещение кладбища, во время которого происходит установление символического контакта между живыми и мертвыми при помощи одаривания и совместной трапезы (см. *Поминки*). Как известно, церковная традиция отводит для поминовения усопших вторник после окончания Светлой седмицы (недели, следующей за праздником Святой Пасхи), то есть Радоницу (Радуницу). Однако в Ульяновском Присурье посещение кладбища проходит наиболее интенсивно именно в Светлое воскресенье, менее — в понедельник, а на Радуницу на кладбище ходят единицы. «Щас ходят на Пасху все, патому што родственники там, раньши на Пасху ни хадили, ни паложена хадить» [МЗИ(1932), с. Коржевка; МИА Ф2001-30Ульян., № 62-63]. На кладбище ходят «и на Паску, и на второй день, и на Радуваницу, каму как придёцца» [ПМТ, КЕВ, с. Валгуссы; СИС Ф2001-10Ульян., № 119]. «В первый день Паски обязательно сходить на кладбище, похристосываться. Часов в десять, в одинаццать, вот. Много народу-ту на кладбище. Когда разговеюцца. А в другех сёлах нет этово обычая. Даже вот у нас один батюшка был и тоже говорил, что это не нады на первый день Паски ходить на кладбищо, а вот иди именно на “родители”. Вот в пасхальны*е* “родители”, троицки*е* “родители” — вот в эти “родители”» [КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-17Ульян., № 42].

Такое изменение традиции обусловлено несколькими причинами. Во-первых, целенаправленной деятельностью советско-партийных органов по разрушению целостной системы церковной жизни народа. Во-вторых, массовым оттоком людей из сельской местности, начавшимся в 70-е гг. XX в., в результате которого большая часть трудоспособного населения осела в городах и районных центрах. Поэтому, приезжая на Пасху к родителям или близким родственникам, они не могли посещать кладбище во вторник, так как это был уже рабочий день. Так сформировалась традиция поминовения усопших в Светлое воскресенье. В-третьих, зафиксирована такая местная традиция, как посещение кладбища в понедельник, например в с. Кадышево, не обусловленная вышеуказанными причинами. «Часов в девить, десять батюшка ходит туда, бальшинство в панидельник народу многа. Приижжают из Карсуна ли, атколи, ани в васкрисенье идут» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2004-01Ульян., № 1]. В итоге там произошло закрепление понедельника как времени посещения кладбища за теми жителями села, которые проживают в нем постоянно, а соответственно, воскресенье стало в основном днем поминовения для приезжающих. И это несмотря на то, что там есть действующая церковь и священнослужитель постоянно проживает в селе.

Вид праздничного стола на Пасху в с. Потьма. 2005 г.
Фото И.А. Морозова

На Радуницу на кладбище в основном ходят только те, кто стремится строго следовать законам и нормам религиозной жизни, которые установлены Русской православной церковью, то есть кто более или менее активен в церковной жизни, или, иначе говоря, воцерковлен. «[На кладбище] ходили, ходили. А Радуваница она уж на другой неделе во вторник. Вторник после Пасхи. Чай люда-то было от церкви до кладбища дорогой-то! Все иконы посылали, до одной снимали. Как же, как же. Обязательно [с иконами], обязательно. [На самую Пасху] нет, не ходили. Нет, и говорить нечаво, не ходили. Ни мы, ни священник не ходили. Не положено плакать никому на кладбищах. "Радуйтесь, люди, и веселитися!" Вот. А на кладбище придут, эта не воздержат и эта не воздержат. Не положено плакать» [ППО, с. Потьма; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 4, 2005]. Существуют и другие объяснения, почему нельзя ходить на кладбище в Пасху. Связаны они с традиционными народными представлениями о том, что и у мертвых есть своя Пасха. И даже из ада на этот день выпускают грешников. «На первый день не паложина хадить на кладбищче. <…> На первый день пайдёшь, то*ль*ка мешашь им. На Паску-та Христос васкрес, то все мёртвые, значит, вроди как эта васкрисают, и вот ани все ниделю празднувают Паску. Кто в аду, кто где сидит, ани вот выходят из ада. Их выпускают всех» [МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-31Ульян., № 165-166]. В с. Потьма

одной из жительниц об этом во сне сообщила ее умершая родственница. «Да всю [пасхальную] ниделю ходят, каму как вздумацца. Гаварят, што на первый день не ходят. У них там свой, гаварят, празник. Я сон видела. Вот Лизавета Иванывна Козлова, ана мне дваюрадна сестра. И вот я, значыт, накануни Паски иё увидела ва сне. Гаварю: "Лиз, прихади, пастряпам, мол, завтри". Ана гаварит: "Нет, доча, я завтри никак ни магу, у нас свой празник". Вот так ответила и куды прапала — ни знаю» [ЗМД с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 13].

Что касается остальных, прежде всего молодежи и людей среднего возраста, то для них посещение кладбища, возложение на крест или землю яиц, конфет, совместная небольшая трапеза на столике возле могилы — только обычай, не имеющий отношения к церкви. Однако осознание противоречия между требованиями церкви и установившимся обычаем характерно и для них. Но причина этого воспринимается ими только как непонятное противоречие в самой традиции. «Раньше мы ходили [на Пасху], но молились не на Пасху, а во вторник. Это считалось родительским днём. Вот в это время тоже ходили. Пойдёшь туда и свечечку, и у кого чаво есть, ну, кто чаво накладут — и плюшек, и яиц. Стол у них там специальный, вот они там и молются. Это во вторник. Вот все говорят на Пасху не надо ходить, а мы ходим. Не велят, а мы все ходим, нам не терпится. Я сама-то не знаю, говорят. Вроде на первый день — грех ходить-то на Пасху, а почему грех? Всё время ходили. А уж если молиться, то мы и во вторник ходили. Пойдут они, и все время молились на Радуваницу» [СЛФ, с. Потьма; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 4, 2005].

На кладбище, независимо от того, есть в селе церковь или нет, обязательно проходила служба. «Вот хадили на первый день. На Паску хадили. А вот ищо во вторник, вторник придёт — радители будут, апять пайдём на кладбишше. Раньши сабирались, старух многа была, пели, читали там, долга стаяли. Ва вторник будут радители, паминают всех усопших, всех, и хто на вайне пропал, и хто где — всех паминают» [ЧТП, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 50].

Иногда отдельный молебен по просьбе людей читали на могилах. «Всю Паску хадили, моляцца там, пают. [В первый день] тоже хадили. Кто читат, кто молицца. Пают, каждый на сваей магилки. Пазавут: "Пачитай иди мне". Вот мы пазавём малицца, на паминки завёшь. Придёт, спаёт "Христос васкреси! Христос васкреси!" Памянули, пашли, и всё» [БАП с. Потьма; МИА Ф2005-07Ульян., № 45]. В с. Сухой Карсун помнили, что на Пасху можно было даже поминать самоубийц [КНА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-33Ульян., № 153].

Во время самого посещения кладбища на крест, на землю в основание креста, на могильный бугорок кладут яйца, конфеты, печенье, куски кулича и проч., как правило, четное количество. «Я вот три дисятка каждый этыт Паску крашу. И на кладбище хожу, все родным, всем знакомым, всем положу. На Паску хожу, на Преображенье с яблочками, вот это уж я посещаю своих. И так иногда вот так собирёмси с кем-нибудь, пойдём» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 53]. При этом обязательно произносят, обраща-

ясь к умершим «Христос воскресе!» Это обусловило и название данного обряда — *христосоваться с покойными.* «На первый день христосывацца все мы ходим [на кладбище]. С радителями, с мёртвыми. “Господи, Христос воскрес!” Вот Васей у меня звали. Там мама, атец — са всеми пахристосываисся, яйца всем паложишь на христы там, булку или пирага, я два кусочка насила, разложишь всем» [РАО, КПИ с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 86]. «Вот приду я на кладбище, все приходят там — “Христос воскресе!” Воистину воскресе ана уж не скажет. Кто скажет? Нет, канешна. Ну, паложишь, пастаишь маненька. Вот если семьями сабираюцца там, чилавека три-чатыри, то придут, паложут, накрошут, ищо бутылку вазьмут, выпьют. Раньши не выпивали. Эта вот сичас всё маладёжь, а старики пайдут, ани там никто ни пьют» [СКИ, с. Карсун; СИС Ф2004-07Ульян., № 32].

Пожилые люди продолжают сыпать пшено на могилу. С точки зрения обычая — это не только желательный, но и обязательный элемент поминальной традиции, однако он также входит в противоречие с требованиями церкви, с наставлениями священнослужителей, но традиция для большинства обладает гораздо большим ценностным статусом. «“Щепотку на мою-та могилку пшенца приноси”, — вот бабушка просила. <…> “Ой, Марусенька, прошу Христом Богом, щепотку-то на мою могилку!” А я вот не знаю, где схоронена» [ВМП, с. Потьма; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 4, 2005]. «Ну, это давно, спокон веков, чай, сыпать пшено. Бабушка все время сыпала. Говорит [священник], что нельзя на могилу. Посыпали, бывало. Но только просо нельзя. Он, говорят, вроде растет, вырастет, а пашено можно. Яво птички клюют. А просо нельзя — он расти будет» [ПМП, МЮМ, с. Потьма; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 4, 2005]. «И апять слышала, тожи, штобы вот на магилку пшана или чаво-та ни нада сыпать. У креста [можно], в нагах, видь у нас ноги-ти у кряста, мы встаём к крясту. А к галаве ни нада. Эта вароны выклюют глаза, ани выклёвывают. Ну, всё равно сыпют носют. Друг па дружки мы гаварим, што ни нады, а мы всё равно сваё дел*аи*м» [МНП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 99].

Во многих селах сохраняется традиция собирания детьми еды, принесенной людьми на кладбище. В с. Кадышеве, например, дети ходили одной небольшой группкой, периодически разбегаясь по кладбищу и снова соединяясь. У каждого был свой пакетик. Наиболее вкусные конфеты и печенье съедали тут же. У окружающих такое поведение детей не вызывало ни малейшего возражения или осуждения. «Паложим яичка, а тут батюшка читат, часовинка стаит, и кладём. Я вот всягда кладу на магилку яичка, два палажу. Пабягут рабятишки, вазьмут яво, сабирают с мяшечкам, бегают» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2004-01Ульян., № 2–3]. Только в с. Русская Горенка отметили, что у них не принято было детям ходить на кладбище и собирать яйца и другую еду. «Идёшь на Паску яйцо нисёшь [на кладбище] кладёшь там пирага, сахару или канфеткав паложишь на крест. Аставляют. Вароны утащат. [Ребятишки] нет, у нас ни ходют» [БАЕ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 69].

Собирать яйца могли и не только дети, а взрослые. Но и к ним не относились с осуждением. «А сейчас вот ходют туда и нисут яички там, куличи или канфеты, пиченья, в общем, всё там кладут на кресты. Ну, патом сабирают, кто бедные сейчас, раньши вот ни сабирали, а щас бедных многа, сабирают, ходют. Ну, эта как бы паминание, принашение тем, кто там пакоицца» [МЗИ(1932), с. Коржевка; МИА Ф2001-30Ульян., № 62-63].

Участники пасхального обхода в с. Б. Кандарать. 2006 г. Фото И.А. Морозова

Более того, в с. Потьма даже не прогоняли ворон, которые чуть ли не на глазах людей расклевывали принесенные яица, лепешки, ибо считалось, что они тоже Христа славят. «А патом на магилку носишь. Сколька там есть у тибя радни, и всем па яичку кладёшь на магилку прям где крестик. Прям так кладёшь. И тут жа вараньё маментальна. Ты ищо не атайдёшь ат этай магилы, к другой пака идёшь, а тут уж вараньё. Вараньё, да ты што, ани же славиют. Птица ана такая — “Христос васкрес!” — слав*и*ют ане. Ани как вроди славиют Иисуса Христа. Харашо. И пшенца бирут наабарот, штоб клевали, пасыпают на магилку-ту. Эта уж другие птицы, варона уж ни будит клевать пшено, ана толька липёшки и яйца» [ГНС, с. Потьма; МИА Ф2005-07Ульян., № 67].

В этом же селе оставленное на кладбище, которое может взять любой, также называли *потайной милостынью.* «Абязательна [яички клали]. За этим и идёшь, штобы палажить яички. И́дут, каму нады — бири. Пряма к кресту на магилку паложишь там пяток, сколька. Пажалуста бири, для этава и клали. Эта называцца “патайная милыстынька”» [БАП, с. Потьма; МИА Ф2005-07Ульян., № 45].

В послевоенные годы возникла новая традиция, связанная с установленными на могилах железными оградами: дверцы на них нужно было открывать на Пасху и закрывать на Вознесение (см.). «Схадила, магилу убрала. Вот пайдём если мы, то эта дверцы нада абязательна аткрывать. Ну, я не знаю, но штобы воротичка, калитачка была аткрыта. Ана будет эта дверка аткрыта, наверна, не шесть ли нидель? Да Вазнисенья. А патом уж закрывают» [МФФ, с. Потьма; МИА Ф2005-07Ульян., № 22-23]. «Гаварят на этат, вот радители будут ва вторник на следующей нидели, нада дверь аткрывать, ани вроди выходют из магилы, слушают. Вот, например, у нашего ограда — дверку нада аткрыть, штоб он вышел, вроди таво, слушал» [РАО, КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 87].

Принято было на кладбище устраивать на могилах небольшое столование, в котором принимали участие не только родственники, но и все

знакомые и соседи, случайно оказавшиеся возле могилы, на которой оно проходило. «И перьвый день, и втарой ходим, каму как время пазволит. Вот идёшь, например, яичкав испекёшь, пряничкав купишь и идёшь туда. Вот, кто дети есть, чаво ли, вот раздаёшь друг дружку. Там едим, у каждава столик, там закусываим, ходим. У каво чаво есть, то и нясут. И саседи, и все, тут радню не разбирают. Раз пришли на кладбище, ни разбирают радню» [ЧЕХ, РАИ, РРФ с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 42]. «Много народу-ту на кладбище. Сечас выпивают, при́дут молодёжь, на могилах выпивают, ну ета, всё говорят, нельзя на могиле вино пить. Вот. Не знаю» [КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-17Ульян., № 43].

Покидая кладбище, прощались с покойными. «Когда вот уходют, например, пращаюцца там, праходят, вот, дапустим, стаит крест, с этай старАны вот так абходят, падходят к кресту, пацалуют, пакланюцца: “Прасти, Христа ради, пращайти”. И всё, и уходют» [МЗИ(1932), с. Коржевка; МИА Ф2001-30Ульян., № 62–63].

Гостевание на Пасху сегодня не имеет каких-либо отличительных особенностей по сравнению с гостеванием на другие религиозные или светские праздники, за исключением обязательного наличия на праздничном столе крашеных яиц и пасхального кулича. За праздничный стол садятся после посещения кладбища. «“Прихадите на Паску в гости”. Угастишь, самаварчик там, пиражки, яички накладёшь. Кто сколька съест» [БАП с. Потьма; МИА Ф2005-07Ульян., № 28]. Если в селе живут не только старшие члены семьи, но и их дети или дети и другие родственники приезжают на праздник в село, то в доме родителей обязательно устраивается праздничный стол. Поскольку родственные отношения остаются очень важным фактором русского сельского социума, а среди коренных жителей села большинство так или иначе связаны друг с другом родством или свойством, то в любой момент этот семейный круг может расшириться. Что касается взаимного посещения домов родственниками или соседями, то сегодня они почти не встречаются. Хотя не только до войны, но и потом, вплоть до 60-х гг. это было общераспространенным. «Ну вот щас придем ка мне. Я скажу, радны сваи ближни, там дваюрадны, все сабирались вмести. Ну, а у каво там зятья с мужьями — прихадити к нам нынчи в гости. Ну, ани придут, придём все, садимся. Тут угастились, а другой скажит, вот мать мая и сястра, ани жили кряду, ана скажит: “Ну, ат них айдати ка мне”. В адин день. У них пасидим, третья скажит: “А сийчас ат неё ка мне”» [ГАМ, д. Новосурск; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2005].

Сохраняется и традиция исполнения застольных песен, частушек. Репертуар традиционен, включает в себя песни литературного происхождения, советские массовые песни и современные шлягеры. Сравнительно недавно (в 50–60-е гг.) пение было не только застольным, но и уличным, то есть еще сохранялась важнейшая особенность сельских праздничных гуляний. «Пели, пели песни, как же, песни, плясали, всё тут уж как на свадьбе поём. Эдак же

веселились, что свадьба, что эта. И идут артелями, примерно, у кого гармоньи были. Щас вот скажу, мои родные идут, а оттоль идут навстречу нам из другова дому другия. Можит, у них гармонья, вот среди дороги начинам плясать, гармоний играт, среди дороги пляшем. Попляшем, эти пошли сюды, мы сюды. Эдак вот ходили» [ГАМ, д. Новосурск; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2005].

После Пасхи начинались все развлечения и игры (см. *Качели*, *В яйца катать*, *Орёл*, *Горелки*, *Козны*, *Клёк*, *Лапта*, *Рюхи, Челнок*), пение песен и пляска (см. *Плясать*, *Припевать*). «У нас вот атец вот был певчий, у нас певчии эти самыи ани к нам захадили, йим там давали в церкви на вино, вот, на праз*д*ник. Ани уж прихадили, как малебин прашол, ани начинали уж петь песни. Эти вот певчии. Всякии, старинныи [песни]. Всякии, и "Ривела буря", и "Сидел я абъятый думай" вот эта ищо, "Вниз па матушки па Волги" — всякии песни, и вот "Алинькый цвяточик", там "Ва полиньки за дарожинькай как там шли три палка салдатнавабранники". Всяки*и* песни пели! Вот у нас, в даму нашим. А патом расхадились, пашли уж праз*д*нывать па всём» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 93].

Разговление на Пасху в с. Потьма. 2005 г. Фото И.А. Морозова

Самой любимой игрой как детей, так и молодежи было катание яиц (см. *В яйца катать*). Другой, не менее увлекательной забавой было катание на качелях (см.). Ставили их, как правило, на высоких и красивых местах села. «Качели ставили на площить тама. Тут была церьковь, а вот сюды выши-ти, вот за магазин — тут были качели. Рели. Вот пасодют — и качали» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. С этого времени также начинали играть в лапту (см.) — игру, популярную не только у детей, но и у взрослой молодежи. «А нынчи как Паска, батюшки, целыми днями играшь в мяч вон там на плошшади. И бабы, и мужики на Паску все играли в лапту» [ЗАТ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 92].

Мужики постарше играли на деньги *в орла* (см.), в карты. «Мущины там сасед придёт, пасидят пагаварят, пакурят, если курящии. Никурящии так сидят. Некатарыи там любили в карты паиграть. Ну, в карты играли ни как вот щас на деньги да то, а то играли проста какеи-та другеи игры-ти в карты были. То "дурачка", то "Акулина" там какая-та была, вабще старинныи какеи-та игры. Ане в карты там паиграют» [ДКВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 16].

Популярна была и такая молодежная забава, как лазание на столб, на вершине котрого прикреплялся приз для победителя. «И на сталбы лазили, всё делают, всё. Вот Паска целая ниделя ана идёт. Вот, и всё тут, все. Ну

вот, сабяруцца такии вот, можи*т* и наши вот и мужья, и, можи*т*, старики. Атродие как идёт тут вот. Эта гадов да вайны всё идёт атродие вся. Щастье какое ищут. А сичас у нас вот на Васьмое марта у нас у клуба. Там павесют. Вот, паложут туды чаво-нибудь. Сичас вон павесют качата, вино или шампанскава» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 72-75].

В некоторых селах, как, например, в с. Котяково, на Пасху устраивались кулачные бои. «Эта была висной на Пасху. Схадились все мужики, работы нельзя работать, грех, ну, сходились, те — там сайдуцца, талпа, а эти — здесь талпа. И вот у миня тесть был, манинький ростом, Мартын Палыч, крепкий был, ширакаплечий, а так маненький ростом. И вот иво засылали на эту сторану, для начала. Вот он зайдёт, каму-нибудь в морду даст — и пашла. Но дрались па закону: пинками нельзя, нагами, если упал — лижачева ни бить. А били па рыла́м, па рылам» [ЖВМ, с. Котяково; СИС Ф2004-18Ульян., № 102].

Приготовление куличей в с. Потьма. 2005 г. Фото И.А. Морозова

С Пасхой было связано немало запретов и предписаний. Так, в с. Лава детям полагалось завершать обходы дворов до двенадцати часов дня. «Вот на Пасху нада хадить утрам рана, штобы как служба кончилась, и ходют толька да двинаццати часов. Нам, бывала, мама скажит: “Вы спрасити, сколька времени, ходют толька да двиннаццати часов”» [БАИ, с. Лава; СИС Ф2009-13Ульян., № 67]. Во многих селах запрещалось гулять, петь песни в первый день Пасхи. «На Паску-та на перьву никуды ни хадили, никуды ни хадили. В Паску гульбы мала была. Эта на ниё как-та мала гуляли. Вовси ни гуляли, ништа, ништа, хто придет са стараны. Ана как-та эта, ни гулёна, этыт праз*д*ник» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП, Ф2001-10]. А в с. Чумакино запрет на гулянье распространялся на три пасхальных дня. «На Паску бальшова гулянья не была. С малебнам хадили раньши. Раньши всё гаварили, три дня пака святых ни саставют и дажи песни ни пели. Вот нам и то ни разришали. Как святых, вот всё сяло абайдёт поп с малебнами в каждый дом, а патом уж пасли этава, святых саставют вот на бугре, тут из церквы-ти выйдут эта атслужут малебин и всех святых саставют, та*г*да уж вот праз*д*ник-та уж начнёцца. Та*г*да маладёжь начынаит рукавадить. Играют, да, пают, пляшут, всё. А три дня нихто ничаво» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 8-9].

Существовал и запрет спать в пасхальную ночь и после Всенощной. «Даже вот утрам рана встанишь если кагда, мама старалась всю ночь не спать накануни, и ана гаварила: “Не спят накануни Паски”. И вот начинает брежжицца, ана уже атнесёт сходит» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-04Ульян.,

№ 67-68]. В с. Потьма одной из жительниц, которая нарушила этот запрет, приснился сон, в котором к ней пришел «враг» и чуть было не погубил ее. «А вот Матрёнка рассказывала, всё время рассказывала. На Паску абедня шла, заутриння, а впирёд хадили в церкавь спевацца к вечерни, штобы спявались накануни Паски-ти. Вот, я гаварит, пака спявались, я была, паслушала. Патом, гаварит, пайду маненька усну, тагда уж, гаварит, заутренню приду. Пришла дамой и вот, гаварит, атварят дверь, всходит старуха страшна с бадагом с этим. И вот идёт, гаварит: бот! бот! — падашла. А я как очнулась: "Господи!" И читаю малитву "Да васкреснит Бог" и "Верую!" и "Отче". А ана падашла ка мне и гаварит: "Ни балтай паганым сваим языком! Я знаю больши тваво, што ты тут мне читашь. Я баюсь толька адну аружию!" Я думаю: "Господи! Какова ж ана аружия баицца?" У миня в избе ни тапара, гаварит, нет, ничаво нет. Какова ж ана аружия баицца? И апять ана вся па избе-та ходит, как эта… И вдруг в акно стучит старушка. Миня никагда никто Матрёшай-та ни звал. Стучит и кричит: "Матрёша! Пирикристись три раз". Вот гаварит ей, вся и аружия. Я толька: "И васкреснит Бог". А ана из избы: "Ага! Дагадалась!" Всё у миня палитела, изба затрищала, паталок весь хадма́ захадил. И все эти гаршки, все черяпушки у миня в сенях. Вот тибе и мая Паска. Вот и разгавляйся, гаварит. Ну, лижала, лижала, встала, агонь выключила. Фанарь вздула и пашла. Атварила, гляжу — на полках всё стаит как стаяла. Дай, пайду пагляжу, правда иль нет, трубу: упала или нет. Влезла, гаварит, лестница, видна, так была в углу. Залезла, гляжу — и труба стаит как стаяла. Я, гаварит, аттоль слезла, апять пир*и*кристилась, взашла, гаварю: "Господи! Эта мне Гаcподь врага паслал — чай, спишь, дура, люди Христос васкресе пают, а ты спишь"» [КЕА, с. Потьма; МИА Ф2005-05Ульян., № 32].

Этой же причиной — проспала заутреню — объясняют беспамятливость кукушки (см. *Петров день*). «Почему кукушка кукует? Она беспамитлива отчиво? Она проспала заутриню, а качеток, он ни праспал, спел эту заутриню на Пасху. Как палночь, он паёт. Она проспала заутриню на Пасху, она и беспамитлива. Она где придёцца, там и снисёт, ей хто-то вывидит. Она найдёт чужое [гнездо], а сваё ни находит» [БРА, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 95].

Темнота пасхальной ночи также имела свое объяснение: так Христос прячется от врагов. «А вот ночи-ти тёмные — это, вроди бы гаварят, истинный Христос прячицца, а яво ищут. А патом он па леснице на нибеса — эта Вознисеньё. Эта значит, он туды» [ЗАТ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-04Ульян., № 4]

В с. Чеботаевка примечали погоду накануне Пасхи. «Вот накануни Паски если, в субботу, красный день, значит, будит пажаров многа. Эта вот я тожи запомнила [от мамы]. Точна. Если пасмурный день, пажаров мала будит, если красный день — пажаров будит многа. Вот эта примета была» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-04Ульян., № 67].

В д. Ростиславка еще помнили обычай хранить просвирку, пасхальное яйцо и «крестик» до сева [ЛАС, д. Ростиславка; СИС Ф2004-32Ульян., № 79].

Повсеместно были уверены, что освященное в церкви яйцо не портится. Поэтому несколько из них хранили под иконами. «[Яички под иконы] клали. Чай, крашены все, у каторых гадами лижали яйци-ти. Не портиюцца ани, гаварят. Вот, значит, ани вроде как атпеты, ани не портиюцца. А неатпетые, ани испортиюцца» [САЕ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-31Ульян., № 62].

М.Г. Матлин

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА — см. Душу провожать

ПЕРВАЯ БРАЧНАЯ НОЧЬ

П*ервая брачная ночь* проводилась, как правило, в другом доме. Молодых «убирали са свадьбы-те к радным» [ГЕИ, с. Валгуссы; ММГ Ф2001-6]. Но в некоторых селах молодые ночевали первую ночь, если позволяли условия, в своем доме. «На покой молодых провожала свекровь в угловую комнату» [ГКВ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. Только в с. Сара помнили, что брачную постель молодым устраивали в клети. В с. Валгуссы раньше брачную постель делали на гумне на соломе. «Раньши вазили на первую [брачную ночь] на гумны на салому. И зимой эдак жа» [ГЕН, с. Валгуссы; МИА Ф2001-07Ульян., № 64].

Отводить молодых могли дружка, сваха, свекровь, подруги и др. «Молодых укладывали спать, подруга с парнем провожала их в свободную часть дома или уводили в соседний дом» [КАС, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «С ними идёт дружка и полдружка» [ГНМ, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. «Потом молодые тут отсидят, и их поведут в особую избу. Туда ведёт их хрёсный жениха и дружка с полдружкой» [ФЕИ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

В с. Проломиха «молодых через улицу не водили, только на порядке своём» [ТЕС, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Прежде чем оставить молодых одних, их кормили кусочками, вырезанными из караваев невесты и жениха. «Там их и кормят этим хлебом, чтобы роднились. И тот и этот кусочек разламывали напополам и каждому давали по два разных кусочка» [ФЕИ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

В с. Проломиха вместе с молодыми шли дружка и полдружка. «Им за постель дарят платки носовые. А то он лягет и не уходит, а по платку дашь, они и уйдут» [ГНМ, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

В некоторых селах под окнами дома, в котором ночевали молодые, жгли костры. «Где нивеста начуит, там и жгут [костёр]. У миня вот брат жэнился, а ани начавали ни у нас, а мы с дурилай пашли да и разажгли кастёр у дварата, да в акошку загрохали: “Горите!” Мама старенька как вскачила, 80 лет, с пе́чи-ти слетела: “Манька, гарим! Караул! Караул, гарим!” Ани, значыт, вы-

бягли: “Да што вы сделали! Да ани у тёти Сани вон начуют!” Мы туды и там кастёр разажгли. И там арганизавали: грох, грох. “Горите! Горите!” И там эдак же перепало́хали всех. Целку ламает, патаму и гарит» [БНВ, БАВ, с. Ждамирово; СИС Ф2000-12Ульян., № 66].

В с. Проломиха жениху устраивали шуточное испытание. «А на жениха свахи-провожаты надевали повойник: если разиня, то наденут на него» [ТЕС, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

По воспоминаниям жителей с. Сара, примерно в начале XX в. на постель молодых отводили не ночью, а вскоре после прихода горных. «Брачный пройдёт <…> приходют горные, садятся. Пока садятся, пока на столы подают, молодых берут. Вот как раньше были клети. <…> Молодых уведут, там постель приготовлена, кладут их, уходят. <…> Тётя Дуня рассказывала: “Привели на клети, невесту раздевали, подвенечное всё снимают, устаётся одна такая сорочка. Свахи две разденут, всё аккуратненько сложут, останется она в одной сорочке. <…> И спрашивают: “Вы знаете, для чего вас привели?” — “Да нет, не знай, как тут и что” — “Ну, быстро давайте”. Тётя Дуня: “Я и говорю: “Ну, давай”. Думаю про себя: “Чё уж, раз мы обвенчаны, — спать, чаво уж, замуж выдали”. Ну, сделали дело. И идут. Сваха взяла под ручку. У нево вон дружки идут, четверо самых близких, теперь свахи. Зашли, все расступились. Там отец с матерью, мне надо кланяться в ноги отцу с матерью. Я упала да не могу подняться, меня как дрожь взяло, мне неудобно. Ну, меня тут подняли — что ты! не расстраивайся! — тут, значит, рюмки ленточками привязали, у бутылки тоже лентой. Невеста хороша, полноценна. И, значит, матери с отцом стаканы с бантом» [ЛЛФ, с. Сара; ПЮА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 2000].

М.Г. Матлин

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИКОН

Представления об уходящей и (или) возвращающейся иконе занимают важное место в народно-религиозных верованиях Ульяновского Присурья. Рассказы о том, как икона *переселилась*, являются составной частью корпуса текстов о явленных и чудотворных иконах (см. *На святой родник ходить*). Повествования об ушедшей иконе, как правило, имеют оценочный характер, так как их ведущая функция — идентификация (и самоидентификация) селения, где явилась икона и куда она ушла; человека, пытавшегося обрести икону, но которому она не далась.

Представления, связанные с уходящей иконой, реализуются в двух вариантах. В первом случае внимание рассказчика сосредоточено на чуде явления иконы, а не на событии ухода иконы. Уход иконы не воспринимается как событие негативное, так как подчеркивается, что место первого явления иконы истинно, а ее уход временен. На территории Ульяновского Присурья такой

вариант реализуется в корпусе текстов, связанных с родниками, слава о которых не выходит далеко за границы села (см. *Народно-религиозные представления*). Местные жители рассказывают, что почитаемая икона явилась у них, а уже потом «переселилась» в сакральный центр. «Непопулярные» родники посредством рассказов, образованных при помощи мотива об уходе иконы, начинают «состязаться» с общепризнанным сакральным центром.

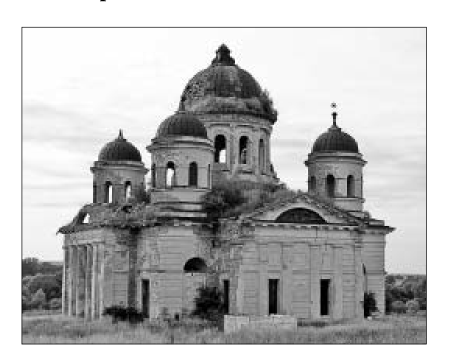
Общепризнанным сакральным центром Ульяновского Присурья является Никольская гора в пос. Сурское (см. *Никольская гора, Народно-религиозные представления*). История сакрального центра уходит своими корнями в глубокую древность. Предание о явлении иконы святого Николая в Промзино зафиксировано во многих источниках. «Официальная» версия широко известна далеко за пределами самого сакрального центра. Несмотря на это, встречаются рассказы, отменяющие собой «официальную» историю явления чудотворной иконы. Это происходит в тех селах, в которых тоже имеются Никольские колодцы. На территории Ульяновской обл. они встречаются в с. Б. Станичное, М. Кандарать, Кадышево. Популярность подобных родников, как правило, несоизмеримо мала, по сравнению с популярностью сакрального центра. Такие роднички почитаются жителями одного-двух сел. Например, в с. Б. Станичное «в аснавном наши хадили» [МАФ, с. Б. Станичное; СРВ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 2, 1987], а на родничок под М. Кандаратью «наши [=из Большой Кандарати] ходят и малакандарацки» [МАФ, с. Б. Кандарать; ЛАП Ф2006-3].

По рассказам, святой Николай сначала явился в Кадышево. «Вот он сначала паявился в Кадышиви. Там, гаварит, иму ни панравилась пачиму-та. На горе. Там видь горы есть. Я аттуда родам — из сила Кадышива. И он, грит, быстра почиму-та ушёл. Патаму чта мне кажицца, адно видь сило, а здесь — район, здесь народ са всех старон. Здесь патом вот и асфальт пралажили. Тут народ стикаицца. А туда-та кто? И вот он, значит, патом паявился здесь. И кагда он здесь паявился, сколька уж он здесь был я ни знаю, и вдруг нашествия татарска сюда идёт из-за Суры. И вот он — Никалай Угодник — и Гиоргий Пабиданосиц тут тожа. Ни только Никалай Угодник — тут и Гиоргий Пабиданосиц видь! С капьём пришёл. И как блистание, гаварит, началось на гаре! Враги-та увидали татарскии и бижать са страху» [ГМИ, с. Кадышево; ЛАП Ф2007-9].

Положительную оценку (по принципу большего соответствия святому предмету) заслуживает сакральный центр, а не «свой» родник. Подобное перенесение представлений, закрепленных за Никольской горой, на «свой» святой источник наблюдается и в с. Б. Станичное. «Ни помню, в каком гаду, в нашим раднике паявилась икона Никалая Угодника. Посли первава паявления у радника паставили часовню — посла ривалюции иё снисли. А барин наш первый дастал икону из радника и за бальшии деньги прадал в Сурская. А посли уже икона апять паявилась в нашим раднике» [МАФ, с. Б. Станичное; СРВ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 2, 1987].

В рассказе мотив ухода иконы трансформируется в мотив продажи иконы, появляется мотив возвращения почитаемого объекта на место первоначального явления. Акценты расставляются по-другому: положительную оценку заслуживает «свой» родник как место истинного (первоначального) явления святой иконы.

В с. Б. Кандарать тоже есть свой Никольский источник. «У нас вот тоже есть гара Никалай Угодник. Вот он значит. Вот здесь жа празднуим. У нас здесь. Вот туды за Заврагам [название улицы] и он паявился. Мы ходим туда малицца. Там калодись этакай абделали. Сначала это ту́та вот — у нас, к Малай Кандарати он паявилси. Вот там, туды, в этам калоцци и абъявилси, вот он спирванапирва тут паявилси. Патом атсели он туда пирисилился. Вот Николинска гара» [КПП, с. Б. Кандарать; ЛАП Ф2006-2]. «Так эта он у нас явился. Вот пра Кандарацкий радник-та мы гаварили. Явился в раднике. Гаварят, сначала, мол, у нас, вроди. Ну, у них-та, в Малай Кандарати. Мы туда вот на Николу ходим» [КЗА, с. Б. Кандарать; ЛАП Ф2006-2]. До того как икона Николая Чудотворца «переселилась» в пос. Сурское, она не один раз появлялась в Кандаратских источниках. «Он, гаварят, вон и в этим паявлялся — пад гарой-та [у с. М. Кандарать]. А уж он появился вон, где лагирь был [в Сурском]. И в Малай Кандарати — эта, где семь радников, он и там появлялся, гаварят, где семь радников. И еще под гарой в Кандарати был колодизь — и там, гаварят, он паявлялся. Ну, уж он призимлился в Сурским, вот на этим. Толька он асвоился в лису, где был лагирь пад гарой» [ОАП, с. Б. Кандарать; ЛАП Ф2006-3].


Разрушенный храм Живоначальной Троицы в с. Пятино (архитектор Коринфский). Начало XX в. Фото И.С. Павлова

Святой Николай явился в Промзино в критический для села момент. «Раньши были татары. Ваёвали, нападали. Казански вроди. С Казани. И вот шли вайска-та. Это мне рассказывали. Вот шли оне на Русь. И ани вот дашли да Сурскай гары, и значит, вот этат Микалай Угодник явился, тут на этай гаре. На белам кане и с мичём. Оне, как увидали, и в папятку — и назад. Напугались и ушли. Больши, всё. И вот эта гара» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-27]. Но жители с. Б. Кандарать не могут сказать уверенно, где именно явился святой Николай: на горе в пос. Сурское или в их местности. «Уж больна была вайна — вот свёкар рассказывал. На Русь-та. Никак ни магли пабидить. С гары, грит, шёл чилавек, как Никалай Угодник явился. И вот он с капьём — и астанавил [врагов]. Тагда и вайна нарушилась. А то б всю Русь! На этай ли горе [под М. Кандаратью]? Тут ли? Вот здесь ли? Тут

была гора — вот Мала Кандарать. Или на той гаре [в Сурском]?» [ШНН, с. Б. Кандарать; ЛАП Ф2006-1].

Существует противоположная версия, по которой Николай Промзинский уходит не в сакральный центр, а, наоборот, «переселяется» из него. «Небезынтересна история этой церкви, сохраненная в устном предании прихожан и рассказанная мне священником Николаем Щитовым в 1982 году. Как и в других подобных преданиях, здесь действительность переплетена с элементами чудесного и легендарного. Вначале в Оськино [Инзенский р-н], мордовском селе, церкви не было. Ходили молиться в соседнюю Панциреевку [Инзенский р-н]. Но русские относились к мордве как к второсортному населению. К тому же там появилось венерическое заболевание. Тогда перестали ходить в Панциреевку, решили построить церковь у себя всем миром. <…> Раздумывали <…> о том, каких размеров строить церковь. Хватило бы небольшой для маленького села. Но тут пришел отец Максим, местный подвижник [жил в с. Тияпино на рубеже XIX–XX вв.], и сказал: "Стройте церковь большую — к вам из Промзина Никола придет"» (см. *Народно-религиозные представления…* [Цодикович 1988, с. 41]).

Мотив ухода иконы позволяет связать историю «своего» села с историей сакрального центра, приобщиться к положительной оценке общеизвестного локуса, к его многовековой истории. Мотив ухода связывает родники, информация о которых не выходит за границы села, с сакральным центром, тем самым способствует повышению их статуса. Небольшие колодцы в сознании носителей традиции начинают «состязаться» по значимости с Никольскими источниками в пос. Сурское.

Иногда повышение статуса «своего» родника происходит за счет намеренного или ненамеренного понижения статуса сакрального центра. Место первого явления истинно. Пребывание иконы в «официальном» сакральном центре «незаконно». Например, из с. Б. Станичное икона попала в сакральный центр благодаря нечестной сделке: «барин» «за большие деньги продал» икону в пос. Сурское; но икона опять появляется в роднике Б. Станичного [МАФ, с. Б. Станичное; СРВ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 2, 1987]. Во время крестного хода, имеющего конечной точкой пос. Сурское, икона Николая Чудотворца неслучайно останавливается в месте своего первоначального явления — в с. М. Кандарать, таким образом святыня акцентирует внимание верующих на месте истинной святости. «А кагда пашли на Миколинску гору, взяли Никалая Угодника на Миколу. Дашли да Кандарати-ти. А из Кандарати взяли-ти Николай Угодника-та — он никак ни идёт. Ни могут. Ну, его на руках нисут — икону — ни как ни идёт — ни падымут и с места ни сайдут. Вот чудатворнай Никалай Угодник. Ани ни могут иво никак с места сдвинуть. И никуда ни идут. Тагда ани вирнулись. Эта мать мая ища живая была. Вирнулись в церкаву, взяли Божью Матирь, атслужили малебин. И пашли — как на вóздухи Никалай Угодничик паднялся. И Божью Матирь панисли на гару. И лягко дашли» [ОАП, с. Б. Кандарать; ЛАП Ф2006-3].

Итак, в первом варианте реализации представлений об уходящей и (или) возвращающейся иконе важным оказывается подчеркнуть факт первичности (следовательно, истинности) места явления иконы. Во втором варианте более существенным оказывается вопрос, почему священный предмет ушел из селения.

В д. Кольцовка святыми считаются два родника: родник в Березовом овраге и колодец, расположенный в самой деревне («В огородах»). Оба родника получили святость вследствие чудесного появления иконы: в первом роднике «образовалась» икона Казанской Божьей Матери, во втором — Всех скорбей радость. Обе иконы ушли из деревни. «В Бирёзовом и в Колоцце — два родничка. Казанска Божья Мать и Скорбяща Божья Мать. Нашли её в родничке. Плавала она. И кому-то она ни далась и ушла дальши. И Скорбяща Божья Мать явилась так эдак жи» [БАВ, с. Кольцовка; ЛАП Ф2007-16].

Тексты о событии содержат минимальное количество деталей, не всегда сюжетны, среди них велик процент рассказов, рационально объясняющих событие. «Эта видь ни в наше время, а впирёд, дажи ни радитили наши, а ищё. Там явилась икона в этам радничке [«Всех скорбящих радость» в д. Кольцовка]. Иё куда-та атправили» [ЧАИ, с. Ждамирово; ЛАП Ф2007-23]. При этом рассказы о родниках в д. Кольцовка позволяют проследить вариативность, присущую мотиву ухода иконы (во втором варианте).

По-разному изображается лицо, которому явилась икона. По одной версии, икона явилась детям. «Рибятишки-то купались. Иконка-то была. Увидали. Пока бегали, народ пришли — уж иё нет. Вот в Бирёзовом. Там женщина полоскала белье. И она [=икона] ушла куда-то» [ЗАС, с. Кольцовка; ЛАП Ф2007-4]. «Рассказывали так, мне одна рассказывала. Купались робятишки. А купаюцца у нас вот здесь. И вот значит, купаюцца. Один, значит, мальчишка побег попить или чао ли. Глядит: там иконка плават. Он побёг за ними кричать их, те-т подбегли, а иконки нет. Она ушла. Она, мож быть, далась иму, нет ли — не знаю. Скорбящая. А там [в Березовом] Казанска ивилась. Но она тожа отсюда ушла. Она им далась и ушла куда-то» [КРГ, с. Кольцовка; ЛАП Ф2007-4].

По другой версии, икона явилась пастухам. «Эта видь ни в наша время, а впирёд, дажи ни радитили наши, а ищё. Там ивилась икона в этам радничке. Там, как, пастушку вроди. Там пасли ста́да или работали, ну точна ни извес*т*на. Это вот старушки есть» [ЧАИ, с. Ждамирово; ЛАП Ф2007-10]. «Ана спирва ивилась в Бирёзавам. Ана спирва ивилась в речки. В речке явилась. Тут пастухи загнали ста́да, ана ушла в тот радник» [КАИ, с. Ждамирово; ЛАП Ф2007-10].

По-разному осмысляется место, куда ушла икона. Рассказывают, что икона (как правило, речь идет об иконе Казанской Божьей Матери) сейчас находится в святом месте с более высоким статусом. Например, в с. Жадовка (Барышский р-н), где в Богородицкой пустыни хранится широко почитаемая в Ульяновской обл. явленная икона Казанской Божьей Матери, и в Казани. «Никуды ана ни ушла. А храницца ана сийчас в Жадавке. Эта Казанская» [ПЕИ, с. Ждамирово; ЛАП 2007-4]. По другой версии, икона

уходит к чувашам или к мордве (в с. Миренки, в г. Алатырь, в г. Ардатов), то есть к истинно верующим, следовательно, к более «достойным» соседям.

Варьируется мотивировка ухода иконы. Причины ухода иконы могут быть разными: «нечистота» человека, контактирующего (вольно или невольно) со священным предметом; богохульство, надругательство над иконой («ударил», «оскорбил»), в том числе и невольное («спугнул»).

В корпусе текстов о родниках в д. Кольцовка преобладает вариант, связанный с идеей нечистоты человека, которому явилась Божья Матерь. Рассказывается, что икону пытались достать грязными руками. «Да чаво. Видь вот Владычица где выходила. В нашим-то Бирёзовом [овраге]. Тут вот был ключ. Кто-то иё стал ловить эту икону-то. Ни ловить, а грязными руками кто-то тут. Вот она и ушла дальши. И она ушла в Ключи. На дваццать кило́митров» [ПЕФ, с. Кольцовка; ЛАП 2007-4]. Явленная икона ушла из села, потому что ее хотела взять «нечистая женщина». «Она ивилась. Взяла, значит, ничистая иё женщина, поэтому она и ушла. Щас ни знай, где она — в Алатыри?» [БМВ, с. Кольцовка; ЛАП 2007-5]. «Баба грязна» искупалась в роднике. Поэтому икона и ушла. «Ана спирва ивилась в Бирёзавам. Ана спирва ивилась в речки. В речки ивилась. Тут пастухи загнали ста́да, ана ушла в тот радник. Там женщина мылась в этам раднике. Баба адна памылась грязна. И ана ушла в Мирёнки [соседнее чувашское село]. Из этава радника. Там жила. И па этай жи́ли ушла туды. Багародица Божья Матирь» [КАИ, с. Ждамирово; ЛАП Ф2007-10]. «Искупалась баба кака-то. Это вот здесь на этом родничке. Вот здесь вот Владычица явилась. Искупалась баба нечиста, она туды — в Березовый. Казанска. Владычица» [ДНВ, БНА, с. Ждамирово; ЛАП Ф2007-8].

Икона ушла, потому что в роднике постирали белье. «Ана сахранилась. Ана лижит у нас в церкви. Эта икона жи у нас. Существуит история о ивлении иконы на раднике “Всех скарбящих радасть”. Что вот эта вот икона явилась, а патом, значит, па неблагачестию людей, каторые в этам раднике начали стирать, эта икона ушла, па-моиму, куда-та в Мардовию. Ну, мардва — народ благачистивый» [ЕА, с. Ждамирово; ЛАП Ф2007-1].

Божья Матерь ушла из с. Кольцовка, потому что ее спугнули (испугали). «Есть у нас вон в Бирёзавам радник. И там Владычица ивилась. И патом кто-та испугал иё — ана ушла на ключ. В Ардатав куды-та» [ААД, с. Ждамирово; ЛАП Ф2007-9].

А.П. Липатова

ПЕСНИ ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНИКОВ И ПИРОВ — см. Вёсну провожать, Горной стол, Гулянья, Девичник, Застолье, Играть в кельях, Припевать

ПЕСТУШКИ И ПОТЕШКИ – см. Баукать, Прибаутки, Тютюшкать

ПЕТРОВ ДЕНЬ — см. Вёсну провожать, Петровки, Пост

ПЕТРОВ ДЕНЬ

Петров день (12.07), христианский и народный праздник, названный в честь святого апостола Петра, в Ульяновском Присурье не отмечен никакими особыми обрядовыми действиями. В этот день завершался Петровский пост (*Петровки*), который начинался через неделю после Троицы и часто упоминается в связи с обычаем заготавливать веники (см. еще *Иван Купальский*). «За вениками хадили, веники ламали в Пятровки, парицца в бани. Бирёзавы веники, с бирёзак ламали да и всё. Пятровскии веники» [БПЕ, с. Палатово; МИА Ф2001-24Ульян., № 14].

Хотя сам Петров день не является частью поста (см.), в случае, если он приходился на среду или пятницу, он также считался постным. «В этыт Пятров день вот на няво грех мясноя есть, а такоя, пажалуста, ешь. Мясноя и малошнае грех» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2004-01Ульян., № 27]. «Разгавляюцца пладами, на Пятров день разгавляюцца. Вот вишняй. Ну, ягады в лясах. Все ягадами на Пятров день разгавляюцца» [СНА, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 93].

На Петров день во многих селах начиналась жатва (см.). «Зажинать — Пятров день. Рожь паспяват, пашли глидеть. И жали, снапы вязали... Пере́кстяцца и начнут» [МЕЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 60]. К этому времени становился заметно короче световой день, поэтому говорили, что «Пётр и Павил час убавил» [НМН, с. Кадышево; СИС Ф2003-11Ульян., № 62].

В с. Чумакино вспомнили о праздничной ярмарке на Петров день в с. Коржевка, во время которой парни отдаривали девушек за угощение на троицкое заговенье. «А вот, бывала, наварушь у мат*ири* яйцав, унисёшь и там в адно места яво — всё на вароты, наверх клала. Ну вот, в субботу йих свари́шь, а в васкрисенья-та [=троицкое заговенье] жинихов кормишь. А ани на Пятров день — ярманка у нас здесь в Корживке вота — канфеткав дают. Тада эти канфетки — рубль, капейка канфетка. А то пайдёшь на карусель, тут у нас были карусели, катались. Бывала, знали, што есть праз*д*ник, а нынча ничаво ни знашь» [ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 16].

Единственной деталью, устойчиво ассоциирующейся с Петровым днем, являются различные поверья и приметы, связанные с кукушкой. По народным поверьям, после Петрова дня кукушка прекращает куковать. «Кукушка брасат пасли́ Петрава́ дня кукавать. Вот Пятров день будит скора» [ЧПА, с. Первомайское; МИА Ф2001-13Ульян., № 95; ШНИ, д. Мамырово; МИА Ф2001-25Ульян., № 23; СМО, с. Коржевка; МИА Ф2001-26Ульян., № 58]. «На Пятров день, вот прашол он, што-та ни куку*ю*т уж ани. Да Пятрава дня ана аткуку́ит. Падашол этыт праздник, Пятров день, утрам ни услышишь. Ни палага́цца. Вот прашол он в том месици, кукушка уж ни кукуит» [ХПС, с. Чамзинка; МИА Ф2002-26Ульян., № 52]. Это, по поверьям, связано с тем, что в этот день кукушка теряет голос. «Кукушка куку*и*т да Питрова дня, патом ана заика́цца. Станит кукавать, ни выгаварит и брасат кукавать» [ВТС,

с. Кадышево; МИА Ф2002-30Ульян., № 40]. «Гаварят, да Петрава дня ана кукуит ни мишаицца, пасле Петрава дня начынаит мишацца. Ку-ку-ку-ку-ку — и всё. Эта вот калякали» [МЕЯ, с. Кадышево; МИА Ф2002-29Ульян., № 46].

Кукушка в народных представлениях — особенная птица, с происхождением и существованием которой связаны различные легенды. Наиболее известно поверье, что кукушка подбрасывает яйца в чужие гнезда и сама не высиживает своих детей, откуда приобретшее нарицательное значение слово «кукушонок» — беспризорный ребенок, подкидыш, сирота. «Кукушка — ана ни выводит сваих дитей. Нанисёт в чужим гнизде, а друга птица высидит» [ХПС, с. Чамзинка; МИА Ф2002-26Ульян., № 54]. «Кукушка — ана видь хвастушка. Кукушка ана, видишь, нисёцца, а ни выводит ана видь дитей сама-та. Ана вот нанисёцца в чужое гнездо, иё выводят другии птицы. Хвастушка ана, иё хвастушкай завут» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 69]. «Кукушка ана сваех дитей ни выводит, вот. Вот гняздо како, ана там снисёт и улетит. Ни знай [почему], иё и назвали "кукушка". Вот чериз эта, што ана сваей дитей ни выращиват?"» [МЕЯ, с. Кадышево; МИА Ф2002-29Ульян., № 46]. «Ана бесталковая, ана где хошь снесёт. Где хошь кукушонка выведёт. "Бесталкова кукушка", — калякали» [ЛНА, с. Палатово; МИА Ф2001-24Ульян., № 77]. «Вот, гаварят, и места нет у ней, кукушки-ти. Кукуит ана, кукуит, и апять улитит. Ни най, гнязда нет» [ТМИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 87].

Отсюда представление, что кукушка — это и есть сирота, проклятая и изгнанная матерью дочь, «мать иё пракляла за нипаслушение» [ИАП, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-34Ульян., № 30]. «Канешна, как сирата, ана. Видишь: иё вывила кака-та птица, иё дитей вывила кака-та птица. Ана и есть сирата» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 69]. С одиночеством кукушки связано и поверье, что она «улетает в теплые страны ночью и только одна» [ГНГ, с. Валгуссы; Ф2001-15Ульян., № 31]. По этим признакам кукушка в народных поверьях пересекается с русалкой (см.).

Такому положению дел есть объяснение, основанное на предании о наказании кукушки за недостаточно ревностное отношение к церковной службе. «Ну, кукушка, кагда ана кукавала, всё гаварили, стары-ти люди, ана праспала заутриню на Благавещиньё. Иё Бог наказал за ета. И ана стала вот тирять сваи яйца, в чужих гнездах нистись, и там иё дети вывадились. А ана всю жизнь за них страдала, праспала заутриню на Благавещиньё. Самый строгый день Благавещинья» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 4]. «Ана яйца аткладыват в чужии гнезда. У нас гаварили, што ат этава ана так делат, што ана праспала на Паску заутриню. И иё Бог наказал за эта. Так гаварили» [СМО, с. Коржевка; МИА Ф2001-26Ульян., № 58].

Необычное происхождение кукушки, ее отреченность и связь с другими персонажами «низшей демонологии» (русалки, шишиги) создают условия для возникновения представлений о ней как об оборотне (см.). «Вот на Пятров день кончила кукавать. Ана, знашь, на ястриба пириделывацца. На

ястриб*а*. Ана уж начинат цыплят лавить. И куру уду́шит. Вот ана как. Ана дитей-та ни выводит, ана уж на ястриб. Ана щас на ястриб. Ана уж где цыплята, ана будит цыплят таскать. Вот ана какая, кукушка-та» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 69–70]. «Да Пятрава дни, наверна, кукушка. Пятровки прайдут, ана перистаёт кукавать. Гаварили, в ястриб-та ана делацца. И, гаварят, ловит вот птичкав-ти, цыплят» [ЛНА, с. Палатово; МИА Ф2001-24Ульян., № 78]. «Привращаицца в ястриба. Я видил как ана уже птичкыв, мелких птиц ловит и заклёвыват. Ана как ястриб. Кукушка, сама настаяща кукушка. Я сам вот лична видал» [ГАВ, с. Чумакино; СИС Ф2002-05Ульян., № 89]. «Ана да Пятрава дня кукуит, а посли Пятрава дня привращаицца в ястриба. Кур таскат. Ана есть хочыт. Вот раз Валька шла с вадой, прамеж ног была курица, *а* ана [=кукушка] прям прамеж ног и прям села на няво. Я ей кричу: “Ястриб ана, уж в ястриба превратилась!”» [БМВ, с. Новосурск; МИА Ф2002-23Ульян., № 36].

Из других часто упоминаемых в связи с кукушкой действий можно отметить обычай гадать по кукованию о продолжительности жизни и об урожае. «Ана вот то*льк*а как лес маненька уж листок даст, ана [прилетает]. Как ана закукавала, уже лес был махнатый, кустарник зилёный был: “Ну, — гаварят, — должин уражай-та хароший быть!” Хароший год должен быть» [СМО, с. Коржевка; МИА Ф2001-26Ульян., № 57]. «Если на голый лес кукуит, то голыд будит, а если уж такой лес, то уражай будит. Вот гаварят, эта гаварят» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 69]. «Если кукушка кукует на голый лес, то будет плохое лето» [ЗЗА, с. Тияпино; Ф2001-20Ульян., № 19]. «Вот первый раз услишим и гаварим: “Кукушка, кукушка, скажи, скока мне лет жить?” Ана начнёт кукавать. Щитаим. “Вот скока, вот скока праживём!”» [МЕЯ, с. Кадышево; МИА Ф2002-29Ульян., № 46]. «Вот нидавна ана прилитела вот сюда. Кукуит, а мы сидим вот там на крыльце. Ана кукуит, я гаварю: “Кукушка, кукушка, скажи мне сколька жить?” Ана пять раз пракукавала. Я гаварю: “Ну вот, видна я пять лет праживу”» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 68].

На основе этих поверий создается представление, что кукушка является вестником смерти (см. *Похороны*), особенно если кукует в границах селения или у чьего-либо дома. «“Кукушка в силе́ куку*и*т, эта, — гаварят, — нихарашо! Эта всё, — гаварят, — нихарашо!” Да ну лес рядам тут, эта у нас вон даляко. Ана куку*и*т, иё слыхать — рядам» [ХПС, с. Чамзинка; МИА Ф2002-26Ульян., № 53]. «Прошлый год вот кукуит и кукуит. Да. И тётя Оля умерла, и дядя Вася, друг за дружкай» [ГАМ, ОМФ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 88].

Конечно, в настоящее время эти поверья обычно рассматриваются как несерьезные и о них рассказывают с усмешкой. «Вот гаварят всё, первый раз услышишь, нада спрашивать иё: “Кукушка, пракукуй, сколька мне гадов пражить?” Ана мне перва нагадала шесть гадов. Другой раз нагадала пять гадов. А третий раз стала, ана — матри́, двадцать семь! Я гаварю: “Ну

тибя! Брось-ка балавать-та, я замучиюсь, если жить". Куку*и*т и куку*и*т» [ХПС, с. Чамзинка; МИА Ф2002-26Ульян., № 53].

И.А. Морозов

ПЕЧУРКИ СМОТРЕТЬ

В ходе подготовки к собственно свадьбе обе брачующиеся стороны периодически посещали дома друг друга. В Ульяновском Присурье это, прежде всего, посещение дома жениха родными невесты. В с. Полянки данный обряд назывался *дом глядеть.* В с. Засарье, Коржевка, Чумакино, Валгуссы, Цыповка такое посещение дома жениха именовалось иначе — *печурки смотреть, печурки глядеть.* В с. Первомайское наряду с термином печурки смотреть бытовал и другой — *печурки считать.* В с. Ждамирово, Елховка, д. Кольцовка это посещение называли немного иначе — *печурки щупать.*

Печурки в данном случае — это небольшие углубления в печке, в которых обычно сушили варежки или носки. «Ани [=печурки] с той стараны, например, были три вот таких этих квадратненьких и туды варижки, наски сушить клали» [МЗИ(1932), с. Коржевка; ММГ Ф2002-4]. В с. Елховка при этом шутили: «"Мало печурок — плохо. Больше бы надо!" Это к вину приговариваются» [МКМ, с. Елховка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Аксаур наличие двух названий этого обряда — печурки глядеть и *углы глядеть* — было обусловлено разным его наименованием сватами из разных сел. «Из Глот*а*вки углы, а из Барис*а*вки — пичурки-та. Да вот из Глот*а*вки приехали — <...> гараж, машинёшка свая, на дваре две канюшни, карова там ищё, в общем, харашо, эт*а* сходит: "Да, углы хараши, крепки углы". А из Барисавки старух привёз пичурки глядеть: теплы ли пичурки?» [ТИН, с. Аксаур; ММГ Ф2001-12]. В с. Никитино это действие называли *углы щупать.*

Смотреть ходили в тот же вечер сразу после завершения сватовства или запоя, но могли пойти и на следующий день или даже через неделю. «Ну, как усватают, и ходют к жениху дом глядеть <...> на следующий день» [ШПФ, с. Полянки; СЕВ Ф2000-19]. Ходили «посли запоя. На другой день или может там чириз ниделю» [МАФ, с. Сара; ММГ Ф2000-36].

Ходили родственники невесты — в с. Полянки это были тетки, дяди, братья жениха, в с. Первомайском ходили также и родители, в с. Чирково печурки смотреть ходили мужики. Особых действий, тем более ритуального характера, в большинстве сел при этом не совершалось «Пышли, пыглядели, пыглядели. Ани зачем пришли? Ани пыглядели пичурки ды давай йих угашшай! Сымагонку пить, ани за этим и пришли. <...> Эта ток*а* названье вроди — пичурки глидеть. А на сама дел*и* ана угашшацца пришли. Вот мама пирог пикла, чаво над*а* там — капуста, всё эт*а*, угурцы, грибы» [МЗИ(1932), с. Коржевка; ММГ Ф2002-4].

Более того, во многих селах это посещение имело ярко выраженный смеховой характер. «Шутили: "Может, сваты, дом-та у вас о трёх углах?"

Праверяли крепасть углов, стуча по углам обухам тапара» [МАП, с. Неплёвка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Захадили в дом с шутками: “Вот пришли пичурки шшупать: тёплые ли, будит ли где маладой варежки сушить?”» [БОК, с. Ждамирово; БОИ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5].

И только в с. Первомайское помнили, что во время этого посещения считали количество *печурок*, чтобы определить: счастливы будут молодые или нет? «Хадили, хадили пичурки глядеть. Чай, к жениху ходют пичурки глядят. Щщитают: сколька пичуркав. Если толька чатыри пичурки, значит, ага, багатый жених. Не то што там чем-та были багаты, а пичурками багаты» [ПЕН, с. Первомайское; МИА Ф2001-13Ульян., № 12]. «Раз, две, три, чатыре — значит, ане будут щастливы. Раз, два, три — э-э, нещастливы» [ММА, РАИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 43].

В с. Полянки в доме жениха их угощали, подносили по стаканчику. «А патом за стол сажают, если пришли пичурки глядеть, то, значит, за стол надо сажать» [ПЕН, с. Первомайское; МИА Ф2001-13Ульян., № 12]. В с. Палатово во время такого посещения «сваты обменивались пирогами: пироги были большие, отдавали их друг другу с поклоном, но пирог о пирог не били» [БАФ, с. Палатово; БСА ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1979].

М.Г. Матлин

ПЛАЧ ИКОНЫ

Слезотечение (мироточение) — одно из чудес в христианстве, связанное с появлением миро (светлого маслянистого благоухающего вещества) на иконах и мощах святых. В народе это явление традиционно называется *икона плачет* (реже — *икона слезоточит*). Глагол «плакать» является многозначным: он только в одном своем значении («покрываться каплями выделяемой влаги») сближается со значением глагола «мироточить». Многозначность присуща и народному пониманию чуда мироточения.

Повсеместно распространено поверье, что быть свидетелем чуда может только избранный (см. *Икона, Обновление икон, Монашки, На святой родник ходить*). Иконы плачут в особом — сакральном, намоленном — пространстве. Иконы плачут «в монастырях. Ни визде. Нет, конечно! Плачит — в монастырях» [АМФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-6]. «Да, плачит. И я читала. В церкви. Вот слёзы-то у ниё льюцца, льюцца, как град. Вот они подойдут, вытирают, вытирают — лампадку зажигают. Вот она спасат. Вот она плачет. Эта икона спасат» [ИТН, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

В официальной христианской культуре мироточение понимается как чудо, лишенное прагматики; в народной культуре знаковость приобретает четкую функциональность: икона плачет не случайно. Это происходит в период, сложный для человека, селения, страны (см. *Икона, Обновление икон*).

Иконы «плакали» в войну. В военное время чудо мироточения, как и чудо обновления икон (см.) имело массовый характер. «И вот гаварит: “Замичайти. Вот такова-ти числа, сматрити: будут иконы плакать”. И вот на самам дели. Эта чао эта была? Вот я прям ачивидиц. Войны ли каки ли? Чао ли вота? Икона плачит — ана, значит, вот пиривёртыват сваё эта, пасобия, штоб пасабить народу. Или хто-та больна дасажат ли ей. Или просит её эдак. Больна вот что-та ана там. Мать, ана плачит. Всигда, всегда плачит!» [ДМН, с. Б. Шуватово; ЛАП Ф2003-52].

В советскую эпоху народ начал забывать Бога, иконы начали «плакать». «Мы иво, Бога-то скинули с рук, она плачит-то она за нас, Божья Матирьто — просит [за нас]» [ААФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-6]. «Вот к Дивятай [=святой родник в с. Коноплянка] мы хадили. И там адна икона плакала. Тут чириз нескалька времини разарили эта всё. Всё-всё-всё! Каммунисты. Всё разарили. Всё разбили» [ВСМ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-12]. «Эт я слыхала. Ну вот, икона плачет. Эт все вот, ну через народ, через людей, как вроди, она вот, Божья Матерь, она вроде пир*и*живат, вот и плачит» [ДЕП, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-16].

Плакать может и домашняя икона, если с ней обращаются неподобающим образом. «У миня у самой плакала икона. Я иё сама абидила. Ана у миня стаяла в пиредним углу, а я иё взяла и на кухню выставила. И ана у миня вот заплакала. Я гаварю: “Мама, икона плачит”. Ана гаварит: “Дочинька, зачем ты иё в кухню — ана на тибя абидилась”. Я иё апять паставила на сваё места, но ана у миня как абнавилась — ана стала светлая» [ТВВ, с. Потьма; ЛАП Ф2005-5]. Понимание чуда мироточения трансформируется. Икона плачет от обиды на человека, осознанно или неосознанно поступающего неправильно, а обновляется тогда, когда человек осознает свою ошибку. Икона не просто «покрывается каплями выделяемой влаги» (чудо мироточения), а «проливает слезы от боли, от горя».

Человек узнает о совершившемся чуде по-разному. Чаще он видит выступившие на иконе слезы. «У миня икона Божья Мать. И вот гляжу: у ней патикли [слезы]. Тикут. Патикли вот эти миста [=глаза]. Я: “Батюшки, что эта? Что эта такоя?” Я так стала вот пред ней. Вот Богу малюсь. Вот. “Господи, чао эта такоя? Царица мая нибесная!” У миня слёзы. И я плакать. У нее прям тикут, прям тикут слёзы» [ТАГ, с. Коржевка; ЛАП Ф2002-64]. «Икона. У неё эта икона. Божья Матерь или какой еще лик явился. Наверно, когда вот с ней случилось — ей явилось. Ну а как? Вот сейчас же есть слезоточивые иконы. Действительно у неё из глаз течет слеза» [КТК, с. Сара; ЛАП Ф2006-4].

Плач человека сопровождается нечленораздельными голосовыми звуками, подобное происходит и с иконой. В таких случаях человек слышит необычный плач. «У нас вот тут вот женщина, очинь жила с мужем плохо, а церковь как раз вот тут ломали, ну разломали там иконы, хто разобрал. <...> Вот она говорит, а она ходила: “Пойду вот туда вота и всё слышу: у церкви плачит у дороги женщина. Да. Раз слышу, она плачит, два, когда пойду, слышу — вот

плачит женщина”. Значит, эта, та, что приходила, то, что её надо, наверно, взять ей. Ну и вот, я говорю: “Что эт всё время как я ни пойду — плачит женщина. Я, грит, прислушалась в коим мести плачит, посмотрела: там половиночка иконы — лик, ни целай, а немножко — я, грит, яво взяла”. Значит, она плакала, штоб она иё взяла» [АМФ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-6].

Икона плачет и тем самым указывает человеку на место своего явления. «Там есть Катиринавка. И вот там была явле́нна-та. Катиринавка — и икона Катирины. И вот. Ана явилась пастуху». Однажды пастух услышал плач. «Патом, грит, слушай: плачит и плачит, плачит и плачит за кустамити, плачит, да, грит, и плачит. <...> Эта впирёд ана всё была плакала, а патом знач к ниму ана [молодая нагая девушка; святая Катерина] вышла. И патом уж она к ниму падашла и гаварит: “Гани-ка, грит, авец дамой и скажи, грит, тама дома, вот, грит, такой-та такой-та фамилия такой-та женщины. И скажи: “Твая дочка во́ где, грит, ана плачит — иё, грит, Гасподь саслал с сваех рук, вышла, грит, время-та, насколька, грит ты иё праклила. Да”. Ну и от, он ужахнулся. “Ну, гарт, ладна. Я схажу”. И он пагнал дамой стада. Гонит — народ весь спалыхался: “Што такоя — пастух авец гонит. Никагда, грит, ни приганял, а эта, гарт, гонит раньши дамой”. Ну, овцы, ни адна авца, ни адна ни защла на двор дамой. На площади сащлись овцы кучай, и все, грит, абярнулись друг к дружки задницыми, а на парядки, грит, кругом лицом, и арё-от, и арё-от, и арё-от, и арё-от. Нарот, грит, падходит: “Да што ты, грит, пригнал. Видишь, грит, ани как зявают?” — “А што я пригнал. Вот, грит, мне эту жэнщину сичас сюды пазавити. Ана вить пракляла девушку, ана у ниё прапала из зыбки?” — “Да грит, был случай, да уж эта видь давно, гадов, наэрна, вас*и*мнацать иль ж все и двацдать”. Ну вот. “Вот, грит, ана ка мне тапер*и*чи и приходит. Впирёд всё в кустах плакала, а уж тапер асмелилась, вот ка мне три раза, уж третий раз пришла. И паслала миня за ней, штоб ана пришла, грит, и иё взяла к сибе”. — “А где, грит, мы иё найдём?” — “Ана мне сказала: “Пад бугарочкам там радничок”. И вот ана будит круг этава радничка”. Ну, вот он эдак сказал и ана пашла в церькву и эбъяснила батюшки. Ну, батюшка ей сказал: “Ну, грит, вот таперчи нада сабрать этат звон, малебин атслужить и патти, и народ пайдёт туды”. И вот сабрались, всё эта сделали. Туды приходют, к радничку-ту. У радничка иё нет. “Ана видь б сказала — у радничка буду, а хватин вот, вишь, нет”. Ну, вот батюшка падашёл к родничку, эблаславил яво икоными-ти эдык-та вот. И вдруг паявилась в радничке икона. Да. “Ну вот, тибе эт лик иё, этай девачки. Вот эта ана тибе и паявилась. Вот, грит, типерь накланяйся и даставай эт иконучку бири — вот, грит, эт твая дочь”. Ана накланилась, тока б иё брать, ана ытплыла к другому боку. Ана зашла туды — апять эдак. Тока иё брать — ана на другую сторону ытплыла. Вот, ана ей ни даёцца иё брать. “Вот, грит, насколька ана, грит, абидилась на тибя”. Батюшка ей атвичат: “Вишь, грит, вынуть тибе ни дает. Вот, грит, ана сколька страдала. Ты иё пракляла как нихарашо”. — “Да, батюшка, каюсь я таперичи, што я иё пракляла. Ана уж больна блажила у

миня — блажная была. А у миня вить дила. А вить и изругалась нихарошим словам, ну и ушла, ушла убирать [сено]. Зашла [домой], вроди, зыбка спит, ана спит — угаманилась. Кагда мужик приехал с поля, стал спрашивать: "Ну как, убираисся?" — "Убираюсь, вот эта укачала — вись день, грит, спит и спит, ни кричит нынчи, што-та успакоилась". Падашли к зыбки-ти, а иё нет!" И вот ана во-ся-мнаццать лет была у Гасподь Бога на руках. И патом уж вот. <...> Батюшка пир*и*кстил радник-эт, накланился сам и иё, эт иконку, паднял. Принисли иё в церкву. И ес*ть* эта икона — Катирина» [СМА, с. Вальдиватское; ЛАП Ф2002-19].

А.П. Липатова

ПЛЕТЕНЬ

Хороводная игра *в плетень* относится к редко встречающимся в Ульяновском Присурье архаическим развлечениям с символикой плетения и тканья, соотносящихся в традиционной культуре с процессом творения мира. По-видимому, раньше она входила в комплекс обрядовых действий (см. *Основу сновать*), исполнявшихся весной и имевших продуцирующий характер.

Наиболее полные сведения об этом хороводе удалось зафиксировать в с. Чамзинка. Там сохранились воспоминания о календарной приуроченности этого хоровода и его магическом влиянии на занятия людей. «Щас вот у нас Паска прайдёт, падайдёт Радавница. Радавница — люди вазрадуюцца и взвисиляцца. Вот щас вечар падходит, начинают этат "плитень": "Завивайси плитень, заплятайси плитень". Ана, бабата, красна-та ткёт, ана видь летам!» [ЦМП, с. Чамзинка; СИС Ф2002-09Ульян., № 96]. По другим сведениям, хоровод водили на Троицу и троицкое заговенье. «Я сама ни делыла, мож*и*т, мать мая там делыла, сястра пастарши миня была, ани делыли. Эт*а*, на*ве*рна, вот в эти в два праздника: вот на Троицу, на*ве*рна, на Заг*а*винья» [ТПС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 40].

Игра представляла собой имитацию тканья. Игроки вставали цепочкой, держась за руки. Первый игрок проводил всю цепочку под поднятыми руками последнего и предпоследнего игроков. Когда все игроки проходили, предпоследний игрок, увлекаемый впереди стоящим партнером, поворачивался к последнему игроку спиной так, чтобы на его левом плече оказалась его собственная рука вместе с левой рукой последнего в цепочке игрока. Затем вся цепочка проходила под руками второго и третьего от конца игроков и так до тех пор, пока все игроки не «заплетались». «Эта вот враз на Радавницу, на втарой день Паски, вот начинают вот хадить, хадить вот начинают: "Заплятайся плитень". Вроди вот как пряжу эту прикалачивают. "Заплятайся плитень, завивайся плитень". <...> Вот так вот как-та вот

эдак пад руку. Прям эдак вот [правую] руку [на левое плечо] клали: “Завивалси плитень, заплятался плитень”. Вот эдак вот, ани кагда станут к этаму, к “плитню”, падхадить-та, вот так вот и яво прикалотят. Пришлёпнут ну там дивчонку или там кто. Пристукнут па спине, ани тихонька прикладываюцца. Как щас вот ани, значит, эта прапают и вот так, эта как навóй завива*и*цца. Апять как спают, апять пред втарова, апять дакрутя́т — третьива. Вот как. Вот в эта пряма вот пристукнут, прибивай: “Прибивайся плитень, закачайся плитень”. Пристукнут, апять, апять иё [поют]. Апять, апять идут: “Завивайся плитень, заплятайся плитень”, — вот да тех пор, как все [заплетутся]. А патом начнут всё разыгрывать: “И асновушку сную, и мóтику кладу”. Патом тут прыгают все: “Я асновушку сную, да пиримотики кладу!” Апять все апять» [ЦМП, с. Чамзинка; СИС Ф2002-09Ульян., № 90-92, 96].

Для девочек-подростков больший интерес представлял процесс развивания, который заключался в поочередном отрывании игроков от шеренги. «Ну, вот сабирёмси мы, вот падруги тама, и вот такая игра была у нас. Да и взрослыи [девушки] играли, и мы вот в детстви эдак ка*г*да играли. Толька што на какии праз*д*ники. <…> Мы там чылавек нас можит там с дисятык нас падруг сабирёцца. Ну вот так и ходим. Ана вот так пайдёт вот так вот эдак вота. Вот идёт, даходит да миня, эта астаёцца, кой крайна-та. А ана апять, там крайна-та, апять идёт, а падходит эта апять, вот так вот. Вот я стаю, ана вот абайдёт и другая встаёт. Ана апять абайдёт, апять встаёт. Вот так вота. И вот так тини́жкай вот нас паставит. Кагда все эти сайдуцца, мы друг за дружку зацепимси, нас тянут. Да. Кагда плятень-та нас сплятут, и начынают нас распля*тать*. Миня тащá т, а миня другая-та дóржит, а там третья — другую. Как там вытащит, начынаит другую. А мы друг дружку [за пояс] вот так вот дóржим, ни пуска*и*м. Друг за дружку даржáлись. <…> Как-та, да, пели. Ну, эта уж давно. Эта я вот помню “Заплятайся, плитень / Развивайся плитень”. Вот эта я вот помню, а патом какии ищо слава, эта я ни знаю» [ТПС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 40].

Лучше сохранились поздние варианты этого хоровода, бытовавшие у девочек. «Вот сабирёмся как-та девки, вот и “заплятают”. Как-та заплятались друг за дружкай. А тут расплятаюцца. Вот и ходят: “Заплятайся, плитень”. Вот я помню эта пели. Ни знаю, на Троицу, или праз*д*ник, или проста как вздума*и*м, наверна. Я думаю так. Сабирёмся, чаво? Давайти играть “в плитень”» [ПТП, с. Голышевка; СИС Ф2003-11Ульян., № 51]. «Вот сцепюцца, и патом ани как-та сплятаюцца, сплятаюцца. Сцепюцца вот так вота, и палучицца как-та плитень. Как-та падмыривают пад руку ли как ли. И сплятались.

Заплетайся, плетень, Выше гор залетел.

Вот зацыпаюцца…» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 79].

В с. Чумакино текст хоровода контаминировался с прибауткой. «“Плитень”-та эта мы играли этим, ну вот сами с сабой, у нас артель была

эта падруг-ти. И вот мы играли вот “Заплятайся, плитень” и вот эта пели иё, эту песню. Вот впирёд тибя идёт падруга, и паза́д [=сзади] тибя падруга. Вот, например, я иду за ней, дашла да этай, крайна-та стаит, дашла да ниё, и вот эта абарачываюсь, вот эту [=правую] руку кладу на сибя [на левое плечо]. А за мной ищо там адна становицца. Вот эдак вота, вот так абирнёсся, к тибе падайдёт другая, апять эдак станит. Вот так вот и дальши. Патом третья, чытвёрт*ая*, вот так все друг за дружкай, все и...

Заплятайся, плитень,
Выше гор залител,
Как старуха с стариком
Ели кашу с малаком,
Каша маслиная,
Ложка крашиная,
Ложка гнёцца,
Рот смиёцца,
Душа радавацца.

Вот спаёшь, а патом расплятацца начнут.

Расплятайся, плитень,
Выше гор залител,
Как старуха с стариком
Съели кашу с малаком,
Каша маслиная,
Ложка крашиная,
Ложка гнёцца,
Рот смиёцца,
Душа радавацца.
Ну, вот так вот и...

Апять эдак. Как схадились, так и расхадились» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-4Самар., № 89].

«Плетнем» называли также и другие игры, представлявшие собой просто передвижение игроков парами внутри колонны стоящих по двое игроков. Например, в с. Кадышево игра «в плетень» представляла собой постоянное перемещение пар играющих с конца шеренги в ее начало. Последняя пара пробегала под руками стоящих игроков и вставала вперед. «А эта у нас играли “плитень плили”. Все вставали парами. “Айдати в плитень играть будим”. Стаят руки доржут, пара-та. Он задам стаит вот эдак, и мы идём. Падмыриваю, крайни-те за мной бягут, а эта за этай бягут, апять пабигли и бижим, и бижим вот так. Сами с*а* сваей парай бижим. Улицу-т*а* прабижишь. Эта “плитень” у нас “плили”. [Не пели] нет, ничаво» [МЕЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 108].

Иногда игра «в плетень» практически ничем не отличалась от игры «в челнок» (см.). «Эт*а* я слыхала вота: “Заплятайся плитень, выше гор залител...” А как дальши я ни знаю. Пад руки мыряли, да. Державмси и вот адна мырят. Вот стаим вот так вота [=парами друг за другом, взявшись за руки и подняв их вверх] и мырят. Каво за руку схватит, вытаскыват. А эта асталась, ана тожи мырят. Да са спины [идет], чай, эдак жи. Пайдёт, апять бирёт, а эта [=оставшаяся] апять мырят. Так вот эдак вот играли. Пели вот “Заплятайся плитень, выше гор залител...”, дальши-та я ни знаю» [КАФ, с. Коноплянка; СИС Ф2002-05Ульян., № 22].

И.С. Слепцова

ПЛЯСАТЬ

Любой народный праздник включал в себя в качестве необходимой составляющей развлечения, среди которых главная роль отводилась пляскам и танцам (см. *Духов день, Масленица, Молодых масловать, Пасха, Святки, Троица, Застолье*). Пляской часто сопровождались поздравительные обходы молодежи (см. *Коляду петь, Таусень*) и шествия ряженых (см. *Барыня и кавалер, Второй день, Наряженными ходить, Ярку искать*). Многие обрядовые действия перемежались и заканчивались пляской — например, ею завершалось свадебное застолье (*Свадьба*), проводы весны (см. *Вёсну провожать, Шута хоронить*) и др. Пляски и танцы были любимым развлечением молодежи в кельях и на вечеринках (см. *Девичник, Играть в кельях, Кузьминки, Некрутов провожать, По кельям ходить, Припевать, Сидеть в кельях*). Традиционные пляски, в отличие от танцев, до сих пор хорошо сохранились в быту.

Пляски были вписаны в общую структуру народного веселья и подчинялись тем же правилам, что и другие виды увеселений. Так, нельзя было плясать во время постов, накануне праздников и воскресенья (см. *Пост, Играть в кельях, Воздвижение, Вознесение*). «[Плясать] ну как жи, ну да, гришно. Пост есть пост. Раз уж дитю ни давай пищу такую скаромную — пост, а уж пляски-ти! И вовси» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 80]. Правда, в некоторых местах этот запрет снимался на два приходящихся на Великий пост праздника: Благовещение и Вербное воскресенье (см. *Благовещение, Вербное*). «На Благавещинья разришали. И песни петь можна. Можна, можна, можна. Всё равно на Благавещинья разришалась, пели и плясали. И плясали и пели на Благавещинья» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2004-01Ульян., № 12].

Отношение к пляске как к греховному занятию до сих пор присутствует в сознании старшего поколения, которое часто даже связывает свои болезни с пляской в молодости. «Грех эта видь всё эт*а* дела-та. Вот в гармонь играть эта тожи видь грех, в гармонь играть. У миня вот у систры заловка, ана играла в гармонь тожи всё время. Дашка иё звали. И вот этай систре маей привиделся сон [о покойной золовке]. Я, гаварит, иё спрашиваю: "Систрица, ну как тибе жизнь-та?" — "Жизнь-та ничаво, Лизанька, руки балят". — "Што ане у тибя?" — "Вот я играла в гармонь". Ана ей прям*а*: "Вот руки, — гаварит, — у миня балят ат гармони. Я играла в гармонь". Вот, видна, эта грех? Вот чаво. [Плясать много] тожи грех мне вот. Мне тожи грех будит. Я всё время *ис*повядаюсь и Госпаду Богу каюсь: "Грешница я, Госпади, плясала, пела, эта грех видь". Вот. Я всё время батюшки каюсь. Ну, вроди маладая, можна. А я всё время каюсь. Всё время гаварю: "Госпади, грех мне, чай, будит, плясала да пела всю жизню"» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 25–27].

Такой взгляд утвердился под влиянием проповедей священников и чтения православной литературы. «Видь плясать савсем, в Писании, грех. Эта жи лукавство тварим. Мы делам всё, всё делам. Пляшут да пают! И

Виликим-та пастом пают и пляшут. Ну, в то время [=раньше] как-та панабажнее были. <...> Всё грех! Па Писанию. <...> Если Писание читать, сразу грохаться вниз лицом и умирать» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 70]. «Где-та у миня книжка есть, толька где ана, ни скажу тибе. Вот кто пад праздники пают, пляшут, ни пачата*а*т — артисты всё пад праздники — ане уж всё то*ль*ка в аду. Пад бальшии праздники. Ну, видь всё время игра*а*т и игра*а*т вон, ну. Все, гаварят, грешники, пращения никакова нет. Вот. Ну, и танцуют, и пляшут, вот артисты всё вот эта. Нада пачитать, гаварят, праздник, субботу накануни, нада пачитать. А мы ни пачита*а*м никто. Чай, и гаварить ни нада. <...> Бог зна*и*т, можи*т*, Гасподь нас и наказыва*и*т за эта за всё» [КПВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-26Ульян., № 4].

Этому же способствовало и осмысление сюжетов Страшного суда, в которых полагалось наказание за неуместное веселье. «Плясала я зна*а*шь как? То*ль*ка стук идёт! Грех плясать-та вот. Перид праздникам грех плясать. Гваздей в пятки набьют [на том свете]. На праздник ни грех, нет. На праздник разришаицца, пажалу*й*ста, плиши и пой» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2004-01Ульян., № 25]. «Эта вот всё ведь калякали вот эта ани [=старшие]. Песни петь грех. Заставют лизать гарячу*ю* сков*а*раду на том свети. Всё гаварили. И эта, и плясать грех. Гваздей набьют в пятки. Ну, я расстроюсь, гаварю, ни стану больши ни плясать, ни чаво ни буду. А вечырам пашла в келью да апять, апять за пляску» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 82]. Данное отношение к пляске позволяет увидеть ее ритуальные основы, когда она являлась действием, имеющим продуцирующее значение.

Однако несмотря на существование подобных представлений, пляски и танцы были самым популярным времяпрепровождением в праздник. Они являлись ядром летних гуляний (см.). Вместе с пением частушек (см. *Припевать*) и традиционными играми они составляли цельный комплекс развлечений. «Эта мы хадили в Чабата*е*вку в луга на Троицу, на Яклу туда хадили. <...> Там Манакова, Архангельскае, патом ишо там эта, а мы: Чабатаевка, Алейкина — эта наша старана. Вёсну праважать и Троица. <...> [Девушки] стаяли сматрели, плясали, каравод эта. Так весила была, танцы были. Ну, танцы ни как сичас. Кракавяк был, поличка, вальс. В лугах — там гармошка, там гармошка, в том каньце, вот так вот можит читири или пять дажи гармошкав. И у каждай гармошки каравод свой, *и* из разных деривень. Хто умеет плясать, тот и... Там на Чабатаавскую гору падымишься туда, луга-та видать, там как цвяток гарит эта разна собрана!» [КИД, КНИ, д. Алейкино; СИС Ф2008-02Ульян., № 101-102]. «Летам парни, де*в*ушки, вот у нас лужайка там, вон есть как в Кандарать-та выходишь. Тут была каждый бальшой праздник летней идут с гармонями туда, в самам пирвейшим наряди, нарядны. Эта на Троицу, на Паску. Эта гулянье, очинь бальшо*е* гулянье, очинь бальшое. Гармони, девки все нарядны! Вот там был*а* гулянье: ну, танцы, там пад гармонь плясали “падгорну” — вот эта вот гулянья, а ни игра как “в клёк” или “в крючок”» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-30Ульян., № 21].

Пляски на гуляньях объединяли молодежь из соседних сел. «Ходят в луга гулять за Суру вот за гармоними сколька, страшна! [Плясали] пажаласта, хошь ты выхади с катяковскай, и кадышивска — обе две. И падгариват частушки всякии. Ну, вот встричались артели, вот тут плясали — йих*а* артель и наша артель. Выходит гарманист, игра*и*т, плясать выходишь» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 64].

Причем совместные компании складывались даже из людей разной этноконфессиональной принадлежности. Так, в окрестностях с. Жемковка сходилась на Троицком гулянье как русская, так и татарская молодежь из с. Нагаево. Пляски устраивались в одном кругу, поочередно русские и татарские. А такие общеизвестные пляски, как «подгорная» или «семеновна», исполнялись вместе. «А уж вот Троица — пайдём в лес. Как гуляли, батюшки! Играли: балалайки, гитары, гармони! Все вмести сабирёмси, всей улицый и пайдём в лес. Бугор там, больна уж красива места-та у нас. И вот пайдём в этат лес плисать и эта всё... Вот то*ль*ка што мы, маладёжь. Прихадили и татары нага*е*вские, на Троицу. И татары тут с гармошкай са сваими дивчонками и мы. И вот плисали да пели всё. Ане па-татарски, а мы па-русски. Вмести мы [пляшем]. То*ль*ка атдельна ане тут играют на сваю гармонь — па-татарски, а мы на сваю. Все вмести. Вот мы так: стаим тут пляшим, патом ане начинают пад сваю эту, па-татарски плисать. Сначала мы как эта, а патом ане начинают плисать. А што мы стаим, все вместе. И “падгорну” плисали, и “симёнавну” плисали. <...> Там весила была у нас. И “падгорну” две девушки плисали. [Остальные] стаяли, слушали и выхадили плисали. Ане [=татары] тожи по дви, у них как танцы вот. Тоже ани пели па-сва*и*му, па-татарски, ну у них как танцы. Танцевали ане больна харашо. Ну, у них интиресна жи плесали» [ИМФ, с. Жемковка; СИС Ф2007-04Ульян., № 3-4].

Будничные вечерние собрания молодежи «на брёвнах» (см. *Гулянья*) также часто состояли только из плясок и пения. «Девки гуляли на брёвнах. Ни па дамам, а летам на брёвнах. Па всяки: и в будни, и в васкрисенья, вечарам-ти. Падходит гармонья, начынают играть, девки начынают плясать. <...> Ну вот, ани выходют: “Хто плясать?” Щас выходют девки, начынают плясать. А каторы припявать, садяцца, гармонь играит и припявают» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2004-02Ульян., № 3]. «Вот у двара там, у чьево двара, каравод этыт сабирёсси, девки, рабяты придут вечирам. С гармонью придут или там с балалайкай. Больши с балалайкай. Вот па улицам: эта улица свае, а та улица свае, тут Малый Завраг, тут Бальшой Завраг. Эта ищо там был свой каравод, а тут свой каравод был. Хадили [друг к другу], но то*ль*ка ни сидели. Так уж ни принята как-та была. Придём глидеть, паглидим да пайдём. А там свае пляшут и пают. Ну, если каторы так пабайчей-та, ане выйдут. Каждый в сваем караводи плясали. Ну, а рабята хадили-ти ка всем тут» [ЛОГ, РЛП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-27Ульян., № 105].

Плясали даже, казалось бы, в совершенно неуместной ситуации, которая вообще исключала возможность веселья. Например, во время тяжелого фи-

зического труда в войну, отнимавшего все силы. Эмоциональная разрядка, которую давала пляска, помогала быстрее восстановиться и продолжать работу. «Шутница тожи была — тётя Теша. Вот вайна была, вазили зирно на таратайках. Я работала, иду на выхадной, а мама вот едит с этай, с таратайкай. А на таратайки визёт ни знай два или три мишка, ни знаю сколька, ну визёт. Вот в гору-та я иё праважала [помогала]. В гору выйдут, астановюцца, петь ли бы нада была! А ане начнут. Вот адна-та — тётя Теша выходит: “Карма́нчики, кармано́чки, карман новые угалочки. Вышиты́и угалочки!” И плясать: “Вот пятка и насок, падкавыривай песок!” С галадкута. Ну, папляшут и дальше паедут» [КМА, КСП, с. Алейкино; СИС Ф2008-02Ульян., № 25].

Демонстрация элементов традиционной пляски в с. Астрадамовка. 2009 г. Фото И.С. Павлова

Пляска входила в число обязательных умений, прежде всего, для девушки. Это давало ей возможность активно участвовать во всех праздничных гуляньях и быть в числе наиболее уважаемых и значимых лиц в келье (см. *Играть в кельях*, *Сидеть в кельях*). Умение плясать относилось к социально одобряемым, оно выделяло молодого человека среди его сверстников, повышало его престиж. «Ну, если [девушка] и плясала, и ана скромная, плоха ни пазваляла, ну, канешна, этим девушкам цена савсем другая! Я самая плясунья была, “с выхадам”. Ну, с “выхадам” [=поводит плечами], “цыганачку” с выхадам» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 60]. «Были, были девчонки-ти, такеи, бойкеи. Хадили в клуб кампанией. Пляшут, плясали там, да. Ну, я-та вот ни больна плясала, слушила сидела. Ну, танцавала проста, а не плясала. [Бойкие] плясали. Их звали первыми. Ани славились. Ну, как-та ане такие висельчаки, пляску арганизавали. В клуб всё вот эта [ходили], гармошку всё время таскали. Кампанейски какие-та ани вот были. [Людей собирали], да, и вот висяло была. [Их] уважали, уважали» [ЖВМ, с. Сыреси; СИС Ф2007-02Ульян., № 28]. Наряду с этим иногда встречается и индифферентное отношение. «Ни цинилась эта, на эта ни абращали внимания» [САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-14Ульян., № 31].

Обучение пляске происходило с раннего детства, исподволь, в рамках традиции. Многие пестушки (см. *Тютюшкать*) включали в свой состав элементы пляски. Дети непосредственно присутствовали на всех праздниках и гуляньях, а затем совершенствовали свой опыт в хороводах и в кельях. «А уж я стала певунья, плясунья — о-ой! И под гармошку, и “семёновну”, и вобще. Вот мы, мы с двенаццат*и*, с десяти вот всё время в хараводе.

На балалайке вот я, я уже в каком учылась? В четвёртам. Я уже на балалайке играла» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 11]. «Вот у нас, у девак, у падруг, гармошка свая была, падруга играла. Ну, выйдим, бывала, летам ка двару, ну, вот топчимся. И вот, како [у меня] ученье? Было мне развитие такое. А ане [=подруги] не могли ни петь, ни плясать. А я и плясала, пратяжны пела...» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 61]. При обучении пляске применяли также и некоторые магические приемы. «Пад нашéстью пад куринай вот пляши, там и научисся харашо плясать. Пад нашестью» [ДЗП, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 76].

Девочки-подростки, овладевшие хореографическим и песенным репертуаром, получали право на равных принимать участие в развлечениях взрослой молодежи (см. *Играть в кельях*). «И вот мы сидели всё время на лавачки, уж для миня места всегда была! Как жи! Да ты што, я плясун ни зна*ю* какой! Да, в двенаццать лет. С сими лет [плясала]. У нас балалаешник был паринь, да армии, и вот бальшое бревно у баби была у двара. И вот он выходит и мы чилавек двинаццать дивчонак-та. Семь-восимь [мне] была. Вот он в балалайку играл, “падгорную” и вот перва*е*: “Вал*я*, спляши!” Сриди взрослых плясала, да. Песин многа знала. Вот так вот» [КВК, с. Чернёново; СИС Ф2007-04Ульян., № 47].

Пляска считалась в основном женским занятием. «Наше [=женщин] вот эти вот частушки, у нас назывался “падгорны”. Там гармошки! Тут игра*а*т, там игра*а*т! Все, знашт, пают, припявают, вот эта песни, пляска! Сколька была гармоней! Танцыв была мала, толька што в клуби, а вот эти песни, эта бизканечна. Ни такия песни пратяжны́я, а толька “падгорну”, частушки. Эт*а* всё женщины» [ПТС, МАИ, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 18].

В описываемый период пляска парней была редкостью. «Ну, раньши видь рабята-ти мала плясали, редкый-редкый, бальшинство то*ль*ка девки. А ка*г*да ищо мы были [молодыми], прям савсем мала плясали, толька што девки плясали. Редкый-редкый, если уж каторый умеит плясать, выйдит, а то бальшинство то*ль*ка девки. <...> [Парни] ни умели, завéту не была» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-5Самар., № 21, 23]. «Парни-те мала плясали, ане и не плясали. Мала плясали и припевали. Девки всё. Ни зна*ю*, ни умели, наверна, што ли? Стиснялись ли? Ни знаю, вот у Тимошиных бальшая келья-та была, я мала видала парни плясали бы» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 31].

Хотя, конечно, встречались и исключения, среди парней тоже были знатоки и частушек, и плясок. «Пели, каторый паринь-т*а* лучши девушки паёт “падгорну”-ту, всяких. Ане прям встают и пад гармошку пают, да, ане лучше девушки. Вот я вышла “падгорну”, он са мной. Вот он и эта, пир*и*гавариваимся. Вот и начнём, то вот я с девушкай встану, то с парним: “Давай я спаю!” Тожи многа частушик знают» [ААМ, с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 57].

Те парни, которые были хорошими плясунами, имели высокий статус в своем сообществе. У них, как правило, было много поклонниц, и они могли

матаниться (см.) не с одной девушкой. «Плясали [парни], были каторы. Из Кувая вот прихадили плясали. А у нас адин был, с дваццать шастова года, вот с маем братам дружили ане, старше нас на два года, вот уж он больна плясун был! Па-всячыски: пляшит, пляшит, пляшит, то*ль*ка воласы вот маненька атряхиват. Эта Колька Микишкин вот. Уважали эдакихта рабят, каторы, да, да, да. Хто играт: в гармошки играли, на балалайки играли. И в другоя сяло хадил он: и в Алейкино, у няво там и девки были, и свае тут девки были — визьде, [дружил] ни с адной» [АСА, д. Акуловка; СИС Ф2009-02Ульян., № 9].

Пляски и частушки замужних женщин отличались большей свободой, чем у девушек, которым приходилось учитывать общественное мнение, не одобрявшее слишком свободное и раскованное их поведение. «Ну, свадьба, там взрослыи, там кто гулял? Женщины, каторыи замужим. Каторыи ни замужим, йих да свадьбы ни дапускали. Каторая замужим, ана идёт гулять с мужим. Вот. Как ане гаварили? "Ну, мне ни замуж выхадить!" Видишь, как ани гаварили? Там: "Папляшу, патопаю, мне, чай, ни замуж выхадить!" Вроди, ана с мужим. Вот уж я вспомнила:

Ничево я ни баюсь,
Сбоку Ваня у миня!

Или там Петя или кто ли. "Ничево ни баюсь!" Вроди у ней уже защита есть. Ана уж ни баялась. А девушка, ана всево баялась. Как бы иё жиниху чево-та плахова ни сказали или париньку там, с каторым ана дружит» [ДКВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 31].

В глазах старшего поколения пляска незамужней молодежи вообще должна была характеризоваться сдержанностью. «Мнага-та видь и плясать-та зря тожи нильзя была. Вот у ней был больна голас хароший, ана пела эти песни, частушки, вот "сирьбирьянку" ана всё какую-та плясала. Иё так и звали "сирьбирьянка". Ну, иё прозвища была: "Ой, сирьбирьянка!" [с пренебрежением]. "Ой, замуж вышла". — "Кто?" — "Сирьбирьянка Машина вышла". Ну? Видишь, уже у ней нет такова пачоту. Канешна, всё-т*а*ки паскрамней была нада. Выдь, папляши па-скромниннькаму, но ана уже начнёт там па-всяки. И выгибаицца. "Кто я?" Туды-сюда, а вот выйдит па-другому. [Надо] паскрамней, канешна. [Парень] тожи вроди, ну: "Этат хароший больна парень, он такой"... Ну, он пляшит, например, паринь ни будит выгибацца так, как всё-т*а*ки женщина. Как-та ане больши придерживались, та*г*да раньши-та. Ну вот, был у нас адин плясун, эта жи старши миня пакаление, он песни пел и плясал харашо, ну ево и прозвище "утка Кокин". Видишь, яму уже прозвище. "А-а, утка Кокин" [с пренебрежением]» [ДКВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 28-29].

Хотя в послевоенное время отношение к более свободной и раскованной манере пляски было положительным. Девушкам не запрещалось дробить или плясать вприсядку, хотя последнее, все же считалось, более подобает

мужчинам. «Пляшут и па аднаму, и паринь, каторый плясун, выйдит, всяка-всяка. Ну, плясали и вприсядку, и выбивали чичотку. Зна*е*шь как плясали! А щас видь вабще ни пляшут. [Девушки] всё делали, всё плясали. И вприсядку плясали» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 31]. «[Девушки] каму нада, плисали [вприсядку]. Ничаво ни гаварили [=не осуждали]» [ДФИ, с. Лебедёвка; СИС Ф2009-28Ульян., № 23].

Некоторые различия в пляске существовали и с кулугурами. Их манера плясать была более строгой. «Кулугуры и пляшут, и пают эдак, но пасвоиму. Савсем иная. И напевы другея и всё. И музыка другая. Ну, "падгорна" — ана как и мы. "Цыганачку" ани ни пляшут. Эта йим бисчестья. "Русскава" пляшут. "Русскый" вот, как эта пириборы-та, ани как вроди в гуради вот, ни как мы вот с пратягам, а как-та вот атрывиста, атрывиста. [Дробить] ну, так штобы галава у них ни шаталась. Эт*а* бищес*ть*я. Ну, так все [=девушки и женщины], да, все, там все пляшут» [БИП, ГВИ, с. М. Барышок; СИС Ф2006-27Ульян., № 28-29].

Репертуар плясок на всей территории Ульяновского Присурья был довольно однороден: «подгорная», «семеновна», «цыганочка», «барыня», «русский», «елецкий». «У нас адно вот эта "падгорна". Вот эта частушки, "барыня", "симёнавна", "падгорна" — вот эта у нас. И патом ищо "пирибор" был, припявали паадиночки» [ПТС, МАИ, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 23].

Пляска, как правило, сопровождалась пением частушек и обычно проходила под аккомпанемент гармони или балалайки (см. *Припевать*). Если их не было, то для отбивания ритма использовали печную заслонку или ведро. «Ка*г*да я вот уж нибальшая был*а*, в келью пашла, та*г*да мала гармоньив-ти был*а*. Та*г*да вот в заслон или в вядро, в чаво-нибудь вот стучали» [ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 50]. «И пели, плясали. Частушки пели. А в чаво играли? В заслон» [БАА, ААИ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 19]. Или же имитировали голосом гармошечный или балалаечный наигрыш, это называлось *играть в ротову́ю*. «Всё я плясала: и "падгорную", и "цыганачку", и "йилецкава", там всё, всё, всё. И припявала, и хыть "барыню". У миня мужик был гарманист, и всё и мы плясали. А я всю жизню "в ратавую" играла всем бабам, плясали всё времичка. Вот» [КВН, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 44].

Характерной схемой многих плясок был перепляс с чередованием партнеров. Пока один плясал: дробил или просто притопывал под припевку, другой стоял и ждал своей очереди. По окончании куплета партнеры менялись ролями. «Раньши вот каторы умели плясать, те плясали, каторы ни умели, сидели. Сиводни друг пирид дружкай, и ламаюцца, и па всяки. А раньши выйдит девка плясать, или ана адна, или на пару выйдут, ани друг дружке припявают: адна-та припаёт, а другая — другоя атвича*и*т, вот. Ани две пляшут. И глядеть на них харашо. А нынчи чаво? Выгибаюцца, стаит перид мужиком, и па-всячиски... Я ни люблю вот эта» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-5Самар., № 22].

Наиболее популярной пляской была «подгорная»: сначала один танцор пел частушку и, приплясывая, обходил круг, затем так же пел и плясал второй. Эта пляска особенно широко распространилась в предвоенное время. «Ну, эта вот у нас называицца “падгорна”. Вызываит вот, адна пляшит, круг, кружицца кру́гам, а патом вызываит другую, садицца, втарая идёт. Вот так вот паачирёдна все. Бальшинство пачти все плясали раньши» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-01Ульян., № 43]. Подгорную плясали под пение специальных частушек. «Мы пляшим вот, ани нам играют:

Ты падгорна, ты падгорна
Широка́я улица,
Па тибе никто ни ходит,
Ни пятух, ни курица!
Если курица пайдёт,
То ана с ума сойдёт.
Выхажу и начынаю,
Выгавариваю да,
Выхажу и гаварю:
— Серые глазёнычки
Забили голаву маю»

[ЛПС, САП, с. Кадышево; МИА Ф2002-32Ульян. № 3].

Часто, рассказывая о плясках, употребляют слово «пели», что отражает синкретический характер этого жанра: в нем и хореографическая, и песенная составляющие играли одинаково важную роль. «Пели “падгорну”. Ну, там как иё паёшь? Например, выйдишь с девкай или с парним, спаёшь, например:

Ой, падружка мая Нюра,
Выхади выхаживай,
— Правда, Валя?
— Правда, Нюра?
Обе вместе:
Выхади выхаживай,
Делай Нюра па-маиму
За милкай ни ухаживай.

Начинат ана там петь. Ага. Апять спаёт ана там хыть:

Мой-та милачка далёка,
Он далёка за Масквой,
— Правда, Валя?
— Правда, Нюра?
Он далёка за Масквой.

Вот забыла как дальше» [КВН, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 45, 49].

«Вот у нас “падгорна” была, играли и пели. Если нет гармони, то “в ратавую” валила играла, ани плясали все.

Та-на ры-ры-ры-на и.т.д.
А вот ана и заиграла
Ва зелёныим саду,
Ищё пуще заиграла
У тибя, Катя, в рату
Та-на ры-ры-ры-на и.т.д.

[НМН, с. Кадышево; Ф2002-32Ульян. № 40].

Не менее популярной была пляска «русского» («барыня»). «Русского дробили» с частушками поодиночке, потом вызывали следующего. Кроме того, плясали “цыганычку”, “симёнавну”, “барыню”. Всё пад гармонь плясали» [НМН, с. Кадышево; Ф2002-32Ульян. № 41]. «[Цыганочку] и пад песни, и так можна. Кто пад песни, кто так. Падруга вот у миня была, ана пад песни, а мне што-та

ни нравилась, я пригаваривала, я дрели била пад гармошку. Ой, и гармошка, и баян! Всё видь была» [ДФИ, с. Лебедёвка; СИС Ф2009-28Ульян., № 19].

Многие пляски отличались друг от друга только текстами сопровождавших их частушек и типом напева. Например, определенный зачин имела «семеновна». «В гармонь-та играют, кагда гармонь играит, я пляшу. Пляшим, а патом начинаим апять петь, тожи хажу вкругавую паю, [притопываю]. Да.

Вот Симёнывна
Трава зилёная,
Паверьти, девушка
Я изминёныя.

А вот Симён-Симён
Тибя пают визде

Маладой Симён
Утанул в ваде.

Утанул в ваде
Па самы у́шицы
Ево пришли тащить
Две стару́шицы»

[КВН, КПТ, с. Кадышево; СИС Ф2000-16Ульян., № 17; СИС Ф2003-14Ульян., № 43].

Кроме общераспространенных существовали и местные виды плясок со своеобразными названиями — например, *по одной половице*, которая заключалась в движении, притопывая, танцоров навстречу друг другу и обратно. В отличие от большинства плясок, она проходила только под игру гармони или балалайки. Эта пляска считалась «прежней». «Я вот эта помню, вот ни оченьта нарушили [старые обычаи]. Вот, примерна, идёт дивчонка с этай стараны, а эта — с этай. Па адной палавички. Дашли, павярнулись и па новай пашли. Эта в эту сторану, а эта в эту сторану [на свое место]. Да. Эта проста молча плясали, па адной палавички шли. Вот так то*ль*ка шли. А руки вот так вот [на пояс] и идёт вот так. В сарафаних наряжины или юбки какии-т*а* там широки тама. Вот такая была пляска» [БПЕ, ЧМИ, с. Палатово; СИС Ф2000-05Ульян., № 52].

Некоторые местные пляски, например *ширма́ч*, отличались только исполняемыми при этом частушками, а хореографический рисунок оставался при этом таким же, то есть партнеры чередовались в пляске. «Ну, "ширмач*а́*" эта паёшь, как песни паёшь, то*ль*ка пад гармошку. Плясали, да, припявали. Эдак жи, ходишь припяваш да приплясываш. Спаёшь песню, приплясываш.

Ширмача́ бальша дарога,
Ширмача бальшой завод.
Там матаня мой работат
И миня с сабой завёт.

Ширмарско́ва, ширмарскова,
Ширмарскова на гаре,
Как зыграют ширмарскова,
Ни идут ноженьки мае.

Всяки пели. Вот я спаю, патом начинаю плясать. Вот. Патом другая паёт. И вот ходим друг за дружкай [по кругу] и пляшим» [ПМТ, д. Малиновка; СИС Ф2001-21Ульян., № 20].

Гораздо реже пляски проходили под сопровождение нескольких инструментов. Обычно так происходило на больших вечеринках, например перед свадьбой, или в клубе. «Ну, што, гармошка, всяк*а*я, зна*е*шь как*у*ю

музыку делали! Станут играть: гармошка, гитара, балалайки, мандалины. <…> И вот начнут, всё падла́диют и такая музыка — ни сплясать! Пайдёшь плясать. “Падгорну” плясали, “барыню” плясали, “симёнавну”, “цыганачку”. Вот такии вот были. [Танцы] “кракавяк”, “поличка”, “месиц”, эта, “вальс”, вот эта» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 29].

Пляска нередко могла проходить и под специальные плясовые песни. Характерная плясовая песня (типа «комаринской») бытовала в с. Чумакино. «Вот я всё вот йим пела:

Ой, хадила девушка
(вар.: девица, девчына) биряжком,
Заганяла селизня платишком,
Иди, иди, селизень до даму́,
Прадам тибя жидаве на радаву́
(вар.: жидавиду-радаву),

За три ко́пы селизня прадала,
А за копу дуда́рика наняла,
Зыграй, зыграй, дударик ва дуду,
Я ли, я ли сваё горе забуду́.
Пад пляску. Так вот,
кагда вечырам в караводи»

[ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 48].

Встречаются и другие традиционные плясовые припевки. «Кагда вот за сталом сидят, выпьют рюмычки по дви и начинам. Да. Эта плясали.

Я рябинку заламывыла
Са вады гусей саганивыла.
Са вады гусей саганивыла:
— Тига, гуси, тига, серы, са вады / 2 р.
Паганю я гусей сераих дамой. / 2 р.
Мне навстречу шол майорик маладой.
Начал шутычки заигрывать са мной.
За бела лицо пахватываит,
За праву ручку пахватываит.
— Ни хватай-ка, мил, за белая лицо,
Павстричался мне мальчишка маладой
[переходит на мотив «Калинки»]
Калинка, малинка мая,

В саду ягада малинка мая.
Павстричался мне мидведь ва лясу
Ты мидведь, мидведь, мой батюшка,
Ты ни трог маю кароưушку / 2 р.
Ни губи маю малодушку.
Калинка, малинка мая,
В саду ягада малинка мая.

Вот вставала я ранёшинька,
Умывалыся билёшинька.
Калинка, малинка мая,
В саду ягада малинка мая»

[КПТ, с. Кадышево; СИС Ф2000-16Ульян., № 13–14].

Пляска с «выбиванием дробей» требовала твердой поверхности. «Я говорю: у нашего двора трава не росла. Как ток был вытыптан, все плясали, танцевали, пыль столбом была» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-05Ульян., № 31]. Поэтому летом пляски часто устраивались на мостах, так как дроби «на зимле-та видь йих ни [выбьешь]». Над водой и на деревянной поверхности дробь раздавалась особенно четко и звонко. «А плясать-та хадили из клуба, там в двенацдать часов [закроют], мы сабирались и пашли на мост. У нас раньши знатите какии были масты! Пляшим, там раздаёцца, там же доски, а тутта нету ничаво, нам ни интиресна, нам нада где штоб… Напляшимся, дамой идём. Ну, раньши весила была. Всегда, кагда праздник, мы всегда хадили на те

масты. Праздник, играли там же на гармошке, там же танцевали. И танцы, и пляски...» [САИ, МНЯ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-13Ульян., № 45; СИС Ф2009-18Ульян., № 2]. «Парни с гармошкай прихадили. У нас вот тут мост был, а мост был диривянный, с пирилами, бальшой. Вот плясать как начнёшь! Пляски были, о!» [ЕЕА, д. Ростиславка; КПС Ф2004-19Ульян., № 89].

Порой плясали на любых деревянных настилах, в частности на телегах или фургонах. «Там жи доски, он жи, фургон, стаит на калёсах, там раздаёцца ни знай как! Вот у нас дядя на быках работал, у миня всё время у двара фургоны» [САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-13Ульян., № 45]. В отличие от пляски на земле, в кругу остальных участников и зрителей, пляска на телеге привлекала особое внимание к пляшущему, он становился объектом пристального наблюдения и обсуждения. Поэтому в таком месте решался плясать далеко не каждый. Иногда девушки использовали это обстоятельство, чтобы испытать своего кавалера. «Тилеги, да эти, "фургоны" эта называлась па-стариннаму. Он вот такой широкай, длиннай. Вот в них залезишь да плясать. Ну, всё там раздаёцца. Да ищо мала таво, вот паринь ни нравицца, штобы с нём пайти: "Если спляшишь в фургони, пайду". Он ни нравицца мне, а яму всё равно ахота са мной идти. И вот, мы гарманиста там: "Петь, сыграй, будит в фургони плясать, значит, пайду, ни будит, значит, нет". Кто ни нравился, вот мы над ними, сами нищи*и* были, а всё равно азаравали. Да видь маладыи были» [САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-13Ульян., № 13].

Пляска в особых обстоятельствах (например, ряженых на второй день свадьбы) отличалась замысловатостью колен и пародийным характером, что соответствовало типу поведения участников обряда (см. *Второй день*, *Ярку искать*). «Эта вот кагда прихадили "ярку искать", вот, в свадьбе. Тут,

Пляска свадебных ряженых. 1986 г. Личный архив Е.П. Кармишиной

канешна, искривлялись па всяки, хто умел шутить. И закинит ногу, и упáдит, и падымит и ноги, и валяцца, и на стол ляжит, па-всяки! Шутили вот каторы*и*. Да, чудили» [КИД, КНИ, д. Алейкино; СИС Ф2008-02Ульян., № 113]. «Вот на втарой день нарижались, эта хадили искали, как “ярка прапала”. Ага, нарижались и вот идут к жиниху. <...> Ну, кто как мог. В шабалы, кто в чуд*ную*, кто как мог в шабалы наряжались. <...> Песни пели. Частушки пели, в гармонь играли и висилились, и шли. Приплясывали шли. Ну, всяка же плесали. И руками махали, и плесали, и всяка, и кувыркались, как тол*ь*ка [могли] — весила была. <...> Чай, пьяныи были, трезвы разве? Пахмилились, уже пьяны. Изабражали всё, да, штоб смишно был*а*. Кто как мог, у каво чаво палучалось» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-03Ульян., № 132].

Такой же тип пляски характерен и для ряженых на святки (см. *Наряженными ходить, Коляду петь, Таусень*) или на петрово заговенье во время проводов весны (см. *Вёсну провожать, Шута хоронить*). «Ражаство праводишь, святки пайдут. Вот. Нарижались, я сама всё время нарижалась. Я нарижалась парнем, я плясать мастер была, па-рабячьи плясала всё в кельи. Ну, всё па-девичьи-ти пляшут, а па-рабячьи савсем па-другому. Ноги-ти ни как девка раскидываашь, а па-рабячьи. И вприсядку плясала, па всяки ноги-ти. Я нарижалась всё время» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-34Ульян., № 55]. «Наряжины-ти [плясали], ане, как надо, так и выдумывают. И матну песню даже запоют. Тол*ько* в шубах трясуцца, и всё, припрыгивают. [Пляшут] так, шутя. Кто чево выдумат, так мотают ногами, безо всяково ладу. Нескладушки. [Играли] вон трубу самоварну, стучат это ножом» [ЛЕН, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-36Ульян., № 91]. «Мы вот хадили Поля Нарышкина, я, Нюрка идём. Поля надела штаны, а адин сапог туды штанину-ту, а адни наверьх. Тоже эта я играю в ратавýю там кагда, если гармошки-та нету, играю, ана валúт пляшит, и ноги задират. И тожи над ней все смиялись. А народу пално за нами идут. Вот тяпло, знашь, бягут, стон, бывала, народ хадили» [КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 64].

В тех случаях, когда при устройстве пирушки на Кузьминки (см.), девушки наряжались «русалками», их пляска также отличалась от обычной. Плясали не по двое, а все скопом, выкрикивая частушки и стараясь перебить друг друга. «И пляска идёт [на Кузьминках] Тут уж нарижа*и*мся хто как. Эт*а* уж тут у нас как “русалки” называюцца: “Давайти русалкими!” Хто чаво. Какой махор хто наденит и все вот тучай, все кучай пляшим. Как на свадьб*и* пляшут все и мы эдак. Выходют, ну, там катор*и* сидят, ну видь ни все всё умеют. Каторы всё шутют, каторы умеют шутить, каторы ни умеют, ни знают, чаво сказать, ана сидит уж: девка хоть, паринь ли. Все уж [выходят], тол*ь*ка топают. Все, выходишь топа*а*шь да паёшь, хто чаво. Да, хто чаво, хто как суме*е*т. Все паём да и ладно. И частушки, частушки больши всё. <...> Эта [пляска] в талкýшку никак ни называлась, эта уж вроди как для шутак мы, смиёмся. Хто как суме*е*т жа» [ГАМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-12Ульян., № 97–98].

Хорошие плясуны притягивали к себе внимание всех присутствующих, их пляска была сродни выступлению на сцене, на нее сходились как на концерт. «Ва всех канпаниях, гулянках, все тол*ь*ка: “Нина, Нина!” <...> Бывала, тольк*а* заигра*и*т гармонь: “Нина, иди пляши!” Все за столом в умат [смеются]! Не было-та хорошива — пошла плясать. “Нина, мы уж тол*ь*ка тибя пришли глядеть! Нина, Нина!” Свадьбы-ти глядели видь раньши. Вот при́дут, у порога постоят. “Нина, иди пляши, тол*ь*ка тибя пришли слушать да глидеть!” Нина выплясывала. Ой, как соловей» [ЛНВ, с. Большой Кувай; СИС Ф2009-04Ульян., № 30].

Воспоминания о таких людях сохраняются десятилетиями. «Я помню, у нас вот два брата были, вот где я жила, эт*а* Заглядавка [=улица] у нас называлась. Два брата там жили и мать у них гарманистка, чуди́ла была. Вот адин играл на баяни, другой плисал. Вот сколька гадов — и у миня никак из галавы ни выходят. Вот тот на баяни-ти, младший, играл, выгаваривал пряма, а этат встанит вот так вот, руки за г*о*лаву — щас у миня в глазах — ноги расставит... Ну, щас Вася пайдёт! И пайдёт! Вот выплясывал, вот выплясывал! Всё, всё, всяки*и* эти выкидывал, всяки*и* намира. Нравилась всем. Схадились мы там на периулки, и все-все, вся маладёжь туды схадились, вся улица. Витька игра*и*т, Вася пляшит. Рты-ти разинули стаяли: “Айдати, Вася плясать будит щас!” [Его] уважали, уважали. И таво брата за баян уважали. Цинили [их], в пачоти были. [Девушек] адну браса*и*т, с другой [гуляет]. Я гаварю, щас мёртва, а, бывалачи, ой! Стон стаял! Весила была. Жили тижало, бидно, а висилее была, ни знай как щас» [ДФИ, с. Лебедёвка; СИС Ф2009-28Ульян., № 24].

Но не только пляска отдельных особо одаренных людей, но и любые пляски привлекали много зрителей. Это было для них и эстетическим удовольствием, и радостным эмоциональным переживанием, и возможностью обсудить увиденное с другими. «И гармошка, и баян — всё видь была! <...> Бывала, ищо мы делали, или на свадьби где или гулянка, мы всё маладёжь: “Вечар будим делать, вечар!” Так женщинав набьёцца полна комната, “глидельщики” эта у нас назывались. Ани умирали любили [смотреть] мы пляшим. Стаяли, полна изба набьёцца. Девчонки и парни [пляшут]. У нас модна эта было» [ДФИ, с. Лебедёвка; СИС Ф2009-28Ульян., № 21].

В послевоенное время и особенно с расширением клубной сети пляски стали понемногу уступать место танцам. Танцевальный репертуар Присурья ничем не отличался от характерного для других регионов России. Наиболее популярные танцы краковяк, падэспань, полька, вальс, ту-степ, «светит месяц», «на реченьку», коробочка. «У нас вот “поличку”, “кракавяк”, “каробычку”, “ту-степ”, “яблачка” — девушка с девушкой [танцевали]» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-5Самар., № 23]. «Там [на гулянье] маладёжь сваё дела делает: пляшут. <...> Ани сабираюцца, маладёжь, между сибя гаварят: “Давайти закажим, эта, “Залатыи горы”. Спают ане. Вальсок ли станцуют. Ане закажут всей артелью. “Ту-степ” да “падэспань” были танцы, “на ре-

ченька", "полька" — вот эти. Танцевали, да, да, да. "Семёновну", "подгорну", "русскаво" плясали, да» [КАД, с. Алейкино; СИС Ф2009-09Ульян., № 31].

Новые пляски и танцы обычно приносили парни, демобилизовавшиеся из армии и морского флота, а также приезжие горожане. «Любитили и парни [плясали], да ну и с прибаутками, с писнями. "Цыганачку". Ну, "цыганачку" плясали эта у нас вот с армии прихадили, с марскова флота. "Яблачка", как абычай был них, у маряков. И "русскава". [Русского] каторыи умели дивчаты. Дрели. Ну, из горада к нам приижжала тагда Валята, вот ана плясала [вприсядку]. Но ана гарадская, ана магла и эдак вот, тристись [плечами], мы-та дирибенскии, всё-таки атсталы люди ат гарадских, [поскромнее]. Дрели были, вот в перибивку. Кто перибьёт. Ну, вот эти вот марячки-ти, ани вот выбивали дрели-ти» [КИД, КНИ, д. Алейкино; СИС Ф2008-02Ульян., № 109–112].

Хореографический репертуар зависел от того, где проходили развлечения. Танцевали преимущественно в клубе как более «культурном», «городском» пространстве, а плясали на улице, где обычно проходили гулянья. «У-ух, мы плясали как! <...> У нашева двара эта "харавод" назывался. "Харавод" — тут вот я в балалайку наиграю, все девчонки сходились. И всё — и в клуб, когда кино. Кино кончилось, диваны [=стулья] раздвигали эти самые — и танцы до упаду, как говорицца! На танцах уже гармонисты [играли]. Вальс там вот, "краковяк", "полька", о-ох! <...> И после вот танцы заканчивались, и значыт, вот посли клуба все па хараводам. Вот у нас Камаровка [=улица] была, у нас какая Слабада бальшая была диревня! Эта вабще! Эта Камаровка, там уже край. В другой улице харавод, в Курмыше там — в другой этай улице. Всё толька по-за ветер раздаёцца, эта песни, припевали вот под гармошку» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 8, 10].

В отличие от плясок, которые были довольно просты и обычно быстро усваивались еще в подростковом возрасте, танцам приходилось специально учиться, поскольку они имели более сложную хореографию. Конечно, при этом выделялись и те, кому это давалось легко, и те, кто не мог освоить движений. «Вот у нас Тая вот ана, бывала, танцавать... Папанька мне гаварил: "Ну, научи иё танцавать!" Ана вот была как танк! Иё ни павирнёшь! Я гаварю: "Ты вот как встала вот в адно места и всё эдак. Пашла ты падальши!" И я иё ни магла, с места ни свалаку! А вот сястра дваюрадная, мы с ней и лёгкии были на нагу, мне, канешна, с ней легко и ей са мной. А каторая ана как танк, чево иё вадить? С ней устанишь» [САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-14Ульян., № 28-29].

Девочек-подростков, которые еще плохо танцевали, взрослые танцоры не принимали в общий круг, им иногда разрешалось потоптаться в его середине. «А на танцах, танцы были, девки нас большии швыряли, мы уж в круг, в серединке мы танцевали. Потому что у нас еще не получалось. "Крукавяк" вот эта. [Старшие] по кругу. Большой круг, значыт, эта всё такое, ну, а мы уж тут в кругу у них, штобы не мешали мы йим. Нам по читырнаццать,

по пятнаццать. Тоже нам уже хотелось танцевать, тут кружились мы» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-05Ульян., № 40].

Танцевали, так же как и плясали, больше девушки, а парни обычно были зрителями и ценителями их умения. «Парней мало танцевали. Парни сидят все, розглядывают, чево уж оне, ково розглядывают? Ну, некоторыи танцевали, некоторыи танцевали. А особенно только девчонки танцевали. Девушки, девчонки, вот эта всё, а парни мало танцевали. Которые вот танцевали, а остальныи вот толька сидели. Не умели. И не хотели. И не умели, и не хотели. Вот такии дела» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 10]. «И парни ни каждый танцавал. У нас редкый, очинь редкый. У нас танцавало два парня, вот Витька Аринин — Виршинин, и Лёша Микула. И Еня Багров, он и плясал, и танцавал. [Они] в клуби, в кельях нет. А бальшинство танцавали дивчонка с дивчонкай. [Парни] сидели и сматрели. Ни знай, пачаму ни танцавали. Можит, и абсуждают, кто йих знат. Мы видь йих, ани нас» [САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-14Ульян., № 30–31].

Если же парни принимали участие в танцах, то их поведение отличалось большей церемонностью, чем при пляске. Парни должны были пригласить девушку на танец, при этом обычно протягивали руку. «Ково я бы ни стал просить, протягиваю [руку], встаёт без всякова. Толька: "Розреши", — и всё. Или: "Давай станцуим", или "Давай спляшим". "Хочишь, давай". Нет [=или]: "Хочишь танцавать, давай станцуим, хочишь на пляску, давай плясать"» [ЧСИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-25Ульян., № 27]. «Ну, плясать парни уж начинают, девушку приглашали танцавали. Падайдёт, пазавёт и пайдут в круг. Ну, падайдёт скажит: "Айда, Маруся, патанцуим". Вот и всё. Пазавёт и ана пайдёт. Там сидят музыканты, а тут танцуют, пляшут. В лаптях хадили плясали. [Кончат] ну ничаво, все рассядуцца абратна» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 29].

Некоторые парни — хорошие танцоры — пользовались большим успехом у девушек, потанцевать с таким была рада каждая. «Плясать я ни умею, а танцавать я умел, танцавал. <...> Ну, у миня вот этово не было [=не отказывали], со мной таково ни случалась, могу похвалицца. Людей-то знают, толька ищо встаёшь, пратягиваешь руку, она уж встаёт. Она знат с кем танцуит. Смеяцца ни будут люди» [ЧСИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-25Ульян., № 27].

Как правило, девушки никогда первые не приглашали парней танцевать. «Нет, нет, у нас эта щитали за пазор. Мол, ана сама падашла к няму вроди таво и взяла яво и с нём танцавала. Вот дажидайся, кагда паринь пригласит» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 32]. Также было не принято танцевать девушке с женатым мужчиной. «И вот, знашь чево, вот щас же вот никто ни разбират, мужик он, парень ли. [А раньше] у-ух, если мужик! Ну, жанатый. Батюшки! Убежишь ат няво как ат палящево агня! Как эта, танцевать ищо с ним идти, с мужиком!» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 9].

Иногда парни демонстрировали особую деликатность на танцах. «Вот на танцы придёшь, ну тагда уж больна беднасть была у всех, если на тибе

уж какая-нибудь кофтачка чистинькая, там он уж ни этай [=ладонью] вот эдак абнимит, а вот так — тыльнай [стороной]. Штобы кофтачку ни намарать. И божи избавь, штобы што-та сказать плахова! Ни-ни-ни-ни» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 83].

Атмосфера веселья, сопровождавшая пляски и танцы, нередко провоцировала их участников на устройство разных забавных выходок (см. еще *Дразнить, Подшкунивать*). Некоторые особенно артистичные, творческие люди могли разыграть настоящее представление, чтобы позабавить окружающих. «То танцы [в клубе]. А танцавать, вот ищо чаво у нас была. Мы балавались. Ну, биднатá, нибагата жили. И вот придём, сидим. Гаварю, все пайдут на танцы, у каво хромавы сапожки, у каво што, у нас валинки. Придём, у адной белые, у другой чорные [валенки]. “Давай, ты адин мой чорный адивай, а я адин твой белый”. У ней чорный да белый и у миня чорный да белый. Пайдём танцавать. Ане: “Гли-гли-гли! Эта ане в патёмках абувались! Гли-гли-гли! Адин чорный, адин белый”. Ха-ха-ха! — над нами. А мы патом (быдта ни замичали): “А ба! Эта мы в патёмках, эта ты мой надела штоль?”. Все: “Ха-ха-ха!” — все хорам. А мы знаем прикрасна. А мы проста насмéшиваим, раз ане заметили. “Ха-ха-ха!” — глидят на наги. “Свету не была. Какой смех? — мы, знашт, гаварим. — Биз света надели, сапаги падходют и пашли, мол. А тут свет в клуби. Стали танцавать: чорный, белый”. Сами нарошна. Да краснаты насмиюцца. “Ниужта вы ни чуити, што ни твой сапог!” — “Ни чуили, надели да пашли”. А мы спициальна. То танкетку адну, туфлю другую. Танцавать. Дрыгаим. На азарство всё. Чаво? Маладёжь. Время штобы прашло смишно, вот и балавались» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-27Ульян., № 32].

Гармонист при случае мог показать свою власть и подшутить над танцующими. «Азаравал [гармонист], была дела. Станишь так плясать, он другую заиграит, штобы сбить. Да всяка была. Толька бы чё-нибудь нам. И мы ему тожи припивали всяка. В насмешку, ага. И он нам пел в атвет. Шутили, канешна» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2009-29Ульян., № 26]. «Гармонист толька знаити што можит сделать? Вот, примерна, он ка мне падашёл, я ни пашла [с ним]. Станит играть, вышла я танцевать, он играть бросит. Накажит. Да, и стой. Лучши ни выхади. Ну, у нас редка была» [САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-14Ульян., № 24]. «Или ани [=девушки] пляшут, он вазьмёт и бросит. Ну, штоб пасмиялись. Мол, вот я или ни люблю, или вы плаха пляшити. Чё-нибудь над кем-та, критику или што навидут» [ИИП, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 137].

Хотя, как правило, по отношению к гармонисту девушки демонстрировали подчеркнутое уважение, иногда позволяли себе также подшутить над ним. «А выйдим две, три выйдим на этат [круг]. А кагда вот “барыню” — все выскачим как эти. Най, глупы ищо были? [Играть] пиристанит, а распрыгались, ни слыхать. Ругáм гарманиста: “У нашивы гарманиста, чериз гармонь сапля пависла!” — начнём яму пригаваривать. Разругаимся.

Гарманист, гарманист,
Тонинькая шейка,
Падайду, па шеи дам,
Играй харашенька!

А он бросит. “Вот тибе ни харашо?” Бросит савсем. <...> Мы мачалки яму навяжим на гармонь. Бывала, сядит, мачала сзади привяжим к римням. Ну, он гаварит: “Ну, эта кто жи? Эта Налька нибось”. Я гаварю: “Ты што?”» [ЕАН, с. Потьма; СИС Ф2005-21Ульян., № 113–115].

Шутили также и друг над другом. Так, чаще всего подставляли ножку. «А то разви нет? Была канешна. Тагда жи видь не была вот свету да всево, чё была? В патёмках. Падставит, и упадёшь и всяка была. Плясать пайдёт кто, нарошна падставит ногу. Для шутки, шутили. Тагда-та как-та шутили, ну как-та тагда не была вот зла-та» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2009-29Ульян., № 28].

Хотя шутка не всегда сходила с рук ее инициатору и могла стать причиной драки. «Эта вот уж при мне. Девирь, он здаро-овый такой был. И дружил с адной дивчонкай. Он был гарманист, этыт девирь. И вот значит, к этай дивчонки-ти вроди, ну патанцавать хател или чаво ли, другой там ищо паринь, и яму нет-нет да ножку паставит. Он эта раз спатыкнулся, два спатыкнулся, падходит и гаварит: “Ты чево? Ты хочишь, штобы я иё уранил што ли? Апазорить? Ну-ка, — гаварит, — пайдём выйдим”. Ну, тут все зашубати́лись, гаварят: “Ну, щас Миша Ганин убьёт”. Он вот так вот яво схватил и гаварит: “Гавари, куда тибя закинуть?” Яво баялись все. Эта вот девирь мой» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 80].

Иногда недовольный или обиженный девушкой парень использовал пляску для мести. «Ну, если што вот, вышла плясать, гармонисту запретили играть. Ну, вот эта была. Ну, падайдёт [парень] и ему эту, гармонь-ту [зажмет]. Да. Ну и она пабигла. Чё? [Позор], ну конешно! Ну, как же? Ну, ана вышла плясать, вдруг, знашт, вот этыт сюрприз и сделают. Конечно, позорно. Хто [ее] обсуждат, а хто тово обсуждат. Это сделал, чё она? Можит, она и ни виновата, там, другой любит её, или чово. И он тут вот ревнует, она с нём не идёт. Ну, эта естествинна. Была эта всё» [БЮМ, с. М. Кувай; СИС Ф2009-01Ульян., № 15].

И.С. Слепцова

ПО КЕЛЬЯМ ХОДИТЬ

Обход келий был одним из обычаев, который позволял молодежи расширить круг общения, завязать новые знакомства и выбрать брачного партнера среди большого числа потенциальных женихов и невест (см. еще *Сидеть в кельях, Ночевать в келье, Матаниться, Гулянья, Масленица, Наряженными ходить*). Он помогал молодым людям сравнить себя со сверстниками и скорректировать свое поведение и внешний вид в

соответствии с принятыми в данном сообществе нормами, а также обогатить свой игровой, танцевальный и песенный репертуар.

В обходе сиделок участвовали взрослые парни, для которых это было способом заявить о своей зрелости и готовности к браку. Собственно целью посещения большого числа сиделок было знакомство с разными девушками и выбор невесты. Парни-подростки могли участвовать в обходе только на правах зрителей. «Ане идут там бальшии мущины (ну, ни мущины, парни-ти взрослыи), идут ане ва взрослую сиденку с этай с гармошкай. Вот у каво-нибудь гармошка есть, вот пайдут с гармонью-ту и к ним пристаёшь к этим вот. И мы пристаним, и мы пайдём, где-нибудь у парога атира*и*мся. Пасматреть то*ль*ка, да. Ну, выганют каторый раз» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-02Ульян., № 8]. Обязательным атрибутом артели парней были гармошка или балалайка, на которых они аккомпанировали девушкам. «Рабяты хадили па кельим, рабята с гармонями там, с балалайками хадили. В эту улицу сходят, в другую там, бальшиии-ти улицы если, там две дажи кельи, ни адна. Вот так вот, ане, знашт, ходят па кельям с гармонями там, с балалайками. Вот так занимались рабяты» [ЖИМ, ЖМС, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 29].

Обход совершался как в будние дни, так и по воскресеньям, различие заключалось только в количестве сиделок, на которые приходили парни. В будни они обычно ограничивались посещением соседних сиделок. Причем в своем селе парни часто ходили по сиделкам небольшими группами по 2–3 человека или даже поодиночке. В чужие же села в целях безопасности старались идти, собравшись всей артелью. «Ну, эт*а* зна*и*шь чево? И в артели-ти мы разбивались, артель тожи разбивалась. Ни вот тибе тожи все хадили. Каму куды нады. Сиденак, я вам гаварю, ско*ль*ка была. “Я нончи пайду туды, я нончи пайду туды”, — вот. Бывала, вот мы и в Малу*ю* [Кандарать] хадили, и в Выселки [=Стрелецкое], сабира*и*мся, у нас аритель-та была дружна*я*, мы как-та этава ни баялись. Хадили и в Канец, туды пайдём, кагда артелью-та сабирёмся, тут уж нихто, канешна. А уж здесь-та [=в Б. Кандарати] мы разбива*и*мся, каму куда нады. [В чужие села] уже артелью» [КАИ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-28Ульян., № 66].

Отношение девушек к «своим» (соседским) и «чужим» (с других улиц) парням заметно отличалось по степени церемонности. К чужим относились с подчеркнутым уважением, как к важным гостям: сразу же оставляли работу и усаживали их. «Эта в сиденки, в сиденки. Вот эта *и*спако́н веку вот эта велось, наверна, и видёцца. Вот при́дут к нам из Стрилецкай рибяты, вот атсюда в Кандарать, а мы: “Садитись, прахадити, садитись, садитись!” Наши придут — с места ни встаним, штоб пасадить! Вон в саседях паринь, напротив паринь — с места ни встаним. Што такоя? Ни знаю. А чужии: “Прахадити, садитись, садитись!” Я гаварю, придут выселскии: “Садитись!” Там придут завражны*и*, кандаратски*и*: “Садитись!” А посли сами с сабой разгаварива*и*м: “Эта што эта: садитись! Наши-ти ни хужи, а мы их — ни

садитись". Ни по́тчива*и*м садицца-та. Вот видь какая история-та» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 62].

Таким же проявлением уважения к парням, желанием доставить им удовольствие были пляска и пение девушек, которые одновременно преследовали цель понравиться возможным женихам. «Сайдуцца многа народу, больна рибят-та многа хадили, а нас вот чылавек семь сидят, девушкав семь, а при́дут йих трицать! Приходят к нам с гармошкай эти кавалеры. Вот "падгорну" и заставляют: "Припявай! Давайти припявай, давайти падгорну, давайти симёнавну нам!" <...> Вот мы выступа*а*м: петь, плясать, припявать, вот, частушки» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 82, Ф2006-38Ульян., № 62]. «Иза всех улицав па кельям ане хадили. С гармоньями рабята хадили, па всей улице, где келья есть, в каждай келье. То*ль*ка больши па васкрисеньям. А так-та хадили па близнасти сваи рабята знакомы. Уж ане каждый вечар хадили эта к нам. А эти вот с гармонью, эти из Засарья тут была два парня с гармоними. Уж ане хадили вот к нам первым. Мы, девки: "Санька, вы *г*де были што ли?" — "Мы нет, мы впирёд [к вам] пайдём, нам Талинька спаёт, а патом *ва* все кельи пайдём. Вот лучче иё никто ни припява*а*т". Вот ане ва-первых к нам, я им спаю, сплишу. Ане с гармонью как при́дут, тут же: "Талинька, давай садись припявай!" Припаю, плясать пайду. Вот, всё пляшу, паю, ане пасидят, пасмиюцца, пайдут в другую, в третью. Эта па васкрисеньям па всем кельям хадили. А гармонь-та! Ну, у нас была двухрядачка, девки играли плоха, ну всё равно пела я и плясала. А рабята хадили с харошими гармонями» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 69].

У девушек было также принято выказывать парням уважение, когда они собирались уходить, провожая их до конца улицы или села. «Бывала, пайдут, йих многа [парней] придут (у каждай жиних был), праважать йих. Из дама́ выйдишь, шалью накро*и*сся, артелью ани пайдут, кто парачкай идёт. Праводишь там да какех пирикрё*стка*, раздемшись, вот в этих платках. Всё, правадили. А патом там: "А, другая артель идёт, с гармошкай! Эта с Новай линии". Вот так. И йих встрича*и*шь» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 32].

Часто парни сами, желая подчеркнуть свою значимость, требовали от девушек провожания. «А он гаварит: "Девки, все правважать". У нас девки правважали, из кельи девак брали, правважали. Падцепют, идёшь с парням*и*, разгаварива*и*шь. Праводишь там да кох, вирнёсся. Вот. Всех из той кельи» [МЕЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 18-19]. Нередко вызывали только понравившихся девушек, с которыми хотели познакомиться поближе. «Если я панравилась: "Айда, правади миня". Другой апять: "Айда, правади". Так вот эта» [ЛВН, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 62].

Во время обхода сиделок часто происходили столкновения местных и чужих парней за внимание девушек (см. еще *Матаниться*). «Па всяму сялу. За вечир-та абайдёшь нескалька сиденкав. В Завраг сходишь, из Заврага сюды сходишь, и в канец туды, и к Гомилю сходишь, визде сходишь. Ну, были канфликты с теми парнями-ти с каторыми. Вот этих канкурентав

ни нада жи была тожи. Папугывали нас, где пайдёшь, в Завраги-ти атколотют» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-02Ульян., № 11].

Практически всегда это соперничество выливалось в групповые драки. «А в кельи-ти были, в кельи сидели. Вот щас приходют, видь из улицы в улицу хадили в келью, приходют, ищо сваи рабяты заривнуют, падымут драку. Лампы были, и лампу разабьют, и акошки разабьют. Всяка была, всяка. Щас приходют, если тол*ь*ка пришли та улица (из Пирламихи [=Проломихи] к нам рабята прихадили), наши рабяты заривнавали: “Пришли наших девак атбивать!” Утушили свет, мы кто куда разбижались, мы все кто пад кравать, кто на пичь забрались, рабята подняли такую патасовку, батюшки! Да разви мала эта была! Мнага эта была. Драку падымут, и акошки разабьют, и лампу разабьют. Девки утрам начина*а*м слаживацца, пакупать акошки или лампы» [РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 105]. «Здесь вот были вирьхóвы (я в девках была, я на Низу жила), придут вирьховы рабята на Низ, к низóвым, вот чаво-нибудь и расскандаляцца. Ну, в избе не была драк. На ул*и*ци-ти дрались» [ГМГ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 8].

Реже местные парни все вместе выступали против одного «чужого», в таком случае у него не оставалось другого выхода, как перестать ходить в это село. «Была, эта прихадили [парни]. Атсель [=из с. Чумакино] вот, из Пирламихи [=с. Проломиха] прихадили туды к нам. И наши хадили эдак жи вот. <...> Эта у нас саседка была, к ней вот хадил паринь из Чамжинки [=с. Чамзинка]. И атсель [парень], вот крайний там [дом], я забыла, чей он, хадил туды к ней же. Пришли [местные], агонь утушили, ланпы были, агонь утушили, и вот давай этава парня бить, он насилу убёг. А мы саседи. И он убёг к нам — у миня брат был сапожник, он долго сидел всё сапожничал — он на агонь-та и прибёг к нам. И тут и больше он и бросил хадить, и нивесту бросил» [КАФ, с. Коноплянка; СИС Ф2002-05Ульян., № 10].

В зависимости от того, какая артель парней оказывалась сильнее, складывались их дальнейшие взаимоотношения. «Были кельи, у хазяйки там эти маладыи дивчата, ани снимают и там сидят. А рабята прúдут там и, пабаявея, атбивали нивесту. А наши атганяли, ни давали йим [сидеть]. Выганят на улицу, начнут. Если пабидят, ани больши ни придут, а эти пасильней, ани [будут ходить]» [КАФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 59].

В 1950–60-е гг., когда девушки в кельях стали меньше заниматься работой, обычай посещать другие кельи распространился и на них. «Девки у нас умели играть на гармошки. Ни ждали, кагда придёт гарманист, сами играли, и плясали и пели, вот. Всё была харашо, весила, интиресна. В адной [келье] пабыли, паиграли, папели, паплясали, в другую келью падались» [ВПМ, с. Сара, ММГ Ф2000-03Ульян., № 141]. Составлялись большие компании молодежи, которые включали в себя участников нескольких сиделок. «Па всему селу [парни] хадили. В адну келью придёшь, насидишься, нахахочишься. “Айдати, девки, с нами, мол, ва втарую келью!” — “Айдати!” — “Куда?” — “Ай-

дати вот к этим!” Закрывают или аднаво аставляют и уходят в другую келью всех гурьбой» [ИИП, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 136].

Основной причиной посещения чужих сиделок было любопытство и желание продемонстрировать собственные достоинства. «Ну, хадили в клуб, а всё равно сиделки были. Уж гадов шас*т*наццать [нам] была. Тут пално, в каждай улицы пó дви сиделки были. Мы па всей Кандарати, в Стрелецкий хадили. Всё жи ахота паглидеть, сибя паказать» [КАИ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-28Ульян., № 34]. «А в чужом силе са всеми же вот. Чужое село всё-таки как? Кто их знаит, какии ани там вот?» [ИИП, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 136].

Пришедших принимали как гостей и относились к ним с подобающим уважением. «Всё бальшинство вот прихадили к нам из других кельив. Играли, у нас были сваи гармоньи, в каждай кельи свая гармонья, играли, плясали эти девки из той кельи плясали, и наших вызывали. Вот. Эта вот как ани в гости к нам прихадили. Кагда к нас свабодна*я* время, и мы хадили в другу келью. Нас тожи так встричали. Как гостий, да» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 4]. «Чай, и мы хадили: “Айдати, к Шубину в сиденку!” или “Айдати к Пугалавым в сиденку!” И пайдём. Ой, сажают, места нам асвабадят, сажают нас. Ну, мы придём, можит, на десить минут и тут жи уходим. Придём ни надолга, у них, как сказать, сваи интиресы в йихам памищении, у них сваи интиресы, а мы как в гости пришли. Пасидели, можит быть, минут десить, и десить нет, и пашли, кто биз жиниха, кто с жинихом — и пашли на сваю сиденку. Хадили, и к нам прихадили» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 63].

Одним из способов выразить уважение к пришедшим девушкам было приглашение их в пляску. «А уж вот кагда в кельи сидим (ну, так вот, ни святки, ни чаво), па адной пляшим: вот щас две выходим... Ну, сидишь-сидишь или вот из другой кельи придут. Из другой кельи придут как вроди приличия йим, этим девкам из другой кельи, начинаашь плясать: как вроди йих уж вызываашь. Да. Две пляшим. Эта уж мы пригаваривам так, пляшим. <...> Ну, стаишь вроди притопываашь. Да. Папляшишь, в сторану [отходишь], другая начинаат плясать. Ана уж сваи частушки паёт, какии знаат» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-13Ульян., № 2].

Довольно часто при этом происходило своеобразное соревнование в пляске. «Уходят в другую келью всей гурьбой. Давай саривнавацца, кто лучши пляшит. Вот» [ИИП, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 136]. «Хадили па кельям па другéм. Вот сабира*и*мся с гармошкай, гарманист там наш: “Айдати, Сашка.” — “Айдати, айдати”. Пайдём. Чылавек питьдисят набирёцца нас. Идём, толька шум идёт, паём как. “Вон идут, там, балчуги [=с ул. Балчуг] идут!” — там или кто там. Канаплянски ли. Идём, встрича*и*м, встрича*и*мся. Интиресна была. Зимой-та в дом заходим, пална изба, да. Пажалста, хто хатити [пляшите], хошь канаплянски, выхади, пажалста, любакá, хто жалатильна выхади плиши. Мы пляшим у них, и ани у нас пляши, хто хочыт» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 3].

Посещение чужих сиделок обязательно сопровождалось различными проделками друг над другом — например, договорившись, вымазывали когонибудь одного сажей, чем выставляли его на смех. «И рабят-та эдак, а ане нас тоже. И в другую келью — пайдут па кельям-та, кельив-та сто штук. То сажай, пайдут и [мазнут]. Скажишь: “Ни гавари!” Он ходит ни видит. Измазанный, да, нимножка-та яво. Ну, а патом уж там засмиюцца — как всходит в сиденку-ту — над нём засмиюцца, ане уж стали дагадывацца, што хто-нибудь у нас эта намазанный. Придёт и каланёт, узнаат. “Узнаю! Убью!”» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 66]. «Ну, азарничали вот, придут эти из другой кельи рабяты в келью, всё эта лампу утушут да ищо, пажалуй, вадой каво абальют. Ну вот, была. И сажай мазали. Сваи же, сваи сельскии, из другой улицы толька» [МПИ, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 31].

Иногда во время обхода устраивали и грубые выходки. «Акошки били! Вот так вы*й*дут артель-т*а*, кто камним кинит, акошка разбили. А кто знат? Никто ни знат, кто разбил. Всё, ане ушли. “Эй, шишиги, вы што там!” — хазяйка выйдит этава дому. Ну, чаво? “Ха-ха-ха-ха!” — “Вот эт*а* шишиги, вот эт*а* шишиги! Нада натварить!” Вот так и гаварили. <...> Спать лажицца, хазяйка гаварит: акошка вставь. Де*в*ушка идёт варавать в чужой дом, стиклянку выставлять. Ани спят, хазя*и*ва-ти, двайно-та акошка выставишь, принисёшь, вставишь. Бывала, ни калякали — на суд или чаво ли пра эта. “Ведьмы, ведьмы, дивчонки выставили акошка!” Вот так и так. А эта частенька акошки били. Вот. Зачем он? Сто*льк*а разуму! Чай, и щас хулиганы-ти натварят. Сто*ль*ка разуму» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 34–35].

Периодом, когда чаще всего практиковалось посещение других сиделок, были святки (см.). Обычно при этом молодежь наряжалась (см. *Наряжеными ходить*). «Мы, артель нас, девки все, падруги пайдём, пайдём в чужии кельи, нарядимся, бывала, видь святки» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 63]. «Вот “ваенным”, “парним”, перид бальшим праздникам эта нарижались. Парень нарядицца “девкай”, а девка нарядицца “парнем”. Ни в рванье, а в харошиньким. И ат кельи да кельи пайдут с писнями с гармошкай. Идут иза всей кельи, все. Кои наряжались, а кои ни наряжались. <...> И в дама [ходили]. Хто чаво падаст. Хто арехав, хто зёрнав [=семечек], хто папирос. Плясали да песни пели. Садяцца в круг да пают песни, пляска идёт. В трубу играют, в самаварну*ю* трубу. Ни всягда видь гармошка была» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 51–53].

В некоторых местах основным персонажем, вокруг которого организовывалась артель наряженных, ходивших по кельям, был *конь* (см.). «Бывала, нарижались. И ноч-ту в кельях сидели, “лошадь” сделают там как. Сами люди встанут, закроют ды идут па кельим-та ходют. Как вроди “лошадь”. [Заходили] Прям в квартиру, в келью-ти вот, ни то што в такой дом, а в келью, где вот в кельи сидят. Вот к ним захадили. Патопчицца па этим, как вроди в избе, да и пайдёт. Ни то, што там, мыл, хулиганить. Толька што патапталась в избе-та и пашла. [Наряжались] рабяты, рабяты» [РАИ, с. Котяково; СИС Ф2004-31Ульян., № 2].

Особую роль в святочном обходе сиделок играла пара *невеста* и *жених* (*молодец* и *барыня*, *кавалер* и *барыня* — см. *Барыня и кавалер*). «В святки наряжались. Там наряжалась пара: одна наря́дицца парнём, как мы звали "молодцо́м", а другая эта "барыняй". Ну, чево там: юбку, кофту. Раньши видь платьёв не было. Старинну, там, нарядну какую-нибудь: или красну, или жолту, там какую, у ково какеи есть. В цвятах — вот такой винец, тут цвятами, как вот когда замуж выходют, у нас вот, вот я надявала тогда винец. Ну, он, знашь, высокый, цвятами. Они как*ие-то* стружки, ни знай чево, всяки там. И лентыв тут [на затылке] навяжут, вот пучок. А "молодцом" наряжалась — просто надявала костюм и фуражку, как паринь. <...> Ну и вот, по кельям. Робята водют этих — пару, по кельям. Свое [ребята] вот, с которыми мы водимся, с которыми дружим. Мы — девык артель, они там — робят артель. Вот и они нас водют. А ведь если там одне пойдёшь, из другой кельи могут робятишки на*о*зоровать, избить могут. Ну, вроди, мы ни наши йим. <...> Из каждый кельи только одна пара [ходила], на другой день другая пара наряжа*и*цца. Эдак вот. Они, святки-те, двенадцать дней идут. Нынчи эти нарядюцца, на другой день — другии. По одной паре в каждай кельи. И по*й*дём по всем. В келью сходим там в одну, в две, в три, можит, в читыри — ну, сколь кельив есть. Придут вот, я ни наряжалась, ну, я ходила с наряжиными-ти. Придут, там попляшут, наша пара, што пришли. Ну, и уходим. Из другой кельи, после нас или вперёд нас, тожи пойдут повядут йих, тоже придут попляшут и домой. Ну вот. [Плясали] кто чево сум*е*ет. "Подгорна" была, тогда одна была "подгорна". <...> Все обойдут, ну, придут в свою келью, разрядюцца, умоюцца, и по домам» [ЛНП, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 9-10, 12-13].

Брачная символика этого обхода подчеркивалась тем, что парочка ходила с наряженным репьем, аналогичным свадебному, и так же тщательно охраняла его, поскольку сломанный репей означал для девушек бесчестье (см. *За веником ходить*, *Второй день*). «Ну, как "паринь" с "девушкай", наряжины, да. Ана тожи ни паринь — девушка, ана нарижацца "парним", а другая как "барыня" — вот, знашь, винок на ней. Там нарядют [репей] всякими лентами. Вот идут. А мы тожи с ними идём, всё. Ну, наше дела-та всё время ахранять. Ахраняли рипей из-за эта*ва*, вишь, ламают рипей. Другии, да, снаравят [сломать]. Апазорить, вроди. А мы идём, штобы рипья, штобы никто дажи пальцым ни тронит! Штобы вот ни дапустить сламать рипей. Ну, с рипьёмта [приходят], рипей паставют ево или држут в руках, "малад*е́*ц" држит, а вон эта пляшит. Папляшит, патом всё, песни спают, и дамой. [Плясали] ну, "падгорну", всякии эти прибаутки. Абайдём всё кругом и уходим в свой дом [=келью]» [ААН, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 1].

В некоторых местах главной целью девушек — устроителей обхода было набрать побольше керосина для освещения сиделок. «Эта мы хадили па дварам хадили: "Дайти кирасину", — вот дивчонки. Эт раньши была. Кирасин сабирали, в сиденку нам нада...» [КПТ, с. Кадышево; СИС Ф2000-

16Ульян., № 35]. В с. Кирзять заходили только в те дома, где жили парни. «Наряжались, у нас "святки" ходили. Кто как сумеет, штобы смешно было. Мы собирали керасин. По женихам. Каторы к нам ходят, ребяты, мы к ним. Это вот когда "святки"-ти ходят — вот они и щас святки-ти две недели — и вот мы нарядимся и пойдём собирать керасин. Ребята скажут: "Мамка, нынчи девки при́дут, припасити керасину". А ведь в сиденках сидели надо керасин, лампы жгли. Матиря́ уж припасают. Чиро́к там, у ково сколько есть. Мы уж с битончиком ходим. "Давай нам керасину. Твой паренёк к нам ходит и ему надо святло". Оне уж знают, дают нам керасину. О! Радость-то какая! Вот в святки. Две недели святки, вот один день выбирашь, воскрисенья или как ли, пойдёшь» [БРА, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 114].

Сбор керосина мог сопровождаться также выпрашиванием продуктов (см. еще *Кузьминки*, *Коляду петь*, *Таусень*). «Нарижались раньши, святки видь тут были, нарижались. Ну, в руны в какеи-нибудь, у каво платья старинны были или шубы выварачывали. Эта вот в святки хадили. Вот святки ищо были ат Раждяства да Хрищенья тут святки. Вот и нарижались. Раньши девки хадили па дварам, карасину прасили, в кельи видь нада, карасину вот на сиделку лампу жечь. У них битончык или бутылка. Ну, приходят: "Давай, хазяйка, давай". Вот увидят, где карасин стаит, ане бирут и выливают. Если увидали, где бутылка стаит, иё украдут, унясут. И плясали, и всё, хто чаво. Соль увидали, соль сабярут. Эдакый абычай был. Ну, проста шутейна што ли, чаво ли, ни знаю. Хлеб если, и хлеба давали, и спросют: "Давай хлеба нам". И па "цыгански" нарижались, и как "цыганы". Завярнут куклу, вот и ходют просят: "Давай кукли хлеба" или там чаво. Ну, хлебата дадут, чай, за вечыр-та съидят, пака сидят вечыр. <...> Ни адна группа, многа. Видь тут раньши в каждай улицы сиденки были или кельи, в каждай улицы. Например, вот тут наша улица была, наши девки сабирались, там другея девки сабирались хадили. В эти святки и хадили, пачти каждый день» [БАЕ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 61–64].

Как и у других ряженых, их поведение нередко включало элементы бесчинства и озорства (см.). «В святки "свято́шницы" наряжались, девки, вот кои в кельи сидели. Вот ане нарядюцца хто "мужиком", "бабами" там, "милицанерами", и вот па и́збам хадили. Как завядут чилавек пятнаццать йих, азарничиц, хто соль высыпат, хто кирасин из лапмы выливат, хто чаво. Хто спички. Соль, кирасин, спички, лучину. Карасин йим нада, сидеть нада. И вот ане эта всё сабирали и в келью. Ане брали сами ни толька, хазяина стаит где-нибудь в углу, прижался, баицца, как-бы яво ни атлупили. Ани всё делают, ну толька што камандывают, сразу всё цопают. Ну, йих ни знают, ане наряжины, всё закрыта. <...> Взайдут ане все, визде пляшут, куда бы ни взашли. Все вмести [пляшут], какой тут чорт адиночки. Пляшут и пают, и всё. Матирны песни пают, всяки. "В рот" играют, чаво больши-ти? Разайдуцца, толька глиди, кверху дном всё пиривярнут. Посли-та и ни разбирёшь, где чаво лижит. Всё ане сделают. Ане стол кверьху нагами паста-

вят. Время уж, как жи, святошниками...» [ССП, СОИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 2, 6-8].

И.С. Слепцова

ПОГРЕБЕНИЕ

П*огребение* — один из центральных этапов обряда похорон (см.), во время которого совершается церемония перемещения тела умершего на специальную территорию, отведенную для посмертного пребывания членов данного сообщества (*кладбище, погост*).

Гроб с усопшим не могли нести родственники или те, кто принимал участие в подготовке поминальной трапезы. Для этого приглашали либо соседей, либо людей, которые в данном селе регулярно участвовали в подобных действиях на похоронах, иногда за плату. «Вот, скажим, атца сваво дети — они ни далжны нисти. Ни паложина, штоб пакойника нисли. И вот, например, чилавек умир, я вот буду варить, я ни далжна падхадить к нему — к этаму пакойнику, яво там брать. Патаму што я буду гатовить» [ОМФ, д. Бахметьевка; МИА Ф2002-23Ульян., № 11]. «Раньши [спиртное] толька давали кто магилу роит и кто гроб делат. Ну, уж тут известна, кто магилу роит, тот и нисёт. Эта мужики делают. Завут. И нясут. Сваем всё, гаварят, ни паложина делать. Эта вроди, грех, гаварят» [СНА, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 73, 74]. Мужчин было принято нести мужчинам, женщин — женщинам. «Раньше на халсте насили, на палатеничнай материи. Вот их дарют. Вот, например, женшину шесть чилавек нясут женшшин — шесть платков вот атдадут. Каторы мужика [несут] мужики — платочки им павязывают на руки, насавыя платочки» [ВФЯ, с. Аксаур; МИА Ф2001-25Ульян., № 40]. «Крышку ат гроба несли у мущин мущины, у женщин — женщины» [ЕАК, с. Валгуссы; ММГ Ф2001-26]. Причем раньше носильщиков подбирали еще и по возрасту покойника: девушку несли ее подруги, юношу — парни. «Праважать идут за гробам. [Несут] у каво мужики, а девка умрёт — девки. Кладут иё эдак — как нивесту. Все бела надию́т: белый платок и вянок сделают из [бумажных] цвятов. [Парень], если он с ней хадил, то он пайдёт» [ЛНА, с. Палатово; МИА Ф2001-24Ульян., № 65]. Девушку хоронили в свадебном наряде, с фатой и ее несли на кладбище подруги [МАФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 54].

В последние десятилетия эта традиция была утрачена. «У нас раньши насили: женщина памрёт, женщини нисут. Ну, женщина, если ана низамужняя, например, стара дева, или [девушку] нисут толька такии жи низамужнии дивчонки. Если [парень], мужики нисут. Насили так, насили. А сечас уж вот эти года́, вот маму нисли уж мужики» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 14]. «У нас носют мужики. У нас мы адну то*ль*ка вот, даяркай работала на фирме, вот женщины мы нисли. Ну как ра-

ботница наша. Работала всё время с нами» [БВН, с. Жемковка; КПС, СИС Ф2004-46Ульян., № 12].

В Ульяновском Присурье гроб на кладбище было принято нести на руках. «Век у нас насили на руках. Век, век. И принята на руках. Мужики тащáт, всё на руках. А на лошади толька скатину возят. И на машини. И я яво [=сына] крепка прашу: “Сынок, милай, адно мне исполни, на руках атнисити миня! Я мучиница божья, всю жизнью эдак страдаю, мучиюсь, да я уж заслужила атнисти”» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 58]. Для этого использовались специальные полотнища-«полотенца» (*спуски, концы*), которые по завершении обряда оставляли на кладбище или отдавали непосредственным участникам обряда погребения. «На палатенцах атсель са двара несут. На палатенцах — и да церкви. А если уж ни в силах, то на лошади. А нито на пличах или на руках. А щас уж машину падгонют. Ну, раньши сваи палатенца, ткали. Копишь, как жи, палатенца-ти вот. Лижат, дажидасси» [БЕФ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 10].

В некоторых селах гроб могли нести на носилках, везти на повозке или, в более поздний период, на машине. В некоторых селах могли запрягать в повозку быков. «На лашадях вазили и на быках вазили» [ШМВ, ШЗВ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 30]. По дороге на кладбище путь за гробом обычно посыпали лапником или ветвями зелени. «Кагда вязут, ат двара да кладбищив, ки́дают или кустики, если во время, или ёлычки» [КРС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 15].

Во время шествия по селу процессия могла останавливаться у домов близких родственников усопшего. «Эта кагда вот нясут каранить…вот, например, нясут аттоль упакойника, мы вот выдем к дароги-ти, ани астановят тут, паставят гроб-ат, паглядим. И ани кагда и́дут их [=табуретки] сваливают, штобы пиреднии шли, не упали или заднии, кой нясут могут упасть чирез них. <…> Астанавливаюцца околи церькви и хто где встретит тоже астанавливаюцца. Вот если далёка упакойник-та, мы вот с саседкай ни дайдём, ноги балят у нас, а правадить упакойника нада, патаму шта то работали вмести, то сваи как-та маненька, вот так вот встретим, праводим» [КАЕ, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-43].

Следили, чтобы путь процессии не пересекали люди или животные. «Пакойника нясут, он ни пириходит, человек, чай ни глупай! Этава не была. Идёт сбоку. Машина если едит, и то астановицца. Гаварят, ни пириходют пакойнику. Нихарашо. Он идёт навечна туда. Эдак гаварят: “Вот дажидайся! Кагда лошадь едит, ниудобна, дарогу ни пириходют. Нихарашо, эта!” — гаварят. Куда бы либа челавек идёт — всё равно ниудобна. Можит, за делам за каким. Кошка, сабака — эта тожи нихарашо» [ЧАП, ЧЗВ, с. Коржевка; МИА Ф2001-28Ульян., № 77].

Было принято одаривать людей, встречающихся по пути, — *давать перву встречу*. «Кагда выносют усопшева, нясут яво в магилу или в церькву, вот кто идёт — эта перьвый, гаварят, папавшай, атдают шпу́личку нитак, или

платочык, и бакал или стакан с ложкай. Боле ничаво. Кагда из дома выносют, кагда пайдут ат варот, в эта время, хто встретицца, эдак и дают. Прям в платочки в малиньким, в насавой платочык завяжут эту шпуличку, нитка с иголкай и эта — стакан с ложкай или бакал. Радныи какия. Например, мой муж умир, у миня сястра есть или снаха — ана завязыват, кагда вынасить. Я ни завязы*ы*ваю» [ВФЯ, с. Аксаур; МИА Ф2001-25Ульян., № 38]. «Дают палатеньца перваму папавшаму. Вот пакойник лижит, и висит палатенца вот на стине [над головой покойника]. Кали вынаси́ть гроб, ёво свёртывают, выходют. Гроб панясут — перьвый если идёт, дают палатеньца» [ЧАП, ЧЗВ, с. Коржевка; МИА Ф2001-28Ульян., № 78]. «Вот кагда идёшь каронишь, вот ловют курицу, там перваму встречнаму атдают. Курица — эта “перва встреча”. “Перва встреча” там, на тем свети. Ловят, кто пападёт впирёд первай, навстречу кто идёт, таму атдают» [БВН, с. Жемковка; КПС, СИС Ф2004-46Ульян., № 17].

Тому, кто взял «первую встречу», нужно было молиться за покойного сорок дней. «Нада сорак дён малицца. Вот у миня умирал у бугалтира муж, я сорак дён читала Канун. Эт*а* душе атрада. Долга, час читашь, штобы Господь душу принял. Молимся, и в церкви молимся. А уж што нам там будит?» [КРС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 3].

При подходе к кладбищу процессия останавливалась в последний раз. К этому времени нанятые могильщики уже должны были приготовить могилу. Место для могилы выбирали «по порядку», то есть по мере заполнения пространства погоста, хотя при этом учитывался ряд обстоятельств. Для утопленников, самоубийц и колдунов на погостах некоторых сел существовали специальные участки, иногда расположенные за чертой кладбища, обозначенной забором или рвом. «Удавлинникыв, йих ни атпявали. На кладбищах, то*ль*ко в сторану, врозь йих клали. В угалке то*ль*ка, атдельна яво — вот он к севернай старане был паложин. Йих ни атпявают. А тут уж патом стара девка была, ана атпявала. Я гаварю: “Ну видь нильзя атпявать”. — “Стала быть, яво такая смерть. Как яво, гаварит, ни атпявать”. Вот читают: “Упакой бывшева...” На имя ни называют. И сорак крестиков нада падать, эта ат удавлинниката. Ну, кой абапьёцца, и яво атчытывают» [БРН, ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 129–132].

В более ранний период самоубийц погребали в отдаленном лесном овраге. «Эта там у нас есть яма, завут “У́вачыва яма”. Эта прежи, гаварят, эта мы ни знам ища, вот У́вач, видна-та, умир, и яво туды атвизли. И вот, гаварят, туды вазили уда́влинникав. Ну, эта далёка туды в лес, далёка. Ну, там касили, драва клали, яма-та. Ну, вот иё звали “у́вачыва яма”. И вот, гаварят, спирва-та туды вазили. И там йих зарывали зимлёй и всё, никаких грабо́в. А сичас у нас харонют удавлинникав тут, на кладбищах» [РТТ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 100]. «Эта вот мы *г*де жили на Бука*е*ви, на пасёлки, када миня мама учила жать. Да *а*беда мы с ней пажа́ли — а больн*а* урадил*ы*сь многа арехав. А там лес и есть пару́б. Ана г*а*варит: “Поль, айда в абед зайдём парвём арешкав”. Ну ани уже были гра́ни — такие жолты*и*, паспе́тыи. И мы с ней заш-

ли в лясок-ат. И я налитела — вот так*ая* вот эта, валялк*а* — ты знаешь што так*ое*, представляешь — “валялка”? Сплитён*а* из прутьяв и — “ход”, калёсы навирьху. *Охы*! Я г*а*варю: “Мам, эт чаво эта?” А окала этыева арехав — дапална! Ана идёт ды г*ы*вар*и*т: “Ты чёо *у*вида́ла?” Я г*а*варю: “Ды вот тут, глиди-ка, валялка!” А скрозь прутьев-та прарасла уже трава. Ана г*ы*вар*и*т: “По́ля, эта раньши, — а недаляко *а*враг, — раньши вазили сюды уда́вленных, Келе́йный *а*враг! И йих — вот он удавицца — и йих наклад*ы*вают на тилегу ли, а зимой — на валялк*у*. Валялку. И са всем апракид*ы*вают, са всем, с упряжкай, са всем, с ходам — на лышаде́ вяртаюцца дамой…” Вот. Ана г*ы*вар*и*т: “Вот йих са всем, с валялкай накрывали и ухадили, и уежжяли. Эт, — г*а*вар*и*т, — Келейный *а*враг — эт, — г*а*вар*и*т, — тожи туды вазили, точна!” Эта даляко — семь килом*е*трав. Вот *г*де мы жили, вот на этам пасёлки» [ГПМ, с. Чамзинка; МИА Ф2002-27Ульян., № 8]. «Ну, удавлинник*ы*в-ти ни харанили раньш*и*-ти на этим, на кладбищи. Удавлинникыв, утопленникав раньш*и*-ти ни харанили видь. [Отвезут их] в лес. Эта дела уж давно-давно, нас, наверн*а*, *и*ще не́ была. На лошади *ы*твязут и скинут трост*ы*чкай. А то *и* с павозкый. Я вида́ла две павозки-т лижала. Ага. Раньши, раньши — эт давно дела была! Вот эту Белу Дуню зачем увизли в лес-та? Ана удавилась там *в*он где-та, в лясу. И вот эт*а* дела Дуни — всё на эт*а* места ходют и всё, гыварят, эта: “Ана как водит, как плутат…” Вот па*й*дёшь в лес, ана так и так тибя заплута́т. Да. Ты здесь крикнишь, а звук в другим мести будит. Вы*й*дешь где-та, ни знай где вы*й*дешь. Заплутат…» [ГМС, ЗАИ, с. Проломиха; МИА Ф2002-27Ульян., № 81].

Родственники у могилы сразу после погребения. С. Чамзинка. 2001 г. Фото И.А. Морозова

В последние десятилетия утвердилось представление, что самоубийц можно хоронить на кладбище, как и обычных покойников. Но их обязательно нужно «вымолить». «Паринь вот маладой удавился, ну он пил. Удавился, а мать-та больна уж плачит. А вот Зинанька-та эта Назёмныма [=начетница] пачитала у ней: “Я, гаварит, взяла да памалилась. И вот, гаварит, мне сницца. Пришла, гаварит, в эту ночь, вот, гаварит, на руке у миня, гаварит, сидит, гаварит, как сабачка с хвастом, гаварит, с длинным. Эта гаварит, лукавый дух. И гаварю Тони: Тоня, больши малицца я аб Сирёжиньки тваём ни буду. Вот так и так мне приснилась. Бири Явангель и сама читай. Вымалишь ли ты яво, нет ли”. Всё гаварят, ровна, на три дароги нада выхадить в двянаццать часов. Ровна, так дарога, так дарога и так дарога [=перекресток], вот на ети три дароги выхадить нада в двянаццать часов. Вот в двянаццать часов выходят на ней.

А ровна, пшанца там брасают, чаво. Ну, трудна. Ведь эта, гаварят, все пазаде́ черти пают. “Вот, гаварит, как запают, эта воласы дыбам встанут!” И нада малицца и вот пшана там, пшинички ли кидать на ети на дароги. И, ровна, можна вымалить, ни знаю. Всё тол*ь*ка люди гаварят. А харонют как абычна, тол*ь*ка ни молюцца. Эдак жи в гроб кладут, так жи паминают. Мать разви ана ни памянит?» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 36-38].

Особые участки кладбища выделялись для случайно умерших в селе чужаков, которых родственники не смогли забрать на родину, а также иноверцев, в том числе и староверов. «У нас на кладбищах раньше клали кулугур в адно места, в адин угал. Вот щас у миня ане скаронены в адном углу, где кулугуры. Тут у миня ба*б*ушка мая — кулугу́рка, дочь вот к ней палажили, тожи, лёля-та [=крестная], кулугурка, Талокины кулугуры, ищо Макаравы Фёдар Михалыч кулугур. Кароче, вот ане весь угал кулугуры. <...> А магилы всё так же. Так же магила, холмикам, так же кресты — адинакаво всё, адинакава. Никакой разницы нет. Чай, у миня вот тут свёкар, свякровь, хазяин — три сразу креста. Ходим на кладбища то и дела» [МАФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 31].

В традиционной обрядности существовал обычай делать временные надгробия (крест, камень) для убитых на дороге или в лесу путников, жертв разбойных нападений или иных трагических случаев. О таких случаях много рассказывают, например, в с. Потьма и Кадышево. «Эти вон в этим, в Присланихи. Присланиха — село. Слышали Присланиху? Там вот на гаре раньше — эт давно же! — парень с девушкай дружили, и йим ни разрешили радители пыжиницц*а* пычаму-та. Пычаму — я ни знаю. Мне Настя рассказывала, эта гыварила, я уж забыла. Мы как-т тол*ь*ка разок в лес паехали, и вот мне паказывали: “Вот, — г*ы*варит, — во-он гара, ды вон и хрестики там стаят!” Ани ушли на эту гору и застрилились ли, чаво ли оба, и парень, и девка. Ни разришили йим пажиницца радитили. Атцовы ли, матирины, нивестины, жениховы ли, ни знаю, чьи радитили. Ну, скаранил-т йих, наверна, ни там. Там тол*ька* крестики паставили. А скаранили-т на кладбишшах» [АМИ, АПА, с. Кадышево; МИА, КПС Ф2004-11Ульян., № 93].

В последние десятилетия появился перекликающийся с этими традиционными практиками новый обычай устанавливать памятные знаки, иногда полностью имитирующие намогильные памятники, на месте автокатастроф. «Ставют, хрест ставют! Ставят *в*он па дароги-т, чай, визде, визде па дарогита вон. И раньши де*лали*, ну, были жи, но мала. Ну, раньши случа́ев-т таких вовсе и не была *в*ить. Эт щас на машинах-ти, на машинах. А тагда чао? Пишком хадили да. Ну, эта у нас в Кадышиви-та вон Иван*а*-та Хлынава, што ли, убили где в лясу. Там крестик што *ли*? Там и щас хрест. Окал*и* лесу убили яво тагда, и крест стаял. Кагда-т, давно-давно убил*и*, при царскай власти» [АПА, АМИ, с. Кадышево; МИА, КПС Ф2004-11Ульян., № 98].

Кладбища в данном регионе располагались на некотором удалении от селения, обычно в роще или на участке, засаженном кустарником и де-

ревьями, нередко на возвышенности. Погост обычно огораживается изгородью с большими воротами для входа или въезда похоронной процессии и специальными калитками для отдельных посетителей. Кладбище или овраг, куда раньше сбрасывали самоубийц и утопленников, могли называть татарским словом *маза́рки* [БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-04Ульян., № 39; БНИ, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 65; КМН, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-02Ульян., № 82], что характерно для названия погоста как в Ульяновской, так и в соседних областях Поволжья [СРНГ 1981, с. 294]. Существовали и местные эвфемистические названия кладбищ, основанные на местной топонимии и особенностях локализации погостов. «Эта в Коржевке гаварят: “На го́рычку атнесли”. А у нас раньше [кладбище] называли “за Микишов двор”» [БТИ, с. Чумакино; КАМ Ф2002-34].

Ворота при входе на старую часть кладбища в с. Первомайское. 2001 г. Фото И.А. Морозова

Из наиболее распространенных пород деревьев, высаживаемых на кладбище, можно упомянуть березу и сосну. «Вот сажали бирёзу. Хоть на сорак дней, хоть, можа, год прайдёт или, можа, сколька прайдёт. Кагда хто вздумат, сажали. Пайдёшь, выбиришь в лясу бирёзычку и пасодишь. Ана вырастит, бирёзка, на кладбища на магилки» [ЛНА, с. Палатово; МИА Ф2001-24Ульян., № 67].

Новая часть кладбища в с. Первомайское. 2001 г. Фото И.А. Морозова

Могилу рыли с расчетом, чтобы в ней поместился гроб, поэтому могильщики обычно заранее снимали с него мерку. В данном регионе не было традиции «подкапывания» могилы, то есть создания дополнительной боковой камеры для гроба или вещей усопшего, которая существовала у соседних народов.

Родственников старались разместить в семейном захоронении, так как верили, что если родных похоронят в разных местах, то они на том свете не встретятся. «Тут все свае пахаронены. Вот лижит мама, магилка мамина, а тут брат лижит, а тут вот Женю [=мужа] пахаранили. А вот эдак чериз магилку лижит сестра, сестрин муж и племянник лежит» [ДКВ, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-12Ульян., № 22, 32]. В экстренных обстоятельствах практиковались захоронения в одной могиле близких родственников, а иногда и подруг. По одному рассказу, сестра матери умерла в войну сорокалетней, и, поскольку в военную пору взрослых в селе почти не осталось, в ее могилу

поместили гроб ее близкой подруги, скончавшейся вскоре после нее. «Умерла, скаранили иё. Щас крышки делают домикам, а тагда крышка была вот так [=плоская]. <...> И памирла вскори иё падруга, ни чириз полгыда ли? И как раз эту падругу в иё магилу, в адну магилу класть. И вот в магилу спустился нянин сын Колька [=сын похороненной в этой могиле сестры матери]. А яму гаварят: “Ни аткрывай, видь нада апять атпявать будит!” <...> Вайна была, народу-ту мала была, маладёжь то*ль*ка была, ну и рядам с ней, в иё магилу, нянину. Падруга патаму шта. Ана вскори тут умирла. Ани ищ*о* малодънькии были» [МАФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 53].

Сочетание надгробных памятников разного типа в с. Вальдиватское. 2005 г. Фото И.А. Морозова

Прежде чем опустить гроб в могилу, его закрывали крышкой и забивали. «Я ат каво-та нидавна слышала: “У нас, — гаварит, — гвозди ни забивают”. Можит быть, малакандаратски читалки тут были, можит быть ане? Эта, мне кажецца, Лиза вот Исаева гаварила, мы стаяли рядышкам. Ана гаварит: “А у нас ни забивают”. А у нас забивают. Ну, там сколька — на баках па гваздику» [МАФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 52].

Перед этим родственники и близкие еще раз прощались с усопшим, которому освобождали ноги и руки «от пут». «Развязываишь, а как жи! А што он, спутанный там будит лижать, што ли?» [МЕЯ, с. Кадышево; МИА Ф2002-29Ульян., № 86]. При этом старались ничего не передавать через гроб, чтобы ничего не потерять. «Через гроб, гаварят, не передают ничаво. У нас не дают» [ЧНВ, с. Коржевка; КАМ Ф2002-46]. Иногда при этом тайком брали из гроба нитку от савана или кусочки ткани, которыми связывали ноги и руки покойника, чтобы использовать их при лечении и ворожбе. Существовали также практики подкладывания в гроб вещей, которые просили недавно умершие односельчане у своих родственников (см. *Вещие сны*), поскольку считалось, что если не посылать на тот свет то, что попросит покойный [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 11], то он будет постоянно появляться во сне и «мучить» своих близких.

Затем гроб аккуратно опускали в могилу на полотенцах (*спусках, концах*), которые либо сбрасывали в могилу, либо, вытащив из-под гроба, дарили могильщикам, читалками и другим участникам похорон. «Шесть [человек], три палатенца, да. На палатенцах [опускают]. Их патом дамой забирают, хазяин. Выстирашь, паложишь, лижит. А каторы разрывают, раздают прям на кладбищах. Режут там па метр там, па ско*ль*ка ли и вот раздают» [БВН, с. Жемковка; КПС, СИС Ф2004-46Ульян., № 13]. «На палатенце апустют, а патом разрязают, кто магилу рыл, па метре дают. Каму ско*ль*ка дастаницца. Два канца па чатыри метра» [АВД, д. Ростиславка; СИС Ф2004-33Ульян., № 119].

В последние десятилетия возникла традиция хранить полотнища «до следующего раза», а не раздавать их участникам погребения. «Раньши на палатенцах на даматканых насили, раздавали. Да. Кто нёс, тем давали. А щас ни раздают, щас нет! Сечас, вроди, вримина какии-та паминялись, дамой нясут. Пастираишь и апять прячишь» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 15]. «Каво каро́нют, каньцы́-ти — несут на каньца́х-ти, на палатенцах-ти — хто и там раздаёт сразу, если чувствуишь, што больши ни нады йим, а хто нисёт дамой для сле́душшива раза. У нас храняцца вот, тётку харанили адну, каньцами этими насили, няньку вот каранили, Веру каранили, этими каньцами насили. И ани у нас щас. Проста лижат ани у нас в доми. Абезательна нада пастирать. А раньши-раньши ткали для сибя спициальна, каждый дом, халсты были» [КЕМ, КЗМ, с. Коржевка; МИА Ф2001-29Ульян., № 34]. «Спуски хто в могиле оставит, хто домой возьмёт. Хто как. Хто выстират, положит: "Ага, вот я умру — меня понесут!" Хто в церковь отдаст» [КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-17Ульян., № 52]. Иногда полотенце вешали на крест (с. Беловодье).

Рытье могилы в с. Араповка. 2009 г. Фото И.С. Павлова

В могилу сбрасывали различные предметы, использовавшиеся при транспортировке тела на кладбище. «Ну, толька што вязут на машини, если чаво падстелют пад гроб, эта туды [=в могилу] ки́дают. Ну, хто багатый, харошинька адьяльца пастелют, пад гроб на машину на́ пал. А кто бедный — или ёлачкав накладут пад гроб, или сыре́ни во времята. Сырень [в могилу] ни клали, выкидывали. И ёлачки. А вот што уж падстила́цца из тряпак, туды, в магилу, клали. Гроб апустют, зарывать станут и туды ки́дают» [КРС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 14].

Перед тем как могильная яма будет засыпана, все участники должны были сбросить в могилу горсть земли. «Начинают [могилу] заваливать. Сколька — хыть я, хыть любой — и кажный вазьмёшь горстку, кидашь туды, в магилу, землю» [БЕФ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 18]. Существует поверье, что надо бросать землю в могилу с определенной молитвой. «Пакойника каронют, вот зимличку кидают. Тожи, гаварят, ни нада кидать, если ни знашь малитву. Вот эта самая тётя Поля эта гаварила. Вред, да. Вроди, в глаза яму кидашь землю» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 32].

Если не удавалось отслужить молебен, по возможности старались привезти *отпетую*, то есть освященную в церкви землю, взятую с могилы в

день похорон, и посыпать ею место захоронения. «Едишь на́ старану там за нескалька киломитрав и эту землю, каторую атпают, иё в избу ни заносишь. Иё аставляишь там на дваре. А кагда пайдёшь на кладбище, хрястом вырыишь (памитник стаит эдык вот), и туды зимличку сыпишь, и зароишь» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 117].

В могилу самоубийц часто помещали емкость с водой, чтобы прекратить засуху (см. *Молить о дожде*). «Вады, наверна, ставют. Паллитра вады. Вот эта толька, наверна, к утоплиникам. Да, вроди, так. "А, батюшки, — гаварят, — а вады-та ни паставили бутылачку", — гаварят. Вот кагда утоплиники, вады ставют» [ШЕП, ЛНП, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 125].

Крест на могиле устанавливали в ногах покойного, чтобы, воскреснув в день Страшного суда, он мог на него помолиться. В современных версиях обряда на крест и на могилу вешают и укладывают венки и ленты с посмертными пожеланиями усопшему, а также устанавливают деревянную или металлическую изгородь вокруг могилы — ограду. «У нас магилку харашо делают. Хоть кто памрёт, всё харашо делают. Кой сразу, как скаронит, и на другой день аграду сделат, иё пакрасит. Раньши мала аграды делали. Раньши сроду ничао ни ставили, толька хрёст — и всё» [ЛНА, с. Палатово; МИА Ф2001-24Ульян., № 66].

Некоторые особенности некогда были характерны для захоронений староверов. В частности, на своих могилах они часто не устанавливали креста. «Хоронили [кулугуров], в общим, где всех харонют, тут и захаронили. Вот старички, иво друзья, приехали, ево как читыри старичка взяли и никаму ни дали. <...> Бабушка вот вилела крест паставить на магилу, а дед гаварит: ни нада. Без креста. Вот деду мы не поставили, а бабушке поставили. Ана сказала: "Эта уж на ваше усмотрение". [Дед так объяснял] Вроди, тижело здесь нести "крест" этот жизни, и там штобы держать этот крест. Я так понял. Я ищо был пацаном. Вот так он объяснял» [КМВ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-12Ульян., № 12].

Кресты с «крышкой» на кладбище с. Вальдиватское. 2005 г. Фото И.А. Морозова

В данном регионе распространены как кресты «с крышкой», так и другие варианты восьмиконечных и четырехконечных крестов. Кресты «с крышкой» — это более старые варианты намогильных памятников, характерные для уцелевших захоронений 1930–1950-х гг., а также для более новых могил, в которых похоронены старики. В некоторых селах кресты такого типа считаются «женскими», поскольку напоминают голову женщины в платке, хотя эту интерпретацию, скорее всего, можно считать поздней. «Старая форма — с крышками. В Чумакине и па сей день делают с крышками кресты. [В Черемушках говорят, что] с крышками кресты — эта женские. Если эта вот пакрытый крест, то эта женский крест. Как симвализирует эта платок, што женщина далжна быть с пакрытай галавой. А если

без этай крышички — эта мужской крест. А вот у нас этава нет» [МЗИ, с. Коржевка; МИА Ф2001-30Ульян., № 65].

На современных могилах устанавливаются стандартные металлические кресты, изготавливаемые кустарным способом или на специальных предприятиях, обслуживающих погосты, а также «каменные» плиты из мраморной крошки, искусственного гранита или мрамора. «Щас видь ставют памитники. Эта што ставют памитники? Эта для украшенья. А он ничаво не даст. Мы жи ни мрамарнай даской просим Госпада Бога, а крестом. Вот и должин он над нами стаять толька крест, а ни памитник. Паставют на нас эта вот плиту. Эта роскашь, па такому-та. Друг пирид дружкай. “Ой, эти какой паставили памитник! Батюшки, заглиденья!” Ну а што заглиденья? А ни вспомнют а том, што он заслужил, а што ему на том свети будит?» [ДКВ, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-12Ульян., № 36].

Похороны в с. Сара. 2006 г. Фото М.Г. Матлина

Могилы обязательно огораживаются деревянной или металлической изгородью, внутри которой обычно устанавливается столик, за которым совершаются календарные поминовения усопших (см. *Пасха, Троица*). На могилах принято высаживать цветы, кустарники и деревья. У креста или надгробного камня обычно выкладываются различные приношения для усопших или «для птичек» (пасхальные яйца, просвиры, конфеты, выпечка), которые нередко являются добычей для «побирушек», детей или собак. Надгробный крест принято устанавливать в день похорон, а через год после погребения (см. *Поминки*) устанавливают намогильную плиту. Во время календарных праздников (см. *Вознесение, Пасха, Троица*) на крест в некоторых селах принято вешать полотенца, венки, ленты.

После завершения церемонии погребения у могилы на некоторое время задерживаются могильщики и близкие родственники, руководящие церемонией. «Вот кагда уходют, например, пращаюцца. Дапустим, вот стаит крест. Вот с этай стараны вот так абходют, падходят к кресту с задней стараны. Пацалуют или пакла́ниюцца. Это как бы цылуют самаво челавека в ваабражении проста. Как вот в церкви цалуют икону, крест. Вот и эта точна так жи. Кто цылуит, кто кла́ниицца: “Прасти, Христа ради! Пращайти!” — и всё. И уходют» [МЗИ, с. Коржевка; МИА Ф2001-30Ульян. 61].

В с. Кадышево церемония прощания включала обычай «караулить покойного» —укладываться на могилу и утешать его, сообщая о своем присутствии. «Крест ни цалуют, у нас круго́м ходют. Яво зароют, кругом абайдут, перикстя́цца: “Аставайся, Бог с табой!” — *и* пашли. У нас все, хто пайдёт,

абходют па солнцу. Все кряду. А младши-ти ни пайдут, и ни ходят. Раньши хадили, а щас нет. А патом у нас астаюцца на кладбища два чылавека. Хто астаницца: “Идити, я астанусь яво караулить!” Лажисся — я аставалась же — лажисся на магилу галавой. Ни на руку, а на землю так. У галавы эдак, вроди, што ли? И слушашь, чаво там дела*цца*: “Ни бойся, ни бойся, я здесь!” Вот. Слышна, зимля ли садицца, гул какой-та. Ну, хто будит долга лижать? Пака ане ушли, как дашли маненька да аграды, аташли, и ты встаёшь. Што долга-та будишь лижать?» [МЕЯ, с. Кадышево; МИА Ф2002-29Ульян., № 82–84].

После завершения обряда погребения процессия возвращалась в дом покойного, где совершались заключительные действия обряда похорон (см.). С обрядом погребения связаны верования, отразившиеся в повседневных практиках (см. *Покойник снится, Вещие сны*) и в календарной обрядности (см. *Пасха, Троица, Вознесение, Шута хоронить*).

И.А. Морозов

ПОВОЙНИК ОДЕВАТЬ — см. Свадьба, Покойника убирать

ПОГАНЫЕ КУСКИ ДОЕДАТЬ — см. Пост

ПОДШКУНИВАТЬ

Словом *подшку́нивать* в Присурье обычно обозначается подшучивание, розыгрыш, шутка в широком смысле слова (см. *Шутить*), а в некоторых ситуациях также легкая, беззлобная насмешка. *Подшучивания* — это форма игрового поведения, тип шуток, целью которых является вовлечение окружающих в неформальные игровые отношения, а также дружелюбное заигрывание или подтрунивание. «Любила я падшку́нить над кем-нибудь. Ну, падшутить вроди, пасмияцца. Гаварят: “Падшку́нили над ней”. Патом смиёмся. А чо за слово? Разабрацца, ано где написана эта слова? Падшку́нить. Эт*а* чаво эт? Падшутить, да, падшкунить» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-01Ульян., № 76]. «Вот эдак станишь падсмеивацца, скажут: “Ну, хватит тибе шутить, чаво ты падшкунива*е*шь”» [МВД, с. Котяково; СИС Ф2004-05Ульян., № 20].

Широко распространенной разновидностью подшучивания является *розыгрыш* — игровая акция, инициаторы которой получают моральное преимущество при помощи обмана или подвоха. Цель розыгрыша — подшучивая над кем-либо, одурачить его, а заодно и поднять на смех, то есть элементом розыгрыша может быть насмешка. Розыгрыши применяются в самых различных жизненных ситуациях и с самыми разными намерениями и по сути очень близки к загадкам или «трудным задачам», задаваемым молодым на свадьбе (см. *Свадьба, Второй день*). Инициаторы розыгрыша обычно не стремятся скрыть свои действия и открыто предлагают оппоненту поучаствовать

в каком-либо предприятии, которое должно выявить его осведомленность. Смеховой, комический эффект розыгрыша заключается в выявлении зрителями (наблюдателями) несовпадения целевых установок исполнителей акции и ее организаторов (они нередко одновременно являются и зрителями). Исполнители обычно попадают впросак, в приготовленную им ловушку и бывают за это осмеяны и наказаны (их, например, обливают водой или вымарывают сажей). Близкой, но существенно отличающейся по прагматике формой игрового поведения является также дразнение (см. *Дразнить*).

Так же как и озорство (см.), с которым они во многом перекликаются, подшучивания и розыгрыши часто имеют архаическую основу, уже не осознаваемую самими носителями традиции. Но в отличие от озорства, они обычно направлены на конкретное лицо (реже группу лиц) и, как правило, окказиональны, не имеют календарно-обрядовой привязки и обрядовых целей, то есть не ставят перед собой задачи изменить окружающую реальность при помощи ритуально-магических действий. Кроме того, они не причиняют человеку какого-либо существенного материального или морального ущерба. Напротив, они часто имеют дидактическую (обучающую) направленность, то есть адресат подшучивания или розыгрыша получает в результате некую практическую пользу — новые навыки или новое знание.

Подшучивания и розыгрыши были включены как в праздничный (см. *Святки*, *Масленица*, *Провожать масленицу*, *Вёсну провожать*, *Свадьба*, *Гадания*), так и в повседневный быт (см. *Тютюшкать*). Они были органичной частью многих молодежных развлечений и игр, а также являлись отдельным видом забав, практиковавшихся на посиделках (см. *Играть в кельях*, *Кузьминки*). У девушек взаимное подшучивание часто проявлялось в форме особых частушек-«соперниц» (см. *Припевать*).

Нередко на употребление подшучиваний и розыгрышей в быту влияли имущественное положение, а следовательно, и социальный статус индивида. Так, девушка, склонная к веселью и шуткам, не решалась подшучивать над другими, опасаясь, что ее одернут, поставят на место, укорят бедностью семьи. «Я лютá*я* [=озорная, веселая], ну шутить я ни любила. Пачаму, я вам скажу. Станишь гаварить, скажут: кто ты? Нища*я*. <...> Канешна, каму-та, я ни зна*ю*, можна чево-та сказать, но у нас друг над дружкай ни шутили, патаму што всё принималось всирьёз и сразу скажут: “Ты чево, сам ты кто?”» [САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-15Ульян., № 49].

Объектом подшучиваний часто становились слабые, слишком доверчивые, иногда наделенные какими-либо изъянами люди, которые не могли соответствующим образом ответить насмешнику и тем самым давали тому возможность оказаться в более выигрышной позиции, выглядеть более остроумным, ловким, находчивым. «Ну, шутки-ти шутили все. Катора девка што-нибудь или паринь ни так развитай, эта вот над ними падшучивали. Вот так вот. Ну как-та ни мог, к примеру, за сибя пастаять, эта абизатильна

яво клюют» [БРН, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 10]. «Например, у нас одна всё принимала за чистую монету, что ей скажешь. Вот пришли мы, например: “Поставь самовар, Марина, поставь самовар”. Самовар стоит на кухне, вода стоит на крыльце. Она кружкой таскает туда. Один парень говорит: “Ну, ты чё оттуда таскаешь, нам тебя не видать. Ты поставь ведро сюда [ближе] на крыльцо”. Она приносит ведро, ставит на крыльцо. И продолжает таскать кружкой. Ну, все лежат! Вповалуху лежат все. Их замучивали таких, конечно. <...> Она всё принимала за чистую монету. Вот есть недостаток. Она сначала сделает, а потом дойдёт. “Ну, зачем меня просмеяли-то?” — скажет, например. После. “А ты не поняла? Тебе нарочно сказали”» [ПВМ, с. Студенец; СИС Ф2007-04Ульян., № 88, без транскрипции].

Подшучивания часто были направлены на людей, легко раздражающихся, не обладающих чувством юмора и не умеющих поддержать шутку. «Ну, смиялись, канешна, госпади, ни без этава. А друг над дружкай там эта всякая бывала. Да и сичас вон пално. Если ты ни знаишь, што ативетить, то заклюют. Или так, вот такой мужик, например, каторый ни принимаит шутки, то эта яво замучают. Он принимает эта к душе, расстраиваицца, вот. Начинаит ругацца, а тут эти смиюцца. Ну и всё» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-03Ульян., № 87].

Подшучивания часто практиковались по отношению к младшим, особенно к детям. При этом они выполняли несколько функций. С одной стороны, неопытность и доверчивость детей вызывали у взрослых желание посмеяться над ними и тем самым доставить себе удовольствие, с другой — так старшие выражали ребенку свое расположение. Кроме того, подшучивания служили и дидактическим средством: они в завуалированной форме знакомили ребенка с какими-либо реалиями, нормами поведения и т.п. «Вот такоя была. Вот, примерна, ну, рабятишки придут вот к пажилымта, надаедят йим, чаво ли, так ли падшучывали. Пашлют там: “Колька или Ванька ли, иди! Идити к этаму, к дяди Коли вот, спраси у няво: “Дай мне та́ску и во́зку”. Да. Ну, он же ни паймёт што эта. “Дядя Коль, дай мне таску да возку”. — “Пагади щас, кончу вот”. Салазки, бывала, всё делали, были избёнки, асо́бе были избёнки. “Щас вот я кончу, тибе дам таску-возку”. Падайдёт к няму: “Ну, с чаво начынать? Плети што ль тибе? Или вязок вот, вязком ти*бя* атхадить?” — “За што?” — “Да ты просишь”. Вот ему там за во*ла*сы, за уха патиребят. “Таску” — таска*ют*, “возку” — вот павозят ево, “пырок” — вот пырнёт в спину, вот палучай и ниси. Вот, эта была, эта чудили» [ЗМД, ИИП, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 31].

В подшучиваниях нередко обыгрывалось желание детей принять участие в работе взрослых, стать полезными, при этом использовали понятия, им еще не известные. «Вот гаварят: “Иди-ка вон схади за кампрессией к саседу”. Асобинна кто миханизатар. А кампрессия эта значит, ну, в машине поршневая группа, знаете? В моторе поршень ходит. А вот пад поршнем и пад галовкай там кампрессия — воздух сжимаицца. “Вот иди, — гава-

рят, — с мишком, приниси кампрессии, што-та в машине кампрессия прапала". Вот он придёт с мишком и там: "Дядя Вань, мне там паслал вот к тибе за кампрессией папка!" Как он кампрессию [сможет] нисти, эта жи воздух! Нет ничаво. Он гаварит: "Ну ладна, патом придёшь после, щас пака у миня нет". Вот ево и ганяют. Эта вот шутки были. И вот в атряди-та, я же камбайнёрам был, работал сколька. Вот кто плоха учицца. Ну, чувствуишь, што чилавек што-та ни знаит, то ему: эта приниси, то эта приниси. Вот "кампрессия" эта уж асобинна [часто] как-та была игра» [ИИП, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 143].

Для молодежи было жизненно важно продемонстрировать качества, которые входили в число социально одобряемых: бойкость, остроумие, находчивость, веселость. Поэтому взаимные подшучивания, подколки, розыгрыши были доминирующей формой общения молодежи на посиделках, создавая особую атмосферу молодежной игры: «В келье, чай, смех какой-то нады делать» [РКС, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 64]. Этим объясняется и тот факт, что очень часто подшучивания и розыгрыши на посиделках не имели явно выраженной мотивации (см. еще *Играть в кельях, Сидеть в кельях*).

При этом действия не отличались особым разнообразием: обычно это было вымарывание сажей, поджигание остатков кудели (*мочек*), обливание водой, завязывание узлов на одежде и т.п. «Сидели в кельи-ти, так намажут руку-то вот незаметным образом, подойдут сзади *и*ли сбоку: "Ты мой хороший друг" или "Ты моя хорошая подруга". Вымажут иё, и все ржут. Што ржут? И она вмести с ними. "Да ты чево смиеёсся?" — "Чево вы смеётесь, и я смиюсь". Ну, а потом кто-то, значит, шепнёт: "Тебе намазали!"» [РКС, РАВ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 64]. «Ну вот девка намажит затылак и парню сядит [на колени] и абатрёт, харю-та намажит. Ну, ана падделат так, штобы намаракать. Ну так, шутили маненька, больши нечим была заняцца. Проста, ни то што вот там какая-та месть была да эта дела — нет!» [КАИ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-28Ульян., № 44].

Причем наиболее артистичные молодые люди даже самое ординарное действие могли превратить в настоящий спектакль. «Ну, и келья, пасиденки называли — па-всяки. Ну, клуб закрытый, все сабира*и*мся. А то начнём чево-нибудь падсмеивацца, *а*заравать. Вот сидят эти мальчишки: то прибьём гваздём эт*ыт* пиджак, или чево ли, брюки ли, если атдуты, вот так прибьём. То прилепим чево-нибудь там. То лямачку привяжим, пайдёт апять с хвастом с какем-нибудь. Вот тако*е*. Адин там парень был, он уж, правда, в гадах такой, а мы маладняк, школьники все. А я любила падхадить вот так вот... Он идёт, знашт, я руки сажай намазала: "Ой! Как долга ни видала я тибя! Ты мая залатая, дай я тибя!" — "Да ладна, Лид, ты што, долга? Вот видились то*ль*ка". Он весь в саже, знашт. "Да чуб-та у тибя какой, чуб!" Вол*а*сы все взъерошу, глаза адни выглядывают! Чорный! Все: "А-а-а-а!" О-ой, ни вздахнуть. "Ани што? Взбисились што ли?" — "Да ну-ка йих, пустасмешники, мол". А то намажу руку, он апять идёт этыт, он как [на меня]

ни абращаит внимания. “Здарова!” Он: “Здарова”. Я — хлоп! Глидит: “Ни то у тибя рука, най я в сажи пришёл?” Надпóрисся! Все укалывались. А я вот этим занималась. Я любила бáлавацца. Я ни то што падсме*ивацца*, азаравать любила. Играть как-та надаеда*и*т в карты сидеть, чё-нить надела*е*м делов, смиёмся» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-23Ульян., № 36].

Значительная часть молодежных подшучиваний была обращена к лицам другого пола и имела характер заигрывания. Они применялись, когда хотели в оригинальной, привлекающей внимание форме продемонстрировать интерес к тому или иному человеку и выразить ему симпатию. Как правило, инициатором шутки выступал парень, а девушка выказывала ему только свое одобрение или осуждение. Подшучивания парней над девушками в основном были связаны с их работой: прядением, вязанием. Они тем или иным способом мешали их работе, чтобы обратить на себя внимание. «Бывала-та, ведь в келью-та идёшь, пряжу придёшь [=прядёшь], данцó, гребинь, придёшь куделю. Вот придёт [парень], с каторым дружишь, вот на данцо-т*а* ногу пирикинит, с табой и шепчыт, и всё. А то вазьмёт да и зажгёт мочку-т*а* эту» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 31]. «Даньцó, пряду. А кой рабяты-ти падайдут да спичкай зажгут, мочка-та и сгарит. Я сама пряла вот хадила. Сижу у Маньки у Киндиный, дóньце у миня, гребинь, мочка, сижу пряду, пряду, дёргаю, вирчу. Ани падайдут да зажгут, хоп — и сгарит. *А*заравали. Ну, шутют, шутют» [МВМ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 88].

Парни из с. Кадышево. 1940-е гг. Личный архив Власовых

В с. Валгуссы парни однажды подшутили над девушками, одарив их пряниками, сделанными из березового гриба — трутовика. «Пришли рабяты — ани лес рубили в калхози где-та там, калхоз уж был. Вот, значит, эти вот трутни-ти белы-ти на деревья́х-та, ани как пряники. А уж пряники всё-таки прадавали. Ани нарезали и там сгаварились вот. Пришли там, у адных не была дома радитилев, и начавать астались: жинихи с нивестами. Гаварят: “Мы нынчи были, нам нынчи пряники прадавали”. Ну, даст там пряничка два. Радёханьки! Прячим! Ани, рабяты, уйдут, а эти пряники какии? Трутни. Была дела, была, азаравали» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 76].

Парню могли незаметно повесить «хвост» на пиджак. «Хлястики-ти были у всех, на проволочку вона на один-то конец повесишь эту тряпичку,

а другем-то концом незаметно на хлястик повесишь. Вот и ходит трясёт хвостом-ти. И обратно тожи смех» [РКС, РАВ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 64]. В с. Сара уснувшему парню подложили «невесту», сделанную из фуфайки, чем сильно напугали его. «Эта раньши была. Эта вот мая сястра старшая, ана с двацщать пятава года, ани вот эта вот шутили, эта называицца "чудили". Ну, у них вот адин паринь был, он придёт начавать, гаварит, толька дайдёт и тут же спит (на печке спал). "Я, — гаварит, — яво пришью". И аднажды, гаварит, сделала (ана "чуди́ла" была), нарядила чаво-та там, два палена ваткнула в фуфайку в эту, голаву там как-та *с*делала, платком павязала, и с печки иё, гаварит, я вот эдак маненька пратянула туды да чаво-та яво разбудили. Он чуть, гаварит, ни в обмарак упал!» [ПТС, МАИ, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 41].

Подшучивания могли выполнять функцию наказания за нарушение норм поведения или какой-либо проступок. Некоторые из них были вполне безобидны, как, например, приводимые ниже случаи, в которых описывается наказание неумелой стряпуха, назойливого гостя или возчика — любителя выпить. «У нас адин мельникам вот работал, больна уж был такой [шутник]. Бывала, жана-та испичёт хлеб, што-нибудь корка-та атайдёт, ана сабира*а*т там ужинать ли абедать ли чаво ли, он атрежит эту корку, ложки туды заталка*а*т пад эту корку. "*Г*де у тибя ложки-ти?" — "Да батюшки, щас то*ль*ка падала!" — "Ну, где жи, вот глиди, ни адной ложки нету". Вот ни пики такой хлеб. Да, в наказание. Вот такой был» [ЗМД(1929), с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 32]. «У нас адин — ну, ани оба делали салазки — ну, адин к другому хадили: Никалай Чирвяков и Симён Павлав. Ну вот. Придёт к няму, а стулья были вон атрезаны [чурбаны], вот как ат дерива атрежут, работали на таких стульях. Вот адин раз он яму надаел, гаварит: "Дамой нада ужинать идти". — "Да пагади, Никалай Никалаич, пакурим давай маненька да уж пайдём савсем дамой". Ну, бывала, хадили в зипунах, длинны*и* зипуны, широки*и*, этыт зашол, яво прибил гваздём. Ну, пакурили, пасидели. "Ну, айда, Симён Иваныч". — "Ну, айда таперь". — "Эх, ты миня, видна, к чурбаку-та прикалол тут". Вот смиялись всё над этим. И щас всё помнят йих» [ЗМД(1929), с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 33]. «Едит, если где у магазина встанит, эта, выпива*а*т, яму гужи к аглобли пришьют [=прибьют]. Ну гваздями, гваздями. Или к дуге, или к аглобле пришьют. Дамой приедит, выпряга*а*т, никак ни распряжёт. Эта вот были шутки. Или ищо пашлёт жану сваю: "Иди распряги". А та выйдит распрягать, а... Ну, он на смех уж иё пашлёт, што ни сможит ана, он зна*а*т, што там прибита» [КИД, д. Алейкино; СИС Ф2008-03Ульян., № 3].

В Присурье, в зоне давних и тесных этнических контактов, существовало немало взаимных подшучиваний русских и мордвы, русских и татар. Основой для них служили различия в языке, обрядах, этикете, в некоторых чертах материальной культуры, прежде всего в одежде. Подшучивания русских над мордвой практически не имели этнической специфики, так как эти

народы сближало общее вероисповедание и многие черты культуры, хотя и бытовали дразнилки, специально адресованные мордве (см. *Дразнить*). С татарами же кроме языковых существовали более глубокие различия, касавшиеся в первую очередь религиозной принадлежности и связанных с этим особенностей быта. Наиболее распространено было использование крестов: их чертили на земле перед идущими татарами или за ними, наклеивали на окна, бросали в ведра с водой, в источники и т.п. Причем этим занимались как подростки, так и взрослые. Характерно, что у татар и русских часто было диаметрально противоположное отношение к одной и той же акции: русскими она затевалась как подшучивание или дразнение, а татарами воспринималась как оскорбление. «В седьмым класси учились вот в Тат[арских] Горенках. И наши рабятишки зашли и из бумажки нарезали и крясты на акошка-та налипили. Ане как зашли, [татарские] рабятишки-ти, увидали и к директару. Директар идёт, гаварит: "Кто налипил на акошки, идити сичас жи сабирити!" Рабитишки пашли убрали» [МВД, МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-05Ульян., № 15]. «Вот уж эта мае двоя рибитишки были и сестрин здесь летам-та жил. А из татарскай [=Татарские Горенки] паринь, он старши йих, ане хадили сюды на наш калодиц за вадой. И вот адин раз прибижал он как бешинный с карамыслам, этат татарин: "Где Шурка? — эта старшива сына Шуркай у миня. — Убью я йих!" Он инда трисёцца вот так. Я гаварю: "Айся, Айся, што ты, што ты, за што ты йих?" — "Я йих убью!" — "За што ты йих?" Ане сделали из палачки крестик и яму в вядро в воду пустили. Он эти ведры бросил, вот и прибижал с карамыслам ка мне. "Я йих убью!" Я гаварю: "За што ты йих?" — "Ане мне крестик пустили в воду". Я гаварю: "Айся, ты, видь, наверна, камсамолиц". — "Камсамолиц!" Я гаварю: "Ну, и ты веришь? Ане тебе палачку бросили, ты веришь? — я гаварю. — Эх ты". Успакоился. А ане убижали, ни панима*ю*т куда. Пришли, стала ругать-та. "А што, — гаварит, — он бесицца, падума*и*шь, палачку кинули". Да, йим эта пазорна, ане всё-таки, татары-ти, рилигиозний русских-та» [БАИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-05Ульян., № 103].

Еще одна особенность татарского быта, хорошо известная русским, — запрет употреблять в пищу свинину — также широко использовалась в подшучиваниях. «Эта *а*заравали, *а*заравали. Ой, боже мой! Дедушка-та с татарами работал, на пастаянке [=постоянной работе] всю жизню был. Работал там с ними вместе. Зарезали парасёнка, он "пятак"-та атрубил вот так и там каму-та в карман палажил. Смиялись, смиялись. Уж он [=татарин] сразу дагадался, што шутки. Все смиюцца!» [СНИ, д. Александровка; СИС Ф2004-10Ульян., № 72]. «Как абъидинились калхозы-ти, работали на горинскем поли и, значит, варил татарин, мущина. Ну вот. Или горински ли, или катяковски ли, ну вот яму в катёл-та и бросили жа свининая ухо-та. Да. Ну, а он стал разливать, или увидали татары или чаво ли, ну вот, ани чаво над ним делали? Он гаварит: "Я и ни видал, я ни клал!" Шутки, в парядки шутык, да» [МВД, МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-05Ульян., № 17].

Обычай татаркам удалять волосы с лобка послужил поводом для подшучивания одного татарина над группой колхозников, среди которых были и татары, и русские. «А скажут: “Эй, ты, татарка, у тибя брита”. Ну, сика брита. Ане ведь татарки-ти брили. Вот трактарист был у нас татарин. А он был с Уразавки, там окала Сасновки Уразавка, вот он с Уразавки был. У нас была диривянна ложка, и вот он адин раз и сказал: вот кагда татарка идёт в баню, ана эту ложку бирёт и в сику втыкат, и ана иё бро́ит. Мы эту ложку нихто в рот! Нихто не стали ей есть! А то ели все деревянной ложкай. И вот я: “Чёрт тибя сунул тут!” Ну вот, я гаварю, эту диривянну ложку все закинули и сказали хазяйки: “Больши иё на стол ни клади!” — “Пашутил над вами, а вы!..” Пашутил, ну пашутил, а больши — всё!» [ЧТП, с. Сосновка; СИС Ф2004-04Ульян., № 20].

Незнание языка соседей, представляло хорошие возможности для подшучивания. Так, работавшая в татарском селе Стрельниково русская женщина стала объектом шутки одного молодого татарина. «Он посли придсидатилим калхоза [был], из армии пришёл раниный в руку. Я гаварю: “Миня научы маненька”. Я гаварю: “И как мне, штобы палучче бы, ласкава, — я гаварю, — штобы я пришла и сказала: здраствуйте!” Там видь *ак*сакалы ходят, эти, татары больше, женщины меньши ходят, больше пажилые. <...> И вот он миня научыл: “Юбчи мене!” — Здраствуйте. Ну да, я и паздравствавалась. Я гаварю: “Юбчи мене!” Ани все глаза вытаращили, все хахочут. Ну и всё. Я уж посли гаварю: “Чё эта? Я вас как здраствавала? Я вам сказала: здраствуйте, таваришчы. На вашим языке”. Ну ани смиюцца. “Юбь!” — цалуйти меня. Ну, миня, канешна, ни абидили» [ОМЯ, с. Коржевка; СИС Ф2002-12Ульян., № 37].

Подшучивание над людьми другой национальности (обычно над русскими), не владеющими другим языком, аналогично шуткам над детьми, которые не знают каких-либо реалий и слепо доверяются взрослым (детей научали каким-либо непристойностям: петь частушки с матом, ругаться и пр.). «На свёкли была, ат бальницы нас ганяли, на свёкли была, а там чува́ши рядам работали с нашей бальницей. И вот мне гаварит, а адин дружный таварищ был, такой парень [чуваш]. Ага. А он гаварит мне, а я ж*и* ни знаю, што он мне сказал. Гаварит: “Кричы на абед всех: “Ингапур, ингапур!” А сама маши вот так”. А я чево знаю? “Ингапу-ур, ингапу-ур!” — вот так вот. Ани: “Пур, пур, пур! Пур, ... тваю мать!” — па-русски сказали. Я гаварю: “Ты чаво миня насмути́л? Эта чаво? Я ругала, што ли, йих? Убьют миня тут на свёкли”. А эта матам он насмутил. Я ж*и* ни знала. Я гаварю: “А если б*ы* миня убили?” — “А я бы не дал”, — он гаварит. А ане раскалываюцца, ане раскалываюцца! Йим смешно» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-23Ульян., № 56].

Розыгрыши наиболее активно использовались при общении взрослых с детьми. Они имели при этом испытательный смысл, пробовали ребенка или подростка на прочность в разных обстоятельствах. Очень часто такого рода розыгрыши практиковались подростками, которые сами не так давно стали жертвой подобных акций. Для них это было средством повысить

самооценку, а то обстоятельство, что им удавалось кого-либо провести, — доказательством их взрослости. Они демонстрировали свое умственное превосходство, ставя ребенка в такие ситуации, когда всем, и ему тоже, становилась очевидной его «глупость». Если для старшего это было игрой и отчасти средством самоутверждения, то для младшего — школой, в которой он учился разгадывать истинные намерения людей. Например, довольно широко был распространен розыгрыш, когда ребенку предлагали сесть или встать в какую-нибудь замысловатую позу, а старший, выйдя за дверь, обещал в точности ее описать. «Ну, как сказать, примерна Вы младший, я старший. Примерна, ты ка мне пришол в гости. Ну чево? Шутишь, смиёшься, да. Ну, гаваришь: “Вот я уйду за дверь, а ты аставайся в комнати. Вставай как хошь, я тибе скажу, как ты стаишь”. Я выхажу за дверь, вот. Он встаёт, гаварит: “Я встал! Как я стаю?” Я яму гаварю: “Как дурак!” Ну, чево? Шутишь...» [ВНГ, ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-34Ульян., № 14, 52].

Аналогичный характер имели розыгрыши, в которых ребенка обманом заставляли залезть под стол. «Эта я тоже слыхала вот здесь [=в с. Кадышево], рас*с*каз*ы*вали. Заставляли. Колька Шига*е*в был? Сымяков Колька Шига*е*в был, в Кадышеви-ти был видь он? Яму сказали: “Ну-ка, скажи Колька: я ни дурак!” Он: “Я ни дурак! Я ни дурак! Ни дурак!” Ага. Вот яму сказали: “Колька, а пад стол ни залезишь!” — [“Что это не залезу? Залезу!”] Залез пад стол. А яму гаварят: “Ну вот, дураки то*ль*ка лазят. Ты, — гаварят, — и дурак. Кричал: ни дурак, а пад стол залез, вот и дурак ты!”» [КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 62]. Иногда провоцировали произнесение под столом текста, который содержал непристойность, и потешались над несообразительностью ребенка. «Эт*а* пад сталом вот тожи ни помню, ну, знаю, што пад сталом кричать как-та заставляли, кричать. Ана кричыт, у ней выходит на матерна. Да, шутили, шутили» [НМН, с. Кадышево; СИС Ф2003-11Ульян., № 92].

Очень часто розыгрыши затевались с целью подвергнуть ребенка тому или иному физическому воздействию. Формы их при этом были различны, но результат всегда один и тот же: кто не сумел увидеть подвох и слепо доверился другому, тот оказывался наказан. Среди них известный розыгрыш с «показом Москвы». «“Видал Москву? Давай пакажу. Хоп!” — говорит. Вот так зацепицца за уши, подымут. “А-а-а! — орёт. — Больно”» [УАИ, ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 25].

Некоторые розыгрыши являлись диалогом, в котором было важно знать правильные ответы. Неожиданно схватив ребенка за нос, спрашивали: «Дуб или вяз?» Если тот не догадывался об обмане и выбирал любой ответ из предложенных, то следовало наказание. «Скажут там: “Дуб”. — “Тяни да губ”». И тянули нос вниз. «Если скажут: “Вяз”. — “Тяни да глаз”». Соответственно, нос задирали вверх. «Ну, кричишь кали́ больна, да всё, закричишь: “Всё, больна, хватит!”» Надо было ответить: «Ни дуб, ни вяз». После чего следовала реплика: «Ни дуб, ни вяз, от носа отказ», — и нос отпускали [ЗАЕ, САЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 87].

Дотронувшись до пуговицы на груди, спрашивали, что это такое, а потом тянули за нос неосторожно наклонившего голову. «Вот ткнёт *в* пуг*а*вицу он те*бе*, значит, датроницца: "Где вот, чаво эта у те*бя*?" Тебя вот за нос зацепицца. Или там што-нибудь ищо» [СНФ, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 109].

Наказания могли быть довольно болезненными — например, в результате неразгаданного подвоха получали сильный ожог. «Всяки шутки были, дочка. "Щас я тибе, этих, парасяткав наганю". Мы жили ни как сичас, ну, мы жили папрастому. Вышлим иё в сени, а сами дужку лучынками калить. Накалили, ана там пабыла. "Иди!" Другая сабражат, а другая ни сабражат. Ана аттоль идёт, зацепицца за дужку, ана горяча. Ну, ана зазява́ла [=закричала], и вот ей "парасяткав", вот и смех. Эта всё детства была. А щас савсем другоя. Щас дети савсем па-другому живут» [НМН, с. Кадышево; СИС Ф2004-01Ульян., № 36].

Довольно часто наказанием служило обливание водой. «Да, всё эт*а* было. А ковшик? Туды к паталку доржим яво, щас эта: "Ковшик примарозим!" А патом на ниё всё выльют. Ну, проста даржали, а патом выльйим на ниё: "Никак ни примараживацца!" Ну, скол*ь*ка там в кавше вады. Вот какие шутки-ти были. Эт нам, можа, была па десить или па восимь лет. Вот детства-та всё наше была, а щас савсем другоя» [НМН, с. Кадышево; СИС Ф2004-01Ульян., № 37]. «"Хочешь я там [ковш приморожу]?" Ну, мы все говорим: "Ну-да! Ты што ты, как это ты всё сделашь?" Рот розинешь...» [ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-34Ульян., № 53].

В некоторых розыгрышах еще отчетливо прослеживается их магическая основа. Например, в с. Котяково обещали «нагнать журавлей», то есть приманить и показать их, что по поверьям могло принести счастье. «Падруга была, у них матири не была, ане жили с атцом, вмести мы в школи учились. Ну вот, в субботу: "Айда к нам палы мыть". — "Айда". Пришли. Адна мне раве*ст*ница, а вон эта памаложи. Я пачарпнула кружку вады, в сени вынисла. Гаварю: "Кать, давай, я тибе в рукав журавлей наганю". — "Как?" Я гаварю: "Как? Я, — гав*арю,* — вот в сени вы*й*ду, а ты вот ат платья-та рукав-та вон скинь да там прасунь. А я дверь-та затварю и патом у тибя журавли палитят". Ну, эта ни будь дурная, скинула, прасунула рукав-та. Я ей туды кружку-та вады-ты и вылила. Ана и давай плакать. И эта [=старшая] уж ругать: "Надь, ну у ней больши-та платья нету, сминицца-та нечим". — "Ну, ладна, чаво, щас высыхнит". Ну вот, я ей "журавлей нагнала"» [МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-05Ульян., № 30].

В последние десятилетия «журавлей» могли заменять на более интересные для ребенка «самолеты». «Там, скажим, мана́ркой накроют, эта манарка, были раньши. Вы знаити, што тако*я* манарка? Жакетка. Вот пакроют иё: "Вот сматри в рукав! Щас там у тибя паявюцца, прям всё эта, палитят самалёты". Ну, сдуру-ти пасо́дим, бух туда вады ей! Вот эдакими глупыстими занимались» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-01Ульян., № 69].

Очень распространено было измазывание сажей. Мотивации при этом были разные. Обещали угадать, что человек ел: «Ево, значит, обнюха*а*т, а

шапку, это, намазал сажей. “Ну чё унюхал?” Ну, так наобум скажит. А потом все со стороны товарищи смотрят: “Ха-ха-ха, ха-ха-ха!”» [ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-34Ульян., № 54]. Или обещали сообщить секрет: «Вот шапку здесь вот [=надо лбом] сажей намажит. Да. “Па сикрету я тибе вот скажу”, — ну вот, любапытнаму. Сикретничали. И весь день неумытый и праходит» [ЕИП, с. Б. Шуватово; СИС Ф2000-05Ульян., № 44]. Или предлагали вместе «помолиться». «Ну вот намажит сажей эта [=руки]. “Малицца”. Вот. “Мались!” — по лицу ей намажут. Для таво, пасмияцца штобы. Дурачылись, вобшшим» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-01Ульян., № 70]. Или просто обнимали, выказывая радость при встрече: «То шапку намажут сажей, то ищо што. Ну вот шапку надел. Ну, падайдёшь: “Эх, ты хароший!” Абнимишь да галавой-та патрёшь. Ну, штоб пасмиялись, да и всё» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-03Ульян., № 95].

Среди мальчиков, пасущих лошадей в ночном, обычным розыгрышем было прикрыть шапкой кучку навоза или кала и позвать товарищей, как будто бы посмотреть гнездо или птицу. «Эта была кой кагда. Да эта *а*зарники *а*каянныи, азарники. Он напарол, кричит: “Иди сюда, вот эта птичка у миня пад шапкай там”. Или гняздо нашёл, ни птичку. “Палязай вот”. Тот палезит… И паймал “птичку”. Азарники. У нас были слу*чаи*, ну редка, редка» [БВИ, ГАВ, с. Чумакино; СИС Ф2002-05Ульян., № 85]. Иногда такие выходки позволяли себе даже взрослые мужчины на гуляньях, когда «провожали весну» [ГМС, с. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 18].

Многие розыгрыши выглядели как внешне простое действие, выполнить которое предлагали на спор. Если спорящий проявлял недальновидность и не замечал скрытой для него опасности, его ждало наказание, нередко болезненное. Например, предлагали провести с закрытыми глазами спичкой в широкие ворота, которые делали из двух спичек или коробков. При этом спичку нужно было держать, прижав большим пальцем головку к шероховатой стороне коробка. В какой-то момент инициатор спора ударял по коробку, спичка от этого зажигалась и прилипала к пальцу, вызывая ожог. «Были у нас такие шутки. Ага. Вот эта так вота широки*и* ворота делали. Што: “Провидёшь ли ты с закрытыми глазами?” — “Ну што? Неужто я в такии широкии варота не проведу?” — “Веди”. Вот спичкой. И серу-та сюда прижимашь пальчыком. Ага. Головкой прижмёшь спичку-ту. И, значыт, глаза закроишь. Тут как стукнут кулаком, спичка зажгётся, прилепицца к пальцу, ой-ё-ёй как обожгёсся!» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 84].

В целом, подшучивания и розыгрыши отучали ребенка или подростка от излишней доверчивости и формировали такие полезные качества, как самостоятельность мышления, предусмотрительность, независимость от чужого мнения, стремление опираться на свои силы и т.п.

Розыгрыши, практикуемые молодежью, во многом сходны с детскими и подростковыми, зачастую это одни и те же действия. В них сохраняется и даже усиливается провокация, стремление подтолкнуть человека к

определенным поступкам, вызвать желаемую для инициатора розыгрыша реакцию. Эта черта особенно актуализируется в тех ситуациях, когда они адресованы лицам своего пола, что связано с характерным для молодежи стремлением к состязанию, с борьбой за лидерство в группе. Наиболее ярко это проявляется у мужской молодежи (см. еще *В кельях сидеть*, *Кулачки*). Предпочтение, отдаваемое парнями развлечениям такого рода, свидетельствует о стремлении к самоутверждению, к достижению высокого статуса, причем не только в своем кругу, но и в более престижном кругу взрослых мужчин. «Хто я! А ты? Мол, тибя нада затаптать. Значит эта, мол, я вот! Кум каралю, сват министру! Такии-та [=простые] ни будут насмихацца, а этат вот “хто я”, он сриди ни то што сваех сверстникав, ну рабят, ну и [взрослых]. Вот» [БРН, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 11].

Среди календарных периодов и дат, для которых особенно характерен игровой тип поведения (см. еще *Святки*, *Масленица*, *Вёсну провожать*, *Кузьминки*), выделяется первое апреля, как день, когда предписывалось разыгрывать и обманывать друг друга. Розыгрыши в этот день допускались не только над ровесниками, но и над старшими, чем часто пользовались подростки и молодежь. «Вот адну старуху [обманули]. На перва*е* апреля вот всё абманывают тут. Вот мы с падружкай начавали (у них на задах келья была), мы с ней начавали вмести. Вот: “Идём эта лёлю [=крёстную] абманим”. — “Айда”. — “А как мы иё?” — “А вот (а ани там в Сирёдки жили, а вот на этим парядки-ти иё плимянница жила), мы иё к тёти Кати давай пашлём”. А черяпочык ищо был, лидяшок [=лёд], первава-та апреля. Мы стука*и*мся: “Лёль!” — “Ай?” — “Иди, Катя Диянова при смерти!” — “А, батюшки! Хто вам сказал?” — “Мы щас там были”. Ана тут жи шубняк в адин рукав, в ступнишках, пабягла. Пабягла к ней. Стук, стук. Катя-та выходит: “Ба, лёля, ты што?” — “Да ты што! Мне сказали пра ти*бя*, ты при смерти!” — “Как при смерти?” — “Вот так и так”. — “Кто ти*бе* сказал?” — “Вот хто”. Утрам-та идём из кельи-ти, ана: “И нада вот, акаянны*и* вы эдаки*и*, я инда насквозь прамачылась, дабягла задахнулась”. — “Лёль, ты разви ни знаишь, вчара был перва*е* апре*ля*”. Вот эта вот азаравали» [ЗМД(1929), с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 30].

«Очинь был [отец] шутник. Вот первае апреля, а он у нас и при*д*сидатилим работал, и сельским, и калхозным при*д*сидатилим, и уже кагда стал пастарши, бригадирам был. Ну, пайдёт наряжать [=давать наряд на работу] и абманывал вот всех вот так вот. Ну, вот скажит там чё-нибудь. Адин у нас мущина (ну видь тагда жи не была адёжи, друг у дружки брали), ну вот адин мущина у другова взял [пиджак]. А он [=отец] как-то узнал, што на свадьбу он ушёл. Он [=отец] сидит и гаварит: “Вот вчера Тимофеич разадрался на свадьби, пинжак ему весь изрезали!” Тот: “Ох! На нём пинжак-то мой был!” — “Ну, там ни спрашивали, чей был”. Вот такими он этими» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-03Ульян., № 144].

Часто у взрослых розыгрыши и подшучивания устраивались на работе, когда собиралось много народа и когда каждому хотелось блеснуть каким-

либо талантом перед другими. Уже само это обстоятельство провоцировало людей на взаимные шутки. Как правило, они не имели каких-либо устоявшихся сюжетов и во многом зависели от находчивости и остроумия конкретного человека и реакции окружающих. «Жнём там, я любила, штобы вечиром работать, я была бригадиркой. И вот с одной женшчыной: "Айда, там будём до позново [работать]". А у ней мужик на разъе*з*дным на дворе работал. Ну, с председателем. А тогда видь поджигали, да всё. И мы даже ночавали там [на работе]. Я зажму горло и крычу: "А-а! А-а!" Они гоняют, ишчут везде, ну кто? Приезжают: "Крычала, слышали, — го*во*рят, — ково-то душили!" — он домой-то придёт. А это жена-то [смеется], это ведь муж её, вот так. <...> А один раз это жнём вечарок, идут с работы. Я лежу, вроде беременной притворилась. Да. Она встаёт: "Слушайте, вы из какой бригады?" — "Из третьей". — "Пожаласта, скажите, вон женшчына мучыцца. Пожаласта, пришлите лошадь". Просит. За мной гонят лошадь, за "роженицай". Оне не знали [что я не беременная], у нас и странний [=со стороны] народ там работал. Оне едут, ну раз просили — рожаница. Вот эта была» [УЗН, с. Кезьмино; СИС Ф2000-14Ульян., № 97-98].

В некоторых случаях в качестве подшучивания или розыгрыша могли применяться различные ритуальные и бытовые формы, например запугивание (см. *Наряженными ходить*, *Пугать*). В первую очередь так поступали, адресуясь к детям. При этом использовались широко известные образы местной демонологии (см. *Русалка*, *Шишига*). «У нас была читыри яблани вот у нас на агароди. А маме бóльна уж была жалка, мы яблаки кабы ни сарвали. Видь, бывала, зна*а*шь, какии были старики-та: "Яблаки да время [не рвите], *с*матрити: там Яга-баба! Пайдёшь на агарод, там Яга-баба!" Вот я пра сибя скажу. Мне мама сшила платья халставóя, на баку карман. Халставоя, холст пасконнай, сами выткали, а ано закрашино, да толста! Я палезла за яблаками, палезла и залезла я на ябланю. Залезла на ябланю, скарей рву, рву, а брат увидал, сел за гарадьбу да [басом]: "Кума, а кума, ты чево дела*а*шь?" А-а! Я как прыгнýла! Как задела за сучок этим платьим-та, у миня на баку карман, яво ни атарвёшь! И вишу. Я и ни слезу, я и ни взавьюсь — никуды. Кричу: "Ма-а-а-ма! Миня Яга-баба сичас съест!" Ана выбигла: "Чаво ты, ничистый дух!" Я вишу на платьи. Ана миня стащила, а он вышил да смиёцца: "Ищо ни палезишь!" Пугали...» [РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 18].

Также с целью подшучивания могли использовать имитацию колдовства. «Ну, я помню, вот в избе, в комнате, балавались ухватам. "Лажись, я тибя привараж у! И ты, гаварит, ни встанишь!" — "А как приварожишь?" — "Ляг пряма". Ляжит — и ухват вот сюда [на шею] паставит. Ну, канешна, горло никак ни вытащишь, тут ухват. Ты, гаварит, ни встанишь. Вот так балавались» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-26Ульян., № 3]. Могли пообещать, что продемонстрируют свою колдовскую силу. «Обычно это уж вот перед Новым годом эти все проказы, значит. Те, кто помудрей-ти, начнёт придсказки такеи дел*ать*, это, россказывать: "Я от бабушки такой-то слы-

хал вот. Ну, дескать, мол, хочешь, вот я щас напущу там, ну, кур в избу. Ты, мол, вот только не убегай, не бойся". А тот сразу: "Как, — говорит, — так ты такую вещь сотворишь?" Ну, и вроди дрожит, мол, с испугом. Ну, вот, допустим, вот он надиёт шубняк, ну, старинну*ю* [одежду] там, накрывацца, и вот там чё-то воркует, воркует. А заранее там договорицца, на дворе пойма*а*т курицу, держит иё — пырх! Ну и опять с такем с испугом, кричит. Ну, вроди каково-та представления. Ну, кто напуга*и*цца, убижит там уже» [ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-34Ульян., № 51].

У молодежи распространенным способом подшучивания было запугивание «покойником». При этом разыгрывались самые разные сценки: от простой демонстрации «покойника» до выстраивания целых представлений (см. *В покойника играть*, *Наряженными ходить*, *Пугать*).

Также одним из распространенных приемов для устройства розыгрышей было изготовление чучела и разыгрывание при этом различных комедийных фарсовых сценок. В с. Новосурск одна из жительниц сделала чучело, чтобы посмеяться над своими подругами. В этих местах чучело называли «Андрюшей» и обычно наряжали на проводы весны (см. *Вёсну провожать*). «У нас вот, ну, гадов пять [назад], на*в*ерна, эдак Кадрия-та стрелинская [=из с. Стрельниково] наридила эта [чучело]. Татарка. Ну, вот я даяркай работала, ну, ана наридила яво. И гаварит мне: "Иди, Маня, выключай эта там дойку". И я пашла, а он [=чучело] сидит. Я думала, эта чилавек. Я как закричу: "Караул!" Пуга́ла. Да, ана, зна*е*шь, чево сделала? Наридила яво [=чучело] и пашла в правленья. Пасадила яво на места бригадира. Сидит в фуражки, в шапки, ручку. Руки, зна*е*шь, вот да сих пор вот, эти, красныи, пирчатки яму надела и на голаву-ту шапку надела. А тут всё сделала красна: щёки и [лицо]. Он сидит. Ага. Нинушка та*г*да тоже напугалась и Катюша. Ну, ана заходит и гаварит: "Здрасьти, Михал Александрыч", — и дала яму ручку. А он малчит! Ана как закрычит!» [ЛМС, ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 79].

Ей удалось переполошить чуть ли не все село, положив в сумерках чучело около дома. Жители приняли его за замерзшего человека. «А патом ана наридила яво [=чучело] и принисла вот, где вы были, в саседний дом и палажила яво у двара. Шура идёт, эта саседка мая, гаварит: "Маня!" "Што?" — "Айся видь замёрз". — "Где?" — "У маво двара лижит. Айда, Айся замёрз". Ну, и тут все сбулга́чились! Я скарей пабягла. Я, мол: "Да эта, наряжаный — Андрюшка. Чучила!" Ана пирчатки яму надела, всё, ну как чилавек и ноги вот так раскинул. [Айся — это], ну, проста "прастой чилавек". Эта татарска. Па-русски завут яво Вася, ну, а па-татарски Айся. Ну, и мы так все: Айся и Айся. Ана гаварит: "Эта Айся замёрз". Я мол: "Ты што?" Я мол: "Ниужели он к тибе ни стукался?" "Нет, — гаварит, — ни стукался". А тямно. Да я, мол: "Эта Андрюшка!" Лижит в саломи. Ана набила в штаны-т*а* саломы и шапку надела, падпаясала, рубашку и всё. Вот и *а*заравали. Зимой. Проста ана пугала нас тута, шутила. Заловка иё, тёт*я* Наташа, [потом] принясла и на дарогу яво палажила. Яво машинами развизли [=раскатали]» [ЛМС, ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 79].

Если для молодежи взаимные подшучивания и розыгрыши были в какой-то мере характерным типом поведения, то у взрослых чаще выделялись своего рода профессионалы, которые исполняли роль «шутников» (см. *Шутить*). Характерной чертой людей-«шутников» было умение быстро оценить конкретную ситуацию и использовать ее для разыгрывания окружающих так, чтобы те не заподозрили подвоха. О том, что эти люди были очень важны для общества, свидетельствует тот факт, что о них долго помнят после их смерти. Например, в с. Русские Горенки рассказывают о человеке, которого все называют по-уличному «барин», «барин Салатов», он получил это прозвание также в результате подшучивания (см. еще *Масленица*).

Во многих вариантах существует рассказ о том, как «барин Салатов» заговаривал зубы. «Яво так и звали: “барин Салатов”. Ну, он шутник был. И он всё знал. И пра няво сказали вон: “Иди, гаварят, вон “барин” зубы загавариват. Он знат, как”. К няму падашли: “Дядя, загавари мне зубы”. — “Давай, давай, загаварю. Давай, садись (с шуткими апять). Губы, губы, што дражити? / А вы, зубы, што малчити?” Ну, шутник был. Никагда он ни сирдился ни на каво, хоть над нём падшучивали, и он надо всеми шутил» [МИК, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-02Ульян., № 84]. «Адин мужик больна уж был гарячай, и у няво забалели зубы. Ну, где-та в поли были. Забалели зубы. Вот он: “Ой, ой, ой”, — больна уж балят сильна. А “барин” гаварит: “Давай, — гаварит, — я тибя щас вылечу”. — “Как дядь? Пажалу*й*ста, памаги!” — “Павтаряй за мной: Зубы, зубы”. Тот павтарят. “Што балити?” И этат павтарят. “Х... ли вы, губы, глидити?” Он, гаварит, как вскачил! Как схватил яво! Яму больна, уж у няво тирпения нет никакова, он думат, он правду яму паможит, а тот вот так вот. Вот, гаварит, яво схватил и начал яво тряпать» [БАИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-05Ульян., № 112].

В с. Чеботаевка вспоминают об Илье Лямине. «Эт*а* мама [рассказывала]. Как я, гаварит, вышла [замуж] к ним, к Ляминым (Лямины мы были), гаварит, а в саседях жили муж с жаной. А он [=муж], ну он ухадил на заработки (раньши жи ухадили на работу, щас уходят мущины на заработки, и тагда ухадили). А атец увидел, што он с заработкав пришёл, вечерым падашёл к акну и кричит: “Настя, я пришёл, пусти!” А мущина-та [=муж], ты што! Ма! Ага. Мама гаварит, ага, ана [=жена] пришла и жалуецца: “Эта Илюшка, больши некаму”. А этыт, гаварит, свёкыр взял, гаварит, кнут да ево кнутом за эта. Вот он так шутил» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-03Ульян., № 146].

В с. Утёсовка тоже вспоминают о розыгрышах, устраиваемых местным шутником. «Шутник, ну ане родня, вот Пигарин. Ани щас в Ульян*ы*вск уехали, а он песельник был. Ну, ана [=одна женщина] вот эта комнату атделала, всё, пакрасила, аббила, всё. Навасельe, вроди, мол. Сабрались многа радни. “Вы хоть мне на юбилей-та, на навасельe-та, кресла хоть купити, мол”. “Ну, у миня гатова”, — гаварит [Пигарин]. А он эти “кресла”-ти, эта вот дровни-ти ездят, запрягают лашадей, он впя́лил в избу и: “Такии штоль?”

Ну и смиялись. Населись все в эти дровни-ти. “Кресло” — эт*а* вон вазить, сани. Дровни в избу втащил ей. А он умел, делал йих, в савхоз прадавал. Он взял и впялил йих в избу: “Такии штоль?” <...> Азарник был. Бывала, зимой если гуля*е*м, разуимси, всем в сапаги вады нальёт. Вады нальёт, пака мы тут разувкай-та пляшим, вынисит на улицу. А тожи сядит патом. А мы ни ума тут! Песни паём! Да долга задержива*и*т, *и*що там замёрзло штоб. На ветир куды-нибудь паставит. “Ну, айдати таперь к нам!” — он гаварит. Все пайдут: “Где сапаги-ти?” — “Где разувались? В синях, чай, разувались”. — “Да кто щас разувацца там в синях”. — “Да у всех в синях вон стаят”, — г*а*вырит. Сунут ногу — туды ни лезит нага! Замёрзла в мароз-та! Начнём калатить малатком, аттуль вытряхивать [лед]. Ну, тут все пьяны, вижжат, кричат! Ну и патом при́дут в другой: “Ну, видь акалели пака шли!” Ани [=сапоги] посли льда. “Ничаво! Градусов многа в вас!” Насмиёмся, ой, ба́ловник был» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-26Ульян., № 29].

Розыгрыши и подшучивания обладают кумулятивным свойством, то есть вызывают аналогичное ответное поведение, вовлекают его участников в своеобразное соревнование в остроумии, находчивости, оригинальности. В качестве примера приведем рассказ о З.Н. Устиновой, которая, превращая в шутку любую ситуацию, заставляла окружающих принимать этот стиль общения. «Ну вот, подружка моя была, Махрина Александра, и вот, значит, они жили в доме и вдруг звонок (ну, там праздник какой-то, я уж не помню с чем это было связано), она открывает дверь, в калитке, значит, петушина голова на этой, на щеколде, с курящей сигаретой. Она, Зинаида Николаевна, пришла, нажала на звонок, эту голову посадила. Ну, ладно. Вот, а после этой петушиной головы Шура и говорит: “Погоди, я тебе устрою”. А они, значит, муж ездил на рыбалку (есть рыба какая-то на ужа похожа, чёрная — угорь). И вот она принесла по-тихому и их выпустила на кухне. Та [=Устинова], пока дома сидели, пошла на кухню, как свет включила, они вот эти клубком-то, она и упала в обморок. Шура говорит: “Я так напугалась, батюшки, не дай-то бог, что случится, что произойдёт”. Ой, ну невынасимо, и смех и грех!» [ПВМ, с. Студенец; СИС Ф2007-05Ульян., № 1 без транскрипции].

И.С. Слепцова

ПОДШУЧИВАНИЯ И РОЗЫГРЫШИ — см. Подшкунивать, Шутить

ПОЖАР ОСТАНАВЛИВАТЬ — см. Икона

ПОЗЫВАТЫ — см. Второй день

ПОКОЙНИК — см. В покойника играть, Летун, Наряженными ходить, Покойник снится, Похороны, Пугать, Ярку искать

ПОКОЙНИК СНИТСЯ

Одним из возможных способов общения и контакта с умершими близкими является сон. В Ульяновском Присурье широко распространены поверья и рассказы, связанные с подобными представлениями. Сновидения о покойниках могут пересказываться в любое время (в рамках беседы), но наиболее значимы в этом отношении так или иначе отмеченные периоды: например, поминки, день рождения умершего и т.п. Рассказывают и толкуют сновидения об умерших чаще всего пожилые женщины. Однако это преобладание достаточно условно: активными участниками такой беседы могут быть и дети, и мужчины. Последние, как правило, склонны придавать меньшее значение своим снам, реже воспроизводят их повторно.

В большинстве текстов о приснившемся покойнике его приход так или иначе мотивирован. Наиболее часто в рассказах о снах в качестве возможной причины прихода покойника называются нарушения каких-либо правил, связанных с похоронно-поминальной обрядностью: забыли помянуть или положить в гроб определенные предметы; обрядили покойника в неподходящую одежду; неправильно повели себя во время похорон или на кладбище; излишне тосковали по умершему и т.д.

Указание на нарушение в таких рассказах оформляется благодаря достаточно ограниченному набору мотивов. Например, благодаря прямому словесному указанию покойника. Так, соседка рассказчицы не смогла помянуть умершую мать, затем пришла к информантке «и гаварит: “Тётя Наля, грит, замучила миня мамка-та, грит [во сне]: “Таня, ну, ведь ты, грит, так и сделыла, ты уж ни пазвала никаво, — ну, ана, вроди, как живая, — ну, уж ни пазвала ты на мой праздник никаво, а я, грит, как дажидалась этава праздника-та, а ты, грит, не пазвала”. Вот ана ка мне пришла [=сновидица в реальности пришла к информантке], мне принясла вота: “На вот, тётя Наля, памяни маму”» [ЕАН, с. Потьма; СЕВ Ф2005-1].

Более распространены тексты, в которых указание на нарушение представлено в опосредованной форме (через определенное действие покойника, сопровождающееся характерными репликами, либо через описание условий существования умершего). «Мая мама каждый год паминала в день смерти иё матири, паминала иё. Адназды ана забыла эта сделыть, и вот ей в эту ночь (на следующую, значит) приснился сон: ана идёт, а навстречу идёт иё мать, с бальшой чашкой пустой, падашла к ней и ударила этый чашкый па галаве маму. Мама гаварит: “Ты што, мам, миня как ударила?” Ана гаварит ей: “А ты миня как ударила!” Ана, грит, вспомнила, што иё ни памянула» [ФМИ, с. Сара; СЕВ Ф2006-5]. «Вот Файя мне приснилась го́ла Файя вон Губина, мая соседка, го́ла. Умирла, вот сорак дней прошло токо што… гола, в тимнате. Ане [=родственники] ни жгли лампадку, нада жечь лампадку сорык дней. Ани ничаво ни жгли, я им и лампадку атдала. <…> Ана [=умершая соседка] сама на сибя [при жизни] нагаварила: “Я и в Бога ни верывыю”, — а у самой

икон пално. Я и ни хотела читать… А патом уж я пашла, пачитала: ну, как жи — саседка» [ГЗС, с. Барышская Слобода; СЕВ Ф2006-4].

Кроме того, указание на нарушение в подобных текстах может оформляться, например, как просьба покойного, обращенная к живым. Типичными реакциями на действия приснившегося покойника является выполнение просьбы или ликвидация нарушения. «Вот брата яво видала, дедушкинывa [=видела во сне брата своего мужа]. И вот вижу: падашёл к акошку. И я падашла к акошку — [он] во всéм в старом и спрашиваит: “А ты, знаишь, видь, Валь, как я есть хачу…” А у няво дитей [в реальности] цела куча, четвира… А я [после сна] дедушки [=мужу] гаварю: “Дедушка, видна, уж ни падают ани [=дети умершего] ничаво аб нём. Давай, я куплю хоть пяченья да атнясу в садик рибятишкам”. Рибятишки, — ани ведь лучше всех памянут, патаму што радасть им какая! Я принясла, ани: “Баба Валя, баба Валя пришла, принясла нам гостиниц!”» [АВИ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-1]. «Иё [=знакомую женщину информантки] пакаранили, ну, как абычно, ва всём такем нарядным, ну, кагда вон винчаюцца, в такем платье, увал и всё там. И надели на ниё белы туфли на каблуке. И вот прашло сколька, и иё мать видит ва сне: “Эх, мам, как я устала, у миня как ноги балят! Купи тапычки..” — да гаварит: “Вот падай вот этаму чилавеку, — там назвала, — как, гаврит, у миня толька ноги балят!” Я гаварю [=информантка говорит сновидице]: “А ты уж, Зин, дадумала! Туфли да на каблуке ещё, — зачем? Пускай какая бы ана ни была, маладая ана, всё равна нада каранить — класть в тапычках, абизательна в тапычках…”» [АВИ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-1].

В некоторых рассказах описывается повторное явление покойника в сновидении, в котором он как бы подтверждает правильность выполненных сновидцем действий. «И вот будта он [=умерший муж, во сне] сидит как на печки. Я гаврю: “Чиво у вас там? Чем вас кормят?” А он говорит: “Да кормят-та харашо, да вот курива нет”, — он курил — и курива нет. И вот я, значит… Значит, нет курива, — я [после сна] канун прачитала и падала́, падала́… Юрка Котирив [=односельчанин] курил [и ему подала]. И вот мне [еще раз] приснилси: вот курит!.. И дыму валит, из папироски валит дым. И такой улыба́ющий — эта значит он накурился» [ГЗС, с. Барышская Слобода; СЕВ Ф2006-4].

Соблюдение правил со стороны живых (т.е. их ненарушение) расценивается как вероятная причина отсутствия упомянутых действий покойника. «Нет, он [=сын] и ни будит прасить [во сне], патаму што мы падаём, я всё время…» [АВИ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-1]. Определенные действия живых (например, постоянная молитва об умерших) способны вообще предотвратить явление покойника во сне. «Вот пла́чу об [умерших] сыни, об внуки, пла́чу день и ночь, и ничово ни во сне ни видицца, и ничово ни делацца. А бывала сразу вот [снились], а щичас нет, ни най, молюсь всё время на книжки да лампадка горит. [То есть если молишься, то сниться не будет?] Нет, ни сняцца» [ММД, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-4].

Такие действия могут приводить к своеобразному внутреннему конфликту: несмотря на то что сновидение об умершем желанно, поступки живых не позволяют реализоваться этому желанию. Характерно в приведенном ниже примере и обращение к «знающему» (роль которого в данном случае выполняет представитель церкви), поскольку сновидения часто провоцируют проблемные ситуации, требующие совета и интерпретации. «Ну, мне вот ни приходилось [=не снились умершие], — я всё время молилась об них, а хотелось, вроди, штоб приснилась... Я б вот с [умершей] доченькай-та бы павидалась да поговорила. У батюшки спрашиваю: "Што мне ни сницца, вот адин раз толька ана мне приснилась? Как хочицца вроди бы: скучилась я". А он говорит: "Хорошо, што не сницца, эта ты молишься за неё, вот она и ни сницца, и не нада, штобы снилась"» [ЧАИ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-3].

Особенно любопытны (с точки зрения региональной и локальной специфики) тексты сновидений, в которых акцентируется внимание на конкретных деталях (представлениях, реалиях и т.п.) похоронно-поминального обряда. Например, в с. Потьма установка индивидуальных оград на кладбище воспринимается скорее негативно (как нарушение). Это объясняется бытующим здесь поверьем о том, что ограды мешают душам умерших «гулять», «ходить». Такие представления отчасти поддерживаются и рассказами о снах. «Я была, видала сон: вот хажу, хажу как па кладбищам, на кладбищи, хажу и хажу па кладбищам-та, а оне будта вот таке-еи бальшие кладбища, и визде всё загарожина и сидят все миртвицы, все сидят в этих в сваих загародках. А я вот их [=умерших близких] ищу, ищу и ищу и никак ни найду. И будта я падашла к аднаму знакомыму [=умершему], я грю: "Шур, а вот ты ни видал здесь, я гаворю, наших?" <...> А он гаварит: "Нагарадили еще, грит, клеткыв здесь, зачем, грит, этих вот клеткыв здесь нагарадили, мы сами сидим вот все в клетках". <...> Да-да-да, здесь же аграды делыют щас все, бывала, не была никаких аград, а щас всё — на какую красату, што ли, или чаво ли — ни знай..."» [ЕАН, с. Потьма; СЕВ Ф2005-1].

В с. Засарье (как и в ряде других сел Сурского р-на — Сара, Ждамирово и др.) принято до сорока дней после смерти подавать *жёрдочку* (то есть полено или палку). Обычно это совершается ближайшими родственниками умершего в качестве «тайной милостыни» (см. *Душу провожать*, *Поминки*). Согласно поверьям, если жёрдочка не подается, то покойник не может перейти на том свете через некую реку. Данные представления подтверждаются рассказами о снах. «[Родственники умершего не подали жердочку]. Ей [=родственнице] сницца сон: где-та сидит он [=умерший] на бирягу. Вроди какая-та речка ни речка, но какая-та трисина. Ана, значит, апять иму гаварит: "Ну, пирихади сюда". Он гаварит: "Да я бы рад — пиришёл, да мне не́ па чиму, а тут видишь, лодка-та ни прайдет: вон какая тут трисина-та, как лодку-ту пустить-та, а мне шагать-та да и не́ па чиму. Нет у миня пирихода-та". Вот тожа, эта ищё сорак дней ни паминали. Тожи я взила жирдину и вот туда саседям атнясла. Прям палажила молча, никаму ничё ни сказала»

[ВЕМ, с. Засарье; ЦАЮ Ф2000-9]. «[Родственники утонувшего не подали жердочку]. И вот, грит, ва сне я видил: он [=умерший], грит, карабкацца, карабкацца — ни в какую никак. Он [=один из родственников умершего, в реальности после сна] в агарод бросился, схадили в дубки, принясли две жерди...» [СЕМ, с. Сара; СЕВ Ф2006-8].

Отметим, что данное представление актуализируется и в тех рассказах о снах, которые напрямую не связаны с мотивом указания на нарушение. Такие тексты как бы подтверждают правильность действий представителей «нашего мира» (подачи тайной милостыньки — жёрдочки). «И вот он [=умерший муж рассказчицы] мне сницца потом [=после того как подали жёрдочку соседке]. <...> Он кричит мне с той стороны-ти: “Лизк, я ведь к тибе иду!” Я говрю: “Иди”, — вроди еще... как живой. Я говрю: “Иди”. Ну, вот. Говорит: “А негди мне пирьходить-та”. Я говрю: “Как негди?” — “Нет”. Я грю: “Погляди хорошенька-та”. А у нас там эдаки вот сталы были, я грю: “Погляди там хорошенька-та”. Он спустился да грит: “Эх, правда, тут видь есть ход, да доска-та хоро-оша”» [МЕМ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-11].

Могила на кладбище с. Вальдиватское. 2005 г. Фото И.А. Морозова

Наряду с нарушениями тех или иных правил похоронно-поминальной обрядности, приход покойника может мотивироваться в рассказах о снах и нарушениями другого типа: например, несоблюдением некоторых этических и бытовых правил. «[Снится умершая соседка]. Я [=сновидица] гаварю: “Расскажи, как вы там живёти?” Ана гаварит: “Харашо, очинь харашо: всё у нас есть, эта как прадалжение жизни сущиствуит”. — “Кормят вас нармально?” — “Всё нармальна, мне ни хватаит толька вады”. “Ни нам”, а “мне”, — а у ниё атец [в реальности] ни пускал людей в калодиц воду брать...» [КЗИ, с. Б. Поселки; ПЮА Ф1999-22]. «У миня у самой-та муж умир... И вот адин раз — у нас тут, у миня крылечка паламалысь [в реальности]. Ну, как паламалысь — вылитила вот на чиво наступать и скрипит, а я, значит, — затаплять (вроди там кательная у нас), затаплять... Села, тожи затапляю. <...> И взила картошку мять вот курам [=взяла колотушку, которой мнут картофель], и взила, и вот так думаю: щас вот нимножко пристукаю иё, эту [доску на крыльце]. Ну, пастукала — ладно... Ну, биза всякава: чё — я ничё ни сделала, ладна... Посли этыва ночью, в эту жи ночь мне сницца сон: он мне гаварит, — ничё са мной ни разгавариваит, толька мне гаварит: “Мать, ни этай калатушкой нада забивать: нада взять малаток, сначала атарвать, а патом прибить”. Я удивилась, я

вот после этыва, я удивилась: да сих пор я сматрю на это крылечко и я вспаминаю этыт сон…» [ПНФ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-3].

Явление умершего во сне может мотивироваться приближением срока жизни сновидца или его непосредственного окружения. Приход покойника в таких текстах расценивается как предвестие смерти. Типичными действиями умерших в этих рассказах являются зов, приглашение или увод с собой сновидца (его родственников и знакомых). «[Перед смертью друг информанта видит во сне умерших свояков] И ани, сваяки, гаварят иму: “Аликсандр Иванывич, прихади к нам, нам биз тибя тижило, у нас есть — как там… калым или шабашка, я ни знаю, — мы будим строить малинькии домики, да ани сказали, мы будим малинькии домики строить, мы уж тибе работу там нашли”…» [УИД, с. Сара; СЕВ Ф2006-1]. «Ани [=покойники] ва сне завут, каму умиреть, ани завут. <…> Ана [=сновидица, родственница рассказчицы] гаварит: “Ка мне мать прихадила, гаврит: Шурка, я ведь за табой пришла”. Ана [=сновидица] гаврит: “Ну, я ни хачу идти с табой”. “Ну, ты ни хочишь, всё равно придёшь, — гаврит, — ка мне”. Вот эта ана рассказывала жи вот пирид смертью» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14].

Кладбище в с. Ждамирово. Крест с венком. 2009 г. Фото М.Г. Матлина

Отметим, что в качестве предзнаменования смерти (а также ряда иных негативных для сновидца и его окружения событий — болезни, аварии и т.п.) могут выступать и некоторые другие действия приснившегося покойника. «Вы знаите, у миня мама умирла многа лет назад, и да саракавова дня (как мы гаварим, примета: верим — ни верим) ва сне видила я маму, как будта ана пыднималась из гроба — ну, можит, што-та такои я сама па сибе падумала, ну, наверна, што-та случицца ищё, патому што ана пыднилась, глаза аткрыла, ничиво ни гаварит, а толька сматрит. И сон прашёл, я встаю мужу гаварю: “Што-то сон я такой ниприятный видила, видала бы я маму так вот проста, как бы наиву, а эта вот в грабу да вот вставала — эта што-та какаи-та ниприятнысть”. Чириз день тилиграмма: брат умир, вот ана пажалуста — тилиграмма» [ЛАН, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-13].

Последний пример близок к «собственно вещим» снам (термин М.Л. Лурье). Главная функция этих рассказов — прогностическая. Значимость описания самого контакта с покойником (пересказ собственно содержания сна) здесь сведена до минимума. В таких текстах более важным является

соотнесение с определенным событием реальности, нежели описание сновидения (см. *Вещие сны*).

Помимо перечисленных мотиваций прихода действия умершего могут быть ограничены сообщением определенной информации об ином мире (информированием). При этом какое-либо соотнесение с событиями реальности (по принципу: приснилось — сбылось) в таких рассказах обычно отсутствует. Эти тексты часто организуются на основе вопросно-ответной конструкции: сновидец спрашивает умершего о том свете, покойник отвечает. «[Мать информантки спрашивает во сне свою умершую мать:] “Мам, ну как вы там? Чаво делыити?” — “Ой, мы в саду живём, яблыкав у нас многа урадилысь, яблыки сабирам”. — “И многа яблыкав?”, — я иё спрашиваю. “Ой, многа, аж дивать некуда, прям кучи лижат в саду-ту у нас”. И я, грит, абирнулась, и ана у миня прапала, больши никаво ни сказала, ана у ней прапала» [ММС, с. Потьма; СЕВ Ф2005-2]. «Вот здесь у нас жила, ну, ана как стара девка была, ага. Я ей гаварю [после ее смерти, во сне]: “Панка, где ты живёшь? — я иё спрашиваю вроди ва сне-та. — Где ты живёшь?” “Катька, я живу в раю, — ана гаварит. — Са-ады адни цвятут, грит, так цвятут сады, — ана рассказываит, — так цвятут сады”. А я, мыл: “Ну, всё там гаварят, там ад есть?” — Ана: “Есь, есь, узнате, придёте, узнате, за што будите атвичать, вы придёте — узнате”...» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14].

Нередко в подобных рассказах акцентируется сходство между мирами живых и мертвых. В известных нам текстах указанная близость выражается через тождество основной деятельности (в частности, профессиональной) умершего на том и этом свете. «Я гаварю: “Мне вот Салай [=умерший знакомый] приснилси”. Я иму: “Ты што там делашь?” — “Да все эта ж. Из кирпича печки кладу [умерший при жизни был печником]”» [ШВИ, с. Барышская Слобода; ЦАЮ Ф2000-8]. «У миня вон у мужа дядя умир, вот сницца жине, яво жине сон, гаврит: “Што я здесь жил, што там жизнь: закатали, грит, миня бирёзовые драва”, — а он в лясу [при жизни] работал. “И там, грит, работаю, эдак же, как и здесь работал: пилю, калю, кладу”» [СЕМ, с. Сара; СЕВ Ф2006-8].

Иногда в текстах, организованных на основе упомянутой вопросно-ответной конструкции, описание того света сопровождается формулой «хорошо, но только...». С помощью данной формулы выражается определенная просьба или претензия умершего к живым, т.е. мотивация прихода связывается не столько с информированием об ином мире, сколько с указанием на конкретное нарушение сновидца или его окружения. «И стала, грит, иё спрашивать [=сноха рассказчицы спрашивает во сне умершую мать информантки]: “Баба Сар, как ты там живёшь?” — “Харашо живём, работам, у нас харашо, вот [только] сахарку нет”. Прихажу [в реальности], ана [=сноха] мне рассказываит: “Мам, значит, баби сахыру нада, ана, навернаи, сахыру просит у миня”, — ана пашла купила полкило и падала́...» [ММС, с. Потьма; СЕВ Ф2005-2]. «[Односельчанину снится умерший отец информантки (“Стёпа”); сновидец спрашивает его:] “Стёп, ты што? Как ты

там живёшь?” А он гаварит: “Живу я харашо: адетый, абутый. Всё у миня есть — сытый. Вот толька все чужии, ни магу привыкнуть”, — пахаронинта в Ульяновски, никаво нет…» [ВРС, с. Засарье; ЦАЮ Ф2000-9].

Информирование об ином мире может реализовываться в рассказе о сне не только как словесное описание того света, но и как его своеобразный «показ» (посещение). «Вот сон этыт я ни забуду: вот видала я яво больна уж в цвятах, мужа: вот што ни иду — цвяты, што ни иду — во всё цвяты — вот уж всякыми, всякыми цвятами, а я будта иду, а мне навстречу идут вроди как женщины. <…> “Ты далёко ли идёшь?” — вроди миня спрашивают. “Да иду, мыл, вот сюды — к мужику”. — “О-ой, ты, грит, к няму ни дайдёшь: туды, грит, што ни пайдёшь, то ищё больши цвятов, да”. И вярнули будта миня две женщины в чёрным, вярнули, миня: “Айда-ка, мы тибе ещё чаво пакажим”. — “Чаво, мыл, пакажите вы?” — “Вот где, грит, упокойники-ти ещё — вот стары-то, стары-ти”. — “Где, мыл?” Вот будта в гору, в гору пришли, и туда будта вдалблённа вот как яма какая туды, и мы туды — миня завяли, акошкыв нигде нет, а святло. “Вот, грит, мы здесь находимся”. — “А как же вы, мыл, здеся?” — “Мы, грит, всё здесь видим”, — вот в такую в тёмну вещу миня ввили, вот там как в гаре врыто в какои, в яму, вот мне паказали. И вот мне яво, я яво ни вижу, а толька вот гаварят, што это вот твой, мыл, мужик тама, в этих цвятах, што, грит, дальше ни пайдёшь, ещё, гаврит, больше цвятов-та» [ЗМД, с. Потьма; СЕВ Ф2005-2].

В рассказах, в которых покойник указывает на нарушение сновидца (или его окружения), доминирует дидактика. При этом сновидение может не просто регулировать соблюдение определенных правил, но и устанавливать (конституировать) их. Например, для одной из семей, проживающих в с. Потьма, описанное выше представление (о негативной роли оградок для посмертного «бытия» умерших) было актуализировано благодаря следующему сновидению: «А у нас вот нет аградки [=у родственников рассказчицы на местном кладбище]: мама тада, пакойна свякровь, дедушка-та ей приснился, свёкр-та: “Вот бы Катя, всё харашо, но эта… кругом агарожина, высокый забор, нигде выйти ни магу…” Вот эта приснился, да, ей сон… Ана тада мне говорит: “Умру, мне аграду ни делайти, ни нада никакой аграды, а то я и буду — ни вылизу нигде”» [ПВП, с. Потьма; СЕВ Ф2005-14].

Таким образом, общее (для определенного социума) представление на уровне отдельной семьи конституируется и поддерживается благодаря практике пересказа сновидений. Рассказ о сне выполняет здесь функцию своеобразного семейного предания, фиксирующего правила действий в определенных ситуациях.

Эта же функция эксплицирована, например, в следующем тексте, в котором достаточно распространенное поверье (о том, что покойники одного кладбища собираются вместе, чтобы встретить душу погребенного) актуализируется и одновременно дополняется благодаря сновидению. Во сне устанавливаются правила поведения, которых сновидица должна в даль-

нейшем придерживаться. «Вот Зойка-та вот Пахомыва, у ней муж-то умир, вот [она] тожи говорит: “Вот как покойника понисут на кладбищи, я, — говрит, — все дела бросаю и бигу коронить этова чиловека-та: там, говрят, когда этова чиловека коронют, все эти мёртвы, они ево встричают. Ну, и вот: я, грит, хожу и хожу, и он, грит, мне один раз [во сне] и говрит: “Зой, — говорит, — ты ни ходи в этыт мамент ко мне, когда коронют”. — “А што, — грит, — ни ходить-та?” — “Я, — грит, — тибя ни вижу: мы встричам, к нам го́стей нясут, мы, — грит, — все тама: мы встричам, а мы вас ни видим, кто пришли к нам”...» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-31].

В рассказах о сновидениях, в которых роль покойника состоит в основном в сообщении ряда сведений о том свете или показа инобытия, доминирующей является гносеологическая функция. «Вот у миня мать-та видила жи: иду, гаварит, глижу ва сне — ох, скока, гаварит, тока рабитёшичков и луга, цвяты цвятут, и ани, гаварит, все тута. А я, гаварит, спрашиваю тут (стаит, гаварит, женщина): “Эта, гаварит, што?” — “Ну, што, гаварит, вот рабитёшички — как детский сад”. — “А чаво, гаварит, ани?” — “Ани, гаварит, сабярают цвяточки”. — “А тут, гаварит, вот што тичёт?” — “А эта, гаварит, сахарна речка. Ане, гаврит, вот сабирают тут и папьют тут”. Ани чаво — каторы бизымянны, каторы какие, — вот ане все ходят, — уме́рши...» [КЕВ, с. Сара; СЕВ Ф2006-3].

Кладбище в с. Вальдиватское. 2005 г. Фото И.А. Морозова

При присутствии в пределах одного текста дидактической и познавательной функций обычно доминирует дидактика. Это обусловлено тем, что описание того света в таких рассказах почти всегда подчинено указанию на нарушение, т.е. сновидцу описывается (показывается) только то, что непосредственно связано с несоблюдением определенных правил. В подобных текстах дидактическая направленность может реализовываться опосредованно — через описание или показ последствий нарушений самих умерших (совершенных тогда, когда они были живы). «Он [=умерший сосед, во сне] стаит в старай фуфайки, в старай шапки — это нихарашо, канешна: в старам ва всем. “Ой, — грит, — Валинтина, как, грит, мне там плоха!” — “А што, мол, тибе там плоха?” — “Ни принимают, грит, миня нигде”. Вот... А пачиму ни принимают — он жил раньши с систрой са сваей, он грешный, вот паэтыму, паэтыму иму и плоха...» [АВИ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-1]. «У миня внучонку приснилси сон (он тятий иво, дедушку, звал): “Тять, а тять, а ты видишь маму-ту?” А он гаварит: “Нет, Вань, ни вижу, ана, — гаварит, — с избранниками, а я матирно ругался, миня туды ни пускают”, —

вот приснилси прям сон яму... Ну, с избранниками — всё-таки ана, мама, всигда гавела, ни с кем ана никагда ни ругалысь, церкви ана навищала... Ну, и вот — иво тятя-та и спрашиваит, тятя-та яму приснился...» [СЕВ, с. Потьма; СЕВ Ф2005-3].

Рассказы о снах могут также выполнять интегрирующую и психотерапевтическую функции. Так, анализ материалов, записанных методом включенного наблюдения на поминках в нескольких селах Ульяновского Присурья, показывает, что участники этого обрядового акта создают совместную «поминальную биографию» умершего, в которой рассказы о снах (главным образом, тех, что предвещают смерть покойного) занимают существенное место.

Рассказывание сновидений на поминках (как и участие в похоронно-поминальном обряде в целом), подкрепленное эмоциональной необходимостью пережить случившееся несчастье, определенным образом объединяет собравшихся. В качестве примера можно привести описание похорон четырнадцатилетнего мальчика — А. Трунина, проходивших в 2001 г. в с. Проломиха. На поминках после похорон была воспроизведена серия текстов о снах, среди которых особенно значимы рассказы матери умершего: «Сын ей все время снился при жизни, и снился очень плохо: то он упадет во сне в яму, то он приснится со всеми умершими родственниками и т.д. Все женщины на поминках начали говорить: "Это означает, что ранняя смерть — его судьба, она предписана Богом, ты не переживай" и т.п. Другая женщина, присутствовавшая на поминках, рассказала о том, что у нее умер племянник — также молодой парень. При этом она сообщила свой сон, в котором она увидела пришедшего к племяннику Бога. Бог сказал: "Ты не переживай, со всеми простись, с матерью простись, я тебя призываю". В общем, этот сон она рассказала на поминках, и мама Трунина начала немного успокаиваться» [ЛА КАМ].

В качестве показательного примера реализации психотерапевтической функции можно привести следующий рассказ. «Вот адин-то [=погибший сын], каторый втарой-та — убили у миня яво, пришли вот эдак пьяницы-те... Он уже был, яму питьсят шесть гадов было, он с жаной развёлся, жил адин, взял другова вот сына. И вот пришли ночью-та пьяны и скрутили голыву. Вот третий год уж он у миня. Вот он мне эта приснилси, што: "Я, — гаварит, — сам с ними разбярусь патом, вот". И мы знам, кто [убил], а всё равно — милиция щас так ни судит: нада дениг памногу, а у миня нет. <...> Внук — у миня задавили машиной спициально, яму тридцать адин год был, девычка посли иво асталысь, тожи. Щас ведь как: с багатым ни судись. <...> Матири [внука] приснился, тожи так гаварит: "Мам, ты ничаво ни гавари пра няво, кто задавил: я сам яво накажу"» [КАИ, с. Барышская Слобода; СЕВ Ф2006-4].

Можно предположить, что подобные сны и их пересказы для ближайшего окружения информантки (прежде всего среди родственников) инициируют действие своего рода компенсаторного механизма, ослабляющего психологический дискомфорт ситуации.

В отдельных случаях рассказы о снах используются как средство своеобразного утверждения собственной социальной позиции (мнения, отношения) или позиции определенной группы. Информантка в праздник («на Родителей») помянула всех умерших за последнее время в селе, за исключением тех, на кого была в обиде; после этого ей снится сон. «Он [=умерший муж] будта в церкву пришёл… Я всё сило помянула, а все, ково помянула, вот у нас церква там открыта, и оне будта там все под этим, ни мочит их, а на улицу глянула — а тут чирно́, дождик идёт, и каторых ни памянула, ани тут стаят. <…> Злая была на которых и я их ни помянула, и они вот окыла церкви в этим в этаком в густым, жутка да темно там. И вот ани там… Посли-те [сна, в реальности] поминала их…» [КАИ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-10].

Добавим, что подобную функцию могут выполнять не только сны о покойниках. Показателен, например, следующий текст, в котором сон также используется как средство утверждения собственной социальной позиции. При этом отчасти актуализируется интегрирующая функция рассказывания, поскольку указанная позиция выражает отношение определенной группы людей.

В настоящее время в с. Ждамирово между местным священником и немногочисленными прихожанами (в основном пожилыми женщинами) сложились непростые отношения, обусловленные в определенной степени поведением самого «батюшки», все опрошенные нами информантки священником недовольны. Это групповое отношение находит свое отражение и в рассказах о снах прихожан местной церкви. «У нас батюшка нимножка грубаватый… И как-та вот приснилась мне: темно в церкви, и этат батюшка Аликсей как-та спаткнулся да упал. Гаварю: “Батюшка, вот ни нада грубость-ту на нас пускать-то, а то видишь, мы в какой темнате”, — вот так как-та приснилась…» [ЧАИ, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-3].

Характерно, что рассказы о снах достаточно часто используются в агиографических текстах и в рассказах о сакральных локусах (см. *Никольская гора*). Во всех этих случаях рассказы о сновидениях выполняют функцию «гаранта святости», реплики инобытия, подтверждающей правильность избранной позиции или отношения.

Так, в с. Сара почитается местная целительница и провидица («нянюшка Наташа»). К ней ходили, чтобы исцелиться и узнать судьбу. В настоящее время после ее смерти односельчане посещают ее могилу и рассказывают о чудесах, связанных с ее именем (см. *Монашки*). Определенное место в этом своеобразном культе занимают рассказы о снах. В зафиксированных нами текстах умершая «нянюшка» указывает во сне на те места, которые нужно почитать (место бывшей церкви, ее могила и др.); говорит о том, как надо вести себя на кладбище; утешает и помогает сновидице обрести желаемое; оценивает окружающих сновидицу людей и т.д.

Важность таких текстов обусловлена не только их высоким статусом «реплики инобытия», но и уникальной возможностью пережить и рассказать

другим об опыте (например, об опыте контакта с умершей «нянечкой»), который в любой другой форме невозможен. «У нас вот мая заловка вот видила вот няньку Наташу: ана к ней хадила, ей уж восимьдисят семь лет, этай вот заловки-ти, ана к ней и хадила и всё. И вот, грит, мне сницца сон. Бижит, грит, саседка (тожи мёртва ана) и грит: "Пайдём-ка, грит, в агород-та". Я грит: "Чаво, грит, тама?" — "Да пайдём скорее!" Я, грит, выбягаю тожи, и ана, грит, впирёд — я, грит, за ней. И вот, грит, вот эдык вот: "Гляди, грит, сейчас". Я, грит, гляжу — и спускацца, гаврит, сверьху — вот эдак вот, грит, — крутицца-крутицца-крутицца-крутицца, и пирида мной, грит — хлоп! — и спусти́лась: нянька Наташа. Гаварит: "Слушай-кася, ты, гаварит, крестисься, а ты, грит, схади, грит, к святому-ту месту-ту и пакланись, гаварит, всем святым — к церкви", — у нас церкывь здесь была. "Схажу, няниньска, схажу! Пакланюсь". — "И так што, грит, у тя́бя падруги-ти, они, грит, чирнакнижники: ты, грит, к ним ни ходи. Найди, гаврит, лучши других". — "Каких?" — "Вот, хади [показывает в сторону рукой], а к ним, грит, ни хади". — "Пакланюсь, схажу, всё", — и абратно, грит, вот раз-раз — закрутилси и всё: стаю, грит, я адна...» [КЕВ, с. Сара; СЕВ Ф2006-3].

Основные функции рассказов о снах, в которых так или иначе описывается контакт с умершими, обусловлены в первую очередь необходимостью утвердить и урегулировать определенные правила поведения (дидактика); пережить эмоционально значимый контакт с умершим близким человеком (а также поделиться этим переживанием с окружающими). Другие функции этих рассказов определяются желанием пополнить информацию об условиях «бытия» иномирных персонажей, а также объединить некую группу и помочь ей социализировать (принять) определенную ситуацию (например, смерть близкого); санкционировать и повысить статус собственной и групповой позиции.

Е.В. Сафронов

ПОКОЙНИКА ВЫНОСИТЬ — см. Похороны

ПОКОЙНИКА ПРОВОЖАТЬ — см. Душу провожать, Похороны

ПОКОЙНИКА УБИРАТЬ

Покойника убирать — традиционный элемент похоронно-поминальной обрядности, который включает обмывание и обряжение умершего в первый день похорон (см.). В селах Ульяновского Присурья не разграничивают два элемента похоронного обряда — «обряжение» и «обмывание», и воспринимают их как единое обрядовое действо в момент, когда умерший находится в состоянии перехода «в мир иной»

и потенциально опасен для окружающих. Сразу после смерти приглашают убирать покойника пожилых набожных женщин, занимающихся этим постоянно (см. *Монашки*). «Ну, вить абмывают тожа ни все. Как раньши? Если есть чилавек, иво пазавут, он абмо*и*т. А есть специальны женщины. Ну, а щас так. Щас этава нету. Эт мама у нас умярла — сами абмывали» [ККС, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-19]. Считалось, что «покойника абразить [=обмыть и обрядить] — святоя дела». «Я с великай душой шла. Сорак три пакойника абмыла» [ТЕС, с. Проломиха; КАМ Ф2002-27]. В последние десятилетия этим часто занимаются родственники покойного. «У нас абмывают и щас сваи, сродники. Ну, вот у миня сродникав нет никаво, пришли мужики, пригласили мы их, ани пришли, абмыли, мы их угастили» [СЗП, с. Коржевка; КАМ Ф2002]. «Ну, ежали сваих родствинникав нет, пастаронних завут, катарые умеют всё эта делать» [ККС, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-19]. Существует обычай «благодарить» за обмывание, отдавая вещи покойного. «А есть специальны женщины. Там ей заплотют, дадут там эта старинька. Ну, а так старушкав благодарят. Кто адёжу атдаст посли пакойника, кто канфетачкав, а то и курицу» [ККС, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-19].

Лишь в некоторых случаях обрядовая акция *покойника убирать* связана с гендерным делением коллектива. Женщин обмывают «женщина, а мужщин — мущины» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; КАМ Ф2004]. «Сразу как умрёт, пазавут чилавека три-читыри, абычна саседей, кто рядам живёт. Если бабка умрёт, бабки абмывают, мужика — мужиков кличут абмывать. Абмывают средь дома» [ЧАА, с. Черемушки; СЛИ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 6, 2002].

С покойника снимают одежду и складывают ее в отдельный узел. Затем его кладут на пол посредине дома на заранее приготовленную клеенку. Все предметы обмывания также готовят заранее: мыло, гребень, веревки для связывания рук и ног. «Вадички скипятил, мылам, как в бани моишь». «Вады нагрели, в таз налили, мыльцам патрут» [ДЕА, с. М. Шуватово; КАМ Ф2003]. «Абмывают вот на палу́. Всё зарания пригатавляют, вмести с адёжий: мыльца там уж, тряпачки, всё нова дастают атколь там, ну где храницца-т*а* ета всё. <…> Вот, значит, растилацца клиёнка или прастынка и начинам абмывать. Моишь всё, с галавы да ног и быстра практирашь, вытирашь и адёжу начинам адивать» [ККС, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-19]. Воду, которую использовали при обмывании, затем выливают в укромное место. «А каторай [водой] абмывают, иё тожи [выливали] в старонку, проста где-нибудь в старонку» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 121].

Страх перед смертью порождает серию запретов и предохранительных мер, что отражается в ряде мифологических представлений. Запрет близким родственникам обмывать умершего связан с представлениями о «нечистоте» покойника. «Нильзя тем, кто гатовит, а родствинники гатовют, сёстры, снохи» [ТЕС, с. Проломиха; КАМ Ф2002-27]. «Я слыхала, ежали дочь или кто близкий абмо*и*т яво, он, вроди, являцца будит» [ЛПА, с. Сара; КАМ Ф2006]. С этим связано представление об обмывальщицах как о «не-

чистых». После обмывания они моются и надевают чистую одежду. Их также не допускают готовить поминальные блюда. «Нет, абмольщица к сталу ни падайдёт. Как эт*а* посли пакойника? Я вот уж абмывала, и патом сама вымаюсь и чистая адену» [ККС, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-19].

С другой стороны, распространено и противоположное представление об обмывальщицах как о «чистых», безгрешных, связанное с их статусом в традиционном коллективе: *монашки* (см.), *читалки* (см.), *обмывальщицы* выполняют роль медиаторов между миром живых и миром предков. В православной традиции нищие, вдовы, незамужние женщины «угодны Богу». «Все гаварят, шта чилавека абра́зить — эт, гаварят, как Исуса Христа с распятья снять. И я абмывала. Идут все за мной. Гроб акури, акрапи — эт всё мая работа. И на кладбищах пакрываю я» [ТЕС, с. Проломиха; КАМ Ф2002]. «Я и абмываю многа, многа. Вот сорак чилавек я абмыла. Проста я для сибя эта делаю. <...> Ну, эт гаварят нада в жизни трех пакойникав абмыть» [МЗМ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-2].

После обмывания покойника обряжали, обычно те же, кто его и обмывал. За омовение и обряжение мертвого тела полагалось угощение чаем и приглашение на поминки девятого и сорокового дней. «У нас старухи обряжали, прихадили, с малитвай. Ну, када абмо*и*шь, аденишь упакойничка, тибя, чай, и на паминки пазавут» [КАА, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-35]. Существует запрет обряжать покойника его родственникам. Причем запрещают даже наблюдать за тем, как одевают покойного. «Кто падайдет, кто смелай. Ни все тожа падайдут рядить-та. Старушки, саседи. Радным нильзя» [ЗАА, с. Чумакино; КАМ Ф2002-56]. Запрет родственникам обряжать покойника существует в связи с представлениями о его нечистоте: покойник может навлечь беду на родственников («сницца будит»).

Если раньше одежду, в которой человек умер, подавали нищим, то теперь обычно сжигают или закапывают в землю. «Адёжу сжига́м. А раньши падавали. Выстирают — чилавек рад был. Плоха жили. А щас всё жжигают. И хароша, и плаха́ — сжигают за дваром, на сваем участки» [КРС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 16]. «Сжигают иё. Ну вот как абмоют, например, завтри уж ани сажгут иё. Тут вида вроди, мол, скарее вымыть и выбросют. А утрам встают, уж там иё сжигают» [АМИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-06Ульян., № 85]. «Хто жгёт. Я вот с мужа сажгла в агароди. А хто пад забор вырыют яму, зароют» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 120]. «У меня вот мать умерла, я вон вырыла во дворе яму, всё зарыла. А хто жгёт на огне. Кто как сумеет. Кто сожгёт, кто зароит» [КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-17Ульян., № 50].

По поверьям, сжигание одежды может создавать неудобства покойному на том свете. «Вот кагда я первава брата скаранила, я всё сажгла. Мне нады бы атдать — вот у нас тут эти, Каза́ньивы, посли няньки [=крёстной] я всё атдала йим. А эта я взяла и сажгла всё. Ну, там и падушку, и всё. Ну вот. А Лене вот, снахе, сницца. “Я, — гаварит, — глижу, он в какой-та яме сидит.

Сидит в яме, я гаварю: “Дядь Коль, ты чаво весь в сажи?” А эта как вот я жгла эта всё — вот чаво! Эта ни нады, луччи падать. Чай, ане будут малицца за эта» [ШЕП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-25Ульян., № 54].

После обмывания покойника переодевали в специальную одежду, которую называли *смёртная, покойницкая.* Погребальная одежда, как правило, приготавливается заранее — за несколько лет до *смерти* человека — и хранится завязанной в специальный *смертельный (смёртный) узел.* «На смерть припасали рубашку, там, сарочку припасали, платья, платок, чулки,

Прощание с покойным у дома. 1975 г. Личный архив Е.П. Кармишиной

тап*а*чки, — всё припасали и клали в смёртный узялок» [УЗИ, с. Б. Шуватово; ЧМП Ф2003]. От обычной одежды она отличается материалом, цветом, покроем и способом шитья. «Шьют адёжу всю всё на руках впиред иголкой; узилки ни делали — нильзя пакойника завязывать» [ТВВ, с. Потьма; КАМ Ф2005-82]. Каждого православного человека, умершего естественной смертью, хоронят с нательным крестом, надетым на шею, и венчиком на лбу в виде ленточки с текстом молитвы. «Вине́чик на голаву и рукапи́сь [=молитву] в правую руку и платочик в левую руку» [АВД, д. Ростислаевка; СИС Ф2004-33Ульян., № 115].

После обмывания и одевания покойного его кладут на лавку или на стол, после чего около него начинают служить (см. *Похороны, Читалки*). «Умер чилавек, чериз два часа начинают абмывать. Абмоют, сабярут, всё, паложут на стол. У нас на сталы кладут. Визьде на лавках, а у нас на сталах. Какой есть старый стол, ну на каторам ни абедают, ну уж припасашь эта на́ смирь-та, всё припасашь заранея» [ШМВ, ШЗВ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 19–20].

Современный погребальный костюм у русских в Ульяновском Присурье представляет собой определенный комплект: у женщин — это рубашка, платье или сарафан, платок, тапочки, чулки; у мужчин — рубашка, костюм, тапочки. Необходимо, чтобы одежда была новая. «И у миня лижит вот щас смёртная адёжа для миня всё. Вот эта платья сшили мне [из белой шелковой ткани в черный горошек]. Ни *а*бизатильна [шелк], у каво какое састаяние. Эта — с платьим пояс, а то ищо на тела проста поясок, да, абыкнавенный. И вабще здаровый чилавек должин насить [по голому телу] поясок, здаровый, ни то*ль*ка мёртвый. Эта па Божьей вере. [Кофту] с сарафаном рекамендуют. А эта рубашка, вот у миня ана батиставая. Штоб*ы* то*ль*ка ни надёвана, ни стирана, ни мыта. Штаны нет. Абыкнавенныи тапачки. Вот [красный сатин] гроб абшивать. А эта калинкор — стилить, пакрывать. Ни нада [подшивать]. А эта на запас простынь палажила. Вдруг што-нибудь. Платок. А эт*а* “Божья пакрывала”. А эта чулки, чулки прастыи кладут, ни капронавы. А эта на голаву, женщине на голаву, ну, шапка на голаву. Ну, а здеся калинкор. Хто маненька сасбарит, паложит, ну а мне вот Анина дочь, эта ана мне всё купила в церкви и привизла, абадочик» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 46, 50]. В с. Б. Шуватово «адявают рубашку на няво. У каво платье — платье надявали. У каво кофта, с етим, с сарафанам, — сарафан адявают» [МЗМ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-2]. «В плаху́ адежу ни кладут хать маладой, хать старый. У миня мать умярла — в харошай адежи палажили, в новам» [МАГ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-8]. «А па-прежниму [обычаю], калинкораву рубашку с долгим рукавом (у миня вот уж чай пять лет или боле*е* — эта всё смёртна), платьиц*е*, чулочки, там какеи-нибудь тапачки сашьют или купют. А у миня вон сястра лапти припасла: “Миня кладити в лаптях!” Ни зна*ю*, што ана ахотицца в лаптях? Ну, раньши клали в лаптях. За́паведь видны была. На голаву платок, сюды кладут венчик, и саван. Шьют саван из калинкора. Здесь как калпак, здесь прориз*ь*, и накрывают, ка*г*да уж в магилу спускают, этим саваном. Яво стелют вниз, а на грудыньке-та разложинай» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 54–55].

Погребальная женская одежда. 1980 г.
Личный архив Е.П. Кармишиной

В некоторых селах распространен обычай хоронить замужних женщин в венчальной одежде. «У каво есть винчальна хто припасали. Вот у нас старуха напротив — ана сбирягла. Кольцы винчальныи — всё с ней палажили. Поис винчальный, старинный, тожи эта всё падпаясывали ей. Юбка, кофта. Павойник, раньши были павойники. Всё ана хранила и мы

иё в этим ва всем и палажили. [Передник] нет, нет» [ШМВ, ШЗВ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 21]. «Што сбирягла падвинечна, в етим и харанили. Эт как память была» [ВЕП, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-34]. «Я да сих пор винчальная бирягу. Хатела в нём. Он [=умерший муж] миня там встретит» [ТВВ, с. Потьма; КАМ Ф2005-82]. Подвенечная одежда в похоронном обряде — символ верности мужу, знак памяти. Свадебная семантика проявляется в особенностях головного убора и прически. Повойник одевали только на замужнюю женщину. «Да, абязываюцца рубцом — павойник называцца. Рубцом — косы у замужних, с абех старон па кассе, и их суда [=на голову]» [ДЕА, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-17]. «Раньши надивали павойник, шили, а щас ни шьют их. У миня мама насила, пакойна, павойник. Вот сшитай. И вот тут шнурок и вот стянут иво. У нас мама лет дваццать уж назад умярла. У ней павойник новай сшили. Видь замужня» [ЗАА, с. Чумакино; КАМ Ф2002-56].

Современным элементом мужской погребальной одежды является костюм, который приходит на смену крестьянской холщовой рубахе. «Абязатильна мушшини кастюм пакупают, новай, харашай. Раньши-та можа и ни харанили в кастюмах, а сичас нада абязательна кастюм. И в кастюми он лижит, он в рубахи-та вить ни хадил» [ЛПА, с. Сара; КАМ Ф2006-30]. «Ну, смёртная-та адёжа у миня лижала спициальна. И у нево [=мужа] и кастюм смёртный лижал, ну, всё-всё-всё. И нижнее и верхнее бильё — всё лижало. Всё да грамма нова, штобы ни надёвана ни разу. Вот у миня лижал кастюм. Я купила, палажила. Бильё я хароше*е* купила, эта, белае-белае шолкавае: и кальсоны и рубашка с длинным рукавом — эта нижне*е* бельё. Патом верьхнее: рубашка, брюки, пиджак — кастюм весь полностью новый. И новы туфли ни надёваны. Наски новыи. Всё-всё новае. Ну и нова*я* простынь штоб была, и пакрывала штобы новае, и цирковнае пакрывала. На голаву тол*ь*ка што “божий паясок” што ли он называ*и*цца? Вот сюда на голаву кладут вот так вот. И платочик между пальцами [четвертым и третьим] кладут. И малинькую иконачку вот сюды на грудь. Я, штоб [покойный муж] миня ни касался, всё-всё-всё выполняла. Вот сначала гроб абшила я красным матирьялам, калинкоравым пакрывалам пакрыла, патом “Божьим пакрывалам” пакрыла» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 45].

Костюм является своеобразным инициирующим элементом погребальной одежды. Человек традиционной культуры надевает костюм в исключительных случаях (свадьба, рождение ребенка, призыв в армию). «Я кастюм адивал, можа, раза три: в армию забирали — в братнинам пашёл, жинился — мать купила новай. Так вон и лижит он, и в гроб миня паложут в нём» [МАГ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2004-22]. Кроме того, костюм — показатель приобщенности к определенной социальной группе. «В кастюми гарадские харанили. А диривенскии — ни хужи. Кто багатый в диревни, ани ой-ой в каких кастюмах. Луччи, чем в гаради!» [МАГ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2004-22].

Обряжение в Ульяновском Присурье характеризуется тем, что наряду с современными элементами (платье или халат, костюм, туфли) сохраняются и традиционные: саван, куколь, лапти. Саван изготавливали из перегнутого пополам прямого полотнища, которое сшивали по длине с одной стороны. Ту часть, которая прилегала к лицу, немного вырезали. Саван порой шили только накануне дня похорон или утром, перед положением покойного в гроб. «А утрам, как в гроб класть, саван шьют. Саван эта из калянкору, да сех пор вот, да кален. Вот так вот загнёшь, насасбари́шь, ана вот так*я* как башлык и делацца. На спину и на голаву. Расстелют яво в гроби пряма, на падушку, вниз расстилают и кладут» [ШМВ, ШЗВ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 19-20]. «Ныни тю́лим кроют, а, бывала, толька калянкор пакроют и всё. <...> Саван-та делали старым — длинный. А у каво каротинькый. Да, как халат. И этим закрывали» [БЕФ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 19]. Покрой мужского и женского савана различался. «Мущине — мужской, женщине — женский саван. Мужской как шапка надеваецца, а женский маненька сасбаривают на лбу и вот так вот прикалывают [на груди]» [АВД, д. Ростиславеевка; СИС Ф2004-33Ульян., № 120].

С обряжением в саван связано представление о «страшном суде», где запрещено показывать лицо Иисусу Христу. «Саван всё я штибуня́каю кажнаму миртвяцу. На суд пайдёт и закроцца этим саванам. Я вот на кладбищах закрываю, толька насок аставляю. Палагацца эдак. А биз савана если паложишь, яму накрыцца нечим. У нас каранили аднаво биз савана, и он приснился систре. “Все, — гаварит, — падходют к Спаситилю, а я — нет, мне закрыцца нечим”. И ана с другой тётинькай паслала яму саван» [ТЕС, с. Проломиха; КАМ Ф2002-7]

Саван в традиционных поверьях имеет апотропейную семантику: грешников саван оберегает от жара или холода. «Шьют саван. Вот у нас аднаво скаранили, а саван-та [не надели]. Ну, он вроди партийный был, как яму? А он приснился систре-та, гаварят, привидился ва сне-та и гаварит: “Пан, так я замярзаю. Вы што мне саван эт ни шшили? Пришлити мне яво”. Ана гаварит: “А с кем я, Коль, тибе пришлю?” “Тёть Саня Цыкина вот тута есть, — у нас была старуха, далгалетница, долга ана жила, — вот с тёть Саний мне пришлити”. Вот ана умярла, и Таня атнясла и гаварит: “Тёть Сань, пиридай Коле”. Ну и он после приснился ей ва сне и гаварит: “Спасиба, я таперь в типле”» [КАЕ, с. Чамзика; КАМ Ф2003-20]. Саван защищает не только от холода, но и от огня. «Саван визде шьют. Па абычию. Гаварят, када усопший там идет за сваи грихи к Госпаду-та Богу, вот агонь, жарка ей, душе-та, и он закрывацца. Как защита. Саван нада всем: и маладым и старым. Вот нидавна мы маладова харанили, шшили, я шшила. Тут адна малодинька гаварит: “Ну, давайти ни будим яво, всё-т*а*ки маладой паринь, двaццать шесь лет”. Сбоку плажили» [ТВМ, с. Чамзинка; ГОГ, КАМ Ф2003].

Старожилы многих сел хорошо помнят традицию хоронить в лаптях. «Всю дарогу в лаптях харонют. Сичас нет, ни харонют, сичас — тапачки.

Раньши всю дарогу в лаптях. Их не была: ни тапачек, ни туфлей, ничаво не была. Всю дарогу в лаптях» [ТВМ, с. Чамзинка; ГОГ, КАМ Ф2003]. «У нас аднаво харанили в лаптях. Здесь, при мне уже. <...> Он и хадил всё время в лаптях, и сказал: палажити в лаптях. Ево в лаптях харанили. Эта абычай старинный. Ну, эта адин случай толька ва всей Кандарати» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 44]. Оборы при этом оставляли завязанными, несмотря на то что существовал обычай развязывать на покойном узлы (см. *Погребение*, *Похороны*). «В лаптях [хоронили раньше]. Ни развязывали [оборы], чай, он там будит хадить. Раньши видь и так хадили, запутаешь, запутаешь этими аборами, завяжишь, штобы ни спадывали. А то и там упадут» [КЕМ, КЗМ, с. Коржевка; МИА Ф2001-29Ульян., № 32]. Сейчас информанты объясняют обряжение в лапти материальным положением покойного. «Бедных в лаптях каронют» [ВЕП, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-34].

Традиция обряжения в лапти поддерживается существующим представлением о том, что на том свете липа, из которой сплетены лапти, расцветет и поэтому покойному будет легче ходить. «Я маму палажила в лаптях. Ну, ни нада ей тапачки, вроди и старинькая. Да ей так нада, ана всё припасла сама. И анучки были у ней саматканны, сама жи ткала, и аборки. Ну, ей так нада была, ей так захателась. Ну, у нас прежди, всё гаварят, вот там [=на том свете] липа-та расцвитёт, и можна хадить ей там. Ну, ани липавы, из липы, расцвитёт, и ей легчи будит» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 11]. Бытует представление о том, что липовые лапти могут прорасти деревом на могиле. «А у нас сын Шуру-та взял так в лаптях и палажил в гаради. Липинка [=липа] у ней на магили расцвитёт, если ана в лаптях паложина. Рази плоха — липинка?» [МЕП, с. Проломиха; КАМ Ф2002-9]. В селах, где прежде значительную часть населения составляли старообрядцы (*кулугуры*), лапти и лубок, которым выстилали дно гроба, считались отличительным признаком именно этой группы. «Абычай у них был такой, штоб на нагах были лапти и вот на дне гроба — лубок. А остальное всё так же, тут разницы никакие» [КМВ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-12Ульян., № 12].

Традиция приготавливать «на смерть» лапти существует в Ульяновском Присурье до сих пор, поскольку сохранились представления о том, что в лаптях умерший будет ходить по тем местам, по которым ходил при жизни. «У некатарых и сичас лапти на смерть пригатовлины, патаму шта в них хадили. Эта была павсидневна обувь. Ну, и втарое: вроди в то время как туфли, тапачки какие-та легки, их не была же. А если они были, купить-та не на шта была. А лапти — эта как очинь легкая обувь. А там вить будут вадить на том свети па всем тем мистам, где был на этай зимле, в этам мире. А вот штаб хадить-та была мяхко́, паэтаму надявают эти лапти» [ЛПА, с. Сара; КАМ Ф2006]. Бытует представление о погребальных лаптях как обереге. «Стары люди ани в лаптях хатели. Да, вот у миня свякровь, ана в лаптях. А так вабще-та в тапачках. Пачиму в лаптях? Лапти-та плитуцца, тут крестики там на лаптях, защищат вроди

Бог» [ПМВ, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-19]. Крестообразное плетение лаптей воспринималось как оберег для покойного на «том свете».

В настоящее время наиболее распространенной обувью для покойного являются тапочки или мягкие туфли «штоб, наверна, хадить была харашо, мягкó» [ЧНВ, с. Коржевка; КАМ 2002-10].

Смертная одежда из с. Б. Кандарать. 2006 г. Фото И.С. Кызласовой

В обряжении большое значение имеет цветовая гамма погребального костюма, используются белый, черный и красный цвета. В основном это имеет значение для женского погребального костюма. «Женщин харанили в тёмнинькам платьи, можна с цвяточками мелинькими. Я в*ы*т сибе патимне*й* пригатовила» [СЗП, с. Коржевка; КАМ Ф2002-32]. В некоторых селах запрещается хоронить в темной одежде. «Так гаварят, будта если в тёмнам платьи пахаранить, пака он весь на солнышки дóбела ни выгарит, всё там будет лижать. Ва светлам харанить нада» [КАА, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-35]. «Нет, в чёрнам ни ложут. А што ни ложут? Вот, мыл, там миртвец ходит па гарам. Никак вот у ниво ни выгарит, мыл, чёрна платье, ано долга ни выгарит, и ни прибярут яво. Миртвец, он должин быть в белам» [КЕЯ, с. Сара; КАМ Ф2006-56]. «Раньши в диревни в белам харанили, а патом ситиц всякий в магазинах паявился. А што в белам харанили? Ткали-та сами, краскай ни красили, вышивали» [КМИ, с. Чумакино; КАМ Ф2002-65]. Белый и черный цвета в погребальном обряде сосуществуют, но различаются по использованию: белый — цвет одежды покойника, черный — цвет траурной одежды. «Да, эта, да. Женщины носили чёрна долга, эта да сарака дней насили раньши эти чёрну палушалычку, платок чёрнай насили» [ТВВ, с. Потьма; КАМ Ф2005-82].

Цвет погребальной одежды носит и эстетическую функцию. «Какой-либа цветам должна быть смёртная адёжа, ни абязатильна тёмная. У каво какой. У каво нарядная, у каво бела. Па жаланью. Каму какой панравицца. Ну, больна белава-т ни у каво нет, а вот цвяточками какими-та» [ККС, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-19]. «Ну, канешна, бальшинство в белам кладут, красивéя, раньши пакультурний харанили» [КЕЯ, с. Сара; КАМ Ф2006-56]. «Вот мне уж

симисят с лишним лет. У миня палушалка ширстяная с цвятами и рубашка для миртвяца бела алинькими, как клубничками. И сама сибе сшила платье галубоя-галубоя, рамашкай белай!» [РАА, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-7].

Обряжение сопровождается действиями (заплетанием волос, связыванием рук и ног), которым в народных представлениях придается магическое значение. Волосы покойной заплетают особым образом. «Косы ищó заплили тут на палу-ту. А косы ведь ни так плетёшь как вот [обычно], а на и́звароть плетёшь. Заплили, "калодкай" сделали ей косы: туды канец, туды канец и апять эдак сунули и завязали. Грибёначку ваткнули» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-07Ульян., № 97]. «Косы заплятают тóлька вниз. Задам напирёд [пряди волос скрещивают назад]. Так нада» [ХНИ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-64]. По традиционным представлениям, покойника отправляют на «тот свет», поэтому действие совершается по принципу перевернутого мира. С одной стороны, такие действия совершаются с целью обезопасить себя от вредоносного влияния покойника, с другой — направлены на то, чтобы покойника приняли в ином мире. «А на том свети, видь так. И у всех так, наверна. Ни знай, абычай такой, как щитацца? Вроди, как паложина далжно быть. И ана там будит как нада, как паложина» [ХНИ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-64].

Обережной функцией в обряжении обладают пояс и нательный крест. По представлениям жителей Ульяновского Присурья, «без пояса ходить грех», пояс считался предметом сакральным, так как он давался каждому при крещении. Ходить без пояса считалось «неприличным», особенно молиться Богу и спать без него. Христианская символика молитвы «Живые в помощи», которая привязывалась к поясу, и нательного креста как символа веры и искупительной жертвы Христа понимается как оберег. «Да, каторы накупают паясок, каторы адявают. Падпаясывают малитву, штаб не была бяды — "Живы в помощи". Старикам, да, падвязывают, старикам. Брюки пад рубаху падвяжут. Он старичок. Распаяскай — как татарин. А эт он падпаясывацца, идёт на правидный суд» [ДЕА, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-39].

В некоторых селах считается необходимым надеть покойному новый крестик, при этом старый также остается с ним. «Так на чилавеке [крестик] астаёцца. У миня у мами вот два: новый был у ней крестик и что на ней был. С ниё мы сняли, палажили в гроб, а новый надели» [БВН, с. Жемковка; КПС, СИС Ф2004-46Ульян., № 14]. Часто крест надевают даже некрещеным или кладут в гроб. «Некрещёным даже кристик одявают. Всё равно кладут хрёсты. Пускай и ни насил, а всё равно с хрёстом харонют. Гасподь сам будит уж их судить» [ДЕА, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-39]. Существует обычай родственникам обмениваться нательными крестами с покойным во время обряжения. «Новый крестик одявают, а старый родным атдают, радные адявают. Ну, ежали вот мать у миня умрёт, я жи ни брезгую ей, я же адену сама яво» [СЗП, с. Коржевка; КАМ Ф2002-32]. «Я вот мамин крестик нашу и он мне памагат. Бабушка абмыла, стали адивать и новинький крестик палажили, а этат я взяла» [ВЕП, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-34].

Особыми чертами отличается обряжение незамужних и неженатых людей. В большинстве случаев связь представлений «смерть-свадьба» выражается только в обряжении покойного. «Как нивест сабирают, так и иё кладут. Видь ана малада умирла, ана бы замуж вышла, иё уж и сабирают как [замуж]. И парня в кастюм, рубашка белая. Паследний путь, больши уж ани ни наденут нич*ав*о» [СНА, с. Русские Горенки; АМИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-06Ульян., № 88]. «Ежали девушку каронют, иё каронют в етим, в белам платьи, в белых туфлях. Как нивесту. Ну и маладова чилавека тожа. Девушку-т*а*, вот, адна умярла — нивестина купили» [ВЕП, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-34]. «Дивчонычка умираит здесь, сабирают как нивесту. Сабирают в винчальную адёжу. И фату, и венчик надявают, бел*а*я платье, да. Харашо каронют» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 53]. «Если девушка умерла да замужества справедлива, хароша — эта харашо. Ни знаю п*ы*чаму, но то*льк*а харашо больна. Да замужества [умрет], как гаварят, больна харашо! Эт*а* очинь харашо! В кравати с парнем не спала́. Эт*а* харашо. Ей надявают венчальну платья — бела. Ну, а паринь — всё так же, да» [АМИ, АПА, с. Кадышево; КПС Ф2004-11Ульян., № 90].

В последние десятилетия распространился обычай класть в гроб вещи, которыми покойный постоянно пользовался в повседневной жизни. «Всё кладём: зубы туды в гроб, ачки клади» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 60].

Если покойника снарядили неправильно, то это можно исправить, послав недостающие вещи со следующим умершим. Покойные сообщают живым об их упущениях в сновидениях (см. *Вещие сны*, *Покойник снится*). «Пасылают, пасылают. Кладут в гроб эдак жа и... Вот у нас адин, у Вали сын помир, пьяница, и он ей приснилси. “Всё гаварит харашо, толька, гаварит, этава нету, калпака у меня”. Ну мужикам на плечи и щас калпаки надиют. Шьют из белава материя*ла*, с калпаками. Вот ана шила и пасылала. “Я, гаварит, палажу, гаварит вота — с плимянникам с маим, с Мишкай. Можна?” — гаварит. А Матрёна гаварит: “Можна, можна, клади”. Палажила яму и всё, больши, гаварит, ни видицца» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-07Ульян., № 100]. «Схоронили у нас однаво вот человека биз савана, и ни акурили гроб. Он им приснился, говорит: “Што вы миня дажи и ладана пожилели, а голову, — гаварит, — положили миня биз савана”. Потом, кто умир, вот клали ему в гроб саван и отправили» [АМФ, с. Сухой Карсун; КАМ Ф2004-17]. «Вот адна умярла, ну, брат иё каранил с жаной — снаха. А ана умярла в бальницы. Ну, иё [=сноху] пригласили, айдати иё абмывать, сабирать. <...> И сабрали иё. Ана, снаха-та, ей грязна платья, гаварит, дала, платочик на ниё абвязали худой, старинькай. Падвязали иё. И иё увидали ва сне. “Как, гаварит, Маня живёшь?” — “Как я живу. Так-та бы нужды нет, галышом хажу. Хыть бы и́глу мне дали, зашить-та на сибе ведь нечим, хыть бы и́глу дали. А я, гаварит, галышом хажу”. А ей стали гаварить: “Женя, вот так и так, Маню видали”. — “Таперь, гаварит, многа наскажут!” Ско*ль*ка-та прашло, иё другая увидала. Другая-та взяла да сваё платья... А умярла женщина, ана взяла да сваё платья ей атнясла, пала-

жила в гроб. Ну и падашла [к покойной] и гаварит: "Тоня, гаварит, пажалста пиридай Мани". Вот. Пиристали иё ва сне видать» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 76].

«Отправить» покойному вещи можно также, отдав их кому-либо. «Ни пасылала я са следущим умершим. Я маму палажила в лаптях. Ну, ни нада ей тапачки, вроди и стариинькая... Вот вижу [во сне] иё басиком, вижу иё басиком. Ну и вот, ана мне: "Да я и ни знаю, зачем ани правадили миня так". А кто правадил, я и ни знаю этава. Да тех пор иё басиком видала, пака тапачки ни атдала. Я ни в магилку атдала, а людям. Женщина вот тут гаварит: "Ой, спасиба". Ана до сех пор их биригёт. "Ой, — гаварит, — спасиба, спасиба!" И вот я с тех пор, сразу атдала тапачки, и всё, с тех пор маму ни вижу» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 11].

«Смертная одежда», в которую покойника облачают перед смертью, связана с одеждой, которой он пользовался при жизни и которую было принято раздавать родственникам, односельчанам или нищим, поскольку пожертвование символически возвращало эту одежду ее владельцу, т.е. покойному. О наличии такой символики свидетельствуют другие способы избавления от одежды мертвеца: ее сжигают или закапывают в землю, то есть фактически возвращают владельцу.

Близкие покойного раздавали его одежду через некоторое время после похорон (обычно через сорок дней). Хорошую одежду обычно предлагали родне и соседям. «Радныи всё сабрали, он [=муж] любил адиваццa чистó, читыри кастюма была. Харошии-ти вещи забрали плимянницы сваим мужьям, рабятам. Атдавала саседям, вот прихадил мужик-та, ему три рубашки насила. Адной панисла [белые рубашки]: "Мне видь эти ни нада, мне видь нады чёрны, мы ни стирам, как ты, Марь Никалавна. Всё в грязе возимся". Я гаварю: "Ну, как хочите, другем атнису"» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 40]. Остальную одежду относили одиноким старикам и тем, кто живет бедно. Причем полученную одежду следовало носить, в противном случае покойный «обижался». «У нас вот умярла в саседи-та женщина, высока, здарова. Ну, пално тагда привизли мне, а я маниинька, а ана высока. Я пално раздавала, и эта адной женщини приснилси сон. Гаварит [покойная]: "Ты што ни носишь? Чилавек тибе дал насить, а ты ни носишь!" Да, да, да, вот ана мне гаварила. "Ты, гаварит, што ни носишь? Тибе чилавек дал насить, а ты ни носишь". Прям, гаварит, на миня с серцем. Вот чё-та всё равно есть...» [ШЕП, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 126].

Если же близкие не раздавали одежду покойного, это, по поверьям, ухудшало его положение на том свете. «Гаварят, кагда чылавек умираит и нады яво адёжу падавать людям. А то кагда ни падашь, он видицца ва сне очынь плоха адет. И людям видицца. То скажут: "В плахой абувки видали. Плахая адежда на нём"» [КЕМ, КЗМ, с. Коржевка; МИА Ф2001-29Ульян., № 32].

А.М. Карвалейру, И.С. Слепцова

ПОКРОВ — см. Гадания, В кельях сидеть

ПОКУПАТЬ КОРОВУ

Корова, как и скот в целом, занимала в крестьянском быту особое место, так как от нее во многом зависело благосостояние и благополучие крестьянской семьи. Корова воспринималась как полноценный член семейства: не случайно самое распространенное обращение к ней — «доченька», «дочка», а несчастье, случившееся с ней, расценивалось как серьезная беда. Этим объясняется тот факт, что с такими «переходными» и потенциально опасными событиями, как покупка, ввод коровы в новый дом, отел, первый выгон на пастбище, связано большое количество поверий и магических практик.

Выбор и покупка коровы — важный и ответственный момент. При приобретении коровы необходимо было соблюдать определенные правила. «Вот, гаварят, па тичению нады брать скатину, насупрать нильзя. Насу́прать скатину ни пакупай!» [ХПС, с. Проломиха; МИА Ф2002-26Ульян., № 47].

Если продавец владел вредоносной магией, то он мог «отобрать надой», то есть сделать так, чтобы корова после покупки перестала доиться (см. *Колдун*). «У нас мать пашла покупать карову. На даму́ ана уж больна ей надаила харашо. Дамой-та пришла — ана ни ка́нит. Но *всё* равно ана иё падаржала сутки, потом гаварит: “Иди абратна. Ты, грит, видна прадала нам с какем-нибудь, с нихарошай приятнастью. Ну, я у тибя дойку це́лу надаила, а дамой пришла, ана мне дажи капли ни даёт, тяну-тяну за титьки, ана мне ни дает, мол”. Ничё. Но ана у ней абратна взяла. Мама атвила карову-ту эту. Вот каки калдуны были — атымали малако» [ТМИ, пос. Сурское; СИС Ф2000-16Ульян., № 101].

Однако покупатель, приняв меры предосторожности, мог противостоять действиям колдуна. «Иму нада карову. Ана калдунья. Все гаварят: “Ана знат”. У ниё карова и тёлка стельна. Оби: и карова дойна, и тёлка. И нашим-та гаварят: “Ни хади, Стёпка, ана знат. Ты будишь биз малака с симьёй”. И адин таварищ, Петька, ёво научил: “Ты, гаварит, вот как. Ты за ней наблюдай. Ана выйдит на двор — у ней тирпенья нет — калдунья-та. Ты за ней наблюдай. А кагда са двара-та павидёшь — ни пирядо́м, а задам”. Ну, ладна. Дагаварились. Всё. Хароша карова. Падаили. Сели за стол, выпивают. Ана фырк — на двор. Он сам гаварит: “Што-та сташнило, я выйду”. И ана быстра — вот рубашку, я ни знай чью, сняла эту рубашку — раз — с нашей каровы вымя [обтерла]. И к сваей тёлки. И павесила их тама. Наш смикитил атец-та. Я гаварит, иё раз — в пазуху. И скаре в избу. И сижу за столом. Ну, *в*сё, гаварит. Привили дамой иё. Дамой привили иё. Дайт харашо. Калдунья бигит, у ниё тёлка ни дайт. Идёт: “Стёпка, ты атдай мне рубашку”. Он гаварит: “Какую, я никакую рубашку ни брал”. — “Нет, ты взял, у миня тёлка — никак ничао”. Он гаварит: “Я ни калдун, я ничао ни калдую”. — “Стёпк, пажалей миня. Я вот так сделала. Ну, давай напапалам разарвём рубашку-ту. Малако будит и у тибя, и у миня”. Он гаварит: “Вот так делать ни нады. У миня шесть чилавек рибятёшик. Если бы я ни заметил, я б сидел без малачка. А у миня душа-

та прастая — апять тибя жалею". Разарвали рубашку — паловину атдала» [ХПС, с. Проломиха; МИА Ф2002-26Ульян., № 46].

При совершении сделки было принято *ставить магарыч*. «Делали. Ну, что прадаёшь. Карову ли, лошадь ли. Магарыч. Выпивают» [ХПС, с. Проломиха; МИА Ф2002-26Ульян., № 44]. «Магарычи́ ставят, хто купил. Бутылку. Кагда купят карову или ищё чаво. Водка, хлеб. Да чаво больши? И женщина выпьит, закусит. И мужики выпьют, закусют» [МАМ, с. Тияпино; МИА Ф2001-18Ульян., № 75].

Мужчина из с. Кадышево. Начало XX в. Личный архив Власовых

При вводе коровы во двор необходимо было совершить ряд магических действий, направленных на то, чтобы корова прижилась на новом месте. Из дома бывшего хозяина брали кринку или банку, а также поводок (веревку). На взятом поводке вели корову в новый дом. А в кринку нацеживали молоко при первом надое. «Вот я пакупала коз, я брала паллитру, литрову банку, вирёвку там. Види» [ХПС, с. Проломиха; МИА Ф2002-26Ульян., № 47]. «Ну, брали. Покупали, оттоль бярут вирёвочку. Или какой-нибудь ведерко или бокальчик, вроди, с ней. Там же чево-то говорят. Каку-то молитву» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2002-31Ульян., № 64]. «Гаршок и вирёвачку [берут у старого хозяина]. Ну, павадок, павадок эта называицца. Дамой иво. Или за шею — ана пайдёт. Или на рага [набрасывают эту веревку]. Карову жи видёшь — ну как жи! Ана [веревка] астаёцца дома. Можит за травой, кагда пригадицца, сходишь» [РЕВ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 34]. Это делалось для того, чтобы корова не отбивалась от стада, приходила домой и давала молоко. «И щас эдак. И вирёвку. Эта с исстари веку — с исстари гадов. Так и придерживамся. Штобы малоко, вроди, мол [было]. И дамой [корова] хадила. Если я у каво карову биру — штоб на ёво вирёвачки. [В банку] и це́дим в ниё, а вирёвачку павесим куда-нибудь» [ГАФ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-27Ульян., № 20].

В воротах нового дома необходимо было расстелить пояс, через который корова должна была перейти. «Всё гаварят, с сибя сыми поис и пастили. Штобы ана чириз поис пиришла бы. Только поис с сибя сними, пастили» [ХПС, с. Проломиха; МИА Ф2002-26Ульян., № 47]. «Римень расстелишь в варата́х — пиривидёшь. Пириводишь карову. С хазяина. "Дай нам Бог счастья". Завидёшь иё на двор. Хлебца кусочик ей дашь. Вот заводишь, штобы римень был расстилённый. В старам доми брали [горшок], штоб Бог счастья давал. Малако цидили в ниво» [МАМ, с. Тияпино; СИС Ф2001-

18Ульян. № 75]. Существуют разные объяснения, каким должен быть пояс: мужской ремень, женский пояс, простая веревочка, пояс «Живые помощи». «Поис клалси в варатах. Поис клали. “Живы помащи”. Штоб карова шла чириз пояс. [Пояс снимает с себя] хазяин и хазяйка. Ну, вмести. Поис хозяйки. Привяла б я корову вота. Я б пояс стащила ба. И в варата́ иво рассилила ба» [РЕВ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 34]. Иногда в воротах стелют сено. Когда корову приводят на двор, «баславляют иё, акуривают иё. Бирут свечычку, угалёчык. Акурят иё. [В воротах] стелют соломки или синца́» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2002-31Ульян., № 64].

Сельское стадо в с. Ждамирово. 2007 г. Фото П.С. Куприянова

Обязательно просили домового, чтобы он принял скотину в своем доме. «Вот, например, купи вота лошадь или карову: “Дедушка дамавой, прими! Дедушка дамавой, прими, там, каровку иль лошадь. На нова житильства пришла. Прими с радастью, дай нам спарыны́й!” А “спарынья́” — карова там даить будит, тилёначик там будит, эта всё. Вроди, надёжа на ниво, надёжа. Как, вроди, в бага*т*ства тибе. Как в бага*т*ства. А если катору ни примит, то карова акалет, или лошадь акалет, или там парасёнак, или чао ли. В дом он пришёл ни с харошим» [ТРП, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 9].

Для того чтобы «молоко было» и «корова домой ходила», совершались и обряды первого выгона скота на пастбище. Существовал обычай выгонять корову вербой (см. *Вербное воскресенье*). «Корову выгоняли в стада. Как первый раз выгоняшь, так и эта [вербочкой похлыщи]. Потом домой иё [=вербу] принисёшь, штоб домой она [=корова] ходила на двор. Домой иё бросишь, на двор, штоб она обратно ходила. Скотина на двор» [РКС, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 42]. «Вот кагда стада выганяют, с вербай выходют са двара. Са двара выходют. Первый раз выганяют» [ХПС, с. Проломиха; МИА Ф2002-26Ульян., № 51]. Обряд совершали с иконой (см.), причем предпочтительнее для этого было использовать икону Николая Угодника (см.).

После Пасхи стадо передавалось пастуху, которого накануне первой пастьбы было принято одаривать «за насту́шье» продуктами. «Как жа? Пару яиц, где липёшку испикут. У них сумка висит, и кладут в сумку. Завтра стада выганять. Если ни лепёшку, то кусочик хле́бца» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 70]. В первый день выгона стада на пастбище корове подстригали хвост. «Вот я выганяла, у меня всё тут начи́тница, тётя Нюша была, что-та хвост я пастригала. Пришла вечирам. Тоже с малитвой иё в хлев запускала. Вот так прутиком её и выганяшь. Эта начётница

гаварила нам: “Нада карову *с*перва вербушкай. Карову *в* первы дни нада вербушкай. А, иди, Мая, иди с Богам, питайся на лугах!”» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., №71].

Важным событием считался отел коровы. Чтобы корова благополучно отелилась, заказывали молебен святому Власию. «А скатинки мы заказывам малебны — Власию святому. Он шушшиствуит для скатины. Спасат скатину. В любой день. Вот, к примеру, у нас скора карова атили́цца — я абязатильна заказ*ы*ваю малебин Власию святому» [ГАФ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-27Ульян., № 19]. Сразу после отела принято было *обмывать копытца* (*копыта, копытки*), то есть устраивать выпивку в кругу семьи и близких соседей, как это делали и при рождении детей (см. *Родины и кстины*). «Карова ате́лицца. Айда, капыта абмывать. Нада абмыть. Сирьезно было. Капытки надо абмыть. А то он [=теленок] хадить ни будит» [РАИ(1939), с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 53]. В холодное время теленка обычно заносили в дом, попросив предварительно благосклонности домового. «Вот у нас, вроди: “Дедушка-дамавой, как хазяив люби, так и приплод люби!” Вот эта вот пригаваривают, ка*г*да вот, хоть скатину, там в и́збу тилёнка [заносят] — карова ате́лицца. И ягнят, бывала» [КЕА, с. Первомайское; СИС Ф2001-06Ульян., № 10].

После отела необходимо было окурить корову травой, собранной на Ивана Купального (см.), богородской травой или травой, принесенной с Никольской горы (см.), а также ладаном. «Это акуривали, кагда. Щас ни акуривают. Вот багародска трава. Праводишь па вымичка, раза три, вакруг ниё, эта дымком, багароцкой травой» [ХПС, с. Проломиха; МИА Ф2002-26Ульян., № 50]. «Вот мы акуривам. Ладен разагре́ем на угля́х. И кто дайт у нас, акури́т иё — и тут. И тут, и тут — этим воздухым. Ну. Он дымит немножка» [РАИ(1939), с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 54]. «Это кристили когда ана ателицца. Акуривам иё. Кладут жарку́ на скавародку. Или ладану палажу. Или травка, такая есть травка — божья — на гарах она. На Сурскай гаре есть ана. И вот палажу. Тилёначка акурю. Патом пайду карову акурю. Пайду блаславлю три раз*а*. Па солнцу абайдёшь иё акуришь, пирикристи́шь. А тут тилёначка» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 72]. В некоторых случаях окуривание совершали через неделю после отела. «Окуривут. Подоя́т там с недельку, а потом окуривут. Свечку и ладан. Обходют ее. И “Богородицу”. Три раза с “Богородицей”» [ВМП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-21Ульян., № 23].

Иногда окуривали корову шерстью, срезанной со лба и хвоста животного. «Окурю. Ну, со лба там сризаицца, с хвостика. И всё на сковородку. Угольков горячих. Свечечку положить. И всё эта дымит. Кругом обротти, ну и под ней, три раза под вымя. И молитву конечно. И помыть тёплой водичкой, прибавить святой можно водички. Вот тебе всё окуривания» [СМА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 115]. Черепок с ладаном, травой или шерстью водили от головы коровы к хвосту и по бокам крест-накрест, при этом действие совершалось три раза.

Чтобы у коровы не было грудницы, вымя после отела мазали глиной и обводили его камушками из святых источников (см. *На святой родник ходить, Никольская гора*). «Вот идут и дастают камишки из радника [Девятая Пятница в с. Коноплянка]. Гаварили вот эдак, если карова ателицца, у ней бываит грудни́ца. И вот этим камишкам иё абводют. Это, грит, для коровы» [ГАМ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 68].

Молоко, надоенное сразу после отела, было непригодным для использования, что иногда мотивировалось тем, что оно «накуренное». «Все говорят, накурина малака ни пьют» [ХПС, с. Проломиха; МИА Ф2002-26Ульян., № 46]. Вместе с тем существовал и запрет пить молоко коровы, которую не окурили.

Ряд манипуляций производили с коровьим последом: его забрасывали на жердь (*перево́дину*), зарывали в навоз, бросали на крышу. «Места-та? Пасляд? На пириво́дину вешали, высахнит. А то в кучу всё заваливали, в навоз. Штоб сабаки ни тряпа́ли или что? Тагда уж выбросют иво в навозну кучу» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 73]. «Это кагда карова ате́лицца. Это вот места у ниё астаёцца — тилёнак выйдит. А патом эт кяшка падат — асвободицца. Кто ни углидит — ана съедат видь. Караулют. Убирают. Вот на крышу ки́дали. Для птиц. Мама миня так учила. И я всё время так делаю» [БАИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-05Ульян., № 106]. Это делалось для того, чтобы послед не смогли съесть собаки или сама корова, т.к. считалось, что это могло нанести ей вред. «Мама гаварила — зарывали. Вот слидят, а то собаки унисут. Не вилят вот. Кака-та есть примета, карова ли забалет» [БАИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-05Ульян., № 106]. «Я прям выкидывала в навозну кучу. Штобы не съела корова. Ана прям балеит посли этава. Прям балеет» [ВМП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-21Ульян., № 26].

Кроме того, считалось, что молоко коровы, съевшей «место», нельзя пить. «Куда? В навоз. Только следить надо, чтобы она не съела. Говорят, вот если место-то корова съест, значит, шесть недель — полторы месяцы — молоко не идят. Говорят, ни най, грех. Вот старичок у нас тут был. Он полтора месяца молоко не ел. От коровы» [СМА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-21Ульян., № 1-2].

Опасность грозила корове не только во время продажи или отела, но и в любое другое время. Например, «знающие» люди (см. *Колдун, Ворожея*) могли забрать у нее молоко. «Есть которы, есть. И вот она на улицы дои́т, моя-то матушка, и старуха идёт: “Вот, видишь, скоко молока ты надоила, а никогда мне молочка не дашь”. И матушка пошла по второму разу — молока у коровы в обрез» [ГАФ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-27Ульян., № 19]. Кроме того, корову могли украсть, поэтому существовало много магических действий, направленных на поиск скотины (см. *Гадания*). Чтобы узнать судьбу пропавшего животного, часто обращались к специалистам (см. *Отец Максим, Ерошкин, Болящие*). К специалистам обращались и в том случае, если животному нужна помощь (см. *Монашки, Ворожея*). «Выгнал он стадо — ана [=корова] грохнулась и в этот [овраг]. Ну и вот, и вздумала умирать — язык высунала —

лижит. И такая старушка была, мы ходили за этой старухай. Ана чаво-та на вадичку накалякала, умыла карову, и с ней всё прашло» [ГАФ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-27Ульян., № 21]. «У каровы — сама эта я делала. “Багародицу” и бизымённым или указатильным пальцим [обводила]. “Багародица дева радуйся [далее следует текст молитвы]. Присвятая Багародица, спаси тёланьку — как звать иё, Нарядка или как ли, — прапади эта грудница”. Три раза-та па вымю хрестом-та. Три раза. Три малитвы. Спаёшь три раз иё. И па груди три раз эдак жи пальцим-ти правидёшь. Я ниделю хадила у дочири. Прапала у карови» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 5].

Считалось, что помимо людей скотине угрожают уж (см.) и ласка. Повсеместно распространено поверье, что если уж сосет корову, она не будет доиться. «Карову сасал. Встанут малака нет — уж корову высасывал. Начали слидить, почаму нету молока. И вот он, грит, приполз, насасалси» [ТМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 71]. Корова не будет давать молоко, если уж проползет по животу вокруг коровы. «Если он вот так карову пер*и*палзёт, акружит вот так [по животу] — то всё. Даить ана ни будит — чао ли?» [СНИ, д. Александровка; СИС Ф2004-10Ульян., № 36]. Аналогичная опасность исходит и от ласки. Если ласка перелезет через корову, то корова будет сохнуть. «У нас всё дедушка и бабушка гаварили, если ласка (ани такии звирьки белиньки, шустры, тониньки) чериз карову пирилезит, то карова будит сохнуть» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 106].

А.П. Липатова

ПОМИНКИ

П*оми́нки* (*поми́н, па́мять*) — это составная часть обрядового комплекса, связанная с отделением умерших, их выпроваживанием в специально обозначенное пространство (см. *Погребение*), где они обретают статус «предков», и регулярным поддержанием контактов с ними (см. *Вещие сны*, *Летун*). Обряд поминовения состоит из двух основных элементов: литургия в доме родственников умершего и поминальная трапеза. При поминовении на сороковой день (см. *Душу провожать*) к этим элементам добавляется церемония «выпроваживание души», а в поминальные дни — посещение кладбища.

Поминальная обрядность Ульяновского Присурье традиционна по составу: поминки в день похорон (см.) — *горячий обед, горячий стол*, а также в девять и сорок дней после смерти, в полгода и год (*годины*). В некоторых селах существуют поминки на тридцатый и на двадцатый дни. Отдельно выделяются поминальные дни, которые входят в цикл календарной обрядности: родительская суббота (суббота за две недели до Великого поста), троицкая вселенская родительская суббота (суббота перед днем Святой Троицы, вторник Фоминой недели (Радоница) — второй вторник после Пасхи, Дими-

триевская родительская суббота (совершается за неделю до 8 ноября — дня великомученика Димитрия Солунского). Кроме того, существуют *сборные родители*, когда разрешается поминать самоубийц. «У нас маслински “радитили”, троицки “радитили”, пасхальны “радитили”, патом сборны “радитили” — всех вот и удавлинникав, и утоплинникав — эта сборны. Эта посли Паски нидели чириз две эти “радитили” бывают, посли Радавницы, там сборны “радитили”. Всё эта жа, нясут [на кладбище] у каво чаво есть. Кутью делают нясут, блины нясут, у каво квас есть такой вот хлебный, яво нясут — всё нясут. <...> Раньши не была кутьи, варили гарохавый кисель. Нясут на кладбища» [ГАИ, ФАИ, с. Коржевка; МИА Ф2001-28Ульян., № 22].

Порядок следования обрядов определяется христианскими представлениями о прохождении душой испытаний в загробном мире. «Какии паминки? Как паложина: девять дён, сорак дён. У каво там уж близки радители — палгода, патом год. Абязатильна ходим на Паску, на “радитилив” — эта тожи памин считацца. Но девять и сорак дён абязательна. Эта мы душе памагам. Ана на сорак дён к Богу паднимацца, а да дивяти дней ана па сваим всем мистам праходит и в церкви, гаварят ищё, па мытарствам ходит душа. Саракавины и девять дён паминать абязатильна» [ТВМ, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-8]. «Пакойнава харанили в третий день посли смерти, а заключалась эта в том, что пакойник был крищён ва имя Атца, и Сына, и Святова Духа, верил в Триидинава Бога, Троицу единасущную и нираздельную. Васхадящая душа праходит испытанья ат духов па сваим земным делам. Эти испытанья называюцца “мытарствами”, каторые и начинались в третий день па смерти. Паминки на саракавой день считались асобенными, патаму что да сарака дней душа умиршива находицца в доми, а посли памин ана из дома уходит, душа пакойнава апределяцца, куда пайдёт» [ПМВ, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-19]. «Эт уж Богам завидяно. Эт спирва была три нидели, двацдать дней, эт я ища помню. На девятый день душа никуда ни хадила. Да. Вот посли дивяти дён эта: “Я, — гаварит, — между небам и зимлёй нахажуся. Эт, — гаварит, — никуда ни апридилили”. А вот уж сорак-та дён иё визде вадили, душу-та, всё выспрашивали. Да ка́илась ана, вот, а патом уж сорак-та дён праводют душу. Душа уходит атсюда. Ана всё время в доми находицца душа-та. А уж уйдёт, праводют иё на сваё места, иё Гасподь, если ана гришна́ — в ад какой-та иё, а если ана ни гришна душа, Бога признавала, людям памагала, людей не абижала — значит, в рай яво Гасподь» [КАА, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-24].

Двухчастная структура самого обрядового акта поминок обусловлена церковным уставом: литургия и трапеза — обязательные элементы поминок. Литургия совершалась в церкви сельским священником. Поскольку церкви были разрушены, а многие священнослужители репрессированы, структура поминок трансформировалась. Роль священнослужителей стали исполнять пожилые или незамужние грамотные и религиозные женщины, которых в народе называют *читалками* (см). Как правило, эти жен-

щины руководят исполнением всего обряда и не только читают молитвы и поют духовные стихи, но и часто обмывают, обряжают покойного (см. *Покойника убирать*), присутствуют во время ночного бдения. «Поми*на́*м, как же, с малитваю. Приходим, пачитам. Чилавеку аднаму плоха. Как жи, мы пачитам. Абмоют старушки, абрядют. Хто читат. Детям станит легчи — вот кто в городи-т*а*. Ани в церкавь ходют, а здесь сразу вот ка мне *и́*дут, или вон к Мани. Я биру сваи книжки и начинаю читать па пакойнаму с первава дня. А уж на памин души мы приходим все ба*б*ушки, кто читат, и встанишь и к икони и начинашь читать. На похараны читам симнаццату кафизму. На паминки и Ивангилия читам, и “Отчи” и “Багародицу”, — всё читам» [ТЕС, с. Проломиха; КАМ Ф2002-7]. «У миня есть и титрадки, и книги. Идём читать, бирём с сабой. Вот нас пазавут — мы идём на паминки. Раскладывам там книги, и у иконы начинаим читать. И на первый день, и на девять дней, и на сорак дней. На “радитилий” ходим на кладбища, ну раньши хадили, щас уж редкий раз, но раньши хадили и читали. Там у нас столик, там уж всех радитилей паминали» [ТВВ, с. Потьма; КАМ Ф2005-8].

Деревенская литургия, как правило, совершается перед началом поминальной трапезы. Красный угол, в котором находятся иконы, становится своеобразным алтарем: к нему ставится стол для читалок, на котором должны стоять фотография умершего, блюда с крупой, с киселем, хлеб, соль, квас или *сыта* (вода, смешанная с медом или сахаром; иногда ее называют *канун*). В каждое блюдо ставят свечи. Соседи, которые приходят на поминальную литургию, приносят «поминальники», в которых записаны имена умерших родственников, подарки для читалок (обычно это деньги, конфеты, печенье). «Это канун, это кисель. Канун само лучший для упокойников. Это пшиничка для свечик. Это вот приносят панихидки на паминание, эта хто сколько. Всё освящацца. Канун готовят из сахара с водой, иногда добавляют мед. Эт вроди канун у нас есть, чытают. У нас есть така книжка, “Канун”. Обедня обедний, а это канун, и в церькви жи, да. И в церькви это же всё равно, где п*а*дают, вот свечки, хлеб, там тожа это всё» [АМФ, с. Сухой Карсун; КАМ Ф2004-17]. Каждый приносит с собой свечу, которую ставит на стол, осеняя себя при этом крестом. Деревенская литургия начинается утром в девять или десять часов. После литургии старшая читалка берет чашу с квасом или сытой и передает ее по кругу, все должны испить по глотку. «Это освящённа, пей за упакойника. В церкви-ти небось причастя*и*тись? Вот и это, над ним служили видь» [АМФ, с. Сухой Карсун; КАМ Ф2004-17]. Пшеницу, в которой укрепляли свечки и над которой происходила служба, потом отдавали курам. «Ставют пшеницу, вот свечки зажигают. Свечки ставют в пшеницу. Пшаницу хазяива паставют, ани сваи свечки ставют. В какой день? Кагда паминают. Ну, на девить дён, например, шесть нидель, вот полгыда, год. Блюдичка принисёшь пшеницы, и свечки наставляшь, зажига*а*шь их. Вот эту пшеницу ытдаёшь курым. А кагда вот [на сорок дней] душу праважают — эта па улицы раскидывают иё» [КАП, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 66].

В с. Чеботаевка на стол, за которым совершается литургия, ставится круглый хлеб — символ вечной памяти. «На паминки ложили абезательна — ну у нас вот старушки, ане хадили, и сечас есть ходют, начинают панихиду служить — на стол ставют хлеб круглый, и блины. Абезательна круглый, эта как називацца “вечная памить” — нету канца. Бальшинство сами пекут, ну, из горада привозят каторы*и*. А каторы сами пекут круглый. Для вечной памяти. Вот этыт круглый абезательна каравай и блины. И мёд, и соль, и воду ставют на стол. Вот панихиду атслужут, тагда уже начинают [обед]» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2009-29Ульян., № 45].

Троицкое поминовение на кладбище в с. Б. Кондарать. 2007 г. Фото И.С. Павлова

По завершении литургии начинают обед. Порядок трапезы зависит от того, в какой день она проводится. Поминки в день похорон (см.) — *горячий обед, горячий стол* — отличаются присутствием большого количества людей и устройством столов для разных групп участников. В первую очередь обедают читалки. Такая трапеза называется *чистый стол*: на него не подают спиртного. «Ну, так-та, гаварят, ни нада водки. Биз водки, кагда читают, биз водки» [ДЕА с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-39]. Затем кормят тех, кто рыл могилу, — *рыльщиков*. «Нескалька [столов делают]. Ну, сколька там па абстаятильствам народу. Придут многа, первыи вот женщины и вот каторыи пают, йих первых кормют. Кто рыли, их за втарой стол садят» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 3]. А затем всех остальных, причем иногда обедают сначала женщины, а потом мужчины. «Вот щас мы паабедам, патом другии абедать начнут. Женщины, а патом мужщыны, ани водку пьют, патом маладёжь, дитишки с хазявами» [ТВМ, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-73]. Последними за стол усаживаются родственники. Эта трапеза, проходящая в узком кругу, называется *ужином*. «А эта ищ*о* ужин. Ужин — эта сваи астаюцца ужинать. Вот вечэр падайдёт: “Давайти, рибятишки, садитись, ужинать будим. Давайти памяним!” Вот то*ль*ка. А ищо астальных больши никаво нет со стараны» [БЕФ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 14].

В некоторых селах поминать приходят все жители, начиная с детей. «Здесь [=в с. Б. Кандарать] дети всегда ходют. Пално, из школы идут, все заходят. Кто придёт, пажалуста, садись за стол». Дети за столом ничего не говорили, их кормили обедом и провожали. «Чаво глупы, рабёнак чаво он панимат?» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 61].

Трапеза начинается с *кануна* (*сыты*) и блинов. Количество блюд и их ассортимент в каждом селе устанавливается местной традицией. В с. Б. Шу-

ватово, Чамзинка, Коноплянка подают девять блюд, в с. Барышская Слобода, Сара, Ждамирово, Сухой Карсун, Чумакино, Коржевка — двенадцать (к традиционным девяти блюдам подают кутью, пироги, холодное, компот). Порядок следования блюд строго регламентирован: сначала подают кутью, затем — блины с сытой или медом, затем — щи, лапшу, окрошку, горох, кашу, пироги, компот, кисель и заканчивают поминки снова кутьей. «Сперва падаёшь “кутью”. Из рису делают и узюму — вот эта “кутья” называицца. И па ложички: “Вот давайти па ложички съешьти!”— хыть ты две съешь, хыть пять съешь. Да, да, эта рису, рису. Патом блины ставют. Хароши*и*, блины, кислыи — пресныи ни пякут. Бири скол*ь*ка хочишь, ешь, макай *в* мёд» [БПА, д. Ростиславевка; СИС Ф2004-33Ульян., № 36]. «Ну, вот и кисель падают, и блины падают, и суп падают, и кашу падают, гречниву кашу падают. Например, кутью, рис с узюмам, эт падают на перва, и сыта медовая, эт всё падают на перва. Из меда, мед варят, вот. Патом блины. И суп ставют. А патом кашу, патом лапшу, патом гарох варят, кампот все уж завиршаюшший. А патом па ложки абратна кутьи» [СЗП, с. Коржевка; КАМ Ф2002-32]. «По́мир — на третий чаще всего хоронют ведь, всё через две ночи. Вот тут вот, как скоронют, поминают. Нзывацца “горячий обед”. На девятый день опять поминают. На двацатый день сечас уж не поминают, ну кто только подаст милостиню. И сороковой день отмечают. Хоть на первые поминки, хоть на вторые, хоть на третьи — всё одно и то же: щи рыбныи, кашу, лапшу. Перва подаёцца “кутья”, как называют. А тут блины, мёд. И тут у нас вот принято окрошку и горох. В окрошку квас, лук, и клади ищо картошки, гороху маленько, если в постный день. Скоромный день — яички и сметанкой забеля́т. Это после блинов. А потом уже щи. За щами лапша — хто молочная, если скоромный день, а хто постна. Потом каша. Большинство из пшана. А если постны-ти дни-ти — гречка. Если пос*т*ный день пшено, ево надо с водой варить. Там какая каша? Невкусно. А каждому человеку охота всё-таки подать повкуснее. За кашей пирог. Закрыты*й* — и с капустой, и сладкий. У ково чево есть. А потом “канун” подаёцца — из крахмала кисель вари́цца. И вот кусочками этово киселя нарежут и сделают из мёду сладку*ю* воду, как “сыта́”. Вот и “канун”» [КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-17Ульян., № 47-48]. Иногда считалось, что поминальную еду солить нельзя. «Кагда паминают, всё гатовят. Если пос*т*на — пос*т*на гатовят. Если скаромна — скаромна гатовют. Акрошку, пираги, щи, лапшу, гарох, кашу. Ни саля́т» [БПА, д. Ростиславевка; СИС Ф2004-33Ульян., № 36].

Посещение кладбища на Пасху в с. Кадышево. 2004 г. Фото И.А. Морозова

Состав поминальных блюд зависел от календарного периода или дня поминовения (постный или скоромный). «Щас если пос*т*ный абед: рыбны щи, мёд, кутья. Перву дают акрошку, впирёд щей акрошку. Если скаромный абед — калбаса, смятана, лук — акрошка. А пос*т*ный: гарошку пустют, ну тожи акрошка хароша палучаицца, биз калбасы и биз смитаны, биза всяво. Перва*я* акрошка, патом мядок, и вот эту кутью па ложички паложут всем, многа-та ни йидят, а тут уж каша, лапша, гарох и канпот. Если скаромный, [лапша] или малошна, или вадяная с яйцами с маслам. А если пос*т*ный, с пос*т*ным маслам, паджаринный лук, апёнычкав у каво есть» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 44]. «Раньши в постный день, сичас пра кула́гу забыли, раньши делали кулагу. Муки, парют целую ниделю, паришь вот эта в карчаги, ну чугуны были аблиты́и белы*и*-ти, в них. Калины туды паложишь, яблачкав, у каво есть — самародинки для кислаты. Вот пясочку — сладкая. Та*г*да пяску-та не была. Вот. Ана так, эта теста, эта теста само, што забалтыва*е*шь, ано пре*е*т в пиче. Красна*е* дела*е*цца. Эта самае первае блюда кулага. На паминки, да, да, да. Пос*т*ный день вот» [БПА, д. Ростиславка; СИС Ф2004-33Ульян., № 37].

Исключение делалось только для рыльщиков. «Эх, народу-ту знашь сколь многа. Спирьва рыльщики, мужики, хто магилы рыл, патом астальныи — саседи, радныи. Бывала, раз па шесть, па семь кормишь! “Гарячий стол” называ*и*цца. Эта рабочии люди — никакова паста нет. Хыть будь пост, всё равно всё гатовют мясноя, малошная. А тут уж разбирают, пост — пос*т*на, ни пост — скаромна. Рыльщикам в любо*я* время. Вот у миня помир *г*де-та на страшны́х днях перид Паскай, всё равно варили всё такоя, мясноя и малошнае» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 127].

Завершали трапезу канун и кисель. Более старым блюдом был *белый* (пшеничный или овсяный) кисель, в последние десятилетия стали варить и *красный* (ягодный). «Да, [последнее] кисель и сыта — эта вадичка-та сла*дкая*, у каво есть мёд, с мёдам или с пясочкам. Кто какой [кисель], кто красный — вот щас. Кто из теста, кто из авсяной крупы. Ни каждый уме*е*т такой кисель варить, у нас старуха была, вот здесь вот, пакойница, ана вот вабще всяму сялу кисель варила. И авсяный варила, и вот из теста, из муки» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 4]. «Кислый кисель ставют. Эта я то*ль*ка варила кислый кисель всё время, на муке вот. Из муки теста — ну, на дражжях или теста кислава, и вот сварю и в чашички малинькии наливаю. Эта уж самый паследний. Сыта и кисель — паследнии, эта уж “пами́н”. Пасли этава “памина” апять пают: “Гасподь напитал”. И больши всё. Ну, эта всё кто гаварит: “Давайти даядайти, па ложички, па ложички, давайти всё, всё, всё, всё!” А *г*де съешь? Тут стали все стары. А раньши ни хватало никагда» [БПА, д. Ростиславка; СИС Ф2004-33Ульян., № 36, 39]. Считалось, что кисель было необходимо съесть весь. «Самый паследний — кисель. Яво хочишь ни хочишь, всё равно съешь. У нас и белый из муки варя́т. Щас и красный стали варить. Абезательна нада белый. Паследний,

всё, штоб закончить. Он луччи всех, гаварят, эт*ыт* кисель паминат. Самый пами́н — кисель» [ШМВ, ШЗВ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 27]. «Ну, хто ни в силах съесть. “Давайти, давайти, па ложички!” Кисель, вот абычай, штобы всё съесть и ложки в тарелку палажить. Эта типерь абычай есть. [Кисель] кусочкими нарежим, и сыту туда льём. Кисель съели — “вышибала, вылязайти”. Он паследний, “вышибала”» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 135].

Многие пожилые жители помнят, что на поминках было необходимо съесть все, но этот обычай, как правило, сейчас не выполняется. «Всё, гаварят, штобы всё даесть, нильзя [оставлять]. Ну, кои даядают, а кои нет, ни асиля́ют. Сэ́столь блюдьив, пално, съешь всё-та?» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-07Ульян., № 108]. «Если подадут вот такую чашку, разве её съешь? Когда съёдацца, когда не съёдацца. Вот кашу подают, это есть вот поговорка: надо всё собрать, надо кашу всю съесть, а то на тем свете заставят этово вот усопшево собирать крупинычки. Вот это я слыхала» [КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-17Ульян., № 49].

Трапеза в селах Ульяновского Присурья общая, все блюда подают в больших тарелках или мисках. Обычно ставят на стол по одной-две тарелки каждого кушанья. «Чай ни напасёсси атдельных тарелак, мы как наши ба*б*ушки, матери на паминках иди́м. И раньши все ели и не толька на паминках, тарелкав-та больна не была у нас» [ВЕП, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-34]. Мотивацией этого обычая является поверье, что на поминальной трапезе присутствует Бог, который присоединяется к каждой группе обедающих. И если тарелок окажется очень много, Он «не успеет» обойти всех. «Паставим многа, у нас ни наливают ложичку там две. У нас так вроди гаварят: можим уважать радитилив. У вас видь у каждава в тарелки, а у нас нет. Вот у миня вот была па сорак с лишним чилавек, кажний год я делыла тринаццыть лет мами, а щас в церькву. У миня все в чашках. А если на сорак с лишним чилавек, сколь тарелак? Гасподь ат нас павро́зь ни трапезыват, а трапезыват с нами. Вмести Гасподь трапезует. Ну, сколька? Три, чытыри, пять, шесть чылавек у нас усаживамся за стол и все едим. А эта каждый [с тарелкой], канешна, *г*де эта Гасподь вазьмёт абайдёт? Ни абайдёт, Он ни успе*е*т. А из адной чашки — Он визьде успе*е*т» [КАП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-26Ульян., № 21-23]. Считается, что и покойник тоже принимает участие в совместной трапезе. «Паложина [вместе] са всеми есть, и пакойный с нами черпаит, вот для ниво ложка» [ТВМ, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-73].

Согласно традиционным представлениям, покойник присутствует на поминках, поэтому для него ставят стакан с вином или водой, кладут хлеб или кусок пирога, ложку, могут также оставлять пустой стул около старшей читалки в красном углу. «Он видь в эта время тоже, упакойник, сидит и кушаит. Он ждёт этава дня. Он сидит. Здесь спицальна, кагда садяцца, кладут чашичку и кладут ложку вот эдак [=поверх чашки]. Эта для нево. Он как вроди кушает с нами» [ДКВ, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-11Ульян., № 65].

Родственники приглашали умершего на поминки. «На паминки душа приглашалась прастыми славами. <...> Ставют на стол кусочик хлеба, стакан вады, унасили патом на кладбища» [ЛПА, с. Сара; КАМ Ф2006]. «Адежда пакойнава ище висит и вроди бы какая-та часть пакойнава находилась с нами» [ПМВ, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-19]. После окончания обеда этот стакан ставят на божницу, где он и стоит сорок дней (см. *Душу провожать*).

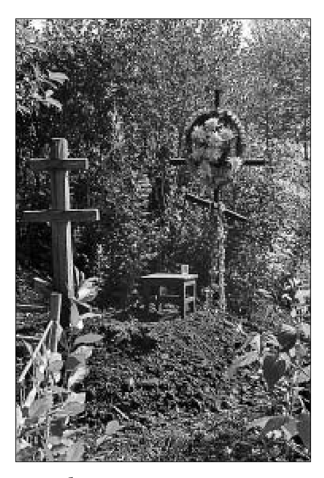
Выходя из-за стола, благодарят хозяев. «Ну, сначала кормют певчих у нас. Ани атпают и садяцца за стол, их кормют. А мы садимся проста так, памолимся и всё. Сразу из-за стала выходим: “Спасёт Госпади вас, дай вам Госпади добрава здаровья, харашо патрудились вы, там, па сваим Ванюшке или Колиньке”. И всё» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 62]. .

Состав поминального стола в разные дни поминовения мог различаться. В с. Б. Кандарать «ну, кагда первый день толька, “гарячий стол” называцца. Ну, тут чаво? Тут шчи, лапша, каша, кампот толька. Да. А уж вот на девять дней там гатовют эта и шчи, и лапшу, и кашу — и гречнивую и пшонну, и... У нас здесь принята лапшéнник. Вот бьём сорак или пиисят яиц (у каво пабольши) и атваривам лапшу, эта всё перимешивам и сажам в печь, как хлеб пичом. Патом режим кусочкими, на стол, маслим маслам, маслам вот скаромным, дастатачна штоб была, штобы харашо абед» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 53]. Поминки на девятый и сороковой день кроме обеда включали в себя одаривание всех участников, которые должны были молиться за покойного. «У нас вот я, кагда на “гарячий стол”, ни падают никаму ничаво, а девить дней, пакупаам и всем падаём и па свечке, и па платку, или чаво, или па тарелки, вот так вот. И на сорак дней эдак же» [ШЕП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-25Ульян., № 55]. «Вот эта на саракавой день, всё на паминках. Припасёшь там, кто тарелачку, кто бакальчик, кто мыльца, кто, ну кто што, кто канфетычкав с пиченьим. И вот все сорак миластынькав раздают. Вот как раз сорак дней паминки и раздают, на этих паминках раздают, на сорак дней. А раньши да сарака дней накануни, штобы всё раздать. Всё накануни раздать» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 18].

Кладбище в с. Зимницы. Огурец на скамейке возле могилы. 2009 г. Фото М.Г. Матлина

Традиционными напитками на поминках были *квасок* (*бражка*) и *брага*. «Квасок, бывала, был, квасок — бражка. Из песку, вот эта сама бражка. Бражка хмильная. Пяску туды и вот дражжей, ана и стаит, вот и бражка. Вот скипятят воды, туда хмельку, туды сахарку, и вот так делали. Ну, толька ни все, кои багаты люди были, а бедны*и* нет. А эт*а* брага была, ишшо-та варили.

Брага, ана толька сладка как квас хлебный, вот такая брага, варили. В карчаги парить ставили, вот эта была брага. Ржаной муки и эта ржаной саломы. Вот так намишают, намишают, карчаги были вот такии, в печь, замажут иё — заслон, и ани там парюцца. А утрам-та будут, вот такой был латок, на латок и тикёт аттоля сусла. Перва-та сусла ни выпьишь — густо*я*, слада*е*! А тут пажижи, пажижи, ну и вот там с вядро или с два натикёт. Вот эта всё делают вот эта брага — сусла-та. Эта, бывала, варили, я ищ*о* была в дивчонках, гадов шаснаццать. Вон ка*г*да варили» [ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 80-82].



Кладбище в с. Ждамирово. Табуретка и стакан на недавнем захоронении. 2009 г. Фото М.Г. Матлина

В послевоенное время чаще стали покупать водку или гнать самогонку. Обычно спиртное подавали только тем, кто нес гроб и рыл могилу. «Раньши [спиртное] толька давали, кто магилу роит и кто гроб делат. И нясут. Ну, уж тут известна, кто магилу роит, тот и нисёт» [СНА, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 73]. «Ну, пьянкав не была. Раньши ни пили. Если папьют, вот кто магилку роит, хто нисёт. Мужики папьют, но бабы ни пили» [КМИ, с. Чумакино; КАМ Ф2002-21]. В последние десятилетия спиртное стали подавать всем. «Самагонкай стали щас паминать. На дваих бутылку. Вот паст*а*новют на дваих бутылку, вот ани сами наливают. Ана, бывала, самагонка была хлебная. За блины паднасили, и за гарох паднасили. [Говорили:] “Вечна память. Царства ему нибесна*е*. Хазя*е*вам спасиба”. Богу ни моляцца мужики, женщины-ти Богу памолюцца, а мужики нет, ни. А сичас уж дапьяна пают» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 126]. «А сичас все пьют вино как с ума сашли! Ну, в рюмках ни наливают. Наливают в стаканах, ну паменьши, вот сто*ль*ка вот [=треть стакана] бабам, а мужикам прям па полнаму стакану. Адин раз то*ль*ка [наливают], больши нет» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 63].

Пожилые жители отрицательно относятся к этому новому обычаю и наказывают своим близким поминать их без спиртнова. «Я им накажу строга-настрога: “Водкай миня ни паминайте!” В этат день, в каторый я памру, лучши паложьти, паставьти чаю и хлебушка. И пригласити вот каво там: папейти чайку и всё. И разайдитись. А на другой день мне хоть бочку паставьти вина и пейти. Толька штоб*ы* ни в этат день. Ни нада, водки мне ни нада» [ДКВ, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-12Ульян., № 22]. «Без вина [поминать]. И вабще, и писана, и вабще, ни положна видь вино-та. Ну, панимножку. Ну, эта мужики, ани ить мужики и есть, ну а женщины толька па стопачки па адной, и всё. И вроди и можна адну стопачку, па адной стопачке

па малинькай. А каторы дажи и ни пьют. Ну, а паднасить — падносят: "Ну, давайти паминать, давайти паминать". Ну, "памяни, Госпади, там раба Божьева" — имя ево» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 1].

В тех селах, где были общины старообрядцев (*кулугуров*), поминки в недалеком прошлом имели некоторые особенности в зависимости от того, к какому вероисповеданию принадлежал умерший. «Вот мы, например, делали абед, у нас малились на две веры. Кулугуры здесь (вот хоть у миня папаня, свёкыр-та, он жи па вере умир — в то время ищ кулугуры были, а свякровь уж вот умирла, кулугурав не была, паминали цырковны) кулугуры малились вот здесь, вот в той избе [=в другой комнате]. А цырковны малились вот у саседей. Патаму шта у нас, видишь, кто-та па цырковнай есть умершие, а кто-та ни па цырковнай умершие есть. Кулугуры па цырковным ни малились, например, а цырковны па кулугурум малились и щас молюцца. Вот паэтаму сабирали абеды на две веры. Значит, здесь молюцца кулугуры, а цырковны в саседях. Эти абедают, паабедают, [потом] те. А если то*ль*ка ни очинь многа народу, то так: кулугуры ане *в*едь уж сядут, ане атвернуцца ат цырковных вот так. И там паставим сталы и вот здесь. Ни толька два, читыри [стола]. Если ни больна многа цырковных, вот здесь [=в этой же комнате] ставили. Вот, у них старинный абряд был. Их и называли "стараабрядцы"» [МАФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 5].

У кулугуров существует понимание символики некоторых блюд поминального стола. «Кутья, мёд. Кутья — эта как я знаю — зерно, ни *а*бизатильна рис или там пшаница, или там какой, лишь бы то*ль*ка он мог там е́стца. Как символ вот веры души, ана уже на будущей жизни. Эта как зерно праизрастаит — вот сеют и зерно праизрастаит в поли, растёт — так и душа чилавека: умираит и ана уже праизрастаит. Эта вот симвал веры — кутья. Так придпалагают, а уж как, я точна ни знаю. Эта я вот читаю инагда, я знаю. Я жи вот Закон Божий, а вот у миня ищо кака книжка — Иоанн Златауст "Паучения"» [МАФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 12].

На поминках у кулугуров обязательно пекли калачи, которые, наряду с кутьей, были первым блюдом на обеде. «Видь народу-ту была многа, сколь гатовили! Што щас абеды, а што вот мы делали. Эта вот мы — у нас здесь была русская печь — мы па триццать караваев то*ль*ка калачей пикли! Калачи из [муки] высшива сорта, вот прям такии как горы. Круглыи, так называли "калачи". Патаму шта калачи первым делам шли у нас на "замо́чку". С мёдам, с медком калачи» [МАФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 10].

В остальном состав поминального стола у кулугуров не отличался от «церковных». «Кутью, мёд, у нас щи варют, лапшу, кашу, кампот. У нас [блины] не пекут. Вот, например, Карсун, там да. Щас начали ко*е*-кто. Щас видь видишь, у всех дети атсюда видь в гарадах живут, щас вон ани приижжают, и блины, пираги пякут. Вот Карсун — там да, там и блины, и пираги и раньши пикли и щас. У нас пираги пикли, то*ль*ка знаешь, у нас ни на стол падавали, а патаму шта все накушаюцца, у нас пираги резали кусками и каждаму давали дамой. А щас знаити, или народ мы пажилой стали, или

дастатак больши стал, щас стали пакупать: кто булачки, кто батончики, кто *а*пильсинчики, кто печенья — щас уж падают этим. Любым чем, толька ни пираги печь» [МАФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 20].

Поминальные трапезы включают в себя исполнение духовных стихов или молитв. «За сталом пают толька за кашу “Багародицу” и за кисель. Вот кагда кисель падают, три раза спают “Святый Боже”» [ТВМ, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-82]. «Пирид кисилём-ти паём малитву “Вечну память”. Ну, пада́ли там или падают как кашу, паставили, пают “Багародицу”. Три раза. Патом — кисель, за нём тоже пают “Са святыми упакой”. Эт уже всё. А паели, выходим, все уже паели, кампот выпили. “Благодарим тя, Христе Боже наш, яко насытил зимных тваих благ и ни лишил нас сваиво нибеснава царствия. Госпади, памилуй, Госпади, памилуй, Госпади, памилуй!”» [ТЕС, с. Проломиха; КАМ Ф2002-53]. На девятый день перед поминальной трапезой в с. Чамзинка, Коноплянка (а в с. Чумакино, Б. Шуватово — во время трапезы перед киселем) поют стихи о прохождении душой испытаний («Шестикрылатый ангел») и посещении душой умершего своих родных («Хожу я нынче возле дома…», «Сели певчи за трапе́зу»).

Оформление могилы в с. Ждамирово. 2009 г. Фото М.Г. Матлина

Шистикрылатый ангил
Па свету палител
Литит он кругам света.
Ни видит добрых дел.
Шестикрылатый ангил
Апять палител.
Литит он кругам света
Ни видит добрых дел.
К душе он подлитаит.
Душе он гаварит:
— Что делать, раб, с табою,
Где добрых дел найти?
Душа жи атвичала:
— Ни делала я их,
Я добрых дел ни делала
Наделала многа злых.
Шистикрылатый ангил
Литит он в третий раз.

Он видит ё платочик
Был нищему падан.
И взял жи иво ангил
И с радастью литит:
— Типерь магу я быстра
К душе той падатти.
К душе он падлитаит
Гаварит: “Душа моя”.
Враги жи атвичали:
— Дай дела на виса́.
Две хартии слажили
Гриховные дила.
И весам навалили
Их целый лигион.
Шистикрылатый ангил
Рукою взмахнул,
Иё платочик чистый
Всё дела пир*и*тянул

[ФПИ, ТВМ, РАИ, с. Коноплянка; КАМ Ф2002].

На сороковой день самым распространенным духовным стихом является «Здесь собрание мирское» (см. *Душу провожать*).

У кулугуров чтение молитв на поминках имеет свои особенности. «[На девятый] паминают так же, у нас и на саракавой так жи. Толька на девятый день у нас маления другоя, у нас молюцца Михайла Архангилу. Вот пачаму-та. Я вот ат устьиренских [=из с. Усть-Урень] слышала, ани гаварят: “А у нас ни молюцца”. А у нас молюцца Михайла Архангилу. Михайла Архангил, он жи первый к Спаситилю. Михайла Архангил, ну и Гавриил ангил Божий как пасланник. А Михайла Архангел душу все сорак дён па мытарствам водит, справажаит душу все сорак дён» [МАФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 23].

Поминание, в том числе при проводах души, может сопровождаться причитаниями родных, часто совершаемыми при посещении кладбища (см. *Душу провожать*, *Похороны*).

«Саша-а, ты чё мне ни
сказал ни славечка — а?
Саш, ты чё мне ни сказал ни славечк*а*?
А, я сама дай на тибя гляжу
[глядя на фотографию сына],
А што я ни была, да с табой
в паследню тваю минутачку-у,
Али так ты кричал все: “Мама!
А мама, памаги мне,
када всё у миня ломит!”
Саш, скажи што, хорошо ли, плохо ли.
Или ты на нас на всех в абиди?
А я у тибя убиваюсь, саколик,
А радной мой сынок,
А уйдёт-та твая душинька.
А на вечнай поко-о-ой.
А я-то все думала.
<…> А типерь, сына,
А уйдёшь на сваё места-а-а.
И никак ты мне ни приснишься-а-а.
Ах, сына, сына, а все приехали
А я тибя жду,
А ты ни являшься.
<…> А дарагой ты мо-ой!
Ой, Сашка, Сашка!
А я всё думаю,
А как ты, мой милый?
А я не и верю.
Ах, дочка, дочка,
[Обращается к снохе:]
А ты сама-та
А вся наплакала-а-ась.
А горькими слезами-и.
А ушел ты [неразб.] на дароженьку-у.
А ушел ты [неразб.] на дароженьку-у.
Ай твая кандовая стенушка-а-а.
[Обращается к снохе:]
А дочка, дочка,
А типерь как [неразб.]
Как приблизицца — а-а?
А вы все были, а неразлучны.
Дочка, как тибе тижало-та.
Ай, я вить, одна-единушка.
А я надеялась, Саша,
А што ты миня скаронишь.
А я никагда не наплачусь, никагда,
Ах, маё горюшка-а-а!.
А из-за этава горюшка…
Ано сама страшная.

Причитание во время проводов души у ворот: <…>
А я ни думала, шта эта всё правда.
Астануся-а-а
А вот как
А как падкасил он,
а падкасил он тваи ножиньки
А куда мне выйти, куда мне выйти? <…>

А, Сашка, Сашка,
А ты толька ни абижайся
А на сваю сударушку <…>
А што, Сашка, ана с табой никак
ни расстаницца-а-а
И, прасти нас Христа ради,
А што мы если, если плоха сделали-и.
А дочка, дочка,
А горемычница-та мая-а-а-а <…>

Причитание при возвращении домой после проводов души:
А мая кручинушка,
А никак я иё ни выличу-у,
А, можит быть, кагда-нибудь
А я иё забуду
[МАФ, с. Сухой Карсун; КАМ Ф2004-22].

Поминание включает в себя посещение кладбища и выполнение там определенных действий: совершение трапезы, посыпание могилы пшеном. «Кагда ходют на кладбища, туды бярут бутылку, и там угашшаюцца, ну и па рюмачки льёшь в магилку» [ПЕН, с. Первомайское; МИА Ф2001-13Ульян., № 49]. «На девить дней уж вот паабедыют и идут ыбезатильна сваи кровныя радныя, идут уже на кладбищи. И на сорык дней. Кончились паминки, ыбезательна нада схадить туда. Вот в эта время чево-та бярут закусить и выпить, там можа падходют люди чужия, их угашшают. К каму нады заходют [к другим родным]. Пасыпим на магилку. То пшенца, то... всем нада пасыпать. То на крест паложишь там канфетку или там йийцо, пиражка. Птички пусть склюют. Эта ыбезатильна в землю пасыпают. Как эта причитаицца там: “Зверим палзучим, птицам лятучим, паминайти все наших радитилей, паминайти, там, Анну, или Михаила, Ольгу”. Тут пригаваривают вота. [Яички] крошут, и на крясты ложут, и крошут — звирькам крошут. А на крест целае кладут, целае яйцо, эта уже кто-та сабирёт, кто-та вазьмёт, памянит» [КЕМ, КЗМ, с. Коржевка; МИА Ф2001-29Ульян. № 23-24]. При этом могли «оповещать» покойного о приходе. «Я ни знаю все или ни все, но вот мы кагда приходим, па крясту стукам толька: “Нянька, мы пришли!” Три раз*а* пастучишь» [КЕМ, КЗМ, с. Коржевка; МИА Ф2001-29Ульян. № 25].

В некоторых селах при посещении кладбища принято целовать крест или фотографию покойного. «Эта цылуют, эта симвализируит как бы цылуют самаво челавека в ваабражении проста. Как вот в церкви цалуют икону, крест. Вот и эта точна такжи. С задней стараны [креста]. Эта да, эта вот уже традиция, эта абычай. Вот приходят. И кагда вот уходют, например, пращаюцца, праходят, вот дапустим, вот стаит крест. Вот с этай стараны вот так абходют, падходят к кресту, пацалуют или пакланиюцца. Кто цылуит, кто кланиицца: “Прасти Христа ради, пращайти”. И всё. И уходют» [МЗИ, с. Коржевка; МИА Ф2001-30Ульян., № 61].

В ряде сел в комплекс поминальной обрядности включен двадцатый день, тогда на обед собирали только близких родственников или *званых гостей*. В с. Б. Шуватово «ну, их [=поминки на двадцатый день] щас ни паминают. Бывала, паминали. Вот три нидели исполницца, и сазывают старух служить,

сродники придут и атслужут, садяцца за стол. Приходют, каво пазавут. “Званы” абедают» [ККС, с Б. Шуватово; КАМ Ф2003-47]. В с. Коржевка двадцать дней «эт*а* там када сваи маненька атметют сваи. Двацщать дней у нас уж ни атмичают. Ну, каторы знают двадцать дней, пякут пирог. Ну, он, гаварят, и в церкви нигде ни писан — двацщать дней» [ЧНВ, с. Коржевка; КАМ Ф2002-10]. Иногда ограничивались только подачей милостыни. «Двацщать дён справляют, у нас в церкавь ни ездиют. Кто ни стряпат — спякут пирага два, да разнясут па старым людям, патайну́ю. Пайдёт да паложут вон на лавачку мне да па акошку пастукат» [ДЕА, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-17].

Важным этапом поминального цикла является тридцатый день, когда принято подавать соседям тайную милостыню (курицу, доску, катушку ниток, полотенце). Этот обычай мотивирован представлениями о реке в потустороннем мире, которую должен переходить покойник (см. еще *Душу провожать*, *Похороны*, *Покойник снится*). «На триццать дней иво водют ищё: и ад, и рай показывают. <...> Эта подают, бывалычи, подавали кур — тайну милыстыньку. Ночью вот сунишь вон в подворотню. А сийчас вот жёрдочку подают, хто полотениц, хто жёрдочку. У одной женщине два дня назад, пришла Настя-то: “Насть, мне чово, чё подать-та?” Хто ниткав подаёт, ну ково бы либо. Хто полотениц подает. Ну, дорогу, эту огнинную реку, реку пириходить. Да кто как пирийдёт: кой по ниточке пирийдёт, кой по жердям, кой и по доскети ни пройдет. Как кто чово заслужил» [ЕАФ, с. Сухой Карсун; КАМ Ф2004-64]. Потайную милостыньку могли приурочивать и к другому поминальному дню. «Патайную дают, штаб этат ну, чаво есть у тибя, всё больши курачкав дают. Ну, например, придёшь вот к бабушки, вот на двор вот иё бросишь, уж если тибе жилательна бросить. Вот на ней перышкав-та многа. Эта, гаварят, очинь харашо. А эта жердачку-та — вот накануни саракавова дня. Вот, гаварят, што пириходют огнинную речку. Хто палатениц падаёт, ни абязатильна жёрдачку» [ККС, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-43].

Иногда тайную милостыню подавали только за самоубийц. «Эта падавали за удавлинникав. Кур падавали. Вот у адной у нас удавился сын, ана падавала. Качату ножки связала, завязала в узалок и вот патайком, ночью, паложит в угалок. Выходишь — ба! Тыр-тыр-тыр-тыр. Курачка или качаток. Ну, мы знали, што у ниё удавился. Ну, а патом вот в калодиц чаичку пущали вот — ну, блюда вот сичас, миски-та, миски. Пустую чаичку пустют вот, вот у нас в калодиц — пустая чаичка плаваит. Кто перьвый идёт за вадой — чаичка, ну эта уж подали миластиньку патаясь» [БПА, д. Ростислаевка; СИС Ф2004-33Ульян., № 40].

Правда, в некоторых селах отношение к потайной милостыне отрицательное, ее не берут, так как опасаются порчи. «Эта раньши клали патайную миластиньку [на окошко], клали раньши. Кто соли, кто чово, прям чово-то клали всё. Задумают азаравать, положут вон на подоконник там чово-нибудь. Выйдишь, глядишь, к нам раза два приносили, а хто их знат? Кто положил? Чово положили? Не знай. Я никогда не клала. <...> И руками не брали. Возьмёшь лоток, совок, и лотком выкинешь. Чериз плечо выкинишь нао́тмач

куды хошь. Кто их знат, чово тут наклали? Могут и наворожить, и всё видь могут, раньши ворожили. Всяких колдунов было! Это щас видь нет ничаво уж» [ДЕИ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-13Ульян., № 68].

Существует представление, что необходимо ежедневно поминать покойных, так как тогда они будут помогать живым. «Я и малюсь, как ни хвараю, лёжам, си́жам, *за* всех упакойни*кыв*. Щас вот аб Мари Никалавни, а патом у Лени тётка памярла, вот девить дней была дваццать втарова, в Куйбышиви, тожи аб ней. Сваех-та ни знай скол*ь*ка нету: мама-та памярла в симидисятам гаду, атец-та в триццать каком-та гаду, и дедушка, и ба*б*ушка — аба всех малюсь каждый день, а как жи? Да, ане тожи просют. Ане аб нас молюцца, там» [ШЕП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-25Ульян., № 54]. «Всё время паминать и Богу малицца — вот сама главна. Я и вечир лажусь, и утра встаю, всё хрёсну: “Царства тибе, хрёсна! А мне добрава дня, дай добрава здаровьица. А ей царства сваё”. Вот. И день и ночь, и день и ночь, кагда праснусь и всё памалюсь, и памяну я иё. Та*г*да харашо будит, да. Ну, вот лажусь я спать, малюся: “Госпади, Скарбящ*ая* мать, Никалай Угодник, дай, Госпади, хрёсни царства сваё, а мне спакойнай ночи, добрава здаровьица”. Вот. И завсягда эдак. И утрам всё эта же. Встаю я, у миня в чулани Никалай Угодник, я спирва к Никала*ю* Угоднику: “Никалай Угодник, милинькай мой, с добрым днём, добрава шшастьица. Да. Дай, Госпади, добрава здаровьица мне, а хрёс*т*ни царства сваё”. В пиреднюю пайду памалюся. Здесь памалюсь» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-07Ульян., № 109].

Кладбище в с. Зимницы. Зерно на столике возле могилы. 2009 г. Фото М.Г. Матлина

Годовой поминальный цикл завершается устройством *годин*, на которые заказывают панихиду и собирают обед. «Вот думаю, на год как памянуть. Нады, нады, нады — или в церкивь съездить. У нас тут Валгуссы, можна в церькву съездить. Там атслужить яму панихидку. На год. Думаю съездить, *если* даживу эт...» [ГПМ, с. Чамзинка; МИА Ф2002-27Ульян., № 17]. Дома перед устройством обеда читают Канун. На *годины* приносят милостыньку: хлеб, яблоки, конфеты и свечки, которые ставят около икон рядом с лампадкой в крупу или в пшеницу. В соль не ставят — грех [КАА, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-11Ульян., № 1].

В зависимости от конкретных обстоятельств (материальных возможностей, отношений с покойным, степени следования традиции) поминки проводят еще несколько раз. Этот обычай поддерживается представлением о том, что поминальный обед является условием благополучного существования покойного на том свете. «Я харашо абед делала, очинь дажи. Ничаво ни щитала я, лишь бы тол*ь*ка ему была там харашо. Вот. Я делала да пяти лет абеды, а у нас паложина

да трёх лет. А сичас вот каждый год — вот плимянница ана абизатильна в день памити Ванина визёт всё — мы садимся за стол и паминам. А люди паминают кагда-та да трёх, и два года ни каждый паминат. Я паминала все» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 55]. Существует поверье, что обед в память покойного — это кормление покойного. «Знашь сколь гадов, чай сорак гадов, больши, иё, чай, нету — да, мая тётка была. Иё сколь нет. Ана мне и приснись. Я ей памить и ни знала кагда. Ана мне и приснись. "Ой, сколька, гаварит, живу, сварити хыть пахлёбычку". Я пашла, вот адна у нас тут жила, ана знала всё время памить. Я гаварю: "Шура, кагда нянька памярла? Скажи ты мне, пажалу*й*ста". — "Вот завтра, гаварит, ей памить". А ана как раз накануни [приснилась]: "Сварити хыть пахлёбычку пахлябать". Да, для ниё. "Сварити хыть пахлёбычку каку-нибудь, каку-у-у-нибудь". Нада сварить. Сашлись сами вот сваё, вот у миня Зинка вот тут, вот Светка вот тут. Я гаварю: "Айдати, Светка, айдати садицца все". Коля, Витька — вот эти вот два ходят тута. Ищо Комарёнак вот ходит. Всех накармила-напаила, раз просит. Вот как» [ЕАН, с. Потьма; СИС Ф2005-21Ульян., № 132–133]. Если нет возможности сделать обед, то в этот день подают милостыню. «Вот девить дён паминают, патом шесть нидель, патом полгада, а уж патом год. А после года ежели вот маненька живут, так ани после года-та памянут, а ежели нечим, то три миластиньки падашь как яму память, этат день падх*о*дит» [ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 84].

Отдельно выделяются поминальные дни — *родители*, которые входят в цикл календарной обрядности. «Оне, "родители", по Паске, оне не в числах эти "родители". Вот Паска кончилась, через ниделю, значит, Паски. Неделя Паска идёт, пасхальная неделя. Вот она кончилась, значит, понидельник, а во вторник "родители". Ищо "троицкии родители". Оне тоже не в числах, когда Троица быват. Она быват не в числах, а по Паски. Нынчи Паска такова числа, на лета — другова числа. Вот. Тоже накануни Троицы тоже "родители" большии. В субботу накануни Троицы. "Масленски родители" тоже, ага. "Дмировски" оне и "масленски". "Дмитровски" оне, значит, Димитров день, Дмитров день у нас восьмова ноября. Вот если он, Дмитров день, приходит во вторник или там в среду, то в последнюю субботу "родители". И "масленск*и*" тоже так, в последнюю субботу перид маслиницей. Перид маслиницей» [КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-17Ульян., № 36-38].

Широко распространено посещение кладбища родственниками на Радуницу. «Ходют в васкрисенья на следущий нидели посли Пасхи, или на Радуницу, ва вторник на пасхальнай нидели. Эта уж считаицца как радуюцца наши радитили. Христос васкрес, и все радуюцца. Варота аткрываюцца в раю, и все встречаюцца: радитили с нами» [ТВВ, с. Потьма; КАМ Ф2005-82]. В с. Чамзинка сохранился обычай *закапывать крашенки*. «На Фомину ниделю раньши хадили на кладбища с радитилями павидацца. Ани все на кладбищи приходют с нами павидацца. Ну и вот, приносят с сабой крашины яйца — "кра́шинки". Их красют в жа́лабные цвита: красный, жёлтый — луковкай [шелухой] пакрашины. Крашинки закапывают в магильный хол-

мик, но ни в коим случаи ни на лицо, а у криста. Эта называцца “птичий пами́н”. А ищё “птичий памин” называцца — сыпать пшино. Тожа на Фамину ниделю» [КАА, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-35].

На кладбище совершаются совместные трапезы, во время которых живые общаются с умершими, рассказывают о своей жизни. «Кагда прихажу на кладбища, здароваюсь са всеми радитилями, принашу им пакушать. Сматрю на партрет мамы и гаварю: “Здравствуй, матушка. Вот я и пришла к тибе. Живу пло-

Участники обряда поминовения из с. Астрадамовка. 1960-е годы. Личный архив Е.П. Кармишиной

ха, всё время нуждаюсь, но ничиво, памалюсь и легчи становицца. Дети, слава Богу, большии, вот ты правнучков-та ни увидила и внучко́в ни павидала”. А вот на Фамину ниделю, тут уже мы все приедим, и все внучки приедут, и мама как бы их увидит. Гаварят, что на Фамину ниделю все родствинники и саседи встричаюцца с нами там, всё видят и слышат. А патом, кагда са сваими паздравствуюсь, памяну, пайду другии магилки праведывать. И всем нада палажить яйчка или канфетачку» [ТВМ, с. Чамзинка; КАМ Ф2002-24].

В поминальные дни читалки совершают литургию на кладбище, где построены специальные молельные домики или навесы, в которых есть стол. На него ставят, так же как и на поминки в доме, блюда с крупой, с киселем, хлеб, соль, квас или сыту, у икон зажигают свечи. В с. Проломиха, Б. Шуватово, где на кладбище нет молельных домиков, на Радуницу читалки расстилают скатерть, на которую кладут пряники, яйца, конфеты, печенье, и устраивают совместную трапезу. «Как все мы сабирамся с утра на Радуницу, бирём яичка, бирём канфеткав, пиченьив. И идём к радитилям читать малитвы. Растилам тама скатёрку чистеньку и начинам читать, патом пачитам и закусим, и тама ищё нам накладут. Мы-та всё берём и паминам радитилив»

[ТЕС, с. Проломиха; КАМ Ф2002-27]. «Вот как настают "радитили", или Раданица, мы служим прям на кладбищи, разложим скатирть, туда нам кладут все, кто приходит, всякую пищу, и патом мы поминаим всех родствинникав, убиенных дитей, воинав. А все, кто из сила приносют паминальники, и мы пачитам за всех радитилей» [ЗАА, с. Чумакино; КАМ Ф2002-56].

Существует традиция открывать оградки на Пасху и Радуницу. «На Пасху аграду аткрывают, штоб ани радню встретили, вот эти аградки аткрывают, приходит радня вся. А закрывают на Троицу уже» [ЗАА, с. Чумакино; КАМ Ф2002-56]. «Аткрывают на Радуницу, наверная, и ана да васкрисенья далжна быть аткрыта. А патом закрывать нада. Гасподь улитат на нибиса. И всё там тимнеит у них, у пакойных, и нада закрывать» [ТЛП, с. Ждамирово]. Эта традиция связана с представлениями о том, что на Пасху (см.) умершие воскресают. «На Пасху Христос васкрес, и все мертвы васкрисают и встречаюцца друг с другам. А вот на Пасху мы все аграды аткрываим, а на "радитилей" мы встричаимся с ними, приносим яйчки крашины, канфетки, устраиваим памин. На Пасху ани там пируют с Христом, а вот "радитили" — для родствинникав специальный день. Абязатильна к сваим близким на кладбище нада хадить. "Радитили"-та вот эта суббота. А вот вторник — эта Радуница. Радуюцца нашиму приходу все наши радитили» [ХНИ, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-64].

А.М. Карвалейру, И.С. Слепцова

ПОПА ГОНЯТЬ — см. Рюхи

ПОСИДЕЛКИ — см. Сидеть в кельях

ПОСТ

Пост — определенный период времени, во время которого действуют многие запреты и предписания, касающиеся практически всех сторон жизни. В православном церковном календаре на посты приходится больше половины года. Соблюдали четыре многодневных поста: Великий пост (*Великий пост, Великое говенье, Пост*), Петровский (*Петровки*), Успенский (*Успленский, Оспожи́нки*), Рождественский (*Филипповский*). Постными днями были среда и пятница, крещенский и рождественский сочельник (см. *Крещение, Рождество, Святки*), Иван Постный (*Иван Поститель*, день усекновения главы св. Иоанна Крестителя — 11.08), Воздвижение (см.).

Наиболее значимым в народном мировоззрении был Великий пост. Когда говорят о посте, то прежде всего имеют в виду Великий пост. Его важность обуславливалась не только длительностью, но и тем, что он был временем подготовки (как в практическом плане, так и в духовном) к новым работам на земле. На протяжении поста выполнялись обряды, которые должны были приблизить весну: например, закликание жаворонков

(см. *Жаворонков кликать*) или приготовление *крестов* (см. *Средокрестье*). На него приходился большой праздник Благовещение (см.) и проводилась подготовка к главному христианскому празднику Пасхе (см. *Вербное*, *Пасха*). Во время Великого поста, как правило, говели в первую или последнюю неделю, ходили каждый день в церковь, исповедовались и причащались. «Все гавели, каторым перва нидель, каторым — втора, так давали дитям» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП Ф2003].

Началом Великого поста считался Чистый понедельник (см.) или Сборное воскресенье (см. *Сборное*), которые играли роль своеобразных маркеров, разделяющих время масленичного безудержного гулянья и период поста с его строгими установлениями, что помогало осознать и принять переход к посту.

Ограничение налагалось прежде всего на питание, исключались все продукты животного происхождения. Пища была довольно скудной и однообразной. Такое положение усугублялось еще голодными послевоенными годами. Из жиров употребляли конопляное масло, но не каждый день. Конопляное семя использовалось очень широко, и не только для изготовления масла. Его толкли и измельченным клали в качестве начинки в *кривы*, аналог пельменей. «Пос*т*на всё. Вот били из этава, из канаплянава семя, масла и вот всё стряпали из пос*т*нава. А малако-та капили. Вот щас пильмени, а раньши "кривы́" были, то*ль*ка начинка пос*т*на. Ане как пиражки. Вот все накладут эта, сабьют яво [=конопляное семя], как называли, "ко*лы*бы". И вот с этим пиражки. [Их] варили, варили» [БАИ, САМ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 20].

Толченое конопляное семя разводили водой и получали жидкость, несколько напоминающую по цвету молоко, ей обливали *пироги*, то есть плоский хлеб из пшеничной муки. «То "пу́шник" с семям. Были раньши эти вот, как йих называли, смятану-та па́хтали? Черяпушка. Вот мяхкой, испякут пирог вота, вот яво тёплава нарежут, нарежут и абальют. Нарежут "пу́шник"-та этат вот, вот в черяпушку. Яво [=семя] исталкут в ступи. Вот семя разводют эта, разводют — ано как малако и абальют вот сокам этим вот се́мянным. И ели харашоханька. И были вот!» [БАИ, САМ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 20].

Этой же жидкостью заливали сухую домашнюю лапшу. «Вот я помню, бывала, сочинь рассучишь, и запичошь яво и режишь. Режишь вот такеми вот квадратик*ами*, кубиками, и вот, как вы ни скажити, семя [конопляное] как-та яво талкли, разбавляли [водой]. И вот ка*г*да пост, вот эта сухеи-та ну вот такеи кубики, кладёшь и этим вот залива*а*шь. Эта вот ка*г*да пост» [ПМД, с. Потьма; МИА Ф2005-03Ульян., № 33].

Много использовали гороха, из которого приготавливали густую кашу — *тылью́*. «"Тылья́" — вот как всё равно кисель ана, наливалась в блюдички. <...> Нальют, ана всё равно как студинь, больна уж хароша, скусна. Мука была гарохава, вот варила, и пряма сделацца он жосткай, значит, вилки были, и вилками, значит, кусочки нарежит и вилками ели. Больна скусный. Гарохавая, значит, эта тылья, больна хароша, скусна. На пасту [ели], панятна, ана

пос*т*на. Эта всё ана пос*т*на. <...> Ну [ели] картошку и капусту, агурцы. Вот так. И Гасподь сахранял» [МПА, с. Тияпино; МИА Ф2000-27Ульян., № 67].

Из гороховой муки пекли и лепешки — *бóтки, батýшки*. «Эта “бóтки” называли “ботки”. Вроди как липёшки бы из гарохавай муки. Их в пасте вот пикли. Мала ботки каторы пякут. Вот начинацца пост у нас, вот тут уж ни малако ни йидят, ничаво ни йидят, вот то*ль*ка там чаво можна? Масла, картошка, пахлёбка» [КЕА, БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-03Ульян., № 53]. «Гарох варили, здесь гарох всё время сеили, чичивицу сеили. Бат**у**шки [=лепешки] пикли гарохавы. Ну вот, из муки-ти, ани как батушки рассыпаюцца, “батушки” звали» [ИАС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-23Ульян., № 39].

Лакомством считалась *кулáга*, блюдо наподобие густого киселя из запаренной ржаной муки или солода. «Бывала, кулагу делали. Пастом да Паски. Ну, мука, дабавляют варенья там. А так мука, из муки, иза ржаной муки. Ржаную муку в печку ставили, да краснá парили муку. Вот иё развадили там этим квасам, сокам яблачным. Сушоны яблаки, их абваривали, вот этим сокам-та яво разваживали. Вкусна была. Хто квасам, хто чем» [КЕА, БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-03Ульян., № 55]. «И мы гатовили кулагу. У нас вот мама, ана гатовила. Яблоки были у нас, ранетки были вот нибольшии, ана напарит иё, из муки как-та парила мама-та. Кулагу делали вот парили, солод делали, рожь растили, малоли яво. И вот ана яво там напарит, ана с яблакими. Батюшки!» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ ф. 4, оп. 4, 2000]. «Кулагу делали. Кулагу всё время делали. Ржаную муку парили, свёклу кипятили, на свёклинай на сладкай ваде парили» [ИАС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-23Ульян., № 38].

Аналогичным блюдом были кисели, которые отличались от кулаги только тем, что основа блюда (ржаная или овсяная мука) заквашивалась. «Мы ни кулагу, мы кисель калинавай варили. Тож*и* из аржаной муки и калины туды. А кулага, ана биз калины» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП УлГПУ ф. 4, оп. 4, 2000]. «Мама хлебá каждый день пякла. Вот и киселя, кисель — от хлебав атнимит вот там сколька паложина, в теста вадичкай, мучки, наделат кисиля нам такова. Да какой кисель-та сладкай!» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ ф. 4, оп. 4, 2000].

Вместо сахара часто употребляли сушеные яблоки или овощи (тыкву, свеклу). Их использовали и как начинку в пироги. «А то курягý сделам: тыквы ско*ль*ка была, тыквы-ти насушим, тыквы-ти. *В*от чай-т*а* пили с тыквай, да и канфетачик вот такой вот камочик дадут, сахарку нам расколют шшипцами. Вот эта посли бани. Хочишь, чай пей, хочишь [так]» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ ф. 4, оп. 4, 2000]. «А хлеб ржаной был, кавригами пикли. Ну эт*а* если в праздник, то пираги пикли с кашей, с калинай. Ну с такой, с пшоннай. Пшонна каша. <...> А калину-та парют иё, сделают с пяском, ана сладка, иё заешься! Ишо узюм, толька апять ни у всех он был, ни у всех деньги были ишо. Вот мы жили плоха, у нас всю зиму эти ни пикли, а с калинай пикли. И патом пикли апять с тыквай. Тыкву напарют, напарют иё, пасушут, и вот с ней пикли» [МПА, с. Тияпино; МИА Ф2000-27Ульян., № 68].

На посту иногда даже нельзя было грызть семечки. «И зёрна грызть дажи нильзя. Зёрна вот грызёшь ты, г*а*варят, плюёшь Христу в лицо. Вот так» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 68].

Безусловно запрещались все спиртные напитки. «А в Виликый пост — Божи спаси, и вино пить грех была. Хто если напьёцца, бывала, грех, бывала, грех. И мала пили» [ИАС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-23Ульян., № 39].

Молоко, собиравшееся во время поста, замораживали, перетапливали и хранили до Пасхи. Накопленное молоко накануне праздника разносили тем, у кого по какой-то причине его не было. «Тагда видь есть ни давали скаромнава, капили малако. К Паски всем ведрами таскали. А тут ели чаво? Картошку да *чи*чивицу да гарох. А эта всё капили к Паски и людям разнасили» [РТТ, с. Чумакино; СИС Ф2000-10Ульян., № 4].

Во время Великого поста послабление допускалось только на большие праздники: Благовещение (см.) и Вербное вокресенье (см. *Вербное*). «Рыбу ни ели, тол*ь*ка што на Благавещинья можна эту, гаварят, икру и малоки, а на Верьбна — рыбу» [КЕА, БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-03Ульян., № 72].

Все ограничения в питании, конечно, касались в первую очередь взрослых. Но и детей с раннего возраста приучали к соблюдению постов. «Дитямти эдаким вот ни давали сплошь есть в Виликый пост, ни давали. <...> И годик, рабёнку годик, уже яму ни давали скаромнава в пост! А мы всё время делали» [ИАС, КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 80; 23Ульян., № 39]. Хотя чаще детям все же делалось послабление в соблюдении поста и молоко им давали. «Например, саблюдали пасты. Взрослыи йидят пос*т*на, а дитям варили малошна. [Постились] ну, лет наверна, с сими» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 57].

Детям старались в образной форме объяснить, почему исчезла скоромная еда. Например, говорили, что она поднялась на дерево с семью сучками. «Ага, маниньких-та как абманывали? Раньши и маниньким ни давали есть в пост. “Маслиница-та улезла на семь сучков, на дуб”. Ниделя прайдёт: “Адин сучок слител”. Вот. Втарой, третий. Ага. “Ну, ишчо адин сучок астался”. Вот. Маслиница улазила на семь сучков» [МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-05Ульян., № 35]. «Гаварят: «Вот сасна, примичайти сасна, вот скол*ь*ка сучков *у*падёт, тагда малако будешь хлябать». Вот считай, ну, сучок упал, на другой пашол. Вот семь сучков атпадёт, всё, малако хлябать» [ЛНА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 131].

Или рассказывали, что скоромное собрал старик, который на масленице собирал по домам «поганые куски» (см. *Провожать масленицу*). «Станим, бывала, манинькии у матири-ти прасить там чаво-ибудь. “Грех. Най [=разве] ты ни видала, дедушка-та сабрал всю маслиницу, всё на сучки павесил. Семь сучков. Вот ниделя праходит, как эта суббота вот ночью в двянаццать часов вот этыт сучок периломицца, [мешок] на другой перив*е́*сица”. Вот гаварили, маниньких абманывали. Семь сучков. Вот и ждали семь-та нидель. Три года этаму, рабёнку, и то ни давали малака! Вот как уж на паследний, ну уж послед-

ний сучок, всё нам: “Ну уж нимножка, на паследний сучок”. Вот и ждём. Как двянаццать часов: “Мама, всё! Пер*и*ламился, двянаццать!” Паска! Свалишься, спишь да утра, канешна» [КЕА, с. Потьма; МИА Ф2005-03Ульян., № 63].

Детям внушалось представление о грехе употребления в пост скоромной пищи, что подкреплялось запугиванием, которое было действенным педагогическим приемом (см. *Пугать*). «Я вот помню, нам мама вот гаварила, у нас эта ищо карову кагда ни атабрали, в калхоз нас ни сагнали, и мама нам гаварила. «“Ни нады есть, грех”. В церкву вадили миня, я вот помню. “Грех, ни ешь, милинькый, вот падайдёт праздник, разгаве*е*мся и будишь есть”. <...> Стращали: “На тем свети будишь в смале кипеть”» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 57]. «Ну раньши, канешна, строга [в Великий пост]. И малинькии ничаво ни ели скаромнава-та. “Грех, вон Божинька видит, грех. Нельзя есть, вон Божинька видит, *с*матри, он накажит! Слушались и ни ели» [БАЕ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 53]. «Бывала, каровку диржали. Надаят малака, за*то́*пят яво в пичé, и скажит ба*б*ушка: “*С*матрити, пенку ни сымити, Бог язык атрежит!” Баялись. Грех, грех» [САМ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 19].

При соблюдении поста существовали определенные половозрастные градации. Так, реже постились молодые мужчины, а чаще — женщины и пожилые люди. «У нас вот, бывала, рабята, дивирья-ти, йим всё мама забелит суп то смятанай, то таплёным малаком, а мы пос*т*на всё ели — снаха и вот мама, ба*б*ушка там, заловка была. Он нам [=девочкам] всё в суп-та, в блюдичка-та, ложки две-три этай белёнай пахлёбки пустит, нальёт: “Вот и вы таперь, и вам буд*ит* таперь грех”» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 11]. Больше всего соблюдали пост старики, что было приготовлением к переходу в другую жизнь. «Раньши старики заприщали. Гавенья была, гавенья, да Паски гавели. Пос*т*на ели всё. У нас бабушка Фядосья, пакойна, в погриб ниахота лезть, картошки пичёнай напичёт. Ана пастилась, ско*ль*ка пост нидель, ана все пасты саблюдала. А у нас дети ани с нами ели, мы ни пастились, маладёжь-та» [ЕЕА, д. Ростислаевка; КПС Ф2004-19Ульян., № 114]. Однако в описываемый период соблюдение поста уже во многом зависело от внутрисемейных установлений и традиций, поскольку отпал внешний контроль со стороны церкви, и следование церковным канонам стало личным делом каждого.

Очень строго во время поста регламентировалось сексуальное поведение. «Всё равно панимали сéриду, пятницу. Всё равно вот и спали хыть вмести, ну всё равно ничаво ни тварили. Знали грех. И пасты. Велика гавенья, эта уж никагда нет» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 10]. Существовал даже обычай молодоженам разъезжаться на первой неделе Великого поста. «Вот раньши бы́ла. То*ль*ка слыхала я, раньше... Ана [=молодая] уходит к матири ат жиниха-та. <...> Великый пост тут. Ну да, на маслиницу [приезжают], ана тута астаёцца у матири, а он уходит. Штобы ни гришили. Ниделю вот так вота. [Потом] он приходит за ней и уводит дамой» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-07Ульян., № 86].

Особые предписания и запреты существовали по отношению к веселью: пению, пляске, играм. В целом светские развлечения на посту не разрешались. Свободное время заполнялось пением духовных стихов или чтением Евангелия. «Пост, Виликый пост, ну их многа пастов: Филипинскый, эта бывают, там, Питровый пост кагда Питров день-та. Канешна, грех. На все пасты грешно [веселиться]. Да. Нада саблюдать» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 78]. «Эта у нас была Явангелие. Мы яво читали. Как вот Виликый пост, асобинна страшна́я ниделя, падтопак топицца, или как, заставляют миня читать эта Явангелие. Я вот ево читаю. Ну, свая симья [слушали]» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 95]. «Нет, песни нет! Все семь нидель песни ни пают. Стихи, малитвы — эти пели, эта пают. <...> Вот стих бажествинный вот йих эта пели. Мы нет, уж тагда у нас уж стало ухадить» [КЕА, БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-03Ульян., № 72].

Народное понимание строгости того или иного поста сложилось под влиянием церковного устава, регулирующего питание, и было распространено на все игровое поведение. Великий и Успенский посты везде расценивались как очень суровые. Строгость последнего объяснялась тем, что он считался «отнятым» от Великого. «[На Петров пост веселиться] разришали. Патаму што, слушай, Пятровки атня́ты ат мясаеда, ни ат Виликава гавенья. Вот Аспажинки в августи пайдут, па-стараму *с* перьваво августа да пятнаццатава числа, эта другo*е* дела, ани — ат гавенья» [МЕЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 88]. Другое объяснение строгости Успенского поста заключалось в понимании его как «печального». «У нас то*ль*ка в пост. И пост то*ль*ка Великий. Великий пост вот будит семь недель, вот в это время грех тут всё: петь и плясать, и смеяцца, лишнево разговаривать, хараводы собирать. Это уж тут. Дажи моленье строгое. То*ль*ко лишь [посещать] обеды [=обедни] на субботу и на воскресенья. <...> Окромя Великого поста, семинедельново. Этыт идёт пост радас*т*ный — Христос воскреснит, а тот [=Успенский] идёт как вроди он умрёт. Тот строгий. <...> Кагда яблоками, вот он строгий, он относицца к этому, к Великаму. [Петров и Филиппов] эти вроди слабыи» [ИЕС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 36].

Нарушение запрета на веселье во время Великого поста могло привести к наказанию человека болезнью (см. еще *Наказание за грех*) даже в том случае, если он сам не нарушал нормы, а только присутствовал при этом — например, был на устроенной в пост свадьбе, не принимая участия в веселье. «А в Виликый пост, эта Божи спаси, если кто прасвата*е*цца... “Бог, г*а*варят, ни патерпит”, — вот так гаварили. Или жить [не будут], или плоха. “Бог, г*а*варят, ни патерпит”, — в Виликый пост. Вот нидавна [было]. У нас адна хварала — дочь [знакомой]. А у них как-та радные в Виликый-та пост сашлись какии-та. Пазвали иё [=дочь] пиравать. Мать-та иё-та гаварит: “Эх, Наташа, ни хади. Ни хади пиравать”. Ана гаварит: “Мама, я ни петь ни буду, ни пить ни буду и плясать ни буду, то*ль*ка паглижу пасижу”. Вот ана хадила, ни пела, гаварит, ни пила, ни плясала, то*ль*ка лишь паела там, пасидела. Ани видь ни слушали...» [ИАС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-23Ульян., № 40].

Соблюдение норм поведения на посту поддерживалось также поверьями, объясняющими, что будет с грешниками, веселившимися на посту. «Ево в ад пасодют. Как в карцер пасодют и сиди. Дух, там то*ль*ка дух» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 81]. Им сулили, что будут забивать гвозди «в пятки да язык. Нам, грешным, кто пляшим да паём. Я больна многа плясала в дивчонках» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 72].

Хотя существовало и противоположное мнение, что веселье не может быть грехом, а им является нарушение нравственных норм. «И пают, и пляшут — эт*а* ни грех. А вот хулиганиют да чилавеку плоха делают — вот [грех], я щитаю. Тот, гаварит, Бох, ка*г*да ты чилавека любишь, вот и всё. Надо чилавека любить...» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 58]. Веселье вполне уместно в определенной ситуации, а отказ от него во время постов является добровольным делом и свидетельствует о правильном понимании сути поста человеком. «Какой он грех [веселье]? *Г*асподь видь виселья-та ни запришшат, висилицца-т*а*. Ка*г*да если нужна, можна и пависилицца. Ка*г*да ни нужна, можна вcase... вaздиржацца. Вот, в Виликый пост. Вилика гавенья, очинь он строгай этат Вилика гавенья. Вабще вот гавенья, вот ищо пирид Раждяством бывa*и*т тут гавенья, вот в этыт пост, вот в эти пасты очинь. Вот Раждес*т*винский пост, да. Нет, ни играли, и ни плясали. Раньши, раньши, раньши. Ни играли, и ни плясали. Хадили в кельи... Строгий там, ни весь он строгий, а вот уж эта Вилика гавенья он строгий весь. И патом вот ишшо две нидели есть Спажинки, две нидели, тожи, гаварят, ат Виликава гавенья. Успленья, кагда Божья Мать умярла, вот тут, гаварят, тожи строгий. Пятровки нет, Пятровки нистрогий. Ну, чай, пают, и пляшут. Да. Видь *Г*асподь нам ни пришол и ни сказал, чаво можна, чаво ни можна, ка*г*да можна, ка*г*да нильзя. Нам видь *Г*асподь этава ни сказал, правды? Ни знам ка*г*да. У каво ка*г*да есть како виселья: например, приехали радныя, так и так он будит висилицца. Канешна, кто если панима*и*т, ни будит висилицца, а кто ни панима*и*т и в Виликый пост висиляцца» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 8-9].

Строгость запретов была не одинакова в разных местах и для разных постов: от полного отказа от веселья во время всех постов до его допущения в Рождественский и Петров посты. «Я те*бе* толька скажу, ни плясали, ни пели ни на один, ни на какой. И не ели скоромново, какой бы не был пост, всё ево праз*д*новали, ни ели, окроме детей. [Играть] нет, нет, ни на один. Пришол Петров день, разрешили кушать и иди висились, и пей, и пляши» [ЛЕН, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-46Ульян., № 34]. «Эта Виликый пост, на няво всё грех. Эта на Ражествинский пост эта тут всё разришацца, а на тот пост нильзя. Пятров пост эта тожи ни такой, ни строгый. Он тожи ни строгый, эта яблаками-ти ка*г*да разгавляюцца. Вот то*ль*ка эта строгый пост — вот Виликый пост. А патом ищо Спажинки, две нидели. Эт ат этава, ат Виликава паста две нидели, Спажинки ва время лета. Вот эта тожи грех [веселиться]» [РЛП, МВП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-03Ульян., № 98]. «Гришно [веселиться] была в гавенье, вот Вилика*е* гавенье пирид Паскай. Свадьбы играть гришно.

Там *в*идь и пляшут, там и пают. В Виликый пост — Божи спаси, и вино пить грех была. И на Пятров нет. Нет, нет, нет! [Рождественский] на няво вот можна была, можна [веселиться]» [ИАС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-23Ульян., № 36]. «И Успенскый пост, и вот Пятров, нет, у нас не запрещали [веселиться], хто как знат. И плясали, и пели песни» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-02Ульян., № 93]. «Пачаму нет? Што за грех? Нет, канешна. Паплясать можна и папеть можна [на Петров пост]. Грех есть малошна*е*, скаромна*е*» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2004-01Ульян., № 29]. «А посли загавень*я* пайдёт Пятровки, эта уж пост. И песни ни пают, и ни играют. И ни пьют. Вот. Пастяцца. В луга ездиют, убирают, вот так вота» [ЕТП, с. Проломиха; СИС Ф2002-01Ульян., № 12]. «Да ну, эта чаво жи, эта известна, разви ни плясали, разви ни бываит маладёжь-та, малодинькии. Ни уймёшь видь никаво, ни удержишь. Вот видь чаво. Эта Пятровскый как-та всё и гулянки бывают и всё, да, на Пятровскый. А на Виликим пасту нет уж» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 103].

В период Рождественского поста продолжались собрания молодежи в кельях (см. *Сидеть в кельях*, *Играть в кельях*), на которых развлечения не поощрялись, но устраивались обычно тайком. «Плясали [на посту], чай, патайком все. Если я в клуб приду, най радитили знают, чаво я делаю? [В кельях] нет уж, нельзя была. Чай у нас хазяйка была. “Грех, сматрити ни пляшити!”» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-02Ульян., № 93]. «[Рождественский пост] канешна, строгай. Ну, пели там патая́сь где в кельи, всё, плясали. Ну, мы иё сымали, келью-та, платили, там мы пряли. Радитили-та нас пасылают работать» [МЕЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 90]. В некоторых местах девушкам позволялось собираться по воскресеньям и в течение Великого поста, но никакие развлечения в это время не допускались. «Ну, где што, так собирёмся маненька, да, [на Великом посту]. Вот всё, бывала, Лидка вот Манахова: “В балалайку щас заиграю!” А мы все вниз лицом валя*и*мся. Ну, штобы ни слыхать нам, што ана игра*а*т. Балалайку берёт, а мы все вниз лицом» [ИЕС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 41].

Обычным сроком завершения посиделок была масленица, после которой в некоторых местах начинались уличные собрания молодежи. «Маслиница — паследний день [в келье]. Маслиница-та, гавение, маслиница была, эта уж всё. На улицу все, “в сяло” называлась, все в силе́. Да, на улице» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 54]. Однако даже простое гулянье на улице во время Великого поста запрещалось во многих селах. Иногда девушки прибегали к обману, чтобы немного побыть на улице. «Я сама па старой вере, мы па старой вере. “Кулугуры” называл*и*. Их многа вер-т*а*, но наша вера ана как*я*-та славу́ща была. <...> Всё эта вмести мы хадили [в келью]. Патом (уж я бальшая сдел*ы*лась) загавенья была, мать миня ни пускала на “ул*и*цу”. А што делать? Мы с падружкай гаварим: “Айда вот в эту [избу]: муж с жаной живёт, примит ана нас рагожки ткать? И мы на ул*и*цу будим хадить”. Рагожки-ти вытким, нам норму-та надо будит, дадут нам норму, каку выткать. Мы эта паткём: “Тёт*я* Паша, мы пайдём на улицу”. Давай всё складывать. Ну, пабудим

маненька на "ул*и*цы" и дамой пайдём начавать. Пашатамс*я* на улицы, дамой» [ТМИ, с. Белый Ключ; СИС Ф2000-14Ульян., № 124].

Этот запрет мог сниматься только на Благовещение (см.) и Вербное воскресенье (см. *Вербное*). «Вот мы были дивчонками, на улицу нас пускали тол*ь*ка на Верьбна. Мы всё Велика гавенья из избы ни выхадили. А на Верьбна вот у этих у дваров была салома всё, за дварами, у дваров, вот на этай саломи сидеть. Эта на Верьбна. А уж страшну́-та ниделю мы никаво ни видали, никаво ни знам. Никуда ни выхадили, тол*ь*ка дома, дома, дома. А тут и прясть, и прясть, и прясть дома. Гастились. Вот я у ней ниделю гащу пряду у падруги-ти, ана у миня. Ну, придут рабята-ти к нам, вечирам при́дут пасидят и уйдут. Да, [во время] Виликава паста. Ну на улицу — Божи упаси!» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 12–13].

Вообще, соблюдение запрета на веселье молодежью, как правило, зависело от контроля взрослых. Если молодые люди надеялись, что нарушение постовых запретов не будет замечено взрослыми, то они позволяли себе веселиться. «Вот этат да Паски, вот этыт бальшой пост, семь нидель. Яво всех больши саблюдали. Этыт пост всех гришнее был. А манинькый пост придёт две нидельки. Вот нидавна он был. Да, Петровки, вот недавна две недели был. [Успенский] тожи саблюдали, бывала. Эта всё грех был, всё гаварили. [Веселиться] на всех грех, но всё равно плясали. "Мать-та, гаварят, ни услышит, што ты баисся". [На Великий пост] тожи играли, кто ни слушался. Бальшой, семь нидель на улицу ни пускали» [ТМИ, с. Белый Ключ; СИС Ф2000-15Ульян., № 31].

При соблюдении запрета на веселье также существовали половозрастные различия. Детей и подростков он касался в меньшей степени, их останавливали, когда они хотели попеть или поплясать, но разрешали, например, кататься с гор. «Вот мы адин раз с падружкай, у нас там взади в том авраги калодиц, ну вот дама, а вот праулак и там калодац. Вот мы пашли с ней за вадой туда к калодицу. Ана мне гаварит, ана иль я гаварю ей, ни помню уж, кто из нас сказал: "Давай дроби выбьим, тут никто нас ни увидит". И дроби с ней у калоцца выбили. "Давай па адной песинке спаём". Спели па адной песинки. А у миня была тётка старая дева, ана набожливая. Ана хадила вот, кто памрёт, ана хадила читала. И в церкву хадила, ана пела в церкви. Вот. И вот ана сказала, значит, эта вот падружка выдала миня. "Ана у калоцца песни пела и дроби выбивала". Ну вот, да этай да тётки дашёл этат разгавор. Вот я прихажу дамой, тётка мне и гаварит: "Дочинька, ты хадила за вадой? Вот там ты песинку зачем пела?" Я гаварю: "Я ни пела". — "Дочинька, я слышала. Я видь в агароди была. Я спицальна пашла, думаю, как бы ни утанули в калоцци. А ты пела там". Я гаварю: "Ни пела я". — "Ни нада, ни атказывайся, дочинька, вот спела, папраси у Госпада Бога, штобы он тибя прастил, а то на том свети тибя Божинька в агонь пасодит". Ну вот, я вечирам, значит, ана малилась и я с ней малилась с этай, с тёткай. Штобы Гасподь прастил миня. Ну вот, а патом уже пашли на улицу, я эту падружку пабила, вот. Ну, зачем ты выдала миня? И ты жи плясала. И зачем так

делать? Мы жи абои с табой сагришили, а ты сказала лёльки. Я иё лёлькай звала, ана мне крёстная была, я лёлькай иё звала» [ДКВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 20]. «В такеи-та дни, на пасты, вот в пост Виликай мы ничем ни занимались, Богу малились. Вот. Ну, с горки катались, санки у нас были, лидянки марозили, у каво санак нет. Какую-нибудь лукошка абливали вадой да снегам вот, на лукошках катались с гор. Ну, катацца ни грех. [Петь и плясать] эта была грех» [ДКВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 19]. Летом же детям играть не запрещали совсем.

Мужчины иногда играли в некоторые игры спортивного типа (см. *Козны*, *Рюхи*). «Пастом бальшинство мужики "в козны" играли, "в чушки". У дворьев маненька падсыхать начнёт. А там уж дальши-ти высахнит, некагда мужикам-та и рабятам-та некагда играть-та тагда. Все в поле. [Играть не грешно], нет, а уж чаво? Чать, ни матам ругацца, ни пить самагонку, всё, а играть. Эта ни играли в гармонь» [ТПД, д. Александровка; СИС Ф2004-09Ульян., № 82]. Могли собираться небольшими компаниями по домам и играть в карты, но не на деньги.

В ряде мест во время Великого поста продолжали устраиваться кулачки (см.), которые начинались на масленицу. «Вот все мушшины сабяруцца, в гавенья была, эта драцца. Адин канец вон этат вот, он раздилёнай, где правление вот, эта наш канец, а вон эта там Балчуги называцца, туды да самава да этава да Катякова. Аттоль все идут и наши. И начнут! Ну, проста как вайна! <...> Эта кагда была, в гавенья, в гавенья перид Паскай. Маслиница-та кончицца, и вот ат этай маслиницы и начинацца да самай Паски. Дрались [и на страстной неделе], айда пашёл!» [МАГ, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян., № 67].

Запреты на развлечения, которые налагались на период Великого поста, снимались обычно только на пасхальной неделе, после завершения обхода домов священником (см. *Пасха*). «Гришно-та была, чай, стары и то калякали. Грех непрошчоный. Вабще ничаво ни. Всё заприщона была. Плясать, петь, матерна ругацца, играть. Щас пить вино да завтрашнива дня [=четверга на Пасхальной неделе] штобы в рот ни брали. Божью Матирь паставют, в церкывь принясут, Божью Матирь паставют и начинают гулять. Иё накануни Паски в "красильную субботу" из церкви вынисут и больши иё ни занасили да читвирьга. Малебнам прайдут и Божью Матирь апять в церкву зянясут. Вот. Тут уж гулять начинают» [ССП, СОИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 33].

Последняя неделя Великого поста (*страшна́я*) была наиболее насыщена обрядами, они приурочивались в основном к Вербному воскресенью (см.) и Великому четвергу. В этот день соблюдали особенно строгий пост. «Пастяцца, да, в Виликый читверьг да звязды ни йидят. С утра и весь день да звязды. Вечарам паест. И хрищенскый сачельник, да» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 42].

Старались обязательно пойти в церковь. «Бывала, в церкавь, мы были какии малинькии, была церкавь вот в Пятине у нас была церкавь, избу вымают,

пайдём двенаццать раз свечки зажигать. В читверьг, пятница. Все мы пайдём, хадили в Пятины. Двянаццать раз свечки зажигаим. Двянаццать апосталав читал свищенник. А в пятницу истиннава Христа харанили. Вечарам яво харанили. С грабницый ходят акруг церкви. И пают: “Святый Божи, святый крепкий, святый биссмертный, памилуй нас”. А суббота идём к стаянью. В субботу на васкрисенья» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 18-19]. «Вот эта в Виликый читверьг. Да. Там служба. В читверьг эта “му́чебник” — как Исус Христос страдал читают, и читают, и молюцца да двянаццат*и* часов. А эта накануни Паски сидят, сидят — двянаццать часов, кто-нибудь выстрилит, значит “враг” пагиб, Христос васкрес. Эта уж вот я хадила» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 42]. Даже тогда, когда церкви были закрыты, в этот день проводили службу у кого-нибудь на дому. «Да, да Виликый [четверг]. Двянаццать звонав. В церкви двянаццать раз удяряли в колакал. Вот. И вынасили Исуса Христа из церкви как каранить ево. В церкву, ка*г*да раньши хадили — церква была, а вот мы бальшии-ти стали, церквы не была, служили у какой-нибудь старушички на даму. Вот мы то*ль*ка хадили» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 96]. «Эта я вот помню, мама, хадили к стаянью. Дажи не была церкви, сабирались там, ну стары девки какеи-та были у нас, и вот мама обезательна пайдёт к стаянью. И патом здесь вот, у Анюти, тагда всё времичка» [ПТС, МАИ, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 25].

К Великому четвергу были приурочены и другие обычаи. Например, *пережигали соль*. Обычную каменную (крупную) соль смешивали с гущей от кваса и помещали в мешочке в горячую печь. Когда печь остывала, соль доставали и толкли. После пережигания она приобретала особенный аромат и вкус. «В Виликый читверьг соль жгут. В узалок, на сковародку *и* в печь иё. Ана там вот пирижарицца и пахнит пирипичоными яйцами. И вот на хлеб пасыпют, как пирипичон*а*. Гожа пахнит!» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 42]. «Пирижигали [соль]. Наделают гущи, в мишечик накладут, пиримишают, пиримишают иё, и в печь кидают. Ана пирижгёт*ся*. И на всё лета пирижённая соль. Ана больна душиста была. Ну, суп ей ни салили, в поли брали, дома ели, картошку вот ка*г*да испикёшь, с этай солью. Бывала, ржанова хлеба атрежишь кусок, о-ой!» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 20]. Считалось необходимым метить молодняк овец, обрезая у них тем или иным способом концы ушей. «Метили в читверг, эта в Виликый читверг. Ушка абрязали [овцам], штобы ана ни... У каждава была свая мета. Эта вот я помню» [ПТС, МАИ, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 26]. Также чистили печь и рассыпали золу на огороде. «Вот, эта насупратив ка*г*да перид Паскай. Эта уж вот из избы всё зо́лу обязательна вытащить нады, раскинуть па *а*гароду. Пачаму, пачаму? Пусть рассеицца, вот па агароду» [ГМС, с. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 28]. В конце недели проводилась особенно тщательная уборка. «И в пятницу, и в читверг мыли [избу]. Гатовились к Паски» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 20]. «На паследней нидели бальшинство моют. И белют, убирают, у каво ка*г*да время есть» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 98].

В *красильную субботу* накануне Пасхи красили яйца и готовили другое угощение к праздничному столу (см. *Пасха*).

Многие ограничения, которые существовали для периодов постов, касались постных дней недели (хотя и в меньшей степени). Например, повсеместно молодежи не разрешали веселиться в келье в постный день (см. *Играть в кельях*, *Сидеть в кельях*). Постные дни считались неблагоприятными для перехода в новый дом, поэтому новоселье (см.) старались провести в «легкие» дни, которыми были «читверьг, суббота, васкрисенья» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 33]. То же самое относилось и к первому выгону скота. «Скатину [выгоняли] ды всё в читверьг, или субботу» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 49]. Считалась грехом и стирка в постные дни. «Я пайду на работу, скажу: «Валя, Коля, натаскайти вады, завтра стирать будим». Ана [=мать]: «Нет, нет, завтра ни будим стирать, завтра среда». Грех, всё ана гаварила. В среду, пятницу, видь видишь, ани постны дни» [ЧТП, с. Сосновка; СИС Ф2004-04Ульян., № 59]. «Вот стирать, примерна, всё гаварят, в среду, в пятницу — грех. Быват, видь стираишь» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 76].

Особенно строгий пост соблюдали на *Ивана Постителя* (день усекновения главы св. Иоанна Крестителя). «Иван Пасти́тиль? Грех. Он называ*и*цца вот «Иван Пос*т*ный», пастицца нада. <...> [Нельзя веселиться] патаму шта Иван Паститиль, — гаварят, — он спаса*а*т людей, всё, а мы пляскай занима*а*цца нильзя. Эта тожи всё то*ль*ка видь мы па книжкам бы читать-та, а мы видь ни чита*а*м йих, книжки-ти, нам нека*г*да...» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 103-106].

В этот день запрещалась пляска и вообще любое веселье, что объяснялось легендой об усекновении главы Иоанна Крестителя. «Никакова висельня, нет! Патаму шта яму галовушку-ту срубили за пляску. Ирад (был царь), ну и у няво бы́ла больна уж, ну как сказать, бал ли там пир ли какой-та, он нанял плясунью. "Какеи бы ты деньги, вроди, с миня ни взяла, я тибе всё, то*ль*ка вот пависили, эта, кампанью", — так скажим. Ну и ана чаво? Ей мать сказала: "У няво, — гаварит, — затворник живёт, вот папраси, — гаварит, — яво голаву". Ну и он, срубили яму галовушку и на блюдички принисли, на тарелачки, эту голаву. Вот такоя дела с ней палучилась. Ана пашла по морю, море была замёрзшее льдом. И разашлось трешчинами и ана правалилась па шею. И щас — всё вот читаю, пишут — и щас всё ана такая на этим море (вот забыла море какое толька) вот там танцуит. Вот как иё Гасподь наказал. Да. Да сех пор с этой галавой. Вот. Эта я уж па книги [читала] из бывалашнай. Мамина [книжка], да. Есть вон и в численниках в праваславных атрывачки-ти, тожи пра ниё пишут» [ЗМД(1929), с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 75, СИС Ф2005-20Ульян., № 1].

Также не разрешалось есть ничего круглого, например капусту. «Яво праз*д*навали, он пос*т*ный. На няво скаромнана ни ели, дажи гаварили, круглава ничаво нильзя есть. [Играть] на постный день уж ника*г*да, чай, ни делали» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 110].

Очень строгий пост соблюдали в Рождественский и Крещенский сочельники. «В сачельник уж малились, ничаво ни ели. Да, ни ели накануни этава праздника, и Крищенья, и Раждяства ни ели. <...> Все сочельники. И йих не ели вот ат звязды да звязды у нас. У миня заловки вот верующии, ат звязды да звязды ни ели. Вот утрам встал, звязда была, утрам рана *и*ще звязда-та. Вот паесть если да звязды ты хочышь, там кусочык или вадички и да вечара ни есть ничаво. Весь день ничавоханька! Дажи и постна нильзя была есть. Кто вот такии верующии больна» [РРА, с. Засарье; СИС Ф2000-17Ульян., № 70]. «Ат звязды да звязды [не едят] вот на Хрищенья, доча. Вот у нас эта тут накануни. Эта утрам встаёшь, паели, и да звязды с утра ни идят. И вот уж ночью идут за вадичкай» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 76].

И.С. Слепцова

ПОТАЙНАЯ МИЛОСТЫНЯ — см. Душу провожать, Пасха, Поминки

ПОТЕШКИ — см. Прибаутки

ПОХОРОНЫ

Похороны — один из важнейших обрядов жизненного цикла, наряду с поминками (см.) символически оформляющий завершение земной жизни и переход души в «иной мир» и ее загробному существованию. Помимо обычных терминов для смерти (*помирать, умирать*) в Ульяновском Присурье существовали и специфические выражения, обозначавшие смерть или близкую кончину. Например, говорили *надо давно ла́пу брать*, то есть ‘надо давно умереть’ [КРГ, ЛЛИ, с. Ждамирово; ЧМП Ф2000-29Ульян., № 10] или *идти на кука́н*. «“На кука́н”, как сказать-та? Ну, вроди, уж всё, больши уже некуды, канец. Вот деньги канчаюцца, я всё гаварю: “Всё, я на кукане сижу”. У миня дениг нет. Канец, всё» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 89]. В пос. Сурское о возможной смерти могли говорить иносказательно: «На белу гору поглядывать», — поскольку кладбище было расположено на близлежащей меловой горе [ЕАМ, пос. Сурское; МИА Ф2000-22Ульян., № 1]. По отношению к людям могли применяться и слова, обозначавшие смерть животных (*подохнуть, околеть*), если хотели подчеркнуть никчемность умершего, выразить свое презрение к нему [АМИ, с. Проломиха; МИА Ф2002-24Ульян., № 66].

Смерть могли предвидеть или предсказать (см. *Вещие сны, Гадания*). Иногда о предстоящей смерти кого-либо из домочадцев судили по каким-либо приметам. Например, считали, что кто-то должен умереть, если птица стучится в переднее окно. «Вот у нас умер у сестре (эт ищо давно) сынишка. И вот как яму умереть, в этыт жи день у нас прилитела птичка ка акошку и

начала стукать в акошка. Птичка прям стукат в акошка. И этим жи днём умир Мишинька. И мы вот рассказывам, я гаварю: “Батюшки, птичка за няво какая прилетала”. Я и ни помню щас какая, можит быть, этыт жи варабей, птичичка нибальшая. Ну, тол*ь*ка што ана, значит, с этава с касяка начала стукать в акошка — пастучала-пастучала. Никагда у нас так нé была. Ищо мама, пакойница, и гаварит: “Наверна, ни Мишинькина ли душа прилятала за нём?” Вот. И как-та была жутка. Он в этыт жи день умир. И уж тут мама-та и гаварит: “Ну вот, мол, птичичка вести нам принасила, за душой прихадила”. Ни знаю, хто знат?” [КЕМ, КЗМ, с. Коржевка; МИА Ф2001-29Ульян., № 31].

Приметой скорой смерти могли быть дерущиеся у дома вороны. «Вот ка*г*да, гаварят, вароны налятают друг на друга, вот, гаварят, эта к нищастью. Вот в пиреднее акошка стучыт птичка, вот залитит в пиреднее акошка, стукаит — тожи, гаварят, к нищастью» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 127]. Предвестником смерти ворон считается даже в том случае, если в доме уже есть покойник. «Ка*г*да Тонька памярла — сястра маей жины, — а я иду, вечарам уж, ну проста смерьклась, всё, затимнение всё нармальна была. Ну вот я иду ка двару. Ка двару падашол, хачу захадить в крыльцо, а уже упакойник лижит, там служут, а я падхажу. И тол*ь*ка в крыльцо-та захажу, вот аткуда палучылся вот этыт воран. Прям у миня в руках вот так вот воран закричал и как из-пад ног, из-пад крыльца, ступеник, аттуда выскачыл из-пад ног. Эта вот я ачивидец сам. Закричал, захлопал, захлопал и улител. Я захажу в избу, и рассказываю. Ани мне и гаварят: “Должин быть ищо упакойник”. Вот так вот. <...> Клавдя, сестра. А Колька впирёд, Никалай, родствинники, братья и сёстры. И Колька Митягин вот тожи вскори» [ВПВ, с. Валгуссы; МИА Ф2001-15Ульян., № 11].

Знамением смерти может быть крик коршуна, летящего по направлению к кладбищу. «Горшун литит, каркнит вот у маво двара и палитит на кладбишшо. Пралитит он: “Ка-арк!” — каркнит. Калякают: “Ну, ни долга праживёт!” Так [=обычно] он ни каркат. Ну ежели ани, ка*г*да играют, ане каркают многа. А ежели так, то он тол*ь*ка раз: “Ка-арк!” — и палитит» [МЕЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 80]. Считалось также, что если кукушка кукует не в лесу, а у дома или в пределах села — это к смерти [ЕЕД, ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 88]. Стон домового (см.) также может предвещать смерть кого-либо из членов семьи [ЕЕП, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 103]. В с. Валгуссы верили, что если приснится покойник, то он «абезательна увидёт, он за табой пришол» [ШМВ, ШЗВ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 18]. В с. Кандарать считали, что увидеть во сне покойных родителей — к смерти. «Гаварят всё, я ни знаю, ну аднака жа перид смертью, то радитилей видют. Кричат там: “Мама, мама! — там. — Папа, папа!” Абычна маму» [МАФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 45].

В селах, расположенных вдоль Суры, была распространено поверье, что перед тем как кому-либо утонуть, река стонет. «Дядя рассказывал, больна уж ана [=Сура] станала! Эта значит, кто-нибудь утонит. Адин у нас нижанатый был,

маладой. Работал он шо́фирам. Да. Учылся на учытиля. Наверна, зимой на Ражаство ли как ли, были марозы такеи. И все шафира́ тут гуляли. И чаво-та он... Адна женщина паласкала бильё. Он как иё атталкнул, а сам-та мырнул. Вясной уж нашли» [ШЕП, ЛНП, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 123].

Старики, предвидя смерть, могли заранее готовить смертную одежду и гроб (см. *Покойника убирать*), прощаться с домочадцами и соседями. Приведем меморат о старушке, которая приготовила себе гроб заранее. «Я была ищо вот такая [ребенком], палезла на суши́ла, эта ищо в детстви, я ищ тагда в школу ни хадила. Там стаит гроб. Я ни имела придставления, што эта гроб. Я думала калода, скатину кормят — калода. Такой жи он ящик. Я гаварю: "Баба, а зачем эта Писа́нке (у нас была карова Писа́нка), зачем Писанкину калоду на сушила паставили?" Ана гаварит: "Дочинька, эта ни калода, а эта мой домик". Я гаварю: "А какой твой домик?" — "А вот кагда я памру, я буду в нём жить". — "А как ты в нём будишь жить? Как ты там встанишь? Он жи ниглубокый". — "Я буду жи в нём лижать". — "Баба, а зачем ты вот ево сделыла, он лижит?" — "А вот я памру и миня сразу паложат в нево, а то нада бегать. А эта миня сразу паложат в нево". И вот эта всё у миня, видна, уж [запомнилось]. И вот, наверна, паэтаму я сибе тожи [приготовила гроб]. Вот так всё и идёт» [ДКВ, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-12Ульян., № 34].

Раньше в селах были столяры, которые специализировались на изготовлении гробов и крестов и обычно мастерили их прямо во дворе дома покойника. При этом щепки от гроба и креста «не велят в печке жечь. Я их вынисла вон в я́му» [АВД, д. Ростиславка; СИС Ф2004-33Ульян., № 121], а полученными при этом стружками выстилали дно гроба. В с. Б. Кандарать вспомнили, что раньше крышку гроба делали не «домиком», а плоской [МАФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 53].

В советское время изготовлением гробов занимались столярные мастерские, существовавшие во всех крупных колхозах и совхозах. «Гроб в сталярки [делают]. Свой тёс, сваи гвозди, абивают яво матирьялам белым. Внизу белым, а сверху или синим, или красным, какой есть. Абабьют, акурят яво, гроб, и кладут пакойника. Стружки же паложут туды стружки, расстелют жи белый матирьял, падушку и кладут» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-07Ульян., № 99].

Считалось, что гроб должен быть изготовлен из сосны, а крест — из дуба. Деревенские гробы вплоть до последних десятилетий не драпировались изнутри материей. «Ну, гроб аббивают. А, как гаварицца, лучче всево неабби́тай. "Гроб, — гаварят, — сасновый, крест дубовай". Эта спакана́ века па-Божьи паложина так» [ДКВ, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-12Ульян., № 36]. «Я систре ни абшивала гроб, и мне ни нады. Абшивать — грех. Я ни абшивала и мне ни нады. Я луччи эту материю падала́. Вот там он перид ней, а эта в зимле он будит гнить. [Гроб] сасновый, а как жи. Ну, и больши ни с какова ни сделашь. А крест тожи толька дубовый нады. Тут у миня не была этава, дубочку. Приехала в церкву: "Эх, тут прадают крясты". Батюшки гаварю: "Я крест куплю, ты ка мне приедишь за картошкай, привизи, пажа-

ласта”. — “А где ты увидала крест?” — “Как где? А в часовни-ти”. Он: “Тибе ни нада. “Нужин крест, — паёцца [в поминальном стихе], — дубовый”, — а вот эти литыи-ти, из глины-ти [=цемента] ни нады. Эта ни мрамарный, там глина да жилеза. Ты яво Госпаду Богу на пакланения ни данисёшь, измучицца твая душа. Крест дубовый ты данисёшь, какой бы он не был тижолай. А эта нет!”» [СТП, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-13Ульян., № 8–10].

Теперь гробы и надгробия обычно заказывают в похоронных бюро, расположенных в райцентре. Современные гробы не только оббивают материей, но дополнительно украшают, что нередко вызывает недовольство представителей старшего поколения. «Нюра-та вон мне гаварит: “Штоб больна украшали гроб, ни паложина, — гаварит, — пи́сана [=сказано в Писании]. Луччи, — гаварит, — деньги атдать на пами́н яво души. А эта вот, украсют там гроб, мол: Эх, красивый! А он, — гаварит, — щита́цца как мусар”. Хто украшат, если есть чем, а у каво нет, и ни украсишь» [АМИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-06Ульян., № 84].

Вынос гроба с покойником со двора. С. Чамзинка. 2001 г. Фото И.А. Морозова

Существовали представления о «хорошей» и «плохой» смерти. Считалось, что самая харошая смерть — в канун Пасхи, когда умерший избавляется от грехов. «Вот, гаварят: “На Паску все грехи сни*мутся*”. А хто гаварит: “На Паску грех умирать, если умиреть, вот кагда Исуса Христа расп*и*нали”. Ни знаю, вот что-та на́двоя я слыхала. Хто знат? Он умирал, видишь, яво на субботу каранили. А он в двянаццать чисов накануни Паски васкрес. Вот можна тут, ровна, памирать, м*о*л: “И нам гряхи избавит Гасподь!”» [ГМФ, с. Б.Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 54]. «Ну, гаварят: “Эта нигрешный больна чилавек”. Ну, нигрешнаво нет ни аднаво чилавека. Ну, мала грихов. Ево уводят, дух-та сразу уходит на неба, к Богу, и ево водят все сорак дней на пакаяния. Спрашивают ево всё: “Грешный, ни грешный ли?”» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 72].

К «хорошей смерти» относилась гибель от удара молнии, что нередко случалось во время полевых работ. «Раньше вот больше убивала громам-та, гразой. Гаварят, харошая вроди [смерть]. Ну, хто знат? Бог от гряхов избавит. Эта стары люди всё гаварили» [РЛП, МВП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-03Ульян., № 62]. «Гаварят, [от молнии смерть] харошая. Гаварят, бизгрешна будит. Так гаварят, да» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 111].

Иногда, впрочем, считали, что смерть от молнии, как и любая «скороспешная» кончина, плохая, так как человек не успел к ней приготовиться. «Гаварили плахая. И гаварят: “Вот хто пампрёт скораспешнай смертью, нет, спаси Бог, эта смерть плахая! Нада пахварать”. У нас вот мать мая, ана впирёд была полна, захварала. Ну, мы пришли, мая сястра ей гаварит, старшаа: “Мам, кабы што ни сделалась! Больна, мыл, ты трудна хвараашь”. Ана гаварит: “Нет, дочка, спаси Бог, ни нады! Я разви тела панясу туда? На будущай? Ни трог, маненька я пахвараю, штобы с миня всё спáла. Разви я панясу эдака тела, полна? Нет!”» [ГАМ, ЛМС, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 63-64].

По народным представлениям, «плохая смерть» суждена также грешникам и колдунам (см.). Знаком этого считался, например, тот факт, что колдун при кончине высовывает язык [РАЯ, с. Чамзинка; МИА Ф2002-26Ульян., № 66]. Агония колдуна была мучительной, поэтому чтобы облегчить ее, «клин падбивают. Вот клин пад матку. Штоб скарей умир этыт чилавек. Он вроди, маненька в нём есть калдавства. Вот ане мучаюцца умирают» [ММН, с. Валгуссы; МИА Ф2001-15Ульян., № 2]. В с. Коржевка верили, что смерть колдуна можно облегчить, если в передний угол воткнуть гвоздь или «какой-та диривянный гвоздь» забить, «тагда уж он начынаит легши умирать» [КЕМ, с. Коржевка; МИА Ф2001-29Ульян., № 32]. В с. М. Барышок считали, что при смерти «порченного» из него выходят черти. «И как начало яво накрывать! Вот так высако кидать, прям прыгат он там. <...> Койка-та хадуном ходит и ничаво ни сделают. Гаварят: эдак вот все умирают — чэрти йих падымают. Патом тише, тише» [САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-14Ульян., № 62]. В с. Первомайское существовало поверье, что смерть колдуна может вызывать природные катаклизмы. «А он [колдун] умир, три дня буран был. Яво три дня ни харанили. Всё занясло” [РАИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 46].

Очень часто причиной смерти считалась вредоносная магия: *сглаз*, *сделано* (см. *Ворожея*). Эту причину называют, как правило, в тех случаях, когда между двумя людьми был конфликт, а через какое-то время один из них умер, даже если между этими двумя событиями прошло довольно много времени. «Вот адной, гаварят вот, сделали здесь вот в Сухем [=с. Сухой Карсун] у нас прям. [Парень] с ней хадил, иё ни взял, а другую взял. Старая ево ниveста перишла дарогу там с вилкими ли с чем ли. Ну, *и* умирла бабёнка-та! Хварала-хварала, памирла. Ево жана памярла. Вот троя дитей аставила. И вот он сашёлся с ней пад старасть-та, катора сделыла. Щас уж и он помир. Гаварят, с вилкими пир*и*хадила как-та. Да и чаво-нибудь нада знать, наверна, читать или чаво ли» [БВН, с. Жемковка; КПС, СИС Ф2004-46Ульян., № 11].

Причиной смерти молодых людей, согласно народным верованиям, как правило, является порча. Об этом говорится в меморате о смерти молодого мужчины, служившего на атомной подводной лодке и умершего от облучения. «И вот сабрался [племянник] умирать, все ушли, он лижит. И утрам, рассвятало, на первый день Хрищенья изашол. Ну и низ у няво перид смер-

тью вот так прям раздула весь, весь. Вот мы и дума*е*м, што порча. Старуха из Потьмы мне сказала перид смертью: “Если порча есть, у няво весь низ разворотит, он вот будит крычать. Аткрой занавеску на трубу, а то лукавый дух у тибя влитит!” <...> Ну, гаварила адна нам, што тёща испортила. А как бы́ла? Ане вот с Зинай-та [=женой] хадили в гости к дяде, аттоля пришли, а тёща-та гаварит: “Плоха, видна, угастили, нати, выпийти паманеньку!” Зина-та ни стала, а он выпил, и у няво сразу атнялся язык. Мы приехали. Он: “Ни магу калякать-та, — паказыва*е*т нам. — Тёща чаво-та дала”. Поняли? Ну, мы яво тут жи в бальницу, врачи. И вот эта старуха мне сказала, што портила тёща-та. Вот. <...> Сказывали, памага*а*т ат порчи. Я ездила к адной, вазил нас шофер, нидалёка вот где-та тут. А ана [=знахарка] кака*я*-та уродлива вот эдак, в скамейки вся, эта старуха. Да. Я взашла, ана разлажила чаво вилели там — сахарку, ищо чаво — нагаварива*е*т. И вот села вот как Вы [=напротив]: “А-а! А-а! А-а!” Я напугалась да бижать. А там иё дочь, в синях-та, гаварит: “Ни биги, у няво порча. Порча. Ну, уже поз*д*на!” [Старуха мне говорит]: “Ну, нагаварю я вам. Вазьми бутылачку, иди в сени и налей в бутылачку вады там из чаво-та. И капельки адной ни пралей! — а я в чужих синях, я и ни вижу ничаво. — И привизёшь эту вадичку, ни давай туды *г*де он живёт, а визи яво к сибе дамой и паи яво. Папьёт и чириз лева или чириз права ли пличо, солнышка взайдёт, выплёскывай. Можит быть, прайдёт. Ну поздна”, — гаварит. Ана вот так сказала. Ну и мы всё-таки дума*а*м, эта вот ат порчи. А ка*г*да он умир, увизли туды, яво в грабу-та паставили там, а ане бягут с дочирью-ту — Зина-та уж больна плакала, жана: “Генанька, прасти, дасадила я тибе перид каньцом жизни!” А ана [=тёща] взашла, я ни видала и Богу ни буду раптать, а брат-та вот младший в синя́х стаял: “Ана, — гаварит, — взашла на подлавку-ту: Тьфу, тьфу! — двянаццать раз плюнула. Тёща. А ка*г*да взашла, села у ног и вот так за́ наги яму пацо́пала. Наверна, разделывала на тот свет”, — ну, разделыват, грех с сибя сымаит» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 31-38]. Если причиной смерти была порча, то виновный в этом человек должен был снять ее, в противном случае все грехи покойного переходили на него.

В с. М. Барышок верили, что, если 99 раз прочитать за упокой, то человек умрет. «И ево [=мужа] мала таво испортили, и ево чытали за упакой всё время. Девяноста девить раз прачытал, если тибе никто ни памог — всё, яво пре́дали к зимле. И он умир» [САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-14Ульян., № 55–56].

Материнское проклятье тоже могло стать причиной смерти (см. еще *Русалка*). «Вот стрельнинска [=из с. Стрельниково] татарка, яна вышла в Корживки за русскаво. И яна [=ее мать] больна уж иё кляла́. Идёт из Корживок, идёт и больна ругацца. Я иё крычу: “Нюра, айда чай пить”. — “Э-э, какой чай [подражая говору татарки], рас*с*троилась”. — “Што рас*с*троилась ты?” Начала дочь: “Ей гасподь путя́ ни даст, да ей бы голаву сламить савсем”. Вот так и так, больна иё кляла, татарка, дочь сваю всякими славами. “Штобы ей миня ни увидать, мне бы иё ни увидать”. А яна работала учитильницай, дочь иё. Ну и ани пажинились. Ну там в Корживках гуляли, и яна пажила три месяца

и захварала. Захварала, иё в бальницу, в Корживках лижала — толку нет, в Инзу атвизли — толку нет, атвизли иё в Ульянывск. И в Ульян*ы*вскым. Высыхла в лучину! В Ульян*ы*вскым умярла. Корживскый паехал, этат мужик-ат [=муж], привизли иё, ну, как русских каронют — в грабу, всё собрана, в адёжу иё сабрали в чаво на роспись хадила в чем. Ана [=мать]: "Давайти там зарывать", в Стрельниках. "Давайти там зарывать". Зарыли. Ну, все ушли, ане [=татарская родня] дня два прашло, ане магилу разрыли, гроб выкинули, иё разабрали как каронют татары. Вот. И гроб атвязли в авраг. Ну и вот. У ней асталась дивчонка (радила дивчонку). На той нидели ана [=татарка] идёт. Я, мыл: "Далёка ли хадила?" — "Хадила к внучки, звала иё жить. У ней ба*б*ушка (атец жи у ней помир), уж стара никудышна, и дедушка эдакой, ели ходют. Я иё звала. А ана, знашь, как стала плакать! Ни знаю, ей хто гаварит, наверна". Я, мыл: "Ну, чай, все гаварят". — "Ты, гаварит, мать маю скаранила, и миня хочишь? Ни паеду!" Вот. Так и ни едит, вот три раза уж ездила звала иё» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 74].

Считалось, что в момент смерти лишь останавливается дыхание, а душа остается в теле до сорокового дня (см. *Душу провожать*). Чтобы облегчить смерть, предпринимались определенные магические действия. Нередко умирающего для облегчения смерти перемещали с кровати на пол, что в поздних трактовках может иметь и чисто практическое объяснение: «чтобы не испачкал кровать». «Ну, вот кагда умирать чилавеку: "На палу, — гаварят, — луччы". Вот у нас мать умирала, мы с сястрой стаяли — вот-вот-вот умрёт! Мы иё стаскывали на пал. Ну, тут адёжа всё-таки, пастель харош*а*я. Абмывать-та всё равно на палу, паэтыму и стаскывашь на пал» [ЧЕВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-25Ульян., № 25].

В момент смерти возле умирающего принято присутствовать близким родственникам, которые прощаются с ним, просят прощения за взаимные обиды. Поскольку присутствие священника было не всегда возможно, «душу отпускать» могли специальные женщины-«читалки» (см.). О наступлении предсмертной агонии и смерти судили по исчезающему дыханию. «Душа уходит из челавека, уходит. Ну то, што: он сделат вздых — эта значит вышла из нево душа. Как гаварят: "Душа с телам расстаёцца"» [ВПВ, с. Валгуссы; МИА Ф2001-15Ульян., № 9]. Для определения факта кончины могли подносить ко рту умирающего зеркало и смотреть, запотело ли оно.

Сразу после кончины в доме завешивали все зеркала, зажигали свечи и лампаду. «Зерькала пакрывают, штобы ано ни свитила» [ВФЯ, с. Аксаур; МИА Ф2001-25Ульян., № 40]. В иконном углу вывешивалось полотенце в знак того, что в доме покойник. «Если лижит в доми, то вот вешают на углу палатенца, на икони висит» [БЕФ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 10]. «У нас вот ка*г*да умрёт чилавек, вешают палатенц*е* на пали́чку, [где стоят иконы,] — па абоим бакам вешают палатенц*е*. И паминки ка*г*да, вешают палатенца, зеркала́ закрывают все» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 123]. «Умир — висит палатенце в пиредним углу. У нас да сорак дён. А па-

том каму-т*а* ево дают. Кто-та из радных бирёт» [АВД, д. Ростиславка; СИС Ф2004-33Ульян., № 118]. «Вешают вот на кася́к [=раму] — вот на акошка, на касяк павесют палатенца. Ну, толька у иконы ближи делают. Да сорак дён висит. И вот сорак дён пависит — эта перьвый кто взайдёт, палатенца дают этаму чилавеку. Перва у нас вот эти старухи служили — "служаки́"-ти, стары. И вот перьву очиридь цопают эта палатенца, кой слу́жит. А щас вот мы служим, ни бирём. Эта кто придёт перьвый, таму атдаёшь. Вот коя придёт стряпать перьва, вот ей вот» [ММН, с. Валгуссы; МИА Ф2001-15Ульян., № 2]. В с. Первомайское вешали не одно, а два полотенца [КАП, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 67]. Известен также обычай вывешивать в случае смерти полотенце на воротном столбу или на углу дома умершего. «Вот к сталбу, к варатам, а патом на кладбища на крёст вешают — другоя. Нидели три висит. Патом каму-нибудь пададут» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 52; ЧЕХ, РАИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 34].

Прощание с покойным у дома. 1969 г. С. Астрадамовка. Личный архив Е.П. Кармишиной.

Этот обычай связан с представлениями о «переходе», который умерший совершает на том свете. «Вешают на пали́чки два палатенца. Эта палатенца, вот всё калякают, "на периход". Вон в узлу лижат, кагда я ищо умру, павесют. Какой "периход"? Атдадут каму-нибудь. Я видь спрашивала служако́в-та: "Кагда ытдают, эта, — гаварят, — вот периход упакойника. Вроди, раздашь эти палатенца утирать. Вот периход, куды-та се́лют", — всё вот служаки́-ти калакают. Ну вот, полгыда, эт*а* палавина он пралижал, вот яму се́лют. Или на шесть нидель, вишь, калякают вот: "Да шисти нидель вот хто умрёт сминят упакойника. А эсли вот ни умрёт, вот полгыда, вроди, он стаит на пасту эта"» [КАП, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 67].

Кроме того, обязательно ставили на столе, под иконами или на подоконнике стакан воды, который прикрывали ломтем хлеба. «Палатенца вешают да сарака дён. Он будит утирацца. Да. Стакан вады ставишь, хлеба кусочик кладёшь» [БВН, с. Жемковка; КПС, СИС Ф2004-46Ульян., № 20]. «Эта стаканчик — душа штобы, вроди, искупалась. [Потом ее выливали], где иконки стаят, в угал» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 123]. «Кагда умрёт, на акошке стаит сорак дней и вадичка, и хлеб*а* кусочик, и ложка. Ну, вроди, как ей папить, што ли?» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 5].

Вода и хлеб хранились до сорока дней, после чего их утилизировали. «Как умрёт, ставицца вода. И эта вода она стоит до сорокового дня, просто в стакане

около икон. У которых даже останецца вот столько [=чуть-чуть], всё говорят: "Пить приходил!" Высохнет она или чево, на сороковой-то день. Ну а после-то выльют птичкам. Положено в особое место, вот как в первый-то угол, в чисто место, где она простояла сорок дней. И буханка хлеба лежит тоже сорок дней. Эту буханку хлеба розмочут курам. Вот такой у нас обычай» [КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-17Ульян., № 46]. «Ставют хлеб, стакан с вадой. На акошка ставют. Да. Первым долгам яво ставют — да сарака дней. Вот сорак дней как "праважают душу", и в пиредний угал выливают эту воду, и кусочик кладут на угал, птички клевать» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-07Ульян., № 98]. В с. Первомайское и Палатово в передний угол «рюмку вина кладут, блин кладут и ложку кладут. Эта да сараки дён. Ничаво ни миняют, как паставит, так он и стаит да сараки дён» [ПЕН, с. Первомайское; МИА Ф2001-13Ульян., № 48–49].

Существуют рассказы о том, что покойник жалуется, если родственники не соблюли эти обычаи. «У нас абычай какой, у нас вот кагда пампрёт, ставят на паличку стакан с вадой и кусок хлеба. А патом шесть нидель пралижит, первый, хто приходит утрам, дают тарелычку, кружичку, ложку, и што-та вроди как там, штобы он питался. Эта у нас такой обычай. И щас он у нас. Мы падаём эта вот всё. Да. Вишь вот, как гаварят, кто-та видал сон, все абедают там, а спрашивают: "А ты што ни абедаишь?" — "Да у миня, гаварит, ни ложки, ни чашки нету, ни кружки. Кто паабедают, дадут мне, ни дадут". Вот с этава, наверна, и начали. Эта вот у нас абычай есть» [ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 118–119].

Уже в день смерти близкие усопшего надевали траурные одежды. Для женщин — это одежда с преобладанием черного цвета и черный платок, который завязывается концами назад и носится как повязка. Для мужчин — это тоже обычно «что-то тёмное». В последние десятилетия появился обычай повязывать участникам траурной церемонии черные повязки на руку. Считалось, что односельчане, особенно соседи, обязательно должны прийти поглядеть покойного. «Сами идут. Сваим близким я скажу — вот мама у миня памирла, я пабижала систре сказала, там саседке вот сказала. Ну и так друг па дружки и гаварят. Приходят паглидеть. И на кладбище праважают, многа у нас ходит народу» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 129]. Обычно все, кто приходил на похороны, приносили специальное приношение. Когда приходят с покойным прощаться, «приносют, кто мучки, кто яичик, приносют» [АВД, д. Ростиславка; СИС Ф2004-33Ульян., № 114].

Тело обмывали специально приглашенные женщины, родственницы или близкие подруги. «Абмывают, чай, радныя. Вот у нас атец умир, вот зять в саседях, яво доч абмавала атца» [ВФЯ, с. Аксаур; МИА Ф2001-25Ульян., № 40]. Воду после омовения выливали где-нибудь в стороне от дороги. «Мачалачку, мыла, палатенца абтирают — эта все ей в гроб» [ШМВ, ШЗВ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 23].

Считалось, что после омовения необходимо обязательно связать мертвецу руки и ноги. «Кагда умираит вот чылавек, ну, яво абмыли. И вот кагда

яво на лавку ложат, завязывают яму ноги, штобы ани пряма стаяли — эти лапы. И руки, штобы ани адирвинели, их тут завязывают. Ну, а кагда кладут в гроб, тагда развязывают всё. И с рук, и с ног. А патом кагда кладут яво, спускают в магилу, и спрашивают: “Чай, там всё развязали? Узилки-ти?” Эта вот руки-ноги были связаны, ну, так эта ни удобна хадить-та там. Как жи он связанный там будит хадить? Може, и сницца будит: “Што миня ни развязали?”» [КЕМ, КЗМ, с. Коржевка; МИА Ф2001-29Ульян., № 32].

Затем покойника облачали в «смертную одёжу» (см. *Покойника убирать*), а также помещали в гроб те вещи, которые он приказывал положить, еще будучи живым. «Вот идут, дастают камишик из радника. Мама сказала у нас: “Умру, мне яво кладити в гроб”. Мы так и сделали, палажили ей яво в гроб. Камешки были белиньки манинькии*и*, прадалгаватыи вот эдаки*и*. Гаварили всё эдак, если карова ателицца, да у ней вымя загрýбнит, звали “груднúца”, и вот этим камишкам иё абводют. Или хто, мыл, хварааат “с глазу”, апять этим камишкам: яво в вадичку и сбрызнýт чилавека. И чилавеку делацца легше» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 68–69].

Приведем подробное описание церемонии «обряжения» из с. Валгуссы. «Ну, ладна, умярла, в два часа ана умярла ночи, в январе-ти. Я пашла ночь-ту вот к дочири. Мы иё сташшили с койки-ти, разабрали иё на палу пряма — пастилили старую адиялу и разабрали. И ана вся высахла, на зóлу былá [=совершенно изможденная]. Ну, начали абмывать. Дочь паливат, я тру — с сястрой-ти абмывам иё. Абмыли, на суху простынь палажили иё тут апять на палу. Абтёрли, всё высахла, начали сабирать. Спирва штаны надели, рубашку, платья надели и патащили в пиреднюю на лавку. А пад ниё простынь белу пастилили, пад голаву палажили стару фуфайку. Всё палажили, начали чулки надявать, тапачки. Косы ищ*о* заплили тут на палу-ту. А косы ведь ни так плетёшь как вот, а на úзвароть плетёшь. Заплили, “калóдкай” сделали ей косы: туды канец, туды канец и апять эдак сунули [как корзиночкой] и завязали. Грибёначку ваткнули. Палажили, сабрали, всё. У ниё всё гатова была. И у меня щас гатова. Вот я сгарела, у меня всё гатова была, и щас гатова. Сама гатовила. То*ль*ка дочь приехала, сшила ей падушку нарядну из палушалки. [В подушку] веники рубят, бирёзавы веники, и кладут. У ней воласыв многа была: “Сматрити, палажити маи воласы!” Воласы эти палажили. Часы были у ней: “Миня с часами кладити. И серьги ни выняйти”. Ну, серьги такия [старые], и часы уж сталетни*и*. Ей, была, палажили на падушку часы, а сястра Мотя ей привязала на руку. Эта ана уж сказала: “Миня с часами. Я всю жизнь с часами хадила. Вот часы завидити, и я буду с часами тама”. Ну, Матрёна завила, палажила» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-07Ульян., № 97].

В довершение тело покрывали полотном. «Ну, белым палатном иё там пакрывают и лицо закрывают. А чорным нихто ни пакрыват. Ну, бела палатно видь, закрытый миртвец этыт белым палатном. Раньши-та шалью какой миртвица пакроют, а раньши-раньши брали пакрывала из церкви.

Ибизатильна должин пакрытый он пакрывалам» [КЕМ, КЗМ, с. Коржевка; МИА Ф2001-29Ульян., № 33].

До погребения тело размещалось в доме, сначала на скамейке в переднем углу, а после изготовления гроба — в гробу. «Клали, где абраза́, а патом гроб привозим — нада акури́ть ево, гроб. Трава такая есть — багаро́дска трава, и ладана кладут» [ТВМ, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-43]. «Сперва [покойника] на скамейку кладут. А патом гроб сделают, кладут в гроб. Кто на скамейку гроб ставит. Патом пригласят катор*ы* читат, служут, ана гроб акури́т лад*ы*ном» [ЕАК, с. Валгуссы; ММГ Ф2001-26]. Гроб обычно устилали стружками, а в изголовье клали небольшую подушку, набитую березовыми листьями. «На третий день [хоронят]. Вот там стаяла лавка, в пириде, вот так, на лавке лижал. И сам, и ба*б*ушка у миня вот. Он в избе в грабу стаит. А в грабу там стружки, калинкорам пастелют. Падушичку вот делают из бирёзавых веникав. Ни знаю, чаво ищо-та? Саломай, рай [=что ли], набивать? Ат ней пыли пално! Бирёзавы веники, у нас всё время веники» [БВН, с. Жемковка; КПС, СИС Ф2004-46Ульян., № 12]. «Веник — нарубют ево памельчи, бирёзавый, и в гроб настилают. И падушичка из этава жи — вон эти листки бирёзавыи у нас» [АВД, д. Ростислаевка; СИС Ф2004-33Ульян., № 115].

Публичное оплакивание усопшего с причетами близким родственникам разрешалось только в день похорон. «Например, у миня умирли, то я ваплю. И на кладбище вопют, как и на пахаранах: “Вот, долга нет, радима мамынька!” — или кармилиц тятинька. Или тама у каво умирли мужики там: “Дружечик там Колинька ли Петинька ли, што ты встричать нас плоха? Вот уж и забыли мы друг дружку, ды как саскучылись!” Ну вот эта вот пер*и*гудают эдак. Если вот, например, радитили дитей схаронют, эта вот долга вопют. А если такеи-ти вот, например, старушки пажилыи памирают, больна-та и ни вопют. Например, как у нас свякровь у нас памярла, ей девяноста гадов, чаво аб ней вапить?» [ПЕН, с. Первомайское; МИА Ф2001-13Ульян., № 45].

Считалось, что если и впредь неумеренно оплакивать покойного, то он на том свете будет от этого мучиться. «Кагда помир, всё причытала. [Сейчас] ни причытываю. Гаварят: “Яму там плоха, если будишь плакать на грабу да причытывать. Эдак, — гаварят, — плоха”» [ВФЯ, с. Аксаур; МИА Ф2001-25Ульян., № 41]. Особенно осуждается чрезмерный плач во время посещения могил при поминовении. «А адна у нас старуха, ну ана ищо была малада*я*, как скаранили яво [=одного парня], ана сон-та видала. “Идёт, — гаварит, — он, бижит вот с *А*ляксандравки, а мокрай, гаварит, весь мокрай! А я гаварю: Ба, Вовынька, ты што эдакый мокрый? Иди скарей в избу, ты замерзнишь!” А он гаварит матам: “Мать, туды иё мать, мне пакою ни даёт, аблива*и*т миня”. Ана: “Да батюшки! Ана каждый день на кладбищи ходит!” — “Тёть Нюра, скажи, штобы ни хадила!” Я уж таперь пайду на кла́дбищо, ни плачу, то*ль*ка малитвы гаварю. Ну зато дома плачу. Как встаю, так и плачу: “Сокалы вы маи, што вы миня аставили!”» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 43].

Хоронить в Ульяновском Присурье было принято на третий день после смерти. Но существовали и некоторые исключения, поскольку считали, что «грех харанить на страшно́й нидели, кагда пост. В пятницу харани, а в субботу — грех. На Паску не харонют» [ЕАК, с. Валгуссы; ММГ Ф2001-26].

Для отпевания приглашали «служак» или «читалок» (см.), которые «отчитывали» покойного, пока он находился в доме, а также проводили службу перед началом поминок. С утра при покойном читают Канун, стоя перед иконами. При этом лампадку и свечку зажигают, а занавески перед иконами раздвигают [КАА, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-11Ульян., № 1–5]. «Кагда атпевать начинают, [свечи] ставят — читыри вабще-та паложена. У нас три ставят, а вот в Иванькави я была, там читыре ставят — там и в ноги ставят, крестаабразна. И в ноги нада ставить, и в галавах, и па бокам» [ЦМН, с. Сара; ГОН Ф2000-21а]. «Если он нынчи умрёт, кагда гроб сделают, всё сделают, а патом уж яво атпевают в доми, да. Стихи-ти пели, пели. Стихи ани эти, хто умеет, падтягывали. Дамой если начэвать уйдут ане, а адна истаёцца, чытат ночью» [БЕФ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 12]. Люди старшего поколения до сих пор считают, что человек, которого не отпели, будет «маяться». Рассказывают о явлении покойной, которую не отпели. Она жалуется, что ее не пускают на тот свет, потому что у нее нет «паспорта» — листочка с молитвой, который ей должны были положить в гроб «читалки» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 77].

Местные староверы-кулугуры допускали к службе на похоронах только членов своей общины. «Вот похороны што тут. У старавер эта была такое, што вот церковные, ани ни имели права читать. Ани вот привезут из Устерени [=Усть-Урени], из саседнево села вот старуху, ана вот читала. А уж мать харанили — эта уж па-цырковнаму. А вот пака дед был, привазили из саседнива села вот этих стараверав — в Устирени там адна старушка, ана очинь харашо читала» [КМВ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-12Ульян., № 5].

Для «читалок» и домочадцев в перерывах между службой устраивали специальные трапезы. «Корьмют, пака пакойник лижит. Для всех абед, ни тоЛька служут. Тут пакойник лижит, там стол стаит. Тут на нём вот книжку Псалтырь читают, и на нево на этыт стол ставют. Пака служут, полный стол наставют всяво: и преников, и канфеткав, пичэнья и буханку хлеба. Ну, чаво есть, и всё ставют. В перьву очиридь блины ставют, кагда пакойник лижит, пака служут. Съидят, раздадут, миластиньку пададут [после службы]. Ай, если ночь лижит, ночь прасидят, варя́т. Ужин варят, пакормют, пака пакойник лижит» [КАЕ, с. Первомайское; МИА Ф2001-13Ульян., № 7].

Существовали поверья, что душа усопшего в это время незримо присутствует в доме и дает указания родственникам о различных нарушениях обряда похорон, подавая различные знаки или во сне (см. *Душу провожать, Покойник снится*).

В день похорон в доме совершались различные предуготовления к обряду погребения. В доме собирались родственники и соседи, которые

участвовали в церемонии прощания с покойным. «Вот мы приходим и гаварим: “Господи Исусе Христе, Сыне Божий, мир вашему дому! С мирам принимам”. — “Прахадити, старушиньки, прахадити, патрудитись”. Вот эта всё» [КРС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 12].

Перед выносом гроба с покойным еще раз прощались все присутствующие. При этом было принято целовать иконку, лежащую у покойника на груди. Близкие родственники целовали его в лоб и произносили от своего имени прощальные слова. «Пращаюцца, ставют на стулья гроб, все кругом абайдут. Кругом прайдут, пацалуют, атходют, другия падходют. Цалуют хто иконку — там лижит, к иконки, патом венчык [на лбу] — к венчыку. И всё. Пирикстисся и атайдёшь. Роствинники цалуют в шшочку, в лоб ли» [МЕЯ, с. Кадышево; МИА Ф2002-29Ульян., № 85]. «Вот гроб выносят — пратшаюцца. Падходют, пакла́ниюцца, пацалуют и — вынаси» [ВФЯ, с. Аксаур; МИА Ф2001-25Ульян., № 39].

После завершения церемонии прощания, совершался вынос гроба с усопшим. Считалось, что при выносе из дома нужно потрогать покойника за ноги, чтобы он не приходил и не пугал. «Яво за наги бирёшь, пакойника, как вынасить из дому, как вынасить. Ну, штобы ни мучил он тибя. Иныи в таску́ даюцца. Умирают. Он мирещицца, мучаит. Тагда ходют в церкавь» [АВД, д. Ростислаевка; СИС Ф2004-33Ульян., № 108]. Чтобы покойника не бояться, нужно «в трубу глядеть и за ноги пакайника падержать» [ЦМЕ, с. Сара; ГОН Ф2000-21а]. В с. Утесовка верили, что для этого нужно покойного «патянуть, за мизинчык» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-27Ульян., № 19].

Покойника выносили ногами вперед. «Чай, он нагами идёт! Ай галавой идёт он? И вязут на кладбище нагами впирёд-ат. А как жи! Чай, он идёт. Галавой он ни пайдёт» [КАЕ, с. Первомайское; МИА Ф2001-13Ульян., № 5].

При выносе гроба иногда давали специальное подаяние. «Перед вы́насым, когда покойник, “выносну́ю миластиньку” подают — кто чево положит. Свечичку, хлеб, можит, посудину кто какую купит, вот подают — эта вот перид вынасам» [ДЕИ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-13Ульян., № 67]. «И вот кагда вынасить, бирёцца платок — женскай платок, касынку, и, знач*ит*, аддаёшь там перьвому папавшаму, женщини, кто падходит ка двару в этат мамент. *А*ддают платок, вот што на голаву павязвают: “На вот, Кать, памянай, Анюту, Маню, Ваню”. А мущщыну — насавой платок выносют. Перьвой папавшей женщини. Эт пирид вынасам гроба» [КЕМ, КЗМ, с. Коржевка; МИА Ф2001-29Ульян., № 19]. «При вынасе, кагда выносют пакойника, тут дают перваму — “первая встреча” называцца. Тут дают, то вот чашичку, то платочик. Эта “перва встреча” называцца, кагда выносют гроб. Ну там скол*ь*ка пригатовлина, там видь ни больна многа пригатовлина. Там можит, чашик десит, или пять-шесть. Нескальким [дают], вот чилавек пяток» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 65].

Сначала выносили крышку гроба, которую устанавливали либо у угла дома, либо у стойки ворот. «Впирёд выносят крышку, патом выносят гроб. Если тол*ь*ка крышку аставили сзади, то апять в этам доми кто-та скора

должен умиреть» [ШПФ, с. Поселки; ГОН Ф2000-19]. Там же устанавливали заранее приготовленный крест.

В некоторых селах гроб выносили не через парадную дверь, выходящую непосредственно на улицу, а через боковой вход, ведущий во двор. «Вот у миня из пиредней — тут взади был двор, а щас двара-та нету — выносят на двор, а патом в варата́ на палатенцах атсель са двара. У каво если варот нет, чэриз крылечка вытаскывают» [БЕФ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 9]. В случае трудной смерти, например при кончине колдуна (см.), практиковался вынос гроба через окно или крышу дома.

Сразу после выноса гроба в доме совершали уборку. «Как уносят, всё убирают, моют — с пиряда́ и к парогу. Штобы пришли, а у них всё была бы чисто. И кагда ево выносят, выходят все да аднаво. Нада, штобы все из комнаты выхадили. Кака-та примета есть што ли? Штоб ни аставался нихто» [СНА, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 75].

Возле ворот дома процессия останавливалась для последнего прощания. При этом близкие родственники могли становится на колени и делать земной поклон. В доме совершались различные магические действия, призванные предотвратить «возвращение» усопшего. «Уносят пакойника, лавку сразу кувырка́м, на каторай пакайник, чтобы следущива пакойника не была в ближайшее время» » [ЦМЕ, с. Сара; ГОН Ф2000-21а]. «Скамейку сваливают толька на кои лижит. Раньши на до́лгу лавку клали. А типерь пасиредь комнат кладут. Если нет скамейки, доску вот кладут: две табуретки, и вот кладут. И всё» [ВФЯ, с. Аксаур; МИА Ф2001-25Ульян., № 39].

После совершения погребения (см.), участники похорон возвращались в дом покойника, чтобы поучаствовать в поминках (см.), которые были завершающим этапом обряда. При этом совершались различные процедуры очищения: мытье рук, заглядывание в печь, обмазывание сажей и проч. «Вот схаронют у нас кагда, эта уж в печку заглянуть, штобы ни пугал, ни мирещился он тибе. Вот я мужа скаранила и прихажу с кладбища и в печку заглядываю. Абизатильна нада. Да» [АВД, д. Ростислаевка; СИС Ф2004-33Ульян., № 108]. «Гаварят, притти с кладбишша — заглянуть в печь, заслонку аткрыть — баяцца не будишь. Или за наги взять, кагда вот ляжит, взять за наги» [ЕАК, с. Валгуссы; ММГ Ф2001-26]. «Например, мой упакойник, да я баюсь, то эта глядят в печь. Вроде, нет чылавека, а яво, этава чылавека, бо́изна. Вот паетаму. И руки моют. Ставют вядро или там, у каво есть, умывальничика. В умывальничка наливают воду. Дают полотенца, руки моют и вытирают им руки» [ПЕН, с. Первомайское; МИА Ф2001-13Ульян., № 57, 58].

В одну из первых ночей после погребения в некоторых селах было принято подбрасывать в чужой двор дощечку, моток ниток или полотно, чтобы устроить «мостки» душе усопшего на том свете. Чаще всего это делали накануне сорокового дня после похорон (см. *Душу провожать*, *Поминки*). «А у всех паразнаму. Кагда скаронют чилавека и нясут там жерди две. Ну, вот, примерна, у миня умир, я хыть саседки или чириз двор эти жерди палажу. Ну ана дага-

дацца, што, мыл: “Эта вот хто принёс! Пириход сделал пакойнику, чай, чириз воду”. Вот. Эдак вот у нас кладут. А дочь-та у миня в Сухем [Карсуне] замужам, вот у ней свякровь умярла, ана пять метрав матерьялу. И вот сичас: у нас кладут жердь, а у них матерьял какой-либа: “Эта, — гаварят, — на пириход”. И в руки атдадут, и на крылец паложут. А больши всево на крыльцо паложут. Ну, тут уж дагадаюцца, мыл: “Эта вот для каво!”» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 75]. «На триццать дней, гаварят, падают там чаво-та: или платок, или палатенца, штобы где-та, вроди как, пер*и*хадить каку-та рику. Ну каму, атдашь вот, каму падашь, вроди. Или доску падашь, вроди как, “периход сделать”. Всё равно, каму хошь. Доску или нитки ли вон всё гаварят падают — па ниткам, вроди» [БВН, с. Жемковка; КПС, СИС Ф2004-46Ульян., № 16].

В с. Чумакино считали, что это приносило успех только в том случае, если дощечки подбрасывали в один из расположенных за речкой дворов села. «Всё, гаварят: “Масток нада каму-та дать и штобы пиривисти яво чириз речку”. Какую-нибудь дашшечку вот кинуть к чьему-нибудь двару ночью чириз речку. Вот “масток” ей, пириход ей. Гаварят, так нады. <…> Я три года каждую ноч маму видала. Адин раз видала, как будта я вот пириважу иё чириз речку. Эта, наверна, толька какая-та “пáмить” [=поминки] прашла: или палгода, или ни помню как*ая*. И вот ана идёт — вот тут речичка у нас — идёт и никак ни пирийдёт. А дашшечка-та ни так чириз речку, а вот так вот, [вдоль] па речки, *как* тикёт. Наверна, я дашшечку ни так атдала. Я кинула вот ни чириз речку, а вот к саседки. А нада была чириз речку атнисти ево. Вот, наверна, паэтаму у миня “масток” так. И я иё взяла за пличá-та, вот пад поис-та, и пиривяла иё. Ана павярнулась, мне гаварит: “Спасиба, спасиба”, — и прапала» [ЗАМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 9–10].

Через некоторое время после похорон (обычно через сорок дней) близкие покойного раздавали его одежду (см. *Покойника убирать*). Часто именно на «сороковины» заканчивался траур, хотя близкие родственницы (жена, мать, сестра) могли повязывать черный платок в течение года.

Считалось, что дом обливается кровью, когда человек умирает, поэтому необходимо все в доме перестирать и вычистить. «Гаварят, если умир чилавек в даму, то весь дом пакрывается внутри кровью, вроди таво што. Ну, видна такой Божий абычай. Раз в даму умир, всё пакрывацца кровью. Вот всё стирают. Кавры-та вон вытащут, выхлапают. Кавры-та ни будишь стирать» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 86]. «Ну гаварят, што, па Божьи, умират, упакойник в доми, всё кровью абливаицца. Ну, этава ни видать. Можит, то*ль*ка пасловица. Посли как упакойника увизут, мóим. А крови ника*г*да ни видáли. Тагда ищ*о* вот, если упакойник, билили. А щас аклеивают, щас легши — пратрут да всё! У миня вот сестрин сын, он у миня умир. Вытрут тряпкай, ну хто мокрай, хто сухой. А та*г*да ищ*о* билили, билили!» [КРС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 5]. «Абливацца, он визде абливацца, то*ль*ка мы ни видим. Ну, я, как правидили иё [=сестру], взяла щётку, взяла тряпку, сделала вады — давай мыть. Паталки

пратёрла, стены абтёрла, занавески сняла, искупнула, другии павесила, да, и пол памыла. [Воду] кто в речку, кто куда. А я забыла, где я вылила. На улицу нильзя, куда-та нада в угалок, штобы ни хадили. Вот дерива стаит, вот пад дерива — па ней хадить ни будут. Нильзя, ни нада плоть, иё таптать» [СТП, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-13Ульян., № 11–14].

Поминовение усопшего и благоустройство его могилы завершалось обычно после года, после чего покойный переходил в категорию умерших, почитаемых в календарные «родительские дни» (см. *Поминки*). Обряды похоронно-поминального цикла получили отражение в различных семейных и календарных праздниках и обрядах (см. *Пасха, Троица, Вознесение*), в календарных и молодежных развлечениях с мотивом «оживающего мертвеца» (см. *Вёсну провожать, В покойника играть, Наряженными ходить, Озорство, Святки, Шута хоронить*), а также в низшей мифологии (*Домовой, Летун, Русалка, Шишига*).

И.А. Морозов

ПРЕДСКАЗАНИЕ — см. Болящие, Отец Максим, Вещие сны, Монашки

ПРИБАУТКИ

Прибаутки — один из жанров фольклора, который преимущественно бытует в детской среде, а также часто используется взрослыми при общении с детьми (см. еще *Баукать, Дразнить, Кониться, Тютюшкать*). Обычно с этой целью применялись небольшие стихотворные тексты, напоминающие скоморошины и небылицы. Ранее исполнение прибауток было довольно широко распространено и среди взрослых (см. еще *Шутить*). Но все же чаще всего прибаутки, иногда их называют *перегудками* (с. Палатово), служили для того, чтобы позабавить и развлечь детей, хотя одновременно с этим незаметно и ненавязчиво происходило то, что можно назвать передачей традиции. В прибаутках главным является содержание, они обладают разработанным сюжетом, что роднит их со сказками. Реалии крестьянского быта в прибаутках представлены шире, чем в колыбельных или пестушках, но сохраняется то же отношение к миру. Он предстает добрым и гармоничным, лишенным конфликтов, что отвечает потребности маленького ребенка в любви и безопасности. Занимательность прибауток позволяла детям не только получать представление об окружающей действительности, но и с легкостью усваивать нравственные и этические нормы, то отношение к жизни, которое хотели передать им взрослые.

Прибаутки являлись хорошей школой освоения поэтической речи, усвоения ритмов и рифм, поэтических образов-символов. Поэтому неудивительно, что, став старше, каждый крестьянский парень или девушка без особого труда

могли сложить частушку, дразнилку или при необходимости сымпровизировать в рамках традиции текст причитания, корения или чествования.

Как и все жанры детского фольклора, прибаутки могли включать в себя тексты как колыбельных, потешек, игровых приговоров, плясовых и т.п., так и сами служить ими — все определяла конкретная ситуация. На это порой обращали внимание и сами исполнители.

Чертой, присущей прибауткам, является контаминация, сложение сюжетов и их «путешествие» из одного текста в другой. В связи с основной функцией прибауток — доставить ребенку радость, создать ему хорошее настроение — в них акцентируется смеховой элемент. Поэтому в прибаутках сохраняется так много осколков скоморошин, включаются те фрагменты из различных жанров, которые, по мнению исполнителя, могут вызвать смех. Отсюда большое число нелепиц, перевертышей, употребление сниженной, иногда ненормативной лексики. Это очень хорошо видно на примере одной из самых распространенных в Присурье прибауток «Синенькие (или серенькие) глазки купили салазки».

Сининькие глазки
Купили салазки,
Сели да поехали,
К дедушке (вар.: бабушке) заехали,
— Чаво, дедка (вар.: баба), делашь?
— Ступу да лапату,
Карову (вар.: Параню) гарбату.
Пара дедушке (вар.: бабушке) вставать,
Курам семичкав давать,
Куры улители,
На сосёнку сели,
Сасна абламилась,
(вар.: На жердачку паселись,
Жердка пир*и*ламилась — с. Утесовка)
Другая урадились
(вар.1: Курачка убилась. — с. Котяково,
вар.2: Ба*б*ушка убилась — с. Черновo)

[МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-05Ульян., № 70; КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 107; ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 6; ШАИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 62; БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-07Ульян., № 82; КВК, с. Чернёново; СИС Ф2007-04Ульян., № 64; КАФ, с. Коноплянка; СИС Ф2002-05Ульян., № 27; ЧЛН, с. Утесовка; СИС Ф2009-32Ульян., № 23].

Далее к этому основному тексту, своего рода зачину, часто присоединялись другие: отрывки из скоморошин, небылиц, строчки из песен, частушек и т.п. Приведем несколько примеров завершения этой прибаутки.

«...Девки-татарки,
Бирити па палки
Стукайти в дóски,
Мы паедим в Мóскви,
Там мост мастят,
Жирибят кристят,
Жирибец за пирог
Яму скалкай в лоб,
Он аскалилси,
Апять пашёл к стáрасти,
У старасти две радасти:
Поп сына жинил,
Пападью схаранил,
А папа-та на римень,
Штоб боле ни ривел.

Штоб больши ни служил, вишь. И детям всё равно гаварили, канешна,

ана видь ни такая бизабразна. Да, всяки пиригу́дки, какии на разум пападёт, такии и пиригуда́шь» [ЛНА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 107].

…Эх, кур*и*ца ряба́,
Переломлена нага,
Ана ку́да убягла?
— В канапли па ягадки.
Канапли-та затрящали,
Варабьи-та запищали,
Поехали в Мо́скву,
Купили карову,
Карова-то с кошку,
Ана дайт с ложку
[ЛМП, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 5].

…Ах ты, курачка ряба́,
Пириломлина нага,
А хто тибе пирламил?
— Мне Филиппава жана.
— Ана ку́ды пабягла?
— В канапли па ягадки.
Канапли-ти затряшшали,
Варобышки запишшали,
Шли два татарки,
Сцопали па палки,
Ударили в до́ску
Паехали в Мо́скву,
Купили каровку,
Каровка-та с кошку,
Надаила с ложку
[ЕАА, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 34].

«…Калёса скрипят,
Ани дёгтю хатят,
Дёготь на базари,
Денижки в кармани,
Стукнули в до́ску,
Паехали в Мо́скву,
Стукнули в калако́л,
Паехали за папом,
У папа́ шляпа слитела,
Мардовычка падняла,
Мардовычка малада
Паехала па драва,
Ана рубит и сикёт
В жопи яйцы пикёт,
Паловничкам дастаёт,
Рибитишкам атдаёт.
Поп упал с казёнки,
Вытращил глазёнки,
Пападья-та с печы
Абламила плечы.
Баран из-пад печы
С крутыми рагами,
С долгими мудами.

Сматри-ти, всё. Эта пели так проста вот, кагда вздумаашь вот и паёшь» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 46-47].

«…Пошли мост мостить,
Жеребят крестить,
На мосту-то рана
Убили барана,
У барана жопа драна…

А дальше я уж ни сабражу» [ЛНП, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 34].

«Сининьки*и* глазки
Купили салазки,
Сели да паехали
К дедушки заехали.
Чаво, деда, делашь?
Писулички пишит,
Писулички пишит,
Вот на Мишу дышит!

Эта дитё тама» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 28].

Еще одна распространенная прибаутка «Туру-туру, пастушок» демонстрирует те же принципы сложения текста, что и «Синенькие глазки». Обращает на себя внимание, что прибаутки довольно велики по объему, но благодаря тому что их произносили быстро и четко, почти скороговоркой (*перегуда́ли*), подчеркивая ритм и рифмы, они легко запоминались, а потом и воспроизводились детьми. «Ой! А вот чаво скажишь, ани всё слушают. Эта года палтарадва, всё слушают. Эта [строчку] ни скажу: “А тут вот, мама стара, прапу́стила́!” Да. Ой-ёй-ёй-ёй! А уж язык-та не станет калякать. “Мама стара, а вот тут вот прапу́стила́!”» [ЕАА, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 34].

«— Туру-туру турушок,
Калинавый батажок,
Куда стада гоницца?
— О́т моря до́ моря,
От моря до моря,
Там мая родина,
На родине дуб стаит,
На дубу сава сидит.
Сава ты мне тёшча
Привяла два гостя:
Аднаво саколика,
Другова калаколика.
— Синица-систрица,
Ты куды лятала?
— На сухе*и* паляны.
— Каво там видала?
— Баяри-ти едут,
Кнутами-ти хлышчут,
Кнутами-ти хлышчт,
Варабьи-ти свишчут,
Варабьихина жана
Пирагов напякла,
Варабей за пирог,
А ана яму скалкай в лоб,
Он заска́лился, зарумянился.
У старухи две радо́сти,
У папа сухата́:
Поп сына ажанил,
Пападью скаранил.

Вся. Кагда кача*и*шь манинькава, вот пригавари*ва*ишь. Он и уснёт» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 1].

«— Туру-туру, пастушок,
Калинавый батажок,
Атколь стада гоницца?
— Из Кеива горада.
Там мая родина,
На родине дуб стаит,
На дубу сава сидит.
— Сава, ты мне тёща,
Привела два гостя:
Адин саколик,
Другой калаколик,
Саколик пишит,
На дивицу дышит.
— Дивица, дивица,
Прайди па вадица
— А я баюсь гразицы.
Граза на балоти,
Мидведь на работи...»

[ЗАТ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-04Ульян., № 9].

— Туру-туру-турушок,
Калиновый батожок
Атколь ста́да гоницца?
— Из Кеева горада.
На родине дуб стаит,
На дубу сава сидит.
Сава ты мне тёшша
Привела два гостя:
Варобышк*а*-шурин,
Глазёнки пришшурил.

— Синичка-систричка,
Схади за водичкай,
— Я баюсь гразúчки.
— Волк на балоти,
Мидведь на работи.
Таракашка баню топит
Таракан драва таскат,
Вошка парицца,
С полки свалицца,
Панисли вошку
На бальшу дарожку,
— Пастой, баба, ни биги,
Атдай маи калачы,
Калачы-та сдобы
Как казлины говны
[КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 79].

— Туру-туру, турушок,
Калинавый батажок,
Куды стада гоницца?
— Ат моря да моря.
А нá мори дуб стаит,
На дубу сава сидит.
— Сава, ты мне тёшча,
Привела два гостя,
Варобышик шурин,
Глазыньки пришчурил,
Синичка-систричка
Ушла за вадичкай
[РАО, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 114].

— Туру-туру-турушок,
Калиновый батожок,
Куды стадо гоницца?
— На Кирила горница.
Там родина стаит.
На родине дуб стаит,
На дубу сава сидит.
— Сава, ты мне тёща
Привела два гостя.
— Синичка-систричка,
Сбегай за водичкай,
— Я волка баюсь.
— Волк на работи,
Лиса на балоти,
Таракан драва рубил,
Себе голаву срубил,
Мушка парилась,
Ну, абвáлилась там штоль каво-та?
Мушка парилась,
Аб паталок ударилась»
[ЛМП, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 6].

В прибаутках широко используется звукоподражание, имитация звуков окружающей действительности. При этом ребенка как бы вводили в звуковой образ реального мира. Например, в звуках «трени-брени» или «трендибренди» сразу угадывается наигрыш на балалайке, «динь-динь-тилидон» — колокольный звон, «тук-тук» — стук цепов на току и т.п.

Трени-брени балалайка,
Ни жана мая Параньк,а,
Мая Катинька,
Распузатинька,
В трубу лазила,
Титьки мазала,
На крылечк*а* выхадила,
Чорны брови навадила,
Пашла к Митьки,
Пришшемила титьки,
Пашла к дубу,
Пришшемила губу
(вар.: И всем паказывала! — с. Чумакино)

[КВН, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 38; САМ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 65].

«Тренди-бренди рукава,
Пабижали два быка,
На зилёныи луга.
Там дивица спала
Да белава свету,
У ней дениг нету.
Кабы-т деньги были,
Сирьги́ бы купили.
Сирёжки-замочки,
Две баначки малачка,
Напаили бы казачка.
Казак водку ни пьёт,
Девку замуж ни бирёт,
Девка плачит и ривёт,
На сибе косы дирёт.
Утки в дудки,
Тараканы в барабаны,
Ванька едит на Пяганки,
Да падъехал он к зимлянки,
А в зимлянки две цыганки,
Ани кашу варя́т,
Пра Пятрушку гаварят,
А Пятрушка рассирдилси,
Ваньке в бораду вципилси,
Ани сели на плитень,
Ели кашу да кисель,
Ложка гнёцца,
Лоб трисёцца,
Глаза треплюцца!
Вот глупасть такая» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 88].

«Я гаварю: “Да вы што? Я вас как качала. Вай, эти прибаутки ни знаашь?” Я гаварю: “Щас я пра ко́зу”.
Динь-динь-тилидон,
Загарелси козий дом,
Каза выбигла,
Глаза выт*а*ращила,
Пабижала к мяльцы,
Прищимила яйцы,
Пабижала к дубу,
Прищимила губу,
Пабижала к Митьки,
Прищимила титьки»
[ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 111].

«Ну, и пели, и по-всякиму. Вот так. Ну, ни петь, а вот так:
Тили-бом, тили-бом,
Загорелси козий дом.
Козы выбигла,
Глаза вытращила,
Козёл стал заливать,
Коза стала замётать»
[УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-03Ульян., № 10].

А ду-ду, а ду-ду,
Ехал барин па лугу,
Патирял красну дугу.
Шарил-шарил, ни нашёл,
Сам заплакал и пашёл,
К систре зашёл.
А сястра-та радила,
К папу хадила.
Поп имя давал,
Пантилеем называл.
— Пантилей, Пантилей,
Саси мать, ни жалей.
— Я и так сасу,
Галавой трясу
Руками-ти хлопаю,
Нагами-ти топаю.
Свинья носам пашит,
Акулина пляшит,
На́ пир сабирацца,
Мылам умывацца.
Там липёшки пякут,
А муки ни крошки

И вады ни ложки.
Пашли девки за вадой,
Утанули все да адной.
Ехал Ванюшка какой,
Всех павытаскал даской.
Ванька ехал на Пяганки,
Ва зимлянки две цыганки
Кашу варили, липяту́шку гаварили,
Липяту́шка разлитилась,
К Ваньки в бораду влипилась.
Ани сели на плитень,
Ели кашу и кисель
[ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 28].

А, ту-ту-ту-ту-ту,
Ехал барин по лугу,
Потерял дугу,
Шарил, шарил, не нашел,
В гости к барышне пошёл.
Барышня из добра
Калачик испикла.
Подошёл мальчик
И обжёг пальчик,
Побёг на базар,
Никому не сказал.
Баба Варвара
Упала с амбара,
Тётка Акулина
Трубку курила,
Тётка Федора
Осталась без подола,
Думала — собаки,
Дети солдаты,
Сёмка-лысёнка
Увёл поросёнка,
Сказал на гусёнка.
Гусёнок божится
В землю ложится:
— Право, тётенька, не я,
Балалаечка моя!
[АКМ, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 12, 1979].

«Тук, тук,
Я гарошик малачу,
На сваим на то́чике,
Ходит курачка ряба
Пиришиблина нага,
— Кто, кто пиришиб?
— Манинькый мальчишка.
Мальчик испугалси,
В канапли брасалси,
Канапли-ти затрищали,
Варобушки запищали,
— Варобушки-патопушки,
Вы куды лятали?
— Мы на мельницу лятали,
Там биздельницу видали,
Биздельница тонка,
Вышла за куклёнка.
Куклёнак ни любит,
Котики ни купит,
Чулочики ни срубит.
Вот так пирибирали» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 87].

А, туки-туки-туки,
Мы насеили муки,
Затевали пираги,
Пираги-та на дражжах,
Не удержишь на важжах
[БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 77].

Чики-чики-чикалычки,
Мужик ехал на палычки,
А барыня на тилежки,
Прадаёт сидит арешки.

Барыня ты мая,
И сударыня мая.
А на барыни-т*а* чепчик,
Ана ходит шепчит,
Калакольчикам звенит,
Милке плакать ни вилит
[КПТ, с. Кадышево; СИС Ф2000-16Ульян., № 39].

Вот еще несколько примеров прибауток, распространенных в Присурье.

— Ти́ти-пати́ти, куды вы лити́ти?
— На Васины сени.
— Чаво Вася делат?
— Пису́лички пишит,
На дивицу дышит.
— Дивица, дивица,
Схади за вадицый,
Напой маво каня,
На сриди маря,
На камишки — што ля?
Камин правалился,
Конь-та утапился,
Калёса скрипят,
Ани дёхтю хатят.
Дёгать на базари,
Денижки в кармани.
Стукнули в до́ску,
Паехали в Мо́скву,
Купили каровку,
А каровка с кошку
И надаила с ложку.
[ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 27].

«Вошка банюшку топила,
Гнида щёлок щелочила,
Ни до пару, вошь упала.
Вы подите за попом,
За Никиткиным отцом.
Ох ты, батюшка попов,
Скорони нашу рабу,
Рабу в белым гробу,
Вошку на большу дорожку!
Всякии эти вот причандалы-то» [КАН, с. Б. Кувай; СИС Ф2009-06Ульян., № 31].

Идёт котик из кухни,
У няво глазки распухли,
— Кто те лапки атрубил?
— Повар пеначку слизал,
А на миня, киску, сказал
[ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 112].

Сорока-белобока,
Народила детей многа,
Пришёл вечир,
Кормить нечим,
Накормила овсицом,
Посмотрела — все с яйцом
[ШАИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 64].

«Прыг-скок, прыг-скок,
Правалился паталок,
Баба шла, шла, шла,
Пиражок нашла,
Села, паела,
Апять пашла.
А к какой эта игре, я ни знаю» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-02Ульян., № 17].

«Скок, скок, скок, скок,
Маладой драздок,
За вадой пашёл,
Маладичку нашёл,
Маладичинька,
Нивиличинька,
Сама с виршок,
Галава с гаршок.

Вот так и пели им всё» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 82].

«С малышами я люблю. Миня дети любили. И чужии. Люблю дитей я, ни толька сваих, и чужих я люблю дитей.

Каровушки гоняцца,
Сидор богу молицца,
Адна карова ни малилась,
У ней жопа правалилась»
[ЧЛН, с. Утесовка; СИС Ф2009-32Ульян., № 23].

«Лиса по́ лису хадила,
Лиса голысам вапила,
Лиса лычки драла,
Лиса лапти пляла,
Сибе двоя,
Мужу троя,
А дитишкам
Па лаптишкам.

Качаашь. Глидит, глидит и засыпат» [ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 113].

Характерно, что прибаутки, включавшие в себя отрывки из скоморошин, порой содержали «непедагогичные» выражения, что, в общем, не смущало их исполнителей. Напротив, эти строчки произносились со смехом. Однако при столкновении с современными понятиями о приличии подобные тексты вызывали возмущение родителей и приводили к наказанию детей.

«Шли две татарки,
Схватили па палки,
Стукнули в до́ску,
Паехали в Мо́скву,
Из Масквы-та рана
Купили барана,
У барана жопа драна,
У курицы пе́рица,
У зайца се́рица...

Ана знашь, как миня атлупила мама-та за эта! “Эта кто тибе сказал? Эта ат каво научылась?” Я гаварю: “Все, гаварю, у нас все дивчонки, гаварю, все: у Арининых, гаварю, мы были, у Игнатавых у двара — и все, гаварю, бегают и все кричат”. Нам интиресна, играм, бегам друг за дружкай. Ни панимали, а чоо?» [БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 88].

В качестве прибаутки могли использоваться фрагменты различных песен, переработанные в соответствии с общими канонами жанров детского фольклора.

Синее море, красный параход,
Сядим паедим на Дальний Васток
На Дальним Вастоки там пушки гримят,
Убитыи салдатики на лавачки лижат,
Папа паедит на фронт ваявать,
Мама будит плакать, слёзы праливать.
Дайти мне падушку, дайти мне кравать,
Сяду на лягушку, паеду ваявать.
Дали мне падушку, дали мне кравать,
Сел я на лягушку, паехал ваявать.
Да свиданья!
[КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 82].

В настоящее время практически не встречается исполнение прибауток для взрослой аудитории, хотя еще лет двадцать назад это было возможно (см. еще *Шутить*). Они выполняли ту же функцию, что и в детской среде: развеселить, привести в хорошее настроение окружающих и вместе с тем привлечь к себе внимание, продемонстрировав знание особых шутовских текстов. «“Чечотка” иё ни пают, тол*ь*ка рассказывают. Ана длинна. Вот при биседе вот, ка*г*да вот эта сайдуцца вот эдак биседай, вон начнут каки*и*-нибудь аникдоты рассказывать и вот каждый, рассказывашь вот. Эта ищо мне мама, мама рассказывала.

Вот жила в силе либёдка,
Ей празвание чечотка,
Как у етай у чечотки
Была семь дочарей.
Марина, Арина,
Фрасинья, Акулина,
Саша, Наташа,
А сидьмая дочь —
Душа Катинька.
Выросли дочери у чечотки.
Нажила себе чечотка,
Нажила себе лебёдка
Семь затьёв.
Стяпана, Рамана,
Гришку, Микишку,
Ликсея, Йивсея,
А сидьмова-та зятя —
Душа Алёшинька.
Ну и вот.
Как у етай у чечотки
Ат сими-та дачарей
Была дваццать внук.
Два лежня, два попалзня,
Двоя у лавачки стаят,
Двоя учицца хатят,
Две Алёнки в пелёнках швыряюцца,
Две Наташки у кашки питаюцца,
Два Стяпана в смятани бултыхаюцца,
Две Варюшки к краюшки падвигаюцца,
Две Акульки в школу сабираюцца.
И задумала либёдка
Па названию чичотка
Пригласить зятьёв в гости.
Пришли зятья в гости,
Начала их угащать.
Гришки — липёшку,
Микишки — липёшку,
Стяпану — липёшку,
Раману — липёшку,
Йивсею — липёшку,
Ликсею — липёшку,
А душе Алёшиньке —
С начинкай пиражок.
Угастила их либёдка
Па названию чичотка,
Начала их дамой праважать.
Микишку — в спину,
Гришку — в спину,
Макару — в спину
Стяпану — в спину,
Раману — в спину,
Йивсею — в спину,
Лексею — в спину,
А душа-Алёшиньку
Дубинкай па башке — хлоп!
Нагами топ!
И канец!» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-5Самар., № 3].

Исполнение прибауток взрослыми в своей компании нередко было сродни театральному представлению или сценкам ряженых (см. *Наряженными ходить*). Естественно, что на это решались только талантливые и

артистичные люди. Приведем меморат одной нашей собеседницы о своей старшей сестре, которая вдвоем с мужем разыгрывали такую прибаутку во время совместных гулянок. «В кампании, ва всю бальницу, на пять сталов кампания. Все выпьют, хто пают, хто чаво. И начнётся вот эдак вот, такая пляска начнётся. Ни на сцене, а вот на гулянках. Адна едина ана [=сестра] эта магла сделать, никто вот. Вот я ни помню, вот аткуда это явилась у нас эта прибаутка. Ана и на Украини работала, ана и в Базарнасызганским райони работала. Аткуда-та ана, наверна, эт*а* привязла. А эта дела давно была, вот как скажишь, гадов пятнаццыть [назад].

Жила я в Маскве,
Сижу за письменным сталом.
Бац! Мне телеграмма,
Што муж мой помир.
А я как жана, дастойна*я* сваиво мужа,
С телеграммай да вакруг
стала-та да "барыню"!

Гарманист и начинаит играть "барыню", а ана выходит плясать. Ну, вот эта как-та штобы выражения сачиталась с музыкай там, с пляскай. Круг адин прайдёт и встаёт, и гарманист браса*и*т играть.

Приижжяю на станцию,
А там такая бальшая очиридь народу!
Я чириз народ-та да к касси,
Бяру билет за дваццать капеик,
Да вдоль кассы-ти "барыню"!
А абратна музыка, и абратна пляска,
толька недолга.
Приижжяю дамой,
Мой муж лижит в грабу,
Все плачут,
А я с растройства и как жана,
дастойна*я* сваиво мужа,
Вдоль гроба-та да "барыню"!
Призвали свищенника,
Плута-машенника.
Он кадилаю матаит,
А сам харошим бабам маргаит.
А я как жана, дастойна*я* сваиво мужа,
Вакруг папа-та да "барыню"!

Панисли маяво мужа каранить,
Кто горс*т*ку зимли, кто лапатачку,
А я как жана, дастойна*я* сваиво мужа,
Бац! На питьдисят пудов каминь!
Да на камни-ти "барыню"!

И все, весь народ станут плясать па этай канчыни. Вот так вот. А у ней муж-та был гарманист, вот он да чаво любил, што ана выйдит эта вот. Видима, взглянит на ниё, а ана тожи за нём наблюда*а*т, и он заигра*а*т "барыню", ана сразу выходит. И уж все сразу дагадыва*ю*цца, все стаят. Она адна. Ну да, круг-от парожный, вот, и ана вот эта вот всё пригаварива*а*т. Вот всё ета прагаварит, ну, да ана выйдит с настраением, висёлая такая, все захлопают» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 106; Ф2006-29Ульян., № 51].

И.С. Слепцова

ПРИДАНОЕ — см. Свадьба

ПРИЕЗЖАТЬ С ПОВЕСТЬЮ — см. Свадьба

ПРИПЕВАТЬ

Припевать — петь коротенькие песни (*перегу́дки, частушки*) под аккомпанемент гармони, балалайки или имитацию их наигрышей голосом, что называлось *играть в ротову́ю*. Их исполнение большей частью было связано с плясками (см. *Плясать*). Пляску под пение частушек можно считать особой песенно-хореографической формой, в которой и та и другая составляющие были равно важны. Часто пение частушек являлось отдельным развлечением в келье (см. *Играть в кельях, Сидеть в кельях*), во время праздничных и будничных гуляний (см. *Вёсну провожать, Гулянья, Наряженными ходить, Барыня и кавалер*), на свадьбе (*Второй день, За веником ходить, Свадьба, Ярку искать*), в застолье. «Ну, пад гармошку пели... <...> И частушки, и пиригудки разныи. И так гаварили. Пад пляску их пели. Ано адно и тожа, тол*ь*ка зачем-та их называли па-разнаму» [ЗАИ, с. Первомайское; СИС Ф2000-07Ульян., № 34]. «Вот наряжины-ти ко*я*, женщины, наденут штаны какии худыи. <...> Ну, вот идут, йим в заслон играют, а ани прыгают, песни пают — вот “пиригудки” всё гаварили. Кака в голаву вбридёт, такую и спают» [ЛНА, с. Палатово; МИА Ф2001-24Ульян., № 36]. «Мы пад гармошку сами пели. И балалайки были. <...> Частушки, пиригудки [одно и то же]. Да. Вот выходишь, пляшишь и паёшь» [ПЕС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 17].

Отношение к пению подчинялось тем же правилам, что и другие виды развлечений (см. *Пасха, Пост*). «Бог зна*и*т, можи*т*, Гасподь нас и наказыва*и*т за эта за всё, пад праздники-ти пели. А вот матирински*и* слава́ эдак частушки-ти, ни праститильна, гаварят, за эта никак! Это вот грешна» [КПВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-26Ульян., № 5].

Освоение песенного репертуара начиналось еще в детстве. Дети активно использовали услышанные частушки в качестве прибауток, считалок (см. *Кониться, Прибаутки, Тютюшкать*), а также включали их фрагменты в заклички (см. *«Дождик, дождик, пуще», Жаворонков кликать*). Подростки, знавшие много припевок, умеющие хорошо плясать и играть на балалайке или гармони, получали возможность участвовать в развлечениях взрослой молодежи. «Вот нас в кельи сабирёмся, ну, десить девак, в келью десить девак сабирёмся, а нет, ни равесники. Были и пастарши миня были, и па двацать гадов, и па васямнацать. Я была сама*я* младша*я* в кельи. И всё за мной бы́ла: и пляска я, и пела я. А эти ничоо ни магли. Ну, ане вы́йдут плясать, а ни могут плясать-та. Вот я была у них за главну*ю*. Миня нет, и в кельи глуха. Вот приду как: “Ты што ни была?” Ну, нет ничаво в кельи!» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 61].

Основными исполнителями частушек, так же как плясунами и танцорами были девушки. У парней тоже существовала традиция петь припевки, обычно это происходило при проводах в армию (см. *Некрутов провожать*) или во время обхода сиделок, когда артель парней таким образом заявляла о своем приходе (см. *По кельям ходить*). «Парни-те мала плясали и припевали. Ну, припявать-та припявали, инагда вот идут артель с гармоньей, слышишь, што хто-та при-

пява*и*т, паринь какой-та припява*и*т. Да, адинакыва [мелодия], да, эдак жи. Ну, канешна, у них песни свае, рабячьи. Всяки*и* прихадилась, да, и с картинками, всякии, кака*я* пападёцца» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 31]. Еще одной ситуацией, когда звучали мужские частушки, были кулачки (см.).

Женщины также часто пели частушки, однако их репертуар отличался от девичьего большей смелостью, «озорством».

Припевание как особая манера пения характеризовалось двухчастностью: первые две строки распевали медленно, высоким голосом — *припевали*, а вторые быстро, почти речитативом — *подговаривали*. Обычно исполнительниц было двое, каждая из которых вела свою партию. «Па *а*диночки припявали [в кругу]. Адна паёт, другая припяваат там. Вот. Ани две: адна паёт, там, высоким голасам, а другая там какую-нибудь частушку паёт. Ана припяват пасле́ всё. Патом другая апять запяват. Вот у нас как была. Припяват высоким голасам. А падгавариваит [быстро]: “Ой, падружка мая Маня, / Выхади са мной плясать, / Низнакомыи частушки / Прашу ни запявать”. Там какую песню спаёшь ей. Другая эта, вроди, падгавариват, паёт. Первая припяваит, втарая падгавариваит. Да. Припают, патом уж, если кто хочит, ищо выхади припявай. Другая пара. Эта уж ане будут апять две петь» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 49].

При этом исполнительницы сидели или стояли рядом с гармонистом. «Ну вот, гарманист игра*и*т, а я припяваю ай ты. С гарманистам садяцца и адна припява*и*т. Адна припява*и*т — па адну сторану, другая падгаварива*и*т [— по другую]. Вот саседка-та у миня больна уж у ней голас-та хароший был, ана припявала всё время» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 30].

Исполняться могли самые разные частушки. «Там эти всякии частушки разны пают [поет в медленном темпе высоким голосом].

Ой, падружинька мая,
Худеишь ты, худею я.

[поет быстро, речитативом]

Ой, падружинька мая,
Худеишь ты, худею я.
Из-за сволачи такой,
Худеим обе мы с табой.

Другой падгавариваит, другая. Вот как пели. <...>

Выхажу и начинаю
Патихоничку драбить,
Настроение такое,
У каво-нибудь атбить.

Эта падгаваривашь или што. И ана также падгавариваит, кагда пляшит.

Сирьбирьянка шьёт партянку
В агароди в либиде́,
Интиресная партянка,
Из аршина вышла две.

Партянка — эта навёртывали на нагу. Вот и пают, кто чаво спаёт.

Сирьбирьяначка мая,
Какая ты красивая,
Жалка, што ты у миня
Атбила милава.

Эта всё паёшь, напяваешь. Ана тибе другую спаёт. <...> Адна канча́т припявать, припев этат припявать, начинат падгаваривать какую там частушку. На месте стаят ли, сидят ли. Вот гарманист в сирёдки играт» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 52–54].

Частушки часто выстраивались друг за другом по принципу диалога, в котором каждый последующий куплет был связан по смыслу с предыдущим и являлся ответом на него. «Играит гармонь, пляшут, пляшут. Вот выходят две на круг, игра*а*т гармонь, адна пригаварит, а адна дроби выбива*и*т. Патом эта пригаварива*и*т, эта [=другая] дроби выбива*и*т. По две у нас плясали всягда. Адна паёт стаит проста, а втарая дроби, да, в эта время, а патом эта паёт, эта уже.

— Галубая мая лента
Из кармана тяницца,
Ты скажи, мая падруга,
Как тваё свиданьица?

— Ой, падруга дарагая,
Свидания ничаво,
Толька ты маво милова
Привети́ла гарячо.

— Задушевная падруга,
Я ни привечала,
Вышла на десить минут,
А ты асирчала.

— Ой, падруга дарагая,
Гаварили мне вчера:
Вышла на десить минут,
А прастаяла да утра.

— Задушевная падруга,
Ни была и ни была,
Эт падруги насказали,
Ани злыи на миня.

— Ой, падружка дарагая,
Пиридай милке паклон,
Скажи: кланялась дивчонычка,
С каторай был знаком.

— Задушевная падруга,
Я старалась пиридать,
Кагда шла мима акошка,
Яво дома ни видать.

— Ой, падруга дарагая,
Плоха ты старалася,
Кагда шла к ево акну,
А пастучать баялася.

— Ой, падруга дарагая,
Как жи буду я стучать?
Выйдит мать ево радная,
Што я буду атвичать?

— Ой, падруга дарагая,
Ты бы так атветила:
Аткрывай, мамаша, двери,
Я ухажорка Петина.

— Давай ссорицца ни будим,
Пиридай Пети паклон,
Скажи: кланилась дивчонычка,
С каторай был знаком.

— Ой, падруга дарагая,
У нас милачка адин.
Я люблю, а ты ривнуишь,
Давай ево прададим.

— Задушевная падруга,
Я уж прадавала,
Мне давали три рубля,
Я ни атдавала.

— Ой, падруга дарагая,
Прададим задёшива,
Мы дабавим сваих дениг
И купим харошива»

[ЗАЕ, САЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 55].

Существовали и другие частушечные напевы, когда весь куплет исполнялся в быстром темпе. «Ну вот, раньше вот мы плясали, значыт, вот выходим. Ну, щас я маненько покажу вот как. Ну вот, значыт, выходим, пляшим:

— Ой, подруга мила Ира,
Выхади на парочку,
Я щитала, щитать буду
Тибя за таварочку.

— Ой, подруга мила Валя,
Вот и я гатовая,
Играй, Вася, виселей,
Яблачка садовае.
— Правда Ир?
— Правда Валь.
Шишички арехавы.
Мы сваем-та трепачам
Па ушам заехали.

Вместе поём вот этыт припев-та. А потом опять поём частушки, опять:

Я яму вилела
Прихади ка мне
Вечарьком налева.

Опять вмести этыт припев паём. Опять, значыт, одна частушку споёт, другая, и опять:

— Ой, таварка мила Ира,
Белиньки носочки,
У висёлых матирей,
Висёлиньки*и* дочки.

— Ох, подруга мила Ира,
Спомни как водилися,
К тибе Шура, ко мне Коля
Шариком катилися.

Обратно хлопам [в ладоши] и значыт притопывам, вот всё такое. И занозистое [парням], так. Да, ну свои парни, свои рибятишки, парни.

Миня милый изменил,
И назвал миня свиньёй,
Люди думали, свинина,
Стали в очыридь за мной.

Миня милый изменил,
Изменил и каецца,
Вторую неделюшку...

Ой, забыла как уж. Ну, вобщим, отвечали друг дружке, да, отвечали. А то просто так пели частушки. <...> Ну вот, частушками и вобщим вот такие припевки. И в караводи, и в клуби даже пели. На гуляньи, да, да, да, на гуляньи и в караводи» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-05Ульян., № 31].

Одной из разновидностей плясовых припевок были частушки-*соперницы* или *лиходейки*, которые исполнялись обычно вдвоем, на перепев. В них в шутку, а порой и всерьез девушки упрекали друг друга в коварстве или осмеивали недостатки внешности и поведения, нередко вымышленные (см. еще *Играть в кельях*). «Ну и частушки [соперницы] пели, кагда уже чу*в*ствуит хто, изминил он, ушёл. Уже выйдит плисать девка и пригавариват» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-04Ульян., № 48]. «Тибя грязью абливали [в частушках]. Ни хади с парним. Эта атбила парня. <...> Штобы ана бы с ним ни дружила. А иё плясали и вот пригаваривали. Как пляшишь русскава и иё пригаваривали» [ГАМ, ЕЕД, ОМФ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 62].

«Я саперницу ни знала,
Вот саперница прашла,
Мались богу ты, падружинька,
Я палена ни нашла.

Ты падружка мая мила
Зазнаёсся красатой,
Или краши тибя нет,
Краши сволочи такой»

Патом втарая:
[БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 12, 14].

При этом часто разворачивалось соревнование в знании большего количества припевок.

«На саперницe маей
Кофта изарватыя,
Ищо больши изарву,
Ни люби жанатыва.

На саперницe маей
Белиньки насочки,
На каво ана пахожа?
Как сава на кочки.

У миня саперница
Такая ниакуратная,
Из-пад юбки видать юбку
И каленки грязныя.

У миня саперница
Какая ниакуратная,
Чорна юбка длинная,
Паходка лашадиная.

Вот саперница мая
Многа раз хвалил*а*ся.
Хатела милава атбить,
Но ей ни абламил*а*ся.

Гаварю, тибе, зладейка:
Тибе милкай ни владеть,
Он с табою рядам сядит,
На миня будит глидеть.

Плясали, плясали, да, драбили, да. Пели жи, бывала, пели, хто больши. Вот иё [=подругу] нихто ни пирипявал, бывала. [ЗАЕ, САЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 55–56; СИС Ф2002-18Ульян., № 14].

Обычно эти частушки пели в шутку, не придавая большого значения их смыслу. «Всякии были припевки, каких толька не была. Эта в шутку, шутили. Эта песня. Песня есть песня, из песни слова ни выкинишь. Нет, тут абиды ни далжно. Быват, вон две с адным ходют, ани друг пра дружку пели, тут што абижацца. Дома абижались, тут уж драцца ни будут ане в народе. Слушают вот толька» [СЛЯ, с. Аркаево, КАД, с. Алейкино; СИС Ф2009-09Ульян., № 33]. «Пают, припявают, напявают друг дружки. Нет, ни абижались. Да ну, што эта? А другея смиюцца, смишно, весила. Ищо там какии-нибудь спаёшь частушки. А ана другии тибе в атвет паёт. И там апять. Раньши интересней была гулянья» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 50].

Правда, если между девушками было действительное соперничество за внимание одного парня, обычно они старались не вступать в контакт друг с другом. «Ана с ней и ни будит петь-та, дивчонка-та. Ну, паёшь там эта, там “саперница”, но с ней ни встанишь петь-та. Нет, ни за што» [ПТС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 43].

Иногда частушки-соперницы использовали, чтобы поддразнить подругу (см. еще *Дразнить*). «Ну, я тут и давай петь.

Кто саперницу ни любит,
Ну, а я наабарот,
Вон ана, мая харошая,
Стаит разиня рот.

Ана на миня сердицца!

Кто саперницу ни любит,
Я саперницу люблю,
Вон ана, мая красавица,
Ащерилась в углу.

Я пляшу и пляшу. Патом ана: “Давай вмести спляшим”, — мне гаварит. Ну, и давай с ней.

Мима Витина двара —
у ней Витей завут —
Ни шагают ножиньки,
Убирити этыт домик
Дальши ат дарожиньки.

Ана сирдицца начала» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-22Ульян., № 6].

Аналогичного типа песенки девушки исполняли и в адрес парней. Причем с корильными частушками обращались как к конкретному человеку, так и к соседней территориальной группе. Например, девушки из д. Бахметьевка осмеивали парней соседнего с. Новосурск.

«Навасурскии рибята
Купили падшанники,
Мима окан ходят бокам,
Думают, начальники.

Навасурскии рибята
Купили калоши,
Мима окан ходят бокам,
Думают, хароши.

А мы сами бахметьивскии были.

Навасурскии рибята
Стали моду саблюдать,
Из-пад вората рубашки
Шею грязную видать.

Вот эдак вот!» [ЗАЕ, САЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 57].

«Эдак вот йим тожи.

Мой милёначик дурак,
На дваре абнял чурбак,
Думал, в кофти розавай,
А эта пень бирёзавай.

Мине милка изменил,
А мне наплявать,
Я такова лягушонка
Магу в озири паймать.

Мой милёначик дурак,
Любит девак, любит баб,
А я ему гаварю:
Люби бабушку маю.

У маво у мил*а*чки
Ножки как бутыл*а*чки,
В лапатки абуицца,
Как пузырь надуицца.

Ой, всяки!» [ЗАЕ, САЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 60].

Иногда такие частушки исполнялись на перепев парой, которая состояла из парня и девушки. «И парни девке припевали, значыт, этово вот так же прихлопывали [в ладоши], всё такое. Ну вот, и девка, и парень выходят, да, вдвоём» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-05Ульян., № 31].

Мой ты милинький хароший,
Как цвяточик алинький,
Тридцать три ватрушки съел
И каравашик малинький.

Я вчира хател жиницца,
Так и думал, што жинюсь

Девки в озири купались,
Увидал и щас баюсь.

Дивчата стоют две капейки,
А рибята стоют рубь,
Как задумают жиницца,
Двухкапеичных бярут.

[ГНП, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 1–3].

Иногда парни всерьез воспринимали обращенные к ним частушки, обижались и могли наказать девушку.

«У миня милёнак есть,
Срам па улицы правесть,
Руки-ноги калясом,
Две сасульки пад насом.

Пели эти песни тожи. Каторыи больна уж ривнивыи-та, канешна, [набьют]. Да была всяка. Нет, [не в келье], где-нибудь, где-нибудь аднаё. При всех нет, нет» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 35].

«Што ты, милый, задаёшьси,
Или морда высока?
Я таково же видала
На базаре у быка.

Кой паринь ничаво, а кой асердицца. И при всех кои били, раньше больше били...» [БПЕ, с. Палатово; СИС Ф2000-05Ульян., № 56].

Вообще, частушки нередко использовали, чтобы выяснить отношения, ответить обидчику, отомстить за насмешку. «[Одна] спела Саляку. Пачаму Саляк яво звали, я ни знаю. Он над ней падсмеивался. Ана ведь выхадила за этава, за Калчака (Никалай, а звали Калчак). И ани с ним ни жили. И вот, значит, в келье адин над ней падсмехнулся, што, мол, вот вы с ним ни живёти. Я помню, ана ему спела:

У стала читыри ножки,
У лаханки толька три,
Пагади, Саляк, смияцца,
Впирёд сопли падатри.

Вот ему спела. Он над ней падсмеялся и она ему атпела. Как всё гаварили: “нивестке в атместку”. Ана вышла и спела эту песню» [КСП, КМА, д. Алейкино; СИС Ф2008-02Ульян., № 53].

Правда, в определенных обстоятельствах, например во время пированья, такие частушки могли исполнять и не желая обидеть партнера. «Адин раз в Утёсавки были мы, гуляли на свадьби. И я вот пригаварила аднаму. Ну, он выпимши был.

Милый Ваня,
Развисёлый галасок,
У тибя нащот любови
Тина, глина да писок.

Он так сбисился! Падашёл к маиму мужу, гаварит: “Я ей морду щас набью! У миня што за тина-глина?” Он, мой-та, и гаварит: “Вань, ну, ты ни глупый всё-таки мужик, ну, на пригаворку”. — “А што ана мне пригаварила, больши никаму!” — “Ну, ты с ней плисал в кругу”. Ну, вот муж ево уделал, а то бы… Абидился [пьяный]. Посли падхадил: “Ты уж извини миня, пажалуйста”. — “Я ищо тибе пригаварю!” — “Ну, ни нады”. А я плисунья была и пално этих: и “цыганычку”, и “симённу” плисала, и чычётку всяку выбивала» [ДФИ, с. Лебедёвка; СИС Ф2009-28Ульян., № 18].

Самыми разными припевками сопровождалась пляска «подгорная». «Батюшки! Мы, чай, сроду плясали ды припявали в сиденках-та пад гармонь. Эта “падгорна”.

Ты падгорная игра
Громка раздавалыся
Правда я ево любила,
Но ни сызнавалыся.

Я падгорныю, задорныю
Задам, задам, задам,
С трипачём гулять не буду,
И падружки я ни дам.
Опа! Чиля́ба,
Ни любишь и ни нада,
Двести, палтараста,
Атабьём и баста.

Какая я была,
Речку смерила да дна,
Привыкай, мая галовушка,
Дамой хадить адна.
Еха!

[“Подгорную”] плясали. По́ две, по две пляшим» [КПТ, с. Кадышево; СИС Ф2000-16Ульян., № 16].

«Подгорную» под пение частушек часто плясали по дороге, когда ходили ряжеными на свадьбе (см. *Второй день*), на святки (см. *Наряженными ходить*, *По кельям ходить*), на заговенье (см. *Вёсну провожать*). Каждый куплет заканчивался имитацией наигрыша под прихлопывание в ладоши.

«Ни судити миня люди,
Што я пьяна напилась,
У миня папаша пьяница,
В папашу удалась.
Эта “падгорнава”.
Ой ты, Нюра, выхади,
Выхади, смини миня,
Мне сиводни ни да пляски,
Бросил милачка миня.

Миня милый изминил,
Ну и мать ево ети,
Па Саветскаму Саюзу
Можна мальчика натти.

Миня милка угаваривал
За каминнай стяной:
— Будишь, будишь, мая дурачка,
Законнаю жаной.

Да, вот, вот эта песни пели» [КВН, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 45, 49].

Еще одна популярная разновидность припевок, исполняемых при пляске, — «семеновна». Эти частушки, как правило, имели драматический или

даже трагический сюжет и очень нравились слушателям. «“Симёнавну” знаю, “симёнавну”. В гармонь-та играют, кагда гармонь играит, я пляшу. Пляшим, а патом начинаим апять петь. Тожи хажу вкругавую паю, [притопываю]. Да. Эта хароша ана.

Как в адном силе
Близ Саратыва
Жила симеичка
Так нибагатыя

Мать была бальна
Как свечка таяла,
И дитей сваех
Навек аставила.
Я плачу.
Тут саннова мальчика
Атец за ручку брал
Пряма с коички
Он Колю в печь кидал.

Печка жаркая
Ой, разгаралася,
Ат крику Тосичка
Прабуждалыся.

Папа, папачка,
Ой, я нишшастныя,
Ой, завижи глаза
Мне смерть ужасныя.

Завязал глаза
Хател он в печь кидать,
А начной сторож
Прадалжал звучать.

Тут уж Тосичка
Аткрыла весь сикрет,
Йим абоим дали
Па васимнаццать лет.

И с тех пор атец
Сваих дитей любил,
Уже Количка
В печки мёртвый был.

Всё. Эта симёнавна, ана долга. Играли, плясали. Плясали вот как, например, вот щас» [КВН, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 43].

«Семеновну» пели и поодиночке, и вдвоем, чередуя куплеты. «А щас “Симёнавну”. Можна и вдвоём петь, штобы, как говорицца, одну часть эта, [другую — подруга] Да, да. Проста так, проста так, для удовольствия.

А выхажу плясать,
Ветер кудри вьёт,
Залётка Ваничка
На свиданья ждёт.

Падашол ка мне,
Сначала руку жал,
А патом, злодей,
К сваей груди прижал.

Он прижал к груди
Рукою нежною.
— Вспомни, девушка,
Любовь прежнюю.

Он прижал к груди
И сказал: люби.
А у нево кинжал
Заблистал в руке.

Заблистал кинжал,
Я испугалася,
За кинжал ево
Рукой хваталася.

Рукой хваталася.
В глаза брасался дым.
Ни бойся, девушка,
Погибну я один.

Увидала тут
Падруга Маничка,
Чево ж ты делаишь,
Товарищ Ваничка?

Чево я делаю?
Дела не ваши здесь,
И вонзил кинжал себе
Под ручку весь.

Падруга Маничка,
Давай с тобой бежать,
А то за Ваничку
Придёцца нам страдать.

Мы с падруженькой
Разбежалися
И на товарища ево
Нарвалися.

Товарищ милова
Нам кричит: Постой,
Скажите, девушки,
Где товарищ мой?

Мы с подруженькой
Не ответили,
Как будта мы ево
И не заметили.

Я дамой пошла
Всё перелесочком,
А мне, девушки,
На суд повесточка,

Привели меня
На суд девушку
И посадили тут
На скамеичку.

Товарищ милова
На суду сказал,
Когда он шёл гулять
С собою взял кинжал.

Я спросил ево:
— На што кинжал тебе?
А он ответил мне:
— Покончу жизнь себе.

Все товарищи
Тут кричат: ура!
А судья сказал:
— Свабодна девушка.

Я дамой пошла,
Варона каркала,
А дома мамынька
Горька плакала.

Не плачь, мамынька,
Не плачь, радимая,
Пагубила нас
Гулянье милава»
[РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 76].

«Семеновну» могли исполнять наподобие «страданий».

Ой, Симёнавна,
Дарагой савет,
Увидишь милава,
Пиридай привет.

Увидишь милава,
Пиридала привет,
Он махнул рукой,
А сам пашол с другой.

Сам пашол с другой,
А я заплакала,
Ох, любовь-любовь
Ни адинакава
[ИМФ, с. Жемковка; СИС Ф2007-04Ульян., № 5].

Слушателей затрагивал не только сюжет песен, но и манера исполнения, когда певица старалась передать слушателям свои переживания, устраивая своеобразный «театр песни». «У нас адна (вот ана щас памярла), все мы люби*ли*, ана “симённу” пела. Пра вайну. У ней мужа на вайне убили, вот ей кто-та сачынил. Ана вышла за другова, тот Коля был, и вышла за другова — Коля. Вот ана больна уж “симёнавну” [пела], и плакали всё стаяли — глидельщики-ти. Ана больна ищо выкладывала. “Любила Кольку я, / Любил и он миня, / В июни меси*и*ци началась вайна”. И руку приложит на грудь. Ну, вобщим, да слёз, да слёз дахадила. Очынь дажи» [ДФИ, с. Лебедёвка; СИС Ф2009-28Ульян., № 22].

Исполнение частушек под балалайку в с. Болтаевка. 2010 г. Фото М.Г. Матлина

Складывание частушек, в которых отражались те или иные события в жизни конкретного человека и выражались переживаемые при этом чувства, было очень распространено. В приводимом ниже меморате говорится именно о такой ситуации: мать исполнительницы ушла к другому мужчине и оставила ее в детстве с отцом и мачехой. «Сами сачиняли. Вот ты там сачинишь куплетик, другая сачинит куплетик, третья сачинит куплек. И вот станим вот так па кругу и все паём. Он [=гармонист] сидит у нас в кругу, а мы так па кругу паём вот эти вот частушки. Да. И пра сваё сачиняли, да, и такое што-нибудь. Но вабще из жизни, из жизни, всё эта из жизни. <...> [Мать] абижалась, вот пра ниё зачем паю. Вот я паю песни такея: “Зачем ты миня бросила, зачем ты миня радила, да лучше бы ты миня в воду утапила”. Вот такие всё частушки вот были горемышны. И как вот то*ль*ка сачиняли вот, как сачиняли мы. Ага.

Зачем мать миня радила (вар.: ражала),
Кровь гарячую лила,
Лучше б в море утапила
Разнищасную миня.

Патом... Ой, господи, видь многа!
Мамынька радимая,
Радила да пакинула,
Лучше б...

Щас ни вспомню. Вот балалайка играит и паём эти частушки. Да. Многа частушик была. Я вот всё мать свою, вот всё пра мать сваю. “Разнищасную миня”, да...» [ППА, пос. Сурское; СИС Ф2007-05Ульян., № 55–56].

Нередко складывали песни на злободневные сюжеты, в которых описывались недавние происшествия. Эти песни быстро распространялись по округе. «Вот как чево в сёлах ни случаицца, вот в Барыше случылось — зарезал. И тут жи сачыняли песню “Коля Лидачку зарезал / И не дрогнула рука”. И вот эти вот всё песни пели. Вот где случацца, кто сачынял там, ни

зна*ю* аткуда мы всё брали, и все знали слава и всё, и пели. “Симёнавна”, разны...» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-01Ульян., № 40]. «Была вот в жизни. Я вот гаварю, в Барышке васямнаццать лет тагда дивчонку-ту зарезал паринь. Из-за ревности. Ана в клуби ждёт, а он идёт. “Ты пачаму ни пришла?” — “Я ждала, вроди, тибя, ни пришёл”. Вот.

Ты измена винавата,
Ана яму атвичат.
Винават впирёд ты сам,
Если ты миня зарежишь,
А патом видь будит жаль.

Тут и леваю рукою
Коля Лидачку схватил,
Ну а праваю рукою
В спину ей кинжал ванзил.

Вот всё какии песни. В бальницу привизли, врач сказал: “Жить ни будит”. На другой день ана памярла, иё скаранили. А он скрылся. И праважать ни пришёл. Вот и всё эта в песни. Эта дийствительна. А я была нибальшая, я эта как “падгорную” иё эта [пела] Да. Многа, частушик пално. Припевак многа» [СЛЯ, с. Аркаево, КАД, с. Алейкино; СИС Ф2009-09Ульян., № 34].

«В Языкаве мать тагда убила дваих дитей. Ат абиды ана их. Он иё бросил, муж иё. Вот. Ей дети ни нужны. Ани играли на улицы, зазвала их (девачка пабольши была), удавила ана их. А патом мальчика. Девачка прасила: мама ни трог миня, — эта там выражала. Вот, Таничка иё звали. А атец приехал: “Што ни встрича*и*ти миня? Иль ни слышити, дивчонки?”

Иль ни слышити,
Што приехал я?
Эдик глупый был
Мальчишичка,

Ни баролся с ней,
В руки зверские
Быстро паддался ей.

Ана их удавила, пакрыла простынью и сама атправилась на станцию в Фуфарово пад поизд. Поиздам-та иё ни зарезала, а аткинула в сторану. И ана лижала в бальницы. А у нас женщину бык чериз сибя пирикинул, пазваночник ей пирибил, ана лижала как в карыти, в цеминти. Вот. И эту женщину привизли. Вот ана знала, што я эта люблю, и там сачинили также “симёнавну”. “Ирина Падусава сгубила жизнь дитей / Спаю пра Таничку...” Вот. И “симёнавну” я, к примеру, адна, и двоя [поют]» [СЛЯ, с. Аркаево, КАД, с. Алейкино; СИС Ф2009-09Ульян., № 34].

Пляски обязательно заканчивались исполнением частушек, адресованных гармонисту, в которых его «канешна, благадарим. Ну, хто пляшит, тот и припяваит, и называит так и так. “Спасиба, — гаварили, — спасиба, Саша дарагой”. Да, и пляшит, и паёт. <...> Вот, я гаварю, песними этими и вот цылавали [гармониста], вот хто эта пляшит» [СФН, СЕВ, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 75]. «Гармонисту пают песню. Вот если *в*станит ана перид нём, станит ему песню петь, а он пиристанит играть. Вот или тише заигра*и*т, или савсем пиристанит. Как ана спаёт, он начинаит апять играть. Вот благадарить яво начнут, всё эта вот. В каньце, кагда уж напляшуцца:

Маи ноженьки устали,
Да и вам дасталася.
У нас всё адна пела:
Спасиба тибе, Саша,
За игру игручию,
Приглашаю тибя есть
Картошку рассыпучию.
Или там скажут:
Спасиба тибе, Ваня,
Я уж наплясалася,
Ваши ручиньки устали,
Но и мне дасталася.
Эта вот тожи припявают:
Вот спасиба тибе, Миша,
Вот спасиба илило́к
А ищо таму спасиба,
Кто сидит па левый бок.

Вот окала яво сидит, например, нивеста, или хто сидит окала яво — яму там скажут: “Вот спасиба, илило́к”. [Илилок —] ну, милок» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-5Самар., № 24].

Правда, на гуляньях гармонисту приходилось выслушивать разные припевки. «И вот падайду к этаму, к гарманисту, и начну яму петь:

У нашива гарманиста
Каротинькая шейка,
Ты играй, едрёна мать,
Играй харашенька.

У нашива гарманиста
Глаза как у ворана,
Он играит, и маргаит,
Завлякаит здорава.

У нашива гарманиста
Чериз гармонь сапля пависла,
А у нашива припявала
Сапля за хрен задявала.

Эта вот ищо у миня любимая песня. Как выпью, абязательна падайду к няму и вот эти песни я яму спаю. Я и яво, и сибя пракритикавала» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-5Самар., № 25].

Еще один тип плясовых припевок назывался *переборы* или *перебирать*. При этом один человек пел в быстром темпе припевку, а несколько человек аккомпанировали ему, повторяя одно слово. В с. Чумакино текст состоял из перечня жителей с добавлением тех или иных характеристик. «...Всё уж атпадаит... Госпади, бааслави рабу Божию Евдокею.

Мельник — римесильник,
А Иёнка — песильник,
И Лёска — драна барада,
Ды Микалашка — суета,
Пятрушинька — прастата,
У Фами́ных-ти стала́рь,
У Сила́шкиных — смала́рь,
Силашкины — сидачы,
Ды Барисывы — багачы,
А Жолты́вы — слипачы,
Фа́мины два брата,
Сирёжа — гарбатай,
Валодя — барин,
Стёпа — татарин,
Трафим — сухой,
А Илюша — храмой,
Микита — сляпой,
У Бушивых — мельница,
Ды Олинька — биздельница,
У Бушивых — мельница,
Ды Манюшка — падворница,
У Лисиных — пчылавод,
Агапывых — считавод,
Сядовы — сидачы,
Ды Барисывы — лысачы́,
Ды а Касо́вы — лавчыки́,
Лагано́вы — смя́тка,
У Мартынывых — блины,

Ды Самонывы — чыгуны́,
А Ос*и*повы — егуны,
Вадрины — кашатники,
Други-ти — лашадники,
Кабан — курносай,
Ку́лик — далгносай,
Бяда ни умы́мши,
А Храмой — апи́мши,
Барисывы — губаны,
Ды Уркуны́вы — пузаны,
У Барисывых — жучок,
Стёпа — малый мужичок,
А у Кончывых — наса́н,
У Панфилывых — уса́н,
У Варюшки — швия́,
У Максимкиных — глухой
Паша машит рукой,
Илюшка — вдавец,
Кастей — маладец,
Сиргей — с дырой'
Гаршок худой,
Учытиль — сухой,
А Пашкины — краснай,
Тиша — бырадастай,
Ягор — багач,
Микиша — долгай,
От Елена — скро́мна,
Анютка — большая ко́рма,
У Кириных — агурец,
Лийтинант — маладец,
У Лиси́ных — мельник,
Шурка — биздельник,
А у Кириных — казёл,
Аликсей ходит, как бабёр,
У Спирькиных — паминки,
У Касо́вых — палавинки,
У Касовых-ти — кулак,
А у Кузиных — рыляк,
У Раманывых гарит,
Вася Гардив — йинвалид,
Полька замуж наравит,
Падма́рь — зявластай, [=громко поет]
А Тунян — гарбастай,
Поп песню запел,
Филя слушать падсел,
У Уркунывых — садо́к,
У Иванкиных — мядок,
У Иванкиных — мука,
А у Кончывых — бука́,
Авдоня — долгай вяз,
Ув Аринки — кривой глаз,
У Сарокина Стяпана
Упакоилась Татьяна,
У Гаршкова Никалая
Вся симья лижит бальная,
Фиклистывы — краснай Ваня,
У Хрющовых — рябой Паня,
У Пронькиных стара дева
Падмаря сибе паддела,
У Гафонькинай у Маши
Вся стрипня из белай каши,
А у Кириныва бати
Барахла палны палати,
У Горькавой Фядосьи
Все снашонки ходят босы,
У Анашкиной Лукерьи
На затылки растут перьи,
Галёк гладкай,
Сыта сладкай,
Микиша долгай
Прашол Волгай,
Срубил сосну
Сибе крёсну.
Всё!

Вот я пирибираю, а ани пают "ту́нбу". Пряма "ту́нба, тунба, тунба", а я пирибираю. Эта всё прежди ищо. Я ищо эта палавину толька сяла знаю, эта у нас адна там жешшина была, ана вот всё знала. Эта вот я ат ниё научылась. Я ищ малодинька была, я эта, женшшина-та вот, где вот в гулянки, на свадьби ли где вот, ана иё эта паёт, а я вот ат ниё и научылась» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-19Ульян., № 94].

Пение нередко сопровождалось озорством — например, могли одновременно петь разные песни, стараясь перекричать друг друга. «Нас чытыри девки, ну ани [=сестры] уж дивчонками были, а я-т*а* — сапля. И вот они, бывала, с мамай выйдут на крыльцо. Вот ани сядут, в адияла закроюцца и сидят. Пака паём песни, всё, харашо, гармошка там, видь были балалайки там, я на балалайки играла, всё харашо. Песни начали петь: я адну, другой — другую. Я паю, примерна, "Па Дону гуляит". Эти пают каждый сваю песню. Он [=отец] матам выруга*и*цца: "Ну-ка, ат двара! Раз ни хочыте дабром". Он нас выганит, уйдём. Уйдём, а днём-та скажит: "Петь — так пойти, а азаравать нечива! Вы знаити, я этава ни люблю"» [САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-13Ульян., № 12].

И.С. Слепцова

ПРОВОЖАТЬ МАСЛЕНИЦУ

Проводы масленицы (*провожать масленицу*), которые устраивались в последний день масленичной недели (см. *Масленица*), на заговенье перед Великим постом (см. *Пост*). В этот день в народном календаре отмечали прощание с прошедшей зимой, избавление от всего старого и отжившего, а также очищение от грехов накануне поста (см. еще *Новый год*). «Эта праважали вот зиму праважали. Вот тагда [=в единоличном] была эта. Вазили [чучело]. Там адин был у нас чудной мужик, он наделат такоя чучилу и паедит. Эта "праважать зиму", "провады зимы". Вот так вот. Давно уж иё и ни возют. И он помир этыт старик, и вазить нихто ни стал» [ГЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 140]. «На паследний день маслиницы жгли кастры. Вот эта с саломы, абмалотки были саломы. Вот из этый саломы, абмалоткыв таскали и жгли. Маслиница, вроди, висна. Старае сжигаим, новая нарадицца. Вот такии были признаки» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-03Ульян., № 87]. В некоторых местах концом масленицы считался первый день Великого поста (см. *Чистый понедельник*) или следующее воскресенье после масленицы (см. *Сборное*).

Проводы масленицы представляли собой действо, которое носило фарсовый, игровой характер. С утра начиналось катание на лошадях, где главная роль отводилась ряженым. «Раньши наряжались, даже лашадей в штаны наряжали, шапку надявали. С кал*а*калами па сялу-та ездили. Раньши многа была лашадей-та. И сами наряжались, па-цыгански, па-всяки наряжались. Эта вот я помню. На лошадь штаны надявали. Эта вот раньши Дуванов был, там на Макруше. У нево лошадь, наденут штаны на ниё, дугу урядят разными лентами, кал*а*кала павесют, шапку наденут на лошадь, ага. Шары всякии. Кашавыи сани были раньши-ти. И катаюцца. Все садяцца, кучей кубарем и ездиют. Всех [катали], сядишь бальшии и манинькии. У миня у матири брата даже задавили — кучей наклались. Нарижаюцца, канешна, хто как чудит.

И женшшина наряжа*и*цца, и мушшина наряжа*и*цца в женска, ва всё наряжа*ю*цца, чудили па всяки» [САМ, с. Потьма; СИС Ф2006-22Ульян., № 66].

Признанных «чудаков» зрители приглашали к себе на угощение, для них это было своего рода платой за устроенное представление. «Любан, бывала, едит. Он такой был комик! Лошадь за хвост держит, вот. Пилит, печка, дым идёт. Чурку вот вазьмёт и пилит. И в печку кладёт там, в жилезну — какую-ту сделаит. Какии-та прибаутки паёт. Да. Вот адин такой. У нево эта был излюбленный номир. На масленицу к нему все и сбегают, и ево все приглашают в дом. Эт*а* рассказывали пра нево. Атец рассказывал, дедушка рассказывал. Вот он этим дабивался сибе, што ево все приглашали» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-04Ульян., № 7].

В с. Чумакино масленицу как воплощение скоромной пищи «провожали к татарам», то есть удаляли в чужое пространство. «Праважали — эта нарядюцца, у нас адин чудной был мужик, он знай маслиницу, йих так и звали "маслиница". Вот нарядюцца, рабитишкав... Хто вирьхами, хто кто. Сам дома лошадь вазьмёт да ездиют. Эта всё гаварят: "Татарам праважают маслиницу". Праважали, как жи, маслиницу праважали» [ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 56].

Для проводов масленицы и в предвоенные и послевоенные годы характерно изготовление соломенного чучела — *масленицы* или *пужалы* (с. Чамзинка), которое являлось олицетворением праздника. Основой чучела был сноп соломы, который насаживали на палку и протыкали другой палкой, изображавшей руки. Сверху на сноп надевали старую мужскую одежду. «Палки таскали, на палки накрутют саломы, сделают и руки, и голаву, всё, да с саломы ж*и* ана делаицца. Паставют палку, сделают как голаву эту салому-т сделают, попирёк палку привязывали, как руки, вот так вот. Все как-та сабирались. И мужики, и бабы, и парни, и девки, и рабяты, все, и ходют па улицам. Да, вот хадили па улицы вечирам, хадили вот таскали вот. Маслиницу праважали» [РВМ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Чучело с шутками и прибаутками возили по деревне местные «чудаки». «У нас старик адин делал и вазил эту чучылу. Саломы набьёт и сделат руки, палки ваткнёт, руки, шапку наденит. Сделат иё уж какой-нибудь, аденит адёжу мужскую каку-нибудь плохиньку. Эту чучылу визёт, эт*и* вот выбегут: "Вон, Маслин*и*ца едит, Маслин*и*ца!"» [БТП, с. Чумакино; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «На провады маслиницы адны, там два брата у нас были, и вот ани на паследний день маслиницы "праважали маслиницу". И вот делали: сделают кибитку, запрягут пару лашидей *и*ли тройку и вот нарядюцца сами, каких-нибудь эта, рубашки красныи наденут, раздевкай. А чучылу пасодют на этат, на кибитку, наверьх. И вот ездили па сялу, праедут взад-впирёд. Народу-ту! С гармонями, с плякими там всё. Давно уж эта была, ищо при старам, мы ищо малодинькии были. Праедут всё сяло и *г*де-нибудь сажигали йих. Там саломай *в*идь набита. И вот *г*де-нибудт иё сымут эта и сажгут. Вот

праводят маслиницу и вот эту чучылу сажгут и всё. И больши никакова нет» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 1-2].

Нередко в сани насаживались еще желающие. «У церькви сноп завиртят вот эткий, ну, как яво, ну, сноп, как чилавек. Вот это салому-ту, скрутют, скрутют иё, завяжут сноп вот эткий вот, бывала, яо раскорячишь, накрыла, надела на эту, на палку. А сюды можна низ растакырить иё, эт салому-т*а*. Шапку космату наденут. Вот шапку наденут, завёрнут в какой махор, чтоб все смиялись. Эт*а* называцца "пужала". Ну *в*от, да. И посадют и ездиют вота. Рибитишкав сажают, дивчонки сидят малиньки, гадов па пятнадцать или сколька. Песенки пают. Ездиют. Народу-ту многа. Хто песьни паёт, кто чао ить» [ТАЕ, с. Чамзинка, ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Влезание на столб при проводах масленицы в с. Потьма. 2005 г. Фото И.А. Морозова

Обычно те, кто возил чучело по селу, наряжались «как на свадьбе» или на святки (см. *Наряженными ходить*). «Я вот наридилась сама, маску сделыла вот такую, ну, аделась там, проста от надела этат капронавый, этат, чулок. И вот так вот, и усы и всё такоя» [ЛАА, с. Чумакино, ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Наряжины тожи нарижались. Ну, тожи вот как и в святки нарижались, адинакава всё. Вот был у нас вот этат, были "чудаки"-та. Чудили, смиялись!» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

За чучелом ходила большая толпа зрителей, которых привлекали как вид самого чучела и костюмы наряженных, так и те шуточные приговоры и частушки, которые они выкрикивали во время катания. «Маслиньцу-та, бывала (я ищ*и* нибольша*я* была), вязут на санях, праважали. Народу мно-ога! Суды праважали, за акол*и*цу. Сани вязут рабята, а тут ящик какой паставят на калымагу, бывала. Были калымаги. А в ящике — наряжена женщына. Вот эта наряжина махрами (тада чао нарижацца — махры, махры насилии), сидит, руками-т машит, запёват. Была у нас адна-та тётка, пачтальёнка. Ана стаяла пряма, и у ней какой-та был прут с этими, с вирёвачкай, ана *в*от махала всё время, песни зявала [=кричала], частушки ана тож*и* сатваряла» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «Из снега, из снега [чучело], тол*ь*ка из снега. Налипали, налипали — мно-ога сделают йих всяких! И маниньких, и бальших, голавы вот этаки сделают. Вот нарядят яво [=чучело], шапку на няво, палки, шубу наденит на няво. И едит па ул*и*цы. Вазили на санях. У нас был адин эта такой чудак мужик. Ну, старый уж он был. А за нём народу-ту, народу-ту!» [РТТ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 107].

Иногда действия с чучелом были довольно рискованными. Например, в с. Палатово вокруг чучела на санях раскладывали огонь, несмотря на то что лошадь могла испугаться и понести. «Вот чучилу паставят иё в этат, катались ведь на маслиницу-ту на лашадях, ну вот иё паставят. И акруг иё, пажалуй, ищ и агонь раскладут. У нас адны, вот Сиргеевы сродники, нихто ни асмелицца, а ани в санях салому зажгут: и чучила гарит, да, и салома гарит. Эт вот я никагда ни забуду. Как-та делали ани, я ни зна*ю*, эт*а* мужики. *А*зарники больна были. Эта перид вайной, перид этай вайной, да, када *и*щ ищо вайна-та была. Мужики-ти *а*заравали. Ани ни калхозники были, у них была свая лошадь. Цыгарку яму [=чучелу], чёрт иё знаит, прасти Бог, как ани делали. Ну, нихто ни асмелицца штобы в сани… Ни дровни были, а сани. И в санях раскладут агонь и едут. Сроду ни забуду. Я нибальшая была» [ЛСФ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 83].

Некоторые удачные шутки повторялись из года в год. Признанные шутники были известны не только в своем селе, но и за его пределами. «У нас вот на маслиницу адин, бывала, запряга*и*т лошидь, ставит стол на сани, бутылку, чучылу эту прилаживат, всё, и даижжа*и*т вот да Горхина двара (Низ у нас вот здесь, эта тут жили Горхины). С гармоньей тута! И вот маслиницу: “Маслиница, маслиница, атправляйся ат нас! Давай привази нам этыт пост. Паследнии рюмки пьём, больши ни будим!” И тут чудил он, бывала, чудил. Сам нарижался, тулуп выв*а*ратит, всё, смишней штоб была. Лошидь нарядит лентами, всё, и да самава туды, да Галашубихи едит. В абед сабира*и*цца, видна, и ну сюда приедит, толька вот на Макрушу-ту далёка ни ездил, эта уж у няво астановка здесь была, на Низу. И улицей, и в Иванавку ездит, там эта Иванавка вот, ну эта вся улица, туды едит уж. Да, ну эта, хто к няму падбягут, он налива*а*т из этай бутылки, ну чаво, вина *и*ли можит чаво-та, чай, ни вином. Вады, чай, налива*а*т, и всё. Ну, пашутить. Он у нас адин такой шутник был. Эта да вайны была, да вайны» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-18Ульян., № 38].

«Таскание» чучела сопровождалось пением специальных масленичных припевок, которые имели шутовской характер. «На паследний день, как праважать маслиницу, идём салому [жечь]. Салому, снапы. [Чучело] делали. И вот па улицы таскали всё эта чучила из саломы. Сделают как иё, и нясут каку*ю* чучилу, вот “женщину” ли “мущину” ли? Всю в этай в саломи, аденут в махры-ти и вязут иё па улицы на санках. Вязут, пают. Пают, с гарманя́ми идут пают. Песни такии, скамарошны песни, ну как частушки вот.

Я на маслиный нидели
Ни брала в руки кудели.

Вот такии. Эта скамаро́шная песня. Вот их припают пад гармонь.

Я на маслин*и*це каталась,
Таракана задавила,
Я за ету за скатину
Три чирвонца заплатила.

А тут сажгут. Сажгут, ну свалят да сажгут, там салома адна» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 115-118].

После того как чучело провезли по всему селу, его вечером сжигали за околицей в поле. «Вот вязут иё [=масленицу], и народ за ней идёт. Вот за

акольцу праважали. Там и сажгут иё. Эт давно была, давно… [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «Жгли яво ззадь сяла» [БТП, с. Чумакино, ЧМП ФА УлГПУ ф. 4, оп. 4, 2001].

Нередко чучело сжигали посреди села, что собирало большое количество участников и зрителей. «На маслиницу сноп ржи вот абмало́тык вазьмут и вот чё-нибудь наденут на ниё, прасунут-та в адёжу руки и вот куклу сделают — ни то што пугать, а вабще маслиницу праважали. Ну, чучилам, да, чучилам называли, [одевали как] женщину, да, патаму што эта как чаво? Зипун, зипуны преж были. Зипун аденут, палку в рукава, у ней руки. Вот где-нибудь на улицы этыт сноп зажигают. Кагда сабирались где-та все, маслиницу праважать. Там народ визде, и маладёжь, и вот и зажигают пасридини сила. Ну, кастры-ти делали, ну а эта как-та асоби*нна*» [ЗАИ, с. Первомайское; СИС Ф2000-07Ульян., № 29–30].

Чучело часто жгли в центре села в послевоенные годы, когда в организации празднования масленицы активное участие стали принимать сельские культработники и представители официальной власти (председатель сельсовета, например). «А тут уж как к вечиру-та вот иё у управления зажгут. Ну, жгли тама. Ну *в*от, зажгут я*в*о, ано и гарит там, салома-та. И шапка-та сгорит. Васкрисенье ка*г*да придёт, вота и жгут. Хто ката*и*цца на масьлиньцу на лошидях, рибитёшки там нибольшие, дивчонки. Ну, а старухи-то, мужики агонь жгут, у церькьви-ти» [ТАЕ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. Здесь же сооружали столб, на верху которого прикрепляли подарок, и желающие пытались достать его, устраивали угощение, проводили спортивные соревнования.

Некоторые села (например, с. Сара) отличались тем, что там изготавливали несколько видов чучел. Так, чучело (*куклу*) делали из большого чурбака, который одевали в женскую одежду. «Зажигали, знашь, дочка кагда, зиму праважают, вот жгут. Вот кагда зиму праважают вот и эт*и*. <…> Нарижали как куклу. Наденут вот всё, какой-та бальшой чурбак нарядют, да, как чилавека, паставют. Аденут как женщину, *с* павязкай, *в* манарки, платье. Вот на ниё всё сажгут, а чурбак астаёцца. Вот так. Прям на дароги, на дароги [жгли]. Вот там далёка тожи жгли. Круг поля там жгли и здесь в акраине. Вот, бывала: “В Ниволивки, — гаварят, — тож*и* жгут!” В дальних улицах жгли» [БАМ, ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-34Ульян., № 41].

Кроме того, чучело делали из соломы, лепили из глины и из снега. Соломенных кукол сжигали на улице. «Делали, из саломы, и из глины липили, и из снегу — всё. Эт*а* из саломы сделают бальшую, прям бальшую, ну вот, как сноп. Как снапы, ты зна*а*шь снапы? Аржаныя. Вот как сноп эдаку. Всё в игрушку-ту зажгут эту куклу. Вот игра. Игра эдака. Вот. Эти стаят — глинны да снежны, а эту сажгут. Абвяжит эту куклу, надиёт на ниё какую-нибудь куртку, вот. И всё эта прям сажгут. Прям ставили на снег, тут стаяла и ету, кой как сноп, тут паставили и зажгли. На маслинай нидели. Вот. И снежную, и такую. Эт*а* на маслинай нидели в Пращёны дни. Ва всех улицах делали. Ну, мы в сваей вот улицы делали, в других свае делали, чай. Другой чилавек

в другой улицы там сдела*а*т и там жгут. А я в сваей улицы. Адну паставим на всю улицу. Рабята прибягут, тут артель. Рабята всё талкали нас в агонь. Ну, а мы баялись падайти. Он мамент — пых! Трищит зярно-та. С зярном прям акутывали, прям сноп с зярном» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 14–16]. Снежную куклу тоже пытались подпалить — растопить. «Вот снег-та мокрый. “Мы, — гаварит, — щас куклу сдела*а*м из снегу”. Вот. Тут сми*ялись*. Я гава*рю*: “Ай [=что ли], вы иё сажжёти?” — “И мы иё сажжом”. Вот ане из этай куклы из снегу вазьмут к ней, *а* ана таит. Ну вот для смеху всё. *А*заравали, маладёжь, вот. Так и стаит ана и растаит. Как тяпло и растаит. Как челавек, руки были, всё: и галава, и уши — эта всё, а ног [нет] — так паставили. Угли — глаза сделают, и нос из снегу, как лицо делали. А тут так и стаит ана. Я гаварю: “Ну, к Евдакии кукла растаит”. На Евдакии-ти всё приталинки...» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-37Ульян., № 17–18].

Иногда встречаются особые способы сжигания чучела — например, его привязывали к длинному концу колодезного шеста и затем поднимали. «Ну, на масленицу делали иё, сделают иё куклу. На паследний день жгли. *С*пирва кругом жгут, круг агня висельця. А тут иё зажгут. У нас Федя всё этаку куклу-ту сделат да, бывала, вот так черпали воду-ту [=журавлем], он иё падтянит иё, эту куклу-ту, завяжит тама, зажгёт да пустит, ана и гарит вон ни знай где!» [ЛНА, ЛЗИ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 128].

Завершался этот день разведением костров, что означало, что масленицу проводили. «Жгли на маслин*и*цу. Нада вот абизатильна сажечь, маслиницу правадить. У каво абмалоткав утащат, и абмалоткими были связаны. А у каво салома так. Всё уже у граждан*ых* у этих. “Нонче у этих, — г*а*варят, — вот апять прихадили, апять утащили, —г*а*варят, — у нас”. Где как сумеют [жгли], чай есть и ул*и*цы вота. И *вулицых*. То в Бальшой ул*и*цы, то в маниньких эта улицах» [ТМИ, с. Белый Ключ; СИС Ф2000-15Ульян., № 14–15]. «И встричают, и праважают, рабитишки агонь зажгут, саломки, вот. Вечирым. <...> А уж кагда праважать, тут уж маслиница вся, и вот так жгли» [ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 87].

Костры устраивали вне села — на горе, дороге, поляне. «Видь на маслиницу, бывала, жгли, в сёлах-ти. Из саломы делали. Тут, глядишь, гарит, в другом мести гарит. Здесь [=с. Котяково] вот на гара́ вон ухадили, там зажигали, парни, да. А в Сасновки вот делали на дарогах. Принясут салому, вот катаюцца, катаюцца там, или чучила эта сажгут. У нас вот жгли на дароги. Маслиницу, всё гаварят, праважали. Праважают маслиницу. Маслиницу праводят, начина*и*цца Виликый пост семь нидель» [ЧТП, с. Сосновка; СИС Ф2004-04Ульян., № 41]. «Кастры на дароги жгли, прям вот на дороги, рибятишшки жгут. А то вон гара-т*а*, на Сажинку... У нас Сажинка называцца, туды балон [от автомобильной шины] аткотют и зажгут *яв*о — ба-атюшки! Агонь-та долга гарит» [СМС, Б. Шуватово; ЧМП ФАУлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. В с. Лава костер жгли на поляне, где проводились все гулянья — Курзовке. «Так жгли, вот в авраг в какой-нибудь там сделают. Саломы натаскают риби-

тишки или калясо найдут ат машины, старо как*о*е-нибудь, вот яво запалят. На паляну, вон туды к лесу, там у нас паляна есть и на эту, на праздник хадили туда — Курзавка» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 34].

Обычным материалом для костров была солома, к которой нередко добавляли что-нибудь еще: старые корзины, дрова. «Два снапа свяжут да сжигают, чтобы весяло́ было год жить. Ну, эт я толька слыхала, в нашу пору уж не была» [ШЗЕ, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «Вот сабирали всё старыи эти кашолки, “зобни” па нашиму, карзинки. Абмалотки, всё. Ну што пападёцца, всё тащили, и плетни стащивали! Вот всё сабярут и вон на таю́ гору-та вон туды. А с гор прям на Суру. На льду, да. А там, глядишь, ба! Зарева пашло гареть па всем гарам. Эта маслиницу праважали. [В воскресенье] да, праважают» [ТФД, ТНГ, с. Котяково; СИС Ф2004-31Ульян., № 126]. «Вот маслиницу к*а*гда праважают, эта жгут. На гарах, на гарах толька, разви можна в силе. Да тожи дети. Вон утащат где баллоны какии, а раньши кадушки из бани патаскают. Маладёжи-та делать нечива, найдут, да. Вот у миня пакойный муж был, гаварил, вон всё из бани кадушки таскали. Сложут в кучу, зажгут. А там хто-нибудь манинька ищо патащáт на палках» [СМО, с. Коржевка; МИА Ф2001-26Ульян., № 49].

Костер в некоторых местах разводили на санях или дровнях и спускали с горы. «Хадили, маладёжь вечирам вон на гару, саломы навяжишь вязанку, пайдёшь там жгёшь. И с гор, ищ*о* на санках зажгёшь. Пажалуй, придёшь и биз санак. Санки там сгарят. На санки накладёшь салому, зажгёшь да пустишь, а сам с гары бягом, ни успеишь падбяжать и санки сгарят. Ну раньши какии санки, ни гарадскии, салазки: полазья, капылы вабьёшь да накрест...» [ЛВИ, с. Русские Горенки; КПС Ф2004-17Ульян., № 16].

Иногда с горящим снопом, с небольшим огнем, бегали по селу. «Маслиницу праважали. Вечирам маслиницу сажигали, салому жгли. Сноп зажгут и пабягут ул*и*цый-та. На палку, чай, наденут, на палку наденут и пашёл! [Снопов] чай, хто ско*ль*ка. Хто ско*ль*ка пашутит» [ПЕС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 38]. «“Маслиницу” жгли. Тагда салома была, салому жгли. На гару затащим, натащим саломы и сжигали. И па ул*и*цы хадили, жгли. Вот сноп свяжишь и бижишь. Ну на палку [наденешь] или эта прям сноп, да и держишь. Маслиница!» [ЯАИ, д. Александровка; СИС Ф2004-09Ульян., № 17].

В некоторых местах вместо снопа поджигали березовые веники и бегали с ними по селу. «Нет, у нас [чучела] не была. У нас веники жгли, салому жгли на маслиницу-ту вот. Ну, с веникам и бегали с канца в канец.

Маслиница гарела,
Нам гаветь вилела,
Вот придёт Великий пост,
Принисёт нам редькин хвост!»

[СНИ, д. Александровка; СИС Ф2004-10Ульян., № 65-66].

Проводы масленицы включали в себя посещение родных и прощание с ними на Великий пост (см. *Масленица*). «Харашо жили, выпивали, и пи-

раги, па гастям. “Провады маслиницы”. Пращения [просили], пращались. “Прасти миня, Христа ради, там, Маруся, Катя, Толя”. Вот. К каму хошь, у каво хошь пращения папраси. Вот у миня саседка ана сроду ни пайдёт, горд*ая*, эдакый характер, а я пайду и пакарюсь ей. “Прасти миня Христа ради”. — “Маруся, чай мы ни ругались”. Да при чём тут ругались? Ругайся ни ругайся, атветь и ты мне: “Прасти, Маруся, Христа ради”. А йим эта больна уж тижало, видь эта тижола слова-та: “Прасти миня, Христа ради”. — “Бог прастит, миня Христа ради прасти”. [В ноги] да, падали. Падают, да. Эта вот Катя-та ана всё эдак пада*а*т в ноги и паклоницца вот в землю» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 52].

И.С. Слепцова, М.П. Чередникова

ПРОВОДЫ НЕКРУТОВ — см. Некрутов провожать

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ — см. Масленица

ПРЯТКИ — см. Кулючки

ПУГАТЬ

Запугивание (*пугать, стращать*) — манипулятивная практика, направленная на формирование и поддержание веры в персонажей низшей мифологии (см. *Домовой, Русалка, Оборотень, Шишига*), людей, наделенных сверхъестественными способностями (см. *Ворожея, Колдун*), и «неправильных» мертвецов (см. *В покойника играть, Летун, Погребение*). При помощи запугивания, в том числе в игровых формах, регулировалось поведение в опасных местах и опасных ситуациях и подавлялись девиантные формы поведения (см. *Играть в кельях, Подшкунивать, Шутить*). Многие формы запугивания имели календарную приуроченность и имели мотивацию, основанную на особенностях того или иного праздника или календарного периода (см. *Ильин день, Кулачки, Пост, Наряженными ходить, Озорство, Святки*).

Запугивание имело две основные формы, которые могли сочетаться друг с другом: «страшные рассказы» о случаях из жизни, реальных или выдуманных, и имитация различных демонических существ или приписываемых им действий. Нередко после страшных рассказов следовала акция запугивания с использованием шумовых или звуковых эффектов, чучел или ряжения. Чаще всего исполнителями этих акций являлись парни и взрослые мужчины, хотя по отношению к детям и подросткам подобные действия могли исполнять и женщины. При этом существовало несколько адресных аудиторий запугивания, в соответствии с которыми варьировались выбираемые средства: дети, подростки и молодежь, девушки и женщины.

Обрядовое запугивание (см. *Озорство*) в основном было приурочено к святкам (см.), исполнялось ряжеными (см. *Наряженными ходить*) и адресовывалось детям, подросткам и женщинам. «Пугали [детей], эт*а* пугали. В святки, в святки. Ну, най, наря́дяцца, руны наденут — баба-Яга идёт. Ну и притаяцца, всё, плакать ни будут. Вот у меня соседка была, она эдак. Услыхала — тут плачут, щас пошла, руны какии-нибудь выв*а*ратила на себя, закрылась, ну и пришла вот "колёдо́й". И всё, замолчали, всё, за́жили все. Начнут ругать: "Больши ни ходи к нам, детей не пугай!"

Ко́лёда-колёда, посконная борода,
Не ходи к нам,
Не пугай нас,
Не бери у нас ребятишек,
Они у нас последнии..."

Ну, вот тут и причитают, и причитают всё. Ну, уж и колёда откроицца» [ДАМ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-27Ульян., № 58]. «Чучила каня делали всё на Новый год. Мужуки, каторы могут, рабятёшки малодинькии. Вот. Нарижались двоя, хадили вот, па окнам стучались. Гаварили, о́баратень ходит. Вот мы убягали. Спрячимся и ни найдёшь нас. Эта в триццатам гаду, мне была всяво десить лет, вот я и помню. Шутили, канешна...» [НМН, с. Кадышево; СИС Ф2003-11Ульян., № 67].

Запугивание детей различными «низшими демонами», часто употреблявшееся в воспитании, служило одним из приемов регуляции их поведения и одновременно знакомило детей с этими персонажами и их функциями. «Вроди устрашения. Да эть эта было, канешна. Родители што-то дитя ни слуша*и*цца: "Вот, — мол, — шишига придёт", — там или ищо каво памянут...» [ДИП, с. Новосурск; МИАФ2002-24Ульян., № 7]. «Ну, русалки — эты была, канешна, всё эта, страши́ли нас русалками. Эт в озири, в Суре. Вот вечирам, када купацца пайдём, а вечирам больна уж вада-та тёпла! Щас вить нету, щас всё приминилась! А тада-т вечирам вада как шшо́лок в этим, в Суре-та! Тёпла какая — ни вылизишь! Ну вот и радитили стращали: "Ни хадити, русалки утащат вас!"» [АМИ, с. Кадышево; КПС Ф2004-11Ульян., № 87]. «Мы нибальшии были. Нас ни бярут [в лес на проводы весны], а мы бижим, всё-таки варо́тят. Там бани вон пазади дваров-та: "В бани, — гаварят, — бука́нки сидят, вас забярут!" Вот мы аттоль бягом! Чай, черти! Нихто, чай, ни видал, толька ля́кают. Ну, стращают» [ТМИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 85].

Для маленьких детей актуальным было не то, кем или чем запугивали, а интонации испуга или угрозы и демонстрация страха взрослым, поскольку у них еще не сложились представления об опасном. Именно изображаемый (часто утрированно) взрослым страх и научал детей бояться того или иного персонажа. «Бывала, качаю, качаю: "Давай спи, а то щас русалка придёт!" А какая ана русалка? Где ана живёт? <...> Бабу-Ягу. "Сматри, *с*матри, вон баба-Яга идёт!" А што за баба-Яга, нихто ни знам» [КВН, КАН, с. Шеевщина; СИС Ф2000-13Ульян., № 45]. «Пугали, эта: "Уйди, татарка идёт! Уйди! Татарин идёт, вазьмёт тибя!" «Ни плачь, ни плачь, вон татарин идёт». Вот.

Татарами пугали» [БПА, д. Ростислаевка; СИС Ф2004-33Ульян., № 71]. «Татарин. Вот у миня сын младший, он баялся мужиков. “Татарин! Татарин идёт!” Ой, он скарей прячицца. “Щас татарин утащи́т тибя!” Вот эдак вот стращали» [ДТП, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 104].

Запугивание применялось взрослыми для формирования у детей правильного поведения во время поста (см.) — так их приучали не брать без

Коллективная работа в с. Астрадамовка. 1930-е гг. Фото Р. Покщаева

разрешения лакомство. «Да малиньких самих пугали. Вот мы всё пугали “пыхту́шка”. Эта в погриб*и* “пыхтушка”-та был. Или в агарод эта всё: “Вот он там сидит в ями пыхтушка!” А кака пыхтушка, ни знаим. У миня мама, бывала, варенья наставит [в погребе] и всё, эта щас дасыта, а та*г*да сварят там ско*ль*ка, толька и всё. Ну вот, палезишь: “Палязай, палязай, вот то*ль*ка ты влезишь, там пыхтушка тибя и схватит!” И вот и баялись пыхтушки» [КЕА, с. Потьма; МИА Ф2005-05Ульян., № 38]. Ссылаясь на опасность со стороны различных демонов, детей приучали молиться. «Да раньше пугали нас этими, да, шишигами. Где ани живут шишишги-ти? Ну ане всё пугали нас: “Ане могут в баню вас затащат”. Мол, кагда вы пайдёти мыцца в баню адны, ни помолисся Богу, вас шишиги, гаварят, затащат в печку: “Сматрити, — гаварит, — пайдёти, сначала Богу памалитись, а то вас шишиги в печку затащат”. Дамавой-та гаварили тожи: “Дедушка-дамавой, — гаварят, — удушит, если Богу ни будити малицца”. Дедушка-дамавой-та, никто яво так-та ни видал в живнасти, а толька притча» [СЕМ, д. Александровка; КПС Ф2004-16Ульян., № 76].

При помощи этого приема приучали к аккуратности и запрещали уходить далеко без разрешения взрослых. «Бывала, заставишь рибятишкав умывацца, вот он если кагда вазьмёцца, плещицца, я гаварю: “Ну, прамоисся, сматри, сарока на гняздо утащит!”» [МФФ, с. Потьма; МИА Ф2005-06Ульян., № 9]. «Стращали нас. Мать гаварила. Мы пошли вот с ней просо палоть, ну, даляко. Ну и эта, полим. А я уж больна пить захатела [и пошла домой]. Ана гаварит: “Сматри, как бы Бела Дуня ни вышла!” Ну вот. Ну и, глянь, из лесу пряма выходит какая-та [женщина] — углом-ти [дорога] там, за Щаблино угал-та лесной жа! Ну и пашла, пашла вот ана. Женщина идёт, в белам, да. Ну вот мама мне и гаварит: “Сматри, вон видишь, Бела Дуня вышла из лесу!” Ну я чаво? Вярнулась, апять пришла к мами» [ГМС, с. Проломиха; МИА Ф2002-27Ульян., № 80].

Запугивание часто использовали для оглашения запретов в ситуациях, которые грозили ребенку реальной опасностью. Например, запрещали ходить за село — в поле, овраги, или далеко уходить от дома. «[За гумнами] да: “Вот шайтан там, шшикату́н да дедушка нихароший, вот эдаки”. И в аврагах-ти: “Вот сматрити туды ни хадити далёка-та, там ле́шинька”, — пуга́ла» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2004-01Ульян., № 62]. «Эта пугать пугали. Там: “Ни хадити, мол, там вот кто ловит, вот там, мол, бальшой мужик в кафтани, да, вот он завязаный мачальнай вирёвкай, вот, мол, паймат и вас пад этат кафтан и с сабой вазьмёт”. Ну как жи, пугали у нас, пугали, как ни пугали. [По улице] вот кто бегает? Вот я вам и гаварю, што вот калдуны-ти эти, [пугали]. Да. <...> И эта тожи гаварили: “Баба-Яга там, пайма*а*т вас”. На ул*и*цы» [ЖЗТ, с. Араповка; МИА Ф2000-24Ульян., № 14]. «[Пугали] дитей малиньких, да штобы даляко ни ухадили, вот эдак гаварили. “Ни хади в лес, или там куды, ни ухади, а то там леший ходит, вас утащут”. Эта гаварили» [МФФ, с. Потьма; МИА Ф2005-06Ульян., № 8].

Запугивание детей часто было вынужденной мерой, так как родители, занятые летом по целым дням на работе, не могли следить за детьми, а старые бабушки или маленькие няньки были ненадежны. Особую опасность представляли реки, озера, пруды, в которых дети часто купались без надзора взрослых. «Радитили сами пугали дитей. “Ни хади. Сматри!” Канешна пугали, у нас сколька танула. Чать, танула сколька» [ШВС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян., № 40]. «На Суру идём: “Вот утонишь. Там в Суре сидит, цапа*и*т за наги вот, — гаварили, — вадяной какой-та ширстяной, в шерсти весь там”, — начнут пугать. Вот. Я сама танула. Миня вытащили за в*о*ласы» [НЕН, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян., № 26].

Поэтому маленьких детей предупреждали об опасности, которая скрывается в реке, по-разному объясняя ее. «Пугали вот ищо малиньких. “Пайдёти вот на речку, — ну кагда *и*що нильзя, вон, вроди, купацца-т*а*, вить холадна, — русалки вас там паймают и защикочут”. Ну, женщины, эта, с длинными распущинными валасами. Вот. Ну, вадяныя. И вот ру-

салки» [ПЮМ, с. Потьма; МИА Ф2005-01Ульян., № 109]. «Манинькие вот стращали. Стращали: “Матри, там утащут! Рыба там, рыба бальшая плават. Ни хадити, там рыба!”» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-34Ульян., № 31]. «“Сом в Суре! Он съядат сом-та! Ни хадити, а то съест сом!”» [ДТП, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 104]. «“Ни падхадити к Суре!” У нас Сура рядам-та ведь. “Радуга забирёт”. И как будта ана из Суры воду пьёт. <...> Ну, так-та больна-та ни пугали. Ну, шишигай-та, я вот помню, пугали» [РРА, с. Засарье; СИС Ф2000-17Ульян., № 93-94]. «“Вон радуга вады из канавы бирёт”. Штобы дожжик пашёл патом. Гаварили: “Пайдёшь, ана тибя паймаат!” Да. Запугывали. Ана, г*а*варят, схватит. [Унесет] да кто знаит, наверна, на небяса, што ли? Ни зна*ю*» [СНИ, д. Александровка; СИС Ф2004-10Ульян., № 47].

Для большей убедительности часто разыгрывали сценки, которые надолго оставались в памяти детей. Накинув шубу, наряжались косматым чудищем и вылезали из воды. «У меня адин утанул. Бегают купаюцца. Гаварю: “Ни хади! Там мяру́н! Уташшит в Суру!” Шубу вон выв*а*ратят да ляжут. Ани пайдут, а назад он вылитит, ани вот и больши ни идут. Вот и пугали» [МЕЯ, с. Кадышево; МИАФ2002-30Ульян., № 10]. «А вот у нас вот, ана [=мать девочки] вот здесь сюды паближи жила, а ба*б*ушка там — туды ближи к Суре. Ана [=внучка] каждый день как к ней придёт — эх! — на *а*гарод и в эту, на Суру. На *а*гарод и на Суру. А ей гадов, наверна, шесть што ли, семь ли была. У-ух! Тётя Поля толька и глидит: “Апять на Суре! Апять на Суре! Пагади!” Выв*а*ратила шубу, зашла аттоль, залезла в воду в этай шуби и палзёт! Ана как увидала, эх! — лапухами, у-ух! И айда пашёл! Вот и ба*б*ушку забыла. Ба! А тётя Поля-та гаварит: “Я шубу-ту вы́варкала в гризе, в тине всю”. Ей шубу жалка. “Ана типерь ка мне ни идёт, ни толька на Суру”. [Это пугали] Баба-ягой. Да. “Сматри, вылизит бабушка Яга, ана тибя схватит и на Суру утащит в воду! Вадяной утащит! Вон русалка-та, ана вадяная, ана ти*б*я утащит в воду!” — вот. Ана вадяная, мол, в ваде живёт, утащит» [БАМ, с. Сара; СИС Ф2006-34Ульян., № 32]. Могли пугать местным дурачком, необычное поведение и облик которого также делало его страшным для детей. «У нас мама сама нарижалась. Надела чапа́н (ане ма́нинькии, баицца — утонут), и вот ана пашла вдоль Суры-ти. “Муся идёт, Муся идёт!” Эта был глупинькай. Наряжина ана идёт. “Муся идёт, Муся идёт!” И ане в яр-ту и айда!» [ШНВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян., № 40].

Иногда запугивание оказывало столь сильное негативное воздействие на детскую психику, что его результат сказывался на протяжении всей жизни. Вот всего два примера такого влияния. «Вот одна вот взялась вот сидеть с одной девочкой. Она [=мать девочки] учительница, она коли́ придёт [поздно], да дома ищо дела́. Раз взялась — сиди. Ну вот, она [=нянька] уйдёт картошку рыть, а [девочка дома одна]. Вот она подойдёт к этому окошку, с нашей стороны: “Ты ни плачь! Я ищо щас в шубу выв*а*рачину дядиньку

или тётиньку страшную приведу. Ни плачь!” Она забиваицца под лавку или под стол и сидит, вот так дрожит. И до тех пор додрожалась, голова-то стала. Она и щас глупа. Так запугала. У нас этих людей, [которые пугают] бояцца и ругают. Вот эдака: “А, вона букашка идёт!” Я гаварю: “Ни нада, эта ни чаму!” Ругасся, и дажи срамишь этих людей. Надо ребенку радость давать, развитие давать, а не то, пугать шубой. Зачем? Это глупыи люди это делали» [ЛЕН, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-46Ульян., № 48]. «Было дело, у миня, этыт, старшинькый был. Ане чё? Малинькии были, вот. Машинки взяли, лук дёргали, на машинку клали и вазили. А у нас тут адна выдумала йих так пугать. Ана вывирнула эту шубу, а у них сад агромный был, и вылизла из этыва саду. Ну и напугала йих. А, мама! И ни выгаварит. И всё, и зайкай стал. И вот да етих пор вот, взрослый, и заикаицца. Визьде вазили, вазили личили. С испугу палучилась с нём. Вот так напугать-та можна» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-03Ульян., № 152].

Огородное пугало в с. Красные Горы. 2009 г. Фото И.С. Павлова

Запугивание часто практиковалось подростками и молодежью, причем оно могло быть направлено и на тех, кто младше, и на более старших (см. еще *Подшкунивать*). Кроме удовольствия посмотреть, как мечутся и кричат напуганные, стремление пугать у подростков, вероятно, связано с самоутверждением, желанием ощутить себя сильнее и смелее других. «Любила пугать. И нескалька раз. А сваиво брата напугала, он вон какой вирзила. И я уж на “улицу” хадила, я как-та эта рана танцывать начала, мы ищо ни девки, а проста так падростки танцывали. И эта, я параньши дамой пришла. Валька идёт, а он бая́зливый, бабушка умирла, он миртвицов баялся. Я взяла и спряталась. Он идёт, и я ево хва́тнула. Он давай вот так кожаным сапагом ва все углы! Он давай ва все углы пинать! Я на подлавку [=чердак] палезла, мочи нет, мол, ни вздахнёшь [от смеха]. “Кто тут?” — арёт. Да палками визьде начал хлыстать. Я на подлавку улезла. Я гаварю: “Што ты бесишься, эта я”. — “Чаво там делаешь? Куды залезла? Чаво ночью шаришь там?” Я уж ни гаварю, што ево пугать. А он напугался, арёт! “Мать, аткрывай, включы свет!” Пинает ва все углы, штобы к ниму никто ни падашёл. Эх, и баязливый! И вот пайдём с нём в лес, ему всё время эта бабушка [кажется]. Кричыт: “Лидка, бабушка на пиньке вон сидит!” Ему мирещилась. А мне никагда никто. <...> Я вот визде

любила пугать, вот чаво хошь. Миня патом уж эта матиря стали ругать: “Ты ни пугай, дураками сделаешь, каторы баяцца”. А я вот любила пугать. Сама-та ни баюсь» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-27Ульян., № 17–18, 20].

Особенно часто запугивание практиковалось подростками по отношению к детям. «Две бригады у нас в диревни-ти была, там была перва бригада, вон где вятла-та стаит, там прагáл [=переулок], как раз эта была перва бригада. Мы убей-спаси ни хадили ва втарую бригаду. Баялись! Рибитишки, па глупасти, па детству. Раньши. Адин раз мы пашли [во вторую бригаду], а там вон паринь, с дваццать шастова года он, взял да наридился. А-ай! мы напугались! Он нас пуганул. Чапан надел и нас пугать. А, мамынька! Мы заарали, все пабижали, и он сам испугался, чуть в погриб ни влител. Вот как напугался. Проста так пашутить хател» [СНИ, д. Александровка; СИС Ф2004-10Ульян., № 27].

Порой запугивание не имело никакой мотивации, являясь способом самореализации, проявлением творческой натуры, игрой. Самими инициаторами акции оно расценивалось как игровое поведение. Запугивание в этом случае имело цель повеселиться, доставить себе удовольствие или посмеяться над кем-нибудь (см. *Подшкунивать*, *Шутить*). «Я бальшинство всё пугала. Вот у миня эт*а* снаха у нас, ана такая бая́зливая. Вот чуть смеркницца, ана пайдёт, а я за ней следам. Чо-ни*бу*дь накину, малахай махнатый или чаво — иду с бадагом. И ана бижит, я за ней, ана бижит. Вот люблю вот я в природе пугать. А то вот адин раз вылизла в акошка, сын ищо был вот, и стучу. Ани ни видили, как я вышла. Тож*и* пирипугались, ни зна*ю* как. Вот люблю шутить, пугать вот. Всячыски была. Вот эта мне удавольствие была. Наряжусь вот, люблю нарижацца чем-ни*бу*дь, шóбаны на сибя накину, или ваенным, или фуражку, или шапку. И пайду чо-ни*бу*дь пугать вот так па дварам или вдоль парядку. Любила я падшку́нить над кем-нибудь. Ну, падшутить вроди, пасмияцца» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-01Ульян., № 76-77]. Смеховой эффект получался из-за разницы понимания ситуации: инициатор акции знал, что никакой опасности нет, и поэтому страх, переживаемый адресатом запугивания, и его неадекватное поведение вызывали у него смех. Очень часто такие действия предпринимались парнями по отношению к девушкам (см. еще *Играть в кельях*). «Помню, один раз их [=девушек] напугали. Взяли там под крылец залезли, они пошли на двор, они [=парни] оттуда вылизли, напугали их. Прибигли биз ума, скорей дверь на крючок закрыли, а те, чай, умирают со смиху в сенях» [АЛН, с. Б.Кувай; СИС Ф2009-05Ульян., № 9]. «Па вирёвки с вятлы спуца*и*цца, сидит на витле ва всём белым: и кальсоны, и рубашка бела*а*, пажалуй, марлю накла*дывает*, — и на вирёвки спуска*и*цца. Вот мы караул! Визг падымим, бижать. “А, суки, убижали!”» [НЕИ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 55].

Сценки, которые разыгрывали при этом, часто были спонтанными. Инициатор шутки опирался на существующие слухи о той или иной

опасности и в подходящий момент использовал их. «Любила напугать каво. Я вот уж замужим была, у миня уж двоя дитей была, в Либидёвку замуж-та вышла, а работа-та у миня здесь [=в с. Утёсовка] с моладасти, тут работала в медпункти. Ну, и из Либидёвки хадила сюда. А иду к васьми часам, рана. Учыники идут, эта, в школу. А я там спрячусь, где ане идут, спину выв*а*рачу вот так вот к ним, голаву спрячу, и галава-та вся в такой шапки. А у миня плюшива пальто была чёрна, и шапачка такая чёрна жи плюшива, с молад*а*сти в такой хадила, и сапаги чёрны. Ане гаварят: “Боязна, там кто-та лазит в авраги”. И, бывала, ане: “А-а-а! — все назад. — Волк! Волк!” Вон все в перву и́збу, вон к этим, к Марковкиным, тут крайня. Все к ним ва двор с зёвам. И стали радитили па очыриди с фанарями правважать. Нынча адна дижурна видёт всех учыников, другая. “Нынча, мож*ит*, апять волк вылизит! Тут, наверна, нара, нада днём паглидеть”. А я апять. И радитили идут, я апять там в авраги. И вот спиной-та выварачываюсь. Ане с фанарями-та глядят, радитили-ти. Я па аврагу. Вижу с радитилими — туды палезла. “Ушёл, ушёл, ушёл! Агня баицца”, — радитили гаварят. А патом я, кагда ане йих правадили, я на дарогу вышла и иду спакойна. “Ты тут никаво ни встричала? Никто ни вылиз?” Я гаварю: “Нет, я адна иду, никто ни вылиз. И никагда миня ни волки ни кусают, ни кто”. Сама волк. Любила пугать. А миня атец с матирью ругали: “Кагда-нибудь тибе врежут па спине, ни прозна*ют* вместа волка. Агреют”. Я стала пабаивацца, радитили кагда праважать-та стали. <...> Я абманывать любила, балывать любила, пугать. И сама мазалась, хадила азаравала балавалась» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-27Ульян., № 43-44].

Очень часто запугивание опиралось на местные мифологические представления. Например, во время перерыва в работе женщины наряжались и пугали «русалкой». «Да, эта вот в поли, бывалача. Палоть видь хадили, пшиницу палоли. Пшиницу, проса сеяли, палоли хадили. У лесу всё палднявали, абедали, в лес в халадок забивались. Адна вот была шутница Ефрасинья-та Лужонкава. Ана спрячыцца, зайдёт в кусты-ти, разбирёцца и вылизит. Ана раскасматицца, всё нагала́ скинит и выходит из лису-ту. Распустит космы-ти, выйдит, пугать вроди. Всё на свети сымит, дагала всё. Ну, адны бабы, бабы адны. Вот на чытырёх нагах выпалзит как-нибудь. “У-у”, — зарычыт. Да. Ну, как вроди, как сказать тибе? Эти русалки-ти, вот всё калякают, русалки вот космы-ти распускают, гаварят. Я ни видала, мне ни прихадилась, вот сто гадов даживаю и ни знаю, што за русалки. Ну, каторыи, ни в разум каторым, напугаюцца, канешна. Патом сайдуцца, хахочут все» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 47].

Запугивание тем или иным персонажем обычно предварялось рассказами быличек о нем и страшными разговорами о потустороннем. «Мама у миня тожи любила [озоровать]. Вот атец у нас уж плахой был, проста плахой [=очень больной], а мы рассказывали, ну, там как привидения да всё, ана старинна*е* рассказывала мама. Жутки*и* каки*и*-та эти рассказала

то*ль*ка, и вот атцу гаварит: “Русалки раньши выхадили, космы вот да сех вот пор у них. В неугодный час и выходют. И на перикрестки и всё”, — атцу-та рассказала так. А он встал, чё-та плоха ему сделалось. Ана в бани намылась, мама-та, у ней космы вот да сех пор, и ни сказала ему, вышла. И тож*и* пашутить, видна, хатела. В этим вот, где на кухню идти, вот так свесила голаву и стаит — косы до палу. А он эта, наги нет, палзёт, значыт: “О, ох!” Вот так взглянул на ниё, а у ниё воласы да сех пор. Ана то*ль*ка рассказала пра русалку. Он так испугался! “А, а!” — напугался иё. Ана взяла и смияцца взялась. А она гаварит, вот так космы [убрала]: “Ваня, эта я”. — “Дура, ... тваю мать!” Ана вот так взялась, ни прасмиёцца никак. “Какой смех! И так сердце ни работ*ае*т! Какой смех! Тибе смишно?” Ругацца взялся́. “Да я чево тибе сделаю? Я в бани намылась, вол*а*сы стикают у миня, их атжимаю”. А космы у ней длинны*и*-длинны*и* были!» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-27Ульян., № 45].

Широко было распространено запугивание «головой», изготовленной из выдолбленной тыквы, внутрь которой вставляли гнилушку или свечку (см. *Озорство*). «Эта мы ищо бегали пугали. Всяка делали. Вырizали тыкву, вот так вот выrижим. Ана ж*и* эта кажура была такая жёская, вырizали аттуда всё. Иё ж*и* парили, вот мы как в русскай печки парили иё, на скавараду. Вот так абрежут, там всё выдалбют и на скавараде в печке. Ана там упарицца, а патом выскаблют всё, а эта [=корка] астаёцца. Мы праделывали дырки и пугали бегали, вот так вот в акно выставимся, пастучим» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-03Ульян., № 151]. Иногда шутники для усиления эффекта накидывали на себя что-нибудь белое. «Нарижались [покойником]. Да. В бел*ае* вот нарижаюцца, вырязают тыкву. Тыква, из ниё всё вычистют и ачистют, аставют иё как даржать [= держать]. И туды вставляют ламп*а*чку, вот. Эту тыкву сделают и зубы вот такия! Ну, точна как этат [=покойник]. Падайдут к акну, пастукают и в акно. Как завижжат бросюцца! Вот эта была. Осинью, осинью. Да, эта делали, я даж*е* сам видал. Да страшна*й* сделают, да глаза. Ну, вот глядит чилавеч*и*ска*я* галава, и зубы, всё. И ушити как ваткнут чаво-т*а*. И в акошка! Эт*а* страх. А в ней гарит всё эта, свича» [БВИ, ГАВ, с. Чумакино; СИС Ф2002-05Ульян., № 98].

Это действие опирается на хорошо известное поверье о «летуне» (см.), которое, собственно, и разыгрывали шутники. «А ищо, зна*е*шь, любили пугать. Из тыквы вот выrижим эта, глаза там, и гнилушки-ти вот эт*а* дубовыити вставим, светюцца ани там, в этим, в тыкви. Сдела*е*м — и где женщина адна вот живёт, то мужа схаранила — эта припадымим в акошка. Тут кто-нибудь пакажит эта [=тыкву]. Да обмарака видь пугались ане! Глидят: “Чёрт, — г*а*в*а*рят, — глаза светюцца агнём”. Вот как то*ль*ка баялись. Патом узнали, што эта вырizана, ага. Ну, адна женщина адна-та жила, ана вот напугалась и гаварит: “Чёрт заглядывал или муж памирещился, или чёрт прилител. Агнивой весь!” Ана всё свирка*и*т, а внутри-т*а* красна у тыквы, да эти [=гнилушки] вставлины-ти. Да эта пакажим, страшна как делаицца!

Сами-ти больна глидеть [боялись]. Вот чево делали видь! Вот такии у нас вот шутки были. Праказничали, да бидакурили прям. Эта прям да биды дахадила. Вот» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-27Ульян., № 70].

Очень распространенным приемом при запугивании было ряженье «покойником» (см. *В покойника играть*). Его практиковали и подростки, и взрослые. Сценки, которые разыгрывались при этом, были самыми разными. Иногда просто демонстрировали «покойника» и вызывали этим удивление и испуг у ничего не подозревавших близких. «“Покойником” [наряжалась] это лет шеснаццать было, пятнаццать. Колоду вытащили, там мы у попа во дворе, я лёгла в эту, в колоду, цветами нарядили. Там сырени, сыренью уладили всё. У матери холсты утащила, вынисли. А женшчыны сидели напротив: “Да батюшки!” — Со двора-то [побежали]. — “Покойник!” Кинулись! “А ба! Да ты што!” Наряжалась...» [УЗН, с. Кезьмино; СИС Ф2000-14Ульян., № 97].

Меморатов о запугивании «покойником» существует великое множество, некоторые из них очень остроумны и являлись своеобразным развлечением, разновидностью игры. «А сын у миня ищо Колинька-та. Всё Лёсу боялись. Ага, Лёса Карманава, ана то*ль*ка умярла, и вот начали пугать йих, рабят маих. Ане больна уж баялись рибятёшки, а уж бальшии были: Сашка уж мата́нился [=женихался] хадил, да и Калян бальшой. А старший, Саша, пашол в туалет на зады, а Колинька-та взял да скарее выбиг, тоже надел эту [простыню], как ей [=Лёсой] нарядился, у него был*а* то*ль*ка папиросина [во рту]. Да вот так вот — крыльими-ти и машит! “А я, — Сашка г*а*варит, — глижу. Мне, — гаварит, — видать в дырачку. Я, — г*а*варит, — сижу, блин! А, мамыньки! А-а, Лёса! Лёса!” Вот пугал. “Кабы папиросины не была, — гаварит, — я бы, мам*а*, ни знал, [что это брат идет]”. <...> У двара была у нас машина — Минька Шиг*а*ев вот приехал выпимши. А у нас умярла саседка (саседка Лёса Карманава, ну, эт давно дела-та была), ана умярла. Минька-та кагда приехал, а сын у миня, Колинька-та, взял да простынь бел*ую* накрыл и идёт. Идёт и вот так вот [руками машет] — яво пугать. Он [=Минька] как в машину, эта, сел в машину да г*а*варит: “Вот! Хер миня вазьмёшь в машини-ти!” И вот заводит машину-ту. Да-да-да. А Колинька-та патом: “Дядя Мишь, дядя Мишь, эта я, эта я!”» [КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 63]. «Вот нас три падруги и уйдём [в соседнее село Утесовку]. Уйдём, а у нас парінь [Ваня] хадил в эт*а* село. Да, и мы сабрались аттудыва идти дамой, а с нами паринь [Виктор] же пашёл. “Айдати, я пайду”. Ну, яво, видна, дивчонки не была, а мы проста хадили. Идём. Слышим, он [=Ваня] идёт. А у няво адна рука, он в эту папал в малатилку, ана у нево вот так вот, ну, инвалид. И он играл всё время адной рукой на гармошки-ти. Вот он идёт и игра*а*т. Я гаварю: “Витька, давайти ево напуга*и*м”. — “А как?” Я гаварю: “Ну как-нибудь, — мост рядым. — Давайти пакойникам!” — “А как пакойникам?” А бедны*и* жи были. Я гаварю: “У тибя кальсоны есть?” Он гаварит: “Есть”. — “Снимай штаны, снимай”. А тагда в трусах-та видь ни хадили, в

кальсонах. Ну, зашли пад мост, он разделся. А у няво эта белая рубашка, нижняя, да, ну как вот у салдат. Привязали хамутину, палку, к кусту и на эту палку-ту платок белый привязали, я ни помню, кто-та у нас был в белам платке. Ну, он стал дахадить. “Пара, што ли выхадить?” Я гаварю: “Да нада паглядеть”. А нам видна, он идёт. Вот он нас ни видит, а мы... Ну, он ни дашёл вот как, можит, да гарадьбы [=несколько метров], Витька-та вылеза*а*т, мы за нём, он [=Виктор] этай машит. Он играл, а как взглянул... А как увидал, как закричыт: “Маманя! Спаси миня! Маманя, бириги миня, пакойники!” А он шёл дамой, нада бигчы́ в сваё село, а павярнул апять [обратно]. Бижит, мы кричым: “Ваня, Ваня, Ваня!” Какой Ваня! Пабёг. На другой день этыт [=Ваня] сидит в клуби. Мы сидим. “Витька, — гаварю, — спраси ево, што в Утёсавку ни пашёл?” Он падходит: “Друг!” — “Што?” — “Што в Утёсавку ни пашёл?” — “Да ну, ни ахота”. Ни признался. Он гаварит: “Вань, эта вида мы были вчара”. — “Дураки”. Ну, долга он, наверна, нидели две ни хадил, всё равно он видна ни паверил, чаво ли, ни зна*ю*» [САИ, БАИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-14Ульян., № 9].

Иногда запугивание применяли с утилитарной целью — например, для получения какой-либо реальной выгоды. «Ну, это калякают чё-та [о русалках], а я сроду ни верю. Вот такии люди выдумывают, нихарошии люди. Русалки! Я была манинькая, мама у миня ищо была жива, и вот эта, в лес сабира*и*мся. Г*а*варят: “Там русалки”. Мама г*а*варит: “Никакех русалак нет, эта наряжаюцца хитры люди, идут в лес, где малина, она пугат, штобы народ росходился”. Она роспустила космы и бегат по малини-те. Напугались все, ушли, она с ведром пришла, собрала всё. И вот пошли один раз [за малиной]. А мама г*о*ворит: “Я щас уж ей дам! Айдати”. Пошли, ну она бегат это. Г*о*ворит: “Дивчонки, ну-ка в кучу! Давайти в круг! Русалку пойма*и*м, мы ей щас, скиним с ние сарафан подымим да крапивой или вот в малинник колючий иё!” Она побижала. Вот это вот русалка. Это хитры люди вообще пугают людей. Никакех русалок нет, их и не было и не будет! Этому я никогда не верила» [ЛЕН, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-46Ульян., № 49].

Обычно так вели себя взрослые друг с другом, и в этом случае предпринимаемые акции можно рассматривать как своего рода состязания в хитрости, остроумии, смелости. Но иногда таким образом поступали и по отношению к детям, используя их доверчивость. «Вот адин раз он, этат мущана вот, сабрал нас всех вот таких вот в дивятам в дисятам гадах вот, ну и гаварит: “Айдати в лес за ягадами”. Павёл нас. Ну, мы взяли гаршки-ти. “Бирити, — гаварит, — гаршки, да больши”. А сам взял дойку такую [=ведро]. Ну, мы набрали полны гаршки, и он нас абманул тагда. “Дивчонки, — гаварит, — барсук! Ставьти, — гаварит, — все гаршки в арешник”. И мы паставили. Он из наших гаршков в дойницу вытряс ягадки и сам-та ушёл. Дамой унёс эти ягадки. А нас на дуб, вот там в лясу-та залезли мы все. Ат страху, да. И вечир, и мы все сидим на этим дубу. А там адна была приежа*я* какая-

та дивчонка, ну ани приежжи были, атец у ней гаварит: “Ванюшк*а*, ну где дивчонки-те асталились?” Яво звали Ваней, парня-та. Он гаварит: “Дядя, — Боря яво што ли звали? — Иди, — гаварит, — ане в лесу астались на дубу. Я, — гаварит, — их застращал барсуком”. Ну он пришёл, нас снял. А мы да вечара да самава были, сидели на этим дубу» [СЕМ, д. Александровка; КПС Ф2004-16Ульян., № 37].

Запугивание как манипулятивная практика опиралось на всю систему традиционных верований и являлось одним из способов их поддержания и закрепления их связи с семейной и календарной обрядностью при помощи трансляции текстов (былички, бывальщины, рассказы о снах) и драматических представлений ряженых.

И.А. Морозов, И.С. Слепцова

ПЫШКИ — см. Крещение, Масленица, Рождество

Р

РЕМЕНЬ

Одна из подростковых и молодежных игр с поиском и угадыванием, которая в Ульяновском Присурье была известна под названиями *в ремень* (с. Кирзять, Чумакино, Валгуссы, Сухой Карсун), *в круг* (с. Чамзинка), *юла* (с. Чамзинка, Проломиха). Она входила в репертуар как зимних посиделочных (см. *В кельях играть*), так и летних развлечений.

Игра заключалась в следующем. Выбрав водящего (см. *کониться*), игроки усаживались вокруг него на пол, сгибали ноги в коленях и набрасывали на них какую-нибудь одежду или половик. Скрытно от водящего они передавали друг другу ремень под коленями, стараясь хлестнуть его по спине, когда он отворачивался, а затем сразу же спрятать ремень. Когда водящему удавалось выхватить ремень, он менялся местами с менее ловким игроком. «А в клуб-та ни хадили, а схадились вот в келью. “В римень” играли. Вот, бывала, насядуцца круг, вот так круг. И вот, значит, махрами сваими фуфайками закроют калени, а кто первый, там садицца в сиридини. Вот брали палачку и канились. Кто верьхний пакроит, таму дастаницца. “Римень пашол!” И вот он там пад фуфайками-ти кругом идёт, яво ищит этыт римень. Адин-та, кто ловкай, вытащит, агре*е*т яво римнём! Он туды и абарачываицца. И апять пашёл. Смеху была пално. А патом уж, ка*г*да вот он у каво найдёт римень этыт, у каво, кто, значит, пpapaзú*ни*т, он из круга-та вылизит, найдёт римень, значит, этава чилавека сажаит, а сам на яво места садицца» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 33]. «Вот в кружок садимси и вот так ноги ставим, закрыта всё. И вот, значит, римень пиридаёшь друг дружки. Вот ищи, где он яво. Он шарит, вот тут атвярнулся, яво сзади как! Вот называцца “юла”, эта вот так вот» [ШАМ, ШАЯ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 67].

Нередко эта игра проводилась только в однополой компании, так как мальчики-подростки и парни в азарте могли очень сильно ударить водящего. «Да, эт*а* вот “ремень”, “ремень” эта был. Эта ребята только одни играли. Вот садимся в круг, значит, там, ну [пятеро] людей, ноги в ноги. Пиджачишки броса*а*м на этат, на ноги, ну и вот, значит, ремень должен под закрышей этой ходить, кто передаст. А этыт, вá*д*ильщик, в сирёдке сидит. Вот он, значит, щупа*а*т, щупа*а*т. Он этыт [ремень] искать, а ево уже нет, ушол. Он как взад пошёл, по заду ево хлоп! Интиресна жи была» [ИИА, с. Сухой Карсун;

СИС Ф2004-34Ульян., № 46]. «А-а, эта была, была. “В круг”. “Давайти садицца в круг”! Ну, девки мала садились, рабяты. Рабяты видь ни щадили, ани хлопают. <...> Пер*и*давали [ремень] и адин бега*а*т в кругу, этат, на каленках, ищит, у каво римень. Эта всё вот в сиденках сидели. И летам кали́ у двара, летам. В любоя время» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 79].

Если эта игра проходила с участием как парней, так и девушек, она приобретала куртуазные черты. Парень, который нашел спрятанный предмет у девушки, мог ее поцеловать. «Эта вот игра была. <...> Девки сидят кругом, а ты сидишь отгадываешь, а оне передают этот платочек. Сидят в кругу и в круг перидают [за спиной]. Вот загадывают: ищи, угадывай у ково. Ничево не говорят, а ищут проста. Нашёл иё с платочкам — цалуй. На иё места [садишься]» [ЧСИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 2].

В некоторых случаях ремень прятали от водящего, передавая его за спинами. Обычно так играли, когда не было возможности сесть на пол (например, в клубе) или на землю, если было грязно. «“В римень”. Где хто как можит, где пад каленкими, где за спиной. Он тут ишшит, у няво уж нет, яво уж пиридали дальши, апять яво римнём всыпют этава вадельщика. Да тех пор, пака он узрит. Ага, паймат этыт римень, всё, он атвади́лся. Играли. Йих, чай, пално всяких игрыв была» [КМВ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 85]. «Это “в ремень” называцца играли, “в ремень”. В клубе мы и то играли. Сзади вот прячишь, у ко*в*о ремень, ага, пир*и*даёшь друг дружки. [Один в середине круга] Вот он ищит, у ково этот ремень, угадыват. Хлыстали, значит, у ково ево [=ремень] найдёшь, хлыщут ево» [БРА, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 105].

И.С. Слепцова

РАДУНИЦА — см. В яйца катать, Качели, Пасха, Поминки

РЕЛИ — см. Качели, Пасха

РОДИНЫ И КСТИНЫ

Обрядовые и обиходные практики, связанные с рождением ребенка, составляли очень важную часть традиционного быта, которая начала стремительно трансформироваться с появлением роддомов и уходом в прошлое домашних родов. «Раньши все дома радили, каво где. Или на пичэ, или в чулани, скажу вот, например. И в бани, и в по́лях, и на синакоси в лугах — визьде. И да паследнива стряпалась, чугуны варочала. Вот сабралась аднаво радить, ана [=мать] уж картошку сварила, всё — в пичэ всё варили раньши, в чугунах. “Ой, ой, ой, — крычыт, — Нинка, живот забалел, иди скарей за ба*б*ушкай!” Я за бабушкай. Пабягла́, прихажу с ба*б*ушкай, ана уж на пичэ крычыт: “Скарей, скарей, скарей!” Саломы настилили на пичэ

и родили. Чэриз два дни, чериз три дни встала — чилавек. А щас!» [МНП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 112]. «В авргаах радили, в поли! Вот где вязóк был, я вот там первую дивчонку радилá. Тол*ь*ка авраг перишла, са мной схватки, в поли. Ну, всё-*та*ки как-та, я ни знай как, миня девирь привёз к маей мами. Я ни в поли радила, там тол*ь*ка схватки началися» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 11]. «Раньши-ти видь в бальницы ни рóдили, а радúли в бани. Вот саломы настелют. А то в поли жнёшь и радишь. Вот так вот. Бáушка была павитуха, приглашали. Чуток ей винцá, баушки-ти. Да» [ФАИ, ГАИ, с. Коржевка; МИА Ф2001-27Ульян. № 46].

Чтобы облегчить роды, совершали различные магические действия. «Я аднаво тижало больна радúла. Я видь сутки целы мучылась. И мая заловка хадила в церькву к батюшки, вон там батюшка чытал, пел. Свякровь гаварит: “Катинька, схади в церькву, пускай бы хыть кал*а*кала пабили!” Ка*ла*кала начыли бить, тонинькии. На другеи сутки уж я радила. Аттоль, из церькви ана пришла, а я уж радилá. Кагда мучысся вот, в церькву ходят. Этак*ый* абычай вот» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 106].

Роды совершались под присмотром бабушки-повитухи, которая выполняла свою работу за небольшое вознаграждение. «Как из бани-ти [с бабушкой] придём, и за стол. Тут вот иё пакормим, ну там сколька заплотим ей. Вот ка*г*да мыла, я вот платочык давала бабушки. Ане ведь ни спрашивают. Сами, сами» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 105].

Традиционное место родов — баня. «В бани, в бани [рожали]. Вот ат симьи, ат дитей мать пряталась в бани. Или у каво адна жешчына, можит, у ней. У нас мама всё в бани радила. У нас там бá*б*ушка была, баушкай Дарьей иё звали, старинька, иё звали “павитýха”, иё ка*г*да звали. Ана хадила баб павивáла. Ну, ана у нас была как из радни, вроди. Ана из нашива дома мала выхадила — дети каждый год, и ана и с дитями с нашими вазилась. Вот. Нянька вот у нас была мардовка (вот тут Чалдаева есть) аттоля. А ета проста наша Чумáкынска. Ни брасала. Дастатки-та у атца-та были, а ани были бедныи. То насыпит пшана, то насыпит крупы какой» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 5–6].

В других случаях рожали в доме на печи, после чего роженицу вели в баню. «На печки [рожали], с баушкай. Баушка такая хадила па рóдам-та. Вот этава парня я в бальницы, Кольку-ту. А этих дома. Звали иё все, все звали баушку. Баушка Феня, баушка Настя, ани вот визде хадили. Ат миня пайдёт к другой вот. Я радила девку, Женьку, у миня приняла, ищо за ней прихадили. Вот на печки все. <...> Я вот как радилá, натапили баню, и я в баню пашла. Миня бабушка там всё парила, в бани-ти вымыла, туды яды́ принясла нам свякровь. Чао настряпала, принясла яды. Там паидим в бани, прям в бани. Атдахнём, дамой пайдём» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 94]. «Зачэм в бане, в избе [рожали]. Вот я ражала, ана примит у миня рибёнка, вымыт яво и паложит. В бани мы тол*ь*ка мылись. Ка*г*да радим, на другой день баню истопют, пайдём в баню мыцца» [ЧЕХ, с. Первомайское;

МИА Ф2001-11Ульян., № 20]. «В доми на печки я ражала. А вечарам миня туды [=в баню] павядут. Младениц*а*, свякровь, матри́, нисла — ташши́т. Самавар ишшо туда принясут. Ну, и мылись апять тут» [САМ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 57–58].

Хотя домашние роды давно остались в прошлом, представители старшего поколения еще помнят некоторые важные детали о действиях повитухи. «Как вышил рибёнак, сразу мне крычыт ба*б*ушка: “Давай, давай, дочка, мне нитачку!” Я ей падала, ана пиривязала, эту кише́чку, пупаво́к, атрезала. Да ко*и*х пиривязана, атпадаит эта кишечка-та» [МНП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 113]. «Вазьмёт яво, абмоит, пупок завяжит суровай ниткай» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 94].

О счастливом будущем ребенка свидетельствовала «сорочка» — прилипшие к телу остатки околоплодного пузыря. «Я в бальницы радила. Я сама нибальшая, рибятишки ро́дны были, чуть ни па пити килаграмм, па чатыри с палавинай. Ну и вот. Щас этат вот маряк-ат, у миня радился в сарочки. Эта кушерка гаварит: “Ба! В сарочки раждёнай!” Щас иё в марлю завярнули, и пришол Петя в бальницу, и атдали. И патом уж вота я иё бирягла, ана у миня лижала. И я вот, как он в школу пашол, как уж стал в полнам разуми, я яму сказала: “Вот, Миша, тваё шшастье, вот если ты яво патиряшь, то и шшастья у тибя ни будит! Вот, бириги!” И он иё палажил, бирёг. И патом, паехал куды, палажил иё с дакументами. И сичас вот кагда приедит, и скажут: “Где ано у тибя?” Он скажит: “Вот. Вот у миня в дакументах всё. Всё время таскаю с сабой”» [БАИ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 62]. В наше время к этой примете многие относятся с юмором. «Я радилась в “рубашки”, в “сарочки”. Эта, всё гаварят, — щастье. Павесили иё пасушить, а ана упала, а кошка иё съела. Вот маё и щастье» [САМ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 61].

Особо выделяются действия с последом. «Шолкавой ниткай завязывали пупавину. А паслед выносют, *г*де-нибудь в старонке, на *а*гароди роют ямку и зарывают этыт паслед» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 11]. «[Послед] там, где палати, зарывали, в бани» [ЗЕМ, с. Шуватово; СИС Ф2001-21Ульян., № 30]. «Паслед, бывала, всё клали в тряпачку. Завярнут — и в баню. Бывала, как радишь, там в ночь или на другой день баню истопют, и в баню. И этыт паслед завирнёт и пад палог в землю зароит» [КЕА, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 147].

Повитуха выполняла и другие функции. Например, «правила» голову ребенка и «поправляла» роженицу. «Баушки ани уж опытныи были, на селе у нас две: адну звали Марьяй, друга*я* Дарья. Вот ани хадили. Дитя выправляли, как вон эти *а*кушерки. Ложит рибёнка, и ево аправлят сразу всё: ручки, ножки, глазки, ушки, всё. Галовка, пажалуй, ищ*о* вот такая, ана ищо мякинька. Ана иё круглит. Ну, *и* ражани́цу как-т*а* паправляла. Патом ана п*а*раследыват на другой день, в парядке *ли* ана, всё. И больши ана ни падходит к ней» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 9]. «Я, помню, Женьку, перваво сына, радила. Пашли за чирёмухай, я палезла — а паследний день! — я па-

лезла за чирёмухай и с чирёма́шины упала. Пришла дамой, устали, пашли рыбу лавить. Налавили — стерлядь была — целый кузав стерляди, пришли дамой. А вады не была, нада идти в центр, в авраг. Пашла в авраг. Свёкар идёт, гаварит: "Рай, ты што-та ни так идёшь!" А у миня схватки. Ой, Господи! Ну, он всех из симьи разагнал, симья-та бальшая. Радила мальчишку, галава вот такая долгая — с чирямá́шини-ти видь упала. И вот бабушка Никиткина у нас была, в бани правила. Напарит, напарит, яму в бани галовку-ту. Прям тут жи, на втарой, на третий день начала баню свякровь тапить. И ана, бабушка, напарит, напарит и начала галовку сминать. Сделала нармальну. Свякровь туда нам курник принясёт, квасу принясёт — в баню-ти. Вот бани три ли чатири правила Женьки голаву. Тихонька, акуратнинька, ана ищо мякинька галовка-та. Справила голаву, и вот [сын здоровый], ничаво ни палучилась» [ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 2-3]. «Бабушка, ана проста павитуха была. Мне нравилась с баушкай луччи радить. Дома, прям в комнати. Патом, на другой день, в баню. И в бани, всё паправит, как раньши. Прям живот правила, вот так разминала, всё эта» [ЗЕМ, с. Б. Шуватово; СИС Ф2001-21Ульян., № 29].

Первое омовение ребенка совершалось в бане, куда шла мать после родов. «Ребёнка чэриз сутки ли чэриз сколь начынают мыть яво. Патом вы́машь, и мать тожи, абезательна. Баню истапила я, например. Мать в баню и рибёнка» [МНП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 114]. «Их, дитей-та, каждый день мыли, манинькых, бывала, в бане. Тяпло, накупашь, на печку и в зыбку» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 95].

В некоторых селах в первые недели после рождения, особенно зимой, детей не мыли, только протирали влажной тканью и держали все время на печи. «Слушай, слушай, нончы видь дети ви*ди*шь какии развитыи? А раньши да шисти нидель дитё лижала на пичэ в шуби. Да. В шуби, в пилёнках, в тёплым. Долга. Быват, пратрут, и всё равно апять талкают на печ: "На печ, матушка!" И зяват [=кричит] на пичэ. Ана киснит на пичэ да кои пор, ана как варёна — дитё. А ноня — ядрёна!» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 16]. Печь использовали также при различных детских болезнях. Например, недоношенного ребенка «допекали»: клали на хлебную лопату и ненадолго помещали в устье печи с погашенным огнем. «Эта в печку — "дапякали" у нас. В печку сажали. Эта я вот помню. То*ль*ка эта уж "дапякали" ни в нашим вот возрасти, а раньши. А у нас нет» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 101; РЛП, НВП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-03Ульян, № 109].

Младенцев было принято пеленать, причем мать учитывала темперамент ребенка. «Каторава можна ни пелинать туга, если ни шумливый он. А каторый шумливай, и туга из пилёнкав вылитит. Вот чаво делат: нагами, руками, растреплицца. А каторый спакойный: ручки яму делают так и увяжут так. Ай думаити как ноня? Каку-та грязную матрину станину [=нижнюю часть рубахи], худаа ана у ней, ана и припасат к этаму делу» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 17].

Сразу же после получения известия о родах муж роженицы устраивал «обмывание» новорожденного в кругу мужчин, подобно тому, как это делалось и после окота скота (см. *Покупать корову*). «У ней вот сын жинился, у нево мальчышка нарадился. Ну вот, вроди: “Сын у миня радился, давайти за нево выпьим!” Прихадили, на крыльце вон пили, чэлавек пять ли, шесть ли — рабяты и мужики, и все, все. <...> Или, например, пригласишь: “Айда, у миня растилйлась карова!” Пригласишь каво. Ну или вот ана и так идёт, скажит: “Налей мне рюмачку”. И нальёшь. Вроди, тилёнка “абмы́ть” нады, штобы харашо, дабром радился» [ВНК, ВАК, с. Пятино; МИА Ф2001-20Ульян., № 83].

Отсюда и распространенное название этой церемонии — *копытца обмывать,* с более поздними вариантами *пят(ач)ки абмывать, ножки обмывать*. «Толька родила, если атец дома: “Эй! Арёл! Паринь радился! Капыта нада абмывать!” Я к няму, он ка мне: “Давай найдём”. — “Я щас!” — самагонка в кажнам дваре. Ну и вот карова ателицца, тилёнка принисёт. “Нада капытки абмыть, а то он хадить ни будит!”» [РАИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 53]. «Абмывали. Мужики, как рибёнак радицца. Абмоют, пагуляют день-два. Ну, если пайдет, я встречу: “Ну как? Ноги абмывать будим?”» [МФФ, с. Потьма; МИА Ф2005-06Ульян., № 28]. «“Пя́тачки абмывают” — их и сичас, и сроду абмывают. Толька ро́дили, ага, дивчонка ли, мальчишака — “пя́тачки абмывать!” И атец идёт с бутылкай к радным, к каму, до́ма сабират. Адны мужики сайдуцца дамой. Тут ничаво ни гатовили, кто чаво найдёт. Агурцы да капуста. Паздравляют: “С сынам!” А с дочырью: “Паздравлям с дочкай!”» [ЛЕЯ, с. Коржевка; МИА Ф2001-28Ульян., № 31]. Если пирушку устраивали дома, то к ней могли присоединяться и присутствовавшие там женщины. «Если он на работи, где он работаит с мужиками, то там абмываит с мужиками. Примерна, я скажу, твой хазяин пришол на работу. И яво там праздравляют: “ Чаво нарадился? ” — “Сынок”. — “С сынком тибя, дарагой! Ну, нада пятки абмыть”. Он гаварит: “Пажаласта!” Вот, и ане там пять-шесть чилавек на работи сабираюцца и бутылку там, литр. А если дома, то и женщины абмывают, все бабы, а как же. Вот и всё» [МНП, БКФ, с. Б.Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 1].

В последние десятилетия этот обычай часто объединяется с другими торжествами по поводу рождения ребенка (см. *На зубок*). «Ну вот у нас называют “капытки абмывать”. А где вот, кагда прихадилась, в бальницы ро́дили, там хадили “глазки прамывать”. А у нас вот “капытки абмывать”. У нас вот привизли внучк*а* из бальницы, ну, пака стол накрывали, приехали сваха — зятнина мать. Значит, “капытки абмывать” нада. Эта толька што, если нада наварождённому, могут и принисти — пилёнки там. Ну, свае-ти чэм памагу́т» [КЕА, с. Первомайское; СИС Ф2001-06Ульян., № 1].

До разрушения церквей в православных семьях обязательно устраивали крещение ребенка (*кристи́ны, ксти́ны, кси́ны*). До совершения этого обряда женщина, родившая ребенка, считалась «нечистой» и ей было за-

прещено посещать места, которые она могла осквернить, и участвовать в различных публичных акциях, например купаться в святых источниках. «Вот коли ро́дишь, сорок дней — “безвримянный чиловек”. Вот надо идти к батюшке, он молитву дает. Рёбёнка кстит, и женщина бирёт молитву. Шесть нидель. Шесть нидель мужака к собе ни подпускай. Купацца нельзя — я “безврямянный человек”. Я ни знала этих дилов. Вот там речка протикат, и вот люди-та купаюцца. Купаюцца и голову моют. А я пошла в гору-то, ни знала эт ничао. Надо молитву брать, а я ища молитву ни взяла. Ну, люди лезут, и я полезла. И я на них помылась. А потом мне говорят: “Ты молитву-то брала?” А я говорю: “Да мне нихто ни подсказал. А попросют меня — слов ни знаю”. <…> Посли рёбёнка рождения “безвримянный чиловек” — нильзя *и*ща. Оттоли я пришла, стала свекрови-то говорить. Она говорит: “Да ты молитву-то ни брала зачем [=почему]?” Я: “Да я ни знала. Бог простит, раз я покупалась в святой водичке. Она ж святая вода, там Николай Угодник явился”» [ППВ, с. Сухой Карсун; ЛАП Ф2004-5].

Играющая девочка из с. Кадышево. Начало 1960-х гг. Личный архив А.П. Сычевой

В обряде крещения важную роль играли люди, согласившиеся быть крестными родителями ребенка — *хрёстными* или *кумовьями*. «Как же, кристили. И хрёсну, и хрёснывa — двaих, как жи! Я вон всем хрё*ст*на. Вот у брата все маи хрестники. Всё па радне, мала эта [брали в крестники] чужова-та» [ЦЕС, с. Проломиха; СИС Ф2002-01Ульян., № 62]. «Кумавья́ми у нас щитают, если кагда кстят рабятишкав. Эта щитают кумавья. И чужова чылавека бярут. Вот, например, мальчык радицца или девачка, ани бярут хрёснава: чьяво-нибудь знакомава ли, сродника ли. Вот если таварищи, харашо дружут ани. Или же сваи: сястра ли, брат ли вот. Вот и щитаюцца “кумавья”. “Кстить” едут, манинькава рабёнка “кстить” ходют в церкву. Эта жи паверья и сичас» [ЧЕХ, РАИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 1]. «В крёсныи брали. У миня вот папина сястра, была крёсна. Ну, у ней дитей не была, ана ражала, ну ни жили. Ана вот пачти што у всех у нас, считай, крёсна. А крёснай был у миня вот этат тоже папин брат младший. Ну, так-та брали и с адной, и с другой стараны. С маминай и да, с атца. Так бирут. Тока взрослых брали» [МНА, с. Проломиха; СИС Ф2002-02Ульян., № 54].

Крестные или кумовья входили в круг близких свойственников, что давало им право на участие во всех семейных торжествах, которые были связаны с их крестниками. «На все симейныи праздники кума ни пайдёт и кум ни пайдёт. Толька на свадьбу, а так где пайдет? Ну, всё-таки, канешна, их ни сравняшь вот с чужими. Всё равно видь ани знались. На кстинах да́рят: где этаму рабёнку платьишка дадут, где чаво. За сталом сидят адинакава, што кум, што кума, што такии сродники. Все адинакава» [ЧЕХ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 19].

Для обряда крещения готовили специальную крестильную рубашку или пеленку. «Делали [крестильную пеленку]. Вот щас две занавески висят у Генки. Вышиты вот так и вот так вота [=вокруг], интиресная пилёнката. Сами гатовют. Мать, ну ана чуствуит, в эта время ана и гатовит» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 18]. Во время совершения обряда гадали о судьбе ребенка. «Гаварили вот батюшки-ти, кагда кстят, воласы выстригают. Вот кагда кстят, падстригают и вот в эту воду пускают. Хрестик вот выстригут на галаве, и вот йих пускают. И как-та загадывали. Да. Патонут если, он жить ни будит. У нас всё дочь (вот катора у ней [сына] убили), ана всё сумлевалась вот: “Я ни паглидела Андрею-та, как ани: утанули или плыли?”» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 5]. «Стригут, кагда кристят. Там стригут толька кагда “на воск”. Там всё-таки маненичка и эта вот поп в воск завирнёт, в воду бросит. Ага. Гаварят, навирьху — будит жить» [САМ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 63-64]. «В церькву, бывала, кристить пайдёшь, ни знай, воску батюшка пускал, чаво ли? Если толька ни жить — утонит, а если жить — плават. Вот там так» [АЕП, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 25].

В советский период, когда многие церкви были закрыты и родителям приходилось подолгу ждать церковного крещения, в обиходе утвердилась упрощенная практика с участием «читалок» (см.), которую обычно называли *погружа́ть*. «Чэриз шесть ниделъ яво начынают “пагружа́ть”. Крестить — эта кристить, а эта “пагружать”. Эт толька што вот старуха там. Например, мать ана сваю [позовет] ли там другую — эту вот, катора принимала роды, да. Там чыталку. Толька чыталку, катора скажит, примерна, што ана умеет, придёт и гаварит. Каво скричыт мать. А кристить эта асо́би. <...> Вадички скипятили: тёплинька, как малако парноя. Приходят. В ванну налила вады, пирикристилась сама, свечку паставила. Чаво-та ана уж туды в воду пускаит. Ну и вот, яво разочкыв три в ваннай [целиком окунули], и в пилёнку, и всё. Была, была, завсягда пагружали. Эта там чэриз шесть ли нидель, чэриз сколька. Пагрузят и [крест] наденут. Как же, абезатильна. А чэриз год крестют. И в церькви вот, там тожи крест. Спрашиват батюшка: “Пагружоный рибёнак?” — “Да”. Абезатильна батюшка, спрашиват» [МНП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 115, 117]. «Ох, украдкай, украдкай [крестили]. Никак ни давали. А как кристили? <...> Бывала, ана и купат яво, всё делат эта. Ане хадили кристить, разришил батюшка, батюшка их благаславил. И крес-

тик, и рубашичку — всё. Вот пагружали, а патом [ездили] в церкву» [ГТГ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 1]. «В то время ни кстили. Баушка, та, катора-та в бани у миня принимала, ана и акстила. А втарую-та акстили дома. Проста старушка. Ана гаварит: “Нынчи папы-ти все, — гаварит, — камунисты. Адинакава бабушка-та акстит”. — “Ну, ксти”. А уж третью-ту, какой-та атставной поп приижал тут к адной старушки, ну вот мне и акстили» [ЗЕМ, с. Б. Шуватово; СИС Ф2001-21Ульян., № 32-33].

Важной частью обряда крещения было имянаречение. «В церькву [понесут], батюшка акстит там яво. Там вот Илья Виликай — Ильёй назавут. Бывала, вот каму какеи праздники. А щас хто как знат. Я сама называла. Вот у миня кой умерла — Тонюшка, и этай я дала [имя] Тонюшка. А той Женя. А Никалаю был атец Мотин Никалай — я яму дала, дедушкина имя» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 108].

Центральным действием во время застолья по поводу крестин было одаривание младенца. «Ну, кстины — эта там асоби. Ну, на кстины-та пабольши сабираю народу-ту. Ну и, канешна, хто чаво принисёт на кстины-ти. Хто рубашичку принисёт там, ай платьица, если девачка. И клали денижку. Раньши клали видь па скоку? Пиисят капеик, самый багатый — рубль паложит. Эта на кстинах, на кстинах!» [ФАИ, ГАИ, с. Коржевка; МИА Ф2001-27Ульян. № 46; КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 140]. Важное значение придавалось подаркам крестных родителей. «Дарили и хрёсный, и хрёсна. Давали какой-нибудь махóрик, каку рубашичку» [ЦЕС, с. Проломиха; СИС Ф2002-01Ульян., № 63]. «У каво што есть, падари́т. Ну, вот эта крёсный, он што-та яму принисёт там. Можит быть, рубашку купит или ищо што-нибудь. Материи там метра два-три, ему саши́ть штобы. Крёсна и крёсный. Ну, мы с бабай пришли — адин [подарок], из аднаво дому-та. Я крёсный, а баб нет [в моем доме], а из другова-та дома крёсну. Принисёт вот даст: “Я нясу падарак”, — там всё» [КАФ, с. Тияпино; МИА Ф2001-19Ульян., № 39].

В одних случаях ребенка во время церемонии одаривания укладывали в красный угол или помещали на столе. «Ево клали на лавку [под иконы], да, и на стол, пажалуй, паложут. Развёртывали, прям клали так. А он швыряцца, как чирвяк» [ЦЕС, с. Проломиха; СИС Ф2002-01Ульян., № 61]. В других случаях его, напротив, не показывали гостям, боясь сглаза. «Рибёнка никагда ни паказывают. Зачэм? Он в зыбачки лижит. Рибёнка нильзя паказывать манинькыва. Нету, нету, нильзя! Он глупинькай. У людей всякый, разный глаз» [ЧЕХ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 19].

В с. Чумакино эта церемония называлась «на кашу класть». «“На кашу кладут” — так называли. У нас мама ради́ла пастаянна, и эта я харашо знаю. Там если дивчонычка — платьишка, если мальчышка — шта́ники да рубашичку. Эта как “на кашу” называли. “На кашу кладут”, кагда кристины эта, уж бальшии сабирают кристины. Многа сваих этих радных, эта уж кто чаво паложит. На стол кладут бальшую тарелку, на ету тарелку ничаво ни кладут, прям начынают “на кашу класть” эти тряпки. Эдак называли зачэм-

та, я ни знаю. Идут парачками, как на гулянь, эту. Эта всё была. Луччы была жить-та» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 14].

Крестины завершались торжественным семейным застольем, на которое обычно собиралась вся родня. «Если уж приедим с кщенья, стол сабирём. Самагонку, картошку, ну, чаво есть. Испикём пирагов, настряпам, картошки наставим. Раньши не была харошива. Картошки, капусты — вот эта вот была вся наша закуска. Кашу ни варили. Картошку жарили. Раньши как*я* перьва блюда? Раньши картошки свари́м. Пахлёбку забе́лим смятанай, у каво каровы были — смятанай билили. А у каво нет каровы, луку накро́шим в эту пахлёбку, *й*идим. Суп, суп! А у нас называют “пахлёбка”» [ЧЕХ, РАИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 2]. «Кристины, кто задумат, кто ни задумат. У каво какой карман. Кагда кристины делают, тожи нисут пираги. Ну, вот с начынкай. У нас этыт был абычай. Сабирали [угощение]. А как жи! Ани сваи, как жи ни сабирёшь» [САМ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 60].

Семья из с. Кадышево. 1930-е годы. Личный архив семьи Власовых

Как и все праздничные застолья (см.), крестины сопровождались пением протяжных песен и пляской под припевки и частушки (см. *Плясать*). «На кристины приходят муж с жаной завсягда. Пают песни всякии, хто какии знат. И долгии, и каротинькии есть. Бывалашны песни харошии видь. И за сталом, и ни за сталом, визьде пают. Люди уж выпьют, больши ни хатят сидеть, пляшут, и гармонь играит. Папают песни, паблагадарят йих, и пашли сродники дамой с писня́ми» [ЧЕХ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 20]. «Радился у нас вот посли миня вот мальчик. Ну, лет, чай, на шесть миня младши, радился тагда. И я как щас помню, ани [=деды] плясали больна. По два с палавинай метра, наэрна, здаравенны! Я гаварю, вот дедушка, он был столяром. Плясали, вот радился этыт, делали кристины. Раньши видь ни разришалась. Мама на пиче, на краишки лижала, а ани вот празнавали. И вот ане плясали в честь этава, какой-та праз*д*ник был, и вот дедушка-та кристил. Дедушка-та он был этим, свищенникам. Падайдёт всё к печки-ти и гаварит: “Мань, а Мань, он на миня пахожий”. А ана гаварит: “На тибя, на тибя”. Ну эт сваи толька: свякровь са свёкрам и эта, так-та чужих не была. Сваи были» [МНА, с. Проломиха; СИС Ф2002-02Ульян., № 53].

Если в застолье принимал участие отец ребенка, над ним могли шутить, причем шутки были обычно эротического характера. «Чай, знашь, кагда ведь вина-та напьюцца, всё магýт. Ну, видь, ни каждый эта примал. У нас атец был сирьёзнай, он эту шутку ни принимал. А каторый, вот дядя Яша Катышов был, — ху-у-у! Изайдёцца весь. Наш атец сирьёзный был. Ну чаво, чай, всяку матирни́ну станут гаварить. Всяку матирнину. Скажут: “Как встал? Как стал? Как сделал?”» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 19].

Мать ребенка обычно не усаживалась за стол вместе с гостями. «Ну, зачэм ана сядит? Нет, ана ни сядит сама. Ана ходит па избе. Так, абслуживаит. Ходит, а садицца — ни садицца» [ЧЕХ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 19]. Детей по этикету во время крестин обычно также не усаживали за стол, они могли поесть только после ухода гостей. «А так бы сказать, например, как вот раньши у нас атец. Кампанию — “ксины” делать — [как] на пристольный праз*д*ник. Мать пашла, значит, в гости [звать]. “Далёка ли, мать?” — “Да пайду схажу вот туды-сюды. Пазаву, можит, пайдут”. Придёт там к адной снахе. Гаварит: “Пайдёмти ка мне”. “А *г*де Панька?” — там брат спрашиват. “Да дома”. В другой двор: “Пайду вот к этаму ишо зайду, можи пайдут, сабирёмси”. Ана видёт чылавека чатыри-пять, а он качат зыбку. Гаварит: “Вот видашь, Панька, — ана гаварит сваму мужу, — вяду гастей!” — “Вот, тваю мать, качай!” — “Атец, а я виду гастей”. Вот как. Привидёт, нам гаварит: “Ну-кати, рабитишки, все нá пичь!” Вот девять чилавек нас. “Штобы, — гаварит, — никаво не была у стала”. Значыт, приходят, ани яво спрашивают: “Пал Евдакимыч, а у т*и*б*я* *г*де рибятишки?” — “А где рибятишки-ти? У миня их нет!” — “Как нет?” — “Эта вон Симён Ляксандра*ви*ча. Нет у миня”. А патом гаварит: “А, ане где, на пичé”. Уйдут гости, и гаварит: “Захадити за стол и ешьти, каму чаво нада”. А нынчы? Што таких, што таких и на паминки, и в гости вядут, и сажают вмести с сабой» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 1-3].

В поздних вариантах обряда крестин также обычно совмещаются разные формы чествования новорожденного и его родителей. «Ну, нидели две паживёт, “кстины” назначаюцца. Мушшины идут на кстины. Вот што мы можим. Я магу паллитра водки принисти, тот свае самагон изделия принясёт, апять нисём ну как вот склдчы́на у них. Вот сходимся, ага. Мы все туда пайдём на “кстины”. Малинькаму нада “капыта абмывать” — эта адно и то жа. Все сваи. Как всё равно у жирибёнка. Папá-та здесь нет. В церькву бы яво, малинькава. А у нас все сваи. Вот ана радила. Да. Или девачка, или мальчык. Ну, нидельки две там ана аправицца. Вот и всё, идём “кстины” дела*и*м» [РАИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 52].

Завершал «родинный цикл» обряд пострижения, во время которого ребенку срезали «родимые волосы». «Долга ни стригли [ребенка], а патом “радимы воласы” снимали посли года. Стригли ножничками. Сперва вот так вота [=крестом], а патом начинают стричь всю галовку. Эта “радимы воласы” стригли. Их в падтопки жгли, ни знай [зачем]. Бабушки знают, наверна» [ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 18].

Из традиционных верований, связанных с деторождением, необходимо отметить особый статус первого и последнего ребенка в семье. «Балит спина, [зовут] первинца. Рибёнак паходит па спине басиком, там сваими этими лапками. Эта и сичас делают. Вот у нас всё Саша. Балит у нево спина, он ляжит: "Лена, пахади па мне!" Вот Лена, первиниц, да, паходит там ему. Вот ему лучче. А паследний — он "паскрёбыш", больши не была. Абычна эти дети раждались очинь умными и харошими. И гаварили: "Вот всё, паследнии силы атдали, и рибёнак такой умный, здаровый, хароший". "Паскрёбышем" называли. Всех старших атдиляли, а паследний, кто младший, астаёцца, тот наследник. Он и пакоил радитилей. Радитили аставались с этим вот» [МЗИ, ЛЕЯ, с. Коржевка; МИА Ф2001-28Ульян., № 38–39]. «Паследняя кагда вот, мнут спину. Ну, вот первый гром, я как кувыркнусь! И ни встану. Вот как. И вот катора паследня, вот хыть я радилась паследня, ане вот мяли, у каво спина балит вот, да» [ШЕП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-25Ульян., № 50].

В народной мифологии особый статус имели также «проклятые дети» (см. Русалка). К ним относили, в частности, много плачущих (*зевла́стых*) детей, которых за это прокляли матери. При этом проклятый ребенок становится «черноний́мощным» [РАЯ, с. Чамзинка; МИА Ф2002-26Ульян., № 61-64; ЧСИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-25Ульян., № 59].

И.А. Морозов, И.С. Слепцова

РОЖДЕСТВО

Рождество Христово (7.01) относится к наиболее почитаемым праздникам, которые наряду со святками (см.) и Новым годом (см.) открывают годовой цикл народного календаря. «Паска, Ражаство, Троица, Духав день — эти вот у нас самыи бальшии праздники» [БПА, д. Ростиславка; СИС Ф2004-32Ульян., № 82]. Вечер накануне Рождества (*сочельник*) в традиции Ульяновского Присурья не отмечен таким количеством обрядовых действий, как канун Нового года или само Рождество, для которого характерны магические действия, направленные на поддержание плодородия домашнего скота и птицы, благополучия членов семьи и прогностические практики (см. *Гадания*).

В традиционном праздничном календаре этот день был связан с целым комплексом представлений, содержащих идею обновления и рождения.

Следующая после Рождества неделя называлась *рождественской*, а в народной терминологии следующие две недели — *святками*. Предрождественской период иногда обозначался как *страшно́й*, что перекликается с наименованием *страстная неделя* накануне Пасхи (см.) и отражает народное понимание христианского смысла праздника. «Раньши была па-стараму [стилю] всё, Ражаство ано была дваццать пятава. А щас Новый год накануни Ражаства. Ты што! И пляски и всё. Ни хочицца эдак-ту. Самы*и* тут страшны́я

дни, а тут встричают Новый год. А уж Ражаство-т*а* вот, самы*и* страшны́я» [ЛАА, БМВ, с. Сара; КПС, ППС Ф2006-39Ульян., № 103].

Вместе с тем существовало представление, что период святок характеризуется появлением нечистой силы. «[Русалки] наэрна, всё-таки вот в эти рождественскии-ти бывают, крещенски вот эти, как святки-ти вот. Особы какии-та дни-ти, вроди как плохия: [бывают] каке*и*-то вот гадания всякии. И в бане боялись — там стонит, кто-та кричит, парицца. Суеверия. Всё равно вот в эти дни особенно было. Суеверие вот это» [ИЕС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 27-28]. Нечистую силу в эти дни символически воплощали ряженые (см. *Наряженными ходить*). К Рождеству ряженье было приурочено только у мордвы в с. Беловодье. «[Наряжались] вечарым, то*лько* вечарым. В Ражаство на первый день, на втарой, на третий хадили. Больши ни хадили. Зачэм? Прашло Ражаство-та» [НЕИ, с. Беловодье; СИС Ф2004-07Ульян., № 68]. В русских селах наряжались обычно в течение всех святок (иногда в первую или вторую неделю).

Как и другие большие годовые и престольные праздники, Рождество отмечали два-три дня. Его празднование включало различные обычаи, приуроченные к сочельнику, в том числе посещение церкви, праздничный обед в кругу своей семьи в день праздника и перегащивание. «[Рождество] празнывыли, и щас празнуют. И служут, и хадили па радным, гуляют, встричают праздник, атмичают па-настаящиму. Ходишь вот, сабирёсся, свая-та радня, ка мне, к этай — свае-та. Дамов десять прайдёшь за день» [ЛАА, БМВ, с. Сара; КПС, ППС, Ф2006-39Ульян., № 107]. «Он праздник, гуляли. Абезательна! Три дня [без работы] гуляли» [БЗГ, д. Ростислаевка; СИС Ф2004-32Ульян., № 33]. В этом смысле Рождество было в ряду других аналогичных праздников. «Чай, гуляли то*ль*ка Пакров, Ражас*т*во, маслиница. Ражас*т*во — эта зимня, а маслиница — тожа зимня. Пакров у нас пристольный праз*д*ник» [СНФ, СЕД, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 92].

С сочельником было связано особенно много обычаев, запретов и предписаний. Так, повсеместно был распространен обычай воздерживаться от еды до появления первой звезды, который осмыслялся как напоминание о звезде, возвестившей о рождении Христа (см. *Пост*). «Сачэльник. Ат звязды да звязды ни иидят, как гаварицца. Я три раз*а* ни ела. С вечира, да. Вроди: "Валхи са звиздою путишествуют". Вот» [ААФ, с. Шевщино; СИС Ф2000-13Ульян., № 67]. «Перид Ражаством, перид Хрещеньем ни есть ат звязды да звязды. Адин день, накануни праздника. У нас [=в с. Б. Кандарать] многа была верующих. Щас старики вымирают, пачти што ни астаёцца верующих людей» [КМН, с. Никулино; СИС Ф2006-02Ульян., № 77]. Эти ограничения касались только взрослых. «Ни ели да первый звезды, грех. Манинькии, ани ели, ели. Вот взрослы — те ни ели» [ЖЗТ, с. Араповка; МИА Ф2000-23Ульян., № 18]. В сочельник начинались и поздравительные обходы домов односельчан, исполнявшиеся молодежью (см. *Коляду петь*).

Кроме обычного праздничного угощения (см. *Застолье*) к рождественскому столу готовили и специальные блюда. Например, в с. Чумакино в сочельник пекли *сочни* — пирожки из пресного теста с начинкой из толченого конопляного семени. «Пикли накануни Ражеста “сочни” называли. Сочни накануни Ражества — эта “сачэльник” назывался. Ну, сочни пикли из хлеба с семем. Семя, бывала, талкли. Сеили канапли-те. И талкли семя. Вот эта с семем-ти и пикли, делали. Эта называлась “сочинь”. Как пиражки вон делаэшь из преснава теста. Талчёна семя вывалишь, и смешашь с тестамти и заваротишь» [ТАВ, с. Чумакино; МИА Ф2002-21Ульян. № 34].

Перед ночной рождественской службой в с. Б. Кандарать. 2006 г. Фото И.А. Морозова

В с. Араповка пекли особые лепешки, называвшиеся *сочельник*, их ели, заливая конопляным соком. «Пикли “сачельник”. Талкли семя (бывала, видь семя была), яво в печки парют, там сок напарицца. Пикли липёшки. Мисили липёшки из муки, йих у́ пылу пикли на скавараде. У пылу — кагда печка топицца, йих и пикли. Ни кагда истопицца, а вот кагда печка топицца. Эта гаварицца “у́ пылу”. Вот, начынают абед. Эти липёшки крошут, этим сокым абливают и садяцца идят. Разгавляюцца. Сачельник, да» [ЖЗТ, с. Араповка; МИА Ф2000-23Ульян., № 18]. В других селах подобные обычаи не зафиксированы.

В сочельник обед был постным. Кроме сочней могли подавать «картошку, чай, с постным маслам. Бывала, семя [конопляное] били, у нас ма́слена была, набивали вот масла-та пос*т*нава из семя. Вот из няво и стряпали. Чивицу сеили, смелют там, чивишный кисель варили, и вот этим маслам-ти мазали. Густой, нажом резали. Гарохавый, чивышный. *И* в любой день [ели], кагда хочышь» [ТАВ, с. Чумакино; МИА Ф2002-21Ульян. № 34].

Повсеместно в канун Рождества соблюдался строгий запрет как на работу, так и на развлечения и пляску. Это относилось и к поведению ряженых в составе колядовщиков. Праздничные гулянья в келье разрешались только с вечера Рождества (см. *Сидеть в кельях*, *Играть в кельях*, *По кельям ходить*). «Накануни Ражаства эт уж был запрет: и ни плясали, и ни пели. В церкывь хадили раньши. Ражаство прадалжалось три дня раньши. <...> А на Ражаство-та хадили в келью-ту. На Ражаство уж вроди разришалась там петь-та. А накануни Ражаства нет — у нас праздник был бальшой. Вот» [РЕВ, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 112-113].

Одной из особенностей сочельника, сохранившейся у мордвы в с. Белводье, был обход «наряженной с пестом», во время которого ряженная в лохмотья женщина проверяла работу своих односельчанок, выполненную ими за год. «Ну, нарежались, а как жи. Эта из пакаления в пакаления шла. Раньше вот да Ражиства нарежались. Например, завтра Ражиство Христова, а вечирам вот хадили. Раньше ведь пряли, ткали. Идёт, на руках пест. Эта ступу-та не данести, а пест. Вот этим пестом ищо пастукывали. “Многа ли напряли? Сколька ты напря́ла, сколька навязала, сколька ты натка́ла?” [Надо] паказать сколька напряла. [Если мало,] пастыдят — ленте́й. Многа — нахвалют» [ВМИ, с. Беловодье; КПС Ф2004-42Ульян., № 46].

Утром в Рождество повсеместно устраивались детские обходы с пением рождественского тропаря (см. *Рождество славить*). Славление сопровождалось выполнением некоторых магических действий, которые должны были обеспечить плодовитость домашнего скота, птицы и принести богатство в новом году. Самым распространенным действием было усаживание на шубу первых христославов. Причем иногда соблюдалось правило сажать на шубу только первых пришедших мальчиков или мужчин. «На шубу сажают мальчишку, а ни дивчонку. Вот придёт первый если, ну, мужскова рода, сажают. А дивчонкав ни сажают. [Шубу] кладут, наверна, окала парога, штобы он наступал, вилят наступать на ниё. Эта, вроди, багатый будит. Утрам на Ражаство самый первый, хто придёт вот утрам — вот никаво у тибя не была и вдруг идёт там славить ли, што ли — мужик, вот йих сажают» [ПМП, с. Первомайское; СИС Ф2001-01Ульян., № 95].

Ночная рождественская служба в с. Б. Кандарать. 2006 г. Фото И.А. Морозова

По другим версиям, богатство в новом году должно достаться самому славильщику, пришедшему первым. «Закрывают ево в шубу, закрывают с галовкай в шубу и ему дают больши дениг. Он первый пришол, ни праспал. И заставят ево там шубе спеть чаво-нибудь. Вот эта бажествинная што-та: или Ражиство, или малитву какую знаит. Закроют ево, а он кричыт, напугацца! “Эта, — гаварят, — дениг многа будит, багатый будишь, первый”, — первый багатый будит. Эта мне уж бабка рассказывала» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-22Ульян., № 32].

Для обеспечения плодовитости скота также «абычна пад стол на Раждество клали сена или салому. Для таво, штобы скатина велась. Эта я здесь

слышала и видила. Но эта была ни в каждам доми. Раньши, ни знай кагда» [ГМН, БВВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-02Ульян., № 84].

Некоторыми особенностями отличался рождественский обед, который обязательно включал мясные и молочные блюда. «На Ражаство-та разгавлялись. [Сочни] накануни Ражаства — сачэльник. А уж разгавеюцца — тут малако да мяса ели. Абедня была. Абедня атайдёт, из абедни придём и будим абедать. Што мать настряпат, то и ели. Мясноя — там суп сваря́т, кашу малошнуу пшонуу. Вот эта разгавлялись, бывала. У каво мяса есть — мяса сваря́т, хто курицу, хто чаво. Мяса варили кусками, скол*ь*ка там ана пустит в суп. А сваи-та сядут абедать, ево разрежут и в суп. Вот таскали кусочкими» [ТАВ, с. Чумакино; МИА Ф2002-21Ульян. № 37].

Уголок Божьей Матери в доме М.И. Кривошеевой в с. Б. Кандарать. 2006 г. Фото А.А. Анненковой

Специальным рождественским кушаньем в с. Валгуссы был жареный поросенок. «Гуляли, гуляли. Ну, толька он ни пристольнай. Атмичали как Ражаство Христова. [Гости приходили] на втарой день. Если есть свинья, апаро́силась, то абезательна на стол парасёнка. Не жалели для гастей» [ГДИ, с. Валгуссы; СИС Ф2001-09Ульян., № 17].

У мордвы из с. Беловодье сохранился обычай варить в этот день кутью из пшеницы. «Варили, варили. Кутья. [Заправляли] маслам, у каво масла нет — песком. Можэ*т* и мёдам заправляли, не знай. Придут старики с абедни с церквы, вот падают на стол, едят» [НЕИ, с. Беловодье; СИС Ф2004-07Ульян., № 75].

Обычай украшать елку к Рождеству не был распространен в Ульяновском Присурье, хотя иногда встречаются единичные упоминания об обычае ставить на улице небольшие сосенки и украшать сосновыми ветками окна дома, что является, вероятно, индивидуальной практикой. «У нас старик вот этыт, дядя Максим, пайдёт в лес, наламат этих сасёнкав. Он пажилой был тагда. И на акошки ставил, и в калодцы. И к сваяму [дому], и к калодцу. Ну, видима, так нада. Адин он [ставил]. Он верывал Богу, хароший старик был» [ФУА, д. Ростислаевка; СИС Ф2004-32Ульян., № 210].

Начало святок было отмечено в некоторых местах устройством кулачек (см.). Если учесть, что этой акции в народном мировоззрении придавался продуцирующий смысл, то становится понятна приуроченность кулачек к Рожде-

ству. «Да эта была паложина, ни толька в нашим силе, ва всех сёлах дрались. Ахотники. <...> Эта вот у нас здесь с Ражаства начинают драцца. С Ражаства да маслиницы дрались здесь — в улицы вот. А в Велика*е* гавенья — в том каньце и в этим каньце апять тожи. А уж вот на Паску — эта вот на гаре. Называлась Долга*я* гара — толька там дрались. И на Паску всё, заканчывали всё, да будущива Ражаства» [ВГП, с. Кадышево; СИС Ф2003-02Ульян., № 8].

В некоторых селах на Рождество устраивались катания на лошадях, аналогичные масленичным (см. *Масленица*), во время которых происходило первое появление на людях сложившихся парочек, которые в будущем собирались вступить в брак. «На Ражаство, на маслиницу на лашадях катались, тут начынацца мясаед. Утиральниками, кал*а*кала́ привяжут. Девак катали, рабяты запрягают, знаш*и*т, вот и сажали. Каторый уж [парень], вроди, как гаварицца, мата́ньку сваю пасадит ката*и*т, вот» [ЖИМ, ЖМС, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 39].

Хотя специальных игр, приуроченных к Рождеству, нами не зафиксировано, в некоторых селах в этот день, так же как и на Пасху (см.), играли «в орла» (см. *Орел*). Это совпадение не случайно, поскольку в народном мировоззрении эти праздники наделялись сходной семантикой. «На Ражаство сабирались талпа́ми, в деньги играли. Сходюцца талпа́ми, вот, скажим, у нашива двара, ил*и* там у её вон двара. Вот, бывала, мечут кверьху, эсли решка, то пра*и*грала я, арёл — то эта маё. Ну, бывала, какии деньги там — капейки. Пално, бывала! Глядишь — тут талпа у двара, там талпа» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 95].

Второй день Рождества (8.01 — Собор Пресвятой Богородицы), так же как и Чистый понедельник (см.), в с. Чумакино назывался *бабушкиным днем*. В других регионах этот день был связан с почитанием Богородицы и бабповитух, но в Ульяновском Присурье он не имел каких-либо особенных черт. «Эта "бабушкин день" посли Ражаства. Вот нынчы Ражаство, а завтри "бабушкин день". Друг па дружки. Вот придёт, хыть, вот ана ка мне, или я к ней приду. Вот толька придём, пакалякa*и*м: "Нынчи бабушкин день". [Угощения] у нас не была» [БАИ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 11].

И.С. Слепцова

РОЖДЕСТВО СЛАВИТЬ

Рождество славить (*Славить*, *Рождество петь*, *Рождество кричать*) — обычай ходить по домам утром в день Рождества и петь тропарь «Рождество Твое Христе Боже наш». В обходе домов принимали участие только дети. Такие обходы были приняты также на Новый год (см.) и на Пасху (см.). «Рибятишки бегали и на Паску, и в Ражаство, и Новый год» [ААМ, с. Княжуха; СИС Ф2006-37Ульян., № 70]. «В Ражаство ходят, славят. И вот поют:

Ражаство Твое, Христе Боже наш,
Воссия мира во свет разума,
Неба звездой служащия,
Звездою учахуся,
Тебе кланемся сонцу правды
И Тебе видети с высоты востока,
Господи, слава Тебе.
Слава Отцу и Сыну и Святому Духу
Ныне присно во веки веков,
Аминь.
Дева днесь присущесвенново раждая,
И земля вертеп преступнаму приносят,
Ангелы с пастырями слово словят,
Наш Бог ради родився,
Отроче млада предвечный Бог.
С праздничком вас!»
[ЗМВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 68].

Раньше дети постарше обязательно пели тропарь от начала до конца. Сейчас они произносят его речитативом. Однако многие славильщики заменяют сложный текст известным с дошкольного возраста стишком: «Маленький вьюнчик сел на стульчик, стульчик — хруп, подайте рупь» [МАФ, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000], — или другими подобными текстами. «И на Ражаство хадили. “Багатенькии мужички, байте не байте, а па капеичке дайте”. Вот. Маладёжь-та хадила. Рибитишки, все, и дивчонки. Кто гривинник (раньши были), кто две капеички — вот так и набирали» [ГДИ, с. Валгуссы; СИС Ф2001-09Ульян., № 19]. «Хадили рибятишки, славили. Зайдут там каторы:

Ражаство, Ражаство,
Красна солнышка взашло,
Я славить ни умею,
Прасить ни смею…
Как-то ищё забыла… Иль каторы как:
Даставайти сундучок,
Вынимайти пятачок»
[КВН, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ ф. 17, оп. 4, 2003].

Бабушки современных школьников учат внуков хотя бы произнести тропарь, объясняя, что «Маленький вьюнчик» — текст для маленьких. «У нас с утра то*ль*ка ходят Ражаство кричат. Славят Ражаство рыбятишки, а взрослы*и* ни ходют. Раньши все “Ражаство” пели. “Ражаство Твое, Христе Боже наш”, а щас ани таропюцца, уж долга им “Ражаство” петь. Ани скарей, скарей, запыхаюцца. “Маленький кнопик!” — и скарей пабегут. А бывало-т пели “Ражаство”. Стаишь, паёшь. “Вот, малаццы, вот как харашо спели”. Им вроди пабольши нада дать: ани “Ражество” харашо спели. А щас:

Малинький кнопик
Принёс Христу снопик.
Я славить-та ни умею,
Прасить-та ни смею.
А вы, люди, знайте,
Капеечку дайте.
Вы, багаты мужики,
Аткрывайти сундуки,
Вынимайти пятаки.
Малинький вьюнчик
Сел на стульчик.
Стульчик на бочок,
Падай пятачок»
[МАФ, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Дети, обходящие дома на Рождество, получают от взрослых деньги. «Даём деньги. Вот приходют. А сичас это не знают. Вот. Я им говорю: “Хто поёт Ражаство, я даю деньги, а хто не поёт, — с праздничком, вот, — говорю, — учитесь, у вас матеря́ есть, баушки есть. А не так: “Хы-хы-хы, с праздничком!” Я говорю: “Знашь, это Христос родился”. Вот такем я вот и даю. Я многа раздаю, многа поют ищо, много ищо есть, поминают. Я раздаю большии деньги, хто поёт. А хто не поёт, я им даю маненька этай [=острастки]. Мол, нада учицца. И мы маниньки ходили петь. Ходили славить Христа. Дивчонки, мальчишки» [ЗМВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 68]. Хозяева стараются лучше одарить христославов-родственников. «Ну, дашь им дениг. Разминяшь па дваццать там, па пидесят. Щас разминяю там па рублю, каму па два, каторы. Родня каторы — пять рублей и па дисяти каторы, дажи которы больше — родны» [КВН, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2003].

Взрослые предупреждали детей, что обходить нужно прежде всего дома близких родственников. Напоминали, как вести себя, входя в дом. «Мы хадили лет восимь-девить. У нас вот атец, бывала, пакойный г*а*вар*и*л: “Ни хадити, рабитишки, па чужим”. То*ль*ка па сваим раньши хадили. “Ты падайди, — г*а*вар*и*т, — пастучись: “Тётинька, пусти Христа праславить!” А ана спросит: “А вы чье?” — “Да вот чье”. — “Захадити!” А нынчи идут как есть, ат каньца да каньца, кряду, кряду идут. Раньши толька па сваим. Ну, придёшь если к знакомым, скажут: “Идити”, — значит, идёшь славить. Вот па саседям. А то нет, мы ни хадили» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 81].

С обходом христославов были связаны различные приметы и магические практики (см. еще *Рождество*). Например, по тому, кто первым войдет в дом — мальчик или девочка, судили о приплоде скота. «Вот ведь в этимт*а* годе сбылось: первай пришла дев*а*чка, и карова тёл*а*чкай ателилась» [ПМП, с. Потьма; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2005].

Часто первых славильщиков усаживали на шубу, чтобы велись овцы или клушка садилась высиживать цыплят. «Приглашали и сядишь. Эта штобы вились, клушка будит рассаживацца, штоб цыплята вились. <...> Бабушка шубняк припасат на эту [лавку] расстилат — сажать, ну, лавачки были. Кто перьвый идёт, сажают» [ПМТ, с. Валгуссы; СИС Ф2001-10Ульян., № 64].

В с. М. Барышок хозяин встречал детей-славильщиков в вывернутой наизнанку шубе и старался их всех обнять, что, по поверью, должно было обеспечить приплод скотины. О том, что приход христославов ассоциировался с богатством, свидетельствует и их название «бояре», и обида жителей, дом которых был пропущен при обходе. «Эта кагда славют на Раждяство, эта “баяри” пришли. Ну, багачы, наверна, были, у нас щитали так вот, эта “баяри”. Ну, мы пели как умели: кто пел “Ражаство”, кто “Маниинькый” — эдак пели. Вот надевали [хозяин] шубу на наизнанку, эту, тулуп, тулуп, и падпаясывались. А кагда в избу вхадили, и вот этыт хазяин должин нас схватить. Гаварят, што будит скатина вистись. Эта для этава, гаварят, шубу

надявали. Ну, пугать нас ни пугали, мы знали, што шубу надявают. Ну, там чо там? Канфетки давали. Деньги ни давали. Или пираги, или каки*и*-небудь липёшки. Вот эдак вот давали. На Раждество, на первый день утрам. Эта вставали в пять часов, в шесть часов и вот хадили. А если ты уже ни прашла да утра, вот примерна, да сими-васьми часов, эта уже была нильзя. А пачаму, ни зна*ю*. Вот мы заходим, вот мы зашли, а Тоня дверь припёрла, мы жи ни убижим, и вот он тулуп раскры*вает*, нас бирёт — и в кучу. И вот гаварят, што будит многа скатины. А хто, бывала, ни захадили, [взрослые] абижались. "Ни заходют". Да, нада была [зайти]. Ну, раньши хадили в каждый дом. <...> Кто пел [Рождество], а кто и ни умел. Вот:

Малинький Юрчик
Сел на стульчик,
Пратянул ручки:
— Дайти дениг кучки!»

[САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-13Ульян., № 65-66].

М.П. Чередникова

РОЛЕВЫЕ ДЕТСКИЕ ИГРЫ — см. Клетки городить

РУКОБИТЬЕ — см. Сватовство

РУСАЛКА

Р*усалки* — демонологические персонажи, связанные с водой и растительностью, которых обычно представляют в виде длинноволосых («косматых») женщин. В Ульяновском Присурье этих персонажей также называют: *шутóвками* (с. Палатово, Б. Шуватово), *чиганáшками*, *чеганáшками*, *чаганашками* (с. Потьма, Ждамирово, Кольцовка), *лéшеньками* (с. Ждамирово) и нередко отождествляют с *шишúгами* (см.).

Данные персонажи (возможно, различные по происхождению) объединены в одну группу на основе общих функций и мест появления, а также пояснений современных носителей традиции. «Да, вот эти вот эта русалки вроди вот были. Да эта адно и то жи — што чиганашка, што русалка» [КЕА, с. Потьма; МИА Ф2005-04Ульян., № 23]. В некоторых случаях рассказчики относят наименование «русалка» к более позднему времени, чем, например, «шишига»: «Вот на речки вот шишиги, бывала, называли. А тут уж [=в настоящее время] начили их, грит, "русалки" [называть] — шишигав-ти» [ТАВ, с. Чумакино; МИА Ф2002-21Ульян., № 18].

Различные наименования связываются с определенными местами и конкретными действиями. Например, с русалками, шутовками и лешеньками сталкиваются на реках и озерах, когда они колотят (полощут) белье. О чиганашках могут говорить по-разному, соотнося их и с сюжетом о том, как колотят холсты, и о том, как кого-то запарили в бане до смерти, подоб-

но шишигам. И шишига, и русалка могут предсказывать плохие времена, сидя около реки и расчесывая гребнем волосы.

Таким образом, при возможности определенной дифференциации объединение данных персонажей (и их наименований) в одну группу соответствует общей логике функционирования представлений о них в данном локальном варианте традиционной культуры.

Следует отметить, что встреча с этими персонажами может описываться и без указанных наименований, сообщается только об их внешнем виде, типичных действиях, и нередко используются номинации, связанные с гендерной принадлежностью — «девки», «баба», «женщина». «Атец рассказывал, значит, как он на речку пашёл, вот за баушкой же. И вот там ана, значит, баушка-та, палощит, и раньши вальки были, и валька́ми эта… да, значит, бильё пыласкала. <…> Глидит: как девка стаит, го́ла, и вот эта, гаврит, девка, я как, гаврит, я хлопнул, ана раз в воду — и больши иё нет» [ГАБ, с. Княжуха; БЛА Ф2000-2].

При описании внешнего вида русалок упоминаются такие черты, как распущенные длинные волосы (черного или белого цвета), нагота (иногда сообщается об одеждах белого цвета). «Волысы длинны. Ну, мы ведь их ни видали, я вот тожи ни видала — тожи калякали пра эти русалки» [ААМ, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-16]. «Ага, эта точна, ага, русалки были. Вот я иду, значит, с улицы, иду с улицы, ага: и вот эдак, значит, эта — абняла вот столб сриди вон этай, абняла, волысы, значит, ане спущины, ана нагишкай, ничаво на ней нет» [ЕАЯ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-18]. «И волысы на ней [=русалке] тока развязкай, мокрыи, значит, <…> вроди как билесы. [И] как вроди на ней кака́ рубашка бела. Больши на ней ничаво нет» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян.].

Изредка говорится о наличии рыбьего хвоста, лягушачьей чешуе на ногах, большом росте, а также об антропоморфной внешности, не отличающейся от обычного человека. «Ана [=русалка], значит, эта, выплывит, и вроди, как гаварили: палавина, значит, чилавек, а тут у ней, значит, как рыбий зад, панимате?» [ММФ, с. Никитино; СЕВ Ф2009-12]. «Как настаящий чилавек сидит. Вроди, на ней што-та накинута, чё-та белае… А вот тут у нас был школьный пруд, там русалки выхадили — вот как лягушичья эта, вот на них эдакии вот были чишуя, растения-та вот эта вот [=ряска либо лягушачья «икра»]. Там многа видали их» [АЕМ, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14]. «Сама я видала. Абныкнавенна, как чилавек. Как чилавек — и руки эдыки, и ноги эдыки, и лицо как у чилавека» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян.]. «А русалка бегат. <…> Сама дли-инна, всё хлоп!, хлоп! — бегат па ваде» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян.].

В отдельных случаях специально подчеркивается молодость, красота либо старость и пугающие черты русалок. «И выходит, грит, женщина ко мне — такая нарядна, красива, молодая. И миня, грит, спрашиват: “Ты куды идёшь, молодой чиловек?” [женщина исчезает; встретивший ее понимает, что это была русалка]» [БРА, ХЕИ, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян.].

Основные места появления русалок — различные водоемы (река, озеро, болото, родник), и местность рядом с ними — берег, мост, камень на берегу. «А русалка бегат, а тут каса [=отмель] была — тут с канца-та глыбка, а там памельчи — вот па эти [=по колена]» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян.]. «Про русалку говорили и видали: сидит русалка с длинными волосами, купацца, вот на мостках, ноги свесит» [САП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян.]. «Да, ани [=русалки] ведь выходют бальшинство, — на речки ани бывают. Вот кагда купаишься — тут биригись, тут сматри вавсю, ани на речки были» [ЕАЯ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-18].

Реже сообщается о столкновении с русалками в лесу, поле или в пределах села (например, видят в бане). «Вот ани зашли в эту баню — а там ни най, три, ни най, читыри женщины, грит, эти самыи русалки» [НЕМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян.]. «Ну, так гаварят — у нас там лес, там радник, Та́зин радник называцца, в лясу. Вада в нём харо́ша, страх харо́ша. Ну, вот там гаварили: "Там, гаврит, живут русалки"» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян.]. «Он [=пастух] пошёл домой. Эта Куклив Ерошка сказывал. Я, грит, иду и выходит (а ле́сам шёл в Никалаивку), и выходит, грит, женщина ко мне — такая нарядна, красива, молодая. И миня, грит, спрашиват: "Ты куды идёшь, молодой чиловек?" А я, грит, говорю: "Да вот мы стадо пасём, я туда и иду". И вот мне вроди думацца: "Эх, какая красива! Как бы мне с ней познакомицца?" Да. И вот, грит, я устанавился — и никакой девки ни указалось» [БРА, ХЕИ, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян.].

Встреча с русалками обычно происходит в темное время суток (часто — в полночь). «Про русалку говорили и видали: вот когда ночью робята пойдут — бала́кыцца што-та в воде: сидит русалка с длинными волосами, купацца» [САП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян.]. «На самым дели вот ана видила этих русалык, там вот в этай речки. Вот эти русалки купались в этай, — ана сама шла там ат тётки — на Буинскай улице ана там жила. <…> Эта была, ну, где-та ани в двянадцать часов [ночи] там» [БМВ, НЛМ, с. Сурское; СИС Ф2000-16Ульян.]. «Сидят — шутовки-те… Вот идёшь када ночью в двянадцать часов или в три часа ночи, если кто баицца, скажит: "Ага, кто-та там — шутовка или там эта… па ваде шлёпат"» [ФЛА, с. Палатово; МИА Ф2001-20Ульян.].

Появление русалок иногда имеет четкую сезонную приуроченность. Они появляются в семик (см.) накануне Троицы. «*Г*де-та вот перид Троицай гдета. Тоже гаварили, вот в симик ани выходят эти русалки эти. Как утопленники, эти де*в*ушки там ка*г*да утанули, и вот ане в этат день выходят вот. Нильзя в этат день хадить на реку, ани могут затащить в речку. И ане, гаварят, выходят в этат день — в ночь, и вот нильзя на этыт день хадить на речку. Купацца нильзя» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2009-29Ульян., № 75]. С ними сталкиваются «да коль тяпло» или пока не наступит Ильин день. «Эта русалка-та купацца. Как Ильин день праходит — русалка ни купацца, и люди ни купаюцца посли Ильина дня» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян.].

Перечень типичных действий русалок невелик и часто служит основой их опознания, особенно в случае отсутствия заметных отличий внешнего вида от облика обычного человека. Наиболее распространенным является упоминание о том, что русалки «купаюцца» или просто сидят на берегу (см. выше).

Часто русалки (лешеньки) колотят белье на реке. «Рассказывал там старик, он старый уже был. Про все рассказывал. Он в ребятах ещё был. “Прогуляю, — говорит, — иду через мостки — и лешеньки полощут белье. Волосы длинные, распущены, и все в белом”» [САВ, с. Ждамирово; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 2, 1981]. «А то вот как раньши бильё, — щас утюги гладят, а тада валька́ми. Хадили на Суру. Ну, тада и бильё ни эдыко был — тка́но, сами ткали. И ана [=русалка] вот вылизит и вали́т — как бильё, грит, калотит, как билье калотит. Как разбижицца — бултых! И ни видать иё» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян.].

Также рассказывается о следующих действиях: русалки смеются («ржут, как лошиди») или плачут; сидя на камне или на берегу, расчесывают волосы гребнем; пляшут; бегают по воде, издавая резкие звуки («па ваде шлёпат»). «А пра эта вот слышала, эта тётка была дваюрная, дажи мама гаварит тожи: там на речки за мостам каминь, на камне сидит русалка (эта ана рассказываит нам) и вот гребним чешит и плачит. И как закричали, ана спугнулась и нырнула, и больши ани иё ни видили. А ищё здесь вот нибальшой пруд, а раньши здесь был пруд бальшой и чистый (кагда барин здесь ищё жил), а тётка дваюрна ана нам, — ана ищё барину служила каким-та образам. И вот ана гаварит: “Иду, а ани, три русалки, сидят маладыи, красивыи — и вот чешут гребним волысы и смиюцца”» [ТАА, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18]. «Жил у нас один квартирант, эта я ищё пыцаном был — россказывал вот: русалка якыбы — у них ли там. А правда у них — вот он сам с Ростислаивки, с Ростислаивки он был. Радники, грит, в самым дели у них пачти в каждым дваре. Вот выхадила, грит, русалка, плясала. А у ней ног нету» [РАВ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян.].

Реже упоминается способность русалок, равно как и шишиг (см.) предсказывать неблагоприятные времена. Пророчество обычно оформляется как устойчивая вербальная формула: «Што ни год — то хужи!» Некоторыми информантами акцентируется вредоносный характер действий русалок. Например, они могут утопить человека. «Ну, вот тожи ани тапили людей. Танула, многа пагибала людей ат русалкав. <…> Вот адна пашла купацца, и иё утапили — русалка утапила иё» [ЛНВ, с. Чеботаевка; СЕВ Ф2008-9].

Считается, что они могут погнаться за человеком и убить его. «Русалка, — я сама видала. Я любитильница была брадить с матирью. У нас и бредни [есть]. Мы с ней ищё ночью пашли. И вот сабирацца туча, сабирацца туча в тем канце эдак. Сабирацца туча, пашёл дождик — сильный дождик, гром как ударит в землю. А мать всё: “Айда дамой! Айда дамой!” А русалка бегат. <…> Сама дли-инна. Всё хлоп!, хлоп! — бегат па ваде. Мать-та знала,

а я ж та ни знала, што русалка. <…> Ну, вот налавили, а мать всё: “Айда ты паскарей! Айда паскарей!” “Ты што таропишься? Чаво баишься? Што ана пабижит, што ли?” — “Ана, — гаварит, — дагонит — убьёт!” И вот и бегат, и бегат, и ударят, ударят!» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян.].

Наиболее распространенной реакцией на встречу с русалками является испуг, стремление убежать. «Эти русалки-ти, их пално была на речки. У нас рабята-ти баялись хадить…» [КАИ, с. Ольховка; СЕВ Ф2007-18]. «Семь кило́митрыв, как Камаровка-та. А идти-та ле́сам, тут всё лес. И вот мост тут, речка была, авраг, была вада, тут мост был. Вот падхажу, грит, сидят, грит, на пирилах тут на масту на этих тут эта… Сидят [русалки], грит, выигрывают в гармошку, пляшут. <…> Ани, грит, чаво-та: “Го-о-о!” — эдак [подражает ржанию лошади]. Я, грит, как пустилс*и* бижать. Ани, грит, за мной бижали да этава да стре́лышныва бугра. Ба! Он, грит, патом, грит, аглинулись… эта я, грит, эта аглянулся — ани грят: “Што? Убёг, грит, всё-таки?”» [КЕА, БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-05Ульян., № 25].

Описание столкновения с русалками может использоваться как подтверждение правильности установленного запрета (например, нельзя ходить ночью на реку полоскать белье; нельзя поздно мыться в бане). «Вот адин валял валинки — Митька Суслин, — валял валинки. Яму нада была яво [=валенок] эта в речки паласкать, а у них вот эта баня — и речка пряма. Вот он вышил с этим с валинкам — ана ухаживат этим вальќом калотит. Ба! “Я, — грит, — баюсь идти. А вон, грит, ищё какая-то, грит, бильё палощит!” На бериг-та стал — глидит: ана присела, грит, и калотит, калотит! Волысы длинныи. Я, грит, эта: “Е-эй, эт хто?” Ана ка-ак бросицца в речку-ту! Я, грит, и валинак бросил — инда напугался. Дамой пришёл, сказываит, — как уж он яво схадил, ни най… “Никада, — грит, — таперь ни пайду в двянадцать часов паласкать!”» [КЕА, БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-05Ульян., № 24].

Испугавшись встречи с русалками, человек может использовать защитные средства (например, молитву или ответное нападение). После этого они обычно исчезают или прекращают преследование. «Атец рассказывал, значит, как он на речку пашёл, вот за баушкой же. И вот там ана, значит, баушка-та, палощит, и раньши вальки были, и валька́ми эта, значит, бильё пыласкала. И вот какой-та, ну, чилавек вышил [из воды]. Да. Чилавек. А у ниво [=отца], значит, был этат манинькый кнутик, и он к этаму чилавеку бижит и — как хлопнул! Глидит: как девка стаит, го́ла. И вот эта, гаврит, девка, я как, гаврит, я хлопнул, ана раз в воду — и больши иё нет» [ГАБ, с. Княжуха; БЛА Ф2000-2]. «А он [=сын] плугарил у миня, сын-та. Ну, вот паехыл. У нас там ключ — Галащапыв ключ называли. Ну, вот приехыл: вады, грит, нада налить. Ну, падъехыл к ключу-ту, астанавил трахтыр, стал наливать: вядро пачарпнул — вылил. Втарой-та, гаварит, раз падашёл, ка-ак, грит, ктои-та падашла, — падашла, грит, девка, ка-ак, грит, миня сунит в этат в ключ-та! Я, грит, эта… Как, я аттуда, мама, скора выскачил! Выскачил, грит, сел в трахтыр, и на третью, грит, и на пятую нажимаю скорысть. Никак трахтыр никуды ни двигацца да

толька! А ана, грит, сидит и смиёцца на плугу-ту, ни в какую, грит! А патом, грит, я, мам, вспомнил: ты, грит, всё миня учила эту малитву: “Хоспади Исусе Христе”. Я, грит, эдак пирикристился: “Хоспади Исусе Христе!” — ка-ак, грит, у миня бросился трахтыр. Ана мне кричит: “Што, — грит, — дагадался?”» [КЕА, БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-05Ульян., № 26].

В последнем из примеров поведение русалки сходно с действиями, типичными для оборотней (см.) и приходящих мертвецов (см. *Летун*).

Встреча человека с русалкой могла завершаться установлением любовных отношений и браком. «Эта была де́ла в Чибатаивки, и Гуляивка там была. <…> Ну, а там была — ну, как наподобии у нас вон пруд широкий этат был там… Эта вот нянька Нюра-та рассказывала: там адин паринь прихадил, вот рассказывала, — ну, купались, видна, там хадили вот на этат. И вот русалка, грит, палюбила аднаво парня. <…> Ну, и иво вроди запритить… вроди штоб он ни хадил больши, а то, грит, ана утащит, утащит» [ММФ, с. Никитино; СЕВ Ф2009-12].

Чтобы возвратить русалке облик обычной девушки, парень должен был накинуть на нее нательный крест. «Ана и хадила, нам Душа́нька всё рассказывала, хадила па Высилкам, ана хадила — русалка-ти. Влюблялись рабята в ниё и, гаварят, если сумеешь накинуть хрест на ниё, тада ана сделыцца чилавеком и нивеста твая будит» [АЕП, НВА, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14]. «Вот адин наш, княжухский, — ну, работыли, к ним павадилась эта русалка-та. Ани как ужиныть — и ана тут. Аткроит дверь-та, а чириз парог ни шагат ана. Ну, видит: ана калякат (ана такаи жи — калякат). А были пала́ти, где ани жили, он на пала́тях грит: “Щас крест я на иё свой надену!” Ана толька голыву — он надел. Стала девка хароша — на ней жинился. Вот так вот» [САП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18].

В некоторых рассказах русалка сама сообщает полюбившему ее парню об этом способе избавления. «Эта была де́ла в Кирзяти: рибяты, парни гуляли, и ани заметили — как ли... вот я ни знаю, как рассказать-та — уж какии мы малинькии были. Вот ани зашли в эту баню — а там ни най, три, ни най, читыри женщины, грит, эти самыи русалки. <…> И вот адин адной гаварит: “Я тибя замуж вазьму!” Ана гаварит: “Нет! Иди приниси хрест, — па мне мароз [=рассказчица сообщает о своем эмоциональном состоянии]. — Накинь на миня этат хрест — тагда ты увидёшь миня”. Эта всё исполнил — он жинился на ней» [НЕМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян.].

Сюжеты о возвращении русалкам человеческого облика связаны с представлениями об их происхождении. Генезис этих мифологических персонажей в Ульяновском Присурье в основном объясняется так: русалки — это дети, про́клятые (*праклитыи*, *проклино́нны*) своими родителями. «Вот эти русалки, грит, ани про́клитыи матирями дети» [ММФ, с. Никитино; СЕВ Ф2009-12]. «А то пойдёшь в проулок в двёнадцать часов, в проулок в воду, они колотют — это вот проклино́нны дети, русалки называюцца. <…> Они уж так в воде, так и росли в воде» [КПП, КЗИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28]. «Эта были пракляты дети, гаварили так. Мать вот

в децтви праклинёт рибёнка, и ани прападали, и вот привращались в этих русалках. Эта была в старину…» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14].

Гораздо реже их происхождение связывается со вдовами-утопленницами или девушками, которые утопились после того, как их бросил возлюбленный. «Эта будта вот души умерших, утопших, каторыи, в общим-та, жинихами были брошины, ана [=тетка] так гаварила» [ТАА, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18].

У некоторых рассказчиков соотнесение русалок с проклятыми детьми принимает характер противопоставления. «Эта были какии русалки — прыклинали, всё гаварят, радитили [детей]. Никакии ни русалки, а вот эта всё праклинали, вот. Там или какую бяду сделыют или чаво — ведь мы какии все ниваздержанныи: “Вот тaкá-сякá!”» [САП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18]. «Вот ани зашли в эту баню — а там ни най, три, ни най, читыри женщины, грит, эти самыи русалки. А ани ни русалки, а проклитыи дети. Вот мать, ведь мы всякии, женщины, — праклинам сваво дитя — иль там: “Чёрт, мыл, тибя вазьми!” Или там: “Такии-сикии!..” — эта вот всё была раньши. Щас ведь нет этава» [НЕМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян.].

В единичных случаях объяснение происхождения русалок может опираться на библейский сюжет о гибели войска египетского фараона, преследовавшего народ Моисея. «Гаварили, какая-та лигенда, што вот пра русалык-те: якыбы вайна на них и вот наганяли, а бог Маисей, што ль, был. Ну, и палку бросил на этих. И там абразавалась озира или рика бальшая, или мори — вот эти люди и астались, и вроди стали русалками. Он ни дапустил, бог Маисей, да ихава воиска: вот сразу мори сделыл, и там ани абразавались, эти русалки. <…> Старики эта гаварили — давно этат разгавор-та» [КНС, с. Налитово; СИС Ф2001-23Ульян.].

Представления о внешнем виде и типичных действиях русалок актуализируются не только благодаря пересказам быличек и поверий, но и посредством определенных действий — ритуального и неритуального характера. Например, во время женских работ в поле или в лесу подруги могли подшучивать друг над другом, изображая русалку (см. еще *Пугать*). «Адна вот была шутница — Фросинья-та Люжóнкыва. Ана раскасматицца, всё нáгыла скинит, выходит из лису. Лес — всё пылднивали, абедыли: в лес в халадок забивались. Ана выдит вот, распустит космы-ти и выдит, пугать, вроди, пугать, да <…>. Всё на свети сымит, дагалá всё: ну, адне бабы, бабы адне. Бывала, палоть ведь хадили, пшиницу палоли, — пшиницу, проса артелью палоли хадили. <...> Ну, как вроди эти русалки-ти вот, всё калякуют — русалки вот космы распускают, гаварят» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян.].

Также сообщается о ряженье русалкой в определенные праздники (см. *Наряженными ходить, Вёсну провожать, Шута хоронить, Святки*) и во время свадьбы (см. *Ярку искать*). «Ну да, на святки русалкай-та звали, <…> наряжина, придурят. В махрах. Махры какии-нибудь — и на галаве, и визде, и на самой шабол весь наряжина. <…> [Волосы] распускали» [ЕЕД, ОМФ, с. Новосурск; МИА Ф2002-22Ульян.].

Образ русалки использовался взрослыми в дидактических целях (см. *Подшкунивать*, *Пугать*). Русалкой наряжались представители старшего поколения, чтобы отучить детей от посещений опасных мест (реки, болота, горы и т.п.), заставить что-либо сделать (например, уснуть, перестать купаться). «“Вот русалка идёт! — бывалыча. — Спи! А то щас русалка придёт! — а какая русалка. — Давай спи, а то завтра русалка придёт!”» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-13Ульян.]. «Чай, пугали нас: “Ага, иди-иди-иди в гору — там русалка сидит!” Малинькии… У нас вот тичёт, вот за нашими прям дамами тичёт речка прям — ну, как вон в этих, вот ана тичёт, и вот тут вот пириход: “Иди-иди, — там пайдёшь, — иди-иди, там тибя русалка эта схватит!” Эта пугали…» [ММФ, с. Никитино; СЕВ Ф2009-12]. «Айдати, а то чиганашка выйдит, и вас захватит, и утащит в речку!» [КЕА, БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-05Ульян., № 36].

Стоит отметить, что в настоящее время о русалках рассказывается гораздо реже, нежели, например, о таких мифологических персонажах, как домовой, оборотень или летун. При упоминании о русалках информанты часто относят знания о них к разряду детских «пугалок» (то, чем пугали старшие в детстве, — наряду с такими персонажами, как бука, баба-яга, бабай и т.п.).

Кроме того, про русалок (впрочем, как и про других названных персонажей) нередко рассказывают своеобразные «антибылички». Например: «Нет, я слышал эта всё — русалки, но я им ни верил, патаму шта я рыбак. А ведь ани на ваде, эта всё гаварили: эта мы рыбачили, и вот выбрали, — эта мы сеть пирибирам, рыбу выбирам. Палажили на лодку, сели на них, штобы лодки-те не уплывали. Ну, вот там двои бигут: “Русалка! Русалка!” — кричат. И сабираюцца бижать, мы им кричим: “Куда бижити?” Я этаму ни верил, ни баялся» [ВГП, с. Кадышево; СИС Ф2003-02Ульян.].

Е.В. Сафронов

РЮХИ

Игра со сбиванием деревянных чурочек была распространена в Ульяновском Присурье повсеместно. Наряду с общеизвестным наименованием этой игры *в городки*, довольно часто встречались названия *в рюхи* (с. Первомайское, Утесовка, Сухой Карсун, Вальдиватское, Русские Горенки, Потьма, д. Александровка), *в чухи* (с. Б. Кандарать, Первомайское, Валгуссы), *в клёк* (с. Б. Кандарать). Иногда название «рюхи» относилось не к самой игре, а только к неудачному удару. «“В городки”. Название “городки” было. “В рюхи” нет. “В рюхи” это уж вроди, ну, ни выиграл ты, ни сбил — это “попал в рюху”» [ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-36Ульян., № 33].

Так же как и другие игры спортивного типа с выбиванием предметов, городки были развлечением мальчиков-подростков, парней и мужчин. «Ну, рабята, мы, маладёжь [играли], пятнаццать, читырныццать [лет]»

[ТПД, д. Александровка; СИС Ф2004-09Ульян., № 75–76]. «Нет, я вабшше ни видал, штоб [девочки играли]. Ни разу, сколька я жил, ни видал ни разу» [СЛИ, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 38].

Мужчины обычно играли по воскресеньям или в праздник. «Парни тожи [играли], ну и взрослы, мущины дажи эта. Если мущины там триццать лет, дваццать пять, в летнюю пору, в праздничный день обычно сойдуцца где-нибудь хоровод и вот затеют игру» [ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-34Ульян., № 48]. «Каторый раз играли. Вот как ни скажишь, и на праздники, или чаво ли, сидят вот на праз*д*ник, сидят глидят, глидят: “Айда, там, сасед!” — или как — “Айда, сыгра*а*м!”» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 98]. Здесь же во время игры старших и более опытных игроков младшие перенимали от них все игровые приемы и детали. «Ну, в аснавном дети играли. А эта уж кагда если нечива делать, и мужики — эта в аснавном в праздники. <...> Эта [дети] слушают, если песня, так слушают. Ага. А если игра какая там вот, “в рюхи” там, тут уж тожи смотрют, ага, как. И вот тожи начинают патихоньку» [МВД, с. Котяково; СИС Ф2004-05Ульян., № 27].

В послевоенное время, когда гендерные предписания и запреты были уже не столь жестки, эта игра стала занятием также и девочек-подростков. «И дивчонки, и мальчишки. Играли все вмести, все вмести. Проста биз разбору всё, дивчонки, мальчишки — всё биз разбору» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-30Ульян., № 19]. «“Рухай” играли: дубинак многа кидали, клеков наставишь штук пять наверна. Вот в каторый пападёшь. <...> Натешит папанька клеки вот как-та с затачёными канечками. Дубинки такеи каротиньки*и*. [Девочки] играли. Патаму што мы были все раждёны: два мальчыка, по дви девачки и у саседив также. Так заадно все и играли» [ЧЛН, с. Утесовка; СИС Ф2009-32Ульян., № 15]. «Ну, маненька [играли], были ищо маниньки кагда. У них увидим, у рибятишкав: “Давай, дивчонки, мы!”» [СКИ, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 38].

Играть начинали весной, когда появлялись первые сухие полянки. Обычно это происходило после Пасхи (см.), поскольку во время Великого поста существовал запрет на веселье (см. *Пост*). Наряду с другими играми (см. *Орел*, *Яйца катать*, *Клёк*, *Козны*, *Котел*, *Чиж*, *Шар*) эта игра входила в комплекс весенне-летних развлечений. «Вясной выхадили, вот как сичас на Паску, где были плиши́ны сухии. Эта рабяты играли “в рюхи” называли. На “гарадок” вон хадили яйцы катать — вон гара-та вот. <...> И рабята, и девки хадили яйцы катать, и “в лапту” там играли. И ну, “в рюхи”, наверна, играли. На Паску, как суха станит, начинаицца вот, как вясна-та растаит, так и туда хадили» [МИК, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-02Ульян., № 64].

Место для игры в городки требовало предварительной подготовки: площадку выравнивали, очищали от травы («Чай, там травы ни далжно быть, ровна») и утрамбовывали. Обычно ей пользовались постоянно из года в год.

Для игры были необходимы деревянные чурочки длиной 15–25 см и диаметром 6-8 см (*городки*, *рюхи*, *чухи*, *клёки*), а также палки — *биты*, *лопты*,

выручалки. Количество городков и бит определялось местными традициями. «У нас йих и “гарадки” звали, и звали мы “в чушки” играть. “В чушки” играли. Вот у нас атец вот плотник был, он мне и “чушкав”-та нарежит, и “битав”-та наделаат. Вот я йих и вытаскывал целае бире́мя. Вытащу и играл с рабитишками» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 98]. «А “клёк” — йих двянаццать кляко́в была. Эта, мол, самые “чухи”, ну у нас называли “в клёк”. Ну, ло́птов многа была. Чай, во-о прям на руку накладёшь — ни адна, ни две нисём. <...> Двянаццать кляков, а лоптав я и ни знаю сколька, можит, да триццать, можит, больши. Патаму шта пайдём набирать-та, вот па бире́мю все нисём, ане вот такой длины вот [=60 см]» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-30Ульян., № 19].

Школьники из с. Промзино. 1930-е гг. Архив СКМ

Палки, которыми играли в городки, несколько отличались от обычных: ручка затесывалась, чтобы ее было удобно взять в руку, а противоположный конец немного расширялся. «Ани ни палки, а “панки́” называюцца. Эта в зависимости ат таво как. Каторый в руке [конец], он патоньши чуть-чуть. А эта, каторый набалдашник, то он штобы был навесистый. Кагда “в гарадки” играют эта так. А па-нашиму, па диревни, ну, в каждай диревни па-разнаму, “в рюхи”. Ани уж как всё палированы. Как всё равно лакам пакрыли, ани уж пиридавались от атца к сыну, так ани и шли. [Палки] клёновые там или дубовыи, но не липовая, ни лёхкая, а штоб была навесистая» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-03Ульян., № 101, 103].

Перед началом игры на подготовленной площадке чертили квадрат со стороной 1,5-2 м (*город, кон, круг*), и отойдя от него на условленное число шагов (от 3-5 м до 20 м — в зависимости от возраста игроков), проводили черту или намечали ямки. Отсюда игроки выбивали фигуры, которые ставились в центре города. «[Чертили квадрат] вот как, например, вот этыт вот кавёр [2х2 м], и на нём ставили, вот и с няво выбивали. Кажный вот выбивали, кажный за сибя» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 98]. «Надо абизатильна вот сделают “круг” вот этат, квадратный, да. Ну, метра, можит, там палтара делали такой круг» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-03Ульян., № 72].

Фигуры, которые складывали из чушек, были везде примерно одинаковы: *ворота, пушка, змейка, бабушка в окошке, колодец, серп, рак, письмо* и др. «Ну, фигуры по-всякаму ставили: и “пушку” ставили, и “калодиц” ставили, значит, “домик” ставили с “кукушкой” — всё ставили. [“Домик с

кукушкой" —] ну, эта проста, знаити вот, значит, два этих [городка] ставишь попирёк, значит. Буквой "П" ставишь, потом, значит, снизу ищо одну ставишь вота и вот там в серидини. Ана как бы выглядываит из ниё, из этой буквы "П". А "калодиц" ставили вот так вот. Вот прям как калодиц, вот натуральна. Квадратом ставили калодиц и в сиридини, значит, ставили [вертикально] вот этыт. "Пушку" вот, па-моиму, три: две так, третья, значит, сверьху и вот так вот стаит вот "пушка". Две папирёк, одна на них сверьху третья и читвёртая вот так вот лежит. "Змейка", эта абычна делали. "Серп" делали. Ну, штоб мышление была, выдумают, вот такую фигуру делали» [ОНВ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 88]. «Эта играли "в рюхи". Битка́ми били. Вот такии [=25 см] рюхи. Па парочки ставили, а патом там и "звяно", эта ага, то пару паставит, патом "питёрку" паложит — ну, пять штук. Вот кто выбьит. И "канвертам" клали: вот, значит, сюды паложут рюху, сюды рюху, и сюды рюху, и сюды рюху, в сирёдки рюху. Вот какую ты выбьишь: крайнуу или средн*ю*ю. [«Паровозом»:] чушку ставишь впириде́ и взади ниё как вагон. Эту ставют пиреднюю-та, а эти лёжа. [«Змейку»] И ета клали. Эту [=первую] паставют, а эти *з*игзагами, вот и "змия". И "пушку" ставили. Впириде́ [вертикально], и сзади апять, и сверьху третью-та паложут прадольну, как пушка. Наверху иё, третью-ту, клали, выделяли ей канец-та, штобы ана как пушка. [Четвертую и пятую] сзади там клали» [ТПД, д. Александровка; СИС Ф2004-09Ульян., № 75]. «[Фигуры] как тибе сказать, па углам-ти ставили, патом "бабушку в акошка": читыри этих на папа́ и адна рюха выглядыват. Па-всякаму ставили. "Змейки" ставили, па-всякаму, мала ли йих. "Звёздачки" ставили» [ССП, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-05Ульян., № 127].

Существовало два варианта этой игры: индивидуальный, когда каждый играл сам за себя, и командный, когда соревновались две команды.

В первом варианте игроки, установив очередность (см. *Кониться*), бросали биты, стараясь разбить фигуры и выбить чушки за черту города. Здесь было очень важно, чтобы игроки подбирались примерно одного возраста и умения, так как «если манинькый, яво завадиют, он да слёз» [МВД, с. Котяково; СИС Ф2004-05Ульян., № 28]. Победителем считался тот, кто смог выбить все рюхи за меньшее число бросков битами. «Ана [=фигура] разлитицца и вот кажную нада выбивать. Нада была выбить кажную [чуху]. [Побеждал] вот каторый биз атрыва выбьит все. Он разабьёт вот "пушку" и начина*а*т выбивать. Выбьит если он все, а прамахнёцца, астаницца [чуха], то значит, всё, ставит другой. [Палок] ну сколь? Сколь вот патребуецца, йих всё-таки была "битав"-та многа. Вытаскыва*а*шь йих, бывала, цела*е* биpе́мя, вот» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 98].

Иногда было достаточно просто разбить фигуру, а не выбивать все чушки за черту города. При этом обычно договаривались о том, какие фигуры и в какой последовательности будут ставить и сколько палок бросать. Здесь победителем считался тот, кто смог выбить большее число фигур. «В один [го-

род] играли, в один. Кон метр на метр очертют, а здесь [=в середине] ставят. И там метрав, на*в*ерна, на шесть, на восимь расстояние-то от этово, там тоже эти “ма́злы”, ну, ямычки такея: эта твоя мазла, эта моя мазла. И вот от этой мазлы, значит, ты (ну, должен сюды шагнуть, а то назад можно), и, значит, кидал. По две палки должен бросить. С двух ударов попасть штобы, да, выбить. Разбить, да. Если оне вдвоём начинают играть, значит, у них больше двух, кажецца, палок. Промазал, второй начина*а*т. Если уж, значит, тот промазал, то у них как-то равно получалось. Ага, одну фигуру сбил, значит, он ставит вторую фигуру, вторую фигуру сбил, значит, третью. А уж когда я кончил последнюю “пушку” (“пушка”, кажецца, последня*я*), то, значит, проигрыш у тово, а я выиграл» [ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-36Ульян., № 33].

Когда играли две команды, то могли делать как один, так и два города. В первом случае игроки одной команды по очереди выбивали рюхи, а игроки другой ставили следующую фигуру (они считались водящими). Здесь, как и в предыдущем (индивидуальном) варианте, могли или выбивать все чушки за пределы города, или же только разбивать фигуры, при этом уславливались об их числе и последовательности. Количество бит варьировалось также в зависимости от договоренности. «Патом ищо играли в эти, “в гарадки”. Вот ставили там эти, такии чушки были, круг [=квадрат] такой вот, в этам кружочке, в этам кружочке (вот резали такии вот, как эта называли мы, ну, “клёк” эта адин, “клёк” шшибали битками). Две, тоже две каманды. Круг адин. На сколька там, ну, можит, на метра три ат этава круга-та биткой-та вот бьёшь. А эта — и “пушки” там, и всяки*и*-всяки*и* разны*и*, и “калодцы” ставили, и всё. И вот этими, значит, битками выбивали йих тожи так жи, ни адин [биток]. И вот как эти выбьют, эта идут те ставют — ани вот, каторы*и* вадют. Эти как выбьют из круга все йих, йих многа [фигур], этих [=чушки] сабирают и апять ставют какую-нибудь фигурку там, эти выбивают. Как все выбьют, значит, идут другия эта» [МНА, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 2].

Когда играли на два города, то каждая команда била от своего города, стараясь разбить кон соперника. «“Рюхи” такеи вот, эта “выручалками” кидали. [Играли] на два кона. Ну, расстаяния сколька апридилят: питьдисят, дваццать метрав, триццать. [Каждый] ат сваёва кона бьёт» [ССП, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-05Ульян., № 127]. При этом новые фигуры каждая команда ставила сама, после того как была выбита прежняя. Смысл игры заключался в том, чтобы раньше выбить условленное количество фигур. «Две партии. Партия на партию играли. На два [города]. Ани сибе ставют, а мы сибе ставим. Там, например, дваццать метрав, штобы па десить метрав ани раздилёны, вот ани сваю, а эти сваю. Кто выйгра*а*т. Если ты адин, так там у тибя пять битков есть бить. Если первым [битком] ты сразу выбил, то всё, значит, харашо. А если нет, так то все пирикинишь, пажалуй, ни адной ни выбьишь. <...> А если наша партия выйгрыла, значит, ане астаюцца сзади. У них астаёцца та *и*ща [фигура], а мы сибе другую, там хоть “канвертам” или как ли» [ТПД, д. Александровка; СИС Ф2004-09Ульян., № 76].

В с. Б. Кандарать чушки раскладывали двумя способами: сначала ставили по две по углам кона, а четыре — в центре. Это называлось *стоймя*. Затем, когда эта комбинация была выбита, в том же порядке раскладывали чушки лежа. «А “клёк” — йих двянаццать клякóв была. Эта, мол, самы*е* “чухи”, ну у нас называли “в клёк”. <...> Выбить из этава вот, скажим, вот такой вот, ну, квадрат выризанный, дажи трава вырезана там нажом ли, тапаром. И тут далжны ане йих все выбить, выбить вот эти кляки. Первая партия вот так наставют: два, два, там вот так два, два, два — вот так вот наставют [по периметру квадрата и 4 штуки в центре] и лаптой выбивать. Наверна, йих, клякú-ти, партиями выбивали. Вот эта столь чилавек, у этих тожи столь чилавек. Вот адин кинул, ни папал. Другой кинул, два вышиб. Там третий кинул. Вот эта кончицца эта “стаймя”, патом начинают вот так класть йих: вот так вот, вот так вот [=как и в первом случае], тожи вот нужна йих выбивать. А лóптав-та! Ой! Биремя на руке-ти. Йих пирикида*а*м туды, а патом йих сабирём, чилавека два-три нисём на руке-ти йих апять сюда, пакамист мы ни праигра*а*м. Праигра*а*м, значит, мы там, а тут другея уж надчикают» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-30Ульян., № 19].

Роль последнего игрока в команде была особенно важна. В случае промаха первых игроков он мог удачным ударом вышибить все чушки из города, тогда его команда продолжала играть дальше. «Адин квадрат был. И вот чурки эти ставили и вышибали йих. Надо штобы всех да адной чурки вышибить из этава из квадрата. Спирва вот так паставют, в ряд. Все их вышибить из этыва круга все нада. Всё вот вышибли, патом ставили другую фигуру. <...> Некатырые, если харашо пападёт, то вся фигура вылетат. Ну, нас если пять чилавек, там скажим, вот все пятера: адин кинул адин раз, втарой бирёт кида*и*т, третий бирёт, читвёртый, и пятай. Кто харашо играит, тот, г*а*в*а*рят, абзатильна он должин выручить, “выручала” называли. Асталась какая-та фигура, знаш*и*т, приходит другая каманда, ани начинают играть. А этим толька приходицца уже нать сабирать каторы вышибли фигуры, да, вáдить. И фигуры ставят ани всё, а эти толька вышибают» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-03Ульян., № 72].

И.С. Слепцова

РЯЖЕНЬЕ — см. Наряженными ходить, Ярку искать, Второй день, Вёсну провожать, В покойника играть, Жатва, Кузьминки

С

С ГОР КАТАТЬСЯ

Катание с гор было одним из наиболее распространенных и массовых зимних развлечений. В Ульяновском Присурье эта забава уже практически не сохранила черты, свидетельствующие о ее прежнем ритуальном характере: обязательная приуроченность к масленице, катание молодоженов, катание с магической целью (чтобы вырос длинный лен и конопля, был урожай и др.). В описываемый период это стало занятием преимущественно детей и подростков, которые начинали кататься, как только позволяли условия и заканчивали, когда сходил снег («Да тех пор катаюцца, как лёд растаит»). О приуроченности катания к масленичной неделе сохранились только единичные упоминания. «Толька на маслиницу. <...> Ну, вабще всю ниделю. Уж с этай начиналась ана карянная-та маслиница с пятницы. Пятница, суббота, васкрисенье — уже Пращоный день. Тут уже ну кто прако́тицца, кто как. Уже тут всё прикращаицца» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 38].

В отличие от многих мест в этих районах не делали специальных гор для катания, а использовали природные возвышенности, склоны оврагов и крутые берега рек. «А к маслинице, ой, катались. Дароги были вон какии. На лидянках, на скамейках, на дравнях! Катались с гор вот, тут вот были, вот Юркина гара, Каротка гара, там Длинна гара, туда ездили. Туда дровни припрёшь, сядишь скопам на них, он едит! Айда вилел! Ни зна*ю* куда уко́тицца. А вот здесь Букарки, вот эта Букарки тут лес-та у нас, вот ат этава лесу уходит в луга, ни знай куды уедит. Снег асядит, скальзко́, дарога склизка. Бывала: "Айдати на Юркину гору!" Айдати маслиницу встричать на Юркину гору!» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 112]. «У нас вот окала церкви горка, вот тут все катаюцца! Кто на салазках, кто на чем. И вот сюда вот маненька падальши тожи горка была — Фросинькина. Там стара девушка жила Фросинька, вот так и назвали эту горку Фросинькина. Или на Фросинькину гору или к церкви пабигут» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 38].

Для катания изготавливали как специальные приспособления, так и брали любые подручные материалы: куски кожи, обмолоченные снопы. «Вот мама мая пакойна*я* гаварила, дивчонки на абмалотках катались. На абмалотках катались с гары-та. Утрам встанут, многа, гаварит, абма-

лоткав. Варуют видь. У всех сваи агароды, сеились, засявались пшиницей да рожью, вот у них варавали абмалотки-ти, катались» [КАФ, д. Алейкино; СИС Ф2008-03Ульян., № 36]. «А, бывалыча, ахота схадить [покататься]: "Ма-ам! (а идти-та не в чим) Ма-ам, да в чем мне на маслин*и*цу схадить-та? Народу-т*а* сколя! Полк!" — "Ну чаво я тибе?" А у нас гара бальшая была. Мы па снапу канапли вазьмём да с этай гары-та катацца. Так-та [одежды] нет ничаво, да придём мо-окры! *В*места маслин*и*цы-ти. А там народу-ту! Полк! Ат магазина, вот щас ат асфальту, и вот да этыва аврагу дахадили, народ-т*а*» [КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 81]. Если же ничего не удавалось найти, то «катались на нагах, на жопи так прям биза всякаво, каторы если ничаво-та нет, салазкав, а катацца-та ахота. Малодинькии, нады» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 4].

Иногда дети катались с гор на донцах от прялок. «На данца́х катались, на снапах катались. Катались зимой, кагда хошь. Придёшь вот в келью параньши, а што? Нет никаво агонь вздувать. "Айдати, давайти паката*и*мся с гары, айдати". И пайдём» [МЕЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 10]. «На всем катались. На каторам сидишь придёшь [=прядёшь], на данце́. Вазьмёшь и на гару. "Айдати на гару катацца!" Сядишь на данцо и паехала» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 91].

Наиболее доступным приспособлением для катания, которое мог смастерить даже ребенок, была *ледянка*, *ледяшка*, *чу́на*. Для ее изготовления брали старое решето, корзинку, намазывали коровьим навозом низ, ровняли его и поливали несколько раз водой на морозе. На ледянке можно было кататься только одному. «Ну, с гары-ти эта ни тол*ь*ка на маслинцу, так катались. "Лидянку" сделают. Знаити, што такое лидянка? Вот эта вот лукошка абе́чка [=обод], вот схристят яму дно-та да эта там чаво-нибудь паложут, каровьива гавна налепют и замарозют. Патом паливают иё, ана знашь как литит с этава, с гары-ти! На них катались, на лидянках» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 90]. «[Катались] на "чу́нах". Сделают вот "чуна", вот так сделают дирявянны. Заливают их вот каровьим гавном, паливают, ане замерзнут, замерзнут. Пиривярнут иё, вот заложут этими, каровьим*и*-т*а* этими и зальют вадой. Ана за ночь замёрзнет, гладинька сделаицца и паедишь. Ни дагонишь» [НВА, с. Княжуха; ЧМП Ф2000-7].

В с. Потьма ледянкой также называли дощечку, на верх которой прибивали квадратом четыре планки, а низ также подмораживали, хотя чаще такое приспособление называли *корабликом*. Катались на нем тоже младшие дети и девочки. «Делали лидянки, у каво нет салазак — на лидянках. Вот такая даска длиннинька вот эдак вот, накладёшь ат каровы вон дирьма, да, и сверьху тут снегам или льдом, штобы была. Вадичкай пальёшь, ишчо снижку, ана намараживацца. Падтёсывали [носик], как жи, штобы ехала, ни втыкалась. Так вот сверху ишчо планачки вот так. Вот папирёк две планки, патом на них ишчо планки. Как вроди у салазачках. Садицца харашо штобы в ниё была, штобы эта, ни смызну́ть [=соскользнуть]. А то лидян-

ка-то уедит, а ты на гаре астанисся. Там [сверху] паложишь чаво-нибудь, сена или чаво ли накладывай, или какую-нибудь дирюжку, садись — и айда пашол!» [ММС, ШПС, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 12]. «А “караблики” тожи намараживали. Ну делали так: вот даска, с метр даска. На ниё так планычка прибивалась, так планычка и так ищо па планычки [=квадратом]. Нос маненька ей закругляли, падтёсывали. Ну и саломки настелют или чаво-нибудь пастелют. А снизу-ту была льдом всё, лёд намараживали» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 16].

В с. Кадышево устройство кораблика было несколько сложнее: на доску прибивали два чурбака, служивших основанием для сиденья, и делали руль. «“Караблик” вот как делали. Снизу даска, нижнюю доску, как караблик, вроди абтешут маненичка нос. И чурбак вот эдакай паставют [30 см] из дуба, нады два, и для таво, штобы сесть, ишчо дашчечку, штобы харашо была сидеть. Каторы пряма рулили, чаво-нибудь приделают, как*и*-нибудь. Сами, рабятишки [делали], ну, катораму, можит, сделали атцы» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 4].

Кроме того, специально изготавливали различные типы санок — например, *скамейки* (*ерасани* — с. Княжуха; вероятно, искаженное аэросани), представлявшие из себя две расположенные горизонтально друг над другом доски, соединенные четырьмя ножками. Нос у нижней доски скамейки подтесывали, как и у кораблика. Часто скамейку снабжали бортиками по краям. «“Скамеички” делали харашо. Сделают: внизу даска и навирху даска. И патом эти вот падло́жки, как ножки сделат с абои стараны. И на этай старане, как до́ску нада палажить. Тут эта падложичку там атец ли там брат ли делал — и скамейка выйдит. Тау́ [=нижнюю] доску замарозицца, а на этай сидеть нада. Вот эта скамейку он мне делал» [ТМИ, с. Белый Ключ; СИС Ф2000-15Ульян., № 19]. «Эта “скамейку” эта рабята катались. “Скамейки” вот так, тут сиденье и эта, а на тем [нижнем] ехать. У нас ни даска была, а как-та вот так загнута, как полыз, да. Как “караблик”, “карабль”» [КНО, д. Александровка; СИС Ф2004-10Ульян., № 10].

Нередко скамейки делали на трех полозьях (*коньках*), передний позволял рулить, а на двух задних скамейка скользила. «Ну, “скамейкай звали”. Эта стульчикам делали, ну как всё равно, ну нападобии вел*а*сипеда. Эта на каньках делали. Впирида адин канёк и сзади два. Вот йих падделывали к даске, эту до́ску прибивали на́ даску же, а тут впириде́ свирлили дыру и тоже и как руль, рулевое управление бы́ла. Аднем-та [передним] каньком правишь, а эт*а* ездили. И зацыпали ищо. Вот катались вот тут с этай с Кабацкай гары катались» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 17].

На скамейке катались обычно подростки компанией. «У церкви у нас была гара, аттоль как под гару, вот там катались. Всё время как вечир — катацца. Раньши-ти сделают “скамейку” такую бальшую, сядут все девки на скамейку чилавек восимь и вот (у нас пад горку улицы-ти) на этай на скамейки даижжают да площади» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 31–32].

Наиболее удобны для катания были санки (*салазки*), которые могли быть как самодельными, так и покупными. «На салазках, как жи, как жи, катались. Вот с нашива-та бугра всё время катались. Салазки были диривянны*е* сделаны, нарядны. А патом жилезны. Салазки-ти вот атцы делали. Ну вот, какеи? Ну, вот два по́лыза, палазья́, тут капылы́ к ним приделывают, а патом дашчечки, и дашчечки-ти наряжают вот краскай или ане красили жолтиньки*и* такеи, ну хто каке*и* придума*и*т. Там изламацца: “У миня вязок изламался, салазки изламались”, — и делает атец если был. Йих прадавали, йих на базари пакупали. Или возют вот, па сялу прям вязут, да. “Салазки прадают”, — крычат рибятёшки. А спирьва-та на этих, “лидяшки”, лидяшки, да, замарозим, лидяшку паливай, паливай и вот ката*и*мся. Пинжак-та вот по́лы-ти пападают туды, атарвёшь все пуг*а*вицы, все по́лы. На салазках-ти харашо, сядишь дабром, а эта лидяшка-та видь ана чаво там» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 3].

Мальчики-подростки катались также на *бала́нде*: согнутой наподобие двойки металлической трубе, у которой было два полоза. «А ишшо делали “баланда” была. На ней катались. Вот. Проста вот, ну эт*а* жилезка была как-та выгнута, на ней катались харашо. Сагнут как вот две, как будта бы две дуги сагнуты. Держисся за эту, а на двух на этих стаишь. С гары и котисся на ней» [НВА, с. Княжуха; ЧМП Ф2000-7].

Катание на санях было развлечением не только детей и подростков, но и молодежи и даже взрослых. Они могли прокатиться и на ледянках и скамейках, но чаще катались компаниями на больших санях и дровнях. «Зимой эдакии-ти вот жанатыи-ти па году, па два, па три, па пять. У калхознава у бригадира вазьмут сани (лашадей-та запрягают) и на гару йих! А гара-та! Два кило́митра литят ат Кандарати да речки-ти эти сани-ти!» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-30Ульян., № 46]. «Мужики с бабами если тол*ь*ка уж кагда на праздник сани вазьмут вот. Сидят, сидят вот эдак вот, выйдут: “Айда паехали! Айдати пракатимся!” Я уж как помню, уж тут не была единаличных саней-та, вот на пажарки вазьмут сани, выходят и вот ат клуба и да самай да речки. На санях насядуцца пално: женщины, мужики маладыи. И вот нескалька раз вечирам. Каторы-ти вичара видь какея! Святло, тиха! Или в праздник. Ищо народу была больна многа. Тут была в праулки-ти — ба-а! Стон стаял весь вечир. Рибитишки в авраг на лыжах, визде слядов надела*а*м, ката*а*мся. А вот эт*а* женщины, мужики на санях» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 96].

Особенно при этом выделяли молодоженов. «Да как жи [молодожены] ни катались, катались! Ну, ане шутили и над ними шутили, как жи, всё смиялись. Были шутки, бывала, люди-ти были шутливы. Всё куча-мала, вот все с саней и бягут нарошна к ним, штобы задавить йих и пракатица бы с ними, как жи» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 7].

Для молодежи это было одним из способов продемонстрировать симпатию, выбрать себе парочку. «Хадили катались [с берега] к речки всю зиму.

И парни с дивчонками. А парни с дивчонками-ти эта была как принята, мила дела! Дивчат пасодют впирёд, в бальшии санки насядуцца и парням вон удавольствие была катать дивчонок. Скати́цца с дивчонками» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 17].

При этом устраивали различные шалости. Например, делали кучу-малу (*чехарду*). «На санях катались, калхозны*и* были. Конный двор рядам был вот, а тута саседав-ти у миня не была, с йихава агарода и да Суры катались на санях-ти. Патом апять атвизём йих, на места паставим. Ка*г*да хошь, ат нечива делать вот пайдём. Привязут рибятёшки дровни, чикардо́й котимся прям да Суры. Пално друг на дружку накида*и*мся, как хворастˌ и ката*и*мся. Вот чикардой, друг на дружку вот, ты паспела прыгнуть, скарей прыгнёшь на каво там ты, заце́писся ли за каво, навали́сся ли за каво, вот чикарда эта была. “Куча мала, ищо чилавечка два!”» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 5].

Парни могли устраивать довольно рискованные соревнования в скорости, скатываясь на дровнях с гор. «Ни толька всю маслиницу, а многа была игрищ-та, многа. Ни толька на маслиницу, в харошие дни-та катались, сабирались. Ну, а маладёжь-та вечерым-т*а* вот, бригада рядым была, значит, дровни из бригады упрут. Бывала, конюх уж ни ищит, эта упёрли рабяты. И пагнал: “чапаевцы” да “махновцы”. Вот, значыт, на *о*дной лошиди “чапаевцы”, на другой “махновцы”. Хто дальше уедит. С гор катались на дравня́х» [ВПМ, с. Сара, ММГ Ф2000-3].

Если же катались на ледянках, то также старались перегнать друг друга. «Лубянка, эта паближи *о*становицца, у других падальши уедит, пиригонит иё. Вот, гаварит, пиригнал, апять пиригнал. А тут сваля́цца. “Ну, — г*а*варит, — сел пириганять и свалился”» [ТМИ, с. Белый Ключ; СИС Ф2000-15Ульян., № 19].

В пос. Сурское мальчики и парни играли *в подхват*: раскладывали шишки вдоль накатанной колеи и, съезжая по очереди с горы на санях, на ходу их собирали. При этом нельзя было тормозить и останавливать санки. Когда шишек становилось мало, то их подкладывали еще. Выигрывал тот, кто больше собрал (подхватил) шишек [ЖАП, пос. Сурское; ГЕН ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 12, 1996].

И.С. Слепцова

С УТКОЙ ВЫХОДИТЬ — см. Горной стол

САБУРОВ КОЛОДЕЦ

Сабуров колодец, расположенный в с. Княжуха, — уникальное явление для сакральной географии Ульяновского Присурья. На исследуемой территории отсутствуют представления, связанные с громовыми источниками, с мертвой водой (см. *Народно-религиозные представления*).

Сабуров колодец же в народе имеет дурную славу. По мнению местных жителей, это «нечистое место», на которм «шабаш был, там калдуны сабирались са всех краёв» [ТАА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12]. Сабуров колодец «бывалышный, старинный»; сейчас он «загажин — никто там ни абрабатыват, а раньши, вроди, гаварили, што туда слётались все — какие-та там валшебники» [КНА, ЕВЯ, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12]. В традиции закрепилось еще одно название колодца — *Ржавой*. Так он назван по цвету воды, содержащей, по-видимому, большое количество солей железа, делающих воду непригодной для питья.

Вода в колодце особая. «Вада была очынь халодная и, па всей вираятнасти, вредная. Иё начынали пить, и люди балели. И атсюда слава а Сабуровам калоцце павелась очынь нихарошая» [ТАА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12]. Есть и противоположное мнение. «А вада-та была как залатая. Ну, пи́ли, вада-та хараша. Пи́ли. Вада была слишкам халодна. Така празрачна, как залатая. Вада очынь хароша» [КНА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-13].

Существует много примет, подтверждающих необычную природу Сабурова колодца. Около него люди начинают странно себя вести. «Женщина плачыт и плачыт. Вот и плачыт и плачыт. Стала я к ней ближи пыдхыдить. Ана дальши. Вот дашла ана да этава калоцца и се́ла» [МНБ, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12]. Домашняя скотина, чувствуя необычную природу Ржавого колодца, «раскидывает» его. «Окала этава калоцца сабираюцца такии вот — “нидобрыи”. Ну, эта гаварили, вот эти валхуны-та литают, валхуны. [Поэтому] быки вот — ста́да пасут — скатина иво растащила. Вот так вот!» [САП, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12]. У колодца встают на дыбы лошади. «Елховский враг [=овраг]. Там в лису калодиц. Вот туда пайдут. Если ни вовримя пайдут, встанут на дыбы. На дыбы встанут» [НОА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-13]. Чтобы лошадь пошла, нужно выругаться матом. «Мы адин раз паехали, пашли пишком, с Тоний пакойнай. И вот даходим да этава. А дядя Миша Тирентьив, на рысаках видь он работал — едит. Сзади нас: “Давайти я вас пасажу, айда-ти”. У ниво Лимпа [лошадь] стала на дыбы и ни в какую ни идёт. Ни в какую ни идёт. Ба! А он давай матам ругацца тагда — па-всяки, па-всяки. И ана вроди и пустила́ и пашла» [АЕП, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12].

На «нечистом месте» был установлен крест. На колодце совершались службы. «Это вот в Сабуров хадили. Ну, как? Хадили — служили тама» [ДЕП, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12].

Существует множество версий образования Сабурова колодца. Рассказывают, что колодец был вырыт по приказу помещика Сабурова, в честь которого колодец и получил название. «Сабуров калодиц, па приданию, эта земля принадлижала памещику Сабурову. Памещик Сабуров имел бальшую площадь зимли, а штобы напаить скот, а в этих аврагах доступ к этай ваде был крутой. И он ришил там сделать калодиц. Калодиц сделал мой прадид. <...> С ним история случилась, па приданию» [ТАА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12].

По другой версии, Сабуров колодец вырыла руками «испорченная». «Вот эти слитались тама. Ани ночью там слитались. Ни в урочна время — там вот двинаццать как. А вот этат вот калодеись Сабуров он паявился. Адну тожа тут "сделали" [испортили]. Ана иво вырыла. Ана иво руками рыла» [КНА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-13]. По третье — Сабуров колодец был вырыт, но не «испорченной», а простой женщиной. На месте образования родника была обретена икона святого Николая.

Существует и «реальная» трактовка чуда образования «нехорошего» колодца. Рассказывают, что его вырыли во время сельскохозяйственных работ. «Как он [=Сабуров колодец] абразавался? Любой калодиц кто-та вырыл. Эта всигда дела рук каво-та. Чилавека какова-та. Там раньши пасли скот и все такое. Пить захатели. Вот кто-та иво и вырыл» [НОА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-13]. «У нашива атца — у деда маво — там были паля. А прадид — мой прадид — там выкапал калодиц. Выкапал калодиц там. Иво называли Сабуров калодись. Он и щас сущиствуит тама. Этат калодиц мой прадид выкапал. Ани там паля засивали и вот выкапали там калодиц» [АЕП, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12].

«Нехорошая слава» Сабурова колодца возникла не случайно. Сюда слетаются на шабаш *колдуны* (*волшебники, эти, нехороши люди, недобрые, волхуны*). «Ани там сабирались. То птицами, значит, взлитали. То ваабще, гаварят, што эта шабаш был — там калдуны сабирались. Са всех краёв» [ТАА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12].

По мнению местных жителей, слава о Сабуровом колодце распространилась далеко за пределами Ульяновской области. В с. Княжуха на Сабуров колодец слетаются колдуны не только со всей России, но и из Белоруссии, с Украины. «Сабуров. <...> Я маладая была. И лижала в бальници. Ана сама из-пад Читы. Вот мы сабирёмся. Ана: "Вот ты из Княжухи. У вас там Сабуров калодиц". Я гаварю: "Был". "Вот у нас дедушка — калдун. Вот он дажи из Читы сюда [туда] прилитаит"» [МНБ, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12]. «Гаварят, чта эта шабаш был — там калдуны сабирались. Са всех краёв. На Украину наши ездили. <...> Вот и там пра этат Сабуров калодиц спрашивали. Те, каторы на Калыме, в Сибири — ой, да там тожа рассказвают!» [ТАА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12]. «Слышать-та слышала. Ни знай, правда или нет. <...> Вот у тёти Вали Шатовай приижжал какой-та из Чибаксар, что ли. И вот он: "Мы на этат калодиц схадились все". Все такии — "нихароши". На этот Сабуров колодец. Вот я это слышала» [ДЕП, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12]. «Вот были кто на саломи [=на работе] — на Украини, вот рассказывают. У каво там спинка забалела или чао, пайдут там к бабки какой-нить — к лекаркé. Ну вот. Ана там спрашиват: "Вы аткуда?" — "С Ульянавскай области". — "А вы знаити вот эту диревню?" Гаварят: "Знам. Вот, — гаварит, — мы слятамся туда варонам — и вот эта вот там мы делам дела сваи". А вада-та была как залатая! И вот ани и с Украины, и в Беларуссии были. И все на этат колодись. Вот. И мы, грит, слитамся там, там

все. Ани всех знают, этих вот. Вот ани на Украини, на Беларуссии — аткуда ани знают, вот?» [КНА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-13].

Сабуров колодец было местом, где колдуны оборачивались (см. *Оборотень*). «Раньши вроди гаварили, что туда слитались все. Какии-та там валшебники. У этава калоцца. И вот ани с нажами там были. И вот иво акружили, этат калодись. А патом там нагавор какой-та был. Ане, значь, прихадили сюды и ани абарачивались кто свиньями, кто каровай, кто как. И вот ани людей, значит, лавили. Ну, ани использвали этих людей. Примерна я тибе вридитиль, тибе что-та я наделала, он хочит атамстить, идёт на этат Сабуров калодись, прыгаит там чириз нажи каки-та, пириделывацца, и вот он миня ловит. А он там свинью иль искусал и уши мне атрезал — и всё вот эта такоя» [ЕВЯ, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12].

Колдуны слетаются на Сабуров колодец в особое — неурочное время (в полночь). «Вот эти слитались тама. Ани ночью там слитались. Ни в урочна время — там вот двинаццать как [наступит]» [КНА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-13]

Никакая сила не удержит колдуна в неурочное время дома. «Ну, туды эта нихароши люди хадили видь. Гаварили всё. Калдавство там како-та была. Он у нас вот вон далёка-далёка Сабуров-та калодись. Вот словна всё гаварили вот. Портиют людей. Мне Шурка Захарава рассказ*ы*вала. Он удавился, давно удавился. Аставил дваих дитей. Вот как двинаццать часов, он бижит на тот, на Сабуров калодись. Иво ни пускают. А он бижит. Что-та заставила. Кто-та заставлят иво: “Иди туды!”» [ЖЛЯ, ПАИ, с. Араповка; ЛАП, СЕВ Ф2007-13].

Колдуны прибегают к разным способам, чтобы попасть на заветное место.

По одной версии, колдуны на шабаш шли в белых одеждах. «Пахали трактарист с сыном, ну, в начным. В белам адиянии прашли туда, на Сабуров калодиц. Ну, я считаю, что эта всё мифы. Ну, можит, памирещилась, можит, пьяный был трактарист, ни очынь-та я верю в эти сказки. Но тем ни мения вот такия вот рассказвают. Ани там сабирались» [ТАА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12].

По другой версии, колдуны обращались птицами (чаще — воронами, галками), чтобы передвигаться по воздуху. «Вот эти слитались тама. Ани как слитались? Ани ночью там слитались (см. *Оборотень*). Ни в урочна время — там вот двинаццать как. Ани вот делают какеми-ниб*у*дь варонами — больши вот варонами. Как всё эт гаварят. Ани сами признаюцца: “Вот, — гаварит, — мы слятамся туда варонам — и вот эта вот там мы делам дила сваи”» [КНА, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-13].

Передвигаться особым образом колдунам помогало чудодейственное средство. «И вот здесь вот жили, фамилия их Удаловы. Ана щас пакойна стала. Ана жила патом в Сурским. Ана тожа эдак — ухадила из дому. А мужик — Никалаим иво звали. Эта вот он сам рассказывал, что интиресна. Ни верили — дивчонки были маладыи. Гаварит: “Праснусь — нет

окла миня Маньки. Где же мая Манька?” Задумал праслидить. Праслидил за ней. Дастала, гаварит, пузырёчик какой-та с божьий полки. Выпила. И Манька прапала. Он думаит: “Ну-ка, и я выпью”. Выпил. И очутился, грит, я у Сабурова калоцца. Как, грит, я ни знаю, очутился там. Ачутился, грит, окла этава Сабуров калоцца. Ани, грит, вакруг сидят. Он гаварит: “Знати, дивчонки, не толька наши, са всех сёл, са всех, грит, слитались. У них савищанья каки-та, разгаворы были”. Са всех сёл слитались, гаварит. Он: “Ах! А тапирь я как дамой?” Пишком идти аттоль — ана придёт, а миня нет. Ана впирёд иво прилитела, канешна. Ана знаит там как, кувыркаюцца ане, как ли, жид их знат. Пришёл, гаварит. Иду, грит, пишком. Уж рассвет. Пришёл дамой. “Ты где был?” — “А ты где была?” — “Дома”. “Нет, ты ни дома была”. Вот разругались мы с ней — чуть дела ни да разводу. Сказал: “Брось этим занимацца, брось! А ни бросишь, я те голаву атарву”. Ана, гаварит, бросила» [АЕП, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12].

Когда колдуны «слетались» на колодец, поднимался необычный вихрь. Иногда волхуны оставляли приметы своего посещения. «Абычна в абед ну садились у этава калоцца абедать ну, пахали там, баранавали. Жнитво́. И вот эдак жи. Ане сидели абедали. Вихрь паднился́, и у них ножик и улител — ножик-та усвистелся. Нет и нет нажа. А туда раньши слитались все, кто занимался калдавством, к этаму калодцу — к Сабурову. Слитались все. И вот ане слитались. Там у них савет какой-та свой был. Как уж ане, я не знаю, хадили. Гаварят, литали, калякали всё. И вот патом атец, знашь, увидал ножик — этат свой. Най, у них, на этих Высилках, наверна, на третий двор ане жили. Ана занималась этим делам — калдавством-та. Вот. А у них дочь была — Санька. Он где-та в школи увидал: “Санька, эта мой ножик. Ты где взяла?” Гаварит: “Я ни знаю. Дома взяла”. Ана ни знат, что у ниё мать занимаицца чем-та. Вот» [АЕП, с. Княжуха; ЛАП, СЕВ Ф2007-12].

А.П. Липатова

САВАН ШИТЬ — см. Покойника убирать

СБОРНОЕ

В воскресенье через неделю после масленицы, называвшееся *сборна*, *сборное воскресенье* (с. Первомайское, Проломиха, Палатово, Чумакино, Новосурск, Котяково) или *маленькая масленица* (с. Первомайское), было принято устраивать гулянье. По-видимому, это является пережиточной формой обычая праздновать масленицу так же, как и святки, Пасху и Троицу, — две недели. «Ну там ищо адна “малинькая маслиница” чериз ниделю есть. Так называли “малинькая” — у нас в диревни» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-07Ульян., № 9]. «Эта называицца “сбо́рна”, да, а посли “сборнава” пайдёт Виликый пост» [ЛСФ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 87].

Название праздника связывалось со «сбором» семян и их освящением перед наступающей весной и будущим севом. «Эта вроди симяна сабирали, сеить. И вот называли этыт праздник “сборна”. “Нынчи, гаварят, сборна!” Тагда церьква была, хадили служить над этими симянами в церькву» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 100].

Кроме того, в этот день выполняли некоторые магические действия, направленные на благополучие хозяйства. Например, закармливали кур разными видами зерен. «Вот “сборна” называли. Надворна эти симяна всякии курам давали. Ну, какии есть. Там рожь, авёс, щивица — этаки были симяна-ти. Вынисут, пакидают *й*им, ани паклюют» [БАА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 43].

Этот день часто осознавался как завершение масленицы (см. *Масленица*, *Провожать масленицу*). К нему были приурочены почти все те же обычаи, которые характерны для масленицы: приготовление блинов, перегащивание, разжигание костров и катание на лошадях. В с. Первомайское маленькая масленица считалась не только концом зимы, но и началом весны. «Так называют “манинькая маслиница”. Примерна, маслиница начнёцца, а ва втарое васкрисенья эта уже у нас “манинькая маслиница”. Ды и блины пякут, и, бывала, кастры жгли. Щас уж ни жгут ничаво. Бывала, кастры жгли па улицам. Эта на “бальшую”. Да и на манинькую, праважали. “Провады зимы” називацца. Начана*и*цца весна, провады зимы. А эта [на большую] встричают, а на манинькую праважают» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 33, 40]. «На маслиницу и на манинькую [катались] вот па улицы, эта ка*г*да лошади были» [ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 90].

На маленькую масленицу молодожены приезжали в гости к родителям молодого, при этом устраивалось небольшое застолье, без гостей. «Эта у каво маладыи гуляют. Вот эти маладыи да вот мать с атцом вот пагуляют, да и всё. [Пост], бывала, маненька всё-таки саблюдали» [ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 90].

Гулянье в этот день имело ряд особенностей. Несмотря на то что уже шел Великий пост, угощение могло быть таким же, как и на масленицу, то есть скоромным. «А посли маслинцы перва васкрисенья эта называ*и*цца “сборна”, все эти падбирают, што на маслиницу ни даели, всё эта сдобна всё падбирают, всё даядают» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 100]. «Эта называицца “сборна”. Вот посли маслиницы эта всю стрипню ат маслиницы [доедали], малинки, да, блины. Малако можна [есть], а мяса нет. У каво ес*ть*, сабирают [гостей] — и мужики, и бабы. Всё зявают: “Айдати пахмиляцца! Масли*н*ицу даганять!” Там кри*чат*: “Нет уж! Ана ушла, уехала”» [ЛСФ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 87]. «Эта “сборна” — ярманка. В Бирезниках у нас была ярманка, паедут на ярманку. Хадили [по гостям] па сваим, ну радным. [Скоромное] можна, всё пайидят всё. А патом всё, загавеюцца. Ни дают нам есть. Сладкае есть ни дают. Вот паследнее эта васкрисенья всё падъйидят, а там уж всё, да Паски» [РТТ, с. Чумакино; СИС Ф2000-10Ульян., № 5].

Часто в этот день специально ездили на базар, чтобы купить рыбы. «“Сборна*е*”. Маслиница прайдёт, загавеюцца. А в другоя васкрисенья ездили вот в эту в Пагибелку [=с. Красносурск], сяло была, там базар был в тем силе-та. Вот ездили на базар. Аттоль вот привязут икры да малоки. Рыбы привязут на эта васкрисенья, што вроди рыбу можна была. Свая симья [собиралась]» [МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-31Ульян., № 161]. Но нередко готовили только постные блюда. «Гуляли. Поснава-та масла ево сколька угодна, капусты сколька угодна, гарохавава киселя наварят, авсянова киселя. Растительна*я* масла канаплянa*я* — ево абъешься! Щас с агнём ни найдёшь» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-07Ульян., № 9].

В с. Палатово застолье в этот день устраивалось только женщинами, здесь этот день назывался *бабьим праздником*. «Паслé маслиницы ниделя прайдёт, вот и “сборна” называли. Гуляли на этыт день. Эт*а* брагу дапивали — к маслинице браги варили. Брагу, ну, ана из хлеба. Ну, вот надворна гуляли. Старухи сабяру*цца*, бабы то*ль*ка адны сабяруцца, пагуляют. Бабий праз*д*ник. Всякии, всякии песни пели. Батюшки! Ани уж ни плясали, уж ани пажилыи-ти. Гадов, чай, па сорак-питьдисят, вот эт*а*ки. Мужики уж ни гуляли, хватит им. Ани на маслиницу атгуляли. <...> Мужикам нада самагонки. А бабы на браге пагуляют» [БАА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 44]. Причем в этом гулянье не участвовали молодухи, вышедшие замуж в предыдущий мясоед. «Малодиньки ищ ни гуляли. А ани, маладажоны нет, ани ни гуляли. У них радитили гуляли. Мал*а*дажоны ищо ни гуляли, им *и*щ ни паложина — малодиньки. Вот паживити и будити гулять и вы» [БАА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 46].

Маленькая масленица, несмотря на то что она приходилась на период Великого поста, считалась днем, когда еще можно было устраивать свадьбу. «Женюцца, замуж выходют на маниньку*ю* маслиницу. Адин день. Прайдёт мисаед эт*ыт*, а маслиница, маслиница-та ну вот можна ищо на ниё. Ана видь быват, маниньк*а*я маслиница, в марти. Па нидели быват. Какой ни какой, всё равно жиницца разришают. И на маниньк*у*ю и на бальшую — на аб*ó*и» [КЕН, ТРМ, с. Первомайское; СИС Ф2001-05Ульян., № 36]. «Эта ниделя прайдёт, вот “бальшая” маслиница, ишшо “малинькая” маслиница. Хто гуляли, чай. Вот я на малинькую маслиницу замуж выхадила. Тожи гуляли» [КАП, с. Первомайское; МИА Ф2000-27Ульян., № 60].

М.П. Чередникова

СВАДЬБА

Русский народный свадебный обряд, как известно, одно из важнейших явлений традиционной культуры. С точки зрения обычного права он являлся юридическим действием, призванным узаконить создание нового общественного образования — семьи. С социальной — он не

только один из главных этапов и форм социализации человека (получение нового социального статуса парнем и девушкой, их родителями и другими близкими родственниками), но и способ расширения социально-значимых связей двух семейно-родовых сообществ. С экономической точки зрения свадебный обряд в традиционном обществе — это формирование имущественных отношений внутри вновь созданной семьи и изменение этих отношений между вновь созданной семьей и семьями жениха и невесты вследствие возникновения права на долю семейного имущества у каждого из брачных партнеров. С точки зрения культуры свадьба системой вербальных, акциональных, предметных и других кодов наделяла данное событие и его участников особым символически-сакральным значением и статусом. Не менее значимым с точки зрения культуры являлся празднично-игровой характер свадьбы.

Данная полифункциональность свадебного обряда обуславливала ее сложный состав и структуру. Традиционно в нем выделяют три этапа — предсвадебный, собственно свадьбу и послесвадебный.

Предсвадебный период в Ульяновском Присурье включал в себя следующие основные обряды: *сватать* (см.), *запой* (см.), *кладку рядить* (см.), *печурки смотреть* (см.). В день, предшествующий дню венчания, совершались такие обряды, как *за веником ходить* (см.), *баня* (см. *Баня невесты*), *девичник* (см.). Некоторые из них не имели четкой приуроченности в свадьбе. Так, девичник мог совершаться накануне венчания, а мог и в день венчания.

Второй этап — собственно свадьба — по количеству составляющих его обрядов превосходит все остальные. Он включал обряды: *будить невесту* (см.), *собирать невесту к венцу* (см.), *невесту продавать* (см.), *ехать к венцу* (см.), *венчание* (см.), *молодых встречать* (см.), *горной стол* (см.), *на поклон* (см.), *первая брачная ночь* (см.).

Третий этап — послесвадебный, в основном состоял из обрядов и обрядовых действий, совершавшихся на *второй день* (см.), центральное место среди которых занимал *обряд поиски ярки* (см. *Ярку искать*), далее следовали *посещения молодыми родственников с обеих сторон,* длившиеся порой больше недели.

Достижение девушкой и парнем брачного возраста меняло их положение в семье и социуме. Выражалось это в том числе в именовании всех девушек брачного возраста *невестами*, а парней, соответственно, *женихами*. Данное изменение предполагало определенную свободу в их отношениях друг с другом, которая была необходима для того, чтобы они могли приобрести соответствующий жизненный опыт, необходимый для семейной жизни, в том числе и сексуальный (см. *Матаниться*).

Традиционные места знакомств помогали реализовывать это право — выбирать брачного партнера. Встречи и общение молодежи в селе проходили в таких местах, как *кельи, сиденки/сидинки* (см. *В кельях сидеть).* Кроме

того, летом они общались и завязывали отношения в *хороводе* или на *улице* (см. *Гулянья*). «Пазнакомились проста в караводе. У нас каравод там у кузницы был, ну вот, у кузницы там все плясали да пели» [ЛВИ, с. Коржевка; ЧМП Ф2002-4]. Традиционным местом знакомств являлась также река Сура. «Весной, когда Сура разливается, девчата с парнями с песнями под гармошку шли к реке, катались на лодках. Здесь и находили свои пары молодые» [КАС, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. С конца 1950-х гг. эти места знакомств начинает заменять сельский клуб.

Период дружбы, гулянья (см. *Матаниться*) у разных пар мог длиться от нескольких месяцев до нескольких лет. Завершался он решением вступить в брак, хотя не редкостью были случаи, когда парень, долгое время встречавшийся с девушкой, сватов засылал к другой. «Вот у миня муж с адной дружил долга, года два хадил к ней, а пришёл сватать миня» [МЕС, с. Проломиха; МИА Ф2002-25Ульян., № 40].

Сложнее складывалась судьба девушки, если она вступала в половую связь с парнем или даже рожала от него ребенка, — далеко не всегда он соглашался жениться на ней (см. *Матаниться*). «Мая падружка биреминна была ат няво и памирла на родах. Вот. Радила, мы панисли каранить рабёнычка-та, а да бальницы-ти данисли (тагда видь в бальницы ражали, роддом был), выходит хажáлка и гаварит: “Пагадити, и мать памирла, наверна, в адин гроб паложут”. Вот. <...> Мать, бывала, ищо ей скажит: “Нюрк, матри, ни начуй!” — ана у миня начавала в падвали. “Ты што мама, чай, я ни адна, чай, мы с Райкай”. Ну, Райка-та видь ни будит стаскывать-та. Да глýпа была, ищо ни панимала в чём дела-та тут у вас. А паринь-та хадавóй, блядун, видна, был. Ну, помир уж он давно помир, а ана на родах, ана умярла в бальницы на родах. [Ну, а раньше ведь мог же жениться?] Нет, нет, нет, нет, никак. Ана бедна*я* была, низавидна*я*, вот. И да каньца ни сказывала. Вот падружки-ти скажут мне, ни падружки, а женщины: “Рарá (миня звали Рарá), у т*иб*е падружка-та к**у**чицца!” — “Как кучицца?” — “Биреминна”. Я гаварю: “Нет, нет”. — “Как ты завиря*а*шь, нет?” — “Как?” — у ниё уж была месична в то время. Я гаварю: “Я вот паближи к ней буду лажицца, ана гаварит: ни близка, а то у миня минструацыя”. Рты затыкала я всем! “Ана гаварит, у ней минструацыя”. — “Ну вот увидишь, минструацыя-та, увидишь”. Вот и правда. [Он на беременной] никак бы ни жинился! Нет, никагда ни адин. <...> [Такие случаи] редка, очинь редка, очинь редка прям» [КРС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-23Ульян., № 87-88].

Но иногда беременность девушки становилась важнейшей причиной заключения брака. «Например, вот ей ахота замуж выдти, вот ахота мне замуж, и жениху ахота, терпеть нильзя — неудобна выйдит, вдруг ана такая, а ей ахота, штобы выдти и этат мамент, кагда ана выйдит, вроди честь ана не патирят, как радит у жениха. А если ана эдак упаздат, то ана радит в дивчонках, жених вроди гневацца, как-та яму абидна — бяру я с дитём» [ФЕИ, с. Валгуссы; ППС 2001-15].

В некоторых селах таких девушек *навя́ливали*, т.е. совершали действие обратное сватовству — предлагали девушку взять замуж. «У нас адна училась в дивятам класси, и вот ей какой-та иё мальчик ей смаради́л. И вот он иё ни бирёт. Ане пашли иё навя́ливать — Альвину-ту. “Вот мы пришли”, — как уж ана... Да. “У нас ярачка очинь харошая, очинь харошая, суя́гная. Суягная ярачка у нас, очинь харошая”. Там или “вазьмити” или чаво ли, эта хадили навяливать иё. Ну, всё-таки ани иё туды прасватали, ана, чай, месиц ни пажила, и тут жи радила, и он иё, ну, ни нужна ана яму. Он пастарши намнога иё. Ана очинь глупинькая была, училась в дивятам класси» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 91].

Дружившие парень и девушка иногда для скрепления чувств и намерений вступить в брак дарили друг дружке подарки с уговором — не изменять любви. «Друг дружке падарки давали, штоб не изменять друг дружке. Там жених: “Я тибе дарю. А ты мне дари. Штобы у нас смены не была. Ты за другова не хади, а я другую не вазьму”» [ЧТИ, с. Валгуссы; МИА Ф2001-16Ульян., № 51].

В Ульяновском Присурье еще продолжали заключать браки в периоды, установленные традицией предшествующих эпох. Свадьбы устраивали, как правило, в зимний мясоед. «Вот мясаед падайдёт, он семь недель, десить, пажалуй, нидель, вот уж эта свадьбы каренные» [ЧТИ, с. Валгуссы; МИА Ф2001-16Ульян., № 52]. «У нас вон дивчонак многа была, в адин мясаед восимь свадеб была» [МРИ, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD4].

Собственно свадебный обряд начинался со сватовства (см. *Сватать*). «Кто, например, на мясоед, кто на Красную горку вот висной, но висной мало. Бывала, как уражай сабирут, и все играли осенью» [МРИ, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD4]. В с. Б. Шуватово, «если сватали весной, то на Красную Горку, но тогда считали, что невеста беременная» [ГДЯ, с. Б. Шуватово; БСА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1979].

Почти во всех селах в указанный период парень и девушка, если они уже «гуляли», как правило, договаривались вступить в брак. «Он гаварит: “Замуж хочишь идти за миня?” — “Хачу, — гаварю. — Чаво уж, гадов уж нам па многу”. Канешна, я иму спирьва сказала, что я бе́дна, у миня ничаво нету, я — сирата. Он гаварит: “И я ни багатай”» [ЛВИ, с. Коржевка; ЧМП 2002-4]. Получив согласие девушки, парень *засылал сватов* в определенный день к родителям девушки, т.е. начинал сватовство. «Дагаварился с ней: “Щас к тибе придут сватать”» [ТИН, с. Аксаур; ММГ Ф2001-12]. Об этом девушка обязательно предупреждала мать или близкую родственницу. Жених, соответственно, сообщал о принятом решении своим родителям.

С этого момента отношения двух молодых людей переставали быть их личным делом и становились семейно-родовым. Все дальнейшее уже почти не зависело от них. Старшие и свадебная традиция села регулировали выбор сватов, время сватовства, речевые формулы, произносимые при сватовстве, формы выражения согласия или отказа и проч. (см. *Сватать*).

Редко, но все же еще возможны были и такие случаи, когда сватов присылал парень, с которым девушка не встречалась, а иногда даже и не знала его совсем. «Мы ни дружили с нём и ни дагаваривались. Прям пришли сватать» [КЕА, с. Аргаш; ММГ Ф2001-62].

Несмотря на достаточно большую степень вариативности отдельных элементов сватовства, центральные, опорные в данном регионе были общими: сватать ходили, как правило, под вечер; войдя в дом девушки, сваты садились или вставали только под матицу; речь о браке стремились вести иносказательно; согласие начать брачный процесс оформлялось небольшим застольем. Как уже отмечалось выше, в данный период мнение девушки о браке с парнем, заславшем сватов, было обязательным и решающим.

Ряженые «милиционер» и «цыганка» на свадьбе в г. Инза. 2008 г. Фото М.Г, Матлина

В случае согласия стороны девушки в некоторых селах Ульяновского Присурья далее следовал обряд *кладку рядить, кладкой рядиться.* Данный обряд представлял собой переговоры двух сторон о некоторых имущественных или денежных аспектах брачного процесса. Хотя для родителей кладка все еще имела большое значение в выборе брачного партнера для дочери, в этот период девушка уже могла не принять рекомендации старших и настоять на своем.

Кладку могли рядить, завершая сватовство, через некоторое время, но в тот же вечер, на следующий день, а иногда и через несколько дней. Очень часто это происходило на *запое* (*см.*), на котором принималось окончательнон решение о браке. Проводился он в доме невесты и связывал формирующимися родственными отношениями гораздо больший круг людей, чем при сватовстве или других предшествующих и последующих обрядах. О важности запоя говорит тот факт, что хотя традиция в большинстве сел отводила на его подготовку определенное время (чаще всего 2–3 недели), реальный срок зависел от возможности сторон хорошо подготовиться к нему, прежде всего к праздничному застолью. С одной стороны, он входил в систему застолий, создававших и скреплявших предсвадебный период, а с другой стороны, в уменьшенном виде воссоздавал будущее главное застолье — свадебный пир. Как и на нем, экономическое, символическое и празднично-игровое в застолье на запое составляло единое неразрывное целое.

Именно на запое в большинстве сел Ульяновского Присурья решались вопросы о свадебном пире: сколько гостей будет с каждой стороны, по сколько стаканов будут подносить каждому гостю, как будет компенсирована

разница в количестве гостей той стороне, у которой это произойдет — и много других важных вопросов организации свадебного пира и экономического фундамента вновь создаваемой семьи. «Дагаваривались па скоку людей на свадьбу звать, па скоку пыднасить <...> в каторам дваре пó два стакана или по три стакана паднасили, дагавор такой был» [ЛВИ, с. Коржевка; ММГ 2002-4]. В с. Кирзять договор о проведения свадьбы, о количестве гостей на ней называли *свадьбу укладывать*.

На запое же в данном регионе совершались разнообразные обрядовые действия, означавшее окончательное закрепление свадебного договора и называвшиеся *рукобитьем*. В с. Потьма это делали свахи. «Свахи здороваются друг с другом: "Здравствуйте, сваха". Это назвалось "рукобитьем"» [ЧМП, с. Потьма; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977].

Девушки, приглашенные на запой, исполняли свадебные песни, музыкальный строй и символическая образность которых придавали происходящему эстетическую ценность, многократно усиливали переживания происходящего у его участников. Все это в конечном итоге было призвано сакрализовать свадьбу как для ее участников, так и для всех членов сельской общины, ведь обычай глядеть запой существовал во всех селах данного региона.

Обязательным оставалось посещение дома жениха родными невесты. Но если ранее этот обряд в тех случаях, когда жених был из другого села, имел прежде всего прагматическую функцию, то уже к середине XX в. он трансформировался в веселое действие с элементами театрализации.

Сохранялись и ответные посещения родными жениха невесты. Так, в с. Барышская Слобода, М. Шуватово дом невесты, в свою очередь, посещала мать жениха — будущая свекровь. Это называли *с пирогом ходить*. «С пирогом идут к нивести. Вот усватали, ко мне свикровь, пока до свадьбы ана должна ко мне с пирагом раза два-три прийти» [БКА, с. Барышская Слобода; ММГ Ф2000-5]. С пирогом ходила будущая свекровь к невесте и в с. Б. Шуватово, при этом она дарила ей крестик и икону. В с. Коржевка, д. Кольцовка такое посещение называлось *с гостинцем*. «С гастинцам — эта раньши, с пирагами. И вот мне г*а*варит Миша [=будущий муж]: "Придут, мать тибя хатела спрасить, ана сабират там людей притти с этим с гастинцам, с пирагами?"» [ЛВИ, с. Коржевка; ММГ Ф2002-4]. «А тут с гостинцам при́дут к нивести, свёкровь, иё сястра, хрёсна, можэт, жэнихова. Кто падушку принисёт, кто удеяла принисёт. Эта с гастинцам счыталась» [МРИ, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD4].

В процессе подготовки приданого в дом к жениху ходили обмерять окна, двери и проч. В с. Тияпино это посещение называлось *за меркой ходить*. «Да, посли запоя, бывалача, за меркай хадили. Меру сымали. Эта кагда я выхадила, у миня этыва не была, патаму шта я жила бедна. У других была. Эта как за меркай. Прихадили к жениху, мерили» [ЗТА, с. Тияпино; ММГ 2001-36]. В с. Новосурск — *занавески мерить*. «Да прихадили сюды

[=в дом жениха] ат миня падруги занавески мерить» [САЕ, с. Новосурск; ММГ Ф2002-11]. В с. Сара — *окна мерить*. «Мериют окна — каки невести занавески привести» [МАФ, с. Сара; ММГ 2000-36].

Измерение окон, дверей было необходимо, чтобы связать, сшить или изготовить из бумаги (это было особенно распространено в первые послевоенные годы) занавески на окна, чулан, печку. «Идёт ана мерить на чулан какую занавеску, на печку — какие, ширина» [МАФ, с. Сара; ММГ 2000-36]. «Мы вязали крючком, Манька Кирзакова выхадила, мы с Валькай Крыловой ей связали занавески-ти» [ТАП, с. Аксаур; ММГ Ф2001-12]. «Во всё акошка занавеска-та, ва всю газету вырежут» [КВЕ, с. Аксаур; ММГ Ф2001-12].

Мерить приходили родственницы или подруги невесты. «Каво пригласишь: можа саседка, можа систра какая, можит быть радня какая близка. Одна, две пайдут» [МАФ, с. Сара; ММГ 2000-36]. Несмотря на практическое назначение этого посещения в общей праздничной стихии свадьбы оно также получало смеховое наполнение. «Чать чатыри, чать пять ли прихадили. Пяток, наверна. Смерили занавески, сели ани за стол, йих угащать начали. Чать, вирёвычку каку взяли и палычку — для смеху всё делали видь» [САЕ, с. Новосурск; ММГ Ф2002-11]. В с. Аксаур мерить окошки ходили «бабы *а*зарьницы [=озорницы], рассказывали каку новость, рассказывали всяки новасти. <...> Шутят, шутят, канешна» [ТИН, с. Аксаур; ММГ Ф2001-12]. В с. Тияпино мерить ходили вечером. «Вечерам пайдут. Две женщины пайдут, там смериют» [ЗТА, с. Тияпино; ММГ 2001-36].

После запоя невеста начинала готовиться к свадьбе. Время от запоя до свадьбы колебалось от нескольких недель до месяцев, но по большей части занимало месяц. Эта подготовка включала в себя прежде всего завершение комплектования того минимума предметов и вещей, которые были необходимы для обустройства женщиной собственного дома. Именно это и составляло основу приданого, которое для девушки мать запасала заранее, а что-то и сама невеста успевала приготовить к свадьбе. «Ведь есть радители, каторы придана пригатовили. С детства наложут ей всяво, а есть каторы ничаво не пригатовили» [ПВФ, с. Полянки; КЕА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1991]. Но даже если основа приданого уже была готова, работы с ним оставалось еще немало. Помогать ей в этом приходили ближайшие подруги. «Как запой прашёл и у нивести сидят, месяц ли там ана будет там в нивестах сидеть, гатовицца ани будут, и всё время ани тут сидят. Кто вяжут к утиральникам канцы из шпу́ляк [=ниток], вышивают, кто чиво» [МРИ, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD4]. «Ани [=подруги невесты] шили навалачки, прастыни, утиральники, вышивали бильё, абвязывали кружевам» [КАС, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Невеста плела кружива — “кружи́ны” и “про́швы” к навалочки» [УНВ, с. Сара; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Особенное внимание при этом уделяли постели и подаркам для будущих новых родственников — жениху, свекру, свекрови, золовкам, шуринам и др. «Невеста гатовила дары. Шила рубашки. Са сваими падружками, а

рубашки были тканы. Машинав ищо не была. Данцо, тут вот делали швейку. Ани руками шили. Палатенца раньши были вытканы с узорами. Эта вот уж пакупали — “бумага” называлась раньши, тоненьки нити, иё пакупали матýшками, разматывали из ниё ткали красива» [ГЕИ, с. Валгуссы; СЕВ 2001-6]. В с. Колюпановка невеста вместе с подругами готовила приданое, в которое входило десять «утиральников», рубаха для жениха, подарки родне жениха (свекрови невеста вязала чулки, свекру шила рубашку, золовкам ткала по утиральнику), постель (ватóлу — домотканую простыню, сделанную по типу половика из грубой ткани). Рубашку жениху невеста вышивала понизу и рукава [ДАА, с. Колюпановка; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Барышская Слобода невеста должна была наткать свекрови материалу на кофту, свекру сшить рубашку, золовкам — по платью, деверям — по рубахе, постельное белье, утиральников «нóшу» [ноша — 12 штук] с разными узорами и 6 столешников, разных по цвету и рисунку [ШНГ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Ряженье «пастухом» и «врачом» на свадьбе в г. Инза. 2008 г. Фото М.Г. Матлина

В с. Валгуссы было принято, чтобы невеста разносила шитье по подругам. «Рубашки тама разнясут, скока девак есть пазвать на девишник, им всем разнясут “дары”. Рубашки больше. Рубашки тканые. Принясут ей дар — шей, чать мать сашьёт, кал*и* ана не умеет. Рубашки для мужчин. Может, деверь есть, свёкар. Там если мальчишка есть, то и яму. Вот свякрови — “рукава” [=верхняя часть рубахи]. Рукава-та куплины сошьют из ситца, был харошай ситец, хараши рукава-ти были. А то платок падаря́т. Эта к свадьбе, а на свадьбе дарят» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП 2001-49]. Разносила невеста дары подругам и в с. Чамзинка, но «самая близкая подруга приходила постель шить. Шили у невесты середь пола» [ФЕИ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Состав приданого определялся традицией и возможностями семьи невесты. Основа его — постельные принадлежности, например «перина, две падушки, два адеяла, два пакрывала, восимь прастыней штоб была» [КВИ, с. Барышская Слобода; Ф2000-5]. В с. Полянки салфетки, наволочки для приданого «шили из материала жениха. За материалам прихадили падружки, кагда шли “за меркай”» [КАН, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. Приданое складывали в сундук. В с. Полянки при этом на дно

сундука «ложили денежки, завязанные в платочик узелком» [БЕА, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Сара сундук назывался *коробьё*. На дно его сыпали горстку пшена и овса.

В с. Б. Шуватово, перед тем как продать постель, «девки *а*заровали: в перину зашивали бревно» [МАП с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Каждый вечер невесту посещал жених с товарищами. Они приносили угощения девушкам. На *вечереньках* или *девишниках* — «девишники, сабирались тут девки» пели, играли [ШПФ, с. Полянки; СЕВ Ф2000-19]. В некоторых селах, как, например, в с. Барышская Слобода, «после запоя жених астаёцца начивать, уже начивал» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ММГ Ф2000-22].

В с. Чумакино, Первомайское и др. посещение женихом невесты в предсвадебный период называлось *с гостинцами ходить*. «И патом ищо называлась "с гастинцам хадили к нивести". И вот жиних рабят сабирёт, привидёт к нивести и вот пели, рабят виличали. И вот эту самую "Парошу" пели, и ищо "Халодный калодизь", "А кто у нас холаст". Вот пели, виличали рабят и рабята нам давали деньги» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-19Ульян., № 107]. «Вот усватали нивесту, шли с этай, с гастинцем, наряжали или веник или куст. Жених к нивести идёт и там, каво пригласят. Куст наряжали лентычками, всем. Мыла может привяжут. Куклы навязывали самадельны. То соски павесят» [УЗН, с. Первомайское; СИС Ф2000-14Ульян., № 119-120]. В с. Б. Кандарать с гостинцами, наоборот, ходили девушки к жениху. «Дивчонки толька хадили, кагда "с гастинцами" называли идти. Вот нас можа пять-шесть падруг, и мы к этим, куды прасватали, туда идём с гастинцами. Ну, хто можа пиражка, мама бывала пяток пиражков спякла, нас там была семь падруг. Вот мы ходим к этим в гости, садимся за стол, ставят самовар, стакан чаю, ну и пашли» [МВМ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 58].

Насыщен обрядами был день накануне венчания. Он включал в себя посещение девушками дома жениха (см. *За веником ходить*), *баню* невесты (см.), исполнение обрядовых песен и причитаний.

Состав обрядов, их содержание, наименование, последовательность исполнения, набор песен в разных селах, а порою и в одном селе был чрезвычайно разнообразен. Так, например, за веником могли ходить после того, как затопят баню невесты, а могли и после бани. В связи с тем что баню устраивали как для невесты, так и для жениха, в некоторых селах ходили не за веником, а с веником, т.е. несли веник жениху. Украшать веник могли не только тряпочками или ленточками, как это делали в большинстве сел Ульяновского Присурья, но и куколками. Веники могли растрепать по дороге, но могли хранить и десятилетиями после свадьбы. Одновременно с веником девушки, как правило, несли рубашку жениху, но в некоторых селах эти обряды проводились в разные дни. Варьировалось и использование растительности в данном обряде: украшать и нести от одного дома к другому могли не только веник, но репей, елку, цветок в бутылке. Большое

значение в обрядах этого дня играло смеховое начало, воплощавшееся как в специально создаваемых предметах, которые как бы пародировали ритуально значимые вещи, так и в разрушении, трансформации или частичном разрушении празднично-обрядовых вещей для создания комического эффекта. Отдельные комические акты могли при определенных условиях развертываться в мини-сценки, построенные по законам народной смеховой культуры. Песенный репертуар этого дня включал в себя как традиционные жанры свадебной обрядовой лирики (величальные, причитания), так и частушки, внеобрядовые лирические песни.

Следующим обрядом во многих селах был *девичник* (см.). С одной стороны, он был заключительным обрядом предсвадебного цикла, завершавшим подготовку к собственно свадьбе или венчанию и свадебному пиру, прежде всего в таких символических актах, как прощание с *кра́сотой*, перевоз приданого в дом жениха и др. С другой, он представлял из себя уже в начале XX в. молодежный вечер, не случайно в некоторых селах употреблялось слово *вечеренька*. На девичнике главным действием было исполнение свадебных песен, прежде всего величальных жениху, его друзьям — холостым парням. Это было особенно заметно в том случае, если он проходил в доме жениха. Иногда молодежь играла в традиционные вечорочные игры с поцелуями (см. *Играть в кельях*), но на данной территории они к середине XX в. почти не сохранились. Иногда девичник проходил не вечером накануне венчания, а утром в день венчания. По завершении девичника наиболее близкие подруги оставались ночевать у невесты, чтобы завтра помогать собирать ее к венцу и участвовать в некоторых важнейших обрядах этого дня (продажа невесты и/или места рядом с ней, продажа постели и др.).

Утро дня венчания в доме невесты обычно начиналось с бужения (см. *Будить невесту*) и исполнения причитаний. Далее начинали *собирать невесту к венцу* (см.). В подавляющем большинстве сел это была исключительно прерогатива девушек, и только в некоторых сохранились слабые следы участия в этом процессе брата, отца и других родственников невесты. Примерно до середины XX в. еще существовала сложная, но в то же время достаточно стройная и целостная система действий, из которых состояли эти сборы. Это действия с волосами, включая традиционное прощание с кра́сотой. Хотя сам термин уже вышел из бытования на данной территории, это действие и свадебные причитания, связанные с ним, во многих селах сохранились хорошо. Подвенечный наряд невесты включал в себя как традиционную одежду — сарафан, так и новую — платье, *пару,* т.е. юбку и кофту. Многие девушки уже в 30-е гг. XX в. не носили косу, поэтому к свадьбе волосы завивали, а сверху надевали венчик из восковых цветов, который в некоторых селах назывался *ува́лью.* Сохранялись в неизменном виде два свадебных акта — благословение родителей и магические действия, призванные сберечь невесту от сглаза или порчи. Собранную и часто уже благословленную невесту сажали за стол или уводили в чулан, где она дожидалась приезда свадебного поезда.

После завершения подготовки невесты в некоторых селах отвозили постель. Это могли делать девушки, сваха и дружка и другие свадебные чины. В с. Полянки привозили приданое в дом жениха в день венчания. Девушки брали тройку лошадей у жениха и ехали в дом к невесте за приданым и постелью. Лошадей украшали ленточками с «погремками». При продаже постели девушки устраивали «торг». Выкупали все сродники жениха, все, кто был рядом [КАС, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В этом же селе перед отправкой постели сваха открывала сундук и смотрела, что было там. Постель везли открытой вместе с приданым. Сопровождали этот поезд дружка и сваха. Иногда подушку и вообще всю постель обкалывали иголками. Это делали тогда, когда хотели причинить зло молодым. Например, до свадьбы жених гулял с другой девушкой, которая его любила, она и втыкала иголки в постель. Подруги продавали приданое дружке. Затем они развешивали полотенца (утиральники) в доме, настилали столешники, на окошках расставляли свечи [БЕК, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Также утром из дома жениха, как правило, несколько раз приезжал дружка, чтобы узнать, готова ли невеста. «Когда под венец невесту готовят, от жениха едет поезд. С “отвестью” едут дружка и полдружка. Их угощают. Девки величают, поют им песни. Дружке “Летел голубь, летел сизый”. Полдружке:

Как во рюмочке во серебряной
Золотой венок.
Как у Васеньки у Петровича
Золотой обычай:
Где ни ходит, ни гуляет,
Он домой приходит,
К калиточке подходит,
Берёт за колечко,
За тако берёт колечко —
Защёлку играет.
Он защёлочку играет,
Жену покликает:
— Свет жена ли дорогая,
Людмила Ивановна.

Они спрашивают: “Ну, готова невеста? Мы приедем сейчас совсем за невестой”» [ГАД, с. Коржевка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Сухой Карсун «“поезжане” — специальные люди» три раза ездили к невесте узнавать, готова ли она. Два раза ездили просто так, а в третий раз поезд жениха уже едет за невестой [КЕЯ, с. Сухой Карсун; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977]. В с. Кадышево «свадьба сабирацца, и вот пасыльнай адин идёт, спрашиват: “Нивеста гатова?” И вот в эта время кладут каравай хлеба, соль ставят на стол, вадички, ложки там, ложку. И вот этат вот дружка из этава каравая вырязат кусочик. Хто какой придумат: хто круглай, хто треугольчатай, хто четыреугольчатай. Этат кусочик вытаскиват и этат кусочик аставлят, а кавригу бирёт на абмен дамой. Приходит: “Нивеста гатова?” Там скажут: “Гатова нивеста. Гатовьтись, прихадити”. Кагда вырязают эту пичатку, кусочик-та, должен он свой ножик иметь. Ножик яму не дают вроди» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 56].

В доме жениха в это время готовили *свадебный поезд*. В с. Барышская Слобода его называли *поезжина*. Часто лошадей для поезда жених брал у родственников. Количество лошадей, саней или телег определялось как

достатком семьи жениха, так и количеством родных. «В большом родстве лошадей запрягают и парами, и по одной. Запрягают подвод восемь. Если жених беден, подвод меньше» [ШАМ, с. Вальдиватское; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977]. В с. Коржевка существовала «такая примета, штобы лашадей было нечётное число» [МЗИ(1932), с. Коржевка; МИА Ф2001-26Ульян., № 7].

Украшения свадебного поезда были однотипны и состояли в основном из лент и колокольчиков. «Дуги лошадей украшали ленточками и красными тряпочками, колокольчиками» [ГКВ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. На дугу лошадей в некоторых селах вешали куклу. «Кагда едут винчацца, ну, эта поизд идёт, видь там лашадей пятнаццать, бывала, у каждава лошадь, радня, все приижжают, кто как наря́дит, а кукла эта абязатильна была кукла. Дагадываисся: вон едут с куклай — жиних с нивестай» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 12].

Завершив приготовление свадебного поезда, поезжане обедали, молились Богу. С собой в поезд обязательно брали икону и хлеб. «На правую руку дружка красную ленту надевал, каравай с собой брал. Полдружка — на левую руку, икону брал» [ЛПН, с. Шеевщино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. До того как поезжане занимали свои места, дружка с иконой, которой благословили жениха, трижды обходил поезд. «Когда поезд готов к отправлению, его обходит вокруг дружка. Подойдя к своей телеге, он говорит:

Дружка с полдружкой,
Сваха с полсвахой,
И весь храбрый поезд!
Милости просим к Михайлу Ивановичу Додонову за невестой!

Все садятся. Лошади трогаются. Стреляют из ружья» [ШАМ, с. Вальдиватское; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977]. В с. Барышская Слобода отмечали, что обходил он только повозку, в которой должна была ехать к венцу невеста, а не весь поезд.

В разных селах существовал свой порядок рассаживания поезжан, за исключением дружки — он всегда ехал на первой подводе или санях. Однако не везде ехал один. С ним могли сесть жених, сваха, полдружка и др. Что касается остальных поезжан, то их место варьировалось. «Под дружкой — на первой хорошей лошади — колокол. На второй подводе едет жених и сваха. Остальные потом» [ШАМ, с. Вальдиватское; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977]. «На первой подводе ехали дружка, полдружка и жених, на второй свахи» [ГКВ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Садятся: на перву лошадь дружка, потом полдружка, потом и жених. Дружка держал икону, полдружка — хлеб» [СМН, с. Араповка; КЕА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1991].

В некоторых селах поезд не сразу ехал в дом невесты. «Поезд сначала по улице проедет, потом к невесте» [МСМ, с. Цыповка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Неплёвка поезжане «совершают своеобразный круг

почета — поезд жениха три раза объезжает деревню» [МАП, с. Неплёвка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Коржевка движение свадебного поезда регулировалось особой приметой. «Раньше на лошади окольными путями, штобы запутать следы» [МЗИ(1932), с. Коржевка; МИА Ф2001-26Ульян., № 7]. В с. Валгуссы свадебный поезд нельзя было останавливать. «Вот нас хатели астанавить, карантин, што ли, был тагда. Он [дружка] как дал лашадям сваей плёткай, и ани ноги кверьху и айда пашёл! И он не астанавил» [СПА, 33А, с. Валгуссы; СИС Ф2001-21Ульян., № 112].

Ряженье «цыганкой» на свадьбе в г. Инза. 2008 г. Фото М.Г. Матлина

Приезд свадебного поезда в дом невесты становился кульминационным моментом этого дня (наряду с венчанием). Большую часть времени занимали различные выкупы (см. *Невесту продавать*), которые часто развертывались в небольшие мини-сценки смехового и театрально-игрового характера, хотя во многих селах в 30–40-е гг. еще звучали причитания невесты. Выкупы часто сочетались с ритуальными действиями с хлебом: обменивались караваями, разрезали их пополам или вырезали кусочки из середки каждого каравая, затем обменивая половинки и кусочки. Семантика этих действий достаточно ясна — утверждение идеи отделения и нового соединения членов двух семей. Иногда пребывание жениха и невесты в доме невесты завершалось небольшим столом и благословением их родителями невесты.

После небольшого угощения жениха и невесту благословляли родители невесты и ее крестные, и свадебный поезд отъезжал в церковь для венчания (см. *К венцу ехать*).

Венчание (см. *Венчание*) в свадебном обряде 20–60-х гг. XX в. постепенно перестало быть обязательным элементом. Этому способствовали и передача функции юридической регистрации брака государственным органам, и закрытие церквей в селах, и пропаганда атеизма — одного из важнейших элементов государственной идеологии. Однако и в предыдущие десятилетия обряд венчания был и по форме, и по содержанию обрядом преимущественно церковным и включал в себя весьма немногочисленные элементы внецерковной свадебной традиции.

После венца новобрачных встречали у дома жениха его родители и крестные родители, родные, соседи (см. *Молодых встречать*). Родители благословляли молодых иконой и хлебом. Их обсыпали хмелем, овсом,

деньгами. На колени молодой сажали ребенка. Небольшое угощение делалось в доме молодого только для его родных, сами же новобрачные присутствовали на нем недолго. До прихода родных молодой их уводили, как правило, в другой дом.

В другом доме или чулане происходило важнейшее ритуально-символическое действие над молодой — ей меняли прическу: плели две косы и укладывали поверх головы «по-бабьи», а сверху надевали волосник. Другим обязательным действием молодой была перемена одежды. «Ещё до конца пира невеста и жених с подругами и товарищами уходили в другую комнату. После этого ухода невеста переодевалась в другое платье. Белое платье, уваль и венок клала в специальную коробушку» [МКН, с. Елховка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Сара отмечали, что эту перемену невеста делала не один раз.

Вскоре приходили родственники жениха, и начинался *горной стол* (см.), одним из важнейших обрядовых актов было дарение молодых (см. *На поклон*). Молодые никогда не сидели долго на пиру. Иногда их уводили сразу после даров.

Первая брачная ночь (см.) проводилась, как правило, в другом доме, хотя в некоторых селах молодые ночевали первую ночь, если позволяли условия, в своем доме. Только в с. Сара помнили, что брачную постель молодым устраивали в клети. Отводить молодых могли дружка, сваха, свекровь, подруги и др. Прежде чем оставить молодых одних, их кормили. Дружка ложился на постель, и чтобы освободить ее, ему давали выкуп. Под окнами дома, в котором ночевали молодые, жгли костры. По воспоминаниям жителей с. Сара примерно в начале XX в. на постель молодых отводили не на ночь, а вскоре после прихода горных.

Начинавшийся *второй день* (см.) был не менее значим, чем первый. Многие исследователи указывали на его празднично-карнавальный характер. Таковым он и был в Ульяновском Присурье, не случайно центральным, главным и наиболее красочным действом в нем был обряд поиски ярки (см. *Ярку искать*). Ряженье, обилие мини-сценок, включая и такие, как игра в покойника, шуточные роды, шуточная свадьба и др., песни и частушки с обсценной лексикой, основной темой которых были мужские и женские гениталии и акт coitus'а, — вот далеко не полный перечень того, что наполняло этот день. Важную роль в обрядности второго дня играли действия, связанные с честью молодой. На данной территории они порою осуществлялись дважды: сначала это была демонстрация простынки или рубашки молодой в доме молодого после брачной ночи, а потом действия с едой и посудой молодого, которые он осуществлял в доме родителей своей жены. Это гостевание во многих селах называлось *на блинки*.

Завершалось свадебное гулянье в основном на третий день. В с. Коржевка он назывался *подпирок*. «Называцца у нас как “падпирак”. Вот на третий день самых каренных радных завут, и вот уж ани на третий день

гуляют» [ШНГ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Барышская Слобода на третий день *завязывали узелочек*. Это выражение означало, что «собираются гости свои, а не званы» [МАП, с. Неплёвка; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. Хотя в некоторых селах именно на третий день еще проводились обряды второго дня или аналогичные им. Так, в с. Неплёвка на третий день «родственники невесты шли “искать ярку”» [МАП, с. Неплёвка; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Аксаур на третий день «искали барана». В с. Полянка на третий день молодые ехали к теще на блинки. Главное угощение — блины, их пекли разных размеров, вплоть до размеров одной копейки [КАС, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В д. Кольцовка «на третий день курицу ловют у нивúсты и к жэниху нёсут. Как погуляют, пойдут — курицу и пошли. Сами на нашести возьмут, иё ищё нарядют, цветок ей привяжут, пляшут с ней, ей, беднай, дастаёцца, растарзают, живая-та она астаёцца. И пускают к жэниху, у нивесты-та была, яйцо-та иё было» [МРИ, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD4]. В с. Тияпино рядились и разыгрывали импровизированные сценки в доме жениха. «Толька вот на третий день натаскают в дом, у жениха-та, пално всево натаскают, чай, челавек десять набирёцца, натаскают всё. Вот ани и пилу найдут, и козлы — драва вот так пилют, кто колют, — эта нивесту убирать заставляют. Жених за неё выкупит, аткупицца жених, он там сколька — четвирть самагонки, сколька скажут. Ани натаскали сами, сами убярут. <…> Наряженные аденут так, што, пажалуй, и не скора угадашь! Завяжут лицо тюлью какой-та. А то маски каки аденут. Замучают уж маладых убирать! Кто находчивай, он быстра найдёт, аткупицца ат них» [АВ, с. Тияпино; ММГ Ф2001-35].

В большинстве же сел на третий день только устраивались столы в домах молодых и продолжалось дарение подарков. «На третий день сначала у невесты, а потом к жениху» [СДФ, с. Ждамирово; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Молодые привозят родителям подарки. Обычно отрез на рубашку или платье» [БЕК, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Коржевка он заканчивался *подожком* — так назывался последний стакан самогона, который подносили гостям. «Как дамой ухадить, тащáт тарелку с закускай и четвирть самагона на падажок» [ГАИ, с. Коржевка; МИА Ф2001-28Ульян., № 6].

Далее в течение двух или трех недель молодые посещали дома всех родных с обеих сторон, благодаря чему закреплялись новые родственные отношения, а созданная семья включалась в социальную систему данной крестьянской общины. «После свадьбы на другой день каторы бирут. Каторы, можит быть, на третий день бирут. Каторы на читвёртый. Пажалуй, всю ниделю гуляли. Мы аднажды девить дваров абашли в адин день» [ШМС, с. Коржевка; ММГ Ф2002-9]. В с. Проломиха в первое воскресенье после свадьбы молодые шли к свату и свахе.

М.Г. Матлин

СВАТАТЬ

После принятия родителями решения о женитьбе сына или заявления самого парня родителям о желании вступить в брак, начинался процесс подготовки к заключению брака. Практически во всех селах Ульяновского Присурья для обозначения первого обряда этого процесса употребляли общерусский термин *сватать/засватать* или терминологическое словосочетание *сватов посылать* (с. Тияпино, Коржевка, Чумакино), *сватов засылать* (с. Никитино, Коноплянка). «Сватать у нас говорят, ужо сватать пойдём» [САЕ, с. Новосурск; ЧМП 2002-11]. «У нас приходют, засватывают. И на како число там скажут — свадьба. Через месяц, через два, как ли. И всё. Засватают, сваты приходют» [ДЕИ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-13Ульян., № 46].

Для его проведения выбирали сватов. Как правило, ими были близкие родственники жениха — «тётки, дядья». Случаи, когда сватовство проводили чужие, например друг жениха, как в с. Валгуссы, были крайне редки. В с. Барышская Слобода «сватала обычно сваха, и было плохой приметой, если шли родственники сватать без свахи» [ШНГ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Наиболее значимым дифференцирующим моментом в данном действии было разрешение или запрещение участвовать в сватовстве родителям жениха. Во многих селах «отец с матерью не должны ходить сватать» [ГАН, с. Валгуссы; ППС Ф2001-8]. В других, наоборот, в число сватов включались и родители. «Сватья при́дут. Мать, отец, сёстра, если есть, брат, все при́дут, все, чать, родные» [ПАВ, с. М. Кандарать; СИС Ф2005-16Ульян., № 23].

Однако возможны были и такие случаи, когда в одном и том же селе, например в с. Валгуссы, информанты примерно одного и того же возраста утверждали прямо противоположное: отец и мать могут ходить сватать — и отец с матерью не должны ходить сватать. О возможности разных вариантов говорили и в с. Первомайское. «Теперь так уже сватья начинают говорить: “Ну, вот что, давайте ближе к делу”. Сейчас будет договор. “Так, мы сейчас идём, ведём родителей на договор”. <…> Если только ходили посторонние люди сватать. А если приходили отец с матерью, то это всё на месте вопрос решается. Вот, например, отец с матерью приходили, договорились, там они принесли, выпили» [МСИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-06Ульян., № 43, 45].

Набор сватов был весьма разнообразен с точки зрения пола, степени родства и количества участников. В одних селах подчеркивали, что сватали только женщины. В с. Барышская Слобода, Валгуссы, Кольцовка сватала обычно сваха (родная тетка), в с. Кезьмино, Сара, Цыповка сватать ходили две свахи, в с. Зимницы сватать приходили молодая и старая родственница жениха; молодая садилась под матку.

В некоторых селах или на некоторых свадьбах в селе сватали только мужчины. «Меня, например, приходили сватать моего мужа зять и его пле-

мянник» [ШАИ, с. Пятино; ММГ Ф2001-42]. В с. Первомайское это делали «жениховы братья», в с. Тияпино сватать пришел дядя жениха.

В большинстве же сел в сватовстве принимали участие и мужчины, и женщины. «Сватами посылали, три женщины посылают и мужчину посылают» [ЗТА, с. Тияпино; ММГ Ф2001-36]. «[Сватать] пойдёт мать, отец, возьмут, там, например, хрёсну, там кого-то, посватают» [МРИ, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD4]. В небольших пределах, как правило от одного до трех человек, варьировалось и количество участников обряда.

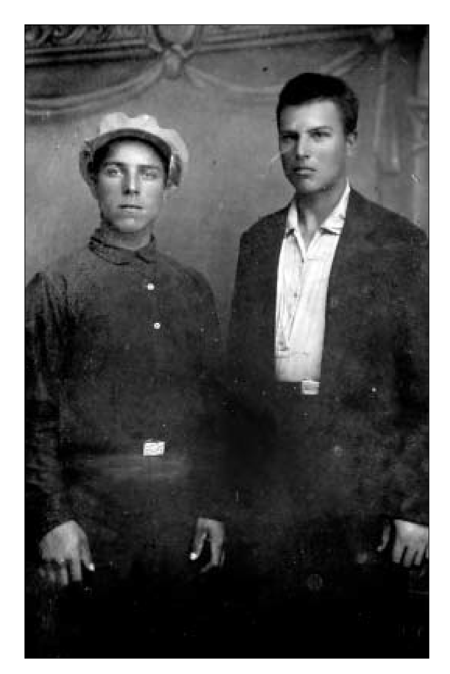
В некоторых селах в одежде сватов были свои особенности. Так, в с. Студенец сватать «ходили только женщины в больших шалях» [МАВ, с. Студенец; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Барышская Слобода «сваха собиралась долго. Принаряживалась, на голову одевала белый платок, а поверх пальто накрывалась “турецкой шалью” — большой шалью с длинными кистями и цветными узорами» [ШНГ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Традиционным временем сватовства в данном регионе был вечер. «Познакомилась в кельи и на второй вечер идёт сватать» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-07Ульян., № 24]. Но могли приходить и утром (с. Б. Кандарать), и даже днем (с. Кезьмино). Проход сватов по деревне в разных населенных пунктах совершался по-разному. В с. Б. Кандарать утро или вечер выбирались «для того что придём мы, а вдруг ты не пойдёшь, а жениху неудобно» [АФМ, с. Б. Кандарать; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1989]. Но в с. Барышская Слобода, напротив, считали, что «важно, чтобы знала вся улица», поэтому такой проход называли «идти по “готовой тропе”» [ШНГ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. А в с. М. Шуватово шли «вечером, бывалочи, идут да всё бочком, бочком, таились» [ФАН, с. М. Шуватово; БСА ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1979]. В с. Потьма, если заранее не договаривались [о благоприятном исходе], то шли тайно [ЧМП, с. Потьма; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977].

Также весьма редки были какие-либо специальные ритуально-магические действия, которые обеспечили бы успешный исход сватовства. «Свахе по пяткам катали каток [=мяч], которым на Пасху катали яйца. Это делали для того, чтобы отбить нечистую силу, которая ходит за свахой по пятам, чтоб эта злая сила не мешала сватовству» [ЦМА, с. Валгуссы; ССА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1981]. В с. Аксаур также «в пятки свахам каток катали, чтобы была удача», но каток здесь — приспособление для того, чтобы на ухвате вытащить чугун из печки [ГЛМ, с. Аксаур; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Проломиха, «когда сваты шли сватать, в ноги им кидали полено, чтобы «усватали», а в с. Ольховка на сватовство ходила «сродственница, тётка, со сковородником» [БЕФ, БНФ, БОП, с. Ольховка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Варьировалось также местонахождение жениха и невесты во время сватовства. Во-первых, они могли находиться в разных местах. Невеста чаще всего была в чулане или сенях. «Невеста где-нибудь там в чулане или ещё где»

[МСИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-06Ульян., № 43], «невеста в это время уходит в чулан или в сени» [КЕЯ, с. Сухой Карсун; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977]. Она могла быть в келье или на посиделках. «Невеста во время сватовства уходит в келью» [БАФ, с. Палатово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979], «невеста в это время была на посиделках» [КПТ, с. Тияпино; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. Некоторые, увидев сватов, уходили к соседям. «Я ушла в соседи. Я маме-то сказала. Я увидала, они идут, я и ушла» [АВ, с. Тияпино; ММГ Ф2001-35]. Жених чаще всего оставался у себя дома, но если приходил на сватовство вместе со сватами, то в дом не входил. «Если сватают вечером, жених крутится под окнами» [КЕЯ, с. Сухой Карсун; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977].


Парни из с. Сурское. 1930-е гг.
Личный архив А.С. Гордеева

Во-вторых, жених и невеста могли быть вместе. «Жених и невеста в это время были вместе на улице, а если было очень холодно, то в сенях дома невесты» [МАП, с. Неплёвка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Да мы с нём стояли, дожидались около двора. Когда эти сватья-ти пришли, мы зашли в комнату, в спальню зашли сначала с нём» [МЗИ(1932), с. Коржевка; ЧМП 2002-4].

Войдя в избу, сваты крестились на иконы, что было обязательной частью гостевого этикета, и особым образом раскрывали хозяевам цель своего прихода. В соответствии с традицией это демонстрировалось двумя основными способами: акциональным и вербальным. «Придут сватать и в избе садятся под маткой. В избе матка, это раньше, я вот вспомнила разговор был. Потом начинают говорить» [КАИ, ГПЯ, ПЕС, с. Валгуссы; СЕВ Ф2001-5]. «Сваты, войдя в дом, вставали под матицу. Стояли там до приглашения за стол родителями невесты» [ЛАГ, с. Б. Кандарать; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1989]. Иногда достаточно было указать на занятое место, чтобы цель прихода стала ясной для хозяев. «Говорят: “Хозяюшка, ты видишь, где мы сидим?” — “Вижу, вижу”» [ЛТИ, с. Валгуссы; ППС Ф2001-7]. В с. Ждамирово под матицу садилась только мать, в д. Кольцовка под матицу садилась сваха.

Что касается словесного действия сватов, то оно осуществлялось или прямо, или при помощи традиционных словесных формул. «“Пришёл я

посватать, у вас — дочка, у нас — сынок. Давайти сосватамси"» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян., № 3-4]. «Они приходят, скажут, что, ну, мы пришли, это, сватать» [ЗТА, с. Тияпино; ММГ Ф2001-36].

Речевые формулы сватовства были весьма многообразны. Большая их часть строилась на теме купли-продажи. Объектом такой символической купли-продажи могло быть домашнее животное — телка, ярочка, молодка (в данном регионе так называли молодую курицу). «Прихожу: "Здравствуйте". — "Здравствуйте". Я говорю: "У вас, я слыхала, тёлка продажная есть". — "Не знай, прадатся, что ли". Я говорю: "Спросите: продаётся она? То, мол, будем калякать"» [ХАЛ, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-46]. «Говорят: "Говорят, вы ярочку продаете?" — "Да у нас ярочек нет, одни овцы". — "Да нет, двуногих". — "Да мы не знали"» [ГАД, с. Чумакино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. «Сядут: "Мы к вам пришли за молодкой. Молодку нам надо". Ну вот и молодку усватают, значит» [ПАВ, с. М. Кандарать; МИА Ф2005-16Ульян., № 23].

Иногда тема купли-продажи воплощалась в традиционной речевой конструкции товар-купец. «Ну, в основном [говорили] вот как: "Ну, мы пришли к вам. У вас товар, а у нас купец-молодец". Ну, вот и начнут в таком духе то-то. "Ну, ладно, давайте ближе к делу, мы пришли сватать"» [МСИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-06Ульян., № 43, 45].

Другой вариант образно-символического выражения целей прихода реализовывался с помощью темы объединения-соединения. «Сват обращался к родителям невесты с такими словами: "У вас есть курочка, у нас петушок. Сведём их в один хлевушок"» [КАГ, с. Кезьмино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Придя в дом невесты, говорили: "Курочка да кочеток не сойдутся ли в один домок?"» [АЕИ, с. Чирково; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Скажут: "У нас кочеток, у вас молодочка. Нельзя ли на одну нашесточку сойтись?" Или еще: "У нас баран, у вас ярка"» [ААМ, с. Потьма; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1987]. «Говорили, вот, у вас ярочка есть, а у нас барашек. Или тёлочка. Вот так» [ММА, с. Первомайское; МИА Ф2001-12Ульян., № 30]. «В нашем доме голубок, в вашем доме — голубица» [УНВ, с. Сара; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

В с. Шеевщино иносказательная речь сватов поддерживалась такой же речью родных невесты, так что в итоге возникала своеобразная языковая игра двух сторон.

«— Вот пришли к вам. У нас есть барашек, у вас — ярочка. Вы нам не продадите?

Невеста-то в чулане сидела.

— Да не продажна. Хотели для себя оставить.

— У нас есть барашек, они буду парочка. Продайте!» [ЛПН, с. Шеевщино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Иногда тема соединения дополнялась темой поиска. «У нас барашек есть. Вот мы пришли ярочку искать. Если найдём, то их сведём» [ХЕГ, с. Б. Кандарать; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1989]. Тема поиска могла существовать

отдельно и самостоятельно. «Сперва шутили: “Говорят, вот тут ярка, говорят, кака-та есть? Мы ярку тут пришли искать”. Ну, вот так. Шуткими, шуткими, вроде того: “Ну, вот мы пришли договариваться, нам жених прям заявил, что невеста согласна, мы идём по готовому тракту”» [ЛВИ, с. Коржевка; ЧМП 2002-4].

Существовали и другие речевые формулы сватовства. «Не было снежку — не было ледку, выпал снежок — стал следок» [КАД, с. Шеевщино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Придут, поздороваются. “Как у вас: матка бела?” — “Бела”. — “Ну, раз бела, значит, мы пришли в дело”» [ПЕИ, с. Ждамирово; ММГ Ф2007-MD1]. «Сватья заходят в дом девушки с припевкой: “Ой, кума, у меня пальчик озяб!” — “Иди погрей у печки”. — “А я не для твоей печки, а для твоей дочки пришёл”» [НЕП, с. Никитино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1986]. «У вас девонька, у нас паренёк — не выпьем ли за них по чарочке разок» [ШНГ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Скажут, “собака-то ведь бежит по заячьему следу, надо нам найти”, — вот эдак начинают» [МРИ, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD4].

Порою иносказательное объяснение цели прихода дополнялось прямыми формулировками. «Ну, как разговор, мы к вам пришли, кто скажет, что овцу покупать, что ещё чего купить. Потом скажут, мы пришли, вот, невесту сватать» [ШАИ, с. Пятино; ММГ Ф2001-42]. Слова были «в зависимости от свата, от свахи. Которы уж очень, хорошо у них привязан язык. Ну, в основном вот как: “Ну, мы пришли к вам. У вас товар, а у нас купец-молодец”. Ну, вот и начнут в таком духе то-то. “Ну, ладна, давайте ближе к делу, мы пришли сватать”» [МСИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-06Ульян., № 43, 45].

В определенных случаях реакция на слова сватов могла развертываться в комическую мини-сценку, построенную по законам народной смеховой культуры. «Вот у меня подругу пришли сватать: “У вас ярочка продажна есть?” — “Есть, есть”. Такой боевой мужик, с печки прыг, на двор его повёл глядеть ярочку. Ну, поглядели и говорит: “Ну, таперьча в избу пойдём”. Ну, зашли в избу, тут уж начали смеяться: зачем, мол, на двор ходили? Ну, вот усватали» [АФМ, с. Б. Кандарать; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1989].

В основном же реакция родителей невесты в период 20–50-х гг. XX в. определялась желанием дочери. «“Надо её спросить”. — “Идите спрашиваёте её”. Там приходят, там, Нюра, как ли, вызывают, она заходит: “Согласна за такого-то? Пойдёшь замуж-то?” — “Пойду”. — “Не гонят тебя?” — “Нету”. — “По любови идёшь?” — “По любови”. Ну, всё» [МСИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-06Ульян., № 43, 45].

Но могли не давать сразу ответа, просили прийти на следующий день. «Утром подумам, родню разберём» [ФЕИ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. Так делали и в том случае, если девушки не было дома, а знать ее мнение считалось обязательным. «Ладно, мы, мол, покалякам, согласится иль нет». За ответом сват приходил на другой день [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-49].

Только в с. Ждамирово один информант вспомнил, что если родители невесты были согласны, сваха получала какую-нибудь вещь девушки [КОИ, с. Ждамирово; БОИ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1994]. В с. Ольховка в случае, когда стороны расходятся в кладке, сваха «украдёт веник. Придёт и свёкру скажет. Они сами идут» [БЕФ, БНФ, БОП, с. Ольховка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Также не зафиксировано каких-либо специальных обрядовых действий в случае отказа. Если невеста отказывала, то говорили просто: «Не пошла невеста, отказали» [ГЕИ, с. Валгуссы; СЕВ Ф2001-6]. «Кто говорит, что у них невеста молодая. Кто говорит, что не отдадут. Кто говорит, что жених не нравится. Вот, чай, у нас мать сказала, пришли её сватать, а бабушка: “Нет, она у нас одна дочка, отдадим, да у вас и сумовара нет, а мы её отдадим. Чайта попить и то не из чива”» [АФМ, с. Б. Кандарать; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1989]. В с. Чамзинка отказывали, говоря «у нас еще шуба не сшита» или «давай, кладкой разобьёмся» [ФЕИ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

М.Г. Матлин беседует с жительницей с. Бахметьевка М.Ф. Отряскиной. 2011 г. Фото И.С. Павлова

Во время сватовства происходил и осмотр невесты. «Если сваты из другого села, то они приглашали невесту выйти, чтобы посмотреть на неё» [ЧМП, с. Потьма; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977].

В некоторых селах после соглашения между сватами и родителями родители обращались уже и к парню, и к девушке. «Как договорятся, звали жениха и невесту. У жениха спрашивали: “Берёшь?” — “Бяру”. У невесты: “Идёшь?” — “Иду”» [БЕК, с. Чирково; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Существовали в селах данного региона и специальные обрядовые действия, обозначающие окончательное завершения переговоров. В селах Сурского р-на оно может быть названо по главному действию богомольем, хотя сам этот термин информанты и не использовали. «Если согласие было получено, то сваты, родители невесты, невеста и жених вставали на колени и молились Богу» [МАП, д. Неплёвка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

В Карсунском и Инзенском р-нах действие, завершающее окончательное согласие сторон, называлось *рукобитьем*. «Когда невесту сосватают, свахи со словами: “Здравствуйте, сваха!” — здоровались за руку. Это и называлось “рукобитьем”» [ЧМП, с. Потьма; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977]. «Если невеста соглашалась, то сваты били друг друга по рукам и начинали рядить кладку» [ЦМА, с. Валгуссы; ССА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1981].

Если среди сватов родителей жениха не было, то далее шли за ними, чтобы совместным столом и выпивкой закончить обряд сватовства. «Один останется тут, а другой идёт за вином и ведёт родителей» [ГНМ, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Иногда, если парню или его семье нужна была только эта девушка, а сватовство заканчивалось неудачно — отказом, то могли приходить снова сватать. «А меня не отдавали: "У меня невеста не вышла". Побились две недели — так и отдали» [ЕЕЯ, с. Кольцовка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

На данной территории в первой половине XX в. уже практически не применялись какие-либо ограничения в поведении просватанной девушки и ее жениха, за исключением посещений сиденок или келий. «Ушли они [сваты], я собираюсь обратно в сиденку, мама говорит: "Нет, ни ходи". Слушались матерей раньши-ти. Ну, я ни пошла, лягла спать» [ШМС, с. Коржевка; ЧМП 2002-8]. Не было и существенных изменений в одежде невесты. И только в с. Сухой Карсун одна из информанток помнила, что просватанной девушке привязывают к волосам пучок из 7–8 лент [КЕЯ, с. Сухой Карсун; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977].

В с. Б. Кандарать существовал обычай ходить девушкам по селу *с бóталой (колоколом)*, т.е. объявлять всем о просватанье. «Меня вот, допустим, просватали вечером, идёт с бóталой по сялу и кричит там. Допустим, я вот сама была Мясникова: "Мясникова — пиво, Грачёва — мила!" Ещё чё-то приговаривали, я уж не помню щас. Идёшь, зявашь [=кричишь], уж на утро всё сяло знат, что я просватана. <...> Раньше были самовары, вот возьмёшь самоварну трубу, ещё каку-то железку, идёшь стучишь, чтоб была слышна. Може двое, може трое стукали, не знаю, я уж не помню. Вот, допустим, я Мясникова, а муж у меня Грачёв, значит, Грачёва — пиво, значит, они вроде тебя запили, Мясникова — мила. Называют фамилию жениха, эта — пиво, они вроде тебя запили, а я мила» [ГКВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 75].

Чрезвычайно редко, но все же зафиксированы случаи, когда после просватанья одна из сторон отказывалась от брака. «Была у нас у однех. Её посватали, она согласилась, потом другой пришёл сватать, она той отказала, за этого ушла» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян., № 3-4]. Была и другая причина расстройства намеченного брака. «Вот когда за его сватали... не за его, за другого сватали, а вот мать-та у него колдунья, она вот её и сглазила. Она отказалась от этого, кои первый сватал. Она от него отказалась, кладку назад отдала. Она пришла, говорит: "Ты вот за этого выходишь, а за нашего Федьку не идёшь!" Вот кладку назад отдала и за этого за Федьку пошла, мать-та колдунья» [ЛПА, с. Палатово; ММГ Ф2001-2].

В с. Мамырово после просватанья дом невесты внутри украшали полотенцами, которые развешивали на стенах [ЗЕС, с. Мамырово; БСА ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1979].

М.Г. Матлин

СВЕЖИНКА

Игра *в свежинку*, бытовавшая в предвоенное время, относится к тем редким посиделочным играм, которые еще сохранили отдельные обрядовые черты — например, приуроченность к определенному времени. В с. Чумакино эта игра устраивалась в келье раз в год в заговенье перед Рождественским постом (27.11). Она представляла собой вариант забавы, широко распространенной в более южных и западных областях (например, в Белоруссии и на Украине), и заключалась в попытке ухватить ртом подвешенную к потолку на шнурке большую кость с остатками мяса (мосол).

Мосол вешали с таким расчетом, чтобы его мог схватить ртом высокий человек, тем же, кто был маленького роста, приходилось подпрыгивать. «Эта вот знаю, на загавенья играли. Привязывали маслов, мяса, и вот к этаму маслу прыгали. Ну, вот, пример, там кольца есть у каторых, брусья́. Вот кальцо, зыбки ить прежди вешали, а там видь были вот такии кольцы, и на эта кальцо вешали. И вот на кальцо вот павесют, ну, яво штобы прыгнуть да дастать. Вот хто прыгнёт, дастанит зубами пряма, то таво этава масол. Ну, а хто высокый паринь, канешна, он прыгнёт, тут жа и яво дастанит» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 71].

В некоторых кельях эта игра устраивалась с участием только одних девушек. Наигравшись с мослом «в свежинку», они доедали мясо и остальное угощение, принесенное с собой. «Эта загавенья была. Прям адны девки, эта масол принясут. А патом уже пасле “свижинки” там скажут: “Давайти ужинать, загавляцца”. [Как спать] лажицца: “Давайти загавляцца”. И вот хто чаво принисёт, и вот садяцца и загавляюцца. Адны девки, биз парней» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-19Ульян., № 103].

Но чаще это было совместной забавой, в которой парни играли активную роль. Один из них вставал с ремнем в руках недалеко от мосла и следил, чтобы игроки не задерживались около него, для чего подхлестывал их ремнем. «Эта была заг*а*венья, асенняя заг*а*венья, вот мясаед идёт асенняй, и вот на заг*а*венья играли “в свижи́нку”. Принасили масол с мясам, вот привязывали яво на этат, на шнур. И вот лавили яво ро́там, вот хто пума*а*т, тот палучыт. И парни лавили масол-та, и девки, все. А тут стаят с римнём, хлышчут, вот. Как он падбигёт, яво римнём хлышчут. И рабяты, и девки, вот. Рабята всё придут: “Дивчонки, хто завтри масол принисёт?” Там скажут. “У каво бальшой масол будит, то и принисити”. И вот бальшой масол принясут с мясам пряма яво, и вот привязывают яво. Вот штоб ротам яво дастать, не руками, нет. А видь он мата*и*цца, падайдёшь, ни зна*и*шь яво схватишь ай нет? А тибя римнём всё хлопают парни» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-19Ульян., № 95]. «Загавлялись, загавынья, вот начынают в келье сидеть. В “масо́л”-та играли. Рабяты масол привяжут, вот иди яво цалуй. Иди и цалуй — масол цела*вать*, а то римнём исстягают. Ой, была всево!» [САМ, с. Чумакино; СИС Ф2002-05Ульян., № 31–32].

В некоторых кельях мосол разрешалось хватать руками. «“Свежинка” звали. Вот на эта загавинья играют вот в эту “в свежинку”. В кельях прежде сидели, привязывали, вот брус — прежде были палати — брус, вот к этаму брусу на вирёвычку привязывают масол. Вот адна бигёт, рванёт, а другой иё римнём хлыснёт. С римнями стаят парни. А девки вот (ну, девки, рабяты, каторы рабяты тожи рвут), ну вот катора атарвёт, начнёт [есть]. Чай, на масле́ нет ничаво. Руками хватали. Нада*ть*, видна, зубами, а где тут зубами дастанишь? Даляко, высако. Масло́м-ти выбьишь зубы» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 67].

Тот, кому удавалось поймать мосол, мог его съесть. «Иё называли “свижинка”. Яво, масол, привяжут, он ни гло́данай, мяса на нём. А каторый эта шути́т-шутит, да яво и сцопа*и*т. Сцопа*и*т масол, он яво сядит да съест» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-06Ульян., № 35].

И.С. Слепцова

СВЯТАЯ ВОДА — см. Крещение, На святой родник ходить, Никольская гора, Болящие

СВЯТКАМИ ХОДИТЬ — см. Наряженными ходить, Ярку искать, Святки

СВЯТКИ

С*вятки* — календарный период от Рождества до Крещения, который осознавался как один из самых значимых в системе народного календаря. «Ну вот, у миня мать гаварит, пакойна мама: “Святки, — г*ава*рит, — эта бальшой праздник”. Я гаварю: “Мам, как?” — “Так, праздник”. Празнавали всё. Бальшой праздник» [БЗГ, д. Ростислаевка; СИС Ф2004-32Ульян., № 27]. Он характеризуется отсутствием постных дней и иных пищевых регламентаций. «Ат Ражаства да Хрищенья называ*и*цца, вот двянаццать дней, йих называют “свя́тками”. И нет такех дней, штобы ни есть скаромна. Ва святки можна кажный день упатреблять в пищу скаромну. Эта таки*я* праздничны дни» [КАВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 21]. По народным представлениям, святки связаны с разгулом нечистой силы («в святки колдуны оборачиваются»). Этим объясняется бытование в данный период различных магических и прогностических практик (см. *Гадания*, *Рождество*, *Рождество славить*), очистительных (см. *Новый год*) и охранительных действий (см. *Крещение*).

Отсчет святок начинался с утра Рождества. С этого момента начинались поздравительные обходы христославов, колядовщиков, артелей ряженых, уличное бесчинство и озорство (см. *Коляду петь*, *Наряженными ходить*, *Озорство*, *Рождество*, *Рождество славить*, *Таусень*).

Сроки святок в разных селах варьировались от трех до двенадцати дней. «Вот с сидьмова января десить дней ани и́дут святки, и каждый вечэр они нарижаюцца» [БКЕ, с. Палатово, ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4]. «Святки у нас шшитались вот с чатырнацц*а*тава (ну, па-новаму, я имею в виду), чатырнацц*аты*ва, пятнацц*аты*ва и шаснаццат*ы*ва января. Вот эта у нас "святки" назывались. Три дня, да. Бывала, разыграсся, на читвёртый день бы паиграл, ну нет, старухи ругают уж. Завтра, г*а*варят, сачельник — грех. Сямнацц*а*тыва числа. Васямнацц*а*тыва сачельник, дивятнацц*а*тыва Крищенья. Вот. Нет, тол*ь*ка што вот эти три дня мы играли святки. Да. Нарижались мы...» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 24-25]. «Наряжаются на Новый год днём, на старый. На старый Новый год» [КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 101].

Участник святочного ряженья. С. Большая Кандарать. 2006 г. Фото И.А. Морозова

Участники разных типов обходов, особенно те, которые включали в свой состав ряженых, как правило, назывались *свя́тками* или *свято́шниками* (см. *Наряженными ходить*). «Святки две недели прыдалжались, да этава, да Хришшенья. А "святошников" скол*ь*ка была! У нас вот была сиденка (вот верите, нет?), дверь прям*а* была атворясь [открыта]. А наряжались павсякому, па-всякому» [ААМ, с. Княжуха; ЧМП Ф2000-11]. «На святки нар*и*жались, бывала, хадили "Каляду" пели. Всё "каляда́кали". Придёшь, эту "Каляду" спаёшь. Дают, кто сахару, кто канфет, кто вон — кусок хлеба. Вот и вся "калядычка". Карзинку с сабой таскали» [АЕП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4]. «Вот в святки — щитаюцца вот с первава дня Ражаства — уж начинают нарижацца. Да Крищенья» [БЗГ, д. Ростислаевка; СИС Ф2004-32Ульян., № 27]. Такое же название могли иметь и свадебные ряженые (см. *За веником ходить*, *Ярку искать*). В ряженье принимали участие как молодые люди, так и люди среднего поколения. «Ну, наряжины-ти хадили. У к*о*го, што есть, наряжались. Старинны как*и*е-ниб*у*дь юбки, кофты. Там эти были, утиральники были вышиты*и*, бальши*и*. Вот здесь пири*в*язывались, чириз плечо, вот так. На гал*о*ву, чать, платки как*и*е-ниб*у*дь, мушшины шапки как*и*е-ниб*у*дь удёвают. Лицо закрывали даж*и*. Ну, закрывали прост*а* тряпк*а*й, марлей. Даж*и* ни узнают, кто и прихадил. Некаторы*е* *а*ткрываются, а некаторы*е* даж*и* ни *а*ткрываются. Гаварят изменённым голас*о*м — какимнибудь грубым голас*о*м или тоненьким каким-ниб*у*дь» [БКЕ, с. Палатово, ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4].

Этимологизация слова «святки» позволяла приписывать персонажам с этим названием способность «освящать», т.е. отгонять нечистую силу, по-

добно тому, как это делает священник во время праздничных молебнов. В с. Тияпино, по рассказам, ряженых приглашали «освятить» новый дом. «Прям па сялу, па дароги [наряженные] и́дут, играют и пляшут, и пают. А захадили [не в каждый дом], нет, нет! Вот у нас кагда новый дом пастроили — ну, а мы вясной взашли, и да Новава годы жили мы. Вот тятинька и гаварит: “Иди, дочынька, крычы всех, пускай все идут. Пускай абнавят наш-ти [дом] святки”. Всё гаварят: “Эта как с малебиным всходят, так и святка взайдёт”. Все всхадили в избу. Всем дал па стакану этай самагонки. Асвича́ли — вот нады дом асвитить, новый дом. Эта видь нони ничаво ни признают! Раньши признавали. Вот как хадили на Паску малебины в каждый дом, ну и эта всё эдак. Ну, вот при́дут, асве́тют. Свищенник, служба идёт. Асветют всё с панукадилай, всё ладоным, всё. И “святки” всё такии жи, [как святые], да. Гармонь играит, плясали. Он йим па стакану налил самагонки, выпили, пашли дальши» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 76, 80].

Участник святочного ряженья. С. Большая Кандарать. 2006 г. Фото И.А. Морозова

Существовало также поверье, что «святки — эта калдуны какиита» или «святки пириварачиваюцца в каво-нибудь» [ТАС, РЕВ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 99; СИС Ф2001-05Ульян., № 121], «в святки бегают калдуны» (см. *Колдун, Оборотень*). Поэтому для охраны жилища и домочадцев применялась различная превентивная магия. «Вон, видишь — [крестики] на акошки, на двери. Эта вон: “Аминь, аминь, аминь!” — визде, всё заами́ни*вала.* Ат Новава года да Хришшенья. Патаму шта в святки-та видь наряжины люди нихаро́ши. А эта вот их всех зааминишь. Да. Всех чиртей. Ани в ад уходют, ани в ад в свой. Ну, ани ка*г*да и люди, а ско*ль*ка святак таких нигодных чиртей. Ско*ль*ка чиртей! У нас аднаво в бани запарили да смерти. Пашол в баню мыцца, а выпимши. И ани яво парили, парили, и нагами в кажу́х яво ваткнули. И да смерти запарили. Ну, эта давно, давно дела. Вот эта ничиста сила, черти. Ни ва время да пьяный пашол, в самых сути́сках — вот вечарам, кагда вот смеркацца. Вот эта у нас называицца “сути́ски”. Вот самый-та разгар всем этим чиртям» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 89-93].

В некоторых селах период святок характеризовался особым типом поведения — бесчинством и озорством (см.), которое практиковалось не только ряжеными, но и всеми желающими, в первую очередь молодежью. Группы молодых людей разваливали поленицы, затыкали трубы, заваливали калитки и двери и т.п. «Накануни Ражаства и да Хрищенья кажный день азаравали. Рабятёшки, хто больши. Ну, вот ана на улицу ходят, боль-

шинкии, па пятнаццать, па двацать. И дивчонки, и рибититишки. Оне вмести тут: и дивчонки, и рабятёшки — все. Ане в святки азаравали. Ну, сани куды-нибудь в авраг завязут иль на крышу каму-нибудь затащут йих. На́ гару вот разок тилегу заташшили, вон на Вшиву гору. И эта была. То тиле́ги калёса пиременят, задниии на пиреднии. Он приедит, станит запрягать-та, а ана... Шутили, вот такии. И драва раскидавали, всяка была» [ССП, СОИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 1]. «Ну эта жанаты-ти уж хадили жи па улицам, вот, асобинна вот на Крищенья-та. Вот тут тожи бегали азаравали. Дажи трубы лазили затыкали. Саломай или какой-та тряпкай, там какую фуфайку какую грязную. И штоб дым-та в избу, да. Адин день [озоровали]. Ну, тут уж зарание вот што эта [договаривались]. Или на Крищенья, или накануни Новава ли года. Вот накануни, наверна, Новава года всю ниделю-та, как святки-ти» [СФН, СЕВ, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 85]. «В святки, в эти вот, в святки. Азаруют, азаруют. На улицы пума́ют какую девку, и снегу там, всево» [МЕА, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 101].

Участники святочного ряженья. С. Большая Кандарать. 2006 г. Фото И.А. Морозова

На святки озоровали не только на улице, но и в келье (см. *Играть в кельях*, *Подшикунивать*). «Эта вот “святки” называли, “святки”. Вот он эта вроди так придёт, ничаво, низаметна, а намажит шапку [сажей]. Ну, падайдёт, шутить начынаат, разгаваривать с ней, [обнимет]. Да. Или ище каторый-та намажит тряпку там сажий (ну, там, можит, иё сунит в карман, заве́рнит), разгавариваат, разгавариваат. Пашутить-та ахота, да вазьмёт и мазнёт. “Эх ты ничыста сила! Ты чаво? Дивчонки, он чаво, миня измазал што ли?” Ну, шутит проста. Эта вот кагда святки были, а так нет» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-18Ульян., № 36].

Некоторые типы озорства были характерны для ряженых, которых называли *стариками* или *медведями*. Они появлялись на улицах села, когда было совсем темно. Эти ряженые были опасны для подростков и женщин. Их озорство было иногда жестоким: они могли со всего маху ударить прохожего кнутом по спине или вывалять в снегу. «И я нарижался азаровать. Ганяли рибитишкав. Как дашь кнутом — атскочыт» [МАГ, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003]. «Нарядюцца “стариками”, нар*я*жались мужики, вот больна сильна били. Ани нарядюцца в тулуп, шапку — на макушку и плетка у них в руках. *Э*сли пападёцца кто, ани сякут плёткайт*и*, вот как*я* мода была. Ни пападайся! Па аднаму-т*а* ни пайдут, ани, маладёжь и дивчонки, напугаюцца — стукнут, нет ли, в снег, чай, павалят» [УЗИ, с. Б. Шуватово ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003].

Мужчины, которые рядились медведями, нередко наряжали коня (см.). «Найдёшь вот таку палку согнуту. Да уши, калакольчык там, или бо́тало. Полаг длинный надёват, и с нём “павадильщик”— тожи “мидведь” иль “старик”. Он “каня” видёт. “Павадильшшик”, а сзади — “падганяльшшик”. Вот он зайдёт в избу, в келью, вот начинат эт [конь] прыгать. А он стаит — и: “Тпру, тпру!” А сзади “падганяльшшик” *я*в*о* падганяит кнутом-т*а* [МАГ, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003].

Распространенным святочным обычаем были гадания (см.), которые называли также *ворожейками* (с. Кирзять). В Присурье в XX в. основным типом были гадания девушек о замужестве и судьбе. Известные в других регионах и в более ранний период святочные гадания об урожае, судьбе домочадцев (см. *Традиционная календарная обрядность*) не отмечены.

Завершался святочный цикл обрядами Крещения (см.). Те, кто участвовал в святочных представлениях, купались в крещенской проруби, поскольку ряженые считалось грехом. «Сказали стары-т*и* люди так: если ты нарижалась, иди в эта, Хрищенья придёт, иди купацца. Йардань называли. Иди купацца туды. Грихи, вроди, снимать, ни зна*ю*, ни зна*ю*. Каторы нарижались, ну и так, каму нады, купаюцца. И шшас купаюцца. И мужики хадили, и бабы хадили. Вот мужики нарижались как-та “лош*а*дью”, ани купались» [БАА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 25]. «Хадили, нар*и*жались — знач*и*т, всё г*а*варят, купаться надо» [ЛЛФ, с. Сара; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000) «И батюшке я вот г*а*ворю: “Батюшка, — я г*а*ворю, — я грешна*я*, я хадила нар*и*жалась”. Ну, я говорю, я плохова ни слова никакова. “Проста я желаю щастья вам. Многая лета, многая лета, многая лета! На многая лета!” [поет] Вот то*ль*ка, я говорю, я то*ль*ка поздравляла всех» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 67].

М.П. Чередникова

СЕМИК

Семик — праздник, приуроченный к четвергу перед Троицей (см.). В отличие от многих других регионов, в Ульяновском Присурье этот день не относился к числу поминальных. Из семицких обычаев сохранились в основном обычаи, связанные с заплетанием венков и гаданием по ним, а также детские и молодежные обходы.

Сохранилось поверье, что в этот день появляются русалки (см. *Русалка*).

В семицких обрядах принимали участие дети и девушки. Утром дети, собравшись небольшой группой, ходили в луга, плели венки из цветов, надевали венки на голову и возвращались домой. «“Симик”, эт да, читверг. Тагда на лугах какии цвяты расли, ужась! Какех толька не была цвятов. Всяки — кашка такая была розава, жёлта, бела. Вянки наплитём, на голывы-ти наденим. Пели чаво-нибудь, каки-та вот песинки детски пели» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4].

В с. Княжуха дома детей встречала мать и готовила им яичницу, которая и называлась *семик*. Яичницу съедали в бане или в саду под плодовыми деревьями. «Ну, вот дети малиньки... Мать сделат *я*ишницу, пайдёшь в агарод, в сады в свае хадила, там иё, *я*ишницу-ту и съешь» [ЖИС, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «И нам делали *я*ишницу — “симик”. Зайдём, у нас был сад страхавой, там вишня. И вот такую чашку делали *я*ишницы. В саду эту *я*ишницу ели» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «В бани вот сабирались. На “симик”. Вот из *я*иц делали там *я*ишницу, в бани. Прям в печэ в этай и делали *я*ишницу и ели этат “симик”, *я*ишницу» [ААМ, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. Пирование завершалось пляской под аккомпанемент балалайки или какого-либо подручного средства. «У каво мы сабирамся, там и *я*ишницу делают. Ну, у каво балалайка, балалайка играт, у каво нет — в вядро стучали — такая у нас музыка» [АЕП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

И.А. Морозов беседует с Е.Е. Юриной из с. Кадышево. 2002 г. Фото В.С. Меркулова

В с. Сыреси дети, нарядившись *женихом* и *невестой,* обходили село. «Небольшии мы были — “семик” вот летам, “семик” делали. Да так праздник называют эта “семик” какой-та. Адна наряжацца в штаны девчонка, другая, знашт, в шляпу с лентами — эта “невеста”, а эта “жених”. Вот ходим. Проста селом проходили, шли улицей, селом, ничаво [не пели], проста для ребятишек. Пройдём, потом приходим яишницу есть. Эта ищо малинькии были. Ну, примерна, лет мож*ит* по восимь, по семь, вот в таком возрасти. Совсем ищо небольшии» [ААМ, с. Сыреси; СИС Ф2008-01Ульян., № 121].

К вечеру в четверг в лес ходили девушки *венки заламывать* (завивать) или *узлы завязывать.* Венки завязывались на веточке березы, ветлы или клена. «А летам вот был у нас праз*д*ник. Эта девичий праз*д*ник, вот пирид Троицай — “симик”» [АЕП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «В читверг пирид Троицай вот я бы пашла вот сюды, или ты вот к витле и сделала прям на ней, ни ламала кусты и сделала так вот вянок, вот как-нибудь скрутила, штоб прутик ни ломалси...» [ФЕИ, с. Валгуссы; ППС Ф2001-15]. «А в читверг вечир*а*м пирид Троицай хадили маладёжь, вот мы уж хадили винки завивали, заламывали. Вот так вот сделашь вот вянок и аставляшь. Вот я заламила там и приметила» [ТАП, с. Аксаур; ППС Ф2001-11]. «Ну, узлы, узлы завязывали пирид Троиц*а*й в читверг. Дивчонки, девки. Ну, вот в этат лес мы хадили. Там у нас прасёка, на прасёку хадили. Ну, завяжут узялок на бирёзке. Ма-а-ленький, чай, какой, ветачку завяжут. Да, завязывали узлы

там, в читверг завязывали» [КЕА, с. Аргаш; ППС Ф2001-62]. «Вот у нас была крива бирёзка, мы на ниё всё хадили, к этай бирёзки, завивали на ней винки. Завязывали прям*а* на самой бирёзе. Там маненькай вяночик закрутишь, завяжишь...» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Утром на Троицу приходили смотреть на заплетенный веночек — «узел», и по его состоянию гадали о будущем. «Если прутик изламацца — придёшь на Троицу глидеть яво — он распустицца, то шшастья ни будит этай ж*и* нивести, девушки. А вот если уж вот он цел*ай*, он, как свёрнут*ай*, как бытт*а* сичас свёрнут*ай*, цел*ай* — ана замуж выйдит» [ФЕИ, с. Валгуссы; ППС Ф2001-15]. «Утром п*а*бягошь — павял што ли? До церькви... Ну, ни павял, эта, харашо — замуж выдишь. А как павянит — ни выдишь» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Вот пайду на Троицу, если нармальна, то, значит, я жить буду. На Троицу хадили сматреть» [ТАП, с. Аксаур; ППС Ф2001-11].

В с. Проломиха завивали венки и гадали о будущем нескольких членов семьи. «Эта на Троицу венки вьют, а в читверг вот узилки завязывают на каждава члена симьи. Вот есть у нас троя. И замичают: мне там, маме там и эта. И на Троицу идут смотрют: каторый завял, эта как к балезни, а если савсем высах, эта уже тожи плоха. А каторый зилёный — эта харашо» [МНА, с. Проломиха; СИС Ф2002-02Ульян., № 45-47].

К семику были приурочены и гадания на венках, сплетенных из лесных и полевых цветов (см. еще *Духов день*). Венки надевали на голову и шли к реке. «Там в лясу-ти там другой савьёшь, из ландышу, эт*а*кий ландуш был. Вот яво в лясу-т*а* вот савьёшь, наденишь [на голову] и идёшь к речки» [ФЕИ, с. Валгуссы, ППС Ф2001-15]. «Винки плили из цвятов. Рвали рамашки. Эт на симик-т*а* накануни Троицы» [СМВ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-21].

В с. Княжуха один из венков плели для гармониста. «Адуванчики обычна вот ани цвятут жёлтым в то время. Вот их плили, завивали. И вот, гаварю, на гарманиста надивали. Вот из этих жёлтых цвятков сплитём вот так на галаву, вакруг» [СВА, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Венки бросали с моста в реку и примечали: утонет или поплывет венок, гадая таким образом о замужестве. В с. Валгуссы потонувший венок не считался плохой приметой. А если венок уплывал по течению, это означало, что жених уйдет или даже уедет от девушки. «Ана яво бирёт и в воду кидат. Вот у нас тут мост. Сичас вить он страшнай, а тагда были ручки тама, идёшь, чыста тама всё на масту, идёшь и этат вянок нисёшь. Патонит вянок, то эт*а* ты замуж выдишь, а если он плывёт и плывёт, то жиних уедит *а*т тибя. Вот яво в лясу-т*а* вот савьёшь, наденишь и идёшь к речки. К речки идёшь, и папыташь, мол: вот придёцца мне за няво замуж выйти? Если выду, то патонит, а если ни выду, то он... А ты кинишь, он, пажалуй, плывёт, а есть так, как кинул, всё — патанул, вада яво накрыла» [ФЕИ, с. Валгуссы; ППС Ф2001-15]. В с. Княжуха смотрели: куда прибьется венок — там живет жених. «Гадали: плывёт или утонит. Куда прибьёцца. Любит иль ни любит. Это уж чо? Ну, эта девичьи всё мысли» [СВА, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2001].

В с. Ждамирово по плывущим венкам гадали о жизни и смерти. Потонувший венок предвещал беду. «С винками на речку пайдут, их апускают. У каво тонит, у каво ни тонит. Кто будит жить, кто ни будит жить» [СМВ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-21].

Сохранились слабые воспоминания о том, что в этот день девочки кумились, обмениваясь половинками лепешек, хотя само название обряда уже не помнили. «Сабирались — у нас там окала речки вётлы были, мы на этих вётлах вот эти винки плили, из цвитов вот иза всяких плили. И вот нам спицальна каждая, ну, мая мама пикла мне, пикла такую бальшую как липёшку, вот. И мы там эта вот ламали и друг дружки минялись [половинками] вот. А пачаму как, ни знаю. Да. Вот эта какой-та день был. И винки плили и брасали в речку, у каво уплывёт куды, у каво чаво. Вот у нас речка [Якла] была. Мне кажицца, перид Троицай. Где-та перид Троицай. Ну, ни на Троицу» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2009-29Ульян., № 76].

В с. Княжуха действиям с венками придавался магический смысл. Старики говорили, что девушкам непременно надо с венками идти к реке. Считалось, что это обеспечит хороший урожай. «На речку эти винки насили, брасали. Примета какая-т*а* была. Вроди для уражайнасти, люди стары гаварили, што абязательна вянок нада атнисти в речку девкам. Вот мы и хадили. Вот праздники у нас были эти девичьи» [АЕП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2001].

М.П. Чередникова

СЕНЬКИ-УСЕНЬКИ — см. Таусень

СИДЕТЬ В КЕЛЬЯХ

Кельи (*сиделки, сиденки, избёнки*) — особая форма осенне-зимних молодежных собраний, органично сочетавших работу и развлечения. Местные разновидности названий отражают как способ времяпрепровождения (сидеть), так и место проведения (в отдельно стоящем небольшом помещении: келье, избенке). Кельи выполняли очень важную функцию в жизни молодежи, являясь тем местом, где совершалось знакомство и общение молодых людей, завязывались связи, нередко завершавшиеся браком. Кроме того, здесь происходило овладение трудовыми навыками, песенным, игровым и танцевальным репертуаром (см. *Играть в кельях, Кузьминки, По кельям ходить, Плясать, Припевать*), усваивались этические и эстетические нормы, представления об окружающем мире и т.д.

Не менее важным было и то, что молодежь приобретала в келье навыки социального взаимодействия: умение руководить и подчиняться, улаживать конфликты, добиваться поставленной цели и т.д. В результате этого процесса каждый из молодых людей получал ту или иную оценку сверстников, в

соответствии с которой занимал определенное место на негласной иерархической лестнице, что в дальнейшем оказывало влияние на его судьбу. Они были своеобразным клубом, в котором постоянно совершался обмен новой информацией (слухи, рассказы о происшествиях, сплетни) и вырабатывались общие критерии ее оценки, что способствовало сплочению молодежной группы. В целом можно сказать, что в келье в значительной степени совершался процесс социализации, в результате которого молодежь оказывалась готовой к самостоятельной взрослой жизни.

Кельи были тесно связаны с календарной (см. *Коляду петь*, *Кузьминки*, *Святки*, *Наряженными ходить*, *Масленица*, *Пост*, *Таусень*) и семейной (см. *Свадьба*) обрядностью, а также со всем распорядком крестьянских работ. Само их начало определялось сроком завершения уборки сельскохозяйственных культур, прежде всего картофеля, и приходилось, как правило, на сентябрь — начало октября. «Я *ищо* бы́ла манинька, всё эт*а* были вот такии “избёнки”. Осинью, кагда всё вот убярут, тада уж вот ходют в “избёнки”. С пряжей, с прялкими» [ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 56]. «Убирём палявую работу, уж свабодны делам*си*. Паследня у нас какая работа была, <...> кто затявал вон канапли, на*д*а поскань выбрать. Тагда кельи. Мы уж всё эта убирём, исталчём эту поскань, да всё эта у нас всё уде*ла*на, тагда в келью пайдём» [ТМИ, с. Белый Ключ; СИС Ф2000-14Ульян., № 132].

Согласно местным обычаям, первые сиделки (*засúдки*) могли устраивать на какой-либо праздник, приходящийся на этот период: Иванов день (с. Палатово), Рождество Богородицы или осеннюю ярмарку (с. Коржевка, Чумакино), Воздвижение (с. Новосурск, Чамзинка, Шеевщино, Сара), Покров (с. Шеевщино), Казанскую (с. Палатово), Михайлов день (с. Проломиха), Кузьминки (с. Коржевка, Б. Кандарать, Валгуссы, Шуватово). «Келья? Вот, помню, засиживали: “Нынчы в кельи засиживать!” На асеннюю ярманку, васьмова синтября што ли ана быва*а*т. “Асення ярманка” всё называли. Засиживают в кельи. Ну вот, пайдём в келью, пасидим там, чай, пабалта*ам*, папаём быть можит, можит папляшим. Всё, чай, была. Ну и разайдёмся» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 74]. «Осенью перву называли “засидки”, Взвижанья — чатырнаццатава числа — на няво. Если убяруцца. А то Пакров праз*д*ник — первава актибря, на няво делали засидки. Вот начинаишь. Будишь хадить каждый день уж. Бывала, где восемь, где десять девчонак сидели в сиденки» [КАВ, с. Ширшовка; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2000].

Часто первые собрания были еще подготовительными, а *коренно́е* сиденье, когда оставались в келье на ночь (см. *Ночевать в келье*), начиналось после Покрова или Кузьминок. «Мы сайдёмся все: “Айдати к тёти Паши папросимся, пустит ана нас или нет в келью?” Вот пришли: “Тётя Паша, ты нас пустишь в келью?” — “Идити, девки, идити. Кагда?” — “Мы на Здвиженье придём”. Вот. А сидеть уж, начавать, придём на Пакров. Уж эта мы и с пастелями, са всеми придём» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 72].

Существовал целый ряд ограничений, которые определяли сроки собраний в кельях в зависимости от дней недели или календарных периодов. Так, повсеместно запрещалось устраивать сиделки накануне воскресений и праздников, а также во время постов (см. *Пост*). «Толька когда накануне праздника большово нас не пускали родители, не ходили» [ЗМВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 60]. «Мы в кельи начавали, в кельи. Толька мы уж в субботу ни пряли, ни вязали, так сходим. В гармони ни играли и ни пели в субботу. Вот в васкрисенье сайдёмся в келью уж начавать, эта уж пляшим и паём. А в субботу толька придём, пасидим, пасмиёмся и лажимся. Рабят ни пускали в субботу, рабята ни хадили» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 72]. Завершались кельи, как правило, к Великому посту, хотя в послевоенное время они иногда продолжались и до Пасхи, но на них собирались только одни девушки и развлечений тогда не устраивали.

Кельи были своеобразными территориально-возрастными сообществами девушек. Обычно они были немногочисленны: собиралось по пять-семь человек (иногда несколько больше) одного возраста и проживавших на одной улице или конце села, которых связывали дружеские отношения. «Мы, чай, сидели в адной кельи. Сабирёмся вот и все вмести, как радня. У каждай была свая, каждая келья была атдельна. Каму где нравицца. Ну, между сабой так там дагаварисся: “Куда, мол, пайдёшь?” Вот бальшинство вот, у нас тут была наша заветная келья. Астальныи там были эта савсем другия, там вон в Дирявушки, в Нахаловки вот. Вот, а мы вот из Сирёдки все. Нидаляко [от дома], да» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 98].

Число сиделок в селе зависело от его величины, наличия в нем молодежи, местных представлений о возрасте, с которого девушек можно было одних отпускать в компанию. «Сидели в адном доми. Вот в улици-ти была две [сиденки] да в канце там, в другой улици. Тагда была видь нас многа, в каждам доми была многа. И вот схадились каждый сваим этим курмышо́м [=компанией]» [МВП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-03Ульян., № 1]. «Питьдисят чытыри кельи! Ага. Ну, там видь па пять, па шесть дивчонак, ну пусть пабольши маненька. А сяло ведь бальшое у нас» [ВПМ, СМС, с. Сара; ММГ Ф2000-3].

Обычный возраст, с которого девушки начинали ходить на сиделки, был ранний юношеский, то есть шестнадцать-семнадцать лет. Посещение сиделок девушкой было равноценно объявлению ее невестой, с этого времени ее уже могли сватать. «Ну, лет шаснаццать-сямнаццать, йих уж щитали девушками. Шаснаццать гадов — у миня у дваюраднава брата [дочь] — шаснаццать гадов выхадили уж замуж. Ани уж и пряли, и всё, эта уж шшитай девка» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Гадов с пятнаццать, васямнаццать, сямнаццать. Ну, пятнаццать как-та мала хадили, а уж всё пабольши. Сямнаццать, шаснаццать, вот» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 72]. Иногда упоминают и о более раннем возрасте. «Ну, где-та в читырнаццать. Хадили у нас эдак же» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 100]. «Тринаццыть, хто учылся, хто

ни учылся, тринаццыть лет. Мы, например, два-три года, хто маложи, хто старши — этакый. Ну, как есть вот сирёдычка-т*а* вот все мы дружили, в избёнки начавали» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-02Ульян., № 85].

Нередко в селе существовали отдельные сиделки для разного возраста (*роста*): младшая — для подростков, старшая — для девушек на выданье. «Ну, эта па возрасту ане были. Вот адни вот эдаки всё гадов па пятнацццать, па шаснаццать — ане сидели атдельна. Старши возраст девки — ане атдельна» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-02Ульян., № 7]. «Примерна, свой рост набирамся, ага, мы сабира*и*мся. Раньши видь скока была девак и рабят! А сястра у миня была, ани уж свой рост. Была чуть ни кряду две кельи: вот адна-та катора*я* пастарши, а наша келья была памаложи» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 88]. «Вот, примерна, у Тимошиных-ти была келья, у них бальшии. Ну, как тибе сказать-та? Ане, бальшии-те, гадов на десить, пади, нас пастарши, на двянаццать. Бальшеи девки, бальшеи девки. Мы называли йих “бальшеи девки сидят”, там бальшеи девки сидят: шаснаццать, мож*ит́*, васямнаццать. А мы *и*що манинньки*и* бегали, мы *и*щ никакой кельи ни нада нам была. Вот нам стала маненичка тринаццать-чытырнаццать-та гадов, вот, была, к этай ба*б*ушки-ти хадили маненька» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 27–28].

Довольно часто решающим обстоятельством, которое оказывало влияние на посещение кельи, был не возраст девушки, а ее внешний вид, свободное, уверенное поведение в компании. Так, пятнадцатилетняя девочка ходила на сиделку к старшим, потому что у нее была необходимая для взрослой девушки одежда. «Да вот моя ровесница, вот Зина Вольнова (у ней кладовщиком папа работал), она уже сидела, у ней одецца было. У ней и пальто, и жакетки, и чёсанки, и валенки, а у нас адни валенки на троих, все тут одне. Зина-то она в этой жакетке за дровами в лес (ездили мы в лес за дровами), ага, и в валенках подшитых, а вечером несёт Зое — Зоя-то [моя сестра] постарше — эту жакетку и валенки, то*ль*ка штобы [Зое] в клуб идти. А сама-то — то плюшку [=плюшевую жакетку], то ищо какую-нибудь жакеточку, и всё такоя. И она девкой глядела, а я чево тута? Господи!» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 7].

Поэтому девочки-подростки иногда прибегали к комичным способам, чтобы сделать себе необходимый наряд. «И вот, Ирин, охота была тожа, вот у падруги, вот всё, у Нинки-та Королёвой, она одна дочка была, у ней рубашички с кружавами были и всё. А мы с одной подругой (как вспомнишь, Ирин, и смех и грех), нам тоже охота кружева, а где взять-та? Мы, помню, с Тонькой нашли на помойке бредень, вот сетки-те. Помыли, мыли их, мыли, оне серы всё равно. Мы к рубашке пришили с ней, пришили и штобы видна ищ*о* маненька была. “Тоньк, видна маненька?” — “Видна. А у миня?” — “Видна”. Вот! Дурость или глупость была. И охота была. А ищо, Ирин. На каблуках. Вот каждому сваё время, Ирин. Ищ*о* апять скажу, шигон*я́*шки мы были, значыт, лет двенаццать, адин*наццать*, десить, вот так, тринаццать. На каблуках-та

охота. Палезишь на по́длавку [=чердак], там совершенно ничо, или какии-нибудь на разны ноги, или чево-нибудь. Так мы шпульки привязывали к пяткам! Шпульки привяжим и, значыт, эта топа*а*м, как на каблуках. Вот как хотелось. А теперь вот у меня лаковы туфли коричневы*е* лежат — нетушки» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 29].

Кроме того, пропуском в старшую келью для младших могло быть умение играть на балалайке или гармошке и петь. «Старшим-та вот не хватало, ани всё приглашали: "Валька, прихадити, маленька тожи пасидити". И вот са мной у них все песни пели. И гарманист был. И канешна нужна я им была. "Ну, нынчи Вали нет — и песни у нас ни сходюцца". Первый голас у миня был. Эта втарой голас — бас, первый голас высокий. [Мне] двенаццать-тринаццать лет, а этим уж была за дваццать. Ани уже с жинихами, с парнями. <...> Как канчаицца вот всё это, пение, ну мы сразу, время девить часов, гаварю: "Всё, мы уходим". Ани гаварят: "Да-да-да". Ани астаюцца с парнями взрослы*и* уж там. Ана [=мама] знаит, што я в девять часов приду дамой» [КВК, с. Чернёново; СИС Ф2007-04Ульян., № 46, 51].

Младшие участницы сиделок порой вызывали повышенный интерес парней, их чаще приглашали плясать. Также как и старшим девушкам, парни им «давали предлог», то есть предлагали дружить (см. *Матаниться*). В результате младшие быстрее выходили замуж. «Малодиньки*и*-ти. "Давай, давай, там, Кожинова, Кожинова, там, Навичкова, давай идити падгорну пойти! Плишити!" Ну вот, заигра*и*т гармошка, мы [выходим], а ане [=парни] вроди нами интирисуюцца. <...> Всё, всё, и аставляют, и "придлог" дают и... нам эти старыи-те [парни]. И начавать и там эта. <...> Начавать ни аставались, как засидишься с бальшими-ти. Мы ни аставались» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 74]. Правда, младшие все же не всегда были полноценными участницами сиделок, а скорее только выполняли недостающую роль аккомпаниатора или запевалы (см. *Припевать*).

Как и в любом сообществе, в келье со временем устанавливались иерархические отношения. Для того чтобы занимать высокое положение, девушка должна быть красива и богата, одеваться лучше подруг. Ценилось и скромное поведение. «Ну, как-та сразу видна девушку. Ну, ана и красива, ну ни то што багата, ну красива, "паста́вна". Ну, эта "паста́вна" — ак*к*уратна» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 63]. «В кельи хадили, сабирались пачищи. Ну, раньши видь какая была адёжа у нас. Так, какой ситчик. И то, на каторай палучши: "Ты што, ани багаты*и*, на ней вишь какая адёжа-та! Ани багатыи"» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 87]. Таких девушек в некоторых местах называли *славу́щие*. «Ну, эдак же называли: "Ой, кака*я* девка хароша! Ну, мать с атцом славущи*и* и ана эдака". Мол, мать с атцом харошии и ана» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 86].

Неодобрение вызывало слишком свободное, раскованное поведение прежде всего по отношению к парням. «А дивчонки, если какая эта, жинихов многа или што, вот эта иё тожи тут вот падталкывали [=подкалывали].

Вот так. Если вот ана, мол, ветриная. Вот. Раньши гаварили: “Ана ветринная”. Ну, ни все [дразнили], канешна, а каторы уж больна задиристы. Задиристы, как эта? Языкасты, што ли?» [БРН, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 10]. Однако и излишняя застенчивость вызывала пренебрежительное отношение. «Вон мальчык*и* скажут: “Ой, ана ни салёна, ни варёна”» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 70].

Вообще, девушке было довольно трудно создать о себе хорошее мнение, учитывая постоянное пристальное и пристрастное внимание односельчан. «А девушка, ана всево баялась. Как бы иё жиниху чево-та плахова ни сказали или париньку там, с каторым ана дружит. Штобы саседи [не осудили], паскрамней види сибя. Саседка скажит: “Ой, вчира ана там с матирью паругалась, с систрой падрались, там, или с братам чево-та”. Или как*ое*-та слова услышит, ане передадут той матири, с катрым париньком я дружу. А значит, та уже мать сваиму сыну гаварит: “А ты ни хади с ней, ни нада, вон дивчонка эта скромная, харошинькая, а ты хади с ней, дружи, а с этай брось”. Вот. Эта очинь была, дорага стоила для девушки. Эта нада сибя сдиржать вот в рамках, а уж из рамкав ни выхади, а выпрыгнишь — ты никто. Вот, уже ни паправишь сама сибя» [ДКВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 32].

Святки и следующий за ними мясоед были основным периодом, когда девушек выдавали замуж (см. *Свадьба*). Поэтому к его концу многие сиделки оказывались малочисленными, иногда при этом их участницы объединялись. «Каторы уходют вот замуж — пастарши-ти, а других падбирают. Вот мы, памаложи, с ними саидинялись и с ними сидели» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 98]. «Уж ане, каторых прасватали, [уходили], нас брали в эту, каторы аставались, маладых брали» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 61]. Однако все же чаще девушки предпочитали оставаться до конца периода сиделок в своей старой компании. «Как засидим вот, абиходыва*а*м эту келью сваю, аблепим всё, дров запасём, мы уж сидим да этава да паста. А в сиридини [зимы] нет, нет, нет, в сиридини никагда, толька прасвата*и*м или куда радитили уедут, иё забирают» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 73].

На следующий год складывалась уже новая сиделка, объединявшая невышедших замуж девушек и новеньких, только начинавших невеститься. «Ну, сабира*и*мся мы, у нас меньши делацца, мы приходим к старым. Вот ане сидели гадов нескалька, мне там пятнаццать, а ей дваццать, мы к ним придём засижива*а*м. Вот мы пад гарой, у нас вот сидели. Мне вот пятнаццать лет, а ей уж васямнаццать-дваццать. Мы к ним приходим. Мала [нас], адне-та мы вроди баимся, а ане нас, ане уж взрослыи, а мы пятнаццать лет, там шаснаццать, мы баимся. А мы к ним прицепимся, вот. Ане зашишшают нас. Там саседка, ей пятнаццать-шаснаццать гадов: “Айдати с нами сидеть! Приглашай падружку-та”. Штучки две-три, каторы вот паближи-ти. А там другая келья, там приглашают. А то мы придём: “Примити нас”. Я этай са-

седки гаварю: “Примити нас, Люсинька, примити нас вот: Тамару, Еню, миня”. — “Прихадити, принасити пастель, падушку, адияла”» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 73].

Верхней границей, определявшей посещение кельи, и следовательно, принадлежность к группе девушек, был 25-летний возраст, что отразилось в шутке: «Девке двацсать пять лет исполницца и вези на базар её отец. Продавать вези. Это старуха уж» [КАН, с. Б. Кувай; СИС Ф2009-06Ульян., № 27]. Если раньше девушка не выходила замуж, то, как правило, переставала ходить и на сиделки. «В двацсать пять лет уж стара девка. И в двацсать лет ни так уж маладая. Эта тагда была у нас. Вот уж эта вот васимна*ццать*, дивит*наццать*, ну двацсать лет эта уж всё, нармальна» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 21]. «Эта [в 25–27 лет] уж ана ни ходит в келью, нет. “Из гадов вышла” — таперь уж ана в келью ни пайдёт, ни смеет с малодинькими. Вроди уж стыдна хадить-та, маладёжь тут пайдёт» [ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 64]. Иногда такие девушки посещали кельи время от времени. «Адна да триццать гадов с нами начавала! Начавать ни начавала, так проста придёт пасидит да уйдёт. Ищо штучки две были ил*и* три, пасидят да уйдут. Мы [ругаться:] “Вы за нашим светам сидити, за нашими дравами”. Вот принясут дравец да и кирасину-т*а* принясут» [САА, с. Первомайское; СИС Ф2001-02Ульян., № 52]. Менялось и отношение парней к «старым» девушкам. «А двацсать, там двацсать первый год, ане [=парни] иё уж абягают, ана уж стара» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. Это уменьшало ее шансы выйти замуж.

Обычной причиной, по которой девушка переставала ходить в келью, было замужество. «Уж больши ни хадила, если усватают. Как усватали, Богу памалил*ись*, то уж ана в келью больши ни идёт. Зачем ана пайдёт в келью? Ана уже ниveста» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 18]. «Ходют ани с жинихом, ну мала. Он к ней придёт вечырам, там чайку папьют, угастят яво, а пайдут, там скажут: “Айда, сходим разгуля*и*мся манeнька”. И вот при́дут в келью-ту, пасидят и уходют. Ана уж тут савсем ни станит хадить в келью. Нада гатовицца к свадьби» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 37]. После просватанья молодежь начинала собираться в доме у невесты (см. *Свадьба*). «Уже все к ней ходят да самай свадьбы, как в сиденку. Все падруги, все жинихи, падруги с жинихами — все ходят к этай. Вот у нас табунились, чай, две недели» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 94].

Кельи устраивали обычно в отдельно стоящих помещениях, так как жилые дома в Присурье были небольшими, имели всего одну или две жилые комнаты. Чаще всего молодежи разрешали собираться в подвалах — хозяйственных помещениях для хранения съестных припасов, одежды, орудий труда и т.п. Подвалы были несколько заглублены в землю и утеплены. Как правило, в них были печка и окно, при необходимости там можно было жить даже зимой. «Падвалы раньши были. У нас ищо вот здесь прям вот на прагале [=проезде] вот здесь вот стаял падвал агромный, там жили дажи

в этих падвалах. Акно было, и печка была, абыкнавенная русская печка была — всё, всё абсалютна. Вот у них сидели. <...> Ведь бедната, строицца не на што была, а зимлянку-ту вроди какую-нибудь сделают. Вот. А патом и как хранение — пажары страшные были же. Все сёла цыликом выгарали. <...> И всё туда таскали. И прадукты, адежду, да» [ИИП, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 133].

У некоторых хозяев могла оказаться свободной отдельно стоящая небольшая избушка, тогда девушки нанимали ее. «Вот тут у нас насупратив вот, у Калясовай-та у Раи-ти, у них избёнка была в саду в агароди, за баней там, и вот у них тожи девушка была. Ну, пастарши миня ана гадочка на три наверна, вот што. И вот там-та мы схадились в этай избёнки. Никто ни жил (раньши-ти жили, я ни знаю хто), а так ни жили уж» [КАВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 9]. «Избёнки-ти были, как вот на дваре как эта вот избёнка. На дваре, на углу пастроют вота дома. Атцы пастроют избёнку, пустют, начавали девки» [ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 58].

Довольно часто удавалось договориться с одинокими хозяевами дома и снять помещение у них. Для стариков это было подчас единственной возможностью обеспечить отопление своего дома. «Были, сидели вот у адной старушки, сидели мы адну зиму. Ана была ста́ра, нивладе́ющча. В калхози ана ни владала работать, ну, старинька. И вот ана, пакойна, царс*т*ва нибесна, да: “Дивчонки, хадити вы ка мне, хоть дров привизёти”» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 27]. «У каких вот старушик снимали дом. Вот ей негде тапицца и нечим была тапить, ну а дивчата вот сабираюцца: нынчи тибе у ней тапить, там, убирать в комнати, завтра мне, послизавтра третьей, читвёртай там. Вот» [ИИП, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 133].

Если молодежь собиралась отдельно, то хозяин дома время от времени заходил, чтобы проверить, все ли в порядке. «Мы вот в каторам сидели падвали, прихадил хазяин-та, атец вот, падружкин атец, паглидит, азарства нет ли. Бывала, пастучицца, выйдишь: “Ну-ка, аткройти! Чаво вы здесь делаити?” Ага. Правирял, штоб*ы* азарства не была» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-18Ульян., № 21]. Если же девушки «сидели» с хозяйкой, то за порядком следила она.

Определенного места в келье за девушками закреплено не было, поэтому старались прийти пораньше и занять место посветлее, поближе к лампе. «Вот у миня мать хадила в келью, ане пряли. Ана места занимала сама перва. Та*г*да видь чаво? Каптюшки были, штобы пасвитлея была прясть где, само перва места занимала. А их жи пално сидели. Перва места занимала, штобы эта сесть, где палуччы, прясть. Там, где пасвилей. Ближе где, вот, например, лампа стаит там, вот окала иё паближи. Хто кагда придёт, там и сядит» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 16].

Нанятое помещение девушки оплачивали вскладчину. Если собирались в отдельной избенке или подвале, то обычно хозяева не брали никакой пла-

ты и все расходы девушек ограничивались отоплением и освещением. Если же снимали дом у хозяйки, то кроме дров и керосина должны были дать ей какие-либо продукты или помочь с выполнением определенных работ.

Освещали помещение чаще всего лампой, для которой приносили керосин по очереди. Если же его не было, то жгли лучину, которую заранее щепали дома. В этом случае назначалась дежурная, которая уже не занималась работой, а только следила за лучиной, вовремя меняла ее. «Был свите́ц тут, стаяла там лахань бальша*я*. Вот и свитец. Адна вот вечир светит, на другой день друга*я*, па очириди» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 101]. «Свитили свитцом, лучиной. Лучины нащапашь пучок, иё припасашь за ниделю, штобы ана сухая была. Гребня ни бирёшь уж. Свитец, вядро и сидишь светишь. Ничоо [работы] ни брала, тольк*а* свитил*а* и свитил*а*. Штоб святло было. Па очириди была» [САА, с. Первомайское; СИС Ф2001-02Ульян., № 55].

Еще до начала сиделок девушки старались скопить какое-то количество денег на покупку керосина, нанимаясь на разные работы. «Осинью па людя́м, зарабатывали на карасин дениг, и вот карасин у нас. Лампа светла была, у нас в кельи была харашо, чисто́, в ниделю два раза пол мыли» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 101].

Заготовка дров обычно была обязанностью девушек. «В выходной день мы поедем в сиденку за дровами с салазками. Да, в лес ездили с багром — жердь и крючочик. Вот па скок*у* па снегу лазим! Лама*и*м сучки сухия. Везём там двоя салазки, штоб нам на неделю хватило отоплять хозяйку. Для этово пускали сиденку старушки вот. Отоплять нечем, а вот мы отопляли» [БРА, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 115]. Иногда дрова с осени привозили отцы. «Хазяйка с тибя ря́дит: воз дров, три везанки тожи дров, ко́лтыний [=колотых]. Атец визёт воз дров и три везанки снисёт» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 73]. Если девушки договаривались топить дом по очереди, то каждый день дежурные приносили по вязанке дров. «Ну, мать-та знаит, што я хажу в сиденку, и дров мине нарубит: “Дочинька, тибе очиридь нынчи, я там припасла тибе дров-та в сиденку”» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-30Ульян., № 9].

Кроме дров в арендную плату часто входили продукты питания (мука и картошка) и кудель. «Ищ*о* ана вырядит с нас па десить фунтав муки. Нада муку-ту нисти, разви мама даст муки? Да ты што! Тятя мне вот давал всё-т*а*ки муки. “Сколька хазяйка вырядила?” — “Десить фунтав”. Взвесит. “На, атниси. Штобы тибя хазяйка ни кляла”. Хазяйка сердицца видь» [РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 107]. «З*д*вижинья начина*а*м сидеть в кельи па осини. Сыма*а*м эдакий дом, ну вот придём к ней, примерна, ана адна. “Ну, пусти нас в келью”. Нас сидела сямнаццать девак. Придём к ней: “Пусти”. — “Ну, пущу”. — “Сколька ты с нас?” Ана скажит: “Пять фунтав, там, хлеба (там ржи ли, чаво ли). Картошки кузав, воз дров”. Вот. И мы всё эт*а* платили ей, да» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 62].

«Всё, всю зиму [ночевали]. Всё, настояшший дом. Начной, зимной дом снимаам. Драва, лукошка два картошки, этай, кудели, скольька ана выридит, хазяйка, давали руче́ньками. Ну, горсть. Там скажет: “Чытыри руче́ньки, скажет, дай”. Вот всё» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 31].

Иногда дополнительно хозяйка выговаривала для себя также и печеный хлеб. «Пять фунтав хлеба и каждый вечир (вот мы папарна спали) с каждай пары кусок хлеба. Вот дамой брали туды на ночь па куску хлеба, адин едим вот в ужин, как спать лажицца, а другой даём хазяйки» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 98]. «А уж кусок хлеба каждый вечир варавали. Атрежишь, пака дома никаво нет, скарей атрежишь, паложишь на крыле́ц, как пайдёшь в келью и унисёшь. То картошки унисёшь. У хазяйки ты харош» [РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 107].

В качестве платы за келью девушки могли помочь хозяйке выполнить какие-либо работы. «Ридились: воз дров, ишчо вязанку дров, ишчо, чай, ничаво што ли? Картошку рыли ей» [ГМГ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 1]. «То канапли заставяли брать, там скока йих. Скажут: “Вот выбейти вот с эсколи”. То, победней: “Привизити дров”. Для кельи-ти. А хто так харашо живёт, ани ничаво ни брали. Вот тут панижи нас жили, кирпичный дом, у них были больна хароши радитили, ани ничаво ни брали» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Выполнение в келье той или иной работы было условием посещения ее девушкой. Обычным занятием было прядение или вязание. «Шесть падруг. У хазяина, там у падруги, есть избёнка, просимся пустить в келью. Там пряли, видь ни так хадили. Так-та ни пустют: “Сиди дома”. Пака сидишь вечир-та, шпульку наката́шь» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Обучаться прядению девочки начинали с раннего возраста. В их среде существовали магические приемы, применение которых должно было помочь научиться тонко прясть. «Ну, слыхала тожи, слыхала. Вот нада эта перьвы нитки сжечь и пепел съесть, будишь тонка прясть, харашо прясть будишь» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 65]. «Вот напридёшь иё [=нитку], и вот иё сажгёшь, и на кусочык пасыпишь, на хлеб. И съядали. Штобы прясть тонка» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 83]. А чтобы пряжа получалась прочной, девочек заставляли жевать жилы. «Вот, эт*а* пепил этыт ели, гаварит. Патом скатину колют, варя́т там, жилы пападаюцца, вот эти жилы ешь, вот крепка будет пряжа. А иё, жилу, ни сжуёшь никак» [БАА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 9]. «Мы пряли. Вот, штоб тонка прясть, жилы живали, ели жилы. С мяса, мяса — вот гавядина есть, там жилы, чать, деляцца. “Вот ешьти! Штоб харашо пряли!”» [ЗАИ, с. Первомайское; СИС Ф2000-07Ульян., № 21].

Осенью, пока еще не была готова кудель, пряли шерсть и вязали из нее носки, чулки, варежки. «Вот мне, бывала, мама привяжит фунт шерсти с осини-ти, ночи тут. Спирьва шерсть [пряли]. Вот ты придёшь [=прядешь] шерсть на сукно там, на чулки, на варижки, патом вяжишь варижки, наски.

А патом уж куделю начина*и*шь прясть» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 97]. «С осини-ти вязали всё: хто чулки вяжит, хто што. А патом шерсть начынают прясть. А уж патом куделю — зимой» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 74]. Затем начинали прясть кудель, правда, в предвоенные годы, когда почти перестали сеять коноплю в личном хозяйстве, работать в келье стали меньше. «У миня вот старша сёстра, ана была с седьмова года, вот я и помню иё. У ней был кавалер, вот. И она, значит, ба*б*ушка ей скажит (не мать, а ба*б*ушка камандывыла у нас): “Зинаида, вот штоб поча́док”. А почадок эта рушни́к — вот ко*г*да прядёшь эта “рушник” называцца, а почадок — тут рушника два, наверно. Он такой толстый. Вот она приносила ба*б*ушке кажный день эт*ыт* почадок. Вот эт пряли. То*г*да вот она. А я уж вот, например, я ни пряла» [ЗМВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 61].

По праздникам и воскресеньям прясть считали грехом, поэтому выполняли более чистую работу — вязали, вышивали, или совсем не занимались никакой работой. «Вот накануни пирид праздниками ни хадили [в келью], и радитили ни пускали. Грех. Например, ане вот перид этим, перид васкрисеньям ане уже не пряли и в васкрисенья ни пряли. А в васкрисенья в келью хадили, а прясть ни пряли. И в праздники ни пряли в бальшии, ни давали» [БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-04Ульян., № 17]. «Да вот был праз*д*ник. Нам мать гаварит: “Дивчонки, нончи эта, прясть нильзя”. В суботу, в васкрисень*я*, там праз*д*ник какой-нибудь придёт. “Дивчонки, вы лучши вон вижити, ни нада прясть-та”. Да» [ТМИ, с. Белый Ключ; СИС Ф2000-14Ульян., № 131].

В послевоенное время все чаще прядение стали заменять вязанием, особенно популярным было вязание крючком кружев. «Я уж занималась кружавами вязать. Крючком, да. А хто прял, куделю пряли. А я в келью ни хадила с пряжей, я толька вязала. Каму кружава, каму чаво. Сибе ли, каму, хто папросит. Да. Прошвы в эти, в падушку, в навалочки. Ну, вот я вязала. Я прясть ни пряла» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-18Ульян., № 13].

При выполнении работы девушки могли помогать друг другу, особенно в тех случаях, если кто-то из них развлекал других пением и пляской. «Пряли в будни, в васкрисенья уж мы ничаво ни дела*а*м, а ниделю всю кто вяжит, кто прядёт. Эта всю ниделю. Я вазьму, сколь я? Десить мо́чак я брала, намыка*а*м, на куделю-ти, я их всех пряду. На адин вечар! Каждый вечар десить мочак и два пачатка. Мать, бывала: “Сматри, халера, там ни пляши, а пряди!” Вот, бывала, вызывают миня плясать если, а я девками гаварю: “Идити прядити за миня, а я буду петь. А то я буду петь, а пряжа у миня лижать будит?” Вот, ане прядут, а я паю и пляшу. Я пачатак принясу тонкава, да пачатак патолщи на дратву принясу. “Вот, мам, гляди, напря́ла два пачатка”. Бывала, пачатки, виритёна-ти были. Ну, сидим да двянаццати часов ночи. Прядём с вечара и да двянаццати часов. В двянаццать уж лажимся спать тут в кельи. Вот так» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 66].

Другими участниками сиделок были парни. Если состав девушек в каждой келье был постоянным, то парни менялись: приходили и уходили, иногда за вечер успевая обойти с десяток келий (см. *По кельям ходить*). Парни были желанными гостями на сиделках, поскольку их присутствие повышало престиж участниц той или иной кельи в глазах остальной молодежи. Кроме того, с приходом парней атмосфера в келье становилась оживленнее и веселее, начинались пляски и другие развлечения. Поэтому для привлечения кавалеров применялись некоторые магические приемы. Например, заметали в передний угол сор. «“Давайти, ой, — скажут, — спать ахота, рябят нет”. Ой, рябят нет, сичас адна встаёт, бирёт веник и начина*ам* в пиредний угал “рабят замятать”. Эта в пиредний угал сор и веник туда паложим: рабята придут» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 90]. Если вечер удался веселый, старались, чтобы на следующий день в келью первой пришла та же самая девушка, что и накануне. «А то придём начавать, хто придёт первай в келью: “Ба, ты завтри больши ни хади! Какой у т*иб*я вечир нивисёлай! Никаво нет”. А хто придёт, *и* рабята придут с балалайками, вот этат Федя всё, Мадамкин эт*а*, хадил. “Ой, какой вечар-та висёлай! Завтра апять прихади впирёд, вон ско*ль*ка рабят да какой вечар-та висёлай, как плясали мы!” А раз вечар висёлай, прихади завтра апять» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 91].

Состав компании парней не был однородным. Среди них выделялось несколько человек, которые пользовались большим авторитетом благодаря или своим личностным качествам, или каким-либо обстоятельствам. Часто статус того или иного молодого человека в группе зависел от положения его родителей. Даже такие небольшие должности, как кладовщик или продавщица, позволяли некоторым парням ощущать свое превосходство, что сказывалась на их поведении. «Вот у нас был адин багатый, у няво атец кладавщиком был. А у другова мать прадавцом. Ну, на Хрищенья ани найдут выпить, придут выпимши. Ох! — вот у каторава атец кладавщиком — ох, он начнёт ваявать, питуши́цца! Ой, питушицца-питушицца, кинит в лампу чем-нибудь, ой, стякло раскалолась. Ой, мы все баимся. “Эта Ванюшка Савельив, Ивану Якавли*ви*чу Савельиву сын!” Ой, мы из сиденки все бягом пабижим. И наши-та рабитёшки как вроди с ним, ни зна*ю*, ни слаживали, йим бы эта прикратить эта бизабразия-та. Все баялись, патаму шта у этава прадавец, а у этава кладавщик. А мы чаво? У миня мама каров даила. О, канешна, мы эт*а* баялись, как эта тут? Луччи бижать. Патом складыва*и*мся, апять пакупаим этыт “пузырь”, щас стякло завут, а раньши “пузырь”» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 64].

Такие парни обладали завышенной самооценкой, что обусловливало и смелое, свободное поведение их с девушками. «Уж он, канешна, ве́рченый всех перибьёт, с какой нада яму с девкай, с такой и пайдёт. [Сам выберет], патаму шта вот он, например, сын кладавщика. Што ты! Ой! Чин багатырь! Царь! Бог! Он всё равно смело́ к девки падходит, смело прям. Ну, ни то што

па плахому делу, проста он смело падходит и пайдёт праважать» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-30Ульян., № 3]. Большим успехом пользовались также и лица, обладающие какими-либо умениями, важными для молодежной игры: играть на музыкальных инструментах, плясать и петь, рассказывать смешные истории и т.п. (см. *Плясать*, *Припевать*).

В целом парни занимали главенствующее положение по отношению к девушкам, что позволяло им устраивать «проверки» последних, оценивать их характер. «Нас узнать, карактир, [какая] руга*и*цца. А мы ни знали. Я драва рубила, за дравами хадила. Пришла, разделась, миня швы́ркнули рабята-ти, и туды, и сюды. Адин эдак атсоль, другой. Я к аднаму да за шею зацыпилась и села. “Ни талкай, — я гаварю, — ты миня!” И всё. А другу*ю* стали, ана: “Паразиты, такии-сякии!” Ане заржали. А, батюшки! Што ани заржали? А паслúти сказали, вот эдак» [МЕЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 13]. «Руку жать — это вот было, узнать карактир. Начнут руку вот жать, инда терпенья нет. Ругацца станешь, г*овор*ишь: “Што ты? Чово ты? У т*е*б*я* силы-то хватит, мои пальцы сможишь изломать”. Тут уж терпенья нет, кто хошь взвизгнит» [КАН, с. Б. Кувай; СИС Ф2009-06Ульян., № 17].

Демонстрация силы парнями и их доминирования над группой девушек часто выражалась в битье ламп (*пузырей*), которое внешне было ничем не мотивировано. «Пузырь калоли. Кинут снега ком, он и треснул. Азарники, придут из другой улицы. Мы начавали тама, ани из нашей улицы вот прихадили, какие-т больна балавники, *а*таманы. <...> Азарникам-та йим всё равно. Ну, расколют да пайдут...» [САА, ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-02Ульян., № 54; Ф2001-04Ульян., № 58].

Утверждению своего превосходства над девушками должны были служить также и другие способы демонстрации удали и силы (см. еще *Озорство*, *Подшкунивать*). Например, в с. Сара парни вытаскивали девушек из дома и забрасывали их снегом. «Азаравали, азаравали. И, бывала, как зайдут, выпимши, и начали тут выгонют нас, раство́рют [дверь]. С хазяйкай мы сидели, биз хазяйки мы ни сидели в кельи. Ана ни даёт эта, ана зашчышчала, ана ни давала эта азаравать над нами. Ну, всё равно азаравали, выганют нас, по́ снигу лятают, заваляют в снег. Заваляют нас в снег и ни пускают, да слёз давадили» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 66]. В с. Б. Кандарать парни распахивали дверь избы и не позволяли ее закрывать, пока они нарочито медленно заходили на сиденки. «Вот прихадил адин паринь. Вот сабирёт с сабой, можит, чилавек десить, и идут в Кандарать в сиденку. А мы сиденки-ти топим-топим, штоб в сиденки тяпло была, раздемши, он атваря*и*т дверь настижь: “Ну, идити!” Ане ни тарапясь па аднаму и́дут, а дверь атваря́, зима! Ну, если [как обычно] пришли: “Скарей, скарей, скарей, а то холадна!” А то атво́рит и стаит. “Ну, захадити!” Адин зашол, другой, а кагда йих десить чилавек зайдут! И мы уж никто ни слова, баялись. Ну, патаму што мы и ни больна уж мы взрослы*и* были» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 65].

Обсуждение качеств знакомых парней было обычным занятием девушек в келье. В этих разговорах вырабатывались общие этические каноны, а также складывалось совокупное мнение девичьей группы о каждом из парней, которое потом влияло на успешность его ухаживания и сватовства. «“Нихароший он, вредный, такой паразит, с нём связывацца нильзя”, — вот так каля́ка*и*м мижду́ сибя. “Карактир атцов”, — скажут. Или: “Дедушкин, ведьма, весь дедушкин карактир”. Вот, чай, и щас эдакие есть. <...> “Он милый такой. Вот вишь, он и рябой, и вяснушшатый, а у няво взгляд харошний, какой-та миленькай. А этат, чорт, красивый, а он какой-та ни милый”, — вот начынашь мижду сибя. Вот что к чаму эта? Вот нидавна мы сидели вот тут биседывали. Умир уж этыт чылавек, и жана-т*а* *у*ж умярла, всё, а тол*ь*ка калякали этак. Я гаварю: “Рябой он был, а как яво любили!” А друга*я*-та гаварит, вот Манька: “Он такой пригля́дчавый, и нежный какой-та, и чылавечнай, уме*е*т гаварить па-умныму, па-харошиму, а ни тол*ь*ка хулиган. Вот яво, — гаварит, — и любили”. Рябой он, благ*о́й* — ну, нихароший, никрасивый — а яво любили девушки. Вот и всё» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян., № 38-39].

Если какие-либо неприятные для парней характеристики становились им известны, то девушки непременно подвергались наказанию. «Мать мая вот тожи ана рассказывала. Ане сидели в кельи и гаварит (тожи ана муфчинская). Рабят-та палноханька, мы, гаварит, уже лажились спать, а ане, гаварит, все сабрались и к нам: “Атпирайте!” Ане начали, знашт, там стучацца. Ну, знашт, девки эта против: “Ни нады”. А адин (ане [=парни] кагда ухадили), адин у них куды-та спрятался. А адна, знашт: “Этыт манинькый пузатинькый, этыт вот такой-та, этыт вот такой-та, этыт вот сякой”. А он слуша*а*т. А я, гаварит, гаварю: “Вы што, девки, эта жи наши рабята-ти! Как йих ни пустить? Вы што типерь? Давайти аткрывайти и пускайти йих, пусть пасидят”, — мать мая за них. Кагда эта, знашт, всё эта отпирли, ане, знашт, ушли, он йим рассказал, как пра них [девки говорили]. И вот кагда-та куды-та ане [=девушки] пашли, можит на втарой день ли как ли, и вот ане, знашт, йих всех паймали, тольска кричат: “Таличку Марозаву ни троньте! Ни троньте!” — рабятам кричат. А этих, гаварит, паймали, куды, гаварит, ане им снега ни наталкали! Визьде, гаварит, визьде! Туды и суды — визьде, гаварит, наталкали. А я, гаварит, патом и гаварю: “Вот я вам гаварила, ни нады никагда ничево гаварить”» [ПТС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 47].

Иногда девушек могли даже побить за обиду. «Строга, при нас эта была строга, Божи упаси. Ни дай Бог, штобы там улыбнуцца или насмияцца над нём [=парнем], эта уже палучишь. Баисся ни зна*ю* как. И сваех [парней] баялись. Как же, [разве] скажишь: “Вот он такой-та да он сякой-та”. Нет, ни гаварили. Ни гаварили на смех чаво-та. Ну, и ат них мы ни слышали ничаво плахова. Никагда» [ПТС, МАИ, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 48]. «Пасмейся папробуй [над парнем], дадут па башке-ти, па башке-ти и палучишь» [БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 72]. Правда, в послевоенные годы взаимоотношения молодежи отличались большим равенством.

Кроме девушек и парней — «легитимных» и постоянных участников сиделок — на них время от времени присутствовали и другие лица. Это были еще не достигшие положенного возраста дети и подростки и уже вышедшие из него замужние и женатые жители села.

К младшим на сиделках могли относиться снисходительно, разрешая постоять у двери. «Ка*г*да сабирёмся если, айдати. Ну, пайдёшь ведь эта вроди к сваем, где ряд*ы*шкам, па всяму-та [селу] ни пайдёшь. Па знакомым. Пасидим у них, паглидим чаво ане. Сидят разгаваривают, *г*де чаво. И мы пастаим паглидим, пасидим и уйдём» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-18Ульян., № 20]. «Были, были, хадили жи, как и мы бегали же, и к нам [маленькие] прихадили бегали. Паглидят пастаят — фить! — дуй да гары, дамой. Нет, зачем мы будим выганять? У нас ничаво такова-та нет. Мы играли: то глаза завяжим, то, эта, клали пал*ы*чку. И вот ани глидели» [КПВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-26Ульян., № 39-40]. Но часто с ними не церемонились, выгоняли, особенно если молодежь не хотела, чтобы об их времяпрепровождении стало известно родителям. «Ну, так вот пабег*ы*вали [маленькие], вот забигём, паглидим, нас выганяли старши*и*-та дивчонки. Ак ну ни паложина ищо, ищ*о* манинькии, глупыи. Мы чаво увидим и расскажим. Эт*а* ищо ни паложина была эдак» [ПЕС, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 5]. «Берут за рукав и пошол! Чёо, мол, тибе тут делать? Берут за рукав и... Всяка была. Заденут воды да маленька плеснут на них» [РАВ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 65].

Иногда младшие старались отплатить им, устроив в келье беспорядок. «Тут бальшии-та дивчонки сидели в кельих-та, а мы бегали *а*заравать толька. Нас ни пускают, а мы зайдём, снегу-ту принисём многа, натопа*а*м, натопа*а*м, ани нас в талчки» [МПИ, с. Проломиха; СИС Ф2002-04Ульян., № 20]. «А эти вот пасиденки, эти самыи пасиделки, ну мы хадили, ну пацаны, ана [=жена] хоть на два года миня пастарши, ну видь вайна. А тут были салдатнё, а мы были чилипня́. Им [=девушкам] салдат надо была, нас ни надо была, ни приглашали, гнали. А мы на *а*зараство́. Всё, заходишь, или ватку зажгёшь, или грибёнки. А грибёнки были кастяныи, сичас нет их, кастяных-та. Вот изламаа*а*шь иё к чортавый матири в клубочик, зажига*а*шь, пад лавку — и полная изба дыму, все бягут к чортавый матири аттуда: и ваенныи, и гражданскии — все к чорту. И вся чилипня бижит. Вот. А мы чилипня были. Ну чаво? Па десить лет» [НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 13].

Взрослые приходили только на воскресные и праздничные сиделки, как на концерт, чтобы посмотреть на пляску и послушать пение девушек. «С панидельника начина*а*м и да субботы прядём, вяжим — всю ниделю. А в васкрисенья выхадной, эта уж мы гуля*и*м, нарижа*и*мся, в кельи сидим. У нас хадили вот женшшины такеи па кельям глидеть девак. Вот найдут бабы глидеть в келью такеи вот, при́дут вот там, ну: “Талинька, давай плиши, мы пришли глидеть”. А мы все нарядны. Вот. В келье в васкрисенье всё

время эти бабы — вдовы, мужья у каторых дома астануцца — ане пайдут: "Мы в келью пайдём вот к Пашиньке паглидеть девак". Ане толька глдидеть. Станут у парога, глидят. Парни сядут визьде кругом на лавках. И ане все, и бабы глидят» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 72].

Иногда молодые женщины могли принять участие в пляске вместе с девушками. «Прихадили и женщины такея. Каторы любитильницы были вот, ну и вичара длинны были, нечива делать, пайдут жи тожи сядут, пасидят, паглидят, как девки пляшут. Вот. Ну, как-та раньши висилей была. Вот абязатильна в сиденки привлякут гарманиста или балалаишника с балалайкай. Вот. Ты уж ходишь в адно места с этай, с балалайкой. Вот пляшут, всё. Вмести с дивчонками, каторы женщины-ти любительницы были плясать, плясали» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-02Ульян., № 9-10].

Для взрослых сиделки играли также роль клуба, где они могли пообщаться и обсудить новости. Не менее интересным и полезным для матерей и отцов оказывалось и наблюдение за поведением молодых людей, их взаимоотношениями, возможность сравнить своих и чужих детей, что потом оказывало влияние на выбор брачного партнера для сына или дочери. «Ничаво [в воскресенье] ни работали, толька придут сидят и зёрна грызут. Вот нагрызут ворох какой на палу кажуркав! Вот и валя́т, зёрна грызут. Ну и сидят, базариют мижду́ сибя вот женщины, всё, мужики. К нам вот хадили, вот тут их была пално, мужиков. Придут, пална изба, курить, куря́т. Ну, чай, круг всё-таки аставался, плясали» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-02Ульян., № 7–14].

Важной составляющей времяпрепровождения в келье были развлечения, которые выполняли разнообразные функции: помогали девушкам скрасить монотонный труд, служили средством для демонстрации достоинств и привлечения кавалеров, для выяснения отношений и разрешения конфликтов и т.п. (см. *Играть в кельях*). Игровое поведение особенно актуализировалось, когда в келье присутствовали и девушки, и парни. Тогда разворачивалось настоящее состязание мужской и женской части сиделок в остроумии и находчивости (см. еще *Шутить, Подшкунивать*). Очень часто это происходило во время перепева (см. *Припевать, Дразнить, Играть в кельях*). Характерное для келий игровое начало ярко проявлялось и в других формах молодежного досуга (см. *Кузьминки, Коляду петь, Таусень, Наряженными ходить, Барыня и кавалер*).

Основным развлечением на сиделках были пение и пляска под частушки (см. *Плясать, Припевать*). Наиболее популярными плясками были «подгорная», «семеновна» и «барыня». Кроме пляски были распространены и танцы. «Вот плясали "барыню", "подгорна", потом танцы были у нас: "поличка", "круковяк", "падыспань", "вальс" — вот эти вот наши танцы были» [ЗМВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 62].

Пляска с пением частушек обычно проходила под аккомпанимент гармони или балалайки. Хотя чаще всего на гармони играли парни, в некоторых селах этим занимались также и девушки. Они покупали гармонь для

своей кельи вскладчину. «Таперя эдак ни [веселится] маладёжь, ана патанула сичас. А мы в кельи сидели. Гармоньи были у девак, играли, плясали. Вот щас сабирёмся, давайти там по два рубля, па рублю ли, купим гармонью. Адна играла в гармошку, а астальныя... А гармонья была у нас вме́стная [=общая]» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 62]. При выходе замуж гармонистки ее место занимала другая, поэтому играть на гармони в той или иной степени обучались почти все девушки в келье. «Мы все сабирались в сваю келью. Старши миня — эти в сваю келью, была многа видь девак-ти. И вот у каждай кельи была гармонья. Примерна, я играла на гармоньи. Я вышла замуж, гармонь астаёцца в кельи, другаа игра*а*т. Если там плоха, ана учицца. Вот эдак. Ана так из кельи ни выходит, гармонья. Ско*ль*ка бы ни асталась: две, три девки астаницца, а гармонья паследниму астаёцца» [ОМФ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 21].

Сиделки продолжались всю осень и зиму и обычно прекращались с наступлением Великого поста (см. *Пост*). «Ну, кончишь вот, гавенье-т*а* падайдёт. Мы толька мясаед прасидим да осинью. А уж гавенья-т*а* придёт, уж нас ни пускают. <...> Пост пришёл, мы разридились, дамой ушли все, да. Дамой уж, хватит сидеть, мать ни пускаит больши» [ТМИ, с. Белый Ключ; СИС Ф2000-14Ульян., № 133]. «С осени и да пасту. Как пост началси́, то всё, избёнки кончились» [КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-02Ульян., № 88]. Хотя в послевоенное время сиделки могли продолжаться и весь пост, завершаясь только к Пасхе, когда молодежь начинала собираться на улице. «Сабирались, сидели в пост, да самава, кагда уж высахнит. Растаит всё, высахнит, тагда пиристают в кельи сидеть. Ну, забира*а*м сваё имущиства, пастилки и ад*и*яла, и всё забирам сваё и уходим. Чаво там? Прялки. Прялки бирём да...» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 81]. «Хадили в келью, хадили. Перид Паскай тут уж брасают. А весь пост хадили» [ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 68]. «К Паски избу выма*и*м, и всё. И всё, уходим да другога года» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 32].

Если сиденки завершались перед Великим постом, то в Прощеное воскресенье (см. *Масленица*) молодежь собиралась в келье последний раз, при этом парни и девушки просили прощения друг у друга, хотя часто этот обычай исполнялся в шутку. «На Виликим-та пасту уж к Богу были. На Пращоный день эта ищ*о* в кельи были. А первая неделя поста уж вроди всё. “Драва хватит вам жечь, дома нада быть”. Пастель унасили, всё, апаражнивали йим. Выйдишь вечырам-та, вроди всё равно вечыр тут у двара-та, как ни холадна. Ну, вот ане [=парни] уж знают, вроди падайдут, тут пасмиёсся, паталчысся. А хадить-та [в келью] уж ни пайдёшь. Ну, смиялись вроди. Ну: “Прасти миня Христа ради, вроди Пращоный нынчы день”. Смиялись, как жи. Да, с мальчишками. “Рибятишки, больши на улицу ни пайдём, прастити нас Христа ради!” Вот шутишь» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-18Ульян., № 32–33].

Прощеное воскресенье воспринималось не только как срок завершения сиделок, но и как окончание свадебного периода. Существовавший

в далеком прошлом обычай предлагать женихам оставшихся девушек (*навя́ливать*), стал основой для подшучивания над ними. «Мы сидели у аднаво мужчины в сиденки. Вот ат няво я и прасваталась, ат этава деда. А каторы [девушки] асталиcь. Он йим гаварит: “Всё, нынчи Пращёный день, праститись, и павязу вас навя́ливать, прадавать. Пасажу вас на сани и буду кричать: “Паспела дыра! Пириспела дыра! Вазьмити!” Вот. Эти вот шутки были» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 93].

И.С. Слепцова

СИЛОЙ МЕРЯТЬСЯ — см. Гулянья, Играть в кельях

СЛАВИТЬ — см. Рождество славить, Пасха

СЛУЖИТЬ НА ПОМИНКАХ — см. Читалки

СОБИРАТЬ НЕВЕСТУ К ВЕНЦУ

Сборы невесты к венцу включали в себя целый ряд самостоятельных обрядов и обрядовых актов, которые подготавливали ее к совершению брака, т.е. к венчанию и переезду в дом будущего мужа.

Важнейшим обрядом в процессе подготовки девушки и парня к заключению брака было родительское благословение. Им могли начинать собирать невесту к венцу, а могли и заканчивать. Если невеста была сиротой, то она должна была обязательно рано утром сходить на кладбище на могилу матери, чтобы попросить у нее благословения. «Мы две падруги сиротки: и ана сирата, у ней матери не была, и у миня. Мы на заре хадили на кладбишчы. В день свадьбы утрам. Ну, у радителев сваих папросим блаславления, павапили мы тама» [ЛВИ, с. Коржевка; ММГ Ф2002-4]. В с. Кадышево невеста-сирота ходила на кладбище не в день венчания, а накануне. «Хадили сами, никто не вадил. <…> Там, если кто папросит у радителев, там, кто у ней, мать или атец. “Бласлави меня, радима мамынька в новаю жизнь”. Эта пригаваривали. Днём проста хадила, в любое время, не в день свадьбы. В канун, накануне свадьбы ходят.

Расступись-ка ты, а да мать сыра земля,
А да раскалися ты, грыбова даска,
Распахнитеся вы, а да белы ручиньки,
Растваритися, а да уста сахарны,
А да аткройтися вы, очи ясные,
А пришла я папрасить у вас, радимаи
радители (если обеих нет ли там)
Бальшое благаславленьица
На нову жизнь миня благаславите.

Ну, вот павопит там. Эта воп толька, какой там голос» [СМО, с. Кадышево; МИА Ф2001-30Ульян., № 50–51].

В большинстве сел Ульяновского Присурья собирали невесту к венцу подруги. Однако возможны были и ограничения на круг участников. «Невесту со-

бирать подруг не всех звали. К пример, если я не могла кудри завивать, а кто умел — её уж звали» [АФМ, с. Б. Кандарать; ММГ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1989]. Могли для этой цели приглашать специальных женщин. «Невесту наряжает специально приглашённая женщина. Она одевала вуаль и цветы — восковой венок» [ПАГ, с. Б. Кандарать; ММГ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1989].

Происходило обряжение в свадебный наряд в таком ритуально значимом месте, как чулан. «Подруги уводят невесту в чулан и, напевая, одевают в подвенечное платье» [КНМ, с. Аргаш; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1984].

Существовало несколько вариантов свадебного наряда (см. *Одежда русского населения Присурья*). Во-первых, в некоторых селах он включал в себя сарафан и кофту (рукава). «С утра невесту одевали. Меня подруга одевала. Раньше ведь в сарафанах замуж-то выходили. Одевали сарафан с мышками, женский уже, а не девичий, не поя́сали. На голову шелковай полушалок одевали» [ПЕР, г. Инза; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1994]. В с. Аксаур сарафан называли *москали*, выбирали по цвету «бордовый, алый или зеленый. Под него надевали рукава» [ТЕВ, с. Аксаур; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Палатово сарафан называли *московским*, он был «красного цвета в черную клетку, шёлковая шаль на плечах, шёлковая фата в полоску» [БАФ, с. Палатово; БСА ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1979]. В с. Аргаш сарафан называли *кума́шником*. «На плечи накидывали или завязывали бантом утиральник» [ФМА, с. Аргаш; БСА ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1979].

Во-вторых, свадебный наряд представлял из себя *пару* — юбку и кофту. «Одевались или в подвенечное платье, или в пару (разноцветную)» [КЕЯ, с. Сухой Карсун; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977]. «Вот, например, я вот надявала, у миня юбка была бардова така, в две с палавинай то́чи. А кофта была розова пад винец» [ЗТА, с. Тияпино; ММГ Ф2001-36]. «Девки уводят невесту в чулан и начинают наряжать к свадьбе. Юбка у невесты алого цвета. Низ юбки отделан *проложкой* — поперечная лента темно-зеленого цвета, ниже — черное кружево, подбой и оторочка черным кружевом. Юбка на поясе присборена. Кофта голубая» [ГЛМ, с. Аксаур; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Проломиха на невесту могли надеть две, а иногда и три юбки (стёганую, фланелевую) [ТЕС, с. Проломиха; ГНИ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1979].

В-третьих, свадебным нарядом могло быть платье. «Вниз надевают две рубашки, надевают поверх рубашек светлое платье, на голову — вуаль с восковым веночком и подвесками» [УНВ, с. Сара; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

В с. Сухой Карсун еще помнили, что платье на невесту должен был накидывать брат. «Брат накидывает платье на невесту, а другие начинают её одевать» [КЕЯ, с. Сухой Карсун; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977].

Подвенечный наряд сохранялся до конца жизни, и в него одевали умершую женщину (см. *Покойника убирать*). «Падвенечный наряд да смерти бирягут. Вот раньши были рукава с брыжжа́ми [=оборками]. Кагда чилавек памрёт, жэнщына, то эти рукава всё равно наденут на неё» [СПА, ЗЗА с. Валгуссы; СИС Ф2001-21Ульян., № 112].

По-разному в разных селах укладывали волосы невесты. В с. Барышская Слобода, если у девушки уже не было косы, волосы расчесывали и завивали — «делали кудри». Если же девушка еще носила косу, то с ней совершались традиционные действия. Это, прежде всего, заплетание косы в последний раз по-девичьи. Это делали, как правило, подруги. «Обязательно ей заплетали косу, если у кого есть. В стары-ти времена у всех были косы. Это сейчас нет. Заплетают и вплетают ей розовую ленту. Щас красны вот у молодёжи пошла, вот толька красныя, а эта розову. <…> Коса длинна, толста и в ней розавая лента вот такой связкой вот» [ССВ, с. Барышская Слобода; ММГ Ф2000-11]. В с. Валгуссы невеста, причитанием пробуждая подруг, просила их заплести косу.

Вставайте-ка, любимы подруженьки,
Поутру ранёхынька.
Умывайтесь, любимы подруженьки,
Вы белёхынька.
Умывайтесь вы,
Ключевой водой.
А любимы мои подруженьки,
Заплетите мне русу косыньку
Во первой да и всё остаточек

[ЦМА, с. Валгуссы; ССА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

И только потом девушки, собирая невесту к венцу, действительно начинали заплетать ей косу.

Во многих селах во время заплетания косы невеста причитала.

«Заплетите мне, девушки,
Маю русу косыньку.
Заплетите в мою русу косыньку
Голубую ленту.
В маей касе русой
Остры ножики.
Не порежьте, падруженьки,
Сваи белы ручиньки.
Не памарайте, девушки,
Маё бело платица.
В этам белам платьице
Мне идти пад винец.
Из-под винца миня павядут
В чужи люди добрыя.

Эта вот кагда иё сабирали, к винцу сабирали иё» [ТЛД, с. Барышская Слобода; ММГ Ф2000-6]. «Подруги заплетают невесте косу, невеста снова причитала.

Подойди, подружка милая,
Ко мне близёхынько,
Сядь-ка ко мне плотнёхынько.
А подружка моя миленька,
Возьми-ка в руку белую
Мою русу косыньку.
С корешка плети тугохынька,
Посердь косы слабёхынька,
Под конец косы шелков косник.

Невесте заплетают косу, сажают за стол» [ФМА, с. Аргаш; БСА ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1979].

Но заплетать косу могла и мать невесты. «Мать заплетает невесте косу по-девичьи и причитает» [ГКВ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Другим действием, которое также совершали в процессе подготовки невесты к венчанию, было действие прямо противоположное — косу не заплетали, а расплетали. «Расплетали ей косу, укладывали волосы красиво» [БЛП, с. Вальдиватское; ММГ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1995]. Распущенные волосы могли не убирать, а перехватывать лентой. «Волосы расчёсывали, распущенные волосы завязывали лентой» [ЧМП, с. Потьма; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1977]. В с. Вальдиватское «утром перед благословением подруги расплетают невесте косу. После благословения волосы завязывают лентой» [ШАМ, с. Вальдиватское; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1995]. В с. Чирково косу невесты расплетали перед зеркалом.

Ленту из косы невесты выплетали и отдавали подруге или сестре. «Утром в день венчания подруги невесты одевали ее под венец. Расплетали косу. Невеста причитала: «Рано мою косыньку на две расплетать. / Прикажи, родимая, в ленты убирать.»

Лента невесты оплакивалась и отдавалась любимой подруге или сестрёнке. Девушки заплетают две косы и кладут их вокруг головы, одевают “волосник”. Надевают до полу вуаль и венок из живых цветов или из бумаги и воска.

На меня ли одевают
Венок белый восковой?
Расстаёмся мы, подруженька,
Навечно с тобой»

[КОИ, с. Ждамирово; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1994].

В с. Коноплянка «подружки косу расплетали, когда садится за стол, когда жених приедет с поездом. Она зацепится за нее да не дает. Кой расплетает косу — той и ленту. Каво заставят: есть — сястру, нет — чужу подружку, с коей дружат» [ШЛГ, с. Коноплянка; ГНИ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

В с. Чирково, Студенец эти два действия с косой были четко разделены: «косу заплетали вечером, утром расплетали. [Девушки] причитали.

Улетит её красна девичья жизнь,
На высокую сосну (вар.: берёзу) сядет»

[БЕК, с. Чирково; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

В некоторых селах в доме невесты волосы укладывали уже по-бабьи. «Расплетают косу, волосы укладывают вокруг головы венчиком» [ШАГ, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1979].

Во время сборов невесты «подруги пели плачевные песни» [АКК, с. Вальдиватское; ММГ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977]. В с. Елховка «пели с причитаниями.

Изменщица наша Варенька,
Изменила отцу с матерью,
Не захотела в монастырь идти,
В монастырь идти в монашеньки,
Во молоденьки игуменьки.
В большой колокол приударили,
Нашу Вареньку просватали,
За какого за детинушку,
За Ванюшу сиротинушку»

[МКМ, с. Елховка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

В с. Чирково «мать плачет и причитает:

Проси, доченька, Владычицу,
Чтоб дала она тебе хорошую жизнь.
Поищи, доченька в сундуке,
Не потерялся ли где комочек счастьица»

[СРС, с. Чирково; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1986].

В с. Пятино существовала традиция дарить невесте ленту. «Если у невесты есть золовка, то золовка дарила ей ленту, но эту ленту не вплетали в косу» [СПИ, с. Пятино; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Убранные волосы или кудри невесты украшали венком из восковых цветов, который называли *ува́лью* или *вуалью*. «На голаву тут мне какой-та надявали этыт, "ува́л" раньши называли. Цвяточки вот тут, вянок наденут» [КПТ, с. Кадышево, КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-16Ульян., № 30–32]. «На голову надевали вуаль, ободочек, который сделан из восковых цветов, по обеим сторонам ободка свисали лепесточки из зеленого воска» [ГКВ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Сичас вот уваль делают, а раньши — винок, васкавой винок, на провалачки васкавой винок. Ёво вот надёвали» [ДЛС, с. Ждамирово; ММГ Ф2007-MD1]. В д. Кольцовка восковые венки изготавливали на продажу две жительницы села. «И васкавой винок брали, там у нас были две уж особы, ани сами делали. И им, значыт, давали, кто там триццать рублей, кто дваццать пять — скока спросют» [МРИ, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD4].

В некоторых селах уваль и цветы различались и составляли разные части подвенечного головного убора невесты. «После благословения специальная женщина собирала невесту к венцу. Надевали подвенечное платье, на голову — вуаль и восковые цветы» [ЛНИ, с. Вальдиватское; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977]. В с. Сухой Карсун, Неплёвка убор невесты состоял только из венка с цветами. В с. Княжуха *увала* ни у кого не было, и за ним ходили в Араповку.

В с. Аксаур головной убор невесты состоял из черной шали и *фаты* — шаль, полушалок или платок, которым покрывали невесту. «На голову одевалась черная шелковая шаль, которая под подбородком застегивалась булавкой. Поверх платка одевалась клетчатая фата» [ГЛМ, с. Аксаур; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. «На голове шёлковая фата из плотного шёлка в коричневую полоску» [ЦМА, с. Валгуссы; ССА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Аксаур у невесты «лицо было закрыто спереди фатой, а сзади рукомойником [=полотенцем]» [КМЯ, с. Аксаур; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Очень важную роль в обряжении невесты и жениха играли действия магического характера, призванные сберечь невесту от сглаза. «Когда одевали невесту перед венчанием, втыкали в сарафан иголки от балагого человека, чтобы ничего не подделал» [КМН, с. Коржевка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. Использовали при этом такие предметы, как иголки или булавки. Было несколько основных мест, куда их втыкали. Во-первых, это подол. «Иголки, гаварят, нада втыкать в падол и жениху и нивесте» [ШЗЕ, с. Ба-

рышская Слобода; ММГ Ф2000-23]. Во-вторых, грудь. «В рубашку невесты, на груди, вкалывали иголку, чтобы уберечь невесту от сглазу» [КЕЯ, с. Сухой Карсун; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1977]. В этих же целях использовали и булавку. «В наряд где-нибудь, чтобы не было видно, застёгивали булавку от сглаза» [АКК, с. Вальдиватское; ММГ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1995].

Вторым наиболее распространенным предметом, призванным уберечь невесту, была горбушка хлеба. В с. Ащерино, Шеевщино жених давал девкам «веник и горбушку хлеба. <…> Горбушку хлеба относили невесте, чтобы она положила её за пазуху, отправляясь в церковь. Она и от сглаза предохраняла, и ели её жених с невестой, отправляясь из церкви в дом жениху» [ДЕА, с. Ащерино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Чирково от женихова каравая, который привозил с собой дружка, горбушку отрезали и клали невесте за пазуху [БЕК, с. Чирково; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Третий предмет, зафиксированный на данной территории, — мыло, которое также могло быть принесено от жениха. «За пазуху кладут мыльце, иголку втыкают в подол» [УНВ, с. Сара; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «На живот клали мыло, тоже принесённое от жениха» [КАМ, с. Чирково; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1994]. Это мыло считалось целебным и после венчания, поэтому его берегли и использовали для лечения детей — «этим мылом мыли глазки у маленьких детей, так как это мыло было исцеляющее» [КАС, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Во многих селах также использовали мелкие зерна — пшено, мак. В с. Аксаур «в туфли невесте насыпали мак» [ТЕВ, с. Аксаур; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Б. Шуватово «в туфли невесты насыпали пшено» [ГДЯ, с. Б. Шуватово; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Коржевка невесте «совали богородскую травку в карман и под пятки в туфли клали» [ММС, с. Коржевка; ГНИ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Полянка «невесте за пазуху клали рябину, а жениху — сеть (под рубашку)» [КАН, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

В с. Барышская Слобода считали, что эти предохранительные действия необходимо совершать ночью в тайне ото всех, в том числе и от невесты. «Ночью, когда невеста спала, в свадебное платье ей втыкали иголку вниз ушком. Невеста этого ничего не должна была знать. Иголку втыкали для того, чтобы уберечь от порчи» [ШАГ, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1979].

В с. Б. Кандарать невесте, «чтобы от дурного глаза спастись, наказывали: “Когда пойдёшь от своего дома — обязательно правой ногой вставай на порог, молитву сотвори”» [АФМ, с. Б. Кандарать; ММГ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1989]. В с. Валгуссы «невесте от сглазу не велели браться за косяк, когда выходила» [ЦМА, с. Валгуссы; ССА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Завершалось одевание невесты в подвенечный наряд покрыванием головы большим полушалком. Но в большинстве сел об этом смутно помнили только наиболее старые женщины. «Были пакрышки, как паранжа <…> Она выхадила вся закрытая» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ММГ Ф2000-22]. «Лицо невесты было закрыто» [КНМ, с. Аргаш; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5,

1984]. Только об одной детали покрывания невесты вспомнили в с. Аргаш — о полотенце на ее шее. «На шею вешали полотенце, расшитые концы которого завязывали лентой» [КНМ, с. Аргаш; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1984].

Если благословение не проводилось до обряжения, то далее следовал этот важнейший акт русской традиционной свадьбы. Он мог проводиться в чулане, где собирали невесту. «В чулан с иконой приходят родители и благословляют невесту» [ШНГ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. Но могли для благословения и выводить из чулана. «Девушки выводят из чулана невесту. Под правую руку её выводит самая близкая подруга. Вторая — под левую» [ШАМ, с. Вальдиватское; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1995]. «Потом невесту выводят из чулана, где заплетают косу. Из чулана её выводит брат. Невеста вновь причитает.

Стойте, мои резвы ноженьки.
Стойте, не подсекайтеся.
Поднимайся моя права рученька,
Поднимайся-ка, не опущайся.
А размилый мой братушка,
Кланяется тебе не бела берёзынька,
Кланяется тебе буйна головушка,
Стелется моя краса девичья.
А размилый мой братушка,
А стоять моему кормилице тятеньке.

Отец благословляет дочь иконой. Потом невесту благословляет мать. Она снова причитает.

Спасибо, родима мамынька,
Вспоила, скормила,
Во чужи люди выдала,
Во чужи люди незнамые,
Незнамые, незнакомые.
Потом невесту сажали за стол»
[БАФ, с. Палатово; БСА ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1979].

В с. Проломиха «невесту из чулана выводил парень — родственник, и подводил к отцу-матери. Она плачет, и отец с матерью благословляют её. Благословляет её и хрёсная. Потом сажают за стол. Сядут с ней три девки и брат» [КПА, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1979]. В с. Чамзинка это делает крестный. Он «заводит невесту за стол, около неё садятся братишка и подруги. Пропивать сели её» [ФЕИ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

При благословении в комнате в с. Вальдиватское невесту подводили к столу. «После одевания подруги ведут девушку к столу для благословения» [КНМ, с. Аргаш; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1984]. В с. Валгуссы это действие также сопровождалось причитанием.

«Разлюбезны мои подруженьки,
Возьмите меня под право крылышко,
Посадите-ка за дубовый стол,
Накройте-ка шелковой фатой»
[ЦМА, с. Валгуссы; ССА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Благословляли невесту мать, отец, крестный отец и крестная мать. «Мать благаславляла, атец и там крёсный, крёсна» [ШПФ, с. Полянки; СЕВ Ф2000-19]. Как правило, благословляли иконой и хлебом с солью. Сам обряд благословения, в целом, во всех селах совершался примерно одинаково. «Невесту

повязывают большой шалью так, чтобы было закрыто лицо. На шее, поверх шали, завязывают полотенце, чтобы шаль не слетела. Выходят отец с матерью. Отец с иконой, мать с хлебом-солью. В избе собираются все близкие. Девушки выводят из чулана невесту. Под правую руку ее выводит самая близкая подруга. Вторая — под левую. Невеста кланяется родителям. Девушки под руки поднимают ее. Невеста плачет:

Дорогие родители,
Благословите-ка, тятенька, маменька,
Меня во чужи люди.

Отец благословляет дочь иконой. Она целует икону и отца. Мать благословляет дочь хлебом-солью. Невеста целует хлеб-соль и мать. Потом родители говорят дочери: “Желаем жить тебе счастливо в новой жизни”» [ШАМ, с. Вальдиватское; ТВИ ФА УлГПУ, ф. 5, оп. 5, 1995]. «Бывала фаты ведь были. Пакроют иё фатой и не видать. А раньше была как эта, “фатой” называли — шолкыва такая бывала. Невеста вопит: “Бласлави-ка ты меня, кармилец папанинька, / Бласлави меня, радима мамынька. / Не прашу я у вас ни злата, ни серебра, / А прашу я у вас великава блаславленьица. / Блаславите меня”. Я сама вапила. Арала ва всю избу, блаславлять-та некаму. Чужой дядя блаславлял, чужа тётя блаславляла. Вот эдак пирьбирали» [ММА, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 45]. В с. Засарье невеста во время благословения опускалась на колени.

Традиционно для благословения невесты выбирали икону с женским ликом, а жениха — с мужским. «Нивесту блославляли какой-нибудь Владычицей, а парня — Спасителем» [БНА, ДВН, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD3]. Эту икону невеста и жених забирали себе. «Вот я сыночка блаславляла, он икону взял с сабой. “Мамка, икону я вазьму”. — “Вазьми. Каторай блаславляла — вазьми”. Взял икону» [ММА, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 45].

Собранную и благословленную невесту сажали за стол под иконы или оставляли в чулане. «После благословения брат невесты сажает невесту за стол» [КНМ, с. Аргаш; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1984]. «Нивеста за стол садицца прям сóбрата, ждёт, когда за ней уж приедут. Девки с рубашкай [=которые ходили с рубашкай к жениху] придём, окала иё папляшим» [МРИ, д. Кольцовка; ММГ Ф2007-MD4].

В д. Кольцовка до благословения мать не должна была видеть дочь. «Когда нивесту собёрут, мать не далжна видеть нивесту до блославленья» [БНА, с. Ждамирово; ММГ Ф2007-MD3].

Когда невеста была готова, «отправляли посланницу, чтоб сказать, что невеста готова» [ШАГ, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1979].

М.Г. Матлин

СОРОКИ — см. Жаворонков кликать, Пост

СОРОКОВИНЫ — см. Душу провожать

СОСЕДИ

Популярная в других местах игра с выбором и сменой пар «в соседи» в Ульяновском Присурье была распространена мало (см. еще *Горелки*, *Играть в кельях*, *Каравай*, *Столбы*, *Челнок*). Игра известна в двух вариантах. Первый, более старый, включал в себя выбор парнем девушки и демонстрацию им своей власти над ней; собственно смены пар в ходе игры не происходило. Когда игра заканчивалась, ее могли повторить с другими игровыми партнерами. «Бывало, “в суседы” играли. Ребята сядут на лавку все, а девки спрячуцца в чулан. Один ходит с палочкой по избе. И станет спрашивать ребят: “Кого тебе надо?” Он скажет: “Анютку”. Вот Анютку и выводят из чулана. Сколько девок есть в келье, столько разбярут. Она сядет к няму на коленки. Потом парни поставят нас на коленки перед собой. И запоём мы песню:

Девка парню воскорилась,
На коленочки становилась,
Ты прости, прости виноватую,
Посади меня на коленочки,
И обойми меня правой рученькой.

Скажут парню: “Ну, простишь ты её?” (Это спрашивает тот, кто с палочкой). — “Прощаю!” “Ну, вставай, — скажет, — цалуйся”. Она встанет, поцалует, сядет на коленки опять» [ФЕИ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 1979].

«В кельи играли харашо. Па всяки играли, кто как задума*а*т. Как уж эта? Парами прям вот так сидели и...

Девка пареню васкарилася,
На каленачки станавилася
Ты прасти, прасти, миня винаватаю,
Ты пасодь, пасодь миня на каленачки,
Ты прижми миня растихоханька
(вар.: тугохынька),
Пацалуй миня харашоханька
(вар.: милёхынька).

А патом уж он, каторую вазлюбит, пасодит на каленки. И пацалуит. Вот эта была» [ЦМП, с. Чамзинка; СИС Ф2002-09Ульян., № 102].

В послевоенное время эта игра бытовала уже с усеченным текстом. «Эта “суседам”. Вот щас пасодют вот, пасодют ряд девак, дивчонак, ряд парней. Напротив ли, или вот углом ли пасодют. Выходит паринь, выбират сибе девачку, катория яму нада. Сажаит иё круг сибя, с сабой. Парни выбирают сибе девак, каму каво, и садяцца парами. Все пася́дуцца. Становяцца девки (игра есть игра, пустая игра, ну, та*г*да чаво была), щас девки все встают. Парни сидят, девки встают все на каленки. Ну, встанут перид парнями: паринь — девка, паринь — девка. Вот каторый паринь спрашиват (адин ходит главнай), спрашиват: “Как ты сваю напарницу?” — “Ни пращаю”. Паставит иё на каленки. Патом... Ну и все встают на каленки. Каторый эта скажит: “Я сваю пращаю”. Ани садяцца рядышкам, ана садицца круг яво. А каторый скажит: “Нет, я ни пращаю”. — “Ни пращаишь?” — “Нет”. — “Ну, ста*й* на каленках”. “Праси у няво пращения”. — “Просим пращенья. Прасти уж миня, пажал*у*йста, если я уж т*и*б*я* правинилась, прасти”. — “Ну, пращаю”. Он са-

жат иё на каленки. А каторы*и* ни прастят, *а*зарники (у нас Хахлёнак вон был азарник)» [РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-08Ульян., № 78–79].

Второй, более поздний вариант игры заключался в постоянном обмене игровыми партнерами. «Садились паринь с девкай, садились парами: пять, шесть, семь пар — сколька была маладёжи, столька и садились вот в адин ряд. Садяцца и адин, значит, старший был. Он падходит к аднаму парню и спрашиват: "Ты любишь эту девку?" Он гаварит: "Нет". — "А каво ты выбирашь?" Он там скажит, например вот: "Валю". Вот он, значит, падходит к таму парню, гаварит: "Ты атдаёшь иё?" Тот паринь гаварит: "Нет, ни атдаю". Яму вот пять раз па ладони стукают. Значит он иё ни атдаёт. А если атдаёт, то, значит, эта девка пирисаживаицца к таму парню, а та девка пирисаживаицца к этаму парню» [РВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 3].

В с. Б. Кандарать первоначальное распределение по парам происходило при помощи жребия. Водящий раздавал парням листочки именами девушек. «Патом уж вот эти бумажки разварачивают, кто каму принадлижит, каторая девушка яму принадлижит. Вот он уж иё разварачива*а*т и идёт атыма*а*т иё. Он ат этай встаёт и падходит к другой, кто написанный, к ней садицца, ат ниё уганя*и*т. У няво написана, он раз — увидёт. Вот» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-25Ульян., № 7]. Затем игра продолжалась как в предыдущем варианте. Когда все парни выбрали себе соседок по нраву, пары целовались. «"Саседями" играли, как же, как же. Вот сидим парами, а катораму парню ахота миня, там чаво-та как-та ни зна*ю*, прадавали, ни зна*ю* чаво? <...> Тут как-та он ни имеет права ни прадать, раз у няво эта пакупа*и*цца эта саседка, то он уж должин иё атпускать. И всё, я пирихажу, тут сажусь. А сам патом другую пакупа*и*т. Ну, и тут эта цылаванья-та тут была, ну, ни па правдышна, а в щочку, вот эта была. И то яму парню была до́рага, што он прислоницца в щочку» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-30Ульян., № 13].

И.С. Слепцова

СРЕДОКРЕСТЬЕ

К середине Великого поста (*крестовая неделя, средокрестье, середокрёст*) было приурочено изготовление особого печенья — *крестов*, с которыми связывались некоторые прогностические практики. Вероятно, такая форма обрядового печенья сложилась под влиянием христианства. «Это до Пасхи. Семь недель ведь, как заговеет, так до Пасхи семь недель. И вот четыре с половиной недели к Пасхе, а четыре с половиной недели — сюда. И вот это "кресты" называцца, "кресты" пекли» [РАВ, с. Барышская Слобода; СЕВ ФА УлГПУ ф. 17, оп. 4, 2000]. «На эту, на чатвёртай нидели, на "крястовай" нидели Великава гавенья "крясты"» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 125].

В с. Палатово считалось, что кресты пекли на середину весны. «"Крясты" пикли на читвёртай нидели вясны, в се́реду. Нет, [не поста], вясны,

наверна. Эта “крясты” пикли, “крястова ниделя” гаварили» [ЛНА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 110].

Иногда сроки приготовления крестов зависели от другого обрядового печенья — «жаворонков» (см. *Жаворонков кликать*). «“Жаваронки” дваццать втарова, а черяз ниделю “крестики” вот пикли, черяз ниделю, эта значит в васкрисенья, ни в васкрисенья, а в какой день пападут. «“Жаваронки” тожи ни то што в васкрисенья, а дваццать втарова марта ани вот. У нас так вот эта пикли посли “жаваронкав”, ниделя прайдёт и пикли» [МНА, с. Проломиха; СИС Ф2002-02Ульян., № 34].

Форма печенья была практически везде одинакова — две сложенные крестом полоски постного пресного или кислого (как для хлеба) теста. Иногда в тесто вместо сахара добавляли мак. «Эта “крясты” пикли, напикёшь, канешна, йиих многа напикёшь. Ай, адин напикёшь? Если в симье, всем уж давали. [Тесто] прям проста пресна замесют и пахали хрёстик. Если есть мак, мак-та мы делали. Вот па многу сеили маку-ту. Сладка*и* шчёбы были липёшки сладки, пресны. Мак-т*а* прежди сеили, щас пасей-ка! Всю шкуру-т*а* сдирут» [ЛНА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 110].

Очень редко встречаются другие формы — например, в с. Барышская Слобода крестик напоминал надмогильный крест. «Вот как палец, вот так сдела*ю*т [жгутик], ну, крестик*о*м. Пал*ы*чка и вот две этих перекладинки. Две эдак [=поперек], две сделают, как крест» [ВЕН, ВСФ, КРФ, с. Барышская Слобода; ММГ Ф2000-01Ульян., № 62].

Крестов обычно пекли много. «На хрястовай нидели пекли эти “хрясты”. Бальшой лист, многа напякут. И из пресныва, и из кислыва [теста]» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 36]. «А вот на крестовой нидели. Да я и сама пякла, сваим детям пякла. И взрослым, это каждому. Вот, например, скол*ь*ка нас в семье, всем мы пикли. Пост идет, крястова ниделя начинацца, пичом “крясты”. Ни адин раз я ни пропустила, штоб “жаваронков” и “крястов” ни спечь. Я ни магу. И сейчас пяку» [ААП, с. Княжуха, ЧМП ФА УлГПУ, ф.17, оп. 4, 2000]. «Да эта для всех. Эта для сваей тол*ь*ка симьи, и матири, и атцу — всем» [МНП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 84]. Хотя иногда говорили, что крестики пекли только для детей.

Так же как и «жаворонков», «крестики» пекли с целью приблизить приход весны. Поэтому их тоже помещали повыше, например, на крышу сарая, где и кричали приговор. «На “хрястовай нидели”, эта пасиридини уж Виликава паста. Теста вот мать намесит, преснае, да, карова была, на малаке замесит, и “кресты”. И мы вот “Хрясты прароки” кричали. “Прарройти дароги, сахами, баранами, красными днями!” Я помню вот, штобы эта, кричать, штобы скарей эта вясна начиналась. Вот из-за этава. <...> На крышу залазили, кричали, сами паядали» [СЕМ, д. Александровка; КПС Ф2004-16Ульян., № 29-30]. Или же бегали с ними по улице. «Эта хрястовая ниделя была. “Хрясты-прароки, прарывай дароги”, — вот тожи также пели. Ну, на улицу выхадили, хрясты-та эти.

Хрясты-прароки,
Прарывай дароги
Сахами, баранами,
Красными днями.

«Ну, чай, “кресты” — перелом пасту. <...> Вот начинают к севу гатовицца. Спякут, патом начинам: “Кресты-прароки, вырывайти дароги сахой, бараной”» [БПА, БЗГ, д. Ростиславка; СИС Ф2004-32Ульян., № 39, 160].

Кресты повсеместно использовали для загадывания о судьбе в будущем году. Обычно в середину креста (между двух полосок теста) клали монетку, которая предвещала богатство, и лучинку (спичку), означавшую смерть. Нередко в них закладывали и другие предметы: уголек, зерно, сахар, соль и т.д., значение которых разгадывалось из общей символики предмета в народной культуре (см. *Вещие сны*). «На читвёртай нидели, на крястовай нидели Великаво гавенья. “Крясту тваяму пакланяимси, Владыка”. Вот так навяляшь теста, так вот [=поперек] наваляшь теста, а в сирёдку паложишь или десить капеик *и*ли питнаццать капеик. Вот хто яво разломит — этыт с денижкый, этыт биз денижки, этыт биз денижки, этыт с денижкый, вот так. Каму щастья или здаровья. Наш тятя, пакойный: „Если толька я праживу нонишный год, мне папáдицца денижка в христе“. Вот так всё загадывали» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 126]. «А “хрясты” пикли, как сказать, капейку паложут, лучинку паложут, уголь паложут. А смиша*а*т мать, бывала, эти все “крясты” — каму чаво пападёт. Значит, палачка — гроб твой, дéньга [богатство], да. А эта, если скажу, диривяшка там, ну, там спи́чинку, скажу, то значит эта ты в магилу пашла» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 84]. «Крестова ниделя была, “кресты” пекли из теста жа. Праздник какой-то был середь говенья. В один “крест” положат лучинку, а в другой эдак жи деньгу. Кто вот попадёцца, кому с лучинкай — гроб, умрёшь. Кому с денижкай — тот щáс*т*ливай» [ПАВ, с. М. Кандарать; МИА Ф2005-10Ульян., № 68]. «Вот в “кресты” запякали: клали щеп*а*чку, денижку, сольки, угаль, ищо эта и сахар. И вот брали все, напекут вот блюдо. <...> Утрам бирём и, значит, смотрим, каму чево. Вот соль, эта гаварили так: жизня салёная, эта, денижка — эта багатый будишь, щепачка — эта, как гаварят, смерть, гроб. Угаль, угаль-та я вот забыла, ну, вобщим, — тёмная жизня будит, нихарошая, да. А сахар — эта сладкая жизнь. Вот так. Ну, как гаварят, в этам гаду эта будит. Да, в каждый крестик [клали]. <...> Всем вот па два делали [крестика], можит быть. И вот сложут йих в эта в блюда, испякут, и патом вот брали каждый, каму чаво пападёт. Как раньши гаварили, верили, верили. Ну, наверна, ниправда. А всё равно былá правда...» [МНА, с. Проломиха; СИС Ф2002-02Ульян., № 35].

У девушек монетка могла предвещать удачное замужество, богатого жениха. «“Крясты” пякли, клали в эти “крясты” или деньги, или палачку какую, или там пшиничку насыпят, или пшана, вот эта вот кашу — с чем попадёцца. Вот возьмёшь с денижкай, эт багатый жиних будит, гаварили. Вазьмёшь с этим, с палачкай, все гаварили, гроб будит или крест, да. А с пшанцом- то эта, вроде, ну, просто жить харашо будишь. Вот были эти. Такие приметы были старинны, велись» [НВА, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Попавшийся в «крестике» предмет предвещал судьбу не только на ближайший год, но и на более длительный период, например, указывал на бу-

дущую профессию. «А “кресты” ко*г*да пост пополам розде́лицца вот, к Паске. Вот „кресты“ пекут. Да сколько сделают, кто сколько сумеет. Сколько теста сделают, столька спекут. <...> И деревце кладут, и щепочку положишь, денежку, и железо. Кто пахарь будит, кто плотник будит, кто чёо попадёт. Уголь кладут. Значит, уголь положут, ага, сгоришь. Денежку кладут, это вроде если с денежкой попадёцца “крестик”, значит, багат будит» [ВЕН, ВСФ, КРФ, с. Барышская Слобода; ММГ Ф2000-1].

В некоторых селах в «крест» было принято запекать крестик из двух лучинок: кому он попадался, должен был начинать сев. «Из этай, из лучинки [крестик], а ищо чаво-нибудь запякают: каму чаво пападёцца. Кто засевать, таму “хрёст”. “Хрёст”, а как жи? Он сеить [будет], “хрёст” яму» [ЛНА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 110]. «На хрястовай нидели пекли эти “хрясты”. Запекали хрёст в адин. Ну, каму этыт хрёст дастаницца, паедит засявать» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 36]. А если такой крест попадался хозяину дома, то это предвещало обильный урожай. «Крястова ниделя была и вот пякли “хрясты”. Вот этат “хрёст” брали и вот засявали. Хрестик запякают из саломинки или из лучинки. <...> Перьвый если хрестик [попадется], можит быть, хазяину, вот, к уражаю. К уражаю вроди. Яво вон засушут. Хрёст *г*де у иконки паст*а*новишь, яво ни кинишь. У иконки, высушут» [ЛНА, с. Палатово; МИА Ф2001-24Ульян., № 30].

В с. Чумакино вынувший крестик мужчина начинал пахоту. «Эта па единаличнаму [жили], ба*б*ушка пякла. А как же, всем пикли. Каму пахать — дастаницца эта с крястом, паложит крестик, из лучинки сделат крестик и паложит, или такой [=нательный] крестик. И вот даст па “крясту”-ту или сами бярут. Каму папа́дит с крестом — этаму пахать землю. Ну, эти [=с крестом] ни давала [всем], ана *в*идь их давала толька мужикам. Ну, а как жи? Мужики пахали. Ана даст и нам крясты-ти, ну уж в нём нет крестика. А мужикам паложит, каму дастаницца пахать» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 102].

Попавшийся крестик порой трактовали в христианских символах как знак будущих страданий. «Крест [запекали]. Ну, скажит [мать]: “Ну вот, видишь, тибе папался крест, тибе будит тирпение какое-нибудь будит в жизни”. Ну, мне и была тирпение-та. Как ишо? Ну, выганили из дому-ту, с мужим разашлась, и всё у миня эта тирпенья» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Угалёк клали, в каторый лучинку какую-нибудь там как крестик, в катор*ую* денижку, в катор*ую* бумажку. Вот хто какой вазьмёт. Хто если с бумажкай, то учёный будит, а если с крестиком — крест панисёт всю жизню. Вот там вот разны-разны. [Уголек —] пичаль, чай, на всю жизню. Вот так» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-18Ульян., № 82].

Иногда крест означал смерть. «Всё время я “крясты” пякла. Каму с денижкай, каму с зёрышкам с каким. Зёрнышка значила, што ты будишь багатый. Шшэпку клали, бумажку клали. Будешь эта граматн*ой*. И угалёк клали, чо-та с пажаром связына. Кому крест дажи клали, эт умрёт кто-та» [ААП, с. Княжуха, ЧМП ФА УлГПУ, ф.17, оп. 4, 2000]. «Хрястова нидел*я* — читьвёрта нидел*я* паста. Я *в*от помню, вот Хрястова нидел*я* была, и у нас покойница, моя мать, пякла “хрясты”. Мне и досталси эт*ыт* “хрёст” с этим хрестикам.

“Ой, я умру”, — я и плакать пусьтилась так, плакал*а*, плакала. А ана смиёцца нада мной» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003].

Существовало поверье, что крест необходимо сохранить до посевной и взять его с собой в поле для обеспечения богатого урожая. «Половина поста “хресты” пекли. “Хрест” — белый, из белай муки. Вот и старухи этот “хрест” беригли до посявной. Как пове*е*т на посевную, этыт “хрест” бирёт, сеить бу*д*ит. Штоб вроди хлеб уродился. Хранили [крестик] *г*де был эта хлеб лежит у ней, тама он лежит, *г*де вот печоный кладёт, тут и он. <...> Отец, дедушка был, возьмёт. Бывало с лукошкам еще ходили. Пшаницу, пшаницу осинью сеют» [МПЕ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-10Ульян., № 43].

Иногда дети обходили дома и собирали «кресты», как это делали при колядовании (см. *Коляду петь*) или в Пасху (см.). «Ну, у нас пекли, значит, “кресты”. Вот у Великаво паста “кресты”. В них, знашт, деньги клали, это, мелочь — щастье, попадёцца кому. Тоже это всё ходили в каждый дом. Ну да, все свое. Эта и как вон на Паску, бегут ребятишки с этово двора сюды и яйцы собирают» [БЮМ, с. М. Кувай; СИС Ф2009-01Ульян., № 32]. Крестиками угощали в этот день пришедших гостей. «“Кресты” пекли, вот палавина паста — “кресты”. “Кресты-прароки, бегити па дароги”... Вот туда денижку запякали. <...> Пекли целу плиту, пажал*уй*ста. Там, можит, кто придёт, вот саседи у нас, сястра-та ево, вот у ниё была шесть чилавек дитей...» [РРА, с. Засарье; СИС Ф2000-17Ульян., № 88]. «Кресты» также подавали нищим «ну как миластыньку, ныни видь нет нищих-та, а тагда...» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 37].

И.С. Слепцова

СТАРИКИ — см. Вёсну провожать, Наряженными ходить, Ярку искать

СТОЛБЫ

Одна из молодежных игр с выбором пары (см. *Горелки*, *Играть в кельях*, *Каравай*, *Соседи*, *Челнок*), которая раньше входила в комплекс весенне-летних развлечений. В исследуемый период она бытовала в основном среди старших подростков. «На улицы [играли], на улицы, толька на улицы. Как наш возраст, вот как аднаклассники, падруги, таварищи — все друзья. Канешна, школьники ищ*о* были мы, ищо ни жинихи, ни нивесты, нету» [ТИН, ТАП, КВЕ; с. Аксаур; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 12, 2001]. Хотя прежде эта игра, разыгрывавшаяся на гуляньях (см.), представляла потенциальных невест и женихов села и демонстрировала их достоинства.

Игра заключалась в постоянной смене пар, что позволяло парням и девушкам лучше перезнакомиться между собой или завязать новое знакомство. Вначале два игрока (*столба*) вставали на некотором удалении друг от друга, а все другие, разбившись по парам, по очереди подходили к ним. «Столб» выби-

рал себе кого-либо из подошедших и отправлялся с ним к другому «столбу», а оставшийся занимал его место. Затем подходила другая пара, и все повторялось. «Патом игра была “в сталбы”. Адин чилавек встаёт с аднаво края, другой с другова. Ну, эта метрав пятьдисят где-та, можит быть, дажи пабольши [между ними]. Ну, и вот, два “сталба” стаят ани, два чилавека, а астальныи идут парами: либа с мальчишкай идёшь, либа две дивчонки там, либа мальчишка с дивчонкай идут. Падходишь к таму “сталбу”, к таму чилавеку, тот, значит, выбираит. Падходишь, каво он выбирит, с кем ему удобней идти. Прям за ручку бирёт и... Ага. Значит, вот таво выбираит, я, например, астаюсь на этам мести стаять, а ани апять, эта пара, пашли к другому. И вот так вот хадили и играли падолгу» [КЗА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-31Ульян., № 52]. «Вот двоя стаят — эта “сталбы” стаят. Ани па аднаму стаят. Вот адин чилавек стаит-та на этай старане, другой, дапустим, там стаит. Бальшая артель-та, ну, нас народу-та многа вадилась: и рибитишки, и дивчонки. Пално видь народу-та была. А вот два чилавека идёт. Вот мы идём парай, падходим: “Принима*и*шь?” Ана скажит: “Принимаю”. Вот ана миня приняла, я стала “сталбом”, вы с ней ушли. Вы идёти туда [ко второму], типерь ана вас будит принимать. А если ни вазьмёт, то апять эти два чилавека идут дальше к другому. “Принимаишь?” — “Принимаю”. — “Каво?” — “Вас”. Вот я, значыт, ухожу туда. А втарыи-та падходют. А там третьи падходют, читвёртыи. Парами многа хадили, ни двоя толька» [ТИН, ТАП, КВЕ; с. Аксаур; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 12, 2001].

В с. Б. Кандарать игроки парами (парень и девушка) вставали в две шеренги друг напротив друга. Затем одна из пар подходила к паре из другой шеренги, девушки менялись кавалерами и первая пара уходила на свое место в шеренге. Потом шла вторая пара и т.д. «Вот летам-та играли “в сталбы”. Вот мы всё на площадь вот сюда выхадили. Аттоля прихадили — из каньца [села] дивчонки. И рабята-ти прихадили. И вот начнём играть “в сталбы” вот эдак вот. Вот хадили мы с дивчонками. Ни пели, вот так вота. Вставали [в две шеренги]: здесь встанут, и здесь встанут. Да, друг напротив друга. И вот так вот пер*и*хадили. Я аставляю [свою] девку-ту этаму — парень тут стаит. Вот идёшь с этай [=другой] девкай. А там стаит паринь с девкай. И вот падходишь туда, эту девку аставляишь, а эту девку бирёшь и уводишь иё на эту сторану, на другую. Апять встаёшь» [ХВА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-01Ульян., № 19].

И.С. Слепцова

СУРУ ЗАКЛИКАТЬ — см. Благовещение

СЧИТАЛКИ — см. Кониться

Т

ТАЙНАЯ МИЛОСТЫНЯ — см. *Душу провожать, Пасха, Поминки*

ТАТАРИН И ТАТАРКА — см. *Наряженными ходить, Ярку искать*

ТАУСЕНЬ

Таусень петь/кричать — предновогодний обход дворов с песнями-*таусенями,* в которых звучали благопожелания хозяевам дома и величания молодых людей, в этом доме живущих (см. *Коляду петь, Наряженными ходить, Рождество славить*). Обычай петь таусень относится к святочному комплексу обрядов (см. *Святки*). В предновогодних обходах принимали участие дети и взрослые. Дети ходили петь таусень утром или днем, пока светло, а взрослые — в полночь, когда начинался Новый год (см. *Новый год*). Своеобразие таусеневых обходов в Ульяновском Присурье определяется тем, что петь таусень здесь ходили преимущественно ряженые-девушки.

В таусенях, которые пелись детьми, сохраняются традиционные формулы колядок, но заменяется припев и название праздника: вместо Рождества называется Новый год. «На Новый год “таусень”» пели» [ВОА, с. Аргаш; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «“Тауси, Новый год”, вот помню. Манинькі-те днём хадили “тауси” кричали. Да, прям на Новый год, на старый на Новый год» [ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 14-15, 17].

Дети пели таусеньки так же, как колядки, стоя перед домом. «И дивчноки, и мальчишки — все. Стало́куюцца [=соберутся] да и пайдут артель. Вмести там чилавек пять, можи*т*, вот так вот» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 82]. «Вот эта пели, пели. Пад акном. Хадили эти, партиями. Па дварам прям хадили. Да, падряд. У каждыва дома пели» [ЦНС, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 78].

Говоря об исполнении таусеней детьми, обычно употребляют два глагола: «пели» и «кричали». «Там сколь чилавек кри́чат: “Таусе́нь, таусе́нь, Дома ли хазяевы?”» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ ф. 4, оп. 4]. «Вот так вот, эта кричали: “Пять калёдкав вынаси!”» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 79]. Глагол «кричать» соответствует обычному исполнению таусеневых текстов детьми, при котором они выкрикивались речитативом.

В Ульяновском Присурье песни назывались *усеньками* и *таусеньками*. В с. Котяково и Кирзять было принято усеченное название: *тоси* или *туси*. «“Тоси, тоси” накануни Новава года. Тринаццатава, накануни старава Нов*а*ва года “тоси” кричат» [РАО КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 80]. Усеньками и *сеньками-усеньками* называлось и обрядовое угощение. «Вот Новай год встричали, эт вот “сеньки-усеньки” прасили» [ВОА, с. Аргаш; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

За пение усенек хозяева дома выносили угощение. «Падавали кто чаво можит. Ну, раньши как жили, кусок хлеба. И кусок хлеба, или липёшку какую. Дениг ни у каво не была. Канфетак не была, пиченья не была, щас бы, канешна, этава ни подали. Падавали и были рады этаму» [МАИ, ПТС, с. Сара; СИС Ф2006-34Ульян., № 103]. «Вот эта чаво-та нада им падать. Ну, уж кагда што есть. Испякут то липёшку, то пышку какую-нибудь. Криндиля эта, криндиля пикли, да. И пикли для них» [БРН, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 16-17]. «Липёшки пикли из теста, у нас мать вот хлеб пякла, ну ана вот эдаку липёшку испикёт и паменьши. Канаплянае семя талкли, исталкут семя кипятком абваря́т, в блюда кладут. Канаплян*ае*, ага, так*ое* вкуснае. И этай вадой абливают липёшки. У каво есть сахар, сахарку дадут, у каво есть зёрна, зёрнышкими давали тыквинными, падсолнышными. И вот хадили, сеньки-усеньки прасили» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 79-80]. «Пикли, пикли. То пираги испякут, то липёшки, да. У каво куряга́ — куряги. Раньши куряга была из тыквы» [КАВ, БРА, с. Кирзять; СИС Ф2000-16Ульян., № 21-22].

В с. Котяково печенье, которое подавали детям, называли *колёдками* (см. *Коляду петь*), в с. Чумакино — *усе́ничками*. В с. Кадышево угощение детям делали в виде птички — лепешки размером с ладонь, с загнутым концом. Такое печение называлось *жара́пой* (см. *Жаворонков кликать*). «У каво чаво есть, хто пиченья, хто “калёдки“ пикли вот. Батюшки! Две плиты, бывала, испикёшь, и ни хватат» [КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 79]. «А пякут липёшки-пирипёшки, да, усеньки, усеньки. Тагда падавали усеньки. Да, “усен*и*чки, усен*и*чки”. Кто какии крендерушичками, кто чем. Вот эта усеньки. Рассучут, рассучут и на плиту накладывают и в печь. Пясочкам кагда была, а кагда не была и биз пясочка ели» [ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 14]. «Как зайдут, вот например, яйца ли, “жарапу” ли, усеньку — каждаму. А то усеньку вечирам ходят оне, девчонки, сабирают, и рибятёшки с ними. Усеньку, ну, на всех там дашь адну. Там ищо, можит, чаво дашь. Ну, усенька вот такая вот усенька, загнём [как ладонь]. А если рибятёшкам-ти паменьши — вот такую, вот пабольши пильменя. Придут четвира, пятира, и каждаму даёшь» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 19]. Иногда над ребятишками подшучивали. «Падавали картошку сырую. Картошки сырой завярнут, канфеткай сделают. Пасмияцца. “Ой, чаво нам падали!”» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 82].

В детских вариантах таусеней, сохраняющих формулы колядок с описанием обрядовой пищи (см. *Коляду петь*), в с. Полянки и Аргаш отсутствуют традиционные формулы угроз в случае отказа в угощении. Эти тексты завершаются поздравлениями с Новым годом или мотивам вознаграждения добрых хозяев.

Тау́сень, тау́сень,
Чем мы закусим?
Кишки да лепёшки,
Свиные ножки.
Мы Таусень прокричали,
С Новым годом величали.
С Новым годом,
С новым счастьем!
Давай, добрый дедушка,
Пирога порежем!
[ШМП, с. Полянки; ЯИВ Ф2000-15].

Се́ньки-усе́ньки,
Кишки да липёшки,
Парасячьи ножки
В пиче сидят
На нас глидят.
Кто падаст пирага —
Залатыи варата,
Кто подаст липёшки —
Залаты акошки
[ВОА, с. Аргаш; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001] .

Сеньки-усеньки,
Кишки да липёшки,
Парасячи ножки
В пиче сидят,
А нас глидят.
Кто подаст пирага —
Залатыи варата.
Кто падаст липёшки —
Залаты акошки.
Кто падаст ватрушку,
Тот радит Андрюшку.
Кто падаст почку,
Тот радит дочку.
Кто падаст свижины́ —
Залатыи чугуны.
Кто падаст каши —
Залатыи чаши.

Па дварам хадили, вот эту песню пели. [Подавали] вот чиво — “сеньки-усеньки” падавали. Кто чаво» [ПАТ, с. Аргаш; ЧМП Ф 2001-59].

В таусенях кроме знакомых формул колядок появляются другие, свойственные именно этим песням мотивы, в частности мотив просьбы птицы («кочаток», «петушок») к «бабушке», которая готовит обрядовую еду. Наибольшее количество вариантов этого сюжета записано в с. Сара и Засарье.

Тау́зень, таузень,
Падайте на ужин
Кишки да липёшки,
Свиныя ножки.
В печи сидели,
Все на них глядели.
Летел, летел кочаток
Перед баушкин дворок
Подайте усеньку!
[ШМП, с. Полянки; ЯИВ Ф2000-15]

Таузинь, таузинь,
Падайти на ужин,
Кишки да липёшки,
Свининыи ножки,
В пиче-та сидели,
Всё на нас глидели,
Лител, лител качаток
Чириз бабушкин дварок,
Уранил сапажок,
Кричит: «Бабушка, падай!»
Кричит: «Дедушка, падай!»
— Мне и нечева падать,
Я и квашинку мишу,
И к абединки спишу.
Падавай ни ламай, ни закусывай,
Ни прикусывай!
(вар.: Как таусень пракричали,
С Новым годам величали,
С празничкам, хазяин с хазяюшкай!
— МАФ)
Весь таузинь пракричали,
Хазяина величали
[МАФ, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ ф. 17, оп. 4, 2000; БРН, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 17].

Таузень, таузень,
Подайте на ужин,
Кишки да лепешки,
Свиные ножки.
Пролетел петушок
Через бабонькин домок,
Уронил сапожок.
Кричит: «Бабонька, подай!»
— Мне неколи,
Я лепешечки мешу,
Я к обеденке спешу.
Сею, вею, просеваю,
С Новым годом поздравляю.
С праздничком вас!
[ММИ, с. Засарье; ММГ ФА УлГПУ ф. 17, оп. 4, 2003].

В с. Кадышево дети кричали таусень, текст которого в других селах не встречается.
Варобышик-патопышик,
Палятай на гумно,
Вазьми зярно,
Свари пивцо,
Смани гастей,
Всех варобышкыв,
Всех патопышкыв,
Тётя, давай маю усеньку!
[МАГ, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян., № 94].

В детском репертуаре встречаются контаминации таусеней и величальных песен (с. Кадышево, Котяково, Коноплянка и др.).
Благаслави нас Бог,
Ныни Новый год,
Тоусинь, тоусинь!
Как у месица,
Залатыи рага,
Тоусинь, тоусинь!
Луччи яснывa,
Расприкраснывa,
Тоусинь, тоусинь!
[КАФ, с. Коноплянка; СИС Ф2002-05Ульян., № 28].

Кишки да лепёшки,
Парасячьи ножки,
В пиче-та сидели,
Всё на нас глидели,
Как у месица у молада
Крутыи рага,
Салавьины глаза.
Как у ваший, там, у Нюрыньки, —
там или у каво —
Кудрява галава,

Кудерюшки в три ряда,
Читвёртый ряд,
Как жар гарят.
Сеим, сеим, рассяваим,
С Новым годам праздравляим!
Ты, хазяйка, выхади,
Там — сколька — калёдкав вынаси
[КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 80].

«На Новый год у нас ”усеньки кричали“. Придут ка двару-ту: “Вам скричать усеньки?” — “Кричите”. — “Каму?” Тама скажут, Ивану или Николаю.

Свет у Ванюшки кудрява галава,
Таусинь,
Па пличам кудри развиваюцца,
Таусинь,
Сирябром кудри пир*и*сыпаны,
Таусинь,
Чья дитятка наряжиная?
Таусинь,
Нарядил *яв*о тятенька радимый,
Мамынька радимая,
Таусинь»
[ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

Другой тип таусеневых песен — тексты, объединенные мотивом летящей павы, роняющей перья (с. Б. Кандарать). Собирает перья молодец, чтобы дарить их «шурья́м». Имена песенных персонажей изменялись в соответствии с именами детей, живущих в доме. «“Паву” кричали под окном. Называли имя ихава сына. Ну, то*ль*ка стар*шива*. Аднаго то*ль*ка. Каторыва зна*а*шь имя» [МНП, БКФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 81].

Пава литела,
Перышки раняла,
— Каму эти перышки?
— Ваньцу-браньцу,
— На што яму?
— Шурьё дарить.
Шурьё ни списива,
В избу-ту ни всходют,
Богу-ту ни моляцца,
Христу-ту ни клонюцца.
Тётинька, падай!
[ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-06Ульян., № 83].

Вот летела пава,
Перышки роняла,
Кому перья подбирать?
(Вот если, например, братец, например)
Братцу Иванушке,
Машеньке сестричке.
Как у Ванюшки кудрява голова,
А у Машеньки большая коса,
Ты рости-рости коса,
А то пропадёт твоя краса,
Тёть, подай!
[РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 72].

В с. Палатово, Валуссы, Потьма дети пели кумулятивные песни вопросно-ответного типа. Зачин первой разновидности этих песен — обращение к «Коляде» как к персонажу, пришедшему извне: «Ты где была?» Далее следует перечисление атрибутов, постепенно исчезающих. Тексты песен, как часто бывает в детском исполнении, редуцируются и утрачивают традиционный конец.

— Каляда-маляда,
Пасконна барада,
— Ты где была?
— За воротами.
— Где варота-ти?
— Вадой снясло.
— А где вада-та?
— Кони выпили.
— А где кони-ти?
— За трасник ушли.
— А где трасник?
— Девки вылымыли.
— А где девки-ти?
— За мужья ушли.
— А где мужья ?
— В ахлопычках, в атрёпычках.
[ММС, ШПС, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 9].

«— Ко́ляда, каляда́,
Пасконная барада,
Где, где была?
— Каней пасла.
— Чаво выпасла?
— Каня сивава,
Чирнагривава.
— Где, где кони?
— За варата ушли.
— Где, где варата?
— Вадой снясло.
— Где, где вада?
— Быки выпили.
— Где, где быки?
— В за гор ушли.
— Где, где за гор?
— Черви вытачили.
— Где, где черви?
— Гуси выкливали.
— Где, где гуси?»
[ЛНА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 99].

Вторая разновидность песен — обращение к «таусеню» с вопросом, дома ли хозяин. Брачная тема, свойственная этим песням, утрачивается, и конец песни выражает потребность детей, обходящих дворы. Хозяин поехал на базар за топором, чтобы «дрова рубить» и потом «печь» подарки для пропевших таусень.

Таусень, таусень,
Дома ли хазяевы?
— Хазяина дома нету,
Он уехал на базар.
— Зачем на базар?
— Тапор купить,
Драва рубить,
Падарки вам печь.
[ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП, ф. 4, оп. 4, 2001].

По вечерам ходили петь таусень взрослые. «Вечирам эта уж такеи, взрослыи, малинькии уж ни хадили: видь вот тямно, при агнях уж. Вечирам быльшии пели» [РАО, КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 79]. «А постарши — эта вечырам хадили уж. Вечырам таусень пели» [ЗАТ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 113]. «Накануни Новава года. Да, ночью, “усеньки” были» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 19].

В некоторых селах (Котяково, Кадышево) информанты подчеркивают, что у них взрослые коляду не пели. «У нас “каляду” ни пели, нет. У нас вот толька эта, “Тоси, тоси”. “Тауси” пели, да. “Тауси, Новый год, / Тауси, Новый год”» [РАО, КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 79].

С пением таусеней обычно ходили девушки. Они шли по улицам, где жили их женихи. Парни прятались, поджидая невест, и подшучивали над ними. В с. Котяково девушки часто наряжались нищими, мазали лицо сажей, чтобы их трудно было узнать (см. *Наряженными ходить*). «Кто как выдумат, па-всяки выдумывали. Ну, падашь ей чаво. Как нищщи ани, все. Ну, ани артелью, а рабяты где-та в старане, паймают йих и сумки у них растряпают, и всё, эт всё была. Да, дивчонки хадили. Идут к жинихам к сваем. Вот знают, што, вот эта кагда усеньки сбирают. Ну, кто как нарядицца. Кто парнем, кто чаво, все искрашинныи, ни пахожи. Штоб тибя ни узнали, ты пришла за усенькай. Ты пришла к жиниху к сваиму» [РАО, КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 79]. «Девушки нарижались па-мальчишиски. Да. С гармошкими, с гитарами, балалайкими! Как начнут! Идут всей кучай, чилавек десить, больши. И все хадили нарижались. Па сялу, и па кельям хадили, и эта, на святки-ти, и па дварам вот хадили с карзинками. Пели “Таусень”, чай, “Таусень”.

Таýсень, таусень,
Чево мы закусим,
Пышки, липёшки,
Свининиые ножки,
Ане в пиче сидели,
Ане на нас глядели,
А мы их взяли и съели»

[ММС, ШПС, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 7].

Главная роль девушек в таусеневых обходах определялась тем, что основу песен-таусеней в Ульяновском Присурье составляют брачные мотивы. Преобладающий корпус текстов близок свадебным величаниям. Как правило, они обращены к молодым людям. Когда девушки подходили к дому, в котором не было молодого человека, величали всех, живущих в доме. «С младшива вроди начинали, да. Если дивчонки какой там: “У Машиньки русая каса, / Шалковая паяса”. А если — паринь, мальчишка, тогда там: “Как у Колиньки кудрява галава, / Кудерюшки в три ряда, / Па пличам лижат, / Как жар гарят”. Кто в симье младший, вроди яво как паздравляют с этим. Самый малинькый, кто в симье самый малинькый. Если ты самый малинькый, тибе прапают. У нас мама сроду пякла “усеньки”. Вот, бывала, на завалинку из кельи девки: “Мариш! (Маринай звали маму). Мариш, ни спеть усеньку? — Спойти, спойти!” Ана всягда пякла. Пресных намесит там с картошки с паджаренным лукам. Пают. У миня был брат старшинькый (ну, он млидши миня, за мной рожиный был), Ваний звали, вот ани всё пели. Да. Вот встанут на завалинку и пают:

Как у свет у Ивана
Раскудрява галава,
Завивала яму радна сестрица,
Радна сестрица,
Сястра Машинька,
На иголычку,
На сиребриныю булавычку.

Вот эту песню пели. Ана патом уж даёт эти, усеньки, ана угощат их, и ани уходют» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 19].

Пение таусеней взрослыми требовало особых вокальных данных. Их пели, а не кричали. «А уж “Таусинь” пели эти взрослыи. Ночью. Яво щас нихто и ни знат. Тут уж нада песильника харошива. Карянны́х-та нету, как пели-та» [ССП, СОИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 12].

Девушки специально заказывали матерям неженатых парней печь пирог-усеньку к их приходу. «Вечирым-та хадили славить-та рабят. У каво рабята есть, мы заказывам пирог. Нам пирог испякут, мы пайдём вот виличать. Нам пирог дадут» [ЛНА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 98]. А иногда и сами матери обращались к девушкам с просьбой спеть сыну или даже мужу (молодому мужчине) величание. Молодой человек мог присутствовать при величании, а мог и уйти из дома. Величание считалось честью не только для жениха, но и для всей семьи. Матери потом с гордостью говорили об этом родным и соседям. Женщин во время таусеневых обходов не величали. «Эта, знашь, кагда питуха-курицу [готовили]? Хадили на Васильив вечыр виличать. Заказывали на Новый год, на старинный, читырнаццатава. Вот эта, пример, вечырам мы пайдём вот на улицу, пирид первым числом па growараму и заказывам. Падайдём пад акошко: “Тёть Нюр! Пики завтре пирог, придём Ваньку виличать!” И пайдём виличать. На Новый год старинный, вечирам, первыва чысла па-стараму. Вечырам, уж как смеркницца, пайдём виличать. С первыва на втарое. И вот гатовют. Пирог, хто са свёклай, хто с капустай, хто с картошкай, а хто и свинину ногу ищ свари́т. Мы закажим: “Завтри вари ногу свинину, придем Женьку виличать!” <...> Скока нас падруг хадила, скока была, столька мы хадили — двянаццать падружкав и все хадили виличали. Каму закажим пикчи пирог, к таму и пайдём виличать. А можит, кто и папросит, скажит: “Айдати, свиличайти у нас!” Пайдём и свиличаим. А оне патом скажут: “У нас прихадили виличали дивчонки”. Сам-та паринь, он дома, или уйдет, кой нисмелый» [БПЕ, с. Палатово; СИС Ф2000-05Ульян., № 60].

К ночи накануне праздника девушки собирались в кельях. К полночи они выходили на улицу и шли с величаниями по домам. «Эта вот накануни Новава году. Вечирым, ночью уж, ночью. Бывала-те в сиденках сидели. Вымаюцца в бани, ночью эт сабяруцца в келью и пайдут» [ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 14-15, 17].

Накануне Нового года хозяйки пекли для девушек пироги-*тусеньки* во всех домах. «Кто, пажалуй, круглай испикёт, такой вота. И круглый, и длинный пикли. Ну, кто больна длинный испикёт, напапалам яво делют. Вот. А кто паменьши — целиком дают. Пирог абзатильно закрытай. Там начинка: там кто с мясам там, кто с капустай, кто с чем. И вот он закрытый» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-19Ульян., № 105-106]. «Ета вот кагда нарижаюцца, девки пают, таусинь пают, па рабятам ходют. Матиря гатовют, мать выносит, мать ай атец. Пирог пякут бальшой, вот падают. Эта “усенька” называицца. “Усеньки”, ани пряма как пиражки, бальшия, бальшия, с начынкай. У каво яблаки сушеныи, у каво с вареньем, у каво с чем. У каво с карто-

шкай, с яйцыми» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян., № 87]. Пироги часто украшали полосками теста. Стряпухи могли выкладывать на пироге свою фамилию или имя своего сына. Хозяйки часто соревновались друг с другом, поскольку, собравшись с угощением в кельях, девушки обсуждали, чей пирог красивее и вкуснее. «Падавали пирог с узорчикими: то эдак, то вот эдак — кто сумеет как чуднея, как интиресней. Из теста на пираге хто какую загибку сделат. Ну, эта уже кагда виличают. Или, хто стряпат, сваю фамилию сверху напишит, хто граматный, или имя парня, каво виличали» [ЛНА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 99].

Девушки заранее договаривались с хозяйкой, чтобы она не отдавала таусеньку девушкам, которые приходят из чужих келий, куда не ходит ее сын. «“Тёть! Петь тусеньку-ту? ” — “Вы с чьей кельи-ти?” — “Из Васёнинай”. — “Ну, пойти, жиних-та вилел”. И вот начынаашь петь. И мы йим наказываим: “Сматрити, скажити, штоб нашу тусеньку никаму ни давали!” — “Ну, пойти”. Ну, там пают многа, ну уж эту, ана уж аставлина эта “тусенька”, хоть приди в палночь, иё никаму ни дадут» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-19Ульян., № 105-106].

Иногда сельские шутники подшучивали над девушками во время обхода дворов. «Пажалуй, так пасмиют, што пададут тибе и чаво ни съедина, назаруют. Вот мы аднажды пришли к адним, он больна шутник был, вот сасед. Ва всё сяло яво знали. Уж больна пракaзник был да шутник. Он завярнул в какую-та тряпку в виде пирага, в сумку нам кладёт. Ну, мы пришли, а эта каровий кал. Вот так были. Для смеху. Ну, вот проста был смех, виселья была, смех, азарство» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФАУлГПУ, ф. 4, оп. 4. 2001].

Были случаи, когда новогодние пожелания сбывались и становились шуточным воспоминанием для односельчан. «Ну, я помню, вот пришли к Виньку:

Давялось бы тибе, Виня,
Всей Масквой пратти,
Как баяри-гаспада
Дивовалися:
— А што эта за дитё
За ражона харашо.
Таусинь, таусинь!
Куделюшки в три ряда
Па пличам лижат,
Как жар гарят.

А на утра яво вызвали в правление да в Маскву. И уж мы засмиялись:“Ба! Напрарочыли тибе в Маскву!”» [ССП, СОИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 12].

В каждой группе была девушка с корзиной или мешком, собиравшая угощение. «Вот ани кагда прайдут вот па силу, у них спицальна адна какая-та таскала эта всё “тусеньку”» [ЕМА, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 139]. «Пираги пикли, кто там сушкав купит, кто пироги пикёт, “тусеньки” назывались. “Тусеньки” пикли кто с мясым, кто с чем. И вот мишок набирёшь вот такой вот» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-19Ульян., № 106].

После обхода девушки собирались в келье, где ночевали, или у одной из подруг и устраивали вечер с угощением. Приходили парни, и девушки

делили тусеньку, полученую от матери жениха, со своим суженым. «Ой, вмести сабираим вечир, знашь, какой чудной у нас! Вывалим мишок-та на стол-та. Тут уж рабята паявюцца, тут всё делим, всем падряд. Ну, как шутейна. Как шутейна выходит. Сабирёшьси мы чилавек пять-шесть девакти. Придешь вывалишь и рабята тута. Вот и эта, гулять, шутят. А питьта нет! Тагда пить нет, этава не была» [ЛНА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 102]. «Дивчонка дастанит сваю тусеньку, и жиних-ти в кельити он тожи кушат: "Эта вот мая усенька". Вот друг дружки. Ну, все знали: "Вот эта мая, вот с чэм". Кто как багатый, там с мясым, то с канфеткими сделают, всё вот так. Кто бальшую, кто маниннькую испичот: "У-у! Какую бальшую! Ане багата живут, ане вот и дали, вот, толька ни знай с чэм", — калякам, кто чаво. Смиёмси. В келью, на стол вывалим и начынаим есть. Артелью — и рабяты, и дивчаты кто чаво» [РАО, КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 79].

Девушки оценивали мастерство каждой хозяйки: красивый ли пирог, вкусный ли. «А патом вот в эта время дивчонки, ани ж, эта самая, сидели в кельях и начавали тама. Патом приходят в эту келью и вот начынают, знашт, ага, раскладывать, эт самая, "тусеньки"-та. Дилить всем. А и в эта время ани уже делают аценку: хто как сгатовил, у каво вкусна, у каво ни вкусна, у каво, знашт, плоха. Уже характиристику каждай хазяйки. Паэтаму хазяйка, ана стримилась ни ударить в грязь лицом, штоб аб ней сказали харашо» [ЕМА, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 139].

Иногда жених подшучивал над девушкой и договаривался с матерью, чтобы она в начинку пирога положила угли. «А там жиних закажит сваей мами: кто с углями спичот, кто с чэм — вот так. Пашутить. Вот придёшь в келью-ту, раз станишь: "А, батюшки! У миня адны угли!" То ищо чаво, вот и всё. "Эта кто дал?" — "Вот кто". — "А!" Смихата» [РАО, КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 79].

В некоторых селах (Котяково, Русские Горенки) после обхода девушек петь таусень приходили замужние женщины. Их приход был поводом к гостевому застолью, которое соответствовало возрасту пришедших. «А мы уж вот хадили замужим, мы с битонам хадили, нам бражки давали. Мы вечырам гулям. Эти самыи "калёдки". Ну да, утрам "калёдки" пикли. И вечырам давали, хто "калёдку", хто чаво. А взрослы уж каторы пряма и зайдут в дом, кто са сваей бутылкай, кто паставит йим» [ПЕП, с. Русские Горенки, ВАМ, с. Котяково; СИС Ф2004-06Ульян., № 98].

В зачине таусеневых величаний в с. Палатово используется присловье «посеваний». Сам обряд, при котором поющие таусень входят в дом и разбрасывают зерно — залог будущего урожая, ко второй половине XX в. забыт. Сохраняется лишь поздравительная формула со словами «Сею-вею рассеваю». Она и становится началом величания.

Следующая формула «Как у месяца...» сопровождается описанием кудрей и вопросом/ответом: «А кто ему завивал?» — «Родна сестрица». Про-

должение песни «Пад акошичкам / Ана сидючи» в вариантах может стать началом величания. В первом тексте ситуация завивания кудрей продолжается следующим вопросом/ответом: «А кто его породил?» — «Родна матушка». В величании идеализируется не только молодой человек-адресат величания, но и создается образ идеальной семьи, все члены которой связаны друг с другом любовью. После каждых двух строк в величании повторяется рефрен «Таусень, таусень».

Сею-вею, рассяваю,
С Новым годам паздравляю,
Как у месица
Залатые рага,
А у солнышка
Лучи ясныва,
Расприкрасныва.
Как у Ванюшки-сынка
Бел-кудрява галава,
Тоусень! Тоусень!
Бел-кудрява галава.
Кудри вьюцца развивающца,
Па пличам-та расстилающца,
Расстилающца.
Как у Ванюшки-сынка
Бел-кудрява галава,
Бел-кудрява галава.
А кто ему завивал?
Радна сестрица.
Радна сестрица,
Пад акошичкам
Ана сидючи,
На свитёл месиц
Ана глядючи.
Ана глядючи.
На часты звёзды
Вазираючи.
Са вады узор
Санимаючи.
Санимаючи.
А кто яво вазрадил?
Радна мамынька.
А кто ево васкармил?
Радной папынька.
Радной папынька.
А кто явоваскачал?
Лёгки лодки на валнах.
Лёгки лодки на валнах
[БПЕ, с. Палатово; СИС Ф2000-05Ульян., № 60].

Пад акошичкам сидючи,
Таусень, таусень!
(повторяется после каждой строки)
На свитёл месиц глядючи,
Как у месица крутыи рага,
А у солнышка лучи ясныя,
А у Ванюшки раскудрява галава.
Хто яму завивал?
Радна сестрица.
Завивала ана, пригаваривала:
— Вейтись, вейтись, вейтись кудри,
Вейтись русы па пличам.
Как на кажнай кудерки
Па земчужички висят.
Вот и ехали баяри,
Дивавалися над нём,
Чия, чия эта дитинушка
На улицы играт?
[ШТС, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 17].

Пад акошичкам сидючы, сидючы,
На свитёл месиц глядючы, глядючы,
Как у месица круты рага,
Таусень, таусень!
(повторяется после каждой строки)
А у солнышка лучы ясныя,
Лучы ясныя, расприкрасныя,
Как у Колиньки раскудрява галава,

А хто яму завивал?
Радна сестрица.
Завивала ана, пригаваривала:
Вейтись, вейтись, вейтись кудри,
Вейтись русы па пличам.
Как на каждыю кудерки
Па жамчужинки висят.
Кагда речки разальюцца,
Тагда кудри разавьюцца,
Выхадила дитинушка
Па улицы па гулять.
Ехали купцы-баяри
Дивавались над ней.
А што эту дитинушку
Васпародил иё?
Васпародила иё
Радна мамынька.
Васпаил, васкармил
Радной батюшка.
Вразимляли,васкачали
Няньки-мамки малацца
Таусень, таусень!»
[ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-19Ульян., № 105].

В другом типе величания формула зачина («Как у месяца...») переходит в описание идеальной внешности адресата (кудри «как жар горят», «очи ясные, распрекрасные») и его скорой женитьбы.

«Парней-та виличали:
Тоусень, тоусень!
Как у месица залатыи рага,
Залатыи рага очинь ясныи,
Очинь ясныи, расприкрасныи,
Как жар гарит,
Жиницца вилит.
Как у Ваненьки сынка
Бел-кудрява галава,
Кудри вьюцца-развиваюцца,
Па пличам-ти расстилаюцца,
Как у солнышка очи ясныи,
Очи ясныи, распрекрасныи,
Жар гарит,
Жиницца вилит.
Как у Ваненьки сынка
Бел-кудрява галава,
Кудри вьюцца-развиваюцца,
Жиницца сабираюцца.»
[ЛНА, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 98].

В случае, когда по просьбе хозяйки дома девушки пели таусень ее мужу, создавался идеальный образ супружеской пары, но основу текста составляет величание жены. Зачин песни состоит из двух частей: первая — традиционное начало таусеневой песни при обходе дворов, вторая — начальная формула величаний: «Как у месяца...». Далее используются формулы, передающие разные состояния героини — действие: «Ровно сенички мела» и статику «Пад акошичкам сидела / Ровно свечичка горела». Использование мотива из песни «Летела пава» довершает этот образ идеальной женщины. В конце песни упоминается и хозяин, который сам угощает пришедших к дому гостей. Здесь же звучит традиционное поздравление с Новым годом, которое начинается со слов «Сею-вею...». Конец песни создает кольцевую композицию, перекликаясь с началом: это формула угроз в адрес хозяев, отказавших пришедшим в угощении. Таким образом, начало и конец связывают величание с определенной обрядовой ситуацией.

— Туси, туси, чё мы закусим?
— Кишки да лепёшки,
Парасячьи ножки,
В пече-та сидели,
Всё на нас глядели,
Как у месица,
Как у светлава
Крутые рога,
А ево-та жана
Ровно сенички мела.
Пад акошичкам сидела,
Ровно свечичка горела.
Пава, пава,
Середь двора пала,
Перышки теряла,
— Кому эти перышки?
— Дяде на подушку,
Тёте на перину.
Сею-вею просяваю,
С Новым годым проздравляю,
С большим праздничкам!
К нам хозяин выходил
Кусок хлеба выносил.
Режьте, не ешьте,
Давайте нам каляды!
Не дадити каляды,
Увидём корову на зады!

[БРА, с. Кирзять, СИС Ф2000-15Ульян., № 88-89].

М.П. Чередникова

ТРАПЕЗА

Трапезой обычно называли повседневные обыденные застолья, ограниченные кругом семьи и не сопровождаемые пением, плясками и иными развлечениями, характерными для праздничных застолий (см.). Для трапез существовали и другие названия: *столоваться*, *питаться*, *трапезничать*. Повседневный порядок приема пищи в крестьянском быту был связан с распорядком дня и типом выполняемой сезонной работы. В этом смысле различались *завтрак*, *обед*, *паужна* и *ужин*. Во время интенсивных полевых работ и страды количество трапез могло сокращаться, а потребляемая пища приспосабливалась к походным условиям, поскольку и косцы, и жнеи, и молотильщики, как правило, трапезничали прямо на месте работы.

Место совершения повседневной трапезы может быть разным. Трапезничали не только дома, на поле, но и в кельях. «У нас картошку пикли в падтопки. И больш*и* ничао. Да хлеб. Картошки вазьмём, да. Чао раньши-ти ели? Да-а. Ну, дома-та паужинашь, пайдёшь. Ищё нам над*а* там палуднива*ть*. Давай истопим галан*д*ку, картошк*у* туды накат*аи*м. Ну, апять паужинам. Ну и *а*гуречик*и* там, агуречик или капусты. Вот как ели! Сладкава-т*ы* видь не была!» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 49].

Порядок приема пищи, а также само устройство трапезы (рассаживание за столом, распределение «ролей», система правил поведения за столом) были строго регламентированы, нарушение порядка могло повлечь за собой наказание. «Тагда вить как бизпарядачна ни ели. Тагда завтрак — жди завтрак. Пазавтракаишь, пайдёшь на улицу. Как абед, встаёшь, вот если на солничнай старане, встаёшь туда лицом; если солнышка прямо

тибе в лицо — нада бижать на абед, где бы ты ни была, всё брасай. Патаму что дома будут ругацца, пачаму ты ни пришла. Вечирам — ужинать. Стада́ пагонюцца. Мать там карову да*й*т. Всю улицу брасай, биги ужинать, а то атец будит ругацца. Парядак был такой» [ДКВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 11]. «У нас у кажныва была сваё места. Брат уж завсягда сидел в адном мести, где иконы. Жана [брата] сидела тут [рядом с ним]. А мама как абычна с краюшку, падаёт жи ана на стол. Ну а мы, где кто» [ЖЕС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 54]. Хотя такого порядка придерживались не во всех семьях. «У нас вон какая симья! Чай, сколька: нас пять братьёв была, чатыри сястры — вот сколька была. “Я тут сяду, а я тут сяду”. Хто как суме*е*т» [БЕФ, с. Первомайское; СИС Ф2001-01Ульян., № 20].

Если в одном доме жили несколько семей, все трапезничали за одним столом. Первыми садились мужчины, последними — дети. «Раньше жили два брата — все вместе в адном даму ели. <…> Сперьва вот рабочи*и* паидять — мужики и женщины. А патом — пацанов. И еси толька радные. Никаво из гастей» [КМС, с. Аргаш; СИС Ф2000-04Ульян., № 61]. Все члены семьи ели «из адной чашки. Чай, адна симья. Канешна из адной чашки» [ЖЕС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 79]. «Бальшая чашка. Диривянны ложки были. Все из адной, эта обща чашка. Вилак не была, вот» [ЖЕС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 62].

Хотя могли и поступать и наоборот: сначала кормить детей, а потом взрослых. «Каторы и силянку [из мяса] там, и эта всё, а где нам? Мама [мясо] свари́т там сколька, изамнёт мяса-та и в суп вываливат. Он будит хароший. Чай, сколька: нас пять братьёв была, чатыри сястры — вот сколька была. Кто как сумеит: этат пако́ли черьпат, этат скарей, бывала! Нас накормют, бывала, ну, таперя: “Мы пашли, спасиба!” Ани уж, эти стары-ти, начинают садицца есть. Атец, пакойник, нет аднаво: “Нет мать, нада рибятишкав всех сабрать”. Начнёт кричать: “Где ты, айдати, там, абедать иль ужинать, все”. Эта у нас уж нака*г*да. “Дитей нада вмести, ани видишь как идят”» [БЕФ, с. Первомайское; СИС Ф2001-01Ульян., № 20].

Роль старшего за столом исполнял самый взрослый мужчина в семье (старший брат, отец, дед). Старший командовал, когда приступать к еде, следил, чтобы за столом был порядок. «Накрошишь мяса. Ложки — из адной чашки ели — ложки были диривянны. Как эта схлябали — падлива*и*т опять в эту [миску]. Или другу миску принясут. Кавшом падливают. “Хватит?” — “Хватит”. Потом стукнит па краю атец: “Начинам таскать”. Если вот пацаны шивыряшь — а он поймат два-три куска — на стол кладёт. А атец гаварит: “Так нильзя”. По лбу ложкай стукнит. “Это ха́рства. По адной [=одному куску мяса] надо брать!”» [КМС, с. Аргаш; СИС Ф2000-04Ульян., № 61]. Правило «одного куска» существовало не случайно. В большой семье мясо доставалось не каждому. «Ложкай стукнут-та па блюду: “Тащити, тащити”. Па кусочку. Каму папа́дит, каму — нет. У каво бальшая симья — чаво?» [ПМТ, КЕВ, д. Малиновка; СИС Ф2001-10Ульян., № 98].

Хозяин распоряжался также и хлебом. Обычно отрезали по куску каждому, а при необходимости (и возможности) давали еще по одному. «У нас брат был, он как абычна разрежит эта весь каравай папалам, вот о́тдал он [по куску], и кладёт рядам [с собой] хлеб. Там кто-та съел, он апять начинат резать. Он всё время камандывал хлебам. <...> Нада яму [брату] нож, он абязатильна паложит яво вот так [лезвием к себе, ручкой от себя]. Рядам хлеб кладёт. Вот хлеб кладёт он все время [на нижнюю корку], палажил вот так хлеб — всё. Яво уж пир*и*варачивать нильзя» [ЖЕС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 52].

Хлеб хранили завернутым в холст на специальной лавке в кухне (*чулане*). «Хлеб — там спицальны судны лавки были и вот на судных лавках хлеб был. Вот в чулани. У нас мама, ана всё время тряпачку пастелит, холст, ну и халстом закроит. [На судной лавке] то*ль*ка хлеб был, ну там липёшки, или там чаво ли» [ЖЕС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 50].

Кроме хлеба обязательным компонентом трапезы была соль, которую ставили на стол в солонке. «Соль абязатильна! Первым долгам мама кладёт хлеб, соль — вот эта всё к брату. Соль, хлеб — всё кладёт туда. Уж нада яму пасалить, он сам пасалит. Спицальна ложичка была. Мы дажи вот и ни датрогывались. Вот нады яму чаво пасалить, он щас пасали́т. Вот, например, суп» [ЖЕС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 63]. «Биз соли нильзя. Ну, как, супу нальёшь. Всё время и щас стаит на стале. Ну, канешна, биз соли нильзя [на столе]. Если уж, гаварят, биз соли ни будит... ну как-та нихарашо. Как дома хазяина — соль. Я гаварю, соль — эта сама хароша веща. Штобы на стале была. [Всегда] хлеб и соль» [ЧЕХ, РАИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 4].

Разговаривать за столом строго запрещалось. Нарушитель в качестве наказания мог получить от старшего ложкой по лбу. «Из адной чашки. Шесть-семь человек». Дедушка «командует: “Начинай хлябать”. Ну, чтоб за сталом, кагда ешь кто бы чо скажит слово, по лбу ложкай ударит точна. Больше не гаварит. “Мяса таскать”, — эта вот он камандават. Вот стукнит [ложкой о край миски]: “Начинай мяса”» [ФНИ, пос. Сурское; МИА Ф2000-21Ульян., № 41]. «Чай, мы малодинькии, всяка [вели себя]. Дедушка, пакойный, был: “Будити азаравать, вот щас ложка в руках у миня, щас ложкай всем па лбу буду бить”. Наблюдат» [БЕФ, с. Первомайское; СИС Ф2001-01Ульян., № 21].

Хозяйка во время обеда за стол обычно не садилась. «Ана подавала. Падливала в чашку. Я ни знаю, как ана ела, но за сталом ни сидела [даже с отцом]. Чай пить — это можна. [Чай пили] вечером абычна, утрам. Ужинать, чао, ужинать — да, [мать сидела за столом]» [ФНИ, пос. Сурское; МИА Ф2000-21Ульян., № 38-41].

Иногда за стол не допускались и дети (девочки). «Са взрослыми ни садились. Там у нас пад столом манинька лавачка, нам туда паставют, как кошкам. Мы — адна с этой стороны, другая с этой. И идим. Друг за дружкай. Апятит у нас! Ани гаварят: “Ани там харашо и идят там больна”. Всё время мы там толька и ели» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-27Ульян., № 54].

Перед едой и по окончании приема пищи полагалось совершать молитву. В изучаемый период это правило выполнялось уже не всегда, но когда в семье придерживались традиционного уклада, обязательно читали стоя молитвы, к этому же приучали и детей. «У нас, знашь, какой был старший брат. “Отче наш” он прагаварит “Отче наш”. Ищо руки-ти вот так палажи [=кулаки вместе на столе]. Вечерам садимси, он гаварит: “А тибе сечас гаварить”. Все вставали, прагаварили “Отче наш”, садимся есть. [После еды] тожа эдак вот встаём, и: “Благадарю тибя, Господи”. Вот. Чай пьём, эта всё заадно. А как ухадить — с стала ни убрали — вот мы уж начинам благадарить. [Потом] убирали са стала» [ЖЕС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 48].

Проводы души в с. Сухой Карсун. 2004 г. Фото М.Г. Матлина

В старообрядческих семьях молитва была обязательным этапом совместной трапезы. При этом порядок трапезы в старообрядческих семьях мало чем отличался от порядка столования в православных семьях. Даже если не все члены семьи придерживались старой веры, обедали все за одним столом. «Садились мы все вмес*ти*. За адним сталом. Что я там, какой веры — ни знай. <…> Общии были. Но толька был такой абычай. Щас жи видь тарелки — ты хазяин, что там тибе палажили. А у них нет. Там ложкай он па краю чашки ударил. Эта дед. Знач, можна уже есть мяса. Эта был уже закон. Эта хазяин. Хазяин за сталом — ни разговорав, ничаво. Ани вот как начали — памалились. Паели — памалились. А мы что? Паблагадарили и пашли. Но в пасты нам ни давали ни малака, ни что. Строга диржали» [КМВ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-12Ульян., № 10].

По окончании трапезы со стола всё убирали. Стол иногда застилали скатертью, но обычно он был покрыт клеенкой. Его старались всегда содержать в чистоте. «Кагда всё, на стале ничаво нет, убярут всё да аснавания. Стол выскаблит мама, там уж сиряда, суббота — эта уж ана абязатильна эта выскаблит стол нажом. Он светлай» [ЖЕС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-10Ульян., № 66].

Повседневная трапеза отличалась от трапезы постовой (см. *Пост, Чистый понедельник*), в том числе и от праздничной постовой (см. *Вербное воскресенье, Крещение, Рождество*), от поминальной трапезы (см. *Душу провожать, Поминки, Похороны*) и от праздничного застолья (см. *Горной стол, Застолье, Коляду петь, Кузьминки, На зубок, Новоселье, Новый год, Масленица, Пасха, Родины и кстины, Рождество, Таусень, Троица*).

Основу повседневного питания составляли блюда из овощей и крупы: похлебка, картошка вареная или жареная, каши, пареные тыква, свекла

или брюква (*галанка*) и др. Мясо на крестьянском столе появлялось редко. Обыденный рацион также характеризовался недостатком жиров, в основном употребляли растительное масло. Ели обычно три раза в день. Только летом, когда рабочий день длился более двенадцати часов, устраивали полдник (*паужину*). «Утрам завтрак. Вот такой абколатый чугун круглый картошки, па карто́винки разложут. И па кусочку хлеба. У нас атец валял [валенки], мы голаду ни видали. Ездил куды, на салазках привизёт чавонибудь мишок. Ну, чаво, жили плоха, и то луччи была как щас! А в абед вот щей пустых, забелют малачком, на втароя — картошки жаренай или каку затиру́ху там сваря́т вот из муки. У каво каровка — малошниньку паидят, а у каво и из вады. Малако мала ели, вот толька щи билили, да затирушку забе́лют. Третья — тыквы напарют или свёклы. Вымашь, налупишь, нарежишь — в чугун, напарицца. И тожи накладут в чашку. Эта на ужин» [КРС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-09Ульян., № 58-60]. «Были карчаги. Снимат смитану — капила к праздникам. То маслиница. А в карчагу сливала малака кислава, тварагу — эта капили к Паски. Эта всё пост. Мяса ни варили. Бывала-та кака мяса-та? Свинушку заколют — и на весь год. Варили толька па праздничкам. А щас каждый день праздник. <...> И гарох, и капусту, и щивицу варили. И квас кислай наделат вот у нас, бывала, бабка. Картошку постну наламают, канапли сеили, масла били. У нас вот в Тияпини была бойня. Налупим картошки, бабка иё сунит в печь. Ана маненька там паджарицца. Нарежим, насаля́т и маслицам пamажут. Была вкусна» [ПМТ, КЕВ, д. Малиновка; СИС Ф2001-10Ульян., № 98].

В обед на первое обязательно варили какое-нибудь горячее блюдо: щи, суп или *похлебку*, в которые в скоромные дни добавляли сметану или топленое молоко (*белили*). «Пахлёбка билёна смитанай. У каво карова есть, смитанай билили пахлебку. У каво каровы нет — луку накрошим в эту, укропу. Суп — мы ево звали “пахлёбка”. Мы с мамой за дравами ездили, а соли не была в то время. Привизём дров, наливам пахлёбки самай этай, били́м-били́м смятанай, а ана ни салёна. Били́м-били́м смятанай, а ана ни салёна. Так нисалёну и хлябам. А ни к душе ана у нас. А соли тагда не была. Хлеб да соль эта самы хароши вещи — всегда на стале нада [держать]» [ЧЕХ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 3]. В пост, если было разрешено употребление растительного масла, похлебку белили «молоком» из толченого конопляного семени.

Летом могли варить *сладкую похлебку* из яблок и груш. «Пахлёбка. Здесь всё равно сады-ти были. Яблаков насушут — сладку пахлёбку. Ну, яблоки и всё — вада. Кампот. Но мы называли “сладкая пахлебка”. Яблаки, груши, у каво были» [ФНИ, пос. Сурское; МИА Ф2000-21Ульян., № 41].

Распространенным блюдом была *кула́га*, которую готовили из пророщенной ржи. Это было обычное блюдо, как в скоромные дни, так и во время поста (см.). «Кулагу ели каждый день. Рожь, иё наростят. Ана наклюницца. Иё высушут, смелют, наболтают. Она сладка» [САЕ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-31Ульян., № 73]. «Эта кулагу делают. Эта ржаной

муки намаливают [=мелют], абдают иё, парют. И вот ана дня два пастаит, ана делацца сладка, красна. И вот называцца эта “кулага”. Эта абычна. Ана и так биз ягад была сладка. Эта из новава хлеба. Кагда жнитво́ и посли жнитва́» [РЕН, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 25]. «Солыд — ну, для квасу делали солыд. Кулага ана называется. Ана преит. Каричнивая сделаицца. Ну, нам падаст ложичку-другу, папробывашь» [ФНИ, пос. Сурское; МИА Ф2000-21Ульян., № 38-41]. В кулагу часто добавляли сушеные фрукты и ягоды, например калину. «И кулагу делали. Эту прасеют муку харашенька, штоб ничао ни папала. Забалтывают ва́рам [=кипятком]. И ставят в печку. Ана дня три памале́т [=потомится]. Кто нарвут калины. Калину папарют, пяском усыпют и кладут в кулагу. “Кулагай” ее звали. И начинают есть. Это када хочешь. Кагда задумают, сделают. Бывала многа этава была» [ФЕИ, с. Валгуссы; МИА Ф2001-16Ульян., № 57].

В Присурье много сажали тыквы, которую и просто парили в печи, и готовили из нее *тыквенник* — пшенную кашу с тыквой. «Тыкву так, кусками ели. В картошку брасали да в пшано — “тыквынник”. Мать, бывала, вывалит тыквынник. Каша с малаком — тыквинник. Сырую тыкву мишают с кашей и малако туда лили и в печку ставили. А не так чтобы к жару» [САЕ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-31Ульян., № 74]. Тыквенные семечки были лакомством, ими угощали друг друга.

Часть овощей запасали на зиму: солили огурцы и квасили капусту. «И свёклу садили, и агуречки садили, памидорку садили. Пайдём да сарвём патаясь. Никагда ни салили, а если кто пабольши пасодит, пасолют в бочки. Капусту рубили в кадушки, па сорак ведир нарубáли. Агурцы салили тожи в кадушках. Вот картошки-та сваря́т, картошки чашку да капусты паставют. Пираги пикли с тыквай да с гарохам, на каторы щас и ни взглянишь» [КРС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-09Ульян., № 61].

Некоторые обрядовые блюда (блины, курник, кисель, селянка) нередко становились повседневными. Например, в некоторых селах *селянка (солянка)* являлась обыденным блюдом, в других ее приготовление было окказионально приурочено к моменту закола скотины. «Силянка у нас есть знаш кагда? Вот заколют у миня свинью, это вот я делаю силянка — мужикам, кто калол. Мяса нарежишь, там картошички нарежишь. И жаришь вот — эта у нас называлась “силянка”. Из свежива мяса. И карову заколют, все равно силянку делали — ыбизатильна нада пакармить рабочих. Варишь, а патом патушишь» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 78]. «Вот как заколют свинью, варят силянку. Пичонку там, почки, мяса нарубют — силянку варят. Картошки, и перчику, и укропчику, и лук — всё. Марковку — нет» [ПМТ, КЕВ, д. Малиновка; СИС Ф2001-10Ульян., № 98].

Очень часто готовили густые кисели из гороха, чечевицы, овсяной крупы. Для этого зерно мололи, в муку наливали воду и ставили кваситься на 2–3 дня. Потом эту массу процеживали, варили и давали остыть. Такой кисель подавали также и на поминки (см.). «Бабка у нас варила. Малоли авес,

мачили. Он, наверная, стаит киснит. А патом чириз ряшато працéдют и эту вадичку варили. Его в любо время варили. Хочишь — ешь. И на паминках варили» [ПМТ, КЕВ, д. Малиновка; СИС Ф2001-10Ульян., № 101].

Из теста делали блины, пельмени, курники, ватрушки. Блины (см. *Масленица*), курник (см. *Горной стол*, *Свадьба*) могли готовить как для праздника (обряда), так и для обыденной трапезы. Блины часто пекли не только из пшеничной муки, но и из пшенной. «Из пшана пикли. Абязательна. Вот у нас мама была, пакойница, вот ана абязатильна там скажит брату, сыну сваму сыну: “Да, нада бы блянов испечь. Да этава, проса, пшина нады”. Он абязатильна паедит на мельницу, мишок-два смелит. Зативают из пшана. А утрем ево падбивают [=подмешивают] мукой» [ЖЕС, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 82].

Распространенным блюдом был курник. Это закрытый пирог с начинкой «и с капустай, и с курягой, бывала с канфетами как-та пикли» [ЧТИ, с. Валгуссы; МИА Ф2001-16Ульян., № 40], «са свёклай, чай, бывала, да с кашей, да с капустой. С курицей — нет. Пирог он вот такой. Эта на плите вот такой вот — называцца “курники”. Четырехугольный, с начинкай. А с верхом тестам апять» [РЕН, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 54-56].

Открытые круглые пироги с разными начинками называли *ватрушками*. «Эта кагда делают вон круглый — накладёшь вон этай павидла, да вон эта. Наделашь палосачкав для красы-ти. Эта “ватрушкай” завут. Да делам, пастоянна. Чай, и раньши делали. С вареньям, с тварагóм, кагда карова есть. Замесим теста на смитани, на масли. У каво есть карова — что не пикли? Их пикли каждый день» [РЕН, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 54].

В изучаемом регионе еще в предвоенные годы одной из наиболее распространенных культур была конопля, которую использовали в первую очередь для получения пряжи. Ее семена добавляли в различную выпечку, их толкли и получали «молоко», которым поливали различные блюда, а также били из них масло. Для повседневной трапезы пекли *пышки* с конопляным семенем. «Был*а*, канапли-ти выберут — был*а* сем*я*-та многа! — пышки пикли с семям. Вот. Круглы, да. Да, вот таки, как липёшки. И их вот в семи — и ели. Вкусна была как! Так и называли их “пыш*и*чки”. Мама гаварит: “Я завтре пышки испяку вам с семям!” — “Мам, пики-и!” Напякёт. Талкли-и [семя], паливали. И суп билили. И картошку с семям жарили» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 50].

Если мать хотела побаловать детей чем-то вкусным, она готовила из конопляного семени *барашков*. «И делали эти, как йих, “барашки”. “Барашки” — эта я тибе щас скажу. Семя — наталкут семя, пасушут яво, п*ы*калят. Насыпат мам*а* семя сталчён*а*ва — ано как мука. И крош*и*т хлеба — мякишка р*а*жанова туды. И сту*па* — вот пястом талкёт. Да. Талкёт пястом, талкёт — и аттоль выжимат вот такии вот, вот такии вот “барашки”. Выжим*ает*, нажмёт йих. И ма-а-асла! Вот настряпат, настряпат: “Ешьте, рыбитишки!” Ани прям*а* с семям, но ани вкусны! А сем*я*-та паджарена, харош*а*, вкусна! Очинь вкусна!

Проста выжимат. Бирёт из ступы-ти и выжимат вот так вот. И на тарелку валит: “Ешьте, рыбитишки!” Едим. Как харашо ели! Да. Эта “барашки” назывались. Ну, как? Можа, в праздник, можа, ка*гда*, как магли, — дома, видима, так. Всю осинь» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 51].

Распространенными обыденными напитками были *брага, квас*, которые могли изготовляться также и для различных праздничных застолий (см. *Масленица, Казанская, Николин день*). «Бражку мы каку варил*и*? Мы варили бражку сладку. Хлебну. Эта на Маслиницу. Вот запариваш муку в печки там — чугун бальшой вота. Здесь делашь — эта называ*е*цца как “поспа”. И вот сливали иё, как эт — эта “сусла” апять называ*е*цца. Завад*и*ли и вот были карчаги такия вот, была карыт*а* вот так вот. Шесть карчаг паставят вот падряд. И вот делали эту — эта называлась у нас “брага”. На маслиницу, вот так. Хмель брасали. Хмель был — нимножк*а* толька. Ана ни пьяна! Ана то*ль*ка очинь пить приятна и йидрёна! Хароша! И сахару ни брасали. Эта, сваю “поспу” делали иза ржаной муки — ана сладка, сладкыя! Идёт эт сусла сладка! На масленицу делали. Вот и Казанска — на Казанск*ы*й делали. Эта *в*ить припасать к праз*д*нику долга эт всё. Вот. Житный квас делали. Квас — эт савсем друго*е*, житнай. К маслин*и*цы, к Казанска*й* — у нас вот ищ Казанска*я*! И вот наливашь — как пива. Вот налива*е*шь, пена — во-о какая! Э-эх, и хароша, чуда! Иё пьют, чуда! Нончи ни делают нихто. Ну, маладёжь, ани ни умеют» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 54, 55]. *Не навеселёное* сусло, полученное при производстве браги (в которое еще не добавили хмель), давали детям. «Уже гадов десять [ребенку] — можна есть. Пайдёт сусла — ни навесилёна. Рабятишки с хлебам ели. Он сладка. А хлеб-та какой, как калач был!» [ФЕИ, с. Валгуссы; МИА Ф2001-16Ульян., № 56].

Этот очень небогатый рацион в голодные годы еще больше сужался. В голодные годы готовили *тёрки* или *пампушки* из тертого картофеля (обычно мерзлого). «Пампу́шки. Вот эти картонным хлебом ставили на стол. С этим и гуляли. Голыд. Зачем [их печь], если не голыд. Мне вот щас давай сто рублей, я их ни вазьму в рот! А раньше тёрла картошку, все руки пратёрла — пёкла и ела» [ЧЕХ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 29]. В голод также использовали и дикорастущие травы, клевер, листья липы, из которых пекли лепешки — *латанки*, сережки ольхи проч. «А то ищо ели горьки лапухи — рипьи. Корни-ти рыли и жарили. Голад был страшный» [КРС, с. Б. Кандарать; ААА Ф2006-09Ульян., № 61–63].

А.П. Липатова, И.А. Морозов, И.С. Слепцова

ТРОИЦА

Троица наряду с Рождеством (см.) и Пасхой (см.) — один из самых больших календарных годовых праздников. Празднование Троицы начиналось за неделю до праздника и продолжалось на следующей неделе

после нее. Этим завершался цикл весенней календарной обрядности, использующей разнообразную продуцирующую, превентивную и прогностическую магию.

В Ульяновском Присурье во второй половине XX в. в некоторых селах (Валгуссы, Княжуха, Аксаур, Ждамирово), как и в других регионах России, обрядовые действия начинались в четверг перед Троицей, называемый *семиком* (см.). В семицких обрядах принимали участие дети и девушки. Девушки ходили в лес, чтобы на деревьях *венки заламывать* (завивать), *узлы завязывать*. На Троицу утром по состоянию завязанного в четверг венка гадали о будущем. В ряде сел (Коржевка, Новосурск и др.) гадали на венках на *Духов день* (см.).

С Троицей связывалась встреча весны, а проводы весны проходили через две недели «на Ярилу» (см. *Вёсну провожать*). «Троица есть Троица, а посли как Ярила была — чэриз две нидели. И вот хадили, значыт, вот Чэботаевка, там луга, и встричать вёсну туда хадили и праважают. Висилился народ. Гулянье, да» [СЛЯ, с. Аркаево, КАД, с. Алейкино; СИС Ф2009-09Ульян., № 25].

К Троице был приурочен обычай плести зеленые венки из веток березы. Сплетенные венки оставляли висеть на дереве до Духова дня (см.). «На Троицу вот завивали вянки на бирёзки. Прям вот падайдёшь к бирёзки, ну бирёзку находишь такую низиньку, вот памеришь [вокруг головы] вот так вот, ну ветачки-ти куды хошь йих, и завьёшь вот этак йих, завьёшь, как вянок и аставишь. Так ана на бирёзки висит. А кагда на Духав день пайдёшь йих в лугах пускать па ваде, сломишь» [СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 104]. «У нас завивали бирёзку вот там, вон на той гаре, кто там близка живёт. Ани в луга ни хадили, а завивали вянки из бирёзак. Там завивали, ана у нас называицца “вянóшна*я* гара”. Мы в луга, а ани на Троицу на эту гору вянки завивать» [ТМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-08Ульян., № 50].

Эти венки девушки приносили к реке и гадали, бросая их в воду. «Вянки бирёзавыи, бирёзавыи, наламают веник и савьют виночик, вот так вот, какой вота, и брасали яво в речку. Эт*а* на Троицу вили» [КЕА, с. Аргаш; ППС Ф2001-62]. «А винки вьют на Троицу. Из бирёзы, из бирёзы, бирёзавыи эта винки. И идёшь, из лесу идёшь в этам винке, идёшь из лесу и в воду брасашь йих. Если утонит, эта плоха, эта умрёшь, а ни утонит, значит эта хар*а*шо» [МНА, с. Проломиха; СИС Ф2002-02Ульян., № 45–47].

Повсеместно плели и яркие, многоцветные венки из полевых цветов. Их надевали на голову в качестве праздничного украшения. «Из цвятов делали разнацветнай. Ну, дапустим, ландыш белай. А рядам — листок, а там “курачка” — сининьки цвяточки у нас. Вот такой стеб*и*ль у них высок*а*й, и эта вот так вот акуратн*и*нька, красивыя цвяточки и галубиньки, всякии, харошии» [ТАП, с. Аксаур; ППС Ф2001-11]. «И из цвятов плили. Там “котики” каки-та были. Вот высоки ани, вот такии вот сининьки, красненьки, жёлтиньки эти цвяточки-ти. Ну, калакольчики были сининькии, жёлтинькии калакольчики» [КЕА, с. Аргаш; ППС Ф2001-62]. Выходя на улицу, девушка повязывала голову праздничной шелковой шалью, а венок надевался сверху. «Абвязкай,

ни развязкай. В шёлковых шалях. Вянок надёвашь на шёлкову шаль — и идёшь» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

В лес вместе с девушками, завивающими венки, ходили и парни. Иногда они подшучивали над девушками. Сорвав с головы девушки венок, парень надевал его сам, но потом возвращал хозяйке. Это было одной из форм ухаживания (см. *Матаниться*). «Ну, толька сплитёшь вот вянок, навесишь на голаву, жива падбягут — цоп! — и пашёл. Втарой начнёшь. Ну, так азаравали, то наденут сибе на́ голаву да пайдут» [БПЕ, с. Палатово; СИС Ф2000-05Ульян., № 84]. «Ну, шутили, канешна, шутили! Но ани апять атдадут, ни изламают. Ну, пускай сымут и апять атдадут, наденут» [КТП, с. Новосурск; СИС Ф2002-13Ульян., № 81-83].

В с. Валгуссы плели не только венок, но и «юбочку» из цветов. Ее завязывапи вокруг пояса и так ходили весь день. «Ишшо есть цвяты у нас в лугах, таки высоки, “гарчишники” называют яво. Он горький, яво скотина никака ни ест. А цвяточки больна хар*а*ши — калакольчики таки жёлты. Эта из них зачем-т*а* сроду вянки плили. Ани длинны, наламают их, сплятут цвятами, например, вниз, крючками плитёцца. Как юбачку сплятут. И на́ г*а*лаву делают, вянок савьют и яво вот так сабярут, свяжут из шиш*а*чкав — цвятов-ти свяжут, из этих цвятов. Асобинна гарчишник, он рана растёт. В это место [=на пояс] как юбачку сплятут. Вот ана длинна, длинны такея. Вот ана — вьёшь и вьёшь из канцов, а эти все висят, ровна, ровна, ровна. И вот так, как паясок, и ана, как юбачка. И целый день ходишь с этими... Так вот делали» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Из леса девушки шли с песнями к реке, озеру, роднику или пруду. «На Тройцу на́ г*а*ру хадили. Вот лес-та у нас нидалёка. Вянки завивали из бирёзы. Вот иё ламают и закрутя́т, и завязывыли. Вянок эт скрутют, чтобы он бальшой был, завяжут, наденут *яво*, идут аттоль с писня́ми, а тут был у нас пруд. Ну вот, кинут *яво*, *е*сли он утонит — то ты мала праживёшь. А паплывёт — он вертицца на адным мести — то ты ни памрёшь. Эт уж, бывала. Как старухи гаварили. И уж и мы стары, ну а была малодинька, эт я всё помню» [ТАЕ, с. Чамзинка; СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4 2003].

Толкования примет при гадании вариативны не только в разных селах, но и в пределах одного села. «С утра хадили, вянки заплитали пряма в самый день Троицы. Из бирёзавых кустикав, ветачки. На́ г*о*лаву надявают йидут, на галавах нясут йих. Вот с вянками йидут на Суру, пускают эти вянки. Ну, там гаварят: “Мой патанул, значит, што-т*а* случицца са мной, а твой — повирху”. Я гаварю: “А вы плитити яво, ну, лёгинькай, он, канешна, повирху паплывёт. А если яво накрутити целай выруча́лкай [=палкой], он патонит”» [КТП, с. Новосурск; СИС Ф2002-13Ульян., № 81]. «Эта на Троицу, паплывёт — прасватацца, ни паплывёт, эт*а* крутицца будит — девка будишь. У нас Сура тут, на Суре гадали» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «Вот эт*а* уж Настя-та Козлова, да тётка мая, вот, их вот, на*в*ерна, штук шесть что ль дев*а*к-т было. Ани девками, а мы-т*а* *и*щё

маниньки. У нас у а*т*ца сад был, и эта вязок, вязок [=вяз] был, и ани вот эт наламают [веток], из вязка сделают вянки и пайдут пускать на Троицу-та. И вот пайдут на Жёлту воду [=пруд], в воду вянки-т*а*. Ну, смотрят: если уж патонит — плоха, умрёшь, а как куды паплывёт, туда, знач*и*т замуж выйд*и*шь» [СМС, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

В с. Чамзинка девушки плели несколько венков и гадали на всех членов семьи. «Эта как дел*а*ли: вот я щас пайду и сплиту — эта для милава, эта для миня, эта для тяти. Вот я чат*ы*ри винка сделаю. Свой наденишь нá г*о*лаву, а эти — наденишь на руку. И запоминашь, каторый каму. И придёшь к пруду, вот, куда мы ходим. Вот: “Живой будит мой тятя?” Кидаю вянок на яво имя. Это яво вянок. Он плывёт. Ага, живой будит. На маму, на сибя, на милава дружка кидаю, все рядышком плывут, плывут. Ну, свой и жиниха вмест*е* кидашь. Если ани рядышк*а*м плывут, плывут и ни тонут — знач*и*т, судьба свидёт» [РАИ, с. Чамзинка; ППС Ф2002-53].

В с. Палатово девушки, придя в село, раздавали венки встречным. Последний венок девушка снимала с головы и бросала в пруд, гадая о будущем. «И вот начинашь их плести, там два, три вянка. Если мал*а*, ишшо сходишь нарвёшь веткав-та [клёна]. И вот бирёшь эти в*я*нки и нисёшь в сяло. Там этат папрос*и*т [=отдашь], другой папрос*и*т, сибе аставляшь, с галавы бирёшь — и в пруд» [АВД, с. Палатово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

К середине XX в. претерпел изменения традиционный обряд кумления. Девушки-подруги целовались не через венок, завязанный на дереве, а через венок, предназначенный для гадания на реке. В этом обряде могли принимать участие и парень с девушкой, которые в этом случае считались женихом и невестой: «Вот девушки с парнями вот венок держали и целовались и считались теперь родственниками. Девушки — кумы. Ну, а с парнем — чё уж тут — с суженым со своим. Да. При людях, при всех остальных. Ну, вроди как жених и невеста» [АВА, с. Палатово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Троицкий венок, служивший девушке украшением, после праздника вешали в передний угол и сохраняли до тех пор, пока он не засыхал. «Вот, например, если я адевала на г*а*лаву, прихадила вот, вешала в пиредний угал на гвоздик эт*а*т вяноч*и*к» [СМВ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-21Ульян.]. «Дамой вянок насили, пажалуй, из вады яво пайма*а*шь, пажалуй, и, прин*и*сёшь дамой» [КТП, с. Новосурск; СИС Ф2002-13Ульян., № 81-83].

В Ульяновском Присурье, как повсеместно в России, на Троицу украшали избы зеленью. Вечером накануне Троицы или рано утром ходили в лес за деревцами и ветками. Ветки берёзы, клена, рябины, черемухи или сирени прибивали к стенам, украшали ими наличники. Вдоль дома или около крыльца ставили деревца, принесенные из леса. В землю вбивали колья и к ним привязывали ствол дерева. «Пайдут мужики с вирёвычк*а*й в лес наканун*и* Троицы, наламают там клёнавых веткав, гваздочками набьют на прастенки с улицы. Весь дом украсют. Редк*а*ва дома нет. Набьют на дома-т*и*. Зилинó выглядит» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «У нас тя-

тенька ездил. Спицальна паедит на лисапеди, привизёт этих, бирёзкав, и вот окала дома натыкат. Прям бирёзки, бирёзки, прям бальших вот нарубит и натыкат пад акошкам, да у нас лавка сроду была пад акошкам, эт насядяцца [=рассядутся], а бирёзки-т*и* стаят. Красиво сматреть» [СМС, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003]. «Зилёны ветки натычишь вот в эти, в акошки вот, в к*а*сяки, а патом нарубишь вот толстых садов [=маленькие деревца]. Эта вбиваш в землю кол толстай, выняшь этат сад — со́дишь туда бирёзу или рибину или клён... А у всех идёшь парядкам, ну, красотишша такая, у всех сады, как правда бытта цвятут, эта растут. Ани ни павянут, их в ночь принисёшь» [ФЕИ, с. Валгуссы; ППС Ф2001-15].

У дома должны быть обязательно украшены ветками три окна. «Утром вставали рано-рано, дожидались этого праз*д*ника и шли, назывался у нас овраг Коку́й. Раньше не давали эти кусточки рвать-то, а дома-то все наряжали ветками, и вот раньше были, щас веранды и́дут, а то раньше крыльцо было высокое, большое. Даже вот топором рубили, прибивали гвоздиками, было красиво так. И сирень, и березу, и там ивняк был, и всякое любое дерево. Вот недавно только выдернула. Три окна чтоб обязательно было наряжено. Каждый год уряжают три окна. Бог Троицу любит» [ФВВ, с. Барышская Слобода; СЕВ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

После праздника, когда деревце высыхало, ствол рубили на дрова, из веток делали веники, а листья крошили в корм скоту. «Клён, бирёзку в сяло внасили. У акошкав яво наставляли. Клён, бирёзку. Иё втыкали, куст бальшой срубят. Пасохнит — убярут ва двор. Пирирубют иё на драва. Ветычки-т*и* — ани прямыи — веник свяжут. А листочки — скатине» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

В некоторых местах обычай украшать дом зеленью сохранился до сих пор. «А вот мы-т*а* ушли рана в церькву, а вот саседка-т*а*, ана ни ходит. Ана бальная, ана уж никуда ни ходит, а всё-т*а*ки, эт*а*, папрасила, вон у нас тут мушшина: “Вань, наруби-ка мне ветачкав, я акошки уряжу”. Вот на Троицу уряжала и нынешний год» [БЗФ, с. Ждамирово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 17, 2000].

Дом украшали не только снаружи, но и изнутри. «В избу занасили тож*и*, клёновы, так, малиньки кусточки. На стульи, в табуретки» [ФЕИ, с. Валгуссы; ППС Ф2001-15]. «И всё — и карточки, иконы, и всё, всё. Вот уделываш этими кустья́ми весь дом, всё уряжали. И *и*щё, это вот там, даже сейчас принято, в том году были на Троицу, посеют в садах траву и весь дом устилают этой травой. А здесь вот что-то мы не бросали» [ФВВ, с. Барышская Слобода; СЕВ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

В с. Кадышево иконы украшали «кудрями» из тоненьких березовых веточек, очищенных от коры. «Бирёзки, ламали прутик и завивали как кудри. Вот сломишь бирёзавую ветачку, иё аблупишь и завьёшь. Ана калясом завьёцца. Иё выбираш такую, кудрявинькыю, и завьёшь, визде калёсики, как спирали. Кудрями. И ана засыхат и долга держицца. И с другова боку. На Троицу мы хадили в лес, вот и делали. Их дажи к иконам клали. Как

игрушки делашь. Три ли кустика сделашь, читири ли, и вот так их все завьёшь. Ана красива, ани белиньки. Ана, эта самая ветачка, ана делацца кудрява» [НМН, с. Кадышево; СИС Ф2003-11Ульян., № 103].

В избе вешали праздничные полотенца. «Палатенца, бывала, в избах павесют. Самотканы-т*и* вот разукрашены — с питухами там, расшиты. У икон, на прастеначки на всё навешают, на па*р*треты навесют. Скатерти на стол расстилали, пускай с*а*мадельны...» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Церковь на Троицу также украшали зеленью. Священник освящал весенние травы и раздавал их прихожанам. Освященную зелень приносили домой, ставили в воду, а когда она высыхала, использовали как лекарственное средство или подмешивали в корм скоту (см. *Духов день*). «В церькавь насили цвяты, там нарвут букеты, букетами в воду паставят. Хадили па цвятам, и по́д наги накладывают эта, на полу-т*а*. Иногда уж сырень расцвитёт. В церькву натаскают сырень, кладут ветки и па ней ходют. Эта была. Асвищённу траву принасили дамой, в воду ставили, ана долга стаит. Да той пары доржут, кагда уж он савсем извянит. Патом куды-т*ы* старухи прибирали асвящённы цвяты. То ли вот кто заболет — или заваривали иё, дитей купали...» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «И травы давали. Эта в церькви. Асвящённа. А травы я — парасёнку, у миня — где куры. И раныш*и* так делали» [ММН, с. Валгуссы; МИА Ф2001-13Ульян.].

В с. Проломиха сохранялся обычай до Троицы не косить траву. «Да Троиц*ы* траву ни косют нихто. На Троицу накасили, в церькву *у*же привизли, на́ пал накидали. Вот так вота. Да Троицы траву ни трогать нигде. Эта абычай старинный был» [ЕТП, с. Проломиха; СИС Ф2002-01Ульян., № 27-30].

После праздничной церковной службы начинались поминальные обряды на кладбище (см. *Поминки*). В начале XX в. ходили на кладбище в субботу перед Троицей. На рубеже XX—XXI вв. время обряда поминовения во многих селах сместилось на воскресенье. На могилах устанавливались кусты, подобные тем, которыми украшали избы. Около могил расстилалась клеенка — накрывали «поминальный стол». Поминая близких, угощали соседей и всех, проходящих мимо могилы. «На Троицу абычна все хадили на кладбишши. И шшас ходют. Ну, эта там была память усопших. Насили эта на Троицу на кладбишши, паминали сваех радитилей. Кто плакал, кто чиво. Насили пираги, яйца. Вобщим, чё есть. Ветки зилёные ламали, н*е*сли на кладбишши. Сичас эта вот кустов многа, а эта счыталасъ Троица — праздник зилёнай травы. Вот. Ламали кустики и втыкали каждый на сваё кладбишша [=на могилы родственников]» [СВА, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 17, 2000]. «Сырень ламали, ну и бирёзу ламали, чирёмуху ламали и на кладбишше насили. И магилы украшали, насили, эт*а* была. И шшаас, да, да, шшас кустики-т*а* втыкают в магилки. Втыкают кустики. Ну, шшас больши-т*и* вянки пакупают, уж стали побагач*и*, цвятов нясут, а раньш*и* этава не была, раньши вот кустья́ насили, все пайдут на Троицу, вот все с кустьями йидут» [НВА, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 17, 2000]. «На самом

кладбишше расстилали клиёнки, вроди как стол накрывали для пакойни*ка*в, и угошшали прахадяшших друг друга» [АВА, с. Палатово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. В некоторых селах во время поминок на кладбище пели духовные стихи (см. *Душу провожать*, *Поминки*).

Некоторые сельские жители считают, что поминки на кладбище в день Троицы — грех, так как в соответствии с церковными правилами для этого существуют специальные дни. «А видь запришшино на кладбишше эта, я сроду б ни при*жи*ла этава. Иди “на радителей” на кладбишше, а ни на праз*д*ник» [ЖАВ, с. Палатово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. В с. Княжуха и Новосурск поминки на кладбище проходили в субботу накануне Троицы. «Семик, а потом родительска суббота, мы ходим на кладбишшэ. Я к родителям ходила в субботу, я уж ничаво ни делала. У миня всё: и пол я вымыла, накануни в бани намылась, блинов напасла, яички, канфет. Всё — на кладбишше» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «В воскресенье Троица, в субботу ходят у нас на кладбишше, — “радители”. У каво чаво есть, всё нисём туда, идём на магилу. Там канфеты, пиченья бирем, сваво пиченья нисём, всё нисём на клладбишше. Вот щас туды приходим, ну служат тама, служба, туды приходим, пасидим. То сделам хлебныва квасу, а сичас больш*и* бирём бутылки лиманаду. Садимся, примерна, я скажу пра сибя. Вот садимся, у миня тут плимянник с жаной, вот — Маруся, ну, каки*и* там саседы, садимся у магилки, примерна, я сваим угащаю, ты са сваим идёшь ка мне: “Айдат*е* ка мне, на нашу магилку”. Садимся *о*кала магилки и кто чаво — па*е*дим. Дамой приходим, эт аставлям тама, што паложим на кладбишше. Щас вот приходим с клабишшав, вот Маруся [соседка] скажит или я: “Айдат*е* ка мне, чайку испьём”. Эт*а* уж, чаво уж есть на ст*о*ле, чайку папьём, эт*а* мы уж врод*е* радителей всех там памянем и дома» [ГАМ, с. Новосурск; ЧМП Ф2002-30]. Однако в большинстве сел Ульяновского Присурья поминовение усопших в день Троицы сохраняется до сих пор.

После посещения кладбища все выходили на улицу. Начинались троицкие гулянья (см. *Гулянья*). В каждом селе для этого существовало определенное место: на центральной улице села, на дороге вокруг села, у кладбища, у родников, на берегу реки, в лесу на поляне, на горе, на лугу. «На Троицу всё сяло идёт туды, к кладбишшу, на гулянья» [IПСС, с. Ждамирово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 17, 2000]. «Идёшь ва всю ул*и*цу, вот дайдёшь туды да каньца. Сверьху йидут на Низ, а патом всей гурьбой йидут на Верьх. Эт там вирховы, а эти низовы. Ну вот, наверна, встричались што ли мы этак как-та, и вярталисъ туды...» [ТАП, с. Аксаур; ППС Ф2001-11]. «У нас вот там, где гара, где на кладбишше, вот там маладёжь гуляли, вот... Да магил даходют, да кладбишша и абратна, д*а* маста. И вот так вот хадили» [СМВ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-21Ульян.]. «Гуляли в аснавном вот здесь на Бирезничках. У радников у всех. Радников здесь очень многа. У радников гуляли, кто пастарши» [АВА, с. Палатово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Сабяруцца девушки все кругам, сабяруцца и пайдут к Аргашу [=название реки], песни пают» [КЕА, с. Аргаш;

ППС Ф2001-62]. «Вот на гаре, в лясу кругла была паляна. “Круглинька”, мы иё звали. На “Круглиньку” хадили» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «В луга хадили, тол*ь*ка ни я вот, а мая систра са сваеми вот падругами, я ишшо падростка была. Ну, с кладбишшав при́дут и йдут на луга девки с рабятами маладыми» [ААМ, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 17, 2000].

Девушки из с. Астрадамовка. Конец 1950-х гг. Фото Р. Покщаева

В гуляньях одновременно могли принимать участие все жители села независимо от возраста и пола. Но собирались на гулянье в определенном порядке: впереди шли ряженые, как правило старухи, за ними — девушки в венках, следом — парни с гармошками. «Хвостом» бежали дети-подростки. Старухи рядились в старые сарафаны, надевали лапти, иногда наряд делался просто из старого тряпья (см. *Наряженными ходить*, *Барыня и кавалер*). Процессия проходила из конца в конец улицы и обратно. «На Троицу в аснавном нарижались, хадили, вот нарижались все в старинну-т*а* форму, я уж помню — вот нарижались. Сарафаны каки-та, ани блистяшши каки-та были, и зилёные, и эта, значит, всяки... Вот тетя Марька-т*а*, ана сроду, “барыней” ана нарижалась. “Барыня” и шшоки накрасит, губы накрасит, брови навидёт, знашь, эт каку-нибудь шляпу сделат, вот в этих су́княх, в бывалышных — эт*а* “барыня”. И вот тёть Марька-т*а* Варивошина, ани выходют, а за ними, значит, памладши, ишшо младши... Ани все самы стары, и всё сяло сабирают сверьху на низ, снизу наверьх. Жэншшины, за ними девки. Рабяты тожи хадили с гармошкай-т, вот Колька Карчагин, пакойн*ый*, он всё

время с гармошкай хадил. Ванька Арсенькин, он же в этим, в хараводи играл. Женшшины нарижались, а девки в вянках шли. Вянки из клёна. Ну нá г*а*лаву, бывала, сделашь вянок и в этих вянках идёшь ва всю улицу» [ТАП, с. Аксаур; ППС Ф2001-11]. «Нарижались в лапти, в трипьё, как скамарохи вот такия. Иль вон в старинны сарафаны. Ну, интиресна, забавна. У нас вот аттуда шла, называли иё Машанишка, старушка. Ей идёт. Эта видь тожа, каму идёт. И скажит интиресна, и наряжина. Кому што идёт. А эта — проста глядеть харашо. А у ней дочка была Катинька. Ане ведут весь празник. В лаптишках выйдут ане плясать, чачётку выбивать» [ЖАВ, с. Палатово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Ряженые на Троицу могли называться так же, как и святочные. «Даже наряжались ищо на Троицу "святками". Ну, один день только "святками" наряжались. Ну, "святками" летом, Троица вот как Троица. Ну, а щас вот на Троицу вобше не рядюцца» [РВД, с. Сурское; СИС Ф2007-01Ульян., № 69].

Всем селом ходили на гулянья и в лес. Здесь располагались отдельными компаниями и устраивали праздничную трапезу. Для этого приносили с собой лепешки и крашеные яйца. «Мы на прасёку хадили. Туда многа прихадили — и девки, и мужики, и бабы» [КЕА, с. Аргаш; ППС Ф2001-62]. «Всё сяло там. Ат старыва д*а* малыва. Все везде кружкáми. У всех сва*е* кампании» [ЖАВ, с. Палатово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Еду с сабой брали, каку там, кто как, *я*ичкав брали варёных, липёшкав» [ФЕИ, с. Валгуссы; ППС Ф2001-15]. «Яйца, чать, с сабой брали краш*и*ны. Красили лушными [=луковыми] перьями. Ишшо листья ат веника. Ани зилёны» [ММН, с. Валгуссы; МИА Ф2001-13Ульян.].

Иногда во время гуляний сразу разделялись группы молодежи и людей старшего поколения. В таком случае начинали гулянье старшие. «За кладбишшем гуляли. Сначала те, кто постарши. Патом — средний возраст, а маладёжь уж патом» [АВА, с. Палатово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

В с. Валгуссы женщины среднего возраста устраивали складчину и шли на мост, где происходила общая трапеза. «Вот на масту вот сюда зайдут. Вот мост тут. Вот на этат мост пайдут. Кто чаво принисёт: липёшки, кто чаво напичот. И самагонки. Гуляют, складчыну делают. И гуляли. Женшшины, мушшины-т*а* мала хадили. То*ль*ка Ванька адин гарманист-т*а*. Вот хадил адин то*ль*ка. Женшшины — лет триццать. Вот такии. Замужнии женшшины» [ММН, с. Валгуссы; МИА Ф2001-13Ульян.].

В с. Ждамирово шли отдельно навстречу друг другу девушки и парни. Парни издали высматривали себе пару: «У нас вот гара, где на кладбишше, вот там маладёжь гуляли, вот... Да магил даходют, да кладбишша и абратна — да м*а*ста. И вот так вот хадили, вот. Падцепаюцца девушки, йидут ряд*ы*м. А им навстречу йидут парни, тож так пад ручку. И вот, знач*ы*т, высматривали сибе нивестав, вот так вот». После того как шествие с двух сторон соединялось, молодые люди распределялись по парам, и гулянье продолжалось. За взрослыми всегда следовали дети: «Взрослые-т*и* йидут

парами впириди, а мы — сзади, канешна, йидём. Сзади — малиньки. Хвастом. Скока нам была лет? Лет тринацать-чатырнацать» [СМВ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-21Ульян.].

В троицких молодежных гуляньях в большинстве случаев принимали участие как девушки, так и парни. К ним иногда присоединялись молодые женщины: «А маладёжь, мы вот в лес хадили. Этака была паляна Круглинька, на эту паляну. И де*в*ушки и парни. Малодиньки бабы хадили. Шли кажда са сваей падругай. Караводам» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Маладыи де*в*ушки хадили в лес с рабятами. Эта в лес. Вот у нас на Вышку хадили — ана высо-ока у нас» [ММН, с. Валгуссы; МИА Ф2001-13Ульян.].

В с. Аргаш в троицких гуляньях принимали участие только девушки. «Парни ничаво ни делали, адни девки хадили, парни ни хадили. Девки-т*а* хадили па Цинтральнай [=улице]. Туды больши хадили. Там вон туды на ту гору хадили» [КЕА, с. Аргаш; ППС Ф2001-62].

Большие гулянья устраивались между селами. Например, на лугах за Сурой собиралась молодежь (включая молодые супружеские пары) с. Кадышево и Котяково. «Адна маладёжь. Гуляли. Да, да. Ездили чириз Суру. Катяковски к нам, мы в Катякова, вот па лугам-ти. Гуляли, песни пели. Народу очинь многа бывала. С гармошками, гулянья йидут, рабяты, девки, смиюцца, шутют, с гармоними, пляшут, пают. В лугах вон, за Сурой, как была висилья, там лужок. Да, все там. Рабяты шутили, смиялись, с гармошкай были. Какая-та бы́ла радасть. Ну, эта была здесь вот, на берягу. Была тут народу! Присядатиль [=председатель], все, какая-та тарговля, и вот тут вот танцы были. И всё тут была. Как-та была интиресна, танц*а*вали, плясали, играли. День вот эдакый был тёплый, хароший, как-та радасть» [ДВС, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян., № 1–5, 7–8]. «Троица, праз*д*ник у нас есть Троиц*а*. Вот на ниё гуляют. Праз*д*нуют иё. Ходют вот маладёжь все с гармонями в луга, у нас видь вот за Сурой тут. Плясали, песни пели. Шла эта артель из Катякова вот схадились артель с артелью. Сайдёмся вот там вот, как вот гал*а*к литят тучи, — и мы! Аттоль йидёт артель, и: "Вон Катякова идёт! Катякова!" А там Кадышива встри*чают*. Встретимся друг с дружкай, вот тут плясали — йих*а* артель и наша артель. Выходит гарманист, игра*и*т, плясать выходишь» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 48, 64].

В этих гуляньях принимали участие не только жители Котяково и Кадышево, но и молодые люди из мордовского с. Налитово. Во время сенокоса выходцы из Мордовии жили в лугах, прилегающих к с. Котяково, и приходили на совместные гулянья. «Ага, Троица. На Троицу — за Суру. Девки, рабята, с гармошкай! На луга вы*й*дут, там цвятов нарвут, вянки навьют. На лугах там эти, кадышивски, придут с гармошками, вот вмести на лугах-та. Песни пают. С мардвой. Мардва, налитавски. Вот тут за Сурой-та Мардовия, ане приижжали синакосить, луга бальшии, ане прям жили на лугах. Как там ане синако́сиют, веч*ы*рам, ага, идут в сяло к нам. Ане к нам прихадили, и мы к ним в луга ва время синакоса. Эта ка*г*да дожжич*ы*к если

прайдёт: “Айдати к налитавским!” И апять вот тол*ь*ка песни да пляски» [МВД, МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-05Ульян., № 11-12].

Участники гуляний надевали праздничную одежду. На девушках были специально для этого случая сшитые светлые платья (преимущественно белые), в косы вплетались яркие ленты, голову украшали маленькие букетики цветов. Парни выходили в подпоясанных белых рубашках, на голову надевали фуражки. «Де*в*ушки надёвали белые платья убзательна. Вот. А рабяты надёвали брюки и белую рубашку с пояс*ы*м. Де*в*ушки абычна с каса́ми были. Проста — густыи косы нараспусток, распускали косы. А стрижиных мала была. Ишшо бирюзову ленту, банты вот такея вот. Цвиты, цвиты такея вот, каторы растут вот дома, букетики вставляли в воласы на галаве, вставляли белинькии, розавинькии букетики де*в*ушки вставляли» [СМВ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-21Ульян.]. «Нарижались. Платья, у ка*в*о юбки, кофты надявали нарядны. С косами, лента в косах, тольк*а* таки были. Каса заплитёна, лента в ней. Все с косами, у нас стрижены-ти ни больна давно па*я*вились. Гол*ы*ву павязывали, белы были платочки-т*и*» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003].

Во время гуляний пели протяжные песни. Наряду со старинными хороводными (например, «Ты рябинушка, бел-кудрявая» в с. Палатово) звучали и советские массовые песни. Как только процессия останавливалась и образовывался круг, гармонисты начинали играть плясовые и частушечные наигрыши, а девушки выходили в центр круга с пляской и пением частушек (см. *Плясать, Припевать*). «Пели всякии и песни длинны пели. “Патиряла я калечка” пели там и ишшо разныи пели, я уж забыша все песни-т*и*. Да. Ну, эта в лясу любыи пели, какии на разум придут, всяки пели: и “Катюшу” пели, ну каки*и*, каки*и* на разум придут, всяки пели, караводы сайдуцца вкруг народу, пляшут и пают. Кто-та в кругу пляшит. А другии глидят, стаят — глидят. Плясали “падгорную”, “симёнавну”, “елецкай”» [ТАП, с. Аксаур; ППС Ф2001-11].

Когда на гулянье приходили молодые люди из соседнего села, начиналось состязание гармонистов и частушечниц. «Из другова сила йдут маладёжь, девки, рабяты. Кто больш*и*, кто луччи играт в гармошку, кто каво пир*и*паёт» [ЦАД, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Празднование Троицы включало в себя молодежные пирушки с яичницей и устройство плясок. «“Гуля́лища” сабирались все эти улицы. Сталы, бы́ла всяво. Ну, вот на Троицу. Дивчонки все. Самагоначки снисёсси, и вот стряпам, и гулям. Па иичку или по два слаживались. Ка*г*да глазунью, а ка*г*да такую, с малаком. Иишница. Глазунья биз малака, пажалуй, глазунья-та. На са́му Троицу. Народу! Гармонь, пляшут. Катора ахота, гуляй, принаси да пей. И рабяты-ти прихадили гуляли жи. [В лес] хадили вот на Троицу» [ТМИ, с. Первомайское; МИА Ф2001-11Ульян., № 82]. «Троица вот, мы, бывала, какуюнибудь канюшню, канюшню или дом какой-та за[брошенный] этат, уря́дим там, намоим, и вот яишницу. Эта вот, ой! Запах пряма вот! Эта вот какая-та асобая яишница. Вот иё сделам в глиняной в какой-нибудь чашки ninужнай,

с малаком. И эта вся маладёжь там паём, пляшим! И эта вот яишница. Вот Троицу праз*д*нуим, помню я вот ни зна*ю* как. Лет шаснаццать вот мы были. Чать, раньши, госпади, да шаснаццать-сямнаццать глу́пы были. Канешна, там прихадили мальчишки. А то бальшинство как-та адне дивчонки Троицу-та эта праз*д*навали. Девчата адне праз*д*навали, без мальчышкав» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-01Ульян., № 54].

В пос. Сурское пирушка устраивалась детьми, она разделялась на две части: устройство ссыпчины и *вождение куста*. Утром дети и подростки делали во дворе какого-либо дома «круг» из веток наподобие шалаша, в котором и устраивали угощение, пение и пляску. «Вот кагда Троица была, первый день Троицы, раньши ссыпались все: все дивчонки, мальчишки с нами — па восимь лет, па девить лет была, па десить лет. Вот эдакии вот были. [Ссыпались] малинькии, да. В лясу нарубим арешнику, клёну — вот у двара, бывала, круг делали. В землю втыкаит манинььку палачку и привязываит арешник к этаму колышку. А тут как вроди дверцы. Захадили. [Орешник] высокий, да, метра два. Загараживали круг и в кругавую вот эдак вот лавачки. Стулья, лавачки, эта мы уж из дома принасили. И стол паставят, скатирть пастеют. И принасили квасу, рюмычки, семичкыв — у каво чаво есть — канфетычкав, пряничкав, пиченьица. Вот эта раньши угащали. Ссыпались — многа девачкав. Тут хадили, пасматреть прихадили пално народу! Старыи-ти интирисавались, как мы прыгам. <...> Падгорна, барыня — вот эта всё, вот эта раньши барыня да падгорна. То с балалайкай — будут играть, то в гармошку кто придёт, кто играит с нами там. Рибята, рибята. Пели мы все, плясали и пели. Там поличка, падыспань, кракавяк — вот эти вот мы танцавали. Патом все вмести начнём плясать. В кругу, да. И хадили па гастям. Идём в кругавую, пляшим.

Тут шла, там шла,
Туфли запылила,
Каму зятя разыскать,
Каво я любила!

Ни шуми, ни груми́,
Сильный дожжик идёт,
Ана мая чирнабровая
Пусть да дому давидёт.

Вот эдак вот мы пели песни. Вот в следущую улицу идём, там тожи нас встричают. Угащают вот квасам, семычками, пиражков кто напичёт, булачкав маниньких. Вот нас угащают. И плясали все. И ане и мы — все вакруг пляшим, прыгам. Были рибятишки, вот наши таварищи, улишны. Толька што сваи, саседи. Раньши видь ни ругались, ни матирились, ни пьянствывали — ничиво! Так была всё спакойна».

К вечеру наряжали небольшое деревце (*куст*) цветными тряпочками и сладостями и пускали его в Суру. «Вечирам идём куст нарижали. Манинькый такой кустик. Ну, дуб, арешину можна, липа. Тряпычки, лентычки, канфетычки вешали на этыт на кустик. Вот такой вот кустик [=1,2 м], кудрявинький. И вот яво нарижали. Каждая девачка принасила лент*ы*чку, там канфет*ы*чку, прян*и*чик, и увешивали. Идём все вечирам правaжать на Суру. Вот куст пускаим па Суре яво. Он паплывёт, а мы паём:

Пращай, куст,
Пращай, малина,
Пращай, мамынька радима.

Вот эта мы с кустом пращались. <...> Вот эта я ни помню, пра Троицу пели.

Пращай, куст,
Пращай, малина,
Пращай, мамынька радима.
А патом:
Тут шла, там шла,
Туфли запылила...

Вот эта пели и расхадились дамой. <...> [Не разряжали] нет, нет, прям так пускали в воду, он паплывёт па Суре. [Не тонет] нет, нет, он лёгинькый. Лёгинькый кустик. Он так и паплыл, а мы пляшим, вазли берига стаим все. И мы дамой пашли» [ЕАМ, пос. Сурское; МИА Ф2000-21Ульян., № 47–54].

На Троицу во многих местах устраивались кулачки между мужчинами разных сел или отдельных улиц (см. *Кулачки*). «И был праздник Троица, сабираюцца вот эта улица — эта улица. И начынацца драка "па-любови". "Па-любови" — тут уж ни суда, ни чаво. Как бы он тибя ни изуродывал, всё, любовь есть любовь. Ладишь ты с нево драцца, сладишь — иди, ни сладишь — ни хади» [САИ, БАИ; с. М. Барышок; СИС Ф2009-13Ульян., № 84]. «На Троицу у нас уже сабирались в лугах, луга были там, и вот са всех диривень сабирались на Троицу, и в эти луга. Вот празднавали эту Троицу, и плисали, и всё. А патом начинали, атдиляюцца: там эта диревня, там эта диревня, сначала малинькых стравливали бароцца, патом начинали уж*е* взрослыи» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2009-29Ульян., № 78].

Около с. Шеевщино в кулачном бою сходились местные и жители мордовского с. Хмелёвка. «На Троицу раньши, шшас вот нету, здесь два сила — Шевшшина и Хмилёвка — мардва на гаре. И вот на Троицу ане дрались — сяло на сяло. Съежжацца сюда маладёжь вся иза всех сёл и вот маленьки таки замучáют [=начинают драку] и даходит да мужиков — стина нá стину, сяло на сяло. Как дируцца — ой! Лижачых ни бьют, стина дальши йидёт. Кто каво в сяло загонит. Нарядны, с гармонью. Милиция — ничаво. Балели все — русские за русских. Мардвам — мардва памагали» [ПАА, с. Араповка; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 17, 2000].

Бои продолжались в течение трех дней, начиная с праздничного воскресенья. Посмотреть на бойцов сходились жители окрестных сел. Соперничество не мешало совместным гуляньям на лугах. «А на Троицу схадились с мардвáми. Троица, да, эт дяруцца, да, да, да. С мардвами. И драка, и гулянья — там с мардвами. Шевчина — на Хмилёвку. Вот у нас тут Хмилёвка. Три дни хадили. Значит, Троица в васкрисень*я* начина*цца*, три дни ходим вот веч*и*рым сходимси на луга. И Арапывка, и Цыпывка, Ширшовка — эт все — и Ждамирыва, и Ялховка — все съежжались вот к нам на эти луга. Ой, сколь народу, вот шшас то*ль*ка и вспаминать» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-12Ульян., № 84].

В с. Ждамирово и Сара до 50-х гг. XX в. сохранялся обряд *Похороны шута* (см. *Шута хоронить*). Аналогичный обряд в с. Б. Шуватово назывался *похоро-*

ны Ярилы, в с. Новосурск — *похороны Андрюши*. Обряд имел ярко выраженную аграрную семантику. В соответствии с одним из вариантов обряда, шут — соломеное чучело, с которым в день Троицы женщины проходили по деревне. Процессия сопровождалась громким притворным плачем и причитаниями. Подойдя к реке, участницы обряда бросали чучело в воду и присоединялись к общему гулянью: «Из саломы, из саломы сделам шута, такую куклу. Нарядим ёво, всё, и йидём, плачим. Да, с плачим, причытам: “Вот, куда сабралси, да зачэм уходишь от нас?” Данисём там да речки и ёво растреплим. Растреплим и аттуда уж идём висёлы, с писнями всё. Эт*у* салому-т*у* там в речку-т*у*, в речку, и ана уплывёт» [ГАА, с. Ждамирово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 17, 2000].

Во многих селах до второй половины XX в. красили яйца всю весну от Пасхи до девятой пятницы на троицкой неделе. До этого дня девушки выходили на улицу *в яйца катать* (см.). Парни собирались отдельно и играли *в орлянку* (см. *Орёл*). «Да дивят*а*й пятницы яйца краш*и*ны. Спросишь: “Мам, а па сколь *я*ичек?” — “Да дивят*о*й пятницы пó два *я*йца. На дивяту пятницу — па *я*ичку — и всё, хватит”. Ну, девки играли в мяч. Сашьют из тряпкав мяч, ну, круглый мяч из тряпкав сашьют. И катали мяч. Мяч катнёшь, п*а*падёт в *я*йцо. А каторы заядла рабята, в деньги уваливали, играли. Вот в арлянку. Ну, вот сколька там: семишник или пятак. Вот щас круг сделают: “Давайти!” Встанут крýгом. Ставят нá кон. “Ну, на сколька ставим?” Там, кто па десить капе*и*к. Ставют — и вот мечут. Эта вот рабяты» [РАИ, с. Чамзинка; ППС Ф2002-53].

На Троицу в центре села сооружались карусели. «На Троицу дел*а*ли самадельны карусели. Вот вро*ю*т столб, сверьху — калисó ат тилеги. К этаму калесу прикрипл*я*ют жердь длинну. А там на коньцах ани вирёвки сдела*ю*т, ну, как кóльцы, ну, садисся, как качели. И вот рабяты вазьмут кольи и вот кал*е*со как раскрутят! А ищё маненька, ежел*и* катора, вот ты позявашь [=покричишь]! Ана вот, толька жди, за землю заденит... И катались» [УЗИ, с. Б. Шуватово; ЧМП Ф2003-29].

В с. Новосурск взрослые выходили на троицкое гулянье отдельно от молодежи. «Так же делали кампаньи, вот так. Пели, бывала, пели. Женшшины, мушшины, эта я имею ввиду уж взрослыи, хадили, бывала, хадили па улиц*и*. Такии пратяжныи песни идут и пают. Ну, если игра*а*т гармошка “падгорнава” там, чаво ли, вот эта каротинькии, пляшут. Кто пажилыи, сидят у дваров, слушают как пают». [КТП, с. Новосурск; СИС Ф2002-13Ульян., № 84-85].

К вечеру собирались на *беседы*. Начиналось перегащивание (см. *Застолье*), которое могло длиться целую неделю вплоть до троицкого заговенья. «Дома “биседай” сабирались. Женшшины и мужшшины» [ФЕИ, с. Валгуссы; ППС Ф2001-15]. «Пираги пикли курники, с яблыками, с лукам, *я*ичками, с мясам. Чай, биседа сабирацца. Родствинники, знакомыи, саседи... Дамов шес*ть*-семь всю ниделю гуляли. Нынч*и* у миня, завтра — у другова, потом — у третьива...» [ММН, с. Валгуссы; МИА Ф2001-13Ульян.].

В с. Княжуха Троицу считали «строгим» праздником, так как на троицкой неделе часто бывают грозы, опасные для будущего урожая. «Троица эта строга,

ана всягда, на ниё што-та бываит. Ана страшна всегда — Троица. Вот у нас на Духов день вот всё пабила. Пабила у нас всё, у нас был ливинь. Всё в агароди-та у нас палажила, смыла. Град у нас вот на речки, па агароду такая вада. Троица, ана всягда страшна, нам *и*шшо мама, бывала, гаварила, *и*шшо на Троицу хляба были вот такие, град был, всё пабил, все окна. Ну, Троицу нада бояцца, ана всягда очень страшная» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

М.П. Чередникова

ТРОИЦКОЕ ЗАГОВЕНЬЕ — см. Вёсну провожать

ТЮТЮШКАТЬ

Уход за детьми в младенчестве (*нянчить, тютю́шкать* — с. Новосурск, Проломиха, Б. Кандарать, Чумакино, *туту́шкать* — с. Барышская Слобода, *люлю́кать* — с. Чумакино) включал в себя множество игровых моментов. Характерной чертой игрового общения с детьми (см. еще *Баукать, Прибаутки*) является сочетание простых форм движения, выполняемых взрослым вместе с ребенком либо самим ребенком, и коротких рифмованных приговорок или песенок — пестушек и потешек. В традиционной культуре Присурья нет отдельного термина для их обозначения, что отражает синкретическую природу детского фольклора: в зависимости от ситуации один и тот же текст мог использоваться с противоположными целями (например, для баукания или для развлечения, пляски).

Пестушки начинали широко употребляться в воспитании детей примерно с полугода, когда все более длительным становится период бодрствования и когда малыш активно стремится к общению со взрослым. Несмотря на свою незамысловатость, они играли чрезвычайно важную роль в умственном развитии маленьких детей, создавая эмоциональный контакт со взрослыми, без чего немыслимо нормальное психическое и физическое развитие ребенка, особенно на первом году жизни. Это хорошо осознавалось и самими носителями традиции. «Всё были, всяки*и* вздума*а*шь пригаворки. Штобы развивался рабёнак, развивался» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 113].

Ритмически звучащая речь или напев закладывали основы будущей способности к стихотворной и музыкальной импровизации в рамках традиции. Так же как и все жанры детского фольклора, пестушки связаны с фольклором взрослых системой поэтических образов, символикой, представлениями об эстетическом и этическом идеале.

К пестушкам примыкают разнообразные игры взрослых с детьми, а также подшучивания и розыгрыши (см. *Подшкунивать, Шутить*), которые выполняют в воспитании аналогичную функцию: развлекая ребенка, постепенно формируют у него необходимые для взрослой жизни качества.

С маленькими детьми *водились* чаще всего не матери, которые были заняты на работе и на плечах которых лежало хозяйство, а члены семьи, уже вышедшие из работоспособного возраста или его еще не достигшие. «Если не с кем манинькава рабёнка аставить, а каторы*и* павзраслеи-та [дети] есть, с ними аставляли» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 69]. Таких людей называли *нyньками,* и это название оставалось за ними потом на всю жизнь, даже когда их подопечные становились взрослыми. О том, какими няньками могли быть дети, говорят следующие воспоминания. «“Палажили, гаварит, тибя на биряжок, и ты, гаварит, уснула. Пришла дамой-та — ой! — у миня рабёнак астался на речки. Пришла, гаварит, ты спишь харашо”. Так и щас я иё няней заву. Ну, па саседству раньши жили. <…> А ищо адна саседка [рассказывала]. “Сабрались, гаварит, мы рыбу лавить туды на речку (вот там манинькая ричушка тикёт), тибе, гаварит, па жопе нахлопали, нахлопали, пад лавку затискали, пад эту пад скамейку, а сами-ти убижали — спи, как хочишь”» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 71-72].

Все гигиенические процедуры, проводившиеся с ребенком, обязательно сопровождались рифмованными приговорами. Так, когда малышу меняли пеленку, то расправляли ему ручки и ножки, вытягивали их, гладили по спинке и животику со словами «потягушеньки-порастушеньки». «Вытягывали яво, паложишь вот так на койку: “Патягушиньки, — гладишь, — парастушиньки”. Гладишь яво вот так [=вдоль спинки]. За ножки, за ручки. Он патягивацца, гладишь кагда» [ПМТ, д. Малиновка; СИС Ф2001-21Ульян., № 4]. «“Патягушиньки, патягушиньки”. Кагда гладили ево, кагда уж он большинький, месицив пять, читыри, вот так, эта гаварили. “Слышу́шиньки. Расти. Расти ножиньки, расти ручиньки, будь умна́ галовушка, как салавей-саловушка”. Вот так вот перибирали» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 85].

«Я вот, вот гладишь, вот прям па животику, кагда он праснёцца вот, па животику-та яму ат плечыкав да ножкав гладишь и пригавари*ва*ишь:

Холстики-толстики,
Тинитися, билитися,
На лавачку кладитися,
Мамке — холст,
Папке — холст,
А тибе сабачый хвост!»

[ОЕД, с. Коржевка; СИС Ф2002-06Ульян., № 57].

Такой текст могли произносить и адресуясь к ребенку, уже хорошо стоящему на ногах. «Вазьмёшь за руки яво: “Тини халсты, суравыи талсты́!” Эдак вазьмёшь в руки-ти: “Давай, сыночык”. Вот эдак, вроди кагда што он стаит. Ахота вроди штобы он и пашол тута. [Ставишь] лицом к лицу и тянишь вот так за ручки-ти.

Тини халсты,
Суравыи талсты,
Ни прядины, ни ткадины,
В каробачку пакладины»

[КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 113].

Окатывание водой после мытья также сопровождалось приговором. «“С гуся вада, там с Нюрыньки, *и*ли с Марусиньки ли вся худаба! Расти бальша́”. Вот эта причытали. “Вада тякуча, у Марусиньки тела растуча, сама растуча”. Вот эта да, была, пир*и*бирали»» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА Ул ГПУ, ф. 4, оп. 12, 2001].

Период развития младенца, когда он только начинал становиться на ножки, назывался *дыбы́, дыбо́чки* или *дыбочки стоять*. «Ну, щас вот он у нас елозит, елозит, встанит, и скарей бряка*е*цца. Вот “дыбо́чки”» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 7]. При этом, чтобы поощрить ребенка подольше постоять, взрослые, демонстрируя ему свою радость, приговаривали речитативом: «“Дыбы-дыбы-дыбы, ой, Илюшинька, дыбы-дыбы-дыбы!” Стаит он, радуисся» [ЗАВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 53]. Иногда этот приговор сопровождали несложной рифмой. «“Вставай, вставай, сынанька” там, или: “Дочынька, вставай!”

Дыбочки, дыбочки,
Вырастут манинъки*и* грибочки!»
[КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 112].

Первые шаги ребенка сопровождались также рядом охранительных и стимулирующих действий. Иногда это было просто осенение крестом. «Вот пир*и*кристим яму хрястом, штобы он ни баялси идти. Пир*и*кристи́м вот руками, ка*г*да он идёт» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 12]. В с. Кадышево чертили ножом перед ребенком крестики. «Христик христят. Вот щас рибёначык пайдёт — а, скарей ножик*ам* яму: “Хресть-перехресть, хресть-перехресть!” Эта хрестили...» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 76].

Но гораздо чаще перерезали или перерубали ножом или топором невидимые путы, которые, считалось, связывают ноги ребенка. «Вот, бывала, он, значит, встаёт “дыбы” и как толька первый шаг даст, эта у нас ба*б*ушка наша гаварила. Ана, бывала, этим касырём тупым — хлоп! — яму прамеж нажонкав-ти. “Эта я, — гаварит, — яму путы пир*и*рубила!” И он пашол, да. “Путы, — г*авар*ит, — яму надо пир*и*рубить”. Вот так вот была дела» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 4]. «Тапаром рубют или нажом. Ба*б*ушка у миня взяла ножик — раз скарея! Нада атрезать яму, штобы он хадил. Вроди завязаны у няво ноги» [ПМТ, д. Малиновка; СИС Ф2001-21Ульян., № 6]. Иногда считалось, что пойти ребенку мешает страх (*страсть*). «Ну, штоб хадил, “страсть атбивали”. Ну, га*варя*т: “Айда, айда, дочинька, айда! Вот мы как страсть тибе, штоб ты ни баялась. Айда, айда, айда, дочинька”. Ну и всё. Хоть вот чем стукни пирид ним» [СПЛ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 5]. В с. Чумакино ножом или топором рубили позади идущего ребенка, и это действие производилось для отгона «буки». «Вот ка*г*да он перьвыи шаги дел*аи*т, а за нём, гаварят, нажом нада стукать, эта, рубить. Штобы ни баялся. Буку атганять. А чаво пригаваривают? Чай, чаво-нибудь пригаваривают» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-07Ульян., № 113]. Подобного рода пестушки сохраняют еще отчетливую связь с магией.

Когда ребенок уже уверенно держался на ногах, его начинали побуждать к пляске. Причем часто просто подметив какое-либо движение малыша (топнул ножкой, покружился), его толковали как плясовое и сопровождали припевками. Со временем малыш начинал сам проделывать эти движения, заслышав знакомые слова и напев.

Плиши, плиши, ножка.
Правая нимножка,
А ищо-та лева,
Мамычка вилела
[БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 78].

Ох, топну нагой
Да притопну другой,
Ножка манинька,
Да расхарошинька
[ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 8].

«Да вот с Кристинкой, ана вот кружится, я гаварю:
Кру́гам, кругам калесо,
Наш папанька за лесо́м,
Куры в анбаре,
Петух на базаре.

А ана вот больна радавацца, вот кружицца, кружицца. “Ко-ко-коля, ко-ко-коля”. И ана вот. Уже сабражает, што нада...» [КВК, с. Черненово; СИС Ф2007-04Ульян., № 61].

Одной из важных функций пестушек являлось поддержание у ребенка радостного настроения, отвлечение его от капризов и слез. «Эт*а* тютю́шкать — эта уж вот кагда, например, маниньный вот, вроди пависилицца нам над нём, патютюшкать. Штобы он радавался. <...> Играли вот эдак вот с йим. Штоб рибёнак улыбался, радавался вот» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 2]. Для этой цели чаще всего применялись самые простые действия: щекотание, поглаживание, тормошение, подбрасывание и т.п. Например, плачущего ребенка часто успокаивали, показывая ему «козу». Наставив на него вытянутые указательный палец и мизинец, приговаривали: «Каза-каза, пых!» [ЕАА, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 31]. С последним словом «коза бодала» ребенка в живот.

Детей постарше старались отвлечь, переключив их внимание на интересное содержание пестушки. «Эта кагда ушибёт*ся* рибёнак, вот ушибёт и плачит, и яму: “Пагади, пагади, пагади, малчи, малчи, ни плачь, ни плачь!” Да:

У сароки бали,
У сабаки бали,
У Тарзана бали,
У валка́ забали,
У лисы забали, —
читаашь, читаашь, —
А у Димачки заживи.
Кшу, палитела,
На галовку села.

Эта вот эдак гаварили, кагда вот упа́дит. И всё, пиристаёт плакать» [САЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 83].

Многие пестушки, сопровождавшиеся подбрасыванием ребенка или качанием его на ноге вверх-вниз, когда-то носили магический характер и применялись с целью обеспечить быстрый рост (см. еще *Жаворонков кликать*). В забавах с детьми этот подтекст совсем не присутствует, а действия выполняются, чтобы доставить ребенку удовольствие от ощущения взлета и падения. «Эта уж атец сидел яво качал. Сажа*а*т на каленку, вот и кача*а*т яво. Он прыга*а*т, прыга*а*т. Ну он [=отец] сидит вот вечирам-та, забавляцца нада чаво-та. С ними тожи забавлялись. Вот у нас девить чилавек была, забавляйся» [РЛП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-03Ульян., № 115].

«Эт тутушкают маленьких. Вот этак робёнка тутушкают [=подбрасывают]. Тутушкают и вот приговаривают:

Ту́шки-тутушки,
Спали на подушки,
Пришли к нам подружки,
Согнали с подушки»
[УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 12].

«Бывала:
Тютюшки Макар,
На ножки скакал,
Па вадичку пашол,
Маладичку нашол.
Маладичинька,
Невиличинька,
Сама с виршок,
Галава с гаршок.

Падбрасываашь яво, он смиёцца» [ЗАЕ, САЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 88].

«На наги [взрослому] вот встаёт и на адной наге. И вот качаю.

Ах ты, дедушка Тарас,
Ни даехал ты да нас,
Завирнул в лисочик,
Кристиначке сарвал цвиточик.

Вот эта. А ана вот всё на адной наге как балирина» [КВК, с. Чернёново; СИС Ф2007-04Ульян., № 63].

Так же как и другие жанры детского фольклора, пестушки полифункциональны. В зависимости от необходимости усыпить или развеселить малыша один и тот же текст мог использоваться то как колыбельная, то как пестушка. Например, прибаутку «А, качи, качи» говорили и при качании в колыбели, и тогда, когда подбрасывали ребенка на коленях.

«Пасодишь на нагу, ну эдак:

А, качы, качы, качы,
Прилители грачы,
На варота сели,
Варота с петли слители
И в речку палители.

Да, манинькых, чай, па всяки на наге» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 115].

А качи-качи-качи,
Прилятали к нам грачи,
Все паели калачи,
Калачи-та на дражжях,
Ни удержишь на важжях
[РЛП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-03Ульян., № 116].

Пестушки играли очень важную роль при овладении родным языком. На их примере видно, как постепенно происходило освоение речи. У самых маленьких пестушки формировали умение соотносить реальные предметы или действия с их названиями. Для этого взрослый показывал вещь, называя ее, или проделывал действие вместе с ребенком. Потягивание, подбрасывание на коленях, раскачивание на ноге и проч. сопровождалось соответствующими приговорами. Существует большое количество таких пестушек. Например, взрослый начинал крутить головой, показывая кудри («барашки»). «“Барашки” гаварили как-та. “Барашки, барашки”. И он вот так галавой [крутит]. Ну-ка, сынок, “барашки, барашки”. И он вот так вот “барашки” делаи́т» [ДТП, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 84].

Следующей ступенью в освоении языка были пестушки, имеющие форму диалога, которыми развлекали детей постарше. В отличие от настоящих речевых диалогов в них реплики-ответы заданы текстом. При игре весь текст сначала проговаривался взрослым, затем ребенок с подсказками отвечал на вопросы взрослого, и наконец, текст разыгрывался в виде настоящего диалога. Наиболее распространенной пестушкой такого типа были «Ладушки».

«— А, ладышки, ладышки,
*Г*де были? — У бабушки.
— Чево ели? — Кашку.
— Чаво пили? — Бражку.
Кашка маслененька,
Бражка ядрененька,
Крестинька умненькя.

“Я умна?” — “Умница”. Баукашь вот так вот иё. Кагда укачивашь» [УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 13].

— Ладаньки, ладаньки,
Где были? — У бабаньки.
— Чаво ели? — Кашку.
— Чаво пили? — Бражку.
— Чаво на закуску?
— Пирог да капустку
(вар. 1: Хлеба да капус*т*ку!
— с. Котяково
вар. 2: Хрен да капус*т*ку!
— с. Русские Горенки)

[БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 15; МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-05Ульян., № 73; ЗАТ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-04Ульян., № 10].

— Ладушки, ладушки,
*Г*де были? — У бабушки.
— Чаво ели? — Кашку.
— Чаво пили? — Бражку.
Расшибли карчажку.
— Чем ба*б*ушка била?
— Веничком-голичком,
Ни хади-ка бисичком.
(вар.1: Хади в лапатках! — с. Валгуссы)
Хади в котиках,
Ва чулочиках.
(вар.2: Каты мазаны,
Чулки вязаны —
с. Коноплянка, д. Малиновка)

[РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 9; ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 12, 2001; ЧТП, с. Сосновка; СИС Ф2004-04Ульян., № 30; ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-08Ульян., № 80; ПМТ, д. Малиновка; СИС Ф2001-21Ульян., № 2; КАФ, с. Коноплянка; СИС Ф2002-05Ульян., № 25].

— Ладушки, ладушки,
Где были? — У бабушки.
— Чево ели? — Кашку.
— Чево пили? — Бражку.
Шу! Палители! На галовку сели!
[БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 65].

«— Ладушки, ладушки,
Где были? — У бабушки.
— Чаво ели? — Кашку.
— Чаво пили? — Бражку.
Ели кашку с семичкам,
Били жопку веничкам.
А веничкам-галичком,
Ни хади-ка басиком,
Наманиньки ножки
Белиньки сапожки,
На галовку картузок,
Будит у нас Алег тузок.

И он тожи у нас руками захлопаат. „Ой, ой, Алежинька у нас ладушки, ладушки!“ И вот начнёшь яму» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 10].

«— Ладушки, ладушки,
*Г*де были?
— У бабушки.
— Чаво ели? — Кашку.
— Чаво пили? — Бражку.
— Чем бабушка била?
— Веничком-голичком,
Через порог всё тычком.
Т-р-р-р! На головушку!

И он машет так. Как понимат, так и он кладёт» [ЕАА, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 29].

В пестушках также часто происходит контаминация сюжетов. Например, концовка текста в следующих примерах является фрагментом прибаутки «Синенькие глазки купили салазки».

— Ладушки, ладушки,
*Г*де были? — У бабушки.
— Чаво баба делает?
— Ступу да лапату,
Параню гарбату.
Пара бабушк*е* вставать,
Курам зёрнышкав давать,
Куры наклявались,
На сосенку сели,
Сасна абламилась,
Другая урадилась
[БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-03Ульян., № 10].

— Ладушки, ладушки,
Где были? — У ба*б*ушки.
— Чаво ели? — Кашку,
— Чаво пили? — Бражку.
— Каво били?
— Машку.
Машка-куряшка,
За курами бегала,
Куры улители,
На сасёначку сели,
Сасёначка абламилась,
А другая урадилась
[СПЛ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 2].

Кроме «Ладушек» существовало немало пестушек, построенных по принципу диалога. Обращает на себя внимание дидактический характер

многих текстов: ребенку внушают, каким он должен быть, что нужно делать и что нельзя.

—Чей нос? — Савин.
— Где был? — Славил.
— Чаво *на*славил? — Капейку.
— Чаво купил? — Калач.
— С кем ел? — Адин.
— Ни ешь адин,
Ешь са мной!
[САЕ, ЗАВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 85].

— Чей нос? — Савин.
— Где был? — Славил.
— Чо*в*о заславил? — Капейку.
— Чо*в*о купил? — Прасвирку.
— С кем ел? — С кошкай.
— Ни давай кошки крошки,
Давай матири с атцом!
[БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 63].

Некоторые забавы взрослых с детьми, построенные в виде диалога, по форме напоминали розыгрыши (см. *Подшкунивать*), хотя по сути таковыми не являлись. Ребенка вовлекали в простой на первый взгляд разговор, который, однако, содержал подвох. Если он не знал, как себя правильно вести в этой ситуации, то подвергался наказанию. В отличие от розыгрыша, который можно устроить только один раз, эти забавы повторяли с малышом неоднократно. При этом, разумеется, утрачивался элемент неожиданности и подвоха, столь характерный для розыгрыша. Пестушки такого рода играли важную роль в освоении нового и пока сложного для малыша характера отношений с другим человеком, когда надо суметь разгадать его истинные намерения и не поддаться на провокацию. Существовало несколько вариантов забавы, в которой, взяв за нос ребенка, задавали ему как будто бы обычные вопросы.

Самым маленьким взрослый подсказывал правильные ответы. «Тянули. “Чей нос?” Там он скажит: “Ни зна*ю*”. “Свой, — скажи, — прирос!” Скажи: “Свой прирос”. Вот так гаварили» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 5]. «“Чей нос? ” А то скажит: “Папин”. Или: “Мой”, — скажит. Ни атпускают, ни атпускают. “Чей нос? ” Скажи: “Свой прирос”. Тагда нос атпустют» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 12].

В зависимости от ответа ребенка с его носом производили разные манипуляции: тянули вниз или вверх. «Дитя́м-та вот. “Чей нос? ” — “Батянин”. — “Давай ево потяним!” Ево и тянешь. Он плачит. “Чей нос? Свой прирос?” Ну, всё, прирос он, свой» [КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-16Ульян., № 38]. «“Чей нос?” — „Матанин“. — „Давай яво памата*им*, памата*им*“. А ищо: “Чей нос?” — “Свой прирос!”» [ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 117]. «“Чей нос?” — “Кузькин”. — “Давай яво спустим”. — “Чей нос?” — “Мой”. — “Давай вытиним гной”. — “Чей нос?” — “Свой прирос“. Эта вот правильна всё. Атпустить [надо], да» [РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 10; КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 80].

Некоторые пестушки содержат элемент соревновательности, который в последующем станет главным в игровой деятельности детей. Среди таких развлечений известная забава «зайчик». Сложив крест-накрест указательные и средние пальцы обеих рук, взрослый предлагал ребенку засунуть в образовавшееся отверстие пальчик. Смысл игры заключался в том, чтобы опередить взрослого и вовремя выдернуть палец. «Вот эдак вот: “Сунь пальчик, там зайчик!” А этим вот бальшим пальцым прижмёшь. Ну, если успе*е*т, то значит, [вытащит], а если эта ни успе*е*т, то значит, эта прижмём» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 5].

Многие пестушки включали в себя движения пальцев и рук. И это не случайно. Наблюдения психологов подтверждают, что игры, направленные на развитие тонких движений рук и пальцев стимулируют развитие речи, произвольного внимания и других психических процессов. Кроме уже описанных выше «ладушек», «зайчика» можно привести еще и хорошо известную «сороку». Поплевав на ладошку малыша, взрослый водил по ней пальцем, изображая помешивание каши, и приговаривал:

Сарока, сарока,
Кашу варила,
Дитей манила,
На парог сажала,
Кашки давала.

Потом загибал пальцы, начиная обычно с большого:

Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
А ты, мал, —

поколачивал или тряс мизинец и говорил:

Крупу ни драл,
Тибе нет за ета
[РЛП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-03Ульян., № 113].

«Сарока-билабока
Дитей манила,
Каший кармила.
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Пятаму ни дасталась,
Лодырь:
В лес ни хадил,
Дров ни насил,
Яму каши нет.

А он глидит тибе в глаза. “Этаму ни дасталась, он лодырь, ни работал. Эти кашки наелись, а этыт ни накушался, он ни работал, в лес ни хадил, драва ни насил”. Ой, господи! Вот так и растили дитей-та, чуди́ли» [ГМФ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-07Ульян., № 11].

«Сарока, сарока,
Ни матай хвастом,
Убью пестом. <...>
Сарока, сарока,
Кашу варила,
На парог паст*а*навила,

Гастей манила.
Гости ни бывали,
Кашку ни ядали,
[Гости за стол,]
Кашку на стол.
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
А этаму ни дасталась.
Ты, манинькый кутён*а*чик,
Схади на гумно за мякинкай,
Замиси свинкам,
Тагда палучишь кашки.

Вот и эдак играли» [КАФ, с. Коноплянка; СИС Ф2002-05Ульян., № 26].

Сорока, сорока,
Кашку варила,
Гостей манила,
На порог скакала,
Гостей скликала,
Гости за стол,
Кашку на стол,
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не досталось.
(вар.: Ты маленькой,
Ты воду не таскал,
Дрова не таскал,
Дрова не рубил,
Кашу не варил).
Ты плут Якимка,
Сходи по мякинку,
Дам тебе кашки
На красной ложки

[УАИ, ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 14].

«Ей па ладони вот так вот:
Сарока, сарока,
Билабока,
Кашку варила,
Гастей манила.
И начнёт с пальца-ти:
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
А этаму астались крошки в ложки»

[ИАС, с. М.Кандарать; СИС Ф2006-23Ульян., № 46].

Сарока, сарока,
Кашку варила,
Гастей манила,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму ни дасталась,
Шу! Палитела,
На галовку села
(вар.: На сосёнку сели
— с. Сухой Карсун)

[КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-04Ульян., № 108; МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-05Ульян., № 72; ЧТП, с. Сосновка; СИС Ф2004-04Ульян., № 31; ЗАВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 51; ЛНП, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 35].

Сарока, сарока,
Гастей манила,
Гости прилятали,
Кашу паядали.

Этаму дала *в* ложички,
Этаму *в* тарелачки,
Этаму пеначки,
А этаму ни дасталась.
Кшу! Палители,
На галовушку сели!
[РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 8].

Сарока, сарока,
Кашу варила,
Гастей манила,
Каша на стол,
Гости на двор,
Каша са стала,
Гости са двара.
Кшу, палитела,
На галовку села
[САЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-19Ульян., № 83].

Некоторые варианты пестушки заканчивались щекотанием ребенка.
«Сарока, сарока,
Кашу варила,
Гастей манила.
Этаму дала...
Этаму ни дала.
Эт*ат* мал,
Крупу ни драл,
За вадой ни хадил,
Яму кашу ни дадим!

Потом вели пальцем по ладони, предплечью, плечу, а при словах «колодец, колодец» — упирались в подмышку и щекотали малыша.
«Я дарожку ни знаю.
Вот дарожка, вот дарожка,
Вот дарожка, вот дарожка,
Вот калодизь, калодизь, калодизь!

Пад мышкай щикотют. <...> “Мам, мне толька расскажи”. Ана яму “сароку”. А он сам идёт: “Кало́сь, калось, калось [=колодец]”» [КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 81].

И.С. Слепцова

У

Уж

Уж — персонаж, который в Ульяновском Присурье представлен в рассказах об утрате надоя у коров (см. еще *Колдун*, *Покупать корову*) и в некоторых быличках о домовом (см.), где он предстает в качестве одной из ипостасей этого мифологического персонажа. «“В каждам даму́, — гаварят, — есть уж! Уж в каждам даме́ живёт”, — вот эдак калякают. Яво ни бьют. Он ни вреднай. Он ни кусат» [МЕЯ, с. Кадышево; МИА Ф2002-29Ульян., № 93]. «Он, пади, есть в каждам даму. Дамави́душка. Нихто яво ни вида́л, а стучы́цца. В по́дпали в хряста́х [живет]. Мы вот жили в Ветрадуивки, всё время он у нас был, этыт у́жинька. Встанишь утрам, он лижит вот так [поперек пола]. Или вот там, окали двара. Мы яво ни баялись. Ужиньку ни нада убивать. Грех, гаварят. Грех. У няво [на голове] вяночик» [САН, с. Кадышево; МИА Ф2002-31Ульян., № 59, 60]. «В каждам даму есть уж. А кто знат, где он живёт? Ужа ни убивали — дамахазяин вить» [ЛНА, с. Палатово; МИА Ф2001-24Ульян., № 75].

Во многих рассказах упоминается «золотой веночек» на голове ужа. «Вот у ужа вяночик есть уж. Я, прям*а*, видала! У ня*в*о *в*от пряма вяночик — *в*от так залатой вяночик на г*а*лаве, да! У всех, у всех! Вон и у ма́ненькава! Я *в*от нончи маненькава вида́ла — вот, в бани, на *а*кошки лижит. Лижит. У ня*в*о тожи вяночик» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 59].

Согласно легенде, этим «веночком» уж удостоен за то, что спас во время потопа Ноев ковчег: мышь прогрызла дырку в днище, а уж заткнул ее хвостом. «А эта кагда плыли па морю. И вот мышь праела эту, в карме, в лодки, праела дыру. И стали люди тануть. А уж заткнул хвастом. И яво Гасподь наградил вянцом» [СМО, с. Коржевка; МИА Ф2001-30Ульян., № 2]. «Кагда был патоп-ат. Ноив патоп. Ной, Ной святой. Ну *в*от. *В*симирный был патоп. А он стариц был. Ево звали Ноям. Он делал кавчег. Десять лет. И кагда время настигала, дожжик пашёл». Господь сказал Ною, что пора садиться в ковчег. Ной так и сделал. «Но вот аткуда-та мышь прагрызла дырачку. И вада-та заливацца — то́пит. А уж-та падашёл и хвост в дырачку ваткнул. Ну и вот. Из-за этава у ниво тут желтинька пятнышка. Вине́чик» [ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-09Ульян., № 16]. Именно поэтому ужа и нельзя убивать. «Гаварят, их грех убивать. Вот ани награждёны Богам винцом»

[СМО, с. Коржевка; МИА Ф2001-30Ульян., № 2]. «Грех, ево [убивать] нельзя. У няво виночик» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 88].

По другой версии, веночек — это след, оставшийся после того, как уж заткнул дырочку в ковчеге. «Ва время Ноева потопа, я читал книжку. Змея-та прагрызла Ноив кавчег, а уж падашёл и галавой заткнул эту дыру-ту. И у ниво на галаве-та венчик палучился» [ШАМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 91].

Уж, в отличие от других змей, не представляет опасности для человека. «Ужа убивать грешно́. Он безвреднай» [ШАМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 92]. Но есть один день в году — Воздвижение (см.), когда с ужом лучше не встречаться. «Здвижинье есть. Не знай, говорят, в лясу сходюцца змеи. В кучу» [ЛНА, с. Палатово; МИА Ф2001-24Ульян., № 74]. Существует поверье, если пойдешь в лес на Воздвижение, будешь весь год видеть змей. «В лес ни ходить вот на самый праздник этат — Движинья. Все сдвигаюцца в адно место ужи, змеи. Все в адну кучу ани сдвигаюцца. И они там будут зимовать в этой кучи. Если ты пойдёшь в лес на Здвижинья, ты в лису ни увидишь, но зато дома ты увидишь — каждый год ты будишь мучицца. Где бы ты ни сядишь, и тут уж выползит. На пиче лягишь, и у тя на пиче уж будит. Нельзя в этот праздник в лес ходить!» [СММ, с. Палатово; МИА Ф2001-20Ульян., № 49-50].

Человек, нарушивший запрет не ходить в лес на Воздвижение, может умереть. «У миня баушка Фиёна хадила за арехими. За арехими хадила мая баушка Фиёна — маму аццу мать. И вот, значит, нарвала ана арехав и сабралась дамой. И вот падашла к адному кусту — што есть хмель арехав! А осинь — глубока осинь — Звижинья. Сагнула куст, эдак-та взглянула: тама йих — ни адна, что вот есь, говорит, туча! Ана, грит, бросила всё и убижала. И захварала и умирла. Ани, грит, как-та поднили и: "Ш-ш-ш", и па-своиму, и шипят. Ана захварала и умирла» [КЕМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 93].

Согласно распространенным в Присурье поверьям, ужи обычно обитают не только в реке и в лесу, но и в хозяйственных постройках (с. Палатово, Чумакино, Проломиха) и даже в подполе дома (с. Кадышево, Палатово, Сухой Карсун, Проломиха). «Уж-та? У миня *в*он в бани живёт! Я *в*он в ту субботу моюсь, а он на *а*кошки лижит. Да. Я ни баюсь йих. Он ни тронит. Сам ток*а* ни трогай яво, он ни тронит. А уж у нас вот — ток*а* пастроились, я вот сижу у акошка, а мальчышки вон там вон, на речки. Чёо-т я делала. А на кухни таз стаял с вадой. Вот слышу там: бултыха́т, бултыхат. Я га*в*арю: "Да, Госпади, ды хтой-т там?" Глянула — уж! А я эт — Шурк*а* парнишка у нас: "Шурк*а*, сынок! Пади-к*а*, скарей дамой!" Он: "Мам, чёо?" — "Вазьми, — мол, — ужа-т*а*!" А он ни баи*цца*, он бирёт их прям*а* в руки. Я, мол: "Вазьми *яво*, *ы*тнеси *яво* на речку!" Он *яво* взял, атнёс. Ани в кажним даму живут, эти ужи. *А*ни в кажним дваре живут. Набольши в навози. В каво навоз — в навози живут. И в по́дпали живут. Да. И *в*он в бани у м*и*ня живёт. Сроду жил» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 59].

Особое внимание ужи проявляют к коровам, у которых, по поверьям, сосут молоко. «А эт*а* такой “блудно́й уж” есть, гаварили. Вот он карову вы́сысит. Эт гаварили. Какой-т придёт — вот на палдня́х есть. Да. Он высасывал карову» [МЕЯ, с. Кадышево; МИА Ф2002-29Ульян., № 94]. «Ужта каров сасёт, каров высасыват. Питацца и живёт» [САН, с. Кадышево; МИА Ф2002-31Ульян., № 60]. Существует поверье, если уж, сосавший молоко у коровы, умрет, умрет и корова. «Отнять молоко он ни может. Если, допустим, он сосал её. И уж, и корова сдохнит» [РКС, с. Сухой Корсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 43].

Нередко рассказывают, как ужи слизывают сливки из кринок с молоком, стоящих в погребе. «Эт он пьёт, пьёт. Если в погриби — вон раньши-ти мы малако в погриб, халадильникав не была, в погриб. У нас видь там снегу натаскивали, набрасывали. Эта на лета. И вот на снег ставишь гаршки. Гаршки были гли́нны тета вота. Он всё выпьет! Всю смятанк*у* слижит! Да. *А*пракинуть он ни сумет, уж. Он съест. Слизать слижит. Эта была многа!» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 61].

Уж не только доит корову, но и ест яйца. «Если вот корова есть, он тут и живет. Молоко ест он — сосет корову. Яйцы ест — по́рит. Ой! Айда пашёл! Мы адин раз, у миня хазяин пришёл, гаварит: “Иди во двор, там яиц многа нанисли, куры-ти”. Я пашла. Ба, ни аднаво яйца нету! Мы пришли с нём. Правда, в гнёздах пусто — ни *а*днаво яйца нету. Паглядел: там как столб и там в столбе такая вот дыра. Яма. И он там лежал, уж-ат. Ты знашь, он какой лижал: вот в толщине руки, метра два лижал. И он яво убил. И стали яйца у нас это [водиться]» [СММ, с. Палатово; МИА Ф2001-20Ульян., № 52].

Об ужах упоминают также в связи с их общением с детьми, для которых они являются своеобразными «патронами». Смерть ужа-опекуна грозит смертью и ребенку. «Он ни тока карову сасал! Вот если пава́д*и*цца — дай рабёнк*у* паесть где-нибудь. Вот у нас в аднэй случа́й. Ну, рабён*ы*чык — вынисла *а*на яму — ну, *в*от на крылечк*а* паесть кашки. Ест — и уж к няму падполз. Он ни перьвый раз. “Он падполз, а я, — г*а*ва*р*ит, — глижу. А он, — г*а*ва*р*ит, — яво гладит! Рабёнка! Он с нём вмест*и* кашу ест!” Да! Ну, уж яво ни трогай, этава! Эсли яво тронишь, то уж рабёнак умрёт! Умрёт!» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 61]. «Пацан он вот этат. С пацаном он делал. Это давно дело-то было. Слышал от стариков разговор. С пацаном. Вот дадут [мальчику есть], сами-то кто-куда [уйдут]. Вот, допустим, поставили чашку, сами-ти ушли. Вот вылазит уж: и пацан поест, и он поест. А сам-ти жил в окне. Ну, ёво заметили. Вроди бы уж. Вот ест [из миски мальчика]: “Убрать, — мол, — ёво надо!” Когда убрали, и пацан помир. Это вот я слышал от сторожил*ов*» [РКС, с. Сухой Корсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 44].

Согласно поверьям, ужи могут отомстить своим обидчикам. «Ани в кажним даму, наверна, есть. Да. *В*от [убивать их] нильзя. П*ы*таму што он тибе́ накажит. Он сваё вазьмёт, ежел*и* яво убили. <...> Яво ни трогай, а то *а*тамстит!» [ГМС, с. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 43]. Если убьешь

ужа, он отнимет у тебя жену. «Гаварят, да: “*В*от если ужа убьёшь, — эт всё раньши-т*а* мужика стращал*и*, — если ужа ты убьёшь, у тибя жана умрёт!” А вот у м*и*ня — я за нем за втарым — у няо впирёд жана памярла, дваих дитей аставила. Ну, вот убил ужа. “Я, — г*а*варит, — убил ужа. Неужел*и*, — гаварит, — эта правд*ы*? А можи, — мол, — и правд*ы*! Я, — г*а*варит, — на дваре убил ужа бальшова! Он карову сасал! Карову!” И у няо жана умярла» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 60].

Считается, что уж сосет корову, переворачивает крынки, потому что мстит за обиду, нанесенную ему человеком. Если ужа убьешь, «он, говорят, навридит. У ниво дети есть — навридят. Коров дая́т. Коров цедют за вымя. Навридит. Корову ночью падаит — и в ращщёти. Пососёт. Если вот навридит ему [кто], в погриби или пустит в каждый гаршок [яд], это вот говорили, а если иво апять помилвыют, он их вазьмёт, да все павaля́т. Можа иички яво [заберут], можа яво поругают, пабьют. Он понимат, знашь, как ужат!» [ЛНА, с. Палатово; МИА Ф2001-24Ульян., № 76]. «А вот в погриби, хто сказыват, што [уж] *а*праки́нул уж мылако, гаршки. Ды хто знат? “Мож*ит* быть, плоха паставили”, ток*а* каля́кам…» [МЕЯ, с. Кадышево; МИА Ф2002-29Ульян., № 95].

В некоторых рассказах уж предстает в облике свирепого монстра, который гонится за обидчиком и даже может его убить. «Адин раз — эта вот у миня сястра была с чытвёртава года, и вот иё равес*т*ники, паринь, — вот тагда разгавор был. Аббега́л всё поле уж за нём. Свирнёцца и хлыщит, свирнёцца и хлыщит яво! Он вот раздразнил, видна, яво. Где-та на пашни был *или* чаво? Он уж в сяло прибижал, запыхался. И он всё за нём бижал. Вот уж в силе́ как-та спрятался он. Вот чаво была! Он яво раздразнил чаво-та, раздразнил. Вот эта всё тагда страшна прям была. <...> Змеев убивают, а ужей, вроди, нет. Или баялись? “Ежели ужа тронишь, то, — гаварят, — укусит тагда уж насмирть!” — вот так гаварят» [ЗАИ, с. Первомайское; СИС Ф2000-07Ульян., № 44].

Приписываемая ужу мифическая сила была основанием для его применения в различных магических и лечебных целях. Например, ужиный выползок, то есть сброшенную после линьки шкуру, могли использовать при врачевании. «Шкурка — эта вот в лясу находишь, как он снимат, видна, — вот иё находишь. Дамой вазьмёшь, вроди таво што личицца. Ну, как*ая*-нибудь балячка, как*ая* балезнь, привязывашь к чаму-та или чаво» [САН, с. Кадышево; МИА Ф2002-31Ульян., № 61]. Шкуру использовали как обрег. «Ужа-т снимат карону-ту — весной снимат. Как есть шкура́ — снимит всю, и делацца висенний. Зимнюю шкуру он снимаит. А весеннюю [надевает]. Я вот помню, мама, она зачем-то брала эту шку́ру, в тряпочку завязывала и привязывала ее, вот к груди привязывала. Этот вот ужиный наряд. И вот ана ево брала и в тряпочку привязывала, и суды вот носила. На груди, внутри [=под одеждой] вот носила. И ужи́ну головку тоже. Зачем — не знаю. Завязывали узалком и носили. Стары люди» [СММ, с. Палатово; МИА Ф2001-20Ульян., № 51]. В некоторых случаях ремни из ужиных шкурок служили своеобразным оберегом

для детей. «Есть вот такой праз*д*ник — З*д*ви́женья. На З*д*ви́женья в лес нихто ни ходит. Вот баяцца все. “Вот ани [=ужи и змеи] сабираюцца и сбрасывают с сибя эту шкуру, што на них есть, и упалзают куда-та. Там вот нарастат на них нова эт шкура”, — эта г*а*варят так. Я так вот слыхала. <...> Тут адна старуха [колдунья была], ана специальна искала эти *в*от шкуры и шила из них римни. И вот ана внучатам падарила эти римни. Всё люди гаварят: “Ш*то* эта у них за римни? Што эт*а* за римни?” А патом, када ана памярла, внучка гаварит: “Вот мне бабул*я*-т какой римень сшила!” “А из чёо, — г*а*ва*р*ят, — он у тибя?” — “А вот у ужа эта шку́ра — ужи́на шкура́!” Вот. А ана умярла, эта бабушк*а*-та. И я прост*а* вот ни при*д*ставляю, зачем эта? Я ни знаю, зачем» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян., № 62, 63].

И.А. Морозов, А.П. Липатова

УСЕНЬКИ КРИЧАТЬ — см. Таусень

УСПЕНИЕ — см. Пост, Жатва

УХВАТОМ ПЫРЯТЬ

Это одна из распространенных посиделочных игр (см. *Играть в кельях*), в которых выбор пары происходил при помощи жребия. Различные ее варианты известны под названиями, отражающими основное игровое действие — *ухват пырять* (с. Сара), *скалку крутить* (с. Сара), *бутылку вертеть* (с. Ждамирово, Княжуха, Котяково), или вскрывающим смысл игры — *в любовь* (с. Барышская Слобода). В этой игре еще прослеживается связь с прогностическими практиками (см. *Гадания*).

Собственно игра заключалась в самом процессе жеребьевки: водящий пускал по полу ухват, и тот, в кого он попадал, считался его «судьбой» — женихом или невестой. «Всё была, как-та ухват всё пыря́ли. Вот пыряли в кельи эта мы с рабятами. Ну, в ноги ухватам пыряли прям па полу вот так вот. Я тут сижу, пустишь вот яво, каму в ноги пападёшь. Вот кагда рабят многа, ну вот, вазьмём: “Я щас судьбу сваю!” — пустишь в них, в каво пападёт. “А я тибя ни вазьму, мне ты ни нужна, пыряй ни пыряй!” Ну вот и шутим, и смиёмся. Висяло была, висяло была. Эта в святки вот мы варажили там, а эта [играли] так вот проста в кельи» [ААМ(1923), с. Сара; СИС Ф2006-38Ульян., № 62]. Вместо ухвата могли крутить на полу скалку или бутылку.

В более поздних вариантах мотив узнавания суженого-ряженого, судьбы, заменялся выбором и сменой пары. Водящий должен был поцеловать того человека, на которого указывало горлышко бутылки, и уступить ему свое место в центре круга. «“Бутылку вертели”. Вот сидят все, бутылку вернут, на ково попадёт горлышко, значыт, та и это, значыт, поцелуй вот

этово парня. Вот этак вот, целуюцца. И целуешь, а парень, знашт, девушку, штоб поцеловал. Это то*ль*ко например я говорю» [БВФ, с. Ждамирово; ЧМП Ф2000-29]. «“В бутылку” вот. Садяцца в кружок вот так, вот крутишь бутылку, вот на каво ана паказываит, значит, должин я иё пацалавать. Там садяцца девушки, а паринь, значит, крутит бутылку. Вот на каво ана эта, вот должин иё цалавать. Эта уже там без припятствий, эта закон вроди был» [ТФД, с. Котяково; СИС Ф2004-31Ульян., № 89]. «Было, было, “в любовь” это. Например, я крутнула, показалось на тебя, значыт, я должна тебя или обнять, или поцеловать. Потом ты уже крутишь. На ково попадёт, ты должна к нему подходить. Или обнять, или поцеловать, или как там чево сказать» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 37].

Поцелуй могли заменять выполнением какого-либо задания: сходить куда-нибудь, выпить большой ковш воды и т.п. «“В бутылку” играли вота. Вот бутылку крутют, на каво бутылка. Чово приказываит, то и выполняй. Я кручу, на нево попала, я ему приказываю: “Иди вот там или поцалуй этаво, или там чаво-та, или кружку воды выпей, или...” Хошь ни хошь, а всё равно иди» [ГВН, ГАФ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-27Ульян., № 26]. «Бутылачку [крутили]. Ага. Горлышкам куда укажит, и вот там чево прикажут. Ну, тут сидели вот, например, какой-та тут должин главный быть, [он крутил], у нас вот так играли. И он приказыва*и*т: “Што этаму сделать-та?” На каво указал. С ним выйти прикажут. Или скажут пац*ы*лавать ево или чево-та там, станцавать. Ну вот, например, на миня горлышком паказало, а этыт вот, кто крутнул, он скажит, чево мне сделать» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-26Ульян., № 18].

И.С. Слепцова

ФАНТЫ — см. Играть в кельях

ФЛИРТ — см. Играть в кельях

ФОМИН ДЕНЬ — см. Пасха, Поминки

Х

ХАБАБЕЙ — см. Масленица, Чистый понедельник

ХОДИТ ЦАРЬ ВОКРУГ НОВА-ГОРОДА

Один из немногих традиционных игровых хороводов с выбором и сменой пары (см. еще *Кругом играть, Основу сновать*, *Плетень*). Он зафиксирован только в с. Чумакино.

«“Ходит царь”. Эта, значыт, женшшина становицца в этат, в круг, а он [=парень] ходит кругом круга. И вот запявают:

Ходит царь, ходит царь
Вакруг Нов-города, вакруг Нов-города,
Ишчыт царь, ишчыт царь
Царь царевну сваю, каралевну сваю.
Где ана, где ана?
Где царевна мая, каралевна мая?
Я вазьму иё, я вазьму иё
За права́ю руку, за праваю руку,
Паставлю иё, паставлю иё
Сриди Нов-города, сриди Нов-города
Заставлю иё, ой! заставлю иё
Танцавать и плясать, танцавать и плясать.
Пратанцуй, царевна, пратанцуй, младая,
Царь-царевич вилел, маладой приказал.
Пакланись, царевна, пакланись, младая,
Царь-царевич вилел, маладой приказал.

Ана спирва за всеми ходит, а он ходит вакруг, ишшит царевну. Вот. И вот как скажут: “Вот ана, вот ана”, он, значыт, каво яму надо, бирёт и ставит яво в круг. И вот ставит в круг и тут уж паёт:

Вот ана, вот ана,
Вот царевна мая, каралевна мая,
Я вазьму иё, я вазьму иё
За права́ю руку, за праваю руку,
Паставлю иё, паставлю иё

Сриди Нов-города, сриди Нов-города
Заставлю иё, ой! заставлю иё
Танцавать и плясать, танцавать и плясать.
Пратанцуй, царевна, пратанцуй, младая,
Царь-царевич вилел, маладой приказал.
Пакланись, царевна, пакланись, младая,
Царь-царевич вилел, маладой приказал.

Вот эта уж вот [она пляшет]. И вот ани уж тут как ани кончут, прапают, пацалуюцца и уходют оба. Оба уходют, там другую каво-нибудь эта ишо ставют. Другой паринь [ходит]. <...> В любоя время [играли]. И летам вот. Летам вот вечарам: "Давайти кругам играть!" И вот начнёшь вот. Зимой в кельи, а летам на улицы» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-19Ульян., № 111].

И.С. Слепцова

ХРИСТОСОВАТЬСЯ — см. Пасха, В яйца катать

ЦЫГАН И ЦЫГАНКА — см. Наряженными ходить, Ярку искать

Ч

ЧАСТУШКИ — см. Припевать, Плясать, Второй день, Гулянья, Дразнить, Ярку искать

ЧЕРНИЧКИ — см. Монашки

ЧЕЛНОК

Очень популярная и повсеместно распространенная игра, известная под названиями *в ручеек* (с. Сурское, Акнеево, Валгуссы, Проломиха, Гулюшево, Кадышево, Русские Горенки, М. Кандарать, Астрадамовка, Лава), *челноком* (с. Засарье, Палатово, Чамзинка, Лава), *в подмырышки*, *подмыркой* (с. Кадышево, Проломиха, Новосурск, Вальдиватское, Б. Кандарать, М. Кандарать), *мыря́лкой* (с. Потьма), *в курочку-мырялочку* (с. Барышская Слобода), *в мостик* (с. Сухой Карсун, Чумакино), *рябца́ми, рябым* (с. Потьма, Вальдиватское), *в разлуку* (с. Палатово), *в дружбу* (с. Палатово).

Эта игра некогда входила в комплекс весенне-летних развлечений (см. *В яйца катать*, *Горелки*, *Качели*, *Орел*, *Основу сновать*, *Плетень*), о чем в некоторых местах еще сохранились воспоминания. «А на Паску-ту пажилыи уж женшшины-ти! Вот, бывала, у нас там ключ видь, вот ат ключа “падмырышки”. “Падмырышки” вот: вот две сцепюцца, две кряду, кряду, кряду, и мыряют вот да магазина. А атсель апять» [ИАС, с. М. Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 102]. «Ну, как провожали у нас вёсну? Ну, провожали, ходили в луга молодёжь. <...> Молодёжь-то играли, и “рябым” играли. Ходила молодёжь в луга, вот сюда вот под горы. И играли. Становились они парами, парами становились и как-та выбирали. Мы *и*що были там манинькии» [АНК, ЦЛИ, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-11Ульян., № 49].

Однако чаще эта игра была развлечением в свободное время в будни, по воскресеньям и в летние праздники. «Взрослыи играли! И “в лапту” играли, и в эти, “в падмырки” — па всяки. Ваабшше вот, вечырам в праздники, вечырам, убяруцца, нечыва делать, вот падаят каров и начынают играть» [ММС, ШПС, ШВС, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 3]. У взрослых выбор партнера мог сопровождаться поцелуем. «Жанатыи и то играли в караваи-ти вот в эти. В ручыёк. Их пално сабирёсси. Падмыриваш и вот эта выбираш. А кто ривну*и*т. Ага. Если катора ана ривнива, ана сва*и*во

мужа ривну*и*т, он выбира*и*т другую. Абязатильна цылавать нады. Ну, как иё выбирит и пацалуит. И идут — он иё выбрал. Вот тибе и всё» [МАГ, с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 26].

Молодежь в этой игре привлекала возможность продемонстрировать симпатию, выбрать себе пару. Поэтому в нее играли не только летом на гуляньях (см.), но и в кельях. «“Падмырышки” вот за ручку вазьмёмся, вот, и там нас чатырнаццать девак были в сиденке, и вот из чатырнаццат*и* вот семь пар. И рабяты идут. Каторый нравицца, он иё забирёт и видёт дальши. Ну, с ней встаёт. Вот эдак вот. <...> Эта в сиденки, в сиденки. Вот летам эта уж на паляни. Паляна-та были зилёна! Ни касили, эта видь щас...» [БПЯ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 121]. «Ведь летнее время тяпло, харашо, вот. Патом эта “рябка́ми”, ну как, “падмы́рками”. “Падмырками” и “рябцами” — адно и то жи. Вот стаим мы две, а другой идёт падмырива*а*т, каво нада яму выбира*а*т, ани встают [вперед]. А этыт другой ищо начына*а*т. Вот с рабятами всё [играли]» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-18Ульян., № 50].

В послевоенное время игра в ручеек перешла в основном в детский и подростковый игровой репертуар. Этому способствовало активное использование ее при организации досуга в школах и в пионерских лагерях. Играли в нее как девочки, так и мальчики. «Ну уж ни девки уж бальшии были, ну всё-т*а*ки вы́рас*т*ки были. И мальчишки, и дивчонки — все играли» [КАВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 47]. Хотя довольно часто девочки играли только своей компанией. «А дивчонки “в чалнок” в какой вот. Ну, вот гадов, на*в*ерна, двянаццать, десить, вот так вот» [ДТП, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 88]. «“Курычкай-мырялычкай” играли па улицы. Там ребят нет, мы адне девки. Парами, девчонки. Можит, сабирёшься штук дваццать пар вот и бежишь по улицы, мыря*и*шь пад руки» [ЖЕС, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-31Ульян., № 22].

Правила игры были простыми. Игроки вставали парами в колонну, подняв руки, а один проходил под руками (*мырял*, *подмыривал*) и выбирал себе кого-либо из стоящих. Вместе с ним он проходил под руками в конец колонны, а оставшийся в одиночестве игрок в свою очередь шел выбирать себе пару. «Эта “падмырышки”. Вот так вот уцепимся две, адна с этай стараны, другая с этай и за руку так доржимся. А адин между этих лезит, там адну дёрнит, там аднаво ли, лезут уж. Этат астаёцца, ани яво бросили. А он идёт, заходит апять па новай и вытаскыва*а*т сибе же пару» [ОМФ, ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 71]. «А “в разлуку” вот двоя стаим, вот так [рядом]. Ну, там скока нас? Вот падружкав была, может, нас дивчонак двянаццать, рибитишки с нами. Все вмести играли: и дивчонки, и парни. А кто падходит, вот там разлучают: эт*а* станит, другой пайдёт разлучать каво. Проста так играли, по вечарам эдак играли» [БПЕ, с. Палатово; СИС Ф2000-05Ульян.].

Различалось только направление движения: игрок мог проходить как с начала колонны, так и с ее конца. «Вечирам вот кагда “падмырышками” играли и всё эдак-ту. Ну вот двоя, там вот стаят по двоя парами, там выстраицца цела*я*

очиридь. А адин каво-нибудь выбирит и всех падмырнёт, прайдёт назаде встанит. Этыт адин астаницца, выбира*а*т *из* другой этай пары. Апять туды встаёт назад. Нет, ни пели ничаво» [КАВ, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-04Ульян., № 47]. «“В курочку-мырялочку”. Вот стоят все по двоя и мыряют, ково надо выбирают, поташшил. Этыт бежит опять взад, опять ково надо выбираит, ташшит. Сзади, сзади [забегает]» [СЕИ, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-02Ульян., № 56].

Иногда, если выбранный игрок почему-либо не хотел стать в пару с выбравшим его игроком, последний имел право хлестнуть того ремнем. Потом ремень передавался оставшемуся в одиночестве игроку. «А, эдак играли. “Падмы́рщики”. Вот уцыпа́мся двоя за руки. [Вставали] лицо к лицу. Эдак вот [одной] рукой доржимся. И вот падмырива*а*м туда, пад руки падмыривают. Примерна, каво надо, там дёрнишь, ана за табой идёт: там паринь ли, девка ли. Вот. Ни пайдёт, сичас иё хлыщит римнём. Каторый первый идёт, в руках римень. Каторава дёрнит за сабой, вот, он хлопнит и римень апять пир*е*даём другой. Кагда лезит он, и вот яво хлопнишь, яму римень суёшь» [ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-12Ульян., № 77].

Иногда эта игра заключалась только в перемещении пар игроков с начала колонны в ее конец и напоминала некоторые варианты игры «в плетень» (см.). «Вот эдак руки сдела*а*шь и вот сюды праходют, прапускают. Вот стаят [боком] и держуцца там чилавек двенаццать, эта шесть пар, семь пар.

Гари-гари ясли,
Штобы ни пагасли,
Калакольчики звинят,
Наши птички литят.

А тут падмыривают вот люди-ти. Сразу оба. Падмыривают и апять становюцца там сзади» [ШЛВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 28]. Во время этой игры могли петь песни, но не частушки, а советские лирические [ЛЕК, с. Вальдиватское; МИА Ф2005-14Ульян. № 57].

И.С. Слепцова

ЧЕСТЬ МОЛОДОЙ ПОКАЗЫВАТЬ — см. Второй день

ЧИГАНАШКИ — см. Пугать, Русалка

ЧИЖ

Игра *в чижа* (*в челнок* — с. Кадышево) была распространена в Ульяновском Присурье повсеместно, а ее активное бытование продолжалось вплоть до конца прошлого века. Как и другие игры спортивного типа (см. *Клёк*, *Рюхи*, *Чиж*, *Шар*), она была развлечением преимущественно мальчиков и парней. «“Чижик” — палычка. Рибяты тол*ь*ка, дивчонки ни играли. Вот у миня брат был, вот он играл, с дваццать шастова года он, старши. Вот ани “в чижик”-та» [МВП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-03Ульян.,

№ 27]. «“В чижа” играли, “чижик”-та. Эта, как сказать, массова*я* была игра. “В чижик”, ну, дивчонки ни играли. Играли в этыт “чижик” рибята» [ШЕС, ИВА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-36Ульян., № 4].

Иногда девочки-подростки могли играть в нее вместе с мальчиками. «Ох, я играла! “В тижик”, в этыт “в клёк” ой, я с рабятёшками играла! Чуда! А “в тижик”, ой, я замуллю́ куда там!» [РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-08Ульян., № 93]. «А, “чыжик”. Играли, эта уж бальшии “в чыжик” стали играть, бальшии уж были. Все кряду играли» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-12Ульян., № 76].

Сам игровой предмет — *чижик, тижик, челнок* — представлял собой круглую или четырехгранную палочку длиной около 10–12 см и диаметром (или в поперечнике) 2-3 см. Концы его заостряли с одной или с обеих сторон. Для игры еще употреблялись палки, такие же какими играли и в клёк, рюхи и другие игры.

В этой игре наряду с жеребьевкой, которая практиковалась и в других играх (см. *Кониться*), применяли и способы с использованием чижа. В с. Чумакино для этого на четыре грани чижа наносили римские цифры: X, V, IV, III или II. Затем каждый из игроков (их могло быть только четверо) «захватывал» себе какую-либо цифру (т.е. называл ее своей). Чижик подбрасывали в кругу, и тот игрок, чья цифра выпала первой, бил первым, вторая — вторым и т.д. «Вот кидашь [чижик], на нём нарезана: десить римски, пять, чытыри, три или два — с чытырёх старон. <...> Спирьва вверх брасали, эта каму ка*г*да перваму, втарому, третьиму бить. Вот ка*г*да мы начына*и*м играть, любой, я эта захватываю “пять”, или “чытыри”, или “десить”. Этыт скажит “пять”, я скажу, мая пусть “десить”. Вот начынам яво кидать. Лягла “пять”, он первый будит, эта яво. Можит, мая “десить” сама*я* паследняя придёт, упадёт. А патом вот эта друг за дружкай, за кем кака*я* выпадит» [БВИ, ГАВ, с. Чумакино; СИС Ф2002-05Ульян., № 65].

Существовало несколько разновидностей этой игры. Наиболее простая, практиковавшаяся детьми младшего возраста, заключалась в отбивании чижа на дальность, ее можно рассматривать как тренировочное упражнение перед собственно игрой. Чижик клали в начерченный на ровном месте квадрат со стороной 1 м и по очереди били палкой по его концу. Когда он подскакивал, его старались ударить еще раз. «“Чижик” — палычка. Стукнут, он взлитит, ани яво кинут палкай и шагами мерили. Сколь шагов. Кто *на* больши шагов кинит» [МВП, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-03Ульян., № 27].

Способы, которыми заставляли чиж взлететь в воздух, различались. Чиж клали в кругу обычно на землю, нередко на дощечку, и ударяли палкой по его заостренному концу. «“В чыжа” играли. [Чиж] круглый тониньkый, ни толстый, а коньцы-ти вострыи вот с абе*е*х старон. Вот па няму па каньцу-ту ударишь яво, он взвёртыва*е*цца, взлятат, и уж этай палкай-та яво ударишь, он куды тебе...» [ШВС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян., № 62].

В некоторых местах дощечку могли ставить наклонно, подкладывая под нее бревнышко, чиж в этом случае лежал на ее нижнем конце. А чтобы чиж взлетел в воздух, били палкой по верхнему концу дощечки. «“В чижа” играли, “чижик”-та. Значит, была вот такого размера [=20 см] этыт самый

Ученики Астрадамовской средней школы. 1920-е г. Фото Р. Покщаева

“чиж”, круглай, из палычки. Он заострён был с обоих концов, и с той, и с другой стороны, вот. Делали, значит, такую как пластина, што ли, и на эту самую пластину вот этыт “чижик” ставили. Ну, вот такая же дащечка [как книга], толька вот так может быть [подлиннее], ну наверна, как сказать, санти́метрав сорак ана длины. Вот иё клали ну, на чево-нибудь, на какую-нибудь падставку што ли? А вот “чижик”-та [клали на нижний конец]. Палкай-та как ударют! По дощечки [ударяли]. И он, значит, литит» [ШЕС, ИВА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-36Ульян., № 4].

В с. Сухой Карсун рядом вбивали два колышка на разную высоту, на которые клали чижа. «Два колышка было забито: один повыши, допустим, один колышик десить санти́метров, а другой понижи сантиметра на два. И вот эта, значит, “чижик”-то вот клали ево на это вот хозяйство, и по этому концу-то, што выступал, как ударят! И, значит, он литит. Который раз удар-то удачный, далёко отлитит, а который, значит, тут же в кон» [ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-36Ульян., № 40].

Иногда делали в кругу небольшую ямку, на которую клали чижик. «А патом “в чыжик” такой, палачку тожи кидашь. “Чыжик” был вот круглый был.

Вот ямычку выкапашь, и вот этыт "чыжичык" ложишь. И вот яво [снизу] падденишь, падкинишь и старашься эта, ну, падальши аткинуть. Кидашь, а патом палкай как чыкнёшь» [ПЕП, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 113].

В других случаях, положив чиж в круг, резким движением палки катили его к себе, и поддев концом, подбрасывали вверх, а затем подбивали в поле. «И "в чижика" играли жа. Вот так палку сдела*а*шь, [нос был] вострый, заточинай. <...> Вот так катнёшь иё, чикальнёшь» [СНИ, д. Александровка; СИС Ф2004-10Ульян., № 55].

Наиболее распространенной разновидностью игры была следующая. Ударом палки по чижу игрок отправлял его в поле, а водящий должен был забросить чиж обратно в круг, игроку при этом разрешалось отбивать чижа от круга. Так продолжали до тех пор, пока водящему не удавалось попасть в круг или пока он не ловил чижа в руки, — тогда игроки менялись ролями. «Вот такая вот так [палочка]. Ну, так с четвирть [15 см]. Канцы заастрёны с абоих старон. Он читырёхгранный был. Вот иё кладёшь, во, во — и вот раз! — иё так палкай тоже, панки. Раз! — па канцу. Он взлятаит и яво в лёт ударяишь. И вот биги за ним, кто вадит. <...> А если прамахнулся, то тибе уже вадить, за этим "чижом" бегать. И вот он кагда ударил да в воздухе яво ни задел, то он уже штрафник. Вот. Можит, каторый ловкий, там пять, десить раз, а всё равно он прамахнёцца. Так и так яму вадить дастаницца, сама абстановка заставляит» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-03Ульян., № 100, 104].

В с. Чумакино вместо круга чижа нужно было забросить в небольшую ямку. «Эта "чыж", играли "в чыжа". Вырязат "чыжик" вота, вот палачка, канечки заострины. Прям вот на землю кладёшь, стукнишь (у няво канцы завострины абои), стукнишь, он эта атлятат и этай палачкай яво бьёшь туда. Вот бьёшь яво па канечку-ту, и он улятат. Тожи такоя сделана нападобии как "катёл". Он вырытый жа, нападобии нибальшова "катла". И вот он яво старацца в этыт "катёл" закинуть, а каторый, вот я яво талкану́л туды, я дижурю. Вот если я папа́ду по няму этай палачкай, он абратна атлитит. А прамажишь, ни папал в"катёл", апять я бью яво. Вот кагда тот папа́дит "чыжиком", я прамажу, ни задиржу яво, он в "катле" этыт "чыжик", то я ухажу вадить, тот начына*и*т бить» [КМВ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 73].

Довольно часто практиковался вариант, при котором игрок мог бить по чижу столько раз, сколько выпало очков при первоначальном броске. Причем каждый следующий раз игрок бил с того места, где упал чиж, так что расстояние, на которое угоняли чижа, могло оказаться довольно большим. «"В чижик" играли мы тожа. Палачка была квадратнинькая. Тут, значит, "Х" — эта дисятка, тут пятёрка, тут, значыт... Чытыри грани. Ищо тройка и адин. И вот, значыт, палачкай как вот так стукнишь, ана кверьху и ты нападдаёшь иё! Нападдаёшь и бежишь. Чево ж тама? Если там пятёрка — пять раз ты будишь играть. Если адин, то адин. Другой, следущий там значыт. Очыридь была тут тожи» [РВД, с. Барышская Слобода; СИС Ф2007-01Ульян., № 59].

В с. Аргаш водящий должен был возвращать чижа, прыгая на одной ноге и крича: «На кули!» «“В чиж” играли, “в чиж”. Ну, он вот как, ну вот такой [длиной с ладонь]. Он как пал*ы*чка, вот такая пал*ы*чка — “чиж”. Ну, вот как эта ручка [круглый]. Ево заострят, там па-атло́жи, а здесь круто. Завастрённый, как эта, пузатый. Он лежит на пузе, а вот тут чуть-чуть тоньши, он пиритягивацца. А па канечку ударишь, ана же пиритягиват, он припадымацца. Вот ударишь, он паднимаецца. Ударишь, эсли начикнёшь, эсли ищо, ищо, и так яво дальши, дальши гонишь. Ни дашь падать, ни даёшь на землю упа*сть*. Вот да трёх раз. Вот как натриниравались. Вот ты яво стукнул па кан*цу*, он паднялси, ты яво начикнул, он выши, даль*ши* ты начикнул, он дальши. И ты ат каждай идёшь апать в няво папасть. Да трёх, да пяти раз. Да пять раз можишь! А нек*а*тырыи ни разу ни, стукнул и... Нек*аты*рыи ни разу ни начикнёт. А некатырыи всё лов*ит* и лов*ит*, да на воздухи, всё бьёт и патом ударит — дальши литит. <...> А адин за ним бегат, падаёт, [кричит], и там какии-т*а*: “Кули́-кули-кули!” И чеё-т*а* песни были: “До чёво довели”. Я уж и забыл. <...> Замучат ево бегать, бегать далёка! Пабегай-ка! Беги да пой, ска*чи* на адней наге скальки́. Да. На адной наге и туда и аттуда! <...> Если ударил, ничео ни падня́л вверьх, знашт, он праиграл. Вот иди прыгай скальки́» [КМС, с. Аргаш; СИС Ф2000-05Ульян., № 8].

В с. Чамзинка был зафиксирован вариант, который очень напоминал игру *в муху*. Выбирали водящего, который должен был ловить чижика в *поле*. Остальные игроки вставали на *тя́гу* — черту, которая проводилась на расстоянии 10–12 шагов от круга. Затем первый игрок подходил к чижу, лежавшему на маленькой ямке, концом своей палки подбрасывал его в воздух и бросал по нему палкой, стараясь послать его как можно дальше в поле. Водящий должен был принести чижа на ямку, а игрок в это время старался, схватив палку, занять место на тяге. Если водящий успевал вернуть чиж на место раньше, чем игрок встанет на тягу, он менялись местами. Иногда водящему удавалось схватить чиж в воздухе, в этом случае он тоже менялся местами с игроком. Иногда игрок, бросив палкой по чижу, промахивался, в этом случае он оставался стоять рядом с кругом, надеясь, что следующий бьющий игрок его *выручит*: пошлет чижа далеко в поле, и тогда он сможет вернуться на тягу. «“В тижик”: вот такая дащечка, ямычка. Ямычка, палычка завастрёна. Тут круг. Вот щас в эту ямычку эту палычку кидашь, вот эдак вот как яво падынишь да па няму ре́знишь! Он улитит. Бигёт, каторый водит, бигёт за “тижиком”, кладёт в эту ямычку, а я за сваей палкай. *В*стаю на мести. У нас свая тяга. Он падбигёт, паложит, я ищо [бью]. А если то*ль*ка я кину [палку] — памима, значит, я праиграла. Если прамахнулась, значит, *в*стаёшь на месте тут. Стай́ где ты встала. Ни на тяге стаишь, а стаи тута [=около круга]. Если ты ни успела падбижать, то*ль*ка до этава круга дабяга*а*шь, и астаёсся круг [=около] этава круга, ждёшь, кагда тибя кто выручит. Вот там праигра*и*сся, падходит другой, падымат, вваливат. Выручут. <...> Если он пумал [в воздухе], то значит, мне так и так вади́ть. Кагда вот он кинит, он пака за ней бигёт, а аттоль

прибигёт и станит на сваю тягу. <...> Патом втарой падходит» [ГПМ, РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-08Ульян., № 94].

Еще одной разновидностью игры был набор наибольшего числа очков за условленное количество ударов по чижу. Для этой игры на гранях чижа писали цифры. «Вот такой квадратик, как брусочик, щас яво — раз! И тут палкай яво. И патом на нём, знашт, эти цыфры какии-та были там написаны эти вот [один, два, три, четыре]. Да, вот эта чаво-та тут. Скока там, как он упал, скока у няво там цыфра-та, вот эта как ачки набирала» [ЕМА, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 121].

В с. Русские Горенки подобный вариант называли *римским чижиком*, так как на одной из граней вырезали римскую цифру Х. Если чижик падал этой стороной вверх, то игрок мог бить по чижу десять раз, и конечно, получал возможность набрать наибольшее количество очков. «Так, “в чыжика” — эта вот такой диривяннинькый. Эта какой-та вот ищо “в римскый”. Есть “чыжик в римскый” играли. <...> Вот уж “римскый” был, он проста квадратнинькый, чытыри стараны, квадратнинькый, канцы завастрёны были, ну вот, я гаварю, зарубычки-ти. Помню, там десить, наверна, зарубычкав. Там и “пять” есть, на каторай старане. На каторай “три”, на каторай и “два” — всяво чатыри стараны. Вот тут, наверна, римскый крест какой-та ставили. <...> Вот так уж яво как-та начыкнёшь, там лягит как, ага, десить — десить раз, наверна, да дисити раз штобы папасть-то. И яво [=чиж] клали на чушичку. Так стукнишь, он прыгнёт, и дальши старасся яво [отбить]» [ПЕП, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-06Ульян., № 113].

В д. Александровка, напротив, если чижик падал вверх крестиком, то все набранные игроком очки сгорали и он передавал игру другому. «И “в чижика” играли жа. Вот так палку сдела*а*шь, [нос был] вострый, заточинай. Пал*ы*чка вот такой длины [=15 см], он абтёсаный, и так и тут абтёсана. И тут эти чёртачки [I, II, III] написаны, а на этай старане был “икс”-та. И яво паложишь вот так [=приподняв нос] и сразу на пал*ы*чку. Вот так катнёшь иё, чикальнёшь. Чикальнёшь и там упа́дит как. А на “икс” [=Х] если упа́дит “икс”, всё, сгарела. Всё, другой начина*а*т играть. <...> Если ты успе*е*шь дагнать ево, чикальнёшь, а ни успе*е*шь, [другой начинает]» [СНИ, д. Александровка; СИС Ф2004-10Ульян., № 55].

Когда один из игроков набирал условленное количество очков, он получал право наказывать (*гонять*) проигравшего, т.е. того, кто набрал меньше всех очков. Игрок вставал в «круг» и бил по чижу, а проигравший должен был возвращать чиж в круг, скача на одной ноге и крича: «На кули!» Так повторяли столько раз, сколько было игроков. «Патом, значыт, всё канчаицца. Ты ни вы*и*грал, вот и кричы бегай, паганять будут. Кричыт: “На кули!” Примерна нас пять играют. Ты праиграл. Вот чытыри чылавека тибя начынают ганять этим “чыжикам”» [ЕАЯ, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 17, 2000].

И.С. Слепцова

ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Чистый понедельник — завершение масленицы (см.) и начало Великого поста (см. *Пост*). В этот день все действия были направлены на очищение окружающего пространства и самого человека от «нечистоты», понимаемой широко (грязь в доме, скоромная пища, грехи), что сближает его с предпасхальным периодом (см. *Пасха*).

С утра мыли полы, топили баню, стирали. «Стирают, всё, все гряхи смывают, начынаицца уж Виликый пост. Посли маслиницы и да Паски Виликый пост. Штоб всё чыста была» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 99]. «В Чистый понидельник, вот я знаю как у нас мама, и вот и сичас я знаю, и в понидельник сразу стирали адёжу. Вот. Я помню, мама гаварила: "Раз Чистый понидельник, посли маслиницы надо стирать адёжу. Начался пост. Всё". Канешна, тагда ниминучи был пост, галадовка была» [САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-13Ульян., № 100]. «Баню тапили, пол мыли и атдыхали. Чистый панидельник, эт*а* тут бывала» [ВФЯ, с. Аксаур; МИА Ф2001-25Ульян., № 88].

Особенно необходимо было мыться в бане тем, кто участвовал в кулачный боях (см. *Кулачки*). «В Чистый панидельник, значит, всё асвищать, где вот кулачныи были бай́, там тапили баню, мужики парились в бани, натирались редькай, вот в Чистый панидельник» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-07Ульян., № 11].

У мордвы из с. Беловодье сохранился обычай в этот день сажать первого пришедшего на подушку, чтобы год прошел хорошо, «если придет хороший человек, а если непутёвый, то весь год будешь страдать». Этот день считался там «неходящим», старались без крайней необходимости не заходить в дома друг к другу, чтобы нечаянно не навредить соседям [ФАП, с. Беловодье; СИС Ф2004-10Ульян., № 115].

В этот день не работали, так как «гаварят: "Выблядки тол*ь*ка работают на няво". На этат панидельник. Эта толька название "Чистый панидельник". Ни работали на няво. Вот эдак вот я слыхала» [КАП, с. Первомайское; МИА Ф2001-14Ульян., № 58].

Иногда этот день считался завершением масленицы, ее проводами, когда последний раз пекли блины и жгли солому (см. *Провожать масленицу*). «В Чистый панидельник вроди блины пякут, эта в Чистый панидельник маслиницу правважают» [ТАС, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 89]. «На другой день маслиницы паст*а*новют эту, салазки, на салазки паставят снапы, зажгут и па улицы возют. [Провожали] вот эдак на салазках, да» [БЕИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-04Ульян., № 21]. «Баню тапили, мылись, эт*а* в Чистый панидельник. Праважали маслиницу на Виликый пост» [МАН, с. Тияпино; МИА Ф2001-19Ульян., № 5].

С понедельника верующие начинали поститься. «Падайдёт панидельник, звали "Чыстый панидельник", эта уже Боже упаси, штобы, как в ста-

ринна время, штобы рюмку кто-та выпил или скаромнова в што-та съели. Сразу начынацца Виликый пост» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП ФАУлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Остатки скоромной еды часто отдавали татарам, которые специально объезжали для этого соседние села. Подобный обычай назывался *поганы куски собирать*. «Татары сюды видь к нам ездили, ани вот эта сама*е* в Чистый панидельник ани приходют там в дом и гаварят: “Давайти нам паганый кусок”. К нам ездили эта вот. Уже грех, пост Виликый начинацца, вот тут уже им атдают. Скаромнае всё прикращацца, начинаицца Виликый пост. И всё, на семь нидель загавынья» ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 42]. «Кой день кончилась эта маслиница, ани [=татары] в этат день пришли, придут и падаёшь всё. А сами ни ели. В Чистый панидельник, да» [ГМС, с. Проломиха; МИА Ф2002-28Ульян., № 8]. Иногда эту функцию выполнял кто-нибудь из односельчан. В с. Чумакино утром в понедельник старик, который накануне возил чучело масленицы по селу, выезжал на лошади собирать блины. «Был у нас адин старик. Он чудной был, чудил. Он ездил блины сабирал. Эт посьли масьлинцы, эт Чыстый панидельник, а он эт тут ездил. Вот — запригёт лошадь, паложит там ча*в*о, и вот едит, ульцай-та, блины сабират. Пякут блины, выносют яму, кладут, и вот он в Чыстый панидельник блины собират» [БТП, с. Чумакино; ПИС Ф2000-17].

Хотя довольно часто остатки скоромного доедали сами. «Гаварили, эти паганы куски даядать. Вот так гаварили. “Паганы куски даядать” — эт вот у нас гаварили, эт у нас была всё» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003]. «В бани моюцца, всё, после масленицы даядают всё, все пираги, в панидельник Чистай. И всё, лажацца рана спать» [ГЕН, с. Валгуссы; СИС Ф2001-07Ульян., № 84]. При этом могли зайти к родным, чтобы вместе устроить небольшое застолье. «Тут хадили даядали друг па дружки у каво чаво асталась. Друг па дружки к сродникам. А к людям-ти куда пайдёшь? У каво брага асталась, у каво рыба асталась. Вот хадили даядали» [МАН, с. Тияпино; МИА Ф2001-19Ульян., № 5]. Иногда остатки скоромного давали детям, поскольку для них нарушение поста было простительнее, чем для взрослых. «Посли маслиницы уже чистый пост идёт, уже всё. А Чистый панидельник эта назывался чево? Эта вот мама, пакойна, гаварила [детям]: «Даядайти паганы кусочки, а уже тама пайдёт всё». Разришали [скоромное]. Вот я гаварю “паганы кусочки дядайти”» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-04Ульян., № 40]. «Да канешна, што аставалась даядали. Мали́нки. Эт*а* если ищ*о* дадут. А то абычай такой был — грех был, пост начина*и*цца. И прятали каторы. В каторай симье атдавали, а в каторай и нет. [Дети доедали], ну канешна» [ВФЯ, с. Аксаур; МИА Ф2001-25Ульян., № 88].

Обычаи Чистого понедельника в некоторых селах представляли собой своеобразный переход от разгула масленицы к строгости Великого поста. Мужчины *похмелялись* — собирались компаниями и ходили из дома в дом, чтобы допить самогонку и доесть все скоромные остатки. «Ну, бывали не-

каторыи заядлыи, напьёсся пьяный и в панидельник пайдёшь выпьишь. “Пахмилицца, — гаварит, — нада”. Эта перьвый день паста уж. Апять всё сабираюцца. Эта апять толька што мужики ежели. Схадились, но нимнога схадились, па родствинникам. Я к тибе пришёл, ты ка мне пришёл. Ну, ежели саседи друг с дружкай, тожи хадили. [Закусывали] у каво што есть. Есть пираги астаюцца там ат праздника, всё-та ни съешь, видь астаницца, вот пирага там. Ну мяса вот уж эта на маслиницу ни ели, паследний день, патаму шта пост пашёл. Рыбу ели. Жариная была, и салёная, бальшинство салёную пакупали. В магазин паедут, на базар в Бирезники вот...» [КАФ, с. Тияпино; МИА Ф2001-19Ульян., № 34]. «Был адин у нас пьяница, он вот кричал на втарой день посли маслиницы: „Маслиница, маслиница, што ты ни семь нидель, толька три динёчка!“ Три дня яму гулять харашо была, а семь нидель грех уж, пост. Вот он пел. На втарой день, утрам. Идёт пахмиляцца и вот паёт» [СМО, с. Коржевка; МИА Ф2001-26Ульян., № 51].

В д. Александровка во время такого обхода мужчины пели песни, несмотря на то что это было нарушением запрета на веселье во время поста. «Пахмиляюцца. Хадили друг па дружк*е*. Прям пахмилицца. Ани канпанией сабяруцца, писнякá в панидельник в Чыстый — пают. Грех, гаварят. А у них арех ва рту-та! Паю-ют! Вот и́дут и пают. Ну, “грех, — гаварят, — в арех”. Да ну, ва*а*бще, гаварим мы, в панидельник Чистый грех [петь], видь пост уж начался, ну а пают» [ЯАИ, д. Александровка; СИС Ф2004-09Ульян., № 37–38].

В с. Кадышево Чистый понедельник назывался *рёвин день*. «Эта уж маслиница прайдёт, в Чыстый панидельник. Ну вот, в Чыстый панидельник, вот, примерна, гуляют, гуляют артель, сходюцца в Чыстый-та панидельник, чаво? Давайти пахмиляцца. Ну, пахмиляцца, давайти пахмиляцца. И вот, каторы чудаки-ти:

Што ты, маслиница, ни семь нидель,
Што ты, пост, ни адин день.
Я бы пропил и каров, и лашадей.

“Рёвин день”. Вот маслиница прашла, гулянья-та кончылась, а маслиница-та палуччи видь, па-висилея жизнь-та была, вот а уж “рёвин день” тут и пост, и начынаим риветь, всё пропили. Вот, взяцца не с чиво уж» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-12Ульян., № 95]. «Чыстый панидельник “рёвин день” яво называли. “Рёвин день” патаму шта раз маслиница кончылась, рявут. Рявут, галодны бабушки-ти, начынаим голадам, а эти вино бросили пить — вот и “рёвин день”. И запявают: “Шты ты, маслиница, ни семь нидель”. Да ну да, пьяны всё шутют. Щас, видишь, гавенья падходит, вот ано што. Гавенья-та семь нидель будит, а маслиница всяво-та два дня. Два ли три ли дня прагуляют. Вот. А Виликый пост он семь нидель будит, вот тут и запявают: “Што ты, маслиница, ни семь нидель, а Виликый пост настал”. Проста пригаворка, нибальшая припевка, а ни длинная песня, проста как падгаворка» [ЯИВ, ЯТА, с. Кадышево; СИС Ф2003-12Ульян., № 18].

В с. Б. Шуватово Чистый понедельник назывался *хабабе́й* — это был общий сельский пир, для которого женщины готовили большую грибную жареху. «Эт хабабе́й, эт хабабей называцца, вот эта пахмиляцца, и вот тут уж песни за письнями-те. Эт хабабей называцца. О-ой, у нас всё эта, на углу-ту мы жили, сабяруцца все вот, ба-тюшки, предсядатель придёт, и эта баба-т у нас, грыбо́вница, натаскат грыбов целый мишок маслинкав-та, насушит их, вот эт уж больна я помню. А малиньки маслинки, вот эт их настират [=намоет], самавар паставит, настират их, настират, маслам посным абальёт, нажарит, о-ой, толь*ка* дай на стол, так подай. Всё адин мужик: «Пагади, баб Соня, щас Нюра принясёт, у миня канапляна масла есть». Двухлитровый гаршок принёс — ой, чай, батюшки. Мишок целай сьели тада грибов-та, вот этат самый хабабей. Сроду ни забуду. Маманьки! Ну, например, как матиря уж вот наши, да, бабы-т уж, вот эдак разуцца, басиками. Пляшут, маманьки! Пляшут, а как жи, запявают!» [СМС, с. Б. Шуватово; ЧМП ФАУлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

Название праздника, вероятно, происходит от арабского *хабиби* ('любимый, дорогой милый') и позаимствовано у татар, с которыми у русских были тесные отношения, особенно после укрупнения колхозов. Это слово часто упоминается в песнях. «Ну, я слышала праздник [хабабей], ну толь*ка* это у татар. У нага*е*вских, у нага*е*вских. Очень хароший народ там в Нагаиве. Кто знаит [какой праздник]? Ни зна*ю* ничаво» [ИМФ, с. Жемковка; СИС Ф2007-04Ульян., № 29].

В с. Чамзинка, чтобы иметь законный предлог для выпивки, мужики нанимали в этот день пастуха и устраивали после этого могарыч (этот обычай назывался *стада сдавать*). «В Чистый панидельник баню истопют, намоюцца, редьки наядяцца, палижат. Старикам делать нечива, начнут стада сдавать заран*е*е, штобы выпить, пахмилицца. Для таво, штоб причину найти выпить. Авец, каров пасти, эта пастухов нанимают. Пастух нанимацца, там дагаварива*и*т скол*ь*ка с каровы. Ну, дапустим, палпуда с галавы с каровы, или там скол*ь*ка ли. Ну, и авец так вот сдавали всё. Все старики сабяруцца в кучу, там у каво *г*де сходка была, как Савет у нас, сайдут туды, и вот, значит, этим делам занимались. А патом угащение, да. Угащали пастуховта. Складчи́ну делали, угащали их. А уж вясной-та он их выганял пасти» [ШАМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 55-56].

В с. Чумакино Чистый понедельник считался *бабушкиным днем*, это название употреблялось и по отношению ко второму дню Рождества (см.). Женщины навещали друг друга и устраивали небольшое угощение. «Ну, вот на Пращоный день, на другой день — "ба*б*ушкин день" называли. Ни знаю, пачаму звали "ба*б*ушкин день". Ну што? Самавар паставишь, да всё. Ну придёшь к свахе, к примеру, сходишь. На "ба*б*ушкин день" пагуляишь маненька там, самавар паставит, па стопки выпьишь. [Скоромное] нет, нет, в панидельник всё уж, ни ели» [ЛЕФ, с. Чумакино; СИС Ф2000-08Ульян., № 99].

И.С. Слепцова, М.П. Чередникова

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ — см. Пост

ЧИТАЛКИ

В Ульяновском Присурье распорядителями похоронно-поминальных обрядов являются так называемые *читалки*, *читальщицы*, *певчие* или *монашки* (см.). В селах Присурья появление традиции «отчитывать покойников» связано с тем, что церкви были разрушены, а священнослужители репрессированы, поэтому их роль стали исполнять пожилые или незамужние грамотные и религиозные женщины. Как правило, эти женщины регламентируют проведение народных религиозных праздников и похоронно-поминальной обрядности. В их среде складывается и развивается письменная традиция, старшие из них хранят церковные книги, передающиеся из поколения в поколение. Другие покупают молитвословы, «Закон божий», разного рода церковную литературу. Высоко ценится грамотность читалок. Они, как правило, научились читать по-церковнославянски еще в детстве от родителей или односельчан, которые были прихожанами местных церквей и участниками церковного хора. «Я и сама-та уж ни знаю, кагда я стала чытать-та [молитвы во время ритуалов]. Нет, ни очень давно, ну, можа гадов пять или шесть — вот так вот. А я выучылась чытать ишша в детстви. У миня падруга была, у ей эта радители, атец был набажливый. И вот я славянские, эта такия буквыти, я все их выучила. В детстви я их все знала. У миня же мама была набажлива, и свекровь была набажлива. Са свекровью я жила с писят втарова года. И маму заставляли чытать, как и меня. Спярва вить чытают сямнадцату, а патом канун. Ну, и миня эдак вот заставляли и маму все. А тетя Маруся была, вот она с мамой маей хадила» [ТЕС, с. Проломиха; КАМ Ф2002-7].

Практически все духовные стихи и молитвы, которые исполняют читалки, записаны в тетрадях. «У миня есть многа тетрадок [показывает], я их вот храню для чтения и щас вот пириписываю адну сваей подруге, вот Толе. И вот их мы все время с ней чытаим и каму нада, тожа напишем. Тут все есть: и канун, и различные малитвы, и все как по Божьему писанию сказана, и стихи на какой день и праздник» [ТВВ, с. Потьма; КАМ Ф2005-82]. Читалки обучают друг друга правилам воспроизведения письменного текста. Он должен обязательно заучиваться наизусть. «Помню всё почти наизусть, но вот магу забыть, их же нада все время читать, вот как малитвы и знать наизусть, а кто если еще не обучен, по тетрадкам чытают, вот у нас кто ходит чытать — сперва по тетрадкам». «Я к маей Толеньке хажу, вот и она учицца потихоньку, я ей тетрадь переписываю, и гаварю ей: “Толь, на-ка вот выучи ты этат-та стишок» [ТВМ, с. Чамзинка; ГОГ, КАМ, Ф2003]. «Да, Валя мне уж писала да писала. Адно время я к ней прихадила, гаварю: “Толь, идем на праздник, малитвы петь”. Вот на все празники хадили. Я к ней пачытай каждый вечер, доченька, прихажу и с ней чытаем писания, молитвы» [ТВМ, с. Чамзинка; ГОГ, КАМ, Ф2003].

Кроме текстов духовных стихов в тетрадях записываются апокрифические предания, заговоры, рассказы и толкования библейских сюжетов. Таковы, например, тетради Валентины Васильевны Тихоновой, которая исполняла в с. Потьма роль старшей читалки. Поддерживая

Читалки из с. Астрадамовка. 1978 г. Личный архив Е.П. Кармишиной

свой статус ритуальных специалистов в коллективе, читалки постоянно контролируют процесс обучения молитвам и духовным стихам, так как «все должно быть правильно, по Божьему обряду» [ТВВ, с. Потьма; КАМ, Ф2005-82].

Читалок зовут сразу после смерти одного из жителей, обычно приглашают старшую читалку в селе и еще двух-трех самых опытных читалок. Обычно служба возле покойника продолжается всю ночь, иногда читалкам помогают члены семьи умершего. Во время похорон место священника в ритуале занимает старшая читалка. Священник в советское время перестал быть образцом ритуального поведения в мужской культуре. «Ни аднаво [мужчины] ни асталось, ни аднаво… Щас службы нет, вот чаво. Их [=молодых] ни заставишь. Ну, вот кагда я служила, бывала на Ражаство, на Кришшенье — все мушшины хадили» [РАА, с. Б. Шуватово; КАМ Ф2003-7].

Поскольку читалки берут на себя роль не только исполнителей ритуала и, следовательно, посредников между живыми и предками, но и роль посредников между Богом и сообществом людей, старшая читалка занимает место в красном углу, под иконами, где она читает молитвы и

духовные стихи. В быту это место хозяина дома (посредника между семьей и предками), это также и место священника в ритуальной трапезе (посредника между Богом и людьми). Для читалок ставят стол и кормят их поминальным ужином, а также одаривают подарками: платком, посудой или деньгами. На третий день, в день похорон, приходят все читалки деревни. Они отчитывают покойника с утра, а затем сопровождают похоронную процессию.

На кладбище старшая читалка часто является распорядителем погребения. «Я кажнава миртвяца отпяваю и отчитываю, и праважаю в паследний путь. А щас уж вот ноги не ходют, меня возют на кладбище. Там я читаю специальну малитву и посыпаю землицей церковнай кристикам, а потом только гроб опускают. Без малитвы такой специальная нельзя хоронить, эт у нас ещё священник делал все. А я вот ездила к священнику в Валгуссы, он мне и говорит: “Ты, вот давай, вот так вот делай”» [ТЕС, с. Проломиха; КАМ Ф2002-7].

Отчитывание усапшего в с. Сухой Карсун. 2004 г. Фото Н.Г. Матлина

Читалки представляют собой особую социальную группу, профессионально исполняющую в коллективе обряды и праздники. Они являются распорядителями не только похоронно-поминальной обрядности, но и религиозных праздников: Рождества (см.), Пасхи (см.), Крещения (см.), Ильина дня (см.). В эти дни старшая читалка организует на кладбище (в молельных домиках) либо в своем доме литургию, на которой собравшиеся читают молитвы и духовных стихи, поминают усопших. «Я вот каждо Рожество служу, и подруги мои, кто читат, служут, а ещё не читат — слушают учацца. Я ездила к батюшке в Валгусы и он мне сказал, что не грех это нам читать. Вот и читам и поём по книжкам, по тетрадкам друг у друга преписывам» [ПМВ, с. Чамзинка; КАМ Ф2003-19]. «Каждое восресенье читаем и служим, как в церкви. На Троицу ходим на кладбище, там служим, у сваих радителев» [ТЕС, с. Проломиха; КАМ Ф2002-7].

Во время поминальных дней в качестве церкви выступает дом старшей читалки либо особая сакральная зона — кладбище.

Участвуя в поминальных обрядах, читалки организуют литургию, во время которой читают молитвы и поют духовные стихи, а также «чистый стол» — сакральную трапезу после литургии. Перед определенными поминальными блюдами читалки исполняют или духовный стих, или же

молитву. «За сталом пают толька за кашу “Багародицу” и за кисель. Вот када кисель падают, три раз*а* спают “Святый Боже”» [ТВМ, с. Чамзинка; ГОГ, КАМ, Ф2003]. «Пирид киселем-ти паем. Малитву “Вечну память”». [ТЕС, с. Проломиха; КАМ Ф2002-7]. «Ну подали там или падают как кашу, паставили, пают “Багародицу”. Три раза. Патом — кисель, за нём тоже пают “Са святыми упакой”. Эт уже все. А паели, выходим, все уже паели, кампот выпили: “Благодарим те, Христе Боже наш, яко насытил земных твоих благ и не лишил нас сваего небеснаго царствия. Госпади, памилуй, Госпади. Памилуй, Госпади, памилуй» [ЗАА, с. Чумакино; КАМ, Ф2002 -56].

В данном случае наиболее часто цитируется текст «За трапезу сестры сели». «Вот зачем ты спрашиваш, служим? А вот ты стих почитай. И у Вали первым долгам мы ево чытам, вот “За трапезу сестры сели” на поминки, и там гаварицца, шты Гасподь нас благаславил, у нас и церьковь сломали, а мы чытам!» [ЕАН, с. Потьма; КАМ, Ф2005-6]. «Как же не хадить-та, дочка, а кто-ж, кроме нас-то, будит хадить, никто и не пайдет. Нас Гасподь спадобил хадить-та.

За трапезу сестры сели
Их Господь благословил:
— Вы воспойте райским хором
В вас вселится благодать,
Надо духом укрепиться
В благодати Божьей жить.
И в пустыне поселиться,
Штоб на мир больше не зрить.
Царь Создатель нашей жизни,
Укрепи ты нас в скарбях.

А как же не сестры, вот монашки-то, они же сестры и мы как все сестры, Госпаду служим сваими делами» [МЕИ, с. Потьма; КАМ, Ф2005-4]. Здесь эксплицируется представление о том, что читалки — это не просто социальная группа, но группа, обладающая сакральным статусом, получившая благословение от Бога.

А.М. Карвалейру

ШАР

Игры с деревянным шаром в Ульяновском Присурье были очень разнообразны. Они могли быть как командными, так и рассчитанными на 2–3 игроков. Некоторые из них активно бытовали еще в 80-е гг. прошлого века.

Все игры с шаром требовали от игроков большой физической силы и выносливости, кроме того, они были очень травматичны. Поэтому они были занятием мальчиков-подростков и парней. «Эта так, “в дубинки” играют, эта шар ганяют па улицы. Но сичас этай игры уже нет. Рибитишки сабирались с адной улицы, кто с кем таварищ. Кто с кем играет, на улицы рибятишек па десить чилавек была» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-03Ульян., № 99]. «“В дубинки” ишшо играли. Вот палка-та длинная, и загнутый край. Эта тожи ганяли шарик па улицы. Ух! Тожи, наверна, па лбу зазвиздя́т ни плоха» [КАФ, д. Алейкино; СИС Ф2008-03Ульян., № 9].

Нередко, увидев играющих в шар мальчиков, к ним присоединялись взрослые мужчины. «Да, была да вайны-ти. Бывала, мы играим, идёт (тут мужики-ти были Алёнька Сирёгин, Стяпан этат Филькин), и ане встанут с нами, нас давай ганять. Шаро́к-та ставим, ани нам дубинками-ти бьют, нас ганяют. Тагда ведь не была этава дела [щелкает по горлу], всё бы пить» [ШВС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян., № 64-65].

Но все же чаще мужчины играли с шаром отдельно от подростков и обычно в командные игры. «Перид вайной играли мущины. Ну, какова возраста? Маладыи жи, маладыи мущины, да. Или рибята уж перид армией, вот такии. А мы пацаны чаво тут? Толька сматрели, да. Эта уж мы сами тут сваей партией [играли] здесь, а мущины там. Мы где-нибудь в старане. Среди дня-та никто ни игра*и*т, а играют вечирам. Вот мущины с работы приходят, ани начинают играть, а пацаны куда? Вот тут вот, в атдельнасти» [НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 4].

Игра с шаром требовала большого пространства, поэтому в нее часто играли на центральной площади села. «Вот всё время на “аграде” играли вот тут, иё называли так. Вот где щас магазин, там эта была, ну, у нас иё называли “аграда”. Там видь ничаво не была: ни сада, ничаво — площидь. Церкавь была, вот клуб. И там эта мущины играли» [НИГ, ДКП, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 4; СИС Ф2002-13Ульян., № 108].

Для игры изготавливали шар из какого-либо твердого материала: дуба, корня или капа березы. Обычно отпиливали небольшие чурочки (5–10 см) и скругляли торцы. Нередко, чтобы получить форму, близкую к шарообразной, их обжигали на огне, а потом отбивали обгоревшие кусочки. «Из чаво шар делали? Вон из дерива. Круглым как ты сдела*а*шь? Ну, тапаром абделал, вот те и шар» [ТПД, д. Александровка; СИС Ф2004-09Ульян., № 78]. «Шар абажжоный вон из карня́ из бирёзавава, скажим. Как мяч, вот нападобии, толька абажжоный. Так-та он ни круглый, карявый. Вот яво абажгут, угли-ти с няво эта [=стучит по столу, показывая как оббивают угли], он круглый делацца, как мяч вот, абажжоный» [КМВ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 72]. «Шар дер*и*вянный из с этый вот, из бирёзы, на бирёз*ы* вот такии грибы растут. Из трута. Вот из нево делали шар» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-03Ульян., № 74].

Предмет, который использовали для этой игры, мог быть и не обязательно шарообразной формы. «Шашка диривянная. Ну, проста атрезанный кусочик, и кругла*я* может быть, и квадратна*я* [толщиной 6–7 см]» [ИВА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-36Ульян., № 1].

Кроме того, в игре использовали специальные палки — *клюшки*, *дубинки*, *шишка́нки* — с загнутым нижним концом или с утолщением (*шишкой*) внизу. «И дубинки эти вот, палки. В лясу сабники́ [=личный скот] пасёшь, ага, нада искать дубинку: палка и эт*а* на каньце загну́та — дубинку. Эта штоб*ы* в шар играть» [КМВ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 72]. «Ну, такая жи клюшка как в хаккей. У ниё нимножка загнута, “шишка́нка” иё называли» [КТП, с. Новосурск; СИС Ф2002-13Ульян., № 42]. «Падбирёшь в лису такую дубиначку вот арехавую, лиси́ну, штоб руку взять. Ну, как у вил вон чиринок толщиной. И штобы загибалась, и с шишичкай ищо. Вот ганяли шары этим» [КАД, с. Алейкино; СИС Ф2009-09Ульян., № 71].

Известно несколько разновидностей игр с шаром: выбивание шара вверх, сбивание шара с определенного места, выбивание шара из лунки — *котла*, попадание шаром в лунку, попадание шаром в ноги игроков, бросание палки в катящийся шар, бросание палки в подброшенный шар, состязание двух команд за обладание шаром. Некоторые из этих игр были совсем простыми, как, например, соревнование, кто выше сможет выбить шар, положенный на наклонную дощечку. «Вбивали, ну как колышик, панимаити, колышик вот вбили яво, а патом дашшечку, как вот луначка [на конце], как вот ложка, штобы он ни скатывался этыт шар. Вот яво кладут, эта сама*е*, а патом (ну он здаровый эт*ат* кол), а патом *и*за всех сил палкай как эта ударят! И шар литит. Раз! — и палител. Штоб выши» [ЕМА, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 122]. Такого рода действия могли производиться и с другими игровыми предметами (см. *Чиж*, *Лапта*).

Отдельные игры с шаром были тождественны игре *в клек* (см.). Игровое действие и в той, и в другой игре заключалось в сбивании игроком игрового предмета (шара или клека), после чего игрок и водящий соревновались,

кто из них сумеет опередить соперника. Разница состояла только в том, куда клали предмет. Например, в с. Кадышево шар ставили на вбитый до уровня земли колышек, а не на землю, как при игре в клек. «А тут ставили, дажи забивали кол, примерна вот летам, кол забивали да зимли, и вот на этыт кол, знашт. <...> Вот тожа, а там “шарок” был круглый уж, как лапта кругла*я*. И вот, бывала, как вязком [=палкой] как чакнёт яво! Он вон улитит чорт яво знаит куды. И вот аттоль бижит, знашт. Я успею паставить, закрычал “клёк!”, он ни дабижит да сва*и*во “мазлá”, знашт, яво заклякáл, он начына*и*т бегать» [ЖИМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 11].

В с. Русские Горенки шар ставили на край котла и, отойдя от него на несколько шагов, броском палки старались сбить шар так, чтобы он перелетел за лунку. «Яма, и вот играли “в катёл” — вот эдакый [=50 см], мани녀кый. Какая-та там чушичка, эдак иё паставишь на краишик на “катёл”, и вот выбивашь. Вот там “катёл”, а ты вот атсюда [ок. 10 м] — и бьёшь. Биточки делали. Ну, как вот, вот скажим, как в руку, как скалычки. Надо иё наружу выбить-та, а если ана пападёт [в котел], эта нихарашо, апять вáдию. А если выбьют, эта харашо» [ЗАТ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 89].

В с. Коржевка старались выбить из котла положенный туда шар. «А “в катёл” эт*а* вырывали ямку такую, туда шар клали дер*и*вянный из этый вот, из бирёзы. И вот там каму дастаницца вадúть: метали чё-та мы та*г*да помню. <...> И вот кто там да этава места ни дакинит, таму нада, знашт, караулить, а тот будит вышибать ево. А патом были такии как вон клюшка, да? Как клюшка вон в хакей играют, да, и вот тут так. И вот должны вышибать. А он караулит, ни даёт вышибать из этыва. И вот старались каждый вышибить. Кагда ево вышибут, он бижит за этим за шарóм, за шáром бижит. Если кто прамажит, тагда тот падбигаит — раз в эту ямку сваю клюшку. Раз — всё, знашт ему тожа ахранять. Уйдёт [игрок] — он займёт. Бывала, вот держит клюшку, и вот выгадыва*и*т: он — раз! — если смотрит туда, да, то атколь-та должны: ил*и* сбоку или сзади ево как-та, далжны вышибить из ямки» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-03Ульян., № 74].

В с. Астрадамовка существовал вариант игры, несколько напоминающий гольф: игроки по очереди загоняли шар в лунки. «Вот называлась игра “шар-мазёл”. В лунки вот, лунычки капали. Лунки ставили в шахматном парядки. Наверна, сантиметрав триццать, можит быть, дажи паменьши. Ну, как типа тепершнево гольфа. Палку выбираишь такую вот, штобы у ниё был загнутый конец. И вот этим загнутым канцом вот шар в эти лунки нада закатить. [От лунок] ну десять шагов, наверна, была, да. Там, например, кто закатит больши, то тот и выигрываит» [ПЛП, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-01Ульян., № 146].

В с. Кадышево попасть шаром нужно было в ноги игроков, стоящих по кругу на ямочках. «А вот ка*г*да ишшо играли — “в вязóк”. Эта сагнýты*и* палки вот так вот. Крючком вот сагнуты палки. Ана метра палтара длина. А там “шарóк” был круглый, как лапта кругла, ни бальшой, вот такой. Вот чарты.

И вот, знашт, ане яво начынают ганять. [Игроки] тут ане па кругу, да, ганяют. Круг спицальный, примерна, вот как с и́збу вот [=10 м в диаметре]. Круг ачыртят, знашт, вот и ане каждый сваё места стаят. Вот ямачка у каждава. Стаит он каждый в ямачки такой и вот, знашт, никуды ни выхади. Вот этим шарком штобы тибе папасть в ноги. Вот. Каждый яво чыка́*и*т, знашт, каму папасть па наге ём, этим шарком-ти. Вот яму пападут, знашт, он начына*и*т вадить. Вот. Свой вязок браса*и*т, знашт, он начына*и*т ставить шарок. Вот яво начынают тагда ганять» [ЖИМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-06Ульян., № 11]. «А зимой “в шаро́к”. Шарок — диривянный вот квадрат атрежут, вот дубинками яво чака́ют. Эта круг, каждый в сваем “мазле”. Чака́ют, там вадит адин. <…> Вот этыт шарок кидают. Он кидаит, скажим, на тибя, вот ты атшиб — харашо. А он за шарком бегат. Если он впирёд яво схватил, да в тваё гнездо встал, всё, ты вади иди» [ШВС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян., № 64].

Если в эту игру играли дети и подростки, у которых часто не было обуви, то шар иногда могли заменять тряпичным мячом. «Эта у нас “заяда́лай” называлась. Там круг и у каждава ямка. [Играли] мячикам из тряпачик сделанный, шарам нет. Шарам ударишь, им же больна, а бальшинство видь хадили ищо в то время басиком, адёжи, абувки-та не была. [Били] тожи палкай — клюшкай [с загнутым концом], вот па нагам штобы ударить. Палка в ямке, да, палка в ямке далжна. Нильзя выпускать, толька вот падпрыгивай, ну палку ни трогай никак. Тут видь он как? Вот если он на миня кинул этат шарик, да? Ни папал, а я этыт шарик должин нагой куда-нибудь атшвырнуть, штобы он бегал за нём. Прамазал, я раз — ево туда атпинул! Вот биги. Пака гонит, толька к другому, ево апять атганяит пинаит. Каму в ноги пападаит, значит, таму вадить. И вот падпрыгивают, штобы ни атаравацца палкай ат зимли. Если атарвался палкай, значит, всё, ты выходишь из игры. Савсем выганяют: “Ты ни игрок, ухади, ни играй”» [ИИП, КИВ, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 145, 52].

В с. Потьма и Чамзинка игроки бросали палками в шар, который катил по земле водящий на некотором расстоянии от них. Если игрок сбивал шар, то он бежал за своей палкой, а водящий за шаром. Оба они стремились опередить друг друга и занять место среди игроков, так как опоздавшему приходилось водить. Если же игрок промахивался, то он ждал, когда пробьет следующий, надеясь, что тот его *выручит*, то есть выбьет шар далеко в поле. В этом случае все промахнувшиеся игроки бежали за своими палками, рассчитывая, что смогут обогнать водящего и вернуться на место. «Бывала, мужики сайдуцца, улицы были зилёны, ничаво не была. “В шары” играли. Вот чилавек пять или десить, чилавек десить стаят в ряд с палкими. Палки звали “выручалки”. Вот так вот стаят вот рибята, пяткими вынимали там, ну, “мо́злы”. А вот я, например, щас катну им шар, вдоль йих, да. Метра три ат них. И ани вот кидают этими палкими. Адин, значит, начина*а*т этыт шар, диривянный шар был, вот яво, значит, он ката*а*т, ани кидают в няво палками. Если ни папал*и*, ани бягут за этими жи “выручалкими”,

Школьники и учителя из с. Астрадамовка. 1930-е гг. Фото Р. Покщаева

пака тут бегают, значит, этыт вот в любую “мозлу” вставит шар — этаму вадить, яму, значит, вадить. И вот так идёт дела. А иной раз палкими пападут, вот пабигёшь за шаром, ани бягут за “выручалкими”. Если я йих пириганю, паставлю, значит, вадить будит другой» [ШАМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 37].

Некоторые варианты игры были очень похожи на предыдущий, с той только разницей, что шар подбрасывали вверх и игроки по очереди должны были сбивать его палкой. «Ну, эта, па-моиму, в этыт самый, “в шар”. Коринь какой-та, знашт, да, коринь. А патом яво аформят, он и палучаицца как этыт самый шар. <...> Этай палкай, знашт вот, ударяют вот эт*а* в шар. Вот, знашт, яво падкидывают, а я должин яво лапану́ть [=ударить]. Вот он литит аж са свистам! Вот тако*я* была. Ну, сабирацца группа, и вот паказать сваю как бы ловкость што ли? Вот я кидаю, а тут ищо, и вот лапану́л. Ну, в какой-та мере ана и была эта тринировка, што ли?» [ЕМА, с. Чумакино; СИС Ф2000-07Ульян., № 119].

В с. Новосурск играли на две команды, одна из которых *ва́дила*, то есть ее игроки по очереди подбрасывали шар вверх, а игроки второй команды должны были сбивать его броском палки. Команды обычно подбирались по желанию, «кто с кем дружит» или по возрасту. «Как сабирёмся, ну вот абычна таварищи, и вот партия. Там была дваццать васьмой, дваццать дивятый, триццатый, триццать первый, триццать втарой год — ну, все были,

ва время вайны, все были адинакавы. Вот. Гадков [=старше] не была вабще. Все были адинакавы пацаны. Атбирались гадки́ с гадка́ми. Ну, пастарши каторыи — пастарши, памаложи — памаложи парни. И вот и всё». Причем для игроков не столь была важна сила, как выносливость и быстрота. «Кто пабыстрея!» [НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 1].

В этой командной игре была более сложная разметка игрового поля, чем в других аналогичных играх. На большой площади вырывали *котел* — углубление диаметром примерно 0,5 м, в 4–5 м от него проводили черту, которую называли *забе́г*. Затем договаривались о разметке остального поля, лежащего за забегом (*ство́ра*), она была довольно приблизительна и могла иметь отметки «до столба», «до дома», «до угла». «Што ни дальши — всё шири и шири там». Если палки, брошенные игроком, падали в ближней части створа, которая прилегала к забегу, то он имел право поднять обе свои палки-выручалки, а если в более дальней, то только одну. «“В верьх”, эта нигде ни играли, эта у нас то*ль*ка тут играли. Эта больна многа мы играли. Вот маладёжь сабирёмся и ани [=женатые] встрявают. Ну, ско*ль*ка там, чилавек пять каманда, чилавек пять там вадит. Вот такой шар, карнявой, канешна. У каждава свая выручалка, вот примерна [10 см диаметром]. А на канце заточина, штоб диржать. По две выручалки у каждава. [Котёл] вот так вот [=50 см], штобы шар палажить там. Вот “катёл”, а вот где стулья [=отступя 4–5 м], там граница, “забе́г”. Мы тута [=около котла] все сидим. А йиха партия, ани вадют тама, скажим четвира, а адин падаёт. А мы пятира тут сидим. Ага, самый выручальный — паследний, если меткай. Он сидит ждёт. И вот адин йих падаёт в “катёл”. Вот он эта кида*а*т, ты бьёшь. Так — раз! — выручалка туда литит. Если я пападу, я бягу за сваей выручалкай. Ана тама валяцца, за этай, за границый там».

После того как игрок сбил шар, он бежал за своей выручалкой, а водящий — за шаром. Каждый из них, схватив кто палку, кто шар, старался занять котел. «Кагда тот ударит шар, если он палител, шар, то я бягу за выручалкай, бяру и бягу к “катлу” скарея. А тот [за шаром], если он апаздал, значит я, я выиграл, или другия там, скока нас чилавек. Да тех пор [бросаешь] как прамажишь все выручалки. А если папал, бижим, бирём йих и в “катёл” тыка*а*м».

Если шар отлетал не слишком далеко, то игрокам разрешалось подобрать обе свои выручалки, а если дальше условленного места («за угол»), то только одну. «Если вот сюда шар палител — вот этыт угал и вот этыт угал, — вот эта все выручалки можна тащить. Вот если в эты*т* в створ папал шар, то тащить все, если успеишь. А ни успеишь все, скока успеишь. А если вот за угал, то*ль*ка адну выручалку можишь принисти, больши нильзя. [Створ определяли] ну, эта как уж па дагаворнасти. Где, скажим, вот эта там столб стаит, или дом — вот эта вся бу*д*ит, эта все, а эта [дальше] — па адной».

Если игрок видел, что он не успевает схватить выручалку и добежать до котла, то он мог остаться на забеге и дождаться, когда будет бить следующий игрок. «Если ты видишь, [что] ни паспева*а*шь, то там [=на забеге] аставайся, не бегай сюда, то исть ищо “ни забёг”, то апять кида*а*шь, выручалка

на места, апять он начинаит падавать. Апять ударили, если папал в шар, он палител там, а там вадют у них, ловют».

Побеждала та команда, которой удавалось захватить котел, положив туда шар или поставив выручалки. При этом водящий, схватив шар, мог перебросить его стоящему у котла игроку, и уже тот клал его в котел. Команда, которая водила, побеждала также и в том случае, если ее соперники все пробили мимо шара. «Если все пирикидали, ни папали, то значит всё, мы сминяимся, ани начинают. [Если шар] вот кидают этаму сваяму, где “катёл” стаит, у “катла”. Яму сразу кидают, штобы скарей яво палажил в “катёл”. Если забег прашол, ни успел [добежать до котла], апаздал, он палажил шар, то значит, вы праиграли, играити сызнава. А если [шар] в “катёл” ни палажил, ни успел, а я выручалку ваткнул, значит... Хто впирёд: или он, или я» [ДКП, с. Новосурск; СИС Ф2002-13Ульян., № 108].

Другой вариант игры «в верх» состоял в отбивании командой шара на сторону противника. Шар подбрасывал вверх *подавальщик*, который был нейтральным лицом и выполнял функции судьи («Биза всяких, он и с той, и с другой стороны — адинакава»). А игроки обеих команд старались направить шар на поле соперника. Побеждала та команда, которой удавалось большее число раз отправить шар к соперникам. «“В верх” эт*а* тожи играли в шар. Ну, как тибе абъяснить? У нас их называли “выруча́лки”. Вот такии вот палки, ну, ручка затёсана, штобы в руке ана дабром была. И в сирёдки катлаван вырытый [50 см в диаметре]. И вот стаит падавальщик. Прям стаит у катла падавальщик, вот каторый шар кида*и*т вверх вот. [Команды], на*в*ерна, ат катла метрав пять или семь, вот так вот. И вот кида*и*т вверх шар, и вот бьют этими [палками]. И с той, и с другой стараны бьют. И в ту, и в другую сторану — с абоих. Ну, какая каманда: вот, например, нижняя или верхняя? С нижней ударили, ушёл шар “в верх”, всё, эта там уж*е* — ну, как сичас гол или чаво ли. Там ни знали впирёд што эт*а* такоя [гол]. <...> С этай каманды ударили туда, всё, значит пашла туда вся каманда. А если эта каманда ударила сюда “в верх”, эта пашла сюда. <...> Ну, уж шар ани больши ни трогают. Ани абратна шар кидают, апять к этаму к падавальщику. И он абратна вверх кида*и*т, и вот и бьют этай самай выручалкай. Тожи кто скока выигра*а*т. Вот. Вот эта пабидитиль». Если же кому-нибудь из игроков удачным броском удавалось забросить шар в котлован, то все набранные другой командой очки сгорали, что значительно увеличивало шансы на выигрыш первой команды. «Аттуда браса*а*шь [шар], если в катлаван пашол, всё списыва*и*цца. Да, всё, больши нет» [НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 4].

На этом же принципе (загнать шар на территорию соперника) основана еще одна популярная игра с шаром — *шар гонять* или *гонки*. В данном варианте команды вставали по обе стороны черты, и после того как шар был брошен, старались загнать его на поле другой команды. Эта игра очень похожа на современный хоккей. «Ганки́. Ну, как щас вот играют в этат, как ево... Хаккей. Такии жи шишка́нки, и вот шар, ни шайба, а шар. И вот с гары и туды да канца.

Па улицы, там дама были же, улица эта шла, дама были. И вот адна партия гонит туды [=вниз], а другая партия в гору, да, вверх. Вот кто каво абыграит. Клюшка аб клюшку бьёшь. Вырыва*а*шь друг у дружки шар, всё, и гонишь. Вырвал, дальши пагнал, там пирихватывают, дальши пагнали. Дальши, дальши, дальши вниз. Если ты пирибёг на чужую сторану, с чужой стараны ударил, всё, нильзя так. Мы сюда бьём, ани туды гонют, кто пирисилит» [НИГ, ДКП, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 1; СИС Ф2002-13Ульян., № 110].

Догнать шар нужно было до условленного места. «“В дубинки” как он называцца, “в дубинки” — шар ганяли. Эта как в хаккей вот бегали. “Давайти в дубинки!” Дубинками ганяли ево. На две каманды. Там начертишь чарту, и вот давай да этай чарты бегали. Па улици ганяли. Закинишь если куды вон в крапиву, патом найдёшь ево, апять снова бегашь. <...> Сабяри там сколька рибитишик, многа сабиралась па улицы. И вот ганяшь па улици этат шар. Как-та бросят ево, адин бросит... В хаккей играли, бросит и пашёл! И сразу эти гонют сюды, а эти сюды. Ну и там как-та дагонишь вон проста да паласы. Там налажива*и*шь ево и пагнал да паласы» [КАД, КИД, с. Алейкино; СИС Ф2009-09Ульян., № 81; СИС Ф2008-02Ульян., № 128].

В д. Алейкино место, куда загоняли шар и которое называли *шла*, отмечали двумя колышками, наподобие ворот. «Эта называли “в дубинки”. Ганяешь вот артель на артель, там “шла”, туды-сюды катаешь. [Шар] какой выйдит, ну, ни больши как куринае иичко. Вот я ганю этыт шар, а мне навстречу, значит, идёт против миня. Вот хто у каво атымит. И там колышки паставишь, [между ними] метра два, можит, три — эта, значит, “шла”. Вот как да етих колышкав дагонишь, ага, “шла”, значит, я пириигрaл тибя» [КСП, д. Алейкино; СИС Ф2008-02Ульян., № 66].

В с. Новосурск название *шла* относилось к самому забитому шару — к голу. «Щас в хаккей играют. А тагда шар-та ганять дирибяннай такой вота. Ганяли ани да ру́бижа, тут вот да Пятрухина двара. Там вот такой катёл, глыбокынькай, и ямычки наделаны насу́пратив, штобы, наверна, туды — в адну сторану. Друг ат дружки нады эта атбить яво. И кричат: “Шла, шла, шла!” — если кто пирядо́м [=вперед] гонит. Яво ни *а*пиридишь, значит, он загн*ал*, этыт гол у наво. “Шла” эта самая, вот этыт самый гол — “шла”-та» [ОМФ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 64].

И.С. Слепцова

ШИШИГА

Шишига — мифологический персонаж, обитающий в бане (с. Сухой Карсун, Ждамирово, Чумакино, Засарье, д. Александровка), который в позднейших представлениях отождествляется с иной «нечистью». «Шишига — эта ругались, чай: “Шишига, ведьма!” Чай, ругались раньши. Вот хто-нибуть, эта, спаруга*е*цца с бабай там или с кем: “Шишига бы тибя

взяла, мать тибя!” Вот эт уж вроди шишига. Ведьма, шишига — и адно и то же, чай. <…> Ну, ни най, чай, эт самы лукавый и [есть] эт сама шишига» [АПА, АМИ, с. Кадышево; МИА Ф2004-21Ульян., № 97].

О шишигах, как и о чиганашках (см. *Русалка*), упоминают в основном в связи с баней и запретом мыться после двенадцати ночи. Согласно поверьям, они могут запарить и защекотать до смерти задержавшихся после этого времени в бане. «А в баних, говорили, што вот один у нас здесь пошёл в шесть часов вечира парицца, залез на полог, и иму сказали: “Давай мы тибя попарим!” И парили, и парили — и што-та долга ни идёт. Пошли, а он уж там полумёртвый почти, сознанье-та потирял, а в бани никово нет» [САП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян.]. «А-а, шишиги, шишиг*и*, а шишиг*и*-ти аткудава? “И в речке, ани и в банях. Ани визьде”, — скажут. Вот так вот. Канешна, моюцца в банях. Ды хто ёо знат. Мне ни прахадилась [видеть]. “Да без дела всякава, — г*авар*ит, — ни убирёсси, пайдёшь в баню — вот ти*б*е и шишига!” Чёо? Будишь мыцца, чёо?» [ГМС, ЗАИ, с. Проломиха; МИА Ф2002-27Ульян., № 79, 80].

Особое внимание шишиги проявляют к роженицам и новорожденным младенцам. «Ну, эт*а* эт давно *у*ж, эт при царе-е! Радилá мая баушка — эта радила. А мая мать дивчонкай ишо была гадов там восимь-семь ей была. И пашла, знашит, иё караулить в баню. Ага. Там, знаш*и*т, эта, младен*и*ц-та лижит на палкé, где парнюцц*а*-та. Ага. Ну а мать-та мая, знаш*и*т, тут сидит с матирью-ту с сваей-та. И вот, знаш*и*т, он, эт вот шишига и лукавый-т вот, эт ане к этим, к младеньцем-ти, к ражини́цам-ти вот, г*а*ва*р*ят, больно-ти оне всё… Да. И вот ане, знач*ы*т, с матирью-ту разгаваривают — мая мама с сваей-т с матирью-т. А патом там сразу аб угал-т ка-ак ахнит! Знаешь, ток*а*, гляди, баня-т была ни пир*и*кувыркнулась! “А, маманки! — мама гаварит. — Эт што эта? — эта мая-т мать г*а*варит. — Эт што эт*а*?” — “Ды ничаво — эт хтой-нибудь щас прашол, камнем кинули”. — “Ды эт, — г*а*ва*р*ит, — какой камень? — г*а*ва*р*ит, — он как вернёцца, того и гляди баня-т пиривирнёцца! Айдá, давай!” Всё свярнули и, знаш*и*т, ушли дамой. Рибёнка-т зывярнули: “Айда дамой, больши нам здесь делыть ничив*а*! Айда, айда, айда!” Да. Патом и гаварит: “Шишига бы тибя! Башку бы тибя шишиги слами́ть! Ни дал сме́ркнуцца!” А ани далжны в двенацц*а*ть часов лятать-ты — шишиги-ти, черти. В двенацц*ы*ть часов. А уж там да скальких часов ани лятают, уж ни знаю. А эт чилавек, толька смерклась, и сразу, знач*ы*т, он вылител, вроди. Да. “И мы, — г*а*ва*р*ит, — баню закрыли и ушли”. Мать мне вот рассказывала. Мима бани, видна, дескать, лители. Страшшают ани, страшшают! *В*от эт была раньш*и*» [АПА, с. Кадышево; МИА Ф2004-21Ульян., № 97].

Шишигам, как и русалкам (см.), приписывается способность предсказывать неблагоприятные времена. «У нас адин этат старичок тут был — вот он рыбачил. И сидит шишига на каряки. Вот. И кричит: “Што ни год — то хужи! Што ни год — то хужи!”» [ДИП, с. Новосурск; МИА Ф2002-24Ульян.].

И.А. Морозов, Е.В. Сафронов

ШУТА ХОРОНИТЬ

Похороны Шýта — обряд выпроваживания (см. *Вёсну провожать*), представлявший собой комическую имитацию похорон, в которых в качестве покойника использовали соломенное чучело. Иногда Шута изображал человек, но характер обряда при этом не менялся. Аналогичный обряд под названием *похороны Ярилы* совершался на троицкой неделе в с. Б. Шуватово. В д. Бахметьевка (в наст. время часть с. Новосурск) ритуал назывался *похороны Андрюши*. В с. Ждамирово, Сара, а также в русских селах, находящихся на пограничье с Алатырским р-ном Чувашии, обряд «похороны Шута» сохранялся до второй половины XX в. Он проводился ежегодно как в предвоенные, так и в послевоенные годы: «Вроди какой-т как старый обычай. Праздник как старый эта бывал. И исстари веку была» [ГВН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 75]. Подобные акции часто включались в календарные и семейные обряды (см. *Проводы масленицы*, *Масленица*, *Наряженными ходить*, *Второй день*) и могли быть повседневным развлечением (см. *В покойника играть*, *Клетки городить*, *Пугать*, *Подшикунивать*, *Дразнить*).

Время обряда в разных селах называют по-разному, однако всегда оно соотносится с Троицей. «Эта на заг*а*ванье. После Троицы ниделя прайдёт, на заг*а*ванье, эта делали чучалу» [ГВН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 75]. «В панидельник посл*и* Троицы, на Духов день» [ПНП, с. Ждамирово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4]. «На Пётров пост» [БВФ, с. Ждамирово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4].

По-разному называется и время суток, на которое приходились «похороны». Если в обряде участвовали преимущественно взрослые, он проходил вечером. «Вечир*а*м стада встретим — и пашёл!» [МАН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 51]. «Вот вечир*а*м, когда убяруцца все старыи бабы-ти, вот оне тут тоже [собираются]» [КПП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 69]. Дети собирались днем. «Ну, начнём часов в дес*и*ть, в одиннацыт*ы*м, вот так вот. Вроди малебин идёт в абед, вот к этому врем*и*ни мы яво [=Шута] выпускам» [КТМ, с. Сара, ММГ ФА УлГПУ, ф.17, оп. 4].

Участниками обряда могли быть люди любой половозрастной группы: «Ну хто тут? Женшшины, канешна! Всяки: каторы савсем старухи были любители хадить. И м*а*ладёжь была. Сабирёмся в мол*а*дасти — гармонь была, рибятишки, дивчонки. Вот адин Генка Черняэв, он, у нёо гармонь была, ане были маненька п*о*багач*и*, он с нами всё времичко "кар*о*нил"» [ГВН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 77]. «Сабируцца две-три женшшины — и пошли. И старушки наряжались тожа, хадили "Шута х*а*ранить"» [КПП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 74]. «Б*а*льшинство бабы нарижались да мужики» [САП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 27].

В один день «похороны Шута» могли проходить дважды: днем участниками обряда были дети, а вечером — взрослые. «Мы вот сажигали [Шута], а веч*и*рам уж эт*а* гуляли вот наши матери» [КПП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 75].

Среди взрослых участников «похорон» всегда были ряженые. «Вот нар*и*жались старухи. Сарафаны были старинны, пó полу вазились, таки долги были, да широки. Нá гал*о*ву — как был платок, так и... Каторы скатёрку сташшат са ст*о*ла, павяжут. Проста вот павязали д*ы* пашли. Ни закрывали лицо. Вот так нарижались» [КПП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 75]. «Мы с снахой нарижались с маминай. И хадили па всей гаре нашей. Чудили. Настя бусы надела. Шляпу с цвятами. Сапоги хароши надёвала. Как она с*е*б*я* называла? Не помню... "Анна на шее"! А у нас была покойна Паночка Малышева — нарядицца в лапти, в штаны и паёт частушки!» [ПНП, с. Ждамирово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4].

Чучело «шута» из с. Ждамирово (реконструкция). 2007 г. Фото К.Е. Туркина.

Похороны Шута устраивали одновременно на нескольких улицах: «Эсли вот, к примеру, мы атсель сабирамся, мы сваё чучала сделам. Там, может, где и ишшё сабираюцца — там друго*е* чучала сдела*ю*т. Мы уж туды не ходим, мы па сваей, да, па сваей ул*и*цы...» [МАН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 51].

Центральный персонаж обряда обычно назывался *Шутом*. Однако, несмотря на общность наименования, формы его изображения многовариативны. Самой распространенной из них было чучело. Делали его чаще всего из соломы. «Как ч*и*лавека сделают из саломы: рубашку наденут, там штаны каки*е*-нибудь драны*е*, нихароши*е*. Нарядим. Шапку надёвали — мушшина. И брюки, рубашку. Чай, адеж*д*у-ту каку*ю*: каку*ю*-нибудь савсем, каториу*ю* ни нужна. И лапти надёвали. А уж их, лаптей-ти, ни дастанишь нигде — каке*и*-нибудь калоши драны надёвали» [МАН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 51]. «Вот мы её скруч*ы*вали эту салому. Вот мы эту салому абёрт*ы*вали тряпкай, какой-нибудь нинужнай тряпкай, вот мы ей абёртывали. А лицо делали врод*е* пабелее тряп*ы*чку бирём. Ну, там нам р*ы*бятёшки делают там глаза, нос, рот. Как врод*и* чил*а*век. Нá г*о*лаву яму надёвам малахай и вот эт*а* места [=под подбородком] яму завяз*ы*вали. И руки из саломы делали. А в руки сулям рукава фуфайки. Фуфайку зашивали, и вот эта места застёгивам яму — и рукава — проста как чил*а*век. А в это место брюки стары каке-нибудь» [КТМ, с. Сара, ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4].

Другой тип чучела представлял собой две крестообразно связанные палки, на которые надевалась старая одежда. «А мы ни *и*з саломы. Мы прям*а*

жалетку, штаны надели, и, эт*у*, палку ваткнули, и за ручки — рукава надели на палку и пашли. Чай, их палак-ти, сколь бывала. Чай, из вишни вырязали — сухех-т*и* сколь было. Нарядим из рун, сделам на палку — эт*а* “Шута к*а*ранить”» [КЗИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-27-02Ульян., № 69]. «Чай, у ня*во* есть руки, сделам мы яму из палак. Палки воткнули вот этак, канешна [крестом]. Палки и всё» [ПНП, с. Ждамирово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4]. Иногда Шута наряжали женщиной. «Сабирам сноп саломы, шапку наденим, юбку наденим, когда штаны наденим д*ы* этат шапку, а когда наденим юбку да кофту» [ГВН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 81].

«Похороны Ярило» в с. Б. Шуватово (реконструкция). 2003 г. Фото М.Г. Матлина

Наряжали чучело (или *пужалу*) заранее, накануне праздника или непосредственно перед обрядовыми действиямя. Дети делали Шута в бане и на ночь оставляли его в предбаннике. Взрослые наряжали его утром прямо на улице и там же оставляли до вечера. «А накануни Троицы уж мы я*во* припасали. Эта всё [=солому, одежду] припасём. Мы где-нибудь эта там спрячим в кустарник*е*, в траве ли, а уж на другой день мы я*во* делать йидём» [КТМ, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4]. В этом случае никто к нему не подходил, даже маленькие ребятишки никогда не «ростреплют».

Были и другие места, где наряжали чучело. В с. Ждамирово — в поле. В с. Саре — на берегу реки Суры. Когда Шута наряжали в поле, важной деталью его костюма были цветы. «Бальшинство в цвятах он был у нас. В цвяты я*во* уряжали. И на́ г*о*лаву и на шею — везде цвяты наделам...» [БВФ, с. Ждамирово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4].

Другой тип изображения Шута — ряженье. Процессия, сопровождающая такого Шута, отличается от участников обряда, следующих за Шутом-чучелом. Здесь нет ряженых, кроме Шута. «Ну как же: чил*а*века наряжали, надёвали на ня*во*, ну каки-нить уж никудышни*и* тряпки. Да, настаящев*а* чил*а*века, кагда каво. Парня больше. Да. Он вить пабольш*е* пузёват*ай*. Ну, эт*а* там хоть песни пают, чаво эт*а* вот он “пузёватый”. Нарядют какими-нибудь, ровна в тряпки» [ДАМ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-27Ульян., № 42]. «На заг*а*ванье наряжались. Нарядют вот дивчонку или мальчишка, носют йиво на носилках — “Шута к*а*ранили”. Мальчишку нарядют мальчишк*ам*, а если девчонка, то девчонк*ай*. Бальшинство бабы нарижались да мужики. Ага. В руны в каки*е*-нибудь обрядицца. Ну вот худые штаны каки*е*-нибудь, или худ*ое* платье, или чаво — это вот “руны” мы называйим.

А нá голаву платок какой-нибудь рваный. Да. Если мальчишкам нарядют, так малахай или фуражку какую-нибудь. Цвятами яво наряжали. Так и лижал [на носилках] "Шут". Ряженый один тока "Шут", да» [САП с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 28].

Направление движения зависело от того места, где Шута наряжали. Если чучело наряжали на улице, его носили по селу. «Вот, например, есть шобалы или стара адьяла, децка асобинно, за канцы-та бирёшь яво, адьяла-т и нисёшь. И по сялу хлыстали с этим» [ВПМ, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4]. «Старухи, маладёжь — целый каравод вот сабирёцца и ходют артелью. И с гармошкай, и чучалу эту носют» [МАН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 51].

Потом выносили чучело за село и там сжигали. «Заканчывалось — старухи плясали с приговорами. Всё уж, все устали, давайте уж жжигать, канец. Ну, проста шшас яво где-нибудь падальше паджечь, и он сгарит» [БВФ, с. Ждамирово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4].

«Похороны Ярило» в с. Б. Шуватово (фрагмент). 2003 г. Фото М.Г. Матлина

Когда Шута делали на берегу реки, с ним ходили вдоль по течению. «И вот мы по беригу вдоль этай Суры хадили. И вот шли, разны песни пели. А патом мы яво бросили в Суру: "Плыви, куды хочишь!"» [МАД, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4].

В с. Сара для чучела сооружали носилки. «Вот ано лежит тама туловишше и эти, прям вот этат сноп, кладем вот так вот, ничэм мы яво ни прикрепляли, ничэм, ничэм, вот просто так. А патом делам насилки: две палочки, ну, три-чатыре еще палочки, правда, к палочкам мы яво привязывам мачалками, штобы ветром яво ни качнуло, и пускам по речке» [КТМ, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4].

В с. Ждамирово, где участники обряда делали чучело в поле, украшая его цветами, Шута вносили в село, а затем направлялись к реке. «Впириди йидут ряженые, а за ними — народу полк, как свадьба хороша. Цвятов набирут: рамашкав, калакольчикав жёлтеньких — па букету. Идут и машут цвятами. Песни поют. Яво [=Шута] в речку кинут — паплывёт» [ПНП, с. Ждамирово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4].

Дети с чучелом в руках выходили за село, в луга или на холмы, окружающие с. Ждамирово, и там разрывали Шута на части. «Снисём вон туды в горы яво, растреплим» [ГВН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 81]. «"Шута каранили", чай, хадили на гать. Нарядим из рун, сделам на палку — эт "Шута" ташшить на гать, на луга гулять, "Шута каранить". Вот у нас гать тут, луга —

туды хадили "к*а*ранить" *яв*о. Да. Брасали где-т*а* в лугах. На гате, да "ск*а*ранили" *яв*о, растрёпали, д*ы* и всё — по тряп*ы*чки. И "ск*а*ранили"» [КПП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28-01Ульян., № 81].

Если Шута изображал наряженный мужчина, его несли на носилках в сторону кладбища. У кладбища с него стаскивали лохмотья, обливали водой. Затем процессия возвращалась в село. «*Яв*о нарядют каким*и*-нибудь, ровна в тряпки, вот пойдут и *яв*о куды-нибудь праводют в поле. С*о*дёрут всё, и пайдёшь тут за кампанию. Хто пасильней, те на руках понясут. Яво ташшили вот, знач*и*т, из сяла. У нас там кладбишше, у бальшой дарог*и*, но ни на гаре. Вот туды атвал*а*кут и там растреплют, руны с няво сташшат. П*ы*падала яму, "Шуту", "Шуту"-т п*ы*падала: и абальют, и руны с ня*в*о сташшат, растреплют д*ы*нага. Там када останицца, можи*т*, в трусах, ай в чём. Ну-ко, чай, нады с чео-т барахтаццата. Всё-тки *яв*о нарядили для этыва. Как жи!» [ДАМ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-27Ульян., № 42]. «Паходят, паходят, встанит [Шут], пабижит, смиюцца все. Надаест *яв*о насить, бросют *яв*о, вскочит и пайдёт вмести с ними. Пряма вот паложут насилки: "Вставай, надаел ты нам!" Он встаёт и пашёл с ними вмести» [САП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 30]

Реконструкция обрядовой куклы Шут в с. Ждамирово. 2007 г. Фото И.С. Павлова

Участники похорон пели и плясали. Смех перемежался с притворным плачем. «Вот чаво делают: пели, да плясали, да аз*о*ровали, д*а* играли да...» [КПП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28-01Ульян., № 75]. «А ко*г*да, чай, уже плачым, плачым так, да выйдит па-насташшему. Плакали, а уж патом начнём плясать» [ГВН с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 85]. «Всё-т йидут с кри-икам! С крикам, ни молча! Пели по-мат*и*рному» [ДАМ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-27Ульян., № 42].

Дети с чучелом в руках выходили за село, в луга или на холмы, окружающие с. Ждамирово, и там разрывали Шута на части. «Снисём вон туды в горы *яв*о, растреплим» [ГВН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 85]. «"Шута к*а*ранили", чай, хадили на гать. Нарядим из рун, сделам на палку — эт "Шута" ташшить на гать, на луга гулять, "Шута к*а*ранить". Кричали: "Йидём Шута к*а*ронить / Ва б*а*льшой чугун званить!" Да. Брасали где-т*а* в лугах. На гате, да "ск*а*ранили" *яв*о, р*о*стрёпали, д*ы* и всё — п*о* тряпычки. Кричали, плакали: "Ск*а*ранили Шута навсегда, да налётова ишшо до году!" И "ск*а*ранили"» [КПП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 75].

После похорон Шута дети приходили домой и в бане устраивали поминальную трапезу. Взрослые таких поминок не устраивали. «А тут растреплим яв*о* там, в горах-т*и*, д*а* идем в баню абедать. Чай, вот возврашшамся, садимс*я* абедать, *я*ишницу сделам. Чай, мы из кажд*а*ва дома снасились д*а* стряпали» [ГВН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 85]. «В бани-т*и* *я*ишницу ели. Вазьмём там у м*а*тирей, где *я*иц скока. Ну, пайдём там к бабе, састряпам да съедим. Это уж пачти у кажд*ы*ва была. Съели *я*ишницу и пабегли хто куды. А уж взрослы*е*-т*и* н*и* ели в бани-т*и*, п*а* дамам уж хадили» [ДАМ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-27Ульян., № 42].

В 50-е гг. дети сжигали чучело за пределами села. Но прежде чем сжечь солому, они снимали одежду Шута и надевали ее на одну из девочек. «А аттуда нарядим дивчонку другую вот в эту лахмотью, да в эт*и* лахмотьи, и ана нас всю дарогу ган*я́*т [=гоняет], как врод*е* этат “Шут”. А мы бежим, и прячымся, и вижжим, и кричым да сам*о*ва сёла. Ну, пумат [=поймает] там, пытигу́сит [=потреплет] нас или чёг*о*-т*о* ли сделат: врод*е* как пабьёт ли, врод*е* как пошшикоч*и*т, пытигусит нас эт*ы*к. Мы вырываимси, вижжим, кричым, арём. Мы иё нарижам, берём эту палычку, и вот ана с этай дубинк*а*й и бег*а*ла» [КПП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 75].

Участие детей в обряде осознавалось не только как желательное, но и как необходимое. Родители не только не запрещали ходить с Шутом, но и помогали детям: показывали, как надо нарядить чучело, давали яйца для общей трапезы или сами готовили яичницу в бане. Детям передавалось серьезное отношение взрослых к обряду: «Вроди какой-т как стар*о*й абычай. Чай, эт*а* от старших п*и*ришло» [ГВН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 69]. «Нам вилели, мы тагда кажный год...» [КТМ, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4].

Вынос чучела за пределы села сопровождался пением припевок. Информанты называют их *прибаутками* или *частушками*. Стихотворный размер, рифмы и плясовой напев действительно сближают эти песенки с частушками.

Шутушка (вар.: чучало), упакой,
Чэловек-от был какой,
Умир да сп*а*каялся,
В баньке не п*а*парился
[МАН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 51].

В других случаях песенные формулы припевок контаминируются с мотивами потешек, определяющих плясовой их ритм.

П*а*шли Шута каранить,
В бальшой колак*ы*л званить,
Дон-дон, далидо́н,
Загарелс*я* козий дом,
Шута выташшили,
Дон-дон, далидон...
[САП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 30].

Другие формулы имитируют интонацию похоронного плача:

«Вот умир, милый умир,
Зароим — ни встанит,
Зароим — больши тибя не увидим,
Больши ты ни придёшь у нам.
Да. Ну, — “Шут”.
Милый Шутик умир,
Што ты скора умир,
Ни пахварал, ничёо...
Вот таки-и...
Милый Шутик,
Што ты так рано умир,
Пожил бы ишшо маненичка,
Што ты меня бро-осил?»
[САП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян., № 30].

В с. Сара точно не помнят слов, с которыми пускали Шута по воде, но воспроизводят их приблизительное значение. «Плыви, кукалка, плыви, возврашшайся са шшастьем» [МАД, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4].

Наиболее старые информанты еще помнят, с какой целью устраивалось все действо. Удаление за пределы села чучела из остатков прошлогодней растительности должно было стимулировать новый обильный урожай. «Да ищ вот я помню, ищ я нибальшая была. Чучалу-та делали из снапов, из абмало́ткав [=обмолоченных снопов]. Раньши вlink жали. Из абмалотка сделают, павяжут иё, всё наденут как женшшину. Перевяжут яво вот тут, как голаву сделают. Лицо ни рисавали, так саломай всё. Вот павяжут толька платок. И руки сделают из этыва тожи. Всё из саломы. Па женски [наряжали], в платья, платья. Патаму што эта хлебна. Вот. И тожи таскали на Суру, пускали. Ва многих улицах. Ано, сяло-та, бальшоя. Ани там сваё, а мы сваё. Всё тут. Вся маладёжь. Маладёжь, маладёжь делала. Ну, сабяруцца все, паглидят. Паинтирисуимся — какой. А патом уж на Суру. Я вот эта помню вот: “Шутушка, упакой, челавек-та был какой, и с руками, и с нагами, и с пшениснай галавой”. Вот тащили, тащили. Штоб уражай был хароший — “с пшениснай галавой”» [ЛАА, БМВ, с. Сара; КПС, КПП Ф2006-39Ульян., № 123-125].

Чучело «шута» из с. Ждамирово (реконструкция). 2007 г. Фото К.Е. Туркина.

Аналогичный обряд в д. Бахметьевка (в наст. время часть с. Новосурск) назывался *Андрюшу хоронить*. Андрюша здесь — имя антропоморфного персонажа, который представлял собой соломенную куклу, по величине равную взрослому мужчине. Обрядовые похороны были приурочены к *проводам весны* (см. *Вёсну провожать*), проходившим через неделю после Троицы. «Вёсну как [провожали]? Вот сабираюцца, нарижаюцца. “Андрюшу” нарижают. Вот из

саломы сделают этава “чилавека”, Андрюшу. Сноп. В штаны да в рубашку, или как*ое* платья махриста — как мущину нарижали. Шапку как*ую* рван*ую* на няво наденут. Вянок плили вон из бирёзы на голаву. Вот так палку сделают — руки, как будта он с руками. Штаны надявают махриста на няво. В штаны вот набивали саломы и вот и нисли за палку вот. Да, на палках, руки вот так [=раскинуты] и тащáт яво к Суре. И вот там уже эт*а* пают и пляшут. Раньши, сичас видь нет этава, а раньши с гармоньяй! Артелями! Артель за артель*ю*. Каждый сваи. Примерна, вот я дружу с сваими ровнями, другой с сваими — пастарши, эт*ыт* памаложи, у этай сваи падруги. И вот все идём. Эти ат сибя нарижают эт*а* из саломы [чучело], мы ат сибя — и все идём на Суру с гармоньяй. Гармоны три-чатыри. И вот каждый играют и пляшут тама. <...> Ну, у нас вот в силе-ти аднаво [Андрюшу] делали. В Навасурским, можит, ищо делали. Кажный в сваём силе. Вот, примерна, мы здесь вот на Суру ходим. Туды под гару спу*стис*я, там уж апять к Суре. Сичас всё зарасло, раньши эть была всё кругом пясок» [ЛМС, ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 80-82].

Реконструкция чучела «шута» в с. Ждамирово. 2007 г. Фото К.Е. Туркина

Перед тем как отправиться к Суре, процессия сначала с песнями и пляской проносила Андрюшу по улицам села. «Хадили [по деревне], да, к вичиру уж. Ну, и днём, тут уж никуда ни ходют, бываат, праздник. Ну, всё к вечиру, к вечиру уж, пасля абеда. Нисли [Андрюшу] и пляшут. Плясали и смиялись. Идём, примерна, сялом, песни паём, пляшим и яво двоя нясут, за палки. Эта шутили, смиялись, шутки. Народу-ту многа, [рядами шли], эта щас никаво нету. [Пели] хто чаво уж суме*е*т. Пра вёсну. Пели больши хто как суме*е*т. Чаво тут? Раз тут шутки, шутки. Да. [Частушки] и матам, и всё. А таперь ничаво» [ЛМС, ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 84].

Жители, сопровождавшие Андрюшу, могли наряжаться в лохмотья или оставаться в обычной одежде «проста так вот, как наденут, как адеты. Надявали жа махры на сибя-та. Вёсну праважали. То какова там какой сарафан худой наденут, то... Там какой-нибудь эту платок аб*в*яжут грязнай да худой махристай — шабалы. Ну, и эта. Ну, вроди интиресна была. Интиресна была». Над наряженными озоровали. «Какии падайдут ды крючок сделыют *и* изарвут [одежду]. Хто хошь, хоть я падайду разарву. Да» [ЛМС, ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 86].

Андрюшу приносили на берег Суры и там сжигали, при этом парни могли прыгать через огонь, а на кострище потом плясали. «И на Суре зажгут яво. Паложут да зажгут спичкай. Прям ва всем и кладут. Штоб сгарел и всё. Маладыи

рабяты прыгают [через него], а так-та нет. Рабяты и прыгну́т. [На угольках] папляшим. Как абычна, хто как сумеет. Хто умеет ведь плясать, пляшит как паложина, а хто ни умеет, так толька топают. Топчуцца. [Потом] расходюцца, разбираюцца» [ЛМС, ГАМ, с. Новосурск; СИС Ф2002-14Ульян., № 83].

Во время экспедиции по Инзенскому р-ну в 2002 г. по просьбе фольклористов местные жители показали частичную реконструкцию обряда. Обычно куклу делали несколько женщин. Кто-то скручивал солому для туловища и головы куклы, кто-то приносил старую мужскую одежду. Кроме брюк и рубашки Андрюше подыскивали малахай или кепку, старый галстук, на ноги надевали резиновые сапоги. Куклу брали под руки две женщины, которые водили Андрюшу по всему селу. В толпе, сопровождавшей процессию, шли ряженые. Прохожие подходили к Андрюше, высказывали восхищение его нарядом, разговаривали с ним. «Выходим мы вот на берег Суры. Ходим, ходим, во всё село ходим. С каньца д*о* каньца. Все артелями, каждый с*о* сваими падругами идем. И вот наряжам, падп*о*яшем и ташшим. Ходим, ходим па сялу. Ну, раз вёсну проважам, то все маладые женщины выходют. И пляшишь, паёшь. Пляшишь ни так, а прыгам все. Кто, пажалуй, перекувыркнётся впирёд тибя, идёшь — перекувыркнётся — все шутят. А то ищё сделам как флаг, какой красный платок привяжем и идём па сялу-ту. Идёшь, идёшь — встанишь. Ну, бабы падайдут, разг*о*варивают с нём [=с Андрюшей]. Ну, для смеху» [ГАМ, с. Бахметьевка; ЧМП, ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

Реконструкция обряда наглядно показала значимость импровизированного общения человека с куклой во время прохода процессии по селу. Из дома на улице, по которой вели Андрюшу, вышла одна из старейших жительниц села М.Н. Отряскина. Она ничуть не удивилась, увидев куклу, и естественно вступила в разговор с Андрюшей. «“Вот над*о* п*о*глядеть бы, надо. Здравствуйте все, каво ни знаю. Здравствуйте. Где он? Андрюшка-то где? Где Маня, мая т*о*варка? Иди веди меня за руки, я погляжу-ка. Сколь ни видали! Малодиньки были. Где он, Андрюша-то?”» Женщина, поддерживающая куклу, говорит от имени Андрюши: «Баба Маша, здрасьте, здрасьте». М.Н. Отряскина: “Здрасьте, здрасьте, каво ни знала, ни видала. Вон он как ручку даёт. Праву нады (пожимает, улыбаясь, руку кукле). Вон ведь какой хароший. Каке сапоги-ти хароши, лаковы. Больно уж гожий, высокай какой. (Заглядывая кукле в лицо) Курит. Вон кака сигарка ва рту». Женщина (от лица Андрюши): «Ну, давай, бабуля, прастимся с табой (наклоняет куклу к МНО, чтобы та поцеловала ее). Ну, жить вам, паживать, добра наживать. Пейте, бабуля, чаёк, таблеточки». М.Н. Отряскина: «Ничего не помогат, Андрюшенька, милай, не помогат мне. Ничего не помогат: и ем и пью, а еда меня ест. Годов много, восемьдесят девять, наверно годов, ай уж все девяносто. Может, теперь Андрюшенька за меня п*о*молится, мне получше будет». Женщина: «А може, и правда тебе нынче, Бог даст, и полегше будет. А може, нам Бог даст дожжя? (поворачивается к кукле, поднимает уши шапки-ушанки и завязывает наверху шапки). Жарко вот ему. Жарко (обращается к соседке). Да где мне

его п*о*становить-то? Я его паставлю — опять сваливатся». М.Н. Отряскина: «Ноженьки-то устали у няво, давно стоит. Вот кака старуха-то, мол, глидела, приходила на Андрюшеньку-то… У нас, бывало, пр*о*вожали, народу многа пр*о*вожали, а типерь нихто не делат эдак-то, ни проважают».

В селе Б. Шуватово *вёсну провожали* в первый вторник после Троицы. Этот день в селе называли *праздник Ярила* по имени обрядового персонажа, похороны которого были главным событием обрядового действия. «Праздник-та “ярилки” называли. “Ярила”-та, наверна, па-стариннаму эта бо*г*, вот верят в бо*г*а, умрёт — яво праздник пачитают» [ВЕП, с. Б. Шуватово; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «Праздник “Ярила”, вёсну праважают. Эта посли Троицы — Духов день, а на другой день, ва вторник, эта “Ярила” бывала. Вот тагда яво, Ярилу-т*а* каронили» [КМГ, КАН, с. Б. Шуватово; СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003].

Чучело Ярилы делалось из соломы. «Набьют штаны саломай и какую-та куртку — саломай. Впирёд палку, чтобы ни туды, ни сюды. Брюки набей салом*о*й, и сюды [на голову], как сноп, штобы голаву [сделать], а вон сюды — палку — и шапку» [КСИ, с. Б. Шуватово; СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003]. Его сажали на телегу, а рядом ставили шест с тележным колесом. В телегу садился мужчина, который крутил колесо, потешал публику непристойными шутками и частушками. В телегу впрягались молодые парни и возили Ярилу по селу. «На Ярилу чучила вазили. Калесо привяжут, вот и крутют яво, калесо. И тилегу запрягут, например, лошидь или народ*о*м — мужики, рибята павязут, а туда пасодют мужика, вот Ершова Иван Раманыча, и вот он яво [=колесо] крутит и причуж*á*ит па-всякаму, частушки паёт. Всё сяло кряду пирибират [поёт частушки о местных жителях]. Скажит: “Ягуны-мигуны, Кузняцовы — блядуны”. Стаит в тилеги-ти и вычакм*á*риват [=кричит] ва всю глотку» [КВН, с. Б. Шуватово; СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003]. «Па всяму сялу правязут. А за тилегой — ряжены, тожи частушки пают. Он — адну, ане — другую, пир*и*гавариваются. Народу сабирётся!» [ГРС, с. Б. Шуватово; СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003].

После того как процессия с Ярилой объезжала все село, парни, тащившие телегу, вывозили ее за околицу, где чучело стаскивали на землю, растерзывали и сжигали. «Павозют, павозют, да за сяло, чай, связут, да и разделают, сажгут» [КСИ, с. Б. Шуватово; СЕВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2003].

М.П. Чередникова

ШУТИТЬ

Шутки являются неотъемлемым элементом многих комических действий, что отражается и в народной терминологии, где словом «шутить» обозначаются самые разные формы игрового поведения — от передразнивания (см. *Дразнить*) до подшучиваний и розыгрышей (см. *Подшкунивать*) и озорства (см.). Чаще всего под *шуткой* подразумевают

какое-либо необычное, парадоксальное по форме или содержанию высказывание или действие, призванное развеселить окружающих. Такая широкая расплывчатая целевая установка позволяет превратить в шутку любое действие. Например, чтобы рассмешить окружающих, могут передразнивать кого-либо из присутствующих, подражать голосам животных или рассказывать веселые истории, анекдоты. С этой точки зрения можно выделить шутки в широком смысле слова.

Шутки в узком смысле слова отличаются от передразнивания и подшучивания принципиально иной прагматикой: «шутить» — это не насмехаться либо издеваться над кем- или чем-либо и не подвергать кого-либо испытанию, а прежде всего веселить окружающих. Одной из прагматических установок при этом является самопрезентация, то есть привлечение к себе внимания. Ниже описаны типы шуток, которые не вошли в состав словесных игровых форм. При этом необходимо учитывать возможность разных целевых установок, приписываемых одному и тому же действию как самим исполнителем, так и окружающими. Например, обнажение в контексте ряженья может восприниматься как веселая шутка, в то время как в других обстоятельствах это может выглядеть как оскорбление или вызов. Это значит, что при описании шуток необходим более тщательный учет ситуативной обусловленности той или иной обрядовой или игровой акции. Исчезновение или значительное уменьшение в настоящее время этой составляющей праздничного и повседневного обихода с сожалением отмечается очень многими: «Вобщим, всяких шуткав пално. Но я тебе гаварю, што тагда играли, каждый шутку принимал. А щас нет. Щас этава нет в народе, в этим, у маладёжи» [СНФ, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 109].

Шуточные надписи в с. Красные Горы.
2009 г. Фото И.С. Павлова

Существовали некоторые ситуации, которые в большей степени продуцировали шутки. Легкий, со взаимными подколками и шутками стиль общения был доминирующим у молодежи, особенно во время собраний на улице (см. *Гулянья*) или в келье (см. *Сидеть в кельях*, *Играть в кельях*, *Подшкунивать*). Обмен шутками естественным образом возникал во время застолья (см. *Застолье*, *Кузьминки*, *Горной стол*), становясь средством, сплачивавшим собравшихся и создававшим особую атмосферу веселья и раскованности. Обилием шуток характеризовалось поведение ряженых (см. *Наряженными ходить*, *Вёсну провожать*, *Второй день*, *Запой*, *За веником ходить*, *Невесту продавать*, *Ярку искать*).

В обыденной жизни шутки возникали по самым разным поводам и несли самую разную смысловую нагрузку. Они широко использовались при общении взрослых с детьми. При пестовании маленьких детей важно было развеселить малыша, установить с ним эмоциональный контакт, выразить ему любовь и одобрение, поэтому большинство детских пестушек, потешек и прибауток имели шуточный характер (см. *Тютюшкать, Прибаутки*). Да и в повседневности многие действия с ребенком включали в себя шутки. Например, когда ребенка носили на плечах (*на гуськах*), то часто разыгрывали «продажу горшка». «Ну эт*а* таскали, когда вот “на гуськи́”, как сказать, посадишь ребёнка и таскашь. “Купи горшок”. — “Нет, не куплю, он худой”. Да. Вроди “он худой”. А тот г*ово*рит: “Нет, нет, крепкой, не худой!” Шутили. Эта вот шутили, таскали “на гуськах”» [УАИ, ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32льян., № 24]. Иногда детей в шутку величали по имени-отчеству. «Какая я была уж, известна как*ая* была. Скока там мне была? Можит быть, гадов пять. Ну, он уж пажилой был. Вот. И жили нидалёка. Он миня: “Вот Мар*и* Микалавна пришла”. А я яму скажу: “А ты Сок!” “Сок”-от, ну, прозвище. Ну, проста так, прозвища, ни што там ругали [=дразнили] этим. У каждава свая прозвища. Он миня завёт “Мар*и* Микалавна”, а я думаю, он миня ругат. Ну и смиялись. Да. Атец мой тут был. Он, атец-та, гаварит: “Он видь тибя любит, он видь тибя ни ругат, а ты яво прозвищай назы*вашь*. Дочка, ни нада”. Он мне, атец, сказал. А я знаю? А я думаю, што он миня ругат» [НМН, с. Кадышево; СИС Ф2004-01Ульян., № 48].

Шуточные надписи в с. Красные Горы. 2009 г. Фото И.С. Павлова

Для детей постарше придумывали более замысловатые, содержащие некоторый подвох шутки, в которых обыгрывались местные реалии, поверья и представления. Так, в Присурье обычным персонажем, которым запугивали детей, был «татарин», он часто фигурирует также и в шутках. «Татарами пугали, я уж взросл*ая* [=подросток] была. Пашла первый раз на базар в Коржевку вот (Коржевка вот тут вота). Ну, пашла, канешна, ни адна, зимой. И мне гаварят: “Ну, как да Шлямáса [=с. Шлемасс] дайдёшь и первый раз идёшь на базар — татарину жопу цылавать!” Я: “Мамыньки!” Ну, я жи ни знала, баюся. Ну, прашли, ничаво» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 75].

Шутка нередко становилась средством выражения симпатии, хотя сторонние наблюдатели могли и не понять этого. «Адин раз, [мама] гаварит, я вышла, паленица, драва беру сверху. А он [=муж] падашёл, гаварит: “Вон внизу нада брать-та, а ни навирху, а ты баисся, спина сламацца”. Он вот так

шутил. А свёкар увидел и тоже, гаварит, ево за ета [кнутом]: “Эта што такоя!”» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-03Ульян., № 147].

В шутке мог содержаться скрытый комплимент. Например, чтобы сказать молодой женщине приятное по поводу ее внешности, одна пожилая жительница попросила одолжить у нее лицо, чтобы ей «выйти на люди». «Вот Лида, падруга, вот тут. Вот мы пашли с ней в магазин, а тут малодинькии две у двара, значыт, ходят. Я гаварю (Любай тожи завут), я гаварю: “Люб, дай мне личыко тваё в магазин схадить!” — “Чаво тибе, тёт*я* Люб*а*?” Я гаварю: “Тваё дай, а маё мурло, мол, вазьми, всё равно ты тут капа*и*шься с нём. Мы, мол, сходим в магазин и тибе апять атдадим, а ты наше вазьмёшь”. Я гаварю: “Лид*а*чка, ну страшна выхадить, страшна паказацца”. Страшны вид ь какии, а? Сморшшины, страшны, стары. Ну вот и давай смияцца» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-01Ульян., № 81].

Шуткой очень часто выражали насмешку или порицание. Так, в приводимом ниже тексте присутствует тонкая ирония, пародия на бауканье. «Прежди стиснялись и свёкыра, и свякрови. Ни как нынча! Да. Свёкар придёт пьяный, разувай яво. Лапти были. Где-та были в гастях, най, у хрёснава. Пришли аттоли и он палез на печ начавать. “Тять, пагади, — тятий звали, — пагади, я тибя, тятя, разую”. И паю песню:

На печки сижу,
Заплатки плачу,
Приплачиваю,
Мужа я браню,
Пабраниваю:

— Муж мой, мужинёк,
Барзой кабилёк,
Падай, муж, шубейку,
<?> насагрейкаю.

Свякровь сидит улыбацца: “Видишь, как укачыват”» [САМ, БАИ, с. Чумакино; СИС Ф2000-09Ульян., № 70].

Насмешка также присутствует и в нарочитом восхищении сломанной, негодной повозкой. «Вот этыт вот *А*вирьян Димитрич, дядя мой. Вот аднажды мы [сидели], и едит, значит, мущина на лашадé из Астрадамовки врод*и* туды в Чилим ли куды ли. У нево павозка вся изломана, я ни знаю чаво! Санки какии-та или чаво. Значит, мы сидим тут и он [=Аверьян Дмитриевич] астанавливает иё: “Падажди-ка”. Тот астанавился. “Падажди-ка, в нашим калхози нет такой павозки, дай-ка я у тибя сниму эта [=чертеж], штобы сделать”. А уж ана никуды-нитуды! Он астанавился, выругался...» [КСП, КМА, с. Алейкино; СИС Ф2008-02Ульян., № 47]. Или новым нарядом девушки. «Видь наряд адин и тот жа. Вот паехали мы адин раз с падругай на базар мукой таргавать. И вот заехали в Ключи, лижит матирьял. Гаварю: “Маруська, давай купим па юбки”. А он вот в палиц талщиной! Ну, и взяли мы па юбки. Я приехала, мне тут жи мама шшила, вечирам пашла, надела эту юбку, а паринь-та мне гаварит: “Эх, чирната, юбачка-та стая́ча, с шумкóм”. Вот так вот. Смиялись друг над дружкай. “С шумком, — гаварит, — юбачку надела”. Сроду ни забуду. Вот эта наряд был. На хароше-та у нас не была ресурсав-та» [КЗА, с. Б. Кандарать; СИС Ф2006-25Ульян., № 84].

Жители с. Кунеево (совр. с. Новосурск) постоянно подвергались насмешкам из-за названия своего села, которое напоминало наименование женского полового органа (*кунка*). Прохожие, якобы заблудившись, спрашивали дорогу в село, название которого они забыли. «Шутили вот над людями. Вот кто-нибудь идёт, пастучат в акошка, тагда видь адинарны были акошки, были низка, завалинки. Залезут: “Бабушка! — или там — Дедушка! Вы ни знаити дарогу на сяло, катора вот бабьей пиздой завёцца?” Ну, и смиюцца. Ну, Куне*е*ва-та, слова-та — “кунка”. Он ни скажит, што Кунеева, а скажит, што сяло на пизду пахожа. <...> Ну, вот эта всё шутили. Там будут рассказывать, смех-та па сялу!» [ОМЯ, с. Коржевка; СИС Ф2002-12Ульян., № 50].

В тех селах, где были активные межэтнические контакты, в качестве насмешки над кем-либо могли употребить сравнение с соседним народом, которому приписывались те или иные негативные свойства (см. еще *Анекдоты и побасенки*). «Ну, чово же? У кажново своё. Ну, кажный мы над собой-то [подсмеиваемся]... Как, чай, говорят это? “Как чувашин”, — говорят. Он отрезал ломоть хлеба, положил конфетку на конец ломтя и говорит: “Ешь, ешь, душенька, скоро нья!” Съел [хлеб] чуваш, а конфетка цела осталась. Это ведь протаскывали только» [КАН, с. Б. Кувай; СИС Ф2009-06Ульян., № 44]. «У нас вот чево, вот чуваш иногда парадируют. “На улице дождь идёт?” — “Та ни знаю, я агародам шёл”. Или задами. “Я садами шёл”. Эта проста вот так, шутка» [ПЛА, с. Лава; СИС Ф2009-16Ульян., № 40].

Шуткой легко было высказать порицание, особенно если не хотели портить отношения, например, с соседом. «У нево [=соседа] там таварищ в Хвастихи умир, а уж он [=сосед] лесником-та работал, у нево свая лошадь была. Приехал аттуда, с паминкав-та, ка двару яво лошадь привяла, варота закрыты, он никак ни встанит, ну, никак ни встанит. Вот зацепицца-зацепицца — апять, зацепицца-зацепицца — апять упадёт. Я иду, гаварю: “Ай-яй, наплакался! Ни знай брата што ли, мол, пахаранил, аж встать ни можишь”» [МВФ, д. Ростислаевка; КПС Ф2004-20Ульян., № 32].

Человек, умеющий шутить, мог легко разрядить конфликт, примирить враждующих, потушить скандал, только вовремя сказав или сделав что-нибудь смешное. «Вот иё всё застав*ляли*: “Ну-ка, Тоня, спляши, спой-ка Курмар!” Ну ана выйдит эта вот, кривля*и*т ноги-ти. И руками, и ногами эдак сдела*а*т. Ну, пасмиёсси над ней. Я гаварю, вот в магазин придут женшчыны, катора женшшина там, можит быть, даже ни в духи придёт, ну, што-нибудь, можит, даже каторая расскандалицца, а ана выйдит вот и спляшит вот так вот. Вот ана песню начынала петь:

Ах, курма́р, шта́кир ви́рин вирика́н,	Ах, курмар, штакир вирин вирикан,
И курби́на курбина́,	И курбина курбина,
И курби́на саздана́.	И турбина саздана.

Ну, вроди рассмиюцца все. Ну, как-та, можит, ищо прибавит слов какех. Вицёлая была. Шутница» [КНИ, с. Алейкино; СИС Ф2008-02Ульян., № 115–116].

Обстановка работы в коллективе обязательно рождала множество шуток. «Тагда как-та была эта вот, принимали шутку. Ну щас, мне кажецца, ни примут такие шутки, как раньши шутили. Раньши жи чё? Выхадили в поле и как чуть — сядут атдыхать и дремлют. Ну, то привяжут, то накрасют чем-нибудь, то намажут чем-нибудь — ну и смиялись. Смех был» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-03Ульян., № 149].

Одной из самых популярных забав во время перерыва в работе было устройство шуточной свадьбы (см. еще *Играть в кельях*), которая заключалась в имитации пира и гулянья, свадебных приговоров и шуток над молодыми. Их роль могли выполнять как мужчина и женщина, так и две женщины. «И свадьбу делали. Айда пашёл! Всё шутили. Дождик пайдёт — “свадьба”. Да, как дождик начынацца, канешна. А то работали мы. Мужуки с нами работают. Жанатыи, канешна, жана есть. А мы другуу — женим. Да. Пиравали, всё за сталом. Гуляли. Воду пьём. Баславлять-та уж ни баславляли. Плясали, пели. Айда пашёл! Дружка, палдружка. Всё была, всё была. Тагда машины не была, нас на лашадé вазили, бригадир приедит, мы пир заводим. “Давайти, давайти!” Бригадир у нас пирядóм едит. “Жиних” за ним, “нивеста” сзади. Дамой уж. А [жене] на што абижацца? Играли, шутили. А уж шутка, чаво абижацца» [МЕЯ, с. с. Кадышево; СИС Ф2003-09Ульян., № 82].

Часто разыгрывали импровизированные сценки, имеющие злободневный сюжет (см. еще *Наряженными ходить*). «Всяки шутки были. Бывала, тут звено, и атсель звено. Я в этим звене, а тут атсюды другое звено. Вот как к абеду два звена сходюцца, йих паднимают гармони играют, пляска, песнятá, припеванья. А адин ета мужик больна уж чуднóй. Тоже вот тут он жил, Петей звали, он щас в Карсуни живёт. Падвизли яво на машини, вроди бальнова. А я крычу: “У вас есть бальныи?” — “Есть, есть”. — “Ну, щас врачы приедут”. Ишчо машина идёт. Вылазиют две женшчыны в белых халатах, и знаешь эта, бойкии. “Где у вас?” Я гаварю: “Да щас выйдит”. — “Давай яво сюды”. Я яво под руки, слезит, значыт, с машины. Ну, я гаварю: “Правиряйти, чаво у няво балит”. — “А чем он жалавацца?” — “Да хто знат? Весь, мол, никудышный”. Да, ладна, ани стаят. А народу, народу! “Скидай штаны”. Тот стаит, значыт, шмыг — штаны па етих [=по колени]. И другой. А ани, значыт, две. “Эта”, значыт, вазьмут патряпают ему. Ой! Пряма умирли со смиху! Ну, я гаварю: “Признали што ль каку балезнь-ту?” — “Да признали, ничаво, дó вечара, — гаварит, — даживёт и прайдёт”. Ну, чаво, чудили» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2004-02Ульян., № 2].

Шутки не обязательно были рассчитаны на аудиторию, их могли произносить даже не желая, чтобы их услышали окружающие, если они были сомнительного свойства или содержали оскорбление. «У нас бабушка рассказывала, как дедушкиной плимянницы брат пашли на базар в Корживки. А у них жи [=татар] этат на христе-та, чаво у них на христе? Два палумесица. Дашли, гаварят, да Шлямаса-та и гаварят: “Вон, гаварят, у них на мичети два палумесица, на каждам палумесицы свинина, гаварят, “ана”

бесицца”. Свининна пизда, мол, бесицца. Ну, идёт проста (а хадили сялом), между сабой ани гаварили, а кто-та эта слыхал там, у двара стаяли. Думали, убьют яво! Ани свиней-т*а* жи ни любют. Думали, гаварят, убьют за эта» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-03Ульян., № 77].

У мужчин «подшкунивание» часто заключалось в балагурстве, состязании в острословии, в умении блеснуть в разговоре метким словом и «срезать» собеседника. Лавры победителя и одобрение компании доставались тому, кто мог эффектно закончить разговор. «Ну, как падшкунивали? Там скажут вот так: “Эх, у тибя и нивеста какая страшная, никрасивая”. Ну, там чиво-нибудь. “Да ладна тибе балтать, мне и такой хватит. Харашо, я люблю никрасивых, а то красиву-ту всё атабьют, а никрасиву-ту нихто ни тронит. А я люблю никрасивых”. Вот так» [ЧТП, д. Сосновка; СИС Ф2004-04Ульян., № 17].

Шуточное чучело в с. Красные Горы. 2009 г. Фото И.С. Павлова

В каждом сообществе обязательно находились люди, которые создавали вокруг себя атмосферу веселья и смеха. Причем здесь был не важен даже возраст. Например, рассказы и шутки подростка могли привлекать в компанию и взрослых. «Главный кто [в компании]? Кто больше рассказыва*и*т и слушают. Да. Какии новости смишныи там. Есть видь вот люди, пусть ане и ни знают [много], а ане какии-та насмешливыи вот, шутить умеют и всё. Вот сядим вон в круг-та... У миня падруга ж*и* была, мы с ней вадились и нас щитали как будта мы с ней две систры. Ана тожи насмешница. И ана тожи разыгра*и*т, рассмишит, и все, харавод с нами. И другии-та к нам, взрослыи-ти, прицыпались. При́дут тож*и* в харавод. “Чёй-т*а* тут так смишно? Визгу-та сколь!” Ой, начнут пряма вот так вот» [КЛИ, с. Утесовка; СИС Ф2009-27Ульян., № 16].

Эти люди имели репутацию «шутников», и от них ждали соответствующего поведения. Они умели увидеть в повседневности смешные стороны, перестроить любую обыденную ситуацию по законам комедии. Такое качество обычно высоко ценилось окружающими, так как общение с ними доставляло радость и поднимало настроение. «Мне кажицца, эта самыи умныи люди. Да как жи, ниужта! Чай, ну-ка все глидят на них, чудя́т ане, смиюцца, висилят. И пают, и пляшут, и скажут чаво-нибудь интиресна. Ну, можи*т* быть, так в шутках што-нибудь: “Ты вот сам там, а я сама, — вот начнут. — Ты миня ни любишь, я тибя люблю, ты миня ни любишь”. Вот сми-

юцца, шутют жа, да» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 51]. Такие лица были незаменимы в различных застольях и компаниях, они превращали совместное времяпрепровождение в праздник. «В компании в детской, в девичьей, во взрослой надо, чтобы от человека была отдача. Если человек сидит ест, пьёт — никакого толка. Вот тот, что баянист тут, Михаил Иванович, и вот встретится и говорит: "А? Я вспоминаю вот всё наши встречи. Вот щас соберутся, напьются, наедятся, ну ни бесу ни басу! Никакого толку от них нет!" Всё время вот так возмущается. Ну, ведь это на самом деле. Должна быть душа компании, должен человек отдачу какую-то производить» [ПВМ, с. Студенец; СИС Ф2007-05Ульян., № 2, без транскрипции].

Память о таких людях сохраняется в течение десятилетий после их смерти, а рассказы об их шутках и проделках становятся со временем анекдотами и бывальщинами. Вот несколько воспоминаний об одном из жителей с. Русские Горенки, который имел репутацию «шутника». Уличное прозвание — «барин», «барин Салатов» — он получил также в результате подшучивания (см. *Масленица*). «Он шутник был (дедушка Петруха яво звали). Бальшой дарогай едут на лошади, он, гаварит, кричыт: "Эй, падаждити, падаждити!" Астанавились. Он падходит, гаварит, яйцо аб калясо — хлоп! "Паижайти типерь". — "Дурак", — гаварят яму. <...> Чё-та астановяцца. Он гаварит: "У вас што ось-та в калисе?" [Те смотрят] Ну, дийствитильна, ось-та в калисе ана и есть. <...> Гаварит: "Визити, визити, а я за вас кряхтеть буду"» [СНА, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-03Ульян., № 34].

Во время масленичного катания на лошадях (см. *Масленица*) «барин Салатов» объезжал дома односельчан и у каждого произносил рифмованный приговор, который содержал шутку или насмешку над хозяином. Материал для этого он собирал в течение всего года, ему специально сообщали, кто в чем провинился. «Ну, вобщим, вот кагда эт пост, на маслиницу. Да, на праздник на маслиницу, тагда видь все шутили. <...> Нарижался мущина и яво возют, как барин он си*дит*. Ну, шутник был такой. Проста яво празвали „бариным". Вроди развали́цца там на санях, на этих, розвальни. И падъижжают к каждаму двару, и вот он выходит и гаварит ну, пра каждый, он запаминат. Ну, съездил впирёд па сваем радным. Эти што там зятья делали — выпивали ли. Ну вот, видь кагда пост видь там, ни ел*и* [скоромного], а кто, — скажит, — ел. Скажит: "Карову даил", "А ты гарох варил яму". Ну, вабще, пра всех чаво-нибудь. Или песню какую спаёт, пра каво-та сложит. Как барин едит па сялу и асуждат каждыва хазяина: "Этыт такой". Ну вот, напасмиюцца да и всё. Канешна, он жи ни дасажал, а шуткими какими-та» [МИК, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-02Ульян., № 53].

В с. Новосурск вспоминают об одном жителе — Михаиле Гордееве, который славился остроумием. «Да такой интиресный был старик, Гардеив, Мишай яво звали. Адин раз адин мущина яму гаварит: "Ни знай, есть, Мишка, хужи тибя хто?" А он гаварит: "Есть, Петька". А он гаварит: "Хто?"

— “Аллю́к ды твая баба!” “Аллюк” — тожи прозвище, женщину звали “Аллюк”. Две была сястры, йих звали “Аллюки́”, йим прозвище была. Ани уж были какии-та грязныя да как сляпыя. Адну-та “Аллюк” звали, а жана яво [=того мужика] — сястра ей этай. Вот он и гаварит: “Аллю́к ды твая баба!” Вот хужи йих нет» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 38].

Кроме того, М. Гордеев отличался способностью складывать стихи. Его называют автором стихотворения, в котором по порядку перечисляются все домохозяйства села с указанием отличительных качеств их жителей, частью положительных или нейтральных, а частью отрицательных. Этот текст М. Гордеев читал, когда «вот проста сабяруцца вот так, он и начина*и*т. И все смиюцца.

Борька Жарков рысей бьёт,
Ванька Галкин шапки шьёт,
Вася Масин пажар тушит,
А Ваня Лисачёв с Таней рыбу глушут.

А тут жил у нас директар школы Василий Иваныч — Василий Иваныч дитей учыт, А Сиргей на гаре жил с Панкай — Сиргей Панку сваю мучыт. <...> Ну, всё-всё вот падряд, падряд, падряд, и пра всех знал. Вот этыт мужик. Вот он начынал вон аттоль с Дирявушки [=начало с. Новосурск] и шёл вот прям да этава, сюды да церкви:

Тронька да Ронька,
Там Сарка,

— ну, “сарока”, вот иё звали.

Там Уварка, —
Там Фединька асёл,
Там Спиряша да Казёл,

— а ани Уваркины были. Фамилия йим. Вот. Рядам Казловы жили.

Фралкови-ти **а**линьки,
Макаравы манинькі,

— ани манинькии были.

Филилеевы-ти арда,
А Белавкины-ти мардва,
Тут Николя (вар.: Вот Миколька) удавец [=вдовец],
(вар.: Тут Ключёнкав — выдавец, — НИГ),
У Лясаги нет авец,
Тут живёт с краю-та мардвин,
(вар.: Тут Михайла мардвин — ГАМ)
А тут салдат Балдин,
Гарёвы-ти — лышники,

— лыки, за лыкими хадили, лапти плили.

Ваньцовы — барышники,
Сляповы — рыбаки,
Микиташкины — киляки.
(вар.: Лактеевы — вастрожники, — ани в тюрьме сидели.
Дабычыны — сапожники. — ДКП),

Киляки — эта грыжа. Ой, а тут:
У Ярмоньки — палавинки,

— или жи двайниши какии-та были, близницы?
У Бихтяновых паминки...
(вар.: У Пантихи паминки, У Чамаев палавинки, — НИГ)

Тут дальши, дальши, дальши. Тут:
Савельевы — нямы́.

Вот. Ни знаю. Дальши ни скажу. <...> Всех он падряд, идёт и всё с парай: эт такой-та, эт — такой-та. Ну, и складна у няво палучалась. Эт ни припевка, эт проста разгавор, так проста, как в шутку, што ли он» [БМВ, НЕИ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 38, 87; НИГ, с. Новосурск; СИС Ф2002-17Ульян., № 40; ДКП, с. Новосурск; СИС Ф2002-13Ульян., № 104; ГАМ, ЕЕД, ОМФ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 37].

Гордеев умел с выгодой для себя использовать природное остроумие и находчивость. «А он сидит, дядя Яша, гаварит: “А пра миня ни сложишь!” Он [=Гордеев]: “Давай спорить!” Паспорили на четвирть самагонки. Он [=Яша] гаварит: “Вот расскажи пра миня”. Он гаварит:

Мима Яши ключ тикёт,
Он двайной плитень плитёт.

А он всё плёл на агароди двайной плитень. Вот так, четвирть самагонки он паставил!» [БМВ, с. Новосурск; СИС Ф2002-16Ульян., № 38].

И после его смерти чтение этого стиха продолжало оставаться любимым времяпрепровождением у мужчин. «Вот ани [=мужики] вечирам сабяруцца и пратаскивают друг друга. А если петь-та будут, убьют жа, эт*а* прозвища. Нет, проста гаварили, ани вот вечирам сами сибя пратаскывают» [ЕЕД, ОМФ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 37].

И.С. Слепцова

Я

ЯВЛЕНИЕ ИКОНЫ — см. На святой родник ходить, Никольская гора, Переселение икон

ЯРИЛУ ХОРОНИТЬ — см. Шута хоронить

ЯРКУ ИСКАТЬ

Ярку искать — обряд второго дня свадьбы, который представляет собой целостный комплекс смехо-эротический действий и текстов, совершаемых и исполняемых участниками русской свадьбы. Ярка — диал. молодая овца [Даль, т. 1, с. 680], в данном случае символическое обозначение девушки, вышедшей замуж. Обряд широко распространен в Среднем Поволжье, в том числе в Ульяновской обл., включая и территорию Ульяновского Присурья. Смехо-эротическая семантика определяет большинство компонентов этого обряда, в том числе «сценическое воплощение» «персонажей», разыгрывающих основные действия, включая одежду, элементы грима, маски, предметы, которыми они оперируют, а также словесные и музыкально-словесные тексты, исполняемые во время обряда. В общем виде этот обряд может быть описан следующим образом.

«Утром от жениха к дому невесты идут ряженые — сообщить, что к ним ярочка пристала. Гости обязательно наряжаются в "пастуха". "Пастух" в вывороченной шубе с длинным кнутовищем. Остальные гости обряжались в лохмотья, но поверх них надевают, накрываются утиральниками, что принесла невеста в дом жениха. У дома невесты тоже собираются ряженые. Обязательно была "старая бабушка" (она с крюком и горбом), "пастух", "милиционер", "адвокат", "прокурор", "врач". Ряженые со стороны жениха приходят в дом невесты. Ворота дома настежь открыты, по двору бегает "старуха", плачет — ярочка пропала. Она-то и позвала сюда власти, чтобы разобрались. Ряженые жениха подходят и сообщают: "Мы шли мимо, плач услыхали. К нам в стадо ярка чужая приблудилась". — "Пойдёмте-ка посмотрим!" — "Э, нет! За сообщение выкуп, награду давайте". Гостям наливают по рюмочке. И все ряженые идут к жениху. Ворота дома жениха крепко заперты. Ряженые стучатся в ворота, требуют открыть, жалуются милиции, лезут через забор. Невеста обычно прячется в бане. Активна "старуха". Она требует составить

протокол о краже ярки, обращается к “милиционеру”. “Прокурор” обвиняет сторону жениха в краже. “Адвокат” приводит смягчающие обстоятельства — сами пришли с повинной. “Старуха” и “пастух” тянут “ярку” за собой, но тут им говорят, что “ярка”-то испорченная. “Старуха” падает в обморок. “Доктор” начинает ее лечить. Ряженых со стороны жениха хватают, хотят забрать в тюрьму. Они оправдываются, говорят: “Мы не виноваты, ярка вздумала бежать, да к барану приблудилась. А вы давайте уж запьем это дело. Мы за ярку-то выплатим самогоном”. Они сначала отказываются, говорят: “Самогонкой не откупитесь, старуха-то вон у нас умирает!” — “А мы ей лекарство дадим!” Вливают “старухе” самогону. Она оживает, начинает плясать. Все выпивают по рюмочке, и ряженые невесты приглашают к теще на блинки. Все собираются к невесте в дом» [ШНГ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. К этому описанию нужно добавить, что ряженые по дороге поют частушки, как они говорят, «с картинками» (т.е. изображающие с грубым комизмом, использованием обсценной лексики coitus, женские и мужские гениталии), пляшут, импровизируют различные сценки в соответствии с выбранной ролью (например, цыганка гадает прохожим, попрошайничает; пастух громко щелкает кнутом, стараясь задеть всех встречных и т.д.).

«Поиски ярки» в с. Потьма. 1978 г. Личный архив

Встречаются на данной территории и другие, менее частотные названия этого обряда: искать *молодку* («Ярку у нас не искали, малодкав искали, малодка — эта маладая» [ССС, с. Пятино; ЧМП Ф2001-46]), искать *óвцу* («Хадили на втарой день идут ат нивестинай стараны наряжены, идут к жэниху искать óвцу, прапала авца, искать óвцу» [РМИ, с. Чамзинка; СЕВ Ф2003-56]).

Как отмечали информанты, этот обряд постоянно воспроизводится на данной территории, по крайней мере, с довоенного времени. «Мне вот 75 лет, я вот помню, что вот эдак “ярку” всё время ищут» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001].

Несмотря на то что в подавляющем большинстве населенных пунктов Ульяновского Присурья исполнение обряда происходило на второй день свадьбы, в некоторых селах он совершался на третий день. «На третий день родственники невесты шли в дом жениха искать “ярку”» [МАП, СМК, с. Неплёвка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В с. Аксаур произошло удвоение данного обряда, когда

наряду с поисками ярки проводились *поиски барана*. Дело в том, что в этом селе молодые вторую ночь ночевали в доме невесты, и утром родные жениха, наряженные так же, как и родные невесты на второй день, идут искать барана.

Состав участников не ограничивался ни количеством, ни типом родственных отношений, ни какими-либо другими социальными, гендерными или возрастными признаками. «[Участвовали] соседи, друзья, родные, кто участвует на свадьбе. Я много раз участвовала на свадьбах. Мы родственники были, двоюродного брата дочка выходила замуж. Соберутся человек шесть-семь, самые отъявленные озорники, нарядются в самые последние махры, возьмут кнут и пойдут к родным. Ох, ватага целая» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. «[Ряженых] ни больн*а*, мног*а*-т не был*а*, ну, ч*ы*лавек пять, вот эд*а*к вот» [РТА, с. Тияпино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. «С наший ст*а*раны и с йихый ст*а*раны нарижающца н*а* другой день» [МЗИ(1932), с. Коржевка; ЧМП Ф2002-4]. «Кто эта смелый, тот и н*а*рижацца. Тамишна радня нарядьца — суды́ идут, а атсюда — туды» [МЗИ(1932), с. Коржевка; ЧМП Ф2002-4]. Главное, чтобы они «пыбайчэй были, пызарнея» [КАТ, МАС, с. Пятино; ЧМП Ф2001-33].

Однако в некоторых селах существовали ограничения по полу и возрасту, по степени родственных связей. Поэтому к участию в обряде могли не допускаться девушки и неженатые парни; женщины и мужчины, не состоящие в близких родственных связях, и, как правило, пожилые женщины и мужчины. «[Ходили] молодые бабы, там уж девок нет, молодые бабы» [ГВИ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000-12]. «Ну, пожилые-то, конечно, не так уж больно участвуют, ну ходят посмотреть на нас, посмеяться, полюбопытствовать» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. На прямой вопрос собирателя о том, были ли такие люди, которым строго запрещалось участие в обряде, жительница с. Валгуссы А.П. Цыпина ответила: «Ну, не знаю. Бывает некоторым не нравится. Мол, пойдут по селу расконете́лют, да неприятность, прямо в пастели их захватывают. А у нас всё время ярку ищут» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001].

Различались участники обряда и по степени активности в нем. При этом активность могла выражаться как в создании оригинального, поистине «авторского» костюма, так и в разыгрывании импровизированных сценок в процессе свершения обряда. Как правило, наиболее активными и театральными были те, кто выбирал главные роли: «пастуха», «старухи», «врача», «милиционера», а также «цыганки».

Разной была активность в обряде и двух породнившихся семейств. В одних селах, например, наибольшая активность в обряде принадлежала стороне невесты. «[Ходили] только от невесты. А от жениха нет. Зачем, наоборот, они скрывают, где молодые ночуют. Добиваешься того, чтобы разыскать, где наша “ярка”» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. В других — сторона жениха не только участвовала в обряде наравне со стороной невесты, но и начинала его. «Идут от жениха сначала, пришли

вот к нам в дом ихи нарядные. Пришли — возбуждаются, возмущаются: “К нам пристала “ярка”! <...> Мы: “Да не может быть!” - “Да пристала! Не знаем чья, и на хлебушко маним, и на все! Не идет”. Потом, значит, уже идут от невести» [ПЛА, с. Барышская Слобода; ЯИВ Ф2000-11а].

О проведении обряда могли договариваться еще с вечера, во время гулянья на свадебном пире. «Вечэрам накануни мы угавариваемся, кто кем будит» [КТЕ, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 2000]. Участники обряда как со стороны невесты, так и со стороны жениха собирались рано утром в соответствующих домах. «Утрым, как п*ы*хмеляцца захочут, уберуцца, пить захочут, п*ы*хмиляцца и пайдут “ярку” искать» [ТАП, с. Аксаур; ММГ Ф2001-11]. Участников обряда обязательно угощали хозяева дома, где они собирались. «Это хозяева нас угощали, у которых дочка, например, замуж вышла. Вот мы у них, у которых “ярка” пропала, вот мы к этим родным придем, похмелемся и потом придем, когда ярочку найдем, нас и там угостят» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. Угощение, как отмечают информанты, было обычное — «как на свадьбе», но обязательно с алкоголем. «Чем угощали — водка, как и на свадьбе, закуска, на стол наставливают» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001].

Затем начинался процесс распределения «ролей» и создания образа, соответствующего выбранной роли, т.е. действия, которое носители традиции называли «наряжаться» (см. *Наряженными ходить*). «Ну, кто как нарядится, ну, советовались, конечно, кто кем. Вы, например, так наряжайтесь, а вот я буду так наряжаться. Потом ты вот этим наряжайся» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. В некоторых селах отдельные жители, участвуя в свадьбе, постоянно выбирали одну и ту же «роль», наряжаясь всегда в один и тот же костюм, который хранили от свадьбы до свадьбы. Все в селе об этом знали и обращались к ним, когда возникала необходимость именно в этом костюме. «У кого скажут — у них свадьба была недавно, сходют туда за одеждой. Ну, пойдут... вот они женили, вон у меня дочь-то, она нашила костюмов с погрямушками. Мы до сих пор их всё берегли. У кого свадьба, мы их даём. Эти костюмы так и переходят из рук в руки. Как наряднее, как чуднее» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001].

Круг персонажей ряженья был весьма разнообразен не только в регионе, но и в отдельных селах. «Бабушкой наряжались, пастухом» [КГМ, с. Ждамирово; БСА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Пастухом н*а*рижались, с кнутом хадили, цыганк*ай* н*а*рижались, мильцанерам нарижались, медсястрой н*а*рижались» [МЗИ(1932), с. Коржевка; ЧМП Ф2002-4]. «Кто в доктора, кто пастухом, кто барыней, кто цыганочкой» [ПЛА, с. Барышская Слобода; ЯИВ Ф2000-11а]. «Мордовками, милиционером, пастухом, врачом, цыганками нарядятся» [ЛНН, ЛАВ, с. Шеевщино; БСА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Солдатом, пастухом, врачом наряжались» [БЕК, с. Чирково; БСА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. В некоторых населенных пунктах всех участников обряда именовали *горны́ми*. «Ну, вот все прихадили утр*а*м. Вот эт сам*у* малодк*у* искать н*а*зывают, вот эт н*а*зывали “гарныя” у нас» [РТА, с. Тияпино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001].

Тем не менее все это многообразие персонажей явственно делилось на две группы. Первая — это персонажи, воплощавшие образ одной из социальных, возрастных или этнических групп, что отражалось в соответствующем имени, костюме и наборе действий, а вторая — участники обряда, которые не имели названия, набора действий, т.е. не создавали такого образа, составляя своеобразную массовку.

Первая группа включала в себя постоянных, обязательных и факультативных персонажей. Последние — это такие, которые были только в одном селе или являлись результатом индивидуального творчества отдельного человека. К обязательным относились те, без кого обряд поиска «ярки» был неисполним в принципе. Это *старуха, пастух, милиционер, врач.* Не всегда была непосредственно связана с поисками якобы пропавшей овечки («ярки») *цыганка*, но эта роль также была постоянной и одной из любимейших в данном обряде. «Аснавныи пирсанажи: пастух, пастушка, доктор, цыганка, мильцианер» [КТЕ, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 2000]. «Гости обязательно наряжаются в пастуха. Пастух в вывороченной шубе с длинным кнутовищем. <…> Обязательны маски старой бабушки (она с клюкой и горбом), пастуха, милиционера, адвоката, прокурора, врача» [ШНГ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Обычные маски пастуха в вывороченном тулупе, подпаска, который проглядел ярку, цыганки, которая гадала, как сложится дальнейшая судьба ярки» [МАП, СМК, с. Неплевка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Эти обязательные персонажи имели общие элементы в костюме, наборе предметов, речевых конструкциях и проч. Так, главной и наиболее характерной и распространенной деталью в образе пастуха был кнут. «Пастухом наряжались — с кнутом хадили» [МЗИ(1932), с. Коржевка; ЧМП Ф2002-4]. Второй постоянный атрибут пастуха — плащ или, как сказала одна из информанток в с. Полянки, «пинжак пастуший». Вместо плаща могла быть использована и другая верхняя мужская одежда, в том числе и воинская. «Однажды я наряжалась в немецкую одёжу, один у нас из плена принес, большие сапоги, китель, на лицо капроновый чулок, чтоб не узнали. Вот возьмешь кнут, китель военный надевали» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. Костюм пастуха мог включать и такую знаковую детали, как плетеный кошель, куда настоящие пастухи складывали так называемую *запасту́шину*, т.е. еду, которую ему выделяли жители села, нанявшие пастуха. Смеховое же начало в создаваемый образ часто вносили лапти — в 60-е гг. эта обувь уже не использовалась сельскими жителями данного региона. «Ну как он ныряжалси? Наденет на сибя всё барахло, каше́ль, кнут и сумку павесит, лапти абуицца» [КАТ, МАС, с. Пятино; ЧМП Ф2001-33]. Образ старухи (она же часто хозяйка пропавшей ярки) создавался за счет горба и палочки. «Старушке горб сделают, ходит с палочкой» [БЕК, с. Чирково; БСА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. А старика — за счет бороды и соответствующей возрасту («старости») одежды. «И стариком наряжалась, бороду привязывали, штаны надевали и какой-то сюртук наденут и шапку какую-нибудь среди лета, жарко, а все

равно надевали» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. Определяющей в образе цыганки была нарядная шаль. Постоянный атрибут цыганки — «грудной ребенок», чаще всего кукла, завернутая в одеяло. «Цыганка с маленьким... Кукла, чай» [КМН, с. Барышская Слобода; СЕВ Ф2000-25]. Другим предметом, создававшим образ цыганки, были карты, которые она потом активно использовала в «мизансценах». Важной смеховой деталью данного образа была речь на другом языке или имитирующая говорение на другом языке, например татарском. «Ну, цыганкай — ана варожит, начинает варажить, шутит смиёцца. К каждаму падходит, шутит, па-татарски гаварит» [ННЯ, с. Чамзинка; ЧМП Ф2002-33].

Ряженые из с. Белый Ключ во время «поисков ярки». 1980 г. Фото М.Г. Матлина

Что касается других персонажей, то в их костюмах и атрибутике использовались элементы профессионального костюма: врач, медсестра — белый халат, стетоскоп, медицинская сумка с красным крестом и проч.; милиционер — милицейский китель или фуражка, а если не было, то надевали солдатский китель, зимой и осенью — шинель. Но и в этом случае в костюм старались внести смеховое начало. «Шинель, шапка — настаящий мильцанер, толька писталета нет. Какой-нибудь у рибятишкав дирвяненькай вазьмёт» [МЗИ, с. Проломиха; ЧМП Ф2003-49].

Несколько особняком в этой группе стоят два персонажа — «старик» и «старуха». Первый был персонажем самостоятельным, импровизировавшим свои действия в процессе развертывания обряда. «Наряжалась по всякаму. То дедушкай какой-нибудь. Бораду атпущу. Раньше канаплю делали, поскань была — вот привязывали [бороду]. Шапку каку-нибудь вывернешь наизнанку. Чё-нибудь такое, рваньё наденешь. Накладёшь вот в сумку всяких, каму каньки, как будта падарки принясёшь. Каму — лыжи, каму ищё чаво-нибудь. Каму грибёнку без зубов. Были мы вон там на свадьбе, нарядилась — полнай мишок наклала всяких падаркав» [МАИ, с. Коржевка; ЧМП Ф2002-9]. «Старуха» же почти всегда была партнером пастуха, играла роль хозяйки «ярки», которую пастух пропас, потерял. Одним из часто встречающихся отличительных признаков старика и старухи был горб, который делали, подкладывая под верхнюю одежду какую-нибудь тряпку. «Ряженые чаще всего наряжались в цыганку, в старика с горбом, в пастуха» [ЗЕС, с. Мамырово; ССА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. «В толпе ряженых цыганка, старуха с горбом, пастух» [ГЛМ, с. Аксаур; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Среди факультативных персонажей, зафиксированных на данной территории, — *барыня* (с. Барышская Слобода) (см. *Барыня и кавалер*), *дурак* (с. Чирково), *аршин-малала* — «Шел аршин-малала, мерял ситец, перед ним дворник шел дорогу разметать. У аршина-малала одна штанина черная, другая — розовая» [МАВ, с. Студенец; БСА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981], *медведь* (с. Чамзинки), *заяц* (с. Валгуссы). Создавали и таких персонажей, как *конь* — «конями наряжаюцца, бабы на ухватах, адна ухват на плечо, верьхом ездют» [ФЕИ, с. Городище; ППС Ф2001-57], *козёл* — «Мы козла водили, нарядились и водили» [ЗНИ, ЗЕИ, с. Тияпино; ММГ Ф2001-27]. Перечислить всех факультативных персонажей невозможно, ибо многие из них носили исключительно индивидуальный характер, были связаны в своем происхождении с конкретными жизненными и культурными обстоятельствами.

Ряженые из с. Белый Ключ во время «поисков ярки». 1980 г. Фото М.Г. Матлина

Характеризуя персонажей второй группы, информанты отмечали прежде всего, что они умели «чудить», т.е. создавать образ по законам народной смеховой культуры. «Чудны жэншшины, кто харашо чуди́т» [ТАП, с. Аксаур; ММГ Ф2001-11]. «Наряженные в шубы назывались чудны́ми» [УНВ, с. Сара; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. Именно эту группу определяли в некоторых селах как *святки*, т.е. наряженных как во время святок (см. *Святки*, *Наряженными ходить*). «Ани хадили к радитилям, к иё, к нивесьтиным, и там тожэ встричали "святки" наряжались» [РТА, с. Тияпино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. «[Наряжались] как в святки. Нарядюцца, шубу выворотит, кто чаво зимой, а летом так эти балахоны наденут» [ГВИ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000-12]. Другое название этой группы персонажей — *русалки*. «Мы тут сабирамся, приходят русалки аттоля, с нивестинай стараны, приходят русалки, нас забирают» [САЕ, с. Новосурск; ЧМП Ф2002-20].

Персонажи этой группы также имели ряд характерных особенностей в костюме. Это была, как правило, одежда старая, поношенная, т.е. то, что называют «шо́болы», «лохмотья», «махры́». «Чё-нибудь такое, рваньё наденешь» [МАИ, с. Коржевка; ЧМП Ф2002-9]. «Наряжаются известно во что, в самые-самые лохмотья. Кто какие-нибудь махры наденет» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. «В шо́болы, у каво шубы выварачена, у каво шапка — уши аторваны» [ВЗС, с. Б. Кандарать; СИС 2005-06Ульян., № 24].

Смеховое начало могло строиться и через нарочитое смешение разных сезонных типов одежды или использование одежды не по сезону. «У миня на адной наге тап*а*чик, на другой — валинай сапог — идут на свадьбу все собраны! А вить эта для смеха наряжашься» [ГАМ, д. Новосурск; ММГ Ф2002-15]. «[Наряжаются] чэм п*ы*жалают, наденут валинки, вон пускай, ну, в маи, канешн*а* жарка, а ани чорный вальн*а*к наденут, белый вальн*а*к наденут, вроди вот для смеху» [МЗИ(1932), с. Коржевка; ЧМП Ф2002-4].

Чрезвычайно популярны были такие способы ряженья, как надевание вывернутого мехом наружу тулупа, покрытие лица маской, сажей и проч. «Нарядюцца, шубу выворотит, кто чаво зимой, а летом так эти балахоны наденут» [ГВИ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000-12]. «Гости приходили ряженые. Шубу да шапку вывернут наизнанку, лицо в саже измажут, простынями и шалями укутывались, кнут брали» [ЕЕЯ, д. Кольцовка; БСА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Ряженые из с. Белый Ключ во время «поисков ярки». 1980 г. Фото М.Г. Матлина

Использовали при создании костюма репей, кудель, лапти. «Навешат мачал, кудели, лапти, накрасицца — на каво пахожа!» [ЗМД, с. Потьма; СИС Ф2005-5 Ульян., № 20]. Могли на юбку, на брюки нашивать крышки от консервных банок, пробки от бутылок. «Да, и цыганк*о*й наряжаюцца. На сарафане-т*ь* налеплют, ой! Из-п*о*д бутылокта, погрямушки» [ЗНИ, ЗЕИ, с. Тияпино; ММГ Ф2001-27].

Но именно в этой группе персонажей существовала традиция создавать образ с подчеркнутыми гендерными признаками — мужскими и женскими. Осуществлялось это двумя способами: через ритуально-смеховое обозначение гениталий и при помощи одежды или элементов одежды другого пола. Первый способ был более характерен для создания мужского образа, второй — женского. При этом смеховое воплощение мужского начала могли создавать как женщины, так и мужчины, а женского — только мужчины. «[Морковку] привязывали, привязывали. Все привязывали. Женщина [привязывала]» [ЗМП, с. Засарье; ПЮА Ф2000-22]. «Вот Алеша раз, ух, и картошку, и морковину!» [ЛЛФ, с. Сара; ПЮА Ф2000-25а]. «Мужика бабой сделают. Там был в платье, в юбке, да, какой-нибудь кафтан наденет» [ЗМП, с. Засарье; ПЮА Ф2000-22]. «Мужчина нарядицца в женщинску адежу, а женщина наденет вроди мужскую адёжу. Ну, шутют» [ННЯ, с. Чамзинка; ЧМП Ф2002-33].

Иногда такой способ ряженья становился единственной особенностью второстепенных персонажей обряда, что проявлялось в принципах описания участников обряда — главные действующие лица определяются по функци-

ям, а второстепенные — по способу ряженья. «У невесты ряженые собираются. Пастух, он потерял овечку, доктор, для проверки, цела ли ярочка, цыганка, ворожейка, чтобы молодых быстрее найти, участковый, чтобы акт писать за использование ярки. Ну а потом мужчины одеваются женщинами, а женщины мужчинами» [ПВФ, с. Сара; КЕА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1991].

Особняком стоят случаи изготовления и использования в обряде соломенной куклы. «Я и на свадьбу делала раньше. Брала я рубашку, брюки, набивала саломай яво, вобщем всё скручивала, связывала, шапку, тоже голаву такую — брови, нос и всё такое. И на свадьбу всё такое жа, Такой жа мужчина» [ЛАА, с. Чумакино; ПИС Ф2003-17]. С ним потом за столом разыгрывали мини-сценки. «Села за стол с нём. Падносят — я яму стопку: "Эта мой!" Смеюцца все. Ну, интересна. Я вот, кагда сама делашь — эта не интересна, а са стараны пасматреть — эта вот интересна. Я кагда замуж выхадила, а у меня тётка такая же шутница, и вот кагда я пагляжу на неё — ой! я вот дасмеялась, аж у меня вот эти места забалели. И вот эта тож также, паднясут стопку — "и яму налейте!" Даю, вроди кармлю. Шутки всё» [ЛАА, с. Чумакино; ПИС Ф2003-17].

Другой вариант куклы на свадьбе — кукла-ребенок. Она могла быть атрибутом цыганки, могла быть принадлежностью любого другого участника обряда. «Здесь же в толпе ряженых — милиционер и цыганка с куклой, изображающей маленького ребенка» [ГЛМ, с. Аксаур; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. «[Куклу] сделают сами: с руками, с нагами, с галавой — всё как настоящий чилавек. Хлопкав набьют в мишок и зашьют и в этай как-та сделают апять пинжачок, набьют чаво-та, сделают плича́, руки пришьют и эта как глаза кагда, наденут бела на ниво. А тут пишут карандашом каким-нибудь глаза, рот — всё. Он интереснай делацца, как настаящий рабёнок. <…> Ну, вроди вот убогий. Памагите яму» [ФЕИ, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-14]. Эту куклу могли потом подавать невесте уже по завершении обряда. «Падавали нивести, маладой уж, а не нивести. Падавали кагда уж за сталом сидели» [ТЕС, с. Проломиха; ГОГ Ф4-2002-59]. Молодая же отказывалась от нее, говоря: «Нате вам вашего рабёнка, у нас свой будет» [ТЕС, с. Проломиха; ГОГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

После наряжения в тех селах, где обряд начинала сторона жениха, первые сцены разыгрывались у дома невесты. «Ряженые жениха приходят в дом невесты. Ворота дома настежь открыты, по двору бегает старушка, плачет — ярочка пропала. Она-то и позвала сюда власти, чтобы разобрались. Ряженые жениха подходят и сообщают: "Мы шли мимо, плач услыхали. К нам в стадо ярка чужая прибилась". — "Пойдем-те посмотрим". — "А, нет! За сообщение выкуп, награду давайте"» [ШНГ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Затем все отправлялись в дом жениха. Проход участников обряда по селу превращался в своеобразное импровизированное представление, разыгрываемое на улицах, а иногда в домах. «Ох, озоровали, плясали, песни пели, по селу идут пляшут! Озоруют, озорство такое. Ну, как больше озорства. Это ужас. <…> Говорили, что веселая свадьба, озорная. Смотрели все, выходили на доро-

гу, к нам машины едут — останавливаются, ряженых глядят. Как нарядились, как озоруют» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. «Однажды мы пришли в сельсовет, а там сотрудники надавали денег, мы вышли с этими деньгами, наряженная у нас кукла была, бабушка ваша работала тогда председателем, несли в болото со своей куклой. Как будто подпаска несли. Села одна озорница с этой куклой в болото. Мы ее подняли и пошли прямо такие грязные» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. «Они и в сажи нава́ганы и в пыли. Некоторые золье в мешочек насыпают да руками хлопают. Зола разлеталась в глаза. Зорование вот так» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. «Ряженые заходили в кельи. Там тоже припевали:

Не будите молоду,
Ранехонько поутру
Вы тогда будите,
Когда солнышко взойдет,
Роса на землю падет.
Пастух выйдет на лужок,
Заиграет во рожок»

[ЯАМ, СФП, с. Коржевка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1986].

Главным действием этого представления был поиск пропавшей «ярки», что и определяло поведение основных персонажей. «Наряжаются и ходят. Говорят: “У нас ярка пропала, ваш баран увел”. А от жениха “барана” ищут. А ходят как-то яйца молодым собирают на яишницу. А кто яиц не дает, курей забирают и деньги просят» [ЛТВ, г. Инза; СС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1993]. Цыганка гадала о пропавшей «ярке». «Ну, я вот цыганка, дайте погадаю, где ваша невеста» [ШПФ, с. Полянки; СЕВ Ф2000-19-1]. Могла гадать и том, как «сложится дальнейшая судьба ярки» [МАП, СМК, с. Неплёвка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. Другие персонажи своими действиями также соответствовали создаваемому образу. «Пастух идет с кнутом. <...> Доктор: “Кому укол, кто больной?”» [МДМ, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1986]. «Вот врачом наряжались, хотели, мол, если больно у нас баран ярочку угнал, мы его скастрируим» [ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001].

Но иногда наиболее артистически одаренные участники разыгрывали собственные, надолго запомнившиеся односельчанам действия. «Бабушка на скалке скакала» [КГМ, ККМ, с. Ждамирово; БСА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. «Одна вот сделала куклу вот этаку, брюки надела, фуражку — всё из махров, маме говорит: “Тонька, я Пантелея сделала!” У меня три сына, четвёртый этот Пантелей. Песню пела: “У меня читыри сына, / Все читири дурака...” Необразованна, а столько частушек складывала. Матные частушки пели» [КАК, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-12]. «Старуха — с корзиной: “Дрожжи продаю”» [МКН, МЕМ, с. Елховка; БСА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Обязательным при проходе ряженых по селу была игра на музыкальных инструментах, пение песен, частушек (см. *Припевать*). «Ну, наряжины есь наряжины, с б*а*лалайкым-ка, раньши б*ы*лалайки были, гармошка» [МЗИ(1932), с. Коржевка; ЧМП Ф2002-4]. «Ну всяки песни, всякие старинные песни, частушки. И матом поют и всячески поют, уж известно — свадьба.

Тёща про зятя пирог испекла.
Тёща про зятя пирог испекла.
Встал ей пирог во двенаццать рублёв.
Сахару, муки на читири рубля.
Встал ей пирог во двенаццать рублев.
Зятюшка пришёл да один его съел.
Думала, гадала семерым его не съесть.
Зятюшка пришел да один его съел.
Разорви, разорви тёщу мою
Тёщу мою да со свояченною
Ты приди-ка старая б…дь на масленицу
Я тебя приупотчеваю
Мой кнут, на заказ его вьют
Да еще дубинушку дубовую.
[ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001].

Вот так пели. [Частушки пели]

Вон оттоле двое и́дут,
Это, наверно, твой да мой
У мово штаны спустились,
Твой поддерживат рукой.

Я тепере научилась
Самогоночку варить.
Восемь литров из полпуда,
Вся до капельки горит»

«Прикрасный казак ой,
Прикрасный казак.
И казаченька блидавал,
В маву гориньку въехал
Раздявацца стал,
Раздявацца стал.

Эт мая жана, ох!
Эт мая жана.
А ды жана, жана, женушка
Да сирибряна
Залаты края.

Ну все. <…> Тут матом. Эт на свадьби была.

Раздивалси биз апаски
Да в адной тониникай рубашки
Паринь девку стал
И паринь девку стал. Ох!
Он и парил ей визде
Ды дастал комлем па манде
Раздалось визде. Эх!
Раздалось визде.
Э ды што я сукин сын наделал,
Я какую бяду зделал
[МПТ, ПАТ, с. Аргаш; ППС Ф2001-59].

Края, краишки —
Манда шири варижки.
Нет ни варик, ни чулок —
Адин голинькый хрянок
Ва штанах висит.
Девки шли, шли, шли,
Мишок дениг нашли,
Начали делить,
Начали делить»

Перед приходом ряженых в доме молодого готовились к их встрече. Главное — спрятать как можно лучше и надежнее новобрачную и/или новобрачного. В Ульяновском Присурье зафиксированы два вида сокрытия. Во-первых, прятали только молодую (с. Барышская Слобода, Аксаур, Сара, Араповка, Чирково, Засарье, Полянки, Ждамирово, д. Кольцовка, Ольховка). Во-вторых, прятали молодую и молодого (пос. Сурское, с. Валгуссы). Если в селах и деревнях существовал только один из видов сокрытия, то в районном

центре (пос. Сурское), где проживают переселенцы из разных сел и районов, возможно свободное варьирование: «Невесту прятали куда-нибудь, иногда вместе с женихом» [КЕН, пос. Сурское; ГЕН ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1996].

Весьма разнообразны были места и способы сокрытия молодой и/или молодого. Прятали в шифоньер (с. Тияпино), в дом соседей (с. Засарье), в чулан (с. Аксаур), в амбар (с. Аксаур), в конюшню (с. Барышская Слобода); где-нибудь на дворе (с. Барышская Слобода, с. Араповка), в баню (д. Шеевщино, с. Барышская Слобода), на печи (д. Кольцовка), на чердаке (с. Сара), «в таны» (в кусты) у соседей (с. Полянки), в погреб (с. Барышская Слобода).

Наиболее распространенным способом сокрытия было ряженье невесты, благодаря чему создавался образ, часто соответствующий и дополняющий театрально-праздничную стихию обряда. Наряжали «в старуху» (с. Полянки), «в мужчину» (с. Араповка). В с. Полянки невесту однажды «одели в брюки, шапку и отправили на гору кататься на салазках» [КАС, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. Ряженье сочеталось с бытовыми действиями, соответствующими образу, заданному костюмом: «Невесту <…> наряжали старухой и заставляли в чулане мыть посуду» [КАН, с. Полянки; ССА ф. 4, оп. 5, 1981], «Парнем нарядют. Она курит — и не узнаешь» [ЛНН, ЛАВ, д. Шеевщино; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1981].

Приход ряженых к дому родителей молодого также сопровождался специфическими песнями и частушками. Так, в с. Цыповка пели:

«— Сударыня-барыня
Что у нас замарено?
— Мужить деготь продавал,
Мазилочкой замарал.
— Барыня, это что?
— А тебе, сударь, на что?»

[ЦАП, с. Валгуссы; АЕС ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001].

Со стороны ряженых следовали обвинения в адрес закрывшихся в доме: «Вы у нас украли ярочку! Баран ее увел!» [ЛНН, ЛАВ, д. Шеевщино; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1981].

Вообще, словесная перепалка сторон составляла очень важную фазу в обряде, при этом часто использовались небольшие клишированные ритмические тексты. «Мы за яркай пришли. Утащили у нас ярку, ана у нас была мечина ни в уха, ни в спину, а в саму сиридину!» [МПТ, ПАТ, с. Аргаш; ППС Ф2001-59]. «У нас есть ярка, у ней бирка, проткнута дырка, мы уже её под своей фамилией» [КМН, с. Чумакино; ММГ ф. 4, оп. 5, 1979].

Часто ряженые, подойдя к дому родителей молодого, не могли войти. Их встречали запертые ворота или другое препятствие. «Родственники жениха с ночи городят горотьбу перед воротами дома, ворота крепко запирают» [МАП, СМК, с. Неплёвка; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. На воротах делали «устрашающие» надписи. «Пришли. На воротах написано: “Здесь ящур” или “Карантин” [ЛНН, ЛАВ, д. Шеевщино; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1981]; «Приходят, видят на воротах плакат: “Вашу ярку съели волки”» [МДМ, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1986].

Перед домом родственники молодого усиленно изображали занятость каким-нибудь повседневным трудом, сердито реагируя на приход ряженых. «Ступу ставили, куделю толкли, у двора мяли, солому цепами молотят. Как будто тут работают» [ММС, с. Цыповка; БСА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981]. Очень часто встречается упоминание о том, что перед домом зажигали огонь. «А у женихова двора костер разожгли, бегают вокруг него, кричат: “Пожар! Тушите, тушите, молодые горят!” С невестиной стороны все тушить бросились — рядом бочка с водой стояла. А сваха сосватила ведро худое, пока она от бочки к костру бежит — половина воды нету. Все смеются, шутят» [СЛП, г. Инза; СНВ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1993]. «Когда идут “ярку”-та искать у жениха двора-та и талчут [=толкут], и жгут салому, што мы работам. У нас никакой свадьбы, никакой нивесты нет» [ПАИ, с. Араповка; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 2000].

Могли устраивать даже «вооруженную» оборону. «Я, Вальвасиных когда поженили, “ярку” искать идут: невеста пропала у жениха, вот ее и ищут. Вот я у Вальвасиных нашел ступу, и тачанка была на колесах, я ступу поставил, взял ружье двуствольное, дробь-то вынул, из двустволки, и поставил в ступу; “ярку” искать идут — я как дуплетом, — ну, дроби там нет, — всякие шутки были, ну, так безобидные» [РВИ, с. Засарье; СЕВ Ф2000-32]; «Один раз я гулял на свадьбе, и вот ярку ищут, я с ружьем стрельнул, а крыша соломенная была, крыша загорелась» [РВИ, с. Засарье; СЕВ Ф2000-32].

Однако главное действие, которое должно было остановить пришедших, разыгрывалось в доме — это игра «в покойника», а соответственно, единственный способ преодоления этой «преграды» — «оживить покойника». «Ряженым подносят самогонки. Они сначала отказываются, говорят: “Самогонкой не откупитесь, старуха-то вон у нас умирает!” — “А мы и ей лекарства дадим”. Разливают старухе самогонку. Она оживает, начинает плясать» [ШНГ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Второй «преградой» была «роженица», которая «рожала» прямо перед гостями. «Один у нас мужчина нарижался. Я чуть-чуть помню. Он нарядился биременная. Брюха иму вот какое сделают. Вот, гаварят, придут биседа, а он лижит на лавки, стонит: “Ой, ой, ой, памагите, памагите!” Куклу какую-нибудь выняит» [ФЕИ, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-14]. «Лягут на скамейку, кто “родить” собирается. Я одной бабе котят натолкала в пазуху. Гости входят и говорят: “Они, проститутки, уже котят родят!”» [ГЛМ, с. Аксаур; ЧМП ФА Ул ГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Преодолев все препятствия, ряженые начинали главное дело — искать «ярку». «Мы пришли ярку искать, где наша на ярка”? — “Ишшите, если найдете, ваша будет ярка”. Ишшут, ишшут, нигде ни найдут. Здесь бегают, ни найдут, здесь бегают, ни найдут. “Они к вам, говорят, ушли”. — “Да у нас их нет”. Туды-сюды, туды-сюды: нет» [КАК, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-12]. «Приходят в дом жениха, спрашивают: “Где наша ярка”? Им отвечают: “Вот что осталось от вашей ярки”. И показывают им шкурки овцы. И говорят: “Волки её съели”. Но ряженые начинают искать “ярку” по дому. Заглядывают везде» [СНН, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001].

Иногда для усиления комического эффекта при поисках «ярки» ее подзывали словами, которыми обычно подзывают в дом овец из возвращающегося стада. «Придут глядеть. Это, ну, искать ярку: “Мань, Мань, Мань”. Она не приходит: “Батюшки, не приходит. Мань, Мань!”» [ЗМП, с. Засарье; ПЮА Ф2000-22].

В некоторых селах в доме прятали подставную невесту, чаще всего комически наряженного в невесту мужчину или старуху. «Сначала находят другую невесту. Ею специально наряжали старуху. А потом только находили настоящую невесту» [СНН, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. «Заходят в дом, начинают везде искать. Сначала могут найти наряженного мужчину — невесту. А потом только найдут настоящую невесту» [МДМ, с. Проломиха; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1986]. В с. Аксаур на требование ряженых отдать их «ярку» «родственники жениха нарядили белу овцу, завязали в полушалок и несут» [ГЛМ, с. Аксаур; ЧМП, ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. Живая овца встречается и в действиях ряженых со стороны невесты в других селах. «Пастух вёл с собой живую овечку. Когда подходили к воротам, то просил отдать ему “ярочку”. Родня жениха отвечала, что “ярки” у них нет. Тогда пастух пускал в избу овцу и приговаривал: “Пусть наша ярочка найдёт свою товарочку”» [ФАП, с. М. Шуватово; ССА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979]. В с. Мамырово «пастух брал с собой хлыст и гнал к дому трех-четырех живых овец» [ЗЕС, с. Мамырово; ССА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1979].

Для создания комического эффекта могла использоваться и живая лошадь, которую вводили в избу, как это в с. Валгуссы сделала одна женщина на свадьбу — «села на лошадь и въехала в избу» [ФЕИ, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-14]. В с. Чамзинка было принято заводить в дом жениха всю домашнюю скотину. «А на втарой день как придут уже ат нивести к жэниху и вот сколька скатины есть у жэниха на дваре и всё иё переводят в избу вот эти наряжены. Мы аднажды гуляли в Канаплянки на свадьби, мы у них даже завили гадавалава быка в избу. Паймали быка и завили. А хазява-та прячут, всю скатину прячут, всю запирают, штоб не уводили» [РМИ, с. Чамзинка; СЕВ Ф2003-56]. На вопрос собирателя, зачем это делали, информант сделал предположение, что это было сделано для того, чтобы «у них вилась скатина, штоб всяка скатина вилась. Мы и козу приводили, мы и авец привадили, мы и кур-та лавили» [РМИ, с. Чамзинка; СЕВ Ф4-2003-56].

Поиски, как правило, завершались успешно — «ярку» в конце концов находили. «“Мы патиряли малодку. К вам ни зашла ярка чужая?” Ну, там ани итвичают: “Нет, нет, у нас нет ярки”! Ну *в*от, а пайдут искать пы саседам. <...> Нашли. Ну: “Вот, вот ана где, вот ана где!”» [МЗИ(1932), с. Коржевка; ЧМП Ф2002-4].

Но если поиски слишком затягивались, кто-то из родственников жениха тихонько подсказывал ряженым, где спрятаны молодые. «Ей кто-та падсказал, ана мильцианерам нарижалась эта, малодинька-та. И вот мне, гаврит, падсказали ишше-ти, ана гав*а*рит, в шифанере пыдсказали там, кто-та. Ну, вот нашли, её, вот вывили» [РТА, с. Тияпино; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 2001]. Найденных молодых вели в дом, превращая и это действие

в мини-сценку. «“Маня, Маня...” — ведут, когда найдут. Ведут, за стол сажают» [УАФ, ЯЛН, д. Шеевщино; БСА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Театрализация определяет и все последующие действия. Сначала найденную «ярку» осматривают, находят «изъян», возникший за ночь, и начинают ее лечить. «Мордовка жалуется, что ярка (это когда найдут), стала бледная, хилая, плохая. Медсестра лечит ярку. Достают шприц, собираясь лечить уколами. Мордовка причитает: “Да где ты, ярка, ночьку ночевала, да что така плоха стала...” Готовят бутылку с молоком, надевают соску “ярку кормить”» [СНП, СРС, с. Чирково; БСА ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 5, 1980]. Затем в действие вступает «милиционер», его задача — составить протокол, зафиксировать «преступление», совершенное женихом. И только после «взятки» спиртным, которое дают родные жениха, наступает примирение сторон. «Молодые прячутся. Потом наряженные находят. Ведут в дом жениха. Окружают и пишут акт — за порчу “ярочки” дать 16 бутылок водки. Сваты несут. Сваты несут и рюмку с красным вином, наливают жениху. Тот пьет и потом рюмку об пол разбивает» [ПВФ, с. Сара; КЕА ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 5, 1981].

Что касается Протокола (Акта), то он представляет собой смеховую пародию на документы, составляемые милицией по поводу краж и других бытовых преступлений. Зачитывается он по завершении поисков ярки, когда все участники с обеих сторон садятся за столы, а ряженый милиционером зачитывает его под дружный смех собравшихся. Ниже приводится шаблон такого протокола, записанный в с. Валгуссы.

Акт

от......(такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года 2-го дня свадьбы)

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе .... (перечислить родственников с той и другой стороны человек по 5–6) составили настоящий акт в том, что .... (число, месяц, год 1-го дня свадьбы), ... (фамилия невесты) ярка не пришла из стада домой. В результате расследования обнаружилось, что .... (фамилия жениха) баран увел ....(фамилия невесты) ярку к себе во двор. Соседи .... (фамилия невесты) показали, что в ночь на .... (число, месяц, год брачной ночи) у .... (фамилия жениха) на дворе было неспокойно. Были слышны шум, стоны, стук копыт. Утром .... (такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года 2-го дня свадьбы) комиссия обнаружила, что у .... (фамилия невесты) ярки копытца стерты, шерсть всклокочена. Ветврач .... (фамилия) определил в результате обследования, что ....(фамилия жениха) своим большим рогом нанес .... (фамилия невесты) ярке большую кровоточащую рану.

Комиссия постановила, что .... (фамилия жениха) баран должен .... (фамилия невесты) ярке замазывать рану пожизненно.

Члены комиссии (перечислить).

И только после этого все гости идут в дом к родителям молодой, где продолжается свадьба.

М.Г. Матлин

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

ААА — Агапова Анна Андреевна, 1918 г.р., род. в с. Сыреть, прож. в пос. Сурское
ААА — Андреев Александр Алексеевич, 1937 г.р., род. и прож. с. Сухой Карсун
ААД — Арсина Анна Дмитриевна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ААИ — Азова Анастасия Ивановна, 1935 г.р., род. и прож. в с. Палатово
ААМ — Андрианова Анна Михайловна, 1900 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ААМ — Антонова Анна Михайловна, 1930 г.р., род. в с. Сыреси, прож. в с. Астрадамовка
ААМ — Антонова Антонина Михайловна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Сара
ААМ — Афанасьева Александра Михайловна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
ААМ(1923) — Антонова Антонина Михайловна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Сара
ААМ(1926) — Агафонова Александра Михайловна 1926 г.р., род. и прож. в с. Сара
ААП — Алякина Александра Павловна, 1933 г.р., род. и прож. в с. Паркино
ААП — Антонова Антонина Петровна, 1940 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
ААС — Александрова Александра Степановна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
ААФ — Агапова Анна Федоровна, 1931 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ААФ — Агафонова Анна Федоровна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Шеевщино
АВ — АВ, 1935 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
АВД — Анохина Вера Дмитриевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Ростислаевка
АВИ — Алексюк Варвара Ивановна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Барашево
АВИ(1930) — Андрианов Виктор Иванович, 1930 г.р., род. и прож. в с. Потьма
АВИ(1940) — Андрианова Валентина Ивановна, 1940 г.р., род. и прож. в с. Потьма
АВМ — Анисимова Вера Михайловна, 1944 г.р., род. и прож. в с. Дубенки (Респ. Мордовия)
АВЯ — Аськова Варвара Яковлевна, 1916 г.р., род. и прож. в с. Аксаур
АЕГ — Анохина Елена Григорьевна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
АЕЕ — Афонькина Евдокия Егорьевна, 1910 г.р., род. и прож. в с. Палатово
АЕИ — Антонова Е.И., 1908 г.р., род. и прож. в с. Чирково
АЕП — Алешина Екатерина Павловна, 1920 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
АЕП — Афанасьева Екатерина Петровна, 1925 г.р. род. и прож. в с. Княжуха
АЕФ — Абрамова Елена Федоровна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Палатово
АЗП — Анофриева Зинаида Павловна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
АИН — Антропов Илья Никифорович, 1918 г.р., род. в с. Юрловка Базарно-Сызганского р-на, прож в г. Инза
АКМ — Анисимова Ксения Михайловна, 1894 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
АЛ — Авраменко Люба, 1970 г.р., род. и прож. в с. Аргаш
АЛН — Афонина Лидия Николаевна, 1939 г.р., род. и прож. в с. Большой Кувай
АМА — Алёхин Михаил Александрович, 1925 г.р., род. и прож. в с. Сара.
АМА — Алмазова Мария Алексеевна, 1918 г.р. род. и прож. в с. Проломиха
АМА — Альфутин Михаил Александрович, 1925 г.р., род. и прож. в с. Сара
АМГ — Афонькина Мария Григорьевна, 1902 г.р., род. и прож. в с. Палатово
АМИ — Абаимов Михаил Иванович, 1940 г.р., род. и прож. в с. Большой Кувай
АМИ — Анашкина Мария Ивановна, 1930 г.р., род. в с. Кадышево, прож. в пос. Карсун
АМИ — Андреева Мария Ивановна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
АМК — Агапов Михаил Константинович, 1932 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
АМП — Афанасьева Мария Павловна, 1918 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
АМФ — Акимова Мария Федоровна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун

АНА — Анашкин Петр Алексеевич, 1930 г.р., род. в с. Кадышево, прож. в пос. Карсун
АНВ — Агафонова Нина Васильевна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Шеевщино
АНК — Алушкина Нина Кузьминична, 1916 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
АНМ — Афанасьева Нина Михайловна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Шеевщино
АПА — Абашина Прасковья Александровна, 1909 г.р., род. и прож. в с. Кеньша
АПА — Анашкин Петр Алексеевич, 1930 г.р., род. в с. Кадышево, прож. в с. Карсун
АРИ — Аникина Раиса Ильинична, 1938 г.р., род. и прож. в с. Чеботаевка
АРМ — Амёхина Раиса Михайловна, 1935 г.р., род. в пос. Ягодное, прож. в с. Первомайское
АСА — Алексеева Софья Александровна, 1928 г.р., род. в д. Акуловка
АФМ — Артёмова Фаина Михайловна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать

БАА — Бартукова Анна Алексеевна, 1908 г.р., род. и прож. в с. Палатово
БАВ — Блохинцева Анна Васильевна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
БАГ — Барсукова Анна Григорьевна, 1927 г.р., род. в д. Жемковка, прож. в с. Потьма
БАЕ — Бармина Анна Ефимовна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Русские Горенки
БАИ — Беспомошнова Антонина Ивановна, 1926 г.р., род. в с. Малый Барышок, прож. в с. Лава
БАИ — Борисова Анастасия Ивановна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
БАМ — Брыкина Антонина Матвеевна, 1937 г.р., род. и прож. в с. Сара
БАП — Баннова Анастасия Прокофьевна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Пятино
БАП — Бударина Анна Петровна, 1906 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
БАС — Банников Андрей Селиверстович, 1923 г.р., род. и прож. в с. Пятино
БАФ — Быкова Анастасия Федоровна, 1903 г.р., род. и прож. в с. Палатово
БАФ — Борисова Анна Фроловна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
БВА — Балукова Вера Андреевна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
БВВ — Бородина Валентина Васильевна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
БВВ — Бородина Валентина Васильевна, 1921 г.р., род. и прож. в с. Потьма
БВВ — Бурыкина Валентина Васильевна, 1943 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
БВЕ — Большакова Валентина Ефимовна, 1931 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
БВИ — Бородина Валентина Ивановна, 1941 г.р., род. и прож. в с. Потьма
БВИ — Бутусов Виктор Иванович, 1931 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
БВС — Бахмутский Вячеслав Степанович, 1954 г.р., род. и прож. в с. Астрадамовка
БЕА — Бокунова Елизавета Александровна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Полянки
БЕА — Бурыкина Екатерина Андреевна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
БЕИ — Буртасова Елизавета Ивановна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
БЕК — Белова Елизавета Кузьминична, 1907 г.р., род. и прож. в с. Чирково
БЕС — Байкова Евдокия Сергеевна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Палатово
БЕФ — Байшева Екатерина Федоровна, 1900 г.р., род. и прож. в д. Ольховка
БЗИ — Блохинцева Зоя Ивановна, 1936 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
БИА — Бычкова Ирина Алексеевна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
БИП — Багров Иван Петрович, 1930 г.р., род. в с. Малый Барышок, прож. в с. Большая Кандарать
БКА — Батракова Клавдия Андреевна, 1931 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
БКП — Борисова Клавдия Петровна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
БКФ — Боуфалик Клавдия Федоровна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
БМВ — Балакина Марья Васильевна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Сара
БМВ — Бекова Мария Васильевна, 1928 г.р., род. и прож. в д. Кольцовка
БМВ — Бубнова Мария Васильевна 1915 г.р., род. и прож. в с. Новосурск
БМВ — Бушова Мария Васильевна, 1924 г.р., род. в с. Елховка, прож. в пос. Сурское
БМФ — Брюзгина Мария Федоровна, 1917 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
БНА — Бочкарёва Нина Алексеевна, 1933 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово (д. Кольцовка)
БНВ — Блохинцев Николай Владимирович, 1924 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово

БНП — Бочкарев Николай Петрович, 1923 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
БПА — Барышина Пелагея Александровна, 1914 г.р., род. и прож. в д. Ростиславка
БПЕ — Багрянская Прасковья Егоровна, 1939 г.р., род. и прож. в с. Палатово
БРА — Белякова Раиса Алексеевна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Кирзять
БРН — Брыкина Раиса Николаевна, 1921 г.р., род и прож. в с. Сара
БСФ — Бушева Серафима Федоровна, 1938 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
БТИ — Борисова Таисия Ивановна, 1941 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
БЮМ — Благов Юрий Михайлович, 1931 г.р., род. в с. Малый Кувай, прож. в с. Большой Кувай

ВАА — Ванина Аксинья Алексеевна, 1910 г.р., род. в с. Кеньша, прож. в с. Большое Борисово
ВАА — Васина Антонина Алексеевна, 1923 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
ВАИ — Волкова Анна Ивановна, 1932 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
ВАК — Вещунова Анастасия Кузьминична, 1935 г.р., род. и прож. в с. Пятино,
ВАМ — Ванина Ангелина Михайловна, 1941 г.р. род. в д. Котяково, прож. в с. Русские Горенки
ВАН — Волкова Анастасия Николаевна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
ВАП — Волынова Антонина Петровна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ВАП — Восенёв Александр Петрович, 1941 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ВВН — Восенёва Вера Николаевна, 1916 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ВВН — Высоцкая Валентина Николаевна, 1949 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ВГП — Власов Григорий Петрович, 1912 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ВДС — Володин Дмитрий Степанович, 1934 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ВЕВ — Власова Евдокия Васильевна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Аркаево
ВЕМ — Власова Евгения Максимовна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Засарье
ВЕН — Воронкова Евгения Николаевна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ВЕП — Ванюнькина Евдокия Панкратьевна, 1917 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
ВЗС — Воротникова Зинаида Степановна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
ВКД — Великанов Константин Дмитриевич, 1948 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ВКП — Волкова Клавдия Павловна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Белый Ключ
ВЛН — Васина Лидия Николаевна, 1954 г.р., род. и прож. в д. Засарье
ВМИ — Васильева Мария Ивановна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Беловодье, мордовка
ВМП — Волков Михаил Петрович, 1925 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ВНГ — Волгин Николай Григорьевич, 1937 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ВНИ — Волкова Нина Ивановна, 1933 г.р., род. и прож. в г. Инза
ВНК — Вещунова Нина Кузьминична, 1941 г.р., род. и прож. в с. Пятино
ВОБ — Васина Ольга Борисовна , 1962 г.р., род. в г. Ульяновск, прож. в с. Сара
ВОИ(1927) — Волкова Олимпиада Ивановна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ВОИ(1928) — Волынов Олег Иванович, 1928 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ВП — Волков Павел, 1980 г.р., род. и прож. в с. Белый Ключ
ВПВ — Власов Петр Васильевич, 1921 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ВПМ — Весёлкина Праковья Михайловна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Сара
ВРМ — Власова Раиса Степановна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Засарье
ВС — Воронина Светлана, 1969 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ВСМ — Володина Софья Михайловна, 1936 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ВТС — Вахлаева Татьяна Сергеевна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ВФЯ — Вождаева Федосья Яковлевна, 1913 г.р., род. и прож. в с. Аксаур

ГАА — Голоушкина Антонина Александровна, 1936 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ГАБ — Громилина Антонина Борисовна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
ГАВ — Гордеев Андрей Васильевич, 1919 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
ГАД — Гордеева Авдотья Дмитриевна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Чумакино

ГАИ — Глухова Александра Ивановна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ГАК — Гуськова Анисья Кузьминична, 1914 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
ГАМ — Губчёнкова Александра Макарьевна, 1917 г.р., род. и прож. в с. Новосурск
ГАН — Грошева Анастасия Николаевна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Шеевщино
ГАН — Губин А.Н., 1924 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ГАП — Громилина Альбина Петровна, 1936 г.р., род. в с. Белый Ключ, прож. в пос. Сурское
ГАС — Горчакова Антонина Сергеевна, 1933 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
ГАФ — Гаврилова Анастасия Федоровна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ГАФ — Гроздов Александр Федорович, 1936 г.р., род. в с. Ждамирово
ГАФ — Гроздова Анна Федоровна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ГВИ — Гаврилкина Валентина Ивановна, 1952 г.р., род. в с. Малый Барышок, прож. в с. Большая Кандарать
ГВИ — Гужова Вера Ивановна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода.
ГВН — Гроздова Вера Николаевна, 1934 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ГДИ — Горшков Дмитрий Иванович, род. и прож. в с. Валгуссы
ГДЯ — Городнова Дарья Яковлевна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
ГЕВ — Гончарова Евгения Валентиновна, 1933 г.р., род. и прож. в с. Сара
ГЕВ — Громкова Елизавета Васильевна, 1918 г.р., род. и прж. в с. Палатово
ГЕД — Гордеева Евдокия Дмитриевна, 1915 г.р., род. в с. Чумакино, прож. в г. Тольятти
ГЕИ — Горшкова Екатерина Ивановна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ГЕН — Губина Елизавета Николаевна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ГЕП — Губина Елизавета Петровна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ГЕФ — Горшкова Екатерина Филипповна, 1920 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ГЗС — Гусева Зинаида Степановна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ГИФ — Гроздов Иван Федорович, 1936 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ГКМ — Гришина Клавдия Михайловна, 1951 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ГЛМ — Гнедова Лидия Михайловна, 1913 г.р., род. и прож. в с. Аксаур
ГМГ — Гордеева Матрена Григорьевна, 1917 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
ГМИ — Гласистова Мария Ивановна, 1940 г.р., род. в с. Кадышево, прож. в пос. Сурское
ГМН — Герасимова Мария Николаевна, 1930 г.р., род. в с. Козловка, прож. в с. Аркаево
ГМН — Глазистова Мария Николаевна, 1927 г., род. и прож. в с. Кадышево
ГМС — Гулина Мария Севастьяновна, 1909 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
ГМФ — Грачева Мария Федоровна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
ГНГ — Губин Николай Григорьевич, 1929 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ГНМ — Генералова Наталья Михайловна, 1909 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
ГНС — Горшкова Надежда Степановна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ГНФ — Гусева Нина Федоровна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
ГПП — Губочкина Пелагея Павловна, 1903 г.р., род. в с. Комаровка, прож. в с. Барышская Слобода
ГПС — Галактионов Петр Степанович, 1920 г.р., род. в с. Коржевка, прож. в г. Инза
ГПЯ — Горшкова П.Я., 1929 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ГТГ — Грачева Татьяна Григорьевна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
ГФФ — Гибалова Фаина Федоровна, 1934 г.р., род. и прож. в с. Большой Кувай

ДАА — Додонова Анастасия Алексеевна, 1901 г.р., род. и прож. в с. Колюпановка
ДАМ — Дубровина Анастасия Михайловна, 1917 г.р. род. и прож. в с. Ждамирово
ДВС — Дуракина Вера Семеновна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ДЕА — Додонова Евдокия Александровна, 1907 г.р., род. и прож. в д. Ащерино
ДЕА — Дмитриева Елизавета Абрамовна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
ДЕИ — Додонова Елизавета Ивановна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
ДЕП — Давыдова Евдокия Петровна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ДЕП — Дмитриева Евдокия Петровна, 1917 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
ДЕП — Добычин Евгений Петрович, 1919 г.р., род. и прож. в с. Новосурск

ДЕФ — Денисова Ефросинья Федосеевна, 1922 г.р., род. в с. Городищи, прож. в г. Инза
ДЗП — Добычина Зинаида Петровна, 1930 г.р., род. в с. Карсун, прож. в с. Новосурск
ДИП — Добычин Иван Павлович, 1915 г.р., род. и прож. в с. Новосурск
ДКВ — Дерябина Клавдия Васильевна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
ДКП — Добычин Константин Павлович, 1924 род. и прож. в с. Новосурск
ДЛМ — Дудорова Лидия Матвеевна, 1935 г.р., род. и прож. в с. Сара.
ДЛС — Дурасова Людмила Семеновна, 1934 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ДМН — Дмитриева Мария Николаевна, 1938 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
ДНВ — Данилина Валентина Николаевна, 1935 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ДПС — Дрянцева Пелагея Семеновна, 1898 г.р., род. и прож. в с. Аристовка
ДСЗ — Данилова Светлана Захаровна, 1948 г.р., род. в г. Сызрань, прож. в с. Астрадамовка
ДТП — Дворецкова Татьяна Петровна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ДФИ — Данилина Фаина Ивановна, 1931 г.р., род. и прож. в с. Лебедёвка

ЕА — Егоров Алексей, 1971 г.р., прож. в с. Ждамирово, священник
ЕАА — Ершкова Анна Алексеевна, 1929 г.р., род. и прож в д. Кадышево
ЕАН — Елизарова Анастасия Николаевна, 1933 г. р., род. и прож. в с. Потьма
ЕАМ — Ерохина Антонина Михайловна, 1916 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
ЕАФ — Епифанова Анастасия Федоровна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ЕАЯ — Егорова Александра Яковлевна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
ЕАЯ — Еремина Анна Яковлевна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ЕВН — Елфимчев Владимир Николаевич, 1935 г.р., род. и прож. в с. Большой Кувай
ЕЕА — Ермишина Екатерина Андреевна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Ростиславка
ЕЕВ — Ершова Екатерина Владимировна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ЕЕД — Елисеева Евгения Дмитриевна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Новосурск
ЕЕП — Ерастова Елизавета Петровна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
ЕЕЯ — Ефимова Екатерина Яковлевна, 1902 г.р., род. и прож. в д. Кольцовка
ЕИН — Елдаков Иван Николаевич, 1927 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ЕИП — Ершов Иван Павлович, 1925 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово, прож. в г. Инза
ЕКВ — Ершова Екатерина Владимировна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ЕЛА — Евгеньева Лидия Антоновна, 1933 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ЕЛС — Елдакова Любовь Семеновна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ЕМА — Егоров Михаил Александрович, 1923 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
ЕМФ — Епифанова Мария Федоровна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ЕНИ — Елистратова Нина Ильинична, 1941 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ЕНИ — Ефремова Нонна Ильинична, 1938 г.р., род. и прож. в с. Чеботаевка
ЕНФ — Ершова Нина Филипповна, 1935 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
ЕПА — Ечункова Пелагея Антоньевна, 1898 г.р., род. и прож. в с. Елховка
ЕРИ — Ерохина Раиса Ивановна, 1926 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
ЕРС — Ерина Раиса Степановна, 1904 г.р., род. в с. Араповка, прож. в с. Княжухе
ЕСВ — Ендова Серафима Васильевна, 1935 г.р., род. в с. Малый Кувай, прож. в с. Астрадамовка
ЕТП — Ерастова Татьяна Петровна, 1917 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
ЕЮВ — Елудина Юлия Васильевна, 1938 г.р., род. и прож. с. Никитино

ЖАП — Жуплатова Анна Петровна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Сурское
ЖВА — Житов Вениамин Алексеевич, 1925 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
ЖВМ — Жирнова Валентина Макаровна, 1941 г.р., род. в с. Сыреси, прож. в пос. Сурское
ЖЕП — Жаринова Елена Петровна, 1936 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ЖЕП — Жинкина Екатерина Петровна, 1921 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ЖЕС — Жидкова Екатерина Семеновна, 1914 г.р., род и прож. в с. Барышская Слобода
ЖЕС — Житкова Екатерина Степановна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
ЖЕЯ — Железнова Евдокия Яковлевна, 1905 г.р., род. и прож. в с. Княжуха

ЖЗТ — Желудкова Зинаида Тимофеевна, 1917 г.р., род. и прож. в с. Араповка
ЖИМ — Желтов Иван Михайлович, 1918 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ЖЛЯ — Желудова Лидия Яковлевна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Араповка
ЖМП — Жилкина Мария Петровна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ЖМС — Желтова Мария Сергеевна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Кадышево

ЗАА — Заплаткина Анна Андреевна, 1931 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ЗАА — Захарова Анна Абрамовна, род. и прож. в с. Чумакино
ЗАВ — Заева Александра Васильевна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Новосурск
ЗАЕ — Заева Анна Егоровна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Новосурск
ЗАИ — Заварыкина Анастасия Ивановна, 1922 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ЗАИ — Зайцева Анастасия Ионовна, 1912 г.р., род. в с. Первомайское, прож. в г. Инза
ЗАС — Зуйкова Антонина Семеновна, 1946 г.р., род. и прож. в д. Кольцовка
ЗАТ — Завертяева Анна Трофимовна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Русские Горенки
ЗАЯ — Завертяева Анастасия Яковлевна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Русские Горенки
ЗЕВ — Запольнова Елизавета Васильевна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ЗЕМ — Заварыкина Евдокия Максимовна, 1918 г.р. род. в с. Шуватово, прож. в с. Тияпино
ЗЕМ — Заводскова Елена Михайловна, 1936 г.р., род. в дер. Починовка Смоленской обл., прож. в с. Сара с 1958 г.
ЗЕН — Завьялова Евдокия Николаевна, 1913 г.р., род. в с. Сосновка
ЗЕС — Засыпалова Елена Севастьяновна, род. и прож. в с. Мамырово
ЗЗА — Заварыкина Зинаида Александровна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ЗЗЕ — Заварыкина Екатерина Ильинична, 1941 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ЗМВ — Зимкина Мария Васильевна, 1921 г.р., род. и прож. в с. Кирзять
ЗМД — Замошникова Мария Дмитриевна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ЗМД(1923) — Заплаткина Марья Дмитриевна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ЗМД(1929) — Замошникова Мария Дмитриевна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ЗММ — Зимина Мария Михайловна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
ЗМП — Заводскова Мария Петровна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Засарье
ЗМФ — Захарова Мария Федоровна, 1915 г.р. род. и прож. в с. Чумакино
ЗНИ — Заварыкина Нина Ивановна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ЗРН — Захарова Раиса Николаевна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Студенец
ЗТА — Заварыкина Татьяна Акимовна, 1917 г.р., род. и прож. в с. Тияпино

ИАВ — Иванова Анна Васильевна, 1923 г.р., род. и прож. в д. Ащерино
ИАП — Игумнова Анастасия Павловна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ИАС — Исаева Анастасия Степановна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Малая Кандарать
ИИА — Игумнов Иван Андреевич, 1930 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ИИП — Ильин Иван Петрович, 1932 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ИМФ — Иванова Мария Федоровна, 1934 г.р., род. в с. Жемковка, прож. в пос. Сурское
ИРП — Иноземцева Раиса Павловна, 1927 г.р., род. в с. Новоспасское, прож. в г. Ульяновске
ИТН — Игонина Татьяна Никифоровна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун

КАА — Кабанова Анна Андреевна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
КАА — Кирсанова Алёна Авдотьевна, 1908 г.р., род. и прож. в с. Пятино
КАА — Коблов Алексей Александрович, 1920 г.р., род. в с. Акшуат (Барышск.), прож. в с. Неплёвка
КАА — Козлова Анна Абрамовна, 1928 г. р., род. и прож. в с. Чамзинка
КАВ — Кожаева Антонина Васильевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Кирзять
КАВ — Кочеткова Анна Васильевна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
КАВ — Куликова Александра Васильевна, 1913 г.р., род. в с. Ширшовка, прож. в с. Шеевщино
КАВ — Кутузова Александра Васильевна, 1908 г.р., род. и прож. в с. Неплёвка
КАГ — Каткова Александра Гавриловна, 1907 г.р., род. и прож. в с. Кезьмино

КАД — Кудаков Александр Дмитриевич, 1937 г.р., род. и прож. в с. Алейкино
КАД — Куликова Антонина Дмитриевна, 1906 г.р., род. и прож. в д. Шеевщино
КАЕ — Колотилина Анастасия Егоровна, 1911 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
КАЕ — Копылова Анна Егоровна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
КАИ — Керчева А.И., 1924 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
КАИ — Карманова Александра Ивановна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
КАИ — Карманова Александра Ивановна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Ольховка
КАИ — Кляузова Анна Ивановна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
КАИ — Колчин Александр Иванович, 1930 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
КАИ — Кудимова Антонина Ивановна, 1937 г.р., род. в с. Теньковка, прож. в с. Сара
КАИ — Кузина Анисья Ивановна, 1913 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
КАК — Каратаева Анисья Кузьминична, 1917 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
КАМ — Котенкова А.М., 1916 г.р., род. и прож. в с. Чирково
КАН — Кальянова Анна Николаевна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Большой Кувай
КАН — Киреева Анна Николаевна, 1930 г.р., род. в д. Араповка, прож. в с. Сара
КАН — Краснорылова Анастасия Николаевна, 1903 г.р., род. и прож. в с. Полянки
КАН — Крупякова Антонина Николаевна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Шеевщино
КАН — Кузнецова Анастасия Николаевна, 1931 г.р., род. в с. Сухой Карсун (д. Жемковка), прож. в пос. Карсун
КАП — Киреев Анатолий Петрович, 1931 г.р., род. и прож. в с. Сара
КАП — Кощихина Александра Петровна, 1920 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
КАС — Кузина Анна Степановна, 1912 г.р., род. в д. Ермаки
КАС — Куликова Анастасия Сергеевна, 1911 г.р., род. и прож. в с. Полянки
КАТ — Кукунина Анна Трофимовна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Пятино
КАФ — Кузнецов Андрей Федорович, 1924 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
КАФ — Кузнецова Анна Федоровна, 1919 г.р., род. в с. Коноплянка, прож. в с. Проломиха
КАФ — Корелов Александр Федорович, 1916 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
КАЯ — Кузюрина Анна Яковлевна, 1927 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
КВА — Корчагина Вера Алексеевна, 1948 г.р., род. и прож. в с. Кезмино
КВА — Котова Вера Арсеньевна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Языково (Карс.)
КВА — Кочетков Василий Андреевич, 1903 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
КВА — Камакин Владимир Алексеевич, 1930 г.р., род. и прож. в д. Александровка
КВВ — Коняева Валентина Васильевна, 1931 г.р., род. в г. Душанбе, прож. в с. Большое Шуватово
КВД — Каштанова Валентина Дмитриевна, 1944 г.р., род. и прож. в д. Ащерино
КВЕ — Косырева Валентина Ефимовна, 1936 г.р., род. и прож. в с. Аксаур
КВИ — Козлова Валентина Ивановна, 1938 г.р., род. и прож. в с. Потьма
КВИ — Коровкина Вера Ивановна, 1931 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
КВК — Князькина Валентина Константиновна, 1938 г.р., род. в д. Черненово, прож. в пос. Сурское
КВМ — Котова Вера Михайловна 1944 г.р. род. и прож. в д. Дубенки (Мордовия)
КВН — Круглова Валентина Николаевна, 1936 г.р., род. в с. Голышевка, прож в д. Кадышево
КВН — Крупякова Валентина Николаевна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Шеевщино
КВН — Кузнецова Вера Николаевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
КВП — Кудряшова Вера Петровна, 1925 г.р., род. в пос. Сурское, прож. в г. Ульяновск
КВФ — Косова Валентина Федоровна, 1929 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
КГВ — Каретин Григорий Васильевич, 1916 г.р., род. и прож. в с. Большая Борисовка
КГИ — Кулагина Галина Ивановна, 1942 г.р., род. и прож. в с. Сара
КГМ — Киселев Григорий Михайлович, 1910 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
КЕА — Козлова Евдокия Андреевна, 1920 г.р., род. и прож. в с. Потьма
КЕА — Косолапова Елена Александровна, 1978 г.р., род. и прож. в с. Кезмино
КЕВ — Киреева Евгения Васильевна, 1938 г.р., род. и прож. в с. Сара
КЕВ — Князькина Е.В., 1961 г.р., высшее, род. и прож. в пос. Сурское

КЕВ — Кузина Екатерина Васильевна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
КЕВ — Кузьмина Елизавета Венедиктовна, 1929 г.р., род. в с. Налитово, прож. в с. Валгуссы
КЕГ — Кузнецова Елизавета Григорьевна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
КЕИ — Коршунова Екатерина Ивановна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
КЕМ — Косарева Екатерина Михайловна, 1908 г.р., род. и прож. в с. Аксаур
КЕМ — Кукаева Екатерина Михайловна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
КЕН — Каштанова Екатерина Никифоровна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
КЕН — Климова Евдокия Николаевна, 1908 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
КЕФ — Колесов Евгений Федорович, 1955 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
КЕЯ — Калинникова Екатерина Яковлевна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
КЗА — Кондратьева Зинаида Андреевна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
КЗИ — Кирсанова Зоя Ивановна, 1937 г.р., род. и прож. в с. Поселки
КЗИ — Красильникова Зинаида Ивановна, 1940 г.р., род. и прож в с. Ждамирово
КЗМ — Кузина Зинаида Михайловна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
КЗМ — Кочелаева Зинаида Михайловна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
КЗС — Каретина Зинаида Степановна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Большая Борисовка
КИД — Кудаков Иван Дмитриевич, 1934 г.р., род. и прож. в д. Алейкино
КИМ — Кочетков Иван Михайлович, 1921 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
КИЯ — Кадлин Иван Яковлевич, 1925 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ККМ — Киселева К.М., 1916 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ККС — Кельдюшёва Клавдия Семёновна, 1908 г.р., род. и прож. в с. Барашево
ККС — Кузнецова Клавдия Степановна, 1927 г. р., род. и прож. в с. Б. Шуватово
КЛИ — Крестина Лидия Ивановна, 1937 г.р., род. и прож. в с. Утесовка
КМА — Козлова Мария Александровна, 1931 г.р., род. в с. Аркаево, прож. в с. Астрадамовка
КМА — Кудакова Мария Александровна, 1924 г.р., род. и прож. в д. Алейкино
КМА — Кузина Марфа Андреевна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
КМВ — Куликова Мария Васильевна, 1922 г.р., род. и прож. в с. Шеевщино
КМД — Кузнецова Мария Даниловна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
КМИ — Кончева Мария Ивановна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
КММ — Кондрашина Мария Михайловна, 1909 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
КМН — Кострюкова Мария Николаевна, 1901 г.р., род. в с. Чумакино, прож. в с. Коржевка
КМН — Кучкина Мария Николаевна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
КМФ — Киревнина М.Ф., 1930 г.р., род. в д. Покровка, прож. в с. Большой Кувай
КМФ — Кулыгина Мария Федоровна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Полянки
КМЯ — Кадина Мария Яковлевна, 1908 г.р., род. и прож. в с. Аксаур
КНА — Колентьева Надежда Александровна, 1936 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
КНИ — Кондорова Нина Ивановна, 1953 г.р., род. в д. Акуловка, прож. в с. Аркаево
КНИ — Кончева Надежда Ивановна, 1931 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
КНИ — Кудакова Нина Ивановна, 1928 г.р., род и прож. в д. Алейкино
КНИ — Кузина Наталья Ивановна, 1919 г.р., род. в д. Ермаки, прож. в с. Кадышево
КНЛ — Каргина Надежда Лукьяновна, 1937 г.р., род. на Украине, прож. в с. Сара
КНМ — Копытина Настасья Михайловна, 1905 г.р., род. и прож. в с. Аргаш
КНН — Каргина Надежда Николаевна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Кирзять
КНС — Кузьмин Николай Семенович, 1939 г.р., род. в с. Налитово, прож. в с. Валгуссы
КОИ — Кутолина Олимпиада Ивановна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
КОМ — Красильникова Олимпиада Михеевна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
КПА — Кирсанова Прасковья Абрамовна, 1905 г.р., род. в с. Чамзинка, прож. в с. Проломиха
КПВ — Казакова Прасковья Владимировна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
КПИ — Клевачёва Пелагея Ивановна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Котяково
КПП — Казакова Прасковья Петровна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
КПП — Красильникова Прасковья Павловна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
КПС — Кичигина Пелагея Степановна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Потьма
КПТ — Корелова Пелагея Тимофеевна, 1905 г.р., род. и прож. в с. Тияпино

КПТ — Куклева Пелагея Трофимовна, 1919 г.р., род. в с. Кадышево, прож. в с. Кирзять
КРГ — Козлова Раиса Григорьевна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово (Кольцовка)
КРГ — Куманейкина Раиса Григорьевна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
КРС — Колесова Раиса Сергеевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
КРФ — Круглова Раиса Федоровна, 1941 г.р., род. в с. Алтышево, прож. в с. Лебедевка
КСИ — Кузнецов Сергей Иванович, 1929 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
КСП — Кудаков Степан Петрович, 1928 г.р., род. и прож. в д. Алейкино
КТЕ — Калентьева Татьяна Евгеньевна, 1961 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
КТК — Карцева Таисия Константиновна, 1939 г.р., род. и прож. в с. Сара
КТП — Котлова Тамара Петровна, 1922 г.р. род. и прож. в с. Новосурск
КУМ — Каракaзова Устинья Михайловна, 1913 г.р., род. и прож. в с. Пятино
КФИ — Кузнецов Федор Иванович, 1923 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
КЯП — Коновалов Яков Петрович, 1907 г.р., род. и прож. в д. Ольховка

ЛАА — Локтева Анна Александровна, 1922 г.р., род. и прож. в с. Сара
ЛАА — Лушина Анна Андреевна, 1946 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
ЛАА(1926) — Ломина Анна Алексеевна, 1926 г.р., род. и прож. в д. Александровка
ЛАВ — Ланкин Александр Васильевич, 1929 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ЛАВ — Лямаева Анна Владимировна, 1910 г.р., род. и прож. в с. Шеевщино
ЛАГ — Лисинина Анна Григорьевна, 1922 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
ЛАИ — Лазарев Александр Николаевич, 1930 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
ЛАИ — Лизаркина Анастасия Ивановна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
ЛАН — Ларина Алла Николаевна, 1937 г.р., род. в г. Новосибирске, прож. в с. Сухой Карсун
ЛАП — Лизаркина Анастасия Павловна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
ЛАС — Лаврентьева Анна Семеновна, 1922 г.р., род. и прож. в д. Ростислаевка
ЛВИ — Логунова Вера Ивановна, 1931 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ЛВИ — Лисин Владимир Ильич, 1929 г.р. род. в с. Русские Горенки, прож. в с. Котяково
ЛВН — Лазарева Вера Николаевна, 1916 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ЛЕИ — Лунина Елизавета Ивановна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Коноплянка
ЛЕК — Лышкина Евфалия Кузьминична, 1926 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
ЛЕН — Лесина Екатерина Николаевна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ЛЕФ — Ларькова Евдокия Федоровна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
ЛЕЯ — Логунова Екатерина Яковлевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ЛЛА — Лазарева Лидия Анатольевна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
ЛЛВ — Лазарева Лидия Васильевна, 1939 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
ЛЛД — Леванова Лидия Дмитриевна 1926 г.р., род. и прож. в с. Сара
ЛЛФ — Леванова Лидия Федоровна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Сара
ЛМП — Лагунина Мария Петровна, 1936 г.р. род. и прож в д. Кадышево
ЛМП — Леванова Мария Петровна, 1921 г.р., род. и прож. в с. Сара
ЛМС — Лисачёва Мария Степановна, 1936 г.р., род. и прож. в с. Новосурск
ЛМФ — Леонтьев Михаил Фёдорович, 1927 г.р., род. и прож. в с. Полянки.
ЛНА — Лиликина Наталья Архиповна, 1913 г.р., род. и прож в с. Палатово
ЛНВ — Лазарева Надежда Васильевна, 1938 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ЛНВ — Лямина Нина Васильевна, 1937 г.р., род. и прож. в с. Чеботаевка
ЛНИ — Лунина Нила Ивановна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Палатово
ЛНИ — Локалина Нина Ивановна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
ЛНН — Лямаева Пелагея Николаевна, 1918 г.р., род. и прож. в д. Шеевщино
ЛНП — Лаврухина Наталья Петровна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ЛНС — Лагина Нина Степановна, 1937 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
ЛНЯ — Ламзина Наталья Яковлевна, 1916 г.р., род. и прож. в с. Аксаур
ЛНЯ — Лиликина Наталья Архиповна, 1913 г.р., род. и прож. в с. Палатово
ЛОГ — Лукьянова Ольга Григорьевна, 1916 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать

ЛПА — Лукьянова Пелагея Алексеевна, 1913 г.р., род. и прож. в с. Палатово
ЛПА — Лушина Полина Александровна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Аристовка
ЛПН — Лямаева Пелагея Николаевна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Шеевщино
ЛРА — Лунина Раиса Андреевна, 1936 г.р., род. в с. Зеленец Теренгульского р-на, прож. в с. Палатово
ЛСФ — Лунина Серафима Федоровна, 1913 г.р., род. и прож. в с. Палатово
ЛТВ — Лисина Т.В., 1908 г.р., род. и прож. в г. Инза
ЛТИ — Лядова Т.И., 1929 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ЛТН — Лифанова Таисия Николаевна, 1931 г.р., род. и прож. в д. Засарье

М — милиционер, ок. 45 лет, работает в пос. Сурское, записано по дороге из с. Большой Кувай в с. Астрадамовка.
МАА — Мельникова Александра Алексеевна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Пятино
МАВ — Макушева Анастасия Владимировна, 1910 г.р., род. и прож. в с. Студенец
МАВ — Мордовин Андрей Васильевич, 1965 г.р., род. в с. Аргаш, прож. с. Чамзинка, священник
МАГ — Мартынова Анна Григорьевна, 1945 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
МАГ — Миндина Анна Григорьевна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
МАГ — Мурашов Александр Григорьевич, 1935 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
МАИ — Морозова Анна Ивановна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Сара
МАМ — Маколкин Анатолий Максимович, 1931 г.р., род. в Респ. Мордовия, прож. в пос. Сурское
МАМ — Мельникова Анастасия Михайловна, 1915 г.р., род. в с. Пятино, прож. в с. Тияпино
МАМ — Милохин Александр Михайлович, 1936 г.р., род. и прож. в с. Аркаево
МАН — Маринина Александра Николаевна, 1910 г.р., род. в с. Иваньково Алатырского р-на Чувашской Респ., прож. в с. Ждамирово (д. Кольцовка)
МАН — Мельникова Акулина Никитовна, 1909 г.р, род. и прож. в с. Тияпино
МАП — Матвеева Александра Петровна, 1907 г.р., род. и прож. в с. Неплёвка
МАП — Мельникова Анисья Пименовна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
МАП — Мерцалова Анна Петровна, 1939 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
МАП — Мурашова Агафья Павловна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
МАС — Махрова Анна Степановна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Пятино
МАС — Моисов Алексей Сергеевич, 1949 г.р., род. в Респ. Мордовия, прож. в пос. Сурское
МАФ — Макарова Анна Федоровна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
МАФ — Матрехина Анна Федоровна, 1936 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
МАФ — Мехова Антонина Федоровна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Сара
МАФ — Музырина Анна Федоровна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Большое Станичное
МВА — Митин Валентин Александрович, 1930 г.р., род. и прож. в с. Лебедёвка
МВД — Монахов Василий Дмитриевич, 1925 г.р., род. и прож. в с. Котяково
МВМ — Мясникова Валентина Михайловна, 1916 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
МВП — Макарова Варвара Петровна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
МГВ — Морозова Галина Вениаминовна, 1969 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
МДИ — Мельников Дмитрий Ильич, 1926 г.р., род. в д. Васильевка, прож. в с. Пятино
МДМ — Мельникова М.Д., 1978 г.р., род. в с. Проломиха
МЕИ — Масленникова Евстолия Ивановна, 1930 г. р., род. и прож. в с. Потьма
МЕМ — Моисеева Елизавета Михайловна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
МЕН — Марьина Евдокия Никаноровна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
МЕП — Москвичева Елизавета Павловна, 1922 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
МЕС — Москвичова Екатерина Степановна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
МЕЯ — Макурова Екатерина Яковлевна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
МЗА — Мужурова Зоя Александровна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
МЗЕ — Модякова Зинаида Егоровна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
МЗИ(1932) — Мельникова Зоя Ивановна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Коржевка

МЗИ(1933) — Морозова Зинаида Ивановна, 1933 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
МИК — Миронова Ираида Каллистратовна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Русские Горенки
МКМ — Мишина К.М. 1927 г.р., род. и прож. в с. Вязовка
МКН — Михалева Клавдия Николаевна, 1907 г.р., род. и прож. в с. Елховка
ММА — Малышева Мария Алексеевна, 1911 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
ММД — Матвеева Мария Дмитриевна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ММИ — Матюнина Мария Ивановна, 1907 г.р., род. и прож. в с. Кирзять
ММИ — Митяева Мария Ивановна, 1916 г.р., род. и прож. в с. Засарье
ММН — Махрова Матрена Николаевна, 1922 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ММС — Макаров Михаил Степанович, 1909 г.р., род. и прож. в с. Цыповка
ММС — Митина Мария Сергеевна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ММС — Муртеева Мария Степановна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ММФ — Масленникова Мария Федоровна, 1933 г.р., род. в с. Александровка, прож. в с. Никитино
МНБ — Морозова Нина Борисовна, 1941 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
МНИ — Монахова Надежда Ильинична, 1929 г.р., род. и прож. в с. Котяково
МНС — Миронов Николай Сергеевич, 1920 г.р., род. и прож. в с. Русские Горенки
МНЯ — Марух Нина Яковлевна, 1937 г.р., род. в с. Малый Барышок, прож. в с. Лава
МПЕ — Медоньчева Пелагея Ефимовна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
МПИ — Маркачёва Прасковья Ивановна, 1921 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
МПС — Морозова Пелагея Степановна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Сара
МПТ — Макаров Петр Терентьевич, 1923 г.р., род. и прож. в с. Аргаш
МРИ — Маринина Раиса Ивановна, 1934 г.р., род. и прож. в д. Кольцовка
МСИ — Мезенков Семен Иванович, 1926 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
МФФ — Малышина Фаина Федоровна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Потьма

НАА — Носкова Александра Александровна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
НВА — Николавкина Валентина Александровна, 1939 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
НВС — Никифорова Вера Степановна, 1937 г.р., род. в г. Ульяновске, прож. в с. Астрадамовка
НЕИ — Ненашкина Елизавета Ивановна, 1922 г. р., род. и прож. в с. Беловодье, мордовка
НЕИ — Нестерова Евгения Ильинична, 1928 г.р., род. и прож. в с. Новосурск
НЕМ — Навдаева Елена Михайловна, 1921 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
НЕН — Навдаева Екатерина Николаевна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
НЕП — Нечаева Евдокия Прокофьевна, 1920 г.р., род. и прож. в с. Никитино
НЕС — Николаева Екатерина Семеновна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
НИГ — Нестеров Иван Григорьевич, 1930 г.р., род. и прож. в с. Новосурск
НЛВ — Новичкова Л.В., 1925 г.р., род. и прож. в с. Полянки.
НЛМ — Негуляева Лидия Михайловна, 1931 г.р., род. и прож. в г. Ульяновске
НМН — Новикова Мария Николаевна, 1910 г.р., род. и прож. в с. Неплёвка
НМН — Нарышкина Мария Николаевна, 1920 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ННЯ — Нефедова Надежда Яковлевна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
НОА — Николаткина Ольга Александровна, 1938 г.р., род. и прож. в с. Княжуха

ОАП — Овчинникова Анна Павловна, 1922 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
ОЕД — Осипова Екатерина Дмитриевна, 1929 г.р., род. в с. Коржевка, прож. в с. Чумакино
ОЕФ — Онурьева Евдокия Федоровна, 1919 г.р., род. в д. Копышовка, прожив. в с. Сара
ОМН — Отряскина Мария Никифоровна, 1913 г.р., род. и прож. в с. Новосурск
ОМЯ — Онина Мария Яковлевна, 1918 г.р., род. в с. Коржевка, прож. в с. Проломиха
ПА — Полнякова Анна, ок. 90 лет, род. и прож. в с. Вальдиватское
ПАА — Порутчикова Анастасия Алексеевна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ПАА — Потехина Анна Александровна, 1936 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ПАВ — Павлова Антонина Васильевна, 1938 г.р., род. и прож. в с. Сара

ПАВ — Полнякова Анна Васильевна, 1913 г.р., род. и прож. в с. Малая Кандарать
ПАГ — Пясихина Анна Григорьевна, 1922 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
ПАИ — Панова Антонина Ивановна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Сара
ПАИ — Петрухина Анна Ивановна, 1921 г.р., род. и прож. в с. Араповка
ПАН — Петрова Анна Ивановна, 1921 г.р., род. и прож. в с. Араповка.
ПАП — Постнова Александра Петровна, 1922 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ПАТ — Пекарева Анна Тимофеевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Аргаш
ПВВ — Пыров Валентин Васильевич, 1956 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
ПВМ — Панова Вера Михайловна, 1941 г.р., род. в с. Студенец, прож. в пос. Сурское
ПВП — Просина Валентина Петровна, 1934 г.р., род. и прож. в с. Потьма.
ПВФ — Поляков Владимир Федорович, 1928 г.р., род. и прож. в с. Сара
ПГА — Панов Георгий Андреевич, 1914 г.р., род. и прож. в д. Княжуха
ПЕВ — Плешакова Елизавета Васильевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Лава
ПЕГ — Порохова Елена Григорьевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
ПЕИ — Панкова Евгения Ивановна, 1940 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ПЕИ — Патряскина Евдокия Ивановна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ПЕН — Пронькина Елена Николаевна, 1934 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
ПЕР — Панова Евдокия Родионовна, 1916 г.р., род. в с. Большое Шуватово, прож. в г. Инза
ПЕС — Панина Е.С., 1929 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ПЕС — Пестова Елизавета Семеновна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
ПЕФ — Парфенова Екатерина Федоровна, 1906 г.р., род. и прож. в д. Кольцовка
ПЗН — Паутова Зинаида Николаевна, 1941 г.р., род. из с. Вальдиватское
ПИА — Пилюгин Иван Андреевич, 1923 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ПКИ — Петрухина Клавдия Ивановна, 1940 г.р., род. и прож. в с. Араповка
ПЛА — Пронина Людмила Алексеевна, 1910 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ПЛА — Пушистова Людмила Александровна, 1947 г.р., род. и прож. в с. Лава
ПЛБ — Пахомова Любовь Борисовна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ПЛП — Полнякова Лидия Петровна, 1941 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
ПЛП — Поцелова Людмила Петровна, 1941 г.р., род. и прож. в с. Языково (Карс.), врач-анестезиолог, казначей в церкви
ПМД — Парфенова Мария Дмитриевна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ПМД — Повытчикова Марья Дмитриевна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ПМП — Постнова Мария Павловна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ПМТ — Пономарева Мария Тимофеевна, 1930 г.р., род. в д. Малиновка, прож. в с. Валгуссы
ПМЯ — Пронина Мария Яковлевна, 1931 г.р., род. в с. Выползово, прож. в с. Никитино
ПНВ — Полнякова Наталья Владимировна, 1968 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
ПНИ — Покалина Нина Ивановна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
ПНК — Порохов Николай Кузьмич, 1925 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
ПНП — Павельева Нина Петровна, 1931 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
ПНФ — Потехина Нина Федоровна, 1945 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ППА — Потехина Павлина Алексеевна, 1927 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
ППВ — Пахомова Прасковья Васильевна, 1930 г.р., род. в Респ. Мордовия, 50 лет прож. в с. Сухой Карсун
ППО — Потехина Прасковья Осиповна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ПТИ — Пудова Таисия Ивановна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово (Кольцовка)
ПТП — Подкатова Татьяна Петровна, 1926 г.р., род. в с. Голышевка, прож. в с. Кадышево
ПТС — Петрухина Таисия Степановна, 1933 г.р., род. и прож. в с. Сара
ПЮМ — Постнов Юрий Михайлович, 1922 г.р., род. и прож. в с. Потьма

РАВ — Романова Анна Васильевна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
РАВ — Рымбаев Александр Васильевич, 1938 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
РАИ — Ралле Александра Ивановна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
РАИ — Росейкина Анастасия Ивановна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Котяково

РАИ(1928) — Рузанова Анна Ивановна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
РАИ(1939) — Рузанов Александр Иванович, 1939 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
РАО — Родионова Анна Осиповна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Котяково
РАЯ — Рогожина Анна Яковлевна, 1932 г.р., род. и прож. в д. Чамзинка
РВД — Романова Валентина Дмитриевна, 1932 г.р., род. в с. Барышская Слобода, прож. в пос. Сурское
РДС — Рогожина Домна Степановна, 1909 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
РЕВ — Рузанова Евдокия Васильевна, 1922 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
РЕН — Рузанова Евдокия Никифоровна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
РКС — Рымбаева Клавдия Степановна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
РЛП — Рогожина Лидия Петровна, 1920 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
РМИ — Рубцова Мария Ивановна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
РРА — Рябова Роза Андреевна, 1926 г.р., род. в с. Засарье, прож. в пос. Сурское
РРФ — Рузанова Раиса Федоровна, 1935 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
РТА — Рыкина Т.А., 1917 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
РТТ — Родионова Татьяна Тимофеевна, 1918 г., род. и прож. в с. Чумакино

САА — Самелюк Александра Александровна, 1983 г.р., род. в с. Сара, прож. в пос. Сурское
САА — Сапогина Акулина Ананьевна, 1911 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
САА — Седова Александра Андреевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
САА — Степанова Александра Александровна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
САВ — Сазонова Алевтина Васильевна, 1907 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
САВ — Суслина Анна Васильевна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Потьма
САЕ — Савельева Александра Егоровна, 1938 г.р., род. и прож. в с. Новосурск
САЕ — Самочкова Анна Егоровна, 1907 г.р., род. в с. Барышская Слобода
САИ — Сибирцева Александра Ивановна, 1933 г.р. род. в с. Малый Барышок, прож. в с. Лава
САМ — Самсонова Анна Михайловна, 1931 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
САМ — Сорокина Антонина Михайловна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
САМ — Сочнева Александра Михайловна, 1919 г.р., род. в с. Потьма, прож. в с. Малая Кандарать
САН — Старкова Анастасия Николаевна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
САН — Старостина Александра Николаевна, 1931 г.р., род. и прож. в с. Араповка
САП — Сидонова Антонина Петровна, 1935 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
САП — Сидорина Анастасия Петровна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
САП — Сидорова Антонина Петровна, 1936 г.р., род. и прож. в с. Коноплянка
САП — Супонина Александра Петровна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
СВ — Суворова Валентина, 1948 г.р., род. и прож. в с. Утёсовка
СВД — Суслин Вячеслав Демьянович, 1948 г.р., род. и прож. в с. Потьма
СВИ — Суетнова Вера Ивановна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
СВН — Симонова Валентина Николаевна, 1963 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
СВС — Сенов Вениамин Степанович, 1927 г.р., род. с. Александровка, прож. в с. Аркаево
СДВ — Самылина Дарья Васильевна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Потьма
СДФ — Суконина Дарья Фёдоровна, 1907 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
СЕВ — Синицына Евгения Васильевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Сара
СЕВ — Смолина Е.В., 1908 г.р., род. и прож. в с. Чирково
СЕВ(1921) — Суслина Екатерина Васильевна, 1921 г.р., род. и прож. в с. Потьма
СЕВ(1927) — Степанова Елизавета Васильевна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Потьма
СЕД — Свитова Екатерина Дмитриевна, 1926 г.р., род. и прож в д. Кадышево
СЕИ — Самочкова Евгения Ивановна, 1936 г.р., род. в с. Барышская Слобода, прож. в пос. Сурское
СЕМ — Савочкина Екатерина Михайловна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
СЕМ — Соврина Евгения Матвеевна, 1939 г.р., род. и прож. в с. Сара

СЕМ — Старостина Евдокия Михайловна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
СЗА — Селантьева Зинаида Александровна, 1929 г.р., род. в с. Потьма, прож. в с. Вальдиватское
СЗП — Савочкина Зинаида Петровна, 1921 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
СИС — Салманов Иван Степанович, 1906 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
СКИ — Сизова Клавдия Ивановна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Потьма
СЛА — Самашкина Лидия Авдотьевна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
СЛЕ — Симонова Любовь Егоровна, 1966 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
СЛИ — Сизов Леонид Иванович, 1933 г.р., род. и прож. в с. Потьма
СЛП — Сорокина Лидия Петровна, 1931 г.р., род. и прож. в с. Пятино
СЛС — Сазонова Любовь Степановна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Астрадамовка
СЛЯ — Сенова Любовь Яковлевна, 1935 г.р., род. и прож. в с. Аркаево
СМА — Симонова Мария Александровна, 1922 г.р., род. в с. Кошелевка, прож. в с. Вальдиватское
СМА — Сорокина Мария Алексеевна, 1926 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
СМА — Спиркина Марфа Андреевна, 1901 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
СМК — Старостина Мария Константиновна, 1910 г.р., род. и прож. в с. Неплёвка
СММ — Самова́рова Мария Михайловна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Палатово
СМН — Старостина Матрёна Николаевна, 1905 г.р., род. в с. Княжуха, прож. в с. Араповка
СМО — Стенюшкина Мария Осиповна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
СМП — Седов Михаил Павлович, ок. 65 лет, род. и прож. в с. Налитово
СМС — Скворцова М.С., род и прож. в с. Сара
СМФ — Суркова Мария Филипповна, 1907 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
СМЯ — Суслина Мария Яковлевна, 1916 г.р., род. и прож. в с. Потьма
СНА — Савочкина Надежда Александровна, 1948 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
СНА — Смолина Надежда Андреевна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Пятино
СНА — Сыров Николай Андреевич, 1932 г.р., род. и прож. в с. Русские Горенки
СНЕ — Сутягин Николай Егорович, 1927 г.р., род. и прож. в с. Пятино
СНИ — Смолин Николай Иванович, 1929 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
СНИ — Столыпина Надежда Ивановна, 1932 г.р., род. и прож. в д. Александровка
СНН — Скоробогатова Н.Н., 1949 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
СНП — Смолин Н.П., 1928 г.р., род. и прож. в с. Чирково
СНФ — Свитов Николай Федорович, 1924 г.р., род. и прож в с. Кадышево
СОЕ — Сырова Олимпиада Ивановна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Русские Горенки
СОЮ — Стемасова Ольга Юрьевна, 1970 г.р., род. в пос. Сурское, прож. в г. Ульяновск
СПА — Сверчкова Пелагея Александровна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
СПИ — Сутягина Прасковья Ивановна, 1894 г.р., род. и прож. в с. Пятино
СПЛ — Сверчкова Пелагея Лазаревна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
СПН — Ситникова Прасковья Николаевна, 1903 г.р., род. и прож. в д. Кеньша
СПС — Сиушова Пелагея Степановна, 1921 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
СПЯ — Сверчкова Пелагея Александровна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
СРС — Смолина Р.С., 1930 г.р., род. и прож. в с. Чирково
ССВ — Сиднева Серафима Васильевна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ССЕ — Сорокин Сергей Елисеевич, 1934 г.р., род. и прож. в с. Пятино
ССП — Спорошева Софья Петровна, 1909 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ССП — Сыров Степан Петрович, 1919 г.р., род. и прож. в с. Русские Горенки
СТН — Смирнова Татьяна Николаевна, 1948 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
СТС — Сорокин Трофим Семенович, 1931 г.р., род. и прож. в с. Пятино
СФН — Степанов Федор Николаевич, 1926 г.р., род. и прож. в с. Потьма
СФП — Смолярова Ф.П., 1904 г.р., род. и прож. в с. Коржевка

ТАА — Терентьева Антонина Александровна, 1944 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
ТАА — Толокнова Анисья Андреевна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Чумакино

ТАА — Тряпичкин Александр Александрович, 1959 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ТАВ — Толокнова Анна Васильевна, 1915 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
ТАГ — Тряпичкина Анна Григорьевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ТАИ — Тимошина Александра Ивановна, 1940 г.р., род. и прож. в с. Аркаево
ТАП — Тюрина Александра Павловна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Аксаур
ТАС — Трошина Анна Сергеевна, 1920 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
ТАС — Тряпичкина Анастасия Степановна, 1898 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ТАС — Тумаева Агриппина Сергеевна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
ТВВ — Тихонова Валентина Васильевна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ТВМ — Тарабаева Васса Михайловна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
ТГП — Терехин Григорий Павлович, 1914 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ТЕВ — Томилина Евдокия Васильевна, 1909 г.р., род. и прож. в с. Аксаур
ТЕИ — Тарасова Елена Ивановна, 1894 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ТЕМ — Туркина Екатерина Михайловна, 1935 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ТЕС — Трунина Елизавета Сергеевна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
ТИН — Тюрин Иван Никитович, 1930 г.р., род. и прож. в с. Аксаур
ТЛД — Таланова Лидия Дмитриевна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ТЛП — Трошина Лидия Петровна, 1931 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ТМИ — Торчилкина Матрена Ивановна, 1909 г.р., род. в с. Белый Ключ, прож. в пос. Сурское
ТМИ — Трехонина Мария Ивановна, 1906 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
ТМИ — Турчанова Мария Ивановна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
ТПА — Трунина Прасковья Андреевна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
ТПИ — Терентьева Полина Ивановна, 1907 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
ТРГ — Толокина Раиса Григорьевна, 1938 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
ТРГ — Тютькова Раиса Григорьевна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
ТФА — Торчилкина Фаина Андреевна, 1946 г.р., род. и прож. в с. Белый Ключ

УАИ — Усова Анна Ивановна, 1918 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
УАП — Ушакова Августина Петровна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Потьма
УАФ — Улитина Анастасия Федоровна, 1931 г.р., род. и прож. в д. Шеевщино
УАФ — Утлова Анастасия Федоровна, 1938 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
УЗИ — Усачева Зинаида Ивановна, 1937 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
УЗН — Устинова Зинаида Николаевна, 1912 г.р., род. в с. Кезьмино, прож. в пос. Сурское
УИД — Умрик Иван Данилович, 1962 г.р., род. в г. Волгоград, прож. в с. Сара
УЛА — Усова Людмила Александровна, 1944 г.р., род. в пос. Сурское, прож. в с. Белый Ключ
УНВ — Усачева Наталья Васильевна, 1911 г.р., род. и прож. в с. Сара
УНК — Улина Надежда Константиновна, 1934 г.р., род. и прож. в с. Проломиха

ФАА — Фомина Антонина Андреевна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
ФАВ — Федин Анатолий Фёдорович, 1940 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ФАИ — Фошина Александра Ивановна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ФАП — Филина Агафья Павловна, 1898 г.р., род. и прож. в с. Зимницы
ФАП — Фролова Агафья Павловна, 1894 г.р., род. и прож. в с. Малое Шуватово
ФАП — Фролова Александра Петровна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
ФАП — Фокина Антонина Петровна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Беловодье, мордовка
ФАС — Фадеева Анна Сергеевна, 1914 г., род. и прож. в с. Араповка
ФАФ — Федин Анатолий Федорович, 1940 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ФВВ — Федина Вера Васильевна, 1940 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ФЕИ — Федулова Ефросинья Ивановна, 1905 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
ФЕИ — Фадеева Екатерина Ивановна, 1910 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ФЗИ — Фомина Зинаида Ивановна, 1927 г.р., род. и прож. в с. Чумакино

ФКА — Федотова Клавдия Александровна, 1909 г.р., род. и прож. в с. Цыповка
ФЛА — Федяшкина Любовь Андреевна, 1937 г.р., род. и прож. в с. Палатово
ФМА — Филатова Мария Алексеевна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Аргаш
ФМИ — Фадеева Марья Игнатьевна, 1933 г.р., род. и прож. в с. Сара
ФНИ — Федин Николай Иванович, 1922 г.р., род. и прож. в пос. Сурское
ФПП — Фролова Пелагея Павловна, 1905 г.р., род. в с. Кивать, прож. в пос. Сурское
ФТС — Фирсова Таисия Сергеевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ФУА — Федотова Устинья Андреевна, 1924 г.р., род. и прож. в д. Ростиславка

ХАИ — Хлебунов Александр Иванович, 1932 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
ХАЛ — Хуртина А.Л., 1926 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ХВА — Холодов Владимир Александрович, 1929 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
ХЕГ — Холодова Евдокия Григорьевна, 1912 г.р., род. и прож. в Большая Кандарать
ХЕИ — Хлынова Екатерина Ивановна, 1919 г.р., род. в с. Акнеево, прож. в с. Кирзять
ХЕП — Хлынова Елизавета Петровна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Кирзять
ХНИ — Хлебунова Наталья Иосиповна, 1932 г. р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
ХНО — Хлебунова Наталья Осиповна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Большое Шуватово
ХПС — Хорина Пелагея Степановна, 1928 г.р., род. в с. Чамзинка, прож. в с. Проломиха
ХТИ — Хитёва Т.И., 1942 г.р., род. и прож. в с. Сара.
ХФИ — Хахулина Фаина Ивановна, 1938 г.р., род. в с. Большой Кувай, прож. в с. Сухой Карсун
ЦАВ — Цицер Александра Васильевна, 1953 г.р., род. и прож. в с. Большой Кувай
ЦАП — Цыпина Анна Павловна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ЦВП — Циганкова Валентина Прокофьевна , 1940 г.р., род. и прож. в г. Инза
ЦЕА — Цыпина Евдокия Андреевна, 1911 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ЦЕС — Цыганова Елизавета Сергеевна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Проломиха
ЦЕЯ — Царева Екатерина Яковлевна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Пятино
ЦЗФ — Церковнова Зинаида Федоровна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
ЦИА — Цаплин Иван Алексеевич, 1928 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ЦЛИ — Церковнова Лидия Ивановна, 1929 г.р., род. в с. Вальдиватское, прож. в с. Усть-Урень
ЦМА — Цыпина Мария Андреевна, 1904 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы
ЦМП — Цыкина Мария Петровна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
ЦНС — Царева Наталья Сергеевна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Сара
ЦПН — Цветкова Пелагея Николаевна, 1920 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ЧАИ — Черняева Анна Ивановна, 1934 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ЧАП — Чекуряева Анна Петровна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ЧАП — Чирочкина Анна Петровна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Сара
ЧАП(1914) — Чердакова Анна Петровна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ЧАП(1924) — Чердакова Анна Петровна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ЧАП(1926) — Чирычкин Александр Павлович, 1926 г.р., род. и прож. в с. Сара
ЧАП(1929) — Чирычкина Анна Петровна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Сара
ЧАС — Чеканова Анна Сергеевна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Кадышево
ЧВА — Чадина Вера Андреевна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Княжуха
ЧЕФ — Чернухина Екатерина Филипповна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Налитово
ЧЕХ — Чемаева Елизавета Харитоновна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Первомайское
ЧМИ — Чечина Мария Ивановна, 1906 г.р., род. и прож. в с. Палатово
ЧМП — Червякова Мария Павловна, 1900 г.р., род. и прож. в с. Потьма
ЧНВ — Черепова Надежда Васильевна, 1940 г. р., род. и прож. в с. Коржевка
ЧНП — Чапурин Николай Пименович, 1923 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ЧСИ — Черняев Степан Иванович, 1911 г.р., род. и прож. в с. Ждамирово
ЧТИ — Чернухина Татьяна Ивановна, 1929 г.р., род. и прож. в с. Валгуссы.

ЧТП — Чуднова Татьяна Петровна, 1925 г.р., род. в д. Сосновка, прож. в с. Котяково
ЧАА — Чичкина Анна Александровна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Черемушки

ШАГ — Шабаева Анна Гордеевна, 1910 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ШАГ — Шаева Анна Григорьевна, 1936 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ШАГ — Шеянова Александра Григорьевна, 1903 г.р., род. в с. Барышская Слобода, прож. в г. Димитровграде
ШАИ — Шпадырева Анна Ивановна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Пятино
ШАИ — Шаляева Анастасия Ильинична, 1926 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ШАИ — Шорина Александра Ивановна, 1931 г.р., род. и прож. в с. Студенец
ШАМ — Шацкова Анисия Михайловна, 1899 г.р., род. и прож. в с. Вальдиватское
ШАМ — Шубин Александр Михайлович, 1924 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
ШАЯ — Шубина Анна Яковлевна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Чамзинка
ШВИ — Шеянова Валентина Ивановна, 1943 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ШЕП — Шалтаева Екатерина Петровна, 1928 г.р., род. и прож в д. Кадышево
ШЕП — Швецова Елена Петровна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Большая Кандарать
ШЕТ — Шайдурова Евгения Тимофеевна, 1919 г.р., род. и прож. в с. Ольховка
ШЗВ — Шатчинова Зоя Валентиновна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ШЗЕ — Шарова Зинаида Егоровна, 1924 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ШЛГ — Шмелева Лукерья Григорьевна, 1894 г.р., род. в с. Чамзинка, прож. в д. Коноплянка
ШМВ — Шатчинова Мария Валентиновна, 1928 г.р., род. и прож. в с. Тияпино
ШМГ — Шучелова Мария Григорьевна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ШМС — Шилимова Мария Степановна, 1923 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ШНА — Шмакова Надежда Андреевна, 1925 г.р., род. в с. Гулюшево, прож. в с. Полянки
ШНГ — Шмакова Надежда Григорьевна, 1903 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ШНИ — Шабашова Нина Ивановна, 1926 г.р., род. и прож. в с. Сара
ШНИ — Швецова Наталья Ивановна, 1915 г.р., род. в д. Мамырово, прож. в с. Аксаур
ШНН — Ширшаева Нина Николаевна, 1939 г.р., род. и прож. в с. Сухой Карсун
ШНФ — Шивчалова Нина Федоровна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ШОВ — Шеянова Ольга Викторовна, 1958 г.р., род. и прож. в с. Барышская Слобода
ШПФ — Шувалова Пелагея Федоровна, 1914 г.р., род. и прож. в с. Полянки
ШПЯ — Шарохина Полина Яковлевна, 1936 г.р., род. и прож. в с. Ореховка
ШТА — Шишкова Таисия Алексеевна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Сара
ШТМ — Шабаева Татьяна Михайловна, 1934 г.р., род. и прож. в с. Палатово
ШТР — Шарова Татьяна Равильевна, 1968 г.р., род. в Душанбе, прож. в с. Большое Шуватово
ШТС — Шмелева Татьяна Степановна, 1913 г.р., род. и прож. в с. Чумакино
ЩМЛ — Щербакова Мария Лаврентьевна, 1925 г.р., род. и прож. в с. Кадышево

ЯАИ — Яшина Анна Ивановна, 1926 г.р., род. и прож. в д. Александровка
ЯАМ — Яшина А.М., 1907 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ЯЛН — Ямщикова Лидия Николаевна, 1913 г.р., род. и прож. в д. Шеевщино
ЯМП — Яшина Мария Перовна, 1912 г.р., род. и прож. в с. Коржевка
ЯПА — Янина Павлина Алексеевна, 1930 г.р., род. и прож. в с. Гулюшево
ЯТА — Яроцкова Татьяна Андреевна, 1932 г.р., род. и прож. в с. Кадышево

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Инзенский р-н
Аксаур, с.
Аргаш, с.
Бахметьевка, д.
Большое Шуватово, с.
Валгуссы, с.
Вязовка, д.
Городищи, с.
Дракино, с.
Инза, г.
Коноплянка, с.
Коржевка, с.
Малое Шуватово, с.
Мамырово, с.
Налитово, с.
Новосурск, с.
Палатово, с.
Первомайское, с.
Проломиха, с.
Пустынный, пос.
Пятино, с.
Тияпино, с.
Чамзинка, с.
Черёмушки, с.
Челдаево, с.
Чумакино, с.
Шлемасс, с.

Карсунский р-н
Александровка, д.
Беловодье, с.
Большая Кандарать, с.
Вальдиватское, с.
Ермаки, с.
Жемковка, д.
Кадышево, с.
Карсун, пос.
Комаровка, с.
Котяково, с.
Красносурское, с.
Малая Кандарать, с.
Нагаево, с.
Поселки, с.
Потьма, с.
Ростислаевка, д.
Русские Горенки, с.
Сосновка, с.
Стрельниково, с.
Сухой Карсун, с.
Уразовка, с.
Усть-Урень, с.

Сурский р-н
Акуловка, с.
Алейкино, с.
Александровка, с.
Араповка, с.
Аркаево, с.
Архангельское, с.
Астрадамовка, с.
Ащерино, д.
Барашево, с.
Барышская Слобода, с.
Белый Ключ, с.
Болтаевка, с.
Большой Кувай, с.
Выползово, с.
Гулюшево, с.
Елховка, с.
Ждамирово, с.
Засарье, с.
Зимницы, с.
Кезмино, с.
Киватъ, с.
Кирзять, с.
Княжуха, с.
Кольцовка, д.
Колюпановка, д.
Красные Горы, с.
Лава, с.
Лебедёвка, д.
Малый Барышок, с.
Малый Кувай, с.
Неплёвка, д.
Никитино, с.
Ольховка, с.
Паркино, с.
Покровка, д.
Полянки, с.
Помаево, с.
Ружеевщино, с.
Сара, с.
Студенец, с.
Сурское, пос.
Сыреси, с.
Утёсовка, с.
Хмелёвка, с.
Цыповка, с.
Чеботаевка, с.
Чернёново, с.
Чирково, с.
Шеевщино, с
Ширшовка, с.

СОКРАЩЕНИЯ: СОБИРАТЕЛИ И ОРГАНИЗАЦИИ

АЕС — Антонова Е.С.
АНС — Антонова Н.С.
БАА — Баранов А.А.
БЛА — Белоусова Л.А.
БНЕ — Боровкова Н.Е.
БОИ — Бочкарева О.И.
БСА — Борисова С.А.
Г — Глонина
ГЕН — Гусева Е.Н.
ГНА — Голикова Н.А.
ГНИ — Герасимова Н.И.
ГОГ — Гладкова О.Г.
ГЮН — Горшкова Ю.Н.
ЗАЮ — Заикина А.Ю.
ЗАЮ — Зевакина А.Ю.
ИИИ — Иванкина И.И.
ИТА — Идётова Т.А.
КАМ — Карвалейру А.М.
КЕА — Кожаева Е.А.
КЕА — Котаева Е.А.
КПС — Куприянов П.С.
КТ — Коротаева Т.
ЛАП — Липатова А.П.
МИА — Морозов И.А.
ММГ — Матлин М.Г.
ММД — Мельникова М.Д.
НОА — Николаева О.А.
ПИС — Павлов И.С.
ППС — Половов П.С.
ПЮА — Пыркина Ю.А.
РАП — Рассадин А.П.
СЕВ — Сафронов Е.В.
СИС — Слепцова И.С.
СРВ — Сибгатуллина Р.В.
ССА — Симанова С.А.
ССС — Седых С.С.
ТВИ — Туганова В.И.
ТГВ — Терехова Г.В.
ТКЕ — Туркин К.Е
ТОА — Туркина О.А.
ФЛВ — Фадеева Л.В.
ЦАЮ — Цухлов А.Ю.
ЧВГ — Чадина В.Г.
ЧМП — Чередникова М.П.
ШВО — Шиянова В.О.
ЮНВ — Юдина Н.В.
ЯИВ — Явкина И.В.

ИЭА — Институт этнологии и антропологии РАН
СКМ — Сурский краеведческий музей
ФА УлГПУ — Фольклорный архив Ульяновского государственного педагогического университета

Фото П.С. Куприянова, И.С. Кызласовой (Слепцовой), И.А. Морозова хранятся в архиве Института этнологии и антропологии РАН

Фото А.П. Липатовой, М.Г. Матлина, И.С. Павлова, Е.В. Сафронова, К.Е. Туркина, А.Ю. Цухлова, М.П. Чередниковой хранятся в архиве кафедры фольклора филологического факультета Ульяновского государственного педагогического университета

Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья

ТОМ ВТОРОЙ

Этнодиалектный словарь

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Фотографии на обложке:
Вид с. Проломиха. 2005 г. Фото И.С. Кызласовой
Парень и девушка из с. Архангельское. 1933 год.

Карта на форзаце и нахзаце:
Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)954–17–52
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Garamond». Печать офсетная.
43,0 п. л. Тираж 500 экз.